

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

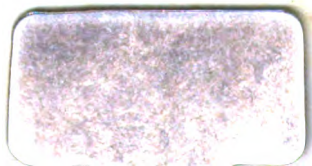
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

~~301 c 2~~

~~PG 519.15.N2 A2 (2)~~
= Pop. Slav. 6217

302733536W

~~30102~~

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗРЪНІЯ СЛАВЯНЪ

НА
ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ
И ВЪРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИФИЧЕСКИМИ СКАЗАВІЯМИ ДРУГИХЪ
РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АФАНАСЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

Издание К. Солдатенкова.

МОСКВА.

—
1868.

Тяпограѳія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

ХV.

ОГОНЬ.

Въ земномъ огнѣ древнѣйшія арійскія племена видѣли стихію, родственную съ небеснымъ пламенемъ грозы: огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, точно также прогоняетъ нечистую силу тьмы и холода и уготовляетъ насущную пищу, какъ и молніи, разбивающія темныя тучи, дарующія землѣ теплые и ясные весенніе дни и урожай; и тотъ, и другія равно наказуютъ пожарами. Такое сходство ихъ существенныхъ признаковъ отразилось и въ языкѣ, и въ мнѣн. Однимъ изъ прозваній бога-громовника въ Ведахъ было Агни—наше огонь (огнь, лит. ugnis, лат. ugnis, лат. ignis)—имя, въ которомъ впоследствии стали видѣть самостоятельное, отдѣльное отъ Индры божество огня. Въ гимнахъ Ригъ-Веды златозубый и златобородый Агни призывается, какъ богъ грозоваго пламени; ему присвоиваются блестящія молніи и громкомычащія черныя коровы (тучи); онъ разитъ и пожираетъ злыхъ демоновъ, въ видѣ златовласой змѣи (молніи) отверзаетъ небо и низводитъ дождевые потоки; по быстротѣ его сравниваютъ съ вихремъ, по блеску — съ сіяніемъ утренней зори ¹⁾). И Индра и Агни одинаково олицетворялись въ образѣ сильного быка и одинаково назывались водо рожденными—сыновьями или внуками воды, т. е. дождеваго облака ²⁾). Въ

¹⁾ Orient und Occid. 1863, II, 233—8.—²⁾ Die Götterwelt, 67, 296.

Эддѣ огонь—существо божественное, братъ воды и вѣтра; отъ великана Форниотра (Fornjótr — der alte iotr- iðunn), т. е. тучи, родилось трое сыновей: Hlér (вода), Logi (Loki—огонь, молнія) и Kagi (вѣтръ, воздухъ). Локи признавался за искуснаго кузнеца и владыку карликовъ — представлениа, нераздѣльныя съ громовникомъ; датская поговорка: «Locke dricker vand» (trinkt wasser) означаетъ не только: огонь сушить воду, но и молнія проливаетъ (пьетъ изъ облака) дождь; ютландское выраженіе о парахъ, поднимающихся отъ земли въ знойный день: «Lokke driver idag med sine geder» (Локи выгоняетъ сегодня своихъ козъ) приписываетъ ему выгонъ на небо лѣтнихъ облаковъ, извѣстныхъ подъ именемъ барашковъ и Торовыхъ козъ ¹⁾.

Славяне называли огонь Сварожичемъ, сыномъ неба-Сварога ²⁾. Объ этомъ божествѣ находимъ такое свидѣтельство у Дитмара, епископа межиборскаго († 1018 г.): «въ землѣ редарей есть городъ по имени Riedegost (Riedegast), треугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ огромнымъ и священнымъ для жителей. Въ двое ворота могли входить всѣ, а третья, что на востокъ, меньшія и никому недоступныя, ведутъ къ морю. Въ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева... Стѣны его извнѣ украшены чудесною рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно-одѣтые въ шлемы и панцири; на каждомъ нарѣзано его имя. Главный изъ нихъ Сварожичъ; всѣ язычники чтутъ его и поклоняются ему болѣе прочихъ боговъ» ³⁾. Тутъ—

¹⁾ D. Myth., 220—2. Русская поговорка: „огонь—царь, вода—царица, воздухъ—господинъ“ (Послов. Даля, 1029).— ²⁾ Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 89, 92; Оп. Румян. Муз., 228.— ³⁾ „Interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis, galeis atque loriceis terribiliter vestiti, quorum primus Zuarasici (имя это встрѣчается и въ письмѣ епископа Вруна къ Генриху II) dicitur, et prae ceteris a cunctis gentilibus honoratur et collitur“.

же хранятся и священныя знамена. По мнѣнію г. Срезневскаго тотъ-же самый храмъ, только позднѣе и можетъ быть — перестроенный, описываютъ Адамъ Бременскій и Гельмольдъ. У перваго читаемъ: «знаменитый городъ редарей, Ретра—столица идолопоклонства; въ немъ воздвигнуть большой храмъ богамъ, изъ которыхъ главный Redigast. Въ городѣ девять воротъ и окруженъ онъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ озеромъ; входить въ него по деревянному мосту, но это дозволяется только тѣмъ, которые желаютъ принести жертву или получить отвѣтъ»¹⁾. Слово Редиго(а)сть, приводимое Дитмаромъ, какъ названіе города, г. Срезневскій считаетъ за прилагательное Редиго(а)щъ²⁾; онъ принимаетъ этотъ Редигостовъ городъ за Ретру, а Редиго(а)ста и Сварожича — за два имени одного божества. Въ глоссахъ Вацерада Radihost приравнивается Меркурію (=Гермесу), въ которомъ чтился молніевосный богъ. Согласно съ этимъ значеніемъ, и Сварожичъ и Редигость представляются распорядителями войнъ; хроники и тому, и другому даютъ священнаго коня, по поступку котораго славяне гадали объ исходѣ своихъ общественныхъ предпріятій³⁾. Имя Радигость до сихъ поръ остается необъясненнымъ; оно, очевидно, — сложное и первую половиною своею стоитъ въ средствѣ съ названіемъ рад-уница (рад-оница, рад-овница) — праздникъ обновляющейся весною природы⁴⁾, издревле получившій значеніе времени, посвященнаго чествованію усопшихъ; ибо съ воскресеніемъ природы отъ зимней

¹⁾ Ч. О. И. и. Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 45—46; Макуш., 83.—²⁾ Сравни: Быдгощъ отъ Быдгость, вѣщъ (вѣщій) отъ вѣсть и др. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 55—57; Рус. Вес. 1856, I, 20—22. Ходаковский (Р. И. Сб., III, 161) указываетъ урочище Радгостя (новг. губ.) и пустошь Редбужу; въ Моравіи есть гора Radgost (Радгощъ)—Рус. Вес. 1857, IV, 75; Рус. прост. пражда., I, 134; Nar. zpiewanku, I, 397.— ⁴⁾ Радунца бываетъ или на Красную Горку или въ слѣдующіе дни Оминой недѣли.

смерти соединялась мысль о пробужденіи умершихъ, объ освобожденіи ихъ изъ мрачныхъ затворовъ ада (см. гл. XXIV). Корень рад означаетъ блестящій, просвѣтленный; сравни лат. *radio* — блистать, сіять, *radius* — лучъ; весна, приводящая свѣтлые дни, называется красною. Слово гость (пол. *gość*, нлѣ. *goost*, чеш. *host*, готск. *gasts*, англос. и др.-нѣм. *gast*, лат. *hostis* — чужестранецъ, непріятель), по мнѣнію Боппа и Миклошича, происходитъ отъ санскр. *ghas—edere* (*hostia* — жертва); а Пикте указываетъ на корень *ghash* — *laedere, interficere*. Въ санскритѣ гость — *gôghna*, буквально: тотъ, который убиваетъ быка или корову, или для котораго убивается это животное. Обычай древнихъ пастушескихъ народовъ требовалъ убивать для гостя жирнаго тельца; греч. *ξένος, ξείνος* — гость отъ *τείνω* — убивать ¹⁾. Отъ понятія о пришельцѣ, посѣтителѣ, слово гость перешло къ обозначенію всякаго чужеродца, иноземца и торговаго человѣка: какъ на Руси первостепенныхъ купцовъ называли въ старину гостями, (гостинный дворъ, гостиница — большая проѣзжая дорога), такъ въ томъ-же смыслѣ употребляются хорутан. *gost*, *gostnik* и чеш. *hosták* ²⁾. Радигость слѣдовательно молніеносный богъ, убійца и пожиратель тучъ (небесныхъ коровъ), и всѣтѣ свѣтозарный гость, являющійся съ возвратомъ весны. Земной огонь, какъ то-же пламя, которое возжигается Перуномъ въ облакахъ, признавался сыномъ Неба, низведеннымъ долу, въ даръ смертнымъ, быстролетною, падающею съ воздушныхъ высотъ молніею, и потому съ нимъ также соединялась идея почетнаго божественнаго гостя, пришельца съ небесъ на землю. Русскіе поселяне доселѣ чествуютъ его именемъ гостя (см. ниже, стр. 10). Всѣтѣ съ этимъ онъ получилъ характеръ бога-оберегателя всякаго иноплеменника

¹⁾ Пикте, II, 45—46. — ²⁾ Мысли объ истор. рус. яз., 138.

(гостя), явившагося въ чужой домъ и отдавашагося подъ защиту мѣстныхъ пенатовъ (т. е. очага), бога-покровителя пріѣхавшихъ изъ дальнихъ странъ купцовъ и вообще торговли (смъ ниже).

Древніе мифы приписываютъ происхожденіе огня—и введенію или похищенію его съ неба. По индѣйскому сказанію, одаренный божественными свойствами Mâtariçvan добылъ огонь изъ облачной пещеры и ссудилъ его одному изъ старѣйшихъ жреческихъ родовъ Bhrgu или первому человѣку Manu, почему ученые видятъ въ немъ другаго Прометея; самому Агни дается прозваніе Mâtariçvan, и это прямо свидѣтельствуешь за ихъ первоначальное тождество. Греческій Прометей, похитившій съ неба огонь, какъ теперь положительно доказано, есть никто иной, какъ самъ громовникъ, возжигатель грозоваго пламени и метатель молніеносныхъ стрѣлъ съ высокаго неба на дольную землю ¹⁾. У нѣмцевъ ему соотвѣтствуетъ Локи, котораго уже Н. Гриммъ съ свойственнымъ ему ученымъ ясновидѣніемъ сближалъ съ Прометеемъ и Гефестомъ; подобно Гефесту, онъ былъ низринутъ съ неба и также представляется хромоногимъ ²⁾; подобно Прометею, прикованному къ скалѣ (=тучѣ) за похищеніе небснаго огня, Локи былъ заключенъ въ цѣпи за свое лукавство (см. т. I, стр. 756). Судорожныя движенія окованныхъ Локи и Прометея равно производятъ землетрясеніе (=громъ ³⁾). О распростра- няющемся пламени пожара нѣмцы выражаются: «es (feuer) los werde, ausbreche, auskomme» — какъ-бы разорвалъ цѣпи ⁴⁾. Древнѣйшій способъ добыванія огня у индѣйцевъ, персовъ, грековъ, германцевъ и литовско-славянскихъ племенъ былъ слѣдующій: брали обрубокъ изъ мягкаго дерева, дѣлали въ

¹⁾ Кувъ, 5—8, 17.— ²⁾ О хромои ногъ, какъ одномъ изъ существенныхъ признаковъ молніеноснаго бога, см. гл. XXII.— ³⁾ D. Myth., 221, 225.— ⁴⁾ Ibid., 569.

номъ отверстіе, и вставляя туда твердый сукъ, обвитый сухими травами, веревкою или паклею, вращали до тѣхъ поръ, пока не появлялось отъ тренія пламя; вмѣсто деревяннаго обрубка, употреблялась и втулка отъ стараго колеса. Такъ какъ гроза, разбивая мрачныя тучи, выводитъ изъ-за нихъ ясное солнце и какъ-бы возвращаетъ ему свѣтъ; то отсюда естественно возникла мысль, что богъ-громовникъ возжигаетъ свѣтильникъ весенняго солнца, потушенный демонами зимы и мрака ¹⁾. Тотъ-же способъ добыванія огня, къ которому привыкъ человекъ въ своемъ быту, видѣлся ему и въ небѣ: въ глубочайшей древности создалось вѣрованіе, что богъ-громовникъ вращаетъ, какъ буравъ, свою молніеносную палицу въ ступицѣ колеса-солнца (I, 207—212) или въ деревѣ-тучѣ, и чрезъ то вызываетъ пламя грозы. Рядомъ съ этимъ, изъ представленія души—горящимъ свѣточемъ (см. гл. XXIV), изъ связи весеннихъ грозъ съ идеею оплодотворенія, и наконецъ изъ того уподобленія, какое проводила фантазія между добываніемъ огня черезъ треніе и актомъ соитія и между дождемъ и плотскимъ сѣменемъ, возникли сказанія, что первый человекъ созданъ и низшелъ въ этотъ міръ въ молніи (см. гл. XIX) и что нитъ-то принесовъ огонь съ неба на землю. Стремительная, «окрыленная» молнія олицетворялась обыкновенно въ образѣ быстролетныхъ птицъ орла и сокола; тотъ-же образъ придавался и богу Агни; отсюда—именъ, что златокрылый соколъ или самъ Агни въ видѣ этой птицы принесъ на землю искру небеснаго пламени ²⁾. Въ одномъ изъ старинныхъ

¹⁾ Объ Ильѣ-громовникѣ одно поученіе на Ильинъ день говоритъ: „нынѣ свѣтозарное солнце небеснаго круга шествія огненныхъ конь свѣтлостію просвѣщается радостію пресвѣтлыя памяти огненоснаго пророка Иліи“ (Щаповъ, 14. 18). Возжигаемое въ тучахъ, солнце представлялось какъ-бы вновь нарождающимся, и потому летты называютъ его дочерью Перкуна — Germ. Mythen, 142—3 — ²⁾ Die Götterwelt, 53, 61—62.

апокрифовъ находимъ любопытный отголосокъ преданія о происхожденіи огня; на вопросъ: «какъ огонь зачася?» здѣсь сказано: архангелъ Михаилъ (замѣна воинственнаго громовника архистратигомъ небесныхъ силъ) возжегъ его отъ зеницы божіей, т. е. отъ всевидящаго ока-солнца (I, стр. 166), и принесъ на землю; точно также огонь, похищенный Прометеемъ, былъ возженъ имъ отъ солнечевой колесницы. Въ Литвѣ въ эпоху язычества истуканъ Перкуна стоялъ подъ дубомъ, а передъ нимъ на жертвенникѣ горѣлъ неугасимый огонь, охраненіе котораго возлагалось на жрецовъ и вейделотокъ ¹⁾. Густынская летопись говоритъ: «ему же (Перкуну), яко богу, жертву приношаху и огонь неугасающій зъ дубоваго древіа непрестанно палаху; аще бы случилось за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснути, таковаго іерея безъ всякаго извѣта и милости убиваху» ²⁾. Хотя неугасимый огонь чтился литовцами, какъ особое божество, подъ именемъ Зница [сравни: зной, зіять или знѣять — блестятъ (сіять), зніять — пылать, пахнуть гарью, зноить ся — дымиться, зноить — отъ сильнаго жара принимать красный цвѣтъ ³⁾]; но что поклоненіе ему принадлежало къ культу громовника — это очевидно изъ самаго возженія священнаго пламени при истуканѣ Перкуна. Въ Литвѣ до сихъ поръ рассказываютъ, что ижегда Перкунъ, виѣстѣ съ богомъ пренеподаей, странствовалъ по землѣ и наблюдалъ за людьми: сохраняютъ ли они священныи огонь? и при этомъ надѣлялъ богиню жатвъ, т. е. Землю, неувадаемой юностью (силою плодородія ⁴⁾. У бѣлоруссовъ (минск. губ.) уцѣлѣло такое преданіе: Жы жъ (отъ жечь, жгу, жарю. жій жа — огонь ⁵⁾) постоянно расхаживаетъ подъ землею ⁶⁾, испуская изъ себя пламя; если онъ хо-

¹⁾ Черты литов. нар., 9.—²⁾ П. С. Р. Д., II, 257.—³⁾ Обл. Сл., 70—71; Доп. обл. сл., 68.—⁴⁾ Рус. Сл. 1860, V, 12.—⁵⁾ Старосв. Банд., 324.—⁶⁾ О молніяхъ, тающихъ въ тучахъ, ижеъ выражаетъ

дуть тихо, то согреваетъ только землю; если же движенія его быстры, то производитъ пожары, истребляющіе лѣса, сѣнокосы и нивы. Поговорка: «жыжъ уна́дзвися» означаетъ: стали частыя засухи или пожары ¹⁾). Римляне чтили неизсякающій огонь богини Весты, охраняемый двумя-весталками; если неожиданно онъ погасалъ — это считалось бѣдственнымъ предзнаменованіемъ для всего государства, и такое печальное событіе требовало чрезвычайныхъ жертвоприношеній; чтобы возжечь погасшій огонь, для этого требовалось новое, чистѣйшее пламя, которое добывали чрезъ соединеніе въ одну точку солнечныхъ лучей или чрезъ треніе священнаго дерева, и такимъ образомъ какъ-бы сводили его съ неба. Веста изображалась или подлѣ пылающаго очага, или съ горящимъ свѣтлыникомъ въ рукѣ. Въ греческой мѣнологіи богиня этой соотвѣтствуетъ *Ἑστία*, которая чествовалась, какъ охранительное пламя очага. На Лемносі, куда по преданію Зевсъ забросилъ Гефеста и гдѣ потому особенно развилась культъ бога-огневластителя, было въ году время, когда на девять дней гасили всѣ старые огни и въ замѣнъ ихъ привозили на кораблѣ новый съ Аполлонова жертвенника изъ Делоса ²⁾).

Множество доселѣ-живущихъ въ народѣ примѣтъ, повѣрій и обрядовъ свидѣтельствуютъ о старинномъ поклоненіи огню, какъ стихіи божественной и эмблемѣ грозоваго пламени. Зажигая вечеромъ лучину, ночникъ или свѣчу, простолюдины крестятся; если же огонь долго не вздувается, то приговариваютъ: «святой огонѣшекъ! дайся намъ». Будетъ ли внесена въ темную комнату зажженная свѣча, ее встрѣчаютъ съ крестнымъ знаменіемъ, точно также, какъ существуетъ обычай креститься при ударахъ грома и

ся, какъ о небесномъ огнѣ, заключенномъ въ горахъ и подъ землею (см. ниже).— ¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 93—94.— ²⁾ D. Myth., 577.

блескъ молніи ¹⁾). Чехи, о которыхъ еще Козьма Пражскій замѣтилъ: «hic ignes colit», называютъ огонь божьимъ — *boží oheň* ²⁾). Плевать на огонь — величайшее нечестіе: за такое оскорбленіе святыни — на губахъ и языкѣ виновнаго высыпаютъ прыщи, называемые въ областныхъ нарѣчіяхъ *огникъ* и *жыжка*; дѣтямъ обыкновенно говорятъ: «не плюй на огонь, а то огникъ выскочитъ!» ³⁾). Не должно кидать въ огонь ничего нечистаго — ни соплей, ни калу; поршнъ на тѣлѣ приписывается дѣйствию огня, наказующаго за подобные проступки. Польск. *swąd*, *swędzić* означаютъ: угаръ и зудъ, вонять гарью и зудить ⁴⁾). Если замѣтятъ, что кто-нибудь не у мѣста испражняется, то берутъ изъ печи раскаленные уголья и бросаютъ на пометъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что послѣ этого задъ у виновнаго непременно опоршится ⁵⁾). Горящую лучину или свѣчу должно гасить благоговѣнно: пламя задувать губами, нагаръ снимать пальцами, а уцѣлѣвшій остатокъ бережно класть на мѣсто; погасить же огонь какъ пощало, т. е. ударить лучину объ полъ или затоптать ее ногою — считается большимъ грѣхомъ, за который раздраженная стихія отплатитъ пожаромъ въ домѣ нечестивца ⁶⁾). Когда метутъ печь вѣникомъ, и онъ загорится — то не слѣдуетъ зашаптывать пламя ногами, а залить водою ⁷⁾). Кто разводитъ въ печи огонь, тотъ, по литовскому повѣрью, обязанъ совершать это молча и не оглядываясь; не то огонь, карая за нарушение долгаго благоговѣнія, выйдетъ изъ печи и зажжетъ

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 10; Записки Авдѣев., 128. Въ архангельской губ. думаютъ, что зажигать свѣчу днемъ, когда и безъ того свѣтло, — грѣхъ. — ²⁾ Громанъ, 41. — ³⁾ Херсон. Г. В. 1852, 17; Приб. къ Ж. М. Н. II. 1846, 94; Beiträge zur D. M., I, 235. Персы признавали проказу и шелуди — наказаніемъ, наслыаемымъ за преступленіе противъ солнца — Геродотъ, вв. I, гл. 138. — ⁴⁾ Записки Археологич. общ., XIII, 240, 248—9; Потеби., 26. — ⁵⁾ Записки Авдѣев., 301. — ⁶⁾ Этн. Сб., II, 126. — ⁷⁾ Цебрик., 264.

избу ¹⁾. Въ тверской губ. у кого загорится изба, того не пускаютъ въ другіе жилые дома; напротивъ, онъ долженъ бѣжать какъ можно далѣе отъ жилья, чтобы отвести за собою пламя, которое такимъ образомъ представляется преслѣдующею его, живую и мстительною стихію. Народъ даетъ огню эпитетъ живаго и видитъ въ немъ (какъ ясно свидѣтельствуя различныя преданія) существо вѣчно-голодное и всепожирающее. По указанію галицкой пословицы, «огонь святыи мститъ ся, якъ го не шануешь»; у сербовъ есть клятва: «тако ме живи [оган(ь) не сажегао!» ²⁾. Между крестьянами самарской губ. донинѣ удерживается суевѣріе, что тушить пожары (чѣмъ бы ни были они вызваны) — грѣшно ³⁾; въ другихъ же мѣстностяхъ мнѣніе это прилагается только къ строениямъ, зажженнымъ ударомъ молніи. Литовцы, когда случится пожаръ, обносятъ вокругъ загорѣвшагося зданія кусокъ освященнаго хлѣба, и потомъ бросаютъ его въ пламя, чтобы умиловить гнѣвную стихію и приостановить ея разрушительное дѣйствіе ⁴⁾. Въ черниговской губ. выносятъ при пожарахъ квашню, кладутъ на нее хлѣбъ-соль, ставятъ тутъ же икону и молятся о помилованьи. На Волыни, вѣсто квашни, выносятъ небольшой столъ, накрытый чистою скатертью; на столѣ кладется хлѣбъ-соль и ставится святая вода; съ этимъ столомъ знахарка обходитъ кругомъ загорѣвшагося дома и шепчетъ слѣдующее любопытное заклятіе: «ой ты, огню пожаданный, изъ неба намъ зосланный! не реходься ты, якъ дымъ, бо такъ приказавъ тоби Божій Сынъ» или: «витаю (привѣтствую) тебе, гостю! замовляю тебе, гостю»

¹⁾ Черты литов. нар., 98. У римлянъ запрещалось прикасаться къ огню мечемъ (Процилем, IV, ст. Брюкова, 12).— ²⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 44; Сри. в. посл., 298.— ³⁾ Самар. Г. В. 1854, 43.— ⁴⁾ Черты литов. нар., 94.

тъ! іорданскою водою заливаю тебе, гостю! Пришовъ Господь въ міръ — міръ ёго не познавъ, а святыи огонь слугою своимъ назвавъ; Господь на небо вознесся, за Господомъ и слуга (его) святыи огонь понесся¹⁾. Въ старину бросали хлѣбъ-соль въ пламя пожара, какъ это доселѣ дѣлается у чеховъ²⁾ и въ Литвѣ. Во время грозы крестьяне наши, чтобы охранить домъ, людей и животныхъ отъ ея нарающей силы, зажигаютъ въ избахъ восковыя свѣчи — крещенскія³⁾, четверговыя или вѣнчальныя. Съ именемъ Іоанна Крестителя слились древнія вѣрованія въ дождащаго Перуна; четвергъ былъ день, посвященный громовнику, и особенное почтеніе воздается этому дню на страстной недѣлѣ, какъ предшествующей празднику весенняго воскресенія природы; вотъ почему свѣчи крещенская и четверговая получили въ народныхъ обрядахъ символическое значеніе молниеноснаго пламени, возжигаемаго Перуномъ. Тоже значеніе придало и вѣнчальной свѣчѣ, такъ какъ въ лѣтнихъ грозахъ совершался брачный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою. Вечеромъ въ чистый четвергъ приносятъ изъ храма зажженные свѣчи и коптятъ ими на притолкахъ и матицахъ кресты, что по общему убѣжденію предохраняетъ домъ отъ удара молніи⁴⁾. Соотвѣтственно этому, въ Германіи вѣрятъ, что молнія ни за что не ударитъ въ домъ, на очагъ котораго пылаетъ огонь; потому во время грозы разводятъ въ печи огонь, или берутъ топоръ (символъ громовой палицы) и вонзаютъ его въ дверной косякъ⁵⁾. Четверговыя и крещенскія свѣчи зажигаются и въ томъ случаѣ, когда вспыхнетъ гдѣ-нибудь вблизи пожаръ: дѣлается это съ цѣлю отстоять свой домъ отъ угро-

¹⁾ Волги. Г. В. 1859, 17. — ²⁾ Громанъ, 41. — ³⁾ Особенно тѣ, которыя были пригнаны къ чашѣ съ водою, при совершеніи водосвятія. — ⁴⁾ Ворон. Г. В. 1851, 11; Саратов. Г. В. 1851, 29. — ⁵⁾ D. Myth., 568; Zeitsch. für D. M., IV, 297.

жающей ему бѣды. Но что особенно знаменательно — свѣчи эти (иногда и подвѣнечную) зажигаютъ во время трудныхъ родовъ, чтобы облегчить страданія родильницы ¹⁾; обычай, указывающій на ту плодородящую силу, которая соединялась съ молніями, посылающими дожди, а отъ нихъ небеснаго пламени перенесена и вообще на огонь. Молодые, возвращаясь домой послѣ вѣнца, переѣзжаютъ черезъ разложенные въ воротахъ и зажженные снопы соломы—для будущаго счастья и плодородія ²⁾; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заставляютъ ихъ на другой день брака прыгать черезъ огонь, и первую кудель, за которую примется молодая, нарочно зажигаютъ ея родичи и знакомые ³⁾. Еще нагляднѣе выражается эта тождественность огня съ грозовымъ пламенемъ въ слѣдующихъ повѣрьяхъ о вліяніи его на земные урожаи. На Срѣтенье, праздникъ, которому въ западныхъ губерніяхъ присвоивается названіе «Громницъ», каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу и хранитъ ее въ анбарѣ; во время посѣвовъ и жатвы свѣча эта выносится на поля (вѣтебск. губ.). Существуетъ примѣта: если въ чистый четвергъ свѣчи, разносимыя изъ церкви по домамъ, не гаснутъ на воздухѣ, то это предвѣщаетъ большой урожай яровыхъ хлѣбовъ. Въ тѣ дни, когда выезжаютъ унаваживать и пахать землю, крестьяне ни за что не даютъ изъ своего дома огня; они убѣждены, что у того, кто ссудитъ чужаго человѣка огнемъ, хлѣбъ не уродится, и наоборотъ — у того, кто выпроситъ себѣ огня, урожай будетъ хорошій ⁴⁾. И во всякое другое время крестьяне неохотно даютъ огонь, опасаясь неурожая и скотскаго падежа; если же и дадутъ, то не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятыя горя-

¹⁾ Саратов. Г. В. 1851, 29.— ²⁾ Абов., 44—45.— ³⁾ Р. И. Сб., III, 199. Это возженіе кудели стоитъ въ связи съ представленіемъ грозовыхъ облаковъ пряжею (см. гл. XXIII).— ⁴⁾ Вѣст. Р. Г. О.

чье уголья, по разведеніи огня въ домѣ, были немедленно возвращены назадъ. Кто никогда не отказывается своимъ соседямъ въ горячѣхъ угольяхъ, у того отыщется счастье и хлѣбъ въ полѣ не простоятъ безъ поправки ¹⁾). Чтобы очистить просо отъ сорныхъ травъ и предохранить отъ порчи, всѣ зерна, назначенныя къ посѣву, перепускаются черезъ поломя, т. е. сквозь дымъ зажженной соломы, или передъ самымъ началомъ посѣва вкидываютъ горсть проса въ огонь, и вѣрятъ, что оно уродится «чистое якъ золото» ²⁾). Болгары, выѣзжая пахать или сѣять, посыпаютъ около повозки пепломъ и горячими угольями ³⁾). Итакъ огонь — божество, творящее урожаи; погашеніе его и отдача въ чужой домъ — знакъ безплодія и перехода изобилія въ постороннія руки. Когда пекутъ хлѣбы, то наблюдаютъ: куда наклонятся они головами (верхушками): если внутрь печи — это предвѣщаетъ прибыль, а если къ устью (къ выходу) — убытокъ ⁴⁾). Ради этой связи огня съ плодородіемъ и указаннаго выше сближенія его съ золотомъ (I, 200), — съ стихіей этой нераздѣльно понятіе о даруемомъ ею богатствѣ и семейномъ благосостояніи; народъ даетъ огню названія: богачъ, богатъе ⁵⁾). Отсюда объясняется, почему домашній очагъ получилъ значеніе пената (домоваго), оберегающаго имущество домохозяйна и умножающаго его доходы.

Кромѣ вліянія на плодородіе, огню приписываются тѣже очистительныя и вѣсть цѣлебныя свойства, что и молніи. Противодѣйствуя мраку и холоду, онъ прогоняетъ и де-

1853, III, 6; Нар. сл. раз., 163; Совр. 1852, I, смѣсь, 122; Beiträge zur D. Myth., I, 76: въ западной Европѣ существуетъ обычай бѣгать по засѣяннымъ полямъ съ возженными факелами.— ¹⁾ Вти. Сб., II, 126; Beiträge zur D. M., I, 236; Громанъ, 42, 146.— ²⁾ Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимов., 77.— ³⁾ Повазалець Раковск., 52.— ⁴⁾ Записки Авдѣев., 141.— ⁵⁾ Обл. Сл., 4.

моновъ всякихъ бѣдъ и болѣзней, въ которыхъ первобытные народы видѣли порожденіе темной, нечистой силы. Съ возженіемъ огня издревле соединялась мысль о возрождающейся жизни, а съ его погашеніемъ — мысль о смерти (см. гл. XXIV). Огонь есть самая чистая—свѣтлая, и въ этомъ смыслѣ святая стихія (I, 96), вѣтерпящая ничего омрачающаго, въ переносномъ смыслѣ: ничего злаго и грѣховнаго. Считая за величайшее нечестіе сорить хлѣбомъ, этниъ «даромъ божіимъ», крестьяне тщательно собираютъ разсыпанныя крошки и бросаютъ ихъ въ пламя очага, какъ въ святилище всеовершенство чистоты; также поступаютъ они и съ крошками пашки, и съ остатками другихъ освященныхъ яствъ ¹⁾. Однимъ изъ обыкновенныхъ прозваній бога Агни было очиститель ²⁾; снк. ровака—огонь образовалось отъ рѣ—очищать: это первоначальное, коренное значеніе сохранилось въ латинскомъ *rigus*, тогда какъ греч. πῦρ (др.-в.-нѣм. *fiur*)—огонь (см. I, 310). Согласно съ олицетвореніемъ огня у классическихъ народовъ въ женскомъ образѣ, свѣтоносная чистота богини Весты возбуждала нравственное представленіе о ея вѣчной, незапятнанной дѣвственности; почему и служить этой богинѣ, смотрѣть за ея священнымъ пламенемъ могли только цѣломудренныя дѣвы (весталки ³⁾). Очагъ требуетъ отъ людей цѣломудрія; соединеніе половъ должно быть скрыто отъ него; дѣло, физически или нравственно нечистое, наноситъ ему оскорбленіе, и человекъ, сознающій за собою вину, уже не можетъ приблизиться къ родному очагу, пока не совершитъ купительнаго обряда. Обращаясь къ его пламени, люди испрашивали не только богатства, но и чистоты сердца, умеренности, здравія душевнаго и тѣлеснаго⁴⁾. Увидать нечаянно огонь

¹⁾ Маякъ, XI, 18; Громаниъ, 41.— ²⁾ Ж. М. Н. П. 1845. XII, 137.— ³⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 95.— ⁴⁾ Ф. Кулаиъ, 33—34, 133—4.

лечью признается на Руси за добрую примѣту: больному это предвѣщаетъ выздоровленіе, а здоровому — счастье ¹⁾). Когда у ребенка случится «родимецъ» или «веснуха», то для прогнанія болѣзни зажигаютъ страстную (четверговую) свѣчу; отъ головной боли заказываютъ сдѣлать свѣчу длиною по мѣркѣ, снятой съ головы, и ставятъ ее въ церкви передъ иконою, или прибѣгаютъ къ омовенію водою, въ которую напередъ опускаются горячіе уголья, и при этомъ причтываютъ: «ой, гулькѣ вода! бусь вода! крещи огню, жени бѣду!» ²⁾). Вода — символъ дождя, горячій уголь — молніи, которую Перунъ высѣкаетъ изъ кремня. Чтобы очистить тѣло отъ показавшейся сыпи, берутъ кремень, кресало, и высѣкаютъ надъ болячками искры (I, 204); а красноватыя и синія пятна «сибирки» выжигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ, которое въ глубочайшей древности принималось за эмблему Перуновой палицы. На Крещенье зажженною въ церкви свѣчею подпаливаютъ у себя виски, чтобы волосы росли густые и красивые, голова бы просвѣтлялась разумомъ, а самъ бы человекъ былъ счастливъ ³⁾); въ виленской губ. жгутъ на головѣ волосы срътенскою свѣчею — на счастье и здравіе. Отъ лихорадки лѣчатъ такъ: берутъ освященную вербу (см. ниже въ гл. XVIII — о представленіи молніи прутомъ или вѣткою), дѣлаютъ на ней столько нарѣзокъ, сколько было параксизмовъ, и затѣмъ кладутъ въ затопленную печь; когда верба сгоритъ, должно взглянуть на оставшіяся пепелъ и положить три земныхъ поклона ⁴⁾: вмѣстѣ съ уничтоженными огнемъ нарѣзками пропадаетъ и самая лихорадка. Въ случаѣ «сглаза» стараются достать лоскутъ одежды или клочъ волосъ отъ того, кто

¹⁾ Этн. сб., II, 57.—²⁾ Учен. зап. моск. универс. 1834, IV, 150.—

³⁾ Мазякъ, XVII, 44—45.— ⁴⁾ Ворон. лит. сб., 384.

заподозрѣнъ виновникомъ болѣзни, и сожигаютъ на горячихъ угольяхъ. Больной при этомъ спрашиваетъ: «что куришь?» Ему отвѣчаютъ: «курю уроки, призорыки, лихіе оговоры!»—Кури да гораздо, чтобы вѣкъ не было! ¹⁾). Если какое животное или птица испугаетъ ребенка, то у первого вырываютъ клокъ шерсти, а у второй нѣсколько перьевъ, и этою шерстью или перьями окуриваютъ испуганнаго, чтобы предотвратить несчастныя послѣдствія ²⁾). Отъ дѣтской болѣзни, известной подъ названіями стѣнь, сухотка и собачья старость, лѣчатъ такъ: когда придетъ время печь хлѣбы, то, посадивъ первую ковригу, посыпаютъ лопату мукою, кладутъ на нее ребенка и до трехъ разъ всовываютъ въ устье истопленной печи; при этомъ одна баба стоитъ подъ окномъ и спрашиваетъ другую, которая держитъ лопату: «что пещешь?»—Стѣнь пеку, сушець запекаю! ³⁾). Тотъ-же обрядъ совершается противъ грыжи и гнетеницы: это называется перепекать болѣзнь. Южные славяне страдающихъ «воспаленіемъ» поджариваютъ, словно барашка на вертелѣ: они устанавливаютъ два большихъ камня, обвертываютъ больнаго въ толстые ковры, привязываютъ его къ шесту и кладутъ на камни, по обѣимъ сторонамъ которыхъ разводятъ огонь; послѣ того начинаютъ поворачивать больнаго — такъ, чтобы жаръ об-

¹⁾ Карман. книжка для любит. землед., 318—320; Записки Авдѣев., 139—140.— ²⁾ Полт. Г. В. 1846, 41.— ³⁾ Хлѣбъ и мука — символы жизни, здоровья: бесплодныхъ женъ и больныхъ окуриваютъ артусомъ, пасхою и свадебнымъ короваемъ. Названіе болѣзни «собачьей старостью» дало поводъ класть, вмѣстѣ съ ребенкомъ, въ печь щенка; вслѣдъ за тѣмъ топятъ щенка въ водѣ и думаютъ, что вмѣстѣ съ нимъ погибаетъ и самый недугъ—Сахаровъ, I, 59; О. З. 1848, т. LVІ, 202; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 10; въ томской губ. обмазываютъ ребенка сметаною и даютъ облизать собаку — Этн. Сб., VI, 130. Иногда мѣряютъ ниткою тѣнь больнаго (вѣроятно, по созвучію съ словомъ стѣнь), и закатавъ ее въ хлѣбъ, даютъ съѣсть собаку.

хватилъ его вездѣ ¹⁾). Обыкновеніе класть хворыхъ дѣтей въ печь извѣстно и въ Германіи ²⁾). Отъ насморка и головной боли окуриваютъ пряжею; когда ребенокъ страдаетъ безсонницею, то берутъ длинныя пряди льну, шѣряютъ у дитяти руки, ноги и ростъ, затѣмъ кладутъ пряди на печную заслонку, зажигаютъ и держатъ больного надъ дымомъ: такимъ образомъ болѣзнь смѣривается и сожигается на очагѣ ³⁾). На Благовѣщенье и 30-го сентября (по окончаніи уборки хлѣба) сожигаютъ соломенные постели и старые лапти, скачутъ черезъ разведенное пламя и окуриваютъ свою одѣжу отъ болѣзней и чаръ; наканунѣ Иванова дня съ тою-же цѣлью сожигаютъ въ лѣсу старыя сорочки и прыгаютъ черезъ костры ⁴⁾), о чемъ упоминаетъ уже Кормчая книга 1282 года: «нѣцимъ предѣ храмы свои... или предѣ враты домовъ своихъ, пожаръ запаливши, прескакаютъ по древнему нѣкоему обычаю» ⁵⁾). Въ курской губ. если въ какой-нибудь семьѣ умираютъ новорожденныя дѣти, то мать кунается на дровосѣкѣ, рубить топоромъ снятую съ себя сорочку и тутъ-же сожигаетъ ее ⁶⁾). Топоръ — эмблема молніи, вода—дожда. Въ древнѣйшихъ поэтическихъ представленіяхъ облака уподоблялись небеснымъ покрывамъ (тканямъ), волосамъ, шерсти и пряжѣ, и потому въ указанныхъ нами обрядахъ предаются огню именно эти символическіе предметы: съ ихъ сожженіемъ пропадаетъ и болѣзнь, подобно тому, какъ въ пламени весеннихъ грозъ гибнетъ не-

¹⁾ О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 84.— ²⁾ D. Myth., 1118.—

³⁾ Изречь больного — одинъ изъ древнѣйшихъ обычаевъ (см. D. Myth., 1116—7).— ⁴⁾ Сахаров., II, 18—19, 36, 59.— ⁵⁾ Историч. Христом. Бусл., 384. Татары вѣрили, что огонь противодействуетъ змѣишъ умысламъ и отнимаетъ силу у ядовитыхъ свадебій; иноземныхъ пословъ и русскихъ князей проводили въ шатеръ хана между двумя разложенными кострами (Собр. путешествій къ татарамъ, Пляно-Карпини, 19; Исторія Солов., III, 179.—⁶⁾ Этн. Сб., V, 92—93.

чистая сила мертвящей зны ¹⁾. Отъ огня цѣлебныя свойства перенесены на золу и пепелъ. Отъ лихорадки и другихъ болѣзней даютъ пить воду или вино (метафоры дожда), смѣшанныя съ золою, которую берутъ изъ печи или изъ церковнаго кадила ²⁾. Въ Польшѣ ³⁾ вокругъ постели больного посыпали пепломъ изъ сита (о связи сита съ дождемъ см. I, 570—2).

Но особенно-важное значеніе приписывалось огню, добываемому треніемъ изъ дерева, такъ какъ подь тѣмъ-же образомъ древнѣйшій мнѣ представлялъ возженіе богомъ-громовникомъ небснаго пламени грозы. Такой огонь называется на Руси древеснымъ, лѣснымъ, новымъ, живымъ, лѣкарственнымъ или царь-огонь ⁴⁾, у сербовъ ватра (въ старину—молнія) жива, живи огаъ, у чеховъ вожі онеі, — точно также, какъ дождь, льющійся изъ тучи, пробуравленной палицею Перуна, назывался живою водою. Пламя это признается спасительнымъ противъ всякихъ заразительныхъ и повальныхъ болѣзней. Огонь, бывшій до того въ людскомъ употребленіи, не считается годнымъ для такого священнаго дѣла; какъ вода, предназначаемая для лѣченья, должна быть непочатая, только что почерпнутая изъ родника, такъ и огонь требуется новый, неслужившій еще человѣческимъ нуждамъ. Живымъ огнемъ возжигаются купальскіе костры, черезъ которые перегоняютъ поселяне скоть и сами прыгаютъ — въ полномъ убѣжденіи, что это надѣляетъ здоровьемъ. Но сверхъ того къ пособію живаго огня прибѣгаютъ

¹⁾ Наоборотъ, если достать рубаху или одежду съ здороваго человека и повѣсить въ горячемъ воздухѣ, то вмѣстѣ съ нею исгнѣеть (исхуааетъ и умретъ) и ея хозяинъ (литовское повѣрье — Рус. Сл. 1860, V, 27). — ²⁾ Статист. опис. саратов. губ., I, 66; Украин. мелодіи Маркевича, 107. — ³⁾ D. Myth., 1117. — ⁴⁾ Рус. въ св. посл., IV, 93; Р. И. Сб., III, 199.

всякой разъ, какъ скоро обнаружится смѣльная смертность между населеніемъ или скотскій падежъ. Въ первомъ случаѣ крестьянская община приглашаетъ священника совершить молебствіе и обойти съ иконами и хоругвями вокругъ села. При этомъ добываютъ новый огонь треніемъ одного дубоваго полѣна о другое — также дубовое; добытымъ огнемъ зажигаютъ кадило и свѣчи передъ иконами въ церкви: думаютъ, что такая жертва особенно пріятна Богу. Изъ церкви огонь этотъ разносится по избамъ, гдѣ и сберегается, какъ вѣрнѣйшее средство противъ мора. Если случится скотскій падежъ, то служатъ въ полѣ общественный молебенъ съ водосвятиемъ, роютъ канаву, и наполнивъ ее навозомъ, кожаными обрѣзками, шерстью и сухими костями, все это зажигаютъ живымъ огнемъ; потомъ перегоняютъ черезъ канаву деревенское стадо и окропляютъ его святою водою. Иногда, вмѣсто канавы, прорываютъ отверстіе въ ближайшемъ изъ окрестныхъ пригорковъ — такъ, что верхній пластъ земли остается нетронутымъ, и сквозь эти ворота прогоняютъ стадо, окуривая его можжевельникомъ, зажженнымъ отъ живаго огня; въ смоленской губ. окуриваютъ тѣми травами, съ которыми стояли въ церкви на Троицынъ день. Замѣчательно, что при совершеніи этого обряда старый огонь вездѣ гасится, и при топкѣ печей и освѣщеніи изъ другаго огня никто не употребляетъ, кромѣ добытаго треніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, чтобы прекратить моръ, крестьяне разводятъ вокругъ села курево, поджигая сложенные тамъ и здѣсь кучи живымъ огнемъ; отъ «сибирской язвы» курево разводится при самомъ вѣздѣ въ селеніе ¹⁾. Болгары 24 декабря (когда на небѣ снова возжигается свѣтильникъ солнца) и въ день св. Пантелеймона (о

¹⁾ Этн. Об., I, 54, 163; II, 28; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 105; Сибир. Г. В. 1855, 48; Послов. Даля, 1055.

связи этого святаго съ древнимъ Перуномъ см. т. I, 479) тушатъ во всѣхъ избахъ огонь, а вечеромъ берутъ два сухія полѣна, трутъ одно о другое, и вызванное такимъ треніемъ пламя называютъ божій или святой огнець и разносятъ по домамъ; въ этотъ день поселяне не работаютъ изъ боязни, чтобы гроза не сожгла хлѣба ¹⁾. У германскихъ племенъ живой огонь извѣстенъ подъ именемъ *das wilde feuer* или *potfeuer* (стар. $\text{pōt}fīur$). т. е. огонь, въ которомъ чувствуется настоящая потребность (*pōt*—*necessitas*) и который добывается въ случаѣ всеобщей нужды — заразы. Рядомъ съ этимъ объясненіемъ, какое возникло въ періодъ сравнительно-позднѣйшій, когда былъ затерянъ настоящій корень слова, Я. Гриммъ указываетъ на другое, древнѣйшее: въ словѣ *potfiur* (*podfiur*) онъ подозрѣваетъ старинное *hnot(d)fiur* отъ *hniudan*, др.-вер.-нѣм. *hniotan*, сканд. *hniodha* — *quassare, terege, tundere*, т. е. огонь, добываемый треніемъ. Въ Германіи огонь этотъ употреблялся на исцѣленіе больного скота: коровъ, лошадей и свиней. Когда нападала на домашнихъ животныхъ чума, то крестьяне возжигали *potfeuer*. Въ назначенный день во всѣхъ печахъ погашали огонь, такъ что въ цѣлой деревнѣ не оставалось ни единой искры. Изъ каждаго дома приносили паклю, солому, хворостъ и дрова; затѣмъ вбивали въ землю твердый дубовый обрубокъ и сверлили въ немъ отверстіе; въ это отверстіе вставляли деревянный шестъ, обвитый соломой и обмазанный дегтемъ, и до тѣхъ поръ вращали его, пока не показывалось пламя. Вызванное наружу пламя принималось на солому, сухіе листья и хворостъ, и тотчасъ же возжигался устроенный между двумя загородами костеръ, черезъ который перегоняли два или три раза все

¹⁾ Каравел., 248; Московская Газета 1866, стат. Каравелова: „Святки у болгаръ“.

большое стадо ¹⁾. Иногда вбивали въ землю двѣ дубовыя сваи, фута на полтора одну отъ другой; въ верху ихъ дѣлались углубленія, въ которыя вставлялась поперечная балка, толщиною въ руку, обмотанная по краямъ паклею и старымъ засаленнымъ тряпьемъ; поперечникъ этотъ обвивался веревкою, за длинныя концы которой схватывались поселяне и съ быстротою двигали его то въ одну, то въ другую сторону, пока не являлся огонь и не разгорались тутъ-же набросанныя кучи хворосту и соломы, послѣ чего спѣшили перегонять стадо черезъ пылающій костеръ. Въмѣсто поперечной балки, терли сваи и просто пеньковою веревкою. По окончаніи обряда, всѣ присутствующіе бросались на костеръ, и каждый домохозяинъ запасался священнымъ огнемъ, чтобы возжечь его на своемъ очагѣ; взятыя съ собою горячія головки они гасили въ водѣ и клали ихъ въ ясли, изъ которыхъ кормилась домашняя скотина. Сохранились свидѣтельства (1605 г.), что живой огонь добывался чрезъ треніе колеса: брали тележное колесо, вставляли въ его втулку дубовую ось и вращали ее съ помощію веревки; костеръ разводился въ воротахъ, въ которыя и выгонялось зараженное стадо. Что происхожденіе описанныхъ обрядовъ относится къ глубочайшей древности — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; уже въ 842 году Карломанъ запрещалъ эти «богопротивныя» огни. Но важнѣе всѣхъ письменныхъ свидѣтельствъ — то, что обряды возженія живаго огня равно совершались у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, не исключая ни кельтовъ, ни греко-римской отрасли. Римскіе пастухи перегоняли скотъ черезъ весенніе костры Палилій (Palilia), зажигаемые въ честь Палесы (Pales), богини-охранительницы стадъ ²⁾.

¹⁾ Перегоняли также и гусей. — ²⁾ D. Myth., 570—9; Die Götterwelt, 198—9.

Такое очистительное значеніе огня, прогоняющаго темную, демоническую силу и виѣсть съ нею все грѣховное, нравственно-нечистое, побудило отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ соединить съ сожженіемъ мертвыхъ мысль, что усопшіе, сгорая на кострѣ, очищаются отъ всякаго зла и неправды, и просвѣтленные божественнымъ пламенемъ водворяются въ странѣ вѣчнаго блаженства. Руссы объясняли арабскому путешественнику Ибнъ-Фоцлану, что они сожигаютъ трупы съ цѣлію доставить умершимъ невозбранный доступъ въ райскія обители ¹⁾. Вѣрованіе это въ сказаніяхъ о кончинѣ міра сливается съ мнѣніемъ представленіемъ о той огненной рѣкѣ, которая потечетъ въ послѣдній страшный день и въ которой, по словамъ Кирилла Туровскаго, «подобаетъ всякому роду человѣческому пройти сквозь огонь», да искушенные огнемъ очистятся всѣ племена и просвѣтятся тѣлеса ихъ, какъ солнце ²⁾. По всему вѣроятію, здѣсь-же скрывается: во 1-хъ, зародышъ католическаго ученія о чистилицѣ, гдѣ души усопшихъ освобождаются дѣйствіемъ огня отъ грѣховной нечистоты, и во 2-хъ, корень старовѣрскаго догмата о самосожженіи, которое раскольники называютъ «вторымъ или огненнымъ крещеніемъ», т. е. по ихъ мнѣнію оно также очищаетъ человѣка отъ содѣянныхъ имъ грѣховъ, какъ крещеніе — отъ грѣха первороднаго ³⁾.

Вслѣдствіе естественныхъ, физиологическихъ условій, опредѣлившихъ первоначальное развитіе младенческихъ племенъ, славянинъ по преимуществу былъ добрымъ и домовитымъ семьяниномъ. Въ кругу семьи или рода (который былъ тою-же семьей, только разросшеюся) проходила вся его жизнь, со

¹⁾ Ibn-Fozzlan's und anderer Araber Berichte, 21.— ²⁾ Памят. XII в., 100—1.— ³⁾ Полн. историч. вѣдѣствіе о старообр., 105—6. Въ этому возразію, впрочемъ, примѣшивается и мысль о вольномъ мученичествѣ за старую вѣру.

всѣмъ ея обихомъ и родственными торжествами; въ ней сосредоточивались самые живые его интересы и хранились самыя завѣтныя преданія и вѣрованія: «нимаху бо законъ отецъ своихъ и преданья» ¹⁾. Свидѣтельствуя о древнѣйшемъ бытѣ славянъ, Несторъ говоритъ, что они жили родами: каждый родъ на своемъ мѣстѣ — особѣ, т. е. разъединенно. Отдѣльный родъ представлялся сожитіемъ вмѣстѣ нѣсколькихъ семей, связанныхъ кровными узами родства и властью одного родоначальника. Поздніе остатки такого патріархальнаго быта до сихъ поръ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ славянскихъ племенахъ, мало или вовсе неиспытавшихъ вліянія цивилизаціи. Родичи помѣщались въ одной избѣ, или если слишкомъ размножались — въ нѣсколькихъ холодныхъ срубкахъ (клѣткахъ), построенныхъ вблизи теплой избы и даже прикинутыхъ къ ея стѣнамъ. Во всякомъ случаѣ очагъ оставался единый для всѣхъ, а приготовляемая на немъ пища составляла общую трапезу. Явленіе это весьма знаменательно. Въ отдаленное время язычества огонь, разведенный подъ домашнимъ кровомъ, почитался божествомъ, охраняющимъ обиліе дома, миръ и счастье всѣхъ членовъ рода; вокругъ него создавалась семейная жизнь. Отъ огня, возжигаемаго на очагѣ, обожаніе должно было перейти и на этотъ послѣдній: оба эти понятія дѣйствительно слились въ одно представленіе родового пената ²⁾. Каждый родъ имѣлъ своего пената, которымъ былъ единый для всѣхъ очагъ — знаменіе духовнаго и матеріальнаго единства живущихъ при немъ родичей. Если же родъ дѣлался слишкомъ великъ и распадался на части, то такое раздробленіе видимымъ образомъ выражалось въ устрой-

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 6. — ²⁾ Народная загадка, означающая печь, огонь и дымъ, всѣ эти понятія изображаетъ въ родственной связи: «дѣтъ толста, дочь красна, смнѣ хрѣбѣръ — подѣ облака ушелѣ» — Терещ., VII, 165.

ствѣ новаго, особаго очага; одно или нѣсколько семействъ, отрѣзняясь отъ главнаго рода, выселялись на другое мѣсто и основывали свое собственное жилье, свой отдѣльный очагъ.

Въ этомъ значеніи очага кроется объясненіе нѣсколькихъ названій, важныхъ для бытовой археологіи славянскаго племени. Создаваясь въ эпоху образованія языческихъ вѣрованій, слово запечатлѣло въ себѣ характеристическія черты стародавнихъ воззрѣній. Скинское божество огня и домашняго крова *Tabiti* происходитъ отъ санскр. *tap* (*tapati*)—*ugre*, *calescere* (зэнд. *tar*—тоже, *tafu*—*ugens*, перс. *taftan*—сжигать, *taridan*, *tabidan*—теплѣть, лат. *tereo*, греч. *θάρτω*—сжигать мертвыхъ, англос. *thefian*—разгорячаться, ирл. *tebhot*—жаръ, тепло, слав. топить, теплыи—топлыи); отъ того же корня *tap* (скин. *таб*), топ образовалось и русс. изба, у Іоанна экзарха болгарскаго *истѣба*, въ Несторовой *лѣтоп.* *истѣба*, *истопѣка*, чешс. *gistba*, *gizdba*, пол. *izdebka*, видн. *jisra*, луж. *jsra*, *sra* ¹⁾. Старинная форма «истопка» (=истопа, истопникъ, истопить) донныи употребительна въ различныхъ областныхъ говорахъ ²⁾. Итакъ славянинъ далъ своему жилищу названіе отъ того священнаго въ глазахъ язычника дѣйствія, какое совершается на очагѣ. До сихъ поръ названіе избы присвоается преимущественно той части жилья, въ которой поставлена печь, въ отличіе отъ свѣтлицы или клѣтки; послѣдняя ставится всегда черезъ сѣни, противъ избы, и строится холодною—безъ печи и зем-

¹⁾ Пикте, II, 507; Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Бусл., 41; П. С. Р. Д., I, 24.— ²⁾ Истопка, истопокъ, истобокъ—чердакъ избы, изобка, изобочка—небольшая изба, истопье, истопка—беремя дровъ, достаточное для топки печи; послѣднее слово означаетъ также двѣ жерди надъ челомъ русской печи, гдѣ сушатъ лучину и другія вещи (Обл. Сл., 74, 76), и небольшой срубъ съ печью безъ трубы (новг. губ.).

ленной насыпи надъ потолокомъ ¹⁾. Точно также слово дымъ у Нестора и даже теперь въ вѣкоторыхъ деревняхъ употребляется въ значеніи (очага, дома, жилища ²⁾; огнище (серб. и др.-болг. огниште, чеш. ohnisko, луж. ognisko), употребляемое во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ горна, очага, ³⁾ въ лужицкомъ и польскомъ означаетъ сверхъ того домъ, жилье; слѣдовательно огнищанинъ, названіе, встрѣчающееся въ Русской Правдѣ, есть владѣтель очага, дома, глава рода; потому за убійство его взыскивалась двойная вира ⁴⁾. Готское aihns — печь (др.-швед. ogn, ofn = ofen, новеш. ugn) Гриммъ сближаетъ съ словомъ agni—огонь⁵⁾; Шлейхеръ даетъ другое объясненіе: у древнихъ арійцевъ очагъ состоялъ изъ нѣсколькихъ камней, сложенныхъ посреди жилища; почему др.-инд. aṣṭan-tam — печь, чеш. kamna (тоже, что рус. каменка) и гот. aihns предполагаютъ основную форму aknas (aṣnas = aṣtan, слав. камы) — камень ⁶⁾. Это названіе, данное очагу, наводило мысль на молниеносный камень громовника (I, стр. 253) и повело къ поэтическому изображенію грозовой скалы-тучи пылающею печью (см. гл. XXVI).

¹⁾ Терещ., I, 166, 192; Этн. Об., II, 16; Зап. морск. офицера, I, 241; Маякъ, V, статья: „О старин. расположеніи домовъ въ сѣв. краяхъ Россіи“. — ²⁾ П. С. Р. Д., I, 7; Обл. Сл., 52; дымница—деревня (Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 95); ошен. курѣха (отъ курить) — домъ (Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59): названія, любопытныя по своей живописующей мѣткости, такъ какъ крестьянскія избы и доселѣ большею частію курныя (безъ трубъ—Терещ., I, 162—4; Пут. зап. Пассека, 146—8; Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 9—10). „Любить тепло — терпѣть дымъ“ (перм. губ.) — ³⁾ У насъ огнище — огонь, разведенный на землѣ, и мѣсто, гдѣ выжигъ лѣсъ; огнища—расчищенное изъ-подъ лѣсу мѣсто, то же что палъ, палы (отъ палить)—Обл. Сл., 137. — ⁴⁾ Мысли объ истор. рус. яз., 150; Эверсъ: Древн. рус. право, 365—6. — ⁵⁾ D. Myth., 595. — ⁶⁾ У. З. А. Н. 1865, I, 44.

Обожаніе пламени, возженнаго на домашнемъ очагѣ, было общимъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Индусы чествовали его подъ именемъ Агни, признаваемаго главнымъ хозяиномъ дома и господиномъ семьи (*gṛharatī, vīśrati*); непрерывный спутникъ челоуѣка, онъ устрояетъ его семейный бытъ, печется объ умноженіи его богатствъ, даруетъ всеневную пищу и подъ сѣнію домашняго крова поддерживаетъ дружество, миръ и счастье¹⁾. Древніе персы устраивали въ своихъ жилищахъ алтари, на которыхъ поддерживался вѣчный огонь и предъ которыми совершались ежедневныя молитвы; они клали на уголья сухое облупленное дерево, намазывали его жиромъ, поливали масломъ и раздували огонь опахаломъ; кто раздувалъ огонь губами или бросалъ въ него что-нибудь мертвое, грязное и нечистое—тотъ наказывался смертію²⁾. У грековъ ἑστία (= санскр. *vastyā*, лат. *Vesta* отъ *vas*—*habitare*; снл. *vasi, vāsa, vasta, vastya, vāstu*—домъ, обиталище; перс. *wastā*—огонь, *washtī*—красота, *washī*—краснѣть³⁾) означало очагъ и богиню возженнаго на немъ огня, и въ тоже время было почетнымъ титуломъ хозяйна дома (*ἑστία δέσποινα*); иногда и весь домъ назывался гестіей. Богиня Гестія была первою наставницею въ домостроитвѣ, геніемъ—хранителемъ всѣхъ живущихъ при ея святилищѣ, представительницею физическаго и нравственнаго единства семьи; ей посвящалась одна изъ комнатъ въ среднѣмъ дома, гдѣ обыкновенно пылалъ на очагѣ священный огонь. «Поддержаніе этого огня днемъ и ночью вѣнялось въ обязанность каждому домохозяину. Горѣ тому дому, гдѣ бы онъ потухъ. Всякій вечеръ прикрывали уголья пепломъ, чтобы не дать имъ совершенно сгорѣть; ут-

¹⁾ Плине, II, 384.— ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, II, 72 (Страбонъ.—
³⁾ Плине, I, 157; II, 238; можно съ вѣроятностію допустить, что корни *vas* — обитать и *vas* — свѣтить первоначально роднились между собою.

роизъ, при пробужденіи, первою заботою семьи было возобновить огонь. Онъ потухалъ только при гибели цѣлаго семейства; потухшій огонь, угасшая семья — были у древнихъ выраженія однозначущія.» Въ старо-греческомъ языкѣ семья обозначалась словомъ ἐπίστειον, что въ буквальномъ переводѣ значитъ: находящееся близь очага ¹⁾. Но религиозное почитаніе очага не ограничивалось у грековъ только тѣснымъ кругомъ домашней жизни. Отъ понятія объ отдѣльномъ семейномъ и родовомъ божествѣ значеніе Гестіи расширилось до представленій, которыя сочетали съ нею охранительное и связующее начало всякой политической общины и всего еллинскаго народа. Въ честь ея создавались по городамъ особыя зданія (пританей), въ которыхъ ставился общественный, государственный очагъ съ вѣчно-пылающимъ огнемъ; тамъ хранились законодательные уставы и союзные договоры; у этого очага народные правители (пританы) обязаны были во все время, пока оставались на службѣ, совершать ежедневную трапезу. Колоніи, выселявшіяся въ другія страны, брали съ собою огонь съ общественнаго очага и возжигали его на мѣстѣ новаго своего поселенія, въ чемъ и выражалась наглядно та тѣсная родственная связь, которая соединяла ихъ съ метрополіей. Общій для всѣхъ еллинскихъ племенъ очагъ былъ въ Дельфахъ, и съ нимъ нераздѣльна была въ сознаніи грековъ мысль о ихъ народномъ единствѣ ²⁾. Подобное значеніе у римлянъ принадлежало Вестѣ, о которой Овидій говоритъ, какъ о «живомъ пламени» и которая признавалась такимъ-же охранительнымъ божествомъ въ отношеніи цѣлаго государства, какииъ для отдѣльной семьи былъ домашній очагъ. Весталкамъ, приравленнымъ наблюдать за огнемъ Весты, поручалось и

¹⁾ Ф. Кузанжъ, 24, 50. — ²⁾ Преллеръ: Griechische Mythologie, I, 329—333.

храненіе пенатовъ римскаго народа; сами онѣ пользова-
лись величайшими почестями, и молитвамъ ихъ приписыва-
лась чрезвычайная сила въ умилостивленіи разгѣванныхъ
боговъ. Погашеніе огня Весты почиталось предзнаменованіемъ
страшнаго бѣдствія, которое должно пасть на все государство;
ибо виѣсть съ тѣмъ, какъ угасало ея свѣтлое пламя, народъ
лишался покровительства вѣчно-бодрствующей, дружелюбной
ему богини. Въ частныхъ домахъ римлянъ древнѣйшей эпохи
очагъ стоялъ въ передней комнатѣ (atrium) и служилъ для
двухъ цѣлей: на немъ приготовляли пищу и на немъ-же помѣ-
щали пенатовъ и ларовъ—боговъ, покровителей и защит-
никовъ дома и семейства; иногда лары хранились гдѣ-нибудь
подлѣ или позади его — въ нишѣ, откуда вынимали ихъ въ
праздничные дни, ставили на пылающемъ очагѣ и совершали
жертвенныя приношенія и возліянія ¹⁾. У скиноовъ очагомъ
служили два или три камня, которые они, кочуя съ мѣста на
мѣсто, всюду возили съ собою, и этотъ подвижной очагъ
имѣлъ такое-же священное значеніе, какъ и у народовъ клас-
сическихъ; онъ почитался защитникомъ домашняго крова,
семьи, рода и цѣлаго племени; именемъ Tabiti назывался и
родъ, живущій сообща, нераздѣльно, и весь скинскій народъ.
Верховный владыка—царь или князь скиноовъ въ отношеніи
къ подвластному ему народу являлся отцемъ среди огромнаго
семейства, а принадлежащій ему очагъ былъ общимъ божес-
твомъ для всего племени; потому клятва царскимъ очагомъ
была у скиноовъ самою торжественною и великою, какъ у гре-
ковъ клятва Гестіей, а у римлянъ — Вестою ²⁾. Нарушившій
ее былъ преступникомъ противъ самаго божества Табити, и
по народному убѣжденію (какъ свидѣтельствуется Геродотъ),
царь, а съ нимъ разумѣется— и всѣ его подданные несли на

¹⁾ Проппецъ, IV, 27.— ²⁾ Одиссея, XIV, 158—9.

себѣ тяжкую отвѣтственность за такое преступленіе до тѣхъ поръ, пока не былъ отысканъ и подвергнутъ наказанію виновный¹⁾. Тоже воззрѣніе, расширившее культъ домашнему очагу до предѣловъ народнаго союза, было присуще и германскому племени, какъ очевидно изъ указаннаго Бергманномъ сближенія скивскаго Tab(v)iti (огонь, очагъ, семья, племя) съ кельт. teuta и готск. thioth, theuth — племя, сканд. thiodh и др.-вер.-нѣм. diot (=deut-sch) — народъ²⁾. У древнихъ литовцевъ въ каждой избѣ былъ свой священный огонь, постоянно-поддерживаемый въ охрану отъ всякихъ бѣдъ; но кромѣ того были и мѣста общественнаго его чествованія. Такъ святость мѣста Ромова основывалась на уваженіи народа къ неугасимому огню, который горѣлъ тамъ при неуспѣшномъ надзорѣ жрецовъ, обязанныхъ поддерживать его дубовыми вѣтвями и обрубками изъ священной рощи. Когда пруссы подчинились владычеству крестоносцевъ, въ собственной Литвѣ образовался отдѣльный религиозный центръ съ своимъ общественнымъ огнемъ (Зничемъ), который пылалъ въ храмѣ, построенномъ въ Вильнѣ, и былъ погашенъ только съ принятіемъ христіанства³⁾. Согласно съ указанными вѣрованіями, огонь сдѣлался знаменіемъ всякаго радостнаго событія въ семейной, общинной и государственной жизни, что видимъ еще теперь въ возженіи иллюминаціонныхъ огней въ дни семейныхъ торжествъ, народныхъ побѣдъ и царскихъ праздниковъ.

Слѣды древняго поклоненія очагу находимъ и между славянами. На Руси существуетъ пословица: «на печкѣ сидѣлъ, кирпичамъ молился»⁴⁾; у сербовъ: «ко није

¹⁾ Геродотъ, кн. IV, гл. 68.—²⁾ Лѣт. рус. лит., кн. I, 129, 136.—

³⁾ Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 23, 46.— ⁴⁾ Сравни въ Посл. Далг. 651: „жилоъ жить, не чѹму (очагу) молятьса“.

виѣео цркве (или: ко олтару не виде), и пеѣи се кляѣа» ¹⁾. Не менѣе интересны сѣрбскія клятвы очагомъ, дышация глубочайшей древностио: «тако ми се огъиште мојом крва(ь)у не угасило!» — «тако ми се огъиште на крсно име мојијем пуњем неуга сило!» — «тако ми ша(ь)еме на огъиште не пануло!» — «тако своје куѣе жив не видно!» ²⁾ Когда хотѣлось бы сказать то, что запрещаетъ приличіе, малоруссы говорятъ: «сказавъ бы, да печь у хати!» ³⁾ — выраженіе, указывающее на особое уваженіе къ печи; въ великорусскихъ деревняхъ нескромнаго разскащика останавливаютъ замѣчаніемъ: «для твоей рѣчи не выносить печи!» Плевать на печь и на лежащіе въ ней горячіе уголья считается грѣхомъ; если рассыплются сложенные въ печи дрова или выпадетъ изъ нея кирпичъ — это предвѣстіе большой бѣды домохозяину ⁴⁾. У нѣмцевъ сохранились свидѣтельства о колѣнопреклоненіи предъ очагомъ, о мольбахъ и жалобахъ, обращаемыхъ къ нему несчастными скитальцами ⁵⁾; у насъ же уцѣлѣлъ заговоръ, произносимый у печнаго чела: «ахти мати-бѣлая печь! не знаешь ты себѣ ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты; такъ и рабъ божіи (имярекъ) не зналъ бы ни хитки, ни притки, ни уроковъ, ни призороковъ....» ⁶⁾ Здѣсь мольба шлетя къ печи, какъ цѣлительницѣ болѣзней; слѣдоват. ей

¹⁾ Переводъ: кто не видалъ церкви или алтаря, тотъ и печи молится — Срп. н. послов., 150 — 1; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 26, 116. — ²⁾ Переводъ: да не погаснетъ мое огнище отъ моеи крови! (или отъ моего вина, которое пьется на крестное имя); чтобы не палъ внесъ на мое огнище! чтобы мнѣ не видать живыми родимой избы! — Срп. н. послов., 305—9. — ³⁾ Номис., 116; тоже соблюдается и бѣлоруссами — Приб. въ Изв. Ак. Н., I, 67. — ⁴⁾ Маякъ, XIV; Пузин., 164. Не должно садиться на печь, когда пелутся въ ней хлѣбы — Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 40. — ⁵⁾ D. Myth., 595; Слав. Грив., II, стр. 21, 38. — ⁶⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 51.

придается таже цѣлебная, очистительная сила, какъ и вообще огню. Это свидѣтельствуется и многими другими народными обрядами (см. выше стр. 16): такъ отъ лихоманокъ въ простонародьи лѣчатъ больного передъ печью, окуривая его дымомъ и приговаривая: «з' хати димомъ, з' двора витромъ!» или: «нехай иде (все недоброе) з' чадомъ та з' димомъ з' нашой хати!» ¹⁾ Иногда даютъ хворому выпить и умыться наговоренной воды, смѣшанной съ печной золою и угольями; тою-же водою смываютъ у дверей притолки и косяки, чтобы не могли войти въ избу лихоманки и другія болести. Прибѣгаютъ еще къ слѣдующему суевѣрному средству: больной лихорадкою выносятъ изъ хаты кочергу (ожогъ — символъ разящей молніи, см. I, 257) и оставляетъ ее на перекресткѣ ²⁾. Въ курской губ. въ случаѣ легкой боли въ горлѣ трутся имъ о край печи; отъ испуга выливаютъ такъ называемый «переполохъ» ³⁾ на печномъ шесткѣ, причемъ больного ставятъ противъ печи ⁴⁾; отъ простуды приносятъ съ берегу рѣчки камень и бросаютъ въ печь съ приговоромъ: «какъ камень на бережку у рѣчки былъ сухъ, такъ бы у меня раба божьего ноги были сухи, не боялись ни стужи, ни морозу, ни метелицы, и сколь онъ теперь горячъ, такъ будьте и вы, ноги, горячи!» Тотчасъ, послѣ родинъ, на рѣченна кума должна взять изъ печи уголь, выйти на перекрестокъ и перебросить его черезъ себя: это предохранить новорожденнаго ребенка отъ сглазу ⁵⁾. Для того, чтобы водилась скотина, вновь-народившагося теленка приносятъ въ избу и прикладываютъ къ печкѣ (орловск. губ.). Воротившись съ похоронъ, должно приложить ладони къ печи, или отодвинувъ заслонку, заглянуть въ ея устье, для

¹⁾ Помес., 161. — ²⁾ Изв. Ак. Н., III, 207. — ³⁾ Т. е. топать олово и по формамъ его угадываютъ, что именно было причиною испуга. — ⁴⁾ Этв. Сб., V, 89. 91 — ⁵⁾ Маркевич., 89.

охраны себя отъ губительнаго вліянія Смерти ¹⁾. Очагъ есть источникъ всякаго обилія, плодородія и богатства (см. т. I, 200—о горячихъ угольяхъ, какъ метафорѣ золота). Съ цѣлію сберечь скирды и стога отъ мышей, знахарь вынимаетъ изъ нихъ со всѣхъ четырехъ сторонъ по снопу или по клоку сѣна, кладетъ все это въ печь и зажигаетъ раскаленною кочергою; зола, полученная отъ сожженныхъ сноповъ или сѣна, высыпается въ скирды и стога съ заклятіями ²⁾. Чтобы куры несли больше яицъ, бабы выгребаютъ въ чистый четвергъ изъ печей золу, приносятъ въ курятники и тамъ посыпаютъ (курск. губ.), или съ тою-же цѣлію курятъ на печномъ шесткѣ хлѣбными отрубями, смѣшивая ихъ съ золою, и заставляютъ птицу нюхать это курево ³⁾. Гряды, назначенныя для посадки капусты, осыпаютъ золою, собранною изъ печи въ чистый четвергъ и въ Свѣтлую седмицу, и вѣрятъ, что это предохранитъ капусту отъ червей (тамбов. губ.). Въ Малороссіи принято сѣять огородные овощи тотчасъ послѣ того, какъ истопится хата, чтобы гряды были также полны, какъ полны въ то время стоящія въ печи горшки ⁴⁾. Въ Германіи при посадкѣ капусты хозяйка должна вспрыгнуть на очагъ и произнести: «häupter wie mein kopf, blätter wie mein schürz une dorschen wie mein bein!» (сравни т. I, стр. 34 ⁵⁾. Если вылезетъ изъ горшка поставленная въ печь каша, то наблюдаютъ: въ какую сторону она вышла? если къ задней сторонѣ печи—это предвѣщаетъ счастье, а если къ устью (къ выходу)—бѣдность и разореніе;

¹⁾ Иллюстр. 1846, 171; Геогр. Извѣстія 1850, III, 338; О. З. 1848, т. LVI, 205; Моск. Вѣдом. 1854, 131: тѣхъ, которые несли мертвеца, осыпаютъ пепломъ; Иличь. 314—5: тѣ, которые зарывали усопшаго, должны умыть свои руки и бросить черезъ себя горячій уголь.— ²⁾ Сахаров., II, 9; Ворон. Г. В. 1851, 12.— ³⁾ О. З. 1848, V, смѣсь, 152.— ⁴⁾ Рус. Бес. 1856, I, 66.— ⁵⁾ D. Myth., 1189.

гоже повѣрье распространяется на хлѣбы и святочные куличи, смотря по тому, куда они наклонялись верхушками — къ задѣ или устью печки ¹⁾). Въ Славоніи хлѣбныя зерна, назначенныя для носѣва, посыпаютъ пепломъ и кропятъ водою ²⁾). По пламени очага, по расположенію горящихъ на немъ полѣньевъ, по искрамъ, разлетающимся отъ удара кочергой, по золѣ, дыму и зажженнымъ лучинамъ гадаютъ о будущемъ плодородіи и счастіи. Въ числѣ суевѣрныхъ примѣтъ, исчисляемыхъ старинными памятниками, были наблюдаемы слѣдующія: «огнь бучить, огнь пищить, искра изъ огня прынетъ... дымъ высоко въ избѣ ходитъ» ³⁾). По свидѣтельству Саксона-грамматика, славянскія женщины, сядя у очага, проводили на обумъ по пеплу черты, потомъ сосчитывали ихъ, и если выходила четъ — то ожидали счастія, и наоборотъ; Дитмаръ также упоминаетъ о гаданіи у славянъ по пеплу ⁴⁾). Въ настоящее время дѣвушки посыпаютъ золой башмаки и ставятъ на ночь подъ кровать, а поутру смотрятъ: на чьихъ башмакахъ больше золы — той и счастье будетъ полѣе ⁵⁾). Когда уйдетъ изъ стада и заблудится домашняя скотина, то хозяйка зовутъ ее въ дымовую трубу, и вѣрять, что на такой олянкѣ она непременно воротится домой: голосъ, раздающійся изъ трубы, есть какъ-бы призывъ самаго очага — пенатовъ, оберегающихъ родовое имущество.

Семья была самымъ священнымъ союзомъ у древнѣйшихъ племенъ; живя подъ однимъ отческимъ кровомъ, она имѣла свое, исключительно ей принадлежащее божество и свою отдѣльную, семейную религію. Божество это было свѣтлое пламя, возжигаемое на домашнемъ очагѣ, а религія состояла въ поклоненіи ему, жертвенныхъ приношеніяхъ и постоянныхъ

¹⁾ Абев., 218; Записки Авдѣев., 140—2; Иллюстр. 1846, 333.—

²⁾ Плещ., 183.— ³⁾ Иоаннъ, экзархъ болгар., 212; Оп. Румян. Муз.

551—2 — ⁴⁾ Макушев., 102—3.— ⁵⁾ Терещ., VII, 266.

заботахъ, чтобы не погасалъ священный огонь. Пылающій очагъ почитался собирателемъ семьи, охранителемъ жилья и принадлежащихъ къ нему владѣній, защитникомъ брачныхъ и родственныхъ связей; онъ скрѣпляетъ супружескія узы, даруетъ дѣтей, покой и счастье, словомъ является представителемъ всего нравственнаго міра, заключеннаго въ стѣнахъ дома. У индѣйцевъ женихъ могъ получить невѣсту только изъ рукъ бога Агни, подъ покровомъ котораго она возросла и воспиталась, и не иначе, какъ приобщивъ себя духовно къ фамиліи, съ которой вступалъ въ родство, черезъ рядъ жертвъ ея прародительскому очагу; являясь въ домъ жениха, невѣста трижды была обводима вокругъ очага при произнесеніи молитвенныхъ благословеній. Къ Агни возсылались и гимны о дарованіи дѣтей: «продли, Агни, на вѣкъ тому пищу, кто молить тебя; да будетъ у насъ сынъ, да будетъ наше имя (нашъ родъ) далеко-развѣтвленное!»¹⁾ У грековъ и римлянъ приведенная въ домъ жена и купленный рабъ вступали въ религію своего мужа и господина, отрѣшаясь отъ всякой зависимости отъ прежнихъ пенатовъ; приобретеннаго раба подводили къ очагу, окропляли святою водою и давали вкусить хлѣба и плодовъ: такимъ образомъ онъ становился участникомъ родового культа своего господина, что значительно должно было смягчать суровый институтъ рабства. Даже по освобожденіи рабъ продолжалъ оставаться въ подчиненномъ отношеніи къ своему господину, какъ кліентъ къ патрону, ибо и отпущенный на волю онъ имѣлъ съ нимъ одни *sacra*. Новорожденнаго младенца кормилица обносила вокругъ домашняго очага, и только чрезъ это онъ посвящался въ сочлены рода и получалъ право на наслѣдіе отцовскаго имущества. Гестіи

¹⁾ Точно также Индра почитался богомъ супружескихъ и семейныхъ союзовъ, охранителемъ дома, очага, племени—*German. Muthen*, 129, 131—2.

воручила умирающая Альцеста своихъ малолѣтнихъ дѣтей: «о богиня! охраняй моихъ дѣтей и пошли одному милую жену, а другой честнаго мужа; да не умрутъ они преждевременно, какъ мнѣ мать, но да живутъ въ счастіи и довольствѣ подъ отчею кровлею» ¹⁾). По древне-германскому обычаю, невѣсту трижды обводили вокругъ пылающаго очага той семьи, куда она выходила замужъ; тоже самое дѣлали и со вновь-принятыми слугами и даже съ народившимися домашними животными: и тѣхъ, и другихъ три раза обводили кругомъ очага. Въ ночь на новый годъ, когда обыкновенно гадаютъ о грядущей судьбѣ, въ Германіи дѣвцы заглядываютъ въ печь, надѣясь увидѣть тамъ образъ своего суженаго ²⁾); новая служанка, поступаая въ домъ, прежде всего должна заглянуть въ печной горшокъ ³⁾). Въ Литвѣ невѣста въ послѣдній день своей дѣвичьей жизни, оплакивая разлуку съ роднымъ кровомъ, обращалась къ очагу: «о мой милый святой Огонь! кто будетъ тебѣ дрова носить, чтобы отца и мать на старости согрѣвать?» и т. дал. Во время этого причитанья подруги подводили ея къ печкѣ и вторили ей заунывными пѣснями. Въ день брака, когда невѣста приближалась къ женихову дому, на встрѣчу ей выбѣгалъ дружка, держа въ одной рукѣ зажженную головню, а въ другой чашу съ пивомъ; трижды обѣгалъ кругомъ невѣстиной возозки и громко произносилъ: «какъ ты берегла огонь у отца - у матери, такъ береги и въ домѣ мужа!» Какъ скоро невѣста вступала въ домъ жениха, ее подводили къ печи и осыпали на счастье и плодородіе зерновымъ хлѣбомъ; по другимъ извѣстіямъ, она трижды должна была обойти кругомъ зажженнаго на очагѣ огня. Это былъ введъ по-

¹⁾ Ф. Кулавицъ, 26—27, 30, 67, 162—5.— ²⁾ Въ Литвѣ всѣ желающіе узнать свое будущее смотрятъ наканунѣ новаго года въ печь.—³⁾ Die Götterwelt, 196.

ваго члена въ среду семьи, посвященіе невесты въ религію жениха и врученіе ея—защитѣ родового божества ¹⁾). У славянъ при самомъ сватовствѣ невесты считаютъ необходимымъ обращаться къ ея семейному очагу, и такъ сказать—отъ него получать разрѣшеніе на выводъ избранной дѣвицы. По болгарскому обычаю, свать, вступивъ въ избу невесты, прежде всего загребаетъ въ печи уголья, почему и узнаютъ о цѣли его посѣщенія ²⁾). На Руси сваха, приходя съ брачнымъ предложеніемъ къ родителямъ невесты, подступаетъ къ печи, и въ какое бы время года это ни случилось—грѣтъ свои руки, чтобы задуманное дѣло пошло на ладъ, и затѣмъ уже начинается самое сватовство ³⁾; въ курской губ. свать беретъ рукою за печной столбъ. Въ Малороссіи, когда идутъ переговоры о сватовствѣ, невеста садится у печки и колупаетъ глину, выражая тѣмъ свое желаніе выйти замужъ. Въ черниговской губ. она взлѣзаетъ на печь, а сваты спрашиваютъ ее сойти внизъ; если она спустится съ печи, то этимъ выразитъ свое согласіе на бракъ, т. е. заявить свою готовность покинуть семейный очагъ и перейти въ домъ жениха ⁴⁾). У сербовъ молодая, по возвращеніи отъ вѣнца, обходитъ трижды кругомъ очага, и

¹⁾ Рус. Сл. 1860. V, ст. Костом., 26, 38—39. — ²⁾ Письмо г. Буслеева во II т. Истории Рос. Соловьева, 43. — ³⁾ Рус. Старина Корвиловича, 303; Москв. 1853, XIII, внутр. изв., 11. Въ вятской губ. сваха поворачиваетъ три раза ступу (о значеніи ступы, какъ эмблемы плодотворящей грозы, см. т. I, стр. 291), съ приговоромъ: „какъ не упряжится ступа, такъ бы не упряжилась дѣвица!“ Потомъ идетъ въ домъ невесты, подступаетъ къ печкѣ и грѣтъ свои руки, причитывая шопотомъ: „какъ заслонъ печи горячъ, такъ бы горѣло у дѣвицы (миирскъ) по жениху сердце!“ (Русск. Инвал. 1848, 64.) — ⁴⁾ Черниг. Г. В. 1855. 20. Когда дѣло свадится, родные невесты собираются въ назначенный день въ хату жениха, гдѣ угощаютъ ихъ искрошеннымъ на печной заслонкѣ саломъ.

каждый разъ, приостанавливаясь, беретъ въ руки зажженное полѣно и потрясаетъ имъ, такъ что сыплются искры; послѣ того свекровь обвязываетъ ее поясомъ, который служить символическимъ знакомъ прикрѣпленія ея къ новому роду ¹⁾). Соответствующій на Руси обычай требуетъ, чтобы новобрачная, вступая въ домъ мужа, бросала поясъ на печь, т. е. вѣряла бы эту эмблему суиружескихъ узъ защитѣ очага ²⁾). У чеховъ невѣста и служанка, вступая въ новый домъ, должны поклониться его очагу; первая обязана бросить въ огонь три волоса изъ своей косы, а послѣдняя заглянуть въ дымовую трубу и посыпать свои ноги пепломъ ³⁾). Заговоры на любовь, по свидѣтельству народной былинны, были произносимы передъ затопленной печью: «какъ жарко дрова разгорятся, такъ разгоралось бы по мнѣ сердце молодецкое!» (I, стр. 455.) Въ тверской губ. на другой день свадьбы ѣздить по улицамъ ряженые съ помеломъ и печною заслонкою; а въ курской губ. передъ началомъ сватовства отецъ жениха или избранный имъ свать связываетъ кочергу съ помеломъ, чтобы дѣло пошло на ладъ и связался предполагаемый союзъ: кочерга—эмблема молніеносной палы бога Агни, помело—вихря, раздувающаго грозное пламя. Отголосокъ древнѣйшаго вѣрованія, что дѣти суть плодъ благодѣтельнаго вліянія Агни, слышится въ сербской эпической формулѣ, которою выражается мать о своемъ ребенкѣ: «моје благо у пепелу расте!» ⁴⁾) О старикахъ, у которыхъ рождаются дѣти,

¹⁾ Письмо Бусл. по II т Истор. Росс., 43.— ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853. V, 54. У славонцевъ новобрачная должна войти въ избу съ хлѣбомъ и заглянуть въ дымовую трубу или бросить въ разведенный на очагъ огонь монету — Иличь, 66. У чувашей молодня, входя въ домъ мужа, прежде всего подходитъ къ печкѣ и дѣлаетъ ей низкій поклонъ—Сбоев., 36.— ³⁾ Громань, 122, 145. Въ одной чешской пьесѣ (Эрбенъ, 326) молодая проситъ да уюлкнуетъ музыки передъ прежнимъ ея домомъ, такъ какъ она разлучается съ своимъ владыкою богомъ.— ⁴⁾ Срп. н. посл., 182.

бѣлоруссы отзываются: «и въ старой печи огонь хорошо горяць». Желая остановить нескромныя рѣчи въ присутствіи дѣтей, они замѣчаютъ разсказику: «печь у хаць!»¹⁾ Въ Малороссіи о счастливыхъ людяхъ говорятъ: «у печурць родився!»²⁾. По мнѣнію бѣлорусскихъ крестьянъ, если при самомъ рожденіи ребенка нечаянно погаснетъ огонь — это знакъ, что новорожденный будетъ злодѣемъ (разбойникомъ³⁾). Въ курской губер. купленную корову хозяйка въ первый день, по приводѣ ея на дворъ, кормитъ хлѣбомъ-солью на печной заслонкѣ⁴⁾. Когда кто-нибудь изъ членовъ семьи отправляется въ дорогу, то при самомъ выходѣ его со двора открываютъ въ печи заслонку, а въ избѣ двери, для того, чтобы онъ съ успѣхомъ совершилъ предпринятую поѣздку и счастливо воротился домой: теплое вѣяніе очага какъ-бы слѣдуетъ за странникомъ и оберегаетъ его въ чужой сторонѣ, и родное жилище всегда готово принять его въ растворенныя двери (нижегор. губ.). Изъ собранныхъ нами данныхъ понятно, почему въ глазахъ древняго человѣка потомство должно было являться благословеніемъ божества, а среда семейная установленною имъ формою общежитія; напротивъ отсутствіе потомства принималось за кару раздраженнаго божества, а своевольный выходъ изъ семьи — за страшный грѣхъ. У сербовъ существуютъ клятвы бесплодіемъ: «такъ ми се не закаменило дѣјете у жени, теле украви, јагње у овци, свако сјеме у баштини!» «такъ ми се не ископала три сјемеи: л(ъ)удско, скотско и земал(ъ)ско!»⁵⁾ У насъ въ древности изгойство (выходъ изъ семьи на вольную, бродячую жизнь) почиталось смертельнымъ грѣхомъ⁶⁾.

Съ поклоненіемъ огню связывается происхожденіе жер-

¹⁾ Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнографіи, I, 216, 399, 426.— ²⁾ Старосв. Бянд, 213.— ³⁾ Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнографіи, I, 310.— ⁴⁾ Этн. Сб., V, 85.— ⁵⁾ Срп. и. послов., 305.— ⁶⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, стат. Калачова, 63.

твенныхъ обрядовъ. на что прямо указываетъ и самое слово жертва (старин. жрътва, пол. *żagzużna*) отъ жръти = грѣть, горѣть ¹⁾; санск. корень *ghṛ* — сіять, *gharṣa* — жаръ=гарь) и жертва ²⁾. У римлянъ жрецы назывались *flamines* (отъ *flamma* — огонь, пламя) и носили на головахъ уборъ, которому придавали видъ пламени, возжигаемаго или на алтаряхъ боговъ ³⁾. Такъ какъ пылающій огонь, охватывая дерево и другія вещества, быстро уничтожаетъ ихъ, подобно жадному, голодному звѣрю, терзающему свою добычу; то отсюда глаголъ «жръти» получилъ значеніе поѣдать, какъ это явствуетъ изъ донинѣ-сохранившейся въ употребленіи формы жрать. Въ Ипатьевской лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «и пойдоша (полки противъ враговъ) кличуче, яко по жрети хотяще» ⁴⁾. Народныя загадки говорятъ объ огнѣ: «бѣлое ѣсть, черное (т. е. уголь) теряетъ» ⁵⁾; «естъ три брата родные: одинъ ѣсть-не наѣстся (огонь), другой пьетъ-не напьется (земля), третій гуляетъ-не нагуляется (вода)»; «жую-не жую, а жимъ та пожираю: вся жисть моя у тинъ, а з' голоду умираю»; «зимой жретъ, а лѣтомъ спитъ» (печь ⁶⁾). Согласно съ этимъ, жертва стала обозначаться словомъ покорнъ, какъ засвидѣтельствовано пѣснями Краледворской рукописи: «*dat' rokṁ bohovom*», «*ni w sumrku iim* (богамъ) *dawati ięsti*», хотя въ томъ-же памятникѣ встрѣчаемъ выраженіе: *paliti obiet* ⁷⁾. Такіе обороты рѣчи, возникшіе изъ поэтически-образныхъ представленій народнаго ума, нечувствительно вели его къ олицетворенію священной

¹⁾ Ипатьев. лѣт., 188: «и богомъ своимъ жръше»; Мат. сравн. слов., IV, 254: «жръте богомъ»; жръць=жрецъ. — ²⁾ Мат. сравн. слов., I, 443. Смягченіе звука *z* въ *ж* очень обыкновенно въ славянскихъ языкахъ: *гоить*—*жить*, *горло*—*жерло* и проч. — ³⁾ Проппель, IV, 12. Лат. *curiejis*—прозваніе Перкуна, солнца и жреца (Изв. Ак. Н., I, 115). — ⁴⁾ П. С. Р. Л., II, 118. — ⁵⁾ Вариантъ: «чернымъ сереть». — ⁶⁾ Этн. Сб., VI, 87, 92; Номис., 299. — ⁷⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 130—3.

стихию огня въ видѣ человѣка или животнаго. Преданія изображаютъ огонь существомъ вѣчно-голоднымъ и прожорливымъ, съ золотыми зубами и палящими языками, которыми онъ грызетъ и лижетъ свою несчастную жертву; выраженіе: «пламя лижетъ своими языками» до сихъ поръ остается у насъ общеупотребительнымъ (см. т. I, стр. 728); огонь, по пословицѣ, хуже вора: «тотъ хоть стѣны оставитъ, а пожаръ все пожираетъ»; народная загадка называетъ его разбойникомъ, разорителемъ ¹⁾. Вотъ почему съ одной стороны слова, означающія сильный голодъ и жажду, сблизаются съ понятіемъ горѣнія (сравни пол. *pragnąć*, *pragnienie*, *prążyć*, малорус. *прягти*, *пряжить* — жарить; «гладомъ таяти» и «затаяли, т. е. зажгли, свѣчу воску драго»; слова *жадный*, *жажда*, старослав. *жадати*, можетъ быть, сродны съ корнемъ *жег*: «ѣсть и пить хочется, ажно душу выжгло» ²⁾); а съ другой слово «жертва» стало употребляться для обозначенія всего, что попадаетъ подъ гнѣть страшнаго насилія (жертва злобы, ненависти). Самое солнце, жаркіе лучи котораго испаряютъ влагу и палятъ землю утомительнымъ зноемъ, въ народныхъ сказкахъ нерѣдко представляется готовымъ пожрать тѣхъ сказочныхъ героевъ (представителей весеннихъ грозовыхъ тучъ), которые являюся къ нему съ вопросами и мольбами. Такъ въ чешской сказкѣ Солнцева мать говоритъ одному страннику: *„můj syn je sice dobrá duše; ale když přijde na večer hladový domů, mohlo by se lehko stat, žeby tě upekł a snědl k večeri. Je tu prázna kaň, priklopim jí na tě»* ³⁾. И когда Солнце воротилось домой, то первымъ словомъ его было: «я чую човѣчье мясо!» ⁴⁾.

¹⁾ «Двое стоячихъ (небо и земля), двое ходячихъ (солнце и мѣсяцъ). да два разбойника-разорителя (огонь и вода)» — Сахаров., I. 103. — ²⁾ Потебн., 10. — ³⁾ Переводъ: „Мой сынъ — добрая душа; но какъ прійдетъ вечеромъ домой голодный, то легко можетъ статься — испечетъ тебя и съестъ за ужиномъ. Вотъ порожняя кадь, дай покрою тебя — ⁴⁾ Эрбень, 4—5.

Въ вариантахъ этой сказки, сохранившихся у другихъ славянъ, Солнцева мать сажаетъ гостя подъ мѣдное или золотое корыто, чтобъ воротившееся Солнце не сожгло его ¹⁾). Нѣмецкая сказка распространяетъ подобное воззрѣнiе и на мѣсяцъ: «da kam es (Mädchen) zur Sonne, aber die war zu heiss und fürchterlich, und frass die kleinen Kinder. Eilig lief es weg und lief hin zu dem Mond, aber der war gar zu kalt und auch grausig und bös, und als er das Kind merkte, sprach er: ich rieche, rieche Menschenfleisch!» ²⁾) О туманѣ, исчезающемъ при выходѣ солнца, нѣмцы выражаются: «die sonne frisst ihn auf». Какъ съ одной стороны солнце, закрываемое тучами, представлялось пожираемымъ облачными великанами; такъ съ другой оно само, подобно демоническому змѣю и великанамъ, сосетъ дождевую воду. Когда солнечные лучи прорывають облака свѣтлыми полосами, чехи говорятъ: «slunce vodn táhne», а нѣмцы: «die sonne lässt wasser», т. е. по народному воззрѣнiю, жаркое солнце точно также вытягиваетъ изъ облачныхъ источниковъ дождь, какъ испаряетъ и сушитъ оно земныя воды. Что касается мѣсяца, то злобный характеръ приданъ ему, какъ представителю ночи и приводимыхъ ею темныхъ силъ. На этихъ основанiяхъ фантазiя породила солнце и мѣсяцъ съ поѣдучими великанами: sonnen-und mond-giesen ³⁾). — Огонь на домашнемъ очагѣ можно поддерживать только приношенiемъ ему разныхъ сгораемыхъ матеріаловъ; пожирая ихъ, онъ живетъ, но тотчасъ-же погасаетъ (— умираетъ), какъ скоро они превратятся въ пепелъ. Такъ сама собою, простымъ и естественнымъ путемъ, возникла жертва огню. Чтò у славянъ были жертвоприношенiя очагу — это прямо можно допустить, зная существованiе ихъ у другихъ народовъ индоевропейской семьи; но сверхъ того мы можемъ указать на свидѣтельства преданiй и старинныхъ обрядовъ.

¹⁾ Нар. сл. раз., 112.— ²⁾ Сказ. Грим., I, стр. 159.— ³⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 136—8; Ганушъ: Baba a Déd, 62.

У чеховъ въ обычаѣ — отъ каждой яствы подлагать часть въ огонь; пренебреженіе этою обязанностью влечетъ за собою опасность пострадать отъ огня; когда пекутъ хлѣбы изъ новой ржи, то въ разведенное пламя бросаютъ кусокъ тѣста, дабы не пригорѣлъ ни одинъ хлѣбъ¹⁾. Чтобы предохранить домъ отъ пожара, въ Каринтін кормятъ огонь, т. е. бросаютъ въ затопленную печь свиное сало и другія яства²⁾. Истрийскіе славяне кормятъ возженный на Ивановъ день чурбанъ, обсыпая его хлѣбными зернами³⁾. При зимнемъ поворотѣ солнца, сербы зажигаютъ въ домашней печи дубовый обрубокъ (баднякъ), а въ разведенное пламя бросаютъ деньги, сыплютъ хлѣбныя зерна, мукѹ и соль, льютъ вино и масло, и молятъ о плодородіи въ стадахъ и жатвахъ и изобиліи въ домѣ. Ударяя кочергою по горящему полѣну, они приговариваютъ: «сколько искръ, столько бы коровъ, коней, козъ, овецъ, свиней, ульевъ, счастья и удачи!» Возженіе бадняка извѣстно и въ Черногоріи, и у болгаръ, и вездѣ оно сопровождается семейнымъ пиршествомъ; у насъ же уцѣлѣла только обрядовая трапеза, совершаемая наканунѣ Рождества (см. ниже въ главѣ о народн. праздникахъ), по окончаніи которой выносятъ на дворъ опорожненные горшки и разбиваютъ ихъ объ землю, чтобы прогнать изъ дому всякой недостатокъ⁴⁾. Сходно съ сейчасъ-указаннымъ сербскимъ причитаніемъ, въ архангельской губ. въ заключеніе свадебнаго стола, когда будетъ съѣдена каша, кладутъ пустой горшокъ въ печь, съ приговоромъ: «сколько черепья, столько молодыхъ ребятъ!»⁵⁾. Древніе греки и рим-

¹⁾ Громаничъ, 41, 103.—²⁾ Roggenwolf und Roggenhund, 3.—³⁾ Терещ., V, 54.— ⁴⁾ Ibid., VII, 63—64.— ⁵⁾ Арханг. Г. В. 1843, 34. Празднуя родовымъ пенатамъ, вотяки пекутъ блины; домохозяйинъ зажигаетъ восковую свѣчу, ставитъ ее въ передній уголъ, беретъ со сковороды блинъ, и испрашивая себя и всему семейству здоровья, прибылѣи въ скотинѣ, урожая въ хлѣбѣ, разрываетъ блинъ на части и бросаетъ въ пылающую печь; тоже дѣлаетъ онъ съ мясомъ

ляне обѣдали подлѣ домашняго очага, и прежде, чѣмъ приступали къ изготовленнымъ на немъ яствамъ, домовладыка приносилъ въ жертву очагу первыя части пищи и дѣлалъ на него возліаніе, въ честь родовыхъ пенатовъ. Такое соединеніе двухъ различныхъ дѣйствій — священнаго и житейскаго не уменьшало благоговѣнія въ душѣ язычника, не унижало религіи, а напротивъ освящало обычное дѣло всеневной жизни (обѣдъ) и породило къ нему особенное благочестивое уваженіе; ибо въ той-же трапезѣ, которую приготовлялъ для себя человекъ, участвовало и самое божество. Никто не сомнѣвался, что оно дѣйствительно ѣсть и пьетъ; и въ самомъ дѣлѣ, «не видѣлъ ли каждый, что пламя разростается, какъ-бы насытись принесенною ему пищею? Такимъ образомъ трапеза дѣлалась между человекомъ и богомъ; это былъ религіозный обрядъ, чрезъ который они вступали во взаимное общеніе ¹⁾. На Руси столъ, за которымъ обѣдаетъ и ужинаетъ крестьянская семья, стоитъ въ переднемъ углу подъ образами («божницею»); передъ вкушеніемъ пищи поселяне молятся Богу и въ нѣкоторыхъ деревняхъ умываютъ себѣ руки чистою водою: этотъ послѣдній обычай преимущественно соблюдается между старовѣрами ²⁾. За обѣдъ и ужинъ, по народному убѣжденію, должно приступать благословясь, сидѣть тихо и скромно, ногами не болтать, не смѣяться, пустошныхъ рѣчей не говорить и тѣмъ «бѣса не тѣшить» ³⁾. Приготовлять опару для хлѣба и всякія яства должно какъ нѣкое священнодѣйствіе — съ благоговѣніемъ и благословясь; гдѣ стрипають безъ соблюденія этихъ условій, тамъ въ обѣдѣ принимаютъ участіе нечистые духи,

и со всѣми другими яствами; наконецъ плещетъ въ огонь кумышною (напиткомъ, приготовляемымъ въ праздникѣ), и зтѣмъ уже садятся за столъ — Собр. 1856, IX, 71. У евреевъ хозяинъ прежде, чѣмъ посадить въ печь хлѣбы, беретъ небольшой кусокъ тѣста и бросаетъ въ огонь — Обряды еврейск., 119.— ¹⁾ Кулаишъ, 28. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, V, 14—15.— ³⁾ Обл. Сл., 19; Записки Авдѣя., 128.

распѣвая срамныя пѣсни и предаваясь буйнымъ пляскамъ; къ благословеннымъ же яствамъ они и приступить не смѣютъ. На этомъ вѣрованіи создались многія интересныя легенды ¹⁾. Лубочная картина изображаетъ двѣ трапезы: «трапезу благочестивыхъ людей, ядущихъ со благодареніемъ: ангелъ господень предстоитъ, благословляетъ, а бѣсы прогоняетъ, христовою силою помрачаетъ» и «трапезу неблагодарныхъ людей, празднословцевъ, кощунствъ, скверноглаголющихъ, ядущихъ безъ благословенія; ангелъ господень отврати лице свое отъ нихъ, отъиде—стоя плачетъ, яко видѣтъ: бѣсы веселящися съ ними». Гдѣ бываетъ свадьба или пиръ, тамъ и нечистые: придутъ и засядутъ на печкѣ, а какъ станутъ хозяева подавать на столъ, неблагословенное кушанье, они тотчасъ подхватятъ то блюдо къ себѣ, все наготовленное съѣдятъ, а вмѣсто ѣды накладываютъ на блюдо всякой погани. Тоже бываетъ и съ питьемъ: вино ли, медъ ли подадутъ неблагословясь — нечистые опорожняютъ посудину, да и нальютъ туда чего хуже выдумать нельзя ²⁾.

Предавая жертвы всепожигающему пламени, древній человѣкъ вѣровалъ, что творить пріятное своимъ стихійнымъ богамъ и что всѣ они охотно принимаютъ участіе въ этихъ приношеніяхъ. Объятая пламенемъ, жертва превращается въ дымъ и пары, возносится къ небу и тамъ свидѣтельствуетъ о набожномъ настроеніи и благоговѣйныхъ чувствахъ смертнаго; боги, творцы и податели всякихъ благъ, каратели зла и неправды, питаются восходящими къ нимъ парами и благоклонно выслушиваютъ людскія мольбы. Потому у всѣхъ

¹⁾ Н. Р. Лег., 18, 20, 21: Перм Сборн., II, 177—8.— ²⁾ Н. Р. Лег., стр. 164 Со столохъ крестьяне соединяютъ ту-же мысль о плодородіи, что и съ хлѣбомъ, который, по старинному обычаю, долженъ постоянно лежать на немъ: жениха и невесту обводятъ вокругъ стола для счастья, беременную женщину—для легкихъ родовъ (нижегор. губ.); «не стали на столъ скатерти вдвое, не то родится двойникъ» (Архивъ ист.-юр. свѣд., 1, ст. Кавел., 11).

древнѣйшихъ народовъ огонь признавался проводникомъ жертвоприношеній посредникомъ между людьми и богами, обитающими на высокомъ небѣ; а домашній очагъ былъ первый жертвенникомъ, на которомъ чествовались безсмертные владыки. Какимъ бы богамъ не предназначались жертвенныя яства, вмѣстѣ съ ними необходимо сотрапезовалъ и Огонь. Въ гимнахъ Ригъ Веды божеству Агни даются названія: владыка дома (очага), возникшій жертвъ, жрецъ, посолъ и вѣстникъ людей и другъ боговъ; ибо онъ зоветъ боговъ къ жертвеннымъ яствамъ, приноситъ и предлагаетъ имъ пищу, и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ человѣческому роду, онъ—основатель богослужбнаго обряда и ходатай за людей передъ богами ¹⁾. У персовъ всякое жертвоприношеніе начиналось прославленіемъ огня ²⁾; у грековъ и римлянъ воззваніе къ богинѣ очага (Гестія, Вестъ) было началомъ и концомъ всякой молитвы и жертвеннаго обряда; изъ дома фламмы и съ алтаря боговъ римляне не могли брать огня для обыкновеннаго употребленія, а только для возженія жертвы ³⁾. Но мы уже объяснили, что Агни первоначально было особеннымъ прозваніемъ Индры, что въ огнѣ, разводимомъ на очагѣ, чествовалось низведенное на землю небесное пламя грозы, и что поэтому въ обстановкѣ и характерѣ поклоненія огню отразилась культъ бога-громовника. Именно въ этомъ тождествѣ бога огня съ громовержцемъ,

¹⁾ Orient und Occid., годъ 1, I, 20; III, 386, 397—8; IV, 576—8; годъ 2, II, 235.— ²⁾ Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 336.— ³⁾ Пропаганд., IV, ст. Крюкова, 12; Ф. Булавинъ, 31—32: „При всѣхъ жертвоприношеніяхъ, даже тѣхъ, которыя совершались въ честь Зевса или Аяины, прежде всего призывался всегда очагъ. Въ Олимпіи первая жертва, которую совершала собравшаяся Греція, приносилась очагу, вторая Зевсу. Точно также и въ Римѣ первую молитву всегда обращали къ Вестъ... Подобнымъ же образомъ мы читаемъ въ гимнахъ Ригъ-Веды: „прежде всѣхъ подобно призывать Агня. Мы промолвимъ его священное имя прежде имени всѣхъ прочихъ безсмертныхъ. О Агни, кто бы ни былъ богъ, которому мы поклоняемся, совершая жертву, всегда она принадлежитъ тебѣ“

тождествѣ, принадлежащемъ древнѣйшей эпохѣ аріевъ, кроется объясненіе всего существеннаго въ жертвенномъ обрядѣ. У германцевъ приносимыя жертвы освящались молотомъ, какъ эмблемою молніевого орудія Тора; такимъ образомъ владыка небесныхъ грозъ какъ-бы самъ возжигалъ жертвенное пламя своими громовыми стрѣлами. Вѣчно-неугасимый Зничъ древнихъ литовцевъ горѣлъ на жертвенникѣ передъ истуканомъ Перкуна, и на Руси, когда св. Владиміръ приказалъ уничтожить идоловъ, именно Перунъ вызвалъ (по свидѣтельству лѣтописи) насмѣшливый упрекъ въ пожираниіи жертвъ: «иде пидбляиниъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ; ои Перунъ (брошенный въ Днѣпръ) приплы къ берви (вариантъ: къ берегу къ бервы ¹), и отрину ѣ шестомъ: ты, рече, Перунице! досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынѣча поплочи прочь ²). Какъ на высокомъ небѣ Индра и Агни рзаятъ своими палицами тученосныхъ птицъ и облачныя стада коней, быковъ, коровъ, козъ, овецъ, оленей, вепрей, и пожирая ихъ въ грозовомъ пламени, проливаютъ на землю живую воду дождя; такъ думали, что и отъ благочестія челоуѣка ожидаютъ они и другія содѣйствующія имъ боже-ства (= вѣтры, раздувающіе пламя грозы; весеннее солнце, приводящее съ собою дождевыя облака; земля, упивающаяся дождемъ, и т. дал.) подобныхъ же приношеній Животное, избранное въ даръ богамъ, закачалось острымъ ножомъ (= символомъ разящей молніи), обрызгивалось водою и предавалось сожженію. Первоначально принесеніе жертвъ немыслимо было безъ огня и возліянія, ибо и верховный жрецъ Агни, священнодѣйствуя въ грозѣ, возжигаетъ молніи и проливаетъ дождь. На римскихъ монетахъ Веста изображалась съ горящимъ факеломъ въ одной рукѣ и съ чашею воды

¹) Польск. *berga*, нѣмец. *berine*—уступъ у городской стѣн. —
²) П. С. Р. Л., III; 207. V, 121.

въ другой. «Запретить кому-нибудь огонь и воду» (*aquae et ignis interdictio*), одно изъ самыхъ тяжкихъ наказаній во времена римской республики, означало: объявить осужденное лицо внѣ законовъ, лишити его участія въ культѣ боговъ и ихъ священнаго покровительства ¹⁾. Отсюда объясняется доселѣ существующій въ Германіи обычай, въ силу котораго хозяйка каждый вечеръ обязана выметать печь и ставить въ ней котелокъ чистой воды ²⁾. Галицкая пословица утверждаетъ, что «огонь мститса, якъ го не шануешь» ³⁾. Смыслъ ея раскрывается изъ слѣдующаго разсказа, сохранившагося между литвинами и жиудью: въ какомъ-то околоткѣ жило двое хозяевъ. Жена одного постоянно ставила въ печь, въ даръ Огню, горшокъ съ водою, а другая пренебрегала этимъ обычаемъ. Первой изъ нихъ случилось разъ подслушать на дворѣ слѣдующій разговоръ двухъ Огней. «Ну, братъ! сказалъ одинъ Огонь, на будущую ночь я истреблю свой очагъ и перевесу свое хозяйство на новее мѣсто, потому что я изсохъ здѣсь; мнѣ никогда еще не поставили и капли воды!» — Какъ знаешь! отвѣчалъ другой, только на твоей печкѣ стоитъ взятая у насъ лоханка; не сожги ее, моя хозяйка — добрая!» Ночью вспыхнулъ у недоброй бабы пожаръ и истребилъ все дичиствъ; осталась на пепелищѣ только одна лоханъ нетронутою ⁴⁾. Подобный разсказъ существуетъ и въ Малороссіи, только причина пожара мотивирована иначе. Было двѣ сестры: одна заметала печь чистою траницею, а другая грязными

¹⁾ Проппен. IV, 11. Тому возрѣніе на огонь и воду, какъ на стихія, необходимыя при жертвенномъ обрядѣ, встрѣчаемъ и между двумя племенами инородцевъ—си. сочин. г-жи Фуксъ о чуваш. и черемисахъ, 20—22, 77, 216; Совр. 1836, II, 186 (о вотникахъ); Сибирск. Вѣстн. 1822, кн. VIII, 41—42 (о тунгусахъ).— ²⁾ Beiträge zur D. Myth. Вольфа, II, 394.— ³⁾ Старосв. Банд., 193.— ⁴⁾ Семеновск., 116—7; Иллюстр. 1848, № 28.

вѣтникомъ; по народному же повѣрью, заметать въ печи чѣмъ-нибудь грязнымъ — большой грѣхъ. Въ полночь сошлись Огни, поговорили между собой, и вслѣдъ за тѣмъ у непочтительной хозяйки сгорѣла хата. Въ старинномъ поучительномъ словѣ (по рукописи новгородскаго Софійскаго собора), въ числѣ другихъ суевѣрій, осуждается и слѣдующій обычай: «и на печь льюще въ бани» ¹⁾). Крошъ воды, возліянія, согласно съ различными метафорическими названіями, придаваемыми дождю, дѣлались и молокомъ, масломъ, виномъ, пивомъ (брагою), медомъ и кровью ²⁾). Кашубы считаютъ необходимымъ плеснуть въ огонь парнымъ молокомъ, чтобы оно не испортилось ³⁾). Баднякъ дѣселъ поливается виномъ и масломъ; обсыпаніе его зерновымъ хлѣбомъ стоитъ въ связи съ немецкимъ представленіемъ дождевыхъ капель ниспадающими съ небесъ сѣменами (см. I, 571). Тоже значеніе имѣетъ и обрядъ посыпанія молодой четы зѣрнами, чтобы надѣлать ее силою чадородія (см. гл. XXIX). Въ старину, при произнесеніи клятвенныхъ обѣтовъ, лiali на огонь вино и молили боговъ: да прольютъ они также кровь нарушителя клятвы! Такъ какъ издревле въ составъ опьяняющаго напитка входили медъ и ячменный сокъ, то у народовъ классическихъ жертвенные обряды сопровождался приношеніемъ толченаго ячменя, смѣшаннаго съ водою и солью, и лепешками, намазанными медомъ. На Руси еще недавно лошади, приносимой въ даръ водяному, обмазывали голову медомъ. Болгары до сихъ поръ въ честь св. Георгія закаляютъ барашка, съ соблюденіемъ обрядовъ, которые несомнѣнно указываютъ на жертвенное зна-

¹⁾ Лят. рус. лит., т. IV, 106.— ²⁾ По свидѣтельству Страбона, персы, закалая у рѣкъ, озеръ и источниковъ бѣлыхъ коней, сожигали ихъ при пѣніи священныхъ гимновъ и дѣлали на землю возліянія древеснымъ масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ и медомъ.—
³⁾ Этн. Сб., V, 75.

ченію такого закланія; этому барашку мажутъ ротъ медомъ, а подъ горломъ его ставятъ чашку, куда и стекаетъ кровь: не одна капля ея не должна пролиться наземь. Собранною кровью мажутъ дѣтямъ лобъ, щеки и подбородокъ крестообразно; употребляютъ ее также на дѣченіе домашнихъ животныхъ и взрослыхъ людей отъ оспы, коросты и другихъ сыпучихъ болѣзней. Чехи обрызгиваютъ народъ кровью пѣтуха, закалаемаго при жатвенномъ и храмовомъ праздникахъ ¹⁾. У насъ, для унятія зубной боли, совѣтуютъ мазать десна кровью чернаго пѣтуха ²⁾. У литовцевъ и германцевъ было принято окроплять жертвенною кровью всѣхъ соучастниковъ въ священномъ обрядѣ. Кровь эта, въ глазахъ язычниковъ, обладала тою-же очистительною силою, какая приписывалась живой водѣ дождя ³⁾. Издревле кровью приносили въ жертву животныхъ брызгали на разведенное пламя и вкушали ее, какъ напитокъ, надѣляющій высшими духовными дарованіями. Гельмольдъ рассказываетъ, что, по закланіи жертвы, жрецъ пилъ ея кровь, чтобы обрѣсти божественный даръ предвѣщаній. Съ тою-же цѣлью древніе германцы пили медъ и пиво, примѣшивая къ нимъ жертвенной крови ⁴⁾. Итакъ крови этой придавалось точно такое-же вѣщее, одушевляющее значеніе, какъ и нектару и чудному напитку, созданному изъ крови Квасира. Изъ запрещенія новгородскаго епископа Нифонта вкушать кровь птицъ и звѣрей можно заключать, что подобное обыквеніе имѣло мѣсто и между русскими славянами: «рѣхъ вамъ ѣсти мяса, а кровь всякаго живота прелей на землю; аще ли

¹⁾ Громаниъ, 75.— ²⁾ Зубная боль останавливается также прикосновеніемъ пальца, омоченнаго кровью крота.— ³⁾ По нѣмецкому повѣрью, кровь дитяти и невинной дѣвicy исцѣляетъ отъ коросты — D. Myth., 1125.— ⁴⁾ Ibid., 49.

ѣи ю — противникъ еси Богу» ¹⁾; прямое же свидѣтельство находимъ въ словѣ митрополита Иларіона (XI стол.), который, восхваляя ново-принятую вѣру, говоритъ: «и уже не жертвенныя крове вкушающе погибаемъ, но Христовы пречистыя крови вкушающе спасаемся» ²⁾.

Сила вечистая, демоны повальныхъ болѣзней и богиня смерти, по самому характеру связываемыхъ съ ними представлений, казались вѣчно-голодными, жадно-пожирающими все живое; они постоянно требовали уничижительныхъ жертвъ. Но, какъ объяснено ниже (см. гл. XXII), вечистые духи болѣзней и смерти въ сознаниі первобытнаго народа вовсе не были олицетвореніемъ отвлеченныхъ понятій, а напротивъ сливались съ покрывающими небо черными тучами, несущими разрушительныя бури, градъ, стужу, неурожай и вѣтріе (моровую язву). Подъ вліаніемъ этого воззрѣнія богъ-громовникъ обратился въ божество адское, обитающее, вмѣстѣ съ толпою подмастныхъ ему духовъ, въ мрачныхъ подземельяхъ облачныхъ скалъ и вертеповъ. Потому и жертвы, имъ приносимыя, предавались сожженію; зарываніе въ землю есть сравнительно болѣе поздняя форма жертвеннаго обряда, возникшая при забвеніи настоящаго смысла древнихъ метафорическихъ выраженій, когда адскіе духи, пребывающіе въ темныхъ пещерахъ тучъ, были признаны за дѣйствительныхъ жильцовъ подземнаго міра. Подобно тому, жертвы задушеніемъ въ водѣ (потопленіемъ) возникли уже тогда, когда «дождящій» Перунъ обособился въ самостоятельное божество морей и рѣкъ и когда обожаніе отъ небесныхъ, дождевыхъ источниковъ перенесено было на земныя воды.

¹⁾ Памятн. XII в., 190—1. Въ поученіи митрополита Фотія (1416 г.) о невкушеніи удавленныи сказано: «кровь бо вмѣсто души въ бессловесныхъ нивѣтъ силу»—Ан. Ист., I, 22.— ²⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, VII, 32.

Какъ домашній, родовой очагъ былъ первымъ жертвенникомъ, такъ домовладыка, глава рода, былъ первымъ жрецомъ, первымъ служителемъ боговъ. Такое явленіе необходимо усложнялось патриархальнымъ бытомъ первобытныхъ племенъ и ихъ религиозными воззрѣніями, въ силу которыхъ съ пламенемъ, возженномъ на домашнемъ очагѣ, соединялось представленіе о богѣ-охранителѣ родственнаго союза и семейнаго счастья. Тѣ-же лица, которые заведывали очагомъ, разводили на немъ огонь и готовили пищу, были и совершителями священныхъ обрядовъ; такія хозяйственныя и религиозныя обязанности лежали на старшихъ въ родѣ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ и полною властію распоряжаться въ домѣ ¹⁾. Какъ служитель очага, домовладыка носилъ у славянъ имя огнищанина; по выраженію сербовъ, «безъ стара паѣа сиротно огъиште» ²⁾. Отъ хозяйки, по русской народной поговоркѣ, должно пахнуть дымомъ ³⁾; а, вмѣсто названія старшѣй, въ нѣкоторыхъ деревняхъ выражаются о домохозяйкѣ: дымная шапка; дымнича ть означаетъ: смотрѣть житье-бытье жениха или невесты, тоже самое, что выраженіе: «смотрѣть печь или шестокъ» въ домѣ родителей невесты ⁴⁾. Доселѣ уцѣлѣвшіе народные обычаи живо свидѣтельствуютъ за то богослужебное значеніе старшаго, какое при-

¹⁾ Кулавиъ, 117—8: „Всѣхъ ближе къ очагу отецъ; онъ зажигаетъ его и заботится о немъ; онъ его верховный жрецъ. Во всѣхъ религиозныхъ службахъ онъ исполняетъ высшую обязанность: онъ закладываетъ жертву; его уста произносятъ молитвенную формулу, которая должна снисывать ему и его домашнимъ покровительство боговъ“.—²⁾ Безъ стараго пня сирответъ огнище—Срп. и. посл., 12.—

³⁾ Рус. въ св. посл., II, 59. У грековъ и римлянъ мать семейства (*materfamilias*, *отходѣтельница*) пользовалась большимъ почетомъ; на ней лежала забота, чтобы очагъ не потухалъ. Греки считали несчастіемъ „имѣть очагъ, лишенный супруга“; а у римлянъ жрецъ, овдовѣвши, терялъ свой жреческій санъ—Кулавиъ, 136—7.— ⁴⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 28; Тарещ., II, 610.

надлежало ему нѣкогда въ средѣ рода. Въ Малороссіи до сихъ поръ наканунѣ Нового года хозяинъ исполняетъ тотъ-же «законный» обрядъ, какой, по свидѣтельству Саксона-грамматика, совершалъ въ старину жрецъ во время Святovitова праздника: онъ садится за столъ, уставленный всякаго рода печеньями, и послѣ обычнаго замѣчанія домочадцевъ, что его не видно изъ-за приготовленныхъ яствъ, молить объ урожаѣ будущаго года: «дай же, Боже, щобъ и на той рокъ не бачили!» (см. гл. XXVIII.) У болгаръ домовладыка напоминаетъ о своемъ древне-жреческомъ характерѣ — въ большіе праздники (наприм. въ «бадній вечеръ» — предъ Рождествомъ), когда онъ, окруженный всѣми родичами, беретъ кадильницу, кладетъ въ нее ладонь и кадитъ семейнымъ иконамъ ¹⁾; на Юрьевъ день онъ рѣжетъ жертвеннаго ягненка. Въ Сербіи кутьи старѣшина является съ тѣмъ-же характеромъ въ своемъ семействѣ: «кад се моле Богу, он почиє и свршује» ²⁾. Въ тверской губ. въ день похоронъ хозяинъ дома ставитъ на столъ кипу блиновъ, зажигаетъ свѣчу предъ иконами, беретъ въ руки кадильницу и молча кадитъ во всѣ углы, а потомъ покойнику и всѣмъ присутствующимъ въ избѣ ³⁾. По указанію колядской пѣсни, закланіе въ жертву козла совершалось старикомъ; въ другой старинной пѣснѣ, которую поютъ при «опахиваньи», сказано: «кипятъ котлы кипучіе, вокругъ котловъ стоятъ старцы старые; поютъ старцы про смерть, про животъ, всему міру сулятъ годы долгіе, а на злую Смерть кладутъ проклятье великое» (см. I, 566—7). До сихъ поръ наибольшей въ семьѣ угощаетъ Морозъ виселемъ и кутьею (см. I, 319), и вообще всѣ уцѣлѣвшіе отъ старины обломки жертвенныхъ и богослужебныхъ обрядовъ главнымъ

¹⁾ Каравел., 277; Истор. Росс. Соловьева, I, 49.— ²⁾ Срп. рјечник., 713.— ³⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 105.

образомъ совершаются стариками и старухами. Изстари родовачальники назывались у славянъ князьями, которые и соединяли въ своихъ рукахъ власть правительственную вмѣстѣ съ религіозною. Слово «князь», первоначальный смыслъ котораго указываетъ на отца, основателя рода (см. гл. XXIX), донынѣ въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ удерживаетъ значенія господина, правителя, сельскаго старосты и священника: пол. *ksiądz*, чешск. и лужиц. *knez* — попъ, священникъ, *predni knez* — епископъ, *knezstwo* (слов. *knázstvo*) — духовенство, *czegno-knezik* — чародѣй, *czegno-knezstwo* — чародѣйство; въ чешскомъ переводѣ евангелія X вѣка архіереи названы *spaezi popsti*, а въ евангеліи XIV в. *knieszata porowa*; согласно съ этимъ, по литовски *kunig's* — не только вообще господинъ, но и духовный сановникъ, *kunigene* — попадья ¹⁾; на Руси же священниковъ называютъ батюка, батявка ²⁾ и отецъ (съ прибавленіемъ собственнаго имени, напр. отецъ Иванъ, отецъ Петръ); старослав. *попъ*, которое встрѣчается уже въ памятникахъ XI вѣка, имѣетъ тоже значеніе: сравни: *patet*, *papa*, нѣм. *paph*. Когда, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественнаго быта славянъ, отдѣльные роды стали сливаться въ племенные союзы, а племена группироваться въ одно гражданское общество («народъ»), когда вмѣстѣ съ тѣмъ расширился и объемъ власти князя, поставленнаго во главѣ соединившихся племенъ, — и въ это сравнительно позднѣйшее время онъ не утратилъ своего теократическаго характера. Подобно тому, какъ на ряду съ

¹⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 170; Р. И. Сб., I, 82—89; III, 150—1. Ходковскій указываетъ на множество урочищъ, названія которыхъ образовались отъ слова князь, и замѣчаетъ, что они всегда расположены въ извѣстномъ разстояніи отъ городищъ, а гдѣ подобныхъ названій не встрѣчается, тамъ находилъ онъ имена, образовавшіяся отъ слова попъ. — ²⁾ Обл. Сл., 8.

родовыми очагами возникает представление о племенномъ и всенародномъ очагѣ, пламя котораго чувствуется равно всѣми отдѣльными семьями и родами; такъ рядомъ съ домоладьями, охранителями семейнаго единства и служителями отеческихъ боговъ въ тѣсномъ кругу родичей, великій князь пользуется правами верховнаго жреца, служителя предъ алтаремъ того священнаго огня, который былъ видимымъ знаменіемъ народнаго единства. При совершеніи общественнаго богослуженія онъ является впереди, какъ пастырь народа. Лѣтописецъ Несторъ ни разу не упоминаетъ объ особенныхъ жрецахъ, а напротивъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо должны бы дѣйствовать жрецы, если бы существовали они, какъ отдѣльный классъ, говорить о князѣ и боярахъ: в. кн. Владиміръ ставитъ кумиры въ Кіевѣ, возлѣ своихъ теремовъ, а дядя его Добрыня—въ Новгородѣ ¹⁾. Послѣ побѣды надъ ятвягами, Владиміръ творилъ потребу кумирамъ съ людьми своими; и сказали старцы и бояре: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него-же падеть — того зарѣжемъ богомъ.» Съ боярами и градскими старцами разсуждаетъ этотъ князь о перемѣнѣ отческой вѣры и принатіи христіанства; по его велѣнію падаютъ идолы и создаются церкви: «повелѣтъ кумиры испроврещи, овы осѣчи, а другія огневи предати, Перуна же повелѣтъ привязати коневн къ хвосту... Повелѣтъ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребности князь и

¹⁾ «И нача княжити Володимерь въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму вѣдъ двора теремнаго... Володимерь же посади Добрыню уя своего въ Новгородѣ, и пришедь Добрыня Ноугороду, постави кумира (вар. кумиръ Перуна) надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородстїи чини богу».

людью¹⁾. Итакъ важнѣйшіе религіозные вопросы рѣшались възвѣстъ вмѣстѣ съ боярами и старцами—общемо ихъ думою и приговоромъ. У чеховъ, по свидѣтельству Краледворской рукописи, жреческія обязанности лежали на старшихъ въ родѣ—на отцахъ семействъ и военачальникахъ, предводителяхъ племенной рати. Такъ Честмиръ, передъ походомъ на Власлава, самъ приноситъ жертву богамъ; другой вождь Веймиръ исполняетъ тоже самое, а Забой въ своихъ жалобахъ на яраговъ, разорившихъ священныя роши, замѣчаетъ:

Kamo otĕik dáwáše krmie bobóm,
Kamo k niem hlasat chodivaše,
Posiekachu wše drva
I rozhrušichu wše bohy²⁾.

По указанію старыхъ саксонскихъ писателей, славянскіе владыки за р. Одромъ соединяли съ своею свѣтскою властію и духовную³⁾, точно также, какъ нынѣ удерживаетъ за собою объѣдѣніе власти черногорскій владыка. Такое явленіе не есть исключительное, принадлежащее только славянамъ; оно неразлучно съ патриархальнымъ строемъ первобытныхъ человѣческихъ обществъ. Въ эпоху Гомера греческіе цари и полководцы были и жрецами; такъ поэтъ рассказываетъ о жертвоприношеніи, совершонномъ въ честь Аены Несторомъ⁴⁾. У скиновъ обязанности главныхъ жрецовъ отправляли царь и племенные начальники, и потому на нихъ падала отвѣтственность за все бѣдствіе, какія постигали народъ; тамъ, гдѣ власть переходила въ руки царицы, она совершала и общественное богослуженіе, и при ней состояли дѣвы, обязанныя прислуживать при

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 34—35, 45—46, 50—51.— ²⁾ Переводъ: гдѣ отецъ давалъ богамъ яства (кормы), куда ходилъ возглашать къ нимъ — тамъ враги порубили всѣ деревья и разрушили всѣхъ боговъ (т. е. идолов)—Ж. М. Н. П. 1840, XII, 130, 145.— ³⁾ Р. И. Сб., I, ст. Хомаковск., 84.— ⁴⁾ Одис., пѣснь III.

жертвенныхъ обрядахъ ¹⁾). Примеръ княгини Ольги и чешское преданіе о Любушѣ доказываютъ, что и въ славянскомъ мірѣ въ извѣстныхъ случаяхъ старѣйшинство могло переходить на женщину, а вмѣстѣ съ нимъ переходили на нее и религиозныя обязанности. Въ этомъ образованіи княжеской и царской власти изъ власти древняго патріарха, представителя родственнаго союза и прародительскаго культа, кроется объясненіе, почему съ древнѣйшихъ временъ съ саномъ верховнаго правителя соединялась идея таинственнаго освященія. Происхожденіе царственной автократіи терялось въ физиологическихъ основахъ, положенныхъ самою природою, и для племенъ, нравственныя убѣжденія которыхъ воспитаны были на живомъ, всепроникающемъ чувствѣ крови, она являлась установленіемъ самаго божества. Какъ лица, священнодѣйствующія предъ алтарями пенатовъ и потому состоящія въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ міромъ боговъ, старцы-родоначальники и вел. князь повѣдали ихъ непреложную волю и устанавливали на землѣ правду; въ силу этого, самый судъ получилъ религиозное значеніе и совершался предъ священнымъ пламенемъ, обличающимъ кривду (см. ниже о «божьихъ судахъ»). Понятія суда, управы и домашняго хозяйства, стряпни у очага поставлены въ языкѣ въ близкую связь: рядъ — общественное устройство, судъ, законодательный уставъ («Рядъ права земскаго» — сборникъ старинныхъ чешскихъ законовъ; урядить землю, рядная запись, раз-рядъ — правительственное мѣсто, тавтологическая формула: судить-рядить, на-рядъ въ извѣстномъ выраженіи лѣтописи: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да помдѣте княжить и володѣти нами»); об-рядъ — введенный закономъ или обычаемъ порядокъ, внѣшняя обстановка какого ли-

¹⁾ Лѣт. рус. лѣт., кн. I, 139.

бо дѣйствія, церемонія; обряды—всякое занятіе по кухнѣ, стряпня, обряднаха—хозяйка, стряпуха, обрядна—порядокъ въ домашнемъ обиходѣ, обрядиться—приготовить кушанье, обрядить корову—снять съ нея кожу и вынуть внутренности ¹⁾; стряпчій, стряпческія дѣла и стряпать—готовить яства, стряпуха—кухарка. Почти у всѣхъ языческихъ племенъ жрецы были и судьями и распорядителями общественныхъ дѣлъ. У насъ существуетъ примѣта, связывающая съ стихіей огня представленіе о власти и пренушествѣ: во время вѣнчанія совѣтуютъ невѣстѣ держать свою свѣчу выше жениховой, чтобы впоследствии «имѣть надъ мужемъ бѣльшину» (тверск. губ. ²⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общинное устройство болѣе и болѣе брало перевѣсъ надъ разрозненностію родовъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ велико-княжескаго управленія на болѣе широкихъ основаніяхъ, необходимо начинаетъ развиваться и публичный характеръ богослуженія, религіозныхъ игрищъ и празднествъ. На игрища и празднества роды сходятся «межи селы» и совершаютъ ихъ сообща; избранныя для этого мѣста—прибрежья рѣкъ и озеръ, лѣса и горы мало по малу получаютъ въ глазахъ окрестнаго населенія особенную святость: здѣсь воздвигаются жертвенники (требища) для сожженія приносимыхъ народомъ жертвъ; здѣсь же, для общаго поклоненія, поставляются и кумиры боговъ. Идолы и жертвенники создаются также и въ мѣстахъ главныхъ поселеній, огражденных крѣпкими стѣнами отъ набѣговъ непріятеля (въ «городахъ»), гдѣ живутъ властители-князья и куда сходятся на вѣчевыя сходни

¹⁾ Обл. Сл., 135.— ²⁾ Въ народныхъ сказкахъ (Н. Р. Сл., V, 53; VI, 61 и стр. 300; Рыбник., II, 274; Эрленвейнъ, 93) избраніе новаго царя происходитъ такимъ образомъ: по рѣшенію думныхъ людей, всякой долженъ войти въ церковь, со свѣчю въ рукахъ; у кого свѣча загорится сама собою—тотъ и царь.

старѣйшины отъ всѣхъ подвластныхъ имъ родовъ. Впослѣдствіи эти святилища начинаютъ обнесать оградами и завѣшивать покровами, чтобы защитить ихъ отъ разрушительнаго вліянія непогоды и святотатственныхъ покушеній, и такимъ образомъ возникаютъ языческіе храмы. Въ это время дѣлается необходимымъ, чтобы изъ общей массы народа выдѣлились почетныя, всѣми уважаемыя лица, которымъ можно-бъ было ввѣрить надзоръ за чистотою святилищъ и охраненіе кумировъ и ихъ достоянія; чувствуется нужда въ людяхъ, которые бы исключительно посвятили себя дѣлу религіи. Къ тому-же ведетъ и осложненіе мифическихъ сказаній и образованіе цѣлой системы различныхъ обрядовъ. Прежде, въ отдаленную старину, сказанія о богахъ были общедоступны, и самый языкъ молитвенныхъ возношеній болѣе или менѣе для всякаго понятенъ. Но когда божества изъ стихійныхъ явленій природы облакаются въ животныя и человѣческія формы, получаютъ субъективныя страсти и побужденія, тогда естественно — и тѣ выраженія, которыя понятны въ приложеніи къ престолу явленію природы, дѣлаются загадочными въ отношеніи къ его олицетворенію; каждая метафора, коренной смыслъ которой затерянъ, служитъ зерномъ, изъ котораго вырастаетъ мифическое сказаніе или обрядъ; возникаетъ множество трудне-согласимыхъ между собою представленій, басней, повѣрій, примѣтъ и чаръ, составляющихъ сущность языческаго вѣровученія. Сберечь это богатое наследіе предковъ въ теченіи долгихъ лѣтъ сила семейнаго преданія оказывается недостаточною. Знать разнообразныя мнѣя, помнитъ зачатія и сложную обстановку обрядовъ, употребляемыхъ при религіозныхъ очищеніяхъ, врачеваніяхъ, жертвахъ, гаданіяхъ и судебномъ разбирательствѣ, понимать указанія примѣтъ и смыслъ загадокъ могутъ уже не всѣ, а только избранные, отдавшіеся священному вѣдѣнію. Мало по малу начинаютъ выдвигаться изъ на-

рода люди, одаренные большими способностями: умомъ, бойкимъ словомъ, поэтическимъ одушевленіемъ, и потому пользующіеся между своими соотечественниками значительнымъ вліяніемъ. Дѣйствуя подѣ религиознымъ увлеченіемъ, они становятся народными учителями, глашатаями воли боговъ и прорицателями будущаго: имъ извѣстны древнія преданія, они въ силахъ разгадать и объяснить небесныя знаменія, таинственныя прииѣты и сновидѣнія, они знаютъ цѣлебныя свойства травъ и другихъ снадобій, въ памяти ихъ хранится обильный запасъ заговоровъ и заклятій, чародѣйною силою которыхъ можно управлять божественными стихіями и обращать ихъ на добро и зло. Это — волхвы, кудесники, колдуны и колдуньи, чародѣи и чаровницы, люди вѣщіе; къ нимъ, въ случаѣ нужды, прибѣгали за совѣтомъ и помощью, и они совершали жертвенныя и очистительныя обряды, читали заклятія, гадали, гѣчили и давали предсказанія ¹⁾. Въ древлеславянскомъ языкѣ извѣстно и слово жрецъ; въ Іоакимовской лѣтописи находимъ даже указаніе, которое повидимому противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, что у русскихъ славянъ жреческія обязанности несли князья и родоначальники: «вышній же надъ жрецы славянъ Богомилъ, сладкорѣчія ради нареченъ Соловей, велики претя люду покоритися» (принять христіанство ²⁾). Думаемъ, что противорѣчіе это легко можетъ быть устранено; жрецъ здѣсь тоже, что волхвъ, кудесникъ, и вліяніе Богомила на народъ и его враждебное отношеніе къ христіанству

¹⁾ По всему вѣроятію, вѣщіе мужи выходили изъ среды тѣхъ же старѣйшинъ, которые заправляли родовымъ культомъ. Народное повѣрье приписываетъ колдовство преимущественно старикамъ и старухамъ; существуетъ даже убѣжденіе, что тайная наука волшебства хранится постоянно въ нѣкоторыхъ семействахъ, передаваясь наследственно изъ рода въ родъ—отъ отца къ сыну (Вережанинъ: Очерки архангел. губ., 187; D. Myth., 1060 — ²⁾ Истор. Росс. Татищева, I, 39.

совершенно сходны съ вліяніемъ и дѣйствіями волхвовъ XI столѣтія. Допустить у восточныхъ славянъ существованіе особаго класса жрецовъ не позволяютъ всѣ достовѣрныя извѣстія о нихъ бытъ. Жрецъ, волхвъ, кудесникъ суть слова синонимическія (см. гл. XXVI); изъ нихъ названіе «жреца» было избрано, при переводѣ ветхаго завета на славянскій языкъ, для обозначенія языческихъ священнослужителей, такъ какъ оно яснѣе другихъ указывало на сожженіе жертвенныхъ приношеній. Именно это и усвоило за нимъ тотъ смыслъ, какой придается ему въ современной рѣчи. Впрочемъ и слово «волхвъ» упротребляется иногда въ старинныхъ памятникахъ съ тѣмъ-же значеніемъ; такъ въ одномъ поучительномъ словѣ читаемъ: «волхвовъ, дѣти моя, удаляйтесь! Боленъ былъ царь Охозія... послалъ къ идолу Ваалу и къ жрецомъ его спросити: буду ли живъ или умру? Посланные шли спросить волхвовъ...»¹⁾ Въ хорутанскомъ же нарѣчій понятіе жречества соединяется съ словомъ «колдунъ» (калдованць — см. гл. XXVI). Толпы кудесниковъ, чародѣевъ, волхвовъ встрѣчаемъ у всѣхъ грубыхъ, неразвитыхъ племенъ, и вездѣ они являются, какъ избранники, посвятившіе себя тайнамъ религіи и служенію боговъ²⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе окрѣпости публичнаго богослуженія у восточныхъ

¹⁾ Москв. 1851, VI, 129—130.— ²⁾ См. Лѣт. рус. лит., кн. I, 134—о скифахъ; Сбоева, 50—51—о финскихъ племенахъ. Новгородскій архіепископъ Макарій писалъ о язычникахъ водской пятинны: «и проста человекъ у себя держакъ и почитакъ, яко священника, его — же нарицакъ арбуемъ (колдуномъ): сей вся приносящая совершенія (приношенія совершая) по своей прелести, и дѣтемъ имена нарицаая—Ш. С. Р. Л., V, 73. Отецъ Іоакимъ началъ шаманства относить къ тому времени, когда еще не знали ни храмовъ, ни особаго класса жрецовъ. Служеніе шамановъ состоитъ въ принесеніи жертвъ, возглашеніи молитвъ и врачеванія. Въ Бятѣ шаманы уже составляютъ жреческое сословіе (О. З. 1839, XI, 73—81).

славянъ, нѣкоторые изъ вліятельныхъ вохвовъ могли бы усвоить себѣ исключительное жреческое значеніе и образовывать отдѣльный іерархическій классъ; но такой процессъ не успѣлъ завершиться, какъ было водворено христіанство. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что конечное развитіе на Руси язычества, по отношенію къ культу, представляется въ тѣхъ неустановившихся формахъ, которыя прямо свидѣтельствуютъ о его переходномъ состояніи изъ религіи отдѣльныхъ родовъ и племенъ въ религію общинную, всенародную.

Отъ домашняго очага, у котораго священнодѣйствовалъ представитель рода, и вся изба получила въ глазахъ язычника религиозное значеніе. Какъ кровь, свидѣтельствующій о бытѣ предковъ, какъ мѣстопробываніе родового пената, изба должна была пользоваться благоговѣйнымъ уваженіемъ отъ всѣхъ родичей. Большой или меньшій почетъ, воздаваемый различнымъ ея частямъ, условливается болѣе или менѣе близкою связью ихъ съ очагомъ; самый же очагъ, на которомъ пылалъ огонь, охраняющій цѣлость и счастье родственного союза, былъ главною святынею. Поэтому изба для славянина была не только домою въ обиходномъ смыслѣ этого слова (жилищемъ, пристанищемъ), но и храмомъ, въ которомъ обитало свѣтлое, дружелюбное божество и совершались ежедневныя жертвоприношенія и мольбы ¹⁾. Кромѣ постоянного присутствія Агни, она освящалась и таинственнымъ низхожденіемъ въ нее другихъ боговъ. Такъ какъ жертвы не иначе дѣлаются достояніемъ боговъ, какъ только при посредствѣ возжоннаго пламени; то съ очагомъ соединилось представленіе пиршественнаго стола, за которымъ сходятся трапезовать безсмертные владыки. Призываемые своими поклонниками,

¹⁾ Храмъ и хоромы, хранина (домъ, жилье) — слова буквально-тождественныя.

они оставляют небо и незримо являются у домашнего очага вкушать отъ жертвенныхъ яствъ, и въ воздаяніе за то благосклонно выслушиваютъ просьбы молящихся, надѣляютъ ихъ щедрыми дарами и помогаютъ имъ въ несчастіяхъ. Въ народныхъ заговорахъ донинѣ повторяются такіе призывы, обращенные къ небеснымъ свѣтиламъ: «Мѣсяцъ ты красный! сойди въ мою клѣтъ; Солнышко ты привольное! взойди на мой дворъ» или: «сойди ты, Мѣсяцъ, сними мою скорбь, унеси ее подъ облака» ¹⁾).

Поклоненіемъ очагу легко объясняется и славянское гостепріимство. Всякой странникъ, иноплеменикъ, входя подъ кровъ извѣстнаго дома, вступалъ подъ защиту его пенатовъ; садясь подлѣ очага, отдаваясь подъ охрану разведеннаго на немъ огня, онъ тѣмъ самымъ дѣлался какъ-бы членомъ семейства, — подобно тому, какъ невѣста, приводимая въ домъ жениха, только тогда сопричислялась къ его родственному союзу, когда трижды обходила вокругъ затопленной печи (см. стр. 34-36). «Кто сидѣлъ на печи, говоритъ русской простолюдинѣ, тотъ уже не гость, а свой». ²⁾ Не принять странника, обидѣть гостя значило: нарушить уваженіе къ святынямъ очага и къ кровнымъ, семейнымъ связямъ — грѣхъ самый ужасный по понятіямъ патріархально-воспитаннаго человѣка. Отъ того гостепріимство вовсе не составляетъ исключительной принадлежности славянъ, а есть черта, общая всѣмъ первобытнымъ народамъ. Теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей сѣверной Америки и кавказскихъ горцевъ, продолжающихъ жить въ родовомъ бытѣ, какъ прежде хвалили за то скивоовъ ³⁾. На Кавказѣ еще недавно гостю передавались права старшаго въ семьѣ; за обиду, навесенную ему, угро-

¹⁾ Сахаров., I, 22, 24.— ²⁾ Послов. Даля, 866.— ³⁾ Лят. рус. лит., кн. I, 130.

лама мести цѣлаго аула и самые родичи съ презрѣніемъ отступались отъ виновника такого нечестиваго дѣла ¹⁾). По греко-римскому обычаю чужеземецъ, являясь просителемъ, садился на печь домашняго очага, и чрезъ это приобреталъ право на защиту и помощь домохозяина. Нарушить долгъ гостеприимства признавалось за оскорбленіе Зевса; по свидѣтельству Одиссея,

Мстить за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный
Кроніонъ,
Богъ-гостелюбецъ, священнаго странника вождь и
заступникъ ²⁾).

Не одинъ народъ, говоритъ Тацитъ, не бываетъ такъ внимателенъ къ гостямъ, какъ германцы; отказать кому-либо отъ своего дома считается безчестіемъ; каждый угощаетъ пришельца, смотря по своему состоянію, а въ случаѣ недостатка ведетъ его въ сосѣдній домъ, гдѣ ихъ обоихъ принимаютъ съ радушіемъ, не различая знакомаго отъ незнакомаго; пожелаетъ ли гость получить что-нибудь въ подарокъ, просьба его не можетъ быть не исполнена. Юлій Цезарь замѣчаетъ о галлахъ, что они считаютъ беззаконіемъ оскорбить гостя; osoba его священна, ему вездѣ доступъ, и все, что только припасено въ домѣ, отдается на его угощеніе. Тѣже обычаи соблюдались и славянами; у нихъ, по словамъ Гельмольда, позволительно было даже украсть — для того, чтобы достойно уподчивать гостя; напротивъ обида, причиненная гостю, влекла за собою общественную мечь: сожженіе дома ³⁾). На Руси, во многихъ отдаленныхъ отъ торговыхъ путей деревняхъ, принимаютъ странниковъ съ благо-

¹⁾ Москв. 1855, XXIII—IV, 45. — ²⁾ Пропиен, II (изд. 3), 55; Одис., VII, 146—153; IX, 264—271; XXII, 334—6. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1847, I, стат. Суровецкаго, 66—67; Учен. зап. москов. уни-верс. 1833, II, 258—9; Иличь, 91—92: у лучичанъ всегда накрытъ столъ для странниковъ.

говѣйнымъ уваженіемъ; ибо, по народному повѣрью, Богъ посылаетъ за это уро жай; брать съ проезжихъ и путниковъ деньги за обѣдъ или ужинъ признается тамъ за грѣхъ: кто поступаетъ вопреки этому мнѣнію, у того не будетъ спорыньи въ домѣ ¹⁾. Доселѣ почетныхъ и дорогихъ гостей встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью, и въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что странникъ, вкусившій нашего хлѣба-соли, уже не можетъ питать къ намъ непріязненныхъ чувствъ, становится какъ-бы родственнымъ намъ человѣкомъ: «хлѣбъ-соль не бранится», «хлѣбъ-соль не попуститъ на зло!» Вѣрять, что вмѣстѣ съ странникомъ является самъ Господь испытывать людское милосердіе ²⁾. Бѣлоруссы говорятъ: «госьць у домъ, Богъ у домъ» ³⁾; «не гонице Бога въ лѣсъ, коли въ хату влѣзь» ⁴⁾, т. е. не прогоняй гостя. Последняя поговорка употребляется и тогда, когда хотятъ укорить зажиточнаго хозяина, который жалуется на свою мнимую бѣдность. Богъ домашнего очага, всещедрый податель насущнаго хлѣба и всякаго богатства, приводитъ подъ свой гостепріимный кровъ странныхъ и убогихъ, и на ихъ долю ниспосылаетъ домохозяину избытокъ плодовъ земныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи существуетъ обычай оставлять, во время жатвы, часть хлѣба на корню въ пользу бѣдныхъ. Непринятіе странника, отказъ въ гостепріимствѣ точно также оскорбляетъ божество, какъ и напрасная жалоба на бѣдность при дѣйствительномъ изобиліи; за такую скупость и недовольство дарованными благами оно наказуетъ неурожаемъ и отнятіемъ спорыньи. Вотъ почему и о гостяхъ, и о будущемъ плодородіи гадаютъ передъ затопленной печью: если сыплются изъ печи

¹⁾ Успенскаго: Опытъ о рус. древност., I, 45; Рус. въ св. посл., II, 93—94.— ²⁾ Статистич. опис. саратов. губ., 67.— ³⁾ Прѣб. къ Изв. Ак. Н., II, 178.— ⁴⁾ Ibid., I, 56; Послов. Даля, 737: «не гони Бога въ лѣсъ, коли въ хату влѣзь».

искры и горячіе уголья — это вѣрный знакъ хорошаго уре-
жя и прибытія гостей; въ архангельской губ. по числу и
величинѣ выпавшихъ угольевъ дѣлають заключенія о числѣ
и значительности самыхъ гостей; упадетъ ли головня на шес-
токъ, погасятъ ли ненарокомъ лучину или свѣчку — будетъ
нечаянный гость ¹⁾. Чехи, лужичане и нѣмцы также знаютъ
эти примѣты ²⁾. Малоруссы ожидаютъ гостя, если «искра з'
вечи до покутя спашнула» ³⁾, — такъ какъ покутъ есть
именно то почетное мѣсто, куда усаживаютъ гостя. У черногор-
цевъ — тоже обыкновеніе сажать гостя въ пере дній уголь
подъ образа, передъ которыми зажигаютъ свѣчку; жена или
невѣстка хозяина умываетъ ему ноги, и всѣ вообще старают-
ся ему прислуживать. Гостепримство почитается въ Черно-
горіи такъ свято, что если бы кто пришелъ въ домъ своего
заклятаго врага (явись онъ даже къ отцу убитаго имъ юнака)
— и тогда остается въ немъ совершенно безопасенъ ⁴⁾. По-
добно тому, у кавказскихъ племенъ убійца, случайно-зашед-
шій подъ кровъ обиженнаго имъ рода, принимается съ обыч-
нымъ почетомъ, не смотря на то, что долгъ требуетъ крова-
вой мести; но когда онъ оставитъ саклю — вдали отъ нея госте-
примныхъ стѣвъ его настигаетъ пуля местника. Подъ влія-
ніемъ этихъ воззрѣній храмы и жертвенники, устроенные на-

¹⁾ Записки Авдеев., 140—2; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Ка-
вел., 9—10; Эти. Сб., II, 57; Иллюстр., 1846, 333. Если упадетъ полѣ-
но на охапки дровъ, взятой для топлива, если распадутся сложен-
ныя въ печи дрова — будутъ гости (чужеродцы). Отъ гостей ожи-
даютъ новостей, слуховъ; этикъ объясняются примѣты: если отъ
свѣчи отскакивають искры, то скоро получатся вѣсти; если свѣча
нагорѣла, то вѣсти будутъ съ той стороны, куда наклонилась на-
гарь — Пузик., 159. — ²⁾ Громаниъ, 42; Volkslieder der Wenden, II,
261; D. Myth., 1090; см. также Совр. 1854, XI, смѣсь, 3. — ³⁾ Но-
вич., 230. — ⁴⁾ Путеш. въ Черногорію А. Попова, 13; Зап. мор-
скаго ооидера, Броневск., I, 189—191, 277.

ціональнымъ богамъ, сдѣлались охранными мѣстами, куда удалялись преступники, чтобы быть неприкосновенными для родовой и государственной мести. Въ среднія вѣка такими убѣжищами признаны были христіанскія церкви.

Итакъ всякой нераздѣльный, живущій подъ одною кровлею родъ имѣлъ своего бога-покровителя, своего пената. Священный огонь очага былъ провидѣніемъ извѣстной общины и не имѣлъ ничего общаго съ огнемъ сосѣдней семьи. Каждый очагъ покровительствовалъ своимъ и отвергалъ чужихъ; *dii gentiles, deoī γεγεθλοιοι* не принимали молитвъ отъ чужеродцевъ ¹⁾. Это подтверждается и русскими народными пословицами: «гдѣ жить, тѣмъ богамъ и молиться», «чужихъ боговъ шукае, а своихъ дѣша мае», «на що ты другаго бога зываешь, коли своего маешь». При водвореніи христіанства двоевѣрный народъ сочеталъ свои старинныя представленія съ семейными образами, которые принято между простонародьемъ называть богами и божиньками. Поселяне наши вѣрятъ, что у всякаго семьянина есть свой божичъ, своей святой, особенно ему покровительствующій ²⁾; у сербовъ каждый родъ избираетъ себѣ патрона изъ святыхъ угодниковъ: икона его закладывается въ фундаментъ дома, и день, посвященный его памяти, (свечар) празднуется какъ-бы именины самаго дома ³⁾. Тотъ святой, во

¹⁾ Буланжъ, 42, 132, 145: „подъ господствомъ религіи очага, человекъ не молился своему божествуо прочихъ людей; онъ призывалъ его только для себя и своихъ. Еще во времена Пуларха говорили эгоисту: ты служишь своему очагу—*εστ(α) θβεικς*. Это значило: ты чуждаешься своихъ согражданъ, живешь только для себя.“— ²⁾ Рус. въ св. послов., I, 161; II, 29; IV, 17; Ж. М. Н. П. 1842, XXXIII, 109; Номис., 93. Въ орловской и псковской губ. выражаются объ иконахъ, приносимыхъ изъ церкви на домъ: „боги ходятъ“—Ч. О. И. Ч Д. 1865, II, 23.— ³⁾ Срп. рјечник, 306; Иличъ, 31, 77.

шня котораго выстроена сельская церковь, признается на Руси патрономъ цѣлаго селенія; храмовой праздникъ обыкновенно чествуется общиннымъ пиршествомъ, а передъ иконою святаго покровителя возжигается большая свѣча, покупаемая на мірскую складчину (см. гл. XXVIII).

Въ силу того-же закона, по которому всѣ стихійные боги облеклись въ человѣческія формы, огонь, хранимый на домашнемъ очагѣ, былъ олицетворенъ въ пластическомъ образѣ дѣдушки домоваго. Это доказывается донинѣ-ущѣлѣвшими обрядами и преданіями. При переходѣ на новоселье хозяйка топить печь въ старомъ домѣ; какъ только прогорятъ дрова, она выгребаетъ весь жаръ въ чистый горшокъ и со словами: «милости просимъ, дѣдушка, на новое жилье!» переноситъ горячіе уголья въ новую избу, гдѣ и высыпаетъ ихъ въ печурку (см. ниже). Въ этомъ обрядѣ видимъ мы прямое указаніе, что первоначально подѣ «домовымъ» разумѣлся самый огонь, разводимый на очагѣ. На тоже значеніе домоваго указываетъ и другой обрядъ, совершаемый ежегодно въ генварѣ-мѣсяцѣ: 28 числа, послѣ ужина, оставляютъ для домоваго на загнеткѣ горшокъ каши, который обкладывается вокругъ горячими угольями и ¹⁾. Прежде, безъ сомнѣнія, клали зѣрна (кашу) прямо на огонь. Въ Польшѣ домовой называется выгорище (отъ горѣть, выгорать; сравни: огнище), а у бѣлоруссовъ—падпечка: «кабъ тебѣ падпечка!»—чтобъ тебѣ домовой привидѣлся! ²⁾ Въ великорусскихъ областяхъ думаютъ, что домовой живетъ за пелю подѣ печкою, и кладутъ туда для него маленькіе хлѣбцы ³⁾. У нѣкоторыхъ хозяевъ въ обычаѣ ставить за ужиномъ особый приборъ домовому и откладывать для него небольшую

¹⁾ Сахаров., II, 8.— ²⁾ Приб. къ Изв. Ак. Н., II, 181.— ³⁾ Записки Авдѣев., 144—5.

долю отъ всякаго кушанья: когда всё уснутъ, онъ приходитъ и ужинаетъ; если позабудутъ это сдѣлать—домовой гнѣвается и опрокидываетъ ночью столы и лавки (харьковск. губ.). По рассказамъ поляковъ, домовой, не желая покидать дома, въ которомъ первоначально поселился, остается на его печелищѣ даже и въ томъ случаѣ, когда сгоритъ все строеніе, и продолжаетъ проживать въ обгорѣлой печи. Въ Польшѣ употребительна поговорка: «w starym piecu djabel rali», а въ Галиціи: «и въ старій печи дѣдько топить» ¹⁾. Согласно съ этимъ, русская пословица утверждаетъ: «въ пустой хороминѣ либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана», т. е. домовой, причисленный въ христіанскую эпоху къ толпѣ нечистыхъ духовъ. Названіе дѣдько равно прилагается и къ домовому, и къ чорту ²⁾. Слѣдующія поговорки указываютъ на связь домового съ очагомъ и на смѣшеніе его съ дьяволомъ: «Богу—свѣчку, чорту — ожогъ», «ни Богу свѣчка, ни чорту ожогъ» (кочерга, головешка), «нечѣмъ чорту играть, такъ угольемъ» ³⁾. У галичанъ существуетъ рассказъ о «чорти у печи»: была хата, въ которой никто не хотѣлъ жить; у всякаго, кто только селился въ ней, умирали дѣти, и потому стояла она пустою. Выискался бѣднякъ, пришелъ въ хату и сказалъ: «добры день тому, хто је въ сему дому!»—Чого тобі треба? отозвался дидько.—Я убогой; нѣтъ у меня ни двора, ни крова, жаловался пришлецъ.—Живи здѣсь, сказалъ дидько; только скажи своей жинкѣ, что бы каждую недѣлю вымазывала печь заново, да при-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., кн. II, ст. Бусл., 26, 169; Старосв. Банд., 168; Zarysy domowe, III, 190.— ²⁾ Обл. Сл., 47.— ³⁾ Прѣб. къ Изв. Ак. Н., I, 60; Послов. и притчи Снегирева, 296; Собраніе 4291 др. рус. послов., 136. У чеховъ есть поговорка: «dábel strewjce na o žeh powesil».—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 7.

снотривай за дѣтьми, чтобы не лазили на печку. Поселился бѣднякъ въ той хатѣ и зажилъ въ ней спокойно со всею семьєю; однажды вечеромъ, когда жаловался онъ на свою нищету, дядько досталъ изъ печки и подарилъ ему цѣлый котелъ денегъ ¹⁾). На Руси вѣрятъ, что отъ домашнего можно получить неразбитый серебряный рубль ²⁾). Есть еще другой разсказъ, извѣстный въ Галиціи и Польшѣ, о слугѣ-невидимкѣ, который, нанявшись къ одному хозяину, поселился въ печи и назывался Iskrzycki (Искрицкій); онъ усердно исполнялъ всѣ домашнія работы и зорко смотрѣлъ за хозяйствомъ ³⁾). Наконецъ близкое отношеніе домашнего къ очагу подтверждается повѣрьемъ, что онъ не боится морозовъ и чаще всего принимаетъ на себя видъ трубочиста ⁴⁾). Кромѣ избы, домовой поселяется и въ баняхъ, овинахъ и на винокурняхъ, словомъ—ездѣ, гдѣ устроена печь; поэтому ему придаются названія баннаго (банника), подовника или гуженника (отъ гужно). Банникъ живетъ за печкою или подъ полкомъ, откуда часто раздается его свистъ, хохотъ и вой. Крестьяне не остаются въ банѣ слишкомъ поздно, потому что банникъ не любитъ тѣхъ, кто парится по ночамъ, и душитъ такихъ смѣльчаковъ, особенно если они творятъ омовеніе безъ молитвы; точно также рѣдкій согласится переночевать въ овинѣ, боясь быть задавленнымъ во время сна. Въ смоленской губ., всходя на полокъ париться, приговариваютъ: «хрещеный на полокъ, не-

¹⁾ Изъ матеріаловъ, собран. редакціей журнала „Основа“.— ²⁾ Ворон. Бесѣда, 191 нужно: въ чистый четвергъ налить миску борща съ кашею, взять хлѣбъ и все это отнести на чердакъ; если домовой воспользуется предложеннымъ ему угощеніемъ, то въ уплату оставитъ неразбитый рубль.— ³⁾ Семеньск., 148—9; Загзуу дошове, III, 189; Пов. и пред., 136.— ⁴⁾ Иллюстр. 1845, 76—78.

хрещеный съ полка! а выходя изъ бани, оставляютъ ведро воды и вѣнникъ для домоваго, чтобы и онъ могъ омыться и выпариться. О гуменникѣ рассказываютъ, что онъ дружному съ нимъ мужику доставляетъ изобиліе въ хлѣбѣ ¹⁾. Въ старину понятія овина и бани слѣвались во едино съ понятіемъ избы, которая служила для всѣхъ житейскихъ нуждъ человека; еще до сихъ поръ крестьяне моются и парятся, влѣзая внутрь избыной печи; на ней-же просушивается и всякое зерно. Въ лѣтописной повѣсти о мщеніи Ольги сказано: когда вел. княгиня приказала изготовить мовь, то слуги ея «перезыгоша истопку» ²⁾. Слово овинъ родственно съ вѣмец. ofen. Еще Ульфила (IV в.) для обозначенія греческаго κλῆτρος (Матѳ. VI, 30) употребилъ слово aihns, которому въ Остромировомъ евангеліи соответствуетъ печь. Овинъ—обыкновенно вырытая землянка съ топкою для просушки зерноваго хлѣба; а въ древнѣйшемъ быту для самаго домашняго очага служили не только сложенные камни, но и вырытая въ землѣ яма, что свидѣлствуется исторіей языка. Въ болгарскомъ паремейникѣ XII вѣка слово печь употреблено въ смыслѣ ямы ³⁾. Когда желаніе большаго удобства заставило строить отдѣльныя бани и овины, тогда и домовый получилъ новыя прозванія, которыя породили представленіе объ особенныхъ духахъ, завѣдующихъ этими служебными постройками.

Такъ какъ въ пламени очага чтили небесный огонь Перуна, то поэтому вся мифическая обстановка бога-громовника и подвластныхъ ему грозовыхъ духовъ болѣе или менѣе была усвоена и домовому. Такъ бѣлоруссы даютъ ему названіе цюка (=змѣя, въ образѣ котораго олицетворялась молнія,

¹⁾ О. З. 1848, т. LVII, 148; Доп. обл. сл., 189; Цебриков., 275.—

²⁾ П. С. Р. Л., I, 24.—³⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., — 27.

см. гл. XX). Домовой цмокъ (цмокъ-домови́къ) носить своему хозяину деньги, дѣлаетъ его нивы плодородными, а коровъ дойными, обильными молокомъ, и вообще наблюдаетъ за домашнимъ порядкомъ; за такія заботы цмока-домовика хозяинъ съ своей стороны обязанъ каждый день ставить ему на кровлѣ дома сковороду яшницы, или по крайней мѣрѣ въ извѣстные дни года чтить его этимъ приношеніемъ, выставляя яшницу на гумнѣ; въ противномъ случаѣ онъ разгнѣвается и сожжетъ весь домъ ¹⁾. Сожженіемъ избы мститъ домовый свои обиды и по великорусскому и литовскому повѣрью ²⁾. Онъ рѣдко показывается человѣку, и болѣею частію бываетъ это передъ какии-нибудь несчастіемъ, чтобы предостеречь хозяевъ. Однажды работница, проснувшись поутру, затопила печь, и пошла за ведрами, чтобы воды принести; хватъ—а ведеръ-то нѣту! Видно, думаетъ, сосѣдъ взялъ; бросилась къ рѣкѣ, и видитъ: домовый — маленькой старичокъ въ красной рубахѣ черпаетъ ея ведрами воду, чтобы гнѣдуху напоить, а самъ такъ и уставился на работницу — глаза словно калѣные уголья горятъ! Испугалась баба, побѣжала назадъ, а на дворѣ бѣда: всю избу пламенемъ обняло! Рассказываютъ, что домовый не любитъ по ночамъ оставаться въ потьмахъ, высѣкаетъ для себя огонь, съ помощію кремня и огнива, и съ зажженными восковыми свѣчами обходитъ дозоромъ хлѣва и конюшни ³⁾. Припомнимъ, что богъ-громовникъ представлялся высѣкающимъ свои молніи изъ камня (I, 255); заботы Перуна о небесныхъ стадахъ и его поѣзды на мнотескихъ коняхъ по воздушнымъ пространствамъ—въ сказаніяхъ о домовомъ перенесены на домашнихъ

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 22—23. — ²⁾ О. З. 1848, т. LVII, стрѣхъ, 133—4; Москв. 1846. XI—XII, 251. — ³⁾ Совр. 1856, XI, стрѣхъ, 10.

животныхъ: лошадей, коровъ, ковъ и овецъ, составлявшихъ у народа пастушескаго его главнѣйшее богатство; почему домовому даютъ названія хлѣвника, сарайника, конюшника, табунника ¹⁾; бѣлоруссы называютъ его вазилою и баганомъ. Вазила (отъ глагола возить) есть духъ-покровитель лошадей; его представляютъ въ человѣческомъ образѣ, но съ конскими ушами и копытами. Всякой домохозяинъ имѣетъ своего вазилу, который живетъ въ конюшнѣ (сараѣ), заботится, чтобъ водились лошади, оберегаетъ ихъ отъ болѣзней, а когда они ходятъ въ табунъ—удаляетъ отъ нихъ хищнаго звѣря. За стадами же рогатаго скота смотритъ баганъ (сравни: богачъ, богатые—огонь); онъ охраняетъ ихъ отъ болѣзненныхъ припадковъ и умножаетъ приплодъ, а въ случаѣ гнѣва своего творитъ самокъ безплодными, или убиваетъ ягнятъ и телятъ при самомъ ихъ рожденіи. Бѣлоруссы отдѣляютъ для него въ коровьихъ и овечьихъ хлѣвахъ особое мѣсто и устриваютъ маленькіе ясли, наполненные сѣномъ: здѣсь-то и поселяется баганъ. Сѣномъ изъ его яслей они кормятъ отелившуюся корову, какъ цѣлебнымъ лѣкарствомъ ²⁾. Чтобы пособить заболѣвшей скотинѣ, въ ярославской губ. знахарь отводитъ на дворѣ мѣсто домовому. Это дѣлается такъ: въ какомъ-нибудь углу двора огораживается колышками небольшое мѣсто и кладется туда пирогъ или хлѣбъ-соль; знахарь произноситъ заклинаніе, называя домового «родимымъ корнильцемъ и батюшкою», и беретъ пирогъ себѣ. Въ чистый четвергъ и на Свѣтлое Воскресенье можно видѣть домового въ хлѣвѣ или коровникѣ, гдѣ онъ сидитъ, притаившись въ углу ³⁾. Если кто между крестьянами разбогатѣеть отъ торговаго свотошъ,

¹⁾ Доп. обл. сл., 291; Послов. Далъ, 1042.— ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 6—7, 85—87.— ³⁾ Терещ., VI, 128; Иллюстр. 1845, 76—78; Ворон. Г. В. 1851, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 7.

те всё увѣрены, что ему помогаетъ домовою ¹⁾. Народное по-
вѣрье приписываетъ домовому особенную страсть къ лоша-
дямъ; по ночамъ онъ любитъ раздѣзжать верхомъ, такъ что
нерѣдко поутру видятъ лошадей въ мыль: тоже самое, какъ
мы знаемъ, записано въ старинной хроникѣ о Святovitѣ (см.
т. I, 134). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ воронежской губ., когда
куплена новая лошадь, ее приводятъ на дворъ и пускаютъ
безъ уады — съ слѣдующими словами: «нехай уже домовою
самъ найде для немъ мѣсто!» Гдѣ лошадь остановится, тамъ
домовою и желаетъ помѣстить ее; случается, что ради этого
переноситъ конюшню на новое мѣсто ²⁾. Въ другихъ губерні-
яхъ, вводя купленную животину въ стойло, низко кланяют-
ся, обращаясь къ каждому изъ четырехъ угловъ хлѣва, и
просятъ: «вотъ тебѣ, хозяинъ (домовою), мохнатый звѣрь!
люби его, пой да корми» или: «дѣдушко-атаманушко! полюби
моего чернѣюшка (или пестрѣюшка, смотря по шерсти), пой-
корми сыто, гладь гладко, самъ не шути, и жены не спущай,
и дѣтей унимаи.» Веревку, на которой купленное животное
приведено на дворъ, вѣшаютъ у кухонной печи ³⁾. У
домоваго всегда есть любимая лошадь, которую онъ холитъ,
чиститъ, подсыпаетъ ей больше другихъ овса, приглаживаетъ
ей шерсть и заплетаетъ хвостъ и гриву. Подобно скандинав-
скому Тору, домовою охотно ѣздитъ на козлѣ, котораго пото-
му и держатъ при конюшняхъ. Такъ какъ, по древне-арійско-
му воззрѣнію, грозовыя тучи уподоблялись косматымъ шку-
рамъ, то отсюда домовою можетъ не только принимать раз-
личныя животныя формы (превращаться собакою, кошкою
и т. дал. ⁴⁾), но даже и въ человѣческомъ своемъ олицетво-

¹⁾ Ворон. Г. В. 1850, 16.— ²⁾ Ворон. Бесѣда, 191.— ³⁾ Карман.
книжка для любителей землевѣд. 1848, 313; Памяти. книжка арханг.
губ. на 1864 г., 20.— ⁴⁾ Этн. Сб., VI, 147; D. Myth., 483. Финны
рассказываютъ, что домовою является бѣлою кошкою, которая

реніи представляется покрытымъ шерстью, и тѣмъ самымъ сближается съ воздушными и облачными духами (лѣшными и чертами). Простонародье вѣритъ, что домовый весь обросъ густою шерстью и мягкимъ пушкомъ; даже ладони и подошвы у него въ волосахъ, только лицо около глазъ и носа — голое. Мохнатая подошва его обозначается зимою на снѣгу; а ладонью домовый гладитъ по ночамъ сонныхъ, и тѣ чувствуютъ, какъ шерститъ его рука. Если онъ гладитъ мягкою и теплою рукою—это предвѣщаетъ счастье и богатство, а если холодною и щетинистою—то быть худу. Въ чистый четвергъ домовый показывается или мохнатымъ—къ добру, или голымъ—къ худу ¹⁾. Есть примѣта: у кого руки, ноги и грудь обросли густыми и волосами, тому жить богато; въ деревняхъ дѣвочки ходятъ гадать на скотный дворъ ²⁾: если первая пойманная овца—мохнатая, то женихъ будетъ богатый, а если стриженая, то бѣдный («голь какъ соколъ» Сравни т. I, 689—690).

Съ культомъ домашняго очага тѣснѣйшими узами связывалось поклоненіе душамъ усопшихъ предковъ. По вѣрованію, общему всѣмъ арійскимъ племенамъ, души умершихъ представлялись существами стихійными—духами, шествующими въ грозовыхъ тучахъ, какъ быстро-мелькающіе огни (молніи) или дующіе вѣтры. Рядомъ съ этимъ, созданіе первой четы людей приписывалось иному богу-громовнику: онъ призвалъ ихъ къ бытію (= возжегъ въ нихъ пламя жизни, вдунулъ бессмертное дыханіе), даровалъ имъ силу плодородія, и такимъ образомъ положилъ основаніе семьѣ, роду и племени (см. гл. XIX и XXIV). Въ этихъ воззрѣніяхъ, принадлежащихъ глубочайшей древности, кроется объясненіе, почему души усопшихъ предковъ сливались для потомковъ съ священной стихі-

освѣщаетъ собою всю набу — Вѣст. Евр. 1828, XIII, 9.— ¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 10.— ²⁾ Ibid. 1850, 19.

его домашнего огня, почему домовый-представитель очага принимался за праотца-основателя рода и чествовался именем дѣда. Въ сущности и мифъ о происхожденіи огня, и сказаніе о началѣ человѣческаго рода были тождественны: богъ-громовержець (Агни) послалъ съ неба молнію, возжегъ ею на землѣ огонь и устроилъ первый очагъ; въ томъ-же молніеносномъ пламени онъ низвелъ на землю и душу перваго человѣка, во дворилъ его при очагѣ и установилъ семейный союзъ, домохозяйство и жертвенный обрядъ. Значеніе священнаго огня и домовладыки въ средѣ семьи, рода, подъ сѣнію прародительскаго крова, было до такой степени равносильно, что возведеніе праотцевъ въ домовыя пенаты было самымъ необходимымъ и естественнымъ результатомъ нравственныхъ убѣжденій человѣка. Огонь на очагѣ былъ признанъ за семейное, родовое божество, которое охраняло счастье дома и родичей, умножало ихъ имущество и устроило внутренній порядокъ; тоже охраненіе семейнаго мира и благосостоянія, тѣже заботы о домохозяйствахъ, верховная власть надъ ними и хозяйственный надзоръ принадлежали старшему въ родѣ. Названіе жреца равно присвоилось и огню, и родоначальнику, обязанному служить при его жертвенникѣ. Умирая, предки не покидали потомковъ совершенно, не разрывали съ ними связей окончательно; они только сбрасывали съ себя тѣлесныя формы, сопричитались къ стихійнымъ духамъ, и какъ гени-хранители продолжали незримо слѣдить за своими потомками, блюсти ихъ выгоды и помогать имъ въ житейскихъ невзгодахъ. Индусы называли усопшихъ *pitagas* — отцы, предки, и приписывали имъ такое-же участіе въ грозovýchъ явленіяхъ природы, какъ и самому Индрѣ ¹⁾. У нашего простонародья принято покойни-

¹⁾ Наши отцы, читаемъ въ гимнахъ Ведъ, пѣніемъ и возглавленіемъ (метафора завывающей бури и громовыхъ раскатовъ) разрушаютъ хрипкіе города и скалы (=тучи); они открываютъ

ковъ называть родителямъ, и названіе это употребляется даже и тогда, когда вспоминаютъ объ умершихъ дѣтахъ ¹⁾). На связь усопшихъ съ домашнимъ очагомъ указываетъ слѣдующее повѣрье: въ нижегородской губ. не дозволяется разбивать кочергою головешекъ въ печи—на томъ основаніи, будто бы черезъ это «родители» проваливаются въ пекло. Поселяне убѣждены, что покойники, въ вознагражденіе за поминки, совершаемыя въ ихъ честь, ниспосылаютъ на домъ своихъ родичей на вѣки нерушимое благословеніе ²⁾). Въ пензенской и саратовской губ., между мордовскимъ населеніемъ, сохранился весьма знаменательный обрядъ; тамъ родственники приносятъ умершему яйца, масло, деньги, и при этомъ говорятъ: вотъ тебѣ, Семень (имя покойника), нѣ! это принесла тебѣ Марѳа (хозяйка), береги у нея скотину и хлѣбъ; когда я буду жать, корми цыплятъ и гляди за домомъ ³⁾). Такимъ образомъ на усопшаго возлагаются тѣже заботы, какія присвоены и дѣду-домовому ⁴⁾). Бѣлоруссы называютъ покойниковъ дзѣды, поляки—*dziady*; а въ горахъ Галиціи рассказываютъ о дѣлкахъ, обитающихъ у семейнаго очага (на припечкѣ), какъ о домовыхъ, которые принимаютъ постоянное участіе въ хозяйствѣ ⁵⁾). Чехи до XIV столѣт. подъ именемъ *dědy, dědky* разумѣли домашнихъ боговъ, и теперь еще многіе вѣрятъ, что *dědky* оберегаютъ поля, стерегутъ скотину, помогаютъ на охотѣ и въ рыбной ловлѣ; за нарушение съ ними договора они гвѣзуются и подымаютъ въ домѣ безпокойный шумъ. Другое названіе, даваемое

намъ путь къ великому небу, обрѣтаютъ день и солнце, свѣтъ и коровъ“ (т. е. прочищаютъ небо отъ зимнихъ тумановъ, выводятъ весеннее солнце и дождевыя облака)—*Orient und Occid.*, годъ 1, V, 600.— ¹⁾ Двт. рус. лит., кн. I, 138; Обл. Сл., 191.— ²⁾ Терещ., III, 123.— ³⁾ *Ibid.*, 84.— ⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ губер. домашнего называютъ постѣнъ — слово, означающее въ областныхъ говорахъ: тѣнь отъ человека (Обл. Сл., 173, 219); сравни съ выраженіемъ: тѣни усопшихъ.— ⁵⁾ Мавкъ, XI, 47.

нѣтъ—*hospodářičky* (хозяйева, домовладыки). По чешскому повѣрью, умершій хозяинъ, тотчасъ послѣ похоронъ, обходитъ по ночамъ свой домъ и заботливо присматриваетъ, чтобы не случилось какой бѣды съ его наследниками ¹⁾. У черногорцевъ въ догонѣ—не только души усопшихъ, но и домовые гени, оберегающіе жилье и имущество своихъ кровныхъ родичей отъ нападенія воровъ и чужеродныхъ въдогоней ²⁾. Подобно тому, и римляне въ своихъ семейныхъ пенатахъ (*penates*) и ларахъ (*lares familiares*) чтвили отшедшихъ предковъ ³⁾. Въ качествѣ пенатовъ души усопшихъ участвовали во всѣхъ жертвенныхъ приношеніяхъ, сжигаемыхъ на домашнемъ очагѣ; и ничего такъ не боялись древніе, какъ бездѣтства, ибо съ окончательнымъ вымираніемъ рода погасаетъ и его очагъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и души умершихъ предковъ лишаются обычныхъ жертвъ, остаются безъ пищи. У Эсхила сынъ названъ «спасителемъ отеческаго очага» (*σωτήρ ἕστ(α)ς πατρὸς*); въ законахъ Ману онъ — «тотъ, который рожденъ для исполненія долга; съ его помощію отецъ уплачиваетъ свой долгъ относительно предковъ и самому себѣ обезпечиваетъ безсмертіе». Отсюда, съ одной стороны, безбрачіе признавалось тяжкимъ грѣхомъ, преступленіемъ, а съ другой—возникъ обычай, въ случаѣ безплодія мужа, призывать одного изъ ближайшихъ родственниковъ для возстановленія его сѣмени; отсюда-же и стремленіе бездѣтныхъ усыновлять чужеродцевъ, при чемъ эти послѣдніе вступали въ культъ своего названнаго отца и обязывались заботиться о его родовомъ очагѣ ⁴⁾. Души усопшихъ

¹⁾ Громанъ, 17, 493.— ²⁾ Путеш. въ Черногорію А. Попова, 221 — ³⁾ Ф. Куланжъ, 23, 35—36. Виргилій ставитъ безразлично то очагъ вмѣсто пенатовъ, то пенатовъ вмѣсто очага. Слово *lar* употреблялось и для означенія дома, семьи и жертвенника.— ⁴⁾ Ф. Куланжъ, 60—71: „При неплодіи жены у древнихъ всегда признавалось право развода. Въ Индіи религія предписывала, чтобы не-

относились съ любовью къ тѣмъ, кто доставлялъ имъ пищу, и заботливо оберегали ихъ отъ всякихъ несчастій. Латинскимъ названіямъ: *lar familiaris* и *penas* въ древне-нѣмецкомъ языкѣ соответствовали: *hûsing* и *stetigot—genius loci*, въ шведск. *tomtekarl*, *tomtegubbe* (= *der alte im gehöfte*, старшій во дворѣ, домовый дѣдъ); они имѣли непосредственное отношеніе къ домашнему очагу, подъ которымъ былъ скрытый ходъ въ ихъ подземное жилище и возлѣ котораго они постоянно появлялись. Имъ придавались еще слѣдующія названія: *gutgesell*, *pachbar*, *liber pachbar* (на Руси домоваго также называютъ сусѣдко, т. е. обитатель дома, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ семьей домохозяйина ¹⁾), въ Нидерландахъ *goede kind*, въ Англии *ruck*—слово, сближаемое Я. Гриммомъ съ датск. *rog* (*junge*), швед. *rojke*, сканд. *rûki* (*puer*) и финск. *poiea* (*filius*); наконецъ отъ XIII столѣтія донынѣ употребительно названіе *kobold* (см. стр. 98). Кодолады—домовые духи, подобные эльфамъ и карликамъ; народныя саги даютъ имъ красные волосы, красныя бороды и такія-же шапочки; они малы, какъ дѣти, но сильны и крѣпки, склонны къ танцамъ и музыкѣ, по собственно-

плодная жена была черезъ восемь лѣтъ замѣнена другою. Если бракъ былъ бесплоденъ по винѣ мужа, то все таки семья должна была продолжаться. Въ такомъ случаѣ братъ или другой родственникъ мужа заступалъ его мѣсто и жена была обязана ему отдаться. Дитя, отъ нихъ родившееся, считалось сыномъ мужа и продолжало его культъ. Таковы были правила древнихъ индусовъ; мы встрѣчаемъ ихъ и въ законахъ Аѳинъ и Спарты.— „Тотъ, кому природа не дала сына, можетъ усыновлять приемныя, дабы не прекратились надгробныя поминанія, гласитъ древній законодатель индусовъ. Такъ какъ усыновленіе оправдывалось единственно необходимостью предупредить гибель культа, то оно дозволено только тому, кто не имѣлъ собственнаго сына. Законъ индусовъ исполнѣнъ безусловенъ въ этомъ отношеніи—также, какъ и законъ аѳинскій.“— ¹⁾ Обл. Сл., 222.

ну желанію могутъ быть и видны и незримы для чело-
вѣка, владѣютъ большими сокровищами и быстроновою
обувью (сапогами-сороходами) и носятся по ночамъ
синими огоньками. Кобольды поселяются или въ самой из-
бѣ, обыкновенно возлѣ очага, ¹⁾ или на дворѣ семьянина—въ
конюшняхъ, овинахъ, хлѣвахъ и погребѣхъ, и являются дру-
желюбными и ласковыми помощниками челоуѣка; особенно же
услужливы на кухнѣ и въ конюшняхъ. Они принимаютъ уча-
стіе въ занятіяхъ слугъ и тайно исполняютъ часть ихъ ра-
ботъ: чистятъ лошадей, расчесываютъ имъ гривы, задаютъ
скоту кормъ, иногда таскаютъ сѣно изъ яслей, чтобы подло-
жить своему любимому коню, накачиваютъ изъ колодезь во-
ду и поятъ домашнихъ животныхъ, подчищаютъ навозъ, слу-
жанкамъ колятъ и приносятъ на кухню дрова, разводятъ огонь
и полощутъ посуду; свое пристрастіе къ хозяину дома они
(подобно нашему домовому) простираютъ подчасъ такъ да-
леко, что воруютъ сѣно и солому изъ конюшенъ и сараевъ
сосѣдей и приносятъ на свой дворъ. Пребываніе кобольдовъ
въ домѣ предохраняетъ его отъ пожара и доставляетъ семьѣ
счастіе и благословіе; удаленіе ихъ изъ дома отымаетъ и
то, и другое. Кобольды наблюдаютъ, чтобы все по хозяйству бы-
ло въ порядкѣ; въ противномъ случаѣ доброе расположеніе ихъ
взмѣняется и переходитъ въ охоту дразнить и мучить: лѣни-
вая и неряшливая челядь много терпитъ отъ ихъ проказъ. Хо-
зяева, желающіе быть съ кобольдами въ добрыхъ отношеніяхъ,
откладываютъ для нихъ въ особенную чашку часть изготов-

¹⁾ Кобольдъ Eitel жилъ въ дымовой трубѣ и часто высовывалъ
оттуда свою голову; кобольдъ въ Бишдорфѣ цѣлый день сидѣлъ на
очагѣ и бесѣдовалъ съ хозяйкою; der rothe kleine kerl in Gyseg-
ben сидѣлъ въ углу каминна; другіе полудремутъ около возжен-
наго пламени и сами разводятъ въ печи огонь въ тѣ ночи, когда
не свѣтитъ луна (Beiträge zur D. Myth., II, 334).

ловныхъ яствъ, что бываетъ однажды въ недѣлю или въ праздничные дни и свидѣтельствуешь о древнихъ жертвахъ, приносимыхъ этимъ духамъ. Какъ вѣрный слуга, кобольдъ раздѣляется съ семьяниномъ, которому разъ отдался, и радость и горе, и связь эта не можетъ быть разорвана, даже еслибъ пожелалъ того самъ домохозяинъ ¹⁾. Ясно, что въ кобольдахъ соединились представленія о домовыхъ геніяхъ и душахъ усопшихъ съ преданіями о карлахъ (zwerge, däümling), мифическихкихъ спутникахъ грозы. Быстромелькающія молніи, по древне-арійскому возрѣнію, олицетворялись крохотными, могучими карликами, обитающими въ мрачныхъ подземельяхъ (= горахъ-тучахъ). То же олицетвореніе было усвоено и душамъ усопшихъ, которыя представлялись то летучими огоньками, то рѣзвыми, неуловимыми малютками (дѣтьми); а такъ какъ души почившихъ предковъ отождествлялись съ пламенемъ, возженнымъ на домашнемъ очагѣ, то отсюда въ каждой семьѣ, въ каждомъ родѣ явился не одинъ, но многіе охранительные домовые геніи. Сродство кобольдовъ съ грозowymi карликами несомнѣнно; оно доказывается цѣлымъ рядомъ признаковъ, одинаково приписанныхъ тѣмъ и другимъ (см. гл. XXI). Красными волосами своими кобольды напоминаютъ Тора, а принадлежащія имъ скороходная обувь и шапка-невидимка суть метафоры летучаго облака, въ нѣдрахъ котораго скрывается молнія; въ Швабіи кобольду даютъ названіе *porrele*, въ другихъ мѣстностяхъ—*porre*, *röre* (последнее слово употребляется и для означенія темной тучи), что указываетъ на существо, окутанное облакомъ (= одѣянное облачною шкурою); по мнѣнію Я. Гримма, и латин. *lagva* (маска, личина, привидѣніе, блуждающій мертвецъ) соприкасается съ *lages* ²⁾. Нѣмецкимъ кобольдамъ у литовцевъ со-

¹⁾ D. Myth., 467—470, 476—480, 865.— ²⁾ Ibid., 473, 865; Beiträge zur D. Myth., II, 336—7.

отвѣтствуютъ ка у ки (kaukas ¹)—домовые гении, приносящіе своимъ чтилителямъ изобиліе, рожь, деньги и другіе дары; ростъ ихъ не болѣе одного фута. Хозяини приготавливаютъ для нихъ маленькіе нитяные плащи и закапываютъ въ землю подъ угломъ избы; науки отдѣляются въ эти плащи, и съ того времени дѣлаются дружелюбными помощниками владѣтеля дома. Въ пользу его они похищаютъ у зажиточныхъ сосѣдей разные припасы и переносятъ ихъ подъ родную кровлю. Если же ихъ разгнѣваютъ чѣмъ-нибудь, или не почтять обычными приношеніями яствъ, то они сожигаютъ избу ²). Кашубы и поляки слѣдуютъ тому-же представленію: въ своихъ семейныхъ, домовыхъ духахъ они видятъ маленькія эльфо-подобныя существа. Кашубскіе красныя та (карлики)—совершенно тоже, что кобольды: они живутъ подъ поломъ избы или хлѣва, носятъ красныя шапочки, ходятъ лошадей и кормятъ скотину, а если прогнѣваются на хозяина, то отбираютъ у коровъ и лошадей кормъ и заставляютъ ихъ худѣть, чахнуть и умирать ³). На Руси въ лицѣ домового чувствуется начальщій основатель рода, первый устроитель семейнаго очага, и потому понятіе о немъ не дробится на множество однородныхъ духовъ: въ каждомъ домѣ одинъ домовый ⁴). Впрочемъ у него (какъ и подобаетъ праотцу, главѣ родственнаго союза) есть жена и дѣти; дочери его также юны и прелестны, какъ нимфы (= облачныя дѣвы), но любовная связь съ ними гибельна для смертнаго ⁵). Кроме дѣда домового, въ избахъ поселяются еще и алютки-нары, въ образѣ которыхъ представленіе о грозovýchъ духахъ сливается съ тѣнями усопшихъ (см. стр. 100). Самъ домовый, по свидѣтельству преданій, доселѣ сохранившихся въ нѣко-

¹) Ния это остается необъясненнымъ—см. Пикте, II, 639.— ²) Черты литов. нар., 89; Москв. 1846, XI—XII, 251.— ³) Семеньск., 89—90; Эти. Сб., V, 68.— ⁴) Совр. 1856, XI, 9.— ⁵) О. З., т. LVII, сивсь, 135—6; Совр. 1856, XI, сивсь, 10.

торых мѣстностях, принадлежитъ къ породѣ карликовъ. Въ малыжскомъ уѣздѣ вятской губ. рассказываютъ, что домовой показывается людямъ старикомъ, ростомъ съ пятилѣтняго ребенка, всегда въ красной рубашкѣ, опоясанной синимъ кушакомъ; лицо у него сморщенное, борода бѣлая, волосы на головѣ желто-сѣдые, а глаза словно огонь горять ¹⁾. Въ Сибири представляютъ домового въ видѣ маленькаго, косматого старичка, съ длинной бородою, и думаютъ, что онъ проживаетъ въ печуркѣ. Въ другихъ областяхъ русскаго царства знаютъ домового плотнымъ, и зрелымъ старикомъ, въ короткомъ смуромъ зипунѣ или синемъ кафтанѣ, съ алымъ поясомъ, иногда въ одной красной рубахѣ; у него сѣдая, всклокоченная борода, волосы косматы и застилаютъ лицо, голосъ суровый и глухой; онъ любитъ ворчать, браниться, и употребляетъ при этомъ выраженія чисто-народныя, крѣпкія ²⁾. У лужичанъ домовой называется *bože sedleško* (или *sadleško* — божье сѣдалище — очагъ) и представляется въ образѣ прекраснаго ребенка, который ходитъ въ бѣлой одеждѣ и своими жалобными стонами предвѣщаетъ грядущую бѣду. Когда понадобится вылить вскипяченную воду, то прежде, чѣмъ это будетъ исполнено, говорятъ: «*bože sedleško! dži greš, zo se nesparju*» (божье сѣдлечко! иди прочь, чтобы тебя не опарить). Кто забываетъ дѣлать подобное предостереженіе, тотъ будетъ наказанъ сыпью и прыщами по тѣлу, которые принимаются за обжогъ, за кáру оскорбленнаго домового. Чтобы излѣчиться отъ такой болѣзни, мажутъ устье печи масломъ, приговаривая: «*bože sedleško! ja se mazam; zahoj me, ty sy me sparišo*» (божье сѣдлечко! я тебя мажу; заживи мои болячки, ты же самъ меня обжегъ); потомъ снимаютъ съ кипящаго горшка пѣну и мажутъ ею больныя мѣста ³⁾.

¹⁾ Ibidem. — ²⁾ Записки Авдѣев., 145; Иллюстр. 1845, ст. Дала, 76—78; Ворон. Бесѣда, 190. — ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 269—270

Такъ какъ ни одинъ домъ не можетъ стоять безъ охраны его стѣнъ родовымъ пенатомъ, и такъ какъ съ представленіемъ послѣдняго связывалась мысль о духѣ родоначальника-вредка, обитающемъ у домашняго очага, то отсюда возникло слѣдующее вѣрованіе: новопостроенное жилье тогда только будетъ прочно, когда умретъ глава поселившейся въ немъ семьи, когда слѣдовательно въ душѣ усопшаго домъ получитъ своего генія-хранителя, своего домового. Въ нашемъ народѣ существуетъ примѣта, что постройка новаго дома влечетъ за собою смерть хозяина ¹⁾, и другая, что тотъ изъ родичей умретъ раньше, кто прежде всѣхъ войдетъ въ новый домъ (по требованію стариннаго обряда, первымъ входитъ старшій въ родѣ). Тоже повѣрье существуетъ въ Греціи: кто первый вступитъ на мѣсто, гдѣ положенъ основной камень, тотъ умретъ въ продолженіи года; чтобы предотвратить это, на указанномъ мѣстѣ убиваютъ ягненка или чернаго пѣтуха ²⁾. Любопытно, что, по народнымъ разсказамъ, домовой охотѣе всего принимаетъ видъ хозяина или одного изъ умершихъ членовъ семьи; а гробъ въ областныхъ нарѣчійхъ называется домъ, домовина, домовьѣ, домовище ³⁾. Поселяне убѣждены, что домъ не иначе можетъ быть выстроенъ, какъ на голову одного изъ тѣхъ, которые будутъ жить въ немъ; желая, чтобы смерть не коснулась семейства строителя, они убиваютъ при закладкѣ дома какое-нибудь животное, зарываютъ его въ землю и кладутъ на томъ мѣстѣ первое бревно (арханг. губ.).

¹⁾ Быть подолянъ, II, 51; Самар. Г. В. 1854, 2.— ²⁾ Карман. книга для любит. землевѣд., 314; Записки Авдѣев., 115; D. Myth., 1096.— ³⁾ Обл. Сл., 49; Ч. О. И. и Д., годъ 2, IX, ст. Макарова, 49. Въ воронежской губ. простолудины не говорятъ: иду домой, а иду ко двору; „идти домой“, по ихъ мнѣнію, равносильно выраженію: „идти въ могилу“.

Въ курской губ. съ этою цѣлью, при переходѣ на новоселье, отрубаютъ у курицы голову на порогѣ новой избы и отрубленную голову закапываютъ подъ переднимъ угломъ; мясо обезглавленной курицы въ пищу не употребляется ¹⁾. Въ другихъ мѣстностяхъ, пристуная къ постройкѣ дома, плотники при самыхъ первыхъ ударахъ топоромъ назначаютъ голову скотины или птицы, на которую закладывается зданіе, и вѣрятъ, что такое обреченное животное непрежѣнно иссохнетъ и падѣтъ въ скоромъ времени; пока дѣлается срубъ, крестьяне боятся какъ-бы не оскорбить плотниковъ, и охотно ихъ угощаютъ, чтобы они не заклали дема на голову хозяина или кого изъ домочадцевъ ²⁾. Болгары думаютъ, что ни одно жилое строеніе не можетъ держаться безъ таласама, и потому при постройкѣ дома стараются смѣрять ниткою ростъ или тѣнь кого-нибудь изъ прохожихъ, и мѣрку эту закладываютъ въ фундаментъ; человекъ, съ котораго снята мѣрка и положена въ основу зданія, вскоре умретъ и станетъ являться по ночамъ въ новопостроенномъ домѣ: это привидѣніе и есть таласамъ. Если не удастся снять мѣрки съ человека, то снимаютъ ее съ животного, которое тутъ-же и предается смерти ³⁾. Итакъ для утвержденія стѣнъ новаго жилища необходимо, чтобы умеръ кто-нибудь изъ родичей, или по крайней мѣрѣ чтобы основаніе дома было орошено кровью пѣтуха (курицы), ягненка или другаго животного. Это послѣднее условіе указываетъ на тѣ жертвенныя приношенія, какія совершались въ старину, при закладкѣ дома, въ честь богини Земли — да потерпѣтъ она воздвигаемое на ней зданіе, и въ честь родовыхъ пенатовъ — да охраняютъ они его и поддерживаютъ свою благодатною силою. Выше ука-

¹⁾ Этн. Сб., V, 84.—²⁾ Маякъ, VII, 81.—³⁾ Ж. М. Н. П. 1846, XII, 204.

зано, что не только отдѣльные роды, но и цѣлыя племена и основанные ими города имѣли своихъ охранительныхъ вожатъ; вотъ почему повѣрье, соединяемое болгарами съ постройкою обыкновенной избы, у сербовъ распространяется на стѣны городскихъ укрѣпленій: они до сихъ поръ убѣждены, что ни одинъ значительный городъ не можетъ стоять, если при возведеніи его укрѣпленій не закладутъ въ стѣну живаго человѣка или хотя тѣнь его; человѣкъ, тѣнь котораго заложена въ стѣну, также неминуемо и скоро умретъ, какъ и тотъ, который самъ замурованъ. Отсюда создается трогательное поэтическое сказаніе про «зиданье Скадра»: король Вукашинъ и двое его братьевъ три года трудились надъ постройкою города, но никакъ не могли вывести основанія. Чтобы утвердить стѣны, они должны были рѣшиться на великую жертву: у каждаго изъ нихъ было по вѣрной женѣ; которая утромъ принесетъ мастерамъ обѣдъ, ту и слѣдовало заложить въ основаніе башни. Договоръ этотъ они скрѣпили клятвою и обязались сохранять его въ тайнѣ. Но старшіе братья предупредили своихъ женъ, и тѣ притворились больными, а обѣдъ понесла младшая невестка, любимая жена Гойка. И вотъ, когда на утро явилась она съ обѣдомъ, два деверя тотчасъ схватили ее, кинувши мастеровъ и зодчаго, и стали закладывать прекрасную Гойковицу бревнами и камнями¹⁾. Подобное-же преданіе известно было на Руси о Новгородѣ: когда Славенскъ заустѣлъ и понадобилось срубить новый городъ, то народные старшины, слѣдуя древнему обычаю, послали передъ солнечнымъ восходомъ гонцовъ во все стороны, съ наказомъ захватить первое живое существо, какое имъ встрѣтится. На встрѣчу попалось дитя; оно было взято и положено въ основаніе крѣпости, которая потому и названа Дѣ-

¹⁾ Срп. в. пјесме, II, 115—124.

тинцемъ ¹⁾). По иѣмецкимъ преданіямъ, обстоятельно указаннымъ у Я. Гримма ²⁾, въ основаніе городовъ, мостовъ и замковъ закладывались люди (преимущественно дѣти); если не дѣлали этого, то зданія не могли удержаться, распадались и проваливались сквозь землю ³⁾.

Такое отождествленіе усопшихъ предковъ съ домовыми нелатами заставило признать за ними божественный характеръ. По мнѣнію древнихъ, всякой усопшій, какими бы свойствами онъ не отличался при жизни, былъ богъ. Греки называли мертвыхъ святыми, блаженными и нерѣдко подземными богами, а римляне — богами-манами; на гробницахъ они вырѣзывали надпись: *Dis Manibus*, *Θεοῖς χθονίοις*, и ставили передъ ними алтари для жертвоприношеній, какъ передъ храмами ⁴⁾. Наши простолюдины называютъ покойниковъ святыми родителями ⁵⁾ и ставятъ имъ приношенія (блины, горячій хлѣбъ и напитки) на божницѣ—въ чашкахъ и сосудахъ, къ которымъ прилѣплены зажженные восковые свѣчи. Успѣхъ въ предпріятіяхъ и счастливое избавленіе отъ опасности въ лѣтописяхъ приписываются, кромѣ милости божіей, и молитвамъ скончавшихся предковъ; такъ, описывая торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: «и поможе Богъ Мизалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и правѣда его» ⁶⁾. Въ старину клялись костью и прахомъ родителей: «овъ присягы костью чловѣчани творить» (т. I, 30); тому, кто понапрасну божитъ

¹⁾ Досуги или собр. сочин. Попова, I, 191—2.— ²⁾ D. Myth., 1095—7.— ³⁾ Объ Ахенскомъ соборѣ рассказываютъ, что его строилъ нечистый на томъ условіи, чтобъ ему отдана была душа перваго, кто войдетъ въ это зданіе.— ⁴⁾ Ф. Кулажъ, 19—20.— ⁵⁾ Есть указаніе, что домовыхъ въ старину называли у б о ж ь я м и— Архивъ ист.-юр. свѣд., II, предислов. къ сочин. Михалона Литвина, стр. II.— ⁶⁾ Ист. Росс. Соловьева, III, 145.

ся, говорятъ съ укоромъ: «не шевели даромъ костями родительскими!»¹⁾). Отсюда понятны то особенное уваженіе и та любовь, съ которыми относится русскій народъ къ домовому; понятно, почему радомъ съ тѣмъ, какъ время и вліяніе христіанства рушили многія языческія вѣрованія, — преданія о домовомъ до сихъ поръ съ замѣчательною свѣжестью удерживаютъ свои старинныя краски.

Въ типическомъ образѣ домового соединены всѣ главныя, характерныя черты домовитаго хозяина-патріарха. Онъ — самое старшее и почетное лицо въ семьѣ домовладѣльца, къ которой и принадлежитъ по восходящей линіи, какъ праотецъ (дѣдъ), положившій основаніе очагу и собранному подъ единой кровью союзу родичей: эта родственная связь для первобытныхъ племенъ нисколько не казалась искусственною, напротивъ—ей глубоко вѣрили, ее чувствовали. Собственно обладателемъ дома, верховнымъ въ немъ распорядителемъ признавался дѣдъ-домовой; а настоящій, обрѣтающійся въ живыхъ, глава рода былъ не болѣе, какъ его представитель—вздыкъ, поставленный, по старинному выраженію, въ мѣсто старшаго. Отъ того на Руси домового прямо называютъ хозяиномъ, хозяинушка, и даже существуетъ убѣжденіе, что домовый всегда «словно вылетѣ въ хозяина дома» — такъ на него похожъ! Онъ обыкновенно носитъ и хозяйскую одѣжу, но всякой разъ успѣваетъ положить ее на мѣсто, какъ скоро она понадобится наибольшему въ семействѣ²⁾). Въ самомъ дѣлѣ, домовый есть идеалъ хозяина, какъ его понимаетъ русскій человекъ: онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и наготовѣ — здѣсь подсобить работнику, тамъ поправить его промахъ; по ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопаетъ за разными подѣлками

¹⁾ Труды О. Н. и Д., VI, 197.— ²⁾ Совр. 1856, XI, 40; Иллюстр. 1846, 384.

ни; ему пріятенъ приплодъ домашнихъ птицъ и животныхъ; онъ не терпитъ излишнихъ расходовъ и сердится за нихъ, словомъ домовый склоненъ къ труду, кропотливъ и расчетливъ. Если ему жалье по душѣ прійдется, то онъ служить домочадцамъ и ихъ старѣйшинѣ, ровно въ кабалу пошелъ: смотритъ за всѣмъ домою и дворомъ «пуще хозяйскаго глаза», блюдетъ семейные интересы и радѣетъ объ кнуществѣ «пуще заботливаго мужика», охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ и свиней. Будучи бережливъ и расчетливъ, домовый не считаетъ грѣхомъ таскать изъ чужихъ сѣноваловъ и закрововъ корю для своей скотины. Онъ надзираетъ и за домашнею птицею (особенно курами), за овиномъ, огородами, конюшнею, хлѣвомъ и анбарами ¹⁾.] Когда водяному приносятъ въ жертву гуся, то напередъ отрываютъ гусиную голову и приносятъ на птичій дворъ: тамъ вѣшаютъ ее для того, чтобы домовый не узналъ въ гусяхъ убыли и не рассердился ²⁾. Домовый не даетъ и лѣшему потѣшиться въ хозяйскомъ саду, и вѣдьмѣ не позволяетъ заданвать хозяйскихъ коровъ; онъ устраняетъ всякой убытокъ и противодействуетъ замысламъ нечистой силы. Мужика, который съумѣетъ угодить домовому, удача за удачею: покупаетъ онъ дешевле всѣхъ, продаетъ съ прибылью, рожь его цвѣтетъ не вредимо—въ то самое время, какъ у сосѣдей побита градомъ, и т. дал. ³⁾. Домовый сочувствуетъ и семейной радости, и семейному горю. Когда умираетъ кто-нибудь изъ домочадцевъ, онъ воеетъ ночью, выражая тѣмъ свою непритворную печаль; смерть самого хозяина онъ предвѣщаетъ тяжелыми вздохами, плачемъ ⁴⁾ или тѣмъ, что, садясь за его работу, покрываетъ свою

¹⁾ Сахаров., II, 19; Абов., 190; Терещ., VI, 38; Иллюстр. 1845, 77 и дал.; Цебриков., 275 — ²⁾ Сахаров., II, 57.—³⁾ О. З., т. LVII, смѣсь, 137.— ⁴⁾ Послов. Даля, 1033.

голову шапкою ¹⁾. Передъ чумой, пожаромъ и войною домовые выходятъ изъ села и воютъ на выгонахъ. Если идетъ неожиданная бѣда — домовый извѣщаетъ о ея приближеніи стукомъ, вечными поѣздками, истомляющими лошадей, и приказомъ сторожевымъ собакамъ рыть среди двора ямы и выть на всю деревню. Желая предупредить соннаго хозяина о какомъ-нибудь несчастіи, напр. о началѣ пожара или о ворѣ, который забрался на дворъ, домовый толкаетъ его и будитъ ²⁾. Дѣятельность домового ограничивается владѣніями той семьи, съ которою связанъ онъ священными узами родства и культа; онъ заботится только о своемъ домѣ, о своемъ дворѣ, и потому его называютъ домовымъ или дворовымъ ³⁾: въ этихъ названіяхъ указывается пространство, въ предѣлахъ котораго чтится его власть и приносятся ему жертвы. Кроме того, его называютъ: а) жировикъ (отъ глагола жить; жира — привольное, богатое житье), т. е. духъ, обитающій въ человѣческомъ жилищѣ и надѣляющій его изобиліемъ и довольствомъ ⁴⁾; б) клѣцъникъ (бѣлорус.) — хранитель домовыхъ клѣтѣй и кладовыхъ ⁵⁾.

Сдѣланные нами выводы подтверждаются еще слѣдующими соображеніями. Въ народныхъ русскихъ преданіяхъ и заклинаніяхъ уцѣлѣло воспоминаніе о древнемъ ииенческомъ существѣ Чурѣ. Въ санскритѣ *चि* г означаетъ: жечь; слову этому въ русскомъ языкѣ соответствуетъ: кур-ить (звуки *ч* и *к* въ

¹⁾ Смыслъ этого поверья для насъ неясенъ. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай: когда умретъ кто-нибудь изъ домочадцевъ, то хозяинъ до самаго погребенія не надѣваетъ шапки; дѣлается это съ цѣлю предотвратить въ семьѣ дальнѣйшую смертность — Маякъ, VII, 79. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 77—78; Абеа., 194; Украин. мелодіи Маркевича, 152. — ³⁾ Другая форма: домовикъ, дворовикъ; въ области говорахъ: дворница — хозяйка. — ⁴⁾ Обл. Сл., 45, 49, 57; Сахаров., II, 65. — ⁵⁾ Приб. къ Ивв. Ав. II 1853 г., 175: „бердзѣй да клѣцъника, мали грошей нимѣ.“

славянскихъ нарѣчіяхъ взаимно смѣняются: чадить и кадитъ, почить и покой, и т. п.) Отъ сикр. ѿг образовались слова: чурка, чурáкъ (чурбакъ, чурбанъ) — обрубокъ дерева, толстое полѣно, съ помощію котораго возжигается на домашнемъ очагѣ огонь ¹⁾, подобно тому, какъ палница (палка) стоитъ въ связи съ глаголомъ палить, а жезлъ съ глаголомъ жечь (см. I, 257). Чуръ — это одно изъ древнѣйшихъ названій, какое давалось дошовому пенату, т. е. пылающему на очагѣ огню, охранителю родового достоянія. Бѣлоруссы до сихъ поръ рассказываютъ, что у каждого хозяина есть свой Чуръ—богъ, оберегающій границы его поземельныхъ владѣній; на межахъ своихъ участковъ они насыпаютъ земляные бугры, огораживая ихъ частоколомъ, и такого бугра никто не посмѣетъ разрыть изъ опасенія разгнѣвать божество ²⁾. Очагъ и теплая изба прикрѣпили человѣка къ землѣ, сдѣлали его осѣдлымъ и создали понятіе поземельной собственности. Каждая семья, ниѣя своихъ боговъ и свой культъ, должна была владѣть и отдѣльнымъ домомъ, пользоваться отдѣльнымъ участкомъ земли. Это жилище и поле, обрабатываемое родичами, со всѣхъ сторонъ облегалась порубежная полоса, которая считалась неприкосновенною; никто не могъ переступить ее своевольно. Въ опредѣленные дни глава семейства обходилъ по этой чертѣ, гоня передъ собою жертвенныхъ животныхъ, пѣлъ гимны и приносилъ дары; здѣсь-же, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, ставились крупные камни или древесные стволы, носившіе названіе термовъ. Въ яму, въ которой утверждался термъ, клали горячіе угли, хлѣбныя зерна, караван, плоды, лили медъ и вино ³⁾. Римляне, при постройкѣ герода, за-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., I. ст. Вул., 43; *Radices linguae sloven.*, 42; Обл. Сл., 260.— ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 19.— ³⁾ Ф. Кулижъ, 79—83, 88—89.

пригали въ плугъ тельца и юницу и обводили кругомъ глубокую борозду, которая и должна была означать границу города; въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдовало быть воротамъ, подымали плугъ и борозды не проводили. Кто входилъ въ городъ не воротами, а перелѣзалъ черезъ ровъ и стѣну, тотъ подвергался смертной казни ¹⁾. По общему убѣжденію индо-европейскихъ народовъ, межа была священною чертою; межевые столбы и камни, поставляемые для разграниченія мѣстъ, служили вещественными, символическими знаменіями владычества родовыхъ пенатовъ, и наглядно для всѣхъ указывали на рубежъ, начиная съ котораго земля, со всѣми ея угодыми и постройками, находилась подъ нѣмъ покровительствомъ и охраною. Деревянный столбъ (чурбанъ) былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, такъ какъ въ немъ таятся живой огонь, добываемый треніемъ, и такъ какъ деревомъ питается священное пламя очага; камень же — символъ небснаго пламени, которое возжегъ богъ-громовникъ своимъ каменнымъ молотомъ и низвелъ на очагъ въ видѣ молніи. Чтобы захватить чужое поле, надо напередъ измѣнить рубежъ, низвергнуть охраняющее его божество. Такое святотатство подвергало виновнаго жестокой карѣ: «его домъ (говоритъ этрусскій законъ) исчезнетъ, его племя угаснетъ; земля не будетъ приносить ему плодовъ; градъ, ржа и небесныя молніи истребятъ его жатвы; члены его покроются язвами и изсохнутъ» ²⁾. Приобрѣтая землю, германцы бросали на нее молотъ, и такимъ образомъ освящали право на поземельную собственность ³⁾. По нѣмецкому погѣрью, люди, которые не уважаютъ святости границъ, передвигаютъ межевые камни и хозяйничаютъ на чужихъ нивахъ, подвергаются за то проклятію, и по смерти души ихъ блужда-

¹⁾ Смыкъ Отеч. 1831, т. XXIII, стат. Гримма „О поэзіи въ правѣ“, 281—2.— ²⁾ Кулажъ, 90.— ³⁾ Die Götterwelt, 227.

ютъ по воздуху, безъ пристанища ¹⁾). По мѣстоу чехавъ, тотъ, кто повреждаетъ у сосѣдей межевые камни, по смерти своей осуждается таскать тяжелый камень, или душа его, не обрѣтая нигдѣ покоя, носится по полямъ блуждающимъ огонькомъ ²⁾). Отъ тѣсныхъ стѣнъ избы и двора охранительная власть домового распространилась на весь поземельный надѣлъ, принадлежащій роду; Чуръ, по бѣлорусскому преданію, оберегаетъ поля и пашни, состоящія въ опредѣленной межѣ. Въ народныхъ заклятіяхъ доселѣ призывается имя Чура, и хотя это болѣею частію дѣлается безсознательно, тѣмъ не менѣе они важны, какъ любопытные обломки незапамятной старины. Заклятія: «чуръ меня!» «чуръ наше мѣсто свято!» произносятся при разказахъ о злыхъ духахъ, при совершеніи гаданій и волшебныхъ чаръ; сила этихъ словъ заключается въ призывѣ свѣтлаго, дружелюбнаго божества, присутствіе котораго заставляетъ удаляться демоновъ мрака. Мѣсто, гдѣ показывается Чуръ, получаетъ таинственное освященіе, и потому за черту родовыхъ владѣній, находящихся подъ его охраною, не дерзаютъ переступить враждебные духи. Приступая къ гаданіямъ, къ добыванію подземнаго блада и въ другихъ случаяхъ, когда можно опасаться дьявольскаго навожденія, необходимо обвести себя круговою линіей; линія эта очерчивается зажженною лучиною или восковою свѣчю, при обычномъ воззваніи къ Чуру («Чуръ! наше мѣсто свято»), и служитъ самою надѣжною оградою отъ злобы демоновъ. Поэтому глаголь чураться въ областныхъ говорахъ значитъ не только: «клясться Чуромъ», но и «очерчиваться» (въ переносномъ смыслѣ: удаляться, отстраняться отъ кого-нибудь); а слово чуръ получило значеніе проведенной черты (межи), какъ это очевидно изъ нарѣчія через-чуръ и пословицы:

¹⁾ D. Myth., 870.— ²⁾ Громанъ, 22, 197.

«черезъ чуръ и конь не ступить»; въ тверской губ. чуръ — стой! не трогай! Бѣлорусское заклятіе: «чуръ табѣ на языкъ!» (тоже, что выраженіе: «ткнувъ тебѣ!») и малороссійское: «цуръ тобѣ, пекъ тобѣ!» состоятъ въ призваніи карающей силы огня на языкъ насмѣшника, ругателя, или на голову обидчика; интересно сопоставленіе слова пекъ (отъ глагола печь, пеку) съ словомъ чуръ, какъ рѣченій синонимическихъ, тождественныхъ по значенію. Согласно съ своимъ основнымъ характеромъ, Чуръ является въ заклинаніяхъ и боже-ствомъ, освящающимъ право собственности: «чуръ пополамъ!» «чуръ вибѣтѣ, или одному!» «чуръ мое!» — восклицанія, которыя обыкновенно раздаются при нечаянной находкѣ чего-нибудь двумя или нѣсколькими спутниками, смотря по желанію ихъ раздѣлить найденное, или овладѣть имъ безъ раздѣла ¹⁾). Понятіе собственности у народовъ первобытныхъ было нераздѣльно съ представленіемъ очага; о частной собственности не знали, всеѣмъ имуществомъ владѣлъ родъ сообща, который (какъ лицо юридическое) и былъ настоящимъ собственникомъ, или говоря строже — собственникомъ было божество домашнего огня: въ немъ, съ одной стороны, видѣли источникъ всякаго богатства, начало всякаго приобрѣтенія, а съ другой стороны — чтили въ немъ представителя родственнаго единства, старѣйшаго праотца. Такое сочетаніе различныхъ понятій запечатлѣлось и въ словѣ чуръ; ибо другая форма его щуръ, сохранившаяся въ названіи пра-щуръ, указываетъ на предка-основателя рода ²⁾). «Каждя семья, говоритъ Куланжъ о древнихъ греко-италійцахъ, имѣла свою могилу, гдѣ умершіе члены ея, одинъ за другимъ, помѣщались на вѣчный покой.

¹⁾ Обл. Сл., 260; Приб. въ Изв. Ак. Н. 1852, 77; Старосв. Банд., 577; Рус. въ св. посл., III, 157. — ²⁾ Ч и щ — звуки родственныя: ночь — ношь, печь — пещь; въ рязанской губ. щурка (виѣсто: чур. ка) — кочерга, ожогъ (Обл. Сл., 271).

Эта могила обыкновенно лежала въ сѣдствѣ дома, недалеко отъ дверей, для того, чтобы дѣти, при входѣ и выходѣ изъ своего жилища, всякій разъ встрѣчали своихъ отцовъ и призывали ихъ имя. Такимъ образомъ предокъ оставался въ кругу своихъ; невидимый, но всегда присущій семьѣ, онъ продолжалъ быть ея членомъ, ея отцомъ». Земля, въ которой поконились мертвые, признавалась священной, недоступною чужеродцамъ и не подлежала отчужденію ¹⁾. По свидѣтельству Нестора, славяне-язычники сжигали мертвыхъ, а пепелъ ихъ собирали въ малые сосуды и ставили «на столпѣ на путехъ», т. е. ставили погребальныя урны на пограничныхъ термахъ, возлѣ дороги, ведущей въ родовое владѣніе— при самомъ входѣ въ него. Потому только тотъ и могъ пользоваться плодами общаго, наследственнаго имущества, участвовать въ его обладаніи, кто въ качествѣ члена известнаго рода состоялъ подъ защитою домашняго очага и принималъ участіе въ семейныхъ жертвоприношеніяхъ и молитвахъ.

Русскій крестьянинъ проводитъ рѣзкое различіе между домовыми своими и чужими. Свой домовый болѣею частію добръ и заботливъ; онъ связанъ съ семьей хозяина узами родства и охотно радѣеть ей; въ совершенно иныхъ отношеніяхъ стоитъ онъ къ другимъ семействамъ, къ которымъ не чувствуетъ родственнаго тяготѣнія. Къ чужеродцамъ домовый болѣе, чѣмъ равнодушенъ; онъ даже не прочь поживиться на ихъ счетъ и чрезъ то улучшить положеніе своего собственнаго дома: по наивному вѣрованію поселянъ, онъ таскаетъ своими лошадьми сѣно изъ чужихъ сѣноваловъ, переманиваетъ къ себѣ птицу съ чужаго двора, обкрадываетъ клѣти и закрома и проч. Къ чужимъ родамъ и семьямъ, у которыхъ—свои

¹⁾ Буланжъ, 41, 84—86.

пенаты и свой культ, домовый почти всегда питает непріязненное чувство, старается повредить ихъ хозяйству и нарушить ихъ домашній миръ. Чужой домовый — непременно лихой; замѣтимъ, что въ эпоху родового быта слова «чужой» и «свѣдрукъ» были синонимы. Поэтому его боится и проклинаютъ противъ него заклинанія: въ заговорахъ испрашивается защита свѣтлыхъ боговъ «отъ чорта страшнаго, отъ чужаго домоваго» ¹⁾). Домовые разныхъ дворовъ нерѣдко вступаютъ между собою въ ожесточенную борьбу, и это понятно, ибо въ своихъ стремленіяхъ сбросить собственное добро и поживиться чужимъ они должны встрѣчаться, и встрѣчаться враждебно. О сербскихъ вѣдогоняхъ разсказываютъ, что они любятъ рашнцать чужое имущество, и при этомъ постоянно и озлобленно дерутся между собою. При борьбѣ домовыхъ одинъ изъ нихъ можетъ ослабить другаго, изгнать его изъ владѣній, и какъ побѣдитель — занять опустѣлый домъ. Переходя на новоселье, отецъ семейства перезываетъ съ собою и своего домоваго; а въ предосторожность, чтобы злые люди не напустили въ новый дворъ лихаго домоваго, вѣшаетъ въ конюшнѣ недѣвѣжью голову. Это дѣлается, по словамъ покойнаго Сахарова, для того, чтобы лихой домовый не вступалъ въ борьбу съ добрымъ за живое и не обезсилялъ его ²⁾). Въ этомъ знаменательномъ преданіи слышится воспоминаніе о родовой враждѣ славянъ, о которой свидѣтельствуютъ и древняя лѣтопись, и народные свадебныя пѣсни. Роды спорили, вели усобицы, а блюстителями ихъ интересовъ были домашніе пенаты и старѣйшины; эти послѣдніе, умирая, переносили и за гробъ тѣже привязанности и тѣже ненависти. Можетъ быть, этою родоюю особенностью объясняется и пристрастіе домоваго къ извѣстному цвѣту шерсти: одинъ домовый

¹⁾ Сахаров., I, 19.— ²⁾ Ibid., 55.

любить бѣлый или сѣрый цвѣтъ, другой — вороной, и т. дал. Какой цвѣтъ любить домовой, тотъ идетъ ко двору; другой цвѣтъ идетъ къ чужому хозяйству и бываетъ ему противенъ. Вотъ почему крестьяне стараются держать лошадей, коровъ, собакъ и кошекъ той масти, которая «ко двору»; иной масти хоть не заводятъ: лошадей домовою заѣздить или забѣть подъ ясли, коровъ обездоить молокомъ, а кошекъ и собакъ перекусаетъ ¹⁾. Въ ярославской и нижегородской губ. совѣтуютъ покушать коровъ и лошадей, приивнаясь къ цвѣту шерсти своего домового; только тѣхъ животныхъ онъ и любитъ, и холить, какія на него похожи. Въ народѣ ходитъ рассказъ, какъ у одного мужика не держались лошади — и все отъ того, что не попадалъ на счастливую масть; обѣдняя мужикъ и купилъ себѣ наконецъ ледащую клячу, которая пришлась по нраву домовому: «вотъ это лошадь — такъ лошадь! не прежнимъ чета!» отозвался объ ней домовою — и съ той поры повелось отъ этой клячи кѣни, да еще какіе славные! (воронеж. губ.) Когда чужой домовою переселятъ хозяйскаго, то начинается выживать изъ дому всѣхъ жильцовъ, причиняя имъ безпокойство и вредъ; онъ щиплетъ домашнихъ животныхъ и птицъ ²⁾, у скотины отнимаетъ кормъ, лошадямъ спутываетъ гривы и замучиваетъ ихъ ѣздою, сбрасываетъ хозяина съ саней или телеги, раздѣваетъ его во время ночи, стакиваетъ съ постели, наваливается на сонныхъ домочадцевъ, душитъ и щиплетъ ихъ до синихъ пятенъ, хлопасть безъ нуж-

¹⁾ Абев, 490. Въ орловской губ. хозяйинъ, желающій узнать: какая масть домовому по мысли, беретъ на Свѣтлое Христово Воскресенье кусокъ кулича, завертываетъ въ тряпицу и вѣшаетъ въ конюшнѣ; а черезъ шесть недѣль смотритъ: какого цвѣта завелось въ куличѣ червячки? Именно такой масти слѣдуетъ и лошадей водить. — ²⁾ Если у куръ искривляются отъ болѣзни шеи — это домовою вертеть имъ головы — Записки Авдѣев., 145.

ды дворяни и иѣнаетъ вславному дѣлу, вселвой работѣ. Чтобы избавиться отъ бѣды, хозяинъ и его родичи совершаютъ обрядъ изгнанія чужаго домоваго. Для этого они ударяютъ по стѣнамъ и зѣборамъ метлами и приговариваютъ: «чу жой домовоѣ, поди домой!» а вечеромъ въ тотъ-же день наряжаются въ лучшія праздничныя платья, выходятъ на дворъ и начинаютъ призывъ своего домоваго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «дѣдушка-домовой! приходи къ намъ домой — домъ дойти и скотинку водить» ¹⁾. По другому описанію, съ лихими домовыми управляются такъ: ѣздить по двору верхомъ на конѣ и намутъ по воздуху помеломъ, причитывая: батюшка домовоѣ! не разори дворъ, не погуби животину». Иногда помело обмакиваютъ въ деготь, чтобы отиѣтнить домовому лысену, послѣ чего онъ убѣгаетъ со двора ²⁾.

Но бывають случаи, когда домовоѣ становится злымъ и въ отношеніи къ семьѣ своего хозяина ³⁾. По народному повѣрью, домовоѣ хотя и отличается добротой, но вообще любитъ проказить. Такое свойство его коренится въ древнѣйшихъ воззрѣніяхъ на грозовыхъ карликовъ, которые представлялись нашимъ предкамъ съ двоякимъ характеромъ. Поражая демоническія рати облачныхъ великановъ, духи эти оплодотворяли землю и воспитывали жатвы; но вмѣстѣ съ тѣмъ — они и сами облакались въ мрачныя покровы тучъ и, окутанные ими, свѣшивались съ нечистою силою, дышали опустошительными вихрями и пожигали молніями. Огонь очага чтился на землѣ представителемъ небснаго пламени, возжигаемаго Перуномъ и его спутниками; а потому домовые должны были удержать за собою всѣ отличительныя свойства грозовыхъ духовъ (эль-

¹⁾ О. З., т. LVII, смѣсь, 137.— ²⁾ Сахаров., 65. Очевидно, мѣра эта предпринимается противъ чужаго домоваго; изгнаніе своего домоваго — немисламо.— ³⁾ Терещ., VI, 38; Сахаров., II, 19; Абев., 190—1.

фовъ)—не только благоприятныя, но и враждебныя человеку, тѣмъ болѣе, что и самый огонь вызывалъ подобныя-же разнообразныя представленія. Если съ одной стороны въ немъ видѣли бога создателя и охранителя человѣческаго жилья, то съ другой — это было существо прихотливое, склонное къ мести (см. выше стр. 47) и разрушительное: въ гнѣвномъ пламени пожара онъ пожиралъ все достояніе семейства. Я. Гриммъ указываетъ на различіе, отразившееся въ вѣрованіяхъ германцевъ, между огнемъ добрыхъ и злыхъ и приводитъ старинную французскую клятву: «mal feu arde»¹⁾. Имя kobold онъ считаетъ родственнымъ греческому *κόβαλος* (лат. *cobalus*)—хитрый, лукавый²⁾; другія названія, даваемыя нѣмецкими племенами домовымъ гоніямъ, указываютъ на производимый ими шумъ и грохотъ: *klopfen*, *poltergeist*, *buller man* (*bullerkatter*) отъ *poltern* и *bullen*, *bullern*—стучать. Они колотятъ по стѣнамъ, стучатъ по лѣстницамъ, хлопаютъ дверьми, бросаютъ въ проходящихъ кирпичи и камни, возятся, прыгаютъ и кричатъ въ ночное время, стаскиваютъ съ сонныхъ постельные покровы, гасятъ у слугъ свѣчи, опрокидываютъ у коровницы подойникъ, и разливая молоко, смѣются злымъ смѣхомъ. Повѣрья эти возникли изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, давно-утратившихъ свой первоначальный смыслъ: стукъ и смѣхъ—метафоры грома, бросаніе камней указываетъ на разящія молніи (*donnersteine*), срываніе ночныхъ покрововъ—на темныя тучи, разносимыя грозою, разлитіе молока — на дождь (тотъ-же смыслъ заключается и въ повѣрьяхъ, что кобольды качаютъ воду и поятъ скотъ, т. е. поятъ дождемъ небесныя стада). Итакъ вмѣстѣ съ добрыми свойствами, указанными выше, кобольдамъ приписываются и злыя наклон-

¹⁾ D. Myth., 569. — ²⁾ Пикте (II, 638) сближаетъ съ этими словами и санскр. *śabala*, *śavala*.

ности, такъ что они являются домашними мучителями (quä!-geister), пугалами дѣтей и взрослыхъ; у славянъ домовые духи, производящіе по ночамъ возню и стукъ, называются: у чеховъ obludy, пошні preluda, pristrachy и strašidla, пол. straszyllo, серб. страшило, словен. strashnik; они показываются то легкими, воздушными привидѣніями, то принимаютъ видъ различныхъ животныхъ¹⁾. Замѣтимъ, что и души усопшихъ не только боготворились, какъ существа добрыя и дружелюбныя; но еще, сверхъ того, представлялись страшными привидѣніями, пугающими живыхъ людей, насылающими на нихъ бѣды и несчастія. Про домового рассказываютъ на Руси, что онъ иногда дозволяетъ себѣ проказы, безъ всякой видимой причины, единственно вслѣдствіе своего шаловливаго нрава; но въ такомъ случаѣ достаточно его «оговорить»—и все пойдетъ хорошо. Такъ въ одномъ домѣ онъ билъ кошекъ, бросая въ нихъ чѣмъ попада. Разъ ухватилъ онъ кошку и швырнулъ ее наземь, а баба тѣмъ часомъ и оговорила: «зачѣмъ бросаешь? развѣ это хозяйство? намъ безъ кошки прожить нельзя; хорошъ хозяинъ!» Съ той поры домовый пересталъ трогать кошекъ. Или еще рассказъ: однажды увидѣлъ хозяинъ, какъ домовый гоняетъ по двору на пѣгашкѣ, да такъ-то бѣрзо гоняетъ, ажно въ мылѣ сердечная! «А зачѣмъ лошадей заѣжаешь? кто тебя просилъ!» оговорилъ мужикъ; вмѣсто отвѣта, домовый пустилъ въ него полѣномъ — и откуда взялось оно!—а все-таки пересталъ съ того времени мучить пѣгашку (ворон. губ.). Если же домовый бываетъ чѣмъ-нибудь разгнѣванъ (напр. несогласіемъ и бранью въ семьѣ, покупкою лошади неандушей ко двору масти и т. п.), то онъ принимается въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ за тѣже продѣлки, какъ и чужой домовый. Поэтому его называютъ шутъ, обломъ и

¹⁾ D. Myth., 470—5. 481; Громаниъ, 196.

садолѣмъ; названія эти придаютъ и чорту ¹⁾). Ближе всего указываютъ на связь домового съ эльфи слѣдующія два повѣрья: а) во первыхъ, онъ любитъ путать лошадямъ гривы. О лошади, у которой грива начинаетъ полститься, сбиваться въ войлокъ, рассказываютъ, что домовый плететь у ней косу; тоже дѣлаетъ онъ и съ бабьими косами, и съ бородами мужиковъ, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ это почитается знакомъ особенной его любви; завитую домовымъ гриву не слѣдуетъ расчесывать, иначе онъ разсердится и совѣмъ испортитъ животное. Напротивъ, въ другихъ мѣстахъ спутанная грива считается за признакъ того, что домовый не влюбилъ коня и готовъ его извести. Колтунъ на лошадиной гривѣ въ Малороссіи называютъ чортове сидло или чортови стремена, и приписываютъ дѣйствию утомительныхъ поѣздокъ домового ²⁾). Подобное повѣрье нѣмцы соединяютъ съ ночными эльфами—*nachtalb* и *nachtmar*, которые завиваютъ и связываютъ въ узлы у людей волосы, у коней гривы и хвосты (*alpzopf*, *mahrenlocke*, *wichtelzopf*—колтунъ). б) Во вторыхъ, домовый наваливается на спящихъ и давитъ ихъ такъ сильно, что они не могутъ ни вскрикнуть, ни пошевелиться: такъ объясняютъ себѣ простолюдины то тяжелое стѣсненіе въ груди, какое чувствуется во время сна отъ сильнаго прилива крови. По мнѣнію нѣмцевъ, стѣсненіе это бываетъ отъ того, что соннаго человѣка давитъ и трясетъ *nachtmar* (англ. *night-mare*) или *alp*; а французы называютъ его *cauche-mare* (*cochemar*, *chaucheville*³⁾). Слово *cauche-*

¹⁾ Обл. Сл., 196, 269.— ²⁾ Совр. 1856, XI, смѣсь, 10; Иллюстр. 1845, 77; Громанъ, 16; *Schraackagerl* — домовый духъ, который въ видѣ малаго дитяти сидитъ въ ясляхъ (въ конюшнѣ); онъ помогаетъ служанкамъ, водитъ скоть и птицу, а раздраженный путаетъ лошадямъ гривы и разгоняетъ коровъ.— ³⁾ D. Mith., 433; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 272—3.

шаге соответствует русское кикимора или шишимора — имя сложное, и первая половина его доселѣ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ въ отдѣльной, самостоятельной формѣ: шишъ — домовой, бѣсъ, шишкѣ — нечистый духъ, шишига (шиниганъ) — домовой, злой духъ и праздношатающійся человекъ, шатунъ. При этихъ рѣченіяхъ имѣются и глаголы: шишѣть — копаться, возиться, безпрестанно что-нибудь дѣлать, шишкать — иѣшать, суетиться, гомозить ¹⁾. Что касается второй половины слова, то она равносильна нѣм. der tag. Въ Сербіи и Черногоріи мора (пол. тога, шага, чеш. шѣга) признается за демоническаго духа, который вылетаетъ изъ вѣдьмы въ видѣ мотылька (= общераспространенное представленіе души), «притискуе и дави» по ночамъ сонныхъ людей «и дихае имъ зауставл(ь)а» ²⁾. Въ Россіи также извѣстны мары или марухи — старыя, маленькія существа женскаго пола, которыя сидятъ на печи, прядутъ по ночамъ пряжу и все шепчутъ да подпрыгиваютъ, а въ людей бросаютъ кирпичами; въ оловяцкой губ. ни одна баба не покидаетъ своей пряслицы безъ молитвы, потому что въ противномъ случаѣ явится ночью мара, изорветъ и спутаеъ кудель. Мары тождественны съ кикиморами, о которыхъ рассказываютъ, что это младенцы, умершіе некрещеными или проклятые ихъ родителями, и потому попавшіе подъ власть нечистой силы; кикиморы представляются малютками-невидимками женскаго пола, обитающими въ домахъ, за печкою; сидятъ тамъ, онѣ стучать, свистять, кидаютъ на прохожихъ камни, бьютъ посуду и почти постоянно занимаются пряжею ³⁾. Въ

¹⁾ Обл. Сл., 266; Доп. обл. сл., 307. Г. Гильеердингъ сближаетъ рус. шишъ съ санскр. hīṣa — повреждать (Mat. сравн. слов., II, 421. — ²⁾ Срп. рјечник, 367; Путеш. въ Черногор. А. Попова, 221; Volkstlieder der Wenden, II, 268. — ³⁾ Сахаров., II, 17; Пузын., 126; Обл. Сл., 266: шишка — пряжа, намотанная на веретено.

ночь противъ Рождества онѣ треплютъ и жгутъ кудели, оставленныя у прялокъ безъ молитвы ¹⁾. Согласно съ вышеприведенными преданіями, что всякое жилое строеніе закладывается на чью-нибудь голову, создается слѣдующее повѣрье: если хозяинъ не доплатитъ плотникамъ за срубку избы, то они напускаютъ въ нее злую кикимору ²⁾. Чтобы избавиться отъ кикиморы, знахарь обжигаетъ печь и углы избы съ такимъ заклятіемъ: «ахъ, ты гоѣ еси кикимора домовая! выходи изъ горюнина дома скорѣе, а не то задерутъ тебя калеными прутьями, сожгутъ огнемъ-полынемъ, зальютъ черной смолою» ³⁾. Самъ домовой, по рассказамъ сибиряковъ, садится по ночамъ прять, и неразъ удавалось слышать, какъ гудѣтъ веретено подъ его рукою, а поутру замѣчали, что прядева прибавилось ⁴⁾. Очевидно, что въ марахъ или кикиморахъ олицетворены души усопшихъ (маръ—смерть, чума, маръ—сонъ, мара—призракъ, мары—носилки для мертвыхъ ⁵⁾, эти незримыя эльфическія существа, которыя, поселяясь въ жилищахъ своихъ родичей, получали характеръ домовыхъ геніевъ; по связи эльфовъ и родственныхъ имъ духовъ съ громовыми тучами (марё—туманъ, мѣра—тьма, мѣрокъ—облака, тучи), мары и кикиморы представляются пряхами. На поэтическомъ языкѣ аріевъ облака уподоблялись руну, волосамъ и прядеву, а производимая ими тьма—ночи. Когда небо омрачалось туманами и тучами—въ этомъ естественномъ явленіи предки наши видѣли ночную работу воздушныхъ нимфъ и грозовыхъ

¹⁾ Новгород. Сборн. 1865, I, 284.— ²⁾ Этн. Сб., VI, 147; Абев., 218—9; Записки Авдѣев., 149—150.— ³⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 57. Къ одному разряду съ кикиморами принадлежатъ и такъ называемый и гош а — мертворожденный младенецъ, который особенно много проказитъ, если не признаютъ его за домовика, не кладутъ ему за столомъ ложки и ломти хлѣба и не хотятъ бросать ему въ окно рукавицъ и шапки—Иллюстр. 1845, 198.— ⁴⁾ Этн. Сб., VI, 147.— ⁵⁾ Обл. Сл., 111; Доп. обл. сл., 110.

духовъ, которые пряли облачную кудель и приготовляли изъ нея тепныя покровы, или съ помощію бурныхъ вѣтровъ расчесывали и спутывали облачныя пряди и волоса, сбивали ихъ колтуномъ, включивали и вили прихотливыми кудрами: глаголы вить и вѣять должны быть одного происхожденія, рядомъ съ словомъ вихрь встрѣчаемъ вихрь—завитой клокъ волосъ (см. гл. XXIII). Тѣни умершихъ, какъ существа, подобныя дующимъ вѣтрамъ (душа отъ глаг. дуть), участвовали и въ стремительныхъ поѣздахъ, и въ работахъ этихъ послѣднихъ. Вотъ почему домовія мары не только разѣзжаютъ на коняхъ (= тучахъ), замучиваютъ ихъ бѣшеною скачкою, но и плетутъ имъ хвосты и гривы. Духи иного, загробнаго міра, онѣ самымъ именемъ своимъ напоминали смерть и повальныя болѣзни, и фантазія древняго человѣка, чуткая ко всякому намѣку роднаго слова, приписала ихъ влиянію различныя тяжкіе недуги (см. гл. XXII). Мары наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; тоже рассказываютъ и о вѣдмахъ, которыя, сверхъ того, могутъ превращать своего недруга въ коня и скакать на немъ по доламъ и по горамъ—до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ бездыханный. По сербскому преданію, мора сама превращается и конемъ ¹⁾ и длакою (шерстью, клоккомъ волосъ), т. е. является одѣтая облакомъ: мучила мора человѣка, не дала ему заснуть спокойно, и вотъ рѣшился онъ уйдти изъ дому, взявъ своего бѣлаго коня и поѣхалъ по свѣту; во гдѣ ни странствовалъ — мора всюду за нимъ слѣдовала. Разъ остановился онъ на ночлегъ; ночью хозяинъ дома услышалъ, что гость стонетъ во снѣ, и пришѣтивъ, что его давитъ бѣлая длака, перерѣзалъ ее ножницами. По утру оказалось, что бѣлый конь надохъ: онъ-то и былъ «мора, која га је притискивала» ²⁾.

¹⁾ Грмичъ сближаетъ др.-верх.-нѣм. *m erih a* (equa), *m āhre* и *ma hr*—D. Myth., 1194.— ²⁾ Срп. рјечникъ, 367—8.

Домовой дѣлается злымъ преимущественно въ то время, когда сбѣгаетъ свою шкуру, или сердится за неисполненіе обычныхъ ему жертвоприношеній. По русскому преданію, домовой бѣсится 30-го марта, съ ранней утренней зори до полночи, пока запоютъ пѣтухи. Въ это время онъ никого не узнаетъ изъ своихъ домашнихъ, почему ночью боится подойти къ окнамъ, а скотъ и птицу запираютъ съ солнечнымъ закатомъ. Вдругъ востоскуется домовой, рассказываютъ крестьяне, и злится такъ, что готовъ бы, кажется, весь домъ сокрушить: лошадей забьетъ подъ ясли, собакъ перекусаетъ, коровъ отъ вѣды отобьетъ, утварь всю разбросаетъ, хозяину подъ ноги подкатывается; бываетъ съ нимъ такая перемѣна или потому, что съ весною спадаетъ съ него старая шкура, или находитъ на него бѣшенство (чума), или захочетъ ему жениться на вѣдьмѣ¹⁾. Было указано, что домового представляютъ престарѣлымъ карликомъ, покрытымъ густою, косматою шерстью, и что въ этомъ образѣ олицетворялось первоначально пламя молніи, окутанной тучею. Богъ-громовникъ, бездѣйствующій въ зимнюю пору, съ началомъ весны пробуждается къ беспокойной дѣятельности, перемѣняетъ свою старую одежду на новую, т. е. вмѣсто холодныхъ тумановъ и снѣжныхъ облаковъ облакается въ грозовыя тучи, и предается дикому разгулу: въ сопровожденіи вихрей, при блескѣ молніи и ударахъ грома носится онъ по небеснымъ пространствамъ, гоняся за облачными коровами, лошадьми и псами и съ жаромъ сладострастнаго любовника преслѣдуя вѣщихъ дѣвъ; народъ до сихъ поръ видитъ въ грозѣ свадьбу дьявола съ вѣдьмою. Въ эту тревожную пору возрожденія природы — и домовой, какъ тотъ-же владыка небеснаго огня, низведенный на домашній очагъ, ощущаетъ полноту

¹⁾ Сахаров., II, 19—20.

проснувшихся жизненных силъ, мѣняетъ свою шкуру, становится неистовымъ, бѣшенымъ ¹⁾ и заявляетъ желаніе свя-заться съ вѣдьмой. Точно также и водяной, пробуждаясь отъ зимней спячки, ломаетъ ледяныя оковы и несется въ шумныхъ волнахъ полноводія голоднымъ, сердитымъ и все-разрушающимъ. Озлобленіе домового начинаютъ замѣчать съ самаго поворота солнца на лѣто, слѣдовательно съ первыми зачатками и признаками приближающейся весны. Еще 2-го генваря предпринимаютъ мѣры для охраненія отъ него курниковъ: въ этотъ мѣсяцъ задобриваютъ его жертвою; а въ февралѣ онъ затѣжаетъ уже лошадой ²⁾).

Жертвенныя приношенія домовому удерживаются въ народѣ до настоящаго времени и, какъ видно изъ приведенныхъ выше указаній, состоятъ изъ хлѣба-соли, пироговъ, яшницы и всякихъ другихъ яствъ. Германцы, во время праздничныхъ иршествъ, прежде, нежели начинали вкушать сами, отдѣляли часть изготовленныхъ яствъ и напитковъ своимъ домашнимъ богамъ ³⁾. Слѣды этого стариннаго обычая встрѣчаемъ и у насъ. Въ томской губ. въ сочельникъ, наканунѣ Крещенія, кладутъ подъ голубецъ ⁴⁾ нарочно-испеченныя для домового маленькія булочки и лепешки ⁵⁾. Въ другихъ мѣстахъ вечеромъ 28-го генваря оставляютъ ему на загнеткѣ горшокъ каши; ровно въ полночь домовый выходитъ изъ-подъ печи и ужинаетъ. Если хозяйка позабудетъ это сдѣлать, то изъ добраго онъ становится «лихимъ»: люди начинаютъ заболѣвать, скотъ худѣть, въ поляхъ — неурожай, со всѣхъ сторонъ напасть! Точно также мстятъ и усопшіе предки, если перестаютъ ихъ чтить поминальными приношеніями.

¹⁾ По повѣрью, животныя и люди бѣсятся отъ того, что ими овладѣваетъ злой духъ—эльфъ.— ²⁾ Сахаров., II, 3, 10.— ³⁾ D. Myth., 52.— ⁴⁾ Деревянная придѣлка къ печи, съ ходомъ въ подполье.— ⁵⁾ Этн. Сб., VI, 147.

Раздраженнаго домового можно унять только нудесами, что совершается такимъ образомъ: въ полночь рѣжетъ колдунъ пѣтуха, выпуская кровь его на голикъ, и этииъ голикѣмъ выметаетъ все углы въ избѣ и на дворѣ, съ приличными заклятіями ¹⁾. Какъ птица, служившая символомъ огня (см. I, 522), пѣтухъ былъ посвященъ богу домашнего очага и считался лучшею для него жертвою; поэтому кровью пѣтуха смягчается гнѣвъ раздраженнаго домового, и онъ по прежнему становится добрымъ ²⁾. Народная поговорка: «на своемъ пепелищѣ и пѣтухъ храбрится» ³⁾, употребляемая въ смыслѣ, что «хозяину въ своемъ дому и стѣны помогаютъ», ставить пѣтуха въ тѣже отношенія къ родному очагу (пепелищу), въ какихъ стоялъ къ нему домовладыка. По чешскому повѣрью: если умереть домовый пѣтухъ, то вскорѣ за тѣмъ должна послѣдовать и смерть хозяина; а по нѣмецкимъ разсказамъ, кобольдъ часто показывается въ видѣ пѣтуха ⁴⁾. Примѣты о гостяхъ наблюдаются крестьянами не только по пламени очага, но и по крику пѣтуха: если пѣтухъ поетъ днемъ и особенно подъ окнами, то ожидай гостей ⁵⁾; тоже самое, если дерутся куры ⁶⁾; запоетъ ли пѣтухъ вечеромъ въ необычный часъ, надо бѣжать къ насѣсти и ощупать ему ноги: теплыя ноги бываютъ къ гостямъ, а холодныя—къ покойнику, подобно тому, какъ домовою теплою рукою гладить на счастье, а холодною—къ бѣдѣ: въ первомъ случаѣ семейный кругъ увеличится прибытіемъ новыхъ лицъ (гостей), а въ послѣднемъ умалится смертію одного изъ ро-

¹⁾ Сахаров., II, 8 — ²⁾ Св. Фейтъ, въ храмъ котораго еще въ прошломъ столѣтіи приносили пѣтуховъ, почитается патрономъ Богеміи (Громанъ, 74).— ³⁾ Вар. „на своемъ пепелищѣ и курица бьетъ“—Рус. въ св. посл., II, 15.— ⁴⁾ Громанъ, 75; Beiträge zur D. Myth., 338.— ⁵⁾ Мажъ, VIII, 63; Херсон. Г. В. 1852, 12.— ⁶⁾ Этн. Сб., II, 58.

дичей¹⁾. Домовой нисколько не стѣсняется пѣтушинымъ крикомъ, котораго такъ боится вся нечистая сила²⁾. На Руси онъ—покровитель куръ, и въ честь его 1-го ноября совершается особенное празднество, известное подъ названіемъ куринныхъ мянинъ. Въ этотъ день родные и знакомые дарятъ другъ друга курами, которыя потомъ содержатся въ вочетѣ: ихъ никогда не убиваютъ, а снесенныя ими яйца считаются цѣлебными. Въ этотъ-же день родичи собираются въ овинѣ, гдѣ старшій членъ семейства рубитъ топоромъ кочету голову; ноги кочетиныя бросаютъ на верхъ избы, чтобъ водились и неслись куры, а мясо варятъ и съѣдаютъ за семейнымъ обѣдомъ³⁾. Въ орловской губ. рѣжутъ куръ подъ овиномъ 4-го сентября. Время совершения этихъ обрядовъ, совпадающее съ обмолоткою сжатого хлѣба, заставляетъ видѣть въ нихъ обломки древнихъ жертвъ домовому за дарованный имъ урожай. Изъ старинныхъ памятниковъ мы узнаемъ, что славяне молились огню подъ овиномъ (см. гл. XXVIII). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ вѣшаютъ въ курникахъ круглые камни съ небольшимъ отверстіемъ внутри; такой камень, напоминающій громовый молотъ Тора, предохраняетъ птицу отъ болѣзней и называется куринимъ богомъ⁴⁾. 2-го августа, на другой день послѣ освященія родниковъ и колодцевъ, поятъ лошадей съ серебра, т. е. водою, въ которую брошена серебряная монета; монету эту прячутъ въ конюшнѣ подъ яслями, чтобы лошади добрыми, не боялись дурного глаза и были въ милости у домового⁵⁾.

Съ цѣлію усмирить гнѣвнаго домового, крестьяне прибѣга-

¹⁾ Записки Авдѣев., 141.— ²⁾ Иллюстр. 1845, 77.— ³⁾ Сахаров., II, 65; Рус. предан. Макарова, II, 158.— ⁴⁾ Литовцы въ честь божества, которое завѣдывало домашней челядью, бросали въ огонь курицу—Рус. Сл. 1860, V, 19—20.— ⁵⁾ Сахаров., II, 47.

ютъ еще къ слѣдующимъ средствамъ: окропляютъ св. водою по всѣмъ угламъ избы и двора, вѣшаютъ въ конюшнѣ медвѣжью голову, убитаго ястреба или сороку, зарываютъ передъ жильемъ черепъ козла, окуриваютъ домъ и хлѣва медвѣжьей или козьей шерстью (см. I, 390—1, 714), затыкаютъ въ щели заборовъ и стѣнъ козью шерсть или траву чертополохъ (символь молніи—см. главу XVIII). Подобныя же средства употребляются и противъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ, которымъ, какъ олицетвореніямъ грозовыхъ явленій, присвоены нѣкоторыя свойства, общія имъ наравнѣ съ домовымъ. Озлобленіе и бѣшенство домоваго объяснены нами изъ представленій о неистовомъ громовникѣ, шествующемъ въ вихряхъ и молніяхъ; сорока и ястребъ, козелъ и медвѣдь — мифическіе образы бурныхъ, грозовыхъ тучъ; страшныя Перуновы стрѣлы пожигаютъ облачное руно (шерсть) и пожираютъ на смерть баснословныхъ звѣрей и птицъ, вѣстѣ съ тѣмъ оканчивается и гроза, а съ ея окончаніемъ утихаютъ злоба и гнѣвъ раздраженнаго бога. Вотъ почему и домовой смирняется при видѣ убитаго ястреба или сороки, козлиного черепа и отрубленной головы медвѣдя. Чтобы прогнать чужаго домоваго, необходимо помело, обмокнутое въ деготь: помело — метафора вихря, деготь — дождя (см. I, 788), пролитіемъ котораго завершаются шумныя грозы. Въ нижегородской губ. вѣшаютъ въ курникахъ и надъ стрѣхами хлѣвовъ горлашки отъ разбитыхъ кувшиновъ, съ полною увѣренностью, что это помѣшаетъ домовому щипать куръ и мучить скотину: повѣрье, намекающее на тѣ кружки, изъ которыхъ облачныя нивы проливали на землю дождь ¹⁾).

¹⁾ Съ домовымъ, по мнѣнію крестьянъ, всегда можно подружиться и поладить. Для этого домохозяинъ долженъ выйти на дворъ въ глубокую полночь, стать лицомъ къ мѣсяцу и промолвить: „хозяинъ! стань передо мной, какъ листъ передъ травой—ни черенъ,

Обожаніемъ очага обусловливались религіозные обряды, совершаемые при закладкѣ новаго дома и при переходѣ на новоселье. Всякое жилое зданіе назначалось быть капищемъ родовыхъ пенатовъ, а потому земля, на которой желали его воставить, требовала освященія. Между нашими поселянами еще донныѣ соблюдаются обряды, очевидно принадлежащіе глубокой старинѣ: передъ постройкою дома, чтобы впослѣдствіи жилось въ немъ здорово и счастливо, хозяинъ съ хозяй-

ни зеленъ, но таковъ, каковъ я. Я принесъ тебѣ красное яичко.“ Домовой является въ человѣческомъ образѣ, и получивъ красное яичко, дѣлается спокойнымъ. Иные прибавляютъ, что яичко это должно быть то самое, которымъ впервые похристосовался священникъ послѣ заутрени на Свѣтлое Христово Воскресенье. Съ такимъ яичкомъ и съ зажженною свѣчкой, оставшеюся отъ христовской заутрени, крестьянинъ долженъ стать ночью, до пѣтуховъ, передъ растворенной дверью хлѣва и сказать: „дядя дворовой! приходи ко мнѣ ни велень, какъ дубравный листъ, ни синь, какъ рѣчной валъ; приходи—каковъ я. Я тебѣ христовское яичко дамъ!“. Тогда выйдетъ изъ хлѣва домовой точъ въ точъ похожій на того, кто его вызвалъ. О свиданіи съ нимъ онъ требуетъ хранить тайну; если же нужникъ проболтается, то домовой доведетъ его до самоубійства, или сожметъ его набу—О. З., т. LVII, смѣсь, 133—4. Или, вмѣсто краснаго яичка, берутъ съ собою слѣдующія сладобья: къ носу привязываютъ корень травы-плакуна, на шею привѣшиваютъ свиновую головку съ озимью, взятою отъ трехъ полей, въ одно ухо вкладываютъ козьей шерсти, а въ другое ключекъ лѣтнимъ (шерсть, которую бросаетъ баба, допрявши гудель). Когда все это будетъ сдѣлано—ступай ночью въ хлѣвъ, затвори за собою дверь и говори: „сусѣдушко-домосѣдушко! рабъ къ тебѣ идетъ, низко голову несетъ; не томи его напрасно, а заведи съ нимъ пріятство, покажись ему въ своемъ обликѣ, заведи съ нимъ дружбу да служи ему легку службу.“ Вслѣдъ за тѣмъ послышится шорохъ—является домовой и заключаетъ съ мужикомъ договоръ: самъ онъ обязуется помогать ему во всѣхъ дѣлахъ, а мужикъ даетъ обещаніе держать на дворѣ козу и давать домовому по восковой свѣчѣ на каждую ночь—Совр. 1856, XI, смѣсь, 10, 13—14; Киев. Г. В. 1845, 13. О плакунѣ и свиной головкѣ см. въ слѣдующихъ главахъ.

кою приходятъ на мѣсто закладки, отрубають у пѣтуха голову и зарываютъ ее въ томъ пунктѣ, гдѣ слѣдуетъ быть переднему углу. Обрядъ этотъ совершается тайно ¹⁾, и въ немъ нельзя не признать древняго жертвоприношенія домовому. Въ жертву заколали пѣтуха, самую почетную и любимую имъ птицу; пролітіемъ ея крови освящалось избранное мѣсто и призывалось на него благословеніе домашняго божества ²⁾. Въ другихъ деревняхъ крестьянинъ—прежде, нежели начнетъ класть основныя звѣнья сруба, закапываетъ въ землю у передняго угла нѣсколько мелкихъ монетъ и ячменныхъ зеренъ, чтобы въ новомъ домѣ не переводились ни хлѣбъ, ни деньги; къ этому прибавляютъ иногда шерсть—на счастье въ лошадяхъ, коровахъ и овцахъ, и ладонъ—для святости. Въ волынской губ. подѣшукѣ, кромѣ денегъ, кладутъ въ основаніе хаты кусокъ хлѣба, щепотъ соли и частицу меда. Бываетъ еще, что на мѣсто, избранное подѣ жилью, сыплютъ нѣсколько горстей ржи на одну или на двое сутокъ: если зерна въ продолженіи означеннаго времени останутся нетронутыми—это принимается за вѣрный знакъ, что мѣсто—счастливо, и наоборотъ; въ послѣднемъ случаѣ его покидаютъ и прискиваютъ новое ³⁾. Судя по этимъ даннымъ, изба у славянъ-язычниковъ строилась на пѣтушьей головѣ, которая, вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью и медомъ,

¹⁾ Записки Авдѣев., 115.— ²⁾ Тамъ, гдѣ позабыта старина, языческая жертва передъ постройкою дома замѣнилась христіанскимъ освященіемъ первыхъ трехъ или четырехъ звѣнцовъ сруба—Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 88.— ³⁾ О. З. 1848, V, сивъ, 4; Маякъ, VIII, 24; Послов. Даля, 1048; Волян. Г. В. 1855, 46; см. любопытныя повѣрья о выборѣ мѣста подѣ избу у пермяковъ—въ Ж. М. Н. П. 1858, IV, 92—100. Терещ., V, 151: при закладкѣ дома хозяинъ кладетъ на ночь по 4-мъ угламъ основныя бревенья по куску хлѣба; если къ утру пропадетъ хоть одинъ кусокъ—то мѣсто считается несчастливымъ и должно быть оставлено.

полагалась въ переднемъ углу. Здѣсь необходимо указать на важное значеніе этого угла въ семейномъ быту. Углы обозначаютъ собою тѣ четыре главные пункта, въ которыхъ сходятся наружныя стѣны дома, и такимъ образомъ опредѣляютъ его границы, состоящія подѣ охраною родовыхъ пенатовъ. Какъ скоро, при постройкѣ избы, рѣшается вопросъ, гдѣ быть четыремъ угламъ, вмѣстѣ съ тѣмъ становится извѣстнымъ и все пространство, какое отходитъ подѣ жнлье. Въ русскомъ языкѣ «теплый уголъ» служитъ синонимомъ роднаго крова, а выраженіе: «срубить себѣ уголъ» употребляется въ смыслѣ: построить избы. Сербское кутъник (кућаник, старин. кутянин) — хозяйникъ, домовладыка (=домаћин), отъ кутя, польск. kucza, др.-слав. куца — домъ (снкр. kuta, kuti — съ тѣмъ-же значеніемъ), стоитъ въ связи съ словомъ кутъ, которымъ на Руси обозначается передній уголъ избы и мѣсто передъ домашней печью, гдѣ стряпаютъ; уменьшительное кутокъ — вообще всякой уголъ ¹⁾). Точно также пространство, занимаемое дворомъ, опредѣляется углами, въ которыхъ сходятся ограждающіе его заборы. Вотъ почему обряды, связанные съ именемъ домового, охраняющаго предѣлы семейныхъ владѣній, совершаются по угламъ дома и двора. Такъ, желая умилостивить домового и водворить въ домѣ порядокъ и спокойствіе, окуриваютъ медвѣжьей шерстью все углы въ домѣ и на дворѣ, или обметають нѣ голикомъ, обрызганнымъ кровью нѣтуха. Но съ особеннымъ уваженіемъ относятся крестьяне къ переднему углу, противъ котораго стоитъ печь. Уголъ этотъ называется большимъ и краснымъ; здѣсь помѣщается столъ, за которымъ совершается ежедневная трапеза. Домашніе пенаты

¹⁾ Срн. рјечникъ, 318; Обл. Сл., 98, 163; Мысли объ ист. рус. яз., 150; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 583.

(дѣды) принимали постоянное участіе въ этой семейной трапезѣ, и по всему вѣроятію ихъ священныя изображенія (малыя кумиры) стояли въ старину гдѣ-нибудь вблизи — въ нишахъ очага (печуркахъ) или на полкахъ передняго угла, а въ обѣденную пору были приносины на столъ ¹⁾. Въ настоящее время въ большомъ углу ставятъ семейныя иконы, втыкаютъ освещенную вербу, вѣшаютъ пасхальныя яйца, хранятъ святыцы и просевры; тутъ-же на разостланной соломѣ выставляютъ на праздникъ Коляды горшки съ кутьею и узваромъ ²⁾; вступая въ избу, первый поклонъ отдають переднему углу или помѣщеннымъ въ немъ иконамъ, какъ главнымъ хозяевамъ дома ³⁾. Мѣсто на лавкѣ въ этомъ углу называется большимъ и княженецкимъ и есть самое почетное: сюда сажаютъ именитыхъ гостей, старшихъ родственниковъ, священника, знахаря, молодого князя и молодую княгиню послѣ вѣнца; когда семья садится обѣдать или ужинать, то «большое мѣсто» занимаетъ домохозяинъ (старѣйшій между родичами — дѣдъ, отецъ или наибольшій братъ ⁴⁾). Ложиться въ передній уголъ ногами считается за грѣхъ и нечестіе ⁵⁾. Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что душа усопшаго, пока не будетъ похоронена покинутое ею тѣло, сидитъ въ избѣ за образами, и потому ставятъ ей приношенія (горячіе блины) на божницѣ (см. гл. XXIX). Въ Литвѣ маленькіе плащи, приготовляемые для домовыхъ духовъ, зарываются въ землю

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 346: „am Rhein und in Hessen fordert die sitte es noch heute in den bauernhäusern, eine kleine nische am heerd anzubringen, wo ehemals vielleicht sein (домового духа) bild stand, oder sein essen hingestellt wurde.“ — ²⁾ Труды Общ. любит. рус. слов., III, словарь, 311. — ³⁾ О. З. 1848, III, сѣнь, 52. — ⁴⁾ Обл. Сл., 13, 93; Ч. О. И. и Д., годъ 2, VI, слов. Макарова, 14. — ⁵⁾ Этн. Сб., V, обзоръ губ. вѣдомост., 7. У черемисовъ и чувашей самымъ почетнымъ считается мѣсто вомаъ печки — Записки г-ни Фуксъ, 6.

нодъ угломъ избы; на тоже мѣсто кладуть литвины и приносимыя этимъ духамъ яства ¹⁾). По русской народной притѣ: если трещить передній уголъ или матица—то хозяину грозитъ несчастіе, или въ скоромъ времени будетъ въ семьѣ покойникъ; если же трещить задній уголъ—это знакъ, что кто-нибудь выживается изъ дому; о червячкахъ, которые точатъ деревянныя стѣны избы и производятъ шумъ, подобный стуку часовъ, рассказываютъ, что они появляются передъ покойникомъ ²⁾). Чехи называютъ этого червячка *hosrodáгіček* и соединяютъ съ нимъ тоже самое по-тѣрье, т. е. стукъ въ стѣнахъ дома они принимаютъ за таинственные удары дѣдовъ, призывающихъ къ себѣ одного изъ потомковъ ³⁾).

Не менѣе любопытныя повѣрья относятся къ порогу дома, этой пограничной чертѣ, отдѣляющей мѣстопребываніе родичей и ихъ пенатовъ отъ всего остальнаго міра. У грековъ порогъ при входѣ въ домъ былъ посвященъ Гестіи, у римлянъ—Вестѣ, и старинный обычай требовалъ, чтобы невѣста, вступая впервые подъ отеческую кровлю жениха, не касалась порога ступнею своей ноги ⁴⁾). По нѣмецкимъ преданіямъ, домовые эльфы обитаютъ не только возлѣ очага, но и подъ порогомъ жилого зданія ⁵⁾, гдѣ у насъ принято поселянами хоронить мертворожденныхъ младенцевъ; чтобы предохранить домашнихъ отъ маръ, чертятъ на цѣрогѣ крестъ ⁶⁾). Въ Литвѣ, при закладкѣ новой избы, закапываютъ подъ ея порогомъ деревянный крестикъ или какую-нибудь заветную

¹⁾ Черты литов. нар., 89; Москв. 1846, XI—XII, 251.— ²⁾ Записки Авдѣев., 140; Послов. Даля, 1032; см. D. Myth., 1090.— ³⁾ Громанъ, 17.— ⁴⁾ Ф. Куланжъ, 55—56; Проппен, IV, 246. По словамъ Пляно-Карини (въ Собр. путешествій къ татарамъ и др. восточн. нар., переводъ Д. Языкова, 15), татары вѣчески остерегались ступать на порогъ.— ⁵⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., II, ст. Бусл., 25 — ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 274.

вещь, доставшуюся отъ предковъ ¹⁾; когда, послѣ крещенія, приносятъ младенца изъ церкви — отецъ беретъ его на руки и кладетъ на нѣсколько минутъ на порогъ избы, что называется «освятить ребенка черезъ порогъ», т. е. ввести новаго члена семейства подъ охрану домашнихъ боговъ ²⁾. Входя въ домъ, переступая черезъ порогъ, всякой — даже чужеродецъ — поступалъ подъ защиту очага; напротивъ, за порогомъ избы охранительная сила очага ослаблялась и для самыхъ родичей: «ты за порогъ, а чортъ поперѣгъ!» выражается народная пословица (пермск. губ.). Потому простолюдины черезъ порогъ не здороваются, не прощаются, не бесѣдуютъ и ничего не подаютъ другъ другу; въ противномъ случаѣ, по ихъ мнѣнью, произойдетъ ссора и приключится худо, ибо божество, соблюдающее семейный миръ и счастье, все-сильно только въ стѣнахъ дома ³⁾. Къ тѣмъ особенно легко пристаеъ порча, которые, переступая черезъ порогъ, не крестятся ⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуетъ повѣрье, что не должно садиться на порогъ избы, а не то на-кличешь на свою голову бѣду ⁵⁾. Гдѣ затѣвается свадьба, тамъ не садись на порогъ, не заграждай пути, или дѣло разо-идется: кто-нибудь да откажется — или женихъ, или невѣста, и какъ первый не приведетъ жены подъ отеческій кровъ, такъ послѣдняя не переступитъ за порогъ жениховой избы ⁶⁾. Сходно съ этимъ, купцу не совѣтуютъ стоять на порогѣ лавки, чтобы не отогнать покупателей — не преградить имъ дороги въ лавку (архан. губ.). Больныхъ дѣтей умываютъ

¹⁾ Ковенская губ., соч. Д. Аванасьева, 570.— ²⁾ Черты литов. нар., 95; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258.— ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 43; Пузин., 160; Послов. Даля, 1041; Нар. сл. раз., 149; Черты литов. нар., 97: во избѣжаніе ссоры, не слѣдуетъ давать пить черезъ порогъ.— ⁴⁾ Арханг. Г. В. 1843, 29.— ⁵⁾ Этн. Сб., V, обзоръ губерн. вѣдом., 7.— ⁶⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавал., 11.

ль сглаза на порогъ избы, чтобы, съ помощію обитающихъ здѣсь пенатовъ, прогнать болѣзнь за двери ¹⁾; въ курской губ. страждущую родильницу троекратно переводятъ черезъ порогъ или помело (= символъ вихря, одинъ изъ атрибутовъ грозовыхъ духовъ ²⁾). По мнѣнію бѣлоруссовъ, для того, чтобы водились лошади, должно подъ порогомъ новой конюшни закопать полѣно, какъ спасительное знаменіе очага ³⁾.

Послѣ того, какъ изба построена, вся семья переходитъ на новоселье и переноситъ съ собою свой священный огонь. Это перенесеніе совершается съ торжественными обрядами: свекровь или старшая бабка топятъ печь въ старомъ домѣ; истопивши, она выгребаетъ весь жаръ въ печурку и дожидается полдня. У нея заранѣе приготовлены чистый горшокъ и бѣлая скатерть. Ровно въ полдень по солнцу она кладетъ въ горшокъ горячіе уголья и накрываетъ его скатертью, растворяетъ двери, и обращаясь къ заднему куту (къ печкѣ), говоритъ: «милости просишь, дѣдушка, къ намъ на новое жильё!» Потомъ отправляется съ горшкомъ на новый дворъ, гдѣ хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ дѣдушку-домоваго съ хлѣбомъ-солью у растворенныхъ воротъ. Старушка стучится въ вереву и спрашиваетъ: «рады-ль гостямъ?» на что хозяйка съ низкими поклонами отвѣчаютъ: «милости просишь, дѣдушка, на новое мѣсто!» Послѣ этого приглашенія она идетъ въ избу; впереди ея хозяинъ несетъ хлѣбъ-соль, а сзади провожаетъ молодая хозяйка. Тамъ старушка ставитъ горшокъ на загнеткѣ, снимаетъ скатерть и трясетъ ею по всѣмъ угламъ, какъ-бы выпуская домового, а покончивъ съ скатертью, высыпаетъ при-

¹⁾ Сравни D. Myth., 1116.— ²⁾ Этн. Сб., V, 20.— ³⁾ Нар. с. л. раз., 157.

несенные уголья въ печурку. Самый же горшокъ разбиваютъ на части, и ночью зарываютъ подъ передній уголь ¹⁾). Такимъ образомъ при всякомъ переселеніи семья переносила съ собой и своего охранительнаго пената; въ закрытомъ горшкѣ несла его старшая въ родѣ женщина, на обязанности которой лежало главное завѣдываніе очагомъ и стряпнею; благоговѣнно встрѣчали его родичи съ хлѣбомъ-солью и поклонами; горшокъ, уже освященный пребываніемъ въ немъ божества, должно было изъять изъ домашняго обихода, и потому его разбивали, а черепки зарывали въ передній уголь. Если, по отдаленности новаго жилья, нельзя перенести туда старый огонь, то въ замѣнъ этого берутъ съ собою кочергу и другіе атрибуты очага; такъ дѣлаютъ переселенцы изъ смоленской въ нынѣ многоземельныя губерніи ²⁾). И въ томъ случаѣ, когда переносить избу съ одного мѣста на другое, совершается подобный-же обрядъ: ночью — въ тѣ часы, когда на небѣ высоко стоятъ Стожары (Плеяды), старшій въ семействѣ беретъ непочатый хлѣбъ, кладетъ его съ поклономъ посреди стараго двора и проситъ дѣдушку-домоваго, чтобы онъ съ хлѣбомъ-солью и довольствомъ перешелъ на новое мѣсто ³⁾). Въ периской губ. переходъ на новоселье бываетъ ночью, какъ только пропоютъ первые пѣтухи. Старуха-хозяйка покрываетъ столъ скатертью и приноситъ на него хлѣбъ-соль; домохозяйинъ затепливаетъ свѣчу передъ образами, и когда всѣ помолятся Богу, снимаетъ съ божицы икону и кладетъ себѣ за пазуху, подходитъ къ голбцу, открываетъ дверь въ подполье, наклоняется туда и говоритъ: «судуш-

¹⁾ Сахаров., II, 54—55; сравни то мѣсто Энеиды, гдѣ Гекторъ говоритъ Энею, что намѣренъ вручить ему троянскихъ пенатовъ, и отдаетъ ему огонь очага.— ²⁾ Цебриков., 262.— ³⁾ Сопр. 1851, III, критика, 22; Новгород. Сборн. 1865, I, 283.

ко, братанушко! пойдѣмъ въ новыѣ домъ; какъ жила въ старомъ домѣ хорошо и благо, такъ будемъ жить и въ новомъ; ты люби мой скотъ и семейство!» Потомъ хозяйнѣ беретъ въ руки пѣтуха и курицу, хозяйка хлѣбъ-соль и квашню, прочіе члены семьи забираютъ другія вещи, и всѣ отправляются къ новому дому. Прежде всего хозяйнѣ пускаетъ въ избу пѣтуха съ курицею и дожидается, чтобы пѣтухъ пропѣлъ на новосельи; затѣмъ уже входятъ самі, ставятъ икону на божницу, и открывая голбецъ, говорятъ: «проходи-ка, сусѣдушко, братанушко!» Слѣдуетъ общая семейная молитва, которую творятъ, обращаясь къ переднему углу; хозяйка накрываетъ столъ, кладетъ на него хлѣбъ-соль, затапливаетъ печь и принимается за стирку ¹⁾. Тѣ-же обыкновенія соблюдаются и въ другихъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ: старшій въ родѣ, держа въ одной рукѣ икону, въ другой ломоть хлѣба, произносятъ: «дѣдушка-домовой! прошу твою милость съ нами на новожитіе; прими нашу хлѣбъ-соль, мы тебѣ рады!» Въ новопостроенный домъ вносятся напередъ икона, непочатый хлѣбъ съ горстью соли или квашня съ растворомъ тѣстомъ, пѣтухъ, курица и кошка; когда выпускаютъ въ двери кошку, то приговариваютъ: «вотъ тебѣ, хозяйнѣ (=домовой), мохнатый звѣрь на богатый дворъ!» Послѣ того входятъ въ избу домочадцы и молятся на икону, передъ которою горитъ восковая свѣча ²⁾. Чехи, при переходѣ на новоселье, прежде всего несутъ туда хлѣбъ-соль и св. иконы ³⁾. Обычай вступать въ новое жилище, въ со-

¹⁾ Ж. М. Вн. Двѣль 1858, IV, 101—2.— ²⁾ Записки Авдѣев., 115; Иллюстр. 1845, 77; Послов. Даля, 1041; Карман. книжка для любуи землевѣд., 313—4. Въ Германіи перезываютъ въ новый домъ кобольдовъ— Beitrage zur D. Myth., II, 335.—³⁾ Громаннъ, 104, 234.

провожденіи семейныхъ иконъ, принадлежитъ христіанской эпохѣ; но, кажется, нельзя сомнѣваться, что въ болѣе древнее время мѣсто ихъ заступали священныя изображенія педантовъ. Всѣ-же прочія подробности обряда: мольбы, обращенныя къ домовому, чтобы онъ сопутствовалъ семьѣ съ миромъ и довольствомъ (=съ хлѣбомъ-солью), водвореніе въ новомъ домѣ пѣтуха, курицы и кошки — животныхъ, издревле посвященныхъ очагу, — суть видимыя остатки азычества ¹⁾. Пѣтухъ — символъ огня; въ его образѣ переселялось самое божество ²⁾. Если пѣтухъ, внесенный въ новую избу, запоетъ — это предвѣщаетъ хозяевамъ счастливую и веселую будущность; если же молчитъ, то навѣрно здѣсь ожидаетъ ихъ какое-нибудь горе ³⁾; въ тверской губ. пѣтухъ въ первую ночь послѣ переселенія, ночуетъ въ избѣ на грядкѣ, чтобы непремѣнно крикъ его огласилъ новое жилище. Весьма вѣроятно, что въ древности при переходѣ на новоселье совер-

¹⁾ О связи кошки съ очагомъ см. т. I, 647—8. Съ кошкою соединяются и примѣты о гостяхъ: когда кошка ушмывается (облизывается), то, по народному выраженію, она „гостей зашмываетъ“. Варварскими законами германскихъ племенъ было установлено: кто убилъ ворвавшася къ нему разбойника и не имѣлъ свидѣтелей, которые бы могли подтвердить его показаніе, тотъ долженъ былъ идти въ судъ, взявши съ собою собаку, кошку или пѣтуха и три соломины изъ домовой кровли, и клясться въ истинѣ своихъ словъ, т. е. долженъ былъ свидѣтельствоваться домашнимъ кровомъ, пѣтухомъ, какъ символомъ очага, и животными, охраняющими имущество: собакою-сторожемъ и кошкою-охранительницею амбаровъ—Сынъ Отеч. 1831, т. XXIII, ст. Гримма: О поэзіи въ правѣ, 232.—²⁾ У чувашей хозяинъ беретъ краснаго пѣтуха подъ мышку и обходитъ съ нимъ вокругъ стѣнъ новой избы. Находящіяся въ избѣ спрашиваютъ: „кто тамъ шумитъ?“ Хозяинъ отвѣчаетъ: „самъ богъ въ новой шубѣ съ краснымъ чокетомъ гуляетъ!“ Обойдя нѣсколько разъ около строенія, онъ выпускаетъ пѣтуха въ избу—Дят. рус. лит., кн. I, отд. 3, 117.—³⁾ О. З. 1848, IV, смѣсь, 153; Ворон. Г. В. 1850, 16; Бытъ подолянъ, II, 54.

жалось жертвенное приношеніе этой птицы домовому, подобно тому, какъ это дѣлается при закладкѣ дома. Вѣщія примѣты о будущемъ житіѣ-бытѣ даетъ не только пѣтухъ, но и хлѣбъ, приносимый хозяйномъ. Остановившись у порога новой избы, онъ катитъ въ нее ковригу хлѣба, и если коврига ляжетъ такъ, какъ сидѣла въ печи, т. е. исподнею коркою внизъ, — это предвѣщаетъ обильную и веселую жизнь; если же — верхнею коркою, то — горе и частую смертность въ семьѣ ¹⁾. Въ числѣ суевѣрій, осуждаемыхъ моралистами прошлаго столѣтія, въ одномъ сборникѣ упоминается: «и въ новоселіе идетъ съ кошкою черною и съ курою черныиъ, и растворитъ квашню, и хлѣбы три покатитъ и како ляжетъ на земли» ²⁾. До сихъ поръ сохранился обычай посылать знакомымъ на новоселье большой хлѣбъ и солонку, наполненную солью; въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, когда празднуется новоселье, гости приносятъ съ собою рожь, ячмень и овечью шерсть; зерно высыпаютъ на лавку, а шерсть, вмѣстѣ съ мелкими деньгами, бросаютъ въ печь ³⁾.

Въ средніе вѣка вѣра въ домашнихъ пенатовъ смѣшивалась съ ученіемъ объ ангелахъ-хранителяхъ, къ которымъ старинныя поученія совѣтуютъ обращаться для утвержденія новаго жилья («егда стяжеша домъ, или храмъ ставиши, помани святаго ангела Мисаила — той бо есть утвержденіе храму») и для защиты его отъ гнѣвнаго домового, или какъ выражаются проповѣдники — «отъ проклятаго бѣса хороможителя» ⁴⁾.

¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 116. — ²⁾ Оп. Румян. Муз., 552. —

³⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 116. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, при переходѣ въ новую избу, переносятъ туда и весь соръ: обычай, возникшій вслѣдствіе повѣрья, что соръ должно сжигать въ печкѣ, а не выкидывать на дворъ — см. т. I, 570. — ⁴⁾ Щаповъ, 9; Ист. очер. рус. слов., II, 125.

XVI. ВОДА.

Дожденосныя тучи, посылающія на землю свои благодатныя ливни, представлялись первобытному племени аріевъ небесными источниками и колодцами: метафора эта такъ проста, такъ естественна, что она невольно возникала въ умѣ и вела къ отождествленію блуждающихъ въ поднебесьи облаковъ съ земными ключами. Слово *utsa*—колодець употребляется въ Ведахъ для обозначенія облака. Какъ въѣстияща живительнаго, неизсякаемаго дождя, который сколько ни проливается на поля и нивы, но всегда собирается въ новыхъ испареніяхъ, облачные источники заключали въ себѣ безсмертную, всемолодящую влагу (амриту). Въѣстѣ съ этимъ скученныя массы тучъ, объемлющихъ собою весь небесный сводъ, а потомъ и самое небо, какъ широкая, безпредѣльная арена, по которой онѣ постоянно носятся, приняты были за великое хранилище водъ и названы воздушнымъ (висящимъ надъ головами смертныхъ) океаномъ — *samudra* ¹⁾; санскр. *avisha* — океанъ и небо, ирл. *aibheis* — глубокое море и атмосфера ²⁾). Праотцы индоевропейскихъ народовъ, за 5 или за 6,000 лѣтъ до настоящаго времени, жили въ центральной Азіи между высокою цѣпью Гималая и большимъ средизем-

¹⁾ Die Götterwelt, 54, 87; Orient u. Occid. 1861, I, 11, 42; III, 400.— ²⁾ Пикте, I, 119.

ныи моремъ (Каспійскимъ, которое въ глубочайшей древности распространялось гораздо далѣе на востокъ и соединялось съ Аральскимъ озеромъ), откуда впоследствии южныя отрасли населенія двинулись въ Индію, а сѣверныя потянули на сѣверо-западъ по направленію къ Малой Азіи и Европѣ ¹⁾. Еще въ первоначальной родинѣ своей аріи познакомились съ кораблестроеніемъ и мореплаваніемъ, и потому легко могли уподобить небо — морю, а ходячія облака — плавающимъ по небу кораблямъ (см. I, 552 ²⁾). Представленія эти удержались и у славянъ. Чехи до сихъ поръ туманъ или мглу около мѣсяца называютъ студенцомъ (*studánkou* ³⁾). Въ народныхъ русскихъ заговорахъ «океанъ-море» означаетъ небо, что очевидно изъ той обстановки, въ какой употребляется это выраженіе; такъ въ одноиъ заговорѣ читаемъ: «посреди окіанъ-

¹⁾ У. З. А. Н. 1865, I, стат. Шлейхера, 45.— ²⁾ М. Мюллеръ (40—41) сомнѣвается, чтобы племя аріевъ знало море до раздѣленія своего на разныя вѣтви. По его замѣчанію, названія моря образовались позднѣе, и потому не могли быть одинаковыми во всѣхъ языкахъ индоевропейской семьи. Тожественныя въ языкахъ греческомъ и латинскомъ, названія эти различны у сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и даже у самыхъ грековъ и римлянъ они—выраженія переносныя, имѣвшія вначалѣ иное значеніе и потомъ уже усвоенныя морю: лат. *pontus* и греч. *πόντος* означаютъ: влажный путь (сравни: лат. *pons*, санскр. *pantha* и *pāthas*—путь); гр. *θάλασσα* есть діалектическое измѣненіе слова *θάρασσα* или *τάρασσα*—возмущенная, взволнованная поверхность (вѣдь); напротивъ лат. *aequor* (ровная поверхность)—*mare placidum*, море тихое. Но рядомъ съ этими названіями существуетъ еще одно, общее почти для всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: лат. *mare*, кимр., корн. и арморит. *mor*, сканд. *mar*, готск. *maerī*, др.-нѣм. *magi*, *meri*, англос. *mege*, литов. *marės* (множ. число—въ значеніи залива), славян. море—отъ *miri* (умирать)—мертвая, пустынная поверхность. Съ лат. *pontus* и греч. *πόντος* роднится слав. *пѣчина* (Пигте, I, 140; У. З. А. Н. 1865, I, 44; *Radic. ling. slov.*, 72).— ³⁾ Галушъ, 22.

моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, что вѣтрами съверными, подымалась мятель со снѣгами» ¹⁾). Украинская загадка выражается о солнцѣ: «середь моря-моря (= неба) стоитъ червона комора» ²⁾). Подъ вліяніемъ означенной метафоры и согласно съ тѣмъ нагляднымъ впечатлѣніемъ, по которому небесный сводъ представляется обвивающимъ землю, родилось убѣжденіе, что земля «утверждена на водахъ», что поверхность ея есть большой кругъ, и что ее со всѣхъ сторонъ обтекаеть кольцомъ пространный океанъ. Такъ думали въ Гомерово время греки, такъ думали и другіе народы. Въ стихѣ о голубиной книгѣ сказано: «океанъ-море всѣмъ морямъ мати: окинуло то море весь бѣлый свѣтъ, обошло то море околу всей земли, всей подвселенная» ³⁾). У древнихъ германцевъ преданіе это сочеталось съ представленіемъ дождевыхъ тучъ (облачного неба) въ образѣ чудовищнаго змѣя; по свидѣтельству Эдды, Одинъ бросилъ великанскую змѣю, рожденную богомъ грозового пламени (Локи), и она упала въ море и обвила кольцомъ всю землю, кусая въ страшной пасти своей собственный хвостъ: имя змѣи — Midgardhsormr или Iögmungandr (ormr = wurm = serpens, midgardh — средннее обиталище смертныхъ, тоже что iögmunggrund — terra ⁴⁾). Когда, по сказанію средневѣковаго памятника, Александръ Македонскій былъ поднять грифами въ воздушныя высоты, то океанъ-море показалось ему подобнымъ змѣѣ, обвивающей собою широкую землю ⁵⁾).

Вѣра въ существованіе «всесвѣтнаго океана» заставила ду-

¹⁾ Сахаров., I, 32. Можетъ быть, сюда-же должно отнести и эпическія выраженія Слова о полку о черныхъ тучахъ, идущихъ съ моря, и о буйныхъ вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами (Рус. Дост., III, 56, 62) — ²⁾ Номис., 291.—³⁾ Баянъ Пер., II, 361. Въ словарь Памвы Беринды слово океанъ толкуется: «всесвѣтнее море» (Сахаров., II, 69).—⁴⁾ D. Myth., 107, 225, 567.—⁵⁾ Ibid., 755.

вать, что заходящее солнце скрывается на ночь въ морскія юды и совершаетъ въ нихъ ежедневное омовеніе. Такое убѣжденіе раздѣляли греки, римляне, древніе скандинавы, литовцы и славяне; у племенъ, поселившихся на берегахъ морей, оно должно было получить всю неприложность истины, потому что постоянное наблюденіе говорило имъ о погруженіи солнца въ морскія бездны, точно также, какъ для жителей гористыхъ мѣстностей свѣтло это садится за горами (*die sonne geht hinter die berge*), а для обитателей равнинъ, гдѣ дальніе лѣса окаймляютъ горизонтъ, оно прячется за лѣсомъ ¹⁾. По греческому преданію, Гелиосъ, послѣ дневнаго странствованія, спускался къ западу на усталыхъ, жаждущихъ успокоенія колыяхъ въ волны того великаго океана, что обтекаетъ кругомъ землю; отсюда-же, только съ восточной стороны, выѣзжалъ онъ по утру освѣщать вселенную ²⁾. Сходно съ этимъ, древнегерманское преданіе говоритъ, что раннимъ утромъ Одинъ выводитъ солнце на небо, а ночью вмѣстѣ съ нимъ погружается въ море: тамъ онъ садится на корабль и плыветъ въ подземное царство. О заходящемъ солнцѣ въ старое время выражались, что оно погружается въ море (*taucht ins meer*) и въ его студѣныхъ волнахъ погашаетъ свой полуденный жаръ. Прибалтійскіе жители донынѣ убѣждены, что солнце каждый день купается въ морѣ и потому-то по утру восходитъ такое чистое и свѣтлое; если день бываетъ пасмурной, они говорятъ, что солнце мылось лѣниво ³⁾. У славянъ и литовцевъ солнце представлялось прекрасною богиней, которая ѣздила по небосному своду въ золотой колесницѣ; утружденная дневнымъ путешествіемъ, запыханная земнымъ прахомъ, она вечеромъ погружалась въ морскую купальню, и по утру снова

¹⁾ Ibid., 704.— ²⁾ См. Илиаду и Одиссею.— ³⁾ Ганушъ въ статьѣ о Бабѣ и Дядѣ, 29.

являлась ясной, свѣтлою, исполненною свѣжихъ силъ. По свидѣтельству литовской пѣсни, двѣ звѣзды Денница и Вечерница, отождествляемыя въ преданіяхъ съ утренней и вечерней зорями, прислуживали богинѣ, и Вечерница подавала ей воду для омовенія ¹⁾). У малоруссовъ существуетъ поговорка: «солнце ся въ морѣ купае» ²⁾). Въ народныхъ русскихъ сказкахъ часто выводится героиней дѣва-Зоря или восходящее Солнце; ее называютъ Ненаглядной Красотою или царвеною-золотой косой, непокрытой красой; она живетъ въ золотомъ царствѣ, на концѣ свѣта бѣлаго — тамъ, гдѣ ясное солнышко изъ моря подымается, и сама плаваетъ по морю въ серебряной лодочкѣ, гребя золотымъ весломъ. Въ одной сказкѣ ей придано названіе Марьи-Моревны, т. е. дочери моря; имя Марія указываетъ на смѣшеніе съ Пречистою Дѣвою ³⁾). Море, изъ нѣдръ котораго какъ-бы нарождается восходящее по утру юное солнце, представляется и у другихъ славянъ матерью дневнаго свѣтила; когда ввечеру возвращается оно домой, мать принимаетъ его въ свои объятія и успокаиваетъ сномъ на своихъ колѣняхъ ⁴⁾). Царевна-золотая коса у поляковъ слыветъ *Cud-dzielwica* ⁵⁾, а словаки называютъ ее *krasna, slata* или *morska rapna*: она — дочь *Morského kráľa*, катается по морю въ золотомъ челнокѣ; блестящая красота ея такъ ослѣпительна, что на чудную дѣву нельзя

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1844, IV, 10; Черты литов. нар., 68, 127-8; Пов. и пред., 159; Костомар. С. М., 29.— ²⁾ Старосв. Банд., 206; Сборн. памяти. нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 266: «У ядзвѣлку раненько совнецько купаюся». Одинъ изъ заговоровъ, записанныхъ Сахаровымъ (I, 25), начинается этими словами: «выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго». — ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 6, 12; VIII, 8. Въ сказкѣ объ Ерусалимѣ читаемъ: «есть на морѣ солнечный городъ, и въ томъ городѣ царствуетъ царевна, а служащіе у нея все дѣвки» — ⁴⁾ D. Myth., 704; Эрбенъ, 4-6; Slov. pohad., 447 — 455. — ⁵⁾ Глинск., IV, 48.

взглянуть съ-разу, а нато мало по малу пріучить свои очи; виче сомѣнешь и сгинешь! ¹⁾ Про эту сказочную царевну разсказывается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: въ нѣмецкихъ сказкахъ упоминается королева съ золотыми косами, обитающая далеко за моремъ ²⁾; венгерская сказка говоритъ о морской дѣвѣ, которая выходитъ изъ глубины водъ краснаго моря: каждое утро купается она въ молоко, и тѣло ея получаетъ отъ того такую нѣжность и прелесть, какъ будто бы она снова народилась на бѣлый свѣтъ ³⁾. Изъ одного источника съ этими преданіями создались мифы: греческій — о рожденіи золотой Афродиты (Венеры) изъ морской пѣны, и индійскій — о рожденіи красавицы Лакшми, супруги Вишну, въ волнахъ млечнаго моря. Афродита — собственно богиня утренней зори или восходящаго солнца ⁴⁾. Но какъ утреннее солнце, выходя изъ морскихъ волнъ, умывается росой, пробуждаетъ сонный міръ и блистаетъ на небѣ своею чудною красотою (= розовыми красками зори) и золотыми косами (= лучами); такъ точно весеннее солнце, появляясь изъ-за тучъ и тумановъ, умывается въ дождевыхъ ключахъ, посылаетъ ясные дни и призываетъ природу къ жизни: ради этихъ аналогическихъ явленій мифъ о купаньи солнца въ водахъ всесвѣтнаго океана сливается съ сказаніемъ о купаньи его въ дождевыхъ тучахъ, и богиня утренней зори становится дочерью облачнаго моря и получаетъ характеръ владычицы весеннихъ грозъ. Согласно съ уподобленіемъ дождевыхъ тучъ морю, ей дается названіе морской или водяной ца-

¹⁾ Slov. pohád., 100—112, 627; красна раппа рождаетъ сына съ солнцемъ во лбу, т. е. зряя выводитъ солнце.— ²⁾ Гальтрихъ, 104.— ³⁾ Штиръ, 81—91; см. также Zeitsch. für D. M., II, 398; Шотъ, 261 («das goldene Meer mädchen»).— ⁴⁾ Подъ вліяніемъ выше-объясненной связи утренней зори съ звездю Денницею (см. I, 86—87), этой послѣдней дано было имя Венеры.

ревны; молоко, въ которомъ она купается, есть метафора дождя: вотъ почему индѣйская Лакшми рождается изъ млечнаго моря, Афродита же — изъ морской пѣны, которая бѣлизною своею напоинаетъ молоко ¹⁾). Богиня эта восстанавливаетъ брачный союзъ неба съ землею, даруетъ землѣ силу плодородія, убираетъ ее въ роскошные наряды весны, и потому для грековъ она была идеаломъ красоты и любви. По другому поэтическому представленію восходящее по утру солнце нарождается изъ нѣдръ Ночи, что опять сближается съ миеомъ о рожденіи весенняго солнца изъ водъ облачнаго моря; ибо ночная тьма издревле служила метафорическимъ обозначеніемъ для помрачающихъ небо тучъ. Солнцева мать, какъ олицетвореніе дождеваго моря (=тучи), является въ преданіяхъ съ тѣмъ-же вѣщимъ характеромъ, какой обыкновенно придается облачнымъ женамъ (норнамъ, паркамъ, роженицамъ); въ чешской сказкѣ она названа судицею, а въ польской она придетъ золотую кудель (см. гл. XXV). У литовцевъ сохранилось любопытное свидѣтельство, что Перкунова мать *Perkuna tete* («mater est fulminis atque tonitruī» = громоносная туча) купаетъ усталое и запыленное солнце въ мовницѣ, и на слѣдующій день отпускаетъ его на небо чистымъ и блестящимъ ²⁾). На Свѣтло-Христово Воскресенье поляки собираются рано по утру смотрѣть, какъ выходитъ изъ купели весеннее солнце; чешскія обрядовыя причитанья, которыя поются на этотъ праздникъ, упоминаютъ о богинѣ Веснѣ, купающейся въ криницѣ: «Lito, Lito, Lito! kdes tak dlougo bylo? — U vody, u vody guse, nohy mylo» или: «Velikonočko, Velikonočko! ³⁾ kdes tak dlougo bywala? — U studánky, u studánky guse, nohy

¹⁾ Самая пѣна образовалась отъ плавающихъ въ водахъ дѣтородныхъ частей Урана (=неба)—*Der Ursprung der Myth.*, 129. О еаллюсъ - молиніи см. гл. VIII.— ²⁾ *D. Myth.*, 157.— ³⁾ Оръ Velikonoče -- Свѣтлое Воскресенье.

muwa'a». На Моравѣ это обращеніе дѣлается къ Пречистой Дѣвѣ Маріи, которая для суевѣрнаго народа заступила мѣсто древней Френ, Гольды или Лады: «ej Maria, ej Maria! kdes tak dlougo by'a? — U studánky, u ruděnký (?) jsem se umyvala, šatečkem, šatečkem jsem se utírala, zamečkem, zamečkem jsem se zamýkala». На вопросъ: гдѣ была такъ долго — во все зимнее время? свѣтлая богиня отвѣчаетъ, что она пребывала въ студенцѣ, за крѣпкимъ замкомъ, т. е. скрывалась за темными тучами, окованными зимнимъ холодомъ ¹⁾. По нѣмецкимъ преданіямъ, Гольда купается въ прудахъ и озерахъ, и чтобы достигнуть ея блаженной обители — надо спуститься на дно глубокаго колодца ²⁾. Въ связи съ этими вѣрованіями стоитъ обычай сходиться въ дни Свѣтлой недѣли къ колодезю и обливать другъ друга водою. Въ прекрасномъ образѣ Морской царевны или Царь-дѣвицы народныя сказки сочетаютъ представленія о богинѣ Зорѣ и богинѣ-громовницѣ. Далеко — въ странѣ вѣчнаго лѣта, въ золотомъ дворцѣ Царь-дѣвицы, подъ ея изголовьемъ, хранится живая вода, или, по другому сказанію, вода эта точится съ ея бѣлыхъ рукъ и ногъ; путь въ страну Царь-дѣвицы лежитъ черезъ широкое море (= небо), а входъ туда сторожитъ двѣнадцатиглавый змѣй, выпускающій изъ своихъ пастей жгучее пламя (= демонъ-туча, старающійся утаить живую воду дождя — см. гл. XVII и XX). Малорусская сказка ³⁾ передаетъ слѣдующія подробности: юный королевичъ добываетъ Морскую царевну; старый король плѣняется ею и радъ хоть сейчасъ жениться, но красавица объявляетъ, что до тѣхъ поръ не пойдетъ за него замужъ, пока не доставутъ ей изъ моря самогральныхъ гуслей. По приказу государеву, королевичъ

¹⁾ Гавушъ. 126-7. — ²⁾ D. Myth., 455. — ³⁾ Lud Ukrain., I, 327—338; сравни Н. Р. Ск., VII. 12; Худяк., III, стр. 111; Эрленвейнъ. 8; Slov. pohad., 619-633; сб. Валявца, 7-12; Гальтрихъ, 10, 12.

достала ей самогральныя гусли; тогда она сказала королю: «не возьму съ тобой слябу—иначе, какъ съ тѣмъ уговоромъ, чтобы мой свадебный поѣздъ былъ видѣнъ съ моря!» А со стороны моря стояла высокая каменная гора и заслоняла собою все дальніе виды. Королевичу отданъ приказъ разбить эту гору, и онъ исполняетъ задачу съ помощію богатырскаго коня и могучей рыбы: конь началъ бить гору копытами, а рыба толкать съ-исподу, и въ короткое время сравняли ее съ пологимъ берегомъ. Затѣмъ, по желанію Морской царевны, королевичъ приводитъ морскихъ (или вилиныхъ) кобылъ, доитъ ихъ и кипятитъ добытое молоко; въ томъ молокѣ купается царевна — и дѣлается еще краше и милѣе, а король, окунувшись въ горячее молоко, немедленно умираетъ. Въ словацкой редакціи, вмѣсто этого, сказочный герой долженъ добыть живой и мертвой воды, и достаетъ ее съ помощію вѣроновъ; Морская панна заставляетъ стараго короля отрубить доброму молодцу голову и потомъ оживляетъ его живою водою, отчего тотъ становится и сильнѣе, и красивѣе. Увлеченный примѣромъ, и король подставляетъ свою голову подъ острый мечъ; но морская дѣва не захотѣла оживить старика, и вышла замужъ за добраго молодца. Вотъ смыслъ сказки: юный витязь-громовникъ, чтобы сочетаться съ богиней весны, долженъ напередъ овладѣть самогральными гуслими, т. е. начать грозовую пѣсню, долженъ разбить облачныя скалы, надонть молока небесныхъ кобылицъ, или по-просту дожда, вскипятитъ это молоко въ грозовомъ пламени и омыться въ немъ вмѣстѣ съ невѣстою-Солицемъ; купаясь въ дождевыхъ ливняхъ, они обрѣтаютъ творческія силы, неувидаемую молодость и несказанную красоту и надѣляютъ ими земную природу, а старый владыка — суровый царь зимы погибаетъ подъ ударами громовой палицы (сравни т. I, 296, 367). Извѣстенъ еще другой малорусской

вариантъ ¹⁾: сказочный герой Катигорошекъ (см. о немъ гл. XXI) разложилъ на морскомъ берегу много дорогихъ товаровъ, въ томъ числѣ и зеленые черевички; прельстилась этии башмачками Морская пани, поднялась изъ волнъ, приблизилась къ берегу, а добрый молодецъ изловилъ ее и привезъ въ свой домъ. Въ угоду красавицѣ онъ достаетъ со дна моря, съ каменнаго утеса, ея заветную скриню, полную жемчуговъ и кораловъ (—лѣтній уборъ богини, ея блестящіе лучи, освобожденные изъ-за тучъ и тумановъ); потомъ приговариваетъ ей двѣнадцать морскихъ кобылицъ и жеребца, и наконецъ отправляется за тридцать земель — туда, гдѣ ночуетъ Солнце, чтобы развѣдать, отчего оно прежде восходило червоннымъ, а теперь сдѣлалось блѣдно? Герой пришелъ до господы (дома), гдѣ ночуетъ Солнце, засталъ Солнцеву мати и пересказалъ ей, зачѣмъ явился; она посадила его подъ золотое корыто и велѣла прислушиваться. Когда царь-Солнце, обойдя небесный сводъ, воротился на ночь домой, то мать стала его спрашивать: «сыне мой! отчего ты прежде восходилъ червоннымъ, а теперь восходишь блѣднымъ?» — Отъ того, мати, что прежде при моемъ восходѣ я встрѣчалъ прекрасную Морскую пани, и какъ бывало взгляну на нее, такъ и покраснѣю; а теперь не вижу ее на морѣ. Г. Костомаровъ ²⁾ передаетъ эпизодъ этотъ въ слѣдующей формѣ: ѣздилъ Ивась въ теремъ Солнца, построенный надъ синимъ моремъ, и спрашивалъ: зачѣмъ оно три раза въ день переменяется? Солнце отвѣчало: «естъ въ морѣ прекрасная Анастасія; когда восхожу я утромъ, она брызгнетъ на меня водою — я застыжусь и покраснѣю; въ полдень, поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божій міръ — и мнѣ станетъ весело; а вечеромъ, когда захожу, Анастасія снова брызгнетъ

¹⁾ Рус. Вѣс. 1856, III, 100-2.— ²⁾ Сл. Мнѣ., 29.

на меня морскою волною — и я опять покраснѣю¹⁾. Очевидно, что Морская пани (названная въ другомъ спискѣ Анастасіей — см. т. I, 232) есть Зоря. Издревле солнце олицетворялось то въ мужскомъ, то въ женскомъ полѣ; изъ колебаній этихъ представленій возникъ поэтический мифъ, раздвоившій единое свѣтило на влюбленную чету, при чемъ прекрасный образъ дѣвы-Солнца слился съ олицетвореніемъ утренней и вечерней зори. Зеленые черевички, которыми плѣнилась Морская царица, по объясненію г. Максимовича, есть символъ майской зелени и еще ближе той красивой травы изъ семейства любковыхъ (орхидей), которая цвѣтетъ въ маѣ и на Украинѣ известна подъ именемъ черевичекъ, въ великорусскихъ губерніяхъ подъ именемъ Марьяна башмачка²⁾, да и у ботаниковъ издавна зовется *calceolus*; Линней придалъ ей родовое названіе, по имени Киприды, *Surgipedium*. Дорога къ солнцу на небесную гору (*vrch*), по свидѣтельству чешскихъ сказокъ, идетъ черезъ море.

Уподобляя небо всесвѣтному морю, предки наши не только въ вечернемъ закатѣ видѣли погруженіе солнца въ морскія воды, но и ночныя свѣтила, исчезающія съ разсвѣтомъ дня, по ихъ мнѣнію, скрывались въ безднахъ океана. Сербы думаютъ, что и солнце и мѣсяцъ каждые сутки купаются въ морѣ, чтобы не утратить своего блеска³⁾. До сихъ поръ употребительны выраженія: луна выплываетъ изъ-за тучъ, мѣсяцъ плыветъ по небу; подобные обороты встрѣчаемъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, и въ связи съ ними Шварцъ

¹⁾ Сравни съ сказкою о Трѣмсынѣ, рожденномъ отъ щучьяго пера, который при помощи коня, родившагося отъ луски той-же рыбы, добылъ прекрасную Анастасію; Анастасія, плавая въ ладѣ по морю, плескала водой въ пламенное, влюбленное въ нее Солнце. См. также Нар. сл. раз., 108—116.— ²⁾ Толков. Слов., I, 898. — ³⁾ Нар. сл. раз., 159.

указываетъ на слѣды стариннаго представленія молодого, другого мѣсяца — ладью ¹⁾. Какъ древнiе греки (въ эпоху Гомера) были убѣждены, что звѣзды выходятъ ночью изъ океана и потомъ, съ восходомъ солнца, снова въ него погружаются; такъ тоже самое воззрѣнiе существовало и у славянъ, что свидѣлствуется слѣдующею загадкою о потухающихъ по утру звѣздахъ: «катилися каточки по липову восточку (мостъ — небесный сводъ), увидѣли зорю — попли въ воду», или «бѣгли овцы ²⁾ по калинову мосту, увидали зорю — покидались въ воду» ³⁾.

Свѣтло-голубое, блестящее небо лежитъ за облаками, или за дождевымъ моремъ; чтобы достигнуть въ царство солнца, луны и звѣздъ, надо было переплывать воздушныя воды. Такии образомъ это небесное царство представлялось воображенiю окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водами, т. е. островомъ. Съ особенною наглядностию метафора эта выступаетъ въ русскихъ заговорахъ — тамъ, гдѣ говорится о чудномъ островѣ Буянѣ. Названiе «буянь» (отъ слова буй), принятое позднѣе за собственное имя, первоначально было не бѣлье, какъ характеристическiй эпитетъ баснословнаго острова; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ донынѣ, вмѣсто «Буянь-островъ», произносятъ: «буйевой островъ» ⁴⁾. Буй служитъ синонимомъ слову яръ, какъ это видно изъ замѣны этихъ рѣченiй одного другимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ ⁵⁾; оба слова совмѣщаютъ въ себѣ тождественныя значенiя. Ярыи, какъ объяснено выше (I, 439 — 441), заключаетъ въ себѣ понятiя: весеннiй, горячiй, пылкiй, раздражительный, страстный,

¹⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 11; о мѣсяцѣ на облачномъ небѣ въ Иславiи говорятъ, что онъ идетъ въ бродъ между облаками. —

²⁾ О представленiи звѣздъ овцами см. т. I, 692. — ³⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 75. — ⁴⁾ Щиповъ, 60. — ⁵⁾ Руск. Дост., III, 64—66, 254; см. т. I настоящаго сочиненiя, стр. 662.

плодородный, урожайный. Понятіе весенняго плодородія заключается и въ словѣ буй: глаголь буйть (оренбур. губ.)—выростать, вѣжиться («онъ буйаъ у батюшки», или въ народной пѣснѣ: «деревцо кипарисовое, гдѣ ты росло, гдѣ буйао? Я росло на крутой горѣ, буйао противъ солнышка»); а прилагательное буйный, когда говорятъ о нивахъ, лугахъ и лѣсахъ, служитъ для обозначенія, что травы и деревья растутъ высоко, густо, и обѣщаютъ богатый урожай (буйный лѣсъ, буйные хлѣба, буйныя ягоды, чешск. буйна пшенице, обили буйне). Отсюда объясняется слѣдующее выраженіе въ Словѣ Данила-заточника: «дивья (диво ли) за буйномъ кони паствити» (сравни съ чешскою поговоркою: «pekdy i na bujnom roliu su koni chudi»), т. е. не диво пасти коней на тучныхъ пажитяхъ! Вообще же буйный (буявыи) употребляется въ смыслѣ: дерзкій, наглый, неистовый (—яростный); буеть—удаль, отвага, буйная головушка—отважная, смѣлая, буйные вѣтры—бурные, стремительные, буйная зима—рѣзкая, студѣная; болгары даютъ этотъ эпитетъ и огню (буенъ оганъ ¹). «Островъ буянъ» — поэтическое названіе весенняго неба. Островъ этотъ играетъ весьма важную роль въ нашихъ народныхъ преданіяхъ; чародѣйное слово заговоромъ, обращенное къ стихійнымъ боже-ствамъ, обыкновенно начинается слѣдующею формулою: «на морѣ-на окіанѣ, на островѣ-на Буянѣ», безъ чего не слышно ни одно заклятіе. На островѣ Буянѣ сосредоточены всѣ могучія силы весеннихъ грозъ, всѣ мѣщескія олицетворенія громовъ, вѣтровъ и бури; тутъ обрѣтаются: и змѣя всѣмъ

¹) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 93; Обл. Сл., 17-18; Вѣст. Р. Г. О. 1851, III, 12. Малор. и червон. думы, 126. Соответственно слову яръ — обрывистый берегъ рѣки, мѣсто, доступное дѣйствію вѣтровъ, буянъ въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ означаетъ: открытое, возвышенное мѣсто—Моск. Вѣст. 1830, V, 125.

жизнь старшая ¹⁾, и вѣщій воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ, который клуетъ огненнаго змѣя, и птица, всѣмъ птицамъ старшая и бѣльшая, съ желѣзнымъ носомъ и мѣдными когтями (напоминающая собой чудесную Стратиниъ-птицу, всѣмъ птицамъ мать, что живетъ на океанѣ-морѣ и творитъ своими крыльями бурные вѣтры), и пчелиная матка, всѣмъ маткамъ старшая, т. е. на островѣ Буянѣ лежитъ громоносный змѣй, гнѣздится птица-бура и роится пчелы-молнии, посылающія на землю медовую влагу дождя ²⁾. Отъ нихъ, по мнѣнію народа, какъ отъ небесныхъ матерей, произошли и всѣ земные гады, птицы и насѣкомыя. По свидѣтельству заговоромъ, на этомъ-же островѣ возсѣдаютъ и дѣва Зоря (= не только весеннее солнце, но и богиня-громовница), и пророкъ Илья (= Перунъ): «на морѣ-на окіанѣ, на островѣ-на Буянѣ гонитъ Илья-пророкъ въ колесницѣ громъ съ великимъ дождемъ» ³⁾. Сюда обращался древній славянинъ съ своими мольбами, упрасивая боговъ, побѣдителей Зими и создателей лѣтнаго плодородія, исцѣлить его отъ ранъ и болѣзней, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье въ любви, на охотѣ и въ домашнемъ быту. Выше мы видѣли, что небо называлось хрустальной или золотой горою; поэтому одинъ изъ списковъ «Сна пресв. Богородицы» начинается такъ: «на горѣ-на горюнѣ (отъ слова горѣтъ), на горѣ-на Буянѣ» ⁴⁾. Такъ какъ весеннее небо есть хранилище теплыхъ лучей солнца и живой воды, которые даютъ землѣ плодородіе, одѣваютъ ее роскошною зеленью и цвѣтами и водворяютъ на ней новую счастливую жизнь; то фантазія сочетала съ нимъ представленіе о раѣ или благо-

¹⁾ Сравни въ гл. XX-й о звѣрѣ Индрикѣ (= гндра), отцѣ всѣхъ звѣрей.— ²⁾ Сахаров., I, 21—22, 26, 31.— ³⁾ Т. I-й этого сочиненія, стр. 223; Иллюстр. 1845, 250.— ⁴⁾ Каляин Пер., VI, 204.

датномъ царствѣ вѣчнаго лѣта. Метафорическій языкъ народныхъ загадокъ называетъ раемъ водные источники: «два брата (=вѣдра) пошли въ рай (вариантъ: въ воду) купаться»¹⁾, что указываетъ на древнѣйшую связь идеи рая съ небесными, дождевыми колодцами (см. гл. XXIV). Преданія повѣщаютъ рай на блаженныхъ или счастливыхъ островахъ. Выше (т. I, 182) указано другое воззрѣніе, слѣдующее которому востокъ, какъ страна, откуда восходитъ воскресающее поутру солнце, признавался царствомъ творческихъ, плодотворящихъ силъ — раемъ, тогда какъ западъ почитался страной мрака и бесплодія — адомъ. По аналогіи утренняго разсвѣта съ весеннимъ просвѣтленіемъ неба послѣ грозы, а темной ночи съ зимними облаками и туманами, блаженные острова отнесены были на востокъ. Старинный англосаксонскій памятникъ, сообщающій различныя космогоническія преданія въ формѣ бесѣды царя Соломона съ Сатурномъ, задаетъ вопросъ: «гдѣ бываетъ по ночамъ солнце?» и отвѣчаетъ: «на томъ островѣ, гдѣ пребываютъ души въ ожиданіи суда», или по другому списку: «оно сіяетъ въ странѣ, называемой Glidh, гдѣ покоятся души св. мужей.» Названіе Glidh означаетъ страну блестящую — тоже, что Glasberg (гора-небо, лежащая по ту сторону великихъ водъ) или Gladhsheimr (Glanzheim, Wonneland²⁾). На Русь ходитъ сказаніе о блаженныхъ островахъ Макарійскихъ (μακάριος — beatus), гдѣ рѣки медовыя и молочныя, а берега кисельные³⁾; по указанію старинныхъ апокрифовъ, райскія рѣки текутъ млекою, виномъ и медомъ; о лѣтнихъ облакахъ простолюдины рассказываютъ, что они падаютъ иногда на землю, и тѣ, которымъ удавалось это видѣть, при-

¹⁾ Этн. Сб., VI. 39. — ²⁾ Опытъ истор. обозр. рус. слов. О. Миллера, I, 335, язъ Migne — Diction. des apocryphes; Germ. Mythen, 365—6. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 344.

ливали ихъ за кисель. Медъ, молоко и вино—метафориче-скія названія дождя; испадая на землю, дождевые ливни производятъ топкую грязь, которая въ областныхъ говорахъ называется кисель, киселица ¹⁾). Лубочная карта, извѣстная подъ заглавиемъ: «Книга, глаголемая Козмографія, переведена бысть съ римскаго языка», представляетъ круглую равнину земли, омываемую со всѣхъ сторонъ рѣкомъ-океаномъ; на восточной сторонѣ означенъ «островъ Макарійскій, первый подъ самымъ востокомъ солнца, близь блаженнаго рая; потому его тако нарицають, что залетаютъ въ сій островъ птицы райскія Гомаюнъ и Финиксъ и благоуханіе износятъ чудное.... тамо зимы нѣтъ» ²⁾). Въ средніе вѣка создалась басня, что Александръ Македонскій, во время похода своего на востокъ, доходилъ до Макарійскаго острова. Въ древнеславянскомъ переводѣ Меѳодія Патарскаго читаемъ: «Александръ Македонскій сяде до моря, нарицаемаго Солнечна страна, видѣ и видѣ нечисты языки и скверны» ³⁾). Несторъ вставилъ это свидѣтельство въ свою лѣтопись: «якоже сказасть Меѳодій Патарійскій: и виде (Александръ Македонскій) на восточныя страны до моря, наричаемое Солнце мѣсто, и видѣ ту человекы нечистыя (=демоны, великаны).... и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія (горы=тучи, см. гл. XVIII), и Богу повелѣвшю ступишася о нихъ горы полунощныя» ⁴⁾).

¹⁾ Толков. Слов., I, 724.— ²⁾ Лубочныя картины познакомили наше простонародье и съ другими райскими птицами Алконостомъ и Сиринюмъ; Сиринь = сирена.— ³⁾ Времен., XVI, снѣсь, 1, 9; Карамз. И. Г. Р., II, прилѣч. 64; Москв. 1841, V, ст. Снегир. о лубочи. картин., 148.— ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 107. Новогордскій лѣтописецъ (ibid., IV, 61), по случаю моровой язвы 1352 года, замѣчаетъ: «цѣцы рѣша: той моръ пошелъ отъ индѣйскія страны—отъ Солида-града», что сходится съ греческимъ повѣрьею о моровой язве, послышаемой стрѣлами разгнѣваннаго Аполлона.

Очевидно, преданіе о Макарійскомъ островѣ, лежащемъ на восточной сторонѣ всесвѣтнаго океана, гдѣ царствуетъ Солнце и цвѣтетъ вѣчная весна, есть преданіе античное; древніе греки знали островъ Эю, омываемый океаномъ: тамъ чертогъ Зори (Эосъ) и мѣсто ея пляски, оттуда по утру восходитъ свѣтлый Геліосъ ¹⁾. Отъ грековъ преданіе это чрезъ посредство переводныхъ хронографовъ, перешло къ намъ, и притомъ уже въ средневѣковой передѣлкѣ, когда старинныя сказанія о Солнцевой странѣ составили одинъ изъ эпизодовъ по-

¹⁾ Griech. Myth., Преллера, I, 339. Слѣды того-же представленія встрѣчаемъ и въ другихъ мифахъ античнаго міра. Такъ Эоль, богъ вѣтровъ и вихрей, властвовалъ на пловучемъ островѣ Эоліи (Одис., X, 1—3); о Геестѣ рассказывается, что онъ завелъ свои кузницы на одномъ изъ Липарскихъ острововъ и ковалъ тамъ Зевсовы молніи; о рожденіи Аполлона изъ древнѣйшихъ преданій извѣстно, что мать его (Leto) прибыла изъ страны гипербореевъ на пловучій островъ Делосъ въ видѣ волчицы, сопровождаемая стаею другихъ волковъ. Посейдонъ остановилъ подвижной островъ, и богиня разрѣшилась на немъ двумя близнецами: Артемидою и Аполлономъ, который тотчасъ по рожденіи былъ обмытъ нимфами въ водахъ и вскормленъ нектаромъ и амброзіей; когда ему минуло пять дней—подъ его стрѣлами, полученными отъ Гефеста, палъ страшный Пифонъ (Der Ursprung der Myth., 99). Значеніе мифа ясно: зимнею порою солнце и луна скрыты за темными покровами снѣжныхъ облаковъ и тумановъ, или выражаясь мифическимъ языкомъ: они облакаются волчьими шкурами и скрываются въ холодныхъ странахъ гиперборейскихъ; весною же, благодаря дѣйствию грозъ, туманныя завѣсы снимаются, свѣтлый Аполлонъ выходитъ изъ нѣдръ мрака, или что то же—рождается матерью-волчицею, омывается въ дождѣ, и упиваясь этимъ бессмертнымъ и всепьяннымъ напиткомъ, разить молніеносными стрѣлами дракона (=демона зимы и тучъ). Съ затемнѣніемъ смысла старинныхъ метафоръ, мифы, по общему закону ихъ развитія, приурочиваются къ извѣстнымъ мѣстностямъ: богъ-громовникъ, ковавшъ молніеносныхъ стрѣлъ, водворяется на островахъ Лемносъ и Липарскомъ, а внѣтъ Аполлона δῆλιος=свѣтлый даетъ поводъ связать басню о его происхожденіи съ Делосомъ (М. Мюллеръ, 63).

хода Александра Македонскаго въ Индію, и когда воспомина-
ніе о борьбѣ бога-громовника съ демонами-тучами спуталось
съ подвигами этого любимаго героя, побѣдителя отдаленныхъ
народовъ. Тѣмъ не менѣе указанные свидѣтельства памятни-
ковъ не совершенно чужды славянамъ; напротивъ, они потому
и приняты въ простонародь, что согласовались съ его соб-
ственными (воззрѣніями, вынесенными изъ первоначальной ро-
дины всѣхъ индоевропейскихъ племенъ. У чеховъ сохрани-
лось повѣрье, что у Солица есть свое царство за мо-
ремъ, что тамъ—вѣчное лѣто и что оттуда приле-
таютъ весною птицы и приносятся на землю расти-
тельныя сѣмена ¹⁾. Съ этимъ повѣрьемъ тѣсно связывается
малорусское преданіе о вѣрен: это теплая страна, лежа-
щая далеко на востокъ у самаго моря, куда скрываются на
зиму птицы, насѣкомыя и гадюки и откуда являются они съ
началомъ весны. Въ поученіи Мономаха сказано: «сему ся
подивуемы, како птица небесныя изъ врья идутъ.... да на-
полнятся лѣси и поля» ²⁾. Съ началомъ осени (14-го сен-
тября) журавли, стрижи, касаточки и другія птицы улетаютъ,
по мнѣнію крестьянъ, въ вырей (вириі), на теплыя воды,
или прямо на небо; рассказываютъ еще, что ласточки, сѣ-
пившись одна съ другою ножками, прячутся отъ зимы въ
крякшицахъ, рѣкахъ и озерахъ ³⁾. Тогда-же гадюки и
змѣи лѣзутъ въ вырей по деревьямъ, подобно тому, какъ
и души усопшихъ прежде, нежели достигнуть страны бла-
женныхъ, осуждены порхать по деревьямъ. Свѣтлое «небесное
царство» (Gimill скандинавской мифологіи—himmel, жилище

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, VII, ст. Срезн., 43.— ²⁾ П. С. Р. Л., I, 101. Въ народной пѣснѣ поется: «Лѣсъ ты мой, лѣсъ, зеленъ, неве-
селъ! Не вому тебя развеселять; Что были пташечки — въ врей
полетѣли.»— ³⁾ Терещ., VI, 12; Рус. Бес. 1856, I, 62.

свѣтлыхъ эльфовъ) находится по ту сторону облаковъ, которыя надрубые сравнивались съ водными источниками и вѣтвистыми деревьями, растущими въ воздушныхъ пространствахъ (см. гл. XVII); германцы называютъ это царство *Sonnenland* и *Engelland*: сюда, по ихъ рассказамъ, улетаютъ на зиму птицы, здѣсь обитаютъ души и отсюда приносятся на землю зародыши всякой жизни—сѣмена растеній и души новорожденныхъ ¹⁾. Съ окончаніемъ зимы слѣдуетъ возвратный прилетъ птицъ: 9-го марта прилетаютъ изъ вырїа жаворонки, а 25-го числа (на Благовѣщенье)—ласточки; въ малорусской пѣснѣ соколъ жалуется:

•Бидна-жъ моя головонько,
Що я рано з' вырїа выйшовъ,
Що по гóрахъ снѣга лежать,
По долинахъ воды стоять.»

Какъ обыкновенныя птицы и гадюки исчезаютъ поздною осенью изъ полей и лѣсовъ: первыя удаляясь въ теплыя страны, а послѣднія предаваясь оцѣпенїю (зимнему сну) въ своихъ норахъ; такъ и мнѳическія птицы и змїи, въ образѣ которыхъ фантазія олицетворяла творческія силы весеннихъ грозъ, скрываются на зиму въ колодцахъ-тучахъ, окованныхъ холодомъ, или замыкаются въ царствѣ вѣчнаго лѣта. По русскимъ повѣрїямъ, кукушка и сизая галочка хранятъ у себя райскіе ключи или ключи отъ вырїа; съ ихъ прилетомъ пробужденный Перунъ отпираетъ небо и низводитъ на землю плодотворное сѣмя дождя, откуда возникъ мнѳъ о сѣменахъ, приносимыхъ изъ райской страны на крыльяхъ весеннихъ вѣтровъ и разсѣваемыхъ по всей землѣ. И комары осенней порою уносятся вѣтрами на

¹⁾ Germ. Mythen, 326—7, 375—6, 398

теплым моря, а весною снова приносятся на Русь ¹⁾. Райская страна, какъ представленіе, снятое съ весенней природы, роскошно-убранной въ зелень и цвѣты и озаренной яркими лучами солнца, изображалась вѣчно-зеленымъ садомъ съ золотыми и серебряными плодами, или вѣчно-цвѣтущимъ лугомъ. Слова рай, лит. *gojus*, греч. *παράδεισος*, лат. *paradisus*, фр. *paradis*, исп. *paraíso* — всюду служатъ для обозначенія сада, и многія живописныя, цвѣтущія мѣстности въ итальцкихъ и славянскихъ земляхъ получили названія рай, парадиза ²⁾. Словаки и хорутане рассказываютъ, что рай есть чудесный неувыдаемый садъ, находящійся во владѣніяхъ бога свѣта, гдѣ праведныхъ ожидаетъ безконечное наслажденіе ³⁾; по свидѣтельству русскихъ легендъ, рай насажденъ у небесной криницы, «а надъ тею крыницею и скривъ тамъ такімъ разніи, прихорошіи, пахнючіи цвѣткы та ягоды, яблукы, хвыги, мындалы, розынкы (виноградъ) и всякая овожь, а птицы такъ хороше свиваютъ та щебечуть, що-й сказаты не можно» ⁴⁾. Въ томъ-же весеннемъ убранствѣ рисуется народному воображенію и вырѣй — названіе, вѣроятно родственное съ лат. *vigetum* (мѣстность, покрытая зеленью), которое у Вергилія употреблено въ смыслѣ рая ⁵⁾; въ областныхъ говорахъ вырѣць (вятск. губ.) значить: цвѣтникъ, кушина, куртина цвѣтовъ; в ы р ч я к ъ (волог. губ.) — разсадникъ, срубець на столбахъ для посѣва капусты ⁶⁾.

¹⁾ Маркенич., 18; Молодые. 1844. 96; Сахаров., II, 30; Метляиск., 201; Полтав. Г. В. 1845, 15; 1846, 18; Киев. Г. В. 1850, 20. — ²⁾ D. Myth., 781—3. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1847, II, 190 („О вѣрован- славянъ въ безсмертіе души). — ⁴⁾ Н. Р. Л., 3. — ⁵⁾ D. Myth., 783: *devenere locos laetos et amoena vireta fortunatorum nemorum sedesque beatas.* — ⁶⁾ Толков. Слов., I, 274. Въ курской губ. вырѣй означаетъ жаворонка, какъ предвѣстника весны; въ твер. губ. вырѣй — колдунъ, вырѣять — нашептывать, ворожить (Обл. Сл., 32). На островѣ Эвъ обитала хитрая волшебница Кирке (Одисс., X).

Такъ какъ рай признавался жилищемъ праведныхъ, мѣстомъ успокоенія ихъ по смерти; то при имени «Буянъ-островъ», въ нашемъ языкѣ стоятъ родственныя слова, означающія кладбище: буи и буи вище—погость, мѣсто около церкви, обнесенное оградой, гдѣ въ старину погребались умершіе; бѣево—кладбище ¹⁾. По указанію Гомера и другихъ древнихъ писателей, души избранныхъ героевъ препровождались Гермесомъ чрезъ океанъ (=небо) къ Солнцевымъ вратамъ—на счастливыя елисейскія поля (Elysion), лежащія на «блаженныхъ островахъ»: боги надѣлили страну эту чистѣйшимъ воздухомъ и постояннымъ изобиліемъ плодовъ; ея вѣчно-зеленѣющіе луга и рощи, орошаемые серебристыми рѣками, оглашаются плѣнительнымъ пѣніемъ птицъ; тамъ не бываетъ ни зимы, ни вятелей, ни ливней, ни холода; вѣетъ только кроткій зефиръ, и сладостно, незамѣтно пробѣгаютъ безпечальные дни блаженныхъ ²⁾. Греческому Элизію соответствуетъ скандинавская Валгалла (Valhöll ³⁾, гдѣ властвуетъ могучій Одинъ, въ сообществѣ съ Торомъ, и куда валькириіи приводятъ всѣхъ витязей, сраженныхъ въ бою (auf der wahlstätte); Одинъ принимаетъ ихъ, какъ своихъ дѣтей, и потому усопшіе герои назывались *öskasynir* (усыновленные). Посреди Валгаллы стоитъ чудесное дерево, тождественное по значенію съ міровою ясеню (=тучею) и съ мокрецкимъ (=дожденоснымъ) дубомъ острова Буяна, о чемъ подробнѣе изложено въ гл. XVII-й. Эта блаженная обитель предназначена однимъ добродѣтельнымъ и храбрымъ; для нечестивыхъ и трусовъ она закрыта; водворенные здѣсь

¹⁾ Обл. Сл., 16; Записки Общ. рус. и слав. археологін, I, отд. 3, 4.— ²⁾ Griech. Myth., Преллера, I, 644; Одисс., IV, 563-8.—

³⁾ Слово, стоящее въ связи съ прозваніемъ Одина—*Valföðgr* и съ именемъ подвластныхъ ему воиновъ валькириіи (*valkyrien*).

герои проводят время въ непрерывныхъ веселыхъ пирахъ, упиваясь безсмертнымъ напиткомъ — медомъ (—дождемъ). Мѣсто, на которомъ построенъ золотой градъ Валгаллы, называется Gladhsheimr, что означаетъ жилище, исполненное не только радости, но и блеска. До сихъ поръ подъ выраженіями freudensaal и freudenthal разумѣютъ «небо», въ противоположность землѣ, «печальной юдоли» (jammethal) смертныхъ ¹⁾. «Небо героевъ», извѣстное въ индѣйской мифологіи, есть та священная гора-небо, на которую, по славянскимъ и литовскимъ повѣрьямъ, должны взлѣзть души усопшихъ (I, 120), то селеніе праведныхъ, которое принято у насъ называть «царствомъ небеснымъ». Тамъ, при верховномъ божествѣ небеснаго свода (Варунѣ), подъ сѣнію густолиственного дерева, обитаютъ души предковъ (pitris) съ ихъ царемъ Уама, собирателемъ всего человѣческаго рода ²⁾. Преданіе это въ памятникахъ средневѣковой литературы слилось съ рассказами о браминахъ; въ упомянутой выше «Книгѣ, глаголемой Космографія» ³⁾ описывается страна блаженныхъ рахмановъ (брахмановъ), которые не вѣдаютъ неправды, ни естественныхъ нуждъ, и живутъ безъ трудовъ и печали: «страна — рахманы нагіе — подъ самымъ востокомъ солнца, и царя имѣютъ у себя.... житіе ихъ таково: одѣваются листвіемъ древняимъ садовнымъ и отъ того овощемъ питаются, и жены имѣютъ, а ризъ и скота и хлѣба не имѣютъ, ни градовъ, ни войны не имѣютъ же... Да тутъ-же подъ востокомъ солнца есть мѣсто, гдѣ исходятъ великія четыре рѣки райскія.» Тѣже басни занесены и въ старинныя сказанія о походѣ Александра Македонскаго въ Индію ⁴⁾. Изъ приведенныхъ данныхъ нетрудно понять, почему Буянъ-

¹⁾ D. Myth., 778—782.— ²⁾ Die Götterwelt, 58.— ³⁾ Времен., XVI, 8.— ⁴⁾ Москов. Телеграфъ 1832, XI и XXIV.

островъ называется въ нашихъ заговорахъ святымъ и божьимъ ¹⁾).

Народные заговоры, сохранившіе такъ много древнѣйшихъ поэтическихъ выраженій, знаютъ именческій алатырь-камень и ставятъ его въ тѣсной, неразрывной связи съ Буяномъ-островомъ. Принимая въ соображеніе объясненное нами значеніе этого острова и обще-арійское представленіе солнца драгоцѣннымъ, огненнымъ камнемъ (I, 214), мы убѣждаемся, что алатырь-камень есть собственно метафора яснаго весенняго солнца. Лежитъ онъ на океанѣ—морѣ или на островѣ Буянѣ, и обозначается постояннымъ эпитетомъ бѣль-горючъ, т. е. плавааетъ по воздушному океану-небу и хранится въ райской области, въ царствѣ вѣчнаго лѣта; эпитетъ «бѣль-горючъ» замѣняется иногда выраженіемъ: кипѣть-камень (отъ глагола кипѣть ²⁾). На этомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣва Зоря: «на морѣ-на океанѣ, на островѣ-на Буянѣ лежитъ бѣль-горючъ камень алатырь; на томъ камнѣ сидитъ красная дѣвица» и зашиваетъ раны кровавыя (см. I, 223). О розовой пеленѣ Зори, разстилая которую богиня утра просвѣтляетъ міръ и призываетъ его къ жизни, заговоръ выражается: «твоя фата крѣпка, какъ горючъ камень-алатырь»; о самомъ-же алатырѣ сказано: «подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могучая, и силы конца нѣтъ». Именемъ этого камня скрѣпляется чародѣйное словозаклинателья (I, 421 — 2): «кто камень-алатырь изложетъ (дѣло—

¹⁾ Библ. для. Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 52—53; Сахаров., I, 18: „пошла я (имярекъ) къ океанъ-морю на святъ островъ“.

²⁾ Совр. 1856, XI, ст. Осокина, 4. Въ народной пѣснѣ мужъ, при разлукѣ съ женою, говоритъ ей: „гляди, жена, на синѣ море: что повыстынетъ бѣль-горючъ камень, тогда я домой буду!“ (Нар. пѣсни вологод. и олопец. губ, собр. Студицкиихъ, II, 32)—выражая этими словами безнадежность на свое возвращеніе.

трудное, немислимое), тотъ мой заговоръ превозможетъ¹⁾. Весьма вѣроятно, что съ этимъ уподобленіемъ солнца бѣлому, горячему камню уже въ глубокой древности сливалось общераспространенное представленіе грозового облака скалою или камнемъ²⁾. Такое сліяніе тѣмъ легче могло совершиться, что богиня Утренняя Зора и богиня-громовница олицетворялись въ единомъ образѣ, что дневной свѣтъ и роса, приносимые первою, сближались съ весеннимъ просвѣтленіемъ неба и дождями, даруемыми второю. Въ приложеніи къ камню-облаку эпитетъ «бѣль-горючъ» могъ указывать съ одной стороны на заключенное внутри этого камня грозовое пламя, а съ другой — на бѣлоснѣжные и розовые цвѣта, какими окрашиваютъ облака яркіе лучи весенняго солнца. Съ возвратомъ весны пробуждается богъ-громовникъ, и ударяя своею палицею по камню-тучѣ, высѣкаетъ изъ него молніеносныя искры, разводитъ ножигающее пламя грозы³⁾ и завариваетъ чудодѣйственный напитокъ живой воды (дожда); то же пламя добываетъ онъ и треніемъ своей палицы о солнцезво колесо. Вотъ почему на алатырь-камени пребываетъ не только богиня Лада, въ христіанской записи ея Богородицею, чествуемой въ народѣ прозваніями громовницы и огненной Маріи, но и самъ Перунъ, подставляемый обыкновенно Ильѣю-громовникомъ, и его спутники — духи весеннихъ грозъ, подъ именемъ божьего воинства или небесныхъ силъ (святыхъ угодниковъ и ангеловъ). Приведемъ свидѣтельства народныхъ заговоровъ: «встану я, рабъ божій, благословясь, пойду перекрестясь... подъ восточную сторону къ окіану-норю, на святъ-божіи островъ; на этомъ

¹⁾ Сказаров., I, 23, 25, 30—31.— ²⁾ Въ Сибири камень означаетъ: утесъ, скалу—Этн. Сб., VI, 11.— ³⁾ Опытъ истор. обзор. рус. слов., О. Миллера, I, 79: „Въ одномъ заговорѣ духи идутъ на море зажгати горючъ камень; въ другомъ его хотять распанати и вынуть изъ него палицѣй и гуляцѣй огонь.“

островъ лежитъ алатръ-камень, а на камени стоитъ Мати пречистая Богородица. Прому и молю, пречистая Божія Матерь, усердно своими горькими слезами: заступи обо мнѣ рабѣ божьемъ, отгони злую лихомонку за тридевять земель.»—«Пойду подъ восточную сторону къ окіану-мору; на окіанѣ-морѣ стоитъ божій островъ, на томъ островѣ лежитъ бѣль-горючъ камень алатръ, а на камени святой пророкъ Илія съ небесными ангелами. Молюся тебѣ, святой пророче божій Илія! пошли тридцать ангеловъ въ златокванномъ платьѣ, съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ имирека уроки и призоры и притки.» (Сравни заклія на прогнаніе болѣзней перуновыми стрѣлами въ гл. XXII.)—«На-морѣ-окіанѣ лежитъ бѣль-алатръ-камень, а на камени сила небесная. Подойду я поближе, поклонюсь пониже: силы небесныя! пошлите свою помощь и силу на нашъ скотъ-милой животъ—въ чистое поле, въ зеленые луга, въ темные лѣса.» Подновленіе въ христіанскомъ духѣ замѣчается не во всѣхъ закліяхъ; въ нѣкоторыхъ заговорахъ обращенія дѣлаются къ невѣдомому стрѣльцу и красной дѣвицѣ Зорѣ, а не къ Ильѣ-пророку и Богородицѣ: «въ окіанѣ-морѣ есть алатырь-камень, на томъ камнѣ стоитъ человекъ: онъ стрѣляетъ по чисту полю, убиваетъ всякія боли»; затѣмъ слѣдуетъ мольба, чтобы стрѣлецъ этотъ защитилъ своими стрѣлами отъ сглаза, недуговъ и очарованія ¹⁾). Согласно съ представленіемъ облаковъ подвижными, ходячими камнями, народная загадка отличаетъ алатырь отъ обыкновенныхъ скалъ, твердо-прикрѣпленныхъ къ землѣ, какъ-бы коренящихся съ ея утробѣ. «Что растетъ безъ корню?» спрашиваетъ загадка и отвѣчаетъ: бѣль-горючъ камень ²⁾). Весьма знаменательно свидѣтельство

¹⁾ Библ. для Чт. 1848, IX, 52—55; Сахаров., I, 27, 33.— ²⁾ Рус. прост. прадн., II, 101—2; Ч. О. И. и Д. 1864, I, галицк. пѣсни, 83.

стиха о голубиной книгѣ, что изъ-подъ этого камня текутъ источники, дающіе всему міру пропитаніе и цѣленіе, т. е. живая вода дождей, воскрешающая природу и дающая землѣ урожан:

Бѣлый латырь-камень всѣмъ камнямъ отецъ.
 Почему же бѣнъ всѣмъ камнямъ отецъ?
 — Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣлаго латыря
 Протекли рѣки, рѣки быстрыя
 По всей землѣ, по всей вселенную(—ной),
 Всему міру на исцѣленіе,
 Всему міру на пропитаніе ¹⁾.

Это тѣ-же райскія рѣки, которыя бьютъ живыми ключами изъ-подъ корней міроваго дерева-тучи (см. гл. XVII). Старинная былина о Васильѣ Буслаевѣ, смѣлость котораго не хотѣла знать никакихъ преградъ ²⁾, воспѣваетъ, какъ этотъ богатырь тѣшился со своею дружиною; говоритъ Василій: «дружина моя храбрая! скачите черезъ бѣль-горючъ камень.» Дружинники перескочили три раза; началъ скакать самъ богатырь:

Разъ скочилъ и другой скочилъ,
 А на третій говоритъ дружинѣ хоробрыя:
 „Я на третій разъ не передомъ, задомъ перескочу!“
 Скочилъ задомъ черезъ бѣль-горючъ камень,
 И задѣла ножка правая,
 И упалъ Васильюшка Буслаевичъ
 О жестокъ камень своимъ плечы богатырскими.

По указанію другаго списка: раскололъ онъ свою буйну голову, и остался лежать тутъ до вѣку. Тоже преданіе излагаетъ и народная сказка съ любопытной замѣною камня-алатыря морской пучиной. Поплылъ Василій Буслаевичъ черезъ море къ зеленымъ лугамъ; тутъ лежала Морская Пучина-кругомъ глаза; сталъ онъ вокругъ ея похаживать, сапожкомъ ее пощипывать. «Не пинай меня, говоритъ Пучина, и самъ тутъ

¹⁾ Калѣки Пер., II, 313.— ²⁾ Рыбник., I, 362-3; III, 240-1.

будешь!» Разшутились тогда рабочіе люди Васильевы и стали скакать черезъ Пучину; всѣ перескочили, а Василій прыгнулъ и задѣлъ ее пальцемъ правой ноги—да туть и померъ¹⁾. Въ этомъ поэтическомъ сказаніи о смерти сильномогучаго богатыря скрывается мнѣ о гибели громовника (молніи), утопающаго въ дождевомъ морѣ тучъ; удары, которымъ онъ подвергается, обыкновенно разятъ его въ ногу (см. гл. XXII). Въ настоящемъ случаѣ для насъ особенно важно то, что въ этихъ различныхъ вариацияхъ одной темы бѣль-горючъ камень, изъподъ котораго (какъ мы видѣли) льются цѣлыя рѣки, замѣняется равносильною ему метафорою, представляющею дождевую тучу — морскою пучиною. Народный русскій эпосъ олицетворяетъ эту пучину и заставляетъ ее жадно взирать на витязя своими несчетными очами: образъ, достойный великаго художника, напоминающій греческій мнѣ объ Аргусѣ (см. I, 666—7; о метафорическихъ выраженіяхъ, уподобляющихъ зеркальную поверхность водъ глазамъ, см. тамже—стр. 663). На древнія преданія о славномъ камнѣ-алатырѣ въ христіанскую эпоху были наложены черты, заимствованныя изъ новаго вѣроученія, что прямо указываетъ на то священное значеніе, какое придавалось ему въ язычествѣ. Такъ какъ имя Петръ означаетъ камень и такъ какъ евангельское слово выражается о Петрѣ-апостолѣ: «ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою, и врата ада не одолѣютъ ей» (Матѣ. XVI, 18); то народная фантазія создала слѣдующее мистическое сказаніе. «Почему бѣль-латырь-камень мать всѣмъ камнямъ?» спрашиваетъ одинъ изъ вариантовъ стиха о голубиной книгѣ, и отвѣчаетъ:

¹⁾ Н. Р. Ск., I, 11. Сравни съ эпизодомъ другой сказки (*ibid.*, VIII, стр. 471), какъ скачутъ богатыри на коняхъ черезъ синее море; двое изъ нихъ пала посередъ моря и были проглочены змѣей.

На бѣломъ латырь-на каменѣ
 Бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
 Самъ Исусъ Христосъ, царь небесный,
 Съ дванадцати со апостоламъ,
 Съ дванадцати со учителямъ;
 Утвердилъ оиъ вѣру на каменѣ:
 Потому бѣль-латырь-камень каменяиъ мати! ¹⁾

Въ народныхъ заговорахъ читаемъ: «на окіанѣ-морѣ лежитъ кипъ-камень, на томъ кипъ-каменѣ стоитъ апостольская божья церква за тремя дверями, за тремя замками... Въ божьей церкви стоитъ престолъ, на томъ престолѣ сидитъ господа святая-пресвятая Богородица..., Миколай-угодникъ, Илья-пророкъ, Егорей Храбрый, Михайло-архангелъ, Петръ и Павелъ и всѣ святые святители.» ²⁾ — «Подъ восточной стороною есть окіанъ-синее море, на томъ окіанѣ-на синемъ морѣ лежитъ бѣлолатырь-камень, на томъ бѣлолатырь-каменѣ стоитъ святая золотая церковь, во той золотой церкви стоитъ святъ золотъ престолъ, на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Исусъ Христосъ, Михайлъ-архангелъ, Гавриилъ-архангелъ...» и такъ дал. ³⁾ Ниже (въ гл. XVIII) мы увидимъ, что на апостола Петра, какъ хранителя ключей царства небеснаго, было перенесено древнее представленіе о богѣ-громовникѣ, отпращивающемъ въ весеннюю пору золотымъ ключемъ—молніей облачныя скалы, за которыми скрывается пресвѣтлый рай. Въ этомъ раю (= въ свѣтломъ, заоблачномъ небѣ) почіуютъ въ зинній періодъ праведное солнце и всѣ творческія силы лѣта; какъ сѣдалище и обитель безсмертныхъ боговъ, небесный сводъ издревле представлялся царственнымъ трономъ и куполомъ храма. Въ замѣнъ райскихъ потоковъ позднѣйшая обработка

¹⁾ Калѣки Пер., 291.— ²⁾ Совр. 1856, XI, смѣсь, 4.— ³⁾ Щеловъ, 59.

мива полагаетъ бѣль-горючъ камень алатырь на рѣкѣ Иорданѣ ¹⁾.

Слово алатырь, по самой загадочности своей, должно быть весьма древняго происхожденія, и должно думать, что оно не прежде будетъ разгадано, какъ по возведеніи его къ санскритскому корню. Попытки, сдѣланныя для объясненія этого названія, до сихъ поръ были неудовлетворительны. Покойный Надеждинъ въ алатырь-камень подозрѣвалъ янтарь (литов. gintaras, нѣм. bern-stein = brenn-stein отъ brennen — горѣть ²⁾), который своею стареюмостью, красноватымъ или желто-бѣлымъ цвѣтомъ и добываніемъ изъ морскихъ волнъ представляетъ признаки, сходные съ тѣми, какіе придаются мивическому камню; самое слово алатырь (алатрь, алабырь, латырь) онъ признавалъ за передѣлку греческаго ἤλεκτρον, лат. electrum—янтарь ³⁾. Но то, что разсказывается на Руси о могучемъ алатырь-каменѣ, не представляетъ ничего тождественнаго съ греческими преданіями, касающимися янтара. Какъ отвердѣвшій древесный сокъ, янтарь у грековъ былъ эмблемою слезъ, проливаемыхъ лѣсными (=облачными) нимфами, или росы и дождя, падающихъ съ дерева-тучи; согрѣтое солнечными лучами, дерево это роняетъ золотыя слезы, которыя превращаются въ свѣтлыя, прозрачныя куски янтара, а мивическій поток Eridanos уноситъ ихъ въ океанъ (см. сказаніе о сестрахъ Фаетона —

¹⁾ Сахаров., I, 20 — ²⁾ Ганушъ, [149.— ³⁾ Рус. Бес. 1857, IV, смѣсь, 38; Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, прилож., 2-4. Г. Даль склоняется къ тому-же мнѣнію; „алатырь — вѣроятно янтарь, греч. электронъ, передѣланное на татарскій ладъ“ (Товдков. Слов., I, 8); но почему-же на татарскій ладъ? Форма „алатырь“ вовсе не исключительная въ славянскомъ языкѣ (сравни: богат-ырь, уп-ырь, пуст-ырь), да и всякой народъ передѣлываетъ чуждыя, замствованныя имъ слова не иначе, какъ въ духѣ роднаго языка.

гл. XIX ¹⁾. Греки и римляне дорого цѣнили янтарь, какъ цѣлебное средство отъ болѣзней и носили его въ амулетахъ. Видѣть въ алатырь-камень не болѣе, какъ заимствованное у грековъ названіе янтара рѣшительно нѣтъ основаній. Русскія народныя преданія соединяютъ съ алатыремъ понятіе чудеснаго «невѣдомаго» ²⁾ камня, и видѣть ни въ памятникахъ, ни въ областныхъ говорахъ янтарь не называется этимъ именемъ. Если бы даже было доказано сродство русск. алатырь съ греч. ἤλεκτρον, и тогда выводы должны опираться на первоначальномъ, основномъ значеніи общаго для нихъ корня; ἤλεκτρον означаетъ собственно — свѣтлозарный, сіяющій: electrum appellatum quoniam sol vocitatus sit ἤλεκτρον ³⁾. Стихъ о голубиной книгѣ, въ одномъ изъ многихъ своихъ вариантовъ, говоритъ: среди моря синяго лежитъ латырь-камень;

Идутъ по морю много корабельщиковъ,
У того камня останавливаются;
Они берутъ много съ него снадобья,
Посылаютъ по всему свѣту бѣлому.

Надеждинъ приводитъ это мѣсто, какъ указаніе на торговлю янтареиъ; мы же думаемъ, что означенные стихи заключаютъ въ себѣ тотъ-же смыслъ, что и стихи о рѣкахъ, текущихъ изъ-подъ бѣлага алатырь-камня «всему міру на исцѣленіе»; снадобьемъ народъ называетъ лѣкарство ⁴⁾.

¹⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 341—2; сравни съ сказаніями о золотыхъ и брилліантовыхъ слезахъ богини Зори.— ²⁾ Заговоръ на морѣ-на океанѣ есть бѣдъ-горючъ камень алатырь, никѣмъ невѣдомой.—Сахаров., I, 31.— ³⁾ Griech. Myth., I, 342; II, 177.— ⁴⁾ У береговъ Ледовитаго моря куски янтара называются морскими ладомомъ; но намъ неизвѣстно, чтобы на Руси соединяли съ ними цѣлебныя свойства и чтобы носили ихъ въ ладонкахъ. Другое объясненіе, еще менѣе удачное, предлагаетъ г. Гуляевъ (Библ. для чт. 1848, X, 113): по его мнѣнію, алатырь—алебастръ (греч. αλαβάστρος, нем. alabaster-stein, фран. albatre); но и съ

Такъ какъ идея рая у народовъ языческихъ заимствована отъ цвѣтущей, щедрой на дары лѣтней природы, и такъ какъ за лѣтомъ слѣдуетъ губительная, всѣмъртвящая зима, съ которою связывается мнѣ о кончинѣ міра, а за нею съ новою весною опять воскресаетъ земная жизнь; то отсюда возникло двойственное представленіе о раѣ. Во первыхъ, раемъ называется та счастливая страна минувшихъ вѣковъ, въ которой обитали первые, еще невинные люди, не зная никакихъ трудовъ и горестей, и которую утратили они подъ вліяніемъ нечистой демонической силы (= зимы); во вторыхъ, это—будущее царство блаженныхъ, которое явится по кончинѣ вселенной, когда ветхое небо и грѣховная земля очистятся и обновятся всемірнымъ пожаромъ и потопомъ (т. е. весенними грозами и ливнями). Въ этомъ обновленномъ царствѣ, украшенномъ неувыдаемыми цвѣтами, полнымъ неизсякаемаго плодородія, боги (по сказанію Эдды) обрѣтутъ свои золотые столы и вслѣдъ за тѣмъ водворится общая безпечальная жизнь. Вѣра въ грядущій рай стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіемъ о быломъ золотомъ вѣкѣ, когда люди пользовались невозмутимымъ счастіемъ, когда рѣки текли для нихъ млекою и медомъ, а деревья приносили имъ плоды, дающіе молодость и безсмертіе ¹⁾. Начало весны, эта благодатная пора возстанія природы отъ зимней смерти, совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ Воскресенія Христова; а потому въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что на Свѣтлой недѣлѣ отворяется рай, и открытыя двери его дѣлаются доступными для всѣхъ усопшихъ въ эти святые дни: умереть на «великъ день» почитается за особенную милость божію, ибо отшедшая душа непременно наследуетъ царство небесное. Весеннее полноводіе есть

алебастромъ не соединяетъ народъ нашъ никакихъ суевѣрныхъ преданій и ни въ одной мѣстности слово алатырь не принимается для его обозначенія.— ¹⁾ D. Myth., 783—4.

самый легкій и удобный путь для того таинственнаго корабля, на которомъ перевозятся тѣни усопшихъ въ блаженный обиталища райа.

Одновременно съ представленіемъ неба воздушнымъ океаномъ, поэтическая фантазія стала сближать носящіяся по немъ облака и тучи съ рыбами ¹⁾. Слѣды такого сближенія находимъ въ народныхъ сказкахъ. «Былъ у мужика (повѣствуетъ русская сказка) мальчикъ-семи лѣтокъ — такой смачъ, какого нигдѣ не видано и не слыхано! Послалъ его отецъ дрова рубить; онъ повалилъ цѣлыя деревья, взялъ ихъ словно вязанку дровъ и понёсъ домой. Сталъ черезъ мостъ переправляться, увидала его морская рыба-китъ (по другому списку: рыба-щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всёми какъ есть — и съ топоромъ, и съ деревьями. Мальчикъ и тамъ не унываетъ, взялъ топоръ, нарубилъ дровъ, досталъ изъ кармана кремень и огниво, высѣкъ огня и зажогъ костёръ. Не въ моготу пришлось рыбѣ: жгетъ и палитъ ей нутро страшнымъ пламенемъ! Стала она бѣгать по синю морю, во всѣ стороны такъ и кидается, изъ пасти дымъ столбомъ — точно изъ печи валить; поднялись на морѣ высокія волны и много потопили кораблей и барокъ, много потопили товаровъ и грѣшнаго люду торговаго; наконецъ прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берегъ, да тутъ и издохла. Четверо сутокъ работалъ мальчикъ топоромъ, пока прору-

¹⁾ По быстротѣ движенія, облака и тучи могли быть сравниваемы не только съ конемъ и птицею, но и съ рыбою. Названія, данныя рыбѣ въ санскритѣ, указываютъ на ея быстроту, легкую подвижность; тоже основное понятіе, по мнѣнію Пикте (I, 508—9), заключается и въ словахъ: а) лат. *piscis*, гот. *fisks*, англос. *fisc*, сканд. *fiskr*, др.-нѣм. *fisk*, кельт. *rysq*, *pesk* отъ снх. корня *pis*, *pēs*—*ire*, *pēsvara* — подвижной, скорый; б) слав. рыба отъ снх. корня *gab*, *gabъ* или *gabh*, откуда *gabhas*—быстрота, бѣглость.

блѣ у ней въ боку отверстіе и вылѣзъ на вольный бѣлый свѣтъ¹⁾. Смыслъ этой басни раскрывается изъ сравненія ея съ другими эпическими преданіями, тождественными съ нею по значенію, но представленными въ иныхъ поэтическихъ образахъ. Чудовищная морская рыба есть громоносная туча, плавающая въ воздушномъ океанѣ, а мальчикъ-семилѣтокъ, который, сидя въ ея утробѣ, высѣкаетъ огонь и разводитъ страшно-пожигающее пламя, принадлежитъ къ породѣ мнѣшескихъ карликовъ, обитающихъ въ облачныхъ пещерахъ и приготавливающихъ тамъ на сильномъ огнѣ кузнечныхъ горновъ молніеносныя стрѣлы. Семь зимнихъ мѣсяцевъ онъ пребываетъ въ покоѣ, или выражаясь эпически: семь лѣтъ онъ растетъ и собирается съ силами; но когда исполнится семилѣтній срокъ, т. е. съ приходомъ весны — заявляетъ свою богатырскую мощь. Подобно Перуну, онъ вызываетъ грозное пламя ударомъ кресала о кремь; подобно Перуну, онъ вооруженъ топоромъ, которымъ и прорубаетъ себѣ дверь изъ мрачной темницы—тучи, и пребываніе его въ рыбѣ также тяжело для этой послѣдней, какъ пребываніе мальчика-съ пальчикъ въ брюхѣ волка (см. т. I, 740: волкъ—туча, мальчикъ-съ пальчикъ—молнія). Приведенному эпизоду русской сказки соответствуетъ пѣсня Калевалы о великанѣ Випуненъ: славный чародѣй, сынъ громовника Укко, онъ покоился въ могилѣ въ глубокомъ, жертвомъ снѣ. Могучій Вейнемейненъ пронзилъ его желѣзнымъ коломъ; Випуненъ просыпается отъ боли, раззѣваетъ свой громадный ротъ и проглатываетъ обидчика. Очувтившись неожиданно въ желудкѣ великана, словно въ мрачной и просторной тюрьмѣ, Вейнемейненъ устраиваетъ тамъ кузнечный горнь, изъ рукавовъ своей одежды дѣлаетъ мѣха, разводитъ огонь и начинаетъ работать молотомъ; стучить, гре-

¹⁾ Н. Р. Ск., VIII, стр. 653; Кулишъ, II, 60—61.

нить, пламя раздуваетъ — дымъ валитъ вверхъ столбомъ, искры такъ и сыплются во всѣ стороны. Не стало великану покоя ни днемъ, ни ночью, горячіе уголья и осколки жгли ему горло и всю внутренность; напрасно старался онъ помочь себѣ колдовскими пѣснями и заклинаніями, напрасно взывалъ: «неужели я не похожъ на отца, который можетъ прогнать всякое зло? неужели не похожъ на брата, властителя небесныхъ облаковъ? Укко, близкій сосѣдъ громовыхъ тучъ! дай мнѣ свой огненный мечъ, дабы я могъ наказать нитъ этого негодяя». Чтобы заставить хитраго врага удалиться, Випуненъ долженъ былъ смириться и передать ему всю свою мудрость. Основа финскаго преданія таже, что и въ русской сказкѣ: великанъ, туча лежатъ неподвижно, окованный зимнею стужею; Вейнемейненъ, богъ весеннихъ грозъ, пробуждаетъ его отъ сна ударомъ желѣзной палицы и кузнечнаго молота, т. е. разящими молніями; чародѣйныя пѣсни и заклатія великана суть метафоры завывающей бури и громовыхъ раскатовъ ¹⁾). Калевала передаетъ много о похищеніи огня рыбою. Когда владѣтельница мрачной Похъюлы скрыла солнце и мѣсяцъ въ мѣдную гору (= за густые туманы), то боги грозъ: владыка вѣтровъ, вѣщій пѣвецъ Вейнемейненъ и кузнецъ Ильмариненъ, желая даровать міру новый свѣтъ, взошли на небо, выскли огонь (= молнію) и вручили его воздушной дѣвѣ; она держала огонь въ длинномъ облакѣ, и будто младенца въ колыбели, качала его туда и сюда и баюкала: скрипѣли серебряные ремни, звучала золотая колыбель и гнулась небесная кровля. Но вотъ неосторожная дѣва уронила огонь; разсыпаясь искрами, онъ упалъ въ море, вскипятилъ воды и озарилъ ихъ блескомъ. Это море—воздушный океанъ, въ которомъ плаваютъ облака-рыбы. Здѣсь проглатываетъ огонь щука ²⁾); чувствуя внутри жгу-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 165—6, 178.— ²⁾ Соб-

чую боль, она шумно носится по водамъ и бросается изъ стороны въ сторону. Тогда начинается ловъ щуки—поэтическая картина грозы. Какъ, по другому мнѣнческому представленію, гроза уподоблялась охотѣ за чудеснымъ вепремъ; такъ въ настоящемъ случаѣ она уподобляется рыбной ловлѣ. Съ помощію карлика, боги успѣваютъ изловить щуку въ закинутыя сѣти; но никто не осмѣливается взять ее голыми руками. «Я бы распласталъ эту рыбу, сказалъ Солнцевъ сынъ (Päivän poika), еслибъ у меня былъ большой ножъ-крѣпкое желѣзо!» и въ ту же минуту упадаетъ съ неба ножъ, изъ облаковъ крѣпкое желѣзо, съ золотымъ черенкомъ, съ серебрянымъ лезвіемъ (=молнія). Какъ скоро взрѣзана была щука — изъ нея покати́лся синій клубокъ; изъ синяго клубка явился красный, а изъ краснаго клубка — огонь. Эта послѣдняя подробность сходится съ свидѣтельствомъ сѣверно-нѣмецкихъ сагъ, что грозовые духи скатываются съ облачныхъ горъ въ видѣ огненныхъ клубковъ (т. I, 534). Изъ нѣдръ тучи-рыбы огонь-молнія вырывается на свободу и начинаетъ свое опустошительное дѣйствіе: онъ опалаетъ бороду стараго Вѣйнемейнена и ланиты Ильмаринена, пожигаетъ и воды, и землю, пока наконецъ не былъ приостановленъ морозами Похьюлы ¹⁾. Еще любопытнѣе сказаніе Эдды, изображающее грозу, какъ ловъ громоносной рыбы небесными богами. Когда асы, раздраженные смертью Бальдура, задумали отомстить лукавому Локи, то этотъ богъ, представитель грозоваго пламени, успѣвши удалиться внутрь горы (=облака); тамъ онъ устроилъ себѣ жилье о четырехъ дверяхъ, чтобы можно было наблюдать во все стороны; въ случаѣ опасности онъ превращался въ сѣмгу и прятался въ глубинѣ водопада (Frapangr). Однажды, когда Локи

ственно огонь пожирается сигомъ (schnäpel), сига глотаетъ лосось (lachsforelle) и въ свою очередь становится добычею щуки.— ¹⁾ Der Ursprung der Myth., 236—9; Совр. 1840, III, ст. Гроза, 82.

сидѣлъ дома и плѣлъ рыболовную сѣть, показались невдалекѣ асы; завидя ихъ, онъ бросилъ свою работу въ разведенный передъ нимъ огонь, а самъ въ видѣ рыбы скрылся въ водопадѣ. Асы вошли въ гору; мудрый Квасиръ узналъ по пеплу — чѣмъ занимался Локи, и рассказалъ про то асамъ; они тотчасъ принялись за подобную-же работу, изготовили сѣть и закинули ее въ воду. Торъ держалъ за одинъ конецъ, а остальные боги тянули за другой; Локи былъ пойманъ и осужденъ на заточеніе. По индѣйскому преданію Агни, нѣкогда скрывшійся въ воду, былъ преданъ рыбою, и тогда-же изрекъ на нее проклятіе, чтобы она вѣчно была преслѣдуема ловцами; а греки рассказывали о Гефестѣ, что сброшенный съ неба — онъ былъ принятъ богинями водъ Евриною и Фетидою, изъ которыхъ первая представлялась въ Аркадіи въ рыбьемъ образѣ ¹⁾.

Плодотворящая сила, принадлежащая весенней, дождевой тучѣ, составляетъ одно изъ существенныхъ свойствъ, соединяемыхъ со всѣми ея олицетвореніями; тою-же силою надѣлена и ижеическая рыба — тѣмъ болѣе, что въ самой дѣйствительности рыба не могла не обратить на себя вниманія своею необыкновенною плодучестью, обиліемъ бросаемой ею икры. Народныя сказки ²⁾ упоминаютъ о чудесной рыбѣ, дающей бытіе сказочнымъ богатырямъ. У царицы не было дѣтей, чтобы удовлетворить ея сердечному желанію имѣть сына, закидываютъ въ море шелковый неводъ, сплетенный мальчиками и дѣвочками — семилѣтками, и ловятъ рыбу, которой нѣрѣдко присвоится эпитетъ золотой. Рыба поймана, изготовлена на кухнѣ и съѣдена царицею; остатки обглаживаетъ кухарка, а помои выпиваетъ корова ³⁾, и отъ того самаго пошелъ онъ плодъ и одновременно родили трехъ сыновей: Ива-

¹⁾ Der Urspr. der Myth., 256, 270. — ²⁾ Н. Р. Сл., V, 54; VII, 3; VIII, 2; Ганъ, I, 22. — ³⁾ По другимъ вариантамъ: быкъ, кобыла, кошка или собака — зооморфическія олицетворенія тучъ.

на-царевича, Ивана-кухарченка и Ивана-коровьина сына; выросли три молодца и стали могучие богатыри: подвиги, совершаемые ими, указываютъ въ нихъ сказочныхъ представителей Перуна и его грозovýchъ спутниковъ. Въ сербскихъ пѣсняхъ ¹⁾ говорятъ королю вилы:

Да сакупи будимске девојке,
 Да донесе много сухо злато,
 Да саплете ону ситну мрежу,
 Ситну мрежу од сухога злата,
 Да је баци у тихо Дунаво,
 Да увати рибу златно крилу,
 Да јој узме оно десно крило,
 Опет рибу у воду да пусти,
 Ђрило да да госпоиѣ кра(ь)ици —
 Нек изеде оно десно крило,
 Иеднак ће му трудна заходити ²⁾.

Король послѣдовалъ совѣту вилъ, и королева родила ему змѣя (=демона громоносной тучи). Какъ сѣмя дождя, низведенное тучею на мать-сыру землю, зарождаетъ на ней обильные плоды, такъ съѣденная рыба оплодотворяетъ чрево бездѣтной жены и одаряетъ ее чадородіемъ; тоже самое свойство итальянская сказка ³⁾ приписываетъ сердцу морскаго змѣя (=дракона), а преданіе, общее для всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, —золотымъ яблокамъ, этимъ животворнымъ плодамъ древа-тучи (см. гл. XVII). Златопѣрая рыба замѣняется иногда плавающею по водамъ золотую го-

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 51—52, 61—62.— ²⁾ Переводъ: Пусть со беретъ король будимскихъ дѣвицъ, принесетъ много чистаго золота и сплететъ частую мрежу, частую мрежу изъ чистаго золота, пусть закинетъ сѣть въ тихій Дунай, поймаетъ златокрылую рыбу и возьметъ у ней правое крыло, рыбу да отпустить въ воду, а крыло отдастъ госпоиѣ-королеви: когда съѣстъ она правое крыло— тотчасъ забеременѣтъ.— ³⁾ Pentamerone, № 9.

ловою, а въ сказкѣ про «Надзея-попова внука» богатырь зарождается отъ пещла самостгорающей головы, сѣзденнаго неосторожною дѣвицею ¹⁾. Мнѣны — греческій о головѣ Медузы и скандинавскій о головѣ Мимира (т. I, 172, 403) свидѣтельствуютъ, что въ числѣ другихъ представленій грозвой тучи допускалось и представленіе ея отрубленной головою, точно также, какъ нѣмецкія саги сравниваютъ ее съ огненнымъ шаромъ или клубкомъ. Сгорая въ пламени молній, туча проливается оплодотворяющимъ дождемъ, а изъ пещла ея, или прямѣе изъ дождевыхъ паровъ снова собираются облака и нарождается богатырь-громовникъ. Чудесная рыба, исцѣляющая отъ неплодіа, напоминаетъ намъ сказочную щуку, съ помощію которой Емеля-дурачокъ творитъ все, что ему ни пожелается ²⁾. Пойманная дуракомъ, щука, въ уплату за свое освобожденіе, надѣляетъ его слѣдующимъ даромъ: стѣтъ только ему сказать: «по моему прошенью, по щучьему велѣнью, будь то и то!»—и въ ту же минуту все исполнится; въ любопытномъ вариантѣ сказки объ Емельѣ-дурачкѣ ³⁾ царевна тотчасъ забеременѣла, какъ скоро было выражено имъ подобное желаніе, скрѣпленное этою заветною формулою. Такой сверхъестественный даръ заставляетъ невольно вспомнить сказку о золотой рыбкѣ (царицѣ всѣхъ рыбъ), исполняющей различныя желанія старика, который изловилъ ее въ сѣти и потомъ отпустилъ въ море ⁴⁾; по всему вѣроятію, объ сказки возникли изъ одного общаго источника, и золотая рыбка тождественна съ могучею щукою ⁵⁾. Святочная подблюдная пѣсня

¹⁾ Н. Р. Ск., III, 10; сличъ съ преданіемъ о рожденіи Семена Безбатченка Палия—въ Основѣ 1861, XII, 29—30, и съ сербскимъ сказаніемъ—въ словарѣ Караджича, 808.— ²⁾ Н. Р. Ск., V, 55; Эрбенъ, 112—7.— ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 31; сб. Валянца, 233—4; Матер. для изуч. нар. слов., 20—22.— ⁴⁾ Н. Р. Ск., VIII, 15; VI, 29 и 68, а; Beiträge zur D. Myth., II, 411.— ⁵⁾ У Буна въ Märkische Sag., 273, роль золотой рыбки исполняется щукою. —

говорить о щуцъ серебряной, позолоченой, унизанной жемчугомъ и алмазами; слѣдовательно даетъ ей тѣже эпитеты, какими надѣлены и другія олицетворенія тучи, сверкающей золотистыми молніями (свиная-золотая щетинка, золотогривый конь и т. далѣе):

Шла щука изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Вялозера;
Какъ на щуцъ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая;
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена,
Какъ головка у щуки унизанная,
А намъсто глазъ — дорогой алмазъ.

Пѣсня сулитъ богатство ¹⁾). Эта сказочная рыба родственна съ скандинавскимъ карликомъ Андвари, который въ образѣ щуки поселился въ глубокомъ потокѣ и хранилъ тамъ великое сокровище; впоследствии сокровище это было извлечено изъ потока и сдѣлалось предметомъ кровавой вражды, составляющей содержаніе превосходныхъ пѣсень древней Эдды о Зигурдѣ и нѣмецкой поэмы о Нибелунгахъ ²⁾). Указанное родство преданій подтверждается свидѣтельствомъ нѣмецкой сказки, тождественной съ русскою объ Емелѣ-дуракѣ ³⁾); вмѣсто щуки здѣсь выведенъ карликъ — klein gtau tännlein. Однажды бѣдный мальчикъ, свинопасъ, стоялъ у колодца, размачивалъ черствый кусокъ хлѣба и завтракалъ; является къ нему сѣдой карликъ и проситъ хлѣба. У мальчика было доброе сердце, онъ охотно

¹⁾ Сахаров., I, 13.— ²⁾ Брошеннымъ камнемъ Локи убилъ Фае-нирова брата, когда тотъ въ образѣ выдры (otr) сидѣлъ у потока (выдра въ мнѣстескихъ сказаніяхъ тоже, что зміѣ—туча, см. гл. XX; камень—молнія). За это убійство боги должны были дать выкупъ, покрывши шкуру убитой выдры золотомъ (т. е. замѣнивъ облачные покровы солнечнымъ свѣтомъ). Тогда Локи отправляется къ мрачнымъ эльвамъ, схватываетъ карлика Андвари и принуждаетъ его выдать хранимое имъ сокровище—Der Urspr. der Myth., 258.—³⁾ Zeitsch. für D. M., I, 38—40.

исполнилъ его просьбу, и потомъ всякой разъ дѣлилъ съ нимъ свой скудный запасъ. Въ уплату за то карликъ награждалъ его чуднымъ даромъ: все, о чемъ онъ подумаетъ, или чего пожелаетъ, сейчасъ-же должно исполниться. Отсюда очевидна та близкая связь мненческой щуки съ карликомъ, какая условливалась естественною связью дождевой тучи и молніи, изъ которыхъ первая представлялась небеснымъ колодезю и рыбою, а послѣдняя—хитрымъ малюткою, обитающимъ въ нѣдрахъ тучи. Какъ вообще съ темными тучами, застилающими золото солнечныхъ лучей, соединялась мысль о захваченныхъ сокровищахъ или кладахъ, охраняемыхъ карлами, великанами и драконами; такъ и Андвари въ видѣ щуки стережетъ драгоценный кладъ, и наша златочешуйная щука предвѣщаетъ богатство. Поэтическое представленіе тучи рыбою и у насъ, и у итѣлцевъ сочеталось по преимуществу съ щукою; ибо хищный, прожорливый нравъ этой хорошо-знакомой имъ обитательницы водъ и ея острые зубы всего болѣе согласовались съ старинными возрѣніями, слѣдующимъ тучи представлялись существами хищническими, поѣдучими, а молніи — зубами (см. I, 771). Метафорическій языкъ загадокъ называетъ щукою: а) вихрь, дующій изъ тучи: «щука хвостомъ махнула — лѣсъ погнула» и б) блестящее лезвіе косы и серпа, подъ взмахомъ которыхъ падаютъ травы и колосья — точно также, какъ при бурномъ напорѣ вихря падаютъ деревья: «щука-бѣлуга (вар. рыба-бѣлужина) хвостомъ мигнула (т. е. блестящая—бѣлая коса сверкнула), лѣса (=травы) пали, горы (=копны и стога) встали»; «щука (=серпъ) прынетъ, весь лѣсъ (=нива) вынетъ»¹⁾. Народныя русскія сказки упо-

¹⁾ Этн. Сб., VI, 43, 70, 107. Любопытно, что загадка: „гробъ плыветь, въ немъ мертвецъ реветъ“, обыкновенно означающая грозовую тучу, въ некоторыхъ мѣстностяхъ разгадывается такъ: „она во чревъ китовомъ“ (ibid., 62); слѣдов. въ народѣ до сихъ поръ

минають о гигантской шукѣ, которая тянется черезъ все широкое море (=небо) мостомъ и проглатываетъ корабли съ товарами ¹⁾; иногда рыба эта замѣняется китомъ. Такъ въ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ ²⁾ герой, посланный на тотъ свѣтъ, долженъ переправиться черезъ синее море и переправу эту совершаетъ по киту-рыбѣ, который протянулся черезъ все море, а по немъ, словно по мосту, идутъ пѣшіе и ѣдутъ конные ³⁾. Гигантскую щуку знаютъ и литовцы ⁴⁾, и финны. Калевала сравниваетъ ея зубы съ граблями, а зѣвъ съ тремя водопадами; ладья Вейнемейнена (=корабль-облако) вѣзлась носомъ въ ея спину, но щука и не почувствовала удара; бесплодны были усилія дѣйствовать противъ нея оружіемъ— оно только тупилось о стальную чешую чудовищной рыбы. Въ той-же поэмѣ весенняя гроза изображается въ грандіозной картинѣ битвы между колоссальнымъ орломъ, представителемъ вѣтровъ и молній, и громадною щукою—тучею; при этой ожесточенной борьбѣ звучало небо, дрожали облака и радуга, воинственный лукъ бога Укко, распалась по-поламъ ⁵⁾. Между

инстинктивно чувствуется мѣсячная связь тучи съ великанскою рыбою; простолюдины называютъ кита—рыбою.— ¹⁾ Н. Р. Ск., I-II, 172—3.— ²⁾ Ibid., I, 13 и стр. 169.— ³⁾ Сравни въ стихѣ о Фодорѣ-Тиронѣ: „гой ты еси рыба-китъ! ставъ поперегъ синя моря“—Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 147; Калѣки Пер., III, 526.— ⁴⁾ Въ маріямпольскомъ уездѣ есть озеро, въ которомъ живетъ громадная щука Струкись; подъ ея властію находится вся озерная рыба, и отъ ея зоркихъ глазъ не можетъ укрыться даже самая мелкая плотица. Струкись постоянно бодрствуетъ, и только разъ въ году засыпаетъ, и то на короткое время— на одинъ часъ. Прежде она предавалась сну на Ивановскую ночь, но какой-то рыбакъ вдумалъ воспользоваться ея кратковременнымъ отдохновеніемъ, закинулъ въ озеро сѣти и наловилъ множество всякой рыбы; щука проснулась опрокинула рыбацкую лодку, и съ той поры (говорятъ) она стала мѣнять часъ своего отдыха, чтобы никто не могъ догадаться и воспользоваться ея сномъ—Семеньск., 42; Иллюстр. 1848, № 28.— ⁵⁾ Эманъ, 22; Der Ursprung der Myth., 240—1

ишнии крестьянами извѣстны суевѣрные примѣты и врачевныя средства, основа которыхъ должна корениться въ преданіяхъ о мнѣтической рыбѣ-тучѣ. Такъ по первой шукѣ, пойманной весной, поселяне дѣлаютъ заключенія о будущемъ урожаѣ лѣта: если икра въ шукѣ толще къ головѣ, то лучший урожай будетъ отъ раннихъ посѣвовъ, а если — къ хвосту, то отъ позднихъ посѣвовъ; икра ровная предвѣщаетъ посредственный урожай. Хребтовые кости шуки привѣшиваютъ къ воротамъ, какъ средство, предохраняющее отъ повальныхъ болѣзней ¹⁾; а щучьи зубы собираютъ и носятъ при себѣ, чтобы во время лѣта не укусила ни одна змѣя ²⁾. По мнѣнію бѣлоруссовъ: если передъ рыбакомъ плеснетъ хвостомъ шука, то онъ не проживетъ болѣе трехъ лѣтъ ³⁾.

Земля, по свидѣтельству старинныхъ памятниковъ, покоится на водахъ всесвѣтнаго (= воздушнаго) океана: «на водѣ,

Темное указаніе на подобное-же представленіе встрѣчаемъ въ стихѣ о Егоріи Храбомъ (Калѣки Пер., II, 427, 438, 453, 480; Лит. рус. литер., кн. II, 138):

А еще Егорій наѣзжаючи
И на тѣ врата Херсонскія,
И на тѣхъ вратахъ на Херсонскихъ
Сидитъ Черногонъ (или Черногарь)-птица,
Въ когтяхъ держитъ осетра-рыбу;
Свату Егорью не проѣхати.
Святой Егорій-свѣтъ глаголетъ:
„Ой ты еси, Черногонъ-птица!
Полети ты на синѣ море...“

Въ разныхъ вариантахъ птица эта называется: Ногай, Остраеицъ (=Стратий—см. I, 505) и даже великанъ-птица:

На вратахъ сидитъ великанъ-птица
Въ носѣ держитъ Севру-рыбу;
Когда Севръ-рыба пываротится,
Всѣ синія моря выскалужитси.

¹⁾ О. З. 1848, V, сѣвъ, 4.— ²⁾ Терещ., VII., 54.— ³⁾ Нар. сл. раз., 136.

яко-же на блюдѣ, простерта силою всеблагаго Бога; но какъ тучи, эти небесныя водохранилища, олицетворялись въ образѣ великанскихъ рыбъ, то отсюда возникло вѣрованіе, что земля основана на китахъ-рыбахъ. Между нашими просто-народьемъ существуетъ преданіе, что міръ стоитъ на спинѣ колоссальнаго кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земнаго круга, поводитъ хвостомъ—то бываетъ землетрясеніе (херсон. губ.). Иные утверждаютъ, что изстари подпорою земли служили четыре кита, что одинъ изъ нихъ умеръ, и смерть его была причиною всемірнаго потопа и другихъ переворотовъ во вселенной; когда же умрутъ и остальные три, въ то время наступитъ кончина міра. Землетрясеніе бываетъ отъ того, что киты, отлежавъ бока, повертываются на другую сторону. Рассказываютъ еще, что въ началѣ было семь китовъ; но когда земля отяжелѣла отъ грѣховъ человѣческихъ, то четыре ушли въ пучину эіопскую, а во дни Ноя и всѣ туда уходили—и потоку-то случился всеобщій потопъ ¹⁾). Подоб-

¹⁾ Иллюстр. 1846, 332—4; Абев., 199; Херсон. Г. В. 1852, 17; О. З. 1842, VI, ст. Мельникова, 51. Ходятъ въ народѣ и другія суевѣрныя сказанія: во 1-хъ, что земля держится на трехъ слонахъ, которые роются подъ нею, какъ кроты; прежде ихъ было больше, но нѣкоторые отжили свой вѣкъ, и земля донынѣ вырываетъ ихъ кости (такъ думаютъ о костяхъ мамонта). По индѣйскому вѣрованію, землю держатъ восемь слоновъ, и когда одинъ изъ нихъ, утомленный тяжелою ношею, потрясаетъ своей головою—тогда настаетъ землетрясеніе (D. Myth., 777). Во 2-хъ думаютъ, что земля опирается на четыре громадные столба; какъ скоро пошатнется одинъ изъ столбовъ, земля начинаетъ колебаться. Представленіе это, вѣроятно, стоитъ въ связи съ уподобленіемъ облаковъ и тучъ небеснымъ каменнымъ и металлическимъ постройкамъ (скальнымъ стѣнамъ). По словамъ Гомера, мѣдное (=свѣтлое) небо покоится на столбахъ; согласно съ этимъ, апокрифическая статья, известная подъ заглавіемъ „Святка божественныхъ книгъ“, говоритъ, что Господь основалъ хрустальное небо на семидесяти тысячахъ тысячъ желѣзныхъ столбовъ. Тоже читаемъ въ апокрифѣ о Макаріи

ныя преданія находимъ мы и въ стихѣ о голубиной книгѣ, и въ разныхъ апокрифическихъ сочиненіяхъ. «Китъ-рыба всѣмъ рыбаиъ мати» (сказано въ означенномъ стихѣ), потому что на трехъ китахъ утверждена земля и содержится вся вселенная:

Когда китъ-рыба потронется,
Тогда мать-земля всколебается,
Тогда бѣлый свѣтъ нашъ покончится ¹⁾.

Въ сербско-болгарской рукописи XV вѣка читаемъ: «да скажи ми: що дръжить землю? Рече: вода висока. Да що дръжить воду? Отвѣтъ: камень плосень вельми. Да що дръжить камень? Рече: камень дръжить 4 китове златы. Да что дръжить китове златы? Рече: рѣка огньная. Да что дръжить того огня? Рече: други огонь, еже есть пѣжечь, того огня 2 че(а)сти. Да что дръжить того огня? Рече: дубъ желѣзны, еже есть прьвопосаждень, отвѣсего же (егоже) короніе на силе божіей стоять.» Сербы до сихъ поръ убѣждены, что земля стоитъ на водѣ, вода на огню, а огонь «на

Рискомъ: „... да вию, гдѣ прилежитъ небо къ земли, якожь глаголютъ книги, яко на столпѣхъ желѣзныхъ стоитъ небо“ (Пам. отреч. лит., II, 67). Слѣды указаннаго вѣрованія встрѣчаются и въ народныхъ заговорахъ: „есть окіанъ-море желѣзное (=небо), а на томъ морѣ есть столбъ вѣдной“; „на морѣ-на окіанѣ, посередь моря благаго стоитъ вѣдной столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада“ (Сахаров., I, 22, 31). По свидѣтельству г. Веніамінова (Записки объ Ахтинскихъ алеутахъ и колошахъ, стр. 84), колоши также увѣрняютъ, что земля утверждена на огромномъ столбѣ, который поддерживается нижнею (т. е. подземною) старухою Аги-шаману, и не дѣлай она этого—земля давно бы опрокинулась и потонула въ морѣ. Когда Эль, творецъ огня и воды, раздраженный грѣхами рода человеческого, силится оттолкнуть старуху отъ столба—тогда происходитъ землетрясеніе—У сербовъ сохраняется преданіе, что земля „стоитъ на волу (о быкъ-тучь см. гл. XIII), на кад во мане ухом, онда се земл(ь)а затресе“—Срп. рјеченик, 312.— ¹⁾ Калѣни Пер., II, 368—9; Чт. О И. и Д., годъ 3, IX, 190.

змајогорчеву огњу» (на змѣиномъ, т. е. грозовомъ пламени). И дубъ, и рѣка огненная, и камень (скала)—все это древнѣйшія метафоры громоносныхъ тучъ. Въ «Бесѣдѣ трехъ святителей» сказано, что земля плавааетъ поверхъ великаго моря и основана на трехъ китахъ большихъ и на тридцати малыхъ: послѣдніе прикрываютъ собою тридцать оконцевъ морскихъ; а вокругъ моря поставлено желѣзное столпие. Емлютъ тѣ киты десятую часть райскаго благоуханія, и отъ того сыты бываютъ. Въ сказаніи Меодія Патарскаго о Ноѣ всемірный потопъ объясняется такъ: «повелѣ Богъ въ морѣ 30 китамъ отыти отъ мѣстъ своихъ — и поиде вода въ си (морскіе) оконцы на землю, иже о(т)ступила киты.» Наконецъ въ «Повѣсти града Іерусалима» читаемъ: «а рыбахъ мать кить-рыба великая; хакъ та рыба-кить възграетца и поидеть во глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе» ¹⁾. Основываясь на свидѣтельствахъ апокрифической литературы, обыкновенно думаютъ, что тѣ суевѣрныя представленія, какія равно встрѣчаются и въ «отреченныхъ» памятникахъ, и въ устахъ простолюдиновъ, проникли въ народъ путемъ книжнаго вліянія; но если принять во вниманіе, что представленія эти состоятъ въ тѣснѣйшей связи съ прочими несомнѣнно-народными вѣрованіями, то едва ли не слѣдуетъ заключить, что самыя апокрифы заимствовали свои басни изъ древнѣйшихъ языческихъ преданій, болѣе или менѣе общихъ всѣмъ индо-европейскимъ племенамъ.

Верховное божество весеннихъ грозъ пробуждаетъ природу отъ зимней смерти, даетъ ей жизнь, и тѣмъ самымъ создаетъ новый прекрасный міръ; міръ этотъ, съ окончаніемъ золотого вѣка (т. е. лѣта), попадаетъ подъ власть лютой зимы

¹⁾ Пам. отреч. лит., II, 436, 443; Пам. стар. рус. литер., III, 18; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 21; Ист. очер. рус. слов., I, 126, 463; Срп. рјечник, 212.

и ея демоническихъ силъ, и въ немъ водворяются зло, безвѣдіе и неправда. Тогда божество наказуетъ грѣшную землю потопомъ, очищаетъ ее въ шумныхъ потокахъ дождей и весенняго разлива рѣкъ, или разрушаетъ старый, одряхлѣвшій въ зимніе мѣсяцы міръ, который гибнетъ среди всеобщаго изводненія и пожара (т. е. въ дождевыхъ ливняхъ и грозовомъ пламени) и возрождается въ новой красѣ, какъ царство вѣчнаго блаженства (=благодатное лѣто). Такимъ образомъ и помы о сотвореніи міра, его кончинѣ и вселенскомъ потопѣ суть различныя поэтическія картины весенняго обновленія природы, представленія, возникшія изъ живописныхъ метафоръ древнѣйшаго языка. Во всѣхъ этихъ великихъ событіяхъ въ исторіи міроздавія дано участіе исполнскимъ китамъ, какъ представителямъ громоносныхъ тучъ. На ихъ хребтахъ утверждена созданная богами земля; съ ихъ существованіемъ нераздѣльно связаны и преданіе о потопѣ, и мысль о грядущемъ разрушеніи вселенной. Киты эти лежатъ въ огненной рѣкѣ (т. е. въ дождевыхъ потокахъ, пламенѣющихъ молніяхъ), питаются райскою пищею (=амритомъ) и залегаютъ собою къ подземнымъ ключамъ («морскія оконцы»), изъ открытыхъ отверстій которыхъ поднимаются воды всемірнаго потопа: это — ледяные источники, заключенные въ облачныхъ горахъ, которые позднѣе были отождествлены съ обыкновенными родниками, бьющими изъ нѣдръ земли¹⁾. Последняя подробность сближаетъ кита-рыбу съ шивецкимъ змѣемъ (звѣремъ-Индрою), о которомъ стихъ о голубиной книгѣ рассказываетъ, что онъ, двигаясь подъ землею, роетъ отдушины и пропускаетъ ручьи и проточины, рѣки и кладязи студеныя: «куда звѣрь пройдетъ —туда ключъ кипитъ» (см. гл. XX). По любо-

¹⁾ По индѣйскому преданію, Вишну воплощался въ рыбу, чтобы спасти отъ потопа избранную чету людей.

пытному варианту въ апокрифической Бесѣдѣ трехъ святителей, занесенному въ Соловецкій сборникъ: въ огненномъ морѣ, или огненной рѣкѣ живетъ великорыбіе — огнеродный китъ или змѣй Елеафанъ, на коемъ земля основана; изъ устъ его исходятъ громы пламеннаго огня, яко стрѣлено дѣло; изъ ноздрей его исходитъ духъ, яко вѣтръ бурный, воздымающій огнь геенскій. Въ послѣднія времена онъ задвигается, восколеблется—и потечетъ рѣка огненная, и настанетъ свѣту преставленіе ¹⁾. Движеніе и повороты баснословныхъ китовъ потрясаютъ землю ²⁾. Въ числѣ другихъ уподобленій облака и тучи представлялись горами и скалами, въ темныхъ вертепахъ которыхъ обитаютъ демоны, и богъ-громовникъ, разбивая тучи, потрясаетъ ихъ подземное царство (=адъ). При затѣнвѣніи дровиныхъ метафорическихъ выраженій—адъ, жилище демоническихъ духовъ, помѣщенъ былъ подъ землею, а богу лѣтнихъ грозъ приписана сила колебать настоящія горы и землю (см. т. I, 618). Скандинавская мѣтологія связываетъ землетрясенія съ судорожными движеніями Локи, а греческія сказанія—съ напряженными усиліями прикованнаго къ скалѣ Прометея и заключенныхъ подъ землею титановъ.

Идея всесвѣтнаго, воздушнаго океана для позднѣйшихъ индусовъ, позабывшихъ коренной смыслъ метафоры, слѣплась съ великими водами, омывающими земную поверхность. Все, что прежде сочеталось въ ихъ убѣжденіяхъ съ небеснымъ моремъ, въ послѣдствіи было перенесено на море нижнее, земное, и Варуна (=Ωδραυός), первоначально владыка неба, получилъ значеніе бога земныхъ водъ ³⁾. Та-же судьба постигаетъ и бо-

¹⁾ Щаповъ, стат. 13-я, 13.— ²⁾ Я. Гриммъ (D. Myth., 777) указываетъ на подобное-же повѣрье у японцевъ; при землетрясеніи они говорятъ: „опять верочается китъ подъ нашу землю“.— ³⁾ Die Götterwelt, 33, 58.

га-громовника; рождаась въ дождевыхъ тучахъ ¹⁾, онъ представлялся плавающимъ въ волнахъ воздушнаго океана, и потому назывался владыкою небесныхъ водъ или морскимъ даромъ. Совмѣстное употребленіе этихъ различныхъ именъ, выражающихъ разныя стороны одного и того-же явленія природы, — въ эпоху забвенія исходныхъ пунктовъ мнѣческаго возрѣнія послужило къ признанію отдѣльныхъ божественныхъ образовъ: единое божество раздробилось на два самостоятельныхъ лица, и рядомъ съ Зевсомъ (Перуномъ) появился Посейдонъ (Морской царь), которому, слѣдуя указанію присвоеннаго ему имени, приписана власть надъ всѣми водами, омывающими пространную землю. Сопровождающими его вихрями богъ-громовникъ также бороздитъ (волнуетъ) рѣки и моря, какъ и облачное небо. Подобно тому, какъ молніеносный Перунъ (= Агни) переходитъ въ божество огня и опредѣляетъ культъ этой стихіи, такъ Перунъ дождящій переходитъ въ властителя морей, рѣкъ, источниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ поклоненіе этимъ послѣднимъ. Мы уже знаемъ, что происхожденіе земнаго огня приписывалось нашими предками богу грозъ, который послалъ на землю небесное пламя въ видѣ низринутой молніи; точно также и вода была его священнымъ даромъ, пролитымъ съ высокаго неба на низменное жилище смертныхъ въ видѣ дождя. Падая дѣлу, заставляя прибывать воды источниковъ и производя новые ручьи, дождь сталъ разсматриваться, какъ тотъ первоначальный элементъ, изъ котораго создались всѣ земныя водохранилища. По русскому преданію, когда Богъ сотворилъ землю и вздумалъ наполнить ее морями, озерами, рѣками и ключами, тогда онъ

¹⁾ Санскритъ называетъ Индру и Агни сынами водъ—близнецами, рожденными въ дождевой тучѣ (Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 240). Въ нашихъ сказкахъ богатырь-громовникъ рождается въ бочкѣ (метафора тучи), плавающей по широкому морю.

повелѣтъ идти сильному дождю; въ тоже время онъ собралъ всѣхъ птицъ и приказалъ имъ помогать себѣ въ трудахъ, разнося воду въ назначенныя ей вѣстилица ¹⁾). Въ образѣ бьетрелѣтныхъ птицъ имѣе олицетворяетъ весеннія грозы, и какъ молніи и вѣтры приносятся различными птицами, такъ ими-же приносятся и вода въ дождливую пору первой весны, когда божество творитъ новый міръ на мѣсто стараго, обветшавшаго подъ холоднымъ дыханіемъ зимы. Гимны Ригъ-Веды приписываютъ птицамъ похищеніе изъ темныхъ затворовъ тучъ безсмертной сомы (=дожда). Въ зимніе мѣсяцы воды покоятся мертвыя, недвижныя, окованныя льдами, и только съ наступленіемъ весны онѣ оживаютъ, разливаются бурливыми волнами и получаютъ плодотворящія свойства. Живая вода весеннихъ дождей совпадаетъ въ народныхъ убѣжденіяхъ съ журчащими потоками весенняго полноводія, и созданіе той и другихъ равно присвоится Перуну. Русское преданіе о происхожденіи земныхъ водъ отъ дождя однозначительно съ слѣдующимъ имѣемъ, принадлежащимъ зендской отрасли: Ормуздъ сотворилъ священный источникъ Ардвизуръ, который въ числѣ ста тысячъ ручьевъ истекаетъ изъ небесной горы—тучи; воды этого источника низпали дождемъ на землю, а вѣтеръ Беграмъ раздѣлилъ ихъ на различныя во-

¹⁾ Всѣ птицы повиновались; только не послушалась одна малая птичка, которая летаетъ въ сухое время, жалобно чиркая: пи-пи! Она сказала Богу: „мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки; я и на камушкѣ напыюсь!“ Господь разгнѣвался и запретилъ ей и ея потомству приближаться къ рѣкамъ и озерамъ, а позволилъ утолять жажду единственно тою водою, которая остается послѣ дождя въ лужахъ и въ углубленіяхъ скалъ. Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка постоянно проситъ пить и пить—Терещ., V, 47. Чехи соединяютъ это повѣрье съ коршуномъ (*falco milvus*), который возгласомъ своимъ: пить-пить желаетъ вызвать дождь—Громаничъ, 66. Сличн съ литовскимъ разсказомъ о птицѣ канюкѣ—Черты литов. нар., 74.

доены ¹⁾). Величайшую из своих рѣкъ Гангъ (Gangâ) индѣйцы представляли нисходящею съ неба, по повелѣнію Шивы; самое названіе ея истоковъ, падающихъ съ высокихъ, заоблачныхъ вершинъ Гималая, коровьямъ рыломъ указываетъ на ея небесное происхожденіе, потому что въ образѣ коровы Веды олицетворяютъ дожденосную тучу. О Гангѣ существуетъ поэтическое сказаніе, какъ рѣка эта, запутавшись въ волосахъ Шивы (т. е. въ тучахъ) и сляясь пробиться между ними, нашлась съ воздушныхъ высей семью рукавами. Гангъ чтился индѣйцами, какъ божество; омыться въ его водахъ и чрезъ то очиститься отъ грѣховъ — непремѣнная обязанность для всякаго изъ нихъ; клятва его именемъ признается самою священною; отовсюду идутъ къ нему толпы поклонниковъ и вода его разносится по самымъ отдаленнымъ странамъ Индіи ²⁾). По свидѣтельству Гомера, рѣки, потоки и нимфы водныхъ источниковъ суть дѣти всесвѣтнаго Океана, т. е. облачнаго неба, посылающаго на землю дожди и росу. О рѣкѣ Ксанфѣ Гомеръ упоминаетъ, что она рождена Зевсомъ ³⁾). Индоевропейскія племена представляли тучи бочками (см. I, 581) и сосудами, наполненными дождевою влагою. Въ гимнѣ Ригъ-Веды, обращенномъ къ Парьянѣ, читаемъ: «подымай большую бадью, лей внизъ, да устремятся (изъ нея) разрѣшенныя воды!» Въ Германіи о проливномъ дождѣ выражаются: «es giesst mit mulden» ⁴⁾, на Руси: «какъ изъ ведра льетъ», «дощь иде, якъ вьдромъ илє», «дощь лє, якъ з' бочки» ⁵⁾. Чтобы пролился весенній дождь, взываютъ къ нему этими эпическими причитаніями: «иди, иди, дощѣку, цебромъ-ведромъ, дойницею надъ нашею пшеницею!» ил:

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1838, XI, 324.— ²⁾ Ibid., 1837, т. XV, стат. Луинна, 6—7.— ³⁾ Илиада, XXI, 1—2.— ⁴⁾ Кунъ, 174.— ⁵⁾ Новис., 13; см. также 1-й т. этого сочиненія, 433 и 571.

«ужь ты дождь—дождемъ, поливай ковшомъ на нашъ ячмень, на барской хмѣль» ¹⁾). Поэтому встрѣча съ человѣкомъ, несущимъ ведра, полная водою, предвѣщаетъ счастье и успѣхъ (тѣже предвѣщанія посылаетъ и дождь), и обратно пустыя ведра пророчать неудачу ²⁾). Пить изъ полного ведра почитается грѣхомъ ³⁾; кто ступитъ въ кругъ, оставшійся на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло ведро, у того по всему тѣлу пойдутъ лишай ⁴⁾; подобное-же наказаніе ожидаетъ и того, кто ступитъ на мѣсто, гдѣ зарѣзанъ козель (животное, посвященное Тору). Указанная метафора (туча—сосудъ, наполненный живою водою) породила мифъ о рогѣ изобилія (füllhorn), изъ котораго богиня весны рассыпаетъ на землю цвѣты и плоды, ибо въ старину турьи рога употреблялись какъ пиршественные кубки; славяне представляли Свитовита съ турьимъ рогомъ въ рукахъ и по вину, налитому въ этомъ рогѣ, гадали о будущемъ урожаѣ (т. I, 377). Согласно съ вѣрованіемъ въ небесное происхожденіе земныхъ водъ и съ древнѣйшимъ уподобленіемъ дождевыхъ тучъ сосудамъ, греки и римляне изображали рѣки изливающимися изъ урнъ или чашъ боговъ, богинь и нимфъ ⁵⁾). У славянъ, наравнѣ съ другими индоевропейскими племенами, наибольшимъ религіознымъ почетомъ пользуются родники (ключи, студенцы, криницы) и рѣки, вытекающія изъ горныхъ возвышенностей; имъ приписывается также святость и также чудотѣйственная сила, что и дождю. Подобно дождевымъ пото-

¹⁾ Терещ., V, 12—13.— ²⁾ Абев., 79; Херсон. Г. В. 1852, 17; Громанъ, 220. Принята эта извѣстна и между чувашами—Казан. Г. В. 1853, 10—29.— ³⁾ Ворон. Г. В. 1851, 14; Иллюстр. 1846, 984.—⁴⁾ Нар. сл. раз., 152—3.— ⁵⁾ D. Myth., 566. Такое изображеніе встрѣчается и на рисункахъ, украшающихъ наши старинныя рукописи (Ист. очер. рус. слов., II, 204—5); но сюда оно, вѣроятно, попало изъ византійскихъ источниковъ.

затъ, льющимся изъ облачныхъ скалъ и горъ, эти родники и рѣки пробиваются изъ живъ земли и расщелинъ обыкновенныхъ горъ, и то, что прежде соединяла народная вѣра съ перыми, впоследствии было перенесено на подземные и нагорные ключи. Объ этихъ источникахъ ходятъ въ народѣ сказанія, что они явились изъ земныхъ нѣдръ послѣ удара въ землю молніи, почему они и называются громовыми, гремичными и святыми. Нѣкоторые изъ нихъ, по народнымъ преданіямъ, потекли отъ удара огненныхъ стрѣлъ Ильи-пророка или изъ-подъ копытъ богатырскаго коня Ильи-Муромца (т. е. Перуна; см. I, 621); на подобные источники указываетъ и географическое названіе Конь-колодезь, встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. У германскихъ племенъ источники вблизи горъ, посвященныхъ Донару (Тору), также назывались «громовыми»¹⁾; у античныхъ же народовъ въ обрядахъ, совершаемыхъ въ честь богини Весты, употреблялась ключевая вода²⁾. Громовые родники и святыя колоды и озера во множествѣ извѣстны по разнымъ мѣстностямъ, обитаемымъ славянскими, литовскими и нѣмецкими племенами³⁾. Окрестные жители устраиваютъ надъ ними часовни съ иконами Спасителя, Богородицы и святыхъ, и совершаютъ туда крестные ходы, ббльшею частію во время засухъ — съ мольбою о дождѣ. Такъ какъ дождь есть даръ небесныхъ колодезевъ — лѣтнихъ тучъ, то, перенося это воззрѣніе

¹⁾ D. Myth, 153—5. — ²⁾ Прописан, IV, 28. — ³⁾ Свидѣтельства собраны у г. Снегирева—Рус. въ св. посл., IV, 97—101; см. еще Описаніе Шум. 65; Записки Общ. рус. и слав. археологін, I, отд. 4, 82; Владим. Г. В. 1848, 35; Рус. предан. Макарова, I, 32; II, 77—78; Р. И. Сб., VII, ст. Ходаковск., 303—6 и 146; ручьи Гремичій, Гремилецъ. О Мытищинскихъ ключахъ, снабжающихъ водою Москву, рассказываютъ, что они потекли отъ громоваго удара. На Украйнѣ говорятъ: „на божу воду (т. е. на колодець) земельки цобути“—Номис., 243.

на земные ключи, язычники издревле стали обращаться къ этимъ послѣднимъ съ просьбами о пролитіи дождя — обычай, до сихъ поръ удержавшійся въ массѣ простонародья. Въ любопытной вставкѣ, сдѣланной древнимъ переводчикомъ слова Григорія Богослова (XI вѣка), сказано: «овъ трѣбою сътвори (жертву приносить) на стоуденьци, дъжда искы (ища дождя) отъ него, забывъ, яко Богъ съ небесе дъждъ даеть» ¹⁾. Въ корсунскомъ уѣздѣ сибирской губ. во время засухи богомольныя старухи и дѣвицы поднимаютъ иконы, идутъ къ роднику и начинаютъ рыть возлѣ него землю; если имъ удастся дорыться до новаго источника, то это вѣрный знакъ, что въ скоромъ времени дождь ороситъ землю ²⁾. Въ воронежской губ. въ день Преполовенія старики и старухи ходятъ съ образами и священникомъ на хлѣбныя поля, и тамъ у каждаго колодца служатъ молебны ³⁾; въ другихъ губерніяхъ совершаютъ молебны на студенцахъ въ весенній Юрьевъ день ⁴⁾. Чехи въ засушливые годы ходятъ на поклоненіе къ источникамъ и молятся о дождѣ ⁵⁾. У кельтовъ было въ обычаѣ почерпать воду изъ священныхъ криниць и поливать ею камни, изъ которыхъ сложенъ колодець, дабы небо одождало землю ⁶⁾.

И славяне, и германцы съ обливаніемъ водою соединяютъ мысль о вызовѣ дождя. У сербовъ обрядъ этотъ, по описанію В. Караджича, совершается такъ: нѣсколько дѣвушекъ, во время лѣтней засухи, ходятъ по селу, поютъ и просятъ, чтобы пошелъ дождь («да удари кша»). Одна изъ нихъ снимаетъ съ себя одежду и голая обвязывается различными травами и цвѣтами, такъ что шъ-за нихъ совѣтъ не видать ея наготы: она называется додола. Затѣмъ дѣвушки обходятъ деревен-

¹⁾ Изв. Ак Н., IV, 310.— ²⁾ Газета „Москва“ 1867, 8.— ³⁾ Ворон. Г. В. 1851, 10.— ⁴⁾ Сахаров., II, 23.— ⁵⁾ Гриванъ, 49.— ⁶⁾ D. Myth., 561—2.

скія нѣбы; у каждой нѣбы становится онѣ въ рядъ и поють обрядовыя пѣсни, а передъ ними пляшетъ додола. Хозяйка дома или кто другой изъ семейства беретъ полный воды котелъ или ведро и выливаетъ на додолу, которая продолжаетъ плясать и вертѣться. Пѣсни додольскія содержатъ въ себѣ мольбу, чтобы Богъ послалъ дождь и оросилъ нивы, и за каждыиъ стихомъ слѣдуетъ припѣвъ: «oj додо, oj додоло!»

Молимо се виши(ь)ем Богу,
 Да удари росна виша,
 Да пороси наша пол(ь)а
 И шеницу-озимицу
 И два пера кукуруза.

Особенно интересна слѣдующая пѣсня:

Ми идемо преко села,
 А облаци преко неба.
 А ми брже, облак брже;
 Облаци нас претекоше,
 Жито, вино поросише.

Или, послѣ двухъ первыхъ стиховъ: «ми идемо преко села, а облаци преко неба», поють:

Из облака прстен паде,
 Ујагни га коловодѣ¹⁾

По нѣбнiю процес. Лавровскаго, додола представляетъ собою богиню Землю, еще невступившую въ брачный союзъ съ Небомъ и неоросненную плодотворнымъ сѣменемъ дождя; она проситъ этого союза, чтобы не быть бесплодною отъ засухи. «Понятно (замѣчаетъ г. Лавровскiй), что только дѣвица и можетъ быть представительницею въ такомъ состоянiи земля.

¹⁾ Срп. рјечник, 128; Срп. н. пјесме, I, 111—4. Переводъ: Мы идемъ черезъ село, а облака по небу; мы быстрѣе и облака быстрѣе. Облака насъ перегнали, жито, виноградъ оросили.—Изъ облака упалъ перстень, схватила его коловоджа (та, которая водить хороводъ).

Гоньба облаковъ за дѣвицами, желаніе послѣднихъ убѣжать превосходно изображаютъ первое столкновеніе невинности. Наконецъ облака перегоняютъ—и земля орошается дождемъ¹⁾. Замѣчаніе это справедливо только отчасти. Выше было указано (см. т. I, 137 — 8), что представленіе о плодородицѣ матери Землѣ еще въ глубочайшей древности сливалось съ прекраснымъ образомъ богини весеннихъ грозъ, какъ дарующей земные урожан, — и потому, по нашему мнѣнію, додола, одѣтая въ зелень и цвѣты и сопровождаемая толпою дѣвицъ, изображаетъ богиню весны или что тоже богиню-громовницу, шествующую надъ полями и нивами съ свитою полногрудыхъ нимфъ, за которыми стремительно гонятся въ шумѣ весенней грозы Перунъ и его спутники, настигаютъ ихъ разящими молніями (= фаллусомъ) и тѣмъ самымъ вступаютъ съ ними въ любовный союзъ. Облакъ въ сербскихъ пѣсняхъ служитъ метафорическимъ обозначеніемъ жениха. При засватаньи дѣвицы поютъ: «надви се (вьется) облакъ изнадъ джевојакъ; то не би облакъ изнадъ джевојакъ, већ добаръ јунакъ тражи (ищетъ) джевојакъ»; а когда женихъ собирается ѣхать за невѣстою, поютъ: «облакъ се вије по ведромъ небу, се леци Ракко (имя жениха) по беломъ двору»²⁾. Перстень, который падаетъ изъ облака и, по свидѣтельству пѣсни, схватывается доделюю (коловоджею), есть символъ брачныхъ узъ, обрученія богини съ тученоснымъ Перуномъ. Въ Малороссіи невѣста должна подать жениху чарку вина съ кольцомъ на длѣ³⁾. Въ народныхъ сказкахъ богъ-громовникъ похищаетъ себѣ въ жены мнѣческихъ красавицъ, унося ихъ на крыльяхъ вихри или тучи. Пляска додолы — тоже, что пляска грозовыхъ ду-

¹⁾ У. З. А. Н., VII, в 2, 16.— ²⁾ Потеби., 97.— ³⁾ Метлинск., 123. На Руси существуетъ обычай умываться дождевой илжучевој водою съ золотого и перѣдно съ обручальнаго кольца на здравіе и счастье.

юсть и нимфъ (I, 323); обливаніе ея водою указываетъ на тѣ
 ледяные источники, въ которыхъ купается богиня весны, а
 ядра, изъ которыхъ ее окачиваютъ, — на тѣ небесные сосу-
 ды, откуда проливается на землю благодатный дождь. Въ Дал-
 лацин мѣсто додоль-дѣвицы заступаетъ неженатый мѡлодецъ,
 котораго зовутъ прпац; товарищей его (все холостые парни)
 зыываютъ пр поруше; самый обрядъ существенно ничѣмъ не
 отличается отъ додольскаго: также одѣваютъ «коловоѣу» зе-
 ленью и цвѣтами, обливаютъ его передъ каждою избою и по-
 ютъ о испосланіи плодородія:

Прпоруше ходиле,
 Терем Бога молиле,
 Да нам даде книвицу,
 Да нам родя година —
 И шеница-бјелица,
 И винова лозица,
 И невјеста ѣетиѣа
 До првога Божиѣа ¹⁾.

Это участіе въ обрядѣ неженатыхъ юношей, по всему вѣроя-
 тию, также древне, какъ и участіе дѣвицъ. Прпац предста-
 вляетъ бога-громовника, какъ додоль — богиню-громовницу,
 что подтверждается слѣдующимъ обрядомъ, удѣлѣвшимъ у
 словенцевъ: праздноя возвратъ весны, они назначаютъ юношу,
 который долженъ представлять Зеленаго Егора (=св.
 Юрія, на котораго перенесены старинныя преданія о Перунѣ),
 убираютъ его березовыми вѣтками и купаютъ въ
 рѣкѣ (I, 706). Точно также въ Австрій и Баварій избира-
 ютъ на Троицынъ день молодаго парня, обвязываютъ его зе-
 леными вѣтвями и бросаютъ въ прудъ или рѣчку; этотъ из-
 бранный называется въ Баварій wasser-vogel (= грозояая
 птица, купающаяся въ дождевыхъ потокахъ ²⁾). Въ Болгарій,

¹⁾ Срп рјечникъ, 616—7.— ²⁾ D. Myth., 562.

во время засухи, собираются все обыватели деревни, выбирают дѣвushку не моложе и не старше пятнадцати лѣтъ, покрывают ее съ ногъ до головы орѣховыми вѣтками, разными цвѣтами и травами (лукомъ, чеснокомъ, зеленью картофеля и бобовъ, и пр.), и даютъ ей въ руки пучокъ цвѣтовъ. Дѣвushку эту болгары называютъ дюдюль (=додола?) или пепе руга — слово, которое означаетъ также бабочку, подобно тому, какъ серб. вјештица — не только вѣдьма, но и духъ, излетающій изъ нея въ видѣ мотылька, что свидѣтельствууетъ за тождество додолы-пеперуги съ облачными нимфами (вѣдьмами). Въ сопровожденіи дѣвицъ и юношей ходитъ пеперуга по домамъ; домохозяинъ встрѣчаетъ ее съ котломъ воды, поверхъ которой плаваютъ набросанные цвѣты, и обливаютъ желанную гостью при пѣніи слѣдующей обрядовой пѣсни:

Летѣла е пеперуга —
 Дай, Боже, дѣжд(д)ъ! —
 Отъ ораче на копаче...
 Да са роди жито, просо,
 Жито, просо и ченица ¹⁾).

Послѣ совершенія этого обряда, по общему убѣжденію, непременно будетъ дождь — если не въ тотъ-же день, то на слѣ-

¹⁾ Или (Миладин., 511):

Отлетала преперуга
 Отъ орача на орача,
 Отъ копача на копача,
 Отъ режача на режача,
 Да зароситъ ситна роса,
 Ситна роса берикетна (плодоносная)
 И по поле и по море,
 Да съ родитъ 'са берикетъ,
 'Са берикетъ, вино-жито,
 Ченици-те до греди-те
 Ячмени-те до стрѣи-те
 Лено'и-те до пояси,
 Уро'и-те до колена.

лучшій ¹⁾. У германцевъ было въ обычаѣ вызывать дождь таинственнымъ образомъ: молодыя дѣвушки одну изъ своихъ подружекъ, совершенно голую, вели къ ближайшему источнику или рѣкѣ и тамъ обливали ее; но прежде, чѣмъ совершалось это облитіе, она обязана была къ мизинцу правой ноги привязать *bilsenkraut* (*hyoscyamus*, бѣлена), сорванный мизинцемъ правой руки. Можно указать еще на новогреческій обычай: если отъ 14 до 20 дней не выпадаетъ дождя, то въ деревняхъ и небольшихъ городахъ дѣти выбираютъ изъ своей среды одного, лѣтъ восьми или десяти, обыкновенно бѣднаго сироту, раздѣваютъ его до-гола и убираютъ полевными цвѣтами: дитя это называется *πυρπηροῦνα*. Съ пѣснями водятъ его по городу или деревнѣ; хозяйка каждаго дома выливаетъ ему на голову ведро воды и даритъ мелкую монету ²⁾. Слово *додола* до сихъ поръ остается необъясненнымъ; серб. *прпоруша* (прнац) и болг. *пеперуга* (преперуга) очевидно тождественны ³⁾. Г. Потемня объясняетъ названіе *прпоруша*, сближая его съ словами: *прахъ* (пыль), чешск. *prch*, *prš*—*ждь*, *pršeti* — дождить (прыскать); звукъ *х* въ словѣ *прахъ* (*prch*) есть суффиксъ, слѣдовательно серб. *прпор* = *прна* — зола, песокъ представляетъ такое-же удвоеніе корня *пра* (*пръ*), какъ чешск. *prarolati* и старославян. глаголати корней *пла*, *гла* (*пла-мя*, *гла-съ*). Общія признаки, разво относимые и къ пыли, и къ дождю, — это ихъ мелкая дробность (малорус. *дрибенъ* дощъ, чешск. *drobný dešť*, *sítne pršetí*, серб. *ситна* киша, болг. *ситна* роса—частый дождь; *пръштити*—*праштити*, *пороштити* и *ижити*, *идти* мелкому дождю, какъ-бы сквозь сито), и та легкость, съ ко-

¹⁾ Каравел., 242—3.— ²⁾ D. Myth., 560—1.— ³⁾ У валаховъ слово это имѣнилось въ *paraluga*, какъ видно изъ пѣсни, которую поютъ дѣти во время засухи: „*Paraluga!* взойди на небо, отвори ворота и пошли сверху дождь, чтобы хорошо росли хлѣба“ (*ibidem*).

торую несутъ ихъ и разметають вѣтры. Принимая во вниманіе, что серб. *пирити* и чеш. *puřeti* означаютъ: дуть, должно заключить, что старо-славян. *пыро* — мукá (пырѣнѣ, пырянѣ — мучной, литов. *puřji* — пшеница, греч. *πυρός*, снск. *пуга*) и *пырынъ* — зола (≡прахъ) заключаютъ въ себѣ понятіе «легко-вздуваемаго» ¹⁾; *пурга* — сильная метель, собственно: запорашивающая вьюга; *пурить* — мочиться, т. е. испускать мелкія, подобныя дождю капли. Отсюда, во первыхъ, возникло уподобленіе дождя и снѣга (≡пороши) — мучной пыли (I, 291), и во вторыхъ, падающія капли дождя стали сближаться съ зерновымъ хлѣбомъ, естменнющимъ поля (I, 572), и съ мужскимъ сѣменемъ, которымъ Небо оплодотворяетъ Землю. По указанію этихъ данныхъ, *поруша* значитъ: орошенная дождемъ, осыпанная его благодатнымъ сѣменемъ ²⁾. Въ народныхъ обрядахъ посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ вполне соотвѣтствуетъ обливанію водою: послѣ вѣнца, молодыхъ обыкновенно осыпаютъ овсомъ, житомъ и ячменемъ не только для того, чтобы они вели жизнь богатую и счастливую, но и съ тѣмъ, чтобы небо благословило ихъ чадородіемъ; тѣже примѣты даетъ и дождь, оросившій новобрачную чету въ первый день свадьбы (см. гл. XXIX). На Руси неизвѣстенъ обрядъ хожденія додола; но существуетъ обыкновеніе, близкое къ этому обряду: на второй день Пасхи, на разсвѣтѣ, парни обливають дѣвицъ, а тѣ въ свою очередь обливають парней во вторникъ ³⁾; кто на свѣтлый праздникъ просыпáлъ заутреню, того въ старину окачивали холодною водою или заставляли искупаться въ рѣкѣ, противъ

¹⁾ Точно такъ, какъ пухъ имѣетъ корнемъ *pu*—дуть. — ²⁾ По-теби., 100; Ч. О. И. и Д. 1866, II, ст. Лавровск., 20. — ³⁾ Тоже дѣлаютъ и словаки; чехи, при первомъ весеннемъ выгонѣ стада въ поле, обливають водою коровницъ, чтобы коровы давали обильное молоко (коровы≡тучи, молоко≡дождь) — Громаничъ, 136.

чего издавъ былъ 17 апрѣля 1721 года запретительный указъ, въ которомъ читаемъ: «въ Россійскомъ государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ происходитъ отъ невѣждъ некоторое непотребство, а именно: во всю свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, такового, аки-бы штрафуя, обливають водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ купать». Обливанье бываетъ и на Красную Горку и въ Оминъ поведѣльничъ, слѣдов. при началѣ весны. Объ этомъ обычаѣ упоминають Густинская лѣтопись, Синописецъ Гизеля и Бонинъ въ своемъ «Описаніи Украйны». Во время лѣтней засухи поселяне наши совершаютъ крестный ходъ къ ключевой криницѣ, и послѣ молебствія и мущины и женщины обливають другъ друга водою, думая чрезъ это вызвать дождь; въ курской губ. при долгомъ бездождіи бабы собираются къ рѣкѣ, хватають проходящихъ мимо и бросаютъ въ воду или по крайней мѣрѣ обливають ихъ съ головы до ногъ, что въ тамошнихъ мѣстахъ называется дѣлать мокрины ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще недавно, вслѣдъ за молебствіемъ отъ засухи, признавали необходимымъ выкупать приходскаго пона, чтобы дождь оросилъ нивы ²⁾.

Подъ вліяніемъ указанныхъ нами воззрѣній, водѣ были приписаны тѣже чудесныя свойства, какія присвоились весеннему дождю, а именно: а) сила плодородія. Въ грозѣ древній человекъ видѣлъ брачный союзъ бога-громовника съ облачною, дожденосною дѣвою, а въ этомъ союзѣ — источникъ земныхъ урожаевъ. Изводя немецкое представленіе на землю, народъ ставитъ возлѣ князя (царя) Огня княгиню (царицу) Воду; первый — символъ небснаго пла-

¹⁾ Сахаров., II, 76; Ворон. Бес., 194; Этн. Сб., II, 52; V, 85; Иллюстр. 1846, 172; Терещ., VI, 110; Рус. Бес. 1856, I, 70.— ²⁾ Очерки 1863, 32.

мени (жолніи), вторая — дожда. Названія князь и княгиня, по первоначальному своему значенію, доселѣ удержавшеся въ простонародномъ обыкновеніи чествовать этими именами жениха и невѣсту, прямо указываютъ на то супружеское сочатаніе, въ какомъ являлись поэтической фантазіи огонь и вода ¹⁾. Къ родникамъ и криницамъ, какъ уже было сказано, издревле обращались съ мольбою о дождѣ: отъ нихъ слѣдовательно ожидали и просили изобилія плодовъ земныхъ; крестные ходы на засѣянные пашни и совершаемыя тамъ общественныя молебствія сопровождаются окропленіемъ полей святою водою ²⁾. Передъ постѣвомъ крестьяне выходятъ по утру къ студенцамъ, черпаютъ ключевую воду и смачиваютъ ею заготовленные сѣмена; другіе же смачиваютъ зѣрна рѣчною водою въ продолженіе трехъ утреннихъ зорь, съ надеждою на несомнѣнный урожай ³⁾. Эту плодородящую силу воды народное вѣрованіе распространяло и на человека, что свидѣлствуется старинными свадебными обрядами (см. I, 458). Начальный лѣтописецъ говоритъ объ умычкѣ невѣсты у воды ⁴⁾. «И се слышахомъ, читаемъ въ Правилѣ митрополита Кирилла (конца XIII стол.), въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти, или то проклинати повелѣваемъ» ⁵⁾. Въ витебской губ., въ люнецкомъ уѣздѣ, есть большое озеро, почитаемое у раскольниковъ священнымъ; холостые парни, похищая дѣвушекъ, объѣзжаютъ съ ними вокругъ озера три раза, и этотъ обрядъ считается за дѣйствительное вступленіе въ бракъ ⁶⁾. Между чехами сохраняется повѣрье, что самый вѣрный союзъ — тотъ, который заключается надъ колодцемъ ⁷⁾.

¹⁾ Р. И. Сб., III, ст. Ходаков., 199.— ²⁾ Цебриков., 277.— ³⁾ Сахаров., II, 23.— ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 6.— ⁵⁾ Оп. Румян. Муз., 321.— ⁶⁾ Терещ., II, 28.— ⁷⁾ Срезнев., 23. Такъ какъ супружескіе узы

б) Сила цѣлебная, очистительная. Какъ живая вода весеннихъ дождей просвѣтляетъ туманное небо, возрождаетъ природу, и потому принимается за божественный напитокъ, прогоняющій демоновъ, дарующій красоту, молодость, здоровье и крѣпость мышцъ; такъ тѣже животворныя свойства соединяють народныя вѣрованія и вообще съ водою—тѣмъ болѣе, что она дѣйствительно обладаетъ свойствомъ освѣжать тѣло и возстановлять утомленныя силы. И огонь, и вода — стихіимъ свѣтлыя, нетерпящія ничего нечистаго: первый не жигаетъ, а вторая смываетъ и топитъ всякія напасти злыхъ духовъ, къ сонму которыхъ причислялись въ старину и болѣзни. Рядомъ съ окуриваніемъ больного, перенесеніемъ его черезъ пылающій костеръ, высканіемъ искръ надъ болячками и тому подобными средствами, народная медицина употребляетъ обливаніе водою, омовеніе, взбрызгиванье, сопровождая все это заклятіями на болѣзнь, чтобы она покинула человѣка или животное и удалась въ пустынный мѣста ада. По преимуществу лѣчебныя свойства приписываются ключевой водѣ. Родники и колодцы, глубоко-чтимые за свою цѣлительность, извѣстны во всѣхъ славянскихъ и нѣмецкихъ земляхъ. Въ Германіи ихъ называютъ jungbrunnen и heilbrunnen — дающіе юность и здравіе; по народному убѣжденію, вода ихъ стягиваетъ и заживляетъ раны; это болѣею частію минеральныя (горячіе, соленые и кислые) источники, знакомые еще римлянамъ. Съ цѣлю лѣчить недуги омовеніемъ, нѣмецкіе поселяне идутъ предъ восходомъ солнца и почерпаютъ воду изъ трехъ бьющихъ ключей—въ сосудъ, передъ которымъ ставится возженная свѣча. Въ Люфляндіи есть священный источникъ (Wöhbanda);

сваивались у воды, то и разорвать ихъ (развестись) можно было, по самодѣтельству Барберини, не иначе, какъ надъ проточной водою.

въ лѣсу, гдѣ онъ течеть, никто не смѣетъ срубить дерево или отломить вѣтку; воды его всегда чисты, и что бы ни было въ нихъ брошено—тотчасъ-же возстаеъ непогода ¹⁾). Въ Сербіи, въ первые дни послѣ новолунія («на младу недѣлю»), ходять больные къ родникамъ,купаются въ нихъ и пьютъ воду ²⁾); лужичане и чехи также знаютъ источники, помогающіе людямъ и животнымъ отъ чаръ и болѣзней; въ Богеміи устраиваются надъ ними часовни, и больные, черпая воду, обращаются къ священному источнику съ такою мольбою:

Daj Bůh dobrý den, vodičko!
 Krista Pána křtitelničko!
 Beru si tě k pomoci,
 V této mojí nemoci;
 Ty zahániš všecky čáry,
 Trháš ³⁾ kovy, hory, skály,
 A to všecko tvou mocí.

Иные оставляютъ здѣсь штуку холста, что напоминаетъ намъ жертвенные дары, приносимые бѣлоруссами русалкамъ, таинственнымъ обитательницамъ водъ ⁴⁾). На Руси отъ болѣзней, приписываемыхъ сглазу, рано на утренней зорѣ отправляются къ ключу, зачерпываютъ воду по теченію, закрываютъ посудину и возвращаются домой молча и не оглядываясь; потомъ кладутъ въ принесенную воду одинъ или три горячихъ угля, частичку печины (печной глины), щепоть соли, и взбрызгиваютъ ею больнаго, или обливаютъ его по два раза въ сутки на зорѣ утренней и вечерней, съ приговоромъ: «съ гуся вода, съ лебедя вода — съ тебя худоба!» ⁵⁾). Иногда даютъ больному испить этой воды, смачиваютъ ею грудь про-

¹⁾ D. Myth., 552.—3, 565.— ²⁾ Срп. рјечникъ, 562.— ³⁾ Разрываетъ.— ⁴⁾ Sagenbuch der Lausitz, Гаупта. I, 248; Громанъ, 47—48.— ⁵⁾ О. З., т. LVII, 50; Послов. Даля, 836; Ворон. Лнт. Сб., 385. Подобный обрядъ совершается и у другихъ славянъ — см. Илича, 110; Громанъ, 155—6; Чешск. пѣсни Эрбена, 510.

тивъ сердца, и затѣмъ все, что останется въ чашкѣ, выливаютъ подъ притолку ¹⁾. Въ заговорахъ, произносимыхъ надъ водою, находимъ слѣдующія указанія: «пошла я въ чисто поле, взяла чашу брачную, почерпнула воды изъ загорнаго студеица»; «звѣзды мои ясныя! сойдите въ чашу брачную, а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца»; «умываю я краснудѣвицу (имярекъ) изъ загорнаго студенца ключевой водою, стираю я съ красной дѣвицы всѣ узоры и съ призораками» ²⁾. Цѣлебная сила присвоится водѣ, взятой изъ нагорнаго источника, какъ эмблемѣ дождя, ниспадающаго изъ горы-тучи; вода эта, по народному выраженію, должна быть непитая, неотвѣданная, ибо она назначается не для обычныхъ нуждъ человѣка, а на дѣло религіозное (см. выше стр. 18); черпаютъ ее на утренней зорѣ, потому что утро—метафора всеоживляющей весны: оно прогоняетъ демоновъ ночнаго мрака, и воды земныхъ источниковъ превращаетъ въ чудодѣйственную амриту; печина и горячія угля указываютъ на связь воды—дождя съ огнемъ—молніей. Вѣсто горячихъ углейъ, пользуются и другими символическими знаменіями бога-громовника. Такъ отъ испуга взбрызгиваютъ и окачиваютъ водою, въ которой былъ выкупанъ пѣтухъ—птица, посвященная Перуну и домашнему очагу (Агни); нерѣдко въ воду, назначенную для омовенія больного, кладутъ громовую стрѣлку ³⁾, или обращаясь къ иконамъ и читая заговоръ, знахарь беретъ налитую воду и нѣсколько разъ перерѣзываетъ ее накрестъ остріемъ ножа ⁴⁾; въ Малороссіи на «Водохрещи» умы-

¹⁾ Сахаров., 50—53; Записки Авдѣев., 134.— ²⁾ Сахаров., I, 19, 24, 32.— ³⁾ Тоже у хорутанъ—сб. Валавца, 247.— ⁴⁾ Болгары на Крещеніе заставляютъ дѣтей прыгать черезъ сѣкиру и кропать ихъ освященною водою — Милединов., 523.

заяются отъ коросты водою, въ которую положена красная калйна; сверхъ того, повсюду въ обычаѣ пить наговорную воду и умываться ею съ серебра и золота, т. е. погружая въ чашу серебряную монету или золотое кольцо: такое умыванье спасаетъ отъ удара молніи ¹⁾. Въ замѣнъ громовой стрѣлки, кашубы бросаютъ въ воду три раскаленные въ печи камня и потомъ три раза или трижды три (девять разъ) обливаютъ большое мѣсто ²⁾. Красная калйна — эмблема Перуновой вѣтки (см. гл. XVIII), а серебро и золото — блеска молніеносныхъ стрѣлъ. При раскатахъ перваго весенняго грома вода, по народному повѣрью, получаетъ живительныя свойства, и потому въ эту благодатную пору всѣ — и большіе, и малые — спѣшатъ къ криницамъ и умываются на счастье и здравіе. Очевидно, что горячіе уголья, громовыя стрѣлки, раскаленные камни, острый ножъ, пѣтухъ, вѣтка калйны, серебро и золото въ исчисленныхъ нами обрядахъ имѣютъ значеніе, равносмыльное удару весенней грозы. Нѣмцы считаютъ купанье въ источникахъ наиболѣе действительнымъ, если оно совершается въ четвергъ — день, посвященный Донару; въ тотъ-же день, передъ восходомъ солнца, бросаютъ они въ воду мелкую монету и промываютъ ею больные глаза ³⁾. Въ новгородскомъ Кремлѣ у часовни, возлѣ старинныхъ Псковскихъ воротъ, бьетъ родникъ, къ которому донынѣ приходятъ страдающіе лихорадкою на утренней зорѣ и обливаются водою ⁴⁾. По другимъ мѣстностямъ русскаго царства обращаются за помощію къ святымъ полюдцамъ не только отъ лихорадки, но и вообще отъ всякихъ болѣзней.

¹⁾ Карман. книжка для любит. земледѣл., 318—9; Записки Авдѣев., 138; Сахаров., II, 83; Ч. О. И. и Д., годъ 1-й, II, 21; Нонис., 161.—

²⁾ Этн. Сб., V, 79.— ³⁾ Die Götterwelt, 197.— ⁴⁾ Москв. 1853, XI, внутр. изв., 66.

Въ веронезской губ. водятъ больныхъ къ родникамъ; туда-же везятъ матери и своихъ хворыхъ дѣтей. Явившись къ колодедю, снимаютъ съ больного рубашку и вѣшаютъ на одномъ изъ растущихъ подлѣ деревьевъ, потомъ окачиваютъ его холодной водою и надѣваютъ ему чистое бѣлье. Иные только умываются, и вытершись принесенною тряпичею, вѣшаютъ ее у колодца на деревѣ. Крестьяне убѣждены, что какъ скоро истлѣетъ оставленная ими тряпича или сорочка — вѣстѣ съ тѣмъ сгинетъ и самая болѣзнь ¹⁾. Отъ сухотки купаютъ дѣтей въ водѣ, почерпнутой изъ девяти колодецевъ, и затѣмъ воспыають золою, собранною изъ семи печей ²⁾. Въ моголевской губ., въ случаѣ трудной болѣзни, крестьяне ставятъ возлѣ родника крестъ ³⁾.

Цѣлебная сила воды преимущественно обнаруживается весной, когда рѣки и источники сбрасываютъ съ себя ледяныя цѣпи, снѣгъ претворяется въ скачущіе по оврагамъ ручьи и небо отпираетъ свои дождевыя хранилища, словомъ когда міръ божій омывается живою водою. На послѣдней водѣлѣ великаго поста крестьяне наши собираютъ по полямъ чистый снѣгъ, топятъ его въ горшкахъ, солятъ четверговою солью ⁴⁾, и приготовленною такимъ образомъ водою обливаютъ рано по утру домашній скотъ, для предохраненія отъ болѣзней: вода эта заиѣняетъ собою дождь, такъ какъ она добывается изъ снѣга, посылаемаго на землю небесными тучами. Весенній снѣгъ, выпавшій въ мартѣ-мѣсяцѣ, пользуется особеннымъ авторитетомъ въ народной медицинѣ; добытою изъ него водою не только лѣчатъ большихъ, но и

¹⁾ Моск. Наблюдат. 1827, ч. XII, 505; Рус. Бес. 1856, I, 63; Сахаров., II, 36; Ворон. Г. В. 1851, 12; Владим. Г. В. 1852, 25, 28; Иллюстр. 1846, 648; О. З. 1848, т. LVI, снѣзь, 203; Этн. Сб., I, 68—69.— ²⁾ Сахаров., I, 53.— ³⁾ Моголев. Г. В. 1851, 5.— ⁴⁾ Т. е. освященною въ четвергъ страстной недѣли.

сверхъ того окропляютъ ульи и плодовые деревья, чтобы лучше роялись пчелы и чтобы червь не нападалъ на сады (орловск. губ.). Въ чистый четвергъ купаются отъ чесотки и другихъ кожныхъ сыпей; здоровые же обливаютъ себя и своихъ лошадей холодной водою, или купаются въ прудахъ и рѣкахъ передъ восходомъ солнца, чтобы не касались ихъ болѣзни въ теченіе всего слѣдующаго года ¹⁾. У чеховъ вода, почерпнутая въ пятницу (= день Фрей) страстной недѣли, при солнечномъ восходѣ, называется тихою и почитается наиболѣе цѣлительною; на разсвѣтѣ этого дня приходять къ рѣкамъ и источникамъ и погружаются въ волны для излѣченія отъ сыпей и лихорадки; нѣкоторые становятся на берегу на колѣни, умываются водою, читаютъ разныя молитвы и слѣдующее заклятіе:

Vitam tebe svatě boži Velkonocě!
 Zachovej mě ode vši zle nemocě,
 Zimnice, psotnice, žloutenice,
 Těž od padoucí nemocě ²⁾.

Для малолѣтнихъ дѣтей матери приносятъ воду домой, ставятъ ихъ на колѣни посреди двора, заставляютъ молиться Богу, и сотворивъ надъ ними омовеніе, выливаютъ остатки воды въ тѣже источники, изъ которыхъ она почерпнута. Тогда же купаютъ и лошадей, съ увѣренностью, что это предохранитъ ихъ отъ кусающихъ мухъ, отъ подлума и разныхъ болестей. Чтобы прогнать съ лица веснушки, надо умыться въ страстную субботу при первомъ ударѣ въ колоколъ (=символь грома). Въ полночь на Воскресеніе Хри-

¹⁾ Сахаров., II, 96; Молодик. 1844, 103; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 101; Полтав. Г. В. 1845, 15; Рус. Предан. Макарова, I, 27.—²⁾ Переводъ: Привѣтствую тебя, святое божее Христово Воскресеніе! охраняй меня отъ всякой злой немочи — отъ лихорадки, роднища, желтухи и падучей.

ство собираются на берега Эльбы, преклоняют колѣна, молятся и черпаютъ воду, которая дѣлается въ этотъ часъ тиха и свѣтла, какъ кристалъ, и налитая въ сосуды остается свѣжею въ продолженіе цѣлаго года. Рядомъ съ этимъ должно поставить другое повѣрье, что въ полночь 1-го мая воды превращаются въ вино, т. е. дыханіе весны претворяетъ ихъ въ животворный нектаръ. По нѣмецкому повѣрью, чудо это совершается въ ночь на Воскресеніе Христово (I, 378). Вода, почерпнутая наканунѣ Пасхи и 1-го мая, очищаетъ тѣло отъ шелудей и служитъ самымъ спасительнымъ лѣкарствомъ для людей и домашней скотины ¹⁾. Обычай обливанія на Свѣтлой недѣлѣ, кромѣ указаннаго выше назначенія вызывать дожди, принимается и за врачебное средство. Въ Германіи въ первый день Пасхи черпаютъ воду при солнечномъ восходѣ и думаютъ, что она никогда не портится, даетъ молодость, прогоняетъ недуги и берегаетъ приплодъ стада; на другой день юноши и дѣвцы отправляются за водою къ горнымъ источникамъ и бросаютъ въ нихъ цвѣты ²⁾. Лужичане на этотъ праздникъ взбрызгиваютъ и обливаютъ свой скотъ. Наши простолюдины убѣждены, что лошади отъ ключевой воды добрѣютъ и не боятся лизаго глаза, и потому въ извѣстные дни, посвященные памяти ихъ святыхъ патроновъ, водятъ лошадей къ источникамъ и поятъ еъ серебра ³⁾. Больнаго коня знахарь spryskivaetъ нашептанною водою, обходя вокругъ его нѣсколько разъ и привязывая въ стойлѣ пучки разнаго зелья. При скотскихъ падежахъ переправляютъ стада черезъ проточную воду и служатъ шолобенъ св. Власію (астрахан. губ.). Такія цѣлебныя свойства въ эпоху христіанства стали соединять съ водою, освя-

¹⁾ Громаниъ, 44—46.— ²⁾ D. Myth., 552—3.— ³⁾ О вл. христ. на сл. яз., 18; Сахаров., II, 47, 49; Терещ., VI. 53.

шенною по церковному уставу; потому вода богоявленская или крещенская пользуется въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. Многіе хранятъ ее до новаго года—на случай болѣзней, окропляютъ ею дома и лѣтвы и увѣряютъ, что она не пергит-ся; не смотря на трескучіе морозы (6-го января), больныхъ погружаютъ иногда въ прорубь іордани; почерпнутой оттуда водою умываютъ хворыхъ младенцевъ, а снятыя съ нихъ сорочки и пеленки бросаютъ въ іордань, чтобы выѣсть съ этими покровами уплыла и самая болѣзнь (арзамас. уѣзда). О водѣ, вытальной изъ крещенскаго свѣга, думаютъ, что она можетъ лѣчить судороги, головокруженіе, ошѣненіе въ ногахъ и другіе недуги, и влитая въ колодець — дѣлаетъ его незыскаемымъ въ продолженіи цѣлаго лѣта, хотя бы не выпало ни единой капли дождя ¹⁾). Тѣми-же живительными свойствами обладаетъ вода и въ праздникъ Купалы, т. е. 24 іюня, въ день Іоанна-Крестителя. Христіанское воззрѣніе на святую воду, которою въ таинствѣ крещенія омывается ветхій грѣхъ, слилось въ умахъ непроевѣщеннаго народа съ повѣрьями, наслѣдованными отъ стариннаго язычества. Въ дни солнечныхъ поворотовъ на Коляду и Купалу славяне-язычники чествовали творческіе подвиги дождящаго и дѣрующаго урожая Перуна; при зимнемъ поворотѣ онъ возжигалъ свѣтильникъ солнца, а въ знойную пору лѣтняго поворота погашалъ его губительный жаръ въ потокахъ дождя (см. гл. XXVIII). Преданіе о живой водѣ небесныхъ колодецевъ, отпираемыхъ молніями Перуна, было перенесено на земные источники, и чехи, наравнѣ съ иѣмцами, рассказываютъ, что въ ночь на Рождество Христово воды превращаются въ вино — точно также, какъ превращаются онѣ на праздникъ весны. Вода, освященная на Срѣтенье (2-го февраля), при-

¹⁾ Сахаров., II, 5; D. Myth., 552.

живется равносильною крещенской, потому что это — день встречи зимы съ дѣтоиъ ¹⁾. 1-го августа, когда бываетъ крестный ходъ на рѣки для водосвятія, тотчасъ — послѣ погруженія креста въ іордань—одержимые недугами окунаются по нѣскольку разъ въ воду; въ тоже время купаютъ и больныхъ дѣтой. Вліяніе христіанства обнаруживается еще въ обычаѣ увотреблять, вмѣсто лѣкарства, воду, слитую съ благословенной родительской иконы, съ крестиковъ, приносимыхъ изъ Іерусалима, съ жертвеннаго конія и освященной просвиры, или воду, смѣшанную съ херувимскимъ ладономъ (т. е. съ ладаномъ, которымъ кадили во время херувимскаго пѣнія ²⁾).

Гимны Ригъ-Веды обращаются къ водѣ, какъ къ стихіи божественной, заключающей въ себѣ амриту и цѣлительныя лѣкарства ³⁾. Убѣжденіе это такъ глубоко проникло въ среду славянскаго племени, что малороссы до сихъ поръ, поздравляя новобрачную, говорятъ ей: «будь здорова, якъ вода!» а въ Вербное воскресенье, ударяя другъ друга освященной вѣткою, причитываютъ: «будь высокъ, якъ верба, а здоровъ, якъ вода!» ⁴⁾ Вода смываетъ (=очищаетъ) призоры и хворости и уноситъ ихъ своею волною, почему ключевую воду, назначаемую на врачеваніе больнаго, берутъ по теченію, а не противъ. Въ заговорахъ читаемъ слѣдующія воззванія: «матушка вода! обмываешь ты круты берега, желты пески, бѣль-горючъ камень своей быстриной и золотой струей. Обмой-ка ты съ раба божія (имярекъ) все хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу; понеси-ка (ихъ), матушка быстра рѣка, своей быстриной-золотой струей въ чистое поле, зимнее (синее?) море, за топучія грязи, за зыбу-

¹⁾ Киев. Г. В. 1850, 18.— ²⁾ Ворон. Г. В. 1851, 12 — ³⁾ Orient and Occid., годъ 1, 1, 32.— ⁴⁾ Потебн., 69.

чїя болота, за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ». ¹⁾ — «Матушка святая водица, родная сестрица! бѣжишь ты по пенькамъ, по колодамъ, по лузямъ, по болотамъ, и бѣжишь чисто, непорочно; сними съ раба божья (имя) всякія болѣзни и скорби» ²⁾. — «Очищаешь ты, вода явленная, и луга, и берега, и середину; очищай ты, вода явленная, моего новорожденнаго (младенца) отъ призора подуманна и погаданна» ³⁾. Какъ стихія, смывающая все нечистое, злое, демонское, вода, наравнѣ съ огнемъ-просвѣтителемъ, признана была за вѣрнѣйшее средство внутренняго, духовнаго очищенія отъ грѣховъ. Вотъ — основа тѣхъ священныхъ «омовеній», какія предписываются уставами почти всѣхъ древнѣйшихъ религій. Въ гимнахъ Ведъ вода призывается дать исцѣленіе тѣлу отъ болѣзней, а душѣ отъ язвы грѣховъ. Передъ дверями храма греки и римляне ставили сосудъ, наполненный водою, въ которую опускалась пылающая головня, взятая съ алтаря боговъ; всякой, кто желалъ приблизиться къ святилищу и принести жертву, долженъ былъ напередъ очиститься, и потому жрецъ омокалъ въ воду лавровую вѣтку и окроплялъ ею всѣхъ входящихъ во храмъ; мѣста, оскверненныя преступленіемъ, также очищались водою. По нашимъ преданіямъ, всякой мольбѣ, всякому обращенію къ божествамъ должно было предшествовать омовеніе; заговоры обыкновенно начинаются этою формулою: «иду я рабъ божій въ чистое поле, становлюсь на востокъ краснаго солнца, умываюсь росю или ключевой водою» ⁴⁾. Передъ семейною трапезою,

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 51.— ²⁾ Совр. 1856, XI, сивсь, 5.— ³⁾ Пассек., II, сивсь, 19—20; Этн. Сб., VI, библ. указат., 7: въ заговорѣ отъ лихорадки говорится, чтобы болѣзнь эта отстала и плыла вдоль по рѣкѣ.— ⁴⁾ Между евреями существуетъ повѣрье, что ночью на рукахъ человѣка покоится нечистый духъ, и потому, пробуждаясь отъ сна, должно умывать

которая въ отдаленной древности совершалась при домашнемъ чагѣ и сопровождалась приношеніемъ жертвъ родовымъ пелатамъ, крестьяне (преимущественно — старовѣры) умываютъ руки и творятъ молитву ¹⁾; обычай этотъ соблюдается и между сербами ²⁾. Кто проспигъ заутреню на Свѣтло-Христово Воскресеніе и въ другіе большіе праздники, тѣхъ обливаютъ водою; а кто ридлся на Святкахъ, надѣвалъ на себя запрещенныя церковью «бѣсовскія личины», тотъ долженъ окунуться въ крещенскую прорубь и смыть съ себя этотъ великій грѣхъ ³⁾. Вблизи Соловецкаго монастыря есть святое озеро, и набожные престолюдины ни за что не рѣшаются вступить въ обитель — прежде, нежели искупаются въ его чистыхъ водахъ ⁴⁾. Когда умираетъ кто-нибудь въ семьѣ, родичи ставятъ возлѣ него полную чашу воды — для того, чтобы душа, по выходѣ своемъ изъ тѣла, могла тотчасъ-же омыться и явилась бы передъ небснаго судію чистою и непорочною ⁵⁾. Согласно съ поэтическимъ уподобленіемъ дождя и росы слѣзамъ, эти послѣднія получаютъ въ народныхъ сказаніяхъ ту же очистительную силу, что и священныя воды: одинъ мельникъ продалъ свою дочь дьяволу; когда пришло время расчета, дѣвушка умыла руки и осталась спокойною. Явился дьяволъ, но не въ состояніи былъ къ ней приблизиться; съ гнѣвомъ приказалъ онъ мельнику: «унеси всю воду, чтобы не могла она умываться!» Мельникъ исполнилъ приказаніе. На другое утро снова явился чортъ, но по прежнему безъ успѣха; потому что дѣвушка прослезилась на руки — и

пхъ; въ опредѣленные дни они приходятъ на мостъ, и обращаясь лицомъ въ ту сторону, куда течетъ рѣка, стряхаютъ съ себя грѣхи въ воду—Обряды еврейск., 8—11, 178.— ¹⁾ Рус. въ св. посл., II, 140.— ²⁾ Срп. рјечник, 360.— ³⁾ О. З. 1821, IX, 96; 1848, V, ст. Хаританова, 12; Сахаров., II, 75; Абев., 262.— ⁴⁾ О. З. 1829, ч. XXXVII, 63—64.— ⁵⁾ Духъ Христіанина 1861—2, XII, 269.

онѣ были совершенно чисты ¹⁾. Съ этимъ древне-поэтическимъ представленіемъ позднѣ соединилась мысль о слезахъ покаянія, очищающихъ грѣшника.

с) Сила вѣщая. Живая вода небесныхъ колодезь — амрита, по сказаніямъ индоевропейскихъ племенъ, надѣляетъ дарами высшей мудрости и предвидѣнія. Униваясь ею, боги и дѣвы судьбы вѣдаютъ все прошедшее, настоящее, будущее, и нарекаютъ свои непреложные приговоры, чему быть и не быть. Отъ небесныхъ родниковъ, текущихъ въ царствѣ безсмертныхъ владыкъ, эта вѣщая сила была перенесена на земные источники, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникли гаданія и судъ божій водою. На «щедрыи вечеръ» (наканунѣ Нового года), когда, по народному повѣрью, отпирается рай (=заоблачное небо), чехи ходятъ къ студенцамъ, чтобы въ ихъ свѣтломъ зеркалѣ высмотрѣть, что предопредѣлено божественною волею, и узнать, какая именно судьба ожидаетъ ихъ въ теченіи грядущаго года ²⁾. У насъ же во время Святوکъ ходятъ дѣвцы въ лунныя ночи къ проруби, садятся на воловью шкуру (=эмблема облачнаго покрова, см. I, 688) и смотрятъ въ воду, съ надеждою увидать въ ней своихъ суженыхъ ³⁾. Въ одной старинной пѣснѣ, которую поютъ въ подольской губ. подъ Межибожьемъ, вдова, жена и дѣвица вопрошаютъ кривлицу, и та даетъ имъ отвѣтъ, какъ оракулъ ⁴⁾. На Троицу и Семикъ незамужнія поселянки плетутъ зеленые вѣтки (символъ брачнаго союза) и бросаютъ ихъ въ рѣки и ручьи: чей вѣтчокъ поплыветъ по теченію — той судить онъ скорое замужество, чей закружится на одномъ мѣстѣ — у той свадьба разстроится, а чей потонетъ — ту ожидаетъ смерть или безбрачная жизнь ⁵⁾. Иногда, вмѣсто вѣткочъ, кидаютъ въ воду тѣ вѣтки и цвѣты, съ которыми слушали на Троицынѣ

¹⁾ Сказ. Грим., 31.— ²⁾ Ганушъ, 23.— ³⁾ Сахаров., I, 69.— ⁴⁾ Рус. прост. прзд., I, 136—7.— ⁵⁾ Сахаров., II, 86—87.

день обѣдню. У болгаръ и хорватовъ вѣнки, бросаемыя въ рѣки, готовятся изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ ¹⁾; у чеховъ гадаютъ вѣнками юноши и дѣвицы — первые о томъ, женятся ли они, а вторыя — выйдутъ ли замужъ? а старики дѣлаютъ изъ зеленыхъ вѣтокъ кресты: чей крестъ потонетъ, тотъ умретъ въ продолженіи года ²⁾. Точно также если при крещеніи младенца воскъ съ его волосами плаваетъ въ купели, то новорожденный будетъ долголѣтенъ, а если потонетъ, то ему суждено скоро умереть. ³⁾ Въ среду на первой недѣлѣ великаго поста ходятъ на Руси къ родникамъ и рѣчкамъ, прислушиваются—какъ шумитъ вода, и по ея шуму заключаютъ о будущемъ лѣтѣ; если вода шумитъ, какъ мельничный жорновъ, то ожидаютъ лѣтомъ большихъ грозъ: повѣрье, стоящее въ связи съ тѣмъ громовымъ жорновомъ, на которомъ разтѣзжаетъ по небу Перунъ (I, 291). 30-го ноября прислушиваются у рѣкъ, озеръ и колодцевъ, и по шуму и тишинѣ воды заключаютъ о предстоящей зимѣ: будетъ ли она тихая (умѣренная) или суровая, съ бурями и сильными морозами; а въ августѣ (10-го числа) примѣчаютъ колебаніе водъ, и по этому судятъ о характерѣ будущей осени и зимы: если гладь воды не колышется вѣтрами, то осень будетъ тихая, а зима — немятельная ⁴⁾. Греки и германцы гадали по журчанію ручьевъ, по гулу водопадовъ, рѣчныхъ стреминъ и водоворотовъ; свѣтлый и обильный водами источникъ предвѣщалъ счастье, мутный сулилъ бѣду, а иссохшій — го-

¹⁾ Срезнев., 20.— ²⁾ Громанъ, 49. Обычай бросать въ воду вѣнки соблюдался и римлянами — Проппен, IV, 29.— ³⁾ Сравни у Вольфа (Beiträge zur D. Myth., II, 187 и 372): „man legt das hemdchen des kranken Kindes aufs Wasser; sinkt es, dann ist das Kind verloren, bleibt es oben schwimmen, dann ist Genesung möglich, nur muss man ihm dann das hemdchen nass anziehen.“— ⁴⁾ Сахаров., II, 48, 67, 95.

рестную утрату ¹⁾). Наибольше распространенное на Руси и у болгар гаданіе совершается на Рождественскіе Святки слѣдующимъ образомъ: приносятъ чашу ключевой воды, кладутъ въ нее кусочекъ хлѣба, щепоть соли, уголь и нѣсколько золы, собираютъ у присутствующихъ кольца и другія мелкія металлическія вещи, и опустивъ ихъ въ воду, самую чашу покрываютъ бѣлымъ платомъ. Послѣ того начинаютъ пѣть подблюдныя пѣсни, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ краткое предзнаменованіе будущаго. Вслѣдъ за возглашенною пѣснію вынимается на угадъ одна изъ погруженныхъ въ воду металлическихъ вещей, и тотъ, кому она принадлежитъ, принимаетъ слова подблюдной пѣсни за вѣщій, божественный приговоръ, или какъ выражается постоянно-повторяемый припѣвъ: «кому вынется, тому сбудется, скоро сбудется — не минуется!» ²⁾ Уголь и зола, какъ знаменія бога Агни, придаютъ ключевой водѣ священное значеніе амриты, а хлѣбъ-соль сообщаетъ ей животворящія свойства дождя, который поить нивы и даетъ человѣку насущную пищу; кашли его, какъ мы видѣли, уподоблялись хлѣбнымъ стѣнамъ. Всякое гаданіе есть собственно допросъ обоженныхъ стихій: кому какая назначена судьба, на чью долю какой долженъ выпасть жребій? Опускаемая въ воду кольца и вещи суть жребіи гадающихъ (см. гл. XXV).

Богъ-громовникъ былъ карателемъ злыхъ демоновъ, людскаго нечестія и неправды; своими пламенными стрѣлами онъ поражалъ грѣшниковъ и обидчиковъ. Какъ бросатель молній, онъ былъ признанъ владыкою огня; какъ низводитель дождей — владыкою земныхъ водъ. Вместе съ этимъ и огонь и вода получили въ глазахъ язычниковъ священный авторитетъ и ничѣмъ неотразимую силу обличать и наказывать ложь. Пото-

¹⁾ D. Myth., 1069—1070; Моск. Наблюдат. 1837, XI, 533.— ²⁾ Сахаров., II, книга 3-я; Показалецъ Раковского, 5.

ну отдаваться на судъ этихъ свѣтлыхъ, правдивыхъ стихій представлялось имъ дѣломъ религіознаго долга и самымъ яркимъ средствомъ для раскрытія истины. Судебное испытаніе огнемъ и водою составляетъ общее достояніе не только арійскихъ, но и многихъ другихъ народовъ ¹⁾. Въ средніе вѣка оно господствовало всюду въ Европѣ, подъ именемъ божіихъ судовъ и ордалій (Gottes urtheil, Gottes gericht, dei iudicium, divinum iudicium, ordâl). Католическая церковь приняла эти суды въ свое завѣдываніе, и вмѣсто древнихъ жрецовъ — христіанское духовенство стало призывать Бога, защитника невинности и метителя неправды, къ рѣшенію сомнительныхъ спорныхъ дѣлъ, освящать орудія испытаній и хранить ихъ при церквахъ. По изслѣдованіямъ Я. Гримма, тотъ, кто доказывалъ преступленіе или желалъ очиститься отъ изведеннаго на него подозрѣнія, долженъ былъ: а) продержатъ нѣсколько времени на огнѣ голую руку, или б) пройти въ одной рубашкѣ черезъ зажженный костеръ, с) взять голыми руками кусокъ раскаленнаго желѣза и пронести его нѣсколько шаговъ или бросить черезъ извѣстное пространство (judicium ferri candentis); d) раскаляя и еще девять сошниковъ, клали ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, и заподозрѣнный обязанъ былъ пройти по нимъ босыми ногами. Если затѣмъ обнаруживались на тѣлѣ обжоги — это служило доказательствомъ виновности, и обратно при отсутствіи обжоговъ лицо, подвергнутое испытанію, признавалось невиннымъ. Испытаніе водою было двухъ видовъ: а) кипятокъ (judicium aquae calidae vel ferventis) и б) холодной водою (judicium aquae frigidae). Въ первомъ случаѣ надо было опустить голую руку въ котель, наполненный го-

¹⁾ Кромѣ индусовъ, персовъ, кельтовъ, грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ, оно было извѣстно въ Тибетѣ, Японіи, у разныхъ племенъ западной Африки и евреевъ (см. Кн. числъ, V, 19—28).

рячею водою, и достать брошенное въ него кольцо или камень. Второй способъ употреблялся преимущественно для обличенія вѣдьмъ; женщинъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ, связывали веревками и бросали въ рѣку; если онѣ плавали поверхъ воды, то считались виновными, а если погружались на дно—то невинными: первыхъ подвергали наказанію, а послѣднихъ отпускали на свободу. Гримишъ объясняетъ это древнѣйшимъ воззрѣніемъ на воду, какъ на элементъ священный, чистый, непріемлющій въ себя нечестивцевъ; но такое объясненіе ослабляется другими свидѣтельствами, по которымъ погруженіе испытуемаго въ воду принималось за знакъ виновности, а плаваніе поверхъ воды вело къ оправданію ¹⁾. Вода могла карать преступниковъ потопленіемъ и потомъ извергать ихъ трупы; относительно же вѣдьмъ существуетъ повѣрье, что онѣ не тонуть въ водѣ, и основа этого повѣрья скрывается въ ихъ первоначальномъ стихійномъ значеніи (см. гл. XXVI). Испытаніе горячимъ желѣзомъ и водою было въ старину у всѣхъ славянскихъ племенъ, и слѣды его даже донинѣ сохраняются въ Болгаріи, Сербіи и Далмаціи. По словамъ Вука Караджича: если на кого-нибудь скажутъ, что онъ укралъ, а обвиняемый станетъ отрекаться, то наливаютъ полный котелъ горячей воды, кладутъ въ него кусокъ раскаленнаго желѣза или камень, и тотъ, кого заподозрѣли въ воровствѣ, долженъ засучить рукава и вынуть изъ воды желѣзо или камень обѣими руками; если онъ правъ—то ни за что не обожжется, въ случаѣ же дѣйствительнаго участія его въ воровствѣ—на рукахъ будутъ ожоги ²⁾. Въ древне-чешской пѣснѣ, известной подъ именемъ «Суда Любуши», находится знаменательное свидѣтельство о судѣ божіемъ огнемъ и водою:

¹⁾ „Schwimmt er darüber off dem wasser, so ist er unschuldig, fellt er aber unter—so ist er schuldig“—D. Rechtsalter., 908—926.—²⁾ Срп. рјечник, 341; О символическѣ права, Колмыкова, 74.

когда братья Кленовичи заспорили о наследствѣ и княжна Любуша, собираясь разсудить ихъ «по закону вѣчножизненныхъ боговъ», вступила на отній златъ столъ, то при ней были

дѣвъ вѣгласнѣ дѣвъ,
 изоученѣ вѣщѣбамъ витязевымъ;
 оу в'д'ношъ сѣтъ дѣскы правьдодатѣвы,
 оу в'торыжъ мечь кривды каражи;
 противъ има пламы правьдовъзвѣстнѣ,
 и подъ нима святоцоудьна нода.

Дѣвы вѣгласныя ¹⁾, изученныя вѣщѣбамъ, суть вѣщія служительницы при неугасимомъ огнѣ Перуна; онѣ являются съ священными атрибутами судебной власти: съ досками правдопытными, на которыхъ начертаны законы, и съ мечемъ-карателемъ кривды, символомъ бога-громовника и его разящихъ молній (см. т. I, 260); онѣ собираютъ и голоса въ народныхъ собраніяхъ ²⁾; передъ ними горитъ пламя, повѣдающее правду, (*plamen pravdozuesten*) и стоитъ вода очищенія—*voda suatc-sudna*, которая смываетъ всякое несправедное подозрѣніе и очищаетъ невиннаго отъ ложныхъ обвиненій: *sudna* отъ *sud*—чистота, *cúdití*—очищать, *cudaí-sudъ* ³⁾). Княжна Любуша, очевидно, соединяетъ въ своихъ рукахъ власть правительственную и судебную вмѣстѣ съ религіозною; это доказывается и ея бѣлою одеждою, и присвоеннымъ ей даромъ предвѣщаній. «Рядъ права земскаго», памятникъ чешскихъ законовъ второй половины XIV столѣтія, свидѣтельствуешь, что судъ божій водою и желѣзомъ существо-

¹⁾ У Нестора: невѣгласи—непросвѣщенные вѣроу.— ²⁾ Приб. къ Изв. Аж. Н 1452 года, 19, 21; Слово о полку, изд. Грамматина, 16, 32.— ³⁾ О вл. христ. на сл. яз., 136; Пикте, II: 455: санскр. *çâs-ti, çish-ti*—наказаніе, исправленіе, уставъ (*çâs*—*regere, jubere, docere, punire, id-çâs*—*purificare*), *çâsta r*—правитель, *çâstra*—законъ, лат. *castus*—чистый, невинный, непорочный, *castigo*—наказываю, ирлан. *céasa*—наказаніе, и проч.

валъ въ это время еще въ полной силѣ. По жалобѣ на завладѣніе недвижимымъ имуществомъ, если обѣ стороны подтверждали свои показанія присягою, то истецъ долженъ былъ идти въ глубь рѣки, а отвѣтникъ слѣдовать за нимъ на разстояніи трехъ шаговъ; если истецъ начиналъ тонуть, то отвѣтникъ могъ воротиться и объявлялся оправданнымъ; наоборотъ—если истецъ переходилъ рѣку, а отвѣтникъ подвергался опасности утонуть, то этотъ послѣдній терялъ жизнь и имущество; если же оба счастливо достигали берега, то отвѣтникъ освобождался отъ иска. Испытаніе желѣзомъ было высшею степенью божьего суда и допускалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ, какъ наприм. ночное нападеніе на домъ. Подсудимый обязанъ былъ простоять известное время на раскаленномъ желѣзѣ (обыкновенно употреблялась для этого желѣзная часть плуга), или до тѣхъ поръ держать на немъ два пальца, пока произнесетъ присягу въ доказательство своей невинности; если онъ отнималъ пальцы отъ желѣза прежде, чѣмъ окончена присяга, то обвинялся и терялъ жизнь. По сербскому законнику царя Душана (XIV столѣт.), тотъ, кто отдавался на божью правду, долженъ былъ сунуть въ раскаленный котелъ руку, или выхватить желѣзо изъ огня, разведеннаго при дверяхъ храма, и отнести его на алтарь ¹⁾. У насъ, по свидѣтельству Русской Правды, также было судебное испытаніе желѣзомъ ²⁾, и хотя форма этого испытанія не объяснена, но безъ сомнѣнія она была такая же, какъ у другихъ славянъ и германцевъ. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава съ Ригю и Готскимъ берегомъ 1229 года

¹⁾ „Сравненіе законовъ царя Стефана Душана сербскаго съ древнѣйш. земск. постановл. чеховъ“, соч. Палацкаго—въ Ч. О. Н. и Д., годъ 1, II, 25—26; Древнее право чеховъ, ст. Иванішева—въ Ж. М. Н. П. 1841, т. XXX, 139.— ²⁾ Предвар. юрид. свѣд. для поля. объясненія Русск. Правды, соч. Н. Калачова, статьи 118—9, 141.

испытаніе желѣзомъ, въ тяжбахъ русскихъ съ нѣмцами, могло быть допускаемо только по обоюдному согласію спорящихъ сторонъ: «роусиноу не вѣсти латинина ко желѣзоу горячепоу, аже самъ въсхочетъ; а латининоу тако роусина не вѣсти, аже самъ въсхочете» ¹⁾. Народныя пословицы и повѣрья до сихъ поръ сохраняютъ воспоминаніе о божьихъ судахъ: «Богъ всякую неправду сыщеть», «виноватаго Богъ (или рокъ) найдетъ», «правда не втонетъ у водѣ и не згоритъ у огнѣ»; выраженіе: «вывести кого на свѣжую воду» означаетъ: уличить во лжи, въ неправдѣ ²⁾. Чтобы узнать виноватаго, въ деревняхъ прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: созываютъ всѣхъ заподозрѣнныхъ и раздаютъ имъ по рукамъ зажженныя лучины одинаковой мѣры; чья лучина горитъ скорѣе, тотъ и виноватъ. Съ цѣлію изобличить вора, заставляютъ его цѣловать въ дуло заряженного ружья ³⁾; а бабъ, обвиняемыхъ въ колдовствѣ, бросаютъ въ прудъ или рѣку: если она плаваешь поверхъ воды—то признается злою вѣдьмою, если же тонетъ—то на нее взвели напраслину. Многъ представляютъ бога-громовника кузнецомъ и пахаремъ; раскаленное желѣзо, сошникъ и камень—символическія знаменія его молній, заряженное ружье—позднѣйшая замѣна Перуновой стрѣлы или палицы, кипучая вода равносильна водѣ небесныхъ источниковъ, приготовляемой въ грозовомъ пламени.

Одна изъ любопытнѣйшихъ формъ божьего суда—бросаніе въ воду жребія. Старинная пѣсня рассказываетъ: сгорѣвшилъ богатый купецъ Садко, не давалъ жертвъ Морскому Царю (=Океану), и вотъ остановился его корабль посреди моря широкаго и съ мѣста не тронется. Надо узнать виновата-

¹⁾ Собр. гос. грам. и догов., II, № 1.— ²⁾ Послов. Далн, 3, 5, 194; Старосв. Бандур., 199.— ³⁾ Абев., 77.

таго — кто оскорбилъ божество? ради кого постигла бѣда неминучая? Промолвилъ Садко корабельщикамъ:

въ мѣсто всё вы собирайтесь,
А и рѣзте жеребья вы валжены,
А и всякъ-то пиши на имена,
И бросайте вы ихъ въ синѣ море:
Которые бы поверху плывуть,
А и тѣ бы душеньки правыя;
Что которые-то въ морѣ тонуть,
А мы тѣхъ спихнемъ во синѣ море.

Въ другой разъ велитъ Садко рѣзать жеребья ветляные: чей будетъ сверху плавать—тотъ согрѣшилъ, а чьи потонуть—тѣ «душеньки правыя». Оба раза жребій указалъ на хозяина корабля: его жребій валженный потонулъ, а ветляный по водѣ поплылъ ¹⁾. Тотъ-же мотивъ встрѣчаемъ и въ народной русской сказкѣ ²⁾ и въ шведской пѣснѣ о Геръ-Педерѣ ³⁾. Нѣмец. loos—жребій на сѣверѣ употребляется въ значеніи вѣтки; замѣтимъ, что въ числѣ различныхъ уподобленій молніи она представлялась и древесною вѣткою или лозою (donnergutte, см. гл. XVIII). Согласно съ этимъ значеніемъ жеребьевыхъ прутиковъ, они могли быть замѣняемы горячими угольями. При гѣченіи наговорною водою, принято бросать въ нее красные уголья, пересчитывая имена знакомыхъ лицъ; на чьемъ имени потонетъ уголь, того и обвиняютъ въ порчѣ или сглазѣ больнаго ⁴⁾. Въ подновленномъ видѣ обрядъ, описанный въ пѣснѣ о богатомъ купцѣ Садкѣ, существуетъ и донынѣ: когда понадобится узнать, кто виноватъ въ кражѣ или иномъ проступкѣ, простолюдины берутъ чашу воды и бросаютъ въ нее свѣрнутыя записки съ

¹⁾ Кирша Дан., 337—9.— ²⁾ Н. Р. Сж., V, 31.— ³⁾ Пѣсни разн. народ., въ переводѣ Берга, 435.— ⁴⁾ Тоже соблюдается между хорутанами—сб. Валявца, 248.

обозначенными на нихъ именами домашнихъ и знакомыхъ; чья записка выпрыгнетъ изъ чаши, тотъ и виновать ¹⁾. Такимъ образомъ сама священная стихія (вода) призывается дать отвѣтъ потопленіемъ или поднятіемъ жребія.

Шумный плескъ, вѣчное движеніе и стремительные разливы водъ, заставляющіе видѣть въ нихъ нѣчто живое и могучее, паденіе воды съ небесъ въ видѣ дождя, росы и снѣга, ея плодотворная сила и участіе во всѣхъ отправленіяхъ жизни— все вело къ обоготворенію этой стихіи. Вѣруя въ ея небесное происхожденіе, перенося старинныя представленія о тученосицѣ небѣ и дождевыхъ источникахъ на океанъ-море, рѣки, озера и криницы, фантазія отдала эти послѣднія въ завѣдываніе богамъ, духамъ и нимфамъ, въ которыхъ олицетвореніе земныхъ водъ сочеталось съ преданіями о владыкахъ весеннихъ грозъ и ливней. Греческій Ποσειδών (древнія формы: лорійск. Ποσειδᾶς, іон. Ποσειδῶν и Ποσειδῆς; корень тотъ-же, что и въ словахъ: πόντος, , ποτίζω, ποταμός ²⁾), верховный властитель всѣхъ водъ, изображался сѣдовласымъ старцемъ; онъ живетъ въ глубинѣ моря—въ славномъ дворцѣ, и Гомеръ называетъ его земледержцемъ и колебателемъ земли: эпитеты, указывающіе въ немъ воплощеніе всесвѣтнаго океана и божество, родственное Зевсу, грома котораго потрясаютъ землю; подобно Зевсу, онъ владѣетъ золотымъ бичемъ (= молніей) и ѣздитъ на бурно-летающихъ, золотогривыхъ коняхъ. Рѣки и потоки почитались у грековъ дѣтьми, порожденными сѣдымъ Океаномъ ³⁾: возрѣніе, раздѣляемое и славянами. Въ старинную рукопись занесена загадка: «коя мати дѣти своя сцетъ (сосетъ)?»—Море впадающія въ него рѣки ⁴⁾.

¹⁾ Сахаров., I, 65.— ²⁾ Griechische Myth. Преллера, I, 443. —

³⁾ Пикте, I, 146: санскр. āśaуа — вѣсталище, пребываніе, galāśaуа—вѣсталище водъ; отъ формы āśaуа а образовались ὠκεανός (ὠκεανός), ирл. aigein, oigean, oigian, нѣмр. eigiawn, eigiop.— ⁴⁾ Архивъ ист.-юр. свѣд., I, ст. Бусл., 48.

Ниже мы увидимъ, что русскія народныя преданія изображаютъ рѣки дочерями Морскаго Царя. Большія рѣки античный мифъ олицетворялъ боролатыми старцами (борода—поэтическое представленіе тучи, см. гл. XXI), которые лили изъ своихъ урнъ водные потоки ¹⁾; малые же ключи и криницы—прекрасными нимфами. Въ германской мифологій богъ моря Эгиръ (Oegir, готск. форма Ôgeis, англос. Êge, др.-вер.-нѣм. Uogi), въ имени котораго Я. Гриммъ видитъ указаніе на божество грозное, устрашающее: отъ корня aga, ôg въ древне-нѣмецкомъ языкѣ произошли производныя, означающія страхъ, ужасъ, трепеть (гот. agis, ôg, др.-вер.-нѣм. akiso, egiso, англос. egesa, сканд. oegja—terroresse); слово oegir (объясненіе см. въ гл. XX) употреблялось и для обозначенія моря ²⁾. Подобно тому, у скивовъ море носило мифологическое имя Thami-masadas—страшныѣ, ужасныѣ ³⁾. Легко-подвижное, «вѣчно-шумное» море особенно поражаало фантазію своими неистовыми, наводящими ужасъ волненіями; а картины морской бури неразлучны съ представленіемъ грозы и стремительныхъ вихрей. Потому Одинъ, воздыматель грозовыхъ бурь, принимался вмѣстѣ съ тѣмъ и за владыку водъ, равносильнаго Нептуну (I, 320); финны даютъ громовнику Укко власть не только надъ тучами, но и водами: онъ вздымаетъ волны и укрощаетъ ихъ по своему произволу ⁴⁾; наоборотъ литовцы своему морскому богу (Дивевитисъ) приписываютъ власть надъ вѣтрами, и рыбаки, отправляясь на промыслы, молятъ его— да не попуститъ вѣтрамъ волновать море ⁵⁾. У Эгира есть жена по имени Рана (Rân); они обитаютъ въ морѣ и имѣютъ девять дочерей, именами которыхъ Эдда обозначаетъ воды и волны;

¹⁾ D. Myth., 566—7. Финны представляли морскаго бога Ahti старцемъ (У. З. А. Н. 1852, IV, 511).— ²⁾ D. Myth., 216—7.—³⁾ Лѣт. рус. лит., кн. I, 137—8.— ⁴⁾ У. З. А. Н. 1852, IV, 523.— ⁵⁾ Черты литов. народ., 88, 128.

свѣтлыя волосы и бѣлыя покрывала этихъ мифическихъ дѣвъ суть поэтическія представленія бѣлоснѣжной пѣны девяти морскихъ валовъ и быстронесущихся потоковъ. Очевидно, ручьи и рѣки, которыми въ Германіи большею частію присвоятся названія женскаго рода, издревле стояли въ томъ-же родственномъ отношеніи къ морскому божеству, въ какое ставилъ ихъ греческій мнѣкъ Океану ¹⁾). Летучія дожденосныя тучи олицетворялись то толпою духовъ, помогающихъ богу-громовнику въ его творческихъ подвигахъ, то прекрасными полногрудыми женами, проливающими на землю живую воду дождя; подобными же существами фантазія младенческихъ народовъ населила и земныя источники. Таковы упоминаемая въ Ведахъ āras (волы), хранительницы безсмертнаго напитка-амриты, греческія и римскія нимфы различныхъ наименованій—наяды, нериды, камены, нѣмецкіе никсы, литовскія wandynnije или undine dejwe (водныя дѣвы) и славянскіе водяные. Никсы представляются и въ мужскомъ и въ женскомъ образѣ: nix—муж. рода. и nixe—женскаго (=niks, nikse, др.-верх.-нѣм. nihhus, nichus, англос. nicog, множ. число nicegas—чудовищные духи, обитающіе въ морѣ; nikker—злой духъ, чортъ=nickel, nickelmann, ср.-верх.-нѣм. wasser-nixe—сирена, сканд. nikr, финск. nēkki, эстон. nek—водяной); Одинъ, какъ божество, волнующее моря и рѣки, назывался Nīkarr (Нnikarr) и Nīkuz (Нnikudhr): первое имя соответствуетъ англосаксонскому nicog, а послѣднее др.-верх.-нѣм. nichus. Цвѣтокъ νουμφαλα (nymphaea—отъ νύμφη) въ нововѣрх.-нѣм. нарѣчій, называется nix-blume (или see-blume, seeelilie), что указываетъ на тождество греческихъ нимфъ съ нѣмецкими никсами; водяная лилия—wasser mähn, lein и mummel=nūhmchen, wasser mūhme. Drygia на-

¹⁾ D. Myth., 218.

званія водяныхъ духовъ: *wasserholde*, *brunnenholde* (*holde* — *genius*), *wassermann*, *seejungfer*, *meer weib*, *meerminne*, датск. *brøndmand* (*brunnenmann*), швед. *strömkarl* (*stromgeist*). Водяные духи обитаютъ въ прудахъ, источникахъ и рѣкахъ (наприм. въ Салтѣ, Дунаѣ, Эльбѣ); но имѣютъ многія сходныя черты съ духами-обитателями горъ, такъ какъ тучи надъ древнемъ метафорическомъ языкѣ уподоблялись горамъ. Объ утопленникахъ вѣмцы говорятъ, что они увлечены водянымъ («*der nix hat sie an sich gezogen*») или отправились къ богинѣ Ранѣ; дѣти, упавшія въ колодезь, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, попадаютъ во власть ниссы, которая благосклонно принимаетъ ихъ въ свое жилище. Водяной обыкновенно представляется такимъ-же длиннобородымъ старикомъ, какъ римскіе полубоги рѣкъ; иногда онъ, подобно драконамъ, изображается со многими головами, а иногда принимаетъ на себя образъ дикаго мальчика, въ красной шапочкѣ на головѣ или съ всклокоченными волосами, что напоминаетъ горныхъ карликовъ ¹⁾; у финнскаго *пакки* желѣзные зубы (= метафора молніи) — повѣрье, нечуждое и славянамъ, ибо въ рускомъ заговорѣ отъ зубной боли находимъ слѣдующее воззваніе: «Чудо водяной! возьми зубъ ломовой у раба божія» ²⁾; въ другихъ-же заклятіяхъ, обращенныхъ къ бабѣ-ягѣ и ииенческимъ животнымъ, говорится: «возьми зубъ рѣпной, а мнѣ дай желѣзной» (I, 774). Дѣвы-ниссы нерѣдко появляются между людьми; ихъ можно узнать по мокрымъ краямъ платья и передника. Онѣ имѣютъ много общаго съ вѣщими лебедиными дѣвами, или лучше сказать — водяныя и лебединыя дѣвы совершенно тождественны. Птица лебедь — одно изъ древнѣйшихъ олицетвореній бѣлаго лѣтняго облака (I, 540);

¹⁾ На туже связь съ карликами указываютъ и рассказы, приписывающіе ниссамъ красные волосы, красную одежду и красныя шляпы — *Beiträge zur D. Myth.*, II, 292. — ²⁾ Сахаров., I, 22.

въ ея образъ превращались индѣйскія апсарасы (=âpas); вѣщія дѣвы и у славянъ, и у нѣмцевъ часто являются на водахъ бѣлыми и лебедушками: присвоенное имъ предвѣдѣніе есть даръ безсмертнаго напитка, которымъ онѣ обладаютъ; пляска, музыка и пѣніе (= метафоры крутящихся вихрей и зывающей бури) составляютъ любимыя занятія, утѣху и веселье всѣхъ водяныхъ духовъ; волненія рѣкъ и водовороты народъ объясняетъ себѣ, какъ послѣдствіе ихъ танцевъ. Всѣми этими признаками: вѣщею силою и склонностью къ пляскамъ, музыкѣ и пѣснямъ они сближаются съ воздушными существами бурныхъ грозъ—эльфами и вѣдьмами. Народныя саги приписываютъ водянымъ неутолимую жажду крови: кровь здѣсь—метафора дождя, которымъ съ жадностью упиваются облачные духи; забвеніе исконнаго смысла этой метафоры со общию водянымъ ту суровую жестокость, съ которою они увлекая утопленниковъ въ свои подводныя жилища, высасываютъ изъ нихъ кровь. Тоже кровавое ищеніе обращаютъ они и на своихъ товарищей, если эти послѣдніе, покинувъ воды, перейдутъ къ людямъ и потомъ снова воротятся назадъ ¹⁾. Нѣмецкой Ранѣ отчасти соответствуетъ литовская Юрата, царица Балтійскаго моря; именемъ этимъ называютъ и самое море. Про нее сохранилось такое поэтическое сказаніе: надъ балтійскихъ водъ возвышался чудесный дворецъ Юраты, стѣны были сдѣланы изъ свѣтлаго янтара, пороги изъ золота, крыша изъ рыбьей чешуи. Раздраженная на молодаго рыбака, который ловилъ сѣтями въ ея владѣнія рыбу, богиня собрала подвластныхъ ей ундиновъ, и на янтарныхъ ладьяхъ поплыла онѣ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Свента (Szwenta—священная) впадаетъ въ море. Чарующими пѣснями Юрата хотѣла увлечь рыбака въ водныя бездны и наказать тамъ смертію,

¹⁾ D. Myth., 455—462, 465.

но плѣнилась его красотою и позабыла месть. Съ той поры всякой вечеръ приплывала туда богиня и проводила счастливые часы съ своимъ возлюбленнымъ. Но Перкунъ узналъ о ея тайныхъ свиданіяхъ, бросилъ громы въ морскую глубь, раздробилъ янтарные чертоги, рыбака приковалъ къ утесу на днѣ моря, а передъ нимъ положилъ трупъ царицы. Когда буря взволнуетъ море—въ шумѣ ея слышатся стоны несчастнаго юноши; волны морскія выкидываютъ куски янтара—остатки славнаго дворца Юраты ¹⁾. По возвращенію индоевропейскихъ народовъ, богъ-громовникъ преслѣдуетъ во время грозы убѣгающихъ нимфъ, какъ своихъ любовницъ; молнія, которою онъ разитъ тучи, уподобляется то фаллосу, то огненному мечу, разбивающему облачные замки и карающему смертью виновныхъ. Въ морской богинѣ литовскаго сказанія узнаемъ типъ этой облачной нимфы; Перкунъ мститъ ей за любовь къ смертному—черта, принадлежащая позднѣйшей обработкѣ мифа.

Обоготвореніе водъ и поклоненіе имъ выразилось у славянъ въ такихъ-же образахъ и съ тѣми-же характеристическими признаками, какъ и у прочихъ племенъ арійскаго происхожденія. Изъ свидѣтельства Прокопія узнаемъ, что славяне обожали рѣки и нимфъ (=водяныхъ дѣвъ), приносили имъ жертвы и по жертвамъ гадали о будущемъ ²⁾; воины Сватослава, по словамъ Льва-діакона ³⁾, послѣ погребенія павшихъ въ битвѣ товарищей, погружали въ волны Дуная пѣтуховъ и младенцевъ. Несторъ говоритъ о полянахъ: «бяху же тогда поганіи, жруще озеромъ и кладяземъ и рошеніемъ, яко же и прочіи поганіи» ⁴⁾; въ Густинской лѣ-

¹⁾ Семеновск., 23—26; Иллюстр. 1848, № 26; Изв. Ак. Н., I, 115; Рус. Сл. 1860, V, 18; Вѣст. Европы 1830, XV—XVI, 272—3. —

²⁾ Срезнев., 20. — ³⁾ Стр. 93. — ⁴⁾ П. С. Р. Д., VII, 263; сравни „Лѣтописецъ“, содержащ. въ себѣ рос. исторію отъ 852 до 1598 г.“

тѣмъ сказано: «людіе же тогда бяху невѣгласи и невѣдущіи Бога... жертвы богомерзкія богомъ своимъ приношаху — озеромъ, и кладеземъ, и рощеніемъ», и въ другомъ мѣстѣ: «иныи же кладяземъ, озеромъ, рощеніемъ жертвы приношаху. Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топаху, ему-же и донныѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять» ¹⁾. Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра упоминается о молящихся у воды ²⁾. Кириллъ Туровскій радуется, что съ принятіемъ христіанства уже «не нарекутся богомъ ствхія... ни источници» ³⁾. Въ древнеславянской переводѣ Григорія Богослова допущена была любопытная вставка о водопоклоненіи у славянъ, изъ которой вышесказанное привели свидѣтельство о жертвахъ, приносимыхъ студентамъ съ мольбою о дождѣ; далѣе читаемъ: «овъ рѣкъ боги и нарицаеть, и звѣрь живыщъ въ ней яко бога нарицаю, трѣба творить» ⁴⁾. Правило митрополита Іоанна (XII в.) осуждаетъ тѣхъ, которые «жроуть бесомъ и болотомъ и колодеземъ» ⁵⁾. Въ житіи муромскаго князя Константина Святославича говорится о требохъ, какія приносили язычники рѣкамъ и озерамъ, и что «очныи ради немощи» умышались они у колодцевъ и повергали въ нихъ сребреницы ⁶⁾. Въ старинныхъ поучительныхъ словахъ читаемъ: «не нарицайте себѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студентахъ» ⁷⁾; «а друзіи къ кладязѣмъ приходяще молятся и въ воду мечють, Велеару жертву приносяще, а друзіи огневи и каменію, и рѣкамъ и источникамъ и берегынямъ... не токмо же вреже въ поганьствѣ, но мнози и нынѣ то творять... И надѣ

(Москва, 1781): „бяху же погани, жряху идоломъ въ колодезяхъ“. — ¹⁾ П. С. Р. Л., II, 234, 257; то же и въ Синописѣ. — ²⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, № 1. — ³⁾ Памят. XII в., 19. — ⁴⁾ Изв. Ак. Н., IV, 310. — ⁵⁾ Рус. Дост., I, 94. — ⁶⁾ Карам. И. Г. Р., I, примѣч. 214. — ⁷⁾ Москв. 1844, I, 243.

источники свѣща вжигающа и кумирскую жертву ядятъ» ¹⁾). Слово о постѣ, напечатанное въ «Православномъ Собесѣдникѣ» ²⁾), между запретными суевѣрїями называетъ и «моленїя кладезнаа и рѣчнаа». О поклоненїи водѣ у славянъ балтїйскихъ свидѣтельствуютъ древнїя хроники. Дитмаръ говоритъ, что колобрежцы чтили море, какъ обиталище водныхъ боговъ; онъ же упоминаетъ о священномъ озерѣ Гломачскомъ, обладавшемъ силою предвѣщать будущее; Эббо и Сефридъ — о святыхъ ручьяхъ, которые обтекали посвященные богамъ деревья; а Гельмольдъ указываетъ на обычай клясться источниками ³⁾). У чеховъ культъ воды былъ еще въ полной силѣ во времена Космы Пражскаго («hic latices colit»); когда князь Бретиславъ обратилъ вниманїе на остатки язычества, онъ запретилъ между прочимъ и жертвы и возлиянїя, совершаемыя народомъ надъ источниками: «item et superstitionas institutiones, quas villani adhuc semipagani in Pentecosten tertia sive quarta feria observabant offerentes libamina super fontes mactabant victimas et daemonibus immolabant.» Въ началѣ XII-го столѣтїя епископъ пражскїй ревностно возставалъ противъ жертвоприношенїй источникамъ («non ad fontes sacrificia ullo modo facere») и увѣщевалъ чеховъ, чтобы не искали у нихъ помощи ни во время чумы, ни въ другихъ нуждахъ ⁴⁾). Эти старинныя свидѣтельства о поклоненїи и жертвенныхъ приношенїяхъ водамъ подтверждаются уцѣлѣвшими до настоящихъ дней повѣрїями и обрядами, какїе совершаются при родникахъ, колодцахъ, рѣкахъ и озерахъ. Хорутане называютъ море — «света вода»; а словаки вѣрятъ, что духъ божїй живетъ въ водахъ, омывающихъ землю, и какъ только онъ

¹⁾ Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отд. 3, 108—9. Алеманы и франки, обращающаясь съ мольбами къ источникамъ, также возжигали огни — D. Myth., 550.— ²⁾ 1858 г., I, 166.— ³⁾ Срезнев., 22; Макуш., 76—77.— ⁴⁾ Громанъ, 43.

оставить воды — тотчас наступит кончина міра; у послѣднихъ въ обычаѣ бросать весною въ потоки и озера различные яства ¹⁾. О молебнахъ, творимыхъ чехами съ колѣнопреклоненіемъ у рѣкъ и источниковъ, сказано было выше; сверхъ того, вечеромъ наканунѣ Рождества они откладываютъ отъ каждаго кушанья по полной ложкѣ въ особую, нарочно-поставленную чашку и послѣ ужина бросаютъ все это въ колодець, съ слѣдующимъ причитаньемъ:

Hospodár tě pozdravuje.
 A po mě tobě vzkazuje:
 Studánko, uživej s námi hody.
 Ale za to dej nám hojnost' vody;
 Po zemi až bude žizeň,
 Svým pramenem ty ji vyžeň ²⁾.

Въ Моравіи, вмѣстѣ съ яствами, бросаютъ въ колодцы и деньги, и причитываютъ:

Studánko, studánko!
 Tu ti nesu večeričku;
 Pověz ty mně pravdu,
 Co se tě plát budu ³⁾.

Когда кто-нибудь, утонетъ, чехи собираются туда, гдѣ случилось это несчастіе, молятся и бросаютъ въ воду свѣже-испеченный хлѣбъ и двѣ восковыя свѣчи; до начала нынѣшняго столѣтія было у нихъ въ обычаѣ въ день св. Фейта топить въ озерахъ, прудахъ и болотахъ пѣтуховъ и куръ: древность этого жертвеннаго приношенія засвидѣтельствована Косьюмой Пражскимъ, по словамъ котораго чехи, при началѣ весны, хо-

¹⁾ Срезнев., 19, 23.—²⁾ Переводъ: хозяинъ поздравляетъ тебя и говоритъ тебѣ черезъ меня: криница! раздѣли съ нами праздничную трапезу, и за то дай намъ обильную воду; если будетъ на землѣ жара, ты отарати (протѣки) ее своимъ потокомъ.—³⁾ Переводъ: Студенець, студенець! я несу тебѣ ужинъ; повѣдай мнѣ правду—о чемъ буду тебя спрашивать.

дли къ источникамъ, удушали черныхъ куръ и пѣтуховъ и подкидывали ихъ на воздухъ, съ призываніемъ дьявола ¹⁾. Плевать и мочиться въ воду, по выраженію русскаго народа, все равно, что мачери въ глаза; это — грѣхъ, которому радуется нечистый ²⁾. При вскрытіи рѣкъ не слѣдуетъ бросать въ нихъ ни камней, ни мусора, чтобы не отяготить пробуждающейся стихіи (арханг. губ.); въ это время водѣ бываетъ трудно, и жители прибрежьевъ Иртыша, желая облегчить вскрытіе названной рѣки, бросаютъ въ нее крохи хлѣба ³⁾. При пожарахъ крестьяне ставятъ на окнахъ стаканы съ водою и вѣрятъ, что вода эта не допуститъ дальнѣйшаго распространенія пламени (оренб. губ.). По мнѣнію раскольниковъ, на водахъ почіетъ духъ, которому поклоняются они не только надъ колодцами, но и въ домахъ надъ чанами, наполненными водою; въ тѣ и другіе бросаютъ они серебряныя деньги ⁴⁾. У бѣлоруссовъ новобрачная, отправляясь въ первый разъ за водою, оставляетъ возлѣ колодца пирогъ и нѣсколько мелкихъ денегъ, какъ жертву домашнему божеству ⁵⁾; у болгаръ она идетъ къ колодцу съ просомъ въ рукавѣ, и разсыпая вокругъ него зерна, кланяется на всѣ на четыре стороны ⁶⁾. Въ Сербіи приготавливаютъ изъ разнаго зерна кашу и въ день св. Варвары или на Рождество посыпаютъ ею воду, съ такимъ причитаньемъ: «добро јутро, ладна водо! ми тебе варице (кашу), а ти нама водице и јарице, јанѣце и мушке главице и сваке срејнице» ⁷⁾. Эти посыпальныя обряды указываютъ на молебны, обращенныя къ источникамъ, да испошлютъ они сѣмя дождя и да будетъ плодородіе въ поляхъ, стадахъ и въ семьѣ

¹⁾ Громаниъ, 50—51, 74—75.— ²⁾ Ibid., 44; Послов. Далл, 1048. По свидѣтельству Геродота (ин. I, гл. 138), персы запрещали плевать и мочиться въ рѣки.—³⁾ Этн. Сб., VI, 118.— ⁴⁾ Рус. прост. празд., I, 16.— ⁵⁾ Бѣлорус. нар. пѣсни, изд. Е. П., 41.— ⁶⁾ Миладин., 521.— ⁷⁾ Срп. рјечникъ, 54.

необращныхъ. Въ родники и озера, почитаемые святыми, большие, послѣ своего омовенія, бросаютъ жѣдныя и серебряныя деньги, кольца, серьги и запонки; въ тѣ праздничныя дни, когда поятъ лошадей ключевою водою, на дно источника опускается серебряная монета ¹⁾. Во владимірской губ. воды — «встрѣчники» (при слияніи одной рѣки съ другою) почитаются наиболѣе цѣлебными; крестьяне купаются въ нихъ отъ разныхъ болѣзней, и послѣ купанья оставляютъ на кустахъ прибрежнаго раkitника шейные кресты, цвѣтныя лоскуты и ленты ²⁾. Нѣмецкія племена приносили въ жертву источникамъ, водоворотамъ и рѣкамъ пѣтуховъ, коней, козловъ и ягнятъ; еще теперь въ обычаѣ бросать въ воду хлѣбъ и плоды никсамъ ³⁾.

Въ эпическихъ сказаніяхъ русскаго народа встрѣчаются живыя олицетворенія рѣкъ и озеръ, Морской Царь (хорутан. *Morski kralj* ⁴⁾) и водяные духи и дѣвы. Особенно интересны былины о новгородскомъ купцѣ Садкѣ. Прежде онъ былъ бѣдѣнъ, имѣлъ только гусли и ходилъ на пиры увеселять гостей музыкальными звуками. Соскучилось разъ ему, пришелъ онъ къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣль-горючъ камень и сталъ играть въ гусельки яровчаты ⁵⁾:

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался Царь Морской,

благодарствовалъ за утѣху и посулилъ ему въ награду кладъ изъ Ильмень-озера — три рыбы-золотыя перья, на ко-

¹⁾ Сахаров., II, 22, 36, 47; Рус. въ св. посл., IV, 98—111; Рус. Предан. Макарова, I, 32; II, 77—78; Оренб. Г. В. 1847, 52; Моск. Наблюд. 1837, XII, 505; О. З. 1822, № 21, стр. 30.— ²⁾ Владим. Г. В. 1852, 25. Чуваши, явившись холодной воды, какъ скоро почувствуютъ нездоровье, бросаютъ деньги, яйца и хлѣбъ въ ту рѣчку или колодезь, откуда утолили свою жажду—Записки Алекс. Фукса о чувашахъ и черемис., 58.— ³⁾ D. Myth., 462, 549—550, 561—2.— ⁴⁾ Сб. Валавца, 186—191.— ⁵⁾ Сдѣланныя изъ явора.

торыя можно скупить все несметныя богатства новгородскія. Садко закинулъ въ озеро неводъ и вытащилъ обѣщанное сокровище, которое въ нашемъ эпосѣ соответствуетъ кладу Нибелунговъ, хранимому въ глубинѣ водопада щукою Андвари ¹⁾. Царь Морской, по народному повѣрью, властвуетъ надъ всеми рыбами и животными, какія только водятся въ моряхъ ²⁾. Другая былина рассказываетъ: плылъ богатой гость Садко по синему морю; вдругъ остановился его корабль — и съ мѣста не двинется. Стали бросать жребіи, чтобы узнать виноватаго; палъ жребій самаго хозяина. Признался Садко: «бѣгаю, говорять, я по морю двѣнадцать лѣтъ, не платилъ я Царю Заморскому дани-пошлины, не онускивалъ хлѣба-соли въ синѣ море Хвалынское!» Бросили его корабельщики въ воду, и тотчасъ поплылъ корабль своею дорогою ³⁾. Кинутый въ море Садко былъ принесенъ волною къ Морскому Царю. Стоитъ изба большая — во все дерево; вошелъ Садко въ избу, а въ ней лежитъ на лавкѣ Царь Морской: «гдѣ еси богатой гость! говоритъ ему царь, ждалъ тебя двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ ты самъ головой пришелъ. Помграй-ка мнѣ во звончатая гусли». Заигралъ Садко, сталъ царя тѣшити; распясался Царь Морской — и синѣ море всколебалось, и быстрыя рѣки разливались, и потопили много кораблей съ товарами. Вздумалось царю женить гостя, привелъ тридцать дѣвицъ и приказалъ выбирать невѣсту; въ

¹⁾ Рыбник., I, 370—2.— ²⁾ Абев., 306.— ³⁾ Сравни съ малорусскою думою о „Черноморской бурѣ“ (Сборн. украин. пѣсень, 48) за грѣхъ Алексѣя Поповича взбушевало Черное море. Говорять: Поповичъ:

Добре вы, братцы, вчиняте,
Мене самого возьмите,
До шіи бѣлымъ камень причепяте,
Да-й у Чорное море зопхайте.

Сталъ Поповичъ каяться—стала утихать и буря.

народныхъ сказкахъ Морской Царь предлагаетъ доброму молодцу выбрать себѣ въ жены одну изъ своихъ дочерей. Лѣгъ спать Садко съ избранной дѣвою: со полуночи, въ просоньи, скинулъ онъ лѣвую ногу на молодую жену, и когда проснулся по утру — то самъ очутился подѣ Новгородомъ, а лѣвая нога его въ Волхъ-рѣкѣ ¹⁾. Итакъ Царь Морской выдаетъ за богатаго гостя дочь свою рѣку Волховъ: ния это въ народной рѣчи («за тую за рѣченку Волхову») и въ новгородской лѣтописи («чрезъ Волхову-рѣку») употребляется въ женской формѣ, и потому фантазія безъ нарушенія грамматическаго смысла могла олицетворить рѣку Волхову дѣвою ²⁾. Приведенное сказаніе о свиданіи Садка съ Морскимъ Царемъ передается еще въ слѣдующей вариаци: когда жребій указалъ виновнаго, взяли его корабельщики и спустили на воду на дубовой доскѣ; съ гусями въ рукахъ поплылъ Садко по морю и принесенъ былъ въ палаты царя Водяника и супруги его царицы Водяницы:

Пошла дощечка ко дну синя моря,
Объявилось на днѣ царство великое,
А во царствѣ пированьяще-почестенъ пиръ

Говорилъ Водяникъ гостю: «поиграй въ гусли яровчаты, потѣшь нашъ почестенъ пиръ»;

Выдаю я дочѣ свою любимую
Во тѣмъ во славно Окянь-море.

Такъ поэтически, въ античной формѣ, изображаетъ народный эпосъ впаденіе рѣки въ море: царь Водяникъ выдаетъ дочь свою рѣку замужъ на чужую сторону, въ далекія области океана. Сталъ Садко въ гусли играть, царь Водяникъ поскакивать, царица Водяница поплясывать, красныя дѣвушки хоро-

¹⁾ Кирша Дан. 337—343; у Рыбник., I, 380, Садко проснулся въ Новгородѣ, о рѣку Чернаву на ярутоиъ яряжу.— ²⁾ Рыбник., III, 233.

водъ водить — и было веселье съ утра и до вечера; отъ тѣхъ плясокъ бѣсовскихъ

Океанъ-синее море всколебалось,
Кораблики всѣ повыволомало,
Людей всѣхъ повывтопило ¹⁾.

Очевидно, что Садко, чудесная игра котораго на гусяхъ заставляеть волноваться океанъ-море, замѣнилъ собою въ преданіи древнѣйшаго бога грозы и вѣтровъ: въ завываніяхъ грозовой бури предкамъ нашимъ слышались чародѣйные звуки гуслей-самогудовъ. Женитьба Садка на дѣвѣ-рѣкѣ, въ первоначальномъ представленіи мѣа, была брачнымъ союзомъ бога-громовника съ облачною нимфою (см. I, 322 и далѣе); корабль, на которомъ плылъ онъ по синему морю, — извѣстная метафора тучи. Чтобы приостановить морскую бурю, Садко долженъ былъ порвать звонкія струны и прекратить игру на гусяхъ; позднѣйшая легендарная прибавка объясняетъ это вмѣшательствомъ Николы-угодника, который является Садку во снѣ и приказываетъ:

«Гой еси ты, Садко-купецъ, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончаты;
Расплясался у тебѣ Царь Морской,
А синее море всколебалось,
А и быстры рѣки разливались,
Топять много бусы ²⁾, корабли,

¹⁾ Ibid., I, 365—9; III, 244—251. При этой встрѣчѣ съ Морскимъ Царемъ, Садко рѣшаетъ между нимъ и царицею споръ о томъ, что на Руси дороже: будать-желѣзо или красное золото? Тотъ-же эпизодъ развивается и въ сказкѣ про Ивана Безсчастнаго—Н. Р. Сл., V, 31. За рѣшеніе спора Царь Морской награждаетъ Ивана Безсчастнаго дорогими самоцвѣтными камнями. Этотъ вопросъ о металлахъ и подробность о самоцвѣтныхъ камняхъ стоятъ въ связи съ преданіями о кладахъ, лежащихъ въ глубинѣ водъ и въ горахъ-тучахъ.— ²⁾ Лодки.

Топять души напрасны.

А и тутъ Садко-купецъ, богатой гость,

Изорвалъ онъ струны золоты,

И бросаетъ гусли звончаты;

Пересталъ Царь Морской скакать и плясать:

Утихло море синее,

Утихли рѣки быстрыя.

Такое участіе даетъ пѣсня св. Николаю, потому что въ народѣ онъ слыветъ скорымъ помощникомъ и хранителемъ на водѣ (I, 475) и даже называется «морскимъ» и «мокрымъ» ¹⁾. Когда пронесется шумная гроза и замолкнутъ порванные струны гуслей-самогудовъ, т. е. стихнутъ громы и вѣтры,—вмѣстѣ съ тѣмъ успокоивается и морская пучина.

Съ разобранными былинами о Садкѣ стоитъ въ близкой связи народная сказка о Морскомъ (Водяномъ или Поддонномъ) Царѣ и его вѣщей дочери ²⁾. Въ одномъ вариантѣ этой сказки Морской Царь прямо названъ Окіанъ-море ³⁾; въ другихъ же спискахъ роль его передается змѣю, чорту и беззаконному Чуду-Юду. Этотъ славянскій Нептунъ упоминается и въ другихъ сказкахъ ⁴⁾. Какъ приноситель темныхъ тучъ, которыя помрачаютъ собою небесный свѣтъ и нерѣдко вредятъ созрѣвающимъ жатвамъ, дождящій Перунъ (Jupiter pluvius) издревле соединялъ въ своемъ характерѣ, вмѣстѣ съ благотворными свойствами, и черты существа демоническаго; тотъ-же двойственный характеръ былъ усвоенъ и Морскому Царю, который (какъ уже доказано) первоначально былъ дождящій громовникомъ. Отъ того такъ обыкновенна въ народ-

¹⁾ Географич. Словарь Щекатова, III, 525.— ²⁾ Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49, 60, 61; VIII, стр. 529 и дал.; Slov. pohad., 61—75; Зрѣльцъ, 103—112; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, стр. 286 — 300; Сказ. Грнн., 54, 56, 181; Ганъ, 54; Штиръ, 3; Матер. для изучен. нар. слов., 62, 94—100.— ³⁾ Труды курск. губерн. статистич. комитета, I, 518—520.— ⁴⁾ Н. Р. Ск., II, 21; VIII, 24.

ных сказках замѣна Морскаго Царя — чортомъ. Въ нѣмецкой сказкѣ, напечатанной въ сборникѣ Гальтриха, пекельный князь, тождественный съ нашимъ Морскимъ Царемъ, сохраняетъ всѣ атрибуты древнѣйшаго божества грозъ: онъ обладаетъ чудеснымъ бичемъ (= молніею), удары котораго заставляютъ потрясаться все царство и вызываютъ несчетное воинство; онъ бросается къ молочному пруду, и опившись и пучаго молока (= дожда), лопается съ ужаснымъ трескомъ и гибнетъ — подобно тому, какъ пропадаетъ разбитая громомъ и пролившаяся дождемъ туча. Названіе Чудо-Юдо подтверждаетъ ту же мысль: оно бѣльшею частію придаетъ демоническому змѣю (дракону-тучѣ), и это имѣетъ основаніе: слово чудо (чоудъ, щудъ, чудовище=диво, дивище) въ старину означало великана ¹⁾, а извѣстно, что въ давнюю эпоху развитія религіозно-поэтическихъ воззрѣній на природу всѣ ея могучія силы (вихри, буря и гроза) олицетворялись въ титаническихъ образахъ великановъ. Преданія о змѣяхъ и великанахъ стоятъ въ самомъ тѣсномъ и близкомъ средствѣ, и не свидѣтельству сказки Морской Царь принимаетъ на себя образъ змѣя. Юдо=Иуда — имя, которое въ періодъ христіанства стали придавать чорту и другимъ демоническимъ существамъ; въ Германіи Іудѣ Искаріоту повѣрье даетъ красную бороду—отличительный признакъ Донара ²⁾. Въ числѣ названій, которыми обозначаются водяные, Гриммъ приводитъ ново-средне-нѣмецкое *meerwunder* ³⁾. Содержаніе сказки о морскомъ владыкѣ и его дочери въ краткихъ словахъ таково: ѣдетъ царь домой, а день былъ знойный — солнце такъ и печетъ! Отъ великой жажды припадаетъ царь брюхомъ на землю и начинаетъ глотать студѣную воду изъ озера; тутъ ухватилъ его за бороду Морской Царь и до тѣхъ поръ не хотѣлъ

¹⁾ Словарь церковнослав. яз. Востокова, II, 570; Старосв. Банд., 597.— ²⁾ Die Götterwelt, 191.— ³⁾ D. Myth., 455.

ивузить, пока нѣ далъ плѣнникъ обѣщанія уступить ему
 то, чего дома не вѣдаетъ. А въ то время царица родила сы-
 на. По договору съ Морскимъ Царемъ, Иванъ-царевичъ, до-
 стигнувъ юношескихъ лѣтъ, отправляется въ подводное цар-
 ство; приходитъ на синѣ море и прячется за кусты. Вотъ
 прилетѣли двѣнадцать голубокъ (утиць, лебедушекъ),
 сбросили свои крылушки (или пѣрушки), обернулись
 красными дѣвицами и стали кунаться: то были дочери Мор-
 ского Царя. Иванъ-царевичъ подкрался потихоньку и взялъ
 крылушки Василисы Премудрой. Дѣвицы искупались, разо-
 брали крылушки и улетѣли голубками; оставалась одна Ва-
 силиса Премудрая. Стала она упрашивать добраго молодца
 возвратить ей крылушки; царевичъ отдаетъ ихъ подъ усло-
 вѣмъ, чтобы прекрасная дѣва согласилась быть его невѣстою.
 Въ нѣкоторыхъ вариантахъ мѣсто Василисы Премудрой зани-
 маетъ Лебедь-птица, красная дѣвица. Эти лебединыя
 дѣвы (о которыхъ подробнѣе см. гл. XXIII), по первоначаль-
 ному своему значенію, суть олицетворенія весеннихъ, дожде-
 выхъ облаковъ; вмѣстѣ съ низведеніемъ преданій о небесныхъ
 источникахъ на землю, лебединыя дѣвы становятся дочерьми
 Океанъ-моря и обитательницами земныхъ водъ (морей, рѣкъ,
 озеръ и криниць). Такимъ образомъ онѣ родятся съ нимфа-
 ми, никсами, эльфами и русалками; послѣднія, по мнѣнію по-
 селянъ, состоятъ подъ началомъ у дѣдушки-водянаго. Соглас-
 во съ этимъ, лебединымъ дѣвамъ дается вѣщій характеръ
 и мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, сверхъестественныя
 задачи и заставляютъ подчиняться себѣ самую природу. Имя
 лебедь, употребляемое въ народной рѣчи болѣею частію въ
 женскомъ родѣ, означаетъ собственно: бѣлая (свѣтлая, бле-
 стащая; лат. *albus*, сабин. *alrus*, славян. лаба, лабе—нѣм.
alp, *elb*, *älf*); такое коренное его значеніе впоследствии
 обновлено постояннымъ эпитетомъ: бѣлая лебедь. Пока

народъ относился сознательно къ этому слову, онъ въ правѣ былъ прилагать его къ бѣлымъ облакамъ, озареннымъ лучами весенняго солнца, и къ свѣтлымъ струямъ источниковъ и рѣкъ. Такъ получила названіе рѣка Лаба—Эмба; подобно скандин. *elf*, имя это употребляется и какъ нарицательное, означающее вообще рѣку; у чеховъ встрѣчаемъ выраженіе: *bílý Dunaj*, у болгаръ: бѣлъ Дунавъ ¹⁾. Одна изъ наиболѣе любопытныхъ старинныхъ былинъ содержитъ въ себѣ разсказъ о томъ, какъ богатырь Потокъ женился на вѣщей красавицѣ, которая впервые явилась ему на тихихъ морскихъ заводяхъ въ видѣ бѣлой лебеди. Преданіе, записанное Несторомъ ²⁾, упоминаетъ о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди; первый далъ названіе Кіеву, два другихъ брата горамъ Щековицѣ и Хоревницѣ; Лыбедь — старинное названіе рѣки, впадающей въ Днѣпръ возлѣ Кіева ³⁾. — Иванъ-царевичъ приходитъ въ подводное царство, въ которомъ также, какъ и на землѣ, цвѣтутъ луга и рощи, текутъ рѣки и свѣтитъ солнце: это — воздушная, облачная страна, гдѣ сіяютъ небесныя свѣтила, растутъ райскіе цвѣты и деревья и шумятъ дождевые потоки. Морской Царь возлагаетъ на царевича трудные, неисполнимые для простаго человѣка подвиги; все совершаетъ за него Василиса Премудрая. Въ заключеніе разнообразныхъ испытаній, велѣно было молодцу выбрать себѣ невѣсту изъ двѣнадцати дочерей Морскаго Царя, и онъ выбираетъ самую хитрую и прекрасную — Василису Премудрую ⁴⁾. Женился царевичъ на сво-

¹⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 240—1; Потебн., 90 —²⁾ П. С. Р. Л., I, 4. — ³⁾ Географ. Словарь Щекатова, III, 1214. — ⁴⁾ И въ пѣснѣ о Садкѣ Морской Царь приказываетъ удалому купцу выбрать себѣ невѣсту. Сталъ Садко выбирать: много дѣвицъ пропустилъ мимо, а шла позади Чернавушка—ту и взялъ за себя. Именемъ Чернавы названа и та рѣка, около которой (вмѣсто Волхова) очутился по утру новобранный—Рыбник., I, 379.

ей суженой и задумалъ уйти съ нею изъ подводнаго царства. Бѣгство любящей четы сопровождается разными превращеніями, чтобы въ этой перемѣнѣ образовъ утѣтятся отъ погоны; а преслѣдуетъ бѣглецовъ Морской Царь съ своимъ воинствомъ: по указанію нѣмецкой и новогреческой редакцій, онъ несется черною тучею, сверкающею молніями. Въ числѣ превращеній, принимаемыхъ на себя бѣглецами, особенно интересно слѣдующее: вѣщая дѣва обращаетъ своего милаго рыбою (окунемъ), а сама дѣлается рѣчкою. Разгнѣванный Морской Царь заклинаетъ ее: «будь-же ты рѣчкою цѣлые три года!» Итакъ дочь Морскаго Царя возвращается въ свое первобытное стихійное состояніе, подобно тому, какъ Садко легъ свечеру спать съ красной дѣвицей и накиннулъ на нее со полуночи лѣвую ногу, а на утро проснулся подъ Новгородомъ, а лѣвая нога въ рѣкѣ Волховѣ. Въ этой сказочной повѣсти описывается весенній бракъ облачной дѣвы съ юнымъ богомъ-громовникомъ, который сходится съ нею въ подводной области Морскаго Царя, т. е. въ морѣ темныхъ, грозовыхъ тучъ, облегающихъ небо. По редакціи новогреческой, когда царевичъ попадаетъ къ Морскому Царю, то родная страна его одѣвается въ трауръ, и не прежде сбрасываетъ черные покровы (—просвѣтляется), какъ по счастливомъ возвратѣ его домой. Убѣгая изъ подводныхъ владѣній Морскаго Царя, вѣщая дѣва разливается рѣчкою, т. е. дѣва эта только тогда освобождается изъ облачныхъ пучинъ и является на этотъ свѣтъ, когда изъ моря небесныхъ тучъ побѣгутъ на землю дождевые потоки: течь въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ убѣгать (I, 489). Объ одной криницѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлграда, разсказывается такое преданіе: красавица Параська, взятая въ плѣнъ татарами, попала въ гаремъ пашы, но оставалась непреклонною; разъ ночью войдя въ ея покой, паша увидалъ ангела, готоваго

защитить дѣву, и пораженный ужасомъ удалился, не замкнувъ двери. Параська вырвалась на свободу и побѣжала вдоль лимана, но посланная за нею погоня нагнала бѣглянку въ скалахъ и хотѣла уже схватить ее, какъ вдругъ она разлилась чистою криницею ¹⁾). Имя красавицы указываетъ на связь ея съ мѣлоческою Пятницею—богиней весеннихъ грозъ (Фреею).

По свидѣтельству народныхъ былинъ, нѣкоторые сильномогучіе богатыри и ихъ жены, умирая, разливались широкими, славными рѣками. Расселяясь по Европѣ, славяне дали рѣкамъ тѣ древнѣйшія названія, вынесенныя ими съ востока, которыя изначала употреблялись, какъ нарицательныя имена рѣки или воды вообще. Такъ названія: Сава, Драва, Одра (Одерь), Ра, Упа, Ока, Донъ, Дунай, Двина — арійскаго происхожденія и имѣютъ въ санскритѣ родственныя себѣ формы и корни съ указаннымъ общимъ значеніемъ: dhūni, dhūni (рѣка) доселѣ удерживаетъ свой первоначальный смыслъ на Кавказѣ, гдѣ у осетиновъ формы дун и дон означаютъ всякую рѣку и воду; у славянъ же Донъ перешло въ собственное имя, а форма дун съ окончаніемъ авъ образовала: Дунавъ и потомъ Дунай ²⁾). Слово Дунай, служащее собственнымъ именемъ извѣстной рѣки, до сихъ поръ употребляется и какъ нарицательное для всякихъ большихъ и малыхъ рѣкъ; примѣры можно видѣть въ галицкихъ и польскихъ пѣсняхъ: «за рѣками-за дуаями» ³⁾). Такія нарицательныя названія, придаваемые земнымъ рѣкамъ, равнымъ образомъ могли служить и для обозначенія водоносныхъ тучъ. Тѣ и другія, какъ мы знаемъ, роднились въ мѣлоческихъ сказаніяхъ народа, и вѣрованія, касавшіяся собственно небесныхъ

¹⁾ Ч. О. И. и. Д. 1865, III, 216 — ²⁾ Пикте, I, 141. — ³⁾ Ч. О. И. и. Д. 1863, III, пѣсни галиц. и угорск. Руси, 24, 111 и др.

отоковъ, были прикрѣпляемы къ земнымъ водамъ, на берегахъ которыхъ обитало племя. Пока преданіе владычества надъ всѣмъ строемъ жизни, локализациа миеовъ продолжалась при каждомъ новомъ переселеніи. Вотъ почему, согласно съ древнѣйшимъ представленіемъ громоносныхъ, дождевыхъ тучъ мощными великанами божественной породы, народный русскій эпосъ олицетворяетъ знакомыя ему большія рѣки въ видѣ богатырей стараго времени; богатырь (отъ слова богъ) есть существо божественное, и потому надѣленное необычайными силами и великанскими размѣрами, приличными грознымъ стихіямъ природы. Какъ индѣйцы признавали божествомъ Гангъ, нѣмцы — Рейнъ, такъ славяне соединяли божескія свойства съ Дунаемъ, Днѣпромъ, западнымъ и южнымъ Бугомъ и другими значительными рѣками. Названіе Бугъ есть только особая форма слова богъ, чешск. bůh ¹⁾, и въ статеиномъ спискѣ XVII вѣка, вмѣсто: «Бугъ-рѣка», встрѣчаемся съ формою: «Богъ-рѣка» ²⁾. Содержаніе былинъ о рѣчныхъ богатыряхъ вводитъ насъ въ область стародавнихъ миеическихъ воззрѣній. Набѣжалъ Дунай-богатырь въ чистомъ полѣ молодую Настасью-королевичну: эта героическая, сильномогучая дѣва рыскала по свѣту удаюю пеленицею; подъ нею былъ чудный конь — на два выстрѣла изъ-подъ копытъ камни вымѣтывалъ. Крикнула она зычнымъ голосомъ «по змѣиному» — въ полѣ травы повянули, цвѣтики осыпались, камни раскатились. Стали витязи пробовать

¹⁾ Звукъ о въ нарѣчій малорусскомъ переходитъ въ и, а въ русскискомъ, карпатскомъ въ у: вмѣсто богъ говорятъ: бигъ, бугъ (буагъ, бјугъ), вмѣсто овца—вивца, вувця, вјувця—Мысли объ истор. рус. яз., 44. Въ грамотахъ князей поморянскихъ встрѣчаемъ имена: Бугиславъ, Лютебугъ, Ютербугъ—Богославъ, Лютобогъ, Ютробогъ—Р. И. Сб., I, ст. Шаеварика, 73—74; бѣлорус. назъ Букъ—Господь Богъ (Эти. Сб., II, 117).— ²⁾ Записки Одесск. общ. исторіи и древн., II, отд. 2 и 3, 592.

свою силу, ударились палицами — палицы поломалися, ударились саблями — сабли пощербилася, сходились въ рукопашную и водились съ утра до вечера и съ вечера до бѣлыя свѣта; наконецъ Дунай осилилъ и свалилъ наземь супротивника, хочеть вынуть изъ него сердце горячее, но увидѣлъ бѣлыя женскія груди и призналъ королеву. Тутъ они промежь себя поладили, взялъ Дунай королеву замужъ и поѣхали вмѣстѣ въ славный Кіевъ-градъ. Пріѣхали ко князю Владиміру; на почетномъ пиру охмѣлялъ Дунай-богатырь и сталъ хвастаться своимъ молодечествомъ. Говоритъ ему Настасья-королевична: «не хвастай, тихій Дунай Ивановичъ! если на стрѣльбу пойдетъ, то нѣтъ нигдѣ супротивъ меня стрѣльцовъ.

На твою-то молодецкую головушку
Я кладу свое колечико серебряно;
Три раза изъ лука калену стрѣлочку повыстрѣлю,
Пропущу-то скрозь колечико серебряно,
И не сроню-то я колечика съ головушки.»

Вызовъ былъ принятъ, и королева трижды пропустила свою стрѣлу сквозь кольцо, поставленное на головѣ Дуная, и ни разу не сронила колечка ¹⁾. Вздумалъ попытать своей удали и Дунай Ивановичъ, положилъ кольцо на голову Настасьи-королевичны и хочеть стрѣлять изъ туга лука разрывчатого; и взмолилась ему молодая жена: «не стрѣлай, Дунаюшка! у меня во чревѣ чадо посяно: по колѣни ноги въ сѣребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, по косицамъ частыя звѣзды». Не послушался Дунай, спустилъ каленую стрѣлу; не угодилъ въ кольцо, а попалъ женѣ въ бѣлую грудь, убилъ королеву и пораздумался: «есть ли у меня съ нею что посяно?» Распласталъ

¹⁾ По другимъ вариантамъ кольцо кладутъ возлѣ булатнаго ножа — и Настасья-королевична стрѣляетъ за версту мѣрною, пропускаетъ стрѣлу сквозь кольцо и разсвѣкаетъ ее о ножевое остріе на двѣ половинны: и на видѣ, и на вѣсѣ половинны — равныя.

ей чрево булатнымъ кинжалищемъ, а во чревѣ чажо милое —
 во колѣни ноги въ сѣребрѣ, по локоть руки въ золотѣ, по ко-
 сцамъ частыя звѣзды. Тутъ ему за бѣду стало, за великую
 досаду показалось; становилъ онъ кинжалъ во сыру землю
 тупымъ концомъ и падалъ на острый конецъ ретивымъ серд-
 цемъ: отъ той ли крови горячія —

Гдѣ пала Дунаева головушка—
 Протекала рѣчка Дунай-рѣчка,
 А гдѣ пала Настасьина головушка—
 Протекала Настасья-рѣчка.

Или:

Исподъ этого сподъ мѣстечка
 Протекали двѣ рѣченьки быстрыихъ,
 И на двѣ струечки оны расходилися. ¹⁾

Иногда Дунай-богатырь замѣняется Дономъ и Ивановичемъ
 а Настасья-королевична Нѣпрою (Днѣпра — женская фор-
 ма вмѣсто мужской Днѣпръ); какъ убилъ Донъ Ивановичъ
 жену свою Нѣпру-королевичну и пала она на сыру землю, об-
 лютая горячею кровью, становилъ онъ ножище-кинжалище, а
 самъ выговаривалъ:

Куда пала головушка бѣлы лебеди,
 Тутъ пади головушка и сѣра гуся!

и упалъ на остріе.

Тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ-рѣчка
 Отъ тѣя отъ крови христіанскія,
 Отъ христіанскія крови отъ напрасныя,
 Глубиною рѣчка двадцати сажень,
 А шириною рѣчка сорока сажень. ²⁾

Такое-же начало имѣла, по народному преданію, и Сухманъ-
 рѣчка (Сухона?). Поѣхалъ Сухманъ-богатырь въ чистое по-

¹⁾ Рыбник., I, 178—194; II, 44—51; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853, 166—7; 1854 г., 310—7; Кирша Дан., 85—101;— ²⁾ Рыбник., I, 194—7.

ле, прїѣзжаетъ къ Нѣпрѣ-рѣкѣ и видитъ: течетъ она не по старому, не по прежнему, вода съ пескомъ помутилась. На вопросъ: что съ нею сталося? испро говоритъ матушка Нѣпра-рѣка: «какъ-же мнѣ было течь по старому, когда стоитъ за мной сила татарская — сорокъ тысячей; мостать они мосты калиновые —

Днемъ мостать, а ночью я повyroю;
Изъ силъ матушка-рѣка повyбилась!»

Перескакивалъ Сухманъ на своемъ добромъ конѣ на другой берегъ, выдергивалъ дубъ съ коренемъ и напускался на силу татарскую; всѣхъ перебилъ ноганыхъ, но и самъ получилъ три раны кровавыя. Умирая, богатырь причитывалъ:

„Потеки Сухманъ-рѣка
Отъ моя отъ крови отъ горячія,
Отъ горячія крови отъ напрасныя“. ¹⁾

Кровь — одна изъ древнѣйшихъ метафоръ воды и дождя; всемірный потопъ (=весеннее наводненіе), по свидѣтельству преданій, произошелъ отъ крови великановъ-тучъ, которые пали сраженные въ грозовой битвѣ (I, 784—5). Сказанія о рѣкахъ, образовавшихся изъ крови убитыхъ богатырей и ихъ женъ, выражаютъ слѣдовательно ту же самую мысль, что и мифъ о небесномъ происхожденіи земныхъ водъ: рѣки эти истекаютъ изъ дождевыхъ тучъ, гибнущихъ подъ ударами Перуновой палицы. Поэтому Нѣпра (Настасья)-королевична всѣми своими характеристическими чертами сходится съ тѣми воинственными дѣвами (валькиріями и виллами), въ образѣ которыхъ олицетворялись грозовыя тучи: ей даны и непомерная сила, и страсть къ войнѣ, и славное искусство пускать мѣткія стрѣлы (=молніи). Въ битвѣ Сухмана-богатыря съ татарами узнаемъ мы вставлен-

¹⁾ Ibid., 26—32.

ный въ историческую рамку мнѣ о ратномъ состязаніи богатровника съ демоническими силами. Въ связи съ этими данными получаетъ особенный интересъ новгородское преданіе о рѣкѣ Волховѣ. Выше было указано, что она олицетворялась дѣвою, одною изъ дочерей Морскаго Царя; но допускалось и другое олицетвореніе, соответствующее мужской формѣ Волхъ, Волховъ. Старинный хронографъ утверждаетъ, что Волховъ былъ лютый чародѣй (волхвъ — колдунъ, кулесникъ); въ образѣ крокодила поселился онъ въ рѣкѣ, которая отъ него получила и свое прозваніе, и залегалъ въ ней водный путь; всѣхъ, кто не поклонялся ему, чародѣй топилъ и пожиралъ; суевѣрный народъ почиталъ его за бога и называлъ Перуномъ и Громоуъ ¹⁾. Что касается упоминанія о крокодилѣ, то эта подробность объясняется литературнымъ подволеніемъ: крокодилъ заступаетъ здѣсь мѣсто чудовищнаго змѣя (дракона), залегающаго источники и рѣки (см. гл. XX).

Народныя преданія относятся къ рѣкамъ, озерамъ и потокамъ, какъ къ существамъ живымъ, способнымъ понимать, чувствовать и выражаться человѣческою рѣчью. О Волгѣ и Вазузѣ въ тверской губ. рассказываютъ: «Волга съ Вазузой долго спорила, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили-спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу

¹⁾ Рус. Вѣст. 1862, III, 37-38; Исторія Росс. Щербатова, I, 190.

да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшею се строю и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. И до сихъ поръ Вазуза весною раньше просыпается и будить Волгу отъ зимаго сна¹⁾. Здѣсь олицетворены двѣ рѣки, которыя спорятъ о старѣйшинствѣ и пускаются въ перегонку; обстановка басни очевидно снята съ природы: покрываясь льдомъ, рѣки на зиму засыпаютъ, а весною пробуждаются, и сбросивъ зимніе оковы, разливаются отъ растаявшихъ снѣговъ и въ быстромъ и шумномъ бѣгѣ спѣшатъ снести свои обильныя воды въ далекое море, какъ-бы перегоня одна другую. Волга, принимая въ себя побочныя рѣки, по прекрасному поэтическому выраженію русскаго народа, доноситъ ихъ къ синему морю на своихъ могучихъ рукахъ (въ своихъ объятіяхъ). Это преданіе о Волгѣ и Вазузѣ — въ другихъ мѣстностяхъ Россіи связывается съ другими рѣками. Такъ ходитъ рассказъ о спорѣ между Днѣпромъ и Десною. Когда Богъ опредѣлялъ рѣкамъ ихъ судьбу, то Десна опоздала прійти во время и не успѣла выпросить себѣ первенство передъ Днѣпромъ. «Постарайся сама опередить его!» сказалъ ей Богъ. Десна пустилась въ путь, но какъ ни спѣшила — Днѣпръ все-таки опередилъ ее и впалъ въ море, а Десна должна была прижнуть устьемъ къ быстрому Днѣпру²⁾. Въ тульской губ. подобный-же рассказъ относится къ рѣкамъ Дону и Шату, которыя обѣ берутъ свое начало въ Иванъ-озерѣ и слѣдовательно какъ-бы рождаются отъ него. У Ивана-озера было два сына: Шать и Донъ, почему послѣдній и называется въ пѣсняхъ Ивановичъ. Шать, противъ воли родительской, захотѣлъ погулять въ чуждадныхъ сторонахъ, отправился странствовать, но куда ни приставалъ — нигдѣ его не принимали; прошатав-

¹⁾ Н. Р. Сл., IV, 40.— ²⁾ Москв. 1846, XI-XII, 154.

ишь безъ пользы, воротился онъ домой. Донъ же, за свою постоянную тихость («тихий Донъ»), получилъ родительское благословеніе и смѣло пустился въ дальнюю дорогу. На пути повстрѣчалъ онъ ворона и спросилъ: куда онъ летитъ? — Къ синему морю, отвѣчалъ воронъ. «Отправимся вмѣстѣ!» Вотъ достигли они моря. Донъ подумалъ: если нырну черезъ все море, то и его утащу за собою. «Воронъ! сказалъ онъ, сослужи мнѣ службу: я нырну въ море, а ты полетай на другую его сторону, и какъ скоро долетишь до берега — каркни». Донъ нырнулъ въ море, воронъ полетѣлъ, каркнулъ — да слишкомъ рано; Донъ такъ и остался, какимъ поднесъ его видимъ ¹⁾. О рѣкахъ Донѣ и Шатѣ существуютъ въ народѣ слѣдующія двѣ поговорки: «Шатъ шатался съ глупу, да упалъ въ Упу; а Донъ покатился въ поле, да женился на мѣрѣ» ²⁾; «два брата родные и оба Ивановичи, да одинъ Донъ, а другой Шатъ», т. е. одинъ — дѣльный, а другой — шатунъ ³⁾. Г. Боричевскій ⁴⁾ записалъ бѣлорусское преданіе о рѣкахъ Днѣпрѣ и Сожѣ, начало котораго скопировано съ библейской исторіи Исава и Якова. Былъ-жилъ слѣпой старикъ Двина; у него было два сына: старшій — Сожъ, младшій — Днѣпръ. Сожъ былъ буйнаго нрава, таскался по лѣсамъ, горамъ и полямъ; а Днѣпръ отличался кротостію, сидѣлъ все дома и былъ любимцемъ матери. Сожа не было дѣла, когда мать обманомъ заставила старика-отца благословить на старѣйшинство младшаго сына. Двина изрекъ ему благословеніе: «разлейся, мой сынъ, рѣкою широкою и глубокою, протекай города, омывай села безъ счету до синяго моря; твой братъ да будетъ тебѣ слугою. Богатѣй и тучнѣй до конца въ-

¹⁾ Ibid. 1852, XIX, 101-2. Тульск. Г. В. 1852, 27.— ²⁾ Тульск. Г. В. 1857, 26. Сличн выше о выдачѣ Морскимъ Царемъ дочерирѣки замужъ въ океанъ-море.— ³⁾ Послов. Даля, 802.— ⁴⁾ Нар. сл. раз., 183-5.

ковъ!» Днѣпръ разлился рѣкою по тучнымъ лугамъ и дремучимъ лѣсамъ; а Сожъ на третій день воротился домой и сталъ жаловаться. «Если хочешь повелѣвать братошъ, сказалъ ему отецъ, бѣги скорѣе скрытыми путями, непроходными темными лѣсами, и если обгонишь брата, то онъ да послужить тебѣ!» Сожъ пустился въ погону мѣстами непроходимыми, размывалъ болота, прорѣзывалъ овраги и рвалъ корни дубовъ. Днѣпру сказалъ о томъ ястребъ, и онъ прибавилъ бѣгу, прорѣзывая высокія горы, чтобы не сворачивать въ сторону. А Сожъ уговорилъ вѣрона летѣть прямо къ Днѣпру, и только обгонитъ его хоть на шагъ — каркнуть три раза; самъ же нырнулъ подъ землю, рассчитывая выскочить наверхъ по крику вѣрона и такимъ образомъ опередить брата. Но ястребъ попалъ на вѣрона; воронъ закаркалъ прежде, нежели обогналъ рѣку Днѣпръ; Сожъ выскочилъ изъ — подъ земли и со всего размаху впалъ въ днѣпровскія воды. Замѣчательно участіе, принимаемое въ состязаніи рѣкъ ворономъ и ястребомъ, что опять-таки указываетъ на древнѣйшую связь народныхъ сказаній о рѣкахъ съ мифическими представленіями дождевыхъ тучъ; ибо и воронъ и ястребъ были обычными олицетвореніями этихъ послѣднихъ. — Сохранилось еще слѣдующее сказаніе о Днѣпрѣ, Волгѣ и Западной Двинѣ: рѣки эти были прежде людьми, Днѣпръ былъ братъ, а Волга и Двина — его сестры. Остались они сиротами, натерпѣлись всякой нужды и придумали наконецъ пойдти по бѣлу свѣту и розыскать для себя такія мѣста, гдѣ бы можно было разлиться большими рѣками; ходили три года, розыскали мѣста и приостановились всѣ трое ночевать въ болотахъ. Но сестры были хитрѣ брата; едва Днѣпръ уснулъ, онѣ встали потихоньку, заняли самыя лучшія, отлогія мѣстности и потекли рѣками. Проснулся поутру братъ, смотритъ — далеко его сестры; раздраженный, ударился онъ о сырѣ землю и въ по-

гою за ними понесся шумнымъ потокомъ по рвамъ и буеракамъ, и чѣмъ дальше бѣжалъ — тѣмъ больше злился и рылъ крутые берега. За нѣсколько верстъ до впаденія гнѣвъ его утихъ и онъ спокойно вступилъ въ морскія пучины; а двѣ сестры его, укрываясь отъ погони, разбѣжались въ разныя стороны. Вотъ отчего Днѣпръ течетъ быстрѣе Двины и Волги, вотъ почему у него много рукавовъ и пороговъ ¹⁾).

Выше-приведенная былина про новгородскаго гостя Садка рассказываетъ, что Морской Царь надѣлилъ его великими богатствами; другая старинная пѣсня приписываетъ это Ильмень-озеру, которое олицетворяется добрымъ молодецъ и называется братомъ Волги. Плылъ однажды Садко по Волгѣ-рѣкѣ, отрѣзалъ великой сукрой хлѣба, посыпалъ его солью и опустилъ въ воду съ этими словами: «спасибо тебѣ, матушка Волга! гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ — никакой скорби надъ собою не видывалъ. А иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать». И провѣстилась ему Волга-рѣка: «поклонись отъ меня брату моему, славному озеру Ильмену». Пріѣхалъ Садко на Ильмень-озеро и правилъ ему поклонъ отъ Волги-рѣки:

„А и гой сси, славный Ильмень-озеро!

Сестра тебѣ Волга челобатье посылаетъ.

Малое время позамѣшавши, приходилъ отъ Ильмень-озера удалой доброй молодецъ и спрашивалъ: «какъ де ты Волгу-сестру знаешь?» Садко рассказалъ; молодецъ далъ ему позволеніе закинуть въ озеро три невода, и торговый гость наловилъ множество рыбы и бѣлой и красной, и складъ въ три погребя; въ какой погребъ ни заглянетъ потомъ, а рыба вся превратилась въ деньги — въ серебро да въ золото. Таковъ былъ подарокъ ему отъ славнаго Ильмень-озера ²⁾).

¹⁾ Терещ., V, 43—44.— ²⁾ Кирша Дан., 266—274; дагве, по

Есть еще другое преданіе объ этомъ озерѣ. Съ западной стороны впадаетъ въ него небольшая рѣчка, называемая Черный ручей. Въ давнее время поставилъ кто-то на Черномъ ручьѣ мельницу, и взмолилась рыба Черному ручью, прося у него защиты: «было де намъ и просторно и привольно, а теперь лихой человекъкъ отнимаетъ у насъ воду». И вотъ что случилось: одинъ изъ новгородскихъ обывателей ловилъ удочкою рыбу на Черномъ ручьѣ; подходитъ къ нему незнакомецъ, одѣтый весь въ черное, поздоровался и говоритъ: «сослужи мнѣ службу, такъ я укажу тебѣ такое мѣсто, гдѣ рыба кишмя кишить». — А что за служба? «Какъ будешь ты въ Новгородѣ, встрѣтишь тамъ высокаго, плотнаго мужика въ синемъ кафтанѣ со сборами, въ широкихъ синихъ шараварахъ и высокой синей шапкѣ; скажи-ка ему: дядюшка Ильмень-озеро! Черный ручей тебѣ челобитье прислалъ и велѣлъ сказать, что на немъ мельницу построили. Какъ ты, молъ, прикажешь, такъ и будетъ!» Новгородецъ обѣщался исполнить просьбу, а черный незнакомецъ указалъ ему мѣсто, гдѣ скопилось рыбы тьма-тьмушая. Съ богатой добычею воротился рыбоволовъ въ Новгородъ, повстрѣчалъ мужика въ синемъ кафтанѣ и передалъ ему челобитье. Отвѣчалъ Ильмень: «снеси мой поклонъ Черному ручью и скажи ему про мельницу: не бывало этого прежде, да и не будетъ!» Исполнилъ Новгородецъ и это порученіе, и вотъ разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря и яростныя волны снесли мельницу ¹⁾.

Пѣсенныя сказанія сохранили живое воспоминаніе о жертвенныхъ приношеніяхъ морю и рѣкамъ. Какъ Садко чествовалъ хлѣбомъ-солью Волгу, такъ Илья-Муромецъ — свою родную Оку. Отправляясь съ родины на богатырскіе подвиги,

просьбѣ Садка, Ильмень поучаетъ его, какъ слѣдуетъ жить въ Новгородѣ.— ¹⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, смѣсь, 25—26.

спустилъ онъ на прощаньи корочку хлѣба въ Оку — за то, что поела и кормила его ¹⁾). До сихъ поръ простолюдины наши, послѣ счастливаго плаванія, благодарятъ рѣку какимъ-нибудь приношеніемъ. Стенька Разинъ, по свидѣтельству Стрѣйса, принесъ въ даръ Волгѣ свою любовницу, платную персидскую княжну. Распаленный виномъ, онъ сидѣлъ на краю лодки, и задумчиво поглядывая на волны, сказалъ: «ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! много ты дала мнѣ и злата и серебра и всякаго добра, ты меня вскормила и взлѣдила, славой и честію надѣлила; а я ничѣмъ еще тебя не благодарствовалъ. На-жь тебѣ, возьми!» Съ этими словами онъ схватилъ княжну и бросилъ въ воду ²⁾). Случится ли кому утлуть въ рѣкѣ, особенно если это невинное дитя, — у нѣмцевъ принято выражаться: «*der flussgeist fordere sein jährliches opfer*» ³⁾); про самовольныхъ утопленниковъ у насъ говорятъ: «чорту баранъ!» О нѣкоторыхъ источникахъ и озерахъ существуетъ въ Богеміи убѣжденіе, что въ нихъ каждый годъ суждено тонуть по человѣку ⁴⁾). Если жертвоприношеніями снискивалась милость водяныхъ божествъ, то на оборотъ непочтеніе къ нимъ влекло за собой неминуемую бѣду. По свидѣтельству одной старинной пѣсни, подѣхалъ молодецъ къ рѣкѣ Смородинѣ и взмолился, чтобъ указала ему бродъ. Провѣстилась рѣка человѣчьимъ голосомъ — душой красной дѣвицей:

„Я скажу тебѣ быстра рѣка, добрый молодецъ,

Я про броды конные, про мосточки калиновы, перевозы
частые:

Со броду коннаго я беру по добру коню,
Со перевозу частаго по сѣделечву черкесскому,
Со мосточку калинова по удалому молодцу;
А тебѣ безвременнаго молодца—
Я и такъ тебя пропущу.“

¹⁾ Пѣсни Кирѣев., I, стр. XXXIII.— ²⁾ Свѣд. Архивъ 1812 г., X, 30—32; Бунавъ Стеньки Разина, соч. Костомарова, 94.— ³⁾ D. Myth., 462.— ⁴⁾ Громаниъ, 49.

Переправившись через рѣку, сталъ молодецъ глупымъ разумомъ похвалиться: «сказали про рѣку Смородину—не пройди, не проѣхати чрезъ нее ни пѣшему, ни конному; а она-то хуже дождевой лужи!» Пришлось ворочаться доброму молодцу, не нашелъ онъ брода коннаго — потопила его рѣка Смородина въ своихъ глубокихъ омутахъ, а топила — приговаривала: «безвременный молодецъ! не я топлю, топить тебя похвальба твоя!» ¹⁾. Это прекрасное преданіе напоминаетъ намъ поэтическій рассказъ Гомера о рѣкахъ Ксанеѣ и Симоисѣ, преслѣдующихъ своими ярыми волнами Ахиллеса; бѣшеная злоба рѣкъ вызвана тѣмъ, что герой запрудилъ ихъ воды трупами убитыхъ троянцевъ, и издѣваясь говорилъ врагамъ:

„Васъ не спасетъ ни могучій потокъ, серебристо-пучинный
Ксанеѣ! Посвящайте ему, какъ и прежде, воловъ неясчетныхъ,
Въ волны бросайте живыхъ, какъ и прежде, коней звуконогихъ:
Всѣ вы изгибните смертію лютой...» ²⁾

Подобное-же участіе въ народныхъ усобицахъ принимаютъ рѣки и въ славянскомъ эпосѣ. Такъ въ чешской пѣснѣ о Забоѣ бурные потоки губятъ враговъ-нѣмцевъ, которые хотятъ переправиться на другую сторону, а своихъ (чеховъ) невредимо выносятъ на берегъ. Когда Игорь ушелъ изъ Половецкаго плѣна и приближалъ къ Донцу, эта

¹⁾ Кирша Дан, 296—8. Въ другой пѣснѣ княгини Марья Юрьевна, убѣгая изъ плѣна на святую Русь, проситъ быструю рѣку пропустить ее на другую сторону, и рѣка княгини послушалась, сдѣлала для нея переброды мелкіе, переходы узкіе—Дѣт. рус. лит. кн. II, 124-5. Гермаанцы не рѣшались извѣрять глубины водъ, чтобы не оскорбить божества; рассказываютъ, что однажды сталъ пловецъ бросать въ воду лотъ, а оттуда раздался страшный голосъ: „станешь извѣрять, такъ я тебя пожру!“—D. Myth., 564. — ²⁾ Иліада, XXI.

рѣка (какъ повѣствуетъ Слово о полку) привѣтствовала его: «княже Игорю! не мало ти величїя, а (хану) Кончаку нелюбїя, а русской земли веселїя». — «О Донче! отвѣчалъ Игорь, не мало ти величїя, лелѣявшу князя на влѣнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ серебряныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу, строжаше е(го) гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми ¹⁾ на ветрѣхъ». Игорь воздаеть честь Донцу за то, что лелѣялъ его на своихъ водахъ, укрывалъ его мглою отъ вражеской погонн, сталъ ему по берегамъ мягкую траву и заставлялъ оберегать его покой рѣчныхъ птицъ. Не такъ, говорить, поступила рѣка Стугна; «худу струю вѣтя» и пожравъ чужїе ручьи, она потопила юнаго Ростислава ²⁾. Понятно, почему Ярославна сѣла долгомъ обратиться къ Днѣпру съ такою мольбою: «о Днепре-Словотицю! ³⁾ ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады (ладьи)... взлелѣй, господине, мою ладу (моего мужа) ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рале: ⁴⁾. У сербовъ уцѣлѣли клятвы: «вода га однижела!» (въ смелѣ: пронади безъ слѣда!)—«тако ме не прождрла пучина морска!»—«тако ме море не изжело!» ⁵⁾ Въ сербской сказкѣ герой, научи къ Судьбѣ за разрѣшенїемъ трудныхъ вопросовъ, пришелъ «на једну воду, па почне викати: о водо! о водо! пренеси ме. А вода га упита: куда плеш? А он јој каже, куда

¹⁾ Чернедь — чирокъ.— ²⁾ Рус. Дост., III, 234—241.— ³⁾ Словутичъ (словутный, славный)—эпитетъ этотъ до сихъ поръ дается Днѣпру въ малорусской пѣснѣ; см. Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853 г., 218: „Днѣпру-словутичъ“.— ⁴⁾ Рус. Дост., III, 216—8. Въ народной рѣчи обыкновенны выраженїя: матушка-Волга или Ока, батюшка-снїий Донъ или Днѣпръ, и т. дал. — Рус. въ св. посл., II, 30. Въ малорос. пѣснѣ добрый молодецъ предлагаетъ Днѣпру побрататься съ собою—Укр. пѣсни Максимовича, 148.— ⁵⁾ Срп. и. послов., 36, 298—9.

иде. Онда га вода пренесе, па му рече: молим те, брате, ви-тај Усуда (Судьбу), за што ја немам рода у себи?» Когда онъ нашелъ Судьбу, то спросилъ: «шта би то било, да она вода нема рода?»—«А Усуд му одговори: за то нема, што није човека никад удавила; але не шали се, не казуј јој, док те не пренесе, јер ако јој кажеш—одмах ће те удавити. Онда он захвали Усуду, па пође кући. Кад дође на ону воду, вода га запита: шта је код Усуда? А он јој одговори: пренеси ме, пак ћу ти онда казати. Пошто га вода пренесе, он потрчи, па кад одмакне подалеко, а он се осврне па повиче: о водо! о водо! ниси никад човека удавила, за то рода немаш. Кад вода то чује, а она се разлије преко обале, па за њим, а он бежи, те једва утече»¹⁾). Нѣмецкая сказка рассказываетъ, какъ никса увлекла въ прудъ молодаго охотника; любящая жена его приходитъ къ пруду и вызываетъ своего милаго. Охотникъ выпрыгнулъ на берегъ, схватилъ свою подругу за руку и побѣжалъ съ нею прочь отъ обманчивыхъ мѣстъ; но едва они сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ поднялся весь прудъ и съ страшнымъ шумомъ устремился на широкое поле — въ погоню за бѣглецами, которыхъ и покрылъ водами²⁾).

По шѣрѣ того, какъ поэтическія олицетворенія, придаваемые рѣкамъ, озерамъ и источникамъ, болѣе и болѣе отдѣлились отъ своей стихійной основы и получали въ убѣжденіяхъ массы независимое, самостоятельное бытіе, воды стали разсматриваться, какъ жилища этихъ вымышленныхъ существъ. Самыя обыкновенныя житейскія нужды требовали, чтобы человекъ селился у воды. Потому духи—обитатели колодезъ, прудовъ, озеръ и рѣкъ, у которыхъ селились родичи, были для нихъ такими-же близкими божествами, какъ и пламя,

1) Срп. н. припов., 13.— 2) Сказ. Грим., 181.

разводимое на семейномъ очагѣ. Народныя повѣрья сообщаютъ многія аналогическія черты, которыя обнаруживаютъ средство водянаго съ доховымъ и равно сближаютъ ихъ съ эльфами, — и это понятно: какъ послѣдній есть водверенный на очагѣ богъ-громовникъ, такъ въ первомъ узнаемъ представленіе о дождящемъ божествѣ, низведенное на земныя потоки. Въ характерѣ водянаго доселѣ замѣтны слѣды этого древнѣйшаго представленія. Наши крестьяне называютъ его тѣмъ-же именемъ дѣдушки, какое присвоивается домовому; ния это дается иногда и лѣшему ¹⁾, который первоначально также принадлежалъ къ разряду облачныхъ духовъ (см. гл. XVII). Когда сатана, рассказываетъ народъ, со всѣмъ своимъ воинствомъ былъ низвергнутъ съ неба огненными стрѣлами Бога, то нечистые упали—одни въ темныя подземелья и адскіе вертепы, другіе въ лѣса и воды, нныя въ жилые дома, а нныя остались навсегда вертѣться въ воздухѣ; такъ произошли духи подземные (карлики, жильцы горныхъ пещеръ), лѣшіе, водяные, домовые и воздушные бѣсы — крутящіеся вихри ²⁾. Это замѣчательное преданіе содержитъ въ себѣ старинный мифъ о борьбѣ бога-громовника съ демоническими силами, подновленный библейскимъ сказаніемъ о низверженныхъ съ неба гордыхъ ангелахъ. Въ весенней грозѣ выступаетъ Перунъ на битву съ демонами, разитъ ихъ своею громовою палицею, сбрасываетъ съ воздушныхъ высотъ вихрѣ съ падающими молніями и дождевыми ливнями, и заставляетъ укрываться въ ущеліяхъ горъ, въ дремучихъ лѣсахъ и глубинѣ водъ (все это: горы, лѣса и воды—метафорическія названія облаковъ). Какъ представители темныхъ дожденосныхъ тучъ, противъ которыхъ направлены Перуновы удары, водяные сифтшиваются съ нечистою силою; народныя послови-

1) Терещ., VI, 127.— 2) Ibid., 133.

цы говорятъ: «былъ бы омутъ ¹⁾, а черти будутъ» ²⁾; «всякому чорту вольно въ своемъ болотѣ бродить»; «гдѣ балота, туды-й чортъ»; «чортъ безъ балота не будецъ, а балота безъ чорта» ³⁾; «айдзѣ привыкъ, чорце? — а въ болоцѣ» ⁴⁾; «чортъ богато грошей мае, а въ болотѣ сидитъ»; «ганя, якъ чортъ по болоту»; «въ тихомъ омутѣ черти водятся» («у тихому болоти чорти плоядця»); «изъ омота въ адъ какъ рукой податы!» — «всѣ бѣси въ воду и пузырья вверхъ!» — «ты чорта крести, а чортъ въ воду глядитъ»; «гдѣ чортъ ни былъ, а на устьѣ рѣки поспѣлъ»; «мутитъ, якъ бисъ пидъ гриблею» ⁵⁾. Дѣдушка-водяной (водяникъ, водовикъ, vodnik, wodny miż—нѣмец. wassermann) живетъ въ омотахъ, котловинахъ и водоворотахъ рѣкъ, прудовъ или озеръ, живетъ и въ болотахъ — и тогда называется болотняникъ ⁶⁾; особенно же любитъ онъ селиться подъ водяною мельницею, возлѣ самага колеса. Выше (т. I, 289—297) было объяснено, что мельница принималась за поэтическое обозначеніе громоносной тучи и что именно въ этомъ представленіи кроется основа ивешеской связи водянаго съ мельницами. На каждую мельницу полагаютъ по одному водяному, и даже болѣе — если она имѣетъ два и три постава: всякой водовикъ завѣдываетъ своимъ колесомъ, или какъ выражаются бѣлоруссы: «всякой чортъ на свое коло воду цягнетъ». Въ то

1) Омутъ отъ мутитъ, мутный; чорта называютъ смутникъ. — 2) „Аби болото, а чорти будутъ“. — 3) „Въ болоти не безъ чорта“. — 4) „Де ти, чорте, звикъ?—а въ болоти“. — 5) Номис., 49, 58, 60, 62, 104; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 33—34; 1853 г., 177, 191; Послов. Даля, 12; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 79, 86, 102; Собрание 4291 послов., 21, 175. Въ заговорѣ, напечатанномъ у Сахарова (I, 33), читаемъ: „побягу я въ темный лѣсъ на большо озерцо, въ томъ озерцѣ пльветъ челинице, въ томъ челиницѣ сидитъ чортъ съ чертицей“. — 6) Доп. обл. сл., 11.

время, когда колесо бываетъ въ ходу и вертится съ неувольной быстротою, водяной ~~идетъ~~ падаетъ наверху его и брызжетъ водою. Мельникъ непременно долженъ быть колдунъ и водить дружбу съ нечистыми; иначе дѣло не пойдетъ на ладъ. Если онъ съумѣетъ задобрить водянаго, то мельница будетъ всегда въ исправности и станетъ приносить большіе барыши; напротивъ, если не поладитъ съ нимъ, то мельница будетъ безпрерывно останавливаться: водяной то оберетъ у шестернаго колеса палецъ, то прососетъ дыру у самыхъ вешниковъ—и вода уйдетъ изъ пруда прежде, нежели мельникъ замѣтитъ эту проказу, то нагонитъ поводь и затопитъ колѣса ¹⁾. Одинъ мужикъ построилъ мельницу, не спросяся водянаго, и за то послѣдній вздулъ весною воды съ такою силою, что совѣмъ разорилъ постройку: разсказъ, сходный съ преданіемъ о мельницѣ, которую разорили Ильмень-озеро и Черный ручей ²⁾. Водяной относительно мельницы является съ тѣмъ-же значеніемъ, съ какимъ домовой относительно жилого дома; какъ ни одно жилье не можетъ стоять безъ охраны усопшихъ предковъ, почему и закладка его совершается на чью-либо голову, такъ точно со всякой новой мельницы водяной (по народному повѣрью) беретъ податъ, т. е. увлекаетъ въ омутъ человѣка ³⁾. При постройкѣ мельницы достаточно положить зарокъ на живую тварь: свинью, корову, овцу (намѣкъ на древнія жертвы) или человѣка, а ужъ водяникъ рано или поздно найдетъ свое посуленное и утопитъ въ водѣ ⁴⁾; большая мельница строится не менѣе, какъ на десять головъ (тамбов. губ.). Народъ представляетъ водянаго голымъ старикомъ, съ большимъ одутловатымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ ⁵⁾, что вполне соотвѣтствуетъ его стихій-

¹⁾ Совр. 1856, XI, смѣсь, 16—17; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 36—37; Терещ., VI, 11—12.— ²⁾ Сынъ Отеч. 1839, т. VIII, 81.— ³⁾ Послов. Даля., 1041.— ⁴⁾ Совр. 1856, XI, смѣсь, 25.— ⁵⁾ Ibidem, 16.

ному характеру. Виѣтъ съ этимъ, какъ всѣ облачные духи, онъ — горькой пьяница. Вино и медъ были самыми употребительными метафорами дождя; припадая къ тучамъ, богъ Индра жадно тянулъ изъ нихъ опьяняющій напитокъ (сому) и поглощалъ его въ свое огромное брюхо; античные сатиры и силены и родственные имъ лѣшіе и черти отличаются тѣми же признаками. Водяные и нечистые духи любятъ собираться въ шинкахъ и проводить время въ попойкахъ, играя въ кости ¹⁾ и карты ²⁾. Уподобленіе дождя меду заставило признать водяного покровителемъ пчеловодства; изстаря принято первый отроившійся рой собирать въ иѣшокъ, и привязавъ къ нему камень, топить въ рѣкѣ или пруду — въ жертву водяному; кто такъ сдѣлаетъ, у того разведется много пчель ³⁾. Въ день св. Зосимы и Савватія пасичникъ, желающій ииѣть изобиліе въ медѣ, вынимаетъ изъ улья сотъ и въ двѣнадцать часовъ ночи отправляется къ мельницѣ и погружаетъ его въ воду, произнося заклятіе (см. т. I, 381—4). Такъ какъ урожай зависяетъ отъ дождящаго Перуна, то (по ииѣнію лужичанъ) появленіе водяного даетъ предвѣстіе о будущиѣхъ цѣнахъ на хлѣбъ; одѣтый въ балахонъ, края котораго всегда мокры, онъ показывается на рынкахъ и торгуетъ рожъ: если покупка состоится по высокой цѣнѣ, то надо ожидать дороговизны (неурожая), а если по низкой, то хлѣбъ будетъ дешевъ ⁴⁾

Водяные живутъ полными домохозяевами; въ омутахъ, среди тростниковъ и осоки, у нихъ построены большія каменные палаты; у нихъ есть свои стада лошадей, коровъ, овецъ и свиней, которыхъ по ночамъ выгоняютъ они изъ водъ и па-

¹⁾ Игра въ кости означаетъ тоже самое, что и выше-объясненная игра шарами—см. т. I, 534; изобрѣтателемъ ея былъ Вуотанъ — D. Myth., 958. — ²⁾ Описан. олонец. губ. Дашкова, 217—8; Терещ., VI, 135. — ³⁾ Рус. Бес. 1860, I, 82. — ⁴⁾ D. Myth., 460.

суть на смежныхъ лугахъ. Такія-же стада находимъ у богато-громоуника и великановъ: это — знакомыя намъ зооморфическія олицетворенія облаковъ и тучъ. Водовики почти всегда женаты и имѣютъ по многу дѣтей; женятся они на водяныхъ дѣвахъ, извѣстныхъ у славянъ подъ разными названіями (моряны, водяницы, водпу жопу, дунавки, русалки и пр. — см. гл. XXIII); вступаютъ въ связи и съ земскимъ міромъ, женясь на утопленницахъ и на тѣхъ несчастныхъ дѣвушкахъ, которыя были прокляты отцемъ или матерью и вълѣдствіе этого проклятія уведены нечистою силою въ подводныя селенія. Погружаясь на дно рѣкъ и озеръ и задыхаясь въ глубокихъ водахъ, смертныя дѣвы переходятъ въ царство усопшихъ душъ и смѣшиваются съ толпами стійныхъ существъ, становятся эльфами и русалками (см. гл. XXIV), и потому дѣлаются доступными любви водянаго ¹⁾. Когда въ полноводіе, отъ весенняго таянья снѣговъ или отъ долгихъ проливныхъ дождей, выступитъ рѣка изъ своихъ береговъ и стремительнымъ напоромъ волнъ поломастъ мосты, плотины и мельницы; то крестьяне думаютъ, что всѣ эти бѣды произошли отъ того, что водяные подпили на свадьбѣ, предались буйному веселью и пляскамъ, и въ своей разгульномъ поѣздѣ разрушили всѣ встрѣчныя прегра-

¹⁾ Н. Р. Ск., VIII, 19 и стр. 453; О. З. 1848, IV, 144—5: утонула одна дѣвушка и нѣсколько лѣтъ жила съ водянымъ. Разъ въ ясный день подплыла она къ берегу, увидала красное солнце, зеленныя рощи и поля, услышала жужжаніе насекомыхъ и отдаленныя звуки колоколовъ; тоска по прежней земной жизни обуяла ее—и она не устояла противъ искушенія: вышла изъ воды и пустилась въ родное село. Но тамъ не узнали ее ни родные, ни знакомые. Грустная шла она вечеромъ по берегу и была снова захвачена водянымъ; черезъ два дня валяясь на песку ея обезображенный трупъ, а рѣка шумѣла и волновалась—то истательный водяной оплакивалъ свою невозвратную потерю.

ды ¹⁾. Свадебное торжество, которое созерцалъ древній человекъ въ грозовой бурѣ, было перенесено имъ на весенніе разливы рѣкъ; связь этого повѣрья съ преданіемъ о пляскѣ Морскаго Царя, когда онъ выдавалъ свою дочь замужъ за богатаго гостя Садка, очевидна и не требуетъ поясненій. Когда у водянаго должна родить жена, онъ принимаетъ видъ обыкновеннаго человека, является въ городъ или деревню и приглашаетъ съ собой повивальную бабку, ведетъ ее въ свои подводныя владѣнія и щедро награждаетъ за трудъ серебромъ и золотомъ ²⁾. Рассказываютъ, что однажды рыбаки вытащили въ сѣтяхъ ребенка, который рѣзвился и игралъ, когда его опускали въ воду, и томился, грустилъ и плакалъ, когда приносили въ избу. Ребенокъ оказался дѣтищемъ водянаго; рыбаки отпустили его къ отцу — съ условіемъ, чтобы онъ нагонялъ въ ихъ сѣти какъ можно болѣе рыбы, и условіе это было имъ свято соблюдаемо ³⁾.

Вода составляетъ существенное свойство, необходимую природу водянаго: появится ли онъ въ деревнѣ — его легко узнать, потому что съ лѣвой стороны его постоянно капаетъ вода; гдѣ бы онъ ни сѣлъ, то мѣсто всегда оказывается мокрымъ. Въ своей родной стихіи водяной непреодолимъ, а на землѣ сила его слабѣетъ ⁴⁾. Хозяинъ извѣстныхъ водъ, онъ на всемъ ихъ пространствѣ обладаетъ рыбами и другими животными, какія только тамъ водятся; все, что ни случается на рѣкахъ, прудахъ или озерахъ, — творится по его волѣ: онъ бережетъ пловца въ бурную погоду, даетъ рыбаку счастливый уловъ, смотритъ за его неводами и бреднями, и въ тоже время, согласно съ разрушительными свойствами олице-

¹⁾ Совр. 1856, XI, снѣзь, 19. 26—27; Снѣзь Отеч 1839, т. VIII. 82; О. З. 1848, IV, 144; Volkslieder der Wenden, II, 267.— ²⁾ Записки Авдѣев., 147.— ³⁾ О. З. 1848, IV, 145.— ⁴⁾ Памятн. вв. архангел. губ. на 1864 г., 73; Громаннъ, 41—42.

твореной имъ стихіи, склоненъ къ злымъ проказамъ. Всѣ бѣды на водѣ бывають отъ него: онъ заманиваетъ пловцовъ въ опасныя мѣста, перевертываетъ лодки, размываетъ гребли и плотины, портитъ рыболовныя снасти и пугаетъ скотину на водопой. Случается, что рыбаки, подымая неводъ, вытаскивають вмѣстѣ съ рыбою и водянаго дѣда, который тотчасъ же разрываетъ сѣть, ныряетъ въ воду и вслѣдъ за собою выпускаетъ всю пойманную рыбу. Одинъ рыбакъ, завидя, что по рѣкѣ плыветъ тѣло утопленника, взявъ его въ лодку, по къ ужасу его мертвецъ вдругъ ожилъ: вскочилъ, захохоталъ и бросился въ омутъ. Такъ подшутилъ надъ нимъ водяной ¹⁾. Обыкновенно водяникъ ѣздитъ на сомѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рыбу эту не совѣтуютъ употреблять въ пищу, потому что это — чортовъ конь; пойманнаго сома не слѣдуетъ бранить, чтобы не услыхалъ водяной и не вздумалъ отомстить за него ²⁾. Если же водяному придетъ охота осѣдлать крестьянскаго коня, быка или корову, то бѣдное животное подъ нимъ подламывается, вязнетъ въ тинѣ и издыхаетъ. Чтобы охранить отъ этой бѣды своихъ лошадей и коровъ, во время переправы ихъ черезъ рѣку, поселяне чертятъ на водѣ крестъ ножомъ или косою (= эмблемы Перунова оружія). Объ утопленникахъ думаютъ, что ихъ увлекаетъ водяной, и еслибы не онъ — то, по мнѣнію простонародья, никто бы и не тонулъ. Трупъ утопленника потому и бываетъ раздутымъ, посинѣлымъ, что его давилъ водяной. Разъ охотникъ полтъъ въ воду доставать застрѣленную утку; тутъ ухватилъ его кто-то за шею и потащилъ на дно; насилу топоромъ отбился, а шея-то вся въ синякахъ — такъ и знать слѣды, гдѣ были пальцы водянаго! Въ Малороссіи дѣти — прежде, нежели стануть купаться, причитываютъ на распѣвъ:

¹⁾ Рус. Бес. 1856. III, ст. Максимов., 82; Ворон. Г. В. 1850, 10.—

²⁾ Иллюстр. 1846, 247, 333.

Чортокъ, чортокъ!
 Не ломай кистокъ;
 Ты в' воды, а я въ воду.

Задавнвши чловѣка, водяной отрѣшаетъ душу отъ тѣла и беретъ ее въ свою службу (т. е. присоединяетъ къ альфамъ), тѣло же бросаетъ, и потому оно всплываетъ наверхъ ¹⁾. Темные омуты и водовороты, гдѣ живутъ водяные, считаются самыми опасными мѣстами; кто рѣшается переплыть ихъ, тотъ рискуетъ на вѣрную гибель. Не слѣдуетъ купаться безъ шейнаго креста и послѣ солнечнаго заката: крестъ — вѣрная защита отъ демонскаго навожденія, а ночь — время усиленной дѣятельности водянаго. «Какое теперь купанье, говорятъ крестьяне послѣ захожденія солнца; теперь водяной зажилъ!» Точно также, проснувшись ночью, не должно пить воду: «какъ пить ночью, коли водяной зажилъ! того и смотри — водяная хворь привяжется». О страдающихъ этою болѣзней говорятъ: «вѣрно, выпилъ не благословясь!» Это повѣрье о насланіи водянымъ болѣзни служитъ новымъ доказательствомъ связи его съ альфами (см. гл. XXII). Заживаетъ водяной ночью, т. е. по первоначальному значенію мифа — во мракѣ дожденосныхъ тучъ, заволакивающихъ небо и претворяющихъ свѣтлый день въ темную ночь. Наровнѣ съ ночнымъ временемъ, и вся недѣля, въ которую приходится праздникъ Ильи-пророка, признается опасною для купанья; въ эти дни, посвященные громовнику, Перунъ производитъ грозы, а водяной ищетъ себѣ жертвъ. При дневномъ свѣтѣ водяной большею частію скрывается въ глубинѣ ²⁾, а въ ночномъ сумракѣ выплываетъ наверхъ и даже выходитъ на берегъ рас-

¹⁾ Совр. 1856, XI, 26; Рус. Бес. 1856, III, 82; Сынъ Отеч. 1839, IV, 80. — ²⁾ Только во время дождя, идущаго при солнечномъ сіяніи, онъ выходитъ изъ воды и грѣтся, сидя на берегу — Громанинъ, 233.

чесывать гребнем свои волосы. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью — и звучные удары его далеко слышны по плесу, или ныряетъ съ неудовимою для глазъ быстротою: среди совершенной тишины вдругъ гдѣ-нибудь за клубится, заплѣнится вода, изъ нея выскочитъ водяное чудо и въ тотъ-же мигъ скроется, а въ полверстѣ отъ этого мѣста снова клубится и плѣнится вода и снова выставляется голова водянаго ¹⁾. Въ ночную-же пору дерутся водяные съ лѣшными, отчего идетъ по лѣсу грохотъ и трескъ падающихъ деревьевъ и громко раздается во все стороны шумъ плещущихъ волнъ ²⁾: повѣрье, намекающее на битвы грозныхъ духовъ; грохотъ и трескъ въ лѣсу и звучные удары по водѣ соответствуютъ громовымъ раскатамъ, отъ которыхъ сокрушаются темныя дебри облаковъ и льются дождевые потоки.

Чези убѣждены, что надъ тѣми людьми, которымъ судьба опредѣлила утонуть, водяной получаетъ таинственную власть, которую ничѣмъ нельзя отклонить. Донны въ Богеміи рыбаки неохотно соглашаются подать помощь утопающему; они боятся, чтобы водяной не лишилъ ихъ за это счастья въ рыбной ловлѣ и не утопилъ бы ихъ самихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Здѣсь рассказываютъ, что водяной нерѣдко сидитъ на берегу, съ дубинкою въ рукахъ, на которой развѣваются разноцвѣтныя ленты. Эти ленты оказываются болѣзнями водяными порослями и травами; ими онъ приманиваетъ дѣтей, и какъ скоро это удастся ему — схватываетъ ихъ и безжалостно топчетъ въ водѣ ³⁾. На Руси видали его плавающимъ на чурбанѣ или корягѣ: онъ сидитъ на ней голый, весь въ тинѣ, нитя на головѣ высокую боярскую шапку, свиту ую изъ зе-

¹⁾ О. З. 1848, IV, сжъсь, 145—6; V, 24; Абев., 68; Иллюстр. 1845, 298. — ²⁾ Терещ, VI, 135; Сынъ Отеч. 1839, IV, 81. — ³⁾ Громанъ, 11—12.

леної куги, и вокругъ тѣла зеленыйя поясъ изъ той-же травы ¹⁾). Олицетворяя источники и рѣки въ живыхъ человѣческихъ образахъ, фантазія растущія въ нихъ водахъ и по берегамъ травы обратила въ уборы созданныхъ ею мнѣческихъ существъ. Лужичане цвѣтовую или семенную почку тростника называютъ wodneho miža rogsty, rotasžku, lohszy ²⁾). Но какъ вообще травы и растенія уподоблялись волосамъ матери-земли и орошающихъ ея водъ (I, 138—141), то метафора эта въ примѣненіи къ водянымъ духамъ и дѣвамъ породила сказаніе о зеленыхъ волосахъ и бородѣ дѣда-водяника и зеленыхъ косахъ русалокъ ³⁾). Нѣмецкія сказанія также нерѣдко даютъ нѣксамъ зеленые волосы, зеленую одежду и зеленыя шляпы ⁴⁾).

Подобно домовому, который все тащитъ изъ сосѣдскихъ кладовыхъ и амбаровъ въ свой собственный домъ, — водяной ухитряется перезывать къ себѣ рыбу изъ чужихъ рѣкъ и озеръ ⁵⁾). Такъ объясняютъ простояюдины умаленіе и совершенное исчезаніе рыбы въ тѣхъ или другихъ водахъ. Объясняютъ это и нѣсколько иначе, увѣряя, что одинъ водяной проигралъ все свое добро другому. Такъ о водяникахъ Кончозерскомъ и Пертозерскомъ рассказываютъ, что они, какъ сосѣди, играли въ карты (позднѣйшая замѣна старинной игры въ шары), и первый выигралъ у послѣдняго всю ряпушку; съ тѣхъ поръ рыба эта перестала ловиться въ Пертозерѣ ⁶⁾).

Лѣтомъ водяной бодрствуетъ, а зимою спитъ; ибо зимніе холода запираютъ дожди и застилаютъ воды льдами. Съ началомъ весны (въ апрѣлѣ), когда зачинается новая жизнь, когда

¹⁾ Иллюстр. 1845, 298.— ²⁾ D. Myth., 455—7. Зеленъ, плавающую на поверхности пруда, чехи считаютъ кожей убитаго водянаго — Громанаъ, 233.— ³⁾ Терещ., VI, 124; Сынъ Отеч., IV, 80.—⁴⁾ Beitrüge zur D. Myth., II, 281—2.— ⁵⁾ Сахаров., II, 81.— ⁶⁾ Сынъ Отеч. 1839, IV, 81; Терещ., VI, 135.

домовой мѣняетъ свою шкуру и обнаруживаетъ бѣшеную страсть все ломать и портить, водяной пробуждается отъ зимней спячки—голодный и сердитый; съ досады онъ ломаетъ ледъ, вздымаетъ волны, разгоняетъ рыбу въ разные стороны, а мелкую и совсѣмъ замучиваетъ. Въ этомъ преданіи прекрасно выражена мысль о пробужденіи водъ отъ зимняго сна: съ полнымъ разгуломъ несется проснувшаяся рѣка, сбрасывая съ себя ледяные покровы и напоромъ полои воды и льдинъ снося мосты, гати, мельничныя снасти и прибрежныя склады и строенія. Въ архангельской губ. о прибывающей водѣ говорятъ, что она заживаетъ ¹⁾. Около этого времени гнѣвнаго водянаго ублажаютъ жертвами. Крестьяне покупаютъ миромъ лошадь, не торгуясь въ цѣнѣ; три дня откармливаютъ ее хлѣбомъ и конопляными жмыхами; потомъ спутываютъ ей ноги веревкою, на шею надѣваютъ два жорнова, голову обмазываютъ медомъ, въ гриву вплетаютъ красныя ленты, и въ полночь опускаютъ въ прорубь (если стоять еще ледъ), или топятъ среди рѣки (если ледъ прошелъ). Три дня дожидается водяной этого гостинца, выражая свое нетерпѣніе колыханіемъ воды и глухимъ стономъ. Задобренный приношеніемъ, онъ смиряется (см. т. I, 635). Съ своей стороны рыболовы чествуютъ водянаго жертвеннымъ возліаніемъ; старшій изъ нихъ выливаетъ въ рѣку масло, приговаривая: «вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье! люби да жалуй нашу семью» ²⁾. Мельники, чтобы водяной не разорвалъ плотины, однажды въ годъ приносятъ ему въ даръ откормленную черную свинью; кто этого не дѣлаетъ, того онъ замучиваетъ во время сна (сравни съ повѣрьями о домовыхъ марахъ), а плотину навѣрно размочетъ ³⁾. Какъ пѣ-

¹⁾ Обл. Сл., 62.— ²⁾ Сахаров., II, 21; Послов. Даля, 978.— ³⁾ Терещ., VI, 11—12.

тухъ, служившій символомъ огня, былъ посвященъ домовому и считался лучшимъ для него жертвенною яствою; такъ гусь, представитель водной стихіи, посвящался водяному. Если выкинетъ изъ трубы, то съ цѣлю предохранить домъ отъ пожара опускаютъ въ нее живаго гуся: средство это, по народному повѣрью, также спасительно, какъ и веда, заливающая огонь. Гуси и утки все лѣто живутъ на рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, подъ надзоромъ и охраною дѣдушки водянаго ¹⁾; а на зиму покидаютъ оцѣпелыя воды. Въ половинѣ сентября, когда становится ощутительно приближеніе зимы, водяному приносятъ гуся, какъ прощальный даръ— въ благодарность за то, что сторожилъ домашнихъ гусей и утокъ въ продолженіе лѣта ²⁾).

Въ мифическихъ сказаніяхъ древности облака и тучи были уподобляемы рыбамъ, плавающимъ въ воздушномъ океанѣ. Это представленіе сочеталось и съ тѣми человѣческими образами, въ какихъ фантазія олицетворяла небесные и земные источники. Водяные духи и дѣвы то совершенно превращаются въ рыбъ, то являются съ смѣшенными формами чело-вѣка и рыбы. Такъ греческія сирены, итмецкія никсы, славянскія моряны и русалки съ головы по поясъ представляются юными дѣвами чудной, обольстительной красоты, а ниже пояса имѣютъ рыбій хвостъ. Выставляя изъ водъ свои прекрасныя головы, бѣлоснѣжныя плечи и груди, онѣ поютъ чарующія пѣсни и манятъ къ себѣ неосторожныхъ юношей, которые, будучи не въ силахъ противиться страстному наитію любви, бросаются въ волны и тонуть въ предательской сти-

¹⁾ Иллюстр. 1846, 247. Наряду съ пѣтухомъ, и гусь даетъ предвѣщаніе о будущихъ свадьбахъ. Дѣвушки завязываютъ гусю глаза и пускаютъ его въ избу; къ какой изъ нихъ подойдетъ онъ и клонеть, та въ скоромъ времени будетъ замужемъ — Маякъ, XVI; Херсон. Г. В. 1846, 10 — ²⁾ Сахаров., II, 57.

ли¹⁾. Народныя русскія сказки говорятъ о вѣщихъ («мудрыхъ») дѣвахъ, которыя плаваютъ въ морскихъ и рѣчныхъ водахъ то бѣлыми лебедями, то златопѣрыми рыбками; пойманная на удочку и кинутая наземь, рыбка эта обрывается красной дѣвицей, выходитъ замужъ за сказочнаго героя, вѣхъ плѣняетъ красотой и вѣхъ превосходитъ силою чародѣйнаго вѣдѣнія²⁾. Въ польской редакціи той-же самой сказки герой закидываетъ въ воды уду-самоловку съ серебряной волосенью, съ золотымъ полплавкомъ, и ловитъ русалку—полудѣву, полурыбу, одаренную дивною красотой и очаровательнымъ голосомъ³⁾. По древне-политическимъ воззрѣніямъ, въ весенней грозѣ богъ-громовникъ выступалъ на ловлю рыбы-тучи и закидывалъ для того въ небесныя воды уду-молнію, или онъ преслѣдовалъ легконогую облачную нимфу, и какъ скоро настигалъ ее—дѣлилъ съ нею любовь. Оба эти представленія фантазія соединила вмѣстѣ: рыба, пойманная сказочнымъ героемъ, превращается въ вѣщую дѣву, съ которою онъ и вступаетъ въ брачный союзъ. Ходитъ еще на Руси слѣдующій интересный рассказъ: одинъ молодой промышленникъ каждый вечеръ игралъ на гусяхъ въ своей гальѣтѣ, и какъ только заиграетъ — слышно было, что кто-то пляшетъ передъ нимъ. Захотѣлось ему узнать, что бы это значило? и вотъ онъ спряталъ подъ черепкомъ зажженную свѣчу, и когда вдругъ освѣтилъ ею гальѣту—передъ нимъ стояла блѣднолицая красавица съ русыми косами: то была русалка, или по другому варианту — проклятая отцемъ дѣвица, которая проживала у нечистыхъ въ морской глубинѣ⁴⁾. Подобный-же рассказъ находимъ въ хору-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 282; D. Myth., 459; Громовикъ, 11.—

²⁾ Н. Р. Сж., VII, 22.— ³⁾ Глинск., IV, 31—57; I, 237—8.— ⁴⁾ Н. Р. Сж., VIII, 19; Пассек., III, 194—5.

танскихъ приповѣдкахъ, гдѣ героинею является дѣвица, которая еще ребенкомъ была похищена и унесена въ море; тамъ ее вскормили морскія дѣвы, научили пляскамъ, и бѣлое тѣло ея облекли рыбьей чешуею ¹⁾. На Украинѣ существуетъ повѣрье, что когда играетъ (=волнуется, шумитъ) море — на поверхность его выплываютъ морскіе люди — «що половина человека, а половина риби» и поютъ пѣсни; чумаки приходятъ тогда къ морю, слушаютъ и научаются тѣмъ славнымъ пѣснямъ, которыя потомъ распѣваютъ по городамъ и селамъ ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ этихъ «морскихъ людей» называютъ фараонами, смѣшывая старинное преданіе о морянахъ съ библейскимъ сказаніемъ о Фараоновомъ воинствѣ, потонушемъ въ волнахъ Чермнаго моря. Рассказываютъ, что люди эти — съ рыбьими хвостами и что они обладаютъ способностью предсказывать будущее. Въ суевѣрно-настроенномъ воображеніи крестьянъ саратовской и другихъ губерній омуты населены нечистыми духами-оборотнями, принимающими на себя образы различныхъ рыбъ; большая опасность угрожаетъ тому рыбаку, который ударилъ бы въ такую рыбу острогою. По народнымъ рассказамъ, известнымъ въ сѣверо-восточной Россіи, водяной часто обращается рыбою и по преимуществу — щукою ³⁾.

¹⁾ Сб. Валявца, 241—2. Къ разряду этихъ мифическихъ танцовщицъ должны быть отнесены и тѣ сказочныя царевны, которыя такъ были пристрастны къ танцамъ, что каждую ночь уходили въ подземное царство (=въ страну темныхъ тучъ), предавались тамъ неистовымъ пляскамъ, и всякой разъ изнашивали по парѣ новыхъ башмаковъ — Н. Р. Ск., VI, 56; VIII, стр. 525—6; Матер. для изуч. нар. слов., 36—37; Бульда, I, 86; Сказ. Грим., 133.—²⁾ Москв. 1846, XI—XII, 154; Кулишъ, II, 36.—³⁾ Совр. 1856, XI, смѣсь, 22—24; Владим. Г. В. 1844, 52; С. Петерб. Вѣдом. 1865, 65; Духъ Христіан. 1861—2, XII, 275. Греки представляли Тритона (водянаго бога) съ длиннымъ рыбьимъ хвостомъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВАМЪ XV И XVI.

I. О жертвоприношеніяхъ у славянъ находимъ слѣдующія свидѣтельства: Прокопій говоритъ, что славяне, поклоняясь верховному богу-громовержцу, приносили ему въ жертву быковъ и иныхъ священныхъ животныхъ; «они поклонялись также рѣкамъ и нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ божествамъ, всѣмъ имъ приносили жертвы, и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадали». По его показанію, славяне, отправляясь въ бой или будучи удручены болѣзною, давали обѣты принести жертву за спасеніе своей жизни. Константинъ Порфирородный упоминаетъ о приношеніяхъ въ жертву хлѣба, мяса и птицъ ¹⁾. Ибнъ-Фоцланъ ²⁾ рассказываетъ о русскихъ вупцахъ, что, пріѣзжая съ товарами, они приносили влодамъ хлѣбъ, мясо, лукъ, молоко и опьяняющій напитокъ, съ просьбою послать имъ хорошихъ покупателей, при чемъ смиренно кланялись (сличн съ выраженіями Краледворской рукописи: *klanieti bohu, se biti w celo predi bohu*). Когда же выгодно сбывали свои товары, то говорили: «владыка помогъ мнѣ, и я долженъ заплатить ему!» и убивали нѣсколько быковъ и овецъ; часть мяса раздавали бѣднымъ, другую клали передъ истуканами, а головы жертвенныхъ животныхъ тутъ-

¹⁾ Макуш., 70, 101.— ²⁾ Стр. 7—9. Приводимъ это свидѣтельство единственно для полноты, такъ какъ еще не рѣшено, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ руссами Ибнъ-Фоцлана: норманновъ или славянъ.

же настромляли на колья, вбитые въ землю. Если мясо было съѣдаемо ночью собаками, купцы говорили: «владыка благоволитъ ко мнѣ—онъ вкусилъ мой даръ!» О жертвахъ у славянъ упоминаютъ также Масуди, Несторъ и старинный переводчикъ слова Григорія Назіанзинна. Послѣдній допустилъ въ свой переводъ слѣдующую любопытную вставку: «овъ трѣбу сътвори на стоуденьци... несъщимъ богомъ жьреть и Бога створьшаго небо и земляж раздражаетъ; овъ рѣкж богинь нарицаетъ, и звѣрь живящъ въ неи яко бога нарицаая, трѣбж творить; овъ Дью жьреть, а другыи Дивни» ¹⁾). У Нестора читаемъ: «и постави кумиры (Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Сима, Регла и Мокоши). Жьраху имъ, наричюще я богы; привожаху сыны своя и дъщери, и жьраху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровь ми земля руска и холмъ отъ» ²⁾). Въ словѣ нѣкоего христіюбца сказано: «вѣруютъ въ Перуна... (исчисляются имена боговъ) и въ вилы, ихже числомъ тридевятъ сестрѣницъ глаголють невѣгласи и мнятъ богинями, и так(о) покладывахуть имъ теребы (въ другомъ спискѣ прибавлено: и корован имъ молятъ), и куры имъ рѣжють и огневѣ молятся». Подобныя упреки повторяются и въ другихъ поученіяхъ: «и приступиша къ идоломъ, и начаша жрети молніи и грому, и солнцю и лунѣ, а друзіи Пере(у)ну, Хоурсу, виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихже нарицають тридевятъ сестриниць, а нѣмъ въ Сварожитца вѣруютъ и въ Артеמידу, ихже неведлаши чедовѣчи молятся, и куры имъ режють... и нѣмъ въ водахъ потопляеми суть. А друзіи къ кладязѣмъ приходяще молятся и въ воду мечють... жертву приносяще, а друзіи огнѣви и каменію, и рѣкамъ, и источникомъ, и берегынямъ, и въ дрова— не токмо же преже въ поганьствѣ, но мнози и нынѣ то тво-

¹⁾ Изв. Ав. Н., IV, 310.— ²⁾ П. С. Р. Л., I, 34.

рять» ¹⁾. Здѣсь-же встрѣчаемъ извѣстія о жертвенныхъ приношеніяхъ Роду и рожаницамъ, о чемъ см. въ главѣ XXV. У поляковъ, по свидѣтельству Длугоша, во время народныхъ празднествъ закалались въ жертву быки и овцы. Любопытныя свѣдѣнія сохранили намъ пѣсни Краледворской рукописи: Воймиръ, одержавши побѣду, въ томъ-же мѣстѣ и въ тотъ-же часъ хотѣлъ «obiet vzdáti bohóm»; но, по совѣту Честмира, отложилъ это священное дѣло, рѣшился гнать за неприятелемъ и воскликнулъ:

Neziarte sie bozi svému sluze,
Ež ne páli obiet w dnešniem slunci! ²⁾

За нами обѣтъ! прибавилъ Честмиръ, понесемся туда въ дубраву, гдѣ возвышается любимая богами скала (skála bohóm zmlená); на ея вершинѣ сотвори обѣтъ богамъ-спасамъ за побѣду свершившуюся, за побѣду грядущую; пусть войско идетъ туда, гдѣ obiet tvoj povieie w slúpech dýmu ³⁾. И Воймиръ явился на указанное мѣсто:

Na wršie skály z aniéti obiet
Bohóm svym spasám;
Iim obietowa kravieu buinu,
Srst červená po niéi sie lskieše...
Plá pola še obiet i bližšie sie voi.
Prokny, ida kol obieti, bohóm slavu hlášáše,
I zacházeie zezwuče nemeškaše ⁴⁾.

¹⁾ Лвт. рус. лит., т. IV, 89, 92, 97, 107--8; въ рукописномъ требаниѣ 1601 г. (въ собраніи Царскаго) въ чинѣ исповѣди упоминается о чествованіи Перуна, Хорса и Мокоси яствами и питьемъ — Моск. Вѣдом. 1853, 91.— ²⁾ Переводъ: Не гнѣвайтесь боги на слугу своего, что не возжигаетъ онъ обѣта въ этотъ часъ!— ³⁾ ... гдѣ твой обѣтъ (твоя жертва) повѣетъ въ столпахъ дыма.— ⁴⁾ На вершинѣ скалы возжегъ обѣтъ богамъ своимъ-спасамъ, принесъ имъ въ жертву кривицу бодрую—червоинна (рыжая) шерсть на ней

Телица сожжена не вся: плечи ея и жирныя лопатки достались воинамъ. О балтійскихъ славянахъ Гельмольдъ замѣчаетъ: «жрецъ посредствомъ жребія опредѣлялъ празднества богамъ, и тогда сходились мужи и жены съ дѣтьми и приносили въ жертву быковъ и овецъ», послѣ чего начиналось общественное пиршество. На этихъ пирахъ пили во имя боговъ круговую чашу. При описаніи осенняго празднества Святовиту, Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что жители острова Руяны, собравшись передъ храмомъ, приносили въ жертву этому богу животныхъ и учреждали пиршество ¹⁾. Какъ съ одной стороны божество огня участвовало въ семейной трапезѣ человѣка (прежде, нежели приступали къ этой трапезѣ, домовладыка обязанъ былъ удѣлить отъ изготовленныхъ яствъ и напитковъ даръ возженному на очагѣ огню), такъ съ другой стороны самый человѣкъ принималъ участіе въ тѣхъ «законныхъ обѣдахъ», которые предназначались богамъ. Вкушая отъ жертвенныхъ яствъ и напитковъ, онъ сопричитался безсмертнымъ, и подобно имъ становился недоступнымъ злымъ чарамъ и нечистой силѣ. Мало по малу религіозныя празднества обратились въ шумныя оргіи и попойки. Поучительныя слова, направленные противъ языческихъ преданій и обрядовъ, рѣзко осуждаютъ тѣхъ, которые «кумирьскую жертву ядятъ... вѣрують въ Стрибога, Дажьбога и Переплута (?), иже вертячеся ему піють въ розѣхъ» (пьютъ въ роговъ ²⁾). Обычай пить во славу боговъ въ христіанскую эпоху былъ примѣненъ къ но-

лоснилась... Пылала жертва и приближались воины; каждый, проходя мимо жертвы, возглашалъ богамъ славу и звучалъ оружіемъ— Ж. М. Н. П. 1840, XII, 125—7.— ¹⁾ Срезнев., 69, 73—74. У германцевъ жрецъ раздѣлялъ жертву на части и раздавалъ народу; каждый уносилъ свой кусокъ домой. Во время большихъ празднествъ пиروвали сообща—всѣ вмѣстѣ (D. Myth., 50).— ²⁾ Дат. руслит., т. IV, 99, 108—9.

воу въ роученію; Феодосій Печерскій, возстаая противъ пѣнства, совѣтуетъ не пѣть тропарей за застольными чашами: можно только въ началѣ обѣда одну чашу выпить во славу Христа, да другую при концѣ—во славу Богородицы ¹⁾. Точно такъ у германцевъ древнее обыкновеніе пить во имя Тора, Одина и Фрей — такъ называемые *tippi* (слово, по мнѣнію филологовъ, родственное съ славянскимъ *мню* и потому равнозначущее нашему: память или поминки) впоследствии сдѣлались кубками въ честь архангела Михаила, Спасителя и Пречистой Дѣвы ²⁾. Осушая эти чаши, предки наши обращались къ богамъ, какъ подателямъ всякихъ благъ, и молили даровать имъ самимъ, друзьямъ ихъ и родичамъ здоровье и счастье; такъ возникли задравные тосты. Обрядовый характеръ сербскихъ «здравницъ» прямо указываетъ на ихъ древле-религіозное происхожденіе.

Главнѣйшія жертвоприношенія опредѣлялись кругообращеніемъ годоваго времени и тѣсно-связанными съ нимъ перемѣнами въ земледѣльческихъ и пастушескихъ заботахъ: начало осени и поствовъ, первый выгонъ скота въ поле требовали жертвенныхъ возношеній о плодородіи нивъ, изобиліи молока и счастливомъ приплодѣ стада, время жатвы, уборки хлѣба и жолотбы—благодарственныхъ жертвъ за ниспосланные богами дары. Такъ Святовиту приносились жертвы при окончаніи жатвы. Остатки этихъ жертвенныхъ обрядовъ доселѣ уцѣлѣли у славянъ. На Руси при запашкѣ полей поселяне варятъ брагу, носятъ въ церковь освящать часть баранины, чернаго пѣтуха и хлѣбы, и потомъ пируютъ сообща цѣлою деревнею³⁾. Кости, оставшіяся отъ освященныхъ пасхальныхъ

¹⁾ Обзоръ рус. дух. литер., соч. Филарета, архіеп. харьковск., I, 17.— ²⁾ D. Myth., 53. Чашею, наполненною медомъ во славу боговъ, литовцы ударяли о печь — Рус. Сл. 1860, V, 20.— ³⁾ Терещ., V, 34—35.

яствъ (барашка или поросенка) частію зарываются на поляхъ, чтобы предохранить нивы отъ граду, а частію сберегаются дома, и когда приближается грозная туча — бросаютъ ихъ въ огонь, чтобы молнія не ударила въ избу и надворныя строения ¹⁾). Въ Болгаріи на вешній Юрьевъ день въ каждомъ семействѣ колятъ барашка. Для этого выбираютъ изъ своего стада или нарочно покупаютъ самого красиваго ягненка, преимущественно бѣлаго, съ черными глазами; связываютъ ему ноги, на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, на глаза накладываютъ повязку, ротъ мажутъ медомъ, а къ рогамъ прилѣпляютъ зажженные восковыя свѣчи. Домохозяинъ читаетъ тропарь св. Георгію и другія молитвы, кладетъ ладономъ, затѣмъ поднимаетъ ножъ кверху и съ воззваніемъ: «св. Гѣрги! на ти ѣгне» рѣжетъ ягненка; кровь его собирается въ чашку и употребляется, какъ цѣлебное средство отъ разныхъ болѣзней, мясо жарятъ и сѣдаютъ за семейной трапезою, а кости зарываютъ въ землю. Въ селѣ Славини, въ пиротскомъ округѣ, жертвенное закланіе на Юрьевъ день совершается такъ: изъ cadaго дома выносятъ въ поле барашковъ, украшенныхъ вѣнками, съ завязанными глазами и опутанными ногами, и тамъ кладутъ ихъ въ кружокъ. Старши принимаютъ колоть ихъ, кровь орошаетъ траву и землю; эта окровавленная трава собирается дѣвшками, а старухи между тѣмъ разводятъ огонь и сожигаютъ веревки и платки, которыми были связаны барашки. Каждый домохозяинъ беретъ своего барашка, идетъ домой и жаритъ на вертелѣ, а потомъ приноситъ его, вмѣстѣ съ хлѣбомъ (называемымъ боговица), чеснокомъ, лукомъ и кислымъ молокомъ, на гору св. Георгія. Туда является священникъ, и освятитъ яства, получаетъ отъ cadaго двора по четверти барашка, обыкно-

¹⁾ Послов. Далъ, 1018; Вѣст. Европы 1828, V—VI, 75—83.

заше лѣвую его лопатку съ головою и шкурою. Подобный-же обряд совершается и въ другихъ славянскихъ земляхъ: въ Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ ¹⁾. Домохозяева-сербы приглашаютъ на Юрьевъ день къ церкви ягнать, прилѣпивъ къ ихъ рогамъ восковыя свѣчи; послѣ обѣдни свѣчи эти зажигаются, священникъ благословляетъ стадо, произноситъ молитву и въ даръ за это собираетъ шкурки зарѣзанныхъ ягнать и часть ихъ мяса ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и въ Карпатахъ, по случаю весенняго выгона скотины на пастбище, поселяне готовятъ пирогъ въ видѣ овна, который зарѣзывается рукою главнаго пастуха, какъ символическая жертва богу-покровителю стада, и потомъ сохраняется, какъ цѣлебное лѣкарство для овецъ ³⁾. Въ Литвѣ настоятели костеловъ заказываютъ къ Юрьеву дню восковыя фигуры лошадей, коровъ и овецъ и продаютъ ихъ при входѣ въ церковь. Всякой, кто покупаетъ такое изображеніе обноситъ его нѣсколько разъ вокругъ костела и полагаетъ на алтарь ⁴⁾. Тоже жертвенное значеніе, вѣроятно, соединилось нѣкогда и съ приготовляемыми изъ тѣста коровками и овечками, какія до сихъ поръ раздаются коледовщикамъ. Св. Юрій заступаетъ въ народныхъ преданіяхъ мѣсто языческаго громовника; кромѣ того, древнѣйшее чествованіе Перуна, какъ плододавца и ростителя мивъ, перенесено было на апостола Петра и Илью-пророка, почему въ дни, посвященные ихъ памяти (29 іюня и 20 іюля), также уцѣлѣли обряды, указывающіе на старинныя жертвы. На Петровъ день, говорятъ крестьяне, барашка въ лобъ. У верховьевъ рѣки Ваги существуетъ такой обычай: въ первое воскресенье послѣ Петрова дня убиваютъ передъ обѣдней быка, купленнаго на общій счетъ цѣлою волостью, ва-

¹⁾ Каравел., 211—2; Терещ., VI, 28; Сахаров., II, 26.— ²⁾ Срп. рјечник, 151.— ³⁾ Срезнев., 71; Терещ., VI, 19—20 — ⁴⁾ Черты литов. нар., 91.

рять мясо въ большихъ котлахъ, и по окончаніи обѣдни съѣдаютъ сообща міромъ; въ этой трапезѣ принимаетъ участіе и священникъ. Преданіе увѣряетъ, что въ старое время въ этотъ день выбѣгалъ изъ лѣсу олень и что именно это животное было убиваемо на праздничный пиръ; но однажды прѣстѣяне, не дождавшись оленя, замѣнили его быкомъ, и съ той поры олень уже не показывался. Преданіе это въ вологодской губ. приурочивается къ Ильину дню: прежде, говорятъ, на Ильинъ день появлялись двѣ лани; одна была закалаема, а другая исчезала; теперь же онѣ болѣе не показываются за великія неправды народа ¹⁾. Во многихъ деревняхъ 20-го іюля устроются общинные обѣды, въ складчину, и для этого убиваютъ быка или теленка; въ пермской губ. на пиръ собирается вся волость. Такъ чествуютъ поселяне начало жатвы. У пермяковъ существуетъ еще обычай убивать и жарить барана въ день Прокопія-жатвенника — 8-го іюля ²⁾. Мясо животныхъ, закалаемыхъ къ праздникамъ, называется моленымъ кусомъ ³⁾. Слово молить въ древнѣйшихъ рукописяхъ Ветхаго Заѣта означаетъ: приносить жертву, давать обѣтъ ⁴⁾, а въ вятской губ. донынѣ употребляется въ смыслѣ: колоть, рѣзать скотину («онъ звалъ меня замолить теленка» ⁵⁾). Старинная пословица выражается: «моленой баранъ (т. е. обреченный на жертвенное закланіе) отлучился, инъ гулящій прилучился». Какъ у болгаръ хлѣбу, кото-

¹⁾ Рус. въ св. посл., IV, 62—63; Вологод. Г. В. 1844, 19. Въ новгородской губ. рассказываютъ, что въ старое время 8-го сентября прибѣгали на погостъ комоновскаго прихода двѣ лани; одну изъ нихъ рѣзали и варили, а другая уходила. Но послѣ того, какъ попъ Ванька закололъ обѣихъ, лани уже не появлялись—Новгор. Сборн. 1865, I, 286; сравни въ Beiträge zur D. Myth., II, 423.—²⁾ Терещ., VI, 51; Сахаров., II, 44—45; Рус. въ св. посл., IV, 65.—³⁾ Ibid., II, 9.—⁴⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 6.—⁵⁾ Доп. обл. сл., 115; Вятск. Г. В. 1847, 45.

рыи пекутъ на Юрьевъ день, дается названіе боговица, такъ на Руси приготовляемые къ означенному дню пироги и лѣтбы называются моленниками; тѣмъ-же именемъ обозначаютъ и пирогъ имянинный — первоначально жертва родовымъ пенатамъ, благословеніемъ которыхъ умножается семья и соблюдается счастье домочадцевъ. Точно также свадебные гостинцы называются молины, и по всему вѣроятію стоятъ въ связи съ тѣми жертвенными приношеніями, которыми нѣкогда сопровождалось введеніе невѣсты въ семью жениха, волею охрану его прародительскаго очага ¹⁾. Пиво и брага, приготовляемыя къ сельскимъ празднествамъ, на мирскую складчину, слывуть въ народѣ молеными; напитки эти сливаются въ бочки при зажженныхъ восковыхъ свѣчахъ, передъ иконами, и непремѣнно съ молитвою ²⁾. Кромѣ сейчасъ-приведенной пословицы, есть и другія, въ которыхъ еще живо воспоминаніе о старинныхъ жертвоприношеніяхъ: «богу жаль кура дать, а чортъ возьметъ и барана»; «чорту баранъ лавно ободранъ» ³⁾.

Годичныя измѣненія, замѣчаемыя въ жизни природы, опредѣляются солнечными поворотами: зимнимъ и лѣтнимъ; оба поворота чтились особенно-торжественными празднествами и жертвоприношеніями. На Коляду, въ честь Перуна, пламеникомъ котораго возжигается свѣтозарное солнце, приносились двѣ главныя жертвы: козель и свинья. По указанію германскихъ преданій, козель былъ посвященъ Тору, а боровъ — Фрейру. О жертвенномъ закланіи козла сохранилось воспоминаніе въ колядской пѣснѣ, тѣмъ болѣе любопытной, что она передаетъ и самую обстановку обряда:

¹⁾ Обл. Сл., 115; Москва. 1852, XVIII, библиогр., 67. — ²⁾ Рус. въ св. посл., II, 11. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 79; Собраніе 4291 пословицъ, 192.

За рѣкою за быстрою
 Лѣса стоятъ дремучіе,
 Во тѣхъ лѣсахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоятъ,
 Скамьи стоятъ дубовыя,
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвцы,
 Поютъ пѣсни-калѣдушки.
 Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
 Онъ точитъ свой булатной ножъ,
 Котелъ кипитъ кипучій,
 Возлѣ котла козель стоитъ;
 Хотятъ козла зарѣзати. ¹⁾

Жертвоприношеніе сопровождалось пѣніемъ обрядовыхъ пѣсень; козла рѣзалъ старецъ, мясо его варили въ котлѣ, подобно тому, какъ это совершалось и у германскихъ племенъ, и у славянъ ²⁾. У литовцевъ жрецъ, заколая козла острымъ ножомъ, призывалъ на молящихся божіе благословеніе; кровь собиралась въ кувшинъ или чашу и потомъ окроплялись ею люди, скотъ и самыя жилища; мясо съѣдали при пѣніи пѣсень и игрѣ на трубахъ, а что оставалось несъѣденнымъ, то зарывали въ землю на распутіи, чтобы ни одинъ звѣрь не ногъ дотронуться до священной яствы ³⁾. Свиной до сихъ поръ убиваютъ къ Рождественскому празднику съ особенными обрядами (см. I, 779—780); убитаго кабана окропляютъ чистою водою и окуриваютъ, а кровью его брызгаютъ на разведенный огонь; мясо съѣдается на праздникахъ, а кости зарываются въ укромномъ мѣстѣ. Бѣдные люди замѣняютъ свиной годовалымъ поросенкомъ. Тоже жертвенное приношеніе повторялось и при началѣ весны, въ честь возрождающихся силъ природы. Въ Черногорьи къ Свѣтлому Христову Воскре-

¹⁾ Сахаров., I, 16.— ²⁾ D. Myth., 49.— ³⁾ Рус. Сл. 1860, V, 21, 36.

сею въ каждомъ дворѣ откармливаютъ борова, въ пятницу на страстной недѣлѣ убиваютъ его, а въ субботу пекутъ дѣлкомъ; если туша не помѣщается въ домашней печи, то ее жарятъ въ лѣсу. На Руси (преимущественно между малороссами) на первый день Святой недѣли, вмѣстѣ съ куличемъ и пасхою, освящаютъ и поросенка, съ хрѣномъ въ зубахъ, и барашка, сдѣланнаго изъ коровьяго масла ¹⁾. На Куналу, когда солнце склоняется къ зимѣ, у литовцевъ (въ честь Лады), ижорянъ и эстовъ существовалъ обычай сожигать на кострѣ бѣлаго пѣтуха; а чехи позднею осенью (16 октября, въ день св. Галла) рѣжутъ пѣтуха въ ознаменованіе того, что лѣто уже миновало ²⁾. Черные и бѣлые пѣтухи и куры служили у литовцевъ самою обыкновенною жертвою богамъ ³⁾.

По внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ гадали о будущихъ урожаяхъ и погодѣ; такъ по селезенкѣ кабана, убитаго на Коляду, дѣлаются заключенія о томъ, какова будетъ зима — холодная или съ оттепелями; по зернамъ, найденнымъ въ zobу гуся, зарѣзаннаго 24-го ноября, предсказываютъ: какой именно хлѣбъ уродится въ будущее лѣто ⁴⁾. Га-

¹⁾ Терещ., VI, 105—7.— ²⁾ Рус. Вѣст. 1857, IV, 101.— ³⁾ Рус. Сл. 1860, V, 20; Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 9; Черты литов. нар., 133. Остатокъ древняго жертвоприношенія куръ уцѣлѣлъ въ вятской губ. подъ именемъ „троецпылтанцы“ и совершается по обычаю, съ цѣлію отвратить какое-либо несчастье, напр. болѣзнь. Для этого отсыкиваютъ нѣсколько куръ-троецпылтанецъ, т. е. такихъ, которые вывели дылгать по три раза; перья ихъ и внутренности тщательно собираются въ корчагу, а ощипанныхъ куръ варятъ и ставятъ на столъ. Является священникъ, и отслуживъ молебень, благословляетъ приготовленную яству (читаетъ надъ нею свято) и окропляетъ ее св. водою. Оставшіяся отъ этихъ куръ кости складываютъ въ ту же корчагу, въ которую прежде положены были перья и внутренности, и все это вмѣстѣ съ корчагою бросаютъ въ рѣку или прячутъ въ лѣсу—Этн. Сб., V, 68—72.
⁴⁾ Мазъ, XIV.

даніе по крови в пеплу, о которомъ упоминаеть Дитмаръ, вѣроятно совершалось по крови и сгорѣвшимъ остаткамъ жертвенныхъ животныхъ. Прокопій также свидѣтельствуеть, что славяне дѣлали предсказанія по жертвамъ, т. е. по ихъ признакамъ судили объ урожаихъ, объ исходѣ задуманнаго предпріятія, и т. п.

Наравнѣ съ другими народами: греками, римлянами, кельтами, скинами, германцами и литовцами, славяне приносили и человѣческія жертвы ¹⁾. «Привожаю сыны своя и дщери, говоритъ Несторъ, и жряху бѣсомъ»: отсюда нѣкоторые изслѣдователи заключаютъ, что у славянъ было въ обычаѣ отдавать въ жертву богамъ своихъ собственныхъ дѣтей; другіе же видятъ въ приведенныхъ словахъ не болѣе, какъ указаніе, что при жертвенныхъ обрядахъ присутствовали и домохадцы—сыновья и дочери. Это свидѣтельство Нестора въ Переяславскомъ лѣтописцѣ передано въ выраженіяхъ, недопускающихъ сомнѣнія; исчисливъ кумиры, лѣтописецъ прибавляетъ: «и жряху имъ, и приношаху сыны своя и дщери и даяху на жрътву бесомъ» ²⁾. Другое свидѣтельство находимъ въ извѣстномъ разсказѣ Несторовой лѣтописи о первыхъ христіанскихъ мученикахъ: «иде Володимерь (983 года) на ятвяги, и побѣди ятвяги и взя землю ихъ. И иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старци и боларе: мечешъ жребій на отрока и дѣвицю (зар. на отроки и на дѣвици); на него-же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Бяше варягъ единъ... пришелъ изъ грекъ, держаше вѣру хрестяньску, и бѣ у него сынъ красенъ ли-

¹⁾ Существованіе такихъ жертвъ у народовъ классическихъ относитя къ глубочайшей древности; когда цивилизація смягчила нравы, онѣ были отиѣнены—Проплеи, II, 127—8, 137—8; IV, 35.—
²⁾ Лѣтоп. Переясл., 17. У сербовъ уцѣвѣла клятва: «такъ своју ѣду печену не но!»—Срп. и. посл., 309.

цешъ и душею, на сего паде жребій по зависти дьяволи... Рѣна пришедше посланиѣ къ нему: яко паде жребій на сынъ твой, изволиша бо ѿ бози собѣ, да створимъ потребу бо-гомъ». — «Не суть то бози, но древо! отвѣчалъ варягъ, не дамъ сына своего бѣсомъ». Посланные повѣдали о томъ лю-дямъ; «они же взявше оружье, поидоша на-нь (на варяга) и рѣзаша дворъ... и поѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиа ѿ¹⁾. Митрополитъ Иларіонъ (XI стол.), противопологая водворенное св. Владиміромъ христіанство старому язычеству, замѣчаетъ: «уже не идолослужители зовемся—христіанами... уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ²⁾. У поляковъ, по словамъ Длугоша, въ жертву богамъ приносились люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ. О прибалтійскихъ славянахъ говоритъ Дитмаръ: «страшный гнѣвъ боговъ смягчается кровью лю-дей и животныхъ», и Гельмольдъ, по свидѣтельству котораго въ жертву приносили христіанъ, и кровь ихъ, какъ враговъ народной славянской религіи, была особенно пріятна и усладительна для боговъ; выборъ лицъ, предаваемыхъ закла-нію, опредѣлялся жребіемъ. Святовиту такая жертва была приносима ежегодно, и обрядъ совершался жрецомъ. Гель-мольдъ, Адамъ Бременскій и другіе нѣмецкіе лѣтописцы при-водятъ нѣсколько случаевъ принесенія человѣческихъ жертвъ славянами³⁾.

Всматриваясь въ приведенныя свидѣтельства, мы выводимъ слѣдующія заключенія: во первыхъ, въ жертву богамъ приноси-лись плѣнники. Тоже встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. У скивовъ, говоритъ Геродотъ, во время важныхъ народныхъ

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 35.— ²⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, VII, 32; смачи у Кирилла Туровскаго (Памят. XII в., 19): «отсеаъ бо не приемлетъ требы адъ закалаемыхъ отци младенецъ». — ³⁾ Срезнев., 77; Макуш., 101—2

празднествъ были избираемы на жертвенное закланіе не только животныя, но и люди, обыкновенно плѣнники; нѣкоторая часть крови убитаго приливалась къ яствамъ, изготовляемымъ для религіознаго пршества, почему греческіе историки почитали ихъ людоедами ¹⁾. По свидѣтельству Тацита, въ Британіи алтари орошались кровію воиновъ, захваченныхъ въ плѣнъ, и по внутренностямъ ихъ труповъ язычники вопрошали боговъ о грядущихъ событіяхъ. Во время борьбы съ крестоносцами, литовцы мучили и умерщвляли христіанскихъ плѣнниковъ передъ своими идолами. Въ глазахъ язычника враги извѣстнаго племени были вѣстѣ съ тѣмъ и врагами его прародительскихъ пенатовъ, разорителями ихъ священныхъ пристанищъ—редовыхъ очаговъ, и охраняемыхъ ими полей и рощей; вторгаясь въ чужія владѣнія, внося въ нихъ убійства, грабежи и пожары, они святотатственно нарушали неприкосновенность границъ, и потому жертвенное закланіе плѣнниковъ было пріятно мстительному чувству національныхъ боговъ. Прибавимъ къ этому, что боги бурь и грозъ представлялись могучими воинами, которые неустанно сражаются съ толпами демоновъ и поражаютъ ихъ молніеносными стрѣлами, что тѣмъ же богамъ предки наши приписывали непосредственное участіе въ своихъ собственныхъ битвахъ съ враждебными народами; отбитое у враговъ оружіе и часть военной добычи были приносимы въ даръ богамъ-побѣдителямъ; точно также на долю ихъ доставалась и часть плѣнныхъ: сгорая на жертвенныхъ кострахъ, они легкими тѣнями возносились въ заоблачныя страны и вступали въ служебную свиту небесныхъ владыкъ (сравни преданія о соженіи мертвыхъ ²⁾). Принесеніе

¹⁾ Дят. рус. лит., кн. II, 142.— ²⁾ У скивовъ лишь ста плѣнниковъ избирался одинъ; на него смотрѣли не только какъ на будущаго служителя бога войны, которому онъ обрекался въ жертву, но и какъ на посланника, нѣющаго передать ему пожеланія

въ жертву христіанъ по преимуществу относится ко времени ожесточенной борьбы между славянами-язычниками и ихъ христіанскими просвѣтителями, стремившимися, вмѣстѣ съ старинными вѣрованіями славянъ, сокрушить и ихъ политическую самостоятельность. Во вторыхъ, человѣческія жертвы были жертвы умиловительныя. При различныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ боги казались раздраженными людскими грѣхами, карающими какое-либо нечестіе, и только кровь преступника, его дѣтей и родичей могла отклонить ихъ праведный гнѣвъ. Такимъ образомъ умиловительная жертва получила характеръ казни, слѣдующей за преступленіемъ. Насилія крестоносцевъ нерѣдко заставляли пруссовъ принимать крещеніе, но потомъ они снова возвращались къ религіи предковъ; для умиловленія боговъ, раздраженныхъ ихъ земною, жрецы требовали, чтобы матери убивали своихъ новорожденныхъ дѣтей, что и было совершаемо съ соблюденіемъ священныхъ обрядовъ ¹⁾. По свидѣтельству Юлія Цезаря, галлы въ случаѣ важной опасности и повальныхъ болѣзней приносили въ жертву людей, уличенныхъ въ разбоѣ, воровствѣ и другихъ преступленіяхъ, и только за неимѣніемъ ихъ убивали невинныхъ ²⁾. Однажды, во время страшнаго голода, шведы предали въ жертву Одину, какъ производителю жатвъ, короля своего Олафа (Olaf Tretelgia): будучи верховнымъ представителемъ народа, король долженъ былъ собственною жизнію искупить грѣхи своихъ подданныхъ и примирить ихъ съ божествомъ ³⁾. Греки прибѣгали къ человѣческимъ жертвамъ при солнечныхъ затмѣніяхъ, неурожаяхъ, эпидемическихъ болѣзняхъ и другихъ

кѣзго племени. Во время праздника, предшествующаго жертвоприношенію, обреченный пользовался всѣми правами благороднаго и даже царя" (ibidem).— ¹⁾ Рус. Сл. 1860, V, 21.— ²⁾ Галлы въ эпоху Цезаря, соч. Георгіевск., 94—95, 108—9.— ³⁾ Die Götterwelt, 166.

народныхъ бѣдствіяхъ. Такъ какъ неурожай, голодъ и моровая язва, по мнѣнію язычниковъ, большею частію были дѣломъ злыхъ демоновъ и ихъ слугъ — чародѣевъ и вѣдьмъ; то для отвращенія подобныхъ бѣдъ человѣческія жертвы приносились подземнымъ, демоническимъ божествамъ. Такъ у германцевъ было въ обычаѣ во время моровой язвы закапывать въ землю живыхъ дѣтей ¹⁾. На Руси и въ Литвѣ, чтобы отворотить чуму, повальные болѣзни и скотскій падежъ, зарывали въ землю или топили въ рѣкѣ женщину, заподозрѣнную въ злыхъ чарахъ (см. гл. XXVI).

II. Славяне прибалтійскіе опередили въ религіозномъ развитіи своихъ соплеменниковъ; у нихъ были и храмы и жрецы. Изъ описаній старинныхъ хроникъ видно, что храмы эти строились большею частію деревянные — на возвышенныхъ мѣстностяхъ или въ священныя рощахъ и въблизи водъ, были окружаемы оградой, въ которую вели ворота. Внутренность храма раздѣлялась иногда на двѣ части: переднюю и святилище, и послѣднее отдѣлялось завѣсами изъ ковровъ и тканей, прикрѣпленныхъ къ столбамъ (колонамъ) и спущенныхъ до земли. За этими завѣсами стоялъ главный идолъ, а вокругъ него другіе кумиры, облеченные въ шлемы и латы; тутъ-же помѣщались священныя знамена, оружіе и разныя храмовыя принадлежности. Переднее отдѣленіе примыкало къ святилищу съ трехъ или со всѣхъ четырехъ сторонъ, стѣны его украшались рѣзными изображеніями; впрочемъ не вездѣ были стѣны, вѣсто ихъ ставили колоны и вѣшали ткани. По мнѣнію г. Срезневскаго, высота храма не могла быть ниже десяти или двѣнадцати аршинъ. При храмахъ, вѣроятно, были и

¹⁾ D. Myth., 1139—1140. Геродотъ (ин. VII, гл. 114) рассказываетъ, что супруга Ксеркса, закопавъ въ землю четырнадцать дѣтей изъ лучшихъ персидскихъ родовъ, въ жертву божеству, которое живетъ подъ землею.

другія зданія для содержанія священныхъ коней, для жилья жрецовъ и для храненія военныхъ добычъ и приношеній, удѣляемыхъ богамъ. Въ Штетинѣ возлѣ храма были устроены три континны, въ которыхъ стояли столы и вокругъ нихъ скамейки: здѣсь происходили совѣщанія и совершались праздничныя пиршества. При закладкѣ храма избранное мѣсто очищали огнемъ и водою, при пѣніи и пляскахъ. Идолы были деревянные, раскрашенные, съ золотыми и серебряными украшениями, и литые изъ мѣди и благородныхъ металловъ; нѣкоторые изъ нихъ дѣлались огромныхъ размѣровъ (такъ идолъ Руевита имѣлъ около пяти аршинъ въ вышину) и имѣли двѣ, три головы и болѣе. Жрецы не составляли касты, но отличались отъ всѣхъ другихъ классовъ народа; они носили длинные волосы, бѣлую одежду и палицу, участвовали въ народныхъ собраніяхъ, предѣдали на судахъ вмѣстѣ съ княземъ, рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ и обладали большими богатствами; на островѣ Руянѣ жрецу подчинялся самый князь, а у ягровъ жрецъ имѣлъ одинаковую власть съ княземъ. На обязанности жрецовъ лежало заботиться о чистотѣ и охраненіи святилища, распорядиться дарами, приносимыми храмамъ, кормить священныхъ коней, наставлять въ вѣрѣ, возносить молитвы, совершать жертвоприношенія, объяснять предзнаменованія, словомъ быть посредниками между человекомъ и богами; они пользовались исключительнымъ правомъ входить въ «святилище» и садиться въ храмѣ ¹⁾).

У славянъ восточныхъ извѣстія памятниковъ о кумирахъ и мѣстахъ поклоненія имъ далеко не отличаются такою полнотою и опредѣленностью. Древнѣйшій лѣтописецъ говоритъ подъ 945 годомъ: «заутра призва Игорь слы (пословъ) и при-

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, 44—54 («Архитектура храмовъ улич. славянъ»); Срезнев., 39—54, 58—59; Макуш., 83—84, 95—98, 105—6.

де на холмѣ, кдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое и щвты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его». Слѣдовательно уже при Игорѣ стоялъ въ Кіевѣ идолъ Перуна; поздне (980 г.) в. кн. Владимиръ «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его серебряну, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбота, и Стрибога, и Симарьгла (Сима и Рьгла) и Мокошь». Добрыня, дядя Владимира св., поставилъ кумиръ Перуна въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ ¹⁾. Изъ числа названныхъ лѣтописцемъ боговъ имена Сима, Рьгла и Мокоши доселѣ остаются необъясненными. Въ словѣ «Симарьгла» извѣстные намъ списки Несторовой лѣтописи сливаются въ едино два разныя имени, какъ это видно изъ другихъ памятниковъ. Въ словѣ нѣкоего христіанскаго (по рукописи Писевоваго сборника XIV в.) сказано: «вѣрують в Перуна, і в Хорса, і в Мокошь, і в Сима, і в Ерьгла (вар. по списку XV вѣка: въ Рьгла)... (молятся) і Мокоши (вар. Мокошь), і Симу, і Рьглу, і Перуну» ²⁾. По мнѣнію Прейса ³⁾, оба эти названія — заимствованныя: «въ числѣ ассирійскихъ народовъ, переселенныхъ въ Палестину въ концѣ VII стол. предъ Р. Х., упоминаются два народа, которые принесли съ собою отечественныхъ боговъ и поклонялись имъ въ новыхъ жилищахъ своихъ. Вотъ самый текстъ (IV кн. царств., 17, 30): καὶ οἱ ἄνδρες Χοὺθ ἐπόησαν τὴν Ἐρῦαλ, καὶ οἱ ἄνδρες Αἰμαθ ἐπόησαν τὴν Ἀσιμαθ. Въ европейскомъ подлинникѣ стоитъ Nergal или Nergel ви. Ἐρῦαλ и Asima ви. Ἀσιμαθ» ⁴⁾. Мокошь ⁵⁾ — слово жен-

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 23, 34— ²⁾ Лэт. рус. лят., т. IV, отд. 3, 89—94; Оп. Румянц. Муз., 228—9.— ³⁾ Ж. М. Н. П. 1841, II, 37—39, 41—43.— ⁴⁾ «По отдаленіи сущаго μαθ (говорить Прейс), мы получили бы слово асі (чистота), которое дѣйствительно находится въ языкѣ древнихъ Персовъ»; отсюда авторъ дѣлаетъ предположеніе, что Сима было прозваніемъ бога огня.— ⁵⁾ Имя это упоминается и въ старинныхъ поученіяхъ, направленныхъ противъ

скаго рода, какъ свидѣлствуютъ грамматическія формы: *лнштельн. падежъ Мокошь, а дательный Мокоши* ¹⁾. Имя этой богини несомнѣнъ изгладилось изъ народной памяти; г. Далъ приводитъ поговорку: «Богъ — не Макешъ, чѣмъ-нибудь да потѣшить», а въ «Запискахъ о южной Руси» напечатана малорусская дума (считаемая впрочемъ за литературную поддѣлку), въ которой князь жалуется на бога-властителя бурныхъ вѣтровъ:

Десь нашъ богъ Посвистачъ спавъ:
Чи въ Макоши гулявъ? ²⁾

Кумиры были деревянные, что, кромѣ свидѣтельства Нестора о Перунѣ, подтверждается слѣдующими указаніями. Варягъ-христіанинъ, смнъ котораго обреченъ былъ на жертву идолу, говорилъ посланнымъ къ нему: «не суть то бози, но древо! днесь есть, а утро изъгнѣеть; не ѣдятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками въ деревѣ». Тѣже слова высказали в. кн. Владиміру католическіе проповѣдники: «ѣтра бо наша свѣтъ есть... а бози ваши древо суть». Принявши крещеніе, Владиміръ приказалъ низвергнуть кумиры — «свы о сѣчи, а другія огневи предати»; Перуна же привязать къ конскому хвосту и стащить въ Днѣпръ: «се же не

мыческаго суевѣрія—Дят. рус. лѣт., т. IV, 97—108.— ¹⁾ Ж. М. Н. П. 1841, II, 39—41. Прейсъ считаетъ Мокошь за богиню, соответствующую Астартъ, и самое названіе ея объясняетъ словомъ *мокачнѣй*, заимствованнымъ у Данила-паломника. Но вмѣсто прилагательнаго *мокачнѣй*, какое явилось вслѣдствіе ошибочнаго чтенія памятника первыми издателями, слѣдуетъ читать: *окачнѣй* (*ливящій оватъ, полукруглый, свообразный*) — см. въ изданіи Норова, стр. 23—25. Также бездоказательно Хоняковъ видѣлъ въ Мокоши богиню смерти—Мат. сравн. слов., II, 404.— ²⁾ Послов. Далъ, 3; Кулишъ, I, 177. Шафарикъ (Р. И. Сб., I, 80) упоминаетъ географическое названіе Мокишинъ, а г. Снегиревъ (Дубочн. картинки рус. нар., 83)—Мокошинскій монастырь въ черниговской губ.

яко древу чююшю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симъ образомъ челоуѣкъ» ¹⁾). Новгородскій идолъ Перуна былъ разрушенъ: «и приде Новугороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна постѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ; и повязавше ѹжи, влечухуть ѿ кау, бѣюще жезліемъ и пихающе» ²⁾). Іоакимовская лѣтопись упоминаетъ о каменныхъ идолахъ въ Новгородѣ: «Добрыня же... идолы сокруши — деревяннѣи сожгоша, а каменнѣи изломавъ въ рѣку ввергоша, и бысть нечестивымъ печаль велика» ³⁾). Въ житіи св. Авраамія сказано, что онъ сокрушилъ въ Ростовѣ каменнаго идола Велеса, которому поклонялся Чудской конецъ ⁴⁾). Сверхъ того, памятники говорятъ еще о капищахъ и требищахъ. Митрополитъ Иларіонъ въ словѣ своемъ «о законѣ и благодати» замѣчаетъ: «уже не капищъ съграждаемъ, но христовы церкви зиждемъ» ⁵⁾); въ житіи чудотворца Исаіи упомянуто о капищахъ, разрушенныхъ имъ въ ростовской области ⁶⁾); въ житіи св. Владиміра, написанномъ Іаковомъ-миномъ, читаемъ: «блаженный же князь Володимерь, внукъ Олжинъ... всю землю русскую крести и отъ конца до конца храмы идолескія и требища всюду раскопа и постѣче и идолы сокруши, и всю русскую землю п грады

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 35—36, 50.— ²⁾ Ibid., V, 121.— ³⁾ Истор. Рос. Татищева, I, 39.— ⁴⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 221—2; Истор. церкви Макарія, еписк. винницкаго, I, 203—5. Есть и другія позднѣйшія свидѣтельства о разрушеніи идоловъ въ ростовской области епископомъ Исаіею: „гдѣ-же идолы обрѣтаеть, вся огню предаваше“ (ibid., II, 274), въ Муромѣ — кн. Константиномъ (Пам. стар. рус. литер., I, 229). Въ житіи в. кн. Ольги (Истор. рус. церкви Макарія, I, 229) сказано: „и по семъ святая нача требища и кумиры сокрушати по многимъ мѣстомъ, и въ тѣхъ мѣсто нача кресты христовы поставляти“; но извѣстіе это сомнительно, ибо Несторъ навѣрно не умолчалъ бы о такомъ событіи, еслибъ оно дѣйствительно было.— ⁵⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, VII, 32.— ⁶⁾ Карам. И. Г. Р., I, примѣч. 225.

честными церквами украси» ¹⁾). Вышеприведенное мѣсто Новгородской лѣтописи свидѣтельствуеъ о разореніи требищъ архіепископомъ Якимомъ. Оба слова: и капище, и требище въ древле-славянскихъ переводахъ библіи употребляются въ смыслѣ языческаго ²⁾: капище для означенія идола (увелічительная форма отъ капь, какъ идолище отъ идолъ; капь — истуканъ, статуя и вообще образъ, imago: «въ мощь капь сътвореннаго» ³⁾), иногда и жертвенника ⁴⁾); требище (трѣбѣште, трѣбѣникъ) для означенія жертвенника (βωμῆς, altare), храма (ἱεδωλεῖον, delubrum) и жертвеннаго возліанія (σπονδή, libatio); трѣба (тереба, по-треба) у Нестора и въ другихъ старинныхъ памятникахъ — языческая жертва (θύσια, sacrificium, res idolo immolata, libatio; еванг. 1270 г. Матв. IX, 13: «милости хошю, а не трѣбѣ»), а въ современномъ языкѣ—религіозный обрядъ («отправлять церковныя трѣбы», «священникъ пошелъ съ трѣбою»); трѣбовати — жертвовать, терѣбити — вырѣзывать, очищать, очищать, потребити — уничтожить, пожрать ⁵⁾). Слѣдовательно при идолахъ были воздвигаемы жертвенники, на которыхъ возжигалось пламя и совершались языческія трѣбы. Эти священныя мѣста могли быть обводимы оградою, надъ ними могли устроиться навѣсы, и такимъ образомъ они становились храмами, которые хотя не поражали ни искусствомъ, ни роскошью, но вполне соотвѣтствовали простотѣ самаго быта. Вотъ самое простое объясненіе свидѣтельства Іакова-мниха о разореніи св. Владиміромъ «идольскихъ храмовъ». Свидѣтельство это, принадлежащее столь ран-

¹⁾ Ibid., примѣч. 476; Хр. Чтен. 1849, II, 317—385.— ²⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 113.— ³⁾ Изъ Супрасльск. рукописи XI в.— св. Мат. сравн. слов., IV, церковнослав. словарь Востокова, 336—7.— ⁴⁾ Radices linguae sloven., 34; Срезнев., 38.— ⁵⁾ Мат. сравн. слов., VI, 468—9 (церковнослав. слов. Востокова).

нему времени, что отвергать его рѣшительно невозможно, подкрѣпляется еще другимъ: въ сагѣ объ Олафѣ Тригвессонѣ разсказывается, что онъ нерѣдко сопровождалъ в. кн. Владимира къ храму, но никогда не входилъ въ него, а оставался за дверями все время, пока тотъ приносилъ богамъ жертвы ¹⁾).

III. Къ божьему суду, сверхъ испытанія огнемъ и водою, принадлежалъ и судебный поединокъ (*judicium pugnae, kampfurtheil*). Богъ лѣтнихъ грозъ представлялся могучимъ воеводителемъ, въ его рукахъ — и побѣда и поражение; онъ принимаетъ непосредственное участіе во всѣхъ народныхъ войнахъ, и правой сторонойъ даруетъ мужество, крѣпость и побѣдное торжество, а неправую наказуетъ постыдными бѣгствомъ плѣномъ и поражениемъ. Всякая битва, по понятію древнихъ, была споромъ, отданнымъ на рѣшеніе божества. «То уже Богови судити» — обыкновенная формула, какую произносили наши князья передъ началомъ военныхъ дѣйствій ²⁾). Поэтому и въ частныхъ раздорахъ, если обиженный возставалъ съ оружіемъ на обидчика, божество должно было помогать правому и карать нарушителя священныхъ законовъ. Это воззрѣніе вызвало клятвы оружіемъ (I, 272) и судебные поединки, когда, за недостаткомъ другихъ доказательствъ, тяжущіеся рѣшали дѣло единоборствомъ. Судебные поединки были самымъ обыкновеннымъ способомъ рѣшенія споровъ въ средне-вѣковой Европѣ; примѣры ихъ встрѣчаются даже въ XVII вѣкѣ. Въ назначенный день противники выступали на бой, передъ началомъ котораго духовенство благославляло ихъ рат-

¹⁾ Р. И. Сб., IV, кн. I, 46—47. Названія „Турова божица“ (Карам. И. Г. Р., II, примѣч. 289) и „Бѣлобожица“ (Р. И. Сб., I, ст. Ходаков., 80), вѣроятно, указываютъ на мѣста языческихъ святилищъ; слово божица, какъ видно изъ вопросовъ Кирика и лѣтописей, употреблялось въ старину въ значеніи церкви (О вліян. христ. на сл. яз., 114; Карам. И. Г. Р., II, примѣч. 156, 239). —

²⁾ Мат. сравн. слов., I, 568.

име достѣхи, а сами они давали клятву, что дѣйствительно признаютъ себя правыми и не рассчитываютъ на помощь чародѣйства¹⁾. О судебныхъ поединкахъ у славянъ находимъ слѣдующія указанія. По словамъ арабскаго писателя Мукаддези, «когда царь рѣшилъ споръ между двумя тяжущимися, и они рѣшеніемъ его остались недовольны, тогда онъ говоритъ имъ: разбирайтесь мечами своими! чей острѣе, того и побѣда»²⁾. По лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, самыя войны рѣшались иногда единоборствомъ двухъ избранныхъ отъ разныхъ сторонъ витязей; состязаніе это происходило въ виду обѣихъ непріятельскихъ ратей; исходъ его принимался за непреложный приговоръ божественной воли, которой равно подчинялись и тѣ, на чью долю оставалась побѣда, и тѣ, которые должны были признать себя побѣжденными. Таковъ былъ бой богатыря-кожемяки съ печенгомъ при св. Владимірѣ и бой Мстислава съ косоожскимъ княземъ Редодею³⁾. Въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава съ Рюгою и Готскимъ берегомъ (1229 г.) сказано: «рууски не звати латина на полѣ битися оу роуской земли, а латинноу не звати роусина на полѣ битися оу Ризѣ и на Готскомъ березѣ. Аже латинескии гость биегься мѣжоу събою оу роусковъ земли любо мечемъ, а любо дѣревѣмъ — князю то не надобе, мѣжоу събою соудити; тако же роускии гость биегься оу Ризѣ или на Гочкомъ березе — латине то не надбѣ, а те промѣжоу събою урядатеса»⁴⁾. Смыслъ статьи тотъ: русскій не можетъ вызывать нѣмца на поединокъ въ русскую землю, а нѣмецъ русскаго въ Ригу и на Готскій берегъ; кто

¹⁾ D. Nechtsalt., 927—930.— ²⁾ Исслѣдованіа, замѣчан. и лекц. Погодина, III, 383—4; у Льва-Діакона (стр. 93): „Тавроскии еще наши обмыновенно рѣшають свои распри убійствомъ и кровію“.—

³⁾ Древность этого обычая подтверждается преданіями, записанными Геродотомъ (битва между избранными ратниками спартацкими и аргивскими) и Титомъ Ливіемъ (единоборство Гораціевъ съ Курціями).— ⁴⁾ Собр. госуд. грамотъ и догов., II, № 1.

желаетъ разсудиться оружіемъ, пусть тотъ и отправляется въ отечество своего супротивника. Князь не долженъ мѣшаться въ поединки иноземцевъ на русской землѣ (т. е. не вѣшаетъ съ нихъ судебныхъ пошлинъ), а вѣшцы—въ поединки русскихъ людей въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ: «то имъ не надобе». Последующіе законы опредѣляютъ случаи, въ которыхъ дозволялось поле (судебный поединокъ), оружіе, которыми обязаны были сражаться бойцы, и самый ходъ борьбы. Народъ смотрѣлъ на поединки, какъ на божью правду: «дай, господине! намъ съ ними (соперниками) божью правду, говорили судѣ истцы или отвѣтчики, да дѣземъ съ ними на поле биться». Псковская Судная грамота (1467 г.) постановляетъ, что могли выходить на поле не только мужчины, но и женщины. По общему правилу бой долженъ быть равный, и потому дозволялось сражаться бойцу съ бойцемъ, а небойцу съ небойцемъ; на этомъ основаніи малолѣтній, престарѣлый, больной, увѣчный и женщина (а по Судебнику — и священникъ) противъ взрослога и здороваго мужчины могли нанимать и ставить, вмѣсто себя, наймитовъ. Но если искъ вела женщина противъ женщины, то наймиты запрещались. Допускался также поединокъ между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ, когда послѣдній показывалъ противъ перваго; но показаніе многихъ свидѣтелей составляло полное доказательство и дѣлало поединокъ ненужнымъ. Бой происходилъ подъ наблюденіемъ приставовъ; вѣроятно, присутствовалъ и самъ посадникъ или намѣстникъ, какъ прямо упоминается о томъ въ новгородской Судной грамотѣ. Во Псковѣ полещики выходили на битву въ доспѣхахъ; въ Новгородѣ оружіемъ ихъ были ослопы (дубинки, рогатины) и палки, а доспѣхами — шишаки и желѣзные латы. Побѣжденный признавался неправымъ ¹⁾. Тѣже положенія развиты и въ Судебникѣ Ивана

¹⁾ Исслѣдов. Псков. Судн. грамоты Ѳ. Устрялова, 115—6.

Гриваго: у «поля», кромѣ окольного, дьяка и иныхъ чиновъ отъ правительства, присутствовали еще страпчие и поручники со стороны тяжущихся; тѣ, которые ставили за себя наймитовъ, должны были присягать и дѣловать крестъ сами; «поле» допускалось и между свидѣтелями, которые разсуждали между собою; бойцы одѣвались въ панцири, латы, шишаки, и шѣли въ рукахъ щиты и дрались дубинками. Стоглавъ запрещаетъ присуждать «поле» для иноческаго и священническаго чина во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ. Наконецъ дополнительными статьями къ Судебнику стѣснено въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшеніе дѣлъ «полемъ»¹⁾. Барберини (XVI в.) такъ описываетъ судебный поединокъ: дѣйствіе происходило на площади; доспѣхи бойцовъ были такъ тяжелы, что упавшій не въ силахъ былъ подняться; наступательное оружіе было: для лѣвой руки желѣзо, имѣющее два острыхъ конца на подобіе кинжаловъ — одинъ внизъ, другой вверхъ, въ серединѣ же отверстіе, въ которое вставалась рука, затѣмъ виллообразное копье и за поясомъ топоръ²⁾. Обычай рѣшать спорныя дѣла «полемъ» продолжалъ существовать въ продолженіи всего XVI столѣтія³⁾ и исчезъ въ XVIII-мъ; въ Уложеніи уже не упоминается о «полѣ», а вмѣсто его требуется присяга. Впрочемъ положительнаго закона, которымъ бы отмѣнялся судебный поединокъ, мы не знаемъ. Намъ извѣстенъ только одинъ протестъ противъ судебныхъ поединковъ; это протестъ митрополита Фотія въ посла-

¹⁾ Вѣст. Евр. 1813, XIII, 28—34: «О разныхъ родахъ присягъ у славеноруссовъ»; Р. И. Сб., I, кн. 4: «Разсужденіе Е. Калайдовича о воединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ; Труды и лѣт. О. И. и Д., I, 29—43: Каченовскаго.—О судебныхъ воединкахъ; О. З. 1857, VI: «Значеніе божьихъ судовъ по русск. праву». — ²⁾ Рус. въ св. посл., III, 236.— ³⁾ Ак. Арх. Экс., I, 240, 255, 325, 348; Акты, относ. до юрид. быта древ. Россіи, I, стр. 195; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, Михалонъ-литвинъ, 57.

нія его въ Повгородъ 1410 года: «еще же и сему наказую: аще который человекъ позовется на поле да придетъ къ которому попу причаститись, ино ему святого причастія нѣтъ, ни цѣлованія крестнаго; а который попь дастъ ему святое причастіе, тотъ поповства лишень. А кто утешеть (убьетъ), лѣзши на поле, (и) погубить душу — по великаго Василиа слову душегубецъ именуется, въ церковь не входитъ, ни доры не приѣмлетъ, ни богородицина хлѣба, причащенія-жъ святаго не приметъ осмнадцать лѣтъ; а убитого не хороните, а который попь того похоронитъ, тотъ поповства лишень» ¹⁾. Главнымъ образомъ духовенство возставало противъ колдовства и чаръ, къ которымъ прибѣгали бойцы. Максимъ Грекъ жаловался, что судьи, вопреки очевидности свидѣтельскихъ показаній, изобличающихъ виновнаго, присуждаютъ «поле», а обидчики на то и рассчитываютъ: у нихъ всегда есть «чародѣй и ворожея, ижъ возможесть дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику» ²⁾. На Стоглавномъ соборѣ предъявленъ такой укоръ современности: «да въ нашемъ же православіи тяжутся, и нѣцыи непрямо и поклепавъ крестъ цѣлюють или образы святыхъ, и на поли бьются и кровь проливаютъ; и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе ииъ творятъ, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ глядають и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми діавольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ; и на тѣ чарованія надѣяся, поклепча и ябедникъ не мирится, и крестъ

¹⁾ Ак. Арх. Экс., I, 369; сличи это посланіе съ поученіемъ Петра митрополита, напечатаннымъ въ Пам. стар. рус. литер., IV, 187, съ которымъ оно сходно почти слово въ слово; кто убьетъ на полѣ, тому 20 лѣтъ не входитъ въ церковь и не дасть св. причастія, а кто будетъ убитъ—„ино его псомъ повреци, а не проводить его“.— ²⁾ Описаніе славян. рукописей моск. синодал. библ., отдѣлъ II, 528—9

дѣлуютъ и на поля бьются, и поклепавъ побиваютъ». Соборъ угрожаетъ волхвамъ и чародѣямъ царскою опалю, а тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ ихъ помощи, отлученіемъ отъ церкви. Въ старинныхъ лѣчебникахъ встрѣчаются указанія на тѣ волшебныя средства, обладая которыми можно смѣло выходить на медивокъ: «если хочешь быть страшнѣе, убей змѣю черную, а убей ее саблею или ножомъ, да вынь изъ нея языкъ, да шверти въ тафту зеленую и въ черную да положи въ сапогъ въ лѣвой, а обуй на томъ-же мѣстѣ. Идя прочь, назадъ не оглядывайся. Пришедши домой, положи (змѣиный языкъ?) подъ верота въ землю; а кто тебя спроситъ: гдѣ былъ? и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно, и ты въ тотъ-же сапогъ положи три зубчика чесноковыя, да подъ правую шазуу привяжи себѣ утиральникъ и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле биться». — «Съ ветлы или березы надобно взять зеленый кустецъ... по нашему вихорево гнѣздо ¹⁾, и взять тотъ кустецъ, какъ поганеть въ трѣ-вихорь въ зимѣ или лѣтомъ, да середнее деревцо держать у себя — на судъ ходить, или къ великимъ людямъ, или на полѣ биться, и какъ борются — держать тайно въ сапогъ въ одномъ на правой ногѣ. А кто держитъ то деревцо у себя, тотъ человекъ не боится никого» ²⁾. Змѣиный языкъ — символъ разящей молніи; о чудесной силѣ чеснока и связи его въ народныхъ повѣрьяхъ съ змѣею см. въ главѣ XX-й; вихорево гнѣздо тождественно грозовой вѣткѣ или разрывъ-травѣ, сокрушающей своимъ прикосновеніемъ всякое вражеское оружіе. Между простонародьемъ донинѣ обращается множество заговоровъ,

¹⁾ Тонкія вѣтви березы или ветлы, которыя свилъ клубомъ крутящійся вихрь — Толков. Слов., I, 184. — ²⁾ О нар. повз. въ др.-рус. литерат., рѣчь Буслаева, 36.

которые читаются передъ явкою въ судъ — для того, чтобы сердце судей было милостиво, а уста противниковъ безмолвны.

У чеховъ судебные поединки играли значительную роль, какъ это видно изъ «Ряда земскаго права». По установленіямъ этого памятника, судъ объ убійствѣ родича кончался поединкомъ; противники передъ битвою присягали, вооруженіе ихъ состояло изъ меча и щита; состязаніе происходило въ назначенномъ мѣстѣ, огражденномъ перилами. Утомленный боемъ могъ просить отдыха до трехъ разъ, и тогда клали между соперниками бревно, черезъ которое ни тотъ, ни другой не въ правѣ были переступить. Побѣдитель отрубалъ своему врагу голову. Люди низкаго званія должны были биться палками. За малолѣтнаго сироту выходилъ на поединокъ одинъ изъ его родичей; заступая мѣсто сироты, онъ отъ него получалъ и щитъ и мечъ. Если вдова позвала кого на судъ за убійство мужа или родственника, и доходило до поединка, то отвѣтчикъ долженъ былъ стать по поясъ въ яму и оттуда сражаться съ нею. Тою-же льготою пользовалась и дѣвица, если сама желала; въ противномъ случаѣ ей предоставлялось сиротское право ¹⁾.

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1841, т. XXX, ст. Иванишева: „Древнее право чеховъ“.

ХVII.

ДРЕВО ЖИЗНИ И ЛѢСНЫЕ ДУХИ.

Дождевыя тучи, потемняющія небесный сводъ широко-раскинутою и многовѣтвистою стѣною, въ глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ, — дереву, вѣтви котораго обращены внизъ — къ землѣ, а корни простираются до самаго высокаго неба ¹⁾. О такомъ всемірномъ деревѣ сохраняются самыя живыя преданія во всѣхъ языческихъ религіяхъ арійскихъ народовъ, и послѣ превосходныхъ изслѣдованій Куна несомнѣнно, что это баснословное дерево есть именованное представленіе тучи, живая вода (амрита) при его корняхъ и медъ, капающій съ его листьевъ, метафорическія названія лодья и росы, а море, гдѣ оно растетъ, — воды небеснаго океана. Аріи различали три одно надъ другимъ восходящихъ неба: а) царство воздуха и облаковъ, б) ясно-голубой сводъ (dyāus) и в) царство вѣчнаго свѣта, откуда солнце и другія свѣтила заимствовали свой чудный блескъ, откуда произошла и самая молнія, давшая бытіе земному огню. Съ этого третьяго неба простираетъ свои широкія вѣтви вѣчно-неувядаемое египетское дерево (aşvattha), подъ которымъ пребываютъ души

¹⁾ Отголосокъ этого представленія встрѣчаемъ въ русскомъ заговорѣ, въ которомъ сказано, что на островѣ Буявъ стоитъ бѣлая береза—внизъ вѣтвями, вверхъ корнями, а на той березѣ сидитъ Богородица (О. З., т. LVI, 206; Рус. Вѣст. 1859, XI, 120).

блаженныхъ и вмѣстѣ съ богами вкушаютъ безсмертный напитокъ. Вѣтви его идутъ внизъ, а корни вверхъ; на немъ покоятся всѣ міры, изъ него построили боги и небо и землю; съ листьевъ дерева капаетъ амрита, а подь нимъ растутъ цѣлебныя травы. Позднѣйшія индѣйскія преданія называютъ это дерево Пра: оно растетъ въ царствѣ Брами, по ту сторону потока, дарующаго вѣчную юность, и приноситъ всѣ плоды, какія только существуютъ во вселенной; на его вершинѣ сидятъ двѣ птицы, изъ которыхъ одна клюетъ сладкую фиго; другія же обитающія здѣсь птицы выжимаютъ и пьютъ сокъ амриты. О владыкѣ небснаго пламени (молніеносномъ Агни) было сказаніе, что онъ, укрываясь отъ боговъ, нашелъ себѣ убѣжище въ фиговомъ деревѣ. Зендская мифологія знаетъ небесное древо жизни, отъ котораго произошли наземныя цѣлебныя и всѣ другія растенія и злаки. Его называли Jat-bé s— безкорбное и Harvisrptokhta, т. е. надѣленное всѣми сѣменами; называютъ также орлинымъ деревомъ, потому что на немъ возсѣдаетъ подобная орлу птица Çihamgū: какъ только она подымается съ дерева—на немъ вырастаетъ тысяча новыхъ вѣтвей, какъ скоро садится — то обламываетъ тысячу старыхъ и сотрясаетъ съ нихъ сѣмена. Другая птица (Tschamgos) сидитъ всегда вверху дерева, собираетъ падающее сѣмя и относитъ туда, гдѣ Tistar беретъ воду. Принявъ вмѣстѣ съ водою сѣмена, Tistar разбрасываетъ ихъ въ дождевыхъ ливняхъ по всей вселенной. Древнѣйшее уподобленіе дождевымъ каплямъ застѣвающимъ землю зернамъ (I, 571) породило мифъ, по указанію котораго, вмѣстѣ съ дождемъ-покателемъ земныхъ урожаевъ, слетаютъ съ дерева-тучи и всѣ растительныя сѣмена. Возлѣ безкорбнаго дерева находится бѣлое растеніе Gaökögèna, изъ сока котораго готовится небесная haoma (=сома, напитокъ, надѣляющій здоровьемъ и безсмертіемъ) и которое потому будетъ имѣть важ-

ное значеніе въ великомъ актѣ всеобщаго воскресенія. Оба чудесныя растенія служатъ для обозначенія одной и той-же идеи, только въ двухъ отдѣльныхъ поэтическихъ образахъ. Оба они растутъ въ морѣ Vöigu-Kascha ¹⁾, на берегу котораго обитаетъ ящерица, созданная злымъ божествомъ мрака— Арманомъ (Agramainus), и силится уничтожить гаому; но для охраны послѣдней приставлено 99,999 свѣтлыхъ духовъ (Fervers). Эта ящерица соответствуетъ демоническому змѣю древнѣйшей эпохи, который задерживаетъ дождевыя потоки ²⁾. Въ Германіи до сихъ поръ облако, похожее по внѣшнему виду на дерево, называютъ Wetterbaum, Adamsbaum и Abrahamsbaum; съ той стороны, куда обращена его вертушка, ожидаютъ вѣтра; если оно цвѣтетъ (blüht=сверкаетъ молніями), то будетъ дождь ³⁾. Эдда рассказываетъ о старомъ, мировомъ, срединномъ деревѣ Иггдразиллѣ. Это дерево — ясень (askr); вѣтви его тянутся черезъ всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; три корня его лгутъ: одинъ въ небесное царство асовъ, другой въ преисподнюю ада (Hölle — міръ смерти и разрушительнаго пламени), а третій въ страну великановъ тучъ и тумановъ (hrimthur-sen). Подъ каждымъ изъ трехъ корней вытекаетъ по священному источнику: небесный источникъ называется Urdharmbrunnr, возлѣ котораго боги совѣщались о созданіи міра, и сюда же собираются они судить о дѣлахъ вселенной. Всякое утро вѣщія дѣвы (норны) черпаютъ изъ этого источника воду и обропляютъ ею вѣтви мировой ясени, отчего и происходитъ роса, падающая на землю. Другой источникъ, въ странѣ вели-

¹⁾ Или растеніе, изъ котораго добывается безсмертный напитокъ, прозябаетъ въ живой, цѣлительной водѣ источника Ардишур. — ²⁾ Кунъ, 124-8; Die Götterwelt, 58-59,67; Ж. М. Н. П. 1838, XI, 324-6: „Религія и богослуж. древн. персовъ“ — ³⁾ Die Götterwelt, 92; Der Ursprung der Myth., 130.

кановъ — Mimir'sbruppen, воды котораго надѣляютъ дарамъ мудрости и предвѣдѣнія (1,374 и 403); имя адскаго источника — Hvergelmir. По объясненію Куна, Yggdrasil = das ross des Ygg (Одиновъ конь; Иггъ—одно изъ именъ Одина), что согласно съ общимъ индоевропейскимъ представленіемъ летучихъ тучъ конями и съ преданіемъ Старой Эдды, что кони валькирій сотрясаютъ съ своихъ гривъ росу въ глубокія долины. По вѣтвямъ и у корней Иггдрасила разищаются различныя животныя: орель, бѣлка Rataðskgr, четыре оленя и змѣя. Главный змѣя Nidhöggr (злбно кусающій) лежитъ у адскаго источника и грызетъ корень ясени; между нимъ и сплящимъ на верху орломъ старается возбудить раздоръ бѣгающая взадъ и впередъ бѣлка¹⁾). Имя орла неизвѣстно; но это — мудрая, многознающая птица, промежъ глазъ которой сидитъ ястребъ Vedhrfölnir. Въ образѣ бѣлки именъ олицетворяя грызущіе зубы молніи, въ образѣ легконогихъ оленей, поѣдающихъ вѣтки ясени, — четыре главные вѣтра, бурное дуновеніе которыхъ разсѣваетъ тучи; птицы, возсѣдающія на вѣтвяхъ всемірнаго дерева, суть птицы свя-

¹⁾ Воспоминаніе о стародавней враждѣ змѣя съ молніеносною птицею встрѣчаемъ во многихъ народныхъ сказкахъ (Гальтрихъ, стр. 88; Ганъ, 61, 70; сличъ Н. Р. Ск., I, 5 и 6): въ подземномъ царствѣ (=въ области облаковъ) орель съ орлицею свилъ себя гнѣздо на высокомъ въяковомъ деревѣ; многоглавыи драконъ восплазаетъ по дереву и хочетъ пожрать молодыхъ орлятъ. Является сказочный герой, убиваетъ дракона, и въ благодарность за это птицы выносятъ его на бѣлый свѣтъ. Сербская пѣсня говоритъ о яблонѣ, на вершинѣ которой свилъ гнѣздо соколъ, а внизу у корня лежитъ змѣя и грозитъ соколу:

Ако пуштих жива огња,
Гнѣздо љу ти опалити,
Ти ње љу ти поентати.

Переводъ: Вотъ пущу живой огонь, хочу гнѣздо твое опалить, твоихъ птенцовъ захватить — Срп. и. пѣсеме, I, 488.

летныя, разносители молній и безсмертнаго напитка (дождя-соны); змѣй — олицетвореніе злаго демона (Cushna), который задерживаетъ благодатную влагу дождей, производитъ засуху и неурожаи ¹⁾. Изъ сказаній объ Одиновомъ раѣ (валгаллѣ) узнаемъ, что посреди его стовтъ могучее дерево (Ljeadhr), листья котораго обрываетъ коза Heidhrún, а вѣтвями питается олень Eikrugnir. Коза — животное, посвященное Тору; изъ ея сосцовъ ежедневно натекаетъ полный сосудъ меду, осушаемый на пирахъ блаженными героями, подобно тому, какъ изъ рога козы Амаглен течетъ нектаръ. Изъ роговъ оленя льется незсякаемая вода, низвергаясь въ подземный міръ, и даетъ начало потоку Hvergelmir ²⁾. Поводомъ сочетать представление о деревѣ-тучѣ, въ которомъ заключенъ медъ амриты, съ фиговымъ деревомъ и ясеню послужило то, что изъ фигъ дѣйствительно приготовлялся въ древности сладкой напитокъ, а особенный родъ ясени (Fraginus ognus) точитъ изъ-подъ своей коры сахарный сокъ, называемый манною. Рои пчелъ любятъ собирать этотъ сокъ; по народному же повѣрью, пчелы питаются росой, и на поэтическомъ языкѣ Эдды, роса, падающая съ Иггдразилли, называется honigfall. Своей сладкой сокъ ясени начинаетъ точить съ приходомъ весны — въ то самое время, когда отпираются небесные источники и боги посылаютъ смертнымъ живую воду дождя и росы ³⁾. Въ ближайшей связи съ скандинавской Иггдразилью стовтъ греческое широкое дерево μελα — ясени (одного корня съ словомъ μέλι — медъ,) отъ которой произошелъ человѣческій родъ (см. гл. XIX). Виргилій (Georg. 2, 291) упоминаетъ объ ясе-

¹⁾ Кунъ, 129 — 134; D. Myth., 756. — ²⁾ D. Myth., 778. — ³⁾ Весьма въроятно, что на томъ-же основаніи приписаны дѣлбнымъ свойства и березѣ, сладкой сокъ которой любятъ пить поселане. Чехи до сихъ поръ пьютъ этотъ сокъ, чтобы пользоваться здоровьемъ и не быть безплодными въ супружествѣ (Громаниъ, 102).

ни, которая достигаетъ корнями тартара, и насколько глубоко идутъ ея корни въ землю, на столько-же въ вышину простираются вѣтви среди пространнаго неба ¹⁾). Въ «Энеидѣ» онъ говоритъ про ясеневу вѣтку съ золотыми листьями и плодами: никто не могъ сойти въ подземное царство, не принеся въ даръ Прозерпинѣ плодовъ съ этой вѣтки; какъ скоро сорванъ съ нея одинъ плодъ, другой тотчасъ-же вырастаетъ на мѣсто утраченнаго. Литовцы называютъ ясень — деревомъ праведности; старинное преданіе гласитъ, что сами боги, сходя на землю, чтобы ближе присмотрѣться къ людскимъ дѣяніямъ, любили собираться въ тѣни густой, развѣсистой ясени и отсюда изрекали свои правдивые приговоры ²⁾). Изъ-подъ корней міроваго дерева текли источники мудрости и всякаго знанія; сюда приходили боги утолять свою жажду — и потому они вѣдали все прошедшее, настоящее и будущее, все доброе и злое, и могли творить святой и непреложный судъ. Подъ вліяніемъ того-же возрѣнія, здѣсь дано было пристанище и дѣвамъ судьбы, опредѣлявшимъ людскіе жребіи. Далѣе мы приведемъ свидѣтельства, что мѣста народныхъ судовъ издревле были назначаемы среди лѣсовъ, подъ стѣнію священныхъ деревьевъ, и что въ шелестѣ ихъ листьевъ искали предвѣщаній о грядущихъ судьбахъ. Какъ дождь — животворный сокъ дерева-тучи уничтожаетъ губительное дѣйствіе засухи, производимой демоническимъ змѣемъ; такъ точно сокъ обыкновенной ясени можетъ, по народному повѣрью, исцѣлять укушеніе ползучей змѣи. Въ Германіи ужаленнымъ змѣею давали пить этотъ сокъ, съ надеждою на полное выздоровленіе ³⁾). На Руси думаютъ, что змѣи (гадюки) не могутъ выносить запаха ясени, и потому если надѣтъ платье, вымытое въ щѣлокѣ изъ ясеневой золы или опрысканное отваромъ ея коры, листьевъ,

¹⁾ D. Myth, 659, 758; Кунъ, 136.— ²⁾ Черты литов. нар., 75 — ³⁾ Кунъ, 229.

стружекъ и корня, и вытереть этимъ отваромъ все тѣло — то ни одна змѣя не только не ужалитъ, но при видѣ такого челоуѣка будетъ впадать въ оцѣпененіе. Отъ змѣйнаго укуса примачиваютъ больное мѣсто ясеневымъ отваромъ или прикасаются къ ранѣ обмокнутымъ въ него пальцемъ. Вѣтка ясени подчиняетъ всѣхъ гадовъ и змѣй власти знахаря на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ ¹⁾. Чтобы укрыться отъ удара молніи, преслѣдующей дьявола, лучшее средство, по вѣстію чеховъ, стать во время грозы подъ ясень ²⁾. Преданіе о всемірномъ деревѣ и текущихъ изъ него ключахъ еще не утрачено народною памятью. Нѣмецкая сказка ³⁾ сообщаетъ это преданіе съ слѣдующими подробностями: нѣкогда мальчикъ-пастухъ погналъ овецъ въ поле и увидѣлъ чудное дерево (wunderbaum), которое было такъ красиво и такъ громадно, что онъ долгое время стоялъ и смотрѣлъ на него совершенно изумленный. Захотѣлось ему взобраться на то дерево, и это нетрудно было, потому что вѣтви его подымались вверхъ словно ступени на лѣстницѣ. Мальчикъ снялъ свои башмаки и полѣзъ на дерево; цѣлые девять дней лѣзъ онъ, и достигъ до широкаго поля: тамъ стояли многія палаты изъ чистой мѣди, а позади палатъ былъ большой лѣсъ изъ мѣдныхъ деревьевъ, и на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ мѣдный пѣтухъ, а подъ деревомъ журчалъ источникъ, текущій мѣдью — и это былъ единственно-слышныи шумъ; исключая источника, все казалось мертво, ничто не двигалось, не шевелилось, и никого не было видно. Насмотрѣвшись вдоволь, мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку съ одного дерева, и такъ какъ ноги его были утомлены, то вздумалъ освѣжить ихъ въ водѣ. Онъ опустилъ ноги въ источникъ, и когда вынулъ назадъ — онѣ казались открытыми блестящею мѣдью. Мальчикъ попытался воротить-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1851, X, обзор. губ. вѣдом., 2; Полтав. Г. В. 1844, 20; Иллюстр. 1845, 184. — ²⁾ Громаниъ, 101. — ³⁾ Гальтрихъ. 15.

ся къ исполинскому дереву, которое все еще высоко подыма-лось къ самымъ облакамъ и вершины котораго нельзя было разглядѣть. «Тамъ на верху должно быть еще лучше!» подумалъ онъ и полѣзъ выше; девять дней взбирался пастухъ, не зная отдыха, и вотъ передъ нимъ широкое поле: на томъ полѣ стоятъ палаты изъ чистаго серебра, а позади ихъ гдѣсь изъ серебряныхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ серебряный пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій серебромъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку и вздумалъ умыть свои руки въ источникъ; окунулъ ихъ въ воду — и онѣ тотчасъ стали серебряныя. Снова воротился онъ къ исполинскому дереву, вершина котораго терялась высоко въ поднебесьи. «Тамъ сверху должно быть еще лучше!» думалъ пастухъ и полѣзъ выше; черезъ девять дней онъ очутился на самой верхушкѣ, и передъ нимъ открылось широкое поле: на томъ полѣ стояли палаты изъ чистаго золота, а позади ихъ гдѣсь изъ золотыхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ золотой пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій золотомъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку, снялъ шляпу и нагнулся заглянуть въ источникъ; волосы его упали въ льющееся золото и сами сдѣлались золотыми. Спустившись съ исполинскаго дерева, пастухъ нанимается къ королю поварѣнкомъ и выговариваетъ позволеніе никогда не снимать шляпы, сапоговъ и перчатокъ, подъ предлогомъ, что у него злая короста. Потомъ онъ совершаетъ трудный подвигъ — взбирается на стеклянную гору (Glasberg), на кото-рой сидѣла прекрасная королева; подъ его мѣдными ногами стекло умягчалось, какъ воскъ, и онъ не скользилъ, не спотыкался; наградой за это была рука королевы. Другая нѣмецкая сказка ¹⁾ упоминаетъ о трехъ гдѣсахъ: въ одномъ всѣ

¹⁾ Ibid., 11.

деревья были жѣдныя, а посреди стоялъ жѣдный замѣкъ, при
 принадлежавшій жѣдному дракону (kupferdrache). Пастухъ гонитъ
 въ тотъ жѣсъ своихъ козъ, убиваетъ мечемъ-самосѣкомъ дра-
 кона и уноситъ изъ замѣка жѣдную узду. Вечеромъ онъ при-
 вазъ стадо домой, и его козы дали молока несравненно боль-
 ше, чѣмъ когда-либо прежде. На другой день пастухъ гонитъ
 свое стадо въ другой жѣсъ, въ которомъ всѣ деревья были изъ
 чистаго, блестящаго серебра, убиваетъ серебрянаго дракона
 (silberdrache) и беретъ серебряную узду. Вечеромъ козы да-
 ли молока втрое больше, чѣмъ наканунѣ. На третій день па-
 стухъ отправляется со стадомъ въ золотой жѣсъ, убиваетъ зо-
 лотаго дракона (golddrache) и захватываетъ съ собой золотую
 узду; въ этотъ разъ козы принесли молока вдвое больше,
 чѣмъ въ предыдущій вечеръ. Затѣмъ онъ пошелъ къ темной
 скалѣ (— тучѣ), изъ которой бьетъ живой ключъ, помочилъ
 въ томъ ключѣ голову, и волосы его заблестали, какъ чистое
 золото. Три взятая узды имѣли то чудное свойство, что если
 они потрасти, въ ту жъ минуту появлялись безчисленныя вой-
 ска въ жѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ вооруженіяхъ (—
 лужи грозы, см. I, 275-7); съ помощію этихъ войскъ доброй
 молодець поражаетъ непріятелей и женится на прекрасной
 королевнѣ. Норвежскія сказки ¹⁾ говорятъ о жѣсахъ жѣдныхъ,
 серебряныхъ и золотыхъ, которыми владѣютъ тролли (драко-
 ны, змѣи); говорятъ объ нихъ и славянскія сказки, приписы-
 вая этимъ чудеснымъ деревьямъ даръ предвѣщать буду-
 щее ²⁾. Блестая золотистыми молніями, преломляя въ себѣ
 солнечныя и лунныя лучи и окрашиваясь блестящими краска-
 ми, тучи-деревья породили сказанія о металлическихъ жѣсахъ
 и зрѣющихъ въ нихъ золотыхъ плодахъ (яблокахъ); древній
 человѣкъ сіяніе солнца, зори, ночныхъ свѣтилъ и молній упо-

¹⁾ I, 131—5. — ²⁾ Пов. и пред., 17—18; Slov. pohad., 338—366.

добляя блеску мѣди, серебра и золота, и тѣже метафорическія выраженія прилагалъ и къ весеннимъ тучамъ, озаряемымъ то грозовымъ пламенемъ, то солнечнымъ или луннымъ свѣтомъ. Эпитеты мѣдный, серебряный и золотой сопровождаютъ всѣ мнѳическіе образы, въ какихъ фантазія изображала весеннія тучи: называетъ ли она ихъ небесными источниками, горами, дворцами или царствами — всегда спѣшитъ добавить означенные признаки. На вершинахъ металлическихъ деревьевъ сидятъ мѣдной, серебряной и золотой пѣтухи — птицы, олицетворяющія молнію; по сказаніямъ Эдды, въ валгаллѣ поэтъ мнѳическій пѣтухъ *Salgofnir* ¹⁾. Майское дерево (*maje*), съ которымъ встрѣчаютъ весну въ Славоніи называютъ *kokotjim* (*hahnenbaum* ²⁾). Сказочные лѣса, по свидѣтельству преданій, находятся во власти драконовъ — демоническихкихъ представителей тучъ; герой, побивающій этихъ чудовищ мечемъ-самостѣкомъ (=молніей), напоминаетъ собою нашихъ могучихъ богатырей, у которыхъ по локоть руки въ золотѣ, по колѣна ноги въ сѣбрѣ, и есть никто иной, какъ богъ-громовникъ. Согласно съ древнѣйшимъ представленіемъ Перуна пастыремъ небесныхъ стадъ, онъ является въ сказкѣ пастухомъ, и чѣмъ болѣе козы его (=стада облаковъ) пасутся въ лѣсахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, тѣмъ болѣе даютъ молока (=дожда).

Дождевые ключи, бьющіе изъ великанскаго дерева-тучи, текутъ мѣдью, серебромъ и золотомъ, и все, что ни коснется ихъ, претворяютъ въ свои блестящія цвѣта. Подобныя представленія, возникшія на почвѣ метафорическаго языка—изъ сейчасъ-указаннаго основанія, скрѣплялись въ убѣжденіяхъ младенческихъ племенъ тою близостью, въ какую стародавнее воззрѣніе поставило понятія свѣта и воды. Какъ стихіи ве-

¹⁾ Смирнхъ, 145.— ²⁾ Иличъ, 133.

обыкновенно подвижныя, всюду быстро-проникающія, свѣтъ и вода производили одно общее впечатлѣніе стремительной тучности. Въ санскритѣ *vâgî*—вода, у насъ варъ имѣетъ значеніе и горячей воды и вообще жару; такъ Аванасій-тверитининъ говоритъ въ своемъ путешествіи: «въ Гундустани же сильнаго вару имѣтъ» ¹⁾. Отъ того-же корня произошли *врѣти* (варити), *врѣ(е)мя*—т. е. сначала жаркая часть года, а потомъ и весь годовоі періодъ, подобно тому, какъ слово *лѣто* получило болѣе-широкій смыслъ въ выраженіи: «столько-то лѣтъ». Отъ санскр. *tar* образовались: наше топить, равно прилагаемое и къ водѣ, и къ огню (топить печь, топлево, топлѣное молоко или масло, утопить кого, по-топъ—вода снѣговъ, растопленныхъ лучами весенняго солнца, наводненіе), и лат. *tereo*, *tempus* (время ²⁾). Въ русскомъ языкѣ употребительны выраженія: «пламя разлилось», «луна (или солнце) льетъ свой свѣтъ»; сравни нѣмецкіе обороты: «*der mond über den berg sein licht ausgoss*», «*die sonne ergießt ihre strahlen*». Въ областныхъ нарѣчійхъ, для обозначенія утренняго разсвѣта, говорятъ: «солнышко спорыдаетъ» ³⁾, т. е. восходящее солнце брызжетъ своими лучами; тотъ-же глаголъ прилагается и къ ярко-вспыхнувшей пламени: «берестечко такъ и зарыдало!» ⁴⁾. Выше (I, 176—7) были указаны свидѣтельства, что небесныя свѣтила уподоблялись сосудамъ, наполненнымъ свѣтящеюся жидкостью, и лампадамъ, въ которыхъ горитъ масло. Для мѣсяца существуютъ слѣдующія метафоры: «шелъ я мимо, видѣлъ диво: виситъ котелъ о девяносто ведеръ»; «надъ дворомъ-дворомъ стоитъ чаша съ молокомъ» ⁵⁾. Блѣдный свѣтъ луны уподобляется молоку, на чтò невольнo наводили фанта-

¹⁾ Сахаров., II, 177.— ²⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 14, 16.—

³⁾ Обл. Сл., 213.— ⁴⁾ Н. Р. Сл., III, 19.— ⁵⁾ Сахаров., I, 102; Послов. Даля, 1061.

зію энічскія выраженія бѣлый свѣтъ, бѣлый мѣсяць. По болгарскому повѣрью, вѣдьмы доня луну и изъ добытаго молока приготавливаютъ цѣлебное масло. Въ силу той-же метафоры получила названіе и матовая полоса млечнаго пути (пол. droga mleczna, нѣм. milchstrasse, лат. via lactea). Народъ думаетъ, что «млечный путь» есть молоко, не всосанное однимъ дитятемъ и разлитое по небу ¹⁾: преданіе, принадлежащее отдаленной старинѣ, ибо оно встрѣчается еще у грековъ. По ихъ сказаніямъ, Гера оторвала отъ своей груди сосавшаго Гермеса или Геракла и отбросила ненавистнаго ей ребенка; капли молока брызнули изъ груди и образовали «млечный путь» ²⁾. Отсюда видно, что поэтическая фантазія воспользовалась названіемъ, даннымъ млечному пути, и связала его съ другою метафорою, по которой дождь, посылаемый тучами, назывался молокомъ, въ туманныхъ пятнахъ небснаго свода она признала слѣды молока-дожда, разлитаго богомъ-громовникомъ; въ слѣдующихъ главахъ мы укажемъ, что дождевыя тучи представлялись женскими грудями, а молнія — прекраснымъ и сильнымъ малюткою, который сосетъ изъ нихъ молоко (см. гл. XXIII). У грековъ былъ мнѣ о золотой солнечевой чашѣ, въ которой Геліосъ переплываетъ воздушный океанъ, что совпадаетъ съ изображеніемъ солнечнаго бога плавающимъ въ ладѣ, какое встрѣчается на египетскихъ памятникахъ. Римскіе писатели называютъ солнце *fontem coelestis* или *aetherei luminis*; идея эта по преимуществу соединялась съ утреннимъ разсвѣтомъ. Греки полагали солнечевы источники на восточномъ краю вселенной, и слѣдовательно смотрѣли на утреннюю зорю, какъ на родникъ дневнаго свѣта, которымъ она брызжетъ съ востока. Но такъ какъ съ зорю соединялась мысль о свѣтлой бо-

¹⁾ Рус. въ св. посл., IV, 44.— ²⁾ D. Myth., 331.

гнѣ весны, а съ возвратомъ весеннихъ дней отмыкались облачныя криницы, то естественно, что представление о солнечныхъ источникахъ должно было прилагаться и къ живой водѣ дождевыхъ ливней ¹⁾). Сверхъ того, понятія блеска, чистоты, прозрачности на самомъ дѣлѣ нераздѣльны съ водою, которая нерѣдко и сравнивается съ кристалломъ; озаренная лучами солнца и луны, она дѣйствительно поражаетъ глазъ своими золотыми и серебряными переливами. Выраженія: свѣтлый ручей, серебрястая рѣка принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ; въ народномъ заговорѣ читаемъ: «повеси ты, матушка быстра рѣка, своей быстринной—золотой струей» ²⁾; въ Словѣ о полку: «уже бо Сула не течетъ серебряными струями»; въ Судѣ Любуши вода названа серебряною. Эпитеты быстрый (у сербовъ бистар—свѣтлый) и синій одинаково придаются обѣимъ стихіямъ: и водѣ (синій Донъ, синё море), и огню (синее пламя, въ Словѣ о полку: синіи молніи); чешск. ргатеи значитъ ручей и лучъ ³⁾; mare Balticum стоитъ въ родствѣ съ литов. baltas, balts и означаетъ бѣлое море; въ предыдущей главѣ (стр. 217—8) указано нами на связь слова бѣлый съ названіями рѣкъ, водяныхъ нимфъ и эльфовъ, — точно также, какъ прилагательное русый (=свѣтлый) роднится съ словами русло и русалка.

Народный эпосъ довольно часто говоритъ объ источникахъ, текущихъ серебромъ и золотомъ, или замѣняетъ ихъ кипучими котлами, въ которые стѣбитъ только окунуться—чтобы волосы, руки и ноги получили серебряной или золотой блескъ. Одна изъ свадебныхъ пѣсень, записанныхъ мною въ Москвѣ, рассказываетъ про кипучій колодець, пѣна котораго есть чистое серебро и золото:

¹⁾ Sonne, Mond. u. Sterne, 23—24, 28—33.— ²⁾ Архивъ ист.-этногр. свѣд., II, полов. 2, 51.— ³⁾ Потеби., 89—90.

Ты кипи, кипи, колодець!
 Ты кипи, кипи, студёной!
 Ключевою водою
 Со серебряной пѣной.
 Тутъ Аннушка ¹⁾ выходила,
 Свѣтъ-Ивановна выходила;
 Она пѣну снимала,
 Она ризу сливала
 На икону Микогу,
 А еще-то сливала
 Золотое колечко,
 А еще-то сливала
 Два вѣнца золотые.

Въ собраніи сказокъ братьевъ Гримовъ ²⁾ упоминается goldbrunnen—источникъ чистый и свѣтлый, какъ кристалъ; когда водою этого колодца королевичъ намочилъ себѣ голову, то его волосы стали золотыми и заблестали какъ солнце (und glänzte wie eine sonne). Русскія сказки говорятъ о двухъ ключахъ Чуда-Юда (Морскаго Царя или змѣя): если испить воды изъ одного ключа — станешь сильномогучимъ богатыремъ; если помочить голову въ водѣ другаго — будутъ волосы золотые; говорятъ также о двухъ чудесныхъ мазяхъ, принадлежащихъ тому-же Чуду-Юду: если натереть голову одною мазью—волоса будутъ серебряные, а натереть другою—будутъ золотые ³⁾. Въ сербской приповѣдкѣ ⁴⁾ мальчикъ нанимается на службу у старухи-вилы и находитъ у нея горшокъ: опустилъ въ него руку — рука сдѣлалась золотая, окунулъ голову—голова позолотилась. Въ норвежской сказкѣ ⁵⁾ сынъ вдовы, находясь въ услуженіи у тролля, входитъ въ запретныя палаты; въ одной комнатѣ стоялъ большой мѣдной котелъ и сильно ки-

¹⁾ Имя невѣсты.— ²⁾ Сж. Грим., 136; смлчи у Шотта, 11.— ³⁾ Н. Р. Ск., VII, 10; VIII, стр. 611.— ⁴⁾ Матер. для изучен. нар. слов., 37.— ⁵⁾ I, 14.

Котлы, хотя подъ нимъ и не было огня; юноша опустилъ въ котелъ палецъ—и палецъ озолотился; въ другой комнатѣ онъ самъ искупался въ котлѣ и сдѣлался страшно-силенъ и такъ румянъ и бѣлъ, какъ кровь съ молокомъ. По свидѣтельству другой норвежской сказки ¹⁾, королевичъ, нанявшись къ велигану пасти козъ, обмакиваетъ свою перчатку въ грѣхъ кипящихъ котлахъ, и она сперва дѣлается мѣдною, потомъ серебряною и наконецъ золотою. Всѣ эти подробности указываютъ на весеннія дождевыя тучи, которыя на метафорическомъ языкѣ древнѣйшей эпохи назывались небесными источниками и сосудами (бочками, котлами, кружками), наполненными живою водою; потому источники эти и сосуды находятся во власти облачныхъ духовъ и нимфъ (великановъ, драконовъ, вилъ, Морскаго Царя), и воды ихъ не только золотятъ, но и сверхъ того надѣляютъ неописанной красотой и богатырскою силою. Окованныя зимними холодами, тучи застываютъ, дѣлаются безжизненными и не даютъ дождей; но съ приходомъ весны ихъ топятъ грозвое пламя—и онѣ проливаются на землю шумными потоками; подобно тому и земные источники, подъ влияніемъ весенней теплоты, сбрасываютъ съ себя льды, претворяются въ живыя, быстро-текуція воды и своимъ журчаніемъ, брызгами и пѣною напоминаютъ горячіи кипятокъ. Вотъ почему колодцы и котлы весеннихъ грозовыхъ тучъ называются «кипучини». Сказочные герои, которые въ нихъ купаются, представляютъ собою то златоудрое солнце, то бога-громовника, побѣдителя демоновъ мрака и холода; въ печальное время зимы они облакаются въ туманныя одежды и скрываютъ свои прекрасные образы, свой золотистый блескъ отъ очей смертнаго, но съ весною, испавшись въ потокахъ дожда, снова предстаютъ во всей сіяю-

¹⁾ II, 16.

щей красѣ и вступають въ брачный союзъ съ богиней Землею. Золотые волосы, руки, ноги и пальцы суть старинныя метафоры солнечныхъ лучей и молній.

Народныя русскія сказки, въ числѣ другихъ подвиговъ, совершаемыхъ добрымъ молодцемъ-Перуномъ при возвратѣ весны, заставляютъ его добывать живую воду (дождь) и поющее дерево (т. е. дерево-тучу, громозвучная пѣсня котораго раздается въ дикихъ завываніяхъ грозовой бури (сличи съ преданіями о волшебныхъ музыкальныхъ инструментахъ — т. I, 324—7, 332—5). Чтобы овладѣть тучевыми деревьями, герою сказки необходимо содѣйствіе буйныхъ вѣтровъ, на крыльяхъ которыхъ приносятся и уносятся ходячія облака, или выражаясь метафорическимъ языкомъ древней поэзіи: онъ долженъ насвистывать въ волшебную дудочку— и чудесный садъ, послушный ея звукамъ (т. е. вѣтанію свистащихъ вихрей), послѣдуетъ за нимъ хоть на край свѣта ¹⁾. Этимъ подвижнымъ деревьямъ соотвѣтствуетъ мѣсто о бродячихъ горахъ-тучахъ, о которыхъ сохранились довольноясныя преданія въ семьѣ индоевропейскихъ народовъ (см. гл. XVIII). Не позабыто славянами и то исполинское мировое дерево, которое играетъ такую важную роль въ мифологіяхъ зендской и скандинавской. Сербская пѣсня помѣщаетъ его въ раю и даетъ ему золотыя вѣтви съ серебряными листьями:

Расло древо сред раја
 Племенита дафина,
 Племенито родила,
 Златне гране спустила,
 Лишће јој је сребрно;
 Под н(ь)ом света постел(ь)а,
 Сваког цвећа настрга;
 Понајвише босил(ь)ка
 И румене ружице;

¹⁾ Н. Р. Сл., VI, 69; VIII, стр. 555.

На н(ь)ој светац почива,
Свети отац Никола ¹⁾.

Приходитъ къ нему Илья громовникъ: «вставай (говорить), поидемъ въ лѣсъ, построимъ корабли и станемъ перевозить души съ того свѣта на этотъ» ²⁾). Илья-пророкъ и св. Никола являютя здѣсь вмѣсто Перуна и древняго бога морей; о кораблѣ и перевозѣ душъ см. т. I, гл. XI. Объ этомъ деревѣ вспоминаеть и малорусская щедривка:

А въ пана дядька
Да на ёго дворѣ—
Тамъ стояло древо
Тонкое, высоке,
Лыстомъ широке
Да кудрявѣекее,
А на тому древи
Золотая кора,
Жемчужная роса.
Дѣ взялися райскія пташки,
Обзюбали золотую кору,
Жемчужную росу.

Далѣе говорится, что выходила панна—дочь хозяина, поздравленаго съ праздникомъ, собирала ту кору золотую и росу жемчужную, понесла къ мастеру и просить: «скуй мнѣ на свадьбу обручальный перстень» ³⁾). Нельзя не замѣтить полнаго согласія приведенной пѣсни съ преданіями другихъ народовъ: райскія птицы, обламывающія золотую кору и сотрясающія съ дерева росу, тождественны съ птицами «безскорбнаго древа», которымъ приписывается ломка вѣтвей и сотря-

¹⁾ Переводъ: Росло древо среди рая—племенитый (т. е. славнаго рода) лавръ, племято уродило — распустило золотыя вѣтки съ серебряными листьями; подъ нимъ святое ложе, усыпанное всякими цвѣтами, а больше всего васильками и красными розами. На этомъ ложѣ почиваетъ святой отецъ Никола.—²⁾ Срп. н. пјесме, I, 134.—³⁾ Черниг. Г. В. 1854, 27.

сеніе съ нихъ плодотворнаго сѣмени, падающаго на землю вмѣстѣ съ дождевыми ливнями; какъ съ ясени Иггдразилли, такъ и съ нашего дерева осыпается роса, которой приданъ эпитетъ жемчужной на основаніи древняго уподобленія капель утренней росы драгоценнымъ каменьямъ и жемчугу (см. I, 602). Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ фрязинномъ Азимитомъ (по рукописи XVI в.) мировое дерево описано такъ: «а посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно въ огненной красотѣ; оно покрываетъ вѣтвями весь рай, имѣетъ же листья отъ всѣхъ деревъ и плоды тоже; исходитъ отъ него сладкое благоуханье, а отъ корня его текутъ млекоу и медомъ 12 источниковъ¹⁾. Простолюдныи до сихъ поръ убѣждены, что гдѣ-то далѣко (на востокѣ) есть страна вѣчнаго лѣта, насажденная садами изъ золотыхъ и серебряныхъ деревьевъ и оглашаемая пѣснями райскихъ птицъ, въ которой рѣки текутъ млекоу и медомъ, серебромъ и золотомъ.

Преданіе о мировомъ деревѣ славяне по преимуществу относить къ дубу. Въ нихъ памяти сохранилось сказаніе о дубахъ, которые существовали еще до сотворенія міра. Въ колядкѣ карпатскихъ руссовъ поется, что еще въ то время, когда не было ни земли, ни неба, а только одно синее море (=воздушный океанъ),—среди этого моря стояло два дуба, а на дубахъ сидѣло два голубя: голуби спустились на дно моря, достали песку и камня, изъ которыхъ и создались земля, небо и небесныя свѣтила (см. объясненіе этого мифа въ гл. XIX). Въ одной изъ апокрифическихъ повѣстей о созданіи вселенной упоминается о желѣзномъ дубѣ, еже есть перво посаженъ, на которомъ держится вода (=воз-

¹⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 501.

душное море, небо), огонь (= пекло, адъ) и земля, а корень его стоитъ на силѣ божіей (см. выше стр. 163). По свидѣтельству заговоровъ на морѣ-на океанѣ, на островѣ-на Буянѣ стоитъ дубъ мокрецкой, а подъ нимъ лежитъ змѣя Гарафена (Горыныч?): эпитетъ «мокречкой» указываетъ на связь его съ дождевыми ключами ¹⁾. Другой эпитетъ, придаваемый этому дереву, именуетъ его святымъ. Любопытно слѣдующее закліятіе ратника, идущаго на войну: «на святомъ океанѣ-морѣ стоитъ.... сырой дубъ кре(я)ковистый, и рубить тотъ сырой дубъ старъ мастеръ (матѣрь?) мужъ своимъ булатнымъ топоромъ, и какъ съ того сыраго дуба щепка летитъ — такожде бы и отъ меня (имярекъ) валился на сыру землю борець-молодецъ по всякій день, по всякій часъ ²⁾, т. е. какъ отъ ударовъ Перунова топора (= молніи) исчезаютъ тучи, такъ да падутъ отъ моихъ ударовъ вражескіе воины. Народная русская сказка, извѣстная и другимъ славянамъ ³⁾, рассказываетъ про дубъ, который выросъ до самаго неба; полѣзъ старикъ на то дерево, гдѣзъ-гдѣзъ и взобрался на небо, гдѣ сидѣлъ кочетокъ-золотой гребешокъ — птица, которая ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ ⁴⁾, и стояли чудесные жорновки — эмблема весенней грозы, дарующей землѣ плодородіе, а людямъ ихъ насущный хлѣбъ (см. I, 291 — 2). По указанію хорутанской приповѣдки, ви-

¹⁾ Сахаровъ, I, 21, 24, 29; на связь змѣя съ дубомъ указываютъ еще свидѣтельства, приведенныя въ I-мъ томѣ настоящаго сочиненія, на стр. 307.— ²⁾ Шаповъ, 60.— ³⁾ Н. Р. Лег., 33; Н. Р. Ск., IV, 7; сб. Валивца, 282—5; Volkslieder der Wenden, II, 175—6.—

⁴⁾ Малорусская загадка помнитъ про дубъ-стародубъ, на которомъ сидитъ птица-солнце (см. т. I, 517); выше было объяснено, что въ образѣ жаръ-птицы фантазія смѣшала представленія дневнаго свѣтила и молніеноснаго пламени (Агни). Весьма вѣроятно, что первоначальный смыслъ загадки былъ тотъ: на деревѣ-тучѣ возсѣдѣла птица-молнія.

лы — облачныя дѣвы, родственныя норнамъ. обитаютъ въ дуплѣхъ и питаются сахарными яствами, т. е. сладкою амритюю ¹⁾; а польская сказка упоминаетъ о дубѣ съ золотыми листьями и жолудями ²⁾. Соединяя вмѣстѣ эти разрозненные черты, сохранившіяся въ различныхъ памятникахъ, мы убѣждаемся въ совершенномъ соответствіи нашего стародуба съ скандинавской ясенью: на немъ держатся три великіе міра — небо, земля и адъ, на вѣтвяхъ его гнѣзятся молніеносныя птицы, а у корня лежитъ страшная змѣя, наконецъ при этомъ деревѣ текутъ живые источники и обитаютъ вѣщія дѣвы. Въ калужской губ. у Мѣщовска стоятъ два сухихъ дуба, подъ которыми, по мѣстнымъ разсказамъ, собираются вѣдьмы на свои шумныя игрища ³⁾. Въ Германіи думаютъ, что вѣдьмы, собирая дубовые листья въ сорочку и вѣшая этотъ узелъ на дерево, могутъ вызвать вѣтры, разсѣять тучи и возстановить ясную погоду; съ цѣлію же произвести грозу — онѣ кипятятъ дубовые листья въ горючей водѣ ⁴⁾. По русскому повѣрью, вѣдьмы втыкаютъ ножъ въ дерево и тѣмъ самымъ заставляютъ течь изъ него молоко (см. гл. XXVI), т. е. вонзая остріе молніи въ дерево-тучу, вѣдьмы проливаютъ небесное молоко дождя. Народный сказочный эпосъ знаетъ дубъ, подъ которымъ бывають сборища духовъ; съ его вѣтвей падаетъ цѣлебная роса — подробность, напоминающая Иггдразилъ; прилетала райская птица, садилась на дубъ и повѣдала: кто умоется этой росой, тотъ получитъ здравіе, кровавыя раны его залѣчатся и слѣпыя очи прозрѣютъ. Вмѣсто райской птицы, въ хорутанской сказкѣ указываютъ на цѣлебную росу ви лы, а въ чешской вѣдьмы ⁵⁾. Не одни славяне — и другіе народы соеди-

¹⁾ Сб. Валивца, 31—32. — ²⁾ Глянск., III, 84, 152. — ³⁾ Послов. Дая, 1042. — ⁴⁾ D. Myth., 1026, 1042. — ⁵⁾ Н. Р. Ск., I, 10; Черниг. Г. В. 1860, 15; Рыбник., I, 240; сб. Валивца, 36—37; Сказ. Гримм.

ляютъ съ дубомъ мнѣшескія представленія о деревѣ-тучѣ. Мудрый Вейнмейненъ, повѣствуетъ Калевала, посадилъ жолудь; дубъ принялся и началъ расти не по днямъ, а по часамъ; онъ вытянулся такъ высоко и раскинулъ свои вѣтви на такія необъятныя пространства, что ни одному облачку не стало прохода, ни лучамъ солнца и луны доступа къ землѣ. Вейнмейненъ сталъ обдумывать, какъ-бы срубить гигантское дерево, но нигдѣ не обрѣталось такого силача, чтобы могъ взяться за это трудное дѣло. Тогда Вейнмейненъ взмолился своей матери, чтобы она послала къ нему на помощь силы могучей воды — и вотъ вышелъ изъ моря крохотный человекъ (мальчикъ-съ пальчикъ), съ ногъ до головы замочанный въ тяжелую мѣдь, съ маленькимъ топорикомъ въ рукахъ; онъ срубилъ дерево, солнце освѣтило землю, и все ожило на ней, зацвѣло и задвигалось ¹⁾, т. е. грозовой карликъ, обитающій въ дождевомъ морѣ, разбилъ тучу топоромъ-молніей, освободилъ солнце изъ-за темныхъ облачныхъ закрововъ и наполнилъ землю животворною влагою дождя. Подъ вліяніемъ метафоры, уподобившей сіяніе солнца блеску благородныхъ металловъ, возникло сказаніе, что за деревомъ-тучею, помрачающимъ дневное небо, скрываются несметныя сокровища; такъ въ русской сказкѣ упоминается дубъ, который если выворотить съ корнемъ—то подъ нимъ най-

III, 342. Галицкая загадка: «уалъ дубъ (ночная тьма) на весь свѣтъ, а на коньци ковали хують (мѣсяць свѣтится)» первоначально означала темную грозовую тучу, въ которой мнѣшескіе кузнецы хують молніи, а потомъ уже стала прилагаться къ ночи — Вѣнонь русинамъ на обшини Ив. Головацаго, 1847, II, 281—314.— ¹⁾ Тамъ же поэма рассказываетъ, что Вейнмейненъ чародѣйнымъ пѣніемъ (=вой грозовой бури) создалъ ель, которая подымалась своею цвѣтущею верхушкою къ самому небу и золотыми вѣтвями развѣвала тучи; и мѣсяць, и созвѣздіе Большой Медвѣдицы блистали между ея вѣтвями—Совр. 1840, III, 62—63, 93.

дешь богатые клады серебра и золота ¹⁾. Приведенному эпизоду финской поэмы соответствует норвежская сказка ²⁾: прямо передь окнами королевскаго зѣмка выросъ дубъ, да такой громадной, что не пропускалъ въ комнаты ни единого солнечнаго луча; сколько ни старались срубить его— все было напрасно: съ каждымъ ударомъ, наносимымъ дубу, онъ становился и толще, и вѣще; наконецъ былъ найденъ топоръ-саморубъ (орудіе Тора), который и повалилъ гигантское дерево. Замѣчательно, что это преданіе о дубѣ сказка соединяетъ съ другимъ о твердой скалѣ, въ которой надо было вырыть колодезь, чтобы напоить все царство, жаждущее отъ недостатка воды: эта трудная задача исполняется каменною киркою-саморойкою (другое представленіе молніи, роющей облачныя горы и скалы).

Въ продолженіе долговременныхъ переселеній арійскихъ племенъ нѣкоторыя изъ общихъ названій, служившихъ для обозначенія всякаго дерева, сдѣлались частными, стали присвоиваться только одному извѣстному роду или виду, и наоборотъ нѣкоторыя частныя названія обобщились. Первоначально слово дубъ заключало въ себѣ общее понятіе дерева, что до сихъ поръ слышится въ производныхъ дубина, дубинка, дубецъ—палка ³⁾; точно также греч. δρῦς—queercus соответствуетъ снкр. dḡ — агвог, слав. дрѣво, кмир. dequ, армор. deḡd ⁴⁾. Впослѣдствіи эти названія (дубъ, δρῦς) слились съ понятіемъ самаго крѣпкаго и долговѣчнаго дерева, которое и было посвящено богу-громовнику. У сербовъ дубъ называется грм, грмов (дубовый лѣсъ — грмик ⁵⁾, что безъ сомнѣнія указываетъ на ближайшее отношеніе его къ Перуну и небеснымъ громамъ. Старинныя грамоты, опредѣляя по этому сва-

¹⁾ Н. Р. Ск., I, 13; сравни Nordisch. Märchenbuch, 69—30.—
²⁾ II, 19.— ³⁾ Обл. Сл., 51.—⁴⁾ Пикте, I, 214.—⁵⁾ Срп. рјечник, 402—3.

какому дереву границы родовыхъ владѣній, называли его Перуновымъ ¹⁾). Согласно съ демоническимъ представле-
 ниемъ тучъ, съ которыми постоянно сражается праведный
 Перунъ, сербы даютъ дубу эпитетъ вражьего (врагъ—
 чортъ, см. I, 740): «да је сваки дан божић, не би било дуба
 вражијега» ²⁾, т. е. если бы всякой день—«божичъ» (Рож-
 дство), не было бы дуба вражьего; всѣ бы дубы на бадня-
 ки были постъчены. Древній человекъ добывалъ огонь изъ де-
 рева и древесными вѣтками и обрубками поддерживалъ его свя-
 щенное пламя на очагѣ; могъ ли онъ иначе объяснить себѣ
 явленіе грозового пламени, какъ не этимъ знакомымъ ему
 способомъ? Понятно, что въ тучѣ, которая порождаетъ мол-
 нии и ини-же пожирается, онъ долженъ былъ увидѣть небес-
 ное дерево, а въ дождѣ — его сокъ, выгнанный съ помощію
 огня. Въ силу этого воззрѣнія дождь получилъ метафорическое
 названіе смолы или дѣгтя (I, 788). Своею громовою пали-
 цою Перунъ сверлитъ тучу-дерево, и заживая грозовое пламя,
 шлетъ дожди, а съ ними изобиліе плодовъ земныхъ и всякое
 дозволеніе. На землѣ представителемъ этого небеснаго пла-
 мени и его животворящихъ свойствъ былъ такъ называемый
 живой огонь, добываемый треніемъ изъ дубоваго
 дерева. По словамъ лѣтописи, литовцы заботились, чтобы
 передъ истуканомъ Перкуна горѣлъ неугасимый огонь «зъ ду-
 боваго деревія» (см. выше стр. 7); у нихъ сохранилось по-
 вѣрье, что хлѣбныя сѣмена были ниспосланы на землю въ ше-
 лугѣ жолудей, что прямо приравниваетъ дубъ безкоробно-
 му дереву зендской мифологіи, съ котораго разносились сѣ-
 мена по всей землѣ ³⁾). По славянскимъ преданіямъ, сѣмена
 приносятся весенними вѣтрами изъ вѣчно-зеленыхъ са-

¹⁾ Въ черноворусской грамотѣ 1302 года сказано: и отъ Перу-
 нова дуба до... такого-то мѣста—Рус. Вѣс. 1856, III, 94.—²⁾ Срп.
 и. послов., 50.—³⁾ Черты литов. нар., 9.

довъ рая (см. выше стр. 137—7); а нѣмцы, присматриваясь къ раскрытому жолудю, поего признакамъ заключаютъ, будетъ ли урожай или голодъ и болѣзни ¹⁾). У Додонскаго оракула, высоко-чтимаго во всей Греціи, росъ тѣнистый, посвященный Зевсу дубъ (*δρῦς ἐφ' ἑορῆς Διὸς*); вѣрующіе приходили внимать шуму его листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ, и въ этихъ таинственныхъ звукахъ слышались имъ пророческіе глаголы самаго бога; на вѣтвяхъ дуба сидѣли священные голуби, а у корня билъ вдохновляющій ключъ, извѣстный подъ именемъ Зевсова источника ²⁾). Римляне посвящали дубъ Юпитеру, почему и жолудь назывался у нихъ плодомъ этого бога—*juglans* (= *joviglans*, *Jovis glans*). Басня о золотомъ рунѣ (=весеннемъ дожденосномъ облакѣ) говоритъ, что оно висѣло на дубѣ и оберегалось страшнымъ дракономъ (I, 683). Кельты относились къ дубу съ религіознымъ уваженіемъ; вѣще друиды собирали дубовыя роши мѣстами своего постоянного пребыванія и никакихъ священнодѣйствій не совершали безъ дубовой вѣтки. Въ странахъ, заселенныхъ германскими племенами, были дубы, посвященные Донару; одинъ та кой дубъ росъ въ Вестфалии, вблизи Торовой горы (*Thunegesberg*), а другой, названный въ старинной хроникѣ *gobur Jovis*,—въ Гессенѣ, недалеко отъ *Wuotansberg'a* ³⁾). Сохранившіеся въ Литвѣ преданія и прусскія хроники увѣряютъ, что заповѣдныя дубы Перкуна, подъ сѣнію которыхъ ставились и его кумиры, были постоянно-зелены и лѣтомъ, и зимою; особеннымъ почетомъ пользовались у литовцевъ старыя, вѣковые дубы; ихъ окружали оградами, и въ эпоху обращенія въ христіанство народъ скорѣе соглашался на истребленіе идоловъ, чѣмъ на посѣщеніе этихъ деревьевъ. Священ-

¹⁾ Die Götterwelt, 184.—²⁾ Griechische Myth. Преллера. I, 96—97; Одиссея, XIV, 327—330.— ³⁾ D. Myth., 155—6; Ж. м. Н. П. 1846, III, ст. Я. Гримма, 173; Галлы, соч. Георгіевскаго, 111.

ые дубы и при нихъ жертвенники Перкуну были въ Рошогѣ, Кривѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ ¹⁾. О славянахъ имѣеть слѣдующія извѣстія: Сефридъ упоминаеть о большомъ вѣтвистомъ дубѣ, который почитался жилищемъ божества; у Гальмольда сказано: «на пути (изъ Старгарда въ Любекъ) мы заѣхали въ рощу, единственную въ томъ краю, потому что весь онъ — голая равнина. Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы и дубы, посвященные богу той страны — Проне (Перуну). Они были окружены дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой, съ двумя воротами... Это мѣсто было святилищемъ для всей страны, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда, послѣ праздника, сходился народъ (вѣче) съ жрецомъ и княземъ для суда. Входъ во дворъ воспрещенъ былъ всякому, кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ приносить жертвы, или кто, угрожаемый опасностію смерти, искалъ убѣжища». Какъ скоро христіанскіе просвѣтителі приблизились къ рощѣ, они немедленно разбили ворота, изъ разломанныхъ бревенъ сложили костры около священныхъ деревьевъ и предали ихъ сожженію ²⁾. Слѣдуя примѣру боговъ, собиравшихся рѣшать судьбы человѣчества подъ всемірнымъ деревомъ, славяне творили судъ и правду подъ старыми дубами, и глубоко вѣрили, что всѣ постановленные подъ ихъ стѣною приговоры изрекались по внушенію божества. По указанію г. Срезневскаго, «въ словацкихъ сказкахъ попадаются случаи, подобные тому, о которомъ читаемъ въ пѣснѣ Краледворской рукописи «о великомъ пораженіи», какъ собираются судить и рядить о самыхъ важныхъ дѣлахъ въ глубину лѣса—въ такую чашу, куда бы не могъ дойти лучъ солнца» ³⁾. У германцевъ точно также священныя лѣса служили мѣстами народ-

¹⁾ Черты литов. нар., 9—10; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомарова, 14.— ²⁾ Срезнев., 30.— ³⁾ Ibid., 31.

ныхъ собраній и судебного разбирательства, и давали убѣжище преступникамъ ¹⁾. Константинъ Порфирородный свидѣтельствуешь, что руссы, приходя на островъ св. Георгія, совершали жертвоприношенія подѣ большимъ дубомъ. Духовный регламентъ (1721 г.), въ числѣ суевѣрныхъ обрядовъ, указываетъ на слѣдующій: «также на мношь мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ передъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба пощъ народу раздаеъ на благословеніе». На Украинѣ въ такъ называемую Зеленую (Троицкую) недѣлю приготавливаютъ игорный дубъ, т. е. устанавливаютъ на выгонѣ или площади длинную жердь съ прикрѣпленнымъ вверху колесомъ, всю увитую травами, цвѣтами и лентами; вокругъ ея окапываютъ небольшой ровъ и ставятъ срубленные березки. Между Кіевомъ и Переяславлемъ эта жердь называется сухимъ дубомъ. Около ней совершаются игры и поется обрядовая пѣсня:

Розвивайся, сухой дубе!
 Бо на тебе морозъ буде.
 — Я морозу не боюся,
 Прийде весна — розовьюся! ²⁾

Обрядъ состоитъ въ призваніи весны, животворная сила которой приносятъ дождевыя тучи и рядить лѣса въ зелень и цвѣты. Дубъ здѣсь символъ Перунова дерева-тучи: зима, похищающая дожди, засушаетъ его благодатные соки, и оно также цѣпенѣетъ отъ стужи, какъ и земныя деревья въ періодъ зимнихъ мѣсяцевъ; съ весною оно оживаетъ и начинаетъ цвѣсти молніями (Перуновымъ цвѣтомъ — см. гл. XVIII). Колесо указываетъ на ту втулку, въ которой богъ-громовникъ вращаетъ свою палицу, чтобы возжечь живое пламя грозы (см. выше стр. 6, 21 ²⁾). Подѣ вліяніемъ указан-

¹⁾ D. Myth., 64.— ²⁾ Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 92.—

³⁾ Сходный по значенію, хотя и съ иной обстановкою, обрядъ из-

ныъ наши мѣстеческихъ представленій, дубъ, а равно и всякое другое дерево, въ которое ударила молнія, получили во мѣстѣ простоядиновъ тѣже цѣлебныя, живительныя свойства, какія приписываются весеннему дождю и громовой стрѣлкѣ. Чтобы излѣчить лошадей добрыхъ («въ тѣлѣ»), совѣтуютъ класть въ юншиѣ кусокъ дерева, разби таго громомъ ¹⁾. Если при первомъ весеннемъ громиѣ подпереть спиною дерево (или деревянную стѣну), то спина болѣть не будетъ ²⁾. Въ тульской губ. поселяне стараются отыскивать въ лѣсныхъ мѣстахъ старыя дубы, при которыхъ вытекали бы ключи; сдираютъ съ нихъ вѣтокъ кору, вымачиваютъ ее въ рѣкѣ и потомъ носятъ въ ладонкахъ — въ предохраненіе отъ зубной боли ³⁾. Золотые, ничѣмъ несокрушимые зубы бѣга-громовника заставили приписать ему и всѣмъ его атрибутамъ спасительную силу унимать зубную боль (I, 771—5). Поэтому народная медицина предлагала кусать больнымъ зубомъ дубовое дерево или камень (=символъ молніеноснаго идолота). Теперь это суевѣрное средство большею частію встрѣчается въ обстановкѣ, подновленной христіанствомъ: вмѣсто священныхъ Перуновыхъ камней, кусаютъ камни церковной паперти (I, 426), а цѣлебныхъ отъ зубной боли деревьевъ ищутъ за монастырскими стѣнами. Подмосковный людъ признаетъ за такія деревья—тѣ, что растутъ на дворѣ Хутынской обители ⁴⁾; возлѣ Палеостровскаго монастыря въ пещерѣ св. Корнилія видѣнъ пень отъ дерева, которое росло въ расщели-

нѣстѣ у хорутанъ подъ названіемъ праздника липы и состоитъ въ разбиваніи бочки, привѣшанной къ липовому дереву, о чемъ см. г. I, 589. Лица играютъ въ данномъ случаѣ роль міроваго дерева, въ которомъ заключена живая вода дожда. У литовцевъ была священная лица (недалеко отъ Ростенбурга), къ которой приносили больныхъ, съ надеждою на исцѣленіе—Рус. Сл. 1860, V, 14.— ¹⁾ Этн. Сб., II, 256.— ²⁾ Полтав. Г. В. 1846, 18.— ³⁾ Сахаров., II, 45.— ⁴⁾ Москв. 1853, XI, внутр. изв., 64.

нѣ и уничтожено зубами богомольцевъ (они грызли и продолжаютъ грызть его отъ зубной боли); въ Дмитріевскомъ монастырѣ страждущіе зубами грызутъ посохъ старца Пересвѣта, сподвижника Дмитрія Донскаго, а въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ — уцѣлѣвшія деревянныя гробицы св. угодниковъ ¹⁾. Въ Германіи дѣтей, страдающихъ отъ перелома, носятъ къ дубу, который, раздѣляясь снизу на двѣ отрасли, вверху снова сростается въ одинъ стволъ, и черезъ то образуетъ скважину. Сквозь это отверстіе протаскиваютъ больнаго, и вѣрятъ, что какъ срослось раздвоившееся дерево — такъ сроснется и переломленная кость ребенка ²⁾. Больныхъ овецъ заставляютъ пролѣзть сквозь разщепленный молодой дубъ, а больныхъ дѣтей — сквозь нарочно-расколотое вишневое дерево, которое потомъ связывается, чтобы оно могло снова сростись ³⁾. У насъ соблюдаются подобныя же обряды. Такъ въ пронскомъ уѣздѣ еще въ концѣ прошлаго столѣтія существовалъ толстый старый дубъ съ проѣмною скважиною, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ народѣ; сквозь его скважину протаскивали раза по три дѣтей, больныхъ грыжею, и вслѣдъ за тѣмъ обвязывали дерево поясомъ или кушакомъ ⁴⁾. Въ воронежской и саратовской губ. донныѣ носятъ недужныхъ дѣтей въ лѣсъ, нарочно раскалываютъ надвое молодой зеленой дубокъ, протаскиваютъ между его разщепами три раза ребенка, и затѣмъ связываютъ дерево ниткою ⁵⁾. По словамъ Сахарова, дѣтей, страдающихъ сухоткою, кладутъ на извѣстный срокъ

¹⁾ О. З. 1829, ч. XXXVII, 129; XL, 419. — ²⁾ Die Götterwelt, 197. — ³⁾ D. Myth., 1118—9. Сверхъ того, Я. Гримм (ibid., 1121) упоминаетъ про обычай лить и пить воду черезъ пробурвленное отверстіе цѣлебнаго дерева. — ⁴⁾ Моск. Наблюд. 1837, май, кн. 2. 250—1; Рус. Предан. Макарова, I. 36. — ⁵⁾ Ворон. Г. В. 1851, 12.

въ раздвоенное дерево, потомъ трижды девять разъ обходить съ ними вокругъ дерева и вѣшаютъ на его вѣтвяхъ лѣтскія сорочки. По возвращеніи домой, купаютъ ихъ въ мѣдѣ, взятой изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, и обсыпаютъ золою изъ семи печей ¹⁾. Отъ лихорадки и другихъ болѣзней крестьяне купаются въ рѣкахъ, лѣсныхъ родникахъ и колодцахъ, а послѣ купанья вытираются чистою тряпцею и вѣшаютъ ее на соседнее дерево или ракитовъ кустъ; вмѣсто тряпцы, вѣшаютъ также рубашку или лоскутъ отъ своей одежды и оставляютъ ихъ висѣть до тѣхъ поръ, пока совѣтъ не истлѣютъ (см. выше стр. 185). Смыслъ обряда—слѣдующій: смывая и стирая съ своего тѣла недугъ, больной какъ-бы снимаетъ его съ себя, и вмѣстѣ съ тряпцею и сброшенной рубашкою передаетъ кусту или дереву, какъ живымъ представителямъ того небеснаго, райскаго древа, которое точитъ живую воду, исцѣляющую всѣ уроки и болести. Какъ истлѣваетъ оставленный лоскутъ или сорочка, такъ должна сгнить и самая болѣзнь. Позднѣе, при утратѣ яснаго пониманія старинныхъ представленій, обрядъ этотъ получилъ характеръ жертвеннаго приношенія лѣснымъ и водянымъ духамъ.

Не менѣе любопытныя повѣрья соединяетъ народъ съ осиною—дерево, за которымъ усвоены именческія свойства едва ли не вслѣдствіе сродства его имени (серб. *јасика*) съ словомъ *јасен* (серб. *јасен*, пол. *jesion*, лит. *osis*, англос. *aese*, сканд. *askr*, старонѣм. *asc*, по мнѣнію Пикте, отъ сикр. *as—јасеге, лусеге* ²⁾). Какъ ясени придана сила, оцѣпеняющая змѣй, такъ объ осинѣ утверждаютъ, что убитаго ужа должно повѣсить именно на это дерево; иначе онъ оживетъ и укуситъ ³⁾. Когда богатырь Добрыня убилъ змѣя, онъ повѣ-

¹⁾ Сахаров., I, 52—53. ²⁾ Пикте, I, 222.— ³⁾ Нар. с. раз., 160;

силъ его на осину кляпую: «сушися ты, зѣи Горынище! на той-то осинѣ на кляпая»¹⁾). Подобное-же спасительное дѣйствіе оказываетъ осина и противъ колдуновъ, ушырей и вѣдьмъ, играющихъ въ народныхъ повѣрьяхъ роль почти-тождественную съ зѣемъ; какъ онъ высасываетъ молоко-дождь небесныхъ коровъ-тучъ, такъ они похищаютъ дожди и росы, доятъ и высасываютъ тѣхъ-же коровъ, и воскресая весною отъ зимней смерти, любятъ упиваться теплою кровью (= другая метафора дождя). Позабывая о связи старинныхъ метафорическихъ выраженій съ небесными явленіями природы, читая въ нихъ не тотъ первоначальный смыслъ, какой они дѣйствительно въ себѣ заключали, а напротивъ понимая ихъ буквально, народъ приписалъ колдунамъ, ушырямъ и вѣдьмамъ доеніе и порчу обыкновенныхъ коровъ, выхожденіе изъ гробовъ по смерти и высасываніе крови у живыхъ людей. Для защиты себя и стада отъ этихъ мнимыхъ бѣдъ прибѣгаютъ къ помощи осины. Мѣстечское древо-туча, изъ-подъ корней котораго струится живая вода дождя, цвѣтетъ золотымъ или огненнымъ цвѣтомъ-молніей; на вершинѣ его сидитъ молніеносная птица — орелъ или пѣтухъ съ золотымъ гребнемъ. Демоническіе зѣи, чародѣи и вѣдьмы, съ жадностью бросаясь на любимый ими напитокъ живой воды, въ тоже время подвергаются ударамъ грозовыхъ стрѣлъ, которыя разятъ хищниковъ и заставляютъ ихъ бѣжать въ страхѣ и трепетѣ. Заострённый осиновый колъ получилъ въ глазахъ народа значеніе Перуновой паллицы (или дубинки—donner-

Духъ Христианина 1861—2, XII. 271. Чтобы не завелись ужи въ домъ, совѣтуютъ поарывать навозъ яворомъ; въ народныхъ пѣсняхъ яворъ принимается иногда за священное дерево: на немъ виситъ колыбель младенца Христа, на немъ являютъ ангелы и будить усопшаго отца, призываемаго на свадьбу дочери — Объ истор. яз. нар. повз., 52.—¹⁾ Кирша Дан., 349.

lei). Чтобы мертвецъ, въ которомъ подозрѣваютъ злаго колдуна, ушыря или вѣдьму, не могъ выходить изъ могилы, крестьяне вбиваютъ ему въ спину осиновый колъ; чтобы предохранить коровъ и телятъ отъ нападенія вѣдьмъ, они ставятъ на воротахъ и по угламъ скотнаго двора осиновые деревья, срубленные или вырванные съ корнемъ; во время чумы рогатаго скота, прогоняя Коровью Смерть, бьютъ ее (т. е. машутъ по воздуху) осиновыми полѣньями. По свидѣтельству сказокъ, колдунамъ-выходцамъ изъ могилъ вкелачиваютъ въ сердце осиновый колъ, бьютъ ихъ на отмашь осиновымъ полѣномъ и сожигаютъ ихъ трупы на осиновомъ кострѣ. Въ христіанскую эпоху народная фантазія, перенося на предателя Іуду древнѣйшія представленія о демонѣ тучъ (великанѣ или змѣѣ — см. стр. 216), создала легенду, по сказанію которой Іуда удавился на осинѣ, и съ той поры листъ ея вѣчно дрожитъ ¹⁾. Въ свою очередь вѣдьма можетъ пользоваться осиновымъ колѣомъ или вѣткою для своихъ волшебныхъ чаръ: ударяя этою вѣткою въ грудь соннаго человѣка, она наноситъ ему незримую рану и жадно упивается его кровью—такъ весенніе удары молвіи, направленные въ тучу, еще объятую зимнимъ сномъ, проливаютъ изъ нея дождь, или выражаясь метафорически: Перунова вѣтка раскрываетъ грудь облачнаго демона

¹⁾ Терещ, III, 79; VI, 101; VII, 121 (проклиная кого-нибудь, говорятъ: „осиновый тебѣ гробъ!“) Молодикъ на 1844 г., 94; Н. Р. Сл., V, 30; VII, 36; Рус. Бес. 1856, III, 90; Объ истор. зн. нар. возз., 57—58. После предательства Іуда рѣшился повѣситься: „повѣшусь, думаю себѣ, пиду въ пекло; а Христосъ якъ буде визволяти людські души, то й мою визволить. Прийшовъ до јидной деревеси, перекинувъ мотузъ, чи що, и тилько опустився — вона й гала поспускала. Винъ до другой, и друга такъ; и третя такъ... ажъ до осични прийшовъ и завѣшався на осични“. Иные увѣряють, что онъ повѣсился на бузинѣ, и потому-то она негодна для востроекъ и считается жилищемъ дьявола—Основа 1861, X, 53.

и точить изъ него горячую кровь. Выдохвъ черную корову, вѣдьма выливаетъ молоко въ землю и тутъ-же вѣваетъ осинный колъ; этою чарою она отымааетъ у коровъ молоко, и засушаетъ ихъ сосцы—такъ удары молніи, низводя на землю молоко-дождь, тѣмъ самымъ засушаютъ черныя тучи (см. гл. XXVI). Какъ спасительное орудіе противъ демонскаго навожденія, осина можетъ служить и цѣлебнымъ средствомъ для прогнанія нечистой силы болѣзней. Разбитыхъ параличомъ заставляютъ лёжа упираться босыми ногами въ осинное поле. Отъ лихорадки и другихъ болѣзней лѣчатъ такъ: просверливаютъ въ стѣнѣ или дверяхъ дыру на такомъ разстояніи отъ земли, какъ великъ ростъ больного, остригаютъ ему ногти и нѣсколько волосъ, то и другое вкладываютъ въ приготовленное отверстіе и закалачиваютъ его осиновымъ болышкомъ; иногда просверливаютъ дыру въ осиновомъ деревѣ и затыкаютъ ее ногтями и волосами больного. Читаютъ еще заговоръ надъ осиновыми прутьями, которые потомъ кладутся на больного ¹⁾. Когда разболѣются зубы, берутъ осиновый сучокъ и трижды читаютъ надъ нимъ заговоръ: «на морѣ на океанѣ, на островѣ-на Буянѣ стоятъ высокія три древа, подъ тѣми деревьями лежитъ зайць; переселись ты, зубная боль, къ тому зайцу!» Послѣ того осиновый сучокъ прикладывается къ больнымъ зубамъ ²⁾. Передача болѣзни зайцу, о которой говоритъ заклятіе, заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, что и просьба, обращаемая къ мыши, дать свой желѣзный зубъ въ обмѣнъ на испорченный (см. I, 774—5).

Въ райскихъ садахъ и рощахъ, на тѣнистыхъ деревьяхъ весеннихъ тучъ, зрѣютъ золотыя плоды (яблоки), дающіе вѣчную молодость, здравіе и красоту. По своимъ чудеснымъ

¹⁾ Иллюстр. 1845, 250, 566; 1846, 649; Этн. Об., VI. 133; Вѣров. Г. В. 1851, 12.— ²⁾ Ворон. Г. В. 1850, 20.

своиствамъ плоды эти совершенно тождественны съ бессмертныиъ напиткомъ—живою водою. Народный сказочный эпосъ обыкновенно сопоставляетъ рядомъ оба эти представленія и соединяетъ съ ними одинаковую жизненную и цѣлебную силу. Блестящія молніи, какъ указано выше (I, 533—5), уподоблялись аріійскими племенами золотымъ шарамъ и яйцамъ; въ примѣненіи къ облачнымъ садамъ, золотые шары-молніи породили мифъ о золотыхъ плодахъ, зрѣющихъ въ счастливую пору весны и лѣта на деревьяхъ-тучахъ. Сербская пѣсня изображаетъ грозу въ поэтической картинѣ игры Грома съ Молніей:

Мун(ь)а Грома надиграла
Двѣи-трима јабукама
И четирма наранчани (померанцами ¹⁾).

Въ другой сербской пѣснѣ красавица-облачная дѣва подбрасываетъ кверху три золотыхъ яблокъ, и тѣмъ самымъ вызываетъ съ неба три молніи (I, 83). Но такъ какъ молніи, сверкая въ тучахъ, низводятъ на землю живую воду дождей, или выражаясь языкомъ старинныхъ метафоровъ: такъ какъ живая вода есть сокъ, и испускаемый золотыми плодами; то въ силу этого поэтического выраженія золотыя яблоки получили значеніе амриты. Преданіе о золотыхъ яблокахъ также обще вѣсти индоевропейскимъ народамъ, какъ и преданіе о живой водѣ. Греческая мифологія знаетъ славный садъ нимфъ-гесперидъ, въ которомъ растутъ золотыя яблоки; по приказанію царя Эвристея, Геркулесъ долженъ былъ туда отправиться и принести рѣдкихъ плодовъ; на пути въ садъ гесперидъ Геркулесъ встрѣчается съ великаномъ Антаемъ, борется съ нимъ, и послѣ разныхъ затруд-

¹⁾ Ср. и пѣсню, I, 161. Сравни съ сказаніями, изображающими лѣтнюю грозу игрою въ шары.

неній исполняетъ задачу. Если припомнимъ, что черныя тучи на древнемъ метафорическомъ языкѣ назывались ночью; то будетъ понятно, почему золотыя яблоки находятся во владѣніи гесперидъ—дѣвъ вечерняго мрака ¹⁾, по ту сторону многошумнаго океана, т. е. неба; тамъ оберегаетъ ихъ стоглавый драконъ, глаза котораго никогда не смежаются сномъ, т. е. демоническій змѣй, известный похититель и укрыватель живой воды. Геркулесъ, богъ весенней грозы, борется съ демонами мрачныхъ тучъ, и побѣждая ихъ, добываетъ золотыя плоды, т. е. проливаетъ животворный дождь. Скандинавская мифологія говоритъ о золотыхъ яблокахъ, хранящихся въ асгардѣ (жилищѣ небесныхъ владыкъ) богиней Идуною (Idhunn), супругою Браги; питаясь этими плодами, боги обрѣтаютъ безсмертіе и остаются вѣчно-юными, подобно тому, какъ боги Греціи оставались безсмертными и вѣчно-юными, питаясь амброзіей и нектаромъ. Злобные великаны, при содѣйствіи хитраго Локи, похитили однажды Идуну, вмѣстѣ съ ея чудесными яблоками; Локи выманилъ богиню изъ стѣнъ асгарда, а великанъ Thjassi, въ видѣ орла (in adlerhaut), отъ размаха крыльевъ котораго подымались буйныя вѣтры, схватилъ ее и увезъ въ свое жилище. Когда Идува исчезла—асы скоро постарѣли; сильная печаль овладѣла ими, и они стали грозить Локи смертію, если онъ не исправитъ своей ошибки. Локи выпросилъ у Фрей соколиную одежду, пустился въ страну великановъ и обрѣлъ тамъ Идуну; она превратилась въ орѣхъ, а Локи сдѣлался соколомъ, захва-

¹⁾ Сравнивая тучи съ темною ночью, древніе вароды сблжжали молніи съ блестящими звѣздами, и въ этихъ послѣднихъ должны были узнавать золотыя яблоки небесныхъ садовъ; греки думали, что медъ (=амрита) происходитъ отъ звѣздъ, тогда какъ по свидѣтельству скандинавскаго мифа, медъ падаетъ росою съ вѣтвей міровой ясени (см. т. I, 385).

тль орѣхъ и направилъ быстрый полетъ къ асгарду. Орель-Тиссен сталъ его преслѣдовать, но боги разложили костеръ, сожгли ему крылья, и когда великанъ упалъ—тотчасъ убили его ¹⁾. Въ основѣ приведеннаго сказанія кроется мысль о похищеніи амриты демонами зимнихъ тучъ, при чемъ природа въ ея творческія силы видимо дряхлѣютъ, и потомъ—о счастливомъ возвратѣ похищеннаго сокровища весною, когда зимы демоны гибнутъ въ грозовомъ пламени и подъ ударами Торовой паллицы. Тѣже представленія и тѣже образы встрѣчаемъ и въ сказочномъ эпосѣ. Въ русской сказкѣ, тождественной съ нѣмецкою: «Der goldene vogel», упоминаются золотыя яблоки, которыя зрѣютъ по ночамъ и похищаются жаръ-птицею: поэтическое изображеніе грозы, бурное дыханіе которой обрываетъ плоды дерева-тучи, или что тоже—разбрасываетъ золотыя молніи и разливаетъ живую воду людямъ. Въ хорутанской редакціи этой сказки, вмѣсто золотыхъ яблокъ, рѣчь идетъ о похищеніи славной виноградной лозы, что на всякой часъ давала по ведру вина; вино, какъ мы знаемъ, одно изъ названій безсмертнаго напитка. Въ нѣмецкихъ сказкахъ древо жизни (baum des lebens) представляется съ золотыми яблоками; оно растетъ на концѣ свѣта въ чудесномъ саду, за моремъ; вѣроны, посланники Одина, которые по нашимъ повѣрьямъ приносятъ живую и мертвую воду, добываютъ для сказочныхъ героевъ и золотыя яблоки. Въ другихъ сказкахъ вмѣсто вороновъ заступаетъ соколъ: онъ похищаетъ золотыя плоды, неуспынно-оберегаемые вѣдьмою на высокой стеклянной горѣ (=небѣ) или въ подземномъ царствѣ (=въ темныхъ вертепахъ облачныхъ горъ); припомнимъ, что богъ-громовникъ въ образѣ сокола похищаетъ безсмертную сону. Кожица и сокъ золотыхъ яблокъ мгновенно заживляютъ

¹⁾ D. Myth., 296; Die Götterwelt, 312—3.

раны ¹⁾. Въ нашемъ престонороди разсказываютъ: кто ѣсть яблоки до втораго Спаса, когда освѣщаются эти плоды въ церкви, умершіе родичи того не получаютъ въ раю на Спасовъ день золотыхъ яблокъ, которыми одѣляетъ ихъ Богородица ²⁾. Въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія, памятникъ XIV вѣка, упомянуто о насажденномъ Богомъ раѣ и растущихъ въ немъ яблокахъ, подающихъ исцѣленія отъ болѣзней ³⁾. Въ связи съ этими данными возникъ суевѣрный обычай лѣчить болѣзни обыкновенными яблоками, освященными въ церкви, о чемъ свидѣлствуютъ обличительныя слова XVI столѣтія: «немошняго бѣса, глаголемаго трядцю (лихорадку), мнѣтся прогоняюще нѣкими ложными пиеснями, проклятыхъ бѣсовъ еленьскихъ пиша имяна на яблоцѣхъ — покладаютъ на святѣй трапезѣ (вар. на престолѣ) въ годъ лихторгѣи» (во время литургіи ⁴⁾). Ради животворящихъ свойствъ, приписанныхъ небеснымъ яблокамъ, русское преданіе даетъ имъ названіе молодильныхъ или моложавыхъ: стоитъ только вкусить отъ этихъ плодовъ — какъ тотчасъ-же сдѣлаешься и молодымъ, и здоровымъ, не смотря на преклонныя лѣта. Любопытная русская сказка о молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ, извѣстная и у другихъ народовъ ⁵⁾; сообщаетъ одинъ изъ древнѣйшихъ миеовъ. Состарѣвшійся и ослѣпнувшій царь, о которомъ говоритъ она, олицетворяетъ собою зимнее время, когда все на землѣ увядаетъ, драхлѣтъ, и

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 11; Нов. и пред., 20, 107, 111, 136—144; Сри. в. припов., 4; сб. Валяца, 146—8; Сказ. Грим., I, стр. 109—110, 335—345; II, 196, 263; Шоттъ, 8, 25; Ганъ, 70; преданіе о золотыхъ яблокахъ извѣстно и между литовцами—Изв. Ак Н., I, 114, и евангелии—Эманъ, 53.— ²⁾ Молодикъ на 1844 г., 95.— ³⁾ Сое. Времен., I, 330—4.— ⁴⁾ Архивъ юст.-юр. свѣд., II, отд. 6, 40—49.— ⁵⁾ Н. Р. Ск., II, 27; VII, 5; VIII, 4; Матер. для изучен. нар. слов., 27—29; сб. Валяца, 148—150; Шлейхеръ, стр. 26—34; Сказ. Грим., 97; Вольфъ, 54—64, 322—5.

всепірное око—солнце теряетъ свой яркій блескъ. Изображая времена года живыми, человѣкоподобными существами, народная фантазія Весну представляла прекраснымъ юношею, а Зиму бѣловласымъ и слѣпымъ старцемъ. Чтобы возвратить царю его молодость и зрѣніе, сынъ-царевичъ долженъ добыть живой воды, которая исцѣляетъ слѣпоту, и молоджавыхъ золотыхъ яблокъ, т. е. вызвать весну съ ея благодатными дождями, золотистыми молніями, свѣтозарнымъ солнцемъ и со всей роскошью растительнаго царства ¹). Живая вода и золотыя яблоки обладаютъ равною творческою силою: они одинаково обновляютъ дряхлаго старика, дѣлаютъ его цвѣтущимъ юношею и даже уподобляютъ семилѣтнему ребенку; больному даютъ крѣпость и здравіе, мертвому — жизнь, безобразіе превращаютъ въ красоту, безсиліе — въ богатырскую мощь ²); и та, и другія обрѣтаются въ странѣ далекой — въ вѣчно-неувядаемомъ саду и оберегаются драконами и великанами. По одному варианту сказаніи о молодильныхъ яблокахъ и живой водѣ, вокругъ этого сада лежитъ громадный змѣй, сомкнувшись кольцомъ: хвостъ и голова его сошлись вѣтстѣ. Этотъ змѣй напоминаетъ намъ великанскаго *Iörmungandr*'а Эдды, въ которомъ представленіе о дождевыхъ тучахъ, облегающихъ небо, сочеталось съ идеей всесвѣтнаго океанъ-шора; такимъ образомъ указанная подробность вполне соответствуетъ гре-

¹) Есть цѣлый рядъ народныхъ сказокъ (Н. Р. Ск., V, 39: Кулишъ, II, 10—12; Westsl. Märch., 45—48; Slov. pohad., 573—582; Гавъ, 28), повѣствующихъ о томъ, какъ красавицу-невесту, слезы которой падали жемчугомъ, а улыбка рождала розы, (т. е. богию весны) поднимаетъ некрасивая и злобная дочь мачихи или колдуньи (=олицетвореніе зимы) и выкалываетъ у своей соперницы очи; но приходитъ пора-время—красавица снова обрѣтаетъ зрѣніе и вступается въ свои законныя права (=зима проходитъ и начинается царство весны).— ²) Н. Р. Ск., V, 37; VI, 48, b, 53, 57; VII, 11; VIII, 25, a; въ Тысячъ и одной ночи говорится о яблокѣ, запахъ котораго исцѣляетъ отъ всякаго недуга.

ческому преданію, что золотыя яблоки растутъ за предѣлами многшумнаго океана, окружающаго землю, т. е. въ отдаленныхъ областяхъ облачнаго неба. По свидѣтельству сказокъ, садъ съ молоджавыми яблоками и ключами живой воды находится въ дивьемъ (=небесномъ, см. I, 127—8) государствѣ, гдѣ царствуетъ Царь-дѣвица красоты неописанной, силы непомѣрной, и тѣшится вмѣстѣ съ своимъ воинствомъ изъ храбрыхъ дѣвъ богатырскими играми и подвигами. По нѣкоторымъ вариантамъ, живая вода стоитъ у ней въ пузырькѣ подъ ноголовьемъ (и тотъ пузырёкъ никогда не опорожняется — сколько не бери изъ него!), или прямо точится съ ея рукъ и ногъ. Могучая красавица живетъ въ золотомъ дворцѣ и соединяетъ въ себѣ черты, отождествляющія ее съ богиней Идуною и валькиріями. Идуна, хранительница золотыхъ яблокъ, обитала въ Brunnenfeld (=brunnenfeld), т. е. среди источниковъ живой воды; а по указанію другаго мифа, она возсѣдала на мировой ясени Иггдрасиллѣ и сторожила вдохновительный медъ — Odhrgrig ¹⁾. Шведы помнятъ о странѣ вѣчной юности (land der jugend), гдѣ растеть дерево съ безцѣнными яблоками, а при немъ бьетъ ключъ, воды котораго блестятъ какъ чистое золото; кто вкусить этихъ плодовъ или выпьетъ этой воды, подобной золотястому искромѣтному меду, тотъ снова дѣлается юнымъ, хотя бы дожилъ до сѣдыхъ волосъ ²⁾. Обладательница небесныхъ дождевыхъ источниковъ, Царь-дѣвица является во главѣ облачныхъ нимфъ, со всею воинственною обстановкою, какая издревле придавалась богинѣ весеннихъ грозъ и спутницамъ Одина—валькиріямъ; на родство ея съ этими лебедиными дѣвами указываетъ одинъ изъ списковъ русской сказки, называющій Царь-дѣвицу Лебедью;

¹⁾ Die Götterwelt. 312. — ²⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 5.

сверхъ того, о валькирияхъ извѣстно, что въ обители блаженныхъ онѣ подносили богамъ и усопшимъ героямъ рогъ, наполненный безсмертнымъ медовымъ напиткомъ. Странствованіе въ обѣтованную страну Царь-дѣвицы совершается на богатырскомъ конѣ, на крыльяхъ птицы-сокола, или (какъ въ сербской редакціи) прямо съ помощію вѣтра, и сопряжено съ разными трудностями. Царевичъ, добывающій живую воду и молоджавыя яблоки, есть богъ-громовникъ; являясь во дворецъ Царь-дѣвицы, онъ находитъ ее спящею, т. е. окованною зимнимъ сномъ. Глядя на ея дивную красу, царевичъ не выдержалъ: пользуясь сномъ дѣвицы; онъ лишаетъ ее невинности, похищаетъ живую воду и молоджавыя яблоки и спѣшитъ въ обратный путь; богатырской конь его скачетъ черезъ высокія дворцовыя стѣны, но зацѣпляетъ ногой за протянутыя струны — и тотчасъ раздается по всему царству звонъ и грохотъ, Царь-дѣвица пробуждается, преслѣдуетъ похитителя и вступаетъ съ нимъ въ бракъ. Въ такихъ смѣлыхъ поэтическихъ образахъ рисуется мнѣ весеннюю грозу, когда богъ-громовникъ, пробуждая къ жизни оцѣпененную вліаніемъ зимы облачную дѣву, вступаетъ съ нею въ любовный союзъ. На древнемъ метафорическомъ языкѣ дождь—плотское сѣмя; пролітіе этого сѣмени, утрата сказочной красавицей ея дѣвства въ сущности тоже самое, что и похищеніе живой воды и молодильныхъ яблокъ. Сжигая въ своихъ объятіяхъ Царь-дѣвицу, Перунъ соединяется съ нею фаллюсомъ-молніей и упивается любовнымъ напиткомъ, или что тоже — лишаетъ ее живой воды (см. I, 459—460). Звонъ и грохотъ струнъ — метафора грома (I, 333). — Другая группа народныхъ сказокъ повѣствуетъ о трехъ печальныхъ событіяхъ: въ нѣкоемъ царствѣ дерево, приносявшее золотыя яблоки, вдругъ сдѣлалось бесплодно, источникъ вина или живой воды изсякъ, и прекрасная царевна невѣдомо куда скрылась или подпала за-

клятію — иссохла отъ тяжелой болѣзни и забылась непробуднымъ сномъ. Вся страна одѣвается въ трауръ и предается унынію — до тѣхъ поръ, пока не является избавитель царевны; вмѣстѣ съ ея возвратомъ, пробужденіемъ отъ сна или выздоровленіемъ дерево снова начинаетъ приносить золотыя яблоки, а источникъ давать вино или живую воду. Эта похищенная, очарованная царевна — никто иная, какъ богиня Идуна во власти демоновъ-великановъ ¹⁾).

Золотые плоды небесныхъ садовъ обладаютъ тою-же великою оплодотворяющею силою, какъ и сѣмя весенняго дождя. *Völsungasage* рассказываетъ объ одномъ королѣ: давно-женатый, онъ не имѣлъ наследника и усердно молилъ о дѣтяхъ Одина и Фриггу. Богиня услышала его мольбу и послала къ нему дѣву-исполнительницу желаній (*hvin-schmagd*); въ образѣ птицы (вороны) прилетѣла дѣва къ холму, гдѣ сидѣлъ король, и уронила на его колѣни яблоко; король принесъ яблоко домой и далъ скушать королевѣ — и вслѣдъ затѣмъ она понесла плодъ и родила сына ²⁾). Выше (стр. 155) мы указали, что тоже чудесное свойство соединяютъ преданія и съ мифической рыбой-тучею: бесплодная королева покушала рыбы и тотчасъ-же сдѣлалась беременна. Эту подробность сказочный эпосъ варьируетъ и такъ, что, вмѣсто рыбы, бездѣтная жена съѣдаетъ яблоко. Былъ человекъ, говорить сербская сказка, имѣлъ жену и не имѣлъ дѣтей; была у него сука и не было щенятъ, была кобыла и не было жеребятъ. Бросилъ онъ свою избу и пустился по бѣлому свѣту странствовать; случилось ему какъ-то остановиться у одного студенца. На ту пору предсталъ передъ нимъ незнакомецъ, далъ ему яблоко и велѣлъ воротиться домой: «jabuku oguli, oguljine podaj kuji i kobili, jabuku rozpolovi, te pola podaj ženi da izjede,

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 3—7; сличь славянскія сказки о правдѣ и кривдѣ. — ²⁾ Die Götterwelt, 308.

a pola ti izjedi: što je dosad bilo nerodno, odsad sve će biti plodno» ¹⁾). Въ другихъ сказкахъ юноша, изловивъ рыбу, отпускаетъ ее въ воду за чудесный даръ творить все по своему желанію. Увидя красавицу-царевну, онъ пожелалъ, чтобы она понесла дѣтище, и въ ту же минуту царевна зачала и въ извѣстный срокъ родила мальчика съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ. Царь разгнѣвался на дочь, и желая узнать отца ребенка, собралъ въ дворцовую залу холостыхъ со всего царства: на кого кинетъ ребенокъ золотое яблоко, тотъ и виновникъ безчестія. Мальчикъ бросилъ яблоко въ юношу, желаніе котораго было причиной его сверхъестественнаго рожденія ²⁾). Этими данными объясняется то важное значеніе, какое получило яблоко въ свадебномъ обрядѣ сербовъ. У нихъ принято, чтобы тотъ, кто ищетъ руки дѣвушки, посылалъ къ ней черезъ свата яблоко, съ воткнутыми въ него мелкими серебряными деньгами; если дѣвушка приметъ яблоко — это служить знакомъ ея согласія, въ противномъ случаѣ женихъ долженъ искать себѣ другой невѣсты ³⁾). «Отишли на јабуку» значитъ: пошли уговариваться о свадьбѣ ⁴⁾). У мазуровъ въ тѣка съ яблокомъ есть необходимый атрибутъ свадебнаго веселья ⁵⁾). Въ новогреческой сказкѣ ⁶⁾) королева, чтобы указать — кого именно желаетъ она имѣть своимъ мужемъ, бросаетъ въ избраннаго счастливца яблокомъ.

1) Bosanski prijatelj 1851 г., II, 171, Эрбенъ, 254. Переводъ: съними съ яблока кожицу, отдай ее суку и кобылѣ, яблоко разрѣжь половамъ, самъ съѣшь половину, а другую отдай женѣ скушать; и все, что до сихъ поръ было неплодно, станетъ родить. — 2) Сб. Валавца, 233—4; Zeitsch. für D. M., I, 38—40; Ганъ, 4, 6, 8; Штиръ, 16; Матер. для изучен. нар. слов., 20—22; Н. Р. Ск., VII, 31. — 3) Срп. и. припов., 99—103; Ч. О. И. я Д. 1865, II, 47: съ своей стороны отецъ невѣсты за недѣлю до свадьбы посылаетъ отцу жениха яблоко съ воткнутымъ въ него цекиномъ. — 4) Срп. рјечникъ, 285. — 5) Pjesni ludu polskiego w Galicyi, Жеготы Паули, 5. — 6) Ганъ, II, стр. 56.

По стволу Иггдразилли бѣгаетъ вверхъ и внизъ бѣлка, въ образѣ которой фантазія олицетворяла сверкающую въ тучахъ молнію. Это древнее представленіе заставило въ облачныхъ садахъ, растущихъ на высокомъ небѣ, искать и находить орѣшники. Какъ обыкновенная бѣлка питается лѣсными орѣхами, такъ думали, что и бѣлка-молнія грызетъ тѣже самыя плоды, растущіе на мировомъ деревѣ-тучѣ. Эти небесныя орѣхи, подобно яблокамъ древа жизни, блестятъ какъ чистое золото и обладаютъ тою-же силою посылать плодородіе. Польская сказка знаетъ чудесную бѣлку, которая, сходя на деревѣ, грызетъ орѣхи — только не простые: скорлупа у орѣховъ золотая, а зѣрна — жемчугъ (I, 614). По сербскому повѣрью, если на Ильинъ день гремитъ громъ, то орѣхи въ этомъ году очервивѣютъ, попортятся, и опадутъ съ вѣтокъ ¹⁾. Основою этой примѣты послужилъ стародавній мнѣ, что во время грозы Перунъ обрываетъ небесныя орѣхи и грызетъ ихъ своими острыми зубами; въ числѣ различныхъ уподобленій молніи, она сравнивалась и съ червемъ (I, 395; см. гл. XXI). Сербская сказка ²⁾ упоминаетъ о двухъ орѣхахъ, данныхъ доброму молодцу вѣщица бабаши: когда былъ разбитъ одинъ орѣхъ — изъ него потекла рѣка, а когда разбила другой — изъ него вырвалось пламя, т. е. небесныя орѣхи, разбиваемыя Перуномъ, производятъ дождь и молніи. Сходно съ этимъ, норвежская сказка ³⁾ говоритъ о большомъ грецкомъ орѣхѣ, изъ отверстія котораго льется неизсякаемая вода. Сказочный герой приходитъ въ царство, страдающее отъ недостатка воды (т. е. отъ лѣтней засухи); съ помощію кирки-саморойки (= молніи) вырываетъ онъ въ твердой скалѣ (= тучѣ) колодець, кладетъ въ него чудесный орѣхъ — и мгновенно колодець наполняется водою.

¹⁾ Срп. рјечникъ, 103.— ²⁾ Срп. в. припов., 19. -- ³⁾ II, 19.

На Руси вѣрятъ, что орѣхъ-двоешка приноситъ счастье и богатство, и потому берегутъ его и носятъ въ кошелькахъ, чтобы водились деньги, и на шеѣ, чтобы избѣжать болѣзней и всякихъ бѣдъ ¹⁾. У болгаръ орѣхи составляютъ непремѣнную принадлежность обрядовой трапезы наканунѣ Рождества Христа; часть этихъ орѣховъ сберегается въ продолженіи цѣлаго года, и если заболитъ у кого-нибудь горло — въ такомъ случаѣ берутъ рождественскій орѣхъ и трутъ имъ больное мѣсто ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи (въ Альтмаркѣ и Вестфалии) осыпаютъ новобрачныхъ орѣхами, какъ у насъ осыпаютъ ихъ хлѣбными зернами и хмѣлемъ (=символютъ опьяняющихъ напитковъ: пива, браги и меда); впрочемъ въ полтавской губ. существуетъ и посыпаніе новобрачныхъ орѣхами (см. гл. XXIX). Въ хлѣбныя зерна, назначенныя для посева, нѣмцы бросаютъ горсть орѣховъ (или гороху), чтобы будущая жатва была урожайная. Въ Шварцвальдѣ посланный звать на свадьбу несетъ орѣховую вѣтку. Съ такою-же вѣткою въ рукахъ прыгаютъ въ Поату черезъ Ивановскіе костры, прикасаются ею къ возженному пламени и потомъ втыкаютъ въ коровьи хлѣвы, для предохраненія домашней скотины отъ колдовства и нечистой силы. Изъ орѣховой вѣтки готовится и *wünschelruthe* (=эмблема молніи, см. гл. XVIII). Чтобы выразить мысль объ освобожденіи богини живой воды и весенняго плодородія изъ-подъ власти великановъ, старинный мифъ рисуетъ такую картину: Локи, богъ грозового пламени, въ образѣ быстрой сокола унесъ въ своемъ клювѣ Идуну, превращенную въ орѣхъ ³⁾. Запрещеніе рубить орѣшникъ долгое время соблюдалось въ разныхъ мѣстностяхъ также строго,

¹⁾ Нар. сл. раз., 153; Пузин., 160: орѣхъ-двоешка помогаетъ отъ вывиха.— ²⁾ Каравел., 277.— ³⁾ Die Götterwelt, 25, 199; D. Myth., 588.

как и запрещеніе касаться топоромъ старыхъ вѣковыхъ дубовъ ¹⁾). Эббо указываетъ на большое орѣховое дерево, вблизи Штетина; при этомъ деревѣ былъ ключъ, и оно считалось посвященнымъ богу ²⁾).

Преданія о небесныхъ, райскихъ садахъ съ теченіемъ времени стали прилагаться къ земнымъ лѣсамъ и рощамъ и сообщили имъ священный характеръ. Сверхъ того, красота и таинственность огромныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ древнѣйшей эпохи не могли не поражать поэтически-настроеннаго воображенія младенческихъ племенъ. Въ жизни расгительнаго царства они созерцали ту же вѣчную борьбу божественныхъ силъ, какую замѣчали и въ стихійныхъ явленіяхъ природы. Съ началомъ весны поля, кустарники и дубравы убираются селенію и цвѣтами; злая зима снимаетъ съ нихъ эти роскошные уборы и повергаетъ все въ мертвенное оцѣпененіе — до новаго возврата вешнихъ дней. Слѣдуя внушеніямъ метафорическаго языка и тѣсно-связанныхъ съ нимъ первобытныхъ воззрѣній на мать-природу, древній человекъ почти не зналъ неодушевленныхъ предметовъ; всюду находилъ онъ и разумъ, и чувство, и волю. Въ шумѣ лѣсовъ, въ шелестѣ листьевъ ему слышались тѣ загадочные разговоры, которые ведутъ между собою деревья; въ трескѣ сложенной вѣтки, въ скрипѣ расколотаго дерева онъ узнавалъ болѣзненные стоны, въ увяданіи — иссушающее горе, и такъ далѣе. Дерево содрогалось, чѣхло и даже проливало кровь (=сокъ), будучи тронуту острымъ желѣзомъ. «Ничить трава жалоцами, а древо съ тугою къ земли приклонилось» говоритъ Слово о полку; подобными выраженіями преисполнена народная поэзія ³⁾).

¹⁾ Ibid., 617. — ²⁾ Срезнев., 22, 29. — ³⁾ Рус. Дост., III, 90—92. Въ кievской губ. если садовое дерево не дастъ плодовъ, его пугаютъ угрозою быть срубленнымъ: кто-нибудь изъ домашнихъ возьметъ на его верхушку, а другой, стоя внизу, замахивается на де-

Все это повело къ поклоненію лѣсамъ и деревьямъ. Свидѣтельства о такомъ поклоненіи отчасти уже приведены выше; но есть и другія указанія памятниковъ и народныхъ преданій. Церковный уставъ св. Владиміра упоминаетъ о суевѣрахъ, которые продолжали молиться «въ рощеньи»¹⁾; въ житіи князя Константина Муромскаго читаемъ: «дудлинамъ древяными гѣти убрусцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеся»²⁾—обычай, доселѣ сохранившійся въ Малороссіи, гдѣ на большихъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, въ даръ русалкамъ³⁾. Густинская лѣтопись говоритъ о приношеніи жертвъ «рощеніямъ»⁴⁾. Кириллъ Туровскій рассказываетъ, что съ принятіемъ христіанства уже не нарекутся богами — деревья⁵⁾, хотя надежды его и оказались преждевременными; ибо и послѣ того двоевѣрный народъ долго сохранилъ благоговѣнное уваженіе къ старымъ деревьямъ, рассказывалъ о духахъ, обитающихъ въ дремучихъ лѣсахъ, совершалъ подъ нихъ сѣнію свои игрища, жертвенные и другіе обряды. Встрѣча весны, праздники въ честь обновленной природы (Семикъ, Троица) и творческихъ силъ лѣта (Купало) лоскутъ отправляются въ лѣсахъ и рощахъ. Семицкая березка, украшенная разноцвѣтными лоскутьями и лентами, съ

резо топоромъ и спрашиваетъ: „чи уродишь?“ Съ дерева дается отвѣтъ: урожу! „Ну, гляды-жъ миня, роди, а то зрублю!“ При этихъ словахъ ударяютъ по дереву обухомъ. Въ Моравіи передъ Рождествомъ хозяйка идетъ въ садъ и трясетъ деревья, приговаривая: *stromečku, obrod', obrod'* (Громанъ, 87). Подобные обряды совершаются и въ другихъ славянскихъ земляхъ и въ Германіи. Какъ дерево-облако посылаетъ плодородное сѣмя дождя, булчи разни топоромъ-молніей и потрясаемо вихрици; такъ и отъ простаго дерева ожидаютъ плодовъ, какъ скоро исполнены описанные обряды. — ¹⁾ Доп. къ Ак. Ист., I, 4. — ²⁾ Карам. И. Г. Р., I, прилѣж. 216. — ³⁾ Срезнев., 29. Почему именно приносятся мотки и полотенца—см. гл. XXIII. — ⁴⁾ П. С. Р. Л., II, 234, 257. — ⁵⁾ Памят. XII в., 19.

торжествомъ несется въ деревню, какъ знаменіе самой богини Весны, возвратившейся на землю. Березѣ приписываются цѣлебныя свойства: черезъ это дерево (иногда черезъ оглоблю) обливаютъ больныхъ холодной водою; подъ порогомъ новой конюшни зарываютъ березовое полѣно, чтобы водились лошади ¹⁾. Дворы, избы и самыя церкви убираются на Семякъ и Троицу срубленными молодыми деревьями, цѣтани и травами. Купальскіе огни въ Малороссіи обыкновенно возжигаются въ лѣсахъ. Когда у знакомаго садовода берутъ плодovou прививку или отводокъ, то считаютъ обязанностью возлѣ того дерева, отъ котораго срѣзана вѣтка, положить въ даръ мелкую монету; думаютъ, что безъ этого не примется ни прививка, ни отводокъ ²⁾. Славяне до сихъ поръ считаютъ нѣкоторыя рощи священными и называютъ ихъ гай-богъ и божищами ³⁾; на Руси заповѣднымъ лѣсамъ, въ которыхъ запрещено рубить, присвоивается названіе боже-лѣсье ⁴⁾; въ олонеккой губ. даютъ лѣсу эпитетъ праведный ⁵⁾. По свидѣтельству Дитмара, лѣсъ, окружавшій храмъ въ Ретрѣ, признавался священнымъ; тоже религиозное значеніе приписывалось и Свитибору: «роща Святой Боръ (Zuitibog) была почитаема всѣми жителями за божество, и никогда испоконъ вѣка неприкосновенность ея не была нарушена» ⁶⁾. Гельмольдъ говоритъ, что балтійскіе славяне чтли лѣса и рощи, какъ святилища, и клялись при деревьяхъ и источникахъ; сохранилось еще извѣстіе о рощахъ богини Живы (см. гл. XXVIII). Еще въ XI вѣкѣ духовныя власти требовали отъ чеховъ, чтобъ они не приносили жертвъ деревьямъ (ad arbores sacrificia nullo modo fiant) и не обращались къ нимъ за помощью (non ad arbores aut ad fontes auxilium quaerere).

¹⁾ Нар. сл. раз., 157.— ²⁾ Иллюстр. 1846, 333.— ³⁾ Р. И. Сб., VII, ст. Ходаковск., 116.— ⁴⁾ Доп. обл. сл., 10.— ⁵⁾ Этн. Сб., VI, словарь Рыбникова, 11.— ⁶⁾ Срезнев., 30; Макуш., 84.

По словамъ Козьмы Пращскаго, невѣжественный народъ его времени питалъ къ деревьямъ и рошамъ религіозное уваженіе, носилъ и приносилъ жертвы горнымъ и лѣснымъ нимфамъ (*oreades, dryades*), и потому князь Бретиславъ (1093 г.) рѣшился порубить и предать огню всѣ дубравы, почитаемыя смщенными ¹⁾. Изъ пѣсенъ Краледворской рукописи узнать, что Честиръ, передъ выступленіемъ въ походъ противъ непріятеля, «*pode wŝe drwa wzložie obieti bohóm*»; а Забой, вступая на угнетеніе иновѣрцевъ, говорилъ: «гдѣ отцы давали кста богамъ, куда ходили возглашать свои мольбы, тамъ они посѣкли всѣ деревья, разрушили (куширы) боговъ и выгнали изъ лѣсовъ всѣхъ вороновъ» ²⁾. Чехи и до сихъ поръ промѣлають молиться подъ деревьями; кто дѣлаеть это на страстную пятницу, передъ солнечнымъ восходомъ, тотъ цѣлый годъ будетъ свободенъ отъ всѣхъ болѣзней; страдающіе ипсрадкою преклоняють колѣна передъ бузиною и трижды просятъ: «бузина! послалъ меня Господь Богъ къ тебѣ, чтобъ ты взяла на себя мой недугъ». На Рождественскіе Святки чехи, обращаясь къ деревьямъ, просятъ у нихъ предвѣданій будущаго и помощи въ болѣзняхъ ³⁾. Въ Лужицахъ саксонскихъ и въ землѣ словаковъ существуютъ заповѣдныя «святые гаи», гдѣ, по народнымъ сказаніямъ, блуждаютъ тѣни стародавнихъ князей (=блаженныхъ героев), молятся и приносятъ жертвы своимъ языческимъ богамъ; тамъ обитають вѣщіе духи, и дѣвушки ходять въ лѣса «слушать духа», который шелестомъ колеблемыхъ вѣтромъ и опадающихъ листьевъ прорицаеть будущее ⁴⁾. У сербовъ почитаются неприкосновенными нѣкоторыя большія, тѣнистыя деревья (дубы, буки и др.); имъ приписывается великая сила, такъ что если бы кто срубилъ подобное дерево, тотъ или умреть вско-

¹⁾ Громанъ, 86. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 125, 130—1. — ³⁾ Громанъ, 87—88. 181.—⁴⁾ Срезневъ, 30—31.

рѣ, или будетъ наказанъ неизлѣчимою болѣзнію. Тотъ, кто опасается—не срубилъ ли онъ священнаго дерева, долженъ на его пнѣ отсѣчь голову живой курицы той-же самой сѣкирою, которою было свалено дерево ¹⁾: обрядъ этотъ, указывающій на древнюю умилостивительную жертву, спасаетъ отъ грядущей бѣды. Священные лѣса и роши были у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; греки посреди нихъ создали храмы и жертвенники, и святотатственную порубку такихъ деревьевъ наказывали смертію. Нѣмецкія племена имѣли свои *heilige wälder*, гдѣ издревле совершались празднества и жертвенные обряды; даже по принятіи христіанства народъ продолжалъ подъ нѣкоторыми деревьями возжигать огни и дѣлать имъ обычныя приношенія ²⁾.

Мы видѣли, что заключеніе брачныхъ союзовъ славянъ-язычниковъ совершалось у воды, какъ стихій, служившей эмблемою плодородящаго сѣмени дождя: но какъ дождевыя тучи уподоблялись не только источникамъ, но и лѣсамъ, то браки могли совершаться и при священныхъ деревьяхъ. Бопланъ въ «Описаніи Украйны» ³⁾ рассказываетъ, что холостые юноши, добывая невѣсть умычкою, должны были увозить ихъ въ лѣсъ и скрывать тамъ цѣлые сутки, и только въ такомъ случаѣ избѣгали преслѣдованія и безпрепятственно женились на похищенныхъ дѣвицахъ. Сербскіе отмищары увозятъ дѣвоику въ лѣсъ, и тамъ заранѣе приглашенный попъ вѣнчаетъ чету подъ дубомъ ⁴⁾. У нашихъ раскольниковъ донынѣ держится обычай, въ силу котораго молодой парень, сговорясь съ дѣ-

¹⁾ Срп. рјечник, 684.— ²⁾ D. Myth., 64—71, 614—8; обожаніе лѣсовъ встрѣчаемъ и у финновъ (Доп. къ Ак. Ист., I, 28, 43; Ист. рус. слов. Шевырева, III, 143—о прокудливой березѣ), и у горскихъ племенъ Кавказа (Совр. 1853, XI, «Перевзды по Россіи» 9; Москв. 1855, XXIII—IV, 24).— ³⁾ Стр. 72.— ⁴⁾ Срп. рјечник 477; Венелина Серб. пѣсни, 38.

ицею, отправляется вмѣстѣ съ нею къ завѣтному дубу, объѣзжаетъ его три раза кругомъ, и брачный союзъ считается заключеннымъ ¹⁾). Стенька Разинъ, захвативъ въ свои руки власть на Дону, запретилъ богослуженіе въ православныхъ храмахъ, и желающихъ вступить въ бракъ приказалъ вѣнчать около вербъ ²⁾). Память о такихъ свадьбахъ сохранилась и въ народномъ эпосѣ; такъ былина о богатырѣ Дунаѣ говоритъ, что онъ съ своею подругою «обручались — кругъ ракитова куста вѣнчались» ³⁾); на тоже намекаетъ и народная поговорка: «вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли» ⁴⁾). Въ лѣсахъ и рощахъ язычники хоронили и мертвыхъ, потому что эти мѣста напоминали имъ о блаженныхъ, райскихъ садахъ, гдѣ должны водвориться по смерти души праведныхъ. Оттонъ Бамбергскій запрещалъ это дѣлать поморянамъ, а князь Бретиславъ чехамъ ⁵⁾). Въ поэтической картинѣ Кракедворской рукописи души усопшихъ изображены порхающими по деревьямъ ⁶⁾). Въ народныхъ поговоркахъ уцѣлѣло живое воспоминаніе о той стародавней, доисторической эпохѣ, когда славяне-дикари жили въ дремучихъ лѣсахъ и поклонялись «сродненіямъ»: «въ лѣсу родились, пнямъ молились», или: «жили въ лѣсу, молились пенью», «въ лѣсѣ жить — пенькамъ Богу молиться» ⁷⁾).

Представляя тучи небесными деревьями, переносилъ это представление на землю и связывая его съ обыкновенными дубравами, древній человѣкъ признавалъ лѣса и рощи мѣстопребываніемъ облачныхъ духовъ, и этимъ послѣднимъ придавалъ характеръ лѣсныхъ гениевъ. Какъ въ образѣ водяныхъ идея дож-

¹⁾ Терещ., II, 28.— ²⁾ Исторія или повѣствованіе о донскихъ казакахъ А. Ригельмана—въ Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, 61.— ³⁾ Кирша Дал., 96.— ⁴⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 5.— ⁵⁾ Срезнев., 32.— ⁶⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128.— ⁷⁾ Пословъ Дала, 748.

девыхъ потоковъ связывается съ земными источниками, такъ въ лѣшихъ ясны черты ихъ первоначальнаго, стихійнаго значенія, сочетавшіяся съ лѣсами и деревьями. Это доказываетъ и выше-объясненнымъ преданіемъ о происхожденіи водяныхъ и лѣшихъ (см. стр. 235) и многими другими повѣрьями, живущими въ народѣ. Слово лѣшій въ областныхъ говорахъ ¹⁾ и въ старинныхъ памятникахъ означаетъ: лѣсной, лѣсистый ²⁾; въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ лѣшаго называютъ лѣшакъ, лѣсовикъ, лѣсникъ ³⁾, лисунъ (полисунъ) и даже лѣсъ ⁴⁾. Лѣшіе (чешск. lesní mužové) — тоже, что греческіе сатиры, римскіе фавны, сльваны, нѣмецкіе waldleute, holzleute и moosleute. Они живутъ въ лѣсныхъ трущобахъ и пустыряхъ, но обыкновенно съ первыми морозами (въ началѣ октября) проваливаются сквозь землю, исчезая на цѣлую зиму, а весною опять выскакиваютъ изъ земли — какъ ни въ чемъ не бывало. Разставаясь осенью съ лѣсомъ, они бѣсятся, ломаютъ съ досады деревья, словно хрупкія трости, и разгоняютъ всѣхъ звѣрей по норамъ; во весь тотъ день воетъ по лѣсу страшный вѣтеръ ⁵⁾. Въ этомъ любопытномъ повѣрьи ясно сказывается тождество лѣшихъ съ творческими силами лѣта. Подчиняясь вліянію зимы, тучи перестаютъ блистать молніями, грохотать громомъ и разливаться дождемъ; это оцѣпенѣніе или зимній сонъ фантазія соединяетъ со всѣми ихъ нѣмецкими олицетвореніями. Подобно тому, какъ водяной спитъ всю зиму, и только въ апрѣлѣ просыпается бѣшеный и шумный; такъ и лѣшіе провалива-

¹⁾ Обл. Сл., 108.— ²⁾ Псковская судная грамота, 2: „лѣшан земля“; Доп. къ Ак. Ист., IV, стр. 50: „беречь накрапко, чтобъ торговые и промышленные люди изъ свбирскихъ городовъ въ русскіе города лѣшными и степными дорогами украдомъ не проходили“.— ³⁾ Обл. Сл., 103—4, 107.— ⁴⁾ День 1862, 52.— ⁵⁾ Сахаров., II, 60—61; Послов. Дня, 998.

ются сквозь землю въ холодное время осени, и въ темныхъ подземельяхъ успокоиваются до весенняго своего пробужденія. Одною изъ наиболѣе-употребительныхъ метафоръ въ старинной поэзіи было представленіе облаковъ и тучъ иррачными горными пещерами и подземнымъ царствомъ; сюда-то и скрываются духи лѣтнихъ грозъ на зиму; здѣсь, какъ свидѣлствуютъ древніе мифы (см. гл. XVIII), покоится Одинъ со всѣми своимъ неистовымъ воинствомъ и лежитъ похищенный Торомъ молотъ (молнія). Мы указали основанія, ради которыхъ духи грозовыхъ тучъ еще издревле получили демоническій характеръ; съ этимъ характеромъ являются въ преданіяхъ и тѣ изъ нихъ, что населили воздушныя пространства, водные источники и горныя ущелья, и тѣ, что обитаютъ въ лѣсахъ. Вотъ свидѣтельства народныхъ пословицъ и поговорокъ: «попалъ было въ лѣсъ, да попался въ стрѣчу бѣсъ»; «братъ—такъ братъ, а не то отдай крестъ, да хоть къ чорту въ лѣсъ» (обычное выраженіе при ссорѣ крестовыхъ братьевъ); «пришовъ з' лѣсу и идзи собѣ къ бѣсу»; «падъ чернымъ лѣсомъ спаткауся чортъ з' бѣсомъ»; «толкнись бѣсы, да не въ нашомъ лѣсѣ»; «изъ пустаго дупла либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана». У поляковъ есть повѣрье, что дьяволъ, превращаясь въ сову, любитъ садиться на старой вербѣ, почему простолюдины и боятся рубить это дерево, чтобы не подвергнуться гнѣву нечистой силы. Польская поговорка: «zakochał sie jak diabeł w suchej wierzbie» соответствуетъ великорусской: «влюбился, какъ чортъ въ сухую ракиту» и малорусскимъ: «бѣецца, якъ чортъ коло сухой верби», «закохавсь, якъ чортъ въ суху грушу (или вербу)» ¹⁾. Заслыша въ лѣсу таинственные звуки, поляки плю-

¹⁾ Собраніе 4291 рос. пословицъ, 10, 150; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 65; 1853 г., 187; Рус. въ св. посл., 11, 33; Пов. и пред., 174—5; Новик., 168.

ютъ на всѣ на четыре стороны, чтобы прогнать отъ себя нечистаго ¹⁾). И лѣшихъ, и чертей народъ обзываетъ одинаковыми именами: шатунъ, ворогъ, ёлсъ ²⁾); сравни: лядъ — дьяволъ, лядашій — негодный и ляда (ляды) — поле съ корнями срубленныхъ деревьевъ, лядина — лѣсъ, лядъ и лядка — болото, поросшее кустарникомъ и лѣсомъ ³⁾). Въ романскихъ сказкахъ древнеримской богъ ада *Orcus* принимается за лѣснаго духа (итал. *огсо*, неап. *huogсо*, фран. *огге*) и представляется чернымъ, косматымъ и болѣею частию великаномъ; нѣмецкія же сказки роль его возлагаютъ на чорта ⁴⁾). Темныя подземелья, царство все-помрачающихъ тучъ, породили мѣвъ о глубокихъ вертепахъ ада, и вышеуказанное преданіе: будто лѣшіе проваливаются сквозь землю — имѣетъ при себѣ слѣдующія аналогическія повѣрья: въ половинѣ ноября всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ; зима разгоняетъ ихъ — и они скрываются въ преисподнюю; въ началѣ же февраля, съ первыми зачатками весны, нечистые духи вылетаютъ изъ ада въ видѣ птицъ ⁵⁾). Древнее сказаніе о грозовыхъ демонахъ, исчезающихъ осенью, въ дни мѣсяца - листопада, и снова появляющихся весной, народная фантазія, согласно съ усвоеніемъ этимъ духамъ лѣснаго типа, связала съ замираніемъ и возрожденіемъ жизни въ дубравахъ и рощахъ, которыя къ зимѣ сбрасываютъ съ себя листья, а въ вешнюю пору одѣваются въ зелень и цвѣты. Покидая землю, лѣшіе поднимаютъ вѣтры, ломаютъ деревья и разносятъ ихъ пожедтѣвшіе листья: въ этихъ обычныхъ явленіяхъ бурной осени поэтической взглядъ народа усматриваетъ ихъ досаду, чувство недовольства и тоски по умирающей природѣ. Впрочемъ, лѣшіе не всѣ исчезаютъ на зиму; въ нѣ-

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 371.— ²⁾ Обл. Сл., 28—29, 64, 263.— ³⁾ Ibid., 108.— ⁴⁾ D. Myth., 454.— ⁵⁾ Сахаров., II, 11, 65—66.

которых мѣстностяхъ ихъ смѣшиваютъ съ демонами зивнихъ вьюгъ. Стремительные вихри, по мнѣнію крестьянъ, есть дѣло лѣшаго. Такъ поломанныя бурей въ лѣсахъ деревья обыкновенно причисляются къ его проказамъ; по народному вѣтрю (вятск. губ.), лѣшій никогда не ходитъ просто, а спереди и сзади его всегда сопровождаетъ сильный вѣтеръ, и по направленію вѣтра можно заключать, куда именно держитъ онъ путь. Никто не видалъ, чтобы онъ оставилъ гдѣ-нибудь слѣдъ своихъ ногъ, хотя бы прошелъ по песку или снѣгу: это потому, что онъ вихремъ замечаетъ свой слѣдъ, какъ поступаютъ и вѣдьмы (см. I, 569). Въ августѣ-мѣсяцѣ поселяне караулятъ по ночамъ снопы отъ потѣхи лѣшаго, который раскидываетъ ихъ, подымая вихри; съ цѣлью помѣшать ему, они ходятъ на гумно въ вывороченныхъ тулупахъ и обводятъ около сноповъ круговую черту кочергою, т. е. замыкаютъ гумно со всѣхъ сторонъ какъ-бы оградю; вывороченный тулупъ — эмблема облачнаго одѣянія, въ которое радится богъ-громовникъ, гонитель демоновъ, а кочерга — эмблема его молніеносной палки. Увѣряютъ также, что лѣшій боится головешки ¹⁾; а шведы, чтобы удалить лѣснаго духа, совѣтуютъ бросать въ него кусокъ желѣза ²⁾. И головешка, и желѣзо — символы волнѣ. Такъ какъ свистомъ можно накликать бурю, то крестьяне не только не рѣшаются свистать на водѣ, но не дѣлаютъ этого и ночью въ лѣсу, опасаясь разбудить лѣшаго, который, проснувшись, смѣшитъ откликнуться. Когда путнику почудится страшный свистъ лѣшаго (— вой вѣтра), онъ торопится убѣжать въ противоположную сторону ³⁾.

¹⁾ Ibid.. II, 50; Рус. Дневникъ 1859, 37.— ²⁾ Ж. М. Н. П. 1843, т. XL.— ³⁾ О. З. 1848, IV, 142.

Могучія явленія грозы предки наши олицетворяли то въ образѣ великановъ, тождественныхъ съ громадными тучами, застилающими собой весь небосклонъ, то въ образѣ карликовъ, тождественныхъ съ малютками-молніями, обитающими въ облачныхъ горахъ. Оба представленія приданы и лѣшнимъ, которые бываютъ то ниже травы, то выше самыхъ высокихъ деревьевъ. Какъ надвигающаяся на небо туча изъ едва-замѣтнаго вдали чернаго пятна быстро вырастаетъ въ своемъ объемѣ и достигаетъ исполинскихъ размѣровъ, такъ и лѣшій мгновенно можетъ вырастать и умаляться ¹⁾. О богатыряхъ и великанахъ сказки выражаютъ, что они растутъ ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ. Обыкновенно въ лѣсу лѣшій равенъ съ высокими дубами и соснами, а на полянѣ — съ травой. Бѣлоруссы утверждаютъ, что ростъ лѣшаго зависитъ отъ высоты тѣхъ деревьевъ, вблизи которыхъ онъ стоитъ или идетъ, т. е. по первоначальному взрѣнію ростъ лѣшаго опредѣляется размѣрами тѣхъ летучихъ облачныхъ лѣсовъ, въ средѣ которыхъ шествовалъ онъ по небу. Въ кievской и черниговской губ. различаютъ лисуновъ и полевииковъ; первыхъ представляютъ великанами сѣрватаго и пепельнаго цвѣта; о послѣднихъ же рассказываютъ, что они равны съ высотой хлѣба, растущаго въ полѣ, и послѣ жатвы умалются и дѣлаются такими крохотными, какъ стерня, т. е. ростъ ихъ въ то время не превышаетъ остающихся на корню, срѣзанныхъ стеблей соломы. ²⁾ Точно такъ и нѣмцы представляютъ лѣсныхъ духовъ и великанами (schrat, waldschrat и сканд. skratti — gigas:

¹⁾ Гриммъ сообщаетъ подобное-же преданіе о великанкѣ — D. Myth, 522.— ²⁾ Абев., 233; Рязан. Г. В. 1846, 16; Владим. Г. В. 1844, 50; Киев. Г. В. 1845, 46; Черниг. Г. В. 1860, 28; Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 130.—1; Зам. о Сибири, 76; Рус. прост. праздн., IV, 43; Семеновск., 123.

ния это, наравнѣ съ словомъ *igöll*, совмѣщаетъ въ себѣ значенія чорта, лѣшаго и великана), и малютками (*schrettel*); тѣ изъ нихъ, которые блуждаютъ одиноко, принимаютъ болѣею частію гигантскіе образы, а живущіе въ обществахъ (толпами) смѣшиваются съ эльфами и барлами: малорослые, съ старыми лицами и всклокоченными волосами, одѣтые въ мохъ и листья, или въ зеленыя платья съ красными выпушками, они напоминаютъ этими внѣшними признаками карликовъ—цверговъ ¹⁾. Тѣ древесныя отверстія, сквозь которыя суевѣрные матери протаскиваютъ больныхъ дѣтей, въ Швеціи называются *elfenlöcher*; на Руси, чтобы избавиться отъ болѣзней, вѣшаютъ на деревьяхъ холсты и рубашки, и приношенія эти считаются за обычный даръ русалкамъ, о средствѣ которыхъ съ одной стороны съ эльфами, а съ другой съ лѣсными нимфами смотри гл. XXIII. Подобно лѣшимъ, эльфы обладаютъ способностью увеличиваться и уменьшаться по своему произволу; и тѣ, и другіе равно опасны, какъ похитители дѣтей (см. гл. XXIV). По свидѣтельству, принадлежащему XIII столѣтію, германцы признавали вѣтръ лѣснымъ духомъ, который могъ выростать все выше и выше, пока ни сравнивался съ самымъ высокимъ деревомъ ²⁾. Становя лѣшнихъ въ разрядъ великановъ, олицетворяющихъ собою вихри, бурю и грозу, преданія надѣляютъ ихъ необыкновенною силою и суровостью и приписываютъ имъ тѣже нескончаемыя битвы, въ какихъ постоянно обращаются великаны. Народныя поговорки выражаются: «силенъ (или: здоровъ), какъ лѣшникъ!» — «съ лѣсовикомъ не справиться!» ³⁾ Во владимірской губ. лѣшаго называютъ дикимъ мужичкомъ ⁴⁾, подобно тому, какъ поляки называютъ его *dziki sząż*, а нѣм-

¹⁾ D. Myth., 450—1, 454, 956; Beiträge zur D. Myth., II, 278 —

²⁾ Die Götterwelt, 98.— ³⁾ Ворон. Г. В. 1850, 16.— ⁴⁾ Владим. Г. В. 1844, 50.

цы *wilder mann*; и у насъ, и въ Германіи названіе это («дикой человѣкъ») по преимуществу служитъ для обозначенія великана (см. гл. XXI). Какъ всѣ грозовые духи, лѣшій можетъ принимать различныя образы, въ которыхъ поэтическая фантазія издревле олицетворяла бурныя и громоносныя тучи, и тѣмъ самымъ сближается съ оборотнями. Чаще всего онъ является здоровеннымъ мужикомъ, но и въ этомъ человѣческомъ обликѣ сохраняетъ демонскіе признаки: на немъ бараній полубубокъ, но какъ всегда бываетъ у нечистой силы — неподпоясанный и запахнутый лѣвой полою на правую (I, 187); глаза у него безъ бровей и рѣсницъ — повѣрье, которое остается для насъ неразгаданнымъ ¹⁾. Представляютъ его и одноглазымъ ²⁾, что указываетъ на сродство его съ великанами-циклопами. Если лѣшій показывается голой, безъ одежды, то легко замѣтить, какъ сходенъ онъ съ общепринятымъ изображеніемъ чорта: на головѣ у него рога, ноги козлиныя, голова и вся нижняя половина тѣла мохнатая, въ космахъ, борода козлиная — клыкомъ, на рукахъ длинныя когти. Близъ Рязани вѣрятъ, что въ лѣсахъ обитаютъ царьки съ золотыми рожками ³⁾. Нѣмецкій *schrat* изображается дикимъ, суровымъ и косматымъ, съ всклокоченными волосами (*schrotteinzopf*); др.-вер.-нѣм. *serat* или *serato* въ старинныхъ памятникахъ объясняется *pilosus*, а *seraz*, *sereza* — *larvae*, *lares mali*; др.-чешское *seret* — *daemon*, *sereti* (*seretti*) — *penates intimi et secretales*, чешск. *skřet*, *škřjtek* — *penas*, *idolum*,

¹⁾ Сынъ Отеч. 1839, IV, 78—79; О. З. 1848, IV, 139; Совр. 1856, XI, смѣсь, 28. — ²⁾ Бостон. С. М., 58; Сахаров., I, 19, заговоры. — ³⁾ Абов., 234; Рязан. Г. В. 1846, 16; Моск. Наблюдат. 1837, май, II, 247; Досуги или собр. сочин. и переводовъ Михайла Попова, I, 196; Н. Р. Сл., VIII, 665 (изображеніе лѣшихъ, заимствованное изъ лубочной сказки).

польск. skrzot и skrzitek — духъ, представляемый со спутанными, взъерошенными волосами, словен. shkrat, shkrátiz, shkrátelj — горный карликъ. Названія эти имѣютъ одинъ общій корень съ глаголомъ скрыть. Слово крыть (покрывать) тождественно по значенію съ глаголами облачать (откуда облако — небесный покровъ) и обвертывать (оборотить), и сейчасъ-приведенныя названія указываютъ на духовъ, облакающихся въ облачныя одежды. Такъ какъ облака уподоблялись звѣрнымъ шкурамъ (овечьимъ, козьимъ и т. дал.) и различнымъ мохнатымъ животнымъ, то лѣсные духи рисуются воображенію славянъ существами козлятиными, съ козлиными ногами, бородой и рогами, напоминая собою сатировъ и фавновъ античнаго міра и козловъ Вакха и Тера, или одѣтыми въ бараньи тулупы. Тулупы эти, какъ у вѣдьмъ ихъ сорочки, не подпоясаны и свободно развиваются на вѣтру, какъ облачная мантия дикаго охотника (Одина). Здѣсь глится объясненіе и близкой связи лѣсныхъ съ горными карликами (гора—туча) и оборотнями: въ старинныхъ глоссахъ, приводимыхъ Ганкою, слово vilcodlac (оборотень) истолковано: faunus ¹⁾. Въ качествѣ грозоваго демона, лѣсній сблизается также съ змѣемъ, злобнымъ похитителемъ дождей; въ Бѣлоруссіи между разнородными цмоками (змѣями) знаютъ и лѣснаго цмока, который моритъ у хозяевъ скотъ, высасываетъ ночью у коровъ молоко и дѣлаетъ нивы неплодородными ²⁾. Слѣдовательно лѣшему приписывается тоже высасываніе молока у коровъ, какъ и вѣдьмамъ и огненному змѣю: повѣрье, возникшее вслѣдствіе забвенія мѣста овывасыванія молока-дожда изъ коровъ-тучъ молніеносными демонами. Въ олонеккой губ. убѣждены, что каждый пастухъ долженъ подарить лѣшему на лѣто корову; не то онъ озлобится и пере-

¹⁾ D. Myth, 447—9 — ²⁾ Приб къ Ж. М. Н. П. 1846. 22—23.

портить все стадо ¹⁾. Въ архангельской губ. думаютъ, что лѣшій, если пастухи успѣютъ задобрить его, пасетъ деревенское стадо ²⁾; а въ Малороссіи лѣсовикъ считается пастыремъ волковъ (=тучъ, см. I, 711). — Во многихъ мѣстностяхъ рассказываютъ, что у лѣшнихъ на головѣ и бородѣ волосы зеленые ³⁾; такіе-же зеленые волосы даются водяному и русалкамъ. Это повѣрье съ одной стороны свидѣтельствуетъ за очевидное отождествленіе лѣшнихъ съ царствомъ растительнымъ, а съ другой стороны указываетъ на то близкое отхоженіе, въ какомъ состоятъ съ ними водяные духи, хранители дождевыхъ источниковъ.

Въ весенней грозѣ древнія племена видѣли упорный и смертоносный бой великановъ тучъ; этотъ воинственный типъ усвоенъ и лѣшнимъ. Лѣсовики, рассказываютъ крестьяне, ведутъ между собою частыя войны; но какъ существа титанической породы, они не знаютъ ни пушекъ, ни ружей, ни пороха, а ломаютъ своихъ противниковъ столѣтними деревьями, которыя тутъ-же вырываютъ съ корнемъ, и стопудовыми камнями, отбитыми отъ скалъ; брошенные рукою лѣшаго, камни эти и деревья летятъ въ десять разъ скорѣе пули и на громадныя разстоянія—верстъ на пятьдесятъ и болѣе. Поломанныя бурей лѣса и горные обвалы суть слѣды ихъ ожесточенной битвы. Въ такой грандіозной картинѣ изображаетъ народъ удары грозы и полетъ бурныхъ облаковъ, перенося древнія представленія о небесныхъ деревьяхъ и горахъ-тучахъ на обыкновенныя лѣса и скалы. Низводя мифическія сказанія на землю, налагаа на нихъ бытовыя черты, народъ рассказываетъ, что въ каждой

¹⁾ Дашкова: Описаніе олон. губ., 218.— ²⁾ Памятн. книжка арханг. губ. на 1864, 50.— ³⁾ Описаніе олонец. губ., 217—8; Терещ., VI, 128. Калевала представляетъ лѣснаго царя съ зеленой бородою, а свиту его мохнатою—Библи. для Чт. 1842, XI, сивъсь, 51.

странѣ лѣшіе подчинены своимъ воеводамъ и царямъ, и что у нихъ также бываетъ солдатчина (наборъ), какъ и между людьми. Надъ русскими лѣсовиками царствуетъ Мусалъ (Маусалъ)-лѣсъ. Какъ скоро у народовъ различныхъ государствъ начнется война, то и лѣшіе этихъ странъ вступаютъ между собой въ кровавыя битвы: цѣлыя рати ихъ сходятся, ведя за собою лѣсныхъ звѣрей, и бьются нещадно до тѣхъ поръ, пока не прекратится человѣческая война ¹⁾. Тоже участіе въ народныхъ распряхъ приписывается и сербскимъ виланъ, родственнымъ съ нашими русалками (см. гл. XXIII).

Лѣшіе — властители дремучихъ лѣсовъ, и въ нѣкоторыхъ областяхъ ихъ называютъ лѣсовыми царьками, господами надъ лѣсомъ. Въ большихъ лѣсахъ господствуютъ по два и по три лѣшихъ. Въ архангельской губ. есть рассказъ о томъ, какъ два лѣшіе поссорились съ третьимъ при дѣлѣжѣ лѣсныхъ дачъ, связали его и бросили; случайно набрѣлъ на него промышленникъ и освободилъ; въ благодарность за то лѣшій донѣсъ его вихремъ съ Новой Земли на родину, и послѣ пошелъ за него въ рекруты и отбылъ трудную службу. Когда лѣшій идетъ дозоромъ по своимъ владѣніямъ, то при его приближеніи шумитъ лѣсъ и кругомъ трещать деревья. По ночамъ онъ приходитъ спать въ какой-нибудь станокъ (сторожку), и проснувшись по утру назначаетъ мѣсто будущаго своего ночлега. Если избранную имъ лѣсную избушку займетъ запоздавшій путникъ или охотникъ, лѣшій старается его выпроводить: то вихремъ пронесется надъ избушкой и пошатнетъ ея кровлю, то распахнетъ дверь, то тряхнетъ ближайшими деревьями и подыметъ страшный шумъ; словомъ — ему приписываются всѣ явленія, вызываемыя въ лѣсу порывами вѣтровъ.

¹⁾ Собр. 1856, XI, смѣсь, 38—39; День 1862, 52.

Если незванный гость и тогда не послушается, то ему грозитъ бѣда: онъ или заблудится въ лѣсу, или завязнетъ въ болотѣ, заведенный туда разгнѣванными лѣшными. Виѣстѣ съ лѣсными угодыми, подъ властію и покровительствомъ лѣшаго состоитъ и всякой звѣрь, обитающій въ лѣсахъ, и всякая птица, которая тамъ водится ¹⁾. Наиболѣе любимое имъ животное — медвѣдь, о которомъ преданія говорятъ, какъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ воплощеній бога-громовника. Лѣшій — большой охотникъ до вина (метафора дождя), а все-таки ни единого ведра не выпьетъ безъ того, чтобы не помодчивать заурядъ и медвѣдя. Кромѣ этого звѣря, онъ никого не беретъ въ услуженіе къ себѣ, и когда опьяненный ляжетъ соснуть — то медвѣдь ходитъ около него дозоромъ и сторожитъ его отъ нападенія водяныхъ ²⁾. Бѣлки, песцы и полевые мыши, какъ извѣстно, переселяются съ одного мѣста на другое большими стадами, и периодически (года черезъ два или три) появляются во множествѣ то здѣсь, то тамъ: это называется течкою. Крестьяне объясняютъ ее тѣмъ, что лѣшіе перегоняютъ звѣринныя стада изъ одного бора въ другой. Въ 1843 г. въ лѣсахъ варнавинскаго и ветлужскаго уѣздовъ вдругъ показалось огромное количество ходовыхъ бѣлокъ; тамошніе мужики говорили, что бѣлокъ гонитъ лѣшій изъ вятской губ. въ вологодскую; а другіе прибавляли, что одинъ лѣшій проигралъ своихъ бѣлокъ въ карты другому лѣшему, и потому перегоняетъ ихъ изъ своего владѣнія въ чужое. Тѣже объясненія даются и въ другихъ мѣстностяхъ ³⁾; сравни на стр. 244 съ подобными-же разказами о водяныхъ. Успѣхъ въ ремеслѣ охотника зависитъ отъ благосклонности къ нему мѣснаго лѣшаго. Кто задумаетъ «лѣсовать» (охотиться на лѣснаго звѣря),

¹⁾ Иллюстр. 1846, 150; О. З. 1848, IV, смѣсь, 136, 143. — ²⁾ Сопр. 1856, XI, смѣсь, 27—28. — ³⁾ Рус. Вѣст. 1856, XIX, 415—6; Костромская губ. Кривоблоцкаго, 519. Записки Авдѣев., 148.

тотъ прежде всего долженъ принести что-нибудь на поклонъ лѣшему, чтобы ловъ былъ удаченъ и чтобы таинственный хомлинь лѣса не замоталъ въ дебряхъ звѣролова. На поклонъ приносятъ въ лѣсъ краюшку хлѣба (или блинъ), съ солью посверху, и кладутъ это приношеніе на какой-нибудь пенъ ¹⁾. Пермьки молятъ лѣшаго ежегодно, принося ему пачку листового табаку, до котораго, по ихъ мнѣнію, онъ сильно охочъ ²⁾. На Бескидахъ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ Поволжья есть у охотниковъ обычай: первый уловъ оставлять въ дубровѣ, какъ жертву лѣсному духу ³⁾. Въ заговорахъ, произносимыхъ на успѣхъ въ звѣриной ловлѣ, встрѣчаемъ обращеніе къ лѣшимъ: «подите вы, сатанамы, дьяволы, лѣшіе, въ такой-то островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ (зайцевъ) на мои клѣти поставныя — сумеречныя, вечернія, ночныя, утреннія и полуденныя; пригоните, остановите и въ моихъ клѣткахъ примкните» ⁴⁾. Вызванный на помощь всеяльнымъ словомъ заклинаній, лѣшій пригоняетъ въ западни, капканы и сѣти звѣролова волковъ, куницъ, лисицъ, бѣлокъ, зайцевъ, и наводитъ на его ружье и звѣря, и птицу лѣсную ⁵⁾. Если припомнимъ, что гроза изображалась небесной охотою, то будетъ понятно, почему лѣшіе, по народнымъ повѣрьямъ, гонятъ лѣснаго звѣря, и почему къ нимъ именно обращается охотникъ съ своими просьбами.

Лѣшій любитъ блуждать по лѣсу, вѣшаться и качаться на древесныхъ вѣтвяхъ, какъ въ люлькѣ или на качеляхъ, почему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ему даютъ названіе зыбочникъ ⁶⁾; появляясь то здѣсь, то тамъ, онъ свищетъ, хохочетъ, хлопаетъ въ ладоши, громко кричитъ на разные голоса: ржетъ какъ лошадь, мычитъ какъ

¹⁾ Совр. 1856, XI, 39.— ²⁾ Ж. М. В. Д. 1858, IV, 74—75. — ³⁾ Срезнев., 29.— ⁴⁾ Сахаров., I, 20.— ⁵⁾ О. З. 1848, IV, 137, 144.— ⁶⁾ Доп. обл. слов., 69; зыбка—люлька, колыбель.

корова, лаетъ и мяукаетъ. Хохотъ его слышенъ, по народнымъ рассказамъ, верстъ на сорокъ въ окружности. Этотъ титаническій смѣхъ, свистъ, хлопанье и крики—старинныя метафоры для обозначенія грома и воющихъ вѣтровъ. Упомянутое явление грома—смѣху встрѣчается въ поэтическихъ сказаніяхъ индѣйцевъ ¹⁾; у славянъ, германцевъ и другихъ родственныя народы оно породило мнѣя о страшномъ хохотѣ сатаны, раздающагося въ адскихъ вертепахъ, и сказки о богинѣ-громовницѣ, веселый смѣхъ которой замогаетъ на все время зимы (см. I, 602, 778). Греки перенесли эту метафору на трескъ пылающихъ на очагѣ полѣньевъ; Аристотель выражается о трескѣ огня, какъ о смѣхѣ Гефеста и Гестія ²⁾. Конь, корова, собака и кошка—зооморфическія олицетворенія грозовыхъ тучъ, и потому лѣшій кричитъ ихъ дикими голосами, стараясь напугать боязливаго путника. Низводя лѣшаго съ облачныхъ высотъ въ обыкновенныя лѣса, народная

¹⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genthe, 41.—²⁾ Der Ursprung der Myth., 110. Какъ смѣхъ служилъ метафорою для утренняго разсвѣта и громовыхъ раскатовъ, такъ, по всему вѣроятію, тѣже значенія соединились и съ чохомъ: чихати, чешск. kychati, keychati, др.-рус. хыкати—вообще издавать звуки, кричать. По указанію Гримма, арабы о дневномъ разсвѣтѣ выражаются: утро чихаетъ (der morgen niest)—D. Myth., 708; огонь, который горитъ съ трескомъ, называется у ивмцевъ der niesende licht—ibid., 1090. „Друзія же, говоритъ летописецъ, и за хы ханью вѣрують, еже бывааетъ на здравье главѣ“ (П. С. Р. Л., I, 73) По народнымъ примѣтамъ: если чихнетъ больной, то навѣрно выздоровѣетъ (Нар. Сл. раз., 142); кто чихнетъ рано на тощакъ, тотъ въ теченіи дня получить подарокъ, или неожиданное счастье, а по другому объясненію—это предвѣщаетъ хорошую погоду. Довѣтъ въ обычаѣ всякому чихнувшему желать здоровья и исполненія желаній (Ворон. Г. В. 1851, 10; Терещ., I, 400; АБев., 316; Иллюстр. 1846, 333; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 322; Громанъ, 223; Volkslieder der Wenden, II, 261; D. Myth., 1070—1; Beiträge zur D. Myth., I, 239; Одиссея, XVII, 541—6).

манить удержала все характеристическіе его признаки, со-
мнныя вѣкогда подѣ влияніемъ метафорическаго языка; хо-
лодъ и крики лѣснаго продолжаютъ слышаться суевѣрнымъ
жителямъ въ трескѣ падающихъ деревьевъ, въ шумѣ листь-
ей и завываніи вѣтровъ, потрясающихъ дубравами. Эхо, раз-
дающееся изъ глубины лѣсной чащи, поселяне считаютъ от-
кликомъ лѣснаго, и думаютъ, что онъ нарочно отзывается на
голосъ человѣка, чтобы заманить его въ непроходимыя тру-
щобы или болота и тамъ защекотать на смерть; особен-
но часто подвергаются этой опасности охотники и дровосѣ-
ки ¹⁾. Русалки, въ образѣ которыхъ фантазія сочетала во еди-
но представленіи о водяныхъ и лѣсныхъ дѣвахъ, также лю-
бить качаться на древесныхъ вѣтвяхъ, также заливаются
шумъ хохотомъ и щекочуть на смерть завлеченныхъ къ себѣ
восторожныхъ путниковъ. Щекотать первоначально озна-
чало: издавать сильные, рѣзкіе звуки, подобныя соловьиному
свисту (I, 302): «о Бояне, соловію стараго времени! вос-
кликается пѣвецъ Слова о полку, абы ты сіа плѣкы ущеко-
ташь ²⁾. Соловьиный же щекоть, какъ объяснено въ VI-й
главѣ, служилъ метафорою громко-раздающихся напѣвовъ гро-
зовой бури. Отъ понятія издавать рѣзкіе звуки слово «щеко-
тать» перешло къ обозначенію того дѣйствія, которымъ они
вызываются, и именно къ обозначенію щекотанья, которымъ
возбуждается громкій, непроизвольный смѣхъ. Подобно тому,
глаголь лоскотать — щекотать кого-нибудь (лоскать,
лосконуть — наносить удары ³⁾ въ польскомъ языкѣ (*łos-
kotać*) сохраняетъ значеніе: хлопать, трещать, гремѣть. Въ
стремительномъ полетѣ завывающей бури грозовые, зѣфо-
подобныя дуи (лѣшіе русалки) нападаютъ на демоновъ мрач-

¹⁾ Абев., 194, 233—4; Рус. Преданія Макарова, I, 12; Рус. Днев-
никъ 1859, 37; Совр. 1856, XI, 33.— ²⁾ Рус. Дост., III, 22.— ³⁾
Обл. Сл., 105; Старосв. Банд., 386.

ныхъ тучъ, вертять и щекочуть ихъ и заставляютъ хохотать громовымъ хохотомъ — до тѣхъ поръ, пока не погибнуть они въ страшныхъ судорожныхъ движеніяхъ, т. е. пока тучи не будутъ разсѣяны грозю. Въ этой картинѣ, набросанной смѣлою поэтическою кистью, кроется основа народнаго повѣрья о щекотаньи лѣшними и русалками захваченныхъ ими людей; образованіе этого повѣрья совершилось подъ вліяніемъ тѣхъ мнѣческихъ представленій, по которымъ эльфы и родственныя съ ними стихійныя существа признаны были за похитителей человѣческихъ душъ (см. гл. XXIV).

Тѣ случаи, когда путникъ сбивается съ дороги (что, конечно, нерѣдко бывало въ дремучихъ дѣвственныхъ лѣсахъ стараго времени), и всѣ непріятности, какія испытываются при этомъ, суевѣріе народа приписываетъ злымъ проказамъ лѣшаго: онъ нарочно путаетъ, или по народному выраженію: обходитъ странствующихъ по лѣсу, т. е. какъ-бы замыкаетъ ихъ невидимою круговою чертою, изъ-за которой уже не выбраться человѣку безъ посторонней помощи. Между крестьянами ходитъ множество разсказовъ о томъ, какъ лѣшій сбиваетъ съ пути. Желая, чтобы кто-нибудь запутался и прошлялся въ лѣсу до глубокой ночи, онъ съ умысломъ переставляетъ съ одного мѣста на другое дорожные знаки, или самъ превращается точно въ такое дерево, какое служитъ въ лѣсу примѣтою: въ ель, сосну, въ мохъ, растущій на древесномъ стволѣ, и становится въ сторонѣ отъ настоящей дороги; чрезъ это онъ спутываетъ соображенія окольных жителей, заводитъ ихъ въ тущобы, и натѣшившись въ волю, заливается громкимъ хохотомъ ¹⁾. Иногда онъ показывается путнику въ видѣ сѣдаго старика, въ звѣриной шкурѣ и съ

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 1, III, 93; О. З. 1848, IV, смѣсь, 139—140.

большой клюкою въ рукѣ, или принимая на себя обликъ кого-нибудь изъ его знакомцевъ; начинается со встрѣчнымъ разговоръ и незамѣтно отводитъ его отъ дороги. Такъ, напримѣръ, ѣдетъ мужикъ одинѣхонецъ; нагоняетъ его прохожій, и слово за слово — проситъ подвезти въ деревню; мужикъ соглашается, ѣдутъ они, мирно бесѣдуя... Вдругъ глядь — прохожаго какъ не бывало, съ глазъ пропалъ! а мужикъ съ возомъ въ болотѣ или оврагѣ; осматривается — и видитъ: на крутомъ, неприступномъ обрывѣ, куда ни за что не взобраться человѣку, стоитъ лѣшій, свистеть и хлопаетъ въ ладоши ¹⁾. Будьте въ лѣсу на-сторожѣ: покажется ли что плачетъ ребенокъ, или послышатся стоны умирающаго — не спѣшите на помощь; почувдится ли вамъ шумная рѣка тамъ, гдѣ прежде ея не встрѣчали — идите прямо, не сворачивая въ сторону; не то какъ разъ угодите въ трясицу. Все это морочитъ лѣшій! ²⁾ Замѣтимъ, что плачь ребенка и стоны умирающихъ слышались древнему человѣку въ завываніяхъ грозовой бури, а шумно-лѣющіяся рѣки видѣлъ онъ въ дождевыхъ потокахъ. Какъ духъ, появленіе котораго всегда сопровождается вихрями, лѣшій замечаетъ всякой слѣдъ—заноситъ дорогу, застилаетъ ее пылью, пескомъ, ворохами листьевъ и снѣгомъ. Отъ того, по народному убѣжденію, кто попадетъ на слѣдъ лѣшаго (на путь, которымъ недавно пронесся онъ), тотъ непремѣнно заблудится въ лѣсу и не вернется домой до слѣдующаго утра, или до тѣхъ поръ, пока не выведетъ его на дорогу самъ-же лѣсовикъ ³⁾. Въ связи съ этимъ стоитъ поверье, недозволяющее местн. назы въ день отъѣзда кого-либо изъ родичей, чтобы не запорошить ему дороги (I, 37—38). Кто заплутается въ лѣсу, кого обойдетъ лѣшій, тому

¹⁾ Зиньски Авдѣев., 145—6; Киевск. Г. В. 1845, 16.— ²⁾ Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 130—1.— ³⁾ Вѣст. Евр. 1816, XXII, 118; Сѣв. Архивъ 1822, XXIV, 472—3.

единственное средство найти дорогу: снять съ ногъ лапти или сапоги и переверотить въ нихъ стельки, т. е. вынуть изъ лаптей солому, положить ее такъ, чтобы постылка, лежавшая у пальцевъ, очутилась въ пяткахъ и наоборотъ ¹⁾. Обувь — символъ поступи, движенія; переворачивая ее задомъ напередъ, заблудившійся странникъ вѣрить, что ноги его будутъ двигаться не къ тѣмъ мѣстамъ, куда направляетъ лѣшій, а въ противоположную сторону, и такимъ образомъ выведутъ его на прямую дорогу. Стихійное значеніе лѣшаго ярко сказывается въ его шаловливомъ характерѣ: онъ дуется въ путника вихремъ, запорашиваетъ ему очи, срываетъ съ него шапку, можетъ приморозить его сани къ землѣ, такъ что лошадь не въ силахъ съ мѣста тронуться, и т. дал. ²⁾ «Не ходи въ лѣсъ, тамъ лѣшій шутитъ!» совѣтуетъ народная поговорка. Шутки лѣшаго опасны; по той близости, въ какую языкъ, а за нимъ и повѣрья поставили болѣзни въ отношеніи къ стихійнымъ духамъ — эльфамъ (см. гл. XXII), онъ, шутя надъ человѣкомъ, насылаетъ на него тяжкіе недуги. Если случится кому заболѣть, воротясь изъ лѣсу, то поселяне говорятъ по этому поводу: «стало з' лѣсу» (черниг. губ.) или «слѣдъ лѣшаго перешелъ»; о каженникахъ (разслабленныхъ, полоумныхъ) думаютъ, что они ободены лѣшимъ ³⁾. Чтобы умиловить лѣшаго, несутъ ему въ даръ ломоть хлѣба и щепоть соли, завернутые въ чистой тряпицѣ. Приходя въ лѣсъ, больной молится надъ хлѣбомъ-солью, оставляетъ тамъ свое приношеніе и возвращается домой съ полнымъ убѣжденіемъ, что болѣзни

¹⁾ Совр. 1856, XI, 33; Записки Авдѣев., 145: нехудо выворотить и верхнюю одежду и надѣть ее на изнанку. — ²⁾ Ж. М. В. Д. 1858, IV, 74—75. — ³⁾ Чтобы образумить каженника, надѣваютъ ему на выворотъ сорочку, сажаютъ до зорницъ подлѣй вѣрен, поятъ росой и окачиваютъ водой изъ нагорнаго студенца.

осталась въ лѣсу ¹⁾. Есть и другія указанія на жертвенные дары, которыми нѣкогда чествовали лѣшаго: разъ онъ помогъ крестьянину — нарубилъ для него дровъ, а тотъ отблагодарилъ его паляницею; у мужиковъ, работающихъ въ лѣсу, проситъ онъ пироговъ, и когда дадутъ ему — кричитъ: «шелъ, шелъ, да нашелъ!» ²⁾

Образъ жизни лѣшихъ описываютъ различно: нные изъ нихъ любятъ жить въ лѣсныхъ трущобахъ одиноко, уединенно, какъ дивари, не терпя близъ себя никого изъ своихъ собратьевъ; другіе же поселяются большими деревнями, строятъ въ лѣсахъ просторные дома, со всѣми необходимыми службами, гдѣ хозяйничаютъ ихъ жены и растутъ ихъ дѣти ³⁾. Лисунки (лѣшачихи) — лѣсныя дѣвы и жены — тоже, что лѣшіе, только въ женскомъ олицетвореніи; народное воображеніе надѣляетъ ихъ такими огромными и длинными грудями, что онѣ вынуждены закидывать ихъ за плечи, и только тогда могутъ свободно ходить и бѣгать. Это преданіе указываетъ въ лисункахъ облачныхъ нимфъ, которыя постоянно изображаются полногрудыми, такъ какъ самыя облака уподоблялись женскимъ грудямъ, проливающимъ изъ своихъ сосцовъ обильное молоко-дождь ⁴⁾. Въ Польшѣ и Галиціи лисунки называются *dziw ożony*, въ Богеміи *dive ženų*; онѣ отличаются дикимъ и злобнымъ нравомъ, тѣло ихъ покрыто волосами, длинныя распущенныя косы развиваются во воздуху; груди такъ велики, что, стирая бѣлье (т. е. занимаясь полосканьемъ облачныхъ одеждъ и покрововъ въ дождевыхъ источникахъ), онѣ употребляютъ ихъ вмѣсто вальковъ ⁵⁾; на головѣ носятъ красныя шапочки ⁶⁾. Въ

¹⁾ Вѣст. Евр. 1818, XXII, 117—8; Семеновск., 123; Сахаров., II, 4.— ²⁾ Абев., 234; Киев. Г. В. 1845, 16.— ³⁾ Иллюстр. 1845, 298; Смыш. Отеч. 1839, IV, 80; Совр. 1956, XI, 27.— ⁴⁾ Обл. Сл., 107; Рус. Дневн. 1859, 37.— ⁵⁾ «Piersi ich są tak wielkie że je zamiast rąlników używaje, pierząc swoją bieliznę.» — ⁶⁾ Семеновск., 120—1; Памятн. книжка арханг. губ. на 1864, 59, 69.

лѣсахъ Исполновыхъ горъ по утрамъ и вечерамъ бродить черная великанка, которую называютъ *lesnirani* ¹⁾). Скандинавская мифологія знаетъ лѣсныхъ женъ и дѣвъ подъ именемъ *ívidhjúr* и *iarnvidhjúr* (отъ *ívidhr* — лѣсъ, роща, *iarnvidhr* — *eisenwald*); въ Германіи, рядомъ съ *holzmänner*, извѣстны: *holz-* (или *wald-*) *frauen*, *wilde weiber* (=дивожены), *moosweibchen*, *lohjungfern* и *holzfräulein*. О дикихъ женахъ рассказываютъ, что онѣ живутъ въ лѣсу — въ пещерахъ и ущельяхъ скалъ, носятъ мохнатую или зеленую одежду, имѣютъ длинныя, распущенныя волосы, и не всегда бываютъ непріязнены къ людямъ, иногда совѣтуютъ и помогаютъ имъ. *Holzweibchen* верѣдко является къ дровосѣкамъ, проситъ починить изломанное колесо своей тележки, и подобно Бертѣ награждаетъ за трудъ оставшимися щепками, которыя потомъ превращаются въ чистое золото, или даритъ клубокъ нитокъ, который — сколько-бъ ни распускали его — никогда не умалется. Случайно набрела одна крестьянка на плачущаго ребенка, рожденнаго отъ лѣсной жены, и изъ жалости накормила его своей грудью; а благодарная мать подарила ей за это древесную кору, которая впоследствии превратилась въ золото ²⁾). Подобный рассказъ существуетъ и въ Малороссіи: посчастливилось бабѣ найти въ лѣсу малютку-лѣшаго; ребенокъ лежалъ голой и горько плакалъ, баба прикрыла его своей свиткою — и вотъ явилась лисунка и наградила ее горстью горячихъ угольевъ; когда баба воротилась домой, вмѣсто угольевъ оказались свѣтлые червонцы ³⁾). Эти золотыя дары указываютъ на обладаніе лѣсными духами тѣми дорогими кладами, которые скрываются въ лѣсахъ-тучахъ; а клубокъ нитокъ — на связь лисунокъ съ вѣщици

¹⁾ Громанъ, 14. — ²⁾ D. Myth., 451 — 2; Beiträge zur D. Myth., 226, 277. — ³⁾ Черниг. Г. В. 1860, 28; сравни съ хорутанскимъ рассказомъ о видѣ въ сборникѣ Ваянца, 64.

призми (норнами). По нѣмецкимъ сказаніямъ, лѣсныя дѣвы обнаруживаютъ невольный страхъ и предаются быстрому бѣгу, какъ скоро завидятъ поѣздъ дикаго охотника. Въ шумѣ бури гонится Воданъ за ннѣической женою съ большими, свѣжно-бѣлыми грудями, схватываетъ ее, и набрасывая на бѣрагого коня, увлекаетъ къ себѣ. Въ средней Германіи рассказываютъ, что какой охотникъ, сопровождаемый свитою и собаками ¹⁾, преслѣдуетъ цѣлую толпу бѣлогрудыхъ лѣсныхъ дѣвъ, убѣгающихъ отъ него по воздушнымъ пространствамъ. Это прекрасное поэтическое изображеніе грозовой бури, гонящей передъ собою толпы дожденосныхъ облаковъ, позднѣе должно было слиться съ представленіемъ бури въ лѣсу, которая ломитъ деревья, обрываетъ зеленыя листья и далеко гонитъ ихъ въ своемъ быстромъ полетѣ; ибо какъ скоро за облачными ннѣями утвердилось прозваніе лѣсныхъ дѣвъ — онѣ признаны были за олицетвореніе зеленыхъ дубравъ. Лѣшіе любятъ оборачиваться въ растенія и до сихъ поръ нерѣдко представляются духами, обитающими въ стволѣ того или другаго дерева. Чтобы вызвать лѣшаго нужно на рубить молодыхъ березокъ и сложить ихъ кругомъ, верхушками въ средину; затѣмъ снять съ себя крестъ, и ставши въ кругу, крикнуть громко: «дѣдушка!» — и лѣшіи тотчасъ явится. Или, въ ночь передъ Ивановымъ днемъ, должно отправиться въ лѣсъ и срубить осину — такъ, чтобы она упала верхушкою на восточную сторону; на срубленномъ пнѣ желающій увидать лѣшаго становится лицомъ на востокъ, нагибается внизъ, и глядя промежъ ногъ, говоритъ: «дядя лѣшіи! покажись ми сърыми волкомъ, ни червымъ ворономъ, ни елю жаровою; покажись такимъ, каковъ я!» Тутъ зашелестятъ листья осины какъ-бы отъ легкаго дуновенія вѣтра, и лѣшіи яв-

¹⁾ На Руси рассказываютъ, что лѣшіе и лисунки боятся собачьего лап—О. З. 1848, IV, 143; V, 23.

ляется на призывъ въ образѣ мужика. Увѣряютъ, что надо срубить въ лѣсу сосну, и срубить такъ, чтобы она при своемъ паденіи сломила двѣ осины; на эти сломленные осины слѣдуетъ стать лицомъ къ сѣверу и говорить: «лѣсовикъ-великанъ! пришелъ къ тебѣ рабъ (имярекъ) съ поклономъ, заведи съ нимъ дружбу.» Когда лѣшій явится, съ нимъ можно войти въ договоръ; по этому договору мужикъ отдаетъ ему въ кабалу свою душу, а лѣшій обязуется помогать мужику въ охотѣ, пригонять къ нему звѣрей, охранять его стадо и отыскивать пропавшую скотину. На знакомство съ лѣшимъ отваживаются одни колдуны ¹⁾. Въ основѣ этихъ повѣрій лежитъ мысль, что лѣшій, какъ духъ грозы и вихрей, появляется только въ то время, когда Перуновъ топоръ начинаетъ рубить деревья-тучи, и потому вызывать его могутъ только колдуны, люди сверхъестественныхъ, чародѣйныхъ силъ. Бытіе лѣсныхъ дѣвъ преданія связываютъ тѣсными, неразрывными узами съ жизнью различныхъ деревьевъ; когда срубается дерево, виѣсть съ нимъ должна умереть и та лѣсная нимфа, существованіе которой срослось съ этимъ деревомъ. Таковы греческія меліады и дріады (*δρυάδες*) — нимфы ясени и дуба; если увядаетъ и сохнетъ дубъ, то виѣсть съ этимъ ослабѣваютъ силы дріады и она умираетъ; каждый порубъ, наносимый дереву, она чувствуетъ, какъ собственную свою рану. Подобныя вѣрованія были распространены и между кельтами; Я. Гриниъ указываетъ на слѣды ихъ, уцѣлѣвшіе у германскихъ племенъ; а между славянами сохранилось множество поэтическихъ сказаній о деревьяхъ, которыя (когда ихъ рубятъ) издаютъ жалобные стоны и проливаютъ кровь (см. гл. XIX). Солдаты короля эльфовъ — днемъ

¹⁾ Дашкова: Описаніе олон. губ., 217; О. З. 1848, IV, смѣсь, 137 — 8, 144; Сынъ Отеч. 1839, IV, 78 — 79; Совр. 1856, XI, 39—40.

деревья, а ночью храбрые воины; народныя саги даютъ эльфинъ зеленыя одежды и поселяютъ ихъ подъ древесной корою; крестьянинъ, обрученный съ эльбвиною (elfmaid), обналъ вмѣсто невѣсты дубовый стволъ. Въ Саксоніи чтялось въ старину дерево ellhorn (sambucus nigra); тотъ, кто хотѣлъ воспользоваться его вѣтвями, долженъ былъ обратиться къ нему съ слѣдующею мольбою: «Frau Ellhorn! gib mir was von deinem holz, dann will ich dir von meinem auch was geben, wann es wächst im walde!» Слова эти произносились съ колѣвопреклоненіемъ, съ обнаженною головою и сложенными руками. Въ Зюдерманнландѣ вздумалъ одинъ слуга срубить прекрасное, тѣмное можжевельное дерево; но едва приступилъ къ дѣлу, какъ изъ дерева раздался голосъ: «hau den wascholder nicht!» Сохранилась еще сказка о фѣѣ, пребывающей въ сосновомъ деревѣ, которой прислуживаютъ карлики ¹⁾. Сербская пѣсня рассказываетъ, какъ добрый молодецъ молилъ Бога:

«Даж ми, Боже, златне рогъ
И сребрне парошчиће,
Да прободем бору кору.
Да ја виђу, шта ј' у бору.»

Далъ ему Богъ золотой и серебряный рогъ, прободалъ имъ игоша сосновую кору, а въ сонѣ молодой дѣва, свѣтлая чѣмъ солнце (ал' у бору млада мома, пак засија кано сунце ²⁾). Золотой рогъ—молнія, которая сверлитъ облачное дерево. У чеховъ много преданій о существахъ, подобныхъ греческимъ дриадамъ. Такъ объ одной липѣ рассказываютъ, что въ ней жила бѣлая жена, и когда выходила оттуда — то всѣхъ изумляла своимъ блескомъ; она бывала и доброю, и злою, и напоминала собою то полудницу, то дивожону. При этомъ деревѣ совершались народныя празднества и весеннія игры. Жизнь

¹⁾ Die Götterwelt, 111—2, 117; D. Myth., 476, 618—9; German. Mythen, 474—7.— ²⁾ Срп. н. пјесме, I, 364.

другой женщины была таинственно связана съ вербою; днемъ она оставалась въ своей семьѣ, а на ночь душа ея покидала тѣло и удалялась въ вербу. Когда мужъ узналъ про это, онъ срубилъ вербу — и въ тоже мгновеніе скончалась и его жена. Только материнская любовь продолжала жить въ срубленномъ деревѣ; сдѣланная изъ него колыбель убаюкивала осиротѣвшаго ребенка, а когда онъ подросъ и смастерилъ себѣ свирѣль изъ молодого отпрыска на старомъ пнѣ вербы, то свирѣль эта своими мелодическими звуками разговаривала съ нимъ, какъ нѣжная мать ¹⁾. Въ дикой охотѣ или прятке — въ весенней грозѣ бурный, громоносный духъ гонится за облачными дѣвами, настигаетъ ихъ и насилуетъ (= сверлитъ молніей). Сюда принадлежатъ и античныя сказанія о сладострастныхъ сатирахъ, преслѣдующихъ прекрасныхъ нимфъ. Наши поселяне рассказываютъ, что лѣшіе «падки до женщинъ», похищаютъ неосторожныхъ дѣвѣцъ и принуждаютъ жить съ собою въ любовномъ союзѣ ²⁾. Въ грозѣ и вихряхъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ видятъ свадебное гульбище лѣшнихъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ эти естественныя явленія объясняются свадьбами чертей и вѣдьмъ. Свадьбы свои празднуютъ лѣшіе шумно, съ дикимъ вакхическимъ разгуломъ; поѣздъ ихъ всегда сопровождается сильными вѣтрами и опустошеніемъ. Если поѣздъ скачетъ черезъ деревню, то непременно у многихъ домовъ снесетъ крыши, здѣсь и тамъ размететъ овины и клады; а если проѣзжаетъ лѣсомъ, то поваляетъ деревья (сравни съ свадьбою водянаго, стр. 239). Вы-

¹⁾ Громаниъ, 87; Иречекъ—въ Часописи 1863, I, 40. Словенская сказка (Slov. pohad., 143—165; Эрбенъ, 49—57) повѣствуетъ о дѣвахъ-красавицахъ которыя растутъ на стеклянной горѣ (=небѣ) въ видѣ лимоновъ (позднѣйшая замѣна золотыхъ яблокъ); когда лимонъ сорванъ и разрѣзанъ—изъ него выходитъ чудная дѣва.—²⁾ Тоже повѣрье существуетъ у чеховъ—Громаниъ, 15.

ветъ ли буря съ корнями цѣлый рядъ деревьевъ, набрасаетъ ли гдѣ кучи валежника — крестьянинъ убѣжденъ, что именно въ этомъ мѣстѣ пронеслась свадьба лѣшаго. Рѣдкой изъ крестьянъ осмѣливается въ лѣтнюю пору лечь для отдыха на лѣсной тропинкѣ; ибо опасаются, какъ-бы не наѣхалъ случаемъ свадебный поѣздъ лѣсовиковъ и не раздавилъ соннаго. Въ архангельской губ. думаютъ, что вихрь подымается отъ того, что лѣшій пускается плясать на своей свадьбѣ съ лисункю. Демонское гульбище, преисполненное всякаго соблазна, вызываетъ (по народному повѣрью) небесныя громы, удары которыхъ нерѣдко превращаютъ лѣшихъ и лисунковъ въ росомахъ, и потому звѣрь этотъ считается проклятымъ: повѣрье, свидѣтельствующее за тѣсную связь грозovýchъ духовъ съ оборотнями. На другой день послѣ свадьбы, лѣшій, по русскому обычаю, идетъ съ своей молодой женою въ баню, и если въ то время случится кому-нибудь проходить мимо — они непременно окатятъ его съ головы до ногъ водою, т. е. грозовые духи, вступая въ весенній бракъ, купаются въ дождевыхъ потокахъ и обливаютъ всѣхъ попавшихъ подъ юбку¹⁾.

¹⁾ Абел., 233—4; Совр. 1856, XI, 37; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138.

ХVIII.

ОБЛАЧНЫЯ СКАЛЫ И ПЕРУНОВЪ ЦВѢТЪ.

На основаніи сходства впечатлѣній, производимыхъ отдаленными горами и облегающими горизонтъ облаками, сходства столь близкаго, что непривычный глазъ путника нередко принимаетъ видимыя имъ горы за облака, — оба понятія были отождествлены и въ языкѣ и въ вѣрованіяхъ. Въ санскритѣ слова, означающія холмъ, камень, гору, въ тоже время означаютъ и облако: *parvata*, *giri*, *adri*, *aṣṭa* и др. ¹⁾; въ гимнахъ Ригъ-Веды облака и тучи постоянно изображаются горами и камнями. Своею грошевою палицею Индра буравитъ облачныя скалы и съ жадностью вытягиваетъ изъ нихъ бессмертный напитокъ (амриту, небесное млеко и медъ), укрѣпляющій его къ битвамъ съ демонами; онъ разбиваетъ горы-тучи, изъ мрачныхъ вертеповъ этихъ горъ низводитъ на землю дождевые потоки и даруетъ людямъ солнечный свѣтъ; онъ вѣсняется въ пещеры демона Вритры и освобождаетъ оттуда украденныхъ имъ коровъ (= дождевыя облака) и захваченныхъ въ плѣнъ водяныхъ женъ: «ты (взываютъ къ нему гимны) разбилъ въ куски гору, большую, широкую, грошевою стрѣлою, о грошевержецъ! ты разрѣшилъ запертыя воды, да текутъ рѣкою». — «Ты дробишь двери горы (и открываешь путь) свѣтлымъ коровамъ». ²⁾ Ему даются

¹⁾ Mat. сравн. слов., II, 255, 450, 528 (б а л а г а - к а). — ²⁾ Die Götterwelt, 65; Orient und Occid. 1861, I, 14, 19, 50; II, 224: «о люди!

эпитеты *adriþhid* — раскалывающій горы или тучи и *gð-trabhid* — разбивающій облачную гору или коровій хлѣвъ; *gðtга* означает и гору, и облако, и стадо коровъ. Темныя вешеры тучъ, куда злой Вритра запираетъ на зиму дождевсныхъ коровъ, стали уподобляться коровьимъ хлѣвамъ или загонамъ, въ которыхъ держатъ обыкновенныя стада отъ поздней осени до весенняго выгона ихъ въ зеленѣющія поля. Слѣды тѣхъ-же представленій уцѣлѣли и въ нѣмецкомъ языкѣ: сканд. *klakkg* служитъ для обозначенія скалъ и скачущихъ, одно на другое нагроможденныхъ облаковъ; англос. *clūd* — гора, скала, а родственное ему англ. *cloud* — облако. Въ пѣсняхъ Эдды такъ описывается гроза: *hnigu heilög vörn af himinþjóllum* — текутъ святыя воды съ небесной горы ¹⁾. Такъ какъ съ облаками и тучами неразлучна мысль о ихъ необычайной подвижности, полетѣ и громовыхъ ударахъ, то предки наши, называя ходячія облака горами и скалами, усиливали это поэтическое выраженіе эпитетами: горы летучія, скалы толкучія. Отсюда возникло индѣйское сказаніе, что нѣкогда у горъ были крылья; переносясь съ мѣста на мѣсто, онѣ заваливали города и причиняли страшный вредъ земнымъ обитателямъ. Люди взмолились Индрѣ, и онъ стрѣлами, т. е. молніями, отрѣзалъ у горъ крылья. Отсюда же возникъ и общій индоевропейскій мифъ о подвижныхъ горахъ, которыя сталкиваются другъ съ другомъ, и своимъ столкновеніемъ производятъ громъ и смертельныя удары. Это любопытное преданіе встрѣчаемъ въ стихѣ про Егорія Храбраго ²⁾ и въ пѣснѣ про Дюка Степановича ³⁾:

этотъ огонь между двумя скалами есть Индра. Древніе толкователи Ведъ объясняли это мѣсто такъ: Индра производитъ молвію между двумя облаками. — ¹⁾ Die Götterwelt, 91. — ²⁾ Двт. рус. лит., кн. II, 133, 137; Сборн. духовн. стиховъ Варенцова, 97. — ³⁾ Рыбник., I, 296.

Стоять тутъ горы толкучія;
 Тые-жъ какъ горы врозь растолкнутся,
 Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся—
 Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
 Тутъ тебѣ молодому живу не бывать.

Одиссея въ двѣнадцатой пѣснѣ упоминаетъ о бродячихъ или толкучихъ горахъ, промежъ которыхъ ни одна птица не смѣетъ пролетѣть; даже изъ тѣхъ быстролѣтныхъ голубей, которые приносятъ Зевсу амброзію (=дождь), одинъ всегда погибаетъ въ опасныхъ утесахъ, и Зевсъ каждый разъ принужденъ замѣнять убитаго голубя новымъ. Горы эти высятся на морѣ, т. е. посреди воздушнаго океана. Завлечетъ ли сюда морская буря корабль — отъ него останутся однѣ доски да трупы несчастныхъ пловцовъ. Въ своемъ странствованіи за золотымъ руномъ аргонавты должны были проходить между этими страшными горами; басня о походѣ аргонавтовъ содержитъ въ себѣ много о добываніи богомъ-громовникомъ весенняго плодородія: корабль — туча, золотое руно — дождевое облако, озаренное лучами солнца. О толкучихъ горахъ рассказываютъ, что онѣ не прежде останавливаются, какъ убивши кого-нибудь ¹⁾, т. е. послѣ громоваго удара. Понятно, что именно въ этихъ горахъ должна заключаться живая вода — весенній дождь, оживляющій природу отъ зимней смерти. Какъ съ обыкновенныхъ горныхъ возвышенностей низвергаются источники и водопады, такъ изъ небесныхъ горъ льются потоки живой воды. По свидѣтельству польской сказки, вода, возвращающая молодость, приносится изъ подъ-облачной горы ²⁾; по болгарскому преданію ³⁾, Александръ Македонскій ходилъ добывать безсмертную воду, сокрытую между «двѣ планины, коя съ отвораха и съ затвораха»; чтобы достигнуть

¹⁾ Нар. сл. раз., 111—3. — ²⁾ Глинск., III, 53. — ³⁾ Миледи., 526.

этих горъ, надо было пройти страну ночнаго мрака. Въ словацкой сказкѣ ¹⁾ мать посылаетъ сына къ двумъ великанскимъ горамъ (о великанахъ—демонахъ темныхъ тучъ см. гл. XXI), изъ которыхъ правая отворяется въ полдень и бьетъ ключемъ живой воды, а лѣвая — въ полночь и точитъ изъ себя мертвую воду. Въ русской сказкѣ ²⁾ царевичъ (=богъ-громовникъ) отправляется въ тридцатое царство за живою водою: тамъ есть двѣ горы высокія, стоятъ вмѣстѣ — вплотнѹю одна къ другой прилегли; только разъ въ сутки онѣ расходятся и минуты черезъ двѣ-три опять сходятся; а промежъ тѣхъ горъ хранится вода живая и мертвая (цѣлющая). Пріѣзжаетъ царевичъ къ толкучимъ горамъ, стоитъ-дожидается, когда онѣ расходятся стануть. Вотъ зашумѣла буря, ударилъ громъ — и раздвинулись горы; царевичъ стрѣлой пролетѣлъ между горъ, почерпнулъ два пузырька воды и вмигъ назадъ повернулъ; самъ-то богатырь успѣлъ выскочить, а у лошади заднія ноги помяло, на мелкія части раздробило. Взбрызнулъ онъ своего добраго коня мертвой и живой водою — и всталъ конь его ни въ чемъ невредимъ. Украинская сказка ³⁾ упоминаетъ о двухъ криницахъ съ цѣлебной и живой водою, которую оберегаютъ вѣроны-лосы желѣзные (т. е. молніи), побивающіе похитителей своими острыми клювами. За чудесной водою посылаются заяцъ и лиса, въ образѣ которыхъ много олицетворялъ силы весеннихъ грозъ, опирающихся дождевые источники (см. гл. XII) На возвратномъ пути лиса счастливо проскользнула промежъ толкучихъ горъ, а у зайца горы хвостъ отшибли: отъ того онъ и купой. Въ новогреческихъ сказкахъ ⁴⁾ живая вода бьетъ изъ горы, которая раскрывается и замыкается также быстро, какъ быстро сверкаетъ молнія; герой до-

¹⁾ Slov. pohad., 484; Westsl. Märch., 144—155.— ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 52, а.— ³⁾ Lud Ukrain., I, 315—6.— ⁴⁾ Ганъ, II, стр. 195, 280.

бываетъ здѣсь живую воду, черпая изъ того-же источника, откуда беретъ ее и пчела: намѣкъ на мифическое отождествленіе нектара съ медовымъ напиткомъ. Еще въ одной новогреческой сказкѣ ¹⁾ ламія, принадлежащая къ разряду облачныхъ женъ, общаетъ царевичу дать живой воды, если онъ подыметъ камень — тяжестью въ четыре центнера; когда царевич поднялъ и далеко забросилъ камень, ламія взяла молотъ (= молнію) и стала бить по скалѣ, и вотъ скала разверзлась и изъ нѣдръ ея была почерпнута живительная влага: преданіе, соответствующее мифическому предствленію, по которому конь бога-громовника ударомъ своихъ копытъ выбиваетъ изъ скалъ дождевые ключи.

По сказанію бѣлоруссовъ, Перунъ разъяжаетъ по воздушнымъ высотамъ, и если увидитъ, что на землѣ творится беззаконіе, то разбиваетъ скалы или малыя небеса (т. е. облачное небо, которое еще въ глубочайшей древности было отличаемо отъ блестящаго небеснаго свода — блаженной обители боговъ), и такимъ образомъ низводитъ на злыхъ и нечестивыхъ молнію ²⁾. Эда такъ выражается о владыкѣ грома: «Горь идетъ — скалы дрожать!» ³⁾. Мифы всѣхъ арійскихъ племенъ согласно утверждаютъ, что божество грома, молніи и дождя признавалось сыномъ горы-тучи, рождающимся изъ ея мрачныхъ нѣдръ. Индѣйскій Шива родился въ пещерѣ небесной горы Меру; персидскій демиургъ Митрасъ почитался сыномъ священной горы Алборда; въ темной пещерѣ убилъ онъ быка-тучу и кровію его (= дождемъ) оплодотворилъ землю. Точно также греческій Вахъ рождается въ пещерѣ острова Наксосъ — въ то время, какъ мать его Семела гибнетъ при появленіи Зевса во всей его грозной славѣ, т. е. туча, разбитая громомъ и молніями, исчезаетъ,

¹⁾ Ibid., 234. — ²⁾ Мифы, XVII, 42. — ³⁾ Смирновъ, 53.

а изъ утробы ея исходитъ Вакхъ (вино—дождь). Самъ Зевсъ, скрытно отъ отца своего, воспитывался въ пещерѣ острова Крита. Греческія сказанія уже приурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ; въ нихъ слѣдовательно видна печать позднѣйшей переработки мифа. Въ бѣльшей свѣжести сохранилось сказаніе о рожденіи Тора: онъ былъ сыномъ Одина и богини Земли — *Iögdh* (Erde), но сверхъ того мать Тора носитъ и другое имя *Fíöggun*. Имя это собственно означаетъ гору-тучу, какъ очевидно изъ того, что Ульфила греч. ὄρος — гора переводитъ словомъ *fairguni*, а готское *fairguni* (*fairgūns*) тождественно съ литов. *Perkunas* (Перунъ); ибо звукъ *f* въ готскомъ языкѣ соответствуетъ славянскому и литовскому *p*. Эда даетъ указанное прозваніе не только матери Тора (*Fíöggun*), но и отцу Фригги (*Fíöggunn*), что сближаетъ эту богиню-громовницу, супругу Одина, съ нашей бабой-горынянкой¹⁾. Итакъ въ мифѣ, о рожденіи Тора сливаются два представленія: Одинъ, какъ верховное божество грозовыхъ бурь и урожаявъ, производитъ его въ союзѣ съ горою-тучею; а какъ представитель неба, осѣменяющаго дождемъ мать-сыру землю, рождаетъ его въ періодъ весенняго своего сочетанія съ богиней Землею. Обѣ плодщиці матери: и гора-туча, и земля должны были отождествиться въ убѣжденіяхъ народа, какъ скоро позабыто было метафорическое значеніе горы и въ ней увидѣли не болѣе, какъ земную возвышенность. Рождаемый облачной горою, богъ-громовникъ сталъ представляться исходящимъ изъ утробы матери-земли, и огнедышщиці горы придали этому перенесенію мифа съ высокаго неба на дольний міръ особенную твердость. Подземные удары, слышимые во время землетрясеній, совпали съ громовыми раскатами: «громъ гремитъ — земля дрожитъ» (I, 618); въ старинныхъ отре-

¹⁾ D. Myth., 156—7, 230, 319.

ченныѣ книгахъ («громовникахъ») предсказанія по грому и трусу (землетрясенію) поставлены рядомъ ¹⁾. Подобно тому, греческій богъ молніи, позднѣе богъ подземнаго огня, славный кузнецъ Гефестъ былъ сынъ Зевса (=неба) и Геры; по другому сказанію, Гера родила его безъ помощи мужа; въ ея образѣ греки олицетворяли тучу, изъ чрева которой сверкаетъ молнія, и потомъ землю, рождающую изъ себя вулканической огонь ²⁾. Эти мѣстныя сближенія повели къ уподобленію неба, покрытаго темными тучами, подземному царству: поэтическій образъ, весьма часто встрѣчаемый въ сказочномъ эпосѣ.

Представляя облака и тучи небесными горами, древній человекъ созерцалъ на ихъ вершинахъ своихъ творческихъ боговъ; при этомъ понятіе о горахъ-тучахъ сливалось съ представленіемъ небснаго свода свѣтлою, блестящею горою (I, 119); ибо небо, какъ родина тучъ, какъ широкое пространство, гдѣ создаются эти толкучія горы, само отождествлялось съ облачнымъ міромъ (небо и *puces*). Сказки о заклятыхъ царевнахъ (=богиняхъ лѣтняго плодородія, полонѣнныхъ злыми демономъ зимы) заставляютъ ихъ томиться въ неволѣ не только въ пещерахъ змѣиныхъ горъ (=въ тучахъ) но и въ хрустальной горѣ, т. е. на небѣ. Впослѣдствіи сказанія о небесныхъ горахъ стали пріурочиваться къ земнымъ возвышенностямъ. Такъ, по мнѣнію грековъ, Зевсъ возсѣдалъ на высокой вершинѣ Олимпа, или по другимъ свидѣтельствамъ — на Идѣ и иныхъ горахъ Греціи и Малой Азіи, и назывался *ἄχραιος* (*ἄχρις* — вершина горы); Посейдонъ (первоначально богъ дождеваго моря) — на вершинѣ лѣсной горы Сая;

¹⁾ Пам. огреч. лит., II, 361—374. — ²⁾ Die Götterwelt, 28. Въ битвѣ боговъ съ гигантами (=тучами) Минерва навалила на Эвжелада островъ Сицилію, и великанъ этотъ сталъ изрыгать пламя сквозь жерло Этны.

Земь изображалась возстающимъ на скалы, въ темныхъ пещерахъ которой были заключены буйные вѣтры: ударяя скипетромъ (= молніей) о скалу, онъ выпускалъ ихъ на свободу и чрезъ то воздвигалъ грозныя бури. Бѣлорусское повѣрье рассказываетъ, что Перуну подчинены гарцукіи — духи, обитающіе въ горахъ, которые своимъ полетомъ производятъ вѣтры и непогоду; въ великорусскихъ губерніяхъ думаютъ, что зимнія вьюги прилетаютъ въ ноябрь-мѣсяцъ отъ желѣзныхъ горъ, т. е. изъ снѣговыхъ или окованныхъ стужей гучь; въ снѣжныхъ же горахъ замыкаются на зиму весеннія болѣзни, такъ называемыя повѣтрія, а когда солнце растопитъ эти снѣга — онѣ разбѣгаются по бѣлому свѣту и нападаютъ на людей ¹⁾. Въ Скандинавіи и нѣмецкихъ земляхъ многія горы и скалы носятъ имена, свидѣтельствующія о посвященіи ихъ Одину и Тору: Odensberg, Donnersberg, Thonersberg, Thuneresberg; одна изъ высочайшихъ горъ въ цѣпи Альповъ — теперешній sanct Bernhard въ раннюю пору среднихъ вѣковъ извѣстна была подъ именемъ mons Jovis; въ разныхъ странахъ западной Европы камни и скалы были мѣстами жертвоприношеній (mahlsteine, opfersteine) и призывались священными ²⁾. Въ Литвѣ долгое время сохранялось благоговѣнное уваженіе къ нѣкоторымъ камнямъ; объ одномъ камнѣ рассказываютъ, что когда какой-то мельникъ хотѣлъ было достать его и употребить на жорновъ, то въ глаза ему полетѣла съ камня пыль — и онъ ослѣпъ; помощниковъ его также постигла небесная кара — одинъ вскорѣ умеръ, у другаго отнялись руки ³⁾. Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, поклоненіе горамъ и камнямъ было и у племенъ

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1841, 87—88; Сахаров., II, 27, 65.—

²⁾ D. Myth., 139, 153—5, 312. 610—1; большихъ заставляли проходить сквозь отверстіе въ землѣ или камнѣ—*ibid.*, 1118.— ³⁾ Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 14.

славянскихъ. По свидѣтельству Гельмольда, балтійскіе славяне клялись священными камнями; у мыса Горенскаго, близъ Руяны, есть огромный утесъ, изстари называемый божьимъ камнемъ — *Buskahn* (Бужь-камень), а подлѣ Деммина есть другой священный камень; Дитмаръ упоминаетъ о высокой горѣ въ жупѣ силенской, которую чтили жители во время господства язычества ¹⁾. Близъ Будина двѣ горы Бѣлбогъ и Чернобогъ названіями своими указываютъ на культъ боговъ свѣтлыхъ и темныхъ (I, 93). Козьма Пражскій говоритъ о чехахъ, что они поклонялись камнямъ и приносили жертвы горамъ и холмамъ ²⁾. Краледворская рукопись упоминаетъ о скалѣ, любимой богами, гдѣ совершались жертвенные обряды:

*Tamo w dubravu, tam s cesty skála,
Bohóm zmilená, na iete wchú
Obietni bohóm, bohóm svym spasám* ³⁾.

У словаковъ донынѣ почитаются священными нѣкоторые изъ вершинъ Татранскихъ, гдѣ собираются на молитву тѣни усопшихъ предковъ; у хорутанъ имя священной горы носить Триглавъ, у нихъ же уцѣлѣлъ обычай оставлять на камняхъ плоды и ленты — вѣроятно, остатокъ древнихъ жертвоприношеній. Хорваты и сербы считаютъ Велебитскій хребетъ обитаемымъ вилъ ⁴⁾; въ Сербіи есть гора Перуна-Дубрава (I, 432). Горы у славянъ были обычными мѣстами жертвоприношеній и сопровождавшихъ ихъ игрищъ. Кумиры Перуна и другихъ боговъ стояли въ Кіевѣ на холму: «и постави (Владимиръ св.) перковь Василія на холмѣ, идѣже былъ Перунъ... идѣже творяху потребы князь и людье» ⁵⁾; тамъ закалались жертвы: «и оскверниша кровью земля руска и холмъ отъ» ⁶⁾.

¹⁾ Срезнев., 27, 28; Макуш., 85. — ²⁾ Громанц., 86; Рус. Бес. 1857, IV, ст. Эрбана, 74—75. — ³⁾ Ж. М. Н. П. 1840, XII, 126 Переводъ: Туда въ дубраву! тамъ съ дороги скала, любимая богами: на ея вершинѣ сверши обътъ (=жертву) богамъ, богамъ-своимъ спасаемъ. — ⁴⁾ Срезнев., 28. — ⁵⁾ П.: С. Р. Л., I, 51. — ⁶⁾ Ibid., 34.

Въ толстовскомъ спискѣ Новгородской лѣтописи читаемъ: «куда-же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда-же нынѣ церкви стоятъ златоверхія каменозданныя и монастыреве»¹⁾. Искѣленный Христомъ человекъ въ словѣ Кирилла Туровскаго говоритъ жидамъ: «чили на высокыя холмы хотите мя повести, идѣже вы своя дѣти бѣсомъ закаласте?»²⁾ Въ старинномъ русскомъ поученіи проповѣдникъ увѣщевалъ свою паству: «не парицайте собѣ бога... ни въ каменіи»³⁾. На Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Коневцѣ подѣ Святою горою лежатъ большой Конь-камень (12 сажень въ окружности и 7 аршинъ въ вышину), которому еще въ XV вѣкѣ приносили въ жертву коня. Въ даръ духамъ, которые обитали около этого камня и охраняли скотъ перевозимый съ берега на островъ и оставляемый на тамошнихъ пастбищахъ въ продолженіи цѣлаго лѣта, безъ всякаго надзора, прибрежные жители ежегодно обрекали по одному коню; конь этотъ погибалъ шумю, и суетѣрные крестьяне были убѣждены, что его пожирала незримые духи. Преподобный Арсеній окропилъ камень св. водою, и нечистые улетѣли съ острова въ видѣ вороновъ⁴⁾. Въ ефремовскомъ уѣздѣ, на берегу Красивой Мечи, вокругъ Коня-камня до позднѣйшаго времени совершалось опашиванье, чтобы пріостановить губительное дѣйствіе скотскаго мора⁵⁾. Въ той и другой мѣстностяхъ Конь-камень служилъ видимымъ представителемъ бога-громовника, которому, какъ пастырю небесныхъ стадъ, крестьяне поручали охраненіе своего скота. Въ житіи препод. Ирнарха (XVII в.) разсказывается, что въ городѣ Переяславлѣ былъ потокъ,

¹⁾ Истор. Рос. Соловьева, III, 139. — ²⁾ Памят. XII в., 61 — ³⁾ Месгг. 1844, I, 243. — ⁴⁾ Истор. словарь о святыхъ въ рус. церкви, 43; Историч. изображеніе о началѣ Коневскія обители, 1822 г., 3—4. — ⁵⁾ Истор. рос. іерархія, IV, 607; Рус. прост. правд., I, 15—16.

среди котораго лежалъ большой камень, и вселенся въ тотъ камень бѣсъ и творилъ мечты; сходились къ нему и мужи, и жены, и дѣти ежегодно на Петровъ день и творили камню поклоненіе. Увѣдавъ про то, препод. Иринархъ разжегся ревностію и велѣлъ дьякону Онуфрію зарыть камень въ яму; Онуфрій исполнилъ приказъ, но бѣсъ озлобился, наславъ на него трясовичную болѣзнь и сотворилъ ему много пакостей ¹⁾. Есть указаніе, что бѣлоруссы до сихъ поръ, слѣдуя старому обычаю, кладутъ на камни деньги, холсты, пояса и другія приношенія, которыя потомъ поступаютъ въ пользу церкви ²⁾. Въ тамбовской губ. есть камень, почитаемый цѣлебнымъ отъ зубной скорби; чтобы унять эту скорбь, поселане грызутъ его большими зубами ³⁾, — точно также, какъ въ другихъ мѣстахъ съ тою-же самою цѣлію грызутъ Перуново дерево — дубъ (см. выше стр. 303). Купальскіе и соботскіе огни разводятся славянами по горамъ ⁴⁾. Почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ существуютъ свои красныя, червонныя, русыя, черныя, гремучія, поклонныя и святыя горы (холмы ⁵⁾. Эти эпитеты знаменательны: красная (червонная, русая) и черная горы напоминаютъ намъ сейчасъ-указанныя названія священныхъ горъ: Бѣлбогъ и Чернобогъ. До сихъ поръ на красныхъ горкахъ встрѣчается у насъ весна и восходящее весеннее солнце, съ хороводными пѣснями и приношеніемъ хлѣбовъ; самый день, въ который празднуется возвратъ весны (богини Лады), съ ея благодатными грозами и ливнями, слыветъ Красною Горкою: это — воскресенье Оуминой недѣли, время брачнаго союза неба съ землею и обычная пора свадебъ въ городахъ и селахъ.

¹⁾ Лѣт. рус. лит., кн. I, 85.— ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 139.— ³⁾ Истор., статистич. и географ. журналъ 1827, 68—71.— ⁴⁾ Вѣст. Евр. 1819, XIII, 42—43; Москв. 1844, IX, стат. о еріульскихъ славянахъ. 214, 222.— ⁵⁾ Р. И. Сб., VII, ст. Ходаловск., 145, 304, 315, 334; Терещ., V, 15.

На красной горѣ,
 На всей высотѣ,
 Крестись и молись,
 Земно кланяйся!

говорить народное причитанье ¹⁾. На такое чествованіе холмовъ и горъ указываютъ придаваемые имъ эпитеты святыхъ и поклонныхъ; наконецъ названіе: гремучія или гремѣчія горы прямо свидѣтельствуешь о ихъ связи съ громовникомъ и небесными скалами-тучами — подобно тому, какъ тотъ же эпитетъ въ примѣненіи къ горнымъ ключамъ свидѣтельствуешь о сближеніи этихъ послѣднихъ съ дождевыми потоками, ниспадающими изъ облачныхъ горъ. Я. Гриммъ приводитъ названія горъ: Hgromlan (отъ слова громъ) — въ Богеміи и Gřimning — славян. gęgmnik (gřgmnik) — въ Штейермаркѣ, недалеко отъ потока, называемаго Donnersbach ¹⁾. Въ воронежской губ. въ ильмовыхъ горахъ, идущихъ по берегу Дона, извѣстны Дивы или Дивогорскъ, а въ пермской губ. Дивьи горы ²⁾: названія, напоминающія дивовъ, духовъ, родственныхъ съ змѣями-горынычами (см. гл. XX).

Яркое сіяніе солнца и пламя грозы старинный метафорическій языкъ уподоблялъ блеску золота, серебра и самоцвѣтныхъ каменьевъ, а туманы, облака и тучи — горамъ, пещерамъ и мрачнымъ подземельямъ. Отсюда возникъ мифъ, что драгоценное золото солнечныхъ лучей и молній, вмѣстѣ съ небеснымъ виномъ или живою водою, т. е. дождемъ, похищаются на зиму злыми демонами, и сокрытыя въ облачныхъ скалахъ или въ подземномъ мірѣ тумановъ и снѣжныхъ тучъ лежатъ недоступными для человѣка кладами. Кладъ (отъ глагола класть, кладу) означаетъ запрятанное, или что тоже погребенное, похороненное сокровище (отъ

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IV, словарь Макарова, 147 — ²⁾ D. Myth., 155. — ³⁾ Географ. Словарь Щекатова, II, 195—200.

крыть, со-крывать=облачать, затемнять тучами); творческія, живительныя силы природы (молнія, дождь и все-согрѣвающій свѣтъ солнца) дѣйствительно умираютъ въ зимнюю половину года и какъ-бы погребаются за непроглядными туманами и облаками: по-гребать (за-гребать) — закапывать, хоронить=хранить, беречь, прятать, кладбище — мѣсто погребенія усопшихъ, кладовая = по-гребъ. Подобно тому, готск. *huzd* (др. верх.-нѣм. *hord*, англос. *heord*, сканд. *hodd*—кладъ) буквально соотвѣтствуетъ латин. *cust*, (*custos*, *custodia* — отъ *curo* = *euso*), такъ что нѣмец. *hūs* (*das hegende, schützende*) и лат. *curgia* (*haus, hof*, домашній кровъ) одного корня; слѣдов. въ словѣ *huzd* лежитъ понятіе охраненія, сбереганія¹⁾. Нѣмец. *berg* (санскр. *bhrgu*)—гора (метафора тучи) происходитъ отъ *bergen* (лит. *биргти*, рус. *беречь, берегти* — прятать, скрывать; а собственное имя Татры (Карпатскія горы)—отъ корня *та* (слав. *таити, таю*—*celaga*) и приставки *тра*²⁾. Забывая первоначальный смыслъ метафорическихъ выраженій, народъ низвелъ мифическое сказаніе о небесныхъ кладахъ до простаго, буквального объясненія; облачныя скалы и вертепы обратились въ его убѣжденіяхъ въ настоящія горы, изъ которыхъ добываются благородные металлы, въ курганы и могильные холмы, гдѣ вмѣстѣ съ умершими зарывалась и часть ихъ сокровищъ, въ пещеры и подземелья, куда древній человекъ пряталъ свои драгоценности, чтобы обезопасить ихъ отъ вражьего похищенія³⁾. У славянъ, равно какъ и у другихъ индоевропейскихъ

¹⁾ D. Muth., 922.—²⁾ Записки Р. Г. О по отдѣл. этногр., I, 566.

—³⁾ Макрикій о славянахъ (VI в.) говоритъ, что они скрываютъ свое имущество подъ землею и живутъ, какъ разбойники; Гельмольдъ свидѣтельствуетъ, что поморяне зарывали въ землю все, что было у нихъ драгоценнаго. Вѣра вълады донинѣ поддерживается не одною силою преданія, но и дѣйствительными находками старинныхъ монетъ и вещей.

изродовъ, ходитъ много любопытныхъ разсказовъ о кладахъ; подробности, которыми они обставлены, исполнены мнѣшескаго значенія и не позволяютъ сомнѣваться, что это собственно — преданія о небесныхъ сокровищахъ, только перенесенныя на землю. Клады таятъ подъ землею (въ горахъ, городищахъ, курганахъ, оврагахъ и пещерахъ) несчетное богатство золота, серебра и самоцвѣтныхъ камней — въ деньгахъ, вѣщахъ и необдѣланныхъ грудахъ: цѣлые котлы бывають наполнены этими драгоценностями. На томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ, ночью въ извѣстное время года горитъ синій огонекъ или свѣча ¹⁾; если ударить по свѣчѣ и произнести заклятіе: «аминь, аминь, разсыпъся!» — то она превращается въ кубышку или котель съ деньгами. Поэтому, примѣтивъ блуждающій огонекъ стараются искать вблизи клада, который (какъ только его найдутъ) выходитъ, по народному повѣрью, съ трескомъ ²⁾. Клады обнаруживаются обыкновенно при началѣ весны и на праздникъ Купалы. По разсказамъ чеховъ, въ страстную пятницу открывается подземный міръ, и спрятанное въ немъ золото горитъ желтымъ, а серебро бѣлымъ пламенемъ: славонцы утверждаютъ, что зарытыя въ землѣ сокровища горятъ краснымъ пламенемъ — на Благовѣщенье ³⁾. По русскому повѣрью, на Свѣтло-Христово Воскресенье, промежь заутренней и обѣдней, и въ ночь на Ивановъ день земля разверзается и клады просушиваются: въ это время можно видѣть, какъ въ глубокихъ провалахъ и погребкахъ ви-

¹⁾ Въ житіи Бориса и Глѣба (XI в.) сказано: «аще бо или серебро или злато скрывается будеть подъ землею, то мнози видять огнь горещи на томъ мѣстѣ» — Срезн. Сказаніе о Бор. и Глѣбѣ, 23. — ²⁾ Абев., 222; Истор., статистич. и географ. журналъ 1827, VII, 68—71; Маякъ, V, сѣкъ, 24; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, сѣкъ, 110; Нар. зрѣванку, I, 433. — ³⁾ Галуши, 108, 116; Плици, 124.

сятъ на мѣдныхъ или желѣзныхъ цѣпяхъ огромныя котлы и бочки, полныя серебра и золота; по краямъ котловъ горятъ свѣчи; но все это тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро пожелаешь подойти ближе или станешь творить молитву¹⁾. Зарытіе кладовъ народъ приписываетъ колдунамъ, людямъ, отрекшимся Бога, душегубцамъ, славнымъ мятежникамъ, разбойникамъ и грабителямъ; между ними называютъ Стеньку Разина, Пугачева, Гаркушу, Кудояра и другихъ гайдамаковъ. Въ алаторскомъ уѣздѣ есть преданіе, что Разинъ на пути къ Промзину городищу зарылъ въ горѣ двѣ бочки серебра; бочки эти выходятъ по ночамъ изъ подземелья и катаются, погромыхивая цѣпами и серебряными деньгами. Клады рѣдко полагаются безъ заклія; чтобы укрыть ихъ отъ поисковъ, тотъ, кто зарываетъ сокровище, причитываетъ въ слухъ зарокъ или приговоръ: черезъ сколько времени, какъ, кому и при какихъ условіяхъ можетъ достаться этотъ кладъ. Зароки бываютъ различныя, но болѣе заклинаютъ на одну или нѣсколько головъ молодецкихъ: только рука, совершившая опредѣленное число убійствъ, можетъ добыть заповѣднѣй кладъ. Безъ соблюденія условій, требуемыхъ зарокомъ, кладъ не дается; чѣмъ усерднѣе будешь рыть землю, тѣмъ глубже станетъ онъ уходить внизъ; иной разъ кажется, что совсѣмъ дорылся до сокровища, заступы уже стукнули о желѣзную плиту или крышку сундука, какъ въ тоже мгновеніе съ страшнымъ гуломъ проваливается кладъ въ преисподнюю, а изъ-подъ земли слышится неистовый, оглушающій хохотъ нечистой силы. Даже если бы кому и посчастливилось набрести на кладъ, все равно — онъ не въ силахъ будетъ имъ воспользо-

¹⁾ Киев. Г. В. 1854, 46; Волян. Г. В. 1847, 14; Lud Ukrain., II, 62; Семеновск., 69; Вѣст. Евр. 1830, XV—VI, 272.

ваться: едва дотронется до него, тотчас почувствует во всемъ тѣлѣ расслабленіе — словно руки и ноги перебиты, или взявши золото, будетъ кружиться съ нимъ около подвала и до тѣхъ поръ не выйдетъ на дорогу, пока не положитъ добычи на прежнее мѣсто, или и вовсе не выльзетъ изъ очарованнаго подземелья; при всякой попыткѣ уйдти оттуда не съ пустыми руками — земля начинаетъ сжиматься и желѣзные двери готовы съ шумомъ захлопнуться; самыя деньги скользятъ изъ рукъ и прыгаютъ промежъ пальцевъ. Клады оберегаются огненными змѣями (драконами), колдунами и нечистою силою, которая пугаетъ кладовскателей страшными видѣніями: то слышатся имъ удары грома, дрожитъ земля, клонятся къ землѣ деревья и катятся съ горъ огромные камни; то несутся на нихъ стаи хищныхъ птицъ, скачутъ бѣшеные кони, бросаются черныя собаки и черныя кошки; то прибѣгаютъ нечистые въ видѣ различныхъ чудовищъ, съ свистомъ, галомъ и дикими криками: рѣжь, бей, губи! Въ толпѣ демоновъ является и самая Смерть — костлявой скелетъ, дыша пламенемъ и щелкая зубами. По польскимъ преданіямъ чортъ охраняетъ сокровища въ образѣ совы, а по чешскимъ въ образѣ черной или огненной собаки; про старыхъ черныхъ котовъ чехи рассказываютъ, что въ нихъ поселяются злые души, и тогда они немедленно исчезаютъ изъ дому и сторожатъ подземные клады. Около мѣста, гдѣ зарыты сокровища, бродитъ на стражѣ и духъ ихъ усопшаго владѣльца. Самые клады могутъ принимать разные образы: въ то время, когда исполнится срокъ ихъ подземнаго пребыванія или «заклятія», они бродятъ по землѣ и показываются счастливымъ то блуждающимъ огонькомъ, то золотою вѣткою, то пѣтухомъ, золотою насѣдкою съ цыплятами, барашкомъ, козою, теленкомъ, быкомъ или коровою, конемъ,

волкомъ, свиньей, собакою или кошкою, иногда даже въ человѣческомъ образѣ. Это наиболѣе удобная пора, чтобы овладѣть кладомъ: стѣмъ только ударить по нему наотмашь чѣмъ понада — и кладъ разсыпится звонкою монетою или оборотится кубышкою съ деньгами. Животныя, въ образѣ которыхъ являются клады, имѣютъ серебряную и золотую шерсть, а иногда просто—бѣлую, красную, рыжую или желтую ¹⁾. Бѣлый цвѣтъ указываетъ на серебро, а красный, рыжій и желтый — на золото. Въ калужской губ. рассказываютъ объ одномъ крестьянинѣ, который, возвращаясь домой, увидѣлъ бѣлаго коня; лошадь то и дѣло забѣгала впередъ и преграждала ему дорогу. Крестьянинъ ударилъ ее кнутомъ — и она разлетѣлась въ груды серебряныхъ денегъ ²⁾. Въ другомъ рассказѣ встрѣчается слѣдующая любопытная подробность: «когда мы рыли, говорилъ кладкопатель,—вдругъ словно изъ земли выросла собачка вся желтая, съ однимъ глазочкомъ во лбу; по цвѣту собачки намъ ясно стало, что въ курганѣ есть золото» ³⁾. Замѣтимъ, что болотные, блуждающіе огни, почитаемые предвѣстниками кладовъ, признаются въ Бѣлой Руси за одноглазыхъ малютокъ. Еще рассказъ: пришелъ мужикъ ночевать въ пустую избушку, и только началъ засыпать — вы-

¹⁾ Ворон. Г. В. 1850, 28, 29; Иллюстр. 1846, 409; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 715—733; Вѣст. Р. Г. О. 1851, I, 21—22 («Гора Шатрица»); 1857, IV, 272; Москв. 1849, IX, 13; Записки Авдѣев., 151—2; Полтав. Г. В. 1845, 24; Тульск. Г. В. 1852, 27; Калуж. Г. В. 1852, 44; Lud. Ukraïn, II, 60—72; Громанинъ, 53, 56, 213; D. Muth, 923; Совр. 1852, I, ст. Жоржъ-Занда о франц. повѣрхяхъ, 76—77. — ²⁾ Сравни вариантъ въ Совр. 1856, XII, 189—193, и сказку о конѣ, разсыпавшемся въ серебро и золото (И. Р. Св., II, 19): достался конь дурню, рассыпался по его приказу серебромъ, а гости давай подбирать деньги да по карманамъ прятать; видитъ дурень—дѣло неладно, велѣлъ быть по старому—и явился конь, только безъ хвоста. — ³⁾ Ворон. Г. В. 1850, 28.

скочила рыжая кошка и стала бѣгать по избѣ; сама вся свѣтится, словно золото, а гдѣ хвостомъ ударить — тамъ деньгами звякаетъ. Мужикъ изловилъ ее, проговорилъ трижды: «аминь, аминь, рассыпья!» — и кошка рассыпалась на червонцы ¹⁾.

По нѣмецкому повѣрью, сокровище, зарытое въ землѣ, медленно приближается къ ея поверхности ежегодно подымаясь вверхъ на пѣтушиный шагъ; почти тоже разсказывается у славянъ и нѣмцевъ о громовыхъ стрѣлкахъ: погруженная въ глубь земли, онѣ въ теченіи семи лѣтъ возвращаются назадъ и выходятъ на свѣтъ божій ²⁾. Смыслъ преданія — тотъ, что молніи Перуна скрываются на семь зимнихъ мѣсяцевъ въ темныхъ облачныхъ пещерахъ и не блестятъ передъ взорами смертныхъ до той поры, пока не вызовутъ ихъ теплая весна (сличи съ мифомъ о покражѣ Торова молота — см. гл. XXI). Въ старинныхъ памятникахъ годъ означаетъ время вообще (година — часъ ³⁾; внослѣдствіи слово это получило болѣе ограниченное значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе о семи зимнихъ періодахъ времени (т. е. мѣсяцахъ) стало пониматься, какъ указаніе на семь полныхъ лѣтъ. Означенное множественное представленіе соединялось и съ золотымъ сокровищемъ солнечныхъ лучей. Пока продолжается зима, благодатныя силы природы пребываютъ за клятыми и заколдованными) во власти злыхъ демоновъ ⁴⁾ и никому недоступны; но съ приближеніемъ весны близится и пора ихъ освобожденія. Уже на Коляду, при поворотѣ солнца на лѣто, когда свѣтило это вновь возрождается къ жизни, старинная

¹⁾ Чудинокъ, стр. 120. — ²⁾ D. Myth., 922; см. 1-й т. настоящаго сочиненія, 247—8 — ³⁾ Словарь церковно-слав., изд. Востокова, 171. ⁴⁾ Адскій богъ Pluto (Плутоновъ) былъ признаваемъ и владыкою мертвыхъ, и подателемъ богатствъ (Plutus) — der Ursprung der Myth., 67.

обрядовая игра заставляет искать спрятанное золотое кольцо — символъ свѣтлаго солнца, сокрытаго зимними облаками и туманами; пѣсня, сопровождающая игру, гласитъ: «ное золото пропало, оно порохомиъ запало, призанидивѣло» и называется его змѣнная крылица, т. е. змѣннымъ кладомъ, сокровищемъ, похищеннымъ змѣемъ-тучею; крылица — крыльце отъ глагола крывать (какъ било, бильце отъ бить, мыло, мыльце отъ мыть и др.) буквально тождественно съ словомъ сокровище (см. гл. XXVIII). Весною на Свѣтлое Воскресеніе раскрываются мрачныя пещеры подземелій и золотыя клады ярко горятъ и свѣтятся въ большихъ котлахъ и бочкахъ, т. е. свѣтозарныя лучи солнца и блестящія молніи, затаенныя во время зимы въ облачныхъ горахъ и окованныя морозами (почему котлы и бочки съ золотомъ изображаются прикованными къ желѣзнымъ цѣпямъ), съ приходомъ весны воскресаютъ къ жизни вмѣстѣ со всею природою; самое слово воскресеніе (отъ кресъ — огонь) означаетъ возженіе огня — свѣта. Въ христіанскую эпоху преданіе о воскресеніи бога-Солнца слилось съ новымъ вѣрованіемъ о возстаніи изъ мертвыхъ праведнаго солнца — Христа. Отсюда создалась прекрасная легенда: одинъ честной бѣднякъ, воротясь на Свѣтлое Воскресенье отъ заутрени, хотѣлъ было затеплить свѣчку передъ образами; хватился, а въ печи богатыя (горячихъ угольевъ) нѣтъ, и пошелъ просить по сосѣдямъ. Но, слѣдуя старинному обычаю, запрещающему давать въ этотъ день огонь ¹⁾, всѣ сосѣди наотрѣзъ ему отказали. Приздумался бѣднякъ, какъ ему быть? Глядь — въ полѣ огонѣкъ свѣтится: «должно быть чумаки остановились; пойду, у нихъ попрошу». Пришелъ въ поле — сидятъ вокругъ огня чумаки

¹⁾ По мнѣнію простолюдиновъ, это все равно, что отдать свое счастье и довольство.

и крадичныхъ свиткахъ. «Христосъ воскрес!» — Воспину воскрес! «Дайте богатя, добрые люди!» — Подставилъ свитку; мы тебѣ въ полу насыпимъ. Бѣднякъ подставилъ свитку, чумакъ загребли жару и насыпали ему въ полу; когда онъ воротился домой и высыпалъ жаръ въ печку — горячье уголья превратились въ золото. Узнали про то сосѣди, бросились толпою къ чумакамъ и стали просить огня, да только попалили свои новыя свитки, а золота не добыли ¹⁾. Древнѣйшая обстановка преданія сохранена словацкою сказкою о странствованіи бѣдняка на стеклянную гору (=небо), гдѣ у разведеннаго пламени (=солнца) сидѣли двѣнадцать Мисацевъ; они позволили путнику согрѣться у своего огня и дали ему на прощанье нѣшнокъ горячихъ угольевъ, которые вотъ превратились въ чистое золото ²⁾. Бѣднякъ, добывавшій золото солнечныхъ лучей, есть богъ земныхъ урожаевъ, изводящій въ нищету во время безплодной и скупой зимы и богатящій въ щедрое на дары лѣто. Тѣже вѣрованія соединяютъ съ кладами и племена германскія; по ихъ рассказамъ, клады выступаютъ изъ земли въ мартѣ-мѣсяцѣ, и тогда можно увидѣть большіе пивные котлы (braukessel), насыпанные краснымъ золотомъ. Пиво — извѣстная метафора ладя, а котель и бочка — тучи. Клады эти горятъ (schätzen brennen) синимъ пламенемъ или горячими угольями, цвѣтутъ, зрѣютъ и просушиваются на солнцѣ — der schatz blühet (сравни: das glück blüht), zeitigt, sonne sich; когда кладъ скрывается, погружается въ землю — говорятъ: er verblüht (онъ отцвѣлъ). Означенныя выраженія возникли изъ сродства понятій: свѣтить, горѣть, сушить, цвѣсти, зрѣть (созрѣвать). Древнѣйшій языкъ сроднилъ эти понятія, такъ какъ лучи солнечныя и свѣтять, и сушать, и даютъ плодамъ

¹⁾ О. З. 1857, X, 430. — ²⁾ Slov. pohad., 19—28.

зрѣлость; яркія краски цвѣтовъ и золотистый отливъ зрѣющихъ жатвъ фантазія облекала съ золотыми лучами солнца и блестящими молніями (см. т. I, стр. 196 — о значеніи слова сушить, и стр. 138, 151 — о представленіи зрѣлыхъ колосьевъ золотыми волосами богини Земли): глаголь зрѣть (обл. зорить) одного происхожденія съ словами зоря, зорница и зракъ (солнечный лучъ); цвѣтъ (квѣтъ) есть только фонетически-измѣненное слово свѣтъ, и въ областныхъ говорахъ вмѣсто «цвѣсти» говорятъ: свѣсти, а вмѣсто «цвѣтокъ» — свѣ(я)токъ; послѣднее рѣченіе употребляется и въ смыслѣ утренняго разсвѣта ¹⁾. Слѣдуя внутреннюю языка, народъ создалъ мифы о Зорѣ, разсыпавшей по небесному своду розы, о золотыхъ плодахъ, зрѣющихъ въ облачныхъ садахъ, и уподобляъ молнію золотому или огненному цвѣтку. Нѣмцы выражаются о грозѣ: «blüht das gewitter auf». Отсюда понятна та близость, въ какую поставлены преданія о кладахъ въ отношеніи къ богу-громовержку, какъ возжигателю молній, ружьятелю облачныхъ скалъ въ освободителю солнца изъ темнаго царства демоновъ. По русскому повѣрью, кладъ выходитъ изъ земли съ трескомъ, т. е. при ударахъ грома; сравни нѣмецкое выраженіе: «der schatz wetttert sich» ²⁾. Рассказываютъ, что въ то время, когда начинаютъ рыть кладъ, вдругъ подымается буря, на ясное небо набѣгаютъ мрачныя тучи — раздаются громъ, блестятъ молніи, льетъ сильный дождь и слышится трескъ падающихъ деревьевъ ³⁾. Бѣлоруссы почитаютъ владѣтелей

¹⁾ Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 544: „санскр. çvit вмѣсто kvit—albere, album esse; латышск. kvitēt — flimmern, blitzen; лит. швасти, наст. шванту—разсвѣтать (объ утра), швѣсти, наст. швѣчю—свѣтить“. Обл. Сл., 200; болганы золотуха въ новгородской губ. называется цвѣтуха—Доп. къ обл. сл., 296.—

²⁾ D. Myth., 923; Der Ursprung der Myth., 22.— ³⁾ Lud Ukrain., II, 64.

шмовъ мнѣшеское существо, извѣстное подъ именемъ Дѣ-
ла: Дѣдла, говорятъ они, ходитъ по дорогамъ съ сумою,
въ видѣ нищаго съ красными, огненными глазами и
съ такою-же бородою, и встрѣтивъ несчастнаго бѣдняка,
подъбываетъ его деньгами. На томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ,
онъ показывается не весь — только голова его видна, а лю-
ди кажутся, что то горитъ огонѣкъ. Кто усмотритъ этотъ
огонь, долженъ бросить на него что-нибудь изъ своей одежды;
лучше всего бросать шапку (или клочъ волосъ съ головы), по-
тому что тогда кладъ останется на поверхности земли; иначе
онъ уходитъ въ землю — болѣе или менѣе глубже, смотря
по тому, какая часть платья кинута: та ли, которая носится
ближе къ ногамъ или къ головамъ. «Дѣдла гаріць» озна-
чаетъ: кладъ свѣтится, блеститъ ¹⁾. Въ херсонской губ. раз-
сказываютъ, что кладъ нерѣдко является въ видѣ старика
въ изорванной и грязной нищенской одеждѣ. Въ ве-
ликорусскихъ разсказахъ встрѣчаемъ того-же таинственнаго
дѣла. Случилось разъ — увидѣлъ мужикъ, что въ полѣ ого-
нѣкъ свѣтится, подошелъ поближе, и чтожъ? у огня сидитъ
сѣдой старичокъ, подлѣ него собака и костыль,
втыкнутый въ землю, а напротивъ стоятъ три котла, да такіе
отрошныя, что и двадцать человѣкъ не сдвинуть съ мѣста:
въ одномъ золото, въ другомъ серебро, въ третьемъ мѣдь; по
краямъ котловъ горятъ свѣчи. Посмотрѣлъ мужикъ и отпра-
вился домой; ночью явился ему во снѣ сѣдой старичокъ и на-
казалъ приходить и выкопать кладъ. Мужикъ послушался и
совсѣмъ было выкопалъ, какъ вдругъ — откуда не возьмись —
бѣжитъ на него солдатъ съ ружьемъ: это было дьявольское
завождение, но мужикъ испугался и убѣжалъ безъ оглядки ²⁾.

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 10—12; Приб. къ Изв. Ак. Н.
1853, 179. — ²⁾ Москв. 1844, XII, 28—23, ст. Якушкина. Раз-

На Украйнѣ рассказываютъ о старомъ, бѣловласомъ и сопливомъ дѣдѣ, который бродитъ по свѣту, и если утѣреть ему носъ, то онъ тотчасъ-же рассыпается серебромъ ¹⁾: преданіе это бѣлоруссы относятъ къ Бѣлуну (см. т. I, 94), въ образѣ котораго олицетворялось ясное небо и который поэтому соединяетъ въ себѣ черты бога-солнца и бога-громовника; какъ нервый прогоняетъ ночь, такъ послѣдній — темныя тучи. Имя дѣда равно придается и Дажьбогу, и Перуну (см. гл. XIX). Въ зимній періодъ это свѣтлое божество утрачиваетъ свой блескъ, дряхлѣетъ, радится въ грязныя рищенскія одежды и является неопратнымъ Неумойкою; сопля — метафора сгущенныхъ тумановъ, и подобно утереть ихъ, чтобы золотые лучи солнца могли просіяать изъ-за облачныхъ покрововъ (сума — облако — т. I, 311—4; см. гл. XXVI). Согласно съ метафорическимъ названіемъ огня и дневнаго разсвѣта — пѣтухомъ, клады являются въ видѣ этой птицы или золотой курицы; другія животненныя превращенія кладовъ объясняются тѣмъ, что небесныя сокровища, облекаясь въ тучи, необходимо принимаютъ на себя и ихъ мифическіе образы. Этими-же сказочными животными приписывается и охраненіе кладовъ, ибо въ ихъ облачныхъ шкурахъ затаено, спрятано отъ взоровъ смертныхъ золото солнечнаго свѣта и грозоваго пламени. Ударъ, наносимый такому оборотню, заставляетъ его рассыпаться деньгами, т. е. громовый ударъ, разрывая темныя покровы тучъ, выводитъ изъ-за нихъ сверкающія молніи и яркіе лучи солнца; подобно тому, о чудесной драконовой плети (= молніи) рассказываютъ, что всякой ударъ ея заставляетъ прыгать зо-

сказъ, записанный въ воронежской губ., упоминаетъ о двухъ бородачахъ бѣломъ и черномъ, которые предстаи кладокопателями и потомъ вмгѣ исчезли—Ворон. Г. В. 1850, 28.— ¹⁾ Lud Ukrain., II, 68.

люто (I, 283). Поэтому лужичане и чехи совѣтуютъ бросать ножъ или огниво (метафоры молніи) на то мѣсто, гдѣ горитъ кладъ, и думаютъ, что въ такомъ случаѣ подземныя богатства не уйдутъ отъ рукъ человѣка ¹⁾). Между нѣмцами существуетъ повѣрье, что удары грѣха приносятъ съ неба золото, и въ Тироля тотъ, кому удастся, вслѣдъ за пронесшеюся грозой, найти монету, носить ее на шеѣ, чтобы быть счастливымъ ²⁾). Итакъ обрѣтеніе клада возможно только при условіи, чтобы молнія поразила оборотня-тучу. По мнѣнію нѣмцевъ, кладоконатель, для успѣха въ своемъ предпріятіи, долженъ на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыто сокровище, убить чернаго козла или черную курицу; позднѣ этотъ символическій обрядъ получилъ значеніе жертвеннаго приношенія подземнымъ духамъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что для обрѣтенія клада необходимо обнести вокругъ церкви черную кошку ³⁾). Похищеніе ярнхъ лучей солнца и громовой палицы совершается демонами змы, тумановъ и тучъ; отсюда — вѣрованіе, чтоклады захватываются чертями, змѣями, великанами и карликами, этии обитателями облачныхъ горъ и подземелій и хитрыми кузнецами, искусными въ обработкѣ всякихъ металловъ. Такой веровской, хищнической характеръ, присвоенный демоническимъ духамъ, далъ поводъ назвать ихъ разбойниками, грабителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по низведеніи старинныхъ мифовъ на землю, побудилъ народную фантазію связать преданія о кладахъ съ рассказами про славныхъ разбойниковъ; на этихъ послѣднихъ, въ замѣнъ древнихъ великановъ и демоновъ, были перенесены басни о зарытіи и обереганіи кладовъ.

¹⁾ Neues Lausitz, Magazin 1843, III—IV, 352; Громаничъ, 215.—

²⁾ Die Götterwelt, 204; см. т. I, 355 — о золотыхъ монетахъ, приносимыхъ радугою.— ³⁾ D. Myth., 929; Beiträge zur D. Myth., II, 420.

Наконецъ, по связи зимы съ идеею смерти, облачныхъ подземелій съ загробнымъ міромъ (см. стр. 362), а стихійныхъ духовъ съ тѣнами усопшихъ (см. гл. XXIV),клады охраняются и жертведами (привидѣніями), и самою Смертью. Землетрясеніе, звуки цѣпей, свистъ, гамъ, неистовый хохотъ, которыми сопровождается добываніе клада, суть метафоры, означающія раскаты грома и вой грозовой бури; быстрое погруженіе клада въ глубь преисподней — поэтическая картина наплыва новыхъ облаковъ, которыя заволакиваютъ только что проглянувшее солнце, или живописное изображеніе молній, исчезающихъ во мракѣ тучъ. До весенней поры кладъ лежитъ сокрытый въ темныхъ пещерахъ, зачарованный или заклятый нечистою силою, и добывается оттуда не прежде, какъ послѣ убійственныхъ ударовъ, нанесенныхъ Перуномъ демонамъ-похитителямъ; говоря немецкимъ языкомъ, кладъ заклинается на извѣстное число головъ, и пока не будетъ совершено это жестокое душегубство, пока не будетъ пролита кровь (=дождь), до тѣхъ поръ сокровище не доступно обладанію смертныхъ. Благороднымъ металламъ принадлежитъ одна изъ самыхъ видныхъ ролей въ системѣ языческихъ вѣрованій. Языкъ и мнѣя приписали имъ способность свѣтить и горѣть, поставили ихъ въ ближайшее соотношеніе съ божествами свѣта и надѣлили цѣлебною силою (см. I, 205, 433). Доставляя человѣку много жизненныхъ удобствъ, металлы эти представлялись ему божественнымъ даромъ. Но вѣчно-враждебная нечистая сила и злые колдуны стали похищать ихъ—также, какъ похищаютъ они свѣтъ и плодородіе, и скрывать отъ людскаго пользованія. вмѣстѣ съ этимъ родилось убѣжденіе въ несчетныя богатства, обладаемыя чортомъ. Въ народѣ ходитъ множество разсказовъ о томъ, какъ отчаянные грѣшники продаютъ свои души дьяволу за серебро, золото и драгоценныя камни, и тотъ надѣляетъ ихъ несметными со-

кравцами ¹⁾). На Украйнѣ говорятъ: «срѣбло—чортово ребро», «чортъ богато грошей має, а въ болоти сидить», «богачъ гроши збирає, а чортъ калитку (помележъ) шіє» ²⁾). Богатства ни состоятъ подъ проклятіемъ, и приобрѣтеніе ихъ причиняетъ челевѣку бѣдствія и гибель. По нашимъ повѣрьямъ, рѣдко кому удается отыскать и добыть кладъ, да и то — не на радость; бѣльшею частью люди эти чахнутъ и умираютъ безвременно, со всѣми своими родичами и дѣточадцами, или на цѣлую жизнь теряютъ память и остаются нѣмы и слѣпы — какъ-бы оглушенные громомъ и ослѣпленные молніей. Приведемъ, что знаменитый кладъ каранка Андвари пришло въ гибели всѣхъ тѣхъ, которымъ доставался въ облавленіе ³⁾).

Указанное выше (стр. 370) еродство понятій: свѣтитъ и цвѣтя заставило нашихъ отдаленныхъ предковъ усматривать въ молніяхъ красные цвѣты, выростающіе на деревьяхъ—тучѣ. До сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ земляхъ вѣрятъ, что безъ огненного цвѣта напоротника ни за что нельзя добыть кладъ. Этотъ фантастическій цвѣтокъ — метафора молніи, что очевидно изъ придаваемыхъ ему названій и соединенныхъ съ нимъ повѣрій ⁴⁾). У хорватовъ онъ при-

¹⁾ Милетъ, XVI, 18—29; XV, 20; Пов. и пред., 66—70 — ²⁾ Номис., 9, 31, 57: «сидать, якъ чортъ на грошахъ въ болоти». — ³⁾ Не смотря на то, желаніе вдругъ разбогатѣть и вѣра въ существованіе кладовъ такъ сильны въ простонародьяхъ, что и донынѣ есть много кладаискателей; въ народѣ обращаются разныя тетрадки съ описаніемъ мѣстъ, гдѣ кроются клады, и по какимъ примѣтамъ можно до нихъ добраться—Записки Общ. слав. археолог., I, 33; Lud Ukrain., II, 72—78; въ некоторыхъ губ. подобныя записки называютъ завѣщаніемъ Свѣтлыи Разни—Духъ Христіанина 1861—2, XII, 280.— ⁴⁾ Народная загадка на вопросъ: «что цвѣтетъ безъ цвѣту?» (т. е. что, не будучи цвѣткомъ, подобно ему разцвѣтаетъ?) — отвѣчаетъ: напорѣтъ (Ч. О. И. и Д. 1864, I, галиц. племи, 83).

но называется Перуновымъ цвѣтомъ ¹⁾, у хорутанъ — *sunbes* ²⁾ — солнечникъ, ибо, по ихъ рассказамъ, онъ разцвѣтаетъ тогда, когда весеннее солнце побѣдитъ чернаго велка (демона зны), и хотя нечистые духи смяты не допустить его до разцвѣта, но усилія ихъ постоянно бываютъ безуспѣшны. На Руси ему дается названіе свѣти-цвѣтъ ³⁾; народная же сказка ⁴⁾ упоминаетъ о жарь-цвѣтѣ, который когда цвѣтеть — то ночь бываетъ ясна дню и морю (=дождевая туча) колыхается. О папоротникѣ рассказываютъ, что цвѣтовая почка его разрывается съ трескомъ и распускается золотымъ цвѣткомъ или краснымъ, кровавымъ пламенемъ, и притомъ столь яркимъ, что глаза не въ состояніи выносить чуднаго блеска ⁵⁾; показывается этотъ цвѣтокъ въ тоже самое время, въ которое и клады, выходя изъ земли, горятъ синими огоньками. Такъ въ ночь на Свѣтло-Христово Воскресенье, когда запюютъ въ церквахъ: «Христосъ воскрес!» — развертывается дивный цвѣтокъ во всей своей красѣ, и въ тотъ-же мигъ увядаетъ: листочки его осыпаются и бываютъ раскватаны нечистыми духами, т. е. въ весеннюю пору воскресаетъ и цвѣтеть молнія во мракѣ ночеподобныхъ тучъ, но едва заблеститъ — какъ тотчасъ-же рассыпается и исчезаетъ въ темныхъ облакахъ, какъ-бы похищаемая злыми демонами (херсонск. губ.). Другая ночь, въ которую цвѣтеть папоротникъ, бываетъ среди лѣта — на Ивану Купалу, когда Перунъ, по древнему представленію, выступалъ на битву съ демономъ-взсушителемъ, останавливавшимъ колесницу Солнца на небесной высотѣ, разбивалъ его

¹⁾ Переново цветје—ст. Срезневскаго въ Москв. 1851, V, 64.—
²⁾ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 45.— ³⁾ Доп. обл. сл., 239.— ⁴⁾ Н. Р. Сл., V, 13, а.— ⁵⁾ Терещ., V, 89; Молодикъ 1844, 92; Полтав. Г. В. 1845, 24; Каравел., 234; Slov. rohad., 212—4; Греманиъ, 97.

облачныя скалы, отверзалъ скрытыя въ нихъ сокровища и утѣрялъ тошнотливый зной дождевыми ливнями (I, 208). «Въ Ивановскую ночь, по свидѣтельству памятника прошлаго столѣтія, поклажевъ стрегутъ»¹⁾.) Сверхъ того, напоротниковъ цвѣтъ распускается и въ бурно-грозовыя лѣтнія и осеннія ночи, извѣстныя подѣ именемъ воробьиныхъ или рябиновыхъ. Въ мосальскомъ уѣздѣ существуетъ повѣрье, что въ каждомъ году непременно бывають три «рябиновы» ночи: одна въ концѣ весны, другая въ срединѣ лѣта, а третья въ началѣ осени, или первая — когда цвѣтетъ рябина, вторая — когда начинаютъ зрѣть на рябинѣ ягоды, и третья — когда ягоды эти совершенно поспѣють. Усматривая въ тучахъ небесныя сады и рощи, фантазія сближала это мифическое представленіе съ различными земными деревьями, и между прочимъ съ рябиною, красныя ягоды которой напоминали молніеносный цвѣтъ Перуна; потому бурно-грозовая ночь (= первоначально: мракъ отъ застигающихъ небо сплошныхъ облаковъ) получила названіе рябиновой, а вѣтка рябины, какъ увидимъ ниже, принималась за символъ Перуновой палицы. Другое названіе: «воробьиная ночь»²⁾ стоитъ въ связи съ старинными сказаніями о птицахъ, какъ мифическихъ спутникахъ грозы и вихрей. Воробей (др.-слав. вѣрабѣй, пол. w góbel, нл. w gabaz, чеш. w gabec) = санскр. waga отъ w — ортаге, съ суффиксомъ bha, т. е. птица, съ избыткомъ надѣленная силой любовнаго жара³⁾; у грековъ она, наравнѣ съ голубемъ, была посвящена Афродитѣ⁴⁾. По южно-русскому повѣрью, въ темныя воробьиныя (или осеннія) ночи чортъ мѣряетъ воробьевъ: часть ихъ отпускаетъ на

¹⁾ Оп Румян. Муз., 551. — ²⁾ Малорос. горобинная ночь; горобецъ—воробей; е измѣнилось въ г, какъ въ словахъ корогодъ, ягоръ ви. хореводъ, яворъ и др. — ³⁾ Пикте, I, 484. — ⁴⁾ Griech. Myth. Преллера, I, 290—1.

волю, а другую предаётъ смерти ¹⁾, что указываетъ на враждебное отношеніе его къ этимъ птицамъ. Но, вѣроятно, еще въ эпоху язычества съ воробьемъ стали соединять тоже демоническое значеніе, какое приговивалось ворону, совѣ и другимъ хищнымъ птицамъ, въ которыхъ обыкновенно олицетворялись грозовыя бури (I, 529). Если влетитъ въ нѣбу воробей — это служить предвѣстіемъ смерти или несчастія, и крестьянинъ считаетъ обязанностью открутить ему голову. Когда жиды преслѣдовали Спасителя, чтобы предать его на распятіе, то (по народному сказанію) всѣ птицы, особенно же ласточка, старались отвести ихъ отъ того мѣста, гдѣ укрывался Христосъ; но воробей указалъ на это мѣсто своимъ пискливымъ чирканьемъ (харьков. губ.). И когда предали Христа на страданія — воробьи непрерывно кричали: «живъ-живъ! живъ-живъ!» вызывая жидовъ на новыя мучительства; напротивъ ласточки чиркали и голуби ворковали: «умеръ, умеръ!» Ласточки даже старались похищать приготовленные мучителями гвозди, а воробьи отыскивали ихъ и приносили назадъ. Потому Господь проклялъ воробья, мясо его запретилъ употреблять въ пищу, а ноги его связалъ невидимыми путами, отчего онъ можетъ только прыгать, а не ходить. Изъ всѣхъ птицъ одинъ воробей не чтитъ праздника Благовѣщенья и влетъ въ этотъ день свое гнѣздо ²⁾. Изъ-за такой легендарной обстановки въ приведенныхъ повѣрьяхъ сквозитъ древне-языческая основа; какъ ласточка, вѣстница весны, почиталась сопутницею воскресающаго божества свѣта и плодородія, такъ воробей—птица, которая постоянно и лѣто,

¹⁾ Киев. Г. В. 1851, 22; Послов. Даля, 995.— ²⁾ Иллюстр. 1846, 262, 333; Маркенич. 77; Духъ Христіанина 1861-2, XII, 274; Черты литов. нар., 95: въ день Рождества Христова литвини совѣтуютъ топить печи до зари, чтобы воробьи не увидѣли выходящаго изъ трубы дыма; гдѣ не исполняютъ этого, тамъ воробьи оную стопаютъ нивы.

и зиму остается въ холодныхъ странахъ и опустошаетъ сады, огороды и нивы—получила противоположный характеръ; она не радуется возврату весны, и потому признана проклятою.— Въ темную, непроглядную ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, подъ грозой и бурей, разцвѣтаетъ огненный цвѣтокъ Перуна, разливая кругомъ такой-же яркой свѣтъ, какъ самое солнце; но цвѣтокъ этотъ красуется одно краткое мгновение: не успеешь глазомъ мигнуть, какъ онъ блеснетъ и исчезнетъ! Нечистые духи срываютъ его и уносятъ въ свои вертены. Кто желаетъ добыть цвѣтъ папоротника, тотъ долженъ накануне Свѣтлага праздника отправиться въ лѣсъ, взявши съ собою скатерть, на которой хотя разъ святили пасху, и ножъ, которымъ ее разрѣзывали; потомъ найдти кусть папоротника, очертить около него ножемъ кругъ, разостлать скатерть, и сидя въ замкнутой круговой чертѣ, не сводить глазъ съ растенія; какъ только загорится цвѣтокъ, тотчасъ же должно сорвать его и спѣшить домой, накрывши себя скатертью, а дома тѣмъ-же самымъ ножемъ разрѣзать палецъ или ладонь руки и въ сдѣланную рану вложить цвѣтокъ. Тогда все тайное и скрытое будетъ вѣдомо и доступно человеку (Херсон. губ.). вмѣсто ножа, кругъ можетъ быть обвѣдъ страстною четверговою свѣчею, если она была привесена изъ церкви зажженною, а вмѣсто скатерти—разостлано полотенце, которымъ священникъ обтиралъ церковный престолъ; огненный цвѣтокъ самъ свалится на это полотенце ¹⁾. Наканунѣ Иванова дня также можно добывать цвѣтъ папоротника; кругъ совѣтуютъ обводить рябиновой палкою или остаткомъ перво-лучины, горѣвшей наканунѣ новаго года ²⁾; сидя въ кругу, слѣдуетъ зажечь свѣ-

¹⁾ Писецкъ, I, 106—7; Громанъ, 97.— ²⁾ Сравни съ тѣми чудесными свойствами, какія приписываются бадьяну.

чу, которая горѣла въ Христовскую заутреню ¹⁾, и читать молитву: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази». Нечистая сила всячески мѣшаетъ человѣку достать чудесный цвѣтокъ; около папоротника въ ночь, когда онъ долженъ цвѣсти, лежатъ змѣи и разныя чудовища и жадно сторожатъ минуту его разцвѣта. На смѣльчака, который рѣшается овладѣть этимъ цвѣткомъ, нечистая сила наводитъ непробудный сонъ, или силится оковать его страхомъ; едва сорветъ онъ цвѣтокъ, какъ вдругъ земля заколеблется подъ его ногами, раздадутся удары грома, заблестаетъ молнія, завоютъ вѣтры, послышатся неистовые крики, стрѣльба, дьявольской хохотъ и звуки хлыстовъ, которыми нечистые хлопаютъ по землѣ; человѣка обдастъ адскимъ пламенемъ и удушливымъ сѣрнымъ запахомъ; передъ нимъ явятся звѣроподобныя чудища съ высунутыми огненными языками, острые концы которыхъ пронизываютъ до самаго сердца. Пока не добудешь цвѣта папоротника — Боже избави выступать изъ круговой черты, или оглядываться по сторонамъ: какъ повернешь голову, такъ она и останется на вѣки! а выступишь изъ круга, черти разорвутъ на части. Сорвавши цвѣтокъ, надо сжать его въ рукѣ крѣпко-накрѣпко и бѣжать домой безъ оглядки; если оглянешься — весь трудъ пропалъ: цвѣтокъ исчезнетъ! По мѣнью другихъ, не должно выходить изъ круга до самаго утра, такъ какъ нечистые удаляются только съ появленіемъ солнца; а кто выйдетъ прежде, у того они вырвутъ цвѣтокъ ²⁾. Тѣже условія: очертить себя кругомъ и не оглядываться необходимо соблюдать и при добываніи клада. Заняну-

¹⁾ По мѣнью словенцевъ, при этомъ необходима свѣча, освещенная на svĕtlo Marijĕ — Иличъ. 124.— ²⁾ Терещ., V, 74—75; Иллюстр. 1846, 136; 1848, № 28; Семеньск., 143; Москв. 1844, XII, 32; Вологод. Г. В. 1852, 35.

та круговая черта служить преградой, за которую не может переступить нечистая сила; ножъ, четверговая свѣча, рубановая налка и лучина — эмблемы молніи, поражающей демоновъ, а скатерть — облачнаго покрыва, одѣваясь которыми становишься невидимкою; на тѣже облачные покрыва свадаетъ и цвѣтъ-молнія. Въ одномъ рукописномъ «травникѣ» (какихъ довольно обращается въ средѣ грамотнаго простонародья) о добываніи папоротникова цвѣта сказано: «въ то время приходятъ множество демоновъ и великіе страхи творять, что уму человѣческому непостижимо. Цвѣтъ папороти, когда отцвѣтетъ, осыплется на то, что постлано, и ты тотъ цвѣтъ смети перушкомъ въ одно мѣсто бережно и заѣпи оловкомъ (отъ свѣчи, горѣвшей у запрестольнаго образа Богосредницы); тотъ цвѣтъ завсегда цѣлъ будетъ. А если не заѣдешь, то нечистые унесутъ у тебя; для того людямъ не дадутъ его взять, что онъ очень имъ противенъ и всю ихъ силу разрушаетъ. Если кто его возьметъ, то никакой дьяволъ, и ворожея, и грѣшникъ укрыться не можетъ, и дьявольская сила вся ему будетъ видна и знатна, и силъъ какой своей пакостію отъ него не укроется... Тотъ цвѣтъ носи на лбу: узнаешь и увидишь, гдѣ какая чеклажа (кладъ) лежитъ, и какъ что положено и сколько глубоко, и можешь взять безъ всякаго вреда и остановки — для того, что ты уже демоновъ увидишь; а съ нимъ тебя жестоко бояться стануть, и когда ты сюда ни поѣдешь, если нечистые тутъ на мѣстѣ есть, то они отходить съ того мѣста стануть, и можешь всякія поклажи съ тѣмъ цвѣтомъ получить — не заперто! Все узнаешь, что гдѣ есть или лежитъ, или дѣлается, и какъ, куда и въ своемъ мѣстѣ; просто сказать — все будешь знать, хотя и въ служіе города и вныя государства дороги и пропуски. Тотъ цвѣтъ положи въ ротъ за щеку и поди, куды хошь: никто

«тебя не увидитъ; что хощь — дѣлай!... Тотъ-же цвѣтъ «носить на головѣ — все видѣть и знать станешь, и великъ «счастливъ» будешь и достоинъ всякому начальству, во всякой «чести будешь. А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кла- «дами — царь надъ цвѣтами, трава-папоротъ!» ¹⁾. Изъ приведенныхъ нами повѣрій видно, что разцвѣтаніе папоротника сопровождается всѣми торжественными знаменіями грозы; демонскіе крики, стрѣльба, хохотъ, удары хлыстовъ, землетрясеніе — все это метафоры грома, огненные языки — языки грозового пламени, сѣрный запахъ, обыкновенно слѣдующій за появленіемъ и исчезаніемъ нечистыхъ духовъ, — подробность, возникшая изъ древнѣйшаго уподобленія молніеносныхъ тучъ котламъ кипучей смолы (см. гл. XXII). Таже могучая сила, какая присвоилась Перуновой палицѣ, принадлежит и цвѣту папоротника: обладая имъ, человекъ не боится ни бури, ни грома, ни воды, ни огня, дѣлается недоступнымъ вліанію злаго чародѣйства и можетъ повелѣвать нечистыми духами; для этихъ послѣднихъ цвѣтъ папороты также страшенъ, какъ и громовыя стрѣлы: завидя пламенный пѣттокъ, они по одному представленію стараются овладѣть имъ и запрятать въ облачныя пещеры, а по другому — въ ужасѣ разбѣгаются отъ него по своимъ трупамъ и болотамъ. Цвѣтокъ этотъ отмыкаетъ всѣ замки и двери (только приложи его — и желѣзные запоры, цѣпи и связи вмгъ распадаются!), открываетъ погреба, кладовыя, казнохранилища и обнаруживаетъ подземныя клады — подобно тому, какъ удары молніи, разбивая облачныя скалы, обрѣтаютъ за ними золото солнечныхъ лучей; это владѣетъ чудеснымъ цвѣткомъ, тотъ видитъ все, что кроется въ нѣдрахъ земли: темная земная кора кажется ему прозрачною, словно стекло ²⁾. Такъ какъ молнія есть провод-

¹⁾ Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 73—74. — ²⁾ Lud Ukrain., II, 61.

никъ живой воды, и такъ какъ вода эта называлась небеснымъ виномъ; то отсюда возникли повѣрья, надѣляющія папоротникъ дѣлебными свойствами, и мнѣніе, будто съ помощью его цвѣта можно черпать изъ рѣкъ и колодезь вмѣсто воды славное вино, т. е. добывать дождь изъ небесныхъ источниковъ. Такъ думаютъ чехи; у нихъ же въ обычаѣ, для охраны скота отъ злыхъ духовъ и колдованія, вытирать ясли корнемъ папоротника, извѣстнымъ подъ именемъ svatojažská gučička ¹⁾. Русская сказка приписываетъ жаръ-цвѣту лечение трудныхъ болѣзней. Съ живою водою мнѣ связывалъ духовные дары предвидѣнія и мудрости; потому всякой, кто доставитъ цвѣтъ папоротника, становится вѣщимъ человекомъ, знаетъ прошедшее, настоящее и будущее, угадываетъ чужія мысли и понимаетъ разговоры растеній, птицъ, гадовъ и зѣрей. Сверхъ того, онъ можетъ, по собственному произволу насылать въ сердце дѣвicy горячее чувство любви, для чего заговоры постоянно обращаются къ богу-громовнику и его молніеноснымъ стрѣламъ (I, 450). Наконецъ, соответственно представленію быстро-мелькающей, неуловимой для глазъ молніи — невидимкою, создалось повѣрье, что всякой, кто носитъ при себѣ цвѣтъ папоротника, дѣлается незримымъ для всѣхъ присутствующихъ ²⁾. Одинъ крестьянинъ искалъ наканунѣ Иванова дня потерянную корову; въ самую полночь онъ зацѣпилъ нечаянно за кустъ папоротника и чудесный цвѣтокъ попалъ ему въ лапоть. Тотчасъ прояснилось ему все прошлое, настоящее и будущее; онъ легко отыскалъ пропавшую корову, свѣдалъ о многихъ сокрытыхъ въ землѣ кладахъ и насмотрѣлся на проказы вѣдьмъ. Когда крестьянинъ воротился въ семью—домашніе, слыша его голосъ и не видя его самого, пришли въ ужась; но вотъ онъ разулся и выро-

¹⁾ Громаниъ, 44, 136.— ²⁾ Иллюстр. 1846, 136; Терещ., V, 88—89; Громаниъ, 97; Иличъ, 167—8; D. Myth., 1166.

нилъ цвѣтокъ — и въ ту же минуту всё его увидали. Съ потерей цвѣтка окончилось и его всевѣдѣнiе, даже позабылъ про тѣ мѣста, гдѣ еще недавно любовался зарытыми сокровищами ¹⁾. Разсказъ этотъ заканчивается и такъ: къ мужику, который и самъ не понималъ, откуда далась ему мудрость, явился чортъ, купилъ у него лапотъ, и вмѣстѣ съ лаптемъ унёсъ и папоротниковъ цвѣтъ ²⁾. У словенцевъ тѣ же чудесныя свойства придаются зерну папоротника, которое зрѣетъ и опадаетъ на Иванову ночь, а въ замѣнъ чорта является вѣла и уноситъ это дорогое зѣрнушко ³⁾. Въ нѣмецкихъ сагахъ упоминается wunderblume, glücksblume — бѣлый, снѣгій или пурпуровый цвѣтокъ; кто его отыщетъ и воткнетъ въ свою шляпу, тому открыты входы ко всѣмъ сокровищамъ, заключеннымъ въ горахъ. Однажды такой счастливецъ, войдя въ подземныя пещеры за золотомъ и растерявшись при видѣ несчетныхъ богатствъ, позабылъ тамъ свою шляпу; когда онъ уходилъ съ добычею, позади его раздался голосъ: «не забудь самаго лучшаго!» Но уже было поздно: желѣзная дверь захлопнулась, чудесный цвѣтокъ остался въ подземельи, а безъ него невозможенъ и доступъ къ сокровищамъ ⁴⁾.

Разнообразные характеристическiе признаки, которые помѣтилъ древнiй человекъ въ сверкающей молнii, были выражены имъ въ мѣткихъ, живописующихъ эпитетахъ. Согласно съ этими эпитетами, и огненный цвѣтъ Перуна на старинномъ поэтическомъ языкѣ обозначался различными названiями, которыя впоследствии были приняты за совершенно-отдѣльныя, самостоятельныя представленiя и которыя, съ теченiемъ времени, стали переноситься на тѣ или другiя земныя расте-

¹⁾ Семеновск., 143—4; Иллюстр. 1848, № 28; Въст. Р. Г. О. 1857, IV, 272—3; Волян. Г. В. 1847, 14; D. Myth., 1160—1.— ²⁾ Черниг. Г. В. 1855, 21.— ³⁾ Иличь, 168; Минск. Г. В. 1866, 25-го июня.— ⁴⁾ D. Myth., 923—4.

на, если форма ихъ листьевъ и корней, краски цвѣтовъ или свойства соковъ подавали поводъ къ такому сближенію.

а) Одно изъ названій Перунова цвѣта было перелѣтъ-трава; оно придано ему ради той неудовимой быстроты, съ которою ударяетъ молнія; мнѣ, общій вѣсьмъ индоевропейскимъ племенамъ, представлялъ ее крылатою и птице-подобною. О баснословной перелѣтъ-травѣ русской народъ рассказываетъ, что она сама собою переносится съ мѣста на мѣсто; цвѣтъ ея сіяетъ радужными красками, и ночью въ полетѣ своемъ онъ кажется падучей-звѣздочкой. Счастливъ, кто сумѣетъ добыть этотъ прекрасный цвѣтокъ: всѣ желанія его будутъ немедленно исполнены ¹⁾. Тѣмъ-же свойствомъ надѣляется и цвѣтъ папоротника: почка его ни минуты не остается въ покойномъ состояніи, а непрерывно движется взадъ и впередъ и прыгаетъ, какъ живая птичка; самый распустившійся цвѣтокъ быстро носится надъ землею, словно яркая звѣзда, и упадаетъ на то мѣсто, гдѣ зарытъ кладъ ²⁾. Такое представленіе молніи летучимъ—пернатымъ цвѣткомъ заставило народъ, при забвеніи неконнаго смысла старинной метафоры, перенести преданія о Перуновомъ цвѣтѣ на папоротникъ (*filix*). Слово папореть (пол. *paróg*, луж. *pargiš*, илл. и хорват. *pargat*, *pergut*, хорут. *pargot*, др.-чешск. *pargut*, ново-чешск. *pargadj* и съ измѣненіемъ звука *p* въ *k*—*kargadj*, лит. *parartis*, латт. *paradi*) образовалось, чрезъ удвоеніе корня, отъ глагола *парти* — *volare*, откуда произошли и перо, и нотопырь (=нотопырь — *vespertilio*, *νοχταρῖς*, *nottola*, отъ *ноτ*'=ночь и *пырь*); сравни греч. *πτερίς* и нѣм. *faugant* (др.-верх.-нѣм. *faugan*, вр.-верх.-нѣм. *vaugan*, *vaugn*, англос. *feagn*), въ которыхъ сохранился неударенный корень ³⁾.

¹⁾ Терещ., V, 93; Иллюстр. 1846, 150.— ²⁾ Сахаров., I, 43. — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1863, I, ст. Шаевска, 11.

Приведенныя выраженія родственны съ санскр. *paṅka* и *paṅka* (корень *paṅ* — летѣть, падать; греч. πτερών, πτελον, латин. *repna* вмѣсто *petna*, сканд. *fidr*, др.-нѣм. *fedaga*, англос. *fether*), равно означающими листь, перо и крыло; ибо листь также одѣваютъ или покрываютъ дерево, какъ перья птицу (крыло отъ глагола крыть. ¹⁾). Перо во многихъ славянскихъ нарѣчїяхъ соединяетъ въ себѣ двойкой смыслъ: *repna* и *folium*; такъ пол. *pięgo*, *pięze*, серб. и хорут. перо, перје употребляются для обозначенія листьевъ-розы, капуствы, лука и травы; на Руси говорятъ: «хлѣбо перѣ», т. е. пустякъ третье колѣнце ²⁾, «деревья начинаютъ опушаться» (отъ слова пухъ), т. е. распускаются съ приходомъ весны. Сближая листь съ перьями, народная фантазія стала связывать мнѣ о крылатой молніи, разцвѣтающей на деревѣ-тучѣ, съ тѣми земными растенїями, листьва которыхъ по своей формѣ сходствовала съ птичьимъ крыломъ, а ярко-красные или желтые цвѣты напоминали пламя молній. По древне-индѣйскому сказанію, Индра въ видѣ сокола похищалъ изъ облачныхъ горъ дождь-сому, и преслѣдуемый однимъ изъ стражей безсмертнаго напѣтка—стрѣлкомъ *Кгсѣпи* ронялъ на землю отбитое перо или коготь (т. е. летучую и острую молнію), изъ которыхъ выростали тернистыя иглы на древесныхъ вѣткахъ (*dogu*) или дерево-рагпа (*paṅka*), извѣстное пурпуровыми цвѣтами. По греческому преданію, стимфальскія птицы имѣли перья острья, какъ стрѣлы, и разбрасывая ихъ, наносили тяжелыя раны ³⁾; въ славянскихъ сказкахъ герой находитъ петеринное на дорогѣ или самъ вырываетъ изъ хвоста жарь-птицы перо, которое свѣтитъ ночью какъ ясное солнце. Въ нашемъ климатѣ не

¹⁾ Пикте, I, 205. — ²⁾ Филол. Зап., годъ 3, III, 157—8; сравни: литов. *laksztas* — листь-капусты и *lakstyti*—порхать, *lėkti*—летѣть.— ³⁾ Griech. Myth., II, 137.

шлое растенія, которое бы могло сполна соотвѣтствовать индйскому дереву палаца; но папоротникъ уже названіемъ своимъ наводилъ на тоже представленіе: оригинальная форма его зелени сравнивалась съ орлинымъ крыломъ, и одинъ изъ видовъ папоротника извѣстенъ подъ именемъ *pteris aquilina*, *adlerfarnkraut*. Орель, какъ мы знаемъ, играетъ въ мифологій ту же роль, что и соколы (I, 493). Что касается краснаго цвѣта молніи, то его стали сближать съ розою. Сербы рассказываютъ, что есть гдѣ-то садъ, въ которомъ растетъ столбчатая роза (*ruža steperica*)—*«korienom se prihvatila zemaljskog dna, vežući strašnu zvijer—živog ognja»*. Завѣрь силится освободиться отъ этихъ узъ, и бѣда — если онъ исторгнетъ изъ земли розовый кустъ: все погоритъ, что только есть на сушѣ, и самое море обратится въ безводную бездну. Такова сила корня столбчатой розы, а въ цвѣткѣ ея таятся *munja i gromove*; еслибы кто сорвалъ этотъ цвѣтокъ, то громы разбили бы землю и все, что подъ ней и надъ нею; *«jedina ruža steperica bi ostala; ali prošlo bi sto i sto božjih godina, dok bi okol nje nova zemla ponarasla i opet se živo pleme zaplodilo»*. Самыя листья на розовомъ кустѣ не простые: они разговариваютъ и поютъ сладкія пѣсни, *«kakovih niti tanko grlo vile pjevačice nikad izustilo»* (=пѣсня грозы); вмѣсто сорванныхъ сегодня, къ утру вырастаютъ еще лучшіе ¹⁾. Въ Угорской Руси сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня:

Червена ружа горѣла,
 Подъ невъ бѣла дѣвка сядѣла,
 У рѣшетъ воду носила,
 И червену ружу гасила ²⁾.

Это—облачная дѣва, сѣющая на землю дождь. Какъ «громовые топорки и стрѣлки» предохраняютъ домъ отъ удара молніи,

¹⁾ Эрбенъ, 262. — ²⁾ Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 687.

такъ тоже спасительное свойство приписывается въ народныхъ травникахъ красному піону: «въ которой хранитъ піоново сѣмя лежитъ, и тое хранину никако громовая стрѣла не бьетъ и молнія не жжетъ»¹⁾.

Отъ представленія молніи цвѣткомъ, вырастающимъ на деревѣ-тучѣ, естественно было перейти къ уподобленію ея древесной вѣткѣ или пруту, — тѣмъ болѣе, что въ разней молніи предки наши видѣли наказующій бичъ и кій самобой (дубинку) Перуна. При первомъ весеннемъ выгонѣ коровъ въ поле идѣйцы употребляли вѣтку дерева рагна или самі (асасія зима Roxb. — объ этой акаціи было сказаніе, что она выросла изъ сосуда, въ которомъ принесена на землю молнія²⁾). Какъ Индра доитъ небесныхъ коровъ (облака) громовою палицею или молніеноснымъ прутомъ, такъ думали, что и земныя стада, удараемыя вѣткою священнаго дерева, укрѣплялись и дѣлались обильными молокомъ. Въ Швеціи и Вестфалии 1-го мая трижды ударяють молодыхъ коровъ, которыя еще не телелись, вѣткою рябины³⁾, дабы плодотворная сила громоваго прута (donnerguthе) наполнила ихъ сосцы молокомъ; въ другихъ же областяхъ пользуютъ при выгонѣ скота орѣховымъ прутомъ (о связи орѣшниковъ съ бо-

¹⁾ Москв. 1853, XI, 65—66. У ильцевъ преданіе о Перуновомъ цвѣтѣ связывается съ травой *hedera terrestris* (у Лин. *glechoma hederacea* — ползучее растеніе съ синими цвѣтками); она называютъ ее *donnergebete*, а латвы — *pernkones* (отъ имени Перкуня). Трава эта защищаетъ отъ колдовства; кто носитъ на головѣ свѣтлый изъ нея вѣнокъ, тотъ можетъ узнавать вѣдьмъ; черезъ этотъ вѣнокъ доитъ при началѣ весны коровъ — D. Myth., 1163. Въ Литвѣ листья травы девесила (*inula helenium* — цвѣты и листья желтые; у литовцевъ она называется *debesilas*, а *debesis* значитъ: облако, туча) употребляются для разогнанія грозовыхъ тучъ — Изв. Ак. Н., III, 176. — ²⁾ Die Götterwelt, 64. — ³⁾ Vogelbeerbaum, ebergesche; сравни англос. названіе одного изъ видовъ папоротника — *eoferfearn*, *eferfarn*.

гошь-громовникомъ см. выше стр. 318), или колючими вѣтками можжевельника ¹⁾. Съ этимъ согласуется слѣдующій извѣстный въ Германіи обрядъ: чтобы коровы были богаты молокомъ, пастухъ долженъ 1-го мая, при выгонѣ стада на пастбище, положить передъ порогомъ хлѣва топоръ, обвязанный чѣмъ-нибудь краснымъ, (= эмблема Торова молота) и перегнать черезъ него коровъ. Въ Швеціи думаютъ, что рябиновая палка охраняетъ отъ бури на морѣ, отъ колдовства и нечистыхъ духовъ ²⁾; эсты не употребляютъ рябины на огорожу, чтобы не призвать змѣй: повѣрье, близкое къ тѣмъ народнымъ рассказамъ, по которымъ осина и жень обладаютъ силою прогонять змѣй и повергать ихъ въ оцѣвѣніе (стр. 282, 305). По различію возрѣній, туча-змѣй или поглощаетъ молнію, какъ-бы привлекается ею, или убѣгаетъ отъ нея, страшась губительнаго удара; въ такомъ двойственномъ отношеніи стоятъ черти къ цвѣту папоротника. ³⁾ Въ разныхъ странахъ папоротнику приписывается сила прогонять змѣй, и наши поселяне дѣлать отъ змѣйнаго укушенія, прикладывая къ больному мѣсту высушенные листья этой травы ⁴⁾; у чеховъ же есть повѣрье, что того, кто носитъ при себѣ змѣиный папороть (otterfarren), преслѣдуютъ змѣи ⁵⁾. Въ Россіи выгоняютъ коровъ въ поле на вешній Юрьевъ день (св. Юрій замѣнилъ собою древняго Перума) и при этомъ ударяютъ ихъ освященною вербою, которую нарочно собираютъ отъ Вербнаго воскресенья. Чехи святятъ на коровій праздникъ (hody kravské — въ началѣ апрѣля) вербовые и бо-

¹⁾ Въ Богеміи готовятъ пепелъ изъ ореховой скорлупы и дѣютъ коровамъ въ корнѣ, чтобы онѣ больше давали молока — Громаниъ, 130. На Руси, во время мора, окуриваютъ набы можжевельникомъ. — ²⁾ D. Myth., 1165; Die Götterwelt, 194—5. — ³⁾ Кунъ, 178, 189—192, 203, 216—222, 236. — ⁴⁾ Москв. 1853, XI, 69—70. — ⁵⁾ Громаниъ, 97.

резовые прутьи и выгоняют ими коровъ ¹⁾: какъ береза даетъ весною сладкой сокъ, такъ и коровы станутъ давать вкусное молоко. Итакъ стародавнее преданіе о Перуновой вѣткѣ сочеталось у славянъ съ вербою, какъ общепринятымъ значеніемъ тѣхъ зеленыхъ вайъ, съ которыми встрѣченъ былъ Спаситель при входѣ въ Іерусалимъ. Къ празднику Ваіи срѣзываются молодые прутья вербы, съ пушистыми распулками, и освящаются въ храмахъ. Путья эти считаютъ за цѣлебное средство отъ разныхъ болѣзней, равно спасительное и для людей, и для домашняго скота: въ нихъ отварѣ купаютъ дѣтей на здравіе тѣла; кто съѣстъ девять распуколокъ съ освященной вербы, того не коснется лихорадка; отъ переполоха (испуга) вбиваютъ въ стѣну колышекъ вербы, заостренный въ видѣ гвоздя; на Вербное воскресенье тѣхъ, кто проспитъ заутреню, ударяютъ вербой и обливаютъ водою, приговаривая: «будь великій, якъ верба, а здоровій, якъ вода!» Вода здѣсь — символъ дождя ²⁾. Въ тотъ-же день втыкаютъ вербу за образа и въ потолки домовъ и хлѣбовъ, съ полною вѣтвю, что это оградитъ зданія отъ грозы и пожара, а домашній скотъ отъ всякихъ бѣдъ (витебск. губ.). Чехи, для охраненія домовъ отъ ударовъ молніи и пожаровъ, держатъ на кровляхъ *petrask* (*sempervivum*, *donnerbart*) и *hrstove kogeni*; а въ поляхъ втыкаютъ освященные вербы, чтобы сберечь посѣвы отъ града, мышей и кротовъ. Есть мнѣніе, что такая верба, брошенная противъ вѣтра, прогоняетъ бурю, а брошенная въ пламя пожара — умиротворяетъ его разрушительное дѣйствіе ³⁾. У болгаръ на Новый годъ мальчики ходятъ рано по утру изъ до-

¹⁾ Ганушъ, 407.— ²⁾ Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовъ, 66; Терещ., VI, 85; Номис., 8; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 79; Саратов Г. В. 1851, 29.— ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 251; Громаничъ, 13 (освященной вербою можно отбѣяться отъ водяного), 94, 145; Иличъ, 120—1.

на въ домъ съ вѣтками князя, и ударяя ими хозяевъ, высказываютъ добрыя пожеланія: «Новый годъ — веселая година, красныя яблоки въ саду, кисти винограда на лозахъ, гизава дѣвочка въ домѣ, юнаки-молодцы при огнищѣ!» т. е. да пошлетъ тебѣ богъ-громовникъ въ грядущемъ году всякое изобиліе и довольство. Сравни съ этимъ свидѣтельство нашей обрядовой пѣсни, утверждающей, что на Новый годъ ходитъ по землѣ самъ Илья громовитый, потрясаетъ плетью и творитъ урожай (I, 283—4). Хозяинъ беретъ у мальчиковъ князевы вѣтки и ударяетъ ихъ санижъ по спинѣ, приговарывая: «Новый годъ, медовая година! дай имъ здравіе и добро, да выростутъ, какъ вербы надъ рѣкою». У македонскихъ болгаръ мальчики, входя въ домъ, иѣшаютъ принесенными прутьями огонь въ печи, и причитываютъ: «Сурава божо (Новый годъ-божеству)! дай столько цыплятъ, дѣтей и ягнятъ» (сколько сыплется искръ отъ горящихъ дровъ ¹). Впрочемъ, и лужицкій народъ еще не совсѣмъ утратилъ воспоминаніе о небесномъ громовомъ прутѣ. Когда гремитъ громъ и блистаетъ молнія, на Украйнѣ не позволяютъ дѣтямъ рѣзвиться: «Господь (говорятъ имъ) грозитъ (сварница) золотомъ розгой!» ²) Эта золотая розга напоминаетъ намъ тростникъ (rohrstengel), данный Одинемъ королю Эриху и обладавшій такою-же побѣдоносною силою, какъ Торъ молотъ и кошель бунгнигъ ³). Лужицкано и чехи не советуютъ бить дѣтей вѣткою или сухою вѣткою, не то ребенокъ изсохнетъ ⁴); на Руси тоже повѣрье связываетъ съ лучиною (I, 259). Подъ вліяніемъ указанныхъ возрѣвій созданъ мифъ о вол-

¹) Москв. Газета 1866 г., стат. Каравелова.— ²) Немис., 12.—

³) Die Götterwelt, 162. Iris germanica, известная у сербовъ подъ именемъ перуляка, у ильденъ называется schwertlilie—Срн. рѣчки, 495.— ⁴) Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332; Грочаникъ, 112.

шебномъ пруткѣ—wünschelruthe, wünschelgerste, съ помощью котораго можно находить скрытые въ землѣ клады и рудныя жилы и достигать исполненія самыхъ неуищреннѣхъ желаній; какъ эмблема молніи, дарующей живую воу дождя и золото солнечныхъ лучей (—плодородіе и богатство), волшебный пруть надѣляетъ всевозможнымъ счастіемъ (wunsch = saelde — счастье). Въ народныхъ сказаніяхъ wünschelruthe называется золотомъ, не смотря на то, что въ позднѣйшее время стали искать эту розгу на земныхъ растеніяхъ, посвященн ыхъгрозовнику. Обыкновенно приготавливаютъ ее изъ молодаго однолѣтнаго побѣга орѣшника или колючей крушины (kreuzdorn, rhamnus catharticus). Вѣтка должна быть срѣзана при сійни мѣсяца на Иванову ночь и представлять изъ себя вылку, т. е. имѣть два отростка; или срѣзываютъ ее раннимъ утромъ въ воскресенье, наблюдая притомъ, чтобы избранная вѣтка была именно та, которую освѣщаетъ солнце при своемъ восходѣ и закатѣ. Приступая къ дѣлу, надо трижды поклониться дереву и сказать: «Gott segne dich, edles geis und sonnenzweig!» Для той-же цѣли можетъ служить и вѣтка рябины ¹⁾; по литовскому повѣрью, чорта можно убить только рябиновой палкою ²⁾ При отыскиваніи кладовъ произносится слѣдующая формула: ruthe, ruthe! ich frage dich, wo der beste schatz mag liegen? — и волшебный пруть летитъ самъ собою и упадетъ прямо туда, гдѣ зарыто сокровище. Онъ открываетъ и водныя ключи (первоначально: дождевыя источники), и воровъ и убійцъ (первоначально: демоновъ-похитителей дневнаго свѣта и дождя); кто обладаетъ такой диковинкой, у того скотъ не подвергается мору, а нвы — граду. Различныя названія, придаваемые волшебному

¹⁾ „Die Ruthe des als Schmarotzerpflanze gewachsenen Vogelbeerbaums diente auch als Wünschelruthe“ (Die Götterwelt, 236).— ²⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 573.

вруту, указываютъ на пламя молніи (*feuerruthe, brandruthe*) и громовые удары, которыми дробятся облачныя горы (*springruthe, schlagruthe, beberuthe*). Чехи розыскиваютъ влады есвященной вербою и тремя палочками блага орѣшника: одна палочка служитъ для отысканія золота, другая—серебра, а третья—водныхъ ключей. Въ греческой мимологіи соотвѣтственное представленіе находимъ въ золотомъ, окрыленномъ жезлѣ Гермеса (*χρῦβαιον, caduceus Меркурія*); это — трехлиственный (*τριπέτρηλος*) вуртъ, около котораго обвиты змѣи (=молніи, см. гл. XX). Три листа его стоятъ въ связи съ названіемъ молніи трезубецъ; такъ названа она потому, что извивается ломанной, зубчатой линіей: у латинскихъ писателей—*trifidum fulmen* (=dreizack). Отсюда объясняется и трезубецъ Посейдона¹⁾. Гермесовъ жезлъ одѣлялъ счастье и богатствомъ, и старинные немецкіе глоссаріи толкуютъ его: *wunsciligerta* и *flugegerta* (*virga volatilis*). Крылья, данныя этому жезлу, обвиваютъ его съ нашей перелетъ-травой.²⁾ Летучая молнія, быстро упдающая съ неба на землю, въ глубочайшей древности рассматривалась, какъ божій гонецъ или вѣстникъ, посылаемый безсмертными владыками на огражденіе добрыхъ и казнъ злымъ. Именно съ такимъ характеромъ и является Гермесъ въ античныхъ преданіяхъ. Чехи донынѣ громъ называютъ: *boží rozei*, а камень, взвѣтный у насъ подъ именемъ «громовой стрѣлки», — *boží proutek*³⁾. На ряду съ волшебнымъ вуртомъ должны быть поставлены и тирсы вакханокъ—жезлы или посохи, обвитые виноградными листьями. Ударяя этими тирсами по землѣ и слаламъ, онѣ творили источники водъ, илеса и вина. Вакхъ—богъ молніи, низводящей дожди; подрев-

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 127 — ²⁾ D. Myth., 926—8; Die Götterwelt, 205; Грошанъ, 215.— ³⁾ Иречекъ въ Часописи 1863, I, 63; Грошанъ, 33.

нему сказанію онъ извлекъ изъ скалы-тучи вино-дождь ¹⁾. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ встрѣчаемъ преданія о живыхъ источникахъ, которые излились изъ твердыхъ скалъ послѣ удара, нанесеннаго жезломъ, что совершенно тождественно удару Пегасова копыта; преданіямъ этимъ часто давалась легендарная обстановка: тотъ или другой святой погружаетъ въ землю вѣтку — и тотчасъ бьетъ оттуда ключомъ чистая, холодная вода ²⁾. Венгерскія сказки, рядомъ съ молотомъ, который самъ собою разбиваетъ стѣны и башни замковъ (—облачныя постройки демоновъ), уцениваютъ и золотую вѣтку: если ударить ею по скалѣ — скала выигъ распрывается и проливаетъ обильныя воды ³⁾; славянскія сказки говорятъ о прутникѣ, обладая которымъ можно отпирать внутренности горъ и доставать оттуда несметныя сокровища ⁴⁾. По свидѣтельству народнаго эпоса, ударъ волшебнаго прутника также возвращаетъ жизнь окаменѣвшимъ героямъ, какъ и самое оропленіе живою водою ⁵⁾: смыслъ тотъ, что творческія силы природы, олицетворяемыя въ образѣ могучихъ богатырей, цѣпятъ подъ холоднымъ дыханіемъ зимы и пробуждаются къ жизни не прежде, какъ весной, послѣ грозовыхъ ударовъ и дождевыхъ ливней. Какъ символъ быстролетной, прылатой молніи, *wünschelrute* замѣняется иногда перомъ, которое въ одно мгновеніе переноситъ сказочнаго героя — куда онъ пожелаетъ. Такъ въ одной русской сказкѣ ⁶⁾ Воронъ Вероновичъ — добытатель живой воды носитъ царевича по горамъ и доламъ, по вертенамъ и облакамъ, потомъ отдастъ ему носошокъ-пѣрушко, и отдавши — обращается въ престога верона; съ помощію этого пестика царевичъ вылетаетъ

¹⁾ Кунъ, 239, 243—5 — ²⁾ D. Myth., 350—1. — ³⁾ Штиръ, стр. 142, 181—2. — ⁴⁾ Slov. pohad., 397—406. — ⁵⁾ Сказ. Грин., I, стр. 385, 396—7; Н. Р. Сл., VI, 69; VII, 22; сб. Валахца, стр. 33, 36, 54—55, 125—6. — ⁶⁾ Н. Р. Сл., VIII, 7.

въ подземнаго (—заоблачнаго) царства. Подобно тому, герой гънецкой сказки ¹⁾, вкладывая себя въ ротъ и уши три пера, вырванныя изъ птицы-грифа, получаетъ способность летать съ необычайной скоростью. Посошокъ-пёрушко напоминаетъ намъ перо, которое роняетъ соколъ-Индра при похищеніи сомы, крыленный кадучей Меркурія и Nasken-foeder норвежской сказки ²⁾. Обманутый братьями и дядькою, царевичъ остается въ области троллей; на спасеніе его является огромная птица (—туча), которая имѣла на затылкѣ перо—такое большое, что оно равнялось на половину-выросшей ели (Nasken-foeder); царевичъ сѣлъ ей на спину, схватился за это перо, и былъ вынесенъ на бѣлый свѣтъ. Нередко сказочные герои переносятся съ мѣста на мѣсто при содѣйствіи чудесной палочки, которую стѣдуетъ только метнуть съ руки на руку, какъ тотчасъ явятся духи (вѣтры), подхватятъ и уичатъ въ далекія страны — по желанію ³⁾.

Wünschelrute не только принимается за волшебную диконку; въ немъ видятъ и живаго духа, совершенно-тождественнаго съ тѣмъ сказочнымъ слугой-невидимкою, который въ одно мгновеніе уноситъ своего господина въ тридесятое царство, побиваетъ его враговъ, осыпаетъ его богатствомъ и всевозможными благами. Таково нѣмецкое повѣрье о волшебномъ корнѣ алгауп. Подъ вѣтвящей, изъ мочи или сѣмени невинно-казненнаго юноши вырастаетъ широкостылый и желтоцвѣтный алгауп. Когда стануть вырывать его — онъ охаетъ и вопитъ такъ страшно, что тутъ же выражаетъ на смерть неосторожнаго искателя счастья; а потому должно нанередъ заткнуть свои уши вѣскомъ или хлопчатой бумагой, окопать землю вокругъ корня, привязать растеніе къ хвосту черной собаки, и мана ее кускомъ мяса,

¹⁾ Вольфъ, стр. 6—7.— ²⁾ I. 3.— ³⁾ Н. Р. Ск., I—II, стр. 131.

бѣжать поспѣшно прочь. Собака бросится за мясомъ, вытащитъ корень альрауна и упадетъ мертвая отъ его жалобнаго крика. Корень этотъ имѣетъ формы человѣка — голову, руки и ноги, и въ Богеміи принято называть его *mužik*; когда онъ будетъ вырытъ, можно обращаться къ нему съ различными вопросами: *alraun* сообщить всѣ тайны, откроетъ будущее, укажетъ — какъ одолѣть враговъ и приобрести богатство. Съ одной стороны его считаютъ за корень мандрагоры, о которой старинные писатели рассказываютъ, что цвѣтъ ея свѣтится по ночамъ, точно огонь; а съ другой стороны нельзя не признать его за мифическое существо, родственное карликамъ (*alruniken* = *erdmännlein*¹⁾). *Alraun* — это молниеносный эльфъ, принимающій на себя образъ чудеснаго цвѣтка или травы; почему происхождение этой травы связывается съ смертію невиннаго юноши? — объ этомъ будетъ сказано ниже (см. стр. 434); теперь же замѣтимъ, что она вырастаетъ и распускается желтымъ (=золотымъ) цвѣткомъ въ то время, когда проливается сѣмя- или мочѣ-дождь; страшные вопли альрауна — метафора убійственныхъ громовъ, которыми сопровождается паденіе молніи, какъ-бы вырванной изъ вѣдръ тучи. Какъ нельзя безнаказанно сорвать цвѣтка-молніи (сравни сербское преданіе о столиственной розѣ), такъ и клады, по мнѣнію словенцевъ, не должно вынимать изъ земли человѣческими руками, а слѣдуетъ припрягать вола или коня: пусть это животное сдвинетъ съ мѣста найденное сокровище; кто прямо дотронется до клада, тотъ непременно умретъ²⁾.

b) Мы уже знаемъ, что Перуновъ цвѣтъ быстро перево-

¹⁾ D. Myth, 1154—5; Жуль, 206—8, 219; Грэнвилль, 88. — ²⁾ Иличъ, 124 — 5. На Руси ходитъ рассказъ, будто есть на свѣтѣ трава-ревенька, которая реветъ и стонетъ по зорамъ; она растетъ въ водѣ и имѣетъ красный цвѣтокъ — Терещъ, У. 91.

сится или прыгаетъ съ одного мѣста на другое и что передъ нимъ распадаются каменные горы и желѣзные запоры; по этимъ признакамъ ему придавались названія: спрыгъ-трава, прыгунъ- или скакунъ-трава, разрывъ-трава, у сербовъ расковник (отъ глагола: рас-ковать), у вѣмцевъ *springwurz*. Объ этой травѣ рассказываютъ, что листья ея имѣютъ форму крестиковъ, а цвѣтъ подобенъ огню, распускается въ полночь на Ивана-Купалу и держится не болѣе пяти минутъ; но гдѣ она растетъ—никому невѣдомо; достать ее весьма трудно и сопряжено съ большою опасностью, вотому что всякаго, кто найдетъ ее, черти стараются лишить жизни. Если приложить разрывъ-траву къ запертой двери или замку — они немедленно разлетятся на части, а если бросить въ кузницу — ни одинъ кузнецъ не въ состояніи будетъ сваривать и ковать желѣзо, хоть бросай работу! Разрывъ-трава ломаетъ и всѣ другія металлическія связи: сталь, золото, серебро и мѣдь. Воры, когда имъ удастся добыть эту траву, разрѣзываютъ себѣ палецъ, вставляютъ ее внутрь разрѣза, и вотомъ заживляютъ рану; отъ одного прикосновенія такого пальца замки отпираются и сваливаются съ дверей и сундуковъ ¹⁾. Если прикоснуться этимъ пальцемъ къ человѣку — онъ скоропостижно умираетъ. Чтобы достать разрывъ-траву, надо въ полночь, наканунѣ Иванова дня, забраться въ дикой пустырь и косить траву до тѣхъ поръ, пока переломится желѣзная коса: этотъ переломъ и служить знакомъ, что лезвіе косы ударило о разрывъ-траву. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ свалится коса, должно собрать всю срѣзанную зелень и бросить въ ручей или рѣку: обыкновенная трава поплыветъ внизъ по водѣ, а разрывъ-трава противъ теченія; тутъ ее и бери! «Едакъ торговецъ (рассказываютъ сербы), желеѣнъ такову

¹⁾ Абев., 271, 275; Статист. опис. саратов. губ., I, 63.

траву наѣи, некакву бабу метнуо у букагије ¹⁾, па је пустио ноћу да иде по ливади: па као гдје би се букагије саме од себе отвориле, ондје мора бити расковникъ. Другіе совѣтуютъ отыскать весною гнѣздо дятла и заложить въ немъ отверстіе кускомъ желѣза или гвоздемъ, а внизу разостлать полотно; птица, желая открыть входъ въ свое гнѣздо, принесетъ разрывъ-траву ²⁾. Тоже утверждаютъ чехи ³⁾ и нѣмцы. Когда у дятла (*grünspecht* или *schwarzspecht*) выводятся дѣти, должно заложить его гнѣздо деревяннымъ колышкомъ; какъ только птица усмотритъ бѣду, тотчасъ-же улетаетъ отыскивать чудесный корень, котораго человеку ни за что не найти; она приноситъ его въ клювѣ и прикладываетъ къ деревянному колышку, и тотъ какъ-будто отъ сильного удара выскакиваетъ вонъ. Подъ самымъ гнѣздомъ растлается на землѣ бѣлый или красный платокъ; искатель разрывъ-корня прячется за дерево и при возвращеніи дятла подымаетъ такой шумъ, что испуганная птица роняетъ *springwurz* прямо на платокъ. Глубокая древность этого повѣрья засвидѣтельствована Плиніемъ. *Springwurz* отворяетъ съ трескомъ и грохотомъ двери подземелій и твердыни скалъ, внутри которыхъ таятся драгоценныя клады ⁴⁾. Дятель—птица священная, птица-приносительница небеснаго огня молній (I, 494); она вѣетъ свое гнѣздо въ облачномъ деревѣ, и гнѣздо это, окованное зимними холодами, отворяется въ весеннюю пору вѣткой-молніей; грохотъ, съ которымъ отворяются двери горныхъ подземелій (—тучъ), напоминаетъ страшное хлопанье адскихъ вратъ и есть метафора грома. Итакъ несомнѣнно, что разрывъ-трава принадлежитъ къ баснословнымъ созданіямъ

¹⁾ Желѣзные колодки на ноги.— ²⁾ Терещ., V, 92; Сахаров., I, 43—44; Этн. Сб., VI, 127; Пантеонъ 1854, VI, Бѣлорус. повѣрья, 63; сб. Валявца, 252—4; Срп. рјечник, 638.— ³⁾ Громанич, 88.— ⁴⁾ D. Myth., 924—5; Deutsche Sagen, 11—13.

митази. Въ болѣе позднюю эпоху явилось стремленіе отыскать эту траву между земными растеніями. Яковъ Гриниъ указываетъ на *euphorbia lathyris* (крестолиственный *wolfsmilch*, молочайникъ; волчье молоко—дождь), какъ на разрывъ-траву; ибо означенное растеніе итальянцы называютъ *sferga-cavallo* и приписываютъ ему такую силу противъ металловъ, что у лошади, которая нечаянно наступитъ на эту траву, отскакиваетъ съ ноги желѣзная подкова ¹⁾. По санскр. *euphorbia*—*vajrakantaka* (*donnerkeilsdorn*) или *vajradruma* (*donnerkeilsholz* ²⁾).

с) Въ зимнее время небо перестаетъ посылать на землю оплодотворяющее сѣмя дождей и росы; холода и стужи какъ бы запираютъ небесные источники, запираютъ и самую землю, которая лежитъ окованная снѣгами и льдами, и ничего не рождаетъ изъ своей материнской утробы. Старинныя поучительныя слова обозначаютъ бездождіе — завязаннымъ или замкнутымъ небомъ. Возставая противъ суевѣрнаго уваженіи къ отреченнымъ (апокрифическимъ) сказаніямъ, проповѣдникъ замѣчаетъ: «того ради завязано небо, не пуститъ дождя на землю, понеже человекѣи кленутся Богомъ и святыми его и другъ друга догонять клятвы... жертву приносятъ бѣсомъ и недуги лѣчатъ чарами и наузы... того ради Богъ гнѣваая не пускаетъ дождя съ небесъ» ³⁾. Сравни съ слѣдующимъ мѣстомъ въ древне-славянскаго перевода слова Григорія Богослова: «сихъ бо (суевѣрій) ради приходитъ гнѣвъ божій на сыны противныя; сихъ ради ли затворяется небо, ли злѣ отъврѣзается, овогда ведро (засуху) творя..., овогда градъ въ дѣжда мѣсто пушая» ⁴⁾. Свѣтлая дѣва, бо-

¹⁾ D. Myth, 925—6. — ²⁾ Кунъ, 218. Чудесное свойство разрывать замки и дѣви чехи приписываютъ растеніямъ: *cichorium* (*wegwarte*) и *verbena* (*eisenkraut*) — Громанъ, 91. — ³⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд. II, пол. I, стр. XXVII. — ⁴⁾ Изв. Ак. Н., IV, 310.

гния-Зоря и вѣстѣ съ тѣмъ богиня-громовница (Лада=Фрея), разгоняя ночной мракъ и земные туманы, отпирала небесныя врата Солнцу на разсвѣтѣ дня и на утрѣ весны и посылала на землю росу и дожди (I, 598—9). У Гомера обязанность отворить и запереть небесныя врата исполняютъ Горы=часы ¹⁾. Уподобляя свѣтила взирающимъ очамъ, фантазія признала въ нихъ стражей небеснаго чертога, оберегающихъ райскія двери. Съ такимъ характеромъ являются въ Эддѣ мѣсяцъ и солнце:

Sie halten täglich
Am Himmel die Runde
Und bezeichnen die Zeiten des Jahrs ²⁾.

Древнѣйшее божество неба Янусъ (Janus = Djanus — Дивъ, преимущественно дневное небо=солнце, а въ женскомъ олицетвореніи Diana=Јана, богиня ночнаго неба=луна) соединяетъ въ своемъ образѣ оба эти свѣтила, и потому голова его состоитъ изъ двухъ сросшихся ликовъ: одинъ ликъ — бородатый, мужской, а другой — безбородый, женственный. Такъ изображался онъ на греческихъ и этрусскихъ монетахъ. Вмѣстѣ съ этимъ Янусъ — стражъ свѣтлаго жилища боговъ; онъ отпираетъ небесныя врата, выводитъ изъ-за нихъ новорожденное солнце и тѣмъ самымъ даетъ начало году; по его имени получилъ названіе и первый мѣсяцъ въ году (сравни: јануа—ворота, входъ, начало, јапітог — привратникъ).

¹⁾ Въ Илиадѣ, V, 748—751, читаемъ: богини Гера и Аенна влутъ въ пламенной, золотой колесницѣ;

Гера немедля съ бичемъ налегла на коней быстроногихъ,
Съ громомъ врата имъ небесныя (πάλαϊ οὐρανοῦ) сами раз-
верзались при Горахъ,

Стражъ которыхъ Олимпъ и великое взвѣрено небо,
Чтобы облакъ густой разверзати, или смыкати передъ
нами.

²⁾ Сиврогъ, 23.

По нѣмецкимъ и славянскимъ преданіямъ небо (рай) отворяет-ся два раза: при поворотѣ солнца — на праздникъ Рождества Христова и при началѣ весны — на Свѣтлое Воскресеніе (1, 778 и въ этомъ томѣ, стр. 150). Такъ какъ открытіе небесныхъ чертоговъ предполагаетъ борьбу съ демонами ночнаго мрака и темныхъ тучъ, то отсюда отворенный храмъ Януса сталъ служить знаменіемъ войны, а замкнутыя двери его — означать миръ ¹⁾. Съ возвратомъ весны богъ-громовникъ, разбиватель облачныхъ горъ, отпираетъ своею молніей небесныя источники и напоетъ землю росой и дождями; онъ даетъ землѣ производительную силу и отпираетъ ея замкнутыя недра. До перваго грома земля, по народному выраженію, не растворяется ²⁾. Какъ ключъ, вложенный въ отверстіе замка, сдвигаетъ запоры и открываетъ доступъ къ спрятаннымъ сокровищамъ; такъ буравъ-молнія, сверля горы-тучи, освобождаетъ изъ нихъ солнечный свѣтъ и дождевые потоки, а отмыкая бочки-тучи, льетъ оттуда небесное вино или живую воду. Потому молнія въ поэтическихъ сказаніяхъ народа есть золотой Перуновъ ключъ. Народная загадка такъ выражается о молніи: «Дѣва Марія (христіанская подиѣна древней богини-громовницы) по воду ходила, ключи обронила», т. е. чтобы добыть дождевую воду — она бросаетъ ключъ-молнію. Ветхозавѣтное сказаніе свидѣтельствуетъ, что Моисей разбилъ жезломъ скалу и источилъ изъ нея воду; народъ, вѣрный преданіямъ языческой старины, называетъ этотъ жезлъ деревяннымъ ключемъ: «кто деревяннымъ ключемъ отпираетъ водяной замокъ? — Моисей» ³⁾. Въ сербской пѣснѣ громовникъ Илья-пророкъ говоритъ Огняной Маріи, огорченной людскими грѣхами:

¹⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 196—9.— ²⁾ Номис., 9.— ³⁾ Этн. Сб., VI, 80.

Моли́мо Бога истиннога,
 Нек нам даде к л(ь)уче од небеса,
 Да затвори́м' седе́мера небеса,
 Да ударим' печат на облаке:
 Да не падне дажда из облака,
 Плаха дажда, нити роса тиха...
 Да не падне за три годинице,
 Да не роди вино, ни шеница ¹⁾.

Таже пѣсня встрѣчается у болгаръ. Говорить св. Илья: молимся Христу,

Да ми даде ключеви отъ небеси,
 Да заключамъ мѣгли и облаци;
 Три години дошъ (дождь) да не завжрне,
 Три години, сжице да н' угрева,
 Три години ветеръ да не дува,
 Да не съ роди вино, ни жито ²⁾.

Языческія преданія о Перунѣ въ позднѣйшую эпоху были перенесены на Илью-пророка и Юрія Храбраго. На вешній Юрьевъ день (23 апрѣля), когда бываетъ первый выгонъ скотины на пастбище, бѣлоруссы причитываютъ:

Святый Юрья, божій пасолъ,
 До Бога пашовъ,
 А узивъ ключи золотые,
 А тамкнувъ землю сырусенькую,
 Пусьцивъ росу цаплюсенькую (теплую)
 На Бѣлюю Русь и на увесь свѣтъ ³⁾.

Въ этотъ день служатъ на студенцахъ молебны, нивы окропляютъ св. водою, а домашнихъ животныхъ нарочно-собранной росой ⁴⁾. На Моравѣ встрѣчаютъ весну слѣдующей пѣсней:

¹⁾ Срп. н. пјесме, II, 2—6. Переводъ: Станемъ молитъ истиннаго Бога—пусть дастъ намъ ключи отъ неба, и затвори́мъ седемь небесъ, наложимъ печать на облака, да не падеть изъ нихъ ни шумящій дождь, ни тихая роса... три года и да не родится ни вино, ни пшеница.— ²⁾ Миладин., 27. Три-года, можетъ быть, первоначально означали три зимнихъ мѣсяца.— ³⁾ Пантеонъ 1856, III, 5.— ⁴⁾ Т. I-й настоящ. сочин., 705—8; Каравел., 218.

«Smrtina neděla! (четвертое воскресенье великаго поста—вре-
мя изгнанія Смерти—Зимы) куда ключи дѣвала?—Я отдала
ихъ Вербному воскресенью. — Вербное воскресенье! куда ты
ключи дѣвала?—Я отдало ихъ Зеленому четвергу (такъ на-
зывается чистый четверг). — Зеленый четверг! куда ты
ключи дѣвалъ?—Я отдалъ ихъ св. Юрію. Св. Юрій вставалъ
и отмыкалъ землю, чтобы росла трава—трава зеленая». Вь
другихъ вариантахъ Смертная недѣля отвѣчаетъ, что отда-
ла ключи св. Юрію, «aby otevřel do nebe или do ráje dveři¹⁾».
Юрьевъ день слѣдовательно устанавливаетъ весну, завершаетъ
то, къ чему стремились предыдущіе праздники. Но главнымъ
образомъ представленіе о ключѣ-молніи сочеталось въ народ-
ныхъ повѣрьяхъ съ апостоломъ Петромъ, такъ какъ ему, по
евангельскому свидѣтельству, обшаны ключи царства не-
беснаго. По выраженію сербскихъ пѣсень, при раздѣлѣ мо-
гучихъ силъ природы—ему достались лѣтніе жары (л(ь)етне
vrūšine), вино, пшеница (т. е. урожай нивъ и виноградни-
ковъ, или прѣмѣ—дождь, какъ основа всякаго плодородія,
изревле уподобляемый вину и хлѣбнымъ сѣменамъ) и «ка(ь)у-
чече од небеског царства»²⁾. Тѣхъ зываютъ къ нему: «sv.
Petr hřimá, natoči nám vina!» или «Petr na vrchu (на горѣ-небѣ)
hřimá, dá nám trochu vina; budeli v březnu hřimati, budem mít
vina hojnosti»³⁾. Сейчасъ-приведенная нами бѣлорусская пѣсня
карируется еще такъ:

А Юрью, мой Юрью!
Подай Петру ключи
Зяблю одомкнуци,

¹⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, III, 103; такіа-же пѣсни поются и чеха-
ми—Prostonar. česke písně a říkadla Эрбена, 57.—²⁾ Срп. и. пјесме,
I, 156; II, 2; болгарская пѣсня (Миладин., 27) говорятъ, что св.
Петру достались ключи отъ рая: „онъ да отворе и онъ да затво-
ре“.—³⁾ Ганушъ, 165, 193; Proston. česke písně a říkadla, 59.

Траву выпускащи,
 Статокъ (скотину) накормица ¹⁾.

Въ разныхъ мѣстахъ Германіи крестьяне, слыша громъ, увѣряютъ, что св. Петръ катаетъ по небу каменные шары (—играетъ въ кегли), при паденіи же снѣга — что св. Петръ вытрясаетъ постели; 22-го февраля, въ день, посвященный этому апостолу, возжигаются огни, а въ Вестфалии ударяютъ молотами въ дверные косяки, чтобы отогнать нечистаго духа и охранить скотину отъ болѣзней ²⁾. Въ Россіи на Петровъ день (29 июня) разводятъ огни на пригоркахъ — передъ самымъ разсвѣтомъ, и караулятъ восходъ солнца, которое тогда играетъ на небѣ ³⁾. Въ воронежской губ. Плядамъ даютъ названіе Петровы ключи ⁴⁾, связывая такимъ образомъ представленіе о золотомъ ключѣ, отпирающемъ весеннее небо, съ блестящимъ созвѣздіемъ. Въ тихіе часы ночи на высокомъ небесномъ сводѣ—тамъ, гдѣ тянется млечный путь, эта дорога усопшихъ въ страну блаженныхъ, народъ усматриваетъ ключи отъ пресвѣтлаго рая; въ Польшѣ млечный путь называютъ дорогою св. Якуба, а созвѣздіе Ориона—*Jacobova paliczka*, т. е. смѣшиваютъ палецу Перуна съ посохомъ Іакова; у другихъ славянъ созвѣздіе это называется *shtarpa, palize, babini setari*, у нѣмцевъ *Jacobsstab* и *Petersstab* ⁵⁾. Соответственно съ символическимъ представленіемъ вѣтровъ и грозы быстролетными птицами, народное русское повѣрье говоритъ, что ключи отъ неба (рая) находятся у той или другой птицы, которая, улетающа на зиму, уноситъ ихъ съ собою, а весной снова прилетаетъ отпирать небесные источники. Въ мартѣ-мѣсяцѣ, закликая весну, въ деревняхъ смоленской губ. поютъ:

¹⁾ Мат. сравн. слов., II, 187.— ²⁾ *Die Götterwelt*, 231—2.— ³⁾ Сахаров., II, 41—42.— ⁴⁾ Обл. Сл., 84.— ⁵⁾ Ганушь, 202; *D. Myth.*, 690.

Благослови, Боже,
 Весну влиацаь,
 Зиму провожацаь,
 Лѣта дожидацаь!
 Вылети, сизая галочка,
 Вынеси золоты ключи.
 Замкни холодную зимоньку.
 Отомкни цеплое лѣтечко ¹⁾.

Въ одной обрядовой пѣснѣ полтавской губ. галка называется золотою ключницею ²⁾). Въ Малороссіи рассказываютъ, что ключи отъ рая = вѣрія хранитъ при себѣ вѣстница весны — кукушка или соя ³⁾). Въ великорусскихъ губерніяхъ вѣрятъ, что 9-го марта «прилетаетъ куликъ изъ-за моря, приноситъ воду изъ неволя» ⁴⁾). Въ нѣмецкой сказкѣ голуби даютъ героинѣ три золотыхъ ключа, которыми она отпираетъ три дерева и достаетъ оттуда вкусныя яства и наряды ⁵⁾, т. е. ключи-молніи отпираютъ деревья-тучи, и низводя дожди, даруютъ землѣ изобиліе плодовъ и рядятъ ее въ лѣтніе уборы. По указанію чешской колядки, ключъ отъ райскихъ источниковъ приноситъ лиса (о мифическомъ значеніи ея см. I, 645—6): «běžela liška po ledu, ztratila klíček od medu» ⁶⁾). Ключъ добываетъ не только медъ дождя, но и золото солнечнаго свѣта: когда горитъ кладъ, стѣитъ только бросить на него ключъ — и сокровище останется на поверхности земли ⁷⁾).

Итакъ, слѣдуя поэтическому выраженію старины, Перунъ отпираетъ облака и посылаетъ дожди и плодородіе; но въ его

¹⁾ Цебриков., 271, 288. — ²⁾ Полтав. Г. В. 1846, 19. — ³⁾ Москв. 1846, XI — XII, 153; Кулишъ, II, 36. — ⁴⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 117. — ⁵⁾ Сказ. Грим., 123. По другимъ преданіямъ, грозовыя птицы отпираютъ облака своими желѣзными или огненными клювами (I, 501, 528); сравни: ключъ, клюка (палка съ загнутымъ крюкомъ—Обл. Сл., 84) и клювъ.— ⁶⁾ Дѣдъ и Баба, ст. Гануша, 20. — ⁷⁾ Громаниъ, 215.

божественной волѣ было и не давать благодатнаго дождя и наказывать смертныхъ неурожаами, почему ему могли приписывать и самое замыканіе тучъ, задержаніе дождевыхъ потоковъ. Къ богу-громовнику обращались не только съ мольбами о дождѣ, во время засухи, но и съ просьбами установить вѣдро — во время продолжительныхъ ливней. Въ числѣ разнообразныхъ метафорическихъ сближеній, какія съ необыкновенною смѣлостью и свободою допускала фантазія древнѣйшаго челоуѣка, падающій дождь уподоблялся крови, истекающей изъ ранъ, наносимыхъ Перуновыми стрѣлами облачнымъ демонамъ. Отсюда возникли заговоры на остановленіе руды (крови), заговоры, обращенные къ богу-громовнику съ мольбою запереть кровавыя раны—также, какъ запираетъ онъ дождевые источники. Приведемъ слова заговоровъ: «шелъ Господь съ небесъ съ вострымъ копіемъ, ручьи-протоки запираетъ, руду унимаетъ — стрѣльную, ручебную, ножевую, топорную..» ¹⁾ — «Встану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зеленое поморье, погляжу на восточную сторону: съ правой, со восточной стороны летять три врана, три брательника, несутъ трои золотыя ключи, трои золотыя замки; запирали они, замыкали они воды и рѣки и синія моря, ключи (источники) и родники; заперли они, замкнули они раны кровавыя — кровь горячую. Какъ изъ неба синяго дождь не канетъ, такъ бы у раба божьяго (имярекъ) кровь не канула. Аминь.» ²⁾ — «Есть въ святомъ морѣ (=въ небѣ) — лежитъ лотырь-камень, на томъ камню стоитъ Іоаннъ Креститель ³⁾, подержись желѣзнымъ посохомъ, и уговариваетъ у раба божьяго (имярекъ) кровавую рану — постъченную, порѣзанную, въ бѣломъ тѣлѣ щипоту, въ костяхъ ломоту, уговариваетъ у

¹⁾ Щапов., 56.— ²⁾ Иллюстр. 1845, 250.— ³⁾ Въ народныхъ преданіяхъ онъ заступаеть громовника—см. гл. XXVIII.

раба божьяго семьдесятъ жилъ, становыхъ три жилы, и замыкаетъ ключемъ божиимъ.» (Новгород. губ.) Выраженія эти перешли въ самый обрядъ: при сильномъ теченіи крови изъ носу, берутъ замкнутый замокъ и даютъ крови капать сквозь его дужку, или вмѣсто этого — держать въ обѣихъ рукахъ по ключу, и вѣрятъ, что такое средство останавливаетъ теченіе руды: кровавая жила запирается ¹⁾).

Молніей прогоняетъ Перунъ злыхъ демоновъ; въ вѣрованіяхъ народныхъ она представляется спасительнымъ орудіемъ противъ всякаго дьявольскаго навожденія и чародѣйства. Уподобляя это орудіе ключу, древній человекъ прибѣгалъ къ богу-громовнику съ мольбами укрыть его отъ вражескихъ замысловъ своимъ облачнымъ покровомъ, оградить и замкнуть своимъ золотымъ ключемъ, или заклиналъ небснаго владыку запретъ этимъ ключемъ уста колдуновъ и вѣдьмъ, готовыхъ наслать на міръ божіей разныя болѣзни и бѣдствія: «пойду я рабъ (имярекъ) изъ избы дверьми-воротами; на встрѣчу мнѣ Михаилъ-архангелъ (подставка воинственнаго Перуна архистратигомъ небсныхъ силъ) со святыми своими съ ангелами и апостолами, и возмолюсь я Михаилу-архангелу: Михаилъ-архангелъ! заслони ты меня желѣзною дверью и запри тридевятью замками-ключами. И глаголетъ мнѣ, рабу божію, Михаилъ-архангелъ: заслону я тебя, раба божія, желѣзною дверью и замкну тридевятью замками-ключами, и дамъ ключи звѣздамъ... возьми те ключи, отнесите на небеса!» — «Замыкаюся я, рабъ божіей, девяносто позолочеными ключами отъ колдунъ(а), отъ колдунницы, отъ волхвовъ и отъ волхвицъ; кину я, рабъ божіей, тѣ девяносто позолоченыхъ ключей въ окіанъ-море (=небо)... Никому въ кіянѣ не бывать и ключей моихъ не вынимать.» ²⁾ —

¹⁾ Иллюстр. 1845, 503.— ²⁾ Щаповъ, 55, 58; Сахаровъ, I, 18: «Возьми ты, красная дѣвица (Зора), въ правую руку 12 ключевъ

«Завяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ уста и языкъ на раба божія (имярекъ) зла не мыслити. Михайло-архангелъ, Гавріилъ-архангелъ Никола милостивъ! снесите съ небесъ и снесите те ключи и замкните колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ и упирцу (упырю) нѣкрѣпко и твердо. И сойдетъ Никола милостивъ и снесетъ желѣза и поставитъ отъ земли до небесъ и запретъ тремя ключами позолочеными, и тѣ ключи броситъ въ окіанъ-море; (въ окіанъ-морѣ) лежитъ камень-алатырь: тебѣ бы каменю не отложаться, а вамъ ключамъ не выплывать по мое слово¹⁾. Въ наговорную воду, употребляемую противъ сглаза, хорутане вѣстѣ съ угольями кладутъ стрѣлу или ключъ²⁾. Призываемые на судъ и къ начальству читаютъ такое заклятіе: «Господи, Владыко Вседержителю! далъ еси Петру и Павлу (память того и другаго празднуется въ одинъ день, и потому народъ постоянно соединяетъ ихъ имена) ключи царствія небеснаго; сдѣлай инѣ, Господи, златы свои ключи, запрѣ, загради и заключи сердце (=строгость, озлобленіе) начальниковъ³⁾. Яркой блескъ и громовое потрясеніе небесныхъ ключей (=молній)—знаменіе гнѣвнаго Перуна, выступающаго на вражду съ толпами демоновъ; это поэтическое выраженіе послужило основой народныхъ примѣтъ: не стучи ключами, не бросай ихъ на столъ, не играй ни ножомъ, ни ключами — не то настанутъ въ домѣ непріязнь и ссоры⁴⁾.

Уподобляя молнію золотому ключу, фантазія сблизила эту метафору съ двумя другими представленіями грозоваго пламени — фаллюсомъ и цвѣткомъ. По указаніямъ народнаго эпоса,

и замкни 12 замковъ, и опусти эти замки въ окіанъ-море, подъ алатырь-камень⁴⁾. Сравни въ I-мъ т. настоящаго сочиненія, стр. 421—2.— ¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 54.— ²⁾ Сб. Валавца, 247.— ³⁾ Изъ рукописнаго сборника — ⁴⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бавел., 10; Иллюстр. 1846, 172; Нар. сл. раз., 152; сравни т. I-й настоящаго сочиненія, стр. 786.

«аллюсь бога-громовника есть именно тотъ ключъ, которымъ отпираетъ онъ «сокровенное» облачной дѣвы, чтобы упитъся ея любовнымъ напиткомъ (=дождемъ; см. I, 459—460, и сравни съ древнимъ сказаніемъ объ Одинѣ и Гуннлѣдѣ —I, 395). Въ народной русской сказкѣ находимъ слѣдующій эпизодъ: у жены-красавицы долго пропадалъ въ далекихъ странахъ любимый мужъ (=зимнее странствованіе бога-громовника), и стали за нее свататься разные цари и царевичи, короли и королевичи. И вотъ, когда они сидѣли за столомъ да угощались винами, воротился мужъ въ шапкѣ-невидимкѣ (=въ облакѣ). Жена тотчасъ догадалась о его возвратѣ, ибо на всѣхъ деревьяхъ показалась свѣжая зелень, и задала своимъ женихамъ такую загадку: «была у меня шкатулочка самодѣльная съ золотымъ ключемъ; я тотъ ключъ потеряла и найти не чаяла, а теперь тотъ ключъ самъ нашелся. Кто отгадаетъ эту загадку, за того замужъ пойду!» Цари и царевичи, короли и королевичи долго надъ тою загадкою ломали свои мудрыя головы, а разгадать не могли. Говоритъ красавица: «покажись, мой милый другъ!» Добрый молодецъ снялъ съ головы шапку-невидимку. «Вотъ вамъ и разгадка! сказала она женихамъ; самодѣльная шкатулочка — это я, а золотой ключикъ — это мой вѣрный мужъ.» (Сравни: I, 467. ¹⁾)

Перуновъ цвѣтъ, но народнымъ сказаніямъ, отверзаетъ облачныя скалы и криницы, и потому служитъ какъ-бы ключемъ къ затаеннымъ въ нихъ сокровищамъ солнечнаго свѣта (=небеснаго золота) и дождя (=дорогаго вина). Въ холодное время зимы прекрасная богиня Лада скрывается за густыми тучами и туманами, и остается за нихъ мрачными затворами печальною узницею — до тѣхъ поръ, пока не разцвѣтетъ

¹⁾ Н. Р. Св., VIII, стр. 147. Народная загадка: „тычу-потычу, ночью не вижу; дай-ка, невѣстка, днемъ попробую“ означаетъ: замочъ и ключъ.

весною пламенный цвѣтокъ Перуна и не отопреть тенницы. Чешская пѣсня изображаетъ этотъ мифъ въ слѣдующихъ стихахъ:

O Maria! o Maria!
 kde's tak dlouho byla?
 —U studýnky, u rubinky
 ruce jsem si myla,
 zámečkem, zámečkem
 jsem se zamykala,
 listečkem, listečkem
 jsem se odmykala ¹⁾

Освобожденная и омытая въ дождевыхъ потокахъ, богиня является въ мѣръ пречистой, свѣтлою женою и несетъ съ собой щедрые дары: вино и золото (=дожди и ясную погоду). По свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, weisse Frau, когда наступаетъ часъ освобожденія, просить у всѣхъ встрѣчныхъ glücksblume или springwurz, и если получить этотъ цвѣтокъ — отпираетъ имъ подземные погреба, гдѣ стоятъ бочки благороднаго вина и лежатъ кучи золота, серебра и самоцвѣтныхъ каменьевъ. Однажды коровій пастухъ (=Доварь-пастырь небесныхъ стадъ) нашелъ прекрасный цвѣтокъ, сорвалъ его и заткнулъ въ шляпу, но вскорѣ почувствовалъ на головѣ что-то тяжелое; смотритъ—цвѣтокъ превратился въ серебряной ключъ, а подлѣ стоитъ бѣлоснѣжная дѣва. Этимъ ключемъ отперъ онъ двери во внутренность горы и обрѣлъ тамъ несметныя сокровища ²⁾. Преданіе о Перуновомъ цвѣтѣ, этомъ таинственномъ ключѣ къ подземнымъ кладямъ, было перенесено на первенца весны — золотисто-желтый цвѣтокъ (*primula veris*), который появленіемъ своимъ какъ-бы отпираетъ земныя нѣдра и открываетъ путь всѣмъ другимъ замкамъ. Въ Германіи цвѣтокъ этотъ называется schlüssel-

¹⁾ Proston. česke písně a říkadla, 57.— ²⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 243—4.

Blume, himmelsschlüssel, Frauenschlüssel¹⁾). Призвая дождящаго Перуна за владыку земныхъ водъ, предки наши возсылали къ нему мольбы даровать имъ счастье въ рыбной ловлѣ; послѣ принятія христіанства мольбы эти стали обращаться къ апостолу Петру, который (какъ извѣстно) и самъ былъ рыбакомъ. Чтобы ловля была удачная и обильная, архангельскіе рыбаки, отправляясь на морскіе промыслы, читаютъ слѣдующее заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! Отступися діаволъ отъ всѣхъ дверей и отъ всѣхъ угловъ хранины сея и отъ всѣхъ узловъ льняныхъ и конопляныхъ (т. е. сѣтей) и всякихъ разныхъ ловушекъ. Здѣсь тебѣ нѣтъ ни мѣста, ни части; здѣсь съ нами, съ рыбаками, честный крестъ Господень; здѣсь св. Троица — Отецъ, Сынъ и св. Духъ; здѣсь Мати Христа Бога нашего, пресвятая Богородица — держитъ во правой рукѣ цвѣтъ и траву, и даетъ намъ, рыбакамъ, для обкуриванья и сохраненія нашей рыбной ловли: льняныхъ и посконныхъ и конопляныхъ ловушекъ, красной рыбы-семги и бѣлой рыбы.. Здѣсь св. апостолы Петръ и Павелъ, держатъ во правыхъ рукахъ адамовъ крестъ — цвѣтъ и траву и золотые ключи, и даютъ намъ, рыбакамъ, для-ради сохраненія нашей рыбной ловли.» Другой заговоръ читается такъ: «по благословенію Господню, идите св. ангелы ко синю морю съ золотыми ключами, отмыкайте и колебайте синее море вѣтромъ и вихеромъ и сильною погодою, и возбудите красную рыбу-семгу и бѣлую рыбу, раки и щуки и прочихъ разныхъ рыбъ, и гоните изъ-подо мху, изъ-подъ вѣчнаго²⁾ куста и отъ крутыхъ береговъ и желтыхъ песковъ, и чтобъ она шла къ намъ, рыбакамъ, въ матушку-рѣку быструю Двину и въ разныя рѣки и озера... шла бы въ нашъ рыболовный заводъ, не боялась бы и не пе(я)тилась нашихъ льняныхъ и поскон-

¹⁾ D. Myth., 1146; Громаниъ, 234.— ²⁾ Вица—вѣтка.

ныхъ и конопляныхъ сѣтей и всякихъ разныхъ нашихъ ловушекъ» ¹⁾). Обѣ метафоры молніи: цвѣтъ и ключъ поставлены здѣсь рядомъ. Цвѣтъ-трава въ рукахъ Богородицы и апостола Петра есть мандрагора, извѣстная на Руси подъ именемъ адамовой головы; заговоръ называетъ ее адамовымъ крестомъ, что отзывается глубокою старинною: крестъ былъ символомъ Торова Mjölning'a, такъ какъ древнѣйшая форма каменныхъ мѣотовъ была именно крестообразная. «Адамовой головою» рыболовы и охотники окуриваютъ въ чистый четвергъ свои сѣти и силки, чтобы ловля была успѣшная; окуриваютъ этой травой и ружья, чтобы они не портились и давали бы мѣткіе выстрѣлы ²⁾). Апостоль Петръ и св. ангелы (собственно: духи грозъ) отмыкаютъ золотыми ключами (= молніями) синее море (= дождевыя тучи), вздымаютъ бурные вихри, волнуютъ рѣки и озера, и гонятъ рыбу въ разставленные сѣти. Первоначально, по всему вѣроятію, здѣсь разумѣлась не простая рыба, а та, ловлею которой занимался Торъ во время весенней грозы (см. выше стр. 154—5 ³⁾). Въ связи съ травой «адамовъ крестъ» надо поставить повѣрье о чудесной травѣ, извѣстной подъ именемъ Петрова креста. Эта послѣдняя такъ описана въ народномъ травникѣ: «ростомъ въ локоть, цвѣтъ багровъ, растетъ кусточками, корень весь крестъ на крестъ» ⁴⁾); она попадаетъ только счастливымъ,

¹⁾ О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 16—17.—²⁾ Абев, 3; Иллюстр. 1845, 538 — ³⁾ Прибѣгаютъ рыбаки еще къ слѣдующему средству: прищипываютъ къ сѣтямъ воскъ отъ свѣчи, которая горѣла на Свѣтло-воскресенскую заутреню, и причитываютъ: «какъ на Пасху валялъ въ церковь народъ, такъ бы шла въ мои сѣти рыба!» Также поступаютъ кузнецы, звѣроловы и пчеловоды, принимая обрядъ къ своимъ занятіямъ—чтобы въ кузницу шли заклашки, чтобы звѣри ловились въ капканы, а пчелы летѣли въ ульи (Этн. Сб., V, опис. гор. Котельнича, 75). Кузнечная работа, звѣриная охота и роенье пчелъ (точно также, какъ и рыбная ловля) служили предметами сравненія при повѣстическомъ изображеніи грозы.—⁴⁾ О. З. 1848, V, смѣсь, 15.

помогает отыскивать клады и предохраняет от нечистой силы ¹⁾.

д) Весною, когда золотой ключь-молнія отпереть замкнутое небо, появляются росы и дожди; и тѣ, и другіе признавались небесными слезами (I, 599 — 601), а потому Перуновъ цвѣтъ, какъ низводитель этихъ слезъ, получилъ названіе плакунъ-травы. Добывается плакунъ въ Ивановъ день, на ранней утренней зорѣ; корень и цвѣтъ его обладаютъ великою силою: они смиряютъ нечистыхъ духовъ, дѣлаютъ ихъ послушными волѣ человѣка, уничтожаютъ чары колдовъ и вѣдьмъ, спасаютъ отъ дьявольскаго искушенія и всякихъ недуговъ; крестъ, сдѣланный изъ плакуна и надѣтый на бѣсноватаго, изгоняетъ изъ него поселившихся бѣсовъ. Плакунъ открываетъ клады и заставляетъ демоновъ плакать т. е. заставляетъ тучи проливать дождь. Кому посчастливится найти и выкопать корень плакуна ²⁾, тотъ долженъ произнести надъ нимъ такое заклятіе: «плакунъ, плакунъ! плакалъ ты долго и много... будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полюбѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кievскимъ; а не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія» ³⁾. Трава эта, по мнѣнію народа, зарождается «на обидящемъ мѣстѣ» — на крови ⁴⁾, что согласуется съ вышеприведеннымъ связа-

¹⁾ Терещ., V, 95; Записки Авдѣев, 136. Известно еще названіе Петровы батоги (*сichogium intybus*, желтѣяница), очевидно указывающее на Перунову плеть; сокомъ этой травы вѣдьмы поятъ дѣвушекъ, чтобы онѣ чиликали сороками—Рус. въ св. посл., IV, 96 — ²⁾ Копать его совѣтуютъ, не употребляя желѣзныхъ орудій.—

³⁾ Продолж. Дневн. записокъ Делехина въ 1770 г., 73; Терещ. V, 89—90; Сахаров., I, 44; Абев., 267; Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 724: „чтобы найти мѣсто клада, слѣдуетъ взять съ собою вѣсаго пѣтуха, привязать ему на шею плакунъ-траву и пустить на землю; какъ только станетъ пѣтухъ на мѣсто клада, тотчасъ закричитъ.“— ⁴⁾ Москв. 1844, XII, 41—42.

ніемъ о корнѣ алырауна. Стихъ о голубиной книгѣ относить происхожденіе плакуна ко времени крестной смерти Спасителя:

Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати:
 Когда жидовья Христа рѣспяли,
 Святую кровь его пролили,
 Мать пречистая Богородица
 По Іесу Христу сильно плакала,
 По своему сыну по возлюбленному,
 Ронила слезы пречистыи
 На матушку на сырую землю;
 Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыхъ
 Зарождалася плакунъ-трава ¹⁾.

Основа преданія принадлежитъ дохристіанской эпохѣ; Богородица заступаетъ здѣсь мѣсто древней Лады (Френ), богини утренней зори и весеннихъ грозъ. Дѣва-Зоря выводитъ по утрамъ ясное солнце и прогоняетъ темную ночь; по аналогіи суточныхъ явленій съ годовыми, той-же богинѣ приписывали выводъ весенняго солнца изъ-за туманныхъ покрововъ зимы. Въ яркихъ краскахъ Зори предкамъ нашимъ видѣлись рассыпаемая ею по небесному своду розы, а въ росѣ—ея жемчужныя слезы; при паденіи этихъ слезъ распускается пламенный всемірный цвѣтъ—свѣтъ дня, восходящее лѣтнее солнце,—точно также, какъ Перуновъ цвѣтъ-молнія, силою котораго разгоняются тучи и проясняется отуманенный ликъ дневнаго свѣтила, разцвѣтаетъ во время проливаемыхъ небомъ слезъ, т. е. во время грозы, сопровождаемой дождевыми потоками. Вотъ почему народная фантазія связываетъ преданіе о плакунѣ съ именемъ Богородицы и самое зарожденіе этой травы ставитъ въ зависимость отъ ея пречистыхъ слезъ. Въ позднѣйшее время, позабывъ миѳическое значеніе плакуна, народъ ищетъ его въ поляхъ и лѣсахъ, и окрещиваетъ этимъ названіемъ то одну,

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 189.

то другую траву ¹⁾. Въ Германіи *orchis mascula* извѣстна подъ именемъ *Frauenthräne* или *Marienthräne* ²⁾, а въ Богеміи дикая гвоздика (*Lychnis dioica*, *Lychnis flos cuculi* Linn.)—подъ именемъ *slzičky Panny Marie*. Про цвѣтокъ «Богородицины слѣзки» чехи рассказываютъ, что въ то время, когда св. Марія провожала своего сына на распятіе, капали изъ ея свѣтлыхъ очей слезы, и тамъ, куда онѣ пали, выросла дикая гвоздика (*dianthus sylvestris*), которая и донинѣ носитъ на себѣ слѣды этихъ божественныхъ слезъ. Срывая дикую гвоздику, дѣти причитываютъ: «*Panny Marie slzičky, ať mne nebolej očíčky*»; если потереть этимъ цвѣткомъ больные глаза, то по народному повѣрью они излѣчатся ³⁾, т. е. больные глаза также прозрѣютъ, какъ прозрѣваетъ на разсвѣтѣ, при утренней росѣ, всесвѣтное око—солнце.

е) Перуновъ цвѣтъ разить демоновъ, пообѣждаетъ ихъ и заставляетъ въ страхѣ и трепетѣ разбѣгаться въ разныя стороны; ради этого ему могли присвоиваться названія: чертополохъ, одолень и прострѣль-травы. Имя чертополохъ (= травя, которую можно всполошить чертей) дается разнымъ видамъ цѣликаго рещейника (*carduus*, *cirsium*); сверхъ того, растеніе это называютъ: дѣдовникъ (т. е. трава, посвященная Дѣду-Перуну), бодякъ (можетъ быть, отъ глагола бодать — колоть), волчець, иголчатка, колючка. По народнымъ рассказамъ, чертополохъ прогоняетъ колдуновъ и чертей, оберегаетъ домашній скотъ, врачуетъ болѣзни и унимаеъ дѣвичью зазнобу ⁴⁾; ружье, окуренное

¹⁾ Гг. Анненковъ и Тарачковъ указываютъ на пять различныхъ растеній, которымъ дается имя плакунъ-травы, и между прочимъ на *spigaea ulmaria* (Ивановъ цвѣтъ, медуница, *wurmkraut*), *eripobium angustifolium* (Иванъ-чай, *feuerkraut*, *brandkraut*) и *lytrum salicaria* (*blutkraut*)—Ворон. Бесѣда, 238, 244, 270.—²⁾ D. Myth., 1146.—³⁾ Громанъ, 97—98.—⁴⁾ Сахаров., II, 5; О. З. 1848, IV, смѣсь, 147; V, 2.

травой колюкою, стрѣляетъ такъ мѣтко, что ни одна птица не ускользнетъ отъ его удара, и ни одинъ кудесникъ не въ состояніи заговорить его ¹⁾). Чтобы выгнать скотину отъ червей, знахарь идетъ въ поле, отыскиваетъ кустъ чертополоха, осторожно наклоняетъ его къ землѣ (стараясь не изломить) и прищемливаетъ деревянными вилочками; при этомъ произносится заклятіе: «ты, трава, Богомъ создана! выведи червей изъ кобылы или коровы раба такого-то; коли выведешь — отпущу, а не выведешь — съ корнемъ изжену!» Когда черви вывалятся изъ скотины — надо немедленно освободить траву, приговаривая: «ты мнѣ послужила, и я тебѣ отслужу!» Если этого не сдѣлать, чертополохъ въ другой разъ не слушается ²⁾).

Одольень-трава (серб. одольан, чешск. odolien) названа такъ потому, что одолеваетъ всякую нечистую силу; этии именемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обозначаютъ бѣлую и желтую кувшинку (*nymphaea alba* и *lutea* — купальница, водяной прострѣль). Оба вида — и бѣлоцвѣтная, и желтоцвѣтная *nymphaea* (*seeblatt*, *nixblume*) пользовались особеннымъ религіознымъ уваженіемъ у древнихъ фризовъ и зейландцевъ; сообщая это свѣденіе, Гриммъ нашелъ уиѣстнымъ напомнить о священномъ лотусѣ индѣйцевъ — *Ramârgîja* (пріятный Раиъ — любимый богиней *Lakschmi*). Гигантскій и роскошный цвѣтокъ Индіи, возникающій изъ лона водъ, ближе всего могъ служить эмблемою небеснаго цвѣта-молвіи, какой зарождается въ нѣдрахъ тучъ и цвѣтеть посреди дождеваго моря; такъ какъ, по древнему воззрѣнію, все сущее на землѣ вызывается къ бытію творческою силою весеннихъ грозъ, то съ лотусомъ соединяли мнѣ о созданіи міра ³⁾). У другихъ племенъ арійскаго происхожденія, при иныхъ мѣстахъ

¹⁾ Сахаровъ, I, 42. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 251; О. З. 1848, т. I, VI, сѣнь, 206; Терещ., V, 93. — ³⁾ D. Myth., 620, 1147.

счастливыхъ географическихъ условіяхъ занятыхъ ими странъ, а эмблему небеснаго цвѣтка принята была простая рѣчная лувшица. Кто найдетъ одолень-траву, тотъ (по свидѣтельству народнаго «травника») «вельми себѣ талантъ обрящетъ на земли»; отваръ ея помогаетъ отъ зубной боли и отравы, и сверхъ того признается за любовный напитокъ, способный пробудить нѣжныя чувства въ сердцѣ жестокой красавицы; съ корнемъ одолень-травы пастухи обходятъ стадо, чтобы ни одна скотина не утратилась. Всякой, кто отправаляется на чужбину, (особенно торговый человекъ) долженъ зацастись этой травой: «гдѣ ни пойдетъ, много добра обрящетъ» ¹⁾. Собираясь въ дальній путь, осторожные люди ограждаютъ себя слѣдующимъ заклятіемъ: «ѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ одолень-трава. Одолень-трава! не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать-сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы-самокрутки (т. е. вѣщія, облачныя дѣвы и жены — см. гл. XXVI). Одолень-трава! одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили; отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень-трава! одолѣй мнѣ горы высокія, доли низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженькѣ» ²⁾. Въ пѣснѣ, которой научили сербовъ вилы, говорится:

Да зна женска глава,
Што ј' одолян-трава,
Свагда би га брала,
Ј пас ушивала,
Уза се носила ³⁾.

¹⁾ Терещ., V, 91; О. З. 1848, V, 14. — ²⁾ Сахаров., I, 20. — ³⁾ Срп. и пјесме, I, 149. Переводъ: еслибъ знала баба, что такое одолень-трава, всегда бы брала ее, шивала въ поясъ и носила на себя.

Прострѣль-трава, рассказываютъ крестьяне, соединяетъ въ себѣ такую, какова тебѣ, а была вся сплошная. Когда Богъ прогнѣвался на сатану и его сообщниковъ и повелѣлъ Михаилу-архангелу гнать ихъ изъ рая, то злые духи спрыгали за эту траву; архангелъ бросилъ громовую стрѣлу и пронзилъ ею стебель травы отъ верхушки до самаго корня¹⁾. Съ той поры дьяволы боятся прострѣла и бѣгутъ отъ него на двѣнадцать степеней. Кто хочетъ, чтобы домъ его былъ безопасенъ отъ грозы и пожара и чтобы житие въ немъ было счастливое, тотъ долженъ сорвать прострѣль-траву и положить ее подъ основное бревно зданія, а на мѣстѣ сорванного растенія оставить красное пасхальное яйцо. Она излѣляетъ отъ нарчи и залѣчиваетъ раны, нанесенныя острыми орудіемъ. Когда домашній скотъ заболѣваетъ прострѣломъ (родъ падучей болѣзни), то знахари совѣтуютъ привязывать эту траву къ рогамъ захворавшихъ животныхъ²⁾. Название прострѣла даютъ различнымъ травамъ; давно утративъ сознаніе, что «прострѣломъ» обозначался чудесный цвѣтокъ, дѣйствующій подобно промывной стрѣлѣ (= известное призывающій, прострѣляющій), народъ ищетъ подъ этимъ именемъ травъ, которыя бы по формѣ ихъ стебля или корня можно было назвать прострѣленными³⁾. Въ числѣ травъ,

¹⁾ Москв. 1844, XII, 41—42. Не знаю, соединяютъ ли это преданіе съ назреватымъ стеблемъ кувшинки, называемой водянымъ прострѣломъ. — ²⁾ О. З. 1848, V, свѣд. 13, 49. — ³⁾ Подобно тому придано обратное значеніе и другому эпитету Перуновы травы—чортовъ укусъ (т. е. кусающая чертей). Подъ именемъ *teufelshiss*, чешск. *čertův kus* (или *sv. Petrákořeni*), польск. *czartowe źebro* известна трава *scabiosa succisa*, имѣющая тупой корень, какъ-бы откусенный снизу; народъ увѣряетъ, что откусилъ его дьяволъ, а Богородица сжалилась надъ травою и даровала ей силу прогонять нечистыхъ духовъ—D. Myth., 1163; Громаниъ, 99. Корень этотъ даютъ лизать коровамъ, чтобы охранить ихъ отъ вѣдьмъ и чертей—Гануша: Дѣвъ-Всеядъ, 28.

которымъ присвоится означенное названіе, встречаемъ *Aspidochelone lucosostomum* (лютикъ; жульница, царь-трава), о которомъ смотри т. I, 744.

f) Съ цвѣтомъ и вѣткою Перуна соединилась идея не только возрожденія природы, но и всеобщаго ея омертвенія. Молнія—орудіе смертоносное; падая на человѣка или животное, она убиваетъ ихъ на мѣстѣ; опалая дерево, заставляетъ его сохнуть. Смерть же на древне-поэтическомъ языкѣ есть неразлучный сонъ; оба эти понятія: и смерть, и сонъ въ мифическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ служили для обозначенія зимы и ночи. Весною, разбивая облачныя горы, богъ-громовникъ творилъ земное плодородіе; но осень, прешественница безплодной, всеоцпняющей зимы, также сопровождается дождями и грозами, и какъ въ апрѣлѣ и маѣ Перунъ представлялся отпирющимъ свѣтлое небо и дарующимъ міру щедрыя благодѣянія, такъ тѣмъ-же золотымъ ключемъ (молніей) онъ, въ качествѣ предводителя демоническаго свѣа (о Перунѣ-царѣ адскихъ подземелій см. гл. XXII), закрывалъ небо на продолжительное время зимы. Отсюда та же молнія, которая весною воскрешаетъ природу къ жизни,—возвлею осенью погружаетъ ея въ смертельный сонъ. Чехи различаютъ два громовыхъ удара: одинъ—огневоі, возжигающій пламя (= жизнь), другой—ледяной, погашающій пламя. Если взять во вниманіе, что въ сказаніяхъ о битвахъ Индры съ Вритроу они представляются сражающимися молніа противъ молніа, то понятно, что леденящіе природу удары грома суть удары, наносимые демономъ¹⁾. Вотъ основанія, руководясь которыми—фантазіа приписала Перуну цвѣту

¹⁾ Ч. О. И. в Д. 1865, IV, 247; Germ. Myth., 162—4. Не отсюда ли возникли сказанія, что богатырь долженъ побивать великановъ, бабу-ягу и нечистую силу однимъ ударомъ; отъ втораго удара они оживаютъ.

или пруту могучее свойство погружать все, на что только направлены его удары, въ долговременный непробудный сонъ. Подобное свойство приписывалось и гусямъ-самогудамъ (—грозовой пѣснѣ—см. I, 332-3), и жертвой водѣ осеннихъ ливней. Дождь, какъ мы знаемъ, постоянно уподобляется опьяняющимъ напиткамъ, которые съ одной стороны возбуждаютъ человѣка къ дикому разгулу, къ неумѣренному извлеченію своихъ силъ, а съ другой отнимаютъ у него сознаніе и погружаютъ въ усыпленіе. Такому усыпленію подвергается вся природа—вслѣдъ за тѣми шумными оргіями, какія змѣняютъ облачные духи и жены во время бурной, дождливой осени. Скандинавскія саги рассказываютъ про волшебный напитокъ, дарующій забвеніе всего прошлаго—*ó minni sól, ó minni sigrask*: преданіе, родственное греческому мѣноу о водахъ Леты; этотъ напитокъ подаетъ Гримгильда Зигурду, чтобы онъ забылъ Брунгильду; валькирии, эльбины и чародѣйки носятъ героямъ кубки, съ цѣлю отнять у нихъ память о быломъ и надолго задержать ихъ въ своихъ владѣніяхъ ¹⁾. Въ русскихъ сказкахъ, вмѣстѣ съ «моложавыми яблоками», дающими молодость, здравіе и самую жизнь (—тоже, что живая вода, см. стр. 309—317), упоминаются и яблоки волшебныя: кто съестъ такое яблочко, тотъ впадаетъ въ непробудный сонъ ²⁾. Несторова лѣтопись сообщаетъ слѣдующее легендарное сказаніе, основанное на стародавнемъ мифѣ об усыпляющемъ цвѣткѣ-молніи: «Бѣ же и другой старецъ именемъ Матейъ: бѣ прозорливъ. Единою бо ему стоящу въ черви на мѣстѣ своемъ, възведъ очи свои, позрѣ по братья, или стоять поущю по обѣма странама, видѣ обходяща бѣса — въ образѣ ляха, въ людѣ, и носяща въ приполѣ цвѣткы, или глаголется лѣпокъ; и обходя подлѣ братью, взявша изъ а

¹⁾ D. Myth., 1055. — ²⁾ Н. Р. Сл., VII, 16.

из¹⁾ лѣпокъ, вержаше на кого-любо: аще приляше (вар. приляляше) кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья, (и той) изло постоявъ и расслабленъ умошъ, вину створи каку-любо, изидаше изъ церкви, шедъ въ келью и усняше, и не възра- тившася въ церковь до отпѣтя; аще ли вержаше на другаго, и не приляше къ нему цвѣтокъ, стояше крѣпокъ въ пѣнни, людеже отпояху утренюю²⁾). Въ Патерикѣ Печерскомъ это лѣтописное сказаніе передано съ тою отиѣною, что бѣсъ явится въ образѣ война, нося въ воскрыліи ризномъ цвѣты ливкіе; такъ какъ грозовые духи изображались небесными мотельями, то указанная черта не лишена значенія. Народныя сказки упоминають о зельѣ или корнѣ, погружающемъ въ спячку на цѣлую зиму. Такъ хорутанская приповѣдка разска- зываетъ, что однажды при началѣ зимы медвѣдь откопалъ вѣтдомый корень, лизнулъ его нѣсколько разъ и ушелъ въ луну; увидя то, человекъ и самъ лизнулъ корень, послѣ чего немедленно впалъ въ усыпленіе и проспалъ въ лѣсу до самой весны (до protuletja). Когда онъ пробудился, люди уже пахали землю и сѣяли хлѣбъ. Разсказываютъ еще о пастухѣ: «на anjelsku nedelju» увидѣлъ онъ, что «išla saka kaša (всякой гдѣ) k travі, sasa je podehnula i odišla je vu jednu jamu»; сдѣ- лалъ и самъ тоже, и воротясь домой, проспалъ до вешняго Юрьева дня³⁾, т. е. до того времени, когда св. Юрій отпра- етъ небо и землю. Названіе баснословной сонъ-травы на- родъ связываетъ съ тѣми изъ земныхъ злаковъ, сокъ, отваръ и запахъ которыхъ производятъ на человека одуряющее дѣй- ствіе; таковы: мандрагора, извѣстная у насъ подъ именемъ соннаго зелья; atropa belladona — сонъ, сонный дур- манъ, одурь, нѣм. schlafbeere или schwindel- (teufels-, wind-, wuth-)beere; hyosciamus niger — бѣлена, дур-

¹⁾ Издатели лѣтописей прочли это мѣсто неправильно: изло на лѣпокъ.—²⁾ П. С. Л., I, 81—82.— ³⁾ Сб. Валявца, 254—6.

манъ, нѣм. schlaf- (hexen-, bilsen-)kraut; аптеона рол-
satilla—сонъ-трава, viscaria vulgaris — дрема, дремуч-
ка, сонъ-трава, гори-цвѣтъ. Поселяне убѣждены, что
сонъ-трава обладаетъ пророческою силою: если положить ее
на ночь подъ наголовье, то она покажетъ человѣку его судьбу
въ сонныхъ видѣніяхъ ¹⁾; думаютъ даже, что всякой, заснув-
шій на этой травѣ, приобретаетъ способность предсказывать
во снѣ будущее ²⁾.

У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ сохраняются поэтиче-
скія преданія о сонномъ царствѣ, стоящія въ самой тѣс-
ной связи съ сейчасъ-указаннымъ вѣрованіемъ въ сонъ траву.
При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, говоритъ хорутан-
ская сказка ³⁾, позваны были на пиръ вилы (облачныя дѣвы,
играющія здѣсь роль рожицы или норнъ—вѣстницъ судьбы).
Всѣ вилы старались надѣлать новорожденную дарами счастья;
только одна «злочеста» изрекла предвѣщаніе, что дитя должно
погибнуть въ ранней молодости. Когда дѣвочка выросла, она
превозшла красотой самыхъ вилъ; злая вила еще больше ее
возненавидѣла, и вотъ когда наступило время выдавать кра-
савицу замужъ—она явилась въ замокъ и ударила ее вол-
шебнымъ прутомъ; въ тотъ самой мигъ дѣвица окаме-
нѣла, и вѣстѣ съ нею окаменѣло все, что ее окружало.
Таже способность превращать въ камень приписывается въ
славянскихъ сказкахъ тѣмъ прутникамъ, которыми владѣтъ
вѣдьма; эта послѣдняя изображается здѣсь существомъ де-
моническимъ, появленіе ея сопровождается сильнымъ холо-
домъ, такъ что она сама дрожитъ отъ стужи и восклицаетъ:
«ijuj-ijuj, zi sha mi je!» ⁴⁾ Ударяя прутикомъ (иногда золо-

¹⁾ Сахаров., I, 43; Общ. истор. зн. нар. поэз., 38.— ²⁾ Рус. въ св. посл., IV, 95.— ³⁾ Сб. Валявца, 56—57.— ⁴⁾ Н. Р. Ск., VII, 22; Lud Ukrain., I, 305—327; Срп. припов., 29; сб. Валявца, 120—7; Сказ. Грим., 60; въ нѣмецкой сказкѣ вѣдьма жалуется: „hu, hu, hu, was mich friert!“

тми), она окаменѣетъ могучихъ богатырей и на всю страду налагаетъ пенальи зимняго омертвѣнія; въ ту же пору, когда земля бываетъ побѣждена и предана смерти — поля и рощи ютчасъ начинаютъ зеленѣть и цвѣсти ¹⁾. Итакъ волшебный прутикъ (wünschelruthe), который (какъ указано выше, см. стр. 394) можетъ всему окаменѣвшему возвращать жизнь, по другому представленію — самъ превращаетъ все живое въ камень, подобно тому, какъ золотой жезлъ Гермеса обладалъ силою и пробуждать отъ сна, и наводить на бодрствующихъ крѣпкій сонъ ²⁾. Продолжаемъ прерванную нами хорутанскую сказку: послѣ идригихъ дѣтъ случайно забѣлалъ въ окаменѣнное царство молодой царь, увидѣлъ красавицу, залюбовался ею и поцѣловалъ въ уста. Его поцѣлуй пробудилъ ее къ жизни, а съ нею ожило и все превращенное въ камень. Царь женился на красавицѣ, а злую вилу поражаетъ стрѣлою, при чемъ золотые волосы ея и одежда сгораютъ сами собою. Съ хорутанскою сказкою сходна итѣмецкая — «Dornröschen» ³⁾; въ ней также являются вѣстницы судьбы и предсказываютъ будущее новорожденной королевицѣ. Давно когда-то были король и королева; королева родила дѣвочку, столь прекрасную, что обрадованный отецъ вздумалъ задать большой пиръ. Онъ пригласилъ не только родственниковъ, друзей и знакомыхъ, но и вѣщихъ женъ (die weisen frauen), чтобы онѣ были благосклонны къ ребенку. Въ томъ королевствѣ ихъ было тринадцать; но какъ король имѣлъ только двѣнадцать золотыхъ тарелокъ, съ которыхъ вѣщія жены должны были кушать, то одну рѣшили совѣмъ не звать. Праздникъ былъ великолѣпный; къ концу шршества вѣщія жены стали дарить новорожденную чудесными дарами; одна надѣлила ее добродѣтелью, другая красотою, третья богатствомъ, и такъ далѣе. Только

¹⁾ Sloven. povesti, Škulčety a Dobšinsky, I, 10—11. — ²⁾ Одисс., V, 47—48. — ³⁾ Сказ. Гримм., 50.

успѣла выговорить свое пожеланіе одиннадцатая, какъ неожиданно явилась въ залу незваная вѣщяя жена. Оскорбленная тѣмъ, что ее не пригласили на пирь, она жаждала отомстить за обиду, и никого не привѣтствуя, воскликнула строгимъ голосомъ: «въ пятнадцать лѣтъ пусть королева уколется веретеномъ и упадетъ мертвая!» Затѣмъ повернулась и оставила залу. Всѣ были въ ужасѣ; тогда выступила двѣнадцатая вѣщяя жена, которая еще не высказала своего желанія, и хоть она не въ силахъ была уничтожить злое заклятіе, но могла смягчить его. «Да не будетъ смерти, зарекла она, но да будетъ это глубокой столѣтній сонъ, въ который упадетъ прекрасная королева!» Король, желая соблюсти свое дитя отъ предсказаннаго несчастія, издавъ указъ, чтобы въ цѣломъ его государствѣ были немедленно сожжены всѣ веретѣна. Дары вѣщихъ жень въ точности исполнились: королева была прекрасна, скромна, привѣтлива и разумна, такъ что всякой, кто ее хоть разъ видѣлъ, не могъ не полюбить милой дѣвушки. Случилось, что въ тотъ день, когда совершилось ей ровно пятнадцать лѣтъ, короля и королевы не было дома, и королева оставалась одна въ замкѣ. Она ходила по двору, осматривала палаты и комнаты, и наконецъ по узкой круглой лѣстницѣ взшла на старую башню; отворила дверь — тамъ въ маленькой комнаткѣ сидѣла старуха съ веретеномъ въ рукахъ и прилежно прядла кудель. «Доброй день, бабушка! сказала дѣвица, что ты дѣлаешь?» — Пряду, отвѣчала старуха. «А это что за вещь, что такъ весело кружится?» спросила королева, указывая на веретено, и хотѣла было приняться за пряжу; но едва она дотронулась до веретена, какъ уколола имъ палецъ. Въ то самое мгновеніе исполнилось заклятіе — королева упала на постель и погрузилась въ глубокой сонъ. Сонъ этотъ распространился на весь замокъ: король и королева, которые только что воротились домой и вошли въ залу,

заснули вмѣстѣ со всею свитою и дворомъ; спали и лошади на конюшнѣ, и собаки на дворѣ, и голуби на крышѣ, и мухи по стѣнамъ; даже огонь, разведенный на очагѣ, остановился неожиданно и какъ-бы заснулъ; жареное перестало скворчатъ, и поваръ, замахнувшійся было на поварѣнка, такъ и замеръ на этомъ движеніи, погрузившись въ дремоту; самый вѣтеръ притихъ и ни одинъ листикъ не шевелился болѣе на деревьяхъ. Кругомъ зѣмка выросъ густой терновникъ и съ каждымъ годомъ подымался все выше и выше, такъ что наконецъ никто не могъ видѣть ни самаго зѣмка, ни флага на его кровлѣ. Но по свѣту шла молва о чудной спящей красавицѣ Dornröschen (такъ ее называли), и время отъ времени являлись королевичи, пытавшіеся пробраться сквозь терновый заборъ. Попытки ихъ были тщетны; терновникъ, словно у него были руки, крѣпко обхватывалъ каждого смѣльчака, и несчастные юноши, повиснувъ на его иглахъ, умирали жестокою смертію. Много-много годовъ утекло, услышалъ одинъ королевичъ отъ сѣдаго старца рассказъ о спящей королевнѣ, и захотѣлъ во что бы ни стало взглянуть на нее. Срокъ пробужденія приближался. Когда юноша подошелъ къ терновому забору, намѣсто колючихъ кустовъ явились красивые цвѣты; дорога была открыта. Онъ поспѣшилъ къ зѣмку; охотничьи собаки и кони лежали на дворѣ и спали; голуби сидѣли на крышѣ, завернувъ головы подъ крылья; въ кухнѣ поваръ все еще стоялъ съ поднятой рукою, какъ-бы намѣреваясь ударить поварѣнка, и служанка все еще сидѣла надъ курицею, которую собиралась ощипать. Королевичъ шелъ дальше; вездѣ царствовала безмолвная тишина, такъ что можно было слышать свое собственное дыханіе. Наконецъ онъ взомелъ на башню и отворилъ дверь въ маленькую комнату, въ которой спала королевна; она была такъ прекрасна, что королевичъ не могъ отвести отъ нея глазъ, наклонился къ дѣвицѣ и поцѣловалъ ее. Едва поцѣ-

дуй коснулся красавицы, как она открыла очи и пробужденная радостно взглянула вокруг себя. Рука обь руку сошли они съ башни; проснулся и король съ королевою, проснулись и придворные и съ наумлением ометрѣли другъ на друга; на дворѣ ржали лошади, собачи ласкались и прыгали, голуби вынули изъ дождь крыльевъ свои головы и полетѣли на поле, мухи ползали по стѣнамъ, на очагѣ пылалъ огонь, и варилось кушачье, жаркое начало скворчить; новаръ далъ поварѣнку такую затрецину, что тотъ заоралъ, и служанка принялась щипать курицу. Королевичъ женился на прекрасной королевицѣ, свадьбу отпраздновалъ пышно, и до конца жизни не вѣдѣяло имъ счастье. Такимъ образомъ превращенію въ камень, о чемъ говорятъ сказки славянъ и другихъ народовъ ¹⁾, здѣсь соотвѣтствуетъ доаголтнѣй, непрерывный сонъ. Въ итальской сказкѣ королева засыпаетъ, уколвшись веретеномъ; въ одной изъ русскихъ сказокъ она засыпаетъ отъ волшебной шпильки, воткнутой въ ея волосы, и только тогда пробуждается отъ мертвящаго сна, когда эта шпилька выпадаетъ изъ дѣвичьей косы ²⁾; въ другихъ русскихъ сказкахъ выводится королевичъ, всякой разъ засыпающій непробуднымъ сномъ, какъ скоро воткнуть въ его одежду иголку или булавку ³⁾. Интересна итальянская редакція сказки о спящей царевнѣ ⁴⁾. У одного знатнаго вельможи родилась дочь Таіа; отецъ созвалъ мудрецовъ, чтобы они предсказали судьбу дѣвочки. Мудрецы объявили, что ей угрожаетъ большая опас-

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 40; VIII, 429—432; Гальтрикъ, 143—8; Westsl. Märch., 134—5; сб. Валивца, 17—19; Шоттъ, 7; Тысяча и одна ночь, II, 217—9. — ²⁾ Н. Р. Ск., VII, 2. — ³⁾ Ibid., V, 42; VIII, 4, 13; см. и Slov. pohad., 134—6; Штиръ, 43—46. По очевидательству въ некоторыхъ сказкахъ (Шоттъ, 25; сб. Валивца, 212—4; Slov. pohad., 162—5; Эрбень, 56—57), булавка, воткнутая въ волосы красавицы, превращаетъ ее въ голубку, т. е. одвааетъ ее въ пернатую собратку или обмачный покровъ. — ⁴⁾ Pentamerone, 45.

ность отъ кострики; немедленно отнять былъ стрѣгой приказъ, чтобы въ замкѣ не было ни льну, ни конопли и ничего подобнаго. Талія выросла; разъ она увидѣла старую пряжу за работою, любопытная дѣвушка взялась за кудель, начала тянуть нитку и нечаянно занозила свой палецъ костриною подъ самый ноготь; въ ту-же минуту она обмерла и упала наземъ. Ее положили въ пустомъ, уединенномъ замкѣ и наглухо заперли двери. Однажды охотился въ той сторонѣ король, и случилось, что его соколъ залетѣлъ въ окно замка. Король полѣтъ за нимъ и нашелъ спящую дѣвицу, долго будилъ ее и не могъ добудиться. Обвороженный ея красотою, онъ не устоялъ противъ искушенія и раздѣлилъ съ ней ложе. Талія повесела плодъ и родила двухъ близнецовъ — мальчика и дѣвочку; они приняли дѣтей и положили къ грудямъ сонной матери. Разъ какъ-то, не находя груди, одинъ изъ близнецовъ началъ сосать у матери палецъ и высосалъ изъ него занозу: съ этимъ вѣстѣ окончилось глубокое усыпленіе Таліи, и она встала для счастливой жизни и любви. Дѣти ея названы Солнцемъ и Луною; во французской же версіи (у Perrault'a) спящая царевна рождаетъ Аврору и Деня, т. е. богиню Зорю и бога дневнаго свѣта — Солнце. По свидѣтельству Старой Эдды, богъ бурныхъ грозъ Одинъ погрузилъ въ сонъ вѣщую воинственную валькирію Брунигильду, уколовъ ее терніемъ; Зигурдъ (—громовникъ) нашелъ спящую дѣву въ замкѣ, снялъ съ ея головы шлемъ и разсѣкаетъ своимъ чудеснымъ мечемъ твердую броню, которая такъ плотно облегла ея тѣло, какъ будто бы совсѣмъ приросла. Когда броня была снята — дѣва тотчасъ-же пробудилась отъ сна ¹⁾. Валькирія — облачная нимфа, ратующая въ шумѣ грозовыхъ битвъ. Съ тѣмъ-же характеромъ облачной дѣвы выступаетъ и

¹⁾ Смирнокъ, 168—9.

героиня валахской сказки: это была прекрасная царевна, страстная любительница плясок, которая не иначе хотѣла выйти замужъ, какъ за того, кто превзойдетъ ее неутомимостью въ танцахъ. Сама она танцевала съ необыкновеннымъ искусствомъ и бѣшенымъ увлеченіемъ. Многіе изъ сонскателей ея руки падали разбитыми и даже мертвыми отъ чрезвычайныхъ усилій, другіе тайкомъ удалялись отъ опасной невѣсты. Каждый вечеръ собирались во дворецъ гости, музыка гремѣла и танцы слѣдовали за танцами. Однажды сквозь толпу гостей протѣснился незнакомый чужестранецъ и изъявилъ желаніе состязаться съ царвеною. Она почувствовала къ нему непонятное отвращеніе, и хоть не желала съ нимъ танцевать, но должна была уступить волѣ отца. Тотчасъ-же всѣ замѣтили, что подъ пару принцессѣ нашелся не менѣе ея искусный и страстный танцоръ. Долго они носились по залѣ; наконецъ утомленная — она потребовала пощады, но кавалеръ не хотѣлъ ее оставить; онъ такъ быстро и бѣшено кружился съ нею, что она не могла перевести духу, и легкія ноги царвены совсѣмъ подкосились. Тутъ незнакомецъ бросилъ ее къ ступенямъ трона, на которомъ возсѣдалъ царь, и сказалъ отцу съ злою насмѣшкою: «возьми свою дочь! я бы могъ потребовать ее по праву, но не хочу... Отъ этого безумнаго веселья я успокою васъ на вѣчныя времена: ты и твоя дочь, и царскій дворецъ, и цѣлый городъ со всѣмъ, что въ немъ живетъ, должны окаменѣть, и такое окаменѣніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не явится тотъ, кто меня пересмѣлитъ». Таинственный гость былъ дьяволъ; по его слову вингъ все окаменѣло. Ровно черезъ тысячу лѣтъ является избавитель; онъ состязается съ дьяволомъ, кто изъ нихъ въ силахъ выпить больше вина, и при этомъ запираетъ его въ бочку. Едва чортъ попалъ въ винную бочку, какъ вдругъ все ожило и дворецъ исполнился опять суеты и движенія. Не-

истовыя пляски царевны указываютъ въ ней существо ствѣйное; это — тѣ пляски, которыя донинѣ видитъ народъ въ вихрѣхъ вихрей, несущихъ легкія облака и волнующихъ моря и рѣки, подъ звуки грозовой музыки.

Во всѣхъ указанныхъ видоизмѣненіяхъ сказка о спящемъ или окаменевшемъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня Земля вступаетъ въ бракъ съ просвѣтлѣвшимъ Небомъ, прятѣе — съ богомъ-громовникомъ, орошающимъ ее плодоноснымъ сѣменемъ дождя, или когда тотъ-же громовникъ пробуждаетъ къ жизни дождевыя тучи и заключаетъ любовную связь съ прекрасною облачною нимфой — съ богиней весеннихъ грозъ. Оба представленія: мать-сыра земля, кормилица смертныхъ, и богиня-громовница, творящая земные урожан, соеделяются въ народныхъ преданіяхъ въ единомъ образѣ немецкой красавицы; объ этомъ уже достаточно было говорено прежде. Последовательная сѣна лѣта и зимы есть неизмѣнный законъ, ничѣмъ неотвратимый приговоръ судьбы, и потому при самомъ рожденіи немецкой красавицы (т. е. при началѣ весны) уже дается предсказаніе, что она во цвѣтѣ полнаго развитія заснетъ долгимъ непробуднымъ сномъ и будетъ покониться до тѣхъ поръ, пока не наступитъ часъ избавленія (т. е. новая весна). Предсказаніе это непремѣнно должно исполниться; отклонить то, что требуется естественными законами, невозможно. Зимній сонъ или зимняя смерть природы уподобляются окаменѣнію; потому что окованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень, и самыя тучи, охваченныя стужей, не даютъ болѣе дождя и также представляются застывшими, окаменѣлыми. Послѣ бѣшеныхъ плясокъ, какимъ предаются облачныя дѣвы и грозовыя духи въ залѣ небеснаго чертога, во время бурныхъ осеннихъ ливней, — они цѣпенѣютъ подъ холоднымъ дыханіемъ зимы и не

прежде пробуждаются къ жизни, какъ въ то время, когда благодатная весна наполнитъ облака-бочки живительнымъ влагою дождя. У болгаръ и сербовъ есть разсказъ о томъ, какъ морозы превратили въ камень бабу-настужку вмѣстѣ съ ея овцами и козами (см. т. I, стр. 586 ¹). Подобно убитымъ сказочнымъ героямъ, при окропленіи ихъ живою водою, — богатыри нашихъ былинъ, возвращаясь къ жизни изъ того окаменѣлаго состоянія, въ какое повергло ихъ злое колдовство, обыкновенно говорятъ: «какъ, какъ я долго спалъ» ²). Окаменѣніе болѣею частью совершается въ дѣвками и чертешки, и это понятно, потому что и тѣмъ, и другимъ народныя повѣрья приписываютъ разрушительные полеты грозовыхъ бурь и мертвящее вліяніе вьюгъ и мятелей. Разящую на смерть магію мнѣ отождествляетъ съ губительнымъ зубомъ демона-зими, который въ образѣ волка или свиньи захватываетъ въ свою пасть (т. е. помираетъ тучами) свѣтлое солнце и наноситъ міру тяжелыя раны дѣйствіемъ треснувшихъ мерзотовъ; нашъ языкъ допускаетъ выраженіе: «морозъ кусаетъ ся». Это смертѣніе плодотворищихъ силъ природы въ зимній періодъ времени греки запечатѣли въ сказаніи объ Адонисѣ, который, въ общему горю, погибъ сраженный острымъ зубомъ змея (I, 783). Тоже значеніе, какое въ греческомъ мнѣ при- дано набаньему клыку, въ народныхъ сказкахъ приписывается острию булавки (иглы, шпильки ³) и волшебному пруту, а въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ въ тибели юнаго героя или героини желали ярче выразить непреложное предопредѣленіе судьбы, — веретену или кострятъ; ибо дѣвмъ судьбы представлялись пряхами (см. тл. XXV). Смерть и воскресеніе приро-

¹) См. у Шетта, 6. — ²) Рыбнид., II, 69, 77. — ³) Небороть враждебный сказочнымъ героямъ, представитель демонической силы — Кошей умираетъ тогда, когда сломанъ конецъ иголки (Н. Р. Ск., VII, 16).

ды — исторія, которая издревне интересовала человѣка и къ которой онъ безпрестанно обращался въ своихъ эпическихъ сказаніяхъ. Она передается и Старой Эддою въ тѣхъ о всѣмъ обожаемомъ Бальдурѣ. Сынъ Одина и Фригги, Бальдуръ былъ прекраснымъ и благодѣтельнымъ божествомъ яснаго лѣтнаго солнца; асы желали, чтобы онъ царствовалъ вѣчно, т. е. желали несмолчаемаго лѣта, и мать его Фригга поспѣшила взять со всего, что существуетъ на землѣ, клятву не наносить вреда этому свѣтлому богу; но при отобраніи всеобщей клятвы она позабыла о ничтожномъ туннеядномъ растеніи, которое вырастаетъ не на землѣ, а на деревьяхъ: это — омела, у ботаниковъ *viscum album*, нѣм. *mistel*. Асы собрались вмѣстѣ, поставили въ средину Бальдура, и пуская въ него стрѣлы, любовались, какъ онъ отскакивалъ прочь и какъ ни одно остріе не вредило ему. Но злобный Локи дознался, съ какого растенія не взята клятва, сдѣлалъ стрѣлу изъ омелы и далъ ее пустить ослѣпшему Гёдуру (Hödur); пораженный этой стрѣлою, Бальдуръ палъ бездыханнымъ ¹⁾, т. е. зимній прахъ (=слѣпота) убиваетъ всевидящее божество, закрывая его туманами и лишая яркихъ все-отрѣвляющихъ лучей. Такимъ образомъ уклоненіе солнца на зиму принималось за его насильственную смерть. Такъ какъ омела, во видимому, вырастаетъ не отъ семени и корня, то происхожденіе ея почитали чудеснымъ. Думали, что она спадаетъ съ неба на вѣтви священныхъ деревьевъ (дубъ, ясень, акацію и др.); слѣдовательно въ ней видѣли ту тернистую и глупую, которую роняетъ соколъ-Индра при похищеніи семени, или что тоже — колѣчій тернъ-волнию, вырастающій на облачныхъ деревьяхъ и съ нихъ спадающій на землю. По мнѣнію Куна, первоначальный способъ обыванія огни былъ указанъ человѣку самою природою. Въ

¹⁾ Симрокъ, 8, 280—1.

своихъ дѣвственныхъ лѣсахъ онъ видѣлъ, какъ вѣтеръ, качая деревья, обвитыя ползучими травами, тѣръ твердый сукъ о сухую лѣану, и огъ этого тренія рождался огонь. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ тѣ обрубки, изъ которыхъ добывали «живой огонь», принято было обкладывать сухими чужездными растеніями. Сравнивая означенное явленіе съ небесной грозой, древній человѣкъ узнавалъ омегу въ молніеносной стрѣлѣ, возжигающей дерево-тучу. Омела (пол. *jemioła*, чешск. *jmel*, серб. и мела, мела—санскр. *a-mala*—незапятанный, чистый, свѣтлый) известна въ Швейцаріи подъ именемъ *donnerbesen* и признается обладающею тѣми-же свойствами, что и *springwurz* ¹⁾). На Руси ей даютъ названіе вихорево гнѣздо ²⁾; а по сербскому повѣрью, подъ орѣшникомъ, на которомъ выросла омела, всегда можно найти змѣю съ дорогимъ камнемъ на головѣ и много другихъ сокровищъ ³⁾, что съ одной стороны указываетъ на связь омелы съ кладами, а съ другой роднитъ ее съ тою зѣминою травой, которая прикосновеніемъ своимъ исцѣляетъ раненныхъ и воскрешаетъ убитыхъ (см. гл. XX). По свидѣтельству Плинія, друиды считали омегу на дубахъ за даръ, ниспосланный съ неба, и за несомнѣнный знакъ, что деревья эти избраны богами; они думали, что омела родится не отъ сѣмянъ, а отъ помета дикихъ голубей и дроздовъ, т. е. отъ молніеносныхъ искръ, роняемыхъ грозowymi птицами (сравни съ вышеуказаннымъ уподобленіемъ молній помету облачныхъ коней—I, 636). Любопытно, что въ Нидерландахъ чужездныя растенія называются *maertakken* и служатъ указаніемъ, что тамъ, гдѣ они выросли, садились отдыхать эльфы (мары), во время прилета своего изъ небесной страны (England). По мнѣнію галловъ, питье, приготовленное изъ омелы,

¹⁾ Die Götterwelt, 206.— ²⁾ Толков. слов., I, 1250.— ³⁾ Спр. рѣчник, 352

испьяетъ отъ всякой отравы и болѣзней и сообщаетъ животнымъ плодородіе ¹⁾; въ Германіи пиво, сваренное съ чужедными растеніями, считается цѣлебнымъ противъ порчи домашняго скота ²⁾. — Подобно Бальдуру, герой персидскаго эпоса Исендиаръ, котораго не могло ранить никакое оружіе, погибъ отъ вѣтки терновника, пущенной вмѣсто стрѣлы ³⁾, что напоминаетъ schlafdog, которымъ Одинъ укололъ Брунигльду, и нѣмецкую сказку о Dogngöschен. Чужедный мховидный наростъ на дикомъ розовомъ кустѣ (шиповникѣ) или боярышникѣ называется у нѣмцевъ schlafapfel; увѣряютъ, что онъ происходитъ отъ ужаленія осы (—отъ удара молнии, см. I, 384), и что если положить его подъ изголовье, то человѣкъ до тѣхъ поръ будетъ спать безпробудно, пока не вынутъ этого растенія назадъ; чтобы охранить домъ отъ несчастій, втыкаютъ его за кухонныя балки ⁴⁾. Подобное повѣрье есть у чеховъ: «на šipku vyrostе sránek, jinak pokažená ruže šipková, v jejížto jablíčku zavity červik se naleza; tyž sránek trhaji mládenčí zamilovaní a rannu... potajmo, nejvíce na jaře před slunce vychodem, a kladou to jedni druhým potajmo do loži (jakož i matky a baby dětem do kolíbek ho nastrkají), aby dobře spali a líbe zny měli» ⁵⁾. Очевидно, что повѣсть о безвременной кончинѣ Бальдура составляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ общезарійскихъ мифовъ; отголосокъ этого мифа, хотя уже въ значительно-подновленной формѣ, встрѣчаемъ въ галицкой колядкѣ: было то давно, съ первовѣку —

Коли жидове Христа мучили,
На розпятию гей розпинали,
Клюковъ за ребра гей разбивали,
Терновый вѣнецъ на головъ клали,

¹⁾ Галлы, соч. Георгіевскаго, 119—120; Beiträge zur D. Myth. Вольфа, II, 272. — ²⁾ Ibid., I, 221. — ³⁾ М. Мюллеръ, 94—95. — ⁴⁾ D. Myth., 1155—6. — ⁵⁾ Ч. О. Н. и Д. 1865, IV, 309.

Глогови ¹⁾ шпильки за ногти били;
 Всяке деревце не лѣзло въ тѣльце,
 Червива ива ой согрѣшила —
 Исуса Христа кровцю пустила ²⁾.

Итакъ преданіе о зимней смерти свѣтлаго, солнечнаго божества слилось у славянъ съ евангельскимъ сказаніемъ о мученической кончинѣ «праведнаго солнца» Христа и воспоминается на праздникъ Коляды, когда благодѣтельное свѣтло снова воскресаетъ къ жизни; губительная омега замѣняется ивою — вербою, которая (какъ мы видѣли) играетъ въ нашихъ повѣрьяхъ и обрядахъ роль Перуновой лозы. «Гива тмѣ червива, говорятъ малоруссы, що килками з' неї Христа мучили» ³⁾. Въ связи съ этимъ объясняются и другія родственныя сказанія о плакунѣ-травѣ и корнѣ альрауна: и та, и другой явились въ мірѣ въ печальный день казни, постигшей праведника (см. выше стр. 395, 414).

Зимній сонъ природы продолжается цѣлые мѣсяцы, и ничѣмъ не можетъ быть прерванъ до истеченія извѣстнаго срока; отсюда понятно, почему сильномогучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, погружаются въ долгой, непробудный, такъ называемый богатырской сонъ ⁴⁾. Любопытно указаніе одной сказки ⁵⁾, что какъ скоро добрый молодець впалъ въ усыпленіе, тотчасъ-же на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки, словно отъ зимнихъ морозовъ. Царевна, погруженная въ долголѣтній сонъ, пробуждается не прежде, какъ въ то урочное время, когда мечь-молнія разрубить ея тѣсную брѣню и когда изъ пальца красавицы будетъ высосана уколосшая ее заноза, т. е. когда прекратится мертвящее вліяніе зимы и твердыя оковы, которыя наложила она на землю и дождевыя тучи, будутъ раздроблены,

¹⁾ Глогъ — боярышникъ, weissdorn. — ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, 23. — ³⁾ Ношис., 6; Основа 1861, X, 51—52 («Великдень у подоланъ»). — ⁴⁾ Н. Р. Ск., VII, 5, 6; VIII, 23. — ⁵⁾ Ibid., VIII, 12.

прососаны жгучими лучами весеннего солнца и молніями. Польской глаголь *smoktać* (чмокать или цмокать — издавать звукъ губами, бѣлор. *цмокаць* — свистать, шипѣть, какъ змѣй, шелкать зубами, смокать, смаковать — отъдымать, пить съ наслажденіемъ) одинаково употребляется и въ смыслѣ сосать, и въ смыслѣ цѣловать. Если эти понятія отождествлялись въ языкѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ народномъ эпосѣ спящая царевна пробуждается къ жизни не только высасываніемъ изъ ея тѣла губительной занозы, но и поцѣлуемъ юнаго свѣтлаго жениха. Поэтический языкъ доселѣ удерживаетъ древнюю метафору, по выраженію которой весеннее солнце горячо лобзаетъ землю, и она, словно невѣста передъ вѣнцомъ, убирается въ цвѣты и зелень. О молніи предки наши выражались, что она сосетъ дождевыя тучи, и называли ее потому *smok* или *smok*—огненный (молніеносный) змѣй, высасывающій молоко небесныхъ коровъ (т. е. дождь), и виѣсть съ тѣмъ: водяной насосъ, пожарная труба (см. гл. XX). Но слово сосеть уже возбуждало представленіе о жадно-впившихся и страстно цѣлующихъ устахъ. Во время весенней грозы, въ которой древніе поэты усматривали свадебное торжество бога-громовника съ облачною дѣвою, Перунъ припадаетъ къ своей невѣстѣ пламенными устами, лобзаегъ ее молніями и уливается любовнымъ напиткомъ—дождемъ; въ громовыхъ ударахъ слышались звуки его сладострастныхъ поцѣлуевъ. Этотъ прекрасный художественный образъ встрѣчаемъ въ сказочномъ эпосѣ: богатырь-громовникъ побѣждаетъ демоническія рати, избавляетъ отъ нихъ красавицу-царевну, и въ награду за то просить у ней поцѣлуя; «царевна не устыдилася, прижала его къ ретиву сердцу и громко-громко поцѣловала, такъ что все войско услышало»¹⁾. Любопытно, что народныя сказки

¹⁾ Н. Р. Ск., VIII, 18.

даютъ поцѣлую тоже двоякое значеніе, какое придавалось Перуновой вѣткѣ: съ одной стороны онъ освобождаетъ отъ клятвія и прерываетъ волшебный сонъ ¹⁾, а съ другой насыляетъ забвеніе ²⁾. Н. Гриммъ сопоставляетъ *ô minnisöl* — напитокъ, дарующій забвеніе, съ словами: швед. *minna* — цѣловать, датск. *minde* (какъ $\varphi(\lambda\varepsilon\tau\nu)$) — *amare* и *osculari*; старинное выраженіе о поцѣлуяхъ «*das liebmahl ansetzen*» называетъ ихъ широмъ любви ³⁾.

Рядомъ съ уподобленіемъ тучъ скаламъ и камнямъ стоятъ повѣщическое представленіе ихъ крѣпостями, городами, дворцами (замками) и царствами. Метафора эта основывалась на томъ непосредственномъ впечатлѣніи, какое производятъ на глазъ гряды видимыхъ на горизонтѣ, одно на другое нагроможденныхъ облаковъ; принимая разнообразныя, утѣсистыя очертанія, онѣ казались каменными стѣнами и башнями, воздвигнутыми на небѣ упорнымъ трудомъ и искусствомъ великановъ. Отъ санскр. корня *sthâ* — *stare* произошли: *sthûpa* — наковальня (=камень; сравни греч. $\acute{\alpha}\chi\mu\omega\nu$ — слово, означающее наковальню и соответствующее санскритскому *аспан* и нашему камень) и столбъ, подпорка въ домѣ; готск. *stains*, англос. *stân*, сканд. *stêp*, др.-нѣм. *stein*, греч. $\sigma\tau\acute{\alpha}$, $\sigma\tau\acute{\iota}\omega\nu$, илл. *stena* — скала, камень, и рус. стѣна; санскр. *sthâna* — мѣсто, домъ, зданіе, городъ, *gô-sthâna* (занд. *gaô-stâna*) — загородка для скота (въ переносномъ значеніи: облачная постройка для небесныхъ коровъ — см. выше стр. 351), *sthala*, англос. *stal*, *steal*, сканд. *stallr*, др.-нѣм. *stal*, *stall*, рус. станъ (укрѣпленный лагерь) и стойло ⁴⁾. Скрывая въ своихъ мрачныхъ вер-

¹⁾ *Ibid.*, VII, 15; у Шотта, стр. 261: поцѣлуй морской дѣвы воскрешаетъ убитаго витязя; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 244—5.— ²⁾ Н. Р. Сх., V, 23; VI, 48, 49.— ³⁾ *D. Myth.*, 1055: „*minna*—*osculari* kann freilich aus *munna* (den mund geben), *alta. munna* verderbt scheinen.“— ⁴⁾ Пикте, II, 18—19, 145.

тепахъ небесный свѣтъ и дожди, облака представлялись скалами, замыкающими внутри себя дорогія для смертнаго сокровища, и въ этомъ смыслѣ рисовались воображенію: крѣпкими оградами, за которыми демоническія силы прячуть золото солнечныхъ лучей и живую воду, городами (т. е. по древнему значенію этого слова—огороженными мѣстами), крѣпостями или замками, и наконецъ царствами; ибо въ отдаленную эпоху господства родовыхъ отношеній каждое обнесенное стѣнами мѣсто поселенія было отдѣльнымъ государствомъ, независимымъ политическимъ центромъ, съ своимъ самостоятельнымъ владыкою-патріархомъ, съ своею управою и распорядкомъ. Въ гимнахъ Ригъ-Веды облака и тучи называются городами и крѣпостями Вритры, стѣны которыхъ разрушаетъ могучій Индра, чтобы открыть дождевымъ потокамъ свободный путь на землю; поэтому Индрѣ давалось прозваніе *Pugandaga* — разоритель городовъ ¹⁾. Нѣмецкій языкъ допускаетъ выраженіе *getürmte wolken*; въ *Turingin der weisze turm*—гряда бѣлыхъ облаковъ; въ *Westfalen*, при видѣ черныхъ тучъ, говорятъ: *«der grummel-turm (donnerturm) steigt auf»*; на шведскихъ островахъ тоже явленіе обозначается словомъ *bisaborg (gewitterburg)* ²⁾. Подобно тому, въ архангельской губ. густыя облака, скученныя по краямъ горизонта, называются стѣною: «солнце садится въ стѣну», т. е. въ тучи ³⁾. Народныя загадки, уподобляя громовый грохотъ реву быка и ржанію коня, выражаются: «ревнулъ волъ на сто горъ, на тысячу городовъ», «ржетъ жеребецъ на крутой горѣ» или «сивой жеребецъ на все царство ржетъ» (I, 612, 660). Эти горы и города, потрясаемые громовыми ударами, должны быть горы-тучи и тѣ самые города, о которыхъ сербская пѣсня рассказываетъ, что ихъ строитъ

¹⁾ *Orient und Occid.*, 407—8, 413; *Germ. Mythen*, 161.— ²⁾ *Die Götterwelt*, 91—92.— ³⁾ *Обл. Сл.*, 219.

на воздухѣ вѣщая вила (см. гл. XXIII). Въ заговорахъ, какіе произносятся ратникомъ при выступленіи на войну, читаемъ: «Ѣду на гору высокую-далекую по облакамъ, по водамъ (т. е. на небесный сводъ), а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидитъ зазноба-красная дѣвица (—богиня Лада). Вынь ты, дѣвица, отеческой мечь-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, коня ворона... Закрой ты, дѣвица, меня своею фатою отъ силы вражіей»¹⁾. — «Подъ моремъ подъ Хвалынскимъ стоитъ мѣдный домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подъ змѣемъ лежитъ семпудовый ключъ» отъ богатырской збруи (вооруженія). «Во той збруѣ, говоритъ ратникъ, не убьютъ меня ни пицаль, ни стрѣлы», и слово заклятія направлено на то, чтобы добыть ее изъ-подъ огненнаго змѣя. — «За дальними горами есть окіанъ-море (—небо) желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада. Завѣщаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, свинцу, олову, серебру, золоту, камнямъ, пицалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣзо, камень и свинецъ, въ свою мать-землю отъ раба (имирекъ)... А велитъ онъ ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пицалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ; а велитъ онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пицали». Заговоръ на любовь красной дѣвицы начинается этими словами: «за моремъ за Хвалынскимъ во

¹⁾ Сличи въ другомъ заговорѣ: «отъ окіанъ-моря узрѣла и усмотрѣла, глядучи на востокъ краснаго солнышка — во чисто поле: стоитъ семибашенный домъ, а въ томъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, уговариваетъ недуга.»

жѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ — заточенъ во неволѣ, закованъ въ 77 цѣпей, за 77 дверей, а двери заперты семидесятью семью замками, семидесятью (семью) крюками¹⁾. Приведенные заговоры открываютъ передъ нами дѣльный рядъ мифическихъ представлений: собираясь на войну, ратный человекъ обращается съ мольбами о защитѣ и помощи къ богинѣ-громовницѣ или къ побѣдоносному Перуну, обладателю меча-кладенца (= молніи) и вороного коня (= быстро-летней тучи); заговоръ изображаетъ его отцемъ (создателемъ) всякаго оружія металлическаго и каменнаго, и даетъ ему названіе пастуха — названіе, въ тѣсномъ смыслѣ означающее владыку небесныхъ стадъ, а въ болѣе широкомъ — пастыря народа, военачальника, вождя. Но мечъ-кладенецъ и вся богатырская збруя лежатъ сокрытыя въ кладовыхъ облачнаго замка (жѣднаго дома или терема), за крѣпкими стѣнами и запорами; самъ добрый молодецъ — громовникъ (или вмѣсто его — огненный змѣй, демонъ бурныхъ грозъ) сидитъ окованный въ тяжелой неволѣ въ городѣ-тучѣ: эти оковы налагаются зимними холодами, которые замыкаютъ дождевые источники и дѣлаютъ небо желѣзнымъ; подъ вліяніемъ означеннаго воззрѣнія темныя сплошныя тучи зимы стали представляться темницею заключеннаго въ нихъ громовержца. Силою заговорнаго слова заклинатель вызываетъ Перуна возстать отъ бездѣйствія, разрушить облачные затворы, взяться за мечъ-молнію и поразить враждебныя рати (первоначально: полчища демоновъ). Къ нему-же, какъ творцу любовнаго напитка, обращаются и съ мольбами наслатъ въ сердце дѣвицы горячую любовь. Старинныя апокрифы сообщаютъ суевѣрныя свѣденія о городахъ, изъ которыхъ точатся райскія рѣки молокомъ, мас-

¹⁾ Сахаров., I, 18, 22—26, 29.

ломъ, виною и медомъ. Таковъ упоминаемый въ «Хожденіи апостола Павла по мукамъ» градъ Христовъ: «свѣтъ его паче свѣта міра сего свѣтятся, и бѣ весь златъ, и 12 стѣнами ограженъ быше» (I, 376); въ словѣ о Макаріи римскои (по рукописи XIV в.) названы «два града—единъ желѣзенъ, а другій мѣдянъ, да за тѣма градома рай божий... и внѣ рая поставилъ есть Богъ хиравами и сиравами, оружье плаванно въ рукахъ имуши, стрещи рая и древа животна»¹⁾. Народныя сказки говорятъ о змѣиныхъ (драконовыхъ) дворцахъ или царствахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ (о значеніи этихъ эпитетовъ см. стр. 285—6). Въ Литвѣ сохранилось преданіе, какъ одинъ царь (= демоническій представитель тучъ), во гнѣвѣ своемъ на солнце, приказалъ заключить его въ башню, нарочно для того устроенную. Приказъ былъ исполненъ, и солнце перестало свѣтить. Тогда двѣнадцать планетъ, лишенная его свѣта, заказали огромный молотъ, этимъ молотомъ (т. е. молніями) пробили отверстіе въ башнѣ и освободили солнце изъ тяжкаго заключенія.

Владыка весеннихъ грозъ, разбиватель мрачныхъ тучъ, просвѣтитель неба, податель дождей и урожаяевъ, присутствіе котораго такъ очевидно для всѣхъ въ лѣтнюю пору, на зиму какъ-бы совсѣмъ скрывается; въ періодъ суровыхъ вьюгъ, снѣговъ и морозовъ не узнается его творческая сила, и мнѣ представляеть его за сыпающимъ непробуднымъ сномъ или умирающимъ на все время зимы. Очарованный, заклятый, полонѣнный враждебными демонами, богъ-громовникъ, вмѣстѣ съ своимъ побѣдоноснымъ воинствомъ, почіеть до весны въ облачныхъ горахъ или замкахъ. По указанію ведическихъ гимновъ, пробужденный весной Индра разрушаетъ своими огненными стрѣлами семь городовъ демона зимы

¹⁾ Пам. отреч. лит., II, 64; Пам. стар. рус. литер., III, 139.

(Самбаг'ы) и выводить изъ-за крѣпкихъ затворовъ стада небесныхъ коровъ, несущихъ въ своихъ сосцахъ благодатное млеко дождя, или освобождаетъ изъ заключенія облачныхъ дѣвъ, поспѣвающихъ оросить бесплодную землю живою водою. Семь городовъ указываютъ на семь зимнихъ мѣсяцевъ; преданія индоевропейскихъ народовъ осозательно свидѣтельствуя, что первоначальной родиной ихъ прародительскаго племени была страна умѣреннаго пояса, сходная по климату съ среднею Россіей, — страна, чуждая и зноя тропиковъ и стужи земель, ближайшихъ къ полюсу. Немстовое воинство Одина, какъ повѣствуютъ народныя саги, то заключается въ горы, то выходитъ изъ нихъ пещеръ. По мнѣческой связи душъ усопшихъ съ вѣтрами и грозовымъ пламенемъ, въ свитѣ Одина шествуютъ и толпы скончавшихся героевъ. Мать-сыра земля, скрывающая въ свои нѣдра трупы умершихъ, разверзается и для Одинова воинства. Собственно здѣсь разумѣются облачныя горы, въ иррачныхъ подземельяхъ которыхъ у покоивается Одинъ съ своими небесными ратниками и усопшими героями, вслѣдъ за тѣмъ, какъ стихаютъ бурныя грозы, и гдѣ сидятъ они въ зимнемъ оцѣпенѣніи, словно заключенныя узники. Принимая ихъ въ свои вертепы, горы извергаютъ огонь и затворяются съ страшнымъ трескомъ. Въ декабрѣ, когда боги отпираютъ врата пресвѣтлаго рая и новорожденное солнце исходитъ изъ нихъ на лѣтній путь, горы эти раскрываются, и въ нихъ можно видѣть спящаго Одина со всею его храброю свитою. Въ двѣнадцать святыхъ ночей (на Рождественскіе Святки) пробуждаются духи немстоваго воинства и заводятъ шумную пѣсню; но это пробужденіе бываетъ кратковременное. Зима не выпускаетъ ихъ изъ своихъ оковъ, и только тогда, какъ исполнится семь зимнихъ мѣсяцевъ и прійдетъ пора весны — выступаетъ Одинъ изъ горныхъ вертеповъ совершенно-свободный, готовый на битвы съ

демонами, и какъ царственный властитель міра начинаетъ свое бурное шествіе надъ зеленѣющими полями. Саги повѣствуютъ объ очарованныхъ горахъ, изъ нѣдръ которыхъ отъ времени до времени слышатся звуки трубъ и роговъ, топотъ коней и стукъ оружія, изъ чего заключаютъ о приготовленіяхъ божественной рати къ выступленію въ походъ. Мнѣ о снѣщемъ воинствѣ былъ низведенъ на землю и пріуроченъ къ различнымъ мѣстностямъ, а роль Одина передана любимымъ народнымъ героямъ — славнымъ воевателямъ. Тамъ и здѣсь въ Германіи рассказываютъ, что въ такой-то горѣ или замкѣ спитъ зачатое воинство и во главѣ его могучій вождь: Загфридъ, Карлъ Великій, Генрихъ Птицеловъ, Оттонъ Великій или Фридрихъ Барбаросса. Нѣкоторымъ счастливымъ удалось посѣщать эти горы, въ періодъ ихъ кратковременнаго раскрытія. Однажды кузнецъ искалъ въ кустахъ Одиновой горы (Odenberg) рукоятку на молотокъ, какъ внезапно открылась передъ нимъ расщелина въ каменныхъ скалахъ; онъ вошелъ въ эту расщелину и очутился въ чудесномъ мірѣ. Сильные витязи играли въ кегли желѣзными шарами и приглашали гостя принять участіе въ своей игрѣ; но кузнецъ отказался: шары были слишкомъ тяжелы для его руки. Игроки дружелюбно предложили ему выбрать себѣ что-нибудь въ подарокъ; кузнецъ взялъ одинъ изъ желѣзныхъ шаровъ, принёсъ его домой, и когда, собираясь ковать, раскалилъ его до красна — шаръ обратился въ чистое золото. Сколько потомъ ни ходилъ кузнецъ на Оденбергъ, никогда болѣе не попадалъ въ подземныя пещеры. О Карлѣ Великомъ рассказываютъ, что у самой подошвы Оденберга участвовалъ онъ въ страшной битвѣ; кровь лилась такъ безпощадно, что потоки ея проложили глубокія борозды. Карлъ одержалъ побѣду, но вечеромъ, вмѣстѣ съ своимъ войскомъ, вступилъ внутрь скалы и заключился въ ея стѣнахъ; тамъ покоится онъ теперь

отъ своихъ геройскихъ подвиговъ. Каждый семь лѣтъ выступаетъ онъ изъ горы; въ воздухѣ раздаются звонъ оружія, бой барабановъ, ржаніе лошадей и удары ихъ подковъ; шестіе направляется къ Glisborg'u, гдѣ воины поятъ лошадей, и наповнъ, тѣмъ-же путемъ возвращаются въ гору. Въ опредѣленные дни года очарованныя горы раскрываются, и въ ихъ подземельяхъ можно видѣть стараго длиннородаго мужа въ царственномъ вѣнцѣ, воссѣдающаго за столомъ, а кругомъ его одѣтыхъ въ латы ратниковъ — всѣ они покоятся глубокимъ сномъ: это — или Карлъ Великій или императоръ Фридрихъ. Когда борода Карла выростетъ на столько, что трижды обовьется около стола, тогда наступитъ время пробужденія, и проснувшееся воинство выступитъ изъ горныхъ пещеръ. Въ горахъ Турингии (auf dem Kifhäuser) спитъ Фридрихъ-красная борода (Rothbart). Смерть, постигшая его малекъ — въ крестовомъ походѣ, дала народу поводъ думать, что онъ не умеръ и что будетъ время, когда онъ воротится и низвергнетъ похитителя своего престола. Теперь онъ сидитъ съ подвластными ему рыцарями и оруженосцами въ подземной пещерѣ за круглымъ каменнымъ столомъ, подерживая рукою поникшую голову; борода его уже дважды обросла около стола, и когда обовьется она еще одинъ разъ — то послѣдуетъ пробужденіе государя и настанутъ лучшія времена. Тутъ-же стоятъ разнузданные кони, и потрясая збруею, производятъ сильный шумъ; въ ясляхъ нѣтъ сѣна, а только терновникъ. Пещера поражаетъ великолѣпиемъ: все въ ней блещитъ золотомъ и драгоценными каменьями, и здѣсь также свѣтло, какъ на землѣ въ ясный солнечный день; у стѣнъ видны большія бочки, наполненныя дорожкой виномъ. Къ одному овчару, который случайно зашелъ въ эту пещеру, Фридрихъ обратился съ вопросомъ: «летаютъ ли въ роны возлѣ горы?» и заиѣтилъ, что ему приходится

спать еще цѣлое столѣтіе. Овчаръ былъ приведенъ въ оружейную и получилъ въ подарокъ ножку отъ сосуда, которая была изъ чистаго золота. По другому варианту овчаръ, найдя открытую опускную дверь въ горахъ Kifhäuser'a, спустился внизъ по длинной лѣстницѣ и увидѣлъ въ залѣ съ высокими сводами императора Оттона который ласково кивнулъ ему головою и показавъ на кучу горячихъ угольевъ; пастухъ наполнилъ ими свою сумку, и когда вышелъ изъ пещеры — то уголья превратились въ золото. Подобныя сказанія соединяются въ Шотландіи съ именемъ короля Артура, національнаго героя кельтовъ. Любопытенъ разсказъ объ одномъ наѣздникѣ, который продалъ незнакомому старикку коня и за уплатою долженъ былъ отправиться въ горы Eildonhills. Онъ послѣдовалъ туда за своимъ проводникомъ — черезъ длинный рядъ стойлъ, въ которыхъ неподвижно стояли лошади, а на землѣ, у ногъ ихъ, лежали спящіе воины. Въ концѣ полземелья висѣли мечъ и рогъ; наѣздникъ взялся за послѣдній и только затрубилъ — какъ тотчасъ же затопали кони и стали подыматься воины, звеня своимъ оружіемъ. Эти роговые звуки — символъ грома, пробуждающаго отъ зимняго сна бога весенней грозы и его спутниковъ; игра желѣзными шарами — поэтическое изображеніе сверляющихъ молній и громовыхъ раскатовъ; бочки съ виномъ — дождевыя тучи; золото и драгоценныя камни — клады, скрытыя въ пещерахъ облачныхъ горъ; вѣроны — вѣщія птицы Одина. И Одинъ, и Торъ представлялись бородатыми мужами, ибо древнѣйшая метафора уподобляла темнымъ тучи — слутаннымъ волосамъ (см. гл. XXI): какъ длинная сѣдая борода Карла Великаго указываетъ на Одина, такъ красная борода Фридриха — на Донара; этому послѣднему преданія даютъ огненную бороду, и въ Норвегіи онъ отождествляется съ краснородымъ Олафомъ. По глубокому убѣжденію древнихъ гер-

манцевъ, падшіе въ сраженіяхъ витязи переходили по смерти въ составъ Одинова воинства, въ небесную валгаллу; въ средня вѣка небо признавалось блаженною странною пребыванія героевъ, и памятники XII вѣка говорятъ о райскомъ (=облачномъ) градѣ («небесномъ Іерусалимѣ»), какъ о мѣстѣ, исключительно-предназначенномъ для рыцарей. Подъ вліяніемъ этихъ вѣрованій, немецкія преданія о верховномъ божествѣ грозъ и подвластныхъ ему духахъ были перенесены на усопшихъ историческихъ дѣятелей и народныхъ heroes, при чемъ фантазія надежду на ихъ пробужденіе стала связывать съ чрезвычайными нуждами родной земли: они проснутся и явятся германскому народу въ то время, когда онъ будетъ въ величайшей опасности и отечество потребуетъ необычайной помощи. Такъ думаютъ, что это случится въ ту кровавую эпоху, когда турки нахлынутъ на христіанскія земли, одолѣютъ всѣ соборныя рати и станутъ пить коней своихъ водами Рейна. Въ Швейцаріи вѣрятъ, что три основателя народнаго союза, нынѣ спящіе въ ущеліяхъ скалъ, проснутся — какъ скоро позоветъ ихъ отечество. Какъ могучій громовникъ пробуждается на борьбу съ демонами злыми, захватившими божій міръ, побѣждаетъ ихъ и снова возстановляетъ благодатное лѣто съ его ясными днями и изобиліемъ плодовъ земныхъ; такъ и царственный герой пробуждается отъ долгаго сна на битвы съ сильными врагами, завладѣвшими всею странною, и съ его пробужденіемъ нераздѣльны побѣда и начало лучшихъ, счастливейшихъ временъ.

Многъ называетъ царство весны и лѣта золотымъ (т. е. яснымъ, свѣтлымъ, блаженнымъ) вѣкомъ; эта счастливая пора, послѣ постепенной утраты природою солнечнаго блеска и силы плодородія ¹⁾, смѣняется желѣзнымъ (холоднымъ,

¹⁾ Преданія говорятъ о сѣнѣ золотаго вѣка серебрянымъ, золотомъ мѣднымъ и наконецъ желѣзнымъ; у скандинавовъ gull-

ледянымъ) въ комъ зима, въ комъ распрѣй, зла и бѣдствій, который въ свою очередь (какъ скоро восторжествуютъ боги правды и добра) долженъ рушиться и уступить мѣсто возрожденному и просвѣтленному міру, т. е. новому лѣту. Впослѣдствіи, когда позабытъ былъ первоначальный смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій, человекъ, не находя въ своемъ дѣйствительномъ быту ни полнаго счастья, ни твердой, неизблжимой справедливости, отодвинулъ преданіе о золотомъ вѣкѣ въ незапамятное-прошедшее и въ далекое-будущее, и слилъ его съ представленіями рая потеряннаго, въ которомъ жили первые невинные люди, и рая грядущаго, который наследуютъ праведники при кончинѣ вселенной. Виѣсть съ этимъ весеннее пробужденіе бога-громовника, рушителя стараго грѣховнаго царства зимы и творца новой, благословенной жизни, соединяется съ мыслию о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и водвореніи на обновленной землѣ вѣчнаго счастья и правды. Въ Германіи сохраняется вѣрованіе, что въ то время, когда борода Фридриха или Карла Великаго трижды обовѣетъ верхнюю доску стола (т. е. когда выростетъ грозовая туча), — явится антихристъ, и затѣмъ наступитъ послѣдній день міра и затрубитъ ангельская труба, призывая всѣхъ на страшный судъ. Тогда-то, съ пробужденіемъ спящаго героя, произойдетъ страшная, кровопролитная битва. На Walsersfeld'ѣ, говоритъ сага, стоятъ сухое дерево; уже трижды оно было срублено, но всякой разъ корень его давалъ новый отростокъ. Когда оно вновь оживетъ и позеленѣетъ, тогда проснется императоръ Фридрихъ, повѣситъ свой щитъ на чудесное дерево и начнетъ беспощадный бой; кровь польется рѣкою и смочитъ обувь всѣхъ воиновъ; но злые будутъ побѣждены добрыми и святой гробъ отнятъ изъ рукъ невѣрныхъ.

aldg—золотое время, когда боги всѣ свои орудія ковали изъ чистаго золота—D. Myth., 541, 752—3.

По свидѣтельству ниже-саксонской саги, въ Голштейнѣ на одномъ церковномъ дворѣ ежегодно отъ дубоваго корня выростаетъ свѣжій отростокъ. Въ ночь на новыи годъ прїѣзжаютъ на бѣломъ конѣ бѣлый всадникъ, чтобы срубить этотъ отростокъ; но въ тоже самое время является и другой всадникъ—черный и на черномъ конѣ, и всячески старается помѣшать ему. Долго они сражаются, пока наконецъ бѣлый всадникъ ни побѣдитъ чернаго и ни срубить дубовой отрасли. Настанетъ однако день, когда бѣлый всадникъ не въ силахъ будетъ одолѣть чернаго, и дубъ выростетъ такой большой, что подъ нимъ можно будетъ привязать коня. Тогда проснется очарованный король, выѣдетъ на поле съ своею ратью, привяжетъ коня къ дубу, и начнется отчаянная битва. По удачному объясненію Я. Гримма, бѣлый всадникъ есть свѣтлый Фрейръ, сражающійся съ чернымъ Суртуромъ при концѣ вселенной (см. I, 759); обрубая дерево, онъ стремится отдалить разрушеніе міра; дерево это есть мировая ясеня (—дождевсная туча), засыхающая подъ холоднымъ дыханіемъ зимы и дающая новые отпрыски съ поворотомъ солнца на лѣто. Легенда, извѣстная у славянъ и нѣмцевъ, рассказываетъ о великомъ грѣшникѣ, осужденномъ на адскія мѣки, отъ которыхъ избавляютъ его слезы покаянія; онъ воткнулъ въ землю сухую палку, и оплакивая совершенныя имъ грѣхи, поливалъ ее своими слезами, и вотъ, во знаменіе божественнаго прощенія, палка дала зеленые ростки, раскинулась въ вѣтвистымъ деревомъ, разцвѣла и принесла плоды ¹⁾. Подъ этой легендарной обстановкою не трудно угадать старинный мифъ: облачныя подземелья издревле принимались за адскіе вертепы, за царство злыхъ демоновъ; заключенный въ этихъ вертепахъ узникъ могъ представляться то невиннымъ страдальцемъ, то осужденнымъ грѣшникомъ.

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 249; Н. Р. Лег., 28 и стр. 177—180.

комъ (разбойникомъ, душегубцемъ — см. ниже, стр. 453); время освобожденія его наступаетъ весною, а проливаемые имъ слезы — метафора дождя, животворною силою котораго увядшія на зиму деревья снова одѣваются зеленью. — Зимнее оцѣпенѣніе Одина выражалось и въ другомъ поэтическомъ образѣ: думали, что въ періодъ зимы онъ попадаетъ въ ссылку, или отправляется въ далекія страны и блуждаетъ тамъ, подобно тѣнямъ загробныхъ выходцевъ; между тѣмъ покинутая имъ прекрасная супруга отдается въ объятія его врага, похитителя его престола (Одина-самозванца или зимняго). По исходѣ семи лѣтъ изгнанія (семи зимнихъ мѣсяцевъ), онъ возвращается назадъ одичалый, со всѣми вѣшними признаками жертвеца, становится во главѣ своего воинства, низвергаетъ злобнаго врага и снова обрѣтаетъ и любовь супруги, и царственную власть надъ міромъ ¹⁾).

Старинный мифъ о погруженіи въ сонъ и пробужденіи божества творческихъ силъ природы сохраняется у славянъ въ сказочномъ эпосѣ. Здѣсь повѣствуется: какъ ненаглядная красавица потеряла своего милаго, пустилась странствовать, и послѣ долгихъ поисковъ обрѣла его въ союзѣ съ другою безобразною женою, у которой и покупаетъ за серебряныя и золотыя диковинки (эмблемы весны) право провести съ ея мужемъ три полныя ночи. Въ эти ночи красавица будитъ своего невѣрнаго друга, напоминая о себѣ въ трогательныхъ пританіяхъ; но онъ спитъ крѣпкимъ, непробуднымъ сномъ, и только въ третью ночь удается ей наконецъ вызвать его изъ волшебнаго усыпленія, насланнаго хитрою соперницею, отстранить эту послѣднюю и войти въ права настоящей супруги. Смыслъ этой сказки, знакомой и другимъ индоевропейскимъ народамъ, слѣдующій: въ печальный періодъ вьюгъ

¹⁾ D. Myth., 890, 905—913; Die Götterwelt, 126—8, 135—143, 149—150.

и морозовъ богъ-громовникъ покидаетъ свою красавицу (богиню лѣта) и вступаетъ въ новый союзъ съ колдуньей-Зимой, которая и усыпляетъ его до той поры, пока не появится весна¹⁾. Еще нагляднѣе, развита мысль о зимнемъ замираніи природы въ сказкахъ о заклятыхъ царевичахъ и царевнахъ, о чемъ см. въ главѣ XX-й. Историческая же обработка мифа, столь богатая у германцевъ, въ славянскомъ мірѣ весьма слаба; причина этого факта, безъ сомнѣнія, кроется въ отсутствіи героическихъ элементовъ въ исторіи славянскихъ племенъ за тѣ давно минувшіе вѣка, когда эпическое настроеніе народа было еще свѣжо и легко овладѣвало бытовымъ матеріаломъ для воплощенія въ немъ мифическихъ преданій. Только у чеховъ встрѣчаемъ сказаніе, которое можетъ быть поставлено на ряду съ выше-приведенными сагами о Карлѣ Великомъ и другихъ герояхъ; но едва ли оно не обязано своимъ происхожденіемъ близкому сосѣдству и вліянію нѣмецкой національности.

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 1; VIII, 1; Slov. pohad., 583; Сказ. Грим., 88 и въ т. III, стр. 152—6; Ск. Норв., II, 14; Ганъ, 7, 102. Въ норвежской редакціи любопытна слѣдующая подробность: когда царевичъ проснулся и узналъ свою прежнюю подругу, онъ заставляетъ обѣихъ жевъ смывать съ своей сорочки три сальные пятна. Сначала взялась за работу безобразная жена—съ такими-же длинными носомъ, какъ наша баба-яга, но чѣмъ дольше мыла, тѣмъ пятна становились больше и больше; напротивъ жена-красавица смыла ихъ легко и скоро, и тѣмъ самымъ доказала превосходство своихъ супружескихъ правъ, т. е. жина помрачаетъ облачные покровы, одѣвающие небеснаго жениха, а лѣто просвѣтляетъ ихъ, золотитъ солнечными лучами. Позднѣе этому мифическому представленію приданъ былъ нравственный смыслъ: чистота—знакъ невинности, а черныя пятна—свидѣтельство грѣха, неправды. Отсюда возникло любопытное сказаніе о бѣлоснѣжной сорочкѣ, которую даритъ жена мужу, при разлукѣ съ нимъ, и которая остается чистою, пока жена не нарушитъ супружеской вѣрности: ни грязь, ни пыль, ни сальные пятна не пристають къ сорочкѣ (Н. Р. Ск., VII, 21; Вольфъ, 98—115; Zeitsch. für D. M., II, 377—384).

Въ горѣ Бланикъ, въ четырехъ миляхъ отъ Табора, (разсказываютъ чехи) заключены рыцари, павшіе нѣкогда въ бою; они спятъ на полу и на каменныхъ скамьяхъ, и возлѣ каждаго лежитъ его оружіе; нѣкоторые покоются, опершись на мечъ, а другіе — сидя верхомъ, склонивъ голову на шею лошади. Источникъ, вытекающій изъ горы, проливается ихъ конями, которые стоятъ осѣдланные вдоль отвѣсной скалы. Каждый годъ на Ивановъ день Бланикъ открывается, и рыцари выѣзжаютъ поить своихъ лошадей. Случилось разъ пастуху зайти въ открытую гору; рыцари проснулись и стали спрашивать: не пора ли выступать въ походъ? Но вождь ихъ Венцелій, который покоится посреди пещеры — на возвышенномъ мѣстѣ, отвѣчалъ: «нѣтъ, не настало еще время, когда уничтожимъ мы враговъ Чехіи!» И тотчасъ всѣ погрузились въ сонъ. Одинъ кузнецъ позванъ былъ въ пещеру подковать лошадей и въ награду за трудъ получилъ старыя подковы, которыя впоследствии превратились въ золото; разсказываютъ еще о конюхѣ: рыцари пригласили его вычистить навозъ, онъ исполнилъ работу, а навозъ оказался потомъ золотомъ. Часто слышится въ горѣ стукъ оружія — это рыцари готовятся къ битвѣ. Битва эта произойдетъ тогда, когда враги со всѣхъ сторонъ ворвутся въ страну, заселенную чехами, внесутъ въ нее смерть и огонь, и разрушатъ Прагу до основанія, когда старый прудъ около Бланика наполнится кровью и засохшія деревья позеленѣютъ и дадутъ цвѣтъ. Въ то время выступитъ священное войско, и во главѣ его Венцелій на статномъ бѣломъ конѣ, держа въ рукѣ распущенное знамя; онъ изгонитъ хищныхъ враговъ, положитъ начало народной независимости, и затѣмъ вмѣстѣ съ своими ратниками удалится на вѣчный покой ¹⁾. Въ Моравіи

¹⁾ День 1864, 43.

существуетъ преданіе о любимомъ князѣ Святополкѣ (Svato-
pluk), что когда-то онъ долженъ воротиться къ своему наро-
ду, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершается
обрядовый ходъ для отысканія Святополка, что соотвѣтству-
етъ нѣмецкому обыкновенію искать Одина ¹⁾. Черногорцы
рассказываютъ, что въ пещерѣ у развалинъ grada Oboda
живтъ «déd pñihov Crnojević Ivan»; его сторожитъ горная ви-
ла и разбудитъ тогда, какъ наступитъ время «da sjedini opet
sa Crnogorom ravni kotor i sinje more» ²⁾. На Руси озна-
ченный мнѣ соединяется съ именемъ Стеньки Разина, ко-
торому (какъ уже было сказано) народъ приписываетъ сокры-
тіе дорогихъ кладовъ. По берегамъ Волги, гдѣ онъ нѣкогда
гулялъ съ своей вольницей, нѣкоторые холмы носятъ назва-
нія: «Столъ, Шапка, Бугры Стеньки Разина», а одно ущелье
слыветъ его Тюрьюмою. Въ Разинскихъ Буграхъ, по народ-
ному повѣрью, знаменитый разбойникъ спряталъ свое богат-
ство въ глубокихъ погребаль, за желѣзными дверями, и те-
перь оно лежитъ тамъ зачатое. Самъ Стенька Разинъ
живъ до сихъ поръ, сидитъ гдѣ-то въ горѣ, стережетъ
свои поклажи и мучится; мать-сыра земля не захотѣла
принять его костей, и потому нѣтъ ему смерти. Передъ на-
ступленіемъ страшнаго суда онъ явится въ міръ, и подобно
антихристу станеть всѣхъ по рукамъ разбирать: то будутъ
тяжелыя времена! Иногда онъ выходитъ изъ своей темницы
и вѣсится на бѣломъ конѣ въ золотой одеждѣ; бывали
даже случаи, когда онъ показывался людямъ. Разъ, возвраща-
ясь изъ тюркменскаго плѣна, русскіе матросы проходили бе-
регомъ Каспійскаго моря; тамъ стоятъ высокія-высокія горы.
Случилась гроза, и они присѣли у одной горы. Вдругъ вы-
лѣтъ изъ горнаго ущелья сѣдой, древній старикъ—

¹⁾ D. Myth., 913.— ²⁾ Arkiv za povēstnicu jugoslavensku, I, 98.

ажно мохомъ порось: «здравствуйте, говоритъ, русскіе люди! бывали-ль вы у обѣдни на первое воскресенье великаго поста? слышали-ль, какъ проклиняютъ Стеньку Разина?» — Слыхали, дѣдушка! «Такъ знайте-жь: я — Стенька Разинъ. Меня земля не приняла за мои грѣхи; за нихъ я проклятъ и суждено мнѣ страшно мучиться. Два змѣя сосали меня: одинъ со полуночи до полудня, а другой со полудня до полночи; сто лѣтъ прошло — одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, прилетаетъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце, а уйдти отъ горы не могу — змѣй не пускаетъ. Но когда пройдетъ еще сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся, люди станутъ забывать Бога и зажгутъ передъ образами сальныя свѣчи, вмѣсто восковыхъ; тогда я снова явлюсь на бѣлый свѣтъ и стану бушевать пуще прежняго. Расскажите про это всѣмъ на святой Руси!»¹⁾ Въ разныхъ деревняхъ можно услышать рассказы, что не только Стенька Разинъ, но и Гришка Отрепьевъ, Ванька Канинъ и Емелька Пугачевъ до сего дня живы и скрываются въ змѣиной пещерѣ на томъ островѣ, гдѣ живутъ полуцеловѣки, или сидятъ заключенные въ Жигулевскіи горахъ. Вздумала какъ-то одна набожная дѣвушка спастись въ пещерѣ; но вечеромъ явился передъ ней Стенька Разинъ — худой, весь обросшій волосами, и прогналъ ее: «эта пещера — моя, сказалъ онъ; здѣсь хранятся награбленные мною сокровища»; и въ самомъ дѣлѣ, при выходѣ оттуда, дѣвушка увидала бочки, наполненные золотомъ²⁾. Итакъ русское

¹⁾ Бунтъ Ст. Разина, Костомарова, изд. 2-е, 231—7. По другому преданію, по ночамъ является въ землянку цѣлая стая змѣй и гедовъ, грызетъ тѣло Стеньки Разина и пьетъ его кровь, а какъ только провозитъ пѣтуха — мухи его прекращаются — Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 722—3, 733. — ²⁾ Духъ Христіан. 1861—2, 275; въ Шлезии въ Zobtenberg сидятъ передъ столомъ три зачатыхъ злодѣя — D. Myth, 913.

преданіе, согласно съ нѣмецкими сагами, связываетъ пробужденіе Стеньки Разина съ кончиною міра и безопаднымъ, кровавымъ побойщемъ, какое ожидается при этомъ всемірномъ событіи; самъ онъ носитъ признаки, наложенные рукою Смерти—Зимы: старой, худой, онъ весь поросъ мохомъ и волосами. Тѣмъ не менѣе характеръ русскаго преданія значительно отличается отъ сагъ, созданныхъ германскимъ племенемъ. Тамъ спящіе герои — представители благотворныхъ, творческихъ силъ природы, выступающіе на борьбу съ враждебными ратами демоновъ, на помощь родной странѣ и на устроеніе новой счастливой жизни; напротивъ у насъ, подъ вліяніемъ тѣхъ историческихъ данныхъ, которыя послужили матеріаломъ для обработки стариннаго мифа, герой — разбойникъ и грабитель и является съ тѣмъ демоническимъ значеніемъ, какое придавалось великанамъ-тучамъ, какъ жаднымъ похитителямъ золота солнечныхъ лучей и плодороднаго сѣмени дождя. По тѣсной связи громовника съ мрачными тучами, онъ представлялся съ одной стороны побѣдителемъ демоновъ, а съ другой ихъ злобнымъ владыкою, который то задерживаетъ дожди, то чрезмѣрными ливнями и градомъ истребляетъ жатвы и посылаетъ голодъ и моръ. Эти различныя представленія единого божества распались впоследствии на два отдѣльные образа; при Зевсѣ-тучегонителѣ явился богъ-кузнецъ, обитатель подземныхъ пещеръ, низверженный съ неба Гефестъ, при всецѣломъ, праведномъ Торѣ — лукавый Локи, котораго позднѣйшія повѣрья смѣшиваютъ съ сатаной и антихристомъ (см. гл. XXII); міръ подземный сливается въ народныхъ сказаніяхъ съ пещерами облачныхъ горъ, въ которыхъ сидитъ заключенный и окованный желѣзными цѣпями отецъ лжи — сатана, и будетъ сидѣть тамъ до самаго страшнаго суда (I, 756 — 8). Именно этотъ демоническій типъ сочетала фантазія съ Стевкою Разинымъ. И Локи, и

тождественныя съ нимъ Прометей были прикованы къ скаламъ; надъ первымъ висѣла змѣя и капала ему на лицо свой жгучій ядъ, а втораго терзалъ за печень орелъ, посланный Зевсомъ ¹⁾; точно такъ Стеньку Разина, заключеннаго въ горбъ, сосеть за сердце летучій змѣй. И орелъ-носитель Зевсовыхъ стрѣлъ и змѣй-сосунъ суть зооморфическія олицетворенія молніи, терзающей своимъ острымъ клювомъ демонатучу. Вмѣстѣ съ Разинымъ заключены въ змѣиной пещерѣ полчеловѣки — баснословные люди объ одно мѣ глазѣ, одной рукѣ и одной ногѣ, которые, чтобы двинуться съ мѣста, принуждены складываться по двое, и тогда бѣгаютъ съ изумительной быстротою: они плодятся, по русскому повѣрью, не вслѣдствіе нарожденія, а выдѣлывая себѣ подобныя изъ желѣза. Дымъ и смрадъ, исходящіе изъ ихъ кузницъ, разносятъ по бѣлому свѣту повальные болѣзни: моръ, оспу, лихорадки и т. дал. ²⁾ Въ томской губ. они называются оплетаями, у хорутанъ — цоловайниками; происхождение цоловайниковъ приписывается дьяволу ³⁾. Ясно, что это дикое племя родственно одноглазымъ кузнецамъ-циклопамъ, помощникамъ Гефеста. Въ борьбѣ съ великанами (= тучами) Зевсъ и его сподвижники низвергли своихъ враговъ въ преисподнюю и придавили ихъ огромными скалами; впоследствии мифъ этотъ былъ перенесенъ на знаменитаго въ древности завоевателя — Александра Македонскаго, и средневѣковыя повѣсти ⁴⁾ рассказываютъ о борьбѣ его съ дивами, т. е. великанами (см. гл. XX), которыхъ заточилъ онъ въ каменные горы ⁵⁾: «и взиде (Александръ) на восточныя страны до юря, наричемое Солнце мѣсто, и видѣ ту челоувѣкы нечи-

¹⁾ Симрокъ, 60, 284.— ²⁾ Духъ Христианина 1861—2, XII, 275.— ³⁾ Этн. Сб., VI, 149; сб. Валивца, 233—4.— ⁴⁾ Исторія псевдо-Каллисена и сказаніе Меводія Патарскаго.— ⁵⁾ Пыпинъ, глава 1-я „Очерка лигер. исторія старин. повѣстей и сказокъ“.

стыя... убося, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полувощныя страны въ горы высокія (о связи сѣверной стороны съ идеей ада см. въ гл. XXII-й); и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не сступишася о нихъ горы на 12 локоть — и ту створишася врата мѣдяна и помазашася сунглитомъ, и аще хотять огнемъ взяти — не возмогутъ ѳ жеши; въ послѣдняя же дни... изидуть и си скверніи языкы. Черезъ посредство литературныхъ памятниковъ означенная басня перешла и къ намъ, слилась съ древнѣйшими народными преданіями и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Предки наши указывали на разныя горы, какъ на мѣста заключенія «нечистыхъ языковъ». Старинный лѣтописецъ записалъ рассказъ новгородца Гюраты Роговича: послалъ онъ отрока своего въ Югорекую землю; «Югра же рекоша отроку: дивно мы находимъ чюдо... суть горы зайдуче луку моря, имъ-же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той простѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не розумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза. Есть же путь до горъ непроходимъ пропастями, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ-же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощіи» ¹⁾ По поводу этого рассказа лѣтописецъ замѣчаетъ: «си суть людье, заклепаніи Александромъ Македоньскимъ царемъ». Въ путешествіи Василія Гогары (1634 г.) читаемъ: «да въ той-же грузинской землѣ межъ горами высокими и снѣжными и въ непроходимыхъ мѣстѣхъ есть щели земныя, и въ нихъ загнаны дивіе звѣри Гогъ и Магогъ, а загналъ тѣхъ звѣрей царь Алек-

¹⁾ Въ Лѣтописцѣ Переяславскомъ, 51: „тамо бо лѣто не бываетъ на самой полунощи“.

сандръ Македонскій». Изъ лѣтописныхъ указаній видно, что мысль объ этихъ «дивныхъ», нечистыхъ народахъ соединялась въ былыя времена съ половцами и татарами, которые невѣдомо откуда находили на русскую землю и предавали ее страшному опустошенію ¹⁾. И на западѣ Европы существовало въ среднія вѣка убѣжденіе, что татары вышли изъ тартара ²⁾; въ гуннахъ же признавали народъ, происшедшій отъ плотскаго смѣшенія вѣдьмъ съ лѣсными демонами или колдуна съ волчицею, и смѣшивали ихъ съ великанами ³⁾. Въ устахъ русскаго люда басня о народахъ, заклепанныхъ Александромъ Македонскимъ, передается такъ: «жилъ на свѣтѣ царь Александръ Македонскій — изъ богатырей богатырь, и войско у него было все начисто богатыри. Куда ни пойдетъ войною — все побѣдитъ, и покорилъ онъ подъ свою власть все земныя царства. Зашелъ на край свѣта и нашелъ такіе народы, что самъ ужаснулся: свирѣпы пуше лютыхъ звѣрей и ѣдятъ живыхъ людей; у много одинъ глазъ — и тотъ во лбу, а у много три глаза; у одного одна только нога, а у много три, и бѣгаютъ они такъ быстро, какъ летитъ изъ лука стрѣла. Имя этихъ народовъ было Гогги и Магоги. Началъ воевать съ ними Александръ Македонскій; дивніе народы не устояли и пустились отъ него бѣжать; онъ за ними, гнать-гнать, и загналъ ихъ въ такія трущобы, пропасти и горы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ

¹⁾ П. С. Р. Л., I, 100, 107, 189; Сахаровъ, II, 111. — ²⁾ Бокль: Исторія цивилиз. въ Англій, I, 229. — ³⁾ Deutsche Sagen, II, 15-16 и №№ 377, 379; Иорданъ: De gothorum origine. Hüne—великанъ. Старинныя хроникки утверждаютъ, что королева Альбиона (имя, указывающее на королеву эльфовъ) и тридцать сестеръ ея были оплодотворены марамъ, и отъ этого смѣшенія родились великаны—Beiträge zur D. Myth., II, 266. Сравни съ библейскимъ сказаніемъ: «егда вхождаху сынове божиі къ дочеремъ челоувчскимъ и рождаху себѣ—тіа биху исполни».

нписать. Свѣлъ надъ ними одну гору съ другою сводомъ, поставилъ на сводѣ трубы и ушелъ назадъ. Подуютъ вѣтры въ трубы и подыметъ страшный вой, а дивніи народы кричатъ: о, видно еще живъ Александръ Македонскій! Эти Гоги и Магоги доселѣ живы и трепещутъ Александра, а выйдутъ изъ горъ передъ самою кончиною свѣта¹⁾.

¹⁾ Н. Р. Св., VI, 64.

XIX.

ПРЕДАНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА И ЧЕЛОВѢКА.

Преданіе о сотвореніи міра, живущее въ устахъ русскаго народа, обставлено такими подробностями, которыя несомнѣнно принадлежатъ глубочайшей древности. Въ книгѣ Терещенка преданіе это записано въ такой формѣ: а) «Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю. Онъ позвалъ чорта, велѣлъ ему нырнуть въ бездну водяную, чтобы достать оттуда горсть земли и принести ему. — Ладно, думаетъ сатана, я самъ сдѣлаю такую-же землю! Онъ нырнулъ, досталъ въ руку земли и набилъ ею свой ротъ. Принесъ Богу и отдаетъ, а самъ не произноситъ ни слова... Господь куда ни броситъ землю — она вдругъ является такая ровная-ровная, что на одномъ концѣ станешь — то на другомъ все видно, что дѣлается на землѣ. Сатана смотритъ... хотѣлъ что-то сказать и поперхнулся. Богъ спросилъ: чего онъ хочетъ? Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молнія поражаютъ бѣгущаго сатану, и онъ гдѣ приляжетъ — тамъ выдвинутся пригорки и горки, гдѣ кашляетъ — тамъ вырастетъ гора, гдѣ привскачетъ — тамъ высунется поднебесная гора. И такъ бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорковъ, горокъ, горъ и превысокихъ горъ» ¹⁾. Такое твореніе земли народъ на своемъ эпи-

¹⁾ Терещ., V, 44—45

ческомъ языкѣ называетъ сѣянiемъ: «взялъ Богъ песчиночку и настѣялъ всю землю съ травами, лѣсами и всякими угодыми» ¹⁾). Приведемъ различные варианты: б) «Ото, якъ задумавъ Господь сотворити свить (разказывають въ Малороссiи), то-й говоритъ до найстаршаго ангела Сатанаила: а що, каже, архангеле мій! ходимъ творити свить. — Да ходимо, Боже! каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне — сказано: безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: бачишь оттую безодню? — Бачу, Боже! — Иди-жь, каже, у тую безодню на самое дно, та дистань менн жменю писку; та гляди — якъ будешь брати, то скажи про себе: беру тебе, земле, на имя господне! — Добре, Боже! И вернувъ (ныриуль) Сатанаилъ у самую безодню на самій писокъ, та-й зазлотно ему стало: ни, каже, Боже! приточу я и свое имя; нехай буде разомъ и твое, и мое. И бере вниъ та-й каже: беру тебе, земле, на имя господне и свое! Сказавъ; прійшлося виносити, а вода ему той писокъ такъ и измивае. Той такъ затискае жменю, але де вже Бога ошукати! затимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того писку якъ не було — геть вода смилла. Не хитри, Сатанаиле, каже Господь; иди знова, та не приточуй своего имя! Пишовъ знову Сатанаилъ, примовляе: беру тебе, земле, на имя господне и свое! — и знову писку не стало. Ажь за третимъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: беру тебе, земле, на имя господне! — и ото уже несе та-й не стискае жмени, такъ и несе на долони, щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вынисъ до Бога. И узавъ Господь той писокъ, ходить по мори та-й розсивае, а Сатанаилъ давай облизовати руку: хочъ трохи, думае, сховаю для себе, а потимъ я землю збудую. А Господь розсіявъ: а що, каже, Сатанаиле, нема бильше писку? —

¹⁾ Двт. рус. ант., кн. II, 100—3.

А нема, Боже! — То треба благословити, каже Господь, та-й благословивъ землю на вси чотири части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роти и соби росте; дали такъ розрослася, що-й губу рощерае. Богъ и каже: плюнь, Сатанале! Той зачавъ плювати да харкати, и де винъ плювавъ—то тамъ виростаи гори, а де харкавъ — то тамъ скали. По другому преданію, отъ этого произошли болота, пустынные и бесплодные мѣста. «Отъ черезъ що у насъ и земля не равна. Воно ще кажуть, що нибито ти скали та гори Богъ знае доки-бъ росли, а то Петро да Павло якъ заклали ихъ, то вони вже-й не растутъ. А то вже Господь и каже до Сатанале: теперь, каже, тилько-бъ посвятити землю, але нехай вона соби росте, а ми видпочиньмо.—А добре, Боже! каже Сатаналъ. И лягли вони спочивати. Господь почивая, а Сатаналъ и думает, щоби землю забрати; и ото пиднявъ его та-й бижить (чтобы кинуть въ воду), а моря нема; вдарився на пивничъ — и тамъ не видати. Побивався на вси чотири части свѣта — нигдѣ нема моря... Бачить винъ, що ничего не вдіе, несе Бога на то саме мѣсце та-й самъ коло него лягае. Полежавъ трохи та-й будить Бога: вставай, Боже, землю святити. А Богъ ему и каже: не журись, Сатанале, земля моя свячена; освятивъ я јїи сеи ночи на вси чотири боки» ¹⁾). с) Въ Галиціи разсказываютъ, что въ началѣ вѣковъ было только небо да море; иѣ морю плавалъ Богъ въ лодкѣ и встрѣтилъ большую, густую пѣну, въ которой лежалъ чортъ. «Кто ты?» спросилъ его Господь. — Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу. «Ну, ступай!» сказалъ Господь, и вслѣдъ затѣмъ послышался отвѣтъ: «я чортъ!» Молча пеплыли они дальше. Чортъ началъ говорить: «хорошо, еслибъ была твердая земля, и было

¹⁾ Записано на Подолѣ въ виницкомъ повѣтъ—Основа 1861, VI, ст. Сухомлинова, 59—60; Zeitsch. für D. M., IV, 157—8.

бы гдѣ отдохнуть намъ». — Будеть! отвѣчалъ Богъ; опусти на дно морское, набери тамъ во имя мое горсть песку и принеси; я изъ него сдѣлаю землю. Чортъ опустился, набралъ песку въ объ горсти и примолвилъ: «беру тебя во имя мое!» Но когда вышелъ на поверхность воды—въ горстяхъ не осталось ни зернушка. Онъ погрузился снова, набралъ песку во имя божее, и когда воротился — песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ и сотворилъ землю ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобы имъ обонимъ улечься. Они легли рядомъ — Богъ къ востоку, а чортъ къ западу. Когда чорту показалось, что Богъ заснулъ, нечистый сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и потонулъ; но земля тотчасъ-же далеко расширилась къ востоку. Увидя это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и къ сѣверу: во всѣ эти стороны земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а чортъ по пятамъ за нимъ; услышалъ, что ангелы славилъ Бога въ пѣсняхъ, и захотѣлъ создать себѣ столько-же подчиненныхъ духовъ; для этого обмылъ свое лицо и руки водою, брызнулъ ею назадъ отъ себя — и сотворилъ столько чертей, что ангеламъ не доставало уже мѣста на небесахъ. Богъ приказалъ Ильѣ-громовнику напустить на нихъ громъ и молнію. Илья гремѣлъ и стрѣлялъ молніями, сорокъ дней и ночей лилъ дождь, и вмѣстѣ съ великимъ дождемъ попадали съ неба и всѣ черти; еще до сего дня многіе изъ нихъ блуждаютъ по поднебесью свѣтлыми огоньками и только теперь достигаютъ до земли ¹⁾. d) Преданіе заонѣжанъ: «По до-сильскому (т. е. старосвѣтному) окіянь-мору плавало два гоголя: первый бѣлъ гоголь, а другой чоренъ гоголь. И ты-

¹⁾ Эрбенъ, 143—4; Zeitsch. für D. Ш., I, 178—180.

ми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и сатана. По божію повелѣнію, по богородицину благословенію, сатана выдвинулъ со два синя моря горсть земли. Изъ той горсти Господь сотворилъ ровныя мѣста и пустыя поля, а сатана понадѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щилевъ (ущелий) и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ и создалъ свое воинство, и пошла между ними великая война. По началу одолевала было рать сатаны, но подѣ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла-архангелъ съ небеса сатанино воинство и попадало оно на землю въ разныя мѣста, отчего и появились водяные, лѣшіе и домовые ¹⁾. Подобное-же преданіе находимъ въ апокрифической литературѣ, именно въ статьѣ, озаглавленной: «Святотѣ божественныхъ книгъ». Хотя статья эта извѣстна намъ въ позднѣйшихъ и отчасти-попорченныхъ спискахъ, но безъ сомнѣнія — происхожденіе ея весьма древнее; въ ней замѣтны слѣды богомильскаго ученія и нѣкоторыя передаваемые ею подробности встрѣчаются въ рукописяхъ XV и XVI столѣтій. До сотворенія міра, сказано въ «Свиткѣ», сидѣлъ Господь Саваоѣ въ трехъ каморахъ на воздухѣ, и былъ свѣтъ отъ лица его семьдесятъ-седьмерницею свѣтлѣе свѣта сего, ризы

¹⁾ День 1862, 52, письмо Рыбникова. Черемисы взрять въ два главныя и собезначальныя божества: благое Юма и злое Кереметь, меньшой братъ перваго. При началѣ міра Кереметь хотѣлъ дѣлать тоже, что и Юма, но по безсилію могъ только портить созданное старѣйшимъ братомъ. Когда Юма захотѣлъ выдвинуть сушу, онъ приказалъ Керемети, который плавалъ по морю въ видѣ селезени, достать изъ-подъ воды горсть земли; Кереметь досталъ, но отдавая принесенную землю, часть ея удержалъ во рту. Юма дунула на горсть земли и велѣлъ ей покрыть собою воды: воля его тотчасъ исполнилась. Тогда и Кереметь сталъ выплевывать изъ рта землю, и гдѣ онъ плевалъ—тѣмъ возникали горы—Казан губернія Даптева, 485; Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 282; Этн. Сб., V, 41 (въ писка изъ Вятск. Вѣдомостей).

его были бѣлыя свѣту, свѣтозаряже солнца. Не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни облаковъ, ни звѣздъ, ни зори, не было ни дней, ни ночей. И рече Господь: буди небо хрустальное и буди зоря, и облаки, и звѣзды! И вѣтры дунуль изъ вѣдръ своихъ, и рай насадилъ на востоцѣ, и самъ Господь возсѣлъ на востоцѣ въ лѣпотѣ славы своея, а громъ — глаголющъ господень, въ колесницѣ огненной утверждень, а молнія — слово господне, изъ устъ божіихъ исходитъ. Потомъ создалъ Господь море Тиверіадское, безбрежное, «и сниде на море по воздуху... и видѣ на морѣ гоголя плавающа, а той есть рекомый сатана—заплелся въ тугъ морской. И рече Господь Сатанангу, аки не вѣдая его: ты кто еси за человекъ? И рече ему сатана: азъ есмь богъ.— А мене како нареши? Отвѣчавъ же сатана: ты богъ боговъ и господь господемъ. Аще бы сатана не рекъ Господу такъ, тутъ-же бы сокрушилъ его Господь на морѣ Тиверіадскомъ. И рече Господь Сатанангу: понырни въ море и вынеси мнѣ песку и камень. И взявъ Господь песку и камень, и разсыпавъ (песокъ) по морю и глаголя: буди земля толста и пространна! Затѣмъ взявъ Господь камень, преломилъ на лвое, и изъ одной половины отъ ударовъ божьего жезла вылетѣли духи чистые; изъ другой же половины набилъ сатана безчисленную силу бѣсовскую. Но Михаилъ архангелъ низвергъ его со вѣсми бѣсами съ высокаго неба. Созданная Богомъ земля была утверждена на тридцати трехъ китахъ ¹⁾). Эти любопытныя сказанія взаимно пополюющія другъ друга, раскрываютъ передъ нами одинъ изъ древнѣйшихъ мифовъ. На великій подвигъ созданія міра выступаютъ двѣ стихійныя силы: свѣтлая и темная — богъ и дьяволъ. Не смотря на очевидное стремленіе народной

¹⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 615—8; Рус. Сл. 1862, II, ст. Пыпина, 52—54.

фантазіи возвести стародавній мифъ къ позднѣйшимъ христіанскимъ воззрѣніямъ, вся обстановка преданія указываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о богѣ-громовникѣ (Перунѣ) и демонѣ иранныхъ тучъ. Первому дается въ руки молотъ, ударяя которымъ онъ творитъ свое могучее воинство, т. е. грозовыхъ, молніеносныхъ духовъ (см. I, 275—6); раскаты грома объясняются поѣздомъ его колесницы по небеснымъ пространствамъ. Ударъ молота въ другой вариации замѣняется ударомъ жезла въ камень: этотъ камень—облачная скала, а жезлъ, ударяющій въ него и вызывающій толпы ратниковъ—метафора молній, тоже что Торъ молотъ или Перунова палица. Въ лицѣ противника этого божества узнаемъ мы мифическаго змѣя, который въ народныхъ сказаніяхъ обыкновенно смѣшивается съ сатаной. Въ шумѣ весенней грозы происходила ихъ страшная битва: представленіе, которое для массы суевѣрнаго народа слилось съ библейскимъ преданіемъ о низверженныхъ съ неба ангелахъ; по божьему повелѣнію, Михаиль-архангелъ и пророкъ Ілья, заступившіе въ христіанскую эпоху мѣсто забытаго Перуна, разятъ дьявола громомъ и молніей. Сатанѣ приписано созданіе горъ, что прямо указываетъ въ немъ—горнаго демона (=змѣя Горыныча), представителя тучъ, издревле уподоблявшихся горамъ и скаламъ; харкая и выплевывая, онъ творитъ облачныя горы и дождевыя хляби, въ которыхъ позднѣе, при затемнѣніи смысла старинныхъ метафоръ, признали обыкновенныя земныя возвышенности и болота. Надвигаясь на небо, темныя тучи, эти демонскія горы, вырастаютъ съ необычайною быстротою, и росли бы все больше и больше, еслибъ не были закланы апостоломъ Петромъ, т. е. еслибъ не остановило ихъ громовое слово Перуна (о ситѣніи апостола Петра съ Перуномъ см. стр. 403—4). Подобно богу громовнику, и враждебный ему сатана создаетъ себѣ сподвижниковъ, вызывая ихъ сильными ударами въ камень, т. е.

высшая убійственная молніи изъ камня-тучи. Низвергнутые божественною силою, эти грозовые бѣсы упадаютъ съ неба свѣтлыми огоньками, вѣстѣ съ проливнымъ дождемъ. Всевѣстное, безбрежное море, гдѣ встрѣчаются иинеческіе соперники, есть безпредѣльное небо, тотъ воздушный океанъ, о которомъ было говорено въ главѣ XVI-й. И богъ, и дьяволъ носятся по этому небесному морю, сидя въ ладѣ, т. е. въ облакѣ (см. I, 553), или плаваютъ по немъ въ видѣ двухъ гоголей бѣлаго и чернаго: эпитеты, стоящіе въ связи съ дуалистическимъ вѣрованіемъ въ начала свѣта и тьмы, добра и зла—Бѣлбога и Чернобога. Оба божества участвуютъ въ творческой дѣятельности природы: темное, какъ представитель помрачающихъ небо и замыкающихъ дожди облачныхъ демоновъ, и свѣтлое, какъ громитель тучъ, низводящій на землю ледяные потоки и просвѣтляющій солнце. Съ особенно-строگوю послѣдовательностію развиваетъ эту борьбу боговъ свѣтлаго и темнаго религія персовъ. Ормуздъ, верховный источникъ свѣта, всемогущимъ своимъ словомъ (Гоноверъ), т. е. громомъ ¹⁾, творитъ ангеловъ—ферверовъ и вселенную со всеми ея благами; а злой Ариманъ, источникъ тьмы, противопоставляетъ ему своихъ нечистыхъ духовъ — девовъ и стремится овладѣть небомъ, но будучи низвергнутъ—падаетъ въ подземныя пропасти; въ образѣ змѣи онъ проникаетъ всюду и портитъ созданія Ормузда, влагая въ нихъ зародыши зла и болѣзней; самый огонь онъ оскверняетъ дымомъ ²⁾. Быстрымъ полетъ тучъ, молній и вѣтровъ заставили фантазію олицетворять эти явленія легкокрылыми птицами; этотъ поэтический образъ встрѣчается въ большей части народныхъ

¹⁾ Какъ только слово это перестанетъ раздаваться на небѣ—вселенная тотчасъ погибнетъ; сравни съ германскимъ вѣрованіемъ, что еслибы не молотъ Тора—злбные великаны давно бы овладѣли міромъ. — ²⁾ Ж. М. Н. П. 1858, III, 273—6.

сказаній, изображающихъ картину весенней грозы. Плаваая по воздушному океану, облака и тучи представлялись водяными птицами — бѣлыми и черными гоголями. Карпатская колядка о сотвореніи міра, вмѣсто гоголей, выводитъ двухъ голубей — птицы, которымъ приписывается низведение съ небесъ огни (= молній), дождя и божественнаго дыханія, т. е. вѣтра (I, 540 — 1):

Колись-то было з' початку свѣта —
 Втоды не было неба, ни земли,
 Неба, ни земли, немъ ¹⁾ сине море,
 А середь моря ты два дубойки ²⁾.
 Свли-впали два голубойци ³⁾,
 Два голубойци на два дубойки,
 Почали собь раду радити ⁴⁾,
 Раду радити и гуркотати:
 Якъ мы маеме свѣтъ основати?
 Спустиме мы ся на дно до моря,
 Вынесеме си дрибногo писку,
 Дрибногo писку, синего (вар. золотого) каменьце.
 Дрибнои писочокъ посъеме мы,
 Синій каминець подунеме мы:
 З' дрибногo писку — черна землица,
 Студена водица, зелена травица;
 З' синёго каменьца—синее небо,
 Синее небо, свѣтле сонейко,
 Свѣтле сонейко, ясенъ мѣсячокъ,
 Ясенъ мѣсячокъ и всѣ звѣздойки.

За каждымъ стихомъ слѣдуетъ припѣвъ: «подуй-же, подуй, Господи, и з' Духомъ Святымъ по землѣ» ⁵⁾. На воздушномъ океанѣ стоятъ два дуба, т. е. деревья-тучи, соответствующія шировой ясени Эдды; на этихъ Перуновыхъ деревьяхъ возсѣдаютъ молніеносныя птицы, и онѣ-то создаютъ міръ: землю изъ мел-

¹⁾ Только. — ²⁾ Вариантъ: зеленый яворь. — ³⁾ Вар. три голубойки. — ⁴⁾ Совѣтоваться. — ⁵⁾ Ч. О. И. и Д. 1864, I, галицъ пѣсни, 5; Объ истор. зн. нар. поэм., 66—67; Маякъ, XI, 56.

эго песку, а небесныя свѣтила изъ синяго или золотого камня. Если мы припомнимъ, что солнце, луна и звѣзды назывались метафорически драгоцѣнными камнями (I, 214), и что эпитеты «золотой» и «синій» служили для обозначенія блеска небесныхъ свѣтилъ и огня; то понятно будетъ, почему свѣтила эти творятся изъ синяго или золотого камня. Ниже (сѣ. гл. XXI) объясненъ нами космогоническій мифъ скандинавовъ и указано, что въ основѣ его лежитъ мысль о весеннемъ обновленіи природы, о созиданіи міровой жизни изъ того омертвенія (=небытія), въ какое погружаетъ ее губительное вліяніе зимы. Также мысль кроется и въ славянскихъ преданіяхъ. При началѣ весны пробужденный Перунъ выѣзжаетъ на огненной колесницѣ, во всемъ своемъ грозномъ величіи, на великое дѣло творчества; разитъ громовыми стрѣлами толпы демоновъ, и разсыпая плодотворное сѣмя дождя, застѣваетъ землю разными злаками, или что тоже—творитъ «посредствомъ сѣянія» зеленѣющую и цвѣтущую землю¹⁾. Вмѣстѣ съ этимъ онъ выводитъ изъ-за густыхъ тучъ и тумановъ небесныя свѣтила, и слѣдовательно какъ-бы создаетъ ихъ изъ тѣхъ самоцвѣтныхъ камней, которыя до сего времени были сокрыты демонами зимы и мрака на днѣ воздушнаго, облачнаго океана; выводя яркое, внешнее солнце, онъ творитъ бѣлый свѣтъ, т. е. по основному, тѣснѣйшему смыслу этого выраженія — даетъ міру ясные дни, а по смыслу производному, болѣе широкому — устрояетъ вселенную. Солнечныя лучи топятъ льды и снѣга, претворяя ихъ мертвыя массы въ шумныя, многоводныя потоки, и только тогда зачинается земная жизнь со всей ея роскошью и разнообразіемъ, когда выступитъ наконецъ земля изъ-подъ водъ весеняго разлива и будетъ обвѣяна южными вѣтрами. Отсюда

¹⁾ Множество деревьевъ и злаковъ получили свои названія по имени громовника (Индры, Тора, Перуна)—German. Mythen, 137—9.

возникъ мнѣ, общій вѣсѣмъ индоевропейскимъ народамъ, что земля рождается изъ воды и выплываетъ изъ ея пучинъ силою божественнаго дуновенія. По хорутанскому вѣрованію, земля волею божіей вышла изъ морской бездны, въ которой до начала міра была погружена вмѣстѣ съ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами, молніей и вѣтрами; первая показалась изъ воды высокая гора Триглавъ (по мнѣнію словаковъ, это были Татры); самая жизнь на землѣ зародилась съ той минуты, когда внутри ея загорѣлся огонь, т. е. когда лучи весенняго солнца согрѣли мерзлую землю и пробудили въ ней силу плодородія. У карпатскихъ русиновъ существуетъ вѣрованіе, что вселенную создали царь-огонь и царица-вода ¹⁾, т. е. молнія и дождь, небесный огонь солнца и живая вода весеннихъ разливовъ; а сербская пѣсня представляетъ молнію — силою, господствующею надъ вѣсѣмъ міромъ и все въ немъ устрояющею: она дѣлитъ міръ и раздаетъ дары — Богу небесную высь, св. Петру лѣтній зной, Іоанну-Крестителю зимній холодъ, Николаю-угоднику воды, Ильѣ-пророку громовыя стрѣлы ²⁾. Замѣчательно, что слово творить указываетъ на воду, какъ на существенный элементъ творчества; датск. tvøge — разводить, размѣшивать что-либо сухое съ влажнымъ, исланд. thvagi — тѣсто, рус. творилака — квашня, растворъ — смѣсь жидкости съ чѣмъ-нибудь сухимъ, или одной жидкости съ другою, тварогъ (кромѣ общепринятаго значенія) употребляется въ смыслѣ мягкой грязи ³⁾. Народное преданіе относитъ созданіе міра къ первому весеннему мѣсяцу — марту, названіе котораго говоритъ о времени, по-

¹⁾ Срезнев., 19, 23 - 24. — ²⁾ Сравни въ Сибирск Вѣстникъ 1822, августъ, кн VIII, 33: забайкальскіе тунгусы вѣрятъ, что въ началѣ вѣковъ все было покрыто водою, но божество послало на нее огонь; послѣ долгой борьбы между двумя стихіями, огонь спалилъ часть воды и образовалъ сушу. — ³⁾ Мат. сравн. слов., I, 45—46.

священномъ Марсу — богу-громовнику, побѣдителю демоническихъ ратей. Во всѣхъ мифологіяхъ божество весеннихъ грозъ, какъ оплодотворитель земли и податель урожая, надѣляется творческою силою; отъ его дыханія произошли вѣтры, отъ его глаголовъ — громы, отъ слезъ — дожди, отъ густыхъ массъ — облака и тучи. Финнская космогонія развиваетъ ту же идею, что и космогонія скандинавовъ и славянъ. Изначала обитала въ воздушной области дѣва Ильматръ — буквально: дочь воздуха (=облачная дѣва); однажды спустилась она съ эфирныхъ высотъ на море, и вотъ поднялась буря, море взволновалось, Ильматръ зачала въ утробѣ своей сына отъ вѣтра и носилась по морской поверхности ровно семьсотъ лѣтъ (=семь зимнихъ мѣсяцевъ); наконецъ чудному ребенку надоѣло заключеніе, и онъ самъ проложилъ себѣ дорогу изъ чрева матери: это былъ Вейнемейненъ—богъ, обладающій даромъ могучихъ, чародѣйныхъ дѣсень. Подобно свѣтлому богу русскаго народнаго преданія, онъ плаваетъ по волнамъ первобытнаго моря и пѣніемъ своимъ, т. е. громовымъ словомъ и звуками завывающей бури, творитъ острова, мысы, заливы и подводные камни. Затѣмъ прилетаетъ орлица, соответствующая голубямъ карпатской колядки, садится на колѣна Вейнемейнена и несетъ яйца, изъ которыхъ потомъ созданы были солнце, луна и звѣзды. Орелъ—лице-твореніе грозовой бури; изъ-за разбитыхъ молніями и разсѣянныхъ вѣтрами тучъ онъ выводитъ круговидныя свѣтила, которыя на метафорическомъ языкѣ уподоблялись золотымъ яйцамъ, снесеннымъ миѳической птицею (см. 1,529—532, 536).

Созданіе перваго человѣка мифъ ставитъ въ тѣснѣйшую связь съ преданіями о происхожденіи огня. Какъ на землѣ огонь добывался чрезъ треніе одного полѣна, вставленнаго въ отверстіе другаго, такъ и на небѣ богъ громовникъ сверлитъ гигантское дерево-тучу своей острой па-

лицей, и отъ этого сверленія она чреватѣеть и рождаетъ малютку-молнію. Древнему человѣку, который въ громовой пальцѣ узнавалъ дѣтородный членъ бога-оплодотворителя земной природы ¹⁾, естественно было это представленіе о происхожденіи огня и молніи сблизить съ актомъ соитія и зарожденія младенца, тѣмъ болѣе, что самая жизнь, одушевляющая человѣка, (=его душа) понималась, какъ возженное пламя (см. гл. XXIV). Священные пѣсни Ведъ въ добытомъ треніемъ огнѣ видятъ плодъ супружескаго соединенія двухъ обрубковъ дерева, изъ которыхъ одинъ представляетъ воспринимающую жену, а другой—воздѣйствующаго мужа; масло же, которымъ ихъ умащали, называютъ плотскимъ сѣменемъ. Отсюда возникли мифическія сказанія: во первыхъ, что душа новорожденнаго низходитъ на землю въ молніи, и во вторыхъ, что первая чета людей создана богами изъ дерева. Тайну созданія и рожденія человѣка предки наши объясняли себѣ тою-же творческою силою громовника, которую вызванъ къ бытію и весь видимый міръ; онъ послалъ молнію (=божі роєі) устроить на землѣ первый очагъ, возжечь на немъ пламя и основать домохозяйство и жертвенный обрядъ; въ тоже время созданъ былъ и первый человѣкъ, первый домовладыка и жрецъ, въ образѣ котораго сочетались представленія пылающаго на очагѣ огня и родоначальника племени (см. выше стр. 75—82); впоследствии, когда

¹⁾ Молнія представлялась молотомъ, толкачемъ, палицею (кіемъ). «Кы й (malcus, fustis), вмѣсто куй отъ кую, литов. куйс—молотъ. Одного корня и слово, означающее ремень, virgam virilem; буквы к и з замѣняютъ другъ друга, напр. кутать и хутать, краса и хорошій, хитрый и литов. кутрус и пр.» Пестель—толкачь отъ санскр. pīśh—тереть, толочь; въ латтскихъ нарѣчійхъ слово писты выражаетъ дѣйствіе оплодотворенія, собственнo пишать (пыхати), совать—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр. I, 579, 599.

установленъ былъ семейный союзъ, богъ-громовержецъ всякой разъ, при naroжденіи младенца, низводилъ съ неба молнію и возжигалъ въ немъ пламя жизни. Въ этихъ вѣрова- ніяхъ, хотя и безсознательно, сказалось живое чувство род- ства человѣка со всею природою. По свидѣтельству Ведъ, первобытный, въ молніи рожденный человѣкъ былъ праотецъ Яма (Yama), съ чѣмъ согласуется греческій мифъ о Прометее, который низвелъ на землю небесный огонь, и влохнувши его въ человѣческій образъ, сформованный изъ глины, сдѣлался творцемъ людскаго рода. У римлянъ таже самая мысль выра- зилась въ преданіи о Пикѣ. Picus ¹⁾ — дятль, птица, приносящая молнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ первый король Лаціу- ма—основатель племени. Быстрая, «окрыленная» молнія оли- цетворялась въ образѣ птицы, которой фантазія приписывала и низведеніе небснаго огня, и принесеніе въ сей міръ мла- денческихъ душъ. У Пика былъ братъ Pilumnus (отъ pilum —мутьовка, толкачъ—donnerkeil) — богъ-охранитель дѣтей. По нѣмецкому повѣрью, аистъ не только приноситъ огонь, но и младенцевъ, т. е. собственно — ихъ пламенные души; изъ горы или колодца, гдѣ богиня Гольда съ материнской за- ботливостію оберегаетъ свободныя, еще нерожденные души, подищаетъ ихъ аистъ и влагаетъ въ младенцевъ, новопризван- ныхъ къ земной жизни; почему и называютъ его Odebar (Adebar)—душеприноситель ²⁾. Чехи возлагаютъ эту обя- занность на аиста, ворону и коршуна; до рожденія сво- его, дѣти (=души) спятъ въ каменныхъ горахъ или плава- ютъ въ прудахъ, рѣкахъ и источникахъ, словно игривыя рыб- ки; въ то время, когда ребенокъ долженъ появиться на божій

¹⁾ Пинте, I, 489: picus, др.-нѣм. speh, speht, швед. hock- spik, дат. sproet, англ. wood-pecker; санскр. pika — ку- лушка, дат. pic a—сорока; корень pik—колоть.— ²⁾ Кунъ, 70—78, 104—7; Die Götterwelt. 53, 281—3.

свѣтъ, сюда прилетаетъ одна изъ названныхъ нами птицъ, беретъ въ клювъ предназначенное къ рожденію дитя, приноситъ его въ домъ черезъ открытое окно или дымовую трубу и передаетъ повивальной бабкѣ. Взрослыя дѣти кладутъ на окно сахаръ для вороны и просятъ ее принести имъ братца или сестрицу ¹⁾. И гора, и колодець суть метафоры дождевой тучи; позднѣе означенное вѣрованіе стали связывать съ тѣни или другими земными источниками; неплодныя жены, чтобы получить силу чадородія, пьютъ изъ этихъ источниковъ воду. Самыя души, какъ увидимъ ниже (см. гл. XXIV), были представляемы легкокрылыми птицами; а дѣвы судьбы — славянскія роженицы, присутствующія при рожденіи дѣтей, тождественны съ нѣмецкими норнами, о которыхъ Эдда говоритъ, что онѣ сидятъ у священнаго источника Иггдразилли. Палающія съ неба молніи вызываются двоякимъ дѣйствіемъ громовника: онъ или сверлитъ облачное дерево, или высѣкаетъ искры изъ облачной скалы; согласно съ тѣмъ и другимъ возрѣніемъ, старинныя мнѣя говорятъ о созданіи первыхъ людей изъ дерева и камня, и отождествляетъ ихъ съ стихійными, грозowymi духами—великанами. Первозданные люди было племя великанское; одинъ изъ древнѣйшихъ англосаксонскихъ

¹⁾ Громанъ, 64, 105. У лужичавъ есть примѣта: въ томъ домѣ, на кровлѣ котораго сидеть прилетѣвшій аистъ, въ теченіи года непременно родится ребенокъ—*Volklied der Wenden*. II. 260. Кроме птицъ, новорожденные дѣти приносятся за и ц е м ѣ, кошкою (такъ разсказываютъ въ некоторыхъ областяхъ Германіи) и лисичею (—въ Богеміи); въ образъ этихъ звѣрей олицетворялись грозовыя явленія—см. гл. XII. Вольфъ (*Beiträge zur D. Myth.*, II, 185—6) приводитъ пѣсни: а) *Die katz legt die stiefeln an, springt in den brunnen, hat ein kindlein funden*; б) *Unse katz hat stiefeln an, reit damit nach Hollabrunn, findt e kindlin der sunn*. Кошка здѣсь служительница и посланница Голды; она нѣшетъ сапоги-скороходы, прыгаетъ въ колодцы и достаетъ оттуда дѣтскія души.

вспышекъ даетъ Адаму исполинскій ростъ ¹⁾. Персидская мифологія утверждаетъ, что праотцы рода человѣческаго— мужъ и жена (Meschia и Meschiane) произошли изъ дерева ²⁾. Въ Эддѣ находимъ такой разсказъ о происхожденіи первой четы людей: послѣ того, какъ великаны погибли въ кровавомъ потопѣ, свѣтлые боги Одинъ, Vili и Ve (дѣти Bögg'a) пришли на берегъ моря и нашли тамъ два дерева, изъ которыхъ и создали мужа и жену, и назвали ихъ Askr (ясень) и Emla: послѣднее слово Я. Гриммъ производитъ отъ amr, ambr (amr, ambr) — непрерывная работа, и даетъ ему значеніе заботливой хозяйки—aschenputtel. Одинъ сообщилъ имъ жизнь, Vili—умъ и чувство, Ve—слово, слухъ, зрѣніе и вѣнній обликъ. По другому преданію, это дѣло совершили Одинъ, Гёниръ и Лодръ; первый надѣлялъ созданную чету духомъ жизни, второй разумомъ, а третій далъ ей кровь и румянецъ ³⁾. Ясень, изъ которой боги создали перваго чело- вѣка, должна быть признана за мировую Иггдразилль. Въ близкой связи съ этимъ скандинавскимъ мифомъ стоитъ слѣдующее литовское преданіе: въ давнія времена въ одной при- морской деревнѣ жилъ чело- вѣкъ по имени Тейсусъ (пра- ведный); къ нему обращались всѣ за совѣтами, предска- заніями и разрѣшеніемъ споровъ, какъ къ чело- вѣку вѣщему и правдивому; когда въ глубокой старости насталъ его смертный часъ, боги, въ награду за его добродѣтельную жизнь, превра- тили Тейсуса въ ясень, которая слыветъ въ Литвѣ пра- веднымъ-д-ревомъ ⁴⁾. Подобныя вѣрованія не чужды бы-

¹⁾ Опытъ ист. обзор. рус. литер., О. Миллера, 336.— ²⁾ Ж. М. Н II 1838, XI, 328 («Религія и богослужен. древн. персовъ») — ³⁾ D. Myth., 527, 537; Симрокъ, 5, 247.— ⁴⁾ Черты литов. нар., 75. Сравни съ греческимъ преданіемъ о Филимонѣ и Бавкидѣ, ко- торые были спасены богами отъ фригійскаго потопа и потомъ превращены въ дубъ и липу (Метамор. Овидія).

ли и грекамъ, и римлянамъ. По словамъ Гезіода, третій (иѣднѣй) родъ земныхъ обитателей созданъ былъ Зевсомъ изъ ясени (*ἐξ μελιᾶν*); это были жестокосердые исполины, которые, враждуя между собою, истребили другъ друга въ битвахъ. Нимфа-океанида, мать перваго человѣка въ Аргосѣ, называлась *Μελία* (ясень ¹). Пенелопа спрашивала неузнаннаго ею Одиссея: «*οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἐσσι παλαιφάτου οὐδ' ἀπὸ πέτρης?*» — происходишь ли ты отъ славнаго дуба или отъ каменей? ²) Энеида ³) также упоминаетъ о людяхъ, происшедшихъ отъ твердаго дуба и древесныхъ пней. Созданіе людскаго рода изъ камней засвидѣтельствовано греческимъ мифомъ о Девкаліонѣ, которому, послѣ потопа, далъ Гермесъ повелѣніе бросать черезъ себя кости матери-земли, т. е. камни; всѣ камни, брошенные имъ, обратились въ мужей, а тѣ, что бросала жена его Пирра, — въ женщинъ. Литовцы признаютъ своими предками исполиновъ, и рассказываютъ, что когда окончился потопъ и великія воды удалялись съ суши, въ то время въ прародительской странѣ, откуда вышло литовское племя, оставалась въ живыхъ только единая чета — мужъ и жена, но оба были стары и не могли надѣяться на потомство. Для утѣшенія осиротѣлыхъ супруговъ богъ Пражжинасъ (= Судьба) послалъ Линксминне (радугу), которая посовѣтовала имъ скакать черезъ кости земли. Сколько разъ перескочилъ старикъ — столько возстало дородныхъ юношей, сколько разъ перескочила старушка — столько взрослыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ. Но болѣе девяти разъ они не въ силахъ были скакать черезъ камни. Отъ новыхъ девяти паръ народилось девять поколѣній литовскаго народа ⁴). Мифъ о происхожденіи рода человѣческаго изъ

¹) Griech. Mythol. Преллера, II, 36 — ²) Одисс., XIX, 163 — ³) VIII, 314 и дал. — ⁴) Изв. А. К. Н., I, 114; Черты литов. нар., 69 — 70, 75. Нѣмецкая сказка (Вольфъ, 96 — 97) повѣствуетъ объ одной

кашей въ одной изъ нашихъ старинныхъ рукописей (XV или XVI вѣка) соединяется съ вѣрованіемъ славянъ въ Родъ, имя котораго въ памятникахъ постоянно ставится рядомъ съ роженицами, вѣщими предсказательницами судьбы новорожденнаго и помощницами въ родахъ. Вотъ это любопытное свидѣтельство: «Вседръжитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающій творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не Родъ, сѣдя на въздухъ, мечеть на землю груди—и въ томъ ражаются дѣти... Всѣмъ бо есть творецъ Богъ, а не Родъ. Родъ, мечущій съ неба груди—камни, напоминаетъ общерійское представленіе о богѣ-громовникѣ, который разбиваетъ облачныя скалы, бросая въ нихъ молніеноснымъ молотомъ. Въ Теогоніи Гезіода Зевсъ кидаетъ въ своихъ враговъ ἄχρωον (санскр. аштан, литов. актѣй, актѣнс, слав. камень ¹⁾) —каменный молотъ Тора (I, 253). Какъ представителю творческихъ, плодородящихъ силъ природы, Перуну должно было присвоиться прозваніе Рода; во время весеннихъ грозъ, ударяя своимъ каменнымъ молотомъ, дробя и разбрасывая скалы-тучи, онъ призывалъ къ жизни облачныхъ великановъ, окамененныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы; говоря мифическимъ языкомъ: онъ оживлялъ камни и творилъ изъ нихъ исполинское племя. Такимъ образомъ великаны были его порожденіемъ, первымъ плодомъ его творческой дѣятельности. Въ древнѣйшихъ текстахъ славянскаго перевода священнаго писанія слово плодъ служитъ для обозначенія исполина, гиганта; такъ въ парамейникѣ XII столѣтія, болгар-

матери, которая родила *ein glauc Wackenstein*: когда ударили камень мечемъ, изъ него полилась алая кровь, а черезъ семь дней послѣ того онъ превратился въ прекрасную дѣвочку.—¹⁾ Пикте, I, 129—130: ἄχρωον—наковальня, *сашинус* — горнъ, печь; корень *α*ζ—*permeate, penetrate*.

скаго письма, читаемъ: «плоди же (исполинны) бяху по земли» ¹⁾. Усматривая въ грозѣ брачный союзъ неба съ землею, перенося мифическія сказанія о скалахъ-тучахъ на обыкновенныя горы и называя эти послѣднія костями земли ²⁾, младенческіе народы пришли къ заключенію, что первоизданный человѣкъ-великанъ (urmensh) былъ порождень Землею, общою матерью и кормилицею смертныхъ. Такъ германцы утверждали, что Tuisko (Tvisko, Tivisko), отъ котораго произошелъ первый человѣкъ Маннъ (Mannus), былъ сыномъ Неба (Tiv) и Земли; отъ той-же божественной четы громаюснаго Неба (Divus) и всё-цѣтающей Земли (Aria) вели свой родъ и племена скинскія ³⁾. На ряду съ этими преданіями ни слѣдуетъ поставить свидѣтельство Несторовой лѣтописи о созданіи человѣка, записанное со словъ современнаго волхва: «Богъ шывъся въ мовниці и вспотивъся, отеръся ветъхомъ (вар. ветхимъ), и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створиши человѣка? И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ нѣ (во-нѣ) вложи; тѣмже еще умреть человѣкъ—въ землю и деть тѣло, а душа къ Богу» ⁴⁾. Въ Краинѣ до сихъ поръ разсказываютъ, что при началѣ вѣковъ Богъ, пробудившись отъ сна, пошелъ по бѣлому свѣту, и когда достигъ земли, то отъ чрезмѣрной усталости выступилъ на немъ потъ; и вотъ упала на землю капля божественнаго пота, оживотворилась и образовала изъ себя перваго человѣка. Потому-то люди осуждены работать и снискивать свое пропитаніе «въ потѣ лица» ⁵⁾. Снѣжныя облака, обле-

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стр. XXIII предисловія.— ²⁾ По скандинавскому сказанію, горы и скалы созданы изъ костей и зубовъ великана Имира.— ³⁾ Лѣт. рус. лит., кн. I, 134; D. Myth., 319. Сравни выше (стр. 355) о рожденіи Тора матерью Горюю (тучею) или Землею.— ⁴⁾ П. С. Р. Л., I, 76.— ⁵⁾ Эрбенъ. 257: «na zemlji radne kap z noja, kap se oživi, i eto ti prvoga čovjeka»

гающія небо въ зимнюю половину года, подѣ влияніемъ вѣшняго тепла претворяются въ дождевыя, или выражаясь метафорически: богъ облачнаго неба, богъ-громовникъ, пробуждается отъ зимняго сна, потѣетъ и начинаетъ купаться въ дождевыхъ потокахъ. Одна изъ купальскихъ пѣсень рисуетъ такую картину: стояла верба, на вербѣ горѣли свѣчи (т. е. стояло дерево-туча, а на немъ горѣли молніи);

Съ той вербы капля упала —
 Озеро стало:
 Въ озерѣ самъ Богъ купався
 Съ дитками-судитками ¹⁾.

Изъ божественнаго пота, т. е. изъ паровъ и тумановъ, какіе поднимаются отъ земли вслѣдствіе весенняго таянья, образуются грозовыя тучи, или что тоже—нарождаются великаны. Согласно съ сейчасъ-приведенными свидѣтельствами, принадлежащими славянамъ, скандинавскій мифъ говоритъ, что первый мужъ и первая жена и все племя великановъ-гримтурсовъ произошли отъ плодоноснаго пота Имира (см. гл. XXI). Таянье снѣговъ и слѣдующее за тѣмъ половодье древніе поэты изображали всемірнымъ потокомъ, въ которомъ очищается грѣшная (= опустошенная рукою Зимы, неплодная) земля; а дождевыя ливни—банею, въ которой на сильномъ грозовомъ пламени кипятится живая вода; въ этой водѣ омываются небесныя боги, и омывшись, обрѣтаютъ ту свѣтлую красоту и тѣ благодатныя силы, съ какими являются они въ лѣтнюю пору. Вотъ почему созданіе человѣческаго рода связывается съ сказаніями о потоцѣ и совершается въ то время, когда Богъ потѣетъ и купается въ «мовницѣ». Такъ какъ облака представлялись божьею одеждою, покрываломъ, плащемъ, то верженіе съ неба ветхаго рубища (т. е. разорванной громовыми ударами тучи) вполне соответствуетъ бросанію камней

¹⁾ Терещ., V, 77—78.

возсѣдающимъ на воздухѣ Родомъ. Подобно тому, какъ Прометей, слѣпивши изъ глины тѣло человѣческое, долженъ былъ похитить для его одушевленія небесный огонь, такъ въ нашей лѣтописномъ преданіи созданный сатаною человѣкъ ожилъ только тогда, когда Богъ вдохнулъ въ него душу; очевидно, что сатана играетъ здѣсь ту же роль, какую въ античномъ мифѣ Прометей: этому послѣднему греки придавали титанической, демонской характеръ, и сказаніе объ оковахъ, въ которые заключили его боги, въ средніе вѣка было перенесено на сатану и антихриста.

Эти мифическія представленія, принадлежащія незапамятной старинѣ, не могли не запечатлѣться въ народныхъ названіяхъ. Германі древніе писатели производятъ отъ *germīnagē* — выростать изъ сѣмени (говоря о травахъ и растеніяхъ); слово *leut* (народъ, людъ), др.-в.-нѣм. *liut* Я. Гриммъ сближаетъ съ *liotan* (*liud, liodan*) — расти, давать отростки; сравни *populus* — народъ и *pōpulus* (нѣм. *poppe*) — тополь. Размноженіе семьи, рода изстари сравнивалось съ ростками, пускаемыми изъ себя деревомъ, вслѣдствіе чего стволъ (пень, корень) служитъ въ эпической поэзіи символомъ отца или предка, а вѣтви — символомъ ихъ дѣтей и потомковъ. Великая невѣсту, малорусская свадебная пѣсня сравниваетъ ее съ яворомъ и спрашиваетъ: «чи ты кориня не глубокаго, чи ты батька не богатаго?» Болгарская пѣсня говоритъ о невѣстѣ, что она отдѣляется отъ своего рода-племени, какъ отъ корня ¹⁾. У сербовъ есть поговорка: «безъ стараго пня сиротѣть огнище» (безъ стара пања сиротно огњиште), т. е. плохое семейство безъ старшаго въ родѣ; о старыхъ и бездѣтныхъ супругахъ они выражаются: «као два одсјечена пања» ²⁾. Слово корь (корень) означаетъ у насъ и родину (село, дерев-

¹⁾ Миладин., 466. — ²⁾ Срп. н. послов., 12, 131.

но), и наследственное имущество: «на корю сидѣть» — мѣдѣть дѣдовскимъ добромъ. Сходно съ этимъ, въ готскомъ языкѣ *ans* — предокъ, родоначальникъ и вмѣстѣ бревно, сукъ ¹⁾. У чеховъ *hol, hole* — вѣтвь, палка (шалор. гилля — съ тѣмъ-же значеніемъ), а *holek, holka* — мальчикъ и дѣвочка, лужиц. *hole, gólje* — дитя, *holc* — парень, *holca* — дѣвица. Въ народныхъ пѣсняхъ весьма обыкновенно сравненіе дѣтей съ вѣтвями и верхушкою дерева; наоборотъ пасынокъ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ для обозначенія меньшаго изъ двухъ сросшихся деревьевъ; въ воронежской губ. пасынокъ называютъ боковой отростокъ на кочкѣ капусты; серб. *младица* — молодая жена и поросль, вѣтка ²⁾. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ говорится, что въ Саксоніи дѣвцы растутъ на деревьяхъ; на вопросъ дѣтей: откуда взялся у нихъ новый братецъ или сестрица? въ прирейнской странѣ мать отвѣчаетъ: изъ древеснаго дупла; а русскія мамки и няньки на тотъ-же вопросъ отвѣчаютъ, что ребенокъ снятъ съ дерева. Параллель, проводимая въ языкѣ и народныхъ повѣрьяхъ между вѣтвистымъ деревомъ и многочленною семьею или цѣлымъ родомъ, съ особенною наглядностію заявила себя въ обычаѣ обозначать происхожденіе знатныхъ людей и степени ихъ родства черезъ такъ называемое родословное дерево (*stammbaum*). Старинныя нѣмецкія саги рассказываютъ о матери, которой снилось, что изъ ея сердца или чрева выросло большое, тѣнистое дерево съ прекрасными плодами; этотъ сонъ служилъ предзнаменованіемъ, что она въ скоромъ времени родитъ сына — родоначальника обширнаго и славнаго племени ³⁾. Такимъ образомъ сынъ представлялся какъ-бы отросткомъ, исходящимъ изъ нѣдръ матери, и

¹⁾ Дят. рус. лѣт., кн. I, 126. — ²⁾ Филолог. Записки, годъ 3, III, 148—152; Обл. Сл., 90; Этн. Сб., VI, 19. — ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 358—9.

чтобы усыновить чужое дитя надо было совершить символическій обрядъ — посадить его къ себѣ на колѣни: *knäsettingr* — усыновленный, *kniesetzen* — *adoptare*, *sehooiskind* — любимое матерью дитя ¹⁾. Семноны, по свидѣтельству Тацита, вели свое происхожденіе отъ *лѣса* ²⁾; имя перваго короля (= родоначальника) саксовъ *Aschanes* (*Askanius*), о которомъ сага говоритъ, что онъ возросъ въ *лѣсу* у журчащаго источника, Гриммъ производитъ отъ слова *askr* — ясень, а самое названіе саксовъ (*sachsen*) отъ *sahs* — *saxum*, скала, камень; одинъ изъ божественныхъ героевъ носить имя *Sahsnôt* ³⁾. Въ числѣ народцевъ, входившихъ въ составъ свенскаго племени, встрѣчаемъ: *дервичей* (*der bikkas*), которые напоминаютъ нашихъ *дервяня* — отъ санскр. *dgû*, слав. *дъ рево*, греч. *δρῦς* — *queercus*; дубъ же въ славянскихъ и греческихъ преданіяхъ играетъ ту же роль, какую въ скандинавскихъ — *мировая ясень* ⁴⁾. Народныя русскія сказки говорятъ о рожденіи дитяти изъ обрубка дерева: бедѣтные родители — старикъ и старуха берутъ чурбанъ, кладутъ его въ колыбель, начинаютъ качать и причитывать надъ нимъ, какъ надъ ребенкомъ, и заветное ихъ желаніе исполняется — изъ обрубка дерева рождается мальчикъ, которому поэтому дается имя *Лутоня*, *Тельпушокъ*; по другимъ вариантамъ, онъ рождается изъ полѣна, положеннаго на печь ⁵⁾. Маль-

¹⁾ Сынъ Отец. и Сынъ. Архивъ 1831, т. XXIII, стат. Гримма, 92: слова *geni*, *knie* — *ко лѣно* сродны съ *γενος*, *geni*, готск. *knipi* — родъ, поколѣніе. — ²⁾ Они чтили священную рощу приношеніемъ человѣческихъ жертвъ; никто не входилъ въ нее иначе, какъ связанный путями — какъ бы въ сознаніи своего ничтожества и могущества божества. — ³⁾ D. Myth., 537—8; Норкъ: *Andeutung eines Systems der Mythol.*, 180; М. Мюллеръ, 12: греческ. *λάος* (народъ) и *λάαξ* (камень) звучатъ родственно — ⁴⁾ Лѣт. рус. лит., кн. I, 125—6. — ⁵⁾ Н. Р. Ск., I, 4, в и стр. 119; VI, 17, в, 20; VIII, 6, в.

чикъ этотъ отличается необыкновенною хитростью и принадлежитъ къ одному разряду съ карликами, въ которыхъ древній инеъ олицетворялъ грозовыхъ духовъ и домовыхъ пенаговъ. Сказки о его похожденияхъ весьма интересны и составляютъ общее достояніе индоевропейскихъ народовъ ¹⁾. Рожденный изъ обрубка дерева, мальчикъ катается по рѣкѣ или озеру въ серебряномъ челнокѣ, разсѣкаетъ волны золотыиъ весломъ и ловитъ рыбу. Увидала его злая вѣдьма-зѣя (драконид), изловила и собирается пожрать: она приказываетъ своей дочери зажарить его къ обѣду, но мальчикъ притворяется, что не знаетъ, какъ ему лечь на лопату, и проситъ поучить себя; не подозрѣвая обмана, вѣдьмина дочка ложится на лопату; хитрецъ быстро сажаетъ ее въ горячую печь, а самъ взлѣзаетъ на высокой дубъ (или яворъ). Является раздраженная вѣдьма, начинаетъ грызть дерево, но ломаетъ только зубы объ его твердый стволъ; тогда бѣжитъ она къ кузнецу, и тотъ куетъ ей желѣзные зубы; принимается вѣдьма грызть дерево желѣзными зубами — и вотъ оно трещитъ, шатается. На счастье малютки летитъ стадо гусей и лебедей, къ которымъ онъ обращается съ просьбою: «гуси мои, лебедята! возьмите меня на крылатя, понесите меня къ отцу къ матери». И птицы берутъ его на крылья и уносятъ далеко отъ злой вѣдьмы, или вмѣсто того онѣ даютъ ему по перу изъ своихъ крыльевъ — и мальчикъ тотчасъ-же превращается въ гуса и улетаетъ. При созданіи этой сказки фантазія воспользовалась разнообразными поэтическими представленіями громоносной тучи и начертала живописную картину лѣтней грозы: малютка-молнія — богъ Агни, рожденный изъ вѣдръ дерева-тучи — точно также, какъ земной огонь рождается изъ

¹⁾ Ibid., II, 34; VI, 17—20; Срп. н. припов., 174—5; Volkslieder der Wenden, II, 172—4. Этн. Сб., V, стат. о кашубахъ, 132; Сказ. Грим., 15; Ск. норв., I, 1; II, 22; Гальтрихъ, 37; Ганъ, 95.

обыкновеннаго дерева, плаваетъ по небесному морю въ ладѣ-облакѣ; эпитеты «золотой» и «серебряный», какіе приданы веслу и челноку, указываютъ на блескъ, разливаемый новорожденнымъ героемъ. Злая, прожорливая вѣдьма-змѣя есть демоническое олицетвореніе мрачной тучи: едва успѣетъ сверкнуть молнія, какъ уже поглощенная пропадаетъ въ ея утробѣ; поэтому народныя повѣрья приписываютъ ей пожираніе дѣтей. Кузнецъ, который куетъ ей желѣзные зубы, принадлежитъ къ тѣмъ мифическимъ лицамъ, которые куютъ богу-громовнику молніеносныя стрѣлы. Вѣдьму онъ надѣляетъ желѣзными зубами — метафора острыхъ, страшно-кусающихъ молній; онъ же вытягиваетъ ей языкъ (другая метафора, однозначительная съ зубомъ), бьетъ по немъ молотомъ и куетъ вѣдьмѣ голосъ, т. е. вызываетъ изъ нея громовыя звуки ¹⁾. Эта кузнечная работа, вытягиваніе змѣйнаго языка и удары Торовымъ молотомъ составляютъ обычные образы, къ которымъ прибѣгаетъ народный эпосъ при описаніи грозовыхъ тучъ (сравни т. I, 560—1). Кому не приходилось любоваться, какъ во время сильной грозы часто-сверкающая молнія то появляется, обливая все ослѣпительнымъ блескомъ, то исчезаетъ, не оставляя ни малѣйшаго слѣда? Такое непрерывное, почти условимое для глазъ появленіе и исчезаніе молній предки наши, созерцавшіе въ явленіяхъ природы живыя существа, объясняли себѣ тѣмъ, что нечистая сила мрака—злая вѣдьма преслѣдуетъ свѣтлаго бога небснаго огня, который убѣгаетъ и прячется отъ ея раскрытой пасти и оскаленныхъ зубовъ. Онъ скрывается на вершинѣ высокаго дуба (=въ тучѣ), и когда вѣдьма валяетъ это Перуново дерево — облакается въ «пернатую сорочку» и улетаетъ легкокрылою птицею: метафо-

¹⁾ Подобно тому въ другой сказкѣ (Н. Р. Сл., II, 4) кузнецъ остритъ языкъ и куетъ тонкой голосъ в о л к у (=демону-тучѣ, пожирающему Перуновыя козы).

ра быстрого полета молнии. Въ другой сказкѣ ¹⁾ герой, рожденный изъ древеснаго обрубка, согласно съ представленіемъ молнии несокрушимымъ оружіемъ Перуна, является сильномогучимъ богатыремъ, передъ которымъ блѣднѣютъ и кажутся ничтожными самые великаны Горыня, Дугля и Соска (о значенія ихъ см. въ гл. XXI); онъ побѣждаетъ бабу-ягу — демоническое существо, совершенно-тождественное съ змѣей-вѣдьмою. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ означенной сказки роль этого богатыря играетъ мальчикъ-съ пальчикъ, т. е. зарликъ-молнія. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существуетъ обширный разрядъ эпическихъ сказаній, въ которыхъ изображается борьба могучаго богатыря съ змѣями (драконами), или прамѣе — бога-громовержца съ демонами-тучами. Это обыкновенно меньшій изъ трехъ сказочныхъ братьевъ. Въ великорусской сказкѣ о трехъ змѣиныхъ царствахъ ²⁾ онъ названъ Ивашко Запечный; тоже прозваніе дано въ венгерской сказкѣ младшему брату, который постоянно сидѣлъ у печки ³⁾. Въ южной Россіи третій братъ, побѣдитель змѣевъ, извѣстенъ подъ именемъ Ивана Пѣпялова: «онъ двѣнадцать лѣтъ ляжавъ у пѣпялѣ, вопася того вставъ изъ пѣпялу и якъ страхнулся, дакъ изъ яго злятѣло шесть пудовъ пѣпялу» ⁴⁾. Въ словацкой сказкѣ ему соотвѣтствуетъ Porelvar, владеющій всѣми атрибутами громовника — мечемъ-самосѣкомъ и конемъ Татосемъ и также побивающій драконовъ ⁵⁾. Съ этими данными согласны и свидѣтельства норвежскихъ сказокъ, въ которыхъ третій братъ, счастливый совершитель трудныхъ подвиговъ, называется Aschenbrödel; ибо онъ постоянно сидитъ у роднаго очага и возится въ золѣ и пеплѣ; онъ поражаетъ троллей (драконовъ), похищаетъ у нихъ сере-

¹⁾ Н. Р. Сл., VIII, 6, в.—²⁾ Ibid., I, 5.—³⁾ Пов. и пред., 127—9.—⁴⁾ Н. Р. Сл., II, 30.—⁵⁾ Slov. pohad., 338—366.

бренныхъ утокъ (= грозовыхъ птицъ), одѣяло съ серебряными и золотыми узорами (= облачный покровъ) и чудесную золотую арфу (= тоже, что гусли-самогуды); вѣдая въ дышловую трубу, онъ бросаетъ оттуда камень и убиваетъ вѣдьму (trollweib), которая приготовилась было пожрать его ¹⁾. Очевидно, что этотъ герой, являющійся въ преданіяхъ различныхъ народовъ подъ именами Запечнаго, Попялова, Popelva'g, Aschenbröde! 'я (въ женскомъ олицетвореніи — Aschenputtel, Popel'uška, Пепельуга), есть лицо, тождественное съ мальчикомъ, который нарождается изъ полѣна, положеннаго на печь. Богъ-громовникъ пребывалъ на землѣ въ священномъ пламени, разводимомъ на домашнихъ очагахъ; почему фантазія и присвоиваетъ его сказочнымъ представителямъ прозванія, указывающія на печь и пепель. Рожденный изъ дерева, огонь истребляетъ его, превращаетъ въ уголья и золу и самъ поконитъ въ пеплѣ, какъ въ мягкой постелѣ. Позднѣе, позабывъ первоначальную основу мифа, народъ связалъ съ означенными именами объясненія, на которыя наводили его съ одной стороны религіозное поклоненіе огню, а съ другой нѣклонность видѣть въ замарашкѣ, покрытомъ сажею, существо нелюбимое въ семьѣ, невинно-страдающее и преслѣдуемое злою мачихою. Въ такомъ страдальческомъ положеніи изображалъ мифъ сѣверныхъ боговъ въ холодные мѣсяцы года, когда надъ всѣмъ міромъ властвуетъ скупая мачиха Зима (I, 787—8), и подвиги, совершаемые въ сказкахъ героемъ-замарашкою, имѣютъ цѣлію разрушить владычество зимы и возвратить ясные дни лѣта. Сидѣть вблизи очага, оберегателя семейнаго счастья и окоя, — знакъ, что человекъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ, знакъ особенной привязанности къ домашнему крову, семейной жизни и ея кроткимъ добродѣтелямъ, наконецъ знакъ полного подчиненія пра-

¹⁾ Ск. Норв., I, 1, 6, 27; II, 1, 6, 19, 21.

родительскимъ уставамъ и принятія на себя хозяйственныхъ заботъ и трудовъ. Подъ замаранною отъ дыма и пепла одеждою должны таиться чувства набожности, любви, кротости, готовность переносить незаслуженныя притѣсненія, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои и героини — Попяловы и Пепелюги. Но огонь, пылающій въ домашнемъ очагѣ, или воплощеніе его — дѣдомовой чтился, какъ основатель и владыка рода (см. стр. 74—82). По мнѣнію шведовъ, домовой обитаетъ въ растушемъ около дома деревѣ, отъ котораго никто не рѣшится отломить ни сучка, ни вѣтки; въ противномъ случаѣ ломается семейное счастье. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи рассказываютъ, что домовые духи живутъ между дровами, приготовленными для отопленія избы ¹⁾. По польскимъ же и чешскимъ преданіямъ, родоначальникомъ славянскаго племени былъ Пѣпель — личность мифическая, въ которой мы узнаемъ сказочнаго героя, происшедшаго отъ древеснаго обрубка (сравни выше съ преданіями о кобольдахъ, стр. 80) Замѣтимъ, что богатыри, герои занимаютъ въ народныхъ сказаніяхъ средняное мѣсто между богами и людьми, какъ посредствующее между тѣми и другими поколѣніе; о многихъ герояхъ саги утверждаютъ, что они народились отъ любовнаго сочетанія боговъ и богинь съ смертными ²⁾ и что отъ этихъ героевъ ведутъ свое начало славные королевскіе роды, которые такимъ

¹⁾ Veitträge zur D. Myth., II, 334. Выше указано, что устройство браковъ и семейнаго счастья зависитъ отъ домашняго божества. Гадая о замужествѣ, дѣвица идетъ къ поляницамъ и беретъ первое, какое попадется подъ руку, по лѣви: если оно гладкое — то мужъ будетъ добрымъ, если суковатое — то сердитый, а если голое (безъ коры) — то бѣдный (Сахаров., I, 67; Херсон. Г. В. 1846, 10; D. Myth., 1071). — ²⁾ Слово богатырь, по самому значенію своему, указываетъ на воителя, близкаго къ богамъ (см. I, 274); сравни ἦρωας, ἦρωα, ἦρωα, ἦρωα.

образомъ по восходящей линіи состоятъ въ родствѣ съ небесными владыками ¹⁾). По свидѣтельству Геродота, скины вѣрили, что боги, герои, всѣ люди вообще и племена скинскія въ особенности происходили отъ верховнаго божества Неба (Дива—Зевса), которому они придавали эпитетъ *paraios*—слово, сближаемое Бергманномъ съ греч. *πάπας*, арм. *pap*, славян. *папа* — отецъ, предокъ, родоначальникъ. По мнѣнію германцевъ, богъ *Tuisko* (*Tivisko* — сынъ Неба; *tiv* = Дивъ) былъ отцемъ Манна, перваго человѣка, и чрезъ него прародителемъ всего нѣмецкаго народа, что напоминаетъ индѣйскаго *Мана*, который спасся отъ гибели во время потопа и сталъ родоначальникомъ людскаго племени ²⁾). Творческія силы неба столько-же зависятъ отъ посылаемыхъ имъ дождей, какъ и отъ лучей весенняго солнца, дарующаго ясные и теплые дни; въ небесныхъ богахъ, представителяхъ этихъ творческихъ силъ, древнѣйшіе мифы соединяютъ во едино черты, принадлежащія весеннему солнцу, съ чертами громовника (припомнимъ Аполлона, Фрейра, воинственную дѣву Зору). Поэтому рядомъ съ выше-указанными преданіями встрѣчаемъ другія о происхожденіи рода человѣческаго отъ солнца. По скинскому преданію, Небо родило бога-Солнце (*Targitavus*, *Svalius*), у котораго было три сына: Щитъ, Стрѣла и Коло (колесо—возъ и соха); эти три брата и почитались родоначальниками скиновъ — воиновъ, кочевниковъ и пахарей. Согласно съ этимъ, Слово о полку называетъ русичей внуками *Да жь бога (солнца): «погибаетъ жизнь Даждьбожа внука», «встала обида въ силахъ Даждьбожа внука»* ³⁾). Мы видѣли, что понятіе о божественномъ

¹⁾ D. Myth., 315—8.— ²⁾ Ibid., 318—9.— ³⁾ Рус. Дост., III, 78, 92. Бергманъ даже въ имени славянъ видитъ указаніе на древній мифъ народнаго происхожденія отъ солнца и допускаетъ слѣдующую перестановку плавныхъ звуковъ: *sval* (*Svalius*) и *slav*—с л а в я н и н ѣ, происшедшій отъ солнца—Дят. рус. лит., I, 132, 134.

предопредѣленіи (судьбѣ—Родѣ) старинный памятникъ связываетъ съ богомъ-громовникомъ, который, бросая съ неба камни, творилъ изъ нихъ людей; тоже понятіе соединяется и съ солнцемъ, которому чехи даютъ названіе Дѣда-все-вѣда (см. гл. XXV). Имя дѣда присвоется славянами не только солнцу, но и божеству весеннихъ грозъ. Въ народныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ донынѣ повторяется воззваніе: «ой Дидъ-Ладол!» Ладолъ соответствуетъ нѣмецкому Фрейру (I, 439); пѣсни, сопровождаемы означеннымъ воззваніемъ, возглашаются при встрѣчѣ весны (на Семицъ и Тронцу), и въ одной изъ нихъ воспѣвается приготовленіе пива, т. е. того опьяняющаго, безсмертнаго напитка, который завариваютъ небесныя духи во время весенней грозы ¹⁾. У западныхъ славянъ было въ обычаѣ при началѣ весны, прогоняя Морену (Смерть, Зиму) носить дѣдка и пѣть въ честь его обрядовыя пѣсни; о немъ рассказывали, что дѣдко всю зиму сидитъ въ заключеніи въ хлѣбныхъ амбарахъ и поѣдаетъ сдѣланные запасы, т. е. въ зимній періодъ времени онъ лишается своей производительной силы, успокаивается отъ своихъ обычныхъ трудовъ и питаетъ родъ людской старымъ хлѣбомъ ²⁾. Съ наступленіемъ весны онъ выходитъ изъ заключенія и начинаетъ застѣвать землю и расти хлѣба. У болгаръ ³⁾ существуетъ повѣрье, что Дѣдо-Господь ходилъ нѣкогда по землѣ въ образѣ старца и поучалъ людей пахать и воздѣлывать поля (см. I, 563). Украинскія поговорки: «пищитъ, якъ дидько въ градовій хмарѣ», «жене, якъ дидько витри» ⁴⁾ свидѣтельствуютъ о связи дѣдка съ тучами и вѣтрами. Домовой, какъ представитель того-же небеснаго пламени, низведеннаго на домашній очагъ, извѣстенъ на Руси подъ именемъ дѣда. Подъ

¹⁾ Сахаров., I, 27—28, 260—1.— ²⁾ Терещ., VI, 213—4.—³⁾ Показалець Раковскаго, I, 137.—⁴⁾ Номис., 223, 254; Старосв. Банд., 162, 195.

вліянієм тѣхъ демоническихъ свойствъ, какія издревле приписывались облаченному въ мрачныя тучи громовнику и домовому (см. стр. 68, 97), и отчасти, можетъ быть, подъ вліяніємъ христіанства слово дѣдко стало употребляться въ значеніи чорта; у Павлы Берынды стоить при этомъ словѣ такое объясненіе: «сице бо нѣцымъ обыкоша діавола именовати» ¹⁾, что подтверждается и народными поговорками и клятвами: «ходить, якъ дидько по пеклу» (вар. «шибаецца, якъ чортъ по пеклу»), «скаче, верещить, якъ дидько», «а сто дидькивъ у твои бебехи та печивки!» ²⁾ Нашему выраженію: «Дидь-Ладю» равносильно литовское *didis Lado*; *didis* или *didelis* значитъ: великій, старѣйшій ³⁾. Несторъ даетъ Перуну первое мѣсто при исчисленіи языческихъ боговъ, безъ сомнѣнія, потому, что съ нимъ нераздѣльно было повятіе о главномъ и старѣйшемъ божествѣ. Облачное небо, творящее громы и молніи, у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ носило названіе отца: *pitā Dyāus* (*Divas-pati* было прозваніемъ Индры), *πατὴρ Ζεὺς*, *Jupiter*; у славянъ великій, старый богъ, прабогъ ⁴⁾; у германцевъ Одинъ (*Вуотанъ*) = *Allvater*—отецъ боговъ и людей, *Aldafadhir*—отецъ людей, *Aldagautr*—*der menschen Urvater, Ahnherr, Erzeuger, Topf* =

¹⁾ О вл. христ. на сл. яз., 49.— ²⁾ Номис., 62—63. 68, 73.—
³⁾ Г. Микуцкий (Изв. Ак. Н., I, 115) говоритъ: „съ литовскимъ *didis* и латышскимъ *lels* (великій) замѣчательнымъ образомъ совпадаютъ славянскія слова: дѣдъ, дядя, дѣля (*Igolga*)—у поляковъ отецъ, дѣля—по церковнославянски тетка“. Въ галицкой пѣснѣ (Ч. О. И. и Д. 1864, I, 130): „та кликала дядика къ собѣ: ой ходи, ходи, дедю, зо мною!“ Во владимір. губ. дѣля—крестный отецъ и крестная мать. Въ припѣвахъ русскихъ пѣсень слышится: ой дедю (звательный падежъ)—дѣляшки, дѣлялюшки! (Толков. Слов., I, 849; Сахаров., I, 261); у сербовъ *д(ь)ел(ь)о*—припѣвъ къ тронцкимъ обрядовымъ пѣснямъ (Срп. рјеч., 298); въ болгарской пѣснѣ (Миладин., 504): „оѣъ дѣеа бже, оѣъ мила бже!“—⁴⁾ Срп. в. пјесме, II, 440: „од бога од старог враника“.

der alte Gott или Vater (см. I, 128, 135); у финнов Ukko Jumala: Jumala — небо, Ukko — дѣдъ, старикъ, домо-владыка ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ собственное имя бога-громовника. Заслыша громовые удары, финны говорятъ: «Ukko rauha» (буквально: дѣдъ гремитъ), подобно тому, какъ шведы выражаются о громѣ: «добрый старикъ или добрый отецъ ѣдетъ!» ²⁾).

Мнѣнческія представленія о первоначальныхъ людяхъ-дубѣ и ясени, о родствѣ души человѣческой съ стихійными существами, о лѣсныхъ духахъ и дѣвахъ, жизнь которыхъ неразрывно связана съ извѣстными растеніями,—повели къ созданію разнообразныхъ сказаній, повѣствующихъ о превращеніи челоѣка и переходѣ души его въ дерево или цвѣтокъ. Вѣра въ возможность подобныхъ метаморфозъ, наслѣдованная отъ глубочайшей старины, была скрѣплена тѣмъ воззрѣніемъ, какое имѣлъ древній челоѣкъ на самого себя. Рожденіе дитяти и его медленное, постепенное возрастаніе сравнивалъ онъ съ прозябаніемъ дерева; отдѣльныя части тѣла представлялись ему подобіемъ тѣхъ отростковъ и вѣтвей, какія даетъ изъ себя древесный стволъ. Такое воззрѣніе засвидѣтельствовано исторіей языка. Сѣмя служитъ общимъ названіемъ и для зерна, изъ котораго вырастаетъ всякой злакъ и всякое дерево, и для оплодотворяющаго начала въ животныхъ и челоѣкѣ. Беременность уподобляется всходу посѣяннаго зерна; такъ въ народной былинѣ говоритъ жена богатырю Дунаю:

¹⁾ Ukko и akka — отецъ и мать семейства.— ²⁾ У. З. А. Н. 1852, IV, 509—12; Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 177; 1849, V, 59; D. Myth., 152-3; Die Götterwelt, 181-2; Рус. Сл., V, 15; у литовцевъ Вешайтасъ—старый отецъ. Къ богу Укко финны вываютъ о помощи въ трудныхъ родахъ (У. З. А. Н. 1852, IV, 524). Между мнѣнческими связаніями, принадлежащими финнамъ и чуди, Моне приводитъ слѣдующее: Лауваватаръ была беременна десять лѣтъ и до тѣхъ поръ не могла разрѣшиться, пока св. Георгій (св. Прысве) не бросилъ ей на животъ красную нитку (=молю).

У меня съ тобой есть во чревѣ чадо постыяно,
 Принесу тобѣ я сына любимаго...
 Дай мнѣ младенца поотродити,
 Свои хотъ сѣмена на свѣтъ спустити ¹⁾

Въ другихъ пѣсняхъ богатыри наказываютъ своей дружинѣ избивать вражеское царство, рубить и стараго и малаго, не оставить ни единого человѣка и з сѣмена ²⁾. «Сѣмячко» употребляется въ областныхъ говорахъ, какъ ласкательное названіе дитяти ³⁾. О беременной женщинѣ выражаются на Руси иносказательно: «покушала горошку», а въ сербской пѣснѣ, которую поютъ послѣ родовъ, страданія родильницы изображаются слѣдствіемъ того, что она наблась бобовъ ⁴⁾. Рожденіе младенца уподобляется принесенному лакомъ или деревомъ плоду: понести плодъ—заберементъ, безплодная жена—та, которая не рождаетъ. Встрѣча съ беременной женщиной сулитъ пахарю урожай. По древне-германскимъ законамъ такая женщина могла безнаказанно входить въ чужой садъ и вкушать плоды ⁵⁾; вѣрили, что то молодое дерево, съ котораго первые плоды сорваны беременной женщиною, непременно будетъ урожайно ⁶⁾. Наоборотъ лужичане советуютъ будущей матери съѣсть первый плодъ съ дерева, чтобы счастливо выносить и родить ребенка ⁷⁾. Названія ноги, руки, пальцевъ и ногтей въ санскритѣ объясняются уподобленіемъ человѣка растенію. Ногами человѣкъ касается земли и тѣмъ самымъ напоминаетъ дерево, прикрѣпленное корнями къ матери-сырой землѣ; впечатлѣніе это выражено словомъ *rāda*

¹⁾ Рыбник., I, 185, 193-4.— ²⁾ Ibid., III, 41 и друг. страницы; Бирша Дан., 52.— ³⁾ Обл. Сл., 224.— ⁴⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, II, 48.— ⁵⁾ D. Rechtsalt., 408.— ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 209.— ⁷⁾ Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 346. Когда ведутъ на дворъ купленную корову, то, по русскому повѣрью, встрѣчать ее должна беременная женщина; дѣлается это съ цѣлю, чтобы корова приняла сила хорошихъ телятъ и давала много молока.

(лат. *pes, pedis*, литов. *pàdas*, готск. *fôtus*) — не только нога, но и древесный корень. Если ноги сравнивались съ корнями, то самое туловище представлялось стволомъ, а руки казались отростками: санскр. *śâkhâ*—рука и вѣтвь соотвѣтствуетъ литовскому *szakà* (вѣтка) и рус. сукъ, сучокъ, пол. *sek*; южнослав. шака — кисть руки; слово ржка (пол. *reka*) сближается съ нѣм. *ganke*—вѣтвь или плеть вьющагося растенія. Сверхъ того, рука обозначается въ санскритѣ сложнымъ *rapśa-śâkhâ* (*rapśan*—пять и *śâkhâ*—вѣтвь, сукъ), т. е. имѣющая пять сучковъ или пальцевъ; палець — *kaśa-śâkha*, собственно: ручной сучокъ (*kaśa*—рука отъ *kī*—дѣлать—дѣлающая). Ноготь вырастаетъ на пальцѣ, какъ листъ на вѣткѣ, и потому называется: *kaśa-guḥa* (*guḥ*—рости)—растущій на рукѣ ¹⁾; наше ноготь, старин. *нокоть*, литов. *pagas*, санскр. *pakha* отъ *pakh* — *ige, se pomege*, т. е. растущій ²⁾. Раме́нь, раме́нье — лѣсъ, порасль, ра́мennyй—боровый, лѣсной происходятъ отъ одного корня съ словомъ *рамо*, рамена — плечи ³⁾; шкура въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчїяхъ означаетъ древесную кору ⁴⁾; волоса народный эпосъ отождествляетъ съ травой, а траву и цвѣты называетъ волосами земли (I, 138—141).

Сравнивая зарожденіе ребенка со всходомъ посяяннаго зерна, поэтическая фантазія внесла это представленіе въ народные сказки. Такъ русской богатырь Покатигорошекъ и хорутанской Петръ Бреборичъ (*Peter Breborič*) родились отъ зѣренъ, съѣденныхъ матерями того и другаго ⁵⁾. Осиротѣлая мать, у которой змѣй унесъ дочь и убилъ двухъ сыновей, идетъ на рѣку и видитъ: катится по дорогѣ горошинка и упа-

¹⁾ Ист. очер. рус. слов., I, 12-14; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 569; Пякте, I, 197-8.— ²⁾ Изв. Аж. Н., IV, 89.— ³⁾ Обл. Сл., 188.— ⁴⁾ *Ibid.*, 266.— ⁵⁾ Н. Р. Ск., III, 2; V, 24; Рус. Бес. 1856, III, 100—1; сб. Валавца, 411-6.

даетъ въ воду. «Божій даръ!» думаетъ она, достала горошинку и съѣла; отъ того зерна понесла она плодъ и родила сына, будущаго побѣдителя страшныхъ змѣевъ (о связи гороха съ богомъ-громовникомъ см. гл. XXI). Валахская сказка ¹⁾ выводитъ героемъ королевича Флоріана, или выражаясь русскимъ эпическимъ языкомъ: Цвѣтъ королевича. Нѣкоторый король заключилъ свою дочь-красавицу въ крѣпкомъ замкѣ, желая предохранить ее отъ всякихъ обольщеній. Королевнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, и красота ея была такъ всепильна, что когда она гуляла по саду, то цвѣты склоняли передъ ней свои пестрыя головки, птички замолкали въ кустахъ и рыбы выглядывали изъ водъ. Разъ, когда королевна была въ саду, подошла къ ней незнакомая цыганка и подарила пучокъ прекрасныхъ, пахучихъ цвѣтовъ. Красавица принесла цвѣты въ свой теремъ и поставила въ воду; вода сдѣлалась пурпуровой, и на ней показались золотыя и серебряныя звѣздочки—точно такія, какъ душистая пыль, покрывающая лепестки цвѣтовъ. Королевна выпила эту воду—и тотчасъ сдѣлалась беременна и родила могучаго сына, который также поражаетъ змѣевъ, какъ нашъ Покатигорошекъ. Чѣмъ такое сверхъестественное происхожденіе богатыря принадлежитъ къ древнѣйшимъ мѣстамъ о богѣ-громовникѣ, за это свидѣтельствуеетъ преданіе о рожденіи Марса (Ареса), которымъ забеременѣла Юнона отъ прикосновенія цвѣтка; подобное преданіе встрѣчается и въ романской народной поэзіи. Этотъ плодоносный цвѣтокъ — молнія (см. стр. 375 и дал.), которая сверхъ того уподоблялась и фаллюсу. Илиада рисуетъ прекрасную картину любовнаго наслажденія Зевса-громовержца съ облачною богинею Герою на вершинѣ горы Иды:

¹⁾ Шоттъ, 27.

Рекъ и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу;
 Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтушія травы:
 Лотось росистый, сафранъ и цвѣты гіакинѣи густые,
 Гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко поды-
 мали;

Тамъ опочили они, и одѣль почивающихъ облакъ
 Пышный, златый, изъ котораго свѣтлая ка-
 пала влага ¹⁾).

Новогреческая сказка ²⁾ говоритъ о дѣвѣ, рожденной въ видѣ зернушка; изъ этого зерна выросло лавровое дерево, въ которомъ и пребывала чудная дѣва, напоминающая собою дриздъ; по временамъ она выходила изъ своего роднаго дерева и снова возвращалась въ него. Лавръ былъ посвященъ Аполлону. По свидѣтельству древняго мифа, Аполлонъ преслѣдовалъ Дафну, и она не желая отдаться его любви, превратилась въ лавръ: ноги пустили корни, тѣло облеклось корою, руки преобразились въ вѣтви, а волоса въ зелень. Соответственно тому мифа Lotis, которую хотѣлъ изнасиловать Пріапъ, — убѣгая его объятій, превратилась въ растение *aquatica lotos*, т. е. облачная дѣва (лѣсуцка. *waldfrau* — см. стр. 343), преслѣдуемая во время весенней грозы сладострастнымъ громовникомъ, измѣняетъ въ быстромъ бѣгѣ свой человѣческой образъ и является небеснымъ деревомъ ³⁾). Между нашими поселенцами существуетъ слѣдующій разсказъ о происхожденіи гречихи: была у короля дочь красоты неописанной, по имени Крупеничка; сдѣлали набѣгъ на русскую землю злые татары, полонили Крупеничку, увезли далеко отъ родины и предали тяжелой работѣ. Освободила ее изъ неволи вѣ-

¹⁾ XIV, 346—351. — ²⁾ Гавъ, 21 — ³⁾ *Der Ursprung der Myth.*, 160—3. Нимеу Lotis предостерегъ осель; точно также крикъ Силевова осла (т. е. громъ) разбудилъ сияющую Весту въ то время, какъ подкрадывался къ ней охъяненный Пріапъ. По своему дикому крику и цвѣту кожи осель является въ мифическихъ сказаніяхъ греховъ однимъ изъ шпютвенныхъ олицетвореній грозоваго облака.

шая старушка; она превратила дѣвицу въ гречневое зѣрнушко, принесла его на Русь и бросила на родную землю; зерно обернулось королевною, а изъ шелухи его выросла греча. По другому разсказу старушка, принеся гречневое зерно на Русь, схоронила его въ землю; сѣмя дало ростокъ и породило былинку о семидесяти семи зернахъ; повѣяли буйныя вѣтры и разнесли эти зерна на семдесятъ семь полей; съ той поры и расплодился гречиха по святой Руси ¹⁾. Въ этомъ преданіи (первоначально оно могло относиться вообще ко всякому яровому хлѣбу) заключается мифъ о прекрасной богинѣ весенняго плодородія, которую захватываютъ демоническія полчища и держатъ въ тяжкой неволѣ во все время зимы; съ возвратомъ весны она освобождается отъ ихъ власти, прилетаетъ изъ дальнихъ странъ грозовымъ облакомъ, и разсыпаясь на землю благодатнымъ сѣменемъ дождя, возрождается въ густой зелени яровыхъ хлѣбовъ.

Одна изъ наиболѣе распространенныхъ русскихъ сказокъ повѣствуетъ о томъ, какъ сестра убила изъ зависти брата и закопала его въ землю; на томъ мѣстѣ выросла тростинка (или калина); ѣхали мимо чумаки, срѣзали тростинку и сдѣлали лудочку, которая — какъ только поднесли къ губамъ — сама собой заиграла:

Ой помалу-малу, чумаченьку, грай,
 Да не врази мого серденька въ край:
 Мене сестрица з' свиту стубила,
 Нижъ у серденько да-й устромила.

Такъ было изобличено преступленіе ²⁾. Сюжетъ этотъ варьируется весьма разнообразно: иногда братъ убиваетъ брата, и на могилѣ убитаго вырастаетъ бузина; иногда мачиха —

¹⁾ Вѣст. Евр. 1820, IV, 289—292; Сахаров., II, 33—35. — ²⁾ Н. Р. Сл., V, 17; VI, 25; VIII, стр. 314-8; Кулашев., II, 20-23.

падчерицу, и вырастает калина; иногда двѣ сестры — третью, зарываютъ ее въ могилу и накрываютъ сверху ёлкой, а на ёлкѣ вырастаетъ цвѣтокъ, который поетъ о совершенномъ злодѣяніи; въ народной пѣснѣ подобное-же преданіе связывается съ ракитовымъ кустомъ ¹⁾. Сказка о чудесно-изобличенномъ убійствѣ встрѣчается почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Въ сборникѣ братьевъ Гриммовъ ²⁾ она озаглавлена: «Der singende Knochen» (поющая кость). Одну страну постигло большое несчастье — появился громадный и сильный вепрь, который взрывалъ нивы и побивалъ скотъ и людей своими клыками. Царь обѣщалъ выдать за того свою единственную дочь, кто избавитъ страну отъ страшнаго звѣря. Жилъ въ то время бѣднякъ, и было у него двое сыновей. Братья вызвались на смѣлое дѣло; младшій пошелъ искать вепря и повстрѣчалъ маленькаго человѣчка, который держалъ въ рукѣ копые. «Это копые, сказалъ карликъ, дарю тебѣ за твое доброе и простое сердце; съ нимъ ты спокойно можешь идти на звѣря». Юноша поблагодарилъ и пошелъ дальше; увидя звѣря, онъ подставилъ ему копые. Вепрь ринулся и въ слѣпую ярости наскочилъ на остріе съ такой силою, что прокололъ себѣ сердце. Побѣдитель взвалилъ убитаго вепря на плечи и хотѣлъ нести къ царю. Тутъ увидалъ его старшій братъ, позавидовалъ чужой удачѣ, и вечеромъ, возвращаясь домой, сбросилъ его съ моста въ ручей; юноша убитъ до смерти, и старшій братъ зарылъ трупъ его подъ мостомъ, явился къ царю съ вепремъ и женился на царевнѣ. Много лѣтъ спустя гналъ пастухъ стадо черезъ мостъ, смотритъ — внизу на нескѣ валяется бѣлая кость, спустился въ оврагъ, взял кость и вырѣзалъ изъ нея наконечникъ для своего рожка. Приложилъ рожокъ къ губамъ и только подулъ — какъ вѣющая кость запѣла:

¹⁾ Временникъ, XX, 73.— ²⁾ Т. I, 28; т. III, стр. 55—56.

Ach du, liebes Hirtenlein!
 Du bläst auf meinem Knöchlein.
 Mein Bruder hat mich erschlagen,
 Unter der Brücke begraben,
 Um das wilde Schwein,
 Für des Königs Töchterlein ¹⁾.

Нѣмецкая редакція особенно любопытна потому, что указываетъ на древнѣйшую мионическую основу преданія; хотя народъ и низвелъ это преданіе (наравнѣ со многими другими) на землю и окрасилъ его бытовыми красками, тѣмъ не менѣе очевидно, что копые карлика есть метафора молніи, а дикой вепрь — демоническій звѣрь-туча. Побѣдитель вепря играетъ слѣдовательно роль громовника; разбивая мрачныя тучи, онъ самъ погибаетъ въ грозѣ, и громкая пѣсня, звучащая изъ его могилы и свидѣтельствующая о его безвременной кончинѣ, есть метафора грома, который раздается вслѣдъ за исчезнувшюю (= умершею или потонувшюю въ дождевомъ потокѣ) молніею. Въ Шотландіи и Швеціи поется старинная пѣсня, какъ коварная дѣвушка изъ зависти къ своей сестрѣ столкнула ее въ море; рыбаки вытащили утопленницу, а гусларь сдѣлалъ изъ ея костей арфу, и когда коснулся струнъ—арфа прозвучала ему о безвѣстномъ преступленіи ²⁾). На Руси извѣстна сказка про охотника, который нашелъ въ лѣсу рѣбрушки, взялъ одно изъ нихъ и сдѣлалъ дудку; дудка запѣла: «ты играй-играй полегохоньку, ты играй-играй потихохоньку! мои кости больнѣхоньки, мои жилки тонѣхоньки; погубили меня двѣ сестры, погубили двѣ рѣдныя за мою игрушечку, за

¹⁾ Ахъ, милый пастушокъ! ты играешь на моей кости; мой братъ меня убилъ, подъ мостомъ схоронилъ—за дикаго вепря и королевскую дочь. Сравни у Гальстриха, 42: „Der Rohrstengel“; Slov. roğad., 125—6: „Piszařka“.— ²⁾ Пѣсни разн. нар. въ перевогѣ Н. Верга, 405.

люю погремущечку¹⁾. Эти сказанія стоятъ въ тѣсной связи съ мѣломъ о чудесныхъ музыкальныхъ инструментахъ, на которыхъ играютъ боги и духи во время грозы и бури (I, 324 — 7). Въ славянскихъ сказкахъ болѣею частію повѣдаютъ о совершенномъ преступленіи не кости невинно-убитаго, а дерево, трость, камышъ или цвѣтокъ, вырастающіе изъ его зарытаго трупа, какъ-бы изъ брошеннаго въ землю сѣмени. Карпатская колядка говоритъ, что божье дерево, мята и барвинокъ выросли изъ посѣяннаго пепла трехъ сиротъ, убитыхъ мачихой за то, что не устерегли золотой ряски на конопелькахъ:

Эй бо ми маме люту мачиху;
Она насъ спалить на дрибній попелець.
Она насъ посіе въ загородойци,
Та з' насъ ся вродить тройке зилья:
Перше зилейко — биждеревочокъ,
Друге зилейко — крутая мята,
Трете зилейко — зеленій барвинокъ²⁾.

Сожженіе въ пепелъ намекаетъ на грозное пламя, въ которомъ гибнутъ облачные духи, а изъ нихъ разсѣяннаго пепла (=дожда) зарождаются земные злаки. Въ сказку о Снѣжевиночкѣ³⁾ занесено любопытное преданіе о переходѣ души въ камышовую тростинку и розовой цвѣтокъ. Подружки убили Снѣжевиночку и зарыли подъ сосенкой; на ея мо-

¹⁾ Подобные рассказы можно услышать и въ Испаніи, и даже въ южной Африкѣ у беджуановъ — Лѣт. рус. лит., кн. I, 112—4. Костомаровъ (С. М., 66) указываетъ на преданіе о дѣвицѣ, которая несла воду, и тяготясь своею тяжелою ношею, бросила ведра и превратилась въ яблоню; проѣзжали мимо парубки, срубили яблоню и сдѣлали изъ нея гусли.— ²⁾ Объ истор. зн. нар. повѣ., 38; Малорус. литер. сборн. Мордовцева, 230-2. Сравни съ пѣсней, въ которой сказано: „Иване! посѣку тебя, какъ капусту, посѣю въ трехъ огородахъ, и уродится три зельчича: барвинокъ, любистокъ и василекъ.— ³⁾ Н. Р. Сл., VI, 25, б.

глазъ вырастаетъ камышъ, изъ котораго прохожіе бурляки дѣлають дудочку. Дудочка досталась въ руки ослротившихъ отца и матери; они разломилъ ее — и оттуда выскочила изъ дочка. По другому варианту изъ дудочки выпадаетъ розовой цвѣтокъ, а цвѣтокъ уже превращается въ дѣвочку. Сходно съ этимъ, въ малорусской сказкѣ ¹⁾ на могилѣ Маруси, умершей отъ злаго упыря, вырастаетъ чудесный цвѣтокъ; молодой боярской сынъ пересаживаетъ его въ горшокъ и привозитъ домой. Ночью цвѣтокъ начинаетъ двигаться, упадаетъ съ своего стебля на землю и превращается въ красную дѣвицу. Въ этой сказкѣ скрывается мифъ о красавицѣ-облачной дѣвѣ (богинѣ Ладѣ—Огненной Маріи), изъ которой упырь—демоническій духъ грозы высасываетъ кровь (дождь), и она погибаетъ, т. е. повергается въ зимнее омертвленіе; но потомъ (съ приходомъ весны) воскресаетъ въ видѣ прекраснаго цвѣтка, т. е. молніи. Подобно Перунову цвѣту папоротника, цвѣтокъ этотъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, и по свидѣтельству одного изъ вариантовъ сказки, даже разцвѣтаетъ подъ Иванову ночь. Тоже означаетъ и розовой цвѣтокъ, въ который превращается Снѣжевиночка; что подъ этимъ именемъ разумѣется облачная красавица, это доказываетъ ея стихійнымъ происхожденіемъ: «вышелъ старикъ на улицу, сжалъ комочекъ снѣгу и положилъ на печку — и стала дѣвочка Снѣжевиночка»; такъ изъ тающихъ снѣговъ, пригрѣтыхъ лучами весенняго солнца, поднимаются пары и образуютъ грозовыя облака. Погибель сказочной дѣвы отъ упыря равносильна потопленію ея въ дождевыхъ потокахъ. Малороссійская пѣсня вспоминаетъ о превращеніи утонувшей дѣвицы въ плакучую березу. Утоная, говорить дѣвица брату:

¹⁾ Ibid., 66.

Не рубай, братику, белой березоньки,
 Не коси, братику, шелковой травы,
 Не зривай, братику, черного тёрну;
 Бѣлая березонька — то я молоденька,
 Шовиновая трава — то моя руса коса,
 Чорній тёрнъ — то мои чорни очи ¹⁾.

Южнорусская поэзія особенно-богата преданіями о превращеніяхъ въ цвѣты и деревья и раскрываетъ передъ изслѣдователемъ чудный фантастическій міръ, исполненный художественныхъ образовъ и неподдѣльнаго чувства. Сейчас-приведенная пѣсня имѣетъ нѣсколько вариантовъ, предлагающихъ не менѣе интересныя сближенія. Косы дѣвичьи растянутся по лугамъ шелковой травой, карія или черныя очи превращаются въ терновыя ягоды, кровь разливается водою, а слѣзы блестятъ на травѣ и листьяхъ росой — все на основаніи старинныхъ метафоръ, уподобившихъ волосы — травѣ, кровь — водѣ, слезы — росѣ, очи — терновымъ ягодамъ; о глазахъ красавицы малоруссы донинѣ выражаются: «очи якъ терночокъ». Дѣвичья краса превращается въ калину, такъ какъ красный цвѣтъ ягоды калины, на основаніи древнѣйшаго, кореннаго значенія слова «красота», принять былъ символомъ этого эстетическаго понятія ²⁾.

¹⁾ Объ истор. зн. нар. поэм., 57, 60; Малор. лит. сборн., 230; Сборн. памяти нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 176; Ч. О. И. и Д. 1866, III, 679. — ²⁾ Такъ въ одномъ вариантѣ читаемъ: плыи братъ съ сестрою черезъ море; братъ переплылъ, сестра потонула; утопая, она накликавала: не пей, братецъ, съ этого моря воды, не лови въ озерѣ рыбы, не коси по лугамъ травы, не ломай калины, не рви въ саду яблочка; вода въ морѣ — то кровь моя, рыба — мое тѣло, трава — коса, яблоко — личко, калина — краса моя! — Черниг. Г. В. 1861, 13. Въ купальской пѣснѣ мать утонувшей Ганни говоритъ: не берите изъ Дуная воды — то Ганнина слѣзы, не ломайте на лугу калины — то Ганнина краса, и т. дал. — Пассекъ, I, 109. По греческому сказанію Атлантъ былъ превращенъ въ скалу, борода и пряди волосъ его въ густые лѣса.

Въ пѣсенныхъ сборникахъ всѣхъ европейскихъ народовъ можно указать на многія свидѣтельства, что на могилахъ юноши и дѣвицы, умершихъ отъ несчастной любви, выростали лилія, боярышникъ и другіе цвѣты и деревья, а на могилахъ злыхъ, завистливыхъ людей — крапива, волчецъ и разныя вредныя зелья ¹⁾. Души усопшихъ представлялись нашимъ предкамъ существами стихійными; вмѣстѣ съ смертію чело-вѣка, душа его соприсчислялась къ эльфамъ и получала ту же способность превращеній, какою обладаютъ эти послѣдніе: могла слѣдовательно выростать облачнымъ деревомъ и цвѣсти пламеннымъ цвѣтомъ. Трогательно содержаніе пѣсни, извѣстной въ Малой и Бѣлой Россіи, о томъ, какъ не взлюбила мать своей молодой невѣстки, сына подчивала зеленымъ виномъ, а невѣстку отравкою; пилъ добрый молодецъ — женѣ подносилъ, пила молодица — мужу подносила; все пополамъ дѣлили, и умерли оба въ одинъ часъ. Схоронила мать сына передъ церковью, а невѣстку позади церкви. На могилѣ добраго молодца выросъ зеленый яворъ, на могилѣ жены его — бѣлая береза (или тополь),

А росли, росли, да и нахилилися,
Умѣста (вмѣстѣ) вершочки зраслися.

Или:

Выйшла тоди матери сына поминати.
Нелюбу невѣстку та проклинати;
Стади-жь ихъ могилы та присуватися,
Ставъ яварь до тополи прихлятися.
„Дибонь же вы, дѣтки! вѣрненько любились,
Що ваши вершечки до купяи сходились.“ ²⁾

¹⁾ D. Myth., 786-7; литовская пѣсня рассказываетъ о розовомъ деревцѣ, въ которое превратилась душа молодца, что скончался отъ любовной тоски—Черты литов. нар., 118.—²⁾ Объ истор. зв. нар. повѣ., 50; Малор. лит. сборн., 215; Вѣст. Р. Г. О. 1857, VI, 324-5; Сборн. памятниковъ народн. творчества въ сѣверо-западн. краѣ, I, 64.

По великорусскимъ вариантамъ, на могилѣ добраго молодца
выросла золотая верба, на могилѣ его суженой — кн-
парисъ:

Корешокъ съ корешкомъ соростался,
Пруть съ пруткомъ совивается,
Листокъ съ листкомъ солипается ¹⁾.

Сербская пѣсня рассказываетъ о любовникахъ, которыхъ раз-
лучила недобрая мать; съ горя умерли они и были погребены
вместѣ.

Мало время затимъ постајало,
Више драгогъ зелен бор израсте,
А виш' драге румена ружица;
Па се вије ружа око бора,
Као свила око ките смил(ь)а ²⁾.

Другая малороссійская пѣсня передаетъ слѣдующее преданіе:
была свекруха сварливая, отпустила сына въ походъ и жу-
рла невѣстку и день, и ночь:

„Иди, невестко, отъ мене прочь!
Иди дорѣгою широкою,
Да-й стань у поля грабиною
Тонкою да високою,
Кудрявою, кучерявою.“

¹⁾ Калѣки Пер., III, 697—700.— ²⁾ Переводъ: Прошло немного
времени, поверхъ милаго выросла зеленая сосна, поверхъ милой—
руминная роза, и обвилась роза около сосны, какъ шелкъ около
пучка цвѣтовъ. Или:

На Момиру (имя юноши) зелен бор никао,
На Гроздани (ими дѣвицы) винова лозица,
Савила се лоза око бора,
К'о сестрина око брата рука.

(Срп. н. пјесме, I, 239—240, 259, 312; II, 167.) У верхнихъ или-
рійцевъ тоже преданіе: изъ гроба юнка вырастаетъ алая роза,
изъ гроба дѣвочки—бѣлая лилія, поднимаются цвѣты выше церк-
ва и сростаются надъ нею верхушками—Ж. М. Н. II. 1840, XI, 78;
Ч. О. И. и Д. 1866, III, 711.

Воротился сынъ съ походу и сталъ говорить матери: «весь свѣтъ я прошелъ, а нигдѣ не видалъ такого дива — на погѣ грабина и высокая, и кудрявая!»

— Ой бери, сынку, острый топоръ,
 Да рубай грабину изъ кореня!
 Первый разъ цюкнувъ — кровь даярнула,
 Другій разъ цюкнувъ — биле тило,
 Третій разъ цюкнувъ — промовила:
 „Не рубай мене зелененькую,
 Не розлучай мене молоденькую;
 Не рубай мене з' гильечками,
 Не розлучай мене з' диточками;
 У мене свекруха — розлучница,
 Розлучила мене з' дружиною
 И з' маленькою дитиною“¹⁾.

Итакъ удары топора наносятъ дереву кровавыя раны и вызываютъ его трогательныя жалобы. Тоже представленіе находимъ и у другихъ народовъ. Закаятая матерью дочь оборотилась яворомъ; вздумали гусяры сдѣлать изъ того явора звончатые гусли, но только принялись рубить — изъ ствола заструилась алая кровь, дерево издало глубокой вздохъ и промовило: «я — не дерево, а плоть и кровь!»²⁾ Одинъ мальчикъ, рассказываютъ въ Германіи, захотѣлъ сдѣлать стрѣлу; но едва срѣзалъ тростинку (*hastula*), какъ изъ растенія полилась кровь³⁾. По словамъ литовской пѣсни, когда Перкувъ разсѣкъ зеленый дубъ (=тучу), изъ-подъ его коры брызнула кровь (=дождь⁴⁾). Въ *Метаморфозахъ* Овидія какъ скоро совершается превращеніе въ дерево — это послѣднее получаетъ даръ слова и чувство боли. Сестры Фаэтона, грустя и

¹⁾ Малор. лит. сборн., 229, 236-7; О. З. 1860, V, 122; Метлицк., 286; Объ истор. зн. нар. пова., 58-59 (невѣстка обращается въ тополь или рябину).— ²⁾ Prostonar. česke písně a říkadla, 466-7.—³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 244; см. также Germ. Mythen, 474-5.— ⁴⁾ Черты литов. нар., 125-6.

шача по немъ, превратились въ лиственницы. Несчастная мать спѣшить къ нимъ на помощь, пробуетъ сорвать кору съ ихъ тѣла, молодыя вѣтви съ ихъ рукъ; но изъ коры и надломленныхъ вѣтокъ падаютъ кровавыя капли. «Пошадь, мать! просить онѣ, ты не кору срываешь, а тѣло». Съ той поры текутъ съ лиственницъ слезы, и сгустившись, образуютъ янтарь. Существуютъ еще на Украинѣ поэтическія сказанія: какъ дѣвица долго грустила по своемъ женихѣ, каждый день приходила на высокой курганъ высматривать—не ѣдетъ ли онъ изъ чужбины? и наконецъ съ горя превратилась въ тополь; какъ убѣждалъ казакъ съ своей милою, да нигдѣ не могъ съ нею обвѣнчаться, и сталъ казакъ въ полѣ тѣрномъ, а дѣвица — калиною:

Выйшла сынова мати того тѣрну рвати,

Дѣвчинна мати калины ломати.

„Се-жь не терночокъ — се-жь мій сыночокъ!“

„Се-жь не калина — се-жь моя дитина!“

Есть червонорусская пѣсня, какъ злая мать проклинала своего сына; сѣлъ сынъ на коня, выѣхалъ въ поле, самъ оборотился зеленымъ яворомъ, а конь—бѣлымъ камнемъ. Всплалась мать по сыну, пошла выглядѣть его въ чистое поле; на ту пору собрались тучи, и укрылась она отъ дождя подъ стѣною тѣнистаго явора; начали кусать ее мошки, и сложила она вѣтку, чтобы было чѣмъ отмахиваться. — Эй мати, мати! провѣщаль ей яворъ:

Не дала есь ми въ сѣли кметати.

Еще ми не дашь въ полю стояти.

Вилый каминець — мій сивій коничокъ,

Зелене литья — мое одиня,

Дрибни пруткии — мои пальчики.“¹⁾

¹⁾ Малор. лѣт. сборн., 232—3, 235—7; Ч. О. И. и Д. 1866, III, 712—3; Объ истор. зн. нар. поэз., 46, 51—52; Вѣст. Р. Г. О. 1852, I, 21—22, ст. Срезнев.; Костомар. С. М., 64—66; Метляиск., 290—1; Пѣсни разн. нар. Верга, 24.

Слово заклятія равносильно здѣсь чарамъ колдовства. Превращеніе сказочныхъ героевъ и героинь въ звѣринные, пернатые и растительные образы народныя повѣрья приписываютъ колдунамъ, вѣдьмамъ и нечистымъ духамъ. Такъ нѣмецкія сказки упоминають о превращеніи вѣдьмою людей въ деревья и цвѣты ¹⁾; а русская сказка говоритъ о прекрасной царевнѣ, превращенной чортомъ въ березу: когда явился забавитель и началъ отчитывать красавицу—въ первую ночь она выступила изъ древесной коры по груди, во вторую ночь—по поясъ, а въ третью совсѣмъ освободилась отъ злаго очарованія ²⁾. Это свидѣтельствуешь о связи приведенныхъ нами пѣсень съ сказками о «заклятыхъ» царевичахъ и царевнахъ; въ основѣ тѣхъ и другихъ скрывается мнѣ о злой демонической силѣ (вѣдьмѣ-мачихѣ), которая разрываетъ любовный союзъ бога-громовника съ облачною дѣвою и творитъ изъ нихъ оборотней. Любопытны литовскія преданія о вербѣ и ели. Въ древнія времена жила въ Литвѣ Блинда — жена, одаренная изумительнымъ плодородіемъ; она рождала дѣтей съ необычайной легкостью и не только изъ чрева, но даже изъ рукъ, ногъ, головы и другихъ частей тѣла. Земля, самая плодовитая изъ матерей, позавидовала ей, и когда Блинда шла однажды лугомъ — ноги ея вдругъ погрузились въ болотистую топь и земля такъ крѣпко охватила ихъ, что бѣдная женщина не могла двинуться съ мѣста, и тутъ-же обратилась

¹⁾ Сказ. Грим., 123, 260: три женщины были превращены въ цвѣты и красовались въ полѣ; одна изъ нихъ явилась ночью домой и передъ разсвѣтомъ, когда слѣдовало ей удалиться въ поле и снова принять видъ цвѣтка, сказала своему мужу: «если ты сегодня выйдешь по утру и сорвешь меня, то я буду забавлена и останусь съ тобою!» Всѣ три цвѣтка были совершенно-сходны; какъ-же узналъ ее мужъ? Очень просто: такъ какъ ночью она была дома, а не въ полѣ, то роса пала только на два цвѣтка, а на третій—нѣтъ; повтому и узналъ ее мужъ.— ²⁾ Н. Р. Сж., VII, 34

въ вербу ¹⁾). Этому дереву приписывается благодатное влияние на чадородіе женъ; по словамъ Нарбута, крестьянки приходили къ вербѣ и возсылали къ ней мольбы о дарованіи имъ дѣтей. Известно, что верба легко разводится не только отъ корня, но и отъ срубленныхъ и вбитыхъ въ землю кольевъ; вотъ почему славяно-литовское племя сочетало съ вербою мнѣшеское представленіе о плодоносномъ деревѣ-тучѣ (см. стр. 390); въ это дерево и превращается облачная жена. Егле (ель), по рассказамъ литовцевъ, была нѣкогда чудной красавицей; посватался за нее ужъ (Жалтисъ) и въ случаѣ отказа угрожалъ людямъ засухою, наводненіемъ, голодомъ и моромъ. Рѣшились отдать ее, привезли къ озеру, а оттуда выходитъ не страшный гадъ, а прекрасный юноша — водяной богъ (змѣй, владыка дождевыхъ источниковъ). Пять лѣтъ живутъ они счастливо; но вотъ братья красавицы улучили минуту, вызвали изъ воды ужа и разсѣкли его на части — и предалась Егле сильной, неутѣшной горести (—смерть змѣя-тучи, гибнущаго подъ ударами грозы, вызываетъ печальные стоны вѣтровъ и обильныя слезы дождя). Боги сжалялись надъ нею и превратили несчастную въ ель, дочь ея въ осину, а сыновей въ дубъ и ясень ²⁾).

О цвѣткѣ «Иванъ да Марья», известномъ на Украинѣ подъ именемъ: «братъ съ сестрою» (*melampus nemorosus*) народная пѣсня сообщаетъ слѣдующее преданіе: поѣхалъ добрый молодецъ на чужую сторону, женился и сталъ распра-

¹⁾ Черты литов. нар., 74; Семевск., 144; Иллюстр. 1848, № 26. На Украинѣ утверждаютъ, что не должно купаться до вешняго Николы (9 мая); не то «з' человека верба виросте» (Номис., 10).—

²⁾ Черты литов. нар., 70—72; сравни съ малороссійскимъ преданіемъ, напечатаннымъ въ Запискахъ о южн. Руси (II, 33—34): дѣвица, выданная за ужа, превращается въ крапиву, дочь ея въ кукушку, а сынъ въ соловья.

шивать молодую жену о родѣ и племени, и узнаеть въ ней свою родную сестру. Тогда говорить сестра брату:

„Ходимъ, брате, до бору,
Станемъ зялемъ-травою:
Ой, ты станешь жовтый цвѣтъ,
А я стану синій цвѣтъ.
Хто цвѣточка увире,
Сестру з' братомъ зпомяне!“ ¹⁾

Названіе «Иванъ да Марья» указываетъ на связь этого цвѣтка съ древнѣйшимъ мнѣемъ о Перуновомъ цвѣтѣ и съ преданіями о богѣ-громовникѣ и дѣвѣ-громовницѣ, которыхъ въ христіанскую эпоху заступили Іоаннъ Креститель и Дѣва Марія. О василькѣ (*osatum basilicum*) существуетъ разсказъ, что нѣкогда это былъ молодой и красивый юноша, котораго заманила русалка на Троицынъ день въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ. Юношу звали Василь, и имя это (по мнѣнію народа) перешло и на самой цвѣтовъ ²⁾. *Materi douška* (рус. маткина душка — *viola odorata*), по чешскому повѣрью, есть превращенная въ растеніе душа одной матери, которая, горюя о своихъ осиротѣвшихъ дѣтяхъ, вышла изъ могилы и распустилась цвѣткомъ ³⁾. О крапивѣ на Русѣ разсказываютъ, что въ нее превратилась злая сестра ⁴⁾; это—обломокъ того поэтическаго сказанія, которое передаетъ намъ сербская пѣсня: у Павла была любимая сестра Олѣнушка; молодая Павлова жена зарѣзала сперва воронаго коня, потомъ сизаго сокола, наконецъ собственнаго ребенка, и все оговаривала Олѣнушку. Павелъ взялъ сестру за бѣлыя руки, вывелъ въ поле, привязалъ къ конскимъ хвостамъ и погналъ коней по широкому раздолью: гдѣ кровь землю оросила—

¹⁾ Маркевич., 87—88; Малор. лит. сборн., 234—5.— ²⁾ Маркевич., 86; Объ истор. зн. нар. поэт., 35.— ³⁾ Громаничъ, 93; Толков. Слов., I, 450.— ⁴⁾ Объ истор. зн. нар. поэт., 39.

тамъ выросли цвѣты пахучіе смирнѣ (gnaphagium agelagium) и босилѣ (василекъ), гдѣ сама упала — тамъ церковь создастся. Спустя малое время разболѣлась молодница Павлова; лежала она девять лѣтъ, сквозь костей трава проросла, въ той травѣ такъ и кишатъ лютыя змѣи и пьютъ ея очи. Проситъ она, чтобъ повели ее къ зюловкиной церкви; повели ее, но напрасно—не обрѣла она тутъ прощенія, и стала молить мужа, чтобъ привязалъ ее къ лошадинымъ хвостамъ. Павелъ исполнилъ ея просьбу и погналъ коней по полю: гдѣ кровь пролилась—тамъ выросла крапива съ терновникомъ, гдѣ сама упала—тамъ озеро стало ¹⁾). По ученію раскольниковъ, очевидно возникшему подъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, хмѣль и табакъ произрастали на могилѣ знаменитой блудницы: хмѣль изъ ея головы, а табакъ изъ чрева ²⁾). Рассказываютъ еще, что у царя Ирода была нечестивая дочь, которая повязала съ собою псомъ; Иродъ приказалъ заколотъ ихъ, послѣ чего отъ половыхъ органовъ пса родился картофель, а отъ блудницы — табакъ ³⁾). Иродіада — облачная жена (см. I, 329), песь — зооморфическое представленіе демона грозовой бури. Малорусская легенда изображаетъ души усопшихъ въ видѣ растущихъ на деревѣ яблокъ (сравни выше стр. 490). Былъ

¹⁾ Срп. и. пјесме, II, 14—18.— ²⁾ Иллюстр. 1846, 332; Статист. опис. саратов. губ., I, 62—63. Мнѣніе это занесено и въ рукописныя поучительныя сочиненія старообрядцевъ — Пам. стар. рус. литер., II, 427—434.— ³⁾ Москв. 1848, VIII, 52; Пузынь, 167. Картофель называютъ чортовыми яблоками и въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаютъ за грѣхъ употреблять его въ пищу. По другимъ рассказамъ, картофель родился отъ табачныхъ сѣмянъ или отъ дьявольской слюны — въ то время, когда нечестивый плюнулъ съ досады, что не удалось ему соблазнить Христа. Принесенный къ нему картофель подымаетъ въ ней неистовую пляску — Москв. 1844, XII, 44.

гайдамака, долго грабляъ онъ народъ, убивалъ стараго и налаго, а послѣ одумался и тридцать лѣтъ провелъ въ покаяніи— и вотъ выросла яблоня, а на ней все серебряныя яблоки, да два золотыхъ. Пріѣхалъ священникъ, сталъ его исповѣдывать, и послѣ исповѣди велѣлъ трясти яблоню; серебряныя яблоки осыпались, а золотыя удержались на деревѣ. «Оце-жь твои два грѣхи висять (сказалъ священникъ), що ти отця ѿ шатирь убивъ!» Все убійства были прощены разбойнику, а эти два остались неразрѣшенными. Легенда о гайдамакѣ известна и въ Бѣлоруссіи, Польшѣ и Литвѣ; но по тамошнимъ редакціямъ покаяніе грѣшника не остается неуслышаннымъ. Когда разбойникъ сталъ исповѣдываться въ совершенныхъ имъ убійствахъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева, превращались въ голубей (о душахъ-птицахъ см. гл. XXIV) и уносились на небо ¹⁾. Съ искусствомъ гениальнаго художника воспользовался Дантъ этимъ древнѣйшимъ вѣрованіемъ о переходѣ душъ въ царство растительное; самоубійцы изображены имъ въ «Божественной комедіи», какъ дикій, непроходимый лѣсъ изъ согнутыхъ и скорченныхъ деревьевъ; когда поэтъ сломилъ съ одного дерева вѣтку, оно обдилось кровью и простонало: «за что ломаешь? зачѣмъ умножаешь мѹку? или не вѣдаешь никакой жалости!» ²⁾ Какъ существа стихійныя, пребывающія въ царствѣ свѣтлаго неба и грозовыхъ тучъ, эльфы—души нисходили на землю въ ясныхъ лучахъ солнца и въ благодатномъ сѣмени дождя, и творили земное плодородіе; поэтому все растенія и злаки разсматривались, какъ ихъ искусная работа, или какъ самые эльфы, облекшіеся въ зеленыя одежды.

¹⁾ Н. Р. Лег., 28, а и стр. 177—180.— ²⁾ „Адъ“ въ переводѣ Мина, 103—5.

XX.

ЗМЪЙ.

Въ области баснословныхъ преданій одна изъ главнѣйшихъ ролей принадлежитъ огненному, летучему змѣю. Значеніе этого змѣя весьма знаменательно; оно стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ самыми основными религіозными представленіями арійскихъ племенъ. Народныя повѣрья приписываютъ змѣю демонскія свойства, богатырскую силу, знаніе цѣлебныхъ травъ, обладаніе несмѣтными богатствами и живой водою, надѣляютъ его способностью измѣнять свой страшный, чудовищный образъ на увлекательную красоту юноши, заставляютъ его тревожить сердца молодыхъ женъ и дѣвъ, пробуждать въ красавицахъ томительное чувство любви и вступать съ ними въ незаконныя связи. Въ этой обстановкѣ уже замѣчается долгая работа ума и воображенія. Здѣсь сведены во одно различныя поэтическія представленія, въ которыхъ древній человѣкъ любилъ живописать небесныя тучи и грозы; приступая къ анализу этихъ представленій, сочетавшихся съ мифомъ огненнаго змѣя, прежде всего необходимо задаться вопросомъ, что послужило для него первообразомъ въ видѣнной природѣ?

Въ огненномъ змѣѣ народная фантазія, создающая мифическіе образы не иначе, какъ на основаніи сходства и аналогіи съ дѣйствительными явленіями, олицетворяла молнію.

прихотливый извивъ которой напоминалъ воображенію скользящую по землѣ змѣю, а равно — воздушные метеоры и падающія звѣзды, которые младенчески-неразвитому народу, ради производимаго ими на глазъ впечатлѣнія, казались тождественными съ сверкающей молніей ¹⁾). Всѣ эти естественныя явленія, быстро-мелькающія въ небесныхъ пространствахъ свѣтлыми, пламенными полосами, для предковъ нашихъ представляли близкое подобіе легучаго и рассыпающагося въ искрахъ огненнаго змѣя. Еще теперь простолюдинъ считаетъ падающія звѣзды и метеоры за огненныхъ змѣевъ ²⁾; въ старину же взглядъ этотъ былъ общепринятымъ, какъ видно изъ лѣтописныхъ и другихъ памятниковъ. Подъ 1028 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «знаменіе явися змѣю на небесѣхъ, яко видѣти всей землѣ»; подъ 1091 годомъ: «спаде превеликъ змій отъ небесе — ужасошася вси людье»; 1144 года: «бысть знаменіе за Днѣпромъ въ кievьской волости: летящую по небеси до земля яко кругу огнену, и остася по слѣду его знаменіе въ образѣ змѣя великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидеся»; 1556 года: «бысть знаменіе — того мѣста, гдѣ звѣзда была на небеси, явися яко змій образомъ, безъ главы стояше... мно яко хоботъ хвостъ сбираше, и бысть яко бочка и спаде на землю огнемъ, и бысть яко дымъ по землѣ ³⁾). Въ отпискахъ 1662 — 3 годовъ о метеорахъ, видѣнныхъ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, читаемъ: «явися, аки звѣзда великая,

¹⁾ О молниеносной Аевнѣ сказано въ Иліадѣ (IV, 74—75), что она бурею помчалась, „съ Олимпа высокога бросясь, словно въ звѣзда.“ По сказанію Эдды, звѣзды суть огненные искры, которыя въ началѣ вѣковъ излетѣли изъ Muspellsheim'a и до тѣхъ поръ носились по воздушнымъ пространствамъ, пока боги не опредѣлили имъ мѣста и движенія — D. Myth., 685 — ²⁾ Записки Андѣев., 148—9; Абев., 202; Владим. Г. В. 1844, 52; Украин. Мелодія Маркевича, 150; Вѣст. Евр. 1829, XXIV, 254; Сахаров., II, 63. — ³⁾ П. С. Р. Д., I, 92; II, 19; III, 121; IV, 309.

и покатысь по небу (съ) скоростію, яко молнія, и небу раздвоитися, и протяжеса по небу яко змій, голова во огни и хоботь — и стояло съ полчаса»; «сталъ яко облакъ мутенъ, и протяжеса отъ него по небу яко змій великій, голова во огни, и пошелъ изъ него дышъ, и учалъ въ немъ быть шумъ, яко громъ» ¹⁾). Сравнивая метеоръ съ катающею звѣздою, молніей и змѣемъ, авторъ отписки невольно подчинился указаніямъ стариннаго энцическаго языка. У грековъ *Ἐλαξ* означаетъ и молнію, и змѣю; иѣмецкій языкъ допускаетъ выражение: «*schlängelt sich der blitz*» — змѣится (извивается) молнія ²⁾, и доннынѣ, увидя сверкающую молнію, крестьяне говорятъ: «*was für eine prächtige schlange ist das!*» Такое уподобленіе до того просто и естественно, что оно само собою возникало въ умѣ наблюдателя и встрѣчается не только у племенъ индоевропейскихъ, но и въ сказаніяхъ другихъ народовъ; такъ сѣверо-американскіе индѣйцы называютъ громъ «шипѣніемъ большой змѣи» ³⁾, а татары признаютъ молнію спадًاющемъ съ неба огненнымъ змѣемъ ⁴⁾. Позабывъ о именескихъ змѣяхъ-молніяхъ, чехи думаютъ, что обыкновенныи змѣи ниспали съ неба на землю, вмѣстѣ съ низверженными оттуда ангелами ⁵⁾, т. е. грозowymi духами (см. гл. XXII); въ Малороссіи за такихъ низверженныхъ ангеловъ принимаются падающія звѣзды.

Молнія — неразлучная спутница темной тучи; она нарождается изъ ея нѣдръ и въ гимнахъ Ригъ-Веды изывается ея дѣтищемъ ⁶⁾. Это повело къ расширенію понятія о небесной змѣѣ, къ сочетанію съ ея именемъ не одной только молніи, но и вообще громовой тучи. Въ народныхъ преданіяхъ змѣѣ выступаетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ значеніемъ, и даже въ

¹⁾ Ал. Ист., IV, 170. — ²⁾ Der Ursprung der Myth., 26. — ³⁾ Die Götterwelt, 102. — ⁴⁾ Истор. Росс. Соловьева, III, 179. — ⁵⁾ Гро-
нашиъ, 79. — ⁶⁾ Orient und Occid., ст. Бюллера, 224.

большинствѣ эпическихъ сказаній онъ—представитель громоносныхъ облаковъ; виѣстѣ съ этимъ ему придаются тѣ исполинскія фантастическія формы и тотъ демоническій характеръ, какіе издревле соединялись съ мрачными тучами, непримиримыми врагами бога-громовника. Въ гимнахъ Ригъ-Веды хотя и встрѣчаются указанія на представленіе молній змѣями, напримѣръ въ слѣдующемъ воззваніи: «да обрадуютъ утомленный скотъ щедро-дарующіе колодцы и змѣи (=дождевыя тучи и молніи), да низпошлютъ землѣ дождь отъ облаковъ, гонимыхъ Марутами»¹⁾; но преимущественно змѣй принимается за воплощеніе тученоснаго демона Вритры, съ которымъ сражается громовержецъ Индра. Священныя пѣсни называютъ Вритру — *Ahi*. Санскр. *ahi*, *ahina*, бенг. *ohi* — змѣя; въ Zendской вѣтви *ahi*, согласно съ законами измѣненія звуковъ, переходитъ въ *azi* или *aji* (аджи), арм. *ij* и *ôdz*; въ старо-славянскомъ языкѣ соответствующая форма — *жъ* (=анжъ, ужъ), польск. *wał*—змѣя²⁾; греч. *ἔχιδνα*, *ἔχιδνα*. лат. *anguis*, литов. *angis*, сканд. *öglir* — ужъ, др.-нѣм. *unc* — змѣя, *unke* — ужъ и змѣя. Слова эти имѣютъ въ санскритѣ корень *ah* или *ah* (съ носовымъ звукомъ) — сжимать, душить, сдавливать, что указываетъ въ змѣѣ страшнаго гада, который опутываетъ (связываетъ) свою добычу кольцами, сжимаетъ и душитъ ее; сравни: санскр. *amhu*—тѣсный, греч. *ἀγχω* и лат. *ango* — давить, душить, *angina* — жѣба, удушная горловая опухоль, *angustus* — узкій, тѣсный, литов. *ankstis* и готск. *aggvus* — съ тѣмъ-же значеніемъ, нѣмр. *angu* — обнимать, заключать, слав. *жже* — *сапа*, *жзъ*, *вжзъ*, пол. *wiąz* — *vinculum*, *жзти* — стѣснять (вязати, *wiązać*), *жзль* (*węzel*), *узкой* (*wązki*). Отъ

¹⁾ Ibid., 220. — ²⁾ *W*—неорганическое; сравни *жгль* (уголь)—пол. *wągl*, *жгль* (уголь)—пол. *węgieł*, *жгрь* (угорь)—пол. *węgorz*.

того-же корня образовались и слова для обозначенія давящей тоски, страха и бѣдствія: санскр. *anhas*—печаль, несчастіе, грѣхъ, перс. *azidan*—безпокоить, печалить, греч. *ἄχος*—тоже, лат. *angor*—удушеніе и печаль, огорченіе, *anxius*—боязливый, опечаленный, готс. *agan*—бояться, *agis*—страхъ, *aggvitha*—*angst*, нрл. *agh*—страшиться, *ang, ing*—опасность, бѣда, наконецъ русск. ужасъ ¹⁾). Змѣй-Вритра окутываетъ небо мрачными покровами, и запырая дождь въ своихъ облачныхъ горахъ, не пускаетъ его на жаждущую землю—до тѣхъ поръ, пока горы эти не будутъ отомкнуты молніей Индры. Потому онъ называется разбойникомъ, похитителемъ небесныхъ коровъ и укрывателемъ водныхъ источниковъ; другія имена, даваемые Вритрѣ: *Cushpa*—изсушающій и *Kuava*—производящій безплодіе, ибо онъ запыряетъ, таитъ божественную сому (= живую воду дождя) и тѣмъ самымъ порождаетъ на землѣ засуху и неурожай ²⁾). «О Индра! взываетъ священная пѣсня, ты могущественно гонишь змѣю изъ сего міра, просвѣтляя собственное царство. Опьяненный сомою, ты поражаешь Вритру въ голову своей громовой палицею и проливаешь бурно-шумящіе потоки. И небо, и земля содрогаются въ страхѣ отъ твоего гнѣва!» По свидѣтельству другихъ гимновъ, Индра бросается на злаго, бѣшеннаго Вритру, возлежащаго на горахъ, разбиваетъ его на части сильными ударами громовой палицы и низвергаетъ долу въ стремительномъ разливѣ водъ. Итакъ въ индѣйской мифологій въ образѣ змѣи олицетворяются большія, скученныя массы облаковъ; но иногда *ahi* употребляется во множественномъ числѣ и служитъ указаніемъ на олицетвореніе тучъ многими змѣями ³⁾). Мнѣ о борьбѣ бога-громовника съ змѣею сохра-

¹⁾ Пинте, I, 499—501; Девцин о языкѣ М. Мюллера, 291—2—
²⁾ Куизъ, 99—100, 151—2.— ³⁾ Orient und Occid., Rig-Veda въ
 переводѣ Бенфелъ, 1863, I, 46—48, II, 238—9, 248.

няетъ и Авеста, съ тѣмъ однако различіемъ, что здѣсь мѣсто Индры, низведеннаго древними персами на степень существа злаго, заступаетъ Траэаонъ, который сражается съ Аji dahâka (змѣемъ-разрушителемъ, перс. ajdahâ, серб. аждаха, аждава, аждаја ¹⁾). По ученію персовъ, Ариманъ, злобный представитель мрака, сражаясь съ Ормуздомъ (божествомъ свѣта и всякихъ благъ), прыгнувъ на землю въ видѣ змѣи (т. е. въ видѣ ниспадающей молніи), проникъ до самаго центра, вошелъ во всѣ земныя созданія и самый огонь осквернилъ копотью и дымомъ. Битвы съ нимъ нескончаемы, такъ какъ послѣ cadaго пораженія онъ снова возстаетъ въ парахъ и туманахъ и потрясаетъ міръ грозой. Греческій змѣеголовый Тифонъ есть воплощеніе грозовой тучи; даже въ историческую эпоху греки обозначали этимъ именемъ сгущенныя массы облаковъ, бурные вихри и крутящіяся смерчи: «*coelum atrum et fumigantes globi et figurae quaedam nubium metuendae, quas τυφῶνας vocabant, impendere imminetque ac depressurae pavem videbantur*» ²⁾. Смерчъ въ старинныхъ нашихъ словаряхъ толкуется: «облокъ, который съ неба спустившися, воду съ моря смочетъ» (I, 357). *Τυφῶν* или *Τυφῶεύς* (*varoginus*), наполняющій воздухъ парами и душнымъ зноемъ, есть сынъ Тартара (грозоваго демона) и матери-Земли, ибо образуется изъ земныхъ испареній, или сынъ, порожденный небесной богиней Герою. Гезіодъ въ своей «Теогоніи» говоритъ о Тифонѣ, что у него на плечахъ вращаются сто драконовыхъ головъ, дышащихъ пламенемъ и издающихъ громкіе звуки, подобные реву льва, мычанію быка, вою собаки и свисту пущенныхъ стрѣлъ (=метафоры грома и завываю-

¹⁾ У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2-й, 27; Срп. рјечник. 2.— ²⁾ Переводъ: черное небо и дымящіяся парами, страшныя по своимъ формамъ массы облаковъ, которыхъ называютъ тифонами, казалось грозилъ подавить корабль.

ней бури), что отъ него произошли буйные вѣтры, несущіе лоды и опустошеніе нивамъ. Рядомъ съ этимъ мужскимъ олицетвореніемъ выступаетъ и женское, какъ супруга Тифона — Эхидна, которая изображалась на половину женщиной, на половину чудовищной змѣю. Отъ этой четы произошли всѣ змѣиныя существа: Горго, отецъ змѣевласыхъ Горгонъ ¹⁾, гесперидскій драконъ, лернейская гидра и друг. Къ той-же породѣ принадлежатъ и гиганты — великаны, у которыхъ вмѣсто ногъ были змѣиные хвосты; имѣя большія крылья, они двигались съ быстротою молніи. Гиганты ²⁾ порождены Землею изъ капель Урановой крови, т. е. изъ пролитыхъ небомъ лодей. Въ этихъ преданіяхъ о рожденіи облачныхъ великановъ и змѣй матерью Землею сочетались два представленія: съ одной стороны облака образуются изъ паровъ, поднимающихся съ увлажненной земли; а съ другой, надвигаясь на небесный сводъ съ краевъ горизонта, они кажутся какъ-бы исходящими изъ подъ земли, рождающимися изъ ея материнскихъ вѣдръ. Самъ Тифонъ называется гигантомъ, и слѣдовательно стоитъ съ ними въ ближайшемъ родствѣ. По словамъ Аполлодора, онъ былъ громадный исполинъ, головой своею достигалъ звѣздъ, а простертыми руками касался солнечнаго восхода и заката; извергая клубы огня, издавая страшное шипѣніе, онъ бросалъ на небо камни и вызывалъ боговъ на битву. Зевсъ, говоритъ Гезіодъ, бросилъ въ него молніи, и низверженный Тифонъ упалъ въ преисподніе вертепы тартара ³⁾. Преданіе

¹⁾ Одна изъ нихъ была убита Персеемъ, сыномъ Зевса; подвигъ этотъ совершонъ имъ съ помощію окрыленныхъ сандалій и шлема-невидимки—признаки, указывающіе въ немъ громовника.— ²⁾ Γίγας отъ γῆς, т. е. γῆ (земли), какъ γέγετος отъ γένεα—Griech. Myth. Преллера, I, 57.— ³⁾ Der Ursprung der Myth., 30—37, 50, 86—97. Тоже значеніе имѣеть и битва Аполлона съ Пифономъ. Такъ какъ орелъ призывался носителемъ молніи, то отсюда возникло

о битвахъ бога-громовника съ змѣями составляетъ общее достояніе всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; оно послужило матеріаломъ, изъ котораго создались многочисленныя поэтическія сказанія. Народный эпосъ въ сагахъ, сказкахъ и пѣсняхъ часто любитъ обращаться къ этому мнѣческому событію и воспѣваетъ его въ разнообразной обстановкѣ, съ тѣми или иными отнѣсами и добавленіями, вызванными мѣстными и историческими условіями; тѣмъ не менѣе однако варіаціи эти удерживаютъ яркія черты взаимнаго сходства и несомнѣнной древности. На обязанности богатырей и героевъ, заступающихъ въ народномъ эпосѣ мѣсто позабытаго громовержца, лежитъ трудная задача побивать чудовищныхъ змѣевъ. Геркулесъ еще въ колыбели задушилъ двухъ громаднхъ змѣй, и впоследствии, когда возмужалъ, долженъ былъ сражаться съ драконами; у племенъ германской отрасли Зигмундъ, Зигфридъ и Беовульфъ были храбрые побѣдители драконовъ; нашъ Добрыня и другіе сказочные богатыри славятся тѣмъ-же подвигомъ. Въ тамбовской губ. поселяне толкуютъ, что во время грозы летаютъ огненные змѣи и, подобно дьяволу, стараются спрятаться отъ громоваго удара; но Богъ преслѣдуетъ ихъ своими мѣткими стрѣлами, и если случится, что змѣя будетъ пораженъ возлѣ какого-нибудь зданія, то оно непременно загорается отъ изліянія и брызговъ змѣиной крови. Въ другихъ мѣстахъ рассказываютъ, что нечистые духи, преслѣдуемые стрѣлами Ильи-пророка, скрываются въ гадовъ, т. е. превращаются въ змѣй. Одинъ изъ старинныхъ памятниковъ возстаетъ противъ мнѣнія суевѣровъ, будто Илья-пророкъ «пускаетъ по облакамъ молніи и гонитъ змѣя» (I, 472). Въ апокрифической бесѣдѣ Панагіота съ фрязиномъ Азинитомъ¹⁾.

вѣрованіе, признающее птицу эту непримиримымъ врагомъ и истребителемъ змѣй.— ¹⁾ Рукопись XVI в. волошскаго письма, съ юсами—Ист. очер. рус. слов., I, 501.

при объясненіи: отчего бываетъ гроза? — сказано: «девять ангеловъ, обравшись на небеси, радуются о славѣ божественной и трепещутъ своими крыльями, и отъ ударенія крыльями облака идутъ по аеру, гремятъ и дождятъ; а отъ силы ангельской исходитъ огонь и молнія съ великимъ громомъ на проклятаго змія» (сравни, т. I, 263). По чешскому повѣрью: кто владѣеть дубинкою, которою на вешній Юрьевъ лень убита змѣя, тотъ непобѣдимъ въ сраженіяхъ ¹⁾; дубинка эта есть громовая палица, которою Перунъ, или вѣсто его Георгій-побѣдоносецъ, разить змѣя при началѣ благодатной весны. Змѣй тотчасъ лопається, если бросить въ него ножъ или огниво (=молнію).

О тождествѣ змѣя съ грозовою тучею преданія и повѣрья представляютъ самыя наглядныя свидѣтельства, не позволяющія сомнѣваться, что между тѣмъ и другою существуетъ самое близкое соотношеніе. Народная загадка: «мотовило-косовило ²⁾ по поднебесью ходило, всѣмъ устрашило» или: «шило-мотовило подъ небеса подходило, по ниточкѣ говорило» разгадывается двоякимъ образомъ: и громъ, и змѣй ³⁾. Мотовило—снарядъ для разматки пряжи; такъ какъ старинный метафорическій языкъ уподоблялъ клубящіяся облака и тучи спутанной, косматой пряжѣ (см. гл. XXIII), то громовая стрѣла, заостренная какъ игла или шило, казалась именно тѣмъ орудіемъ, которымъ Перунъ разматываетъ небесную пряжу (т. е. разсѣиваетъ тучи). «По ниточкѣ говорило» — выраженіе, указывающее на раскаты грома, которыми сопровождается эта работа: громъ = Перуново слово. Очевидно, что приведенная загадка, служа для обозначенія змѣя, имѣетъ въ виду не обыкновеннаго, земнаго гада, а мифическаго или молніеносна-

¹⁾ Громанъ, 80. — ²⁾ Вар. мотовило — ³⁾ Эти Сб., VI, 50, 60; Сахаров., I, 101.

го змѣя ¹⁾). Изъ самаго названія: «змѣй огненный» уже несомнѣнна связь его съ грозовымъ пламенемъ; въ Эльзасѣ называютъ дракона *der feurige drache*, въ Германіи—*glüschwanz*; по мнѣнію нѣмцевъ, онъ является на небѣ красною или синею полосою ²⁾). На то же указываютъ и русскія повѣрья: змѣй, говорятъ крестьяне, летитъ по поднебесью въ видѣ огненного шара и разсыпается искрами, словно горячее желѣзо, когда его куютъ молотомъ; по другимъ показаніямъ, онъ несется чернымъ клубомъ, а изъ раскрытой пасти его валитъ дымъ и пламя—представленіе, прямо снятое съ природы: черная туча въ полетѣ своемъ по воздушнымъ пространствамъ клубится подобными дыму парами и дышетъ огнемъ, т. е. вмѣстѣ съ вихрями выдыхаетъ изъ себя и грозное пламя. Это эпитическое выраженіе сопровождается и всѣ другія животненныя олицетворенія громоваго облака; такъ о конѣ-тучѣ говорится, что изо рта и ноздрей его огонь вылетаетъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ. Въ народныхъ былинахъ встрѣчаемъ «лютаго звѣря» Горыныча. Купался Добрыня въ рѣкѣ;

Какъ въ ту ю пору, въ то время
Вѣтра нѣтъ — тучу наднесло,
Тучи нѣтъ — а только дождь дождитъ,
Дождя нѣтъ — искры сыплются:
Летитъ змѣище-Горыныище,
О двѣнадцати змѣя хоботахъ.

Хочетъ онъ Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ ушибить, но богатырь осилилъ и убилъ чудовище; много вытекло крови змѣиной, трое сутокъ стоитъ въ ней Добрыня, не знаетъ—какъ выбраться, и слышится ему гласъ съ небеси:

¹⁾ По сходству паровъ и тумановъ, образующихъ тучи, съ дымомъ, объ этомъ послѣднемъ народная загадка выражается: «Думово и готовило подъ небеса уходило»—Толков. Слов., I, 946.—
а) *Beiträge zur D. Myth.*, II, 339—340.

Ты бей копьемъ о сыру землю,
 Самъ къ коню приговаривая:
 Разступись-ко матушка-сыра земля!
 На четыре разступись на четверти,
 Пожри-ко всю кровь змѣвную.

Послушался богатырь гласа небеснаго, и какъ сказано—такъ и сталося: пожрала мать-сыра земля кровь змѣвную ¹⁾. Пролитая змѣемъ и пожираемая землею кровь есть метафора дождя, который струится обильными потоками изъ тучи, разбитой ударами громовника, и наводняетъ поля и равнины. Тотъ же эпизодъ повторяется и въ стихѣ, повѣствующемъ о битвѣ Егорія Храбраго съ змѣемъ лютымъ, огненнымъ (см. I. 702, 784 — 5):

Изъ рота яво огонь-попымя,
 Изъ ушей яво столбомъ дымъ идеть ²⁾.

Мѣстъ о борьбѣ съ змѣемъ связывается и съ именемъ богатыря Алеши Поповича: пошелъ Алеша на рѣку, завидѣлъ его Тугаринъ Змѣевичъ (сынъ змѣя), заревѣлъ зычнымъ голосомъ—и дрогнула вся дубрава; почернѣлъ онъ какъ осенняя ночь, поднялся на крыльяхъ, полетѣлъ по поднебесью и закричалъ супротивнику: «хочешь — я тебя огнемъ спалю, конемъ стопчу, копьемъ убью!» Богатырь поразилъ Тугарина ³⁾. По украинскому преданію, когда Кирило-кожемяка выступилъ противъ змѣя, послѣдній разгорѣлся огнемъ; изъ рта, ушей и глазъ его запрыгали искры, закурился дымъ и полилось синее пламя, точно изъ горнила ⁴⁾. Въ Сербіи, по указанію Вука Караджича ⁵⁾, «за алу (ала — баснословный змѣй) се мисли да има особиту духовну силу те лети и води облаке

¹⁾ Кирша Дан., 346—9; Рыбник., III, 61, 66.— ²⁾ Калъки Пер., II, 406, 465.— ³⁾ Кирша Дан., 183—193.— ⁴⁾ Москв. 1846, XI—XII, 146 и дал.— ⁵⁾ Сри. рјечник, 3, 212.

и град наводи на љетину» ¹⁾. О ненасытномъ челоѣкъ сербы говорятъ: «ало несит!» У нихъ есть поговорка: «бори се као ала с берићетом» — борется, какъ змѣи съ урожаемъ. «За змаја, говоритъ Караджичъ, мисли се да је као огњевит јунак, од којега у лећењу огањ одскаче и свијетли». Сербская загадка изображаетъ огонь подъ метафорою змѣи: «два дола-суподола, међу нима змија лежи; де змија лежи, та трава не расте» (ватра међу пријекладима, т. е. огонь между двумя сторонами очага ²⁾). Русскія сказки и пѣсни упоминаютъ о чудесной змѣѣ, которая когда ползеть — подъ ней трава горитъ или сохнетъ ³⁾. Преданія другихъ индоевропейскихъ народовъ ту же силу испускать пламя приписываютъ дракону — санскр. *dr̥gvischa*—змѣя, животное чуткое сторожливое, всегда-озирающееся (отъ *dr̥s-*—смотрѣть, видѣть), греч. *δράκων*, др.-нѣм. *draccho*, (*drache*), сканд. *dræki*, нрл. *draic*, кимр. *draig*, чешск. *drak*, литов. *drẽ žas*; въ греческомъ *δέρχειν*—смотрѣть, свѣтить, разсыпать искры (о связи понятій зрѣнія, свѣта и огня см. I, 151 ⁴⁾). Драконъ летаетъ по воздуху, выдыхаетъ изъ своей пасти дымъ, пламя и бурные вихри, пожигаетъ зеленыя травы и заражаетъ воздухъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ; онъ или палитъ своего врага огнемъ или изрыгаетъ на него жгучій ядъ; челоѣкъ, котораго коснется блестящій взоръ дракона, падаетъ мертвымъ, ибо изъ глазъ его исходитъ тотъ же губительный ядъ. Слова *eit* — огонь и *eiðer* — ядъ лингвистически родственны ⁵⁾. И поражая змѣя, герой подвергается опасности погибнуть отъ его яду или крови, которая течетъ рѣкою изъ ранъ убитаго чудовища. Самъ богъ Торъ хотя и

¹⁾ Наводитъ градъ на нивы.— ²⁾ Слхаров., II, 109.— ³⁾ Худяк. I, стр. 135; О. З. 1951, VIII, 63.— ⁴⁾ Пикте, I, 503—4; D. Myth., 653—4.— ⁵⁾ Сказ. Грим., I, стр. 368; D. Myth., 653; Beiträge zur D. Myth., II, 445; Громанъ, 36.

убиваетъ великаго змѣя въ послѣдней битвѣ асовъ съ Суртуромъ, но тонетъ въ его отравѣ; также гибнетъ и Беовульфъ, славный герой англосаксонскаго эпоса, а Геракулесъ умираетъ отъ одежды, напитанной ядомъ умерщвленной имъ гидры: одежда—поэтическое представленіе громоваго облака ¹⁾). Смыслъ всѣхъ означенныхъ сказаній тотъ, что богъ-громовникъ, побѣдитель тученоснаго змѣя, самъ погибаетъ въ страшной битвѣ; сгорая въ пламени молній и утопая въ ливняхъ дождей, онъ исчезаетъ съ неба, или умираетъ вмѣстѣ съ окончаніемъ грозы (см. I, 756, 759). Рядомъ съ этими преданіями, встречаемъ другія, въ которыхъ драконовою кровью, какъ метафорѣ дождя, придаются спасительныя свойства живой воды—амриты: она не только не причиняетъ герою вреда, но напротивъ сообщаетъ его тѣлу неуязвимость. Таково нѣмецкое преданіе о Зигфридѣ, дѣянія котораго совершенно-тождественны съ подвигами Зигурда, воспѣтыми Эддою. Этотъ знаменитый герой убилъ страшнаго, извергающаго пламя дракона Фафнира и трупъ его бросилъ въ огонь; твердый роговой шюкровъ дракона расплавился; Зигфридъ раздѣлся до нага и окунулся въ приготовленный расплавъ, но къ несчастію не замѣтилъ, что къ его спинѣ присталъ липовый листъ, и одно это мѣсто не покрылось непроницаемой роговой оболочкою: сюда-то впоследствии вонзилось вражеское копье, низложившее храбраго витязя. По другимъ свидѣтельствамъ (см. пѣснь Эдды о Зигурдѣ и поэму о Нибелунгахъ) герой искупался въ змѣиной кровью, отчего по всей его кожѣ простерлась роговая оболочка, и онъ сдѣлался неуязвимымъ, исключая небольшого мѣста между плечъ, гдѣ прилипъ древесный листъ ²⁾). Это напоминаетъ намъ славнаго героя Иліады; мать Ахиллеса,

¹⁾ Сравни у М. Мюллера, 79—80.— ²⁾ Die deutsche Heldensage Вильгельма Гримма, 17, 75—76.

богиня Фетидя, омыла его еще въ дѣтствѣ амброзіей, или по другому сказанію искупала въ водахъ Стикса, и черезъ то сдѣлала его тѣло невредимымъ, кромѣ пятъ, за которую держала ребенка при омовеніи; въ эту пяту и бѣлъ отъ смертельно пораненъ стрѣлою Париса; стрѣла — символъ молніи, а почему она разить въ пятку? — объяснено ниже въ главѣ XXII-й. Известно древнѣйшее представленіе бога-громовника и подвластныхъ ему духовъ кузнецами, работающими въ подземныхъ пещерахъ (=тучахъ); Вилькина-сага рассказываетъ о Зигурдѣ, что онъ жилъ въ ученикахъ у славнаго кузнеца Мимира, и когда тотъ, желая избавиться отъ опаснаго соперника, напустилъ на него брата своего — змѣя, Зигурдъ убилъ это чудовище. Какъ скандинавская сага приводитъ героя, передъ битвою съ дракономъ въ кузницу; такъ подобный-же эпизодъ, но еще съ болѣе древними чертами, встрѣчаемъ въ русскомъ преданіи. Молодой царевичъ убѣгаетъ отъ палящаго змѣя въ кузницу; змѣй лизнулъ три раза желѣзную дверь и просадилъ насквозь свой языкъ. Тогда мифическіе святые ковачи схватили его за языкъ раскаленными щипцами, запрягли въ плугъ и заставили пахать землю, послѣ чего змѣй, опившись морской воды, лопнулъ. Преданіе это занесено и въ сказку объ Иванѣ Попяловѣ (значеніе имени «Попяловъ» объяснено на стр. 483), гдѣ святые кузнецы убиваютъ гигантскую змѣиху тяжелыми молотами, т. е. змѣя-туча, опившись дождевой воды, гибнетъ подъ ударами Перунова молота; языкъ змѣя, которымъ онъ пролизываетъ желѣзныя двери кузницы, есть метафора грозового пламени (I, 560 — 1, 728).

Въ народныхъ сказаніяхъ змѣй изображается то какъ чудовищный звѣрь, то какъ великанъ. Въ грозovýchъ тучахъ фантазія древняго человека созерцала существа самодѣйствующія, признавала за ними ту же волю и тѣ же страсти, какія

приличны человекѣку; а потому рядомъ съ животненными одлицетвореніями тучъ, необходимо надѣляла ихъ и человѣческими формами. Вотъ почему змѣй выѣзжаетъ на битву, какъ вооруженный воинъ, на славномъ, богатырскомъ конѣ; на плечѣ у него сидятъ черный воронъ (= похититель живой воды), а позади хортъ (= собака-вѣтръ) бѣжить ¹⁾. Но перенося свои формы на облачный міръ, человекъ расширялъ ихъ до исполинскихъ размѣровъ, соотвѣтственно могуществу и громадности естественныхъ явленій. Отсюда возникли сказанія о великанахъ, къ кругу которыхъ принадлежитъ и змѣй, что до очевидности свидѣтельствуется греческимъ мною о змѣино-хвостыхъ гигантахъ и множествомъ другихъ общезарійскихъ преданій (см. гл. XXI). О Тугаринѣ Змѣевичѣ народная сказка говоритъ: былъ онъ богатырь въ вышину трехъ сажень, промежъ глазъ — калена стрѣла; пожиралъ онъ и выпивалъ также много, какъ и великаны, поѣдающіе небесныхъ коровъ и опорожняющіе цѣлыя бочки дождеваго напитка. Вглядываясь въ развитіе мифическихъ представленій, нетрудно замѣтить, что, подъ вліяніемъ метафорическаго языка и неудержимаго стремленія фантазіи одлицетворятъ силы природы, каждое физическое явленіе въ одно и тоже время воплощалось въ нѣсколькихъ разнохарактерныхъ образахъ или принимало на себя обликъ, составившійся изъ смѣшенія этихъ образовъ. Огненный змѣй, ярымъ на небѣ пламеннымъ, искрометнымъ шаромъ, прилетая въ избу своей возлюбленной — обращается въ молодца несказанной красоты. «Есть молодые молодцы зазорливые (говоритъ устное преданіе о летучихъ змѣяхъ), которые умѣютъ прикидываться по змѣиному и по человѣческому» ²⁾. Въ одной русской сказкѣ змѣй представляется человекомъ со змѣиной головою: съ виду

¹⁾ Н. Р. Сл., VII, 3.— ²⁾ Сахаров., II, 6, 16.

змѣй—богатырь, а голова змѣйная¹⁾); тоже представленіе известно и между поляками (см. ниже). Согласно съ тѣми прихотливо-измѣнчивыми, фантастическими формами, какія принимаютъ облака въ своемъ бурномъ полетѣ по небесному своду, воображеніе народа видѣло въ нихъ чудовищъ со многими головами и раскрытыми пастьми. Сказочный эпосъ изображаетъ драконовъ и змѣевъ съ тремя, шестью или семью, девятью и двѣнадцатью головами; по числу головъ опредѣляется бѣльшая или меньшая степень ихъ силы. Древность такого представленія засвидѣтельствована ведическими гимнами, воспѣвающими борьбу бога-громовника съ трехглавою, семихвостю змѣею²⁾). Отсюда объясняется, почему нѣкоторыхъ боговъ язычники представляли съ нѣсколькими головами; бѣльшею частію это — боги громоносныхъ тучъ. Такъ въ Штетинѣ стоялъ идолъ Триглава; ему приписывали владычество надъ тремя царствами: небомъ, землею и адомъ (т. е. воздушнымъ царствомъ, облачными подземельями и грозовымъ пекломъ; сравни съ тремя корнями міровой ясени—стр. 279). Триглавъ чтился и чехами; по указанію Вацерада, они давали ему три головы козляныя, что свидѣтельствуешь за его громоносное значеніе (козель — животное, посвященное Тору³⁾). Идолъ Поревита изображался съ пятью головами; Руевитъ имѣлъ семь лицъ подъ однимъ черепомъ; въ разныхъ славянскихъ городахъ, по словамъ Гельмольда, стояли кумиры съ двумя, тремя и болѣе головами⁴⁾.

¹⁾ Сказ. Броницына, 22.— ²⁾ German. Mythen, 215.— ³⁾ Макуш., 87; D. Myth., 946; см. въ гл. XXI сближеніе Триглава съ змѣемъ-Трономъ.— ⁴⁾ Срезнев., 51—53. По греческимъ сказаніямъ, царь Геріонъ, у котораго Геркулесъ долженъ былъ увести стада, какъ будто сросся изъ трехъ великановъ: имѣлъ 3 головы, 6 рукъ и столько-же ногъ; у него была собака о двухъ головахъ; адскій Церберъ имѣлъ три головы; сторукие (ἑκατόχμοι) великаны суть тучи, свергающія безчисленными молніями; въ числѣ другихъ уло

Быстрота, съ которою несутся грозовыя тучи, гонимыя бурными вѣтрами, заставила, уподобить ихъ птицѣ и борзоскачущему коню; означенныя метафоры возникли въ древнѣйшую эпоху языка, и по всему вѣроятію, одновременно съ уподобленіемъ тучи—небесному змѣю. Эти различныя животныя олицетворенія, относясь къ одному и тому-же явленію, необходимо должны были сливаться въ убѣжденіяхъ первобытныхъ племенъ. Фантазія смѣшала формы птицы, коня и змѣя и составила изъ нихъ баснословныхъ животныхъ. Старинная пѣсня говоритъ, что богатырскій конь-туча шипъ пускалъ по змѣиному, и отдѣляясь отъ земли—леталъ выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго. Огненнаго змѣя народъ называетъ летучимъ, даетъ ему крылья птицы и надѣляетъ его крылатымъ кономъ, на которомъ носится онъ по воздуху. На лубочныхъ картинахъ змѣя рисуется съ крыльями; сербская пѣсня упоминаетъ о змѣѣ шести-крыломъ. Русскія и словацкія сказки говорятъ о двѣнадцати-крыломъ конѣ змѣя ¹⁾; по свидѣтельству былинны, Тугаринъ Змѣевичъ «садился на своего добраго коня, поднялся на крыльяхъ по поднебесью летать», а конь у Тугарина «какъ-бы лютой звѣрь, изъ хайлища пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ.» Слѣдуя этому описанію, лубочная картина изображаетъ Тугаринова коня крылатымъ. Въ сказкахъ къ услугамъ змѣя являются конь-вѣтеръ и конь-молнія ²⁾, и дракъ прилетаетъ «на ohnivem voze» ³⁾. Народная загадка обозначаетъ змѣя подъ метафорическимъ образомъ коня: «стоитъ конь

добеній молніи представлялись руками и ногами грозовыхъ духовъ — D. Myth., 298. Въ такихъ чудовищныхъ образахъ являются въ преданіяхъ и дивіе народы, заклепанные въ горахъ Александромъ Македонскимъ (см. выше, стр. 455—7).— ¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 3; Slov. pohad., 56.— ²⁾ Кырша Дан., 191—3; Сказ. Брояница, I, 22, 78; Н. Р. Ск., I—II, стр. 363; Срп. н. пјесме, II, 508 — ³⁾ Škultety a Dobšinsk., I, 27.

вороной — нельзя за гриву взять, нельзя и погладить¹⁾. Тѣже представленія находимъ и у другихъ народовъ. Германцы изображаютъ дракона крылатымъ змѣемъ; самъ онъ покрытъ чешуею, когти его острѣе меча и тверже стали, а крылья похожи на два паруса, надутые вѣтромъ; когда онъ летить, устрашенныя облака убѣгаютъ при его приближеніи, т. е. несутся по волѣ вихрей, испускаемыхъ пастью дракона. Въ Швейцаріи до сихъ поръ, увидя деревья, опрокинутыя бурей, говорятъ: «здѣсь драконъ прошелъ!»²⁾. Шумъ грозовой бури сравнивали съ шипѣніемъ змѣи. По свидѣтельству русскихъ сказокъ и былинъ, огненный змѣй поднимаетъ страшный свистъ и шипъ; голосъ его подобенъ завыванію вихрей: «заревѣлъ Тугаринъ—и дрогнула вся дубрава!» Какъ отъ «змѣйнаго шипа» коня сивки-бурки, какъ отъ свиста Соловья-разбойника падали стѣны и люди, такъ и свистъ мненческаго змѣя производитъ тоже сокрушающее дѣйствіе (см. I, 307, 616). По мнѣнію чеховъ, бурные вѣтры бываютъ отъ того, что колдунъ выпускаетъ дракона³⁾; а греки представляли Борея въ видѣ крылатаго старца, съ змѣинымъ хвостомъ вмѣсто ногъ⁴⁾.

Мы знаемъ, что молніи уподоблялись стрѣламъ, копьямъ и воинской палицѣ. Эти поэтическія представленія должны были прилагаться и къ змѣю, какъ воплощенію громоносной тучи. Стрѣла-молнія то служитъ ему, какъ бранное оружіе, то принимается за необходимый атрибутъ его фантастическаго образа. Подъ влияніемъ метафорическаго языка, фантазія надѣлила дракона стрѣловиднымъ жаломъ или острымъ огненнымъ языкомъ: вѣрованіе это до такой степени проникло въ убѣжденіе народа, что, по мнѣнію крестьянъ, да-

¹⁾ Этн. Сб., VI, 60.— ²⁾ D. Myth., 652—3; Andeutung. eines Systems der Myth., 194; Моск. Наблюд. 1837, ч. XI, 536.— ³⁾ Громманъ, 36.— ⁴⁾ Der Urspr. der Myth., 152.

же простыя змѣи (гадюки) уязвляютъ не зубами, а жаломъ, котораго онѣ въ дѣйствительности не имѣютъ. На лубочныхъ картинахъ огненный змѣи изображается съ одною или нѣсколькими стрѣлами въ пасти, и самый конецъ хвоста его заостряется стрѣлою; такъ Ерусланъ-богатырь убиваетъ змѣя о трехъ головахъ, въ каждой головѣ по стрѣлѣ — вмѣсто жала, а хвостъ оканчивается четвертой стрѣлою ¹⁾. Существуетъ повѣрье, что змѣя-мѣдяница (или мѣдянка — отъ слова мѣдь ²⁾) цѣлый годъ бываетъ слѣпа и только на Ивановъ день получаетъ зрѣніе, и тогда, бросаясь на человѣка или животное, пробиваетъ свою жертву насквозь — точно стрѣлою ³⁾. Эта мѣдная стрѣла-змѣя тождественна съ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, который распускается на Иванову ночь; сознаніе о такомъ тождествѣ выразилось въ народномъ сказаніи о травѣ-мѣдяницѣ: зарождается трава-мѣдяница отъ гніенія зловредныхъ гадюкъ, «ростетъ слѣпою, зрѣніе получаетъ въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное — тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ насквозь» ⁴⁾. Въ своихъ битвахъ съ богатырями, змѣи сражаются копытами и палиею; по нѣмецкимъ сагамъ, драконы имѣютъ на головахъ шлемы, а подъ крыльями острые мечи ⁵⁾. Возврату дракона домой предшествуетъ ринутая имъ издалѣка, стремительно-летающая булава, паденіе которой потрясаетъ его крѣпкій дворецъ ⁶⁾. Какъ олицетвореніе молніи, змѣи летятъ по небу раскаленной желѣз-

¹⁾ Н. Р. Ск., I—II, 338.— ²⁾ У Сахарова (I, 31) приведенъ заговоръ отъ болѣзни роднища: „на морѣ-на океанѣ, посреде моря бѣлаго, стоитъ мѣдный столбъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, а въ томъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ болѣзни и хворостей. Посылаю я раба (имярекъ)... и заповѣдаю закласть роднищъ въ тотъ мѣдный столбъ.“— ³⁾ Абеа., 259.— ⁴⁾ Терещ., V, 94.— ⁵⁾ *Weitträge zur D. Myth.*, II, 446.— ⁶⁾ Шоттъ, 1; Срп. и. припов., 5.

ной палицею ¹⁾, и принимается за символическое знаменіе оружія. Въ средневѣковой поэзіи нерѣдки сравненія блестящаго оружія съ молніей и змѣею; сербы о ножахъ, мечахъ и бритвахъ выражаются: «оштро као змија» ²⁾.

Весьма знаменательно русское названіе мифическаго змѣя — Горынычъ, увеличительное Горынычище; оно происходитъ отъ слова гора и есть отечественная форма, означающая сына горы, т. е. горы-тучи, рождающей изъ себя извивистую змѣю-молнію. Въ былинахъ присвоиваются змѣѣ эпитеты горынская ³⁾ и подземельная ⁴⁾. Выше (стр. 350—361) было объяснено это древнее представленіе тучи горою и указаны слѣды его въ цѣломъ рядѣ народныхъ сказаній и въ названіяхъ горъ по имени громовника; наряду съ «гремящими горами» можно поставить географическое названіе гора Зиѣнища ⁵⁾. Въ гимнахъ Ригъ-Веды тучи называются горами змѣя Вритры, а самъ Вритра — гороподобнымъ ⁶⁾. Связь огненнаго змѣя съ горами и скалами подтверждается множествомъ повѣрій, сохранившихся у вѣсѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Драконы и змѣи живутъ внутри горъ или въ каменныхъ пещерахъ, и сюда скрываютъ похищенныхъ ими дѣвъ. Въ томской губ. рассказываютъ про Зиѣеву гору (около Зиѣиногорскаго рудника), что въ нее ушелъ змѣй-ползъ ⁷⁾. Въ Уваровой станицѣ на берегу Иртыша есть пещера, въ которую скрылся явившійся изъ рѣки змѣй, и тамъ, гдѣ онъ ползъ, видна на травѣ выжженная тропинка. Бѣломорцы называютъ на островѣ Робьякѣ (въ Кандалашскомъ заливѣ) большой камень, съ отверстіемъ внутри, за которымъ начинается пропасть; въ этой пропасти жилъ нѣкогда страшный змѣй ⁸⁾.

¹⁾ Громаничъ, 22—23.— ²⁾ Срп. н. послов., 245.— ³⁾ Пѣсни Кирѣев., IV, 13.— ⁴⁾ Рыбник., I, 219.— ⁵⁾ Р. И. Сб., VII, ст. Ходяков., 197.— ⁶⁾ Orient und Occid., 416.— ⁷⁾ Этн. Сб., VI, 125.— ⁸⁾ Ibid., смѣсь, 23.

Богатырь Добрыня приплыль въ пещеры бѣлокаменные, гдѣ жилъ змѣй Горыничще, засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ и всѣхъ пришибъ, пополамъ разорвалъ ¹⁾). Въ «Нибелунгахъ» Зигфридъ находитъ дракона на горѣ, Беовульфъ поражаетъ его въ ущелин скалъ. Древне-польское преданіе рассказываетъ о князѣ Крокѣ или Кракѣ, отъ котораго производятъ названіе города Кракова: во время его княженія народъ терпѣлъ величайшія бѣдствія отъ страшнаго змѣя, который жилъ въ пещерахъ горы Вавель и равно поѣдалъ и людей, и скотъ. Чтобы избавить свой народъ отъ змѣя, Крокъ употребилъ хитрость: взялъ нѣсколько воловьихъ шкуръ, начинилъ смолою, сѣрою и другими горючими снадобьями, и запаливъ сложенные въ нихъ фитили, придвинулъ все это къ змѣиной норѣ. Змѣй выползъ, проглотилъ воловьихъ шкуры; пламя вспыхнуло въ его утробѣ, и онъ издохъ. Въ связи съ именемъ Крока ставятъ древнѣйшее названіе Исполнивыхъ горъ (Riesengebirg) — Крконоши; въ этихъ горахъ, по указанію чешской пѣсни о судѣ Любуши, герой Трутъ убилъ лютаго змѣя ²⁾). Воловьихъ шкуры, пожираемыя змѣемъ, — уже знакомая читателю метафора облаковъ. Чѣмъ болѣе поглощаетъ ихъ змѣй, или выражаясь прозаически: чѣмъ болѣе сгущаются, сжимаются облака, тѣмъ сильнѣе разгорается пламя молній, и онъ гибнетъ въ грозѣ отъ собственной жадности. Прибавимъ, что въ числѣ великановъ народный эпосъ упоминаетъ Горыню, который повергаетъ цѣлыя горы, и что между другими славянскими названіями, присвоенными облачнымъ женамъ, было берегиня — названіе, тождественное съ именами: баба-горыничка и баба-алатырка (отъ слова «алатырь-камень»), какія встрѣчаются въ народныхъ былинахъ ³⁾). Древнѣйшее

¹⁾ Кирша Дан., 349; Сказ. Бронницына, 9. — ²⁾ Рус. Сл. 1860, X, 266; Атеней 1858, XXX, 199, 209—212; Ист. очер. рус. слов., I, 284. — ³⁾ Кирша Дан., 361.

значение слова берегъ (брѣгъ, нѣм. berg) — гора (см. I, 623 ¹). Въ Эддѣ можно найти свидѣтельства, о вѣдьяхъ, которыя въ видѣ огромныхъ скалъ лежатъ въ устьѣ рѣки, и запружая ее, производятъ наводненія ²).

Тучи назывались еще каменными зѣнками или городани Вритры; согласно съ этимъ славянскія сказки говорятъ о змѣиныхъ царствахъ или дворцахъ—мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ. Въ Германіи ходятъ рассказы о такихъ-же дворцахъ, окруженныхъ мѣдными, серебряными и золотыми лѣсами, принадлежащихъ драконамъ мѣдному, серебряному и золотому; подобными лѣсами и богатыми зѣнками, блистающими серебромъ и золотомъ, владѣютъ норвежскіе тролли (= великаны и драконы ³). Три металлическихъ царства и три металлическихъ лѣса выражаютъ одну и ту же мысль (стр. 285); эпитеты «мѣдный, серебряный и золотой», иногда алмазный и жемчужный, объясняются тѣми яркими, блестящими красками, какими солнце съ чуднымъ великолѣпіемъ раздвѣчиваетъ облака, особенно при своемъ восходѣ и закатѣ, и стоятъ въ близкомъ соотношеніи съ преданіями о несчетныхъ сокровищахъ, хранимыхъ драконами и змѣями. Объ алмазномъ дворцѣ змѣя русская сказка ⁴) утверждаетъ, что онъ вертится словно мельница, и что изъ него видна вся вселенная — всѣ государства и земли, какъ на ладони.

¹) „Арійскій прототипъ нашихъ Горыничей (говоритъ г. Буслевъ въ статьѣ „Русскій богатырскій эпосъ“ въ Рус. Вѣст.) сохранился въ мненческихъ герояхъ Баргавасахъ, дѣтяхъ Бргу, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамю; а бргу (b h r g u) собственно значить гора, и отъ него отечественная форма баргаваса—горничъ“. Если рудокопы запоютъ или станутъ свистать въ шахтахъ, то тѣмъ самымъ вызовутъ горнаго духа (Громаниъ, 19); пѣніе и свистъ—завываніе грозовой буря.— ²) О вл. христ. на сл. яз., 57.— ³) Сказ. норвеж. I, стр. 19 и 27.— ⁴) Н. Р. Сл., VI, 9.

Польская сказка говоритъ о Вихрѣ, который похитилъ злато-масаю красавицу и унёсъ ее въ «раѣас szebryzysty na kurzěj wóscе»; Вихрь этотъ имѣлъ тѣло великана, а голову змѣя, вздымъ на огненномъ, крылатомъ конѣ и своимъ бурнымъ движеніемъ приводилъ въ сотрясеніе свой собственный дворецъ¹⁾. Въ хорутанской приповѣдкѣ²⁾ читаемъ: «i dojde do jednogro grada kufnoga (мѣднаго), koj se je zmigom na sraginí nogi vrtel»; тоже выраженіе употреблено и при описаніи городовъ серебрянаго и золотого, что прямо отождествляетъ ихъ съ вертящеюся избушкою бабы-яги (облачной, демонической жены, о которой см. гл. XXVI) и змѣя³⁾. Этотъ дворецъ или избушка — метафора ходячаго облака. Въ числѣ различныхъ представленій, соединявшихся съ молніей, она уподоблялась и ногѣ; блескъ молній и удары грома потрясаютъ тучи и приводятъ ихъ въ бурное движеніе, и потому народныя преданія говорятъ о ногѣ, на которой вертится облачное зданіе бабы-яги и змѣя. Нога эта — пѣтушья или сорочья, что объясняется изъ той связи, въ какую поставилъ древній миѣ пѣтуха и сороку⁴⁾ съ явленіями грозы. Другія сказки говорятъ, что избушка бабы-яги поворачивается на курьихъ ножкахъ, на собачьихъ пяткахъ, а замокъ бога вѣтровъ вертится на мышиной ножкѣ: собака — символъ вихря, мышь — разящей молніи⁵⁾. Въ словацкой сказкѣ⁶⁾ герой приходитъ въ замки оловянной, серебряной и золотой и встрѣчаетъ въ каждомъ по бабѣ-ягѣ съ длинною палицею въ рукахъ — оловянною, серебряною и золотую; три сына этихъ вѣдьмъ играютъ ту же роль, какую наши змѣи. Соответственно представленію дождя — козовымъ молокомъ, змѣиные города и замки изображаются въ

¹⁾ Глинск., III, 47—64. — ²⁾ Сб. Вяльвада, 128—130. — ³⁾ Н. Р. Ск., II, 30; VIII, стр. 370. — ⁴⁾ О сорокѣ см. гл. XXI. — ⁵⁾ Гануша стат. о Дядѣ-Всевиѣдѣ, 27. — ⁶⁾ Эрбенъ, 49—54; Slov. pohad., 143—160, 338—369.

пѣсняхъ Веды, какъ хлѣвы или загоны, въ которыхъ вражескій демонъ скрываетъ во время зимы и засухи похищенные имъ небесныхъ коровъ; Индра отпираетъ двери этихъ загонновъ своею громовою палицею точно также, какъ отпираетъ онъ и облачные города и скалы и выводитъ оттуда освобожденных стада ¹⁾. «Въ древнія времена, замѣчаетъ Максъ Мюллеръ ²⁾, когда войны по большей части имѣли цѣлю не сохраненіе политическаго равновѣсія Азіи или Европы, а завладѣніе хорошими пастбищами или большими стадами рогатаго скота, въ эти древнія времена изъго роди для скота естественно обращались въ укрѣпленія, а люди, жившіе за одними стѣнами, стали называться *gotra* — первоначально: коровій хлѣвъ, а потомъ: родъ, племя (см. выше стр. 351 и 436). Нашѣкъ на старинный мифъ о заключеніи небесныхъ коровъ въ облачныя скалы находимъ въ чешскомъ преданіи о Премыслѣ (1, 559).

Тучи, помрачающія небесный сводъ, рисовались воображенію нашихъ предковъ демонами-похитителями блестящихъ свѣтилъ. Во главѣ этихъ мифическихъ хищниковъ, грабителей, воровъ стоялъ Вритра, окутывающій ясное небо густыми облаками и туманами. По аналогіи мрака, производимаго наплывомъ тучъ, съ темною ночью и затмѣніями луны и солнца, Вритра считался злобнымъ виновникомъ и той, и другихъ. Раскрывая нѣдра тучъ молніеносными стрѣлами, разсѣвая ихъ въ грозѣ, Индра освобождалъ свѣтила изъ демонскихъ вертеповъ, прикрѣплялъ ихъ къ небесному своду и давалъ имъ возможность снова сіять на неизменную землю. Ради этого подвига онъ признавался главнымъ творцемъ свѣта; вмѣстѣ съ побѣдою надъ черными тучами, ему приписывалось и пораженіе демона ночи: Индра, какъ выражаются священныя гимны, рождаетъ утреннюю зорю и солнце и выводитъ на небо бѣлый день ³⁾. Затмѣнія солнца и луны объяснялись на востокѣ

¹⁾ Кунъ, 211 и дал. — ²⁾ Стр. 25—26. — ³⁾ Die Götterwelt, 65.

вападеніемъ змѣя, готоваго поглотить ихъ въ свою ненасыт-ную утробу; луна, захваченная во время затмѣнія демономъ Рагу, проливаетъ амриту, которую собираютъ боги въ свои сосуды, тогда какъ очи ихъ роняютъ отъ горести слезы, падающія на землю дождемъ ¹⁾: преданіе, въ которомъ очевидно смѣшеніе луннаго затмѣнія съ закрытіемъ яснаго мѣсяца темными дождевыми тучами. Подобныя воззрѣнія раздѣлялись и славянами; польская сказка приписываетъ солнечное затмѣніе двѣнадцатиглавному змѣю, а болгары въ затмѣніи луны видятъ, какъ свѣтило это облекается въ коровью шкуру (т. е. въ облачный покровъ) и даетъ цѣлебное молоко—амриту (I, 666, 749—750). Пожираніе свѣтилъ змѣемъ засвидѣтельствовано и нашими народными сказками о богатыряхъ, призванныхъ сражаться съ злыми демонами. Сказочные богатыри, взумляющіе насъ громадными силами и размѣрами, воплощаютъ въ своихъ человѣческихъ образахъ грозовыя явленія природы; отъ того они и растутъ не по днямъ, не по часамъ, а во минутахъ—также быстро, какъ быстро надвигаются на небо громовыя тучи и вздымаются вихри. Именно таковъ богатырь Иванъ Быковичъ, Иванъ-коровинъ или кобылинъ сынъ ²⁾; въ нѣкоторыхъ вариантахъ его называютъ сыномъ кошки или суки. Сербская пѣсня ³⁾ знаетъ Милоша Кобылича:

Милоша кобила родила,
Нашли су га јутру у ерѣјели ⁴⁾;
Кобила га сисом одојила:
С тога снажан ⁵⁾, с тога висок јесте.

Быстрота полета бурной, дожденосной тучи заставила фантазію сравнивать ее съ легконогимъ конемъ и гончею собакою;

¹⁾ У. З 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, 40.— ²⁾ Н. Р. Ск., II, 30; У. 54; VII, 3; VIII, 2, 9; Эрленвейнъ, 3, 19; Худик., 45, 46; Lud Ukraiń, I, 254—277; сб. Валяца, 120—7.— ³⁾ Срп. н. пјесме, II, 229.— ⁴⁾ Въ конюшняхъ.— ⁵⁾ Силень.

проливаемые ею потоки дождя повели къ сближенію тучи съ дойною коровою, а сверкающія во тьмѣ молніи — къ сближенію ея съ кошкою, глаза которой свѣтятся ночью какъ огни. Поэтому Буря-богатырь, коровьинъ сынъ, есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома — славянскій Перунъ, скандинавскій Торъ; понятно, что удары его должны быть страшны и неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами-тучами, разбивалъ ихъ своею боевою налицей и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуетъ сказка объ Иванѣ, коровьимъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры змѣевъ. Побѣдивши змѣевъ, онъ долженъ бороться съ ихъ сестрами или женами, которыя, съ цѣлю погубить своего врага, превращаются одна золотую кроваткою, другая деревомъ съ золотыми и серебряными яблоками, а третья криницею (—миѳическія представленія дождевой тучи; о золотомъ ложѣ см. стр. 536); но богатырь угадываетъ ихъ замыслы, рубитъ мечемъ по кроваткѣ, дереву и криницѣ, а изъ нихъ брызжетъ струею алая кровь, т. е. дождь. Долженъ состязаться богатырь и съ ихъ матерью, ужасною змѣихою, которая раззѣваетъ пасть свою отъ земли до неба (I, 561) и «jakby chmuga jaka zasloniła słońce»¹⁾). Богатырь спасается отъ нея бѣгствомъ на кузницу, и тамъ змѣиха, схваченная за языкъ горячими клещами²⁾, погибаетъ подъ кузнечными молотами, подобно тому, какъ гибнутъ великаны подъ ударами Торова молота (—молніи), или по другому сказанію — она выпиваетъ цѣлое море и лопається съ трескомъ, изливаясь потоками дождя. Какъ естественный результатъ пораженія змѣевъ, или

¹⁾ Lud Ukrain., 267.— ²⁾ Азбуковникъ говоритъ, что обаянцы (чародѣи) свѣтуютъ крылатую змію аспиду горячими клещами и тѣмъ самымъ причиняютъ ей смерть—Ист. очер. рус. слов., I, 275—6.

проше: разгрома темныхъ тучъ, обнаруживается скрывавшійся за ними благотворный свѣтъ солнца. Такое появленіе сіяющаго солнца народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ змѣевъ похищенной ими красавицы; въ сказкѣ же объ Иванѣ Попяловѣ, любопытной по свѣжести передаваемого ею древняго мѣта, прямо повѣствуется: въ томъ государствѣ, гдѣ жилъ Иванъ Попяловъ, не было дня, а царствовала вѣчная ночь, и сдѣлалъ это проклятый змѣй; вотъ и вызвался богатырь истребить змѣя, взявъ боевую палицу въ пятнадцать пудовъ и послѣ долгой борьбы поразилъ его на смерть, поднялъ змѣиную голову, разломалъ ее—и въ ту же минуту по всей землѣ сталъ бѣлый свѣтъ, т. е. изъ-за разбитой тучи явилось красное солнце. Въ другой русской сказкѣ змѣй похищаетъ ночныя свѣтила; богатырь отсѣкаетъ ему голову, и изъ нутра чудовища выступилъ свѣтѣль мѣсяць и посыпались частыя звѣзды. Подобно тому въ финской сказкѣ (въ сборникѣ Рудбека) три змѣя похищаютъ мѣсяць, солнце и ясную зорю¹⁾. Объ этомъ поглощеніи свѣтилъ создалась у болгаръ слѣдующая легенда: въ старое время одна злая баба взяла грязную пелену и накрыла мѣсяць, который тогда ходилъ низко и даже совѣтъ по землѣ; мѣсяць поднялся высоко на небо — туда, гдѣ и теперь видѣнъ, и проклялъ нечестивую: вслѣдствіе этого проклятія она превратилась въ змѣю, и отъ нея произошли всѣ теперь-существующія земныя змѣи. Много она людей пожрала и истребила бы весь свѣтъ, да святой Георгій убилъ ее²⁾. Злая баба, очевидно, — злая-вѣдьма,

¹⁾ Вибл. для Чт. 1863, XII, замѣтка Худяк. Сличн съ словацкою сказкою о солнцевомъ конѣ, которая развиваетъ ту же мысль, что и наши сказки объ Иванѣ Попяловѣ и Иванѣ-коровьемъ сынѣ—т. I, 606.— ²⁾ Каравелъ, 299—300.

грязная пелена — шрачный облачный покровъ, св. Георгій — змѣна Перуна.

Солнце, луна и звѣзды, зоря и молніи уподоблялись серебру, золоту и самоцвѣтнымъ каменьямъ; ихъ яркій свѣтъ, поглощаемый тучами, на метафорическомъ языкѣ назывался многоцвѣтнымъ сокровищемъ, похищеннымъ демонами мрака и запрятаннымъ въ глубокія подземелья облачныхъ горъ. Вторгаясь въ эти пещеры и убивая змѣя, богъ громовникъ не только проливаетъ дождевые потоки, но и открываетъ дорогіе клады. Вотъ основаніе, почему Индра называется богатымъ всякими сокровищами, щедрымъ подателемъ и творцемъ богатства ¹⁾; вотъ гдѣ—зародышъ безчисленныхъ, распространенныхъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, сказаній о змѣяхъ и драконахъ, жадно-оберегающихъ въ подземныхъ пещерахъ, въ ущельяхъ скалъ, въ глубинѣ морей и рѣкъ громадные склады серебра, золота и драгоценныхъ камней. Сказанія эти извѣстны и на востокѣ, и въ Греціи. По свидѣтельству германскихъ памятниковъ, драконы лежатъ на золотѣ, выпуская вокругъ себя чудный блескъ; потому золото на эпическомъ языкѣ обозначается змѣинымъ ложемъ — *ogimbethr*, *ogimbethseldr* (*wurmbett*, *wurmbettsfeuer*). Согласно съ этимъ, въ русской сказкѣ ²⁾ вѣщая жена змѣя оборачивается золотомъ кроваткою, съ надеждою приманить богатыря на гибельный отдыхъ: если бы онъ не остерегся и лёгъ на золотое ложе, тотчасъ бы въ огнѣ сгорѣлъ. Драконы стерегутъ въ пустыняхъ и пещерахъ горячія какъ жаръ сокровища (*glühende schätze*) и носятъ ихъ ночью (—когда небо омрачено тучами) по воздуху. Нѣмецкія саги рассказываютъ о большой шипящей змѣѣ, которая обитаетъ въ водѣ (—въ дождевыхъ источникахъ) передъ пещерами, скрывающимися внутри

¹⁾ Die Götterwelt, 63.— ²⁾ Н. Р. Сл., VII, 3.

золото; если найдется сибльчакъ, которому удастся наступить змѣю на голову, то она послужитъ для него мостомъ черезъ глубокія воды; перейдя по этому мѣсту, можно достать столько золота, сколько душѣ угодно. Другой разсказъ: ярко блеститъ при солнечномъ свѣтѣ куча золота, черныи змѣи обвиняетъ ее колдунъ, и только небольшой промежутокъ остается свободнымъ для прохода, между головой и хвостомъ змѣи. Одинъ слуга увидалъ кладъ, прошелъ въ этотъ промежутокъ и сталъ забирать золото, какъ вдругъ послышалось страшное шипѣніе; испуганный, онъ бросилъ добычу и пустился бѣжать. Въ тоже мгновеніе змѣи вмѣстѣ съ сокровищемъ погрузились въ гору, которая и сомкнулась за нимъ; бурная гроза пронеслась, солнце по прежнему мирно сіяло на небѣ, а на землѣ лежало вѣскольکو монетъ, упавшихъ внѣ змѣиного кольца. Сказаніе о змѣѣ Фафнирѣ (Fáfnir) принадлежитъ весьма ранней эпохѣ. Пѣсни Старой Эдды разсказываютъ, что ему досталось золотое сокровище, отнятое некогда хитрымъ Локи у карлика Андвари. Нося на головѣ «ужасъ наводящій» шлемъ Эгира, Фафниръ возлежалъ на наследственномъ золотѣ. Имя Oegir (Āgias, Ögias, гот. Ōgeis, др.-сакс. Agi, др.-вер.-нѣм. Aki, Uoki) тождественно Ahi; первоначально это былъ демонъ дождевыхъ тучъ—змѣи; низвергнутый съ неба молніями громовника, змѣи-туча упала дождевой водою и образовала земныя моря и потоки. Потому Эгиръ признанъ былъ морскимъ богомъ; но воспоминаніе о его древнѣйшемъ значеніи не было совершенно утрачено, и скандинавская сага причисляетъ его къ породѣ великановъ, враждебныхъ асамъ ¹⁾). Шлемъ Эгира — метафора темнаго облака (I, 548). Зигурдъ, потомокъ Одина, убиваетъ змѣя Фафнира, овладѣваетъ сокровищемъ и возитъ его на спинѣ богатырскаго коня Грани.

¹⁾ German. Mythen, 81—88. Midhgardhsschlange есть другое представление того-же демоническаго существа.

Подобно Зигурду, и Зигфридъ добываетъ сокровище, поражая страшнаго дракона: это знаменитый кладъ Нибелунговъ — ния, соответствующее Нифлунгамъ Эдды. Nibling, царь карликовъ, оставилъ его въ наследство своимъ сыновьямъ, которые спрятали сокровище подъ драконовымъ камнемъ, гдѣ и нашелъ его Зигфридъ. Карлики, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, стоятъ въ близкихъ отношеніяхъ къ великанамъ тучъ, также хранятъ великія богатства и, какъ грозные духи, занимаются ковкою металловъ. Поражая молніеноснымъ мечемъ змѣя-тучу Зигурдъ=Зигфридъ выводитъ золото солнечныхъ лучей изъ-за темныхъ покрововъ облаковъ и тумановъ: Nibelunc=sohn des nebels, Niflheim= страна мрака, тумановъ, адъ ¹⁾. Въ валахской сказкѣ змѣя, полищающіе царевенъ, названы туманными ²⁾. Проклятіе, которое изрекъ карликъ Андварн и которое влечетъ за собою цѣлый рядъ убійствъ и гибель тѣхъ, кому достается сокровище, напоминаетъ намъ русскія преданія о заклятійхъ, сопровождающихъ зарытіе кладовъ (см. стр. 364). По свидѣтельству нѣмецкой сказки, драконъ обладаетъ чудеснымъ бичемъ: стодѣтъ только хлопнуть этимъ бичемъ, какъ тотчасъ запрагаетъ золото, т. е. удары громовой плети вызываютъ золотыя искры молніи (I, 283). Литовцы рассказываютъ о двухъ исполинскихъ богатыряхъ Витольфъ и Альдисъ; и тотъ, и другой побѣдилъ подъ горою змѣя и завладѣлъ великими сокровищами ³⁾. Богатырь Добрыня нашелъ въ змѣиныхъ пещерахъ злато-серебро; храненіе этихъ металловъ и вообще кладовъ русскія повѣрья приписываютъ огненному змѣю. Надъ кладомъ горятъ свѣчи; замѣтитъ ли кто такую свѣчу, увидитъ ли летающаго змѣя — въ обоихъ случаяхъ долженъ проанести закли-

¹⁾ D. Myth., 653—5. 929—932; Andeutung. eines Systems der Myth., 176; Смирнокъ, 156—167.— ²⁾ Шоттъ, стр. 85.— ³⁾ Черты литов. нар., 76—77.

тіе: «аминь, аминь, рассыпья!»—и кладъ рассыпается деньгами, а змѣй искраши. Надъ чьимъ домомъ рассыпается змѣй, туда, по жнѣнію поселянъ, носить онъ богатство. Сербское выраженіе «змајеве отресине» означаетъ: блестякъ, золото, отрясаемое летучимъ змѣемъ, а лужицкая поговорка: «won ta zmiја» (онъ имѣетъ змѣя) употребляется въ смыслѣ: у него не переводятся деньги ¹⁾. Лужичане вѣрятъ, что мнѣнческій змѣй (plon) несется по небу съ такою быстротою, что глазъ не успѣваетъ за нимъ слѣдовать, и надъ кѣмъ опустится, тому приноситъ счастье и благословеніе. Своихъ любимцевъ между людьми онъ надѣляетъ золотомъ, являясь къ нимъ черезъ дымовую трубу; такого змѣя, приносящаго золото (деньги), называютъ: реіеџпу (денежный) zmiј. Ему же принадлежитъ и охраненіе зарытыхъ въ землѣ сокровищъ, присутствіе которыхъ узнается по яркому блеску играющаго на томъ мѣстѣ пламени, что обыкновенно выражается словами: реіеџу hгаја. Кому служитъ змѣй, тотъ весьма скоро становится богачемъ; но за свои дары змѣй требуетъ жертвенныхъ приношеній. Въ избахъ онъ поселяется за печкою, и на плитѣ очага ставятъ для него молочную кашу, мясо и другія яствы, которыя и пожираются имъ въ то время, какъ скоро все заснетъ въ домѣ ²⁾. То же повѣрье встречаемъ въ Бѣлоруссіи о домовомъ цмокѣ (змѣѣ); здѣсь ходитъ разсказъ о мужикѣ, которому змѣй носилъ деньги, а этотъ обязанъ былъ ставить ему на кровлѣ дома яишницу. Разбогатѣвши, мужикъ пренебрѣгъ своею обязанностію и однажды не поставилъ обычной яствы; змѣй улетѣлъ озлобленный, а на другой день изба и всѣ надворныя строенія мужика сгорѣли, и онъ сдѣлался бѣднякомъ ³⁾.

¹⁾ Сказ. Бровниц., 10; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 22—25; Срп. рјечник, 212; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 11.—²⁾ Volkslieder der Wenden, II, 266.—³⁾ Маякъ, XVII, 41; Могилев. Г. В. 851, 19.

Чехи признают дракона за демона, готового служить человеку; когда онъ летитъ высоко, то предвѣщаетъ счастье (= плодородіе), а низко — предвѣщаетъ бѣду, преимущественно опасность отъ огня; несется ли онъ надъ городомъ или деревнею, надо ожидать большого пожара. О людяхъ, разбогатѣвшихъ неизвѣстными средствами, чехи говорятъ: «у нихъ поселился плевникъ» (огненный змѣй) — точно также, какъ нѣмцы думаютъ, что такимъ счастливымъ черный драконъ приноситъ деньги черезъ печныя трубы ¹⁾. Такимъ образомъ змѣй, какъ воплощеніе молніи, низведенной нѣкогда (по свидѣтельству древняго мифа) на домашній очагъ, отождествляется съ домовыми духами и получаетъ характеръ пената (см. стр. 71) Воображеніе простолюдиновъ помѣщаетъ его за печкою и заставляетъ прилетать въ избу чрезъ дымовую трубу; въ Россіи всюду убѣждены, что именно этимъ путемъ появляется и исчезаетъ огненный змѣй. По чешскому повѣрью, въ каждой избѣ есть свой домовый змѣй — *had-hos-rodagik*, который иногда показывается людямъ; когда умираетъ этотъ гадъ, то вмѣстѣ съ нимъ умираетъ и хозяинъ дома (сравни выше стр. 106 съ подобнымъ же повѣрьемъ о пѣтухѣ). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ утверждаютъ даже, что въ каждомъ домѣ живутъ двѣ большія змѣи; окруженные дѣтенышами, онѣ являются таинственными представителями хозяйской семьи. Если будетъ убитъ змѣй-самецъ, то немедленно умираетъ хозяинъ дома, а если самка — то смерть постигаетъ хозяйку. Змѣи эти оберегаютъ домъ и принадлежащія къ нему владѣнія отъ всякаго несчастія и заботятся, чтобы все было сохранно. *Had-hos-rodagik* живетъ или подъ печкою, или подъ порогомъ избы, и потому никто не осмѣливается колоть дрова на порогѣ, что

¹⁾ Громаниъ, 22—23; Beiträge zur D. Myth., 227. 339.

бы не убить нечаянно змѣя ¹⁾. Напомнимъ, что домовые эльфы также обитаютъ подъ порогомъ избы (стр. 113) и что кобольды—геніи пламени, разводимаго на домашнемъ очагѣ, нерѣдко являются въ образѣ краснаго или синяго дракона ²⁾. Падающія звѣзды принимаются за огненнаго змѣя или дьявола, который разсыпаясь искрами — превращается въ кладъ; въ томъ мѣстѣ, куда упадетъ звѣзда, можно найти подъ землею великія сокровища ³⁾. Кто увидитъ змѣй, свившихся въ клубокъ, и между ними царя змѣя, тотъ долженъ бросить въ ихъ кучу камень (=метафора молніи, *donnerstein*), и змѣи тотчасъ-же обратятся въ чистое золото.

Старинный метафорическій языкъ уподоблялъ солнцу не только золоту, но и драгоценному камню, и блестящей коронѣ (I, 214, 219). Выражаясь поэтически, змѣй-облачитель дневнаго свѣтила заключаетъ въ себѣ самоцвѣтный камень или носитъ на головѣ золотую корону, украшенную дорогимъ камнемъ; а во время весенней грозы и дождевыхъ ливней, просвѣтляющихъ ликъ омраченнаго солнца, онъ сбрасываетъ съ себя эту корону или камень. Но подъ тою-же метафорой золотаго, свѣтящагося камня представлялась и молнія, носимая змѣемъ-тучею и роняемая имъ въ быстромъ полетѣ по воздуху. Давая сходныя метафорическія названія различнымъ явленіямъ природы, фантазія древняго человѣка постоянно сливала ихъ въ своихъ мнѣическихъ сказаніяхъ, что замѣчается и въ преданіяхъ о змѣиномъ камнѣ. Многъ этотъ съ теченіемъ времени былъ перенесенъ на земныхъ змѣй, которые, по мнѣнію народа, имѣютъ у себя царя, украшеннаго чудною короною. По свидѣтельству кельтскихъ и германскихъ сказаній, король-змѣй носитъ на

¹⁾ Громаниъ, 78.— ²⁾ Beiträge zur D. Myth., 338.—³⁾ O. 3. 1818, 68; Ганушъ, 148; Громаниъ, 32.

головѣ золотой вѣнецъ съ безцѣннымъ блестящимъ камнемъ (schlangenstein). Въ весеннюю пору, когда начинаются грозы, змѣи пробуждаются отъ зимняго оцѣпѣнія (сна) и выползаютъ изъ норъ на свѣтъ божій, и впереди ихъ — король, котораго легко узнать по золотому вѣнцу. Если разстлать передъ нимъ красный платъ, то онъ положитъ на него свою корону, и тогда можно овладѣть ею, но схвативши корону—надо сейчасъ-же спастись бѣгствомъ на быстромъ конѣ. Замѣтивъ похищеніе, змѣиный король начинаетъ странно и громко шипѣть, преслѣдуетъ вора, и если настигнетъ, то предастъ смерти ¹⁾. Когда король-змѣй купается въ источникахъ или пьетъ приготовленное ему молоко, онъ непременно снимаетъ съ себя корону; преданіе это извѣстно и между чехами: змѣи, рассказываютъ они, имѣютъ свою королеву, которая носитъ на головѣ золотую коронку и снимаетъ ее только въ день св. Петра и Павла, отправляясь купаться въ источникѣ, или въ то время, когда разстелютъ бѣлый платъ и поставятъ для нея молоко. Смыслъ преданія ясенъ: король-змѣй или королева-змѣя сбрасываетъ съ себя корону солнце не прежде, какъ искупается въ небесныхъ источникахъ или упьетъ небеснаго молока, т. е. не прежде, какъ прольются дожди и исчезнутъ съ неба темныя тучи; потому потеря короны для змѣинаго короля равняется потери жизни ²⁾. По болгарскому повѣрью змѣиный царь бываетъ о двухъ головахъ, на одной головѣ—корона, а языкъ—изъ брилліанта; если убить этого царя (что впрочемъ весьма трудно, ибо онъ окруженъ самыми лютыми змѣями, которые всѣ подымаются на его защиту) и завладѣть брилліантомъ и короною, то сдѣлаешься повелителемъ всего міра и будешь бессмертнымъ ³⁾. Въ другихъ славянскихъ земляхъ и въ Германіи

¹⁾ D. Myth., 650; Сказ. Грим., II, стр. 111—2; Die Götterwelt, 103.—

²⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 441; Громанъ, 79.— ³⁾ Каравел., 170.

думаютъ, что обладаніе змѣнною короною сообщаетъ человѣку чародѣйныя знанія, помогаетъ находить подземныя клады и надѣляетъ безчисленными богатствами ¹⁾. Между другими кладами змѣи стерегутъ камень, съ помощію котораго можно оживлять мертвыхъ, возвращать зрѣніе и открывать золото; грозовыя птицы сражаются съ змѣями и похищаютъ у нихъ это сокровище. Въ Нормандіи уцѣлѣло преданіе, что вѣстница весны — ласточка обладаетъ таинственнымъ знаніемъ находить за моремъ драгоцѣнный камень, дарующій слѣпымъ зрѣніе; если разостлать подъ ея гнѣздомъ красный платокъ, то она, принимая его за огонь, броситъ туда чудный камень, и тогда легко овладѣть имъ ²⁾; т. е. весна выводитъ изъ-за облачнаго моря животворное солнце, это всевидящее міровое око, прогоняющее слѣпоту зимы и ночи и все позлащающее своими яркими лучами. На Юрѣ разсказываютъ о безсмертной, летучей змѣѣ съ алмазнымъ (діамантовымъ) глазомъ ³⁾. У армянъ, какъ свидѣтельствуетъ баронъ Гакстгаузенъ, сохраняется вѣрованіе, что между змѣиной горы Араратъ есть порода, состоящая подъ владычествомъ летучей царицы, которая держитъ во рту волшебный камень и въ извѣстныя ночи бросаетъ его высоко на воздухъ, гдѣ онъ сіяетъ какъ солнце; вѣчное счастье тому, кто сумѣетъ схватить его на лету ⁴⁾. У разныхъ народовъ существуютъ разсказы о камняхъ, зарождающихся въ головѣ эхидны, змѣи и пѣтуха; кто достанетъ такой камень, тотъ можетъ считать себя совершенно-счастливымъ: всѣ желанія его будутъ немедленно исполняться. Эти суевѣрныя преданія вызвали въ средніе вѣка желаніе отыскать философскій камень, обладающій силою превращать все въ

¹⁾ Ильячъ, 125.— ²⁾ Sonne, Mond u. Sterne, 2—4; Die Götterwelt, 206.— ³⁾ D. Myth., 650.— ⁴⁾ Закавказскій край, II, 56—57.

золото, увеличивать продолжительность жизни и надѣлать мудростью (öskasteinn—wünschelstein ¹⁾). Въ русской сказкѣ ²⁾ добрый молодецъ строитъ корабль, и нагрузивши его угольемъ, плыветъ въ открытое море—къ тому острову, гдѣ было логовище двѣнадцатиглаваго змѣя, который выходилъ оттуда пожирать народъ; змѣй спалъ, и сказочный герой, пользуясь этимъ, засыпалъ его угольемъ, развелъ огонь и принялся раздувать мѣхами: очевидно, это богатырь-грозовникъ, раздувающій грозное пламя кузнечными мѣхами. Когда змѣй лопнулъ, онъ отрубилъ ему мечомъ все двѣнадцать головъ и въ каждой головѣ нашелъ по дорожному самоцвѣтному камню. Въ Бѣлоруссiи и Литвѣ рассказываютъ о необыкновенной красотѣ царя-змѣя, о чудныхъ переливахъ красокъ на его кожѣ и объ алмазномъ гребешкѣ на головѣ; если стануть его преслѣдовать, то онъ издаетъ ужасное шипѣніе, и вмгъ со всѣхъ сторонъ мчатся толпы ужей на его защиту—и тогда бѣда обидчику ³⁾. Свистъ ужинаго царя такъ громокъ, что его слышно по всей Литвѣ ⁴⁾. На Украинѣ думаютъ, что царь-ужъ или царь-змѣй отличается отъ простыхъ гадюкъ своею громадностью, и сверхъ того нѣтъ на головѣ золотые, свѣтящіеся рожки. При встрѣчѣ съ нимъ въ лѣсу, должно положить на дорогѣ красный поясъ или платокъ; увидя красный цвѣтъ, онъ сбрасываетъ свои золотые рожки, и кто съумѣетъ захватить ихъ—тотъ будетъ и здоровъ, и счастливъ, и богатъ; богатъ — потому, что ему будутъ доступны все клады. Рассказываютъ еще, что у царя-змѣя два золотыхъ рога, овладѣвши которыми должно закопать ихъ подъ двумя еще-нераспустившимися дубами; одинъ дубъ засохнетъ, а другой покроется зеленью; рогъ, зарытый подъ первымъ деревомъ, — несчастливый, мертвящій, а зарытый

¹⁾ D. Myth., 4169—1171; Pentamer., № 31. — ²⁾ Н. Р. Сл., VIII, 21. — ³⁾ Иллюстр. 1848, № 28; Семевск., 94. — ⁴⁾ Нар. сл. раз., 121.

надъ другимъ—счастливымъ, оживляющій ¹⁾). Выше (I, 679—680, 771—3) было указано, что, соединяя съ молніей понятіе объ остромъ, наносящемъ кровавыя раны орудіи, фантазія уподобляла ее золотому рогу или зубу, и что зубъ волнія называется въ народныхъ сказкахъ мертвымъ и змѣинымъ. Два змѣиные рога оживляющій и мертвѣющій вполне соответствуютъ представленію о Перуновомъ цвѣтѣ, который и пробуждаетъ отъ смерти, и погружаетъ въ безжизненный сонъ—воскрешаетъ природу отъ зимняго оцѣпенѣнія и наноситъ смертельные удары. Нѣтъ сомнѣнія, что и съ змѣинымъ камнемъ могло соединяться не только представленіе весенняго солнца, охваченнаго темными тучами, но и сверкающей въ нихъ молніи. Всѣ могучія свойства, какія приданы змѣиному камню: просвѣтленіе очей, открытіе кладовъ, исполненіе всевозможныхъ желаній, дарованіе здоровья, счастья и вѣжды (первоначально надъ демоническими силами—*siegestein*), принадлежать и Перунову цвѣту, и Перуновой лозѣ.

Сверкающія въ лѣтніе мѣсяцы молніи исчезаютъ на зиму, и глазъ смертнаго не видитъ ихъ болѣе до прихода весны; вмѣстѣ съ тѣмъ перестаютъ литься благодатные дожди и зимняя стужа налагаетъ на облака свои леденящіе оковы. Явленіе это на древнемъ живописномъ языкѣ обозначалось такъ: змѣи прячутся на зиму въ облачныхъ пещерахъ и скалахъ и засыпаютъ въ нихъ долгимъ, непробуднымъ сномъ—до тѣхъ поръ, пока не явится весна и не отопретъ эти пещеры и скалы ключемъ-молніей. Позднѣе, когда затерянъ былъ смыслъ старинныхъ метафоръ, означенная поэтическая фраза, понятая буквально, стала прилагаться къ обыкновеннымъ змѣямъ и гадамъ, которыхъ холодная зима повергаетъ въ сонное, оцѣпенѣвшее состояніе. До перваго весенняго грома, по русскому по-

¹⁾ Lud Ukrain., I, 251—2; Пантеонъ 1854, VI, ст. Шпилевск.

вѣрью, змѣи не жалить ¹⁾. Въ высшей степени интересенъ словацкій разсказъ: однажды — это было осенью, въ то самое время, когда змѣи уходятъ спать въ землю — лежалъ въ полѣ овчарь и смотрѣлъ на ближнюю гору. Онъ увидѣлъ чудо: множество змѣй ползло со всѣхъ сторонъ къ каменной горѣ; при приближеніи къ ней, каждая змѣя брала на языкъ травку, которая тутъ-же росла, и прикасалась ею къ твердой скалѣ; скала открывалась, и змѣи одна за другою исчезали въ ея вертепахъ. «Надо посмотрѣть, что это за трава и куда ползутъ змѣи!» подумалъ овчарь; трава была ему невѣдома; какъ только онъ сорвалъ ее и дотронулся до скалы — эта тотчасъ же раскрылась передъ нимъ. Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о чудесной разрывъ-травѣ (springwurz), т. е. о молніи, разрывающей облачныя горы (см. стр. 397); овчарь же — никто иной, какъ самъ Перунъ, пастырь небесныхъ стадъ — облаковъ-барашковъ. Онъ вошелъ въ отверстіе и очутился въ пещерѣ, стѣны которой блистали серебромъ и золотомъ. Посреди пещеры стоялъ золотой столъ, а на немъ лежала огромная, старая змѣя. Вокругъ стола лежали другія змѣи. Всѣ они спали такъ крѣпко, что ни одна не пошевелилась, когда вошелъ овчарь. Долго осматривалъ онъ пещеру; наконецъ, опомнившись, хотѣлъ отправиться назадъ, но это нелегко было сдѣлать; скала въ ту-же минуту сомкнулась за нимъ, какъ только онъ вступилъ въ ея нѣдра. Овчарь не зналъ, какъ и гдѣ найдти ему выходъ, и сказалъ самъ себѣ: «если нельзя отсюда выйти, такъ стану я спать!» Лѣгъ назовъ и уснулъ. Сильный шумъ и шипѣніе разбудили его; раскрывши глаза, онъ увидѣлъ множество змѣй, которые лежали золотой столъ и спрашивали: «не пора ли?» Старая змѣя медленно подняла голову и отвѣчала: «пора!» Потому

¹⁾ Этн. Сб., VI, 118.

вытянулась отъ головы до хвоста, какъ гибкій прутъ, спустилась со стола на землю и направилась къ выходу пещеры; всѣ змѣи поползли за нею. Старая змѣя прикоснулась къ каменной стѣнѣ—и скала немедленно отомкнулась; вышли змѣи, вышелъ за ними и пастухъ, но каково было его удивленіе! вмѣсто осени уже была весна, природа одѣвалась въ новую зелень и жаворонки оглашали воздухъ сладкозвучными пѣснями. Подобно Одину (стр. 441), цѣлую зиму проспавъ онъ непробуднымъ сномъ въ пещерѣ облачной скалы. О старой змѣѣ (=змѣиномъ царѣ) преданіе утверждаетъ, что пробужденная отъ зимняго сна—она летитъ по воздушнымъ пространствамъ, помрачая собою свѣтлое небо, извергая изъ очей искры, изъ открытой пасти пламя, и ударяя хвостомъ съ такою силою, что вѣковыя деревья гнутся и ломаются, какъ трости; земля дрожитъ, горы (=тучи) даютъ трещины и съ нихъ падаютъ шумныя воды(=дождь). Въ такой картинѣ рисуется мнѣ весеннюю грозу съ ея грозными ударами, сверкающими молніями, стремительными вихрями и проливными дождями ¹⁾. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ царя-змѣя начинаются и бурныя грозы. Преданіе это извѣстно и въ Болгаріи, и въ Россіи. Какъ скоро наступитъ осень (разсказываютъ болгары), змѣи собираются около своего царя, который распредѣляетъ ихъ на «зимийща» (=мѣста, логовища, гдѣ они должны провести зиму. Съ каждымъ змѣинымъ стадомъ царь отпускаетъ по главному змѣю, который ложится въ срединѣ, а прочіе располагаются вокругъ него. Тоже самое дѣлаетъ и царь съ своею святою, которая состоитъ изъ змѣй, имѣющихъ на хвостахъ колокольчики ²⁾):

¹⁾ Slov. pohad., 230—8; Westsl. Märch., 116—121.— ²⁾ Каравел., 170.

звонъ — метафора грома. По русскому повѣрью, 14 сентября (на праздникъ Воздвиженья св. креста) всѣ змѣи (гадюки) лѣзутъ въ вѣрїи или скрываются въ землю; только тѣ, которые укусили кого-нибудь въ продолженіи лѣта, обречены въ наказаніе за это мерзнуть въ лѣсахъ. Сербы, встрѣтивъ змѣю «по јесењему крстову дне (послѣ 14 сентабра), за ону се мисли да је ујела како чел(ь)аде, па је земл(ь)а у се не ће да прими» ¹⁾. Въ этотъ день змѣи собираются въ кучи въ ямахъ, яругахъ и пещерахъ и остаются тамъ на зимнюю вѣсть съ своею царицею; среди нихъ лежитъ свѣтлый камень-алатырь, змѣи лижутъ его и съ того бываютъ и сыты, и сильны ²⁾. Этотъ облегаемый змѣями камень, которому соответствуетъ золотой столъ (= тронъ) словацкаго преданія и золотое ложе Фаонира, есть метафора солнца, окутаннаго тучами; по свидѣтельству русскаго заговора, змѣя Гарифена ³⁾ лежитъ на черномъ рунѣ (= символъ облака), а черное руно на золотомъ камнѣ ⁴⁾. Одна дѣвица заблудилась на Воздвиженьевъ день въ лѣсу, плутала-плутала и неожиданно провалилась въ яму. «Има така глибочѣнна, що-ї свиту не видно. Дивитця — дакъ тамъ гадюкъ силасилѣнная, мабудь вони зо всѣго свиту зібрались на зимовя! Такъ уси зразу й кинулись до неї, підняли голови да-ї сичать. Злякалась вона... коли-жъ дивитця — одна така эдировенна да вся въ золоти и лизе до неї. Не бійся, каже, дивчино! ничего; безъ мене никто тобі ничего не заподіє, я тутъ найстарійша; якъ схочешъ јисти, то онъ глянв — лежить каминь, ти й полижи ёго. Лизнула вона того каменю — и јисти вже не хоче». Такъ прожила она зиму съ змѣями. На Благовѣщенье (25 марта, когда прилетаютъ птицы

¹⁾ Срп. рјечник, 243. — ²⁾ Иллюстр. 1845, 251. — ³⁾ Искаженное прозваніе „Горынычъ“, съ приданіемъ ему женской формы. — ⁴⁾ Сахаров., I, 21.

изъ виріа и приносятъ съ собою ключи отъ неба), въ то самое время, какъ уже стоялъ снѣгъ, велѣла ей золотая гадюка: «становись на меня!» Дѣвица стала на змѣю, а гадюка какъ подкинетъ ее вверхъ — такъ и выкинула изъ ямы! ¹⁾ По другому варианту (харьков. губ.) змѣи сплелись виѣстѣ и образовали столбъ, по которому дѣвица и вылѣзла на бѣлый свѣтъ, и воротилась она въ деревню худая да блѣдная. Такому-же усыпленію подвергается и тотъ, кто попадаетъ въ подземные провалы, наполненные дорогими кладями ²⁾; сравни съ преданіями о заклятыхъ герояхъ и разбойникахъ, заключенныхъ въ скалахъ — стр. 442—454). Известна еще между нашими поселянами не менѣе интересная сказка о кривой царевнѣ. Весельчакъ-пьяница вызвался вылѣчить ей глаза и повѣдалъ въ змѣиное царство; въ томъ царствѣ жили одни змѣи и гады. Кругомъ города лежала большая змѣя, обвинившись кольцомъ, такъ что голова съ хвостомъ сходилась (= *İbgtungandr*). Пьяница воспользовался сномъ испанской змѣи, сдѣлалъ веревочную лѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ лѣстницу на городскую стѣну, забрался въ городъ и посреди его нашелъ камень, а подъ камнемъ цѣлебную мазь: стóитъ только помазать ею глаза, какъ слѣпота тотчасъ-же проходитъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подъ мышку, сѣлъ на корабль — и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за похити-

¹⁾ Основа 1862, IX, 104—5. — ²⁾ Записки Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 730: «Сбились съ дороги крестьянинъ и бродилъ около большой ямы; глядитъ: земля отворилась и стали видны бочки съ серебромъ и золотомъ. Чортъ ли его туда пихнулъ, самъ ли пошелъ — только очутился въ подвалѣ, посмотрѣлъ, какъ бочки на цѣпяхъ висятъ, и хотѣлъ было вернуться назадъ, и выхода уже нѣтъ; что дѣлать? Помолвился Богу, легъ спать, и проспалъ тамъ цѣлый годъ. Какъ пришло время просушиваться кладу, разбудилъ его старичекъ и вывелъ на дорогу».

телемъ; плыветъ по морю, а подъ ней вода словно въ котлѣ кипитъ, махнула хвостомъ и разбила корабль въ дребезги. Пьяницъ удалось выплыть на берегъ; онъ выдѣлилъ кривую царевну и получилъ щедрую награду. Смыслъ преданія слѣдующій: царевна-солнце въ періодъ зимы теряетъ свой блескъ, или говоря метафорически: кривѣетъ (слѣпнетъ). Богъ-громовникъ беретъся изцѣлить ее, и для этого долженъ достать цѣлебную мазь изъ-подъ змѣянаго камня, т. е. живую воду дождя, хранимую царемъ-змѣемъ; именно этимъ нектаромъ и насыщаются змѣи, когда лижутъ камень-алатырь (сравни выше, стр. 145, съ источниками цѣлющей воды, текущей изъ-подъ камня-алатыря). Въ весеннюю пору онъ будитъ змѣя отъ зимняго сна, вступаетъ съ нимъ въ борьбу и счастливо похищаетъ цѣлебное снадобье: корабль—метафора тучи, несущейся по небесному океану, и гибель его есть поэтическая картина грозы; согласно съ представленіемъ молніеноснаго Перуна богомъ, всегда готовымъ сосать дождевыя облака и упиваться небеснымъ виномъ, сказка даетъ своему герою характеристическое названіе пьяницы. Добытый имъ дождь проливается на землю, и царевна-солнце снова начинаетъ блистать своимъ лучезарнымъ окомъ. По русскому повѣрью, кто поймаетъ бѣлую змѣю, старшую надъ всѣми змѣями, и убивши, натопитъ изъ нея сала, и потомъ вымажетъ этимъ саломъ свои очи, тотъ получитъ даръ видѣть скрытые подъ землею клады¹⁾; т. е. дождь, проливаясь изъ разбитой тучи, освобождаетъ изъ туманныхъ вертеповъ золотое сокровище солнечныхъ лучей и открываетъ его взорамъ смертныхъ. Эпитетъ бѣлый указываетъ на змѣю хранительницу небеснаго золота—на тучу, озаренную солнечными лучами. Въ Литвѣ есть повѣрье, что съча, слѣпанная изъ сала змѣи или ужа, приноситъ своему

¹⁾ О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 4.

обладателю счастья: если онъ зажжетъ эту свѣчу (намѣкъ на грозное пламя), то со всѣхъ сторонъ приползутъ на его защиту змѣи и ужи, вмѣстѣ съ своимъ царемъ, и принесутъ ему множество золота ¹⁾).

Изъ сказаннаго уже видно, что съ змѣемъ, какъ олицетвореніемъ дождевой тучи, неразлучна мысль о храненіи имъ живой воды. Весьма знаменательное указаніе на эту связь находимъ въ сказкѣ о Василісѣ-золотой костѣ, гдѣ живой (богатырской, сильной) водѣ придано названіе змѣиной ²⁾. По свидѣтельству русскихъ преданій многоглавыя змѣи, испускающіе жгучее пламя, лежатъ у входа въ солнцезово царство (т. е. въ зирій, царство вѣчнаго лѣта) и стерегутъ доступъ къ устроеннымъ тамъ криницамъ живой воды; сюда-то отправляются сказочные герои за бессмертнымъ напиткомъ. Такъ одна народная сказка ³⁾ говоритъ о чудесномъ садѣ, гдѣ растутъ моложавыя яблоки и бьютъ ключи живой и мертвой воды, а вокругъ того сада обвился кольцомъ громадный змѣй — голова и хвостъ вмѣстѣ сошлись. Въ сказкѣ про Ивана Голубого и Марка-Бѣгуна ⁴⁾ летучій змѣй указываетъ этимъ богатырямъ на два озера; пришли къ одному озеру, бросили въ воду зеленый пруть — пруть тотчасъ сгорѣлъ; пришли къ другому, бросили въ него гнилушку — она тотчасъ пустила ростки и зазеленѣла листьями. «Огненное» (мертвое, эдское) озеро — поэтическое изображеніе дождевой тучи, пожигаемой молніями (о подобныхъ источникахъ см. гл. XXII). По малорусскому варианту легенды о Маркѣ Богатомъ, этотъ богачъ посылаетъ своего зятя къ царю-змѣю попросить живой водицы. Чехи ставятъ дождевые ливни въ зависимость отъ змѣйнаго дыханія: какъ скоро долженъ пойти дождь — изъ-

¹⁾ Сынъ Отеч. 1839, X, 140; Нар. сл. раз., 122—3; Черты литов. нар., 140. — ²⁾ Сказ. Бронниц., 25. — ³⁾ Н. Р. Сл., VII, 5, а. — ⁴⁾ Ibid., VIII, 23, б

подъ печи, гдѣ живетъ гадъ-господарикъ, исходитъ сильный запахъ ¹⁾. По нѣмецкимъ саганъ, у святыхъ, цѣлебныхъ колодець (heilbrunnen) лежатъ бѣлыя змѣи ²⁾. У одного изъ источниковъ Иггдрасилли обрѣтается змѣя, грызущая корень всемірнаго дерева-тучи. Въ глубокихъ погребкахъ драконовъ и змѣевъ хранятся сосуды или бочки съ сильною (живою) водою, и въ пылу битвы они и враждебные имъ богатыри бросаются туда, чтобы испить этого нектара и укрѣпить себя для новой борьбы. Кто изъ соперниковъ успеетъ прежде напиться, за тѣмъ остается и побѣда. Преданіе глубочайшей древности! Гимны Ведъ заставляютъ Индру пить изъ облачныхъ источниковъ небесную сому, чтобы укрѣпиться на битву съ змѣемъ Вритрою ³⁾. «Пить живую воду» или «купаться» въ ней—выраженія однозначительныя, равно указывающія на пролитіе дождей; потому одна метафора легко замѣнилась другою. Отсюда возникло повѣрье, извѣстное на Руси и въ Богеміи: кого укусеитъ ядовитая змѣя, тотъ долженъ бѣжать къ водѣ; если онъ прибѣжитъ къ источнику прежде змѣи и омоетъ свою рану, то укушеніе пройдетъ безъ послѣдствій; если же змѣя успеетъ окунуться въ воду прежде, то человекъ непременно умретъ ⁴⁾. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, змѣи теряютъ свою могучую силу и гибнутъ, какъ скоро обсохнутъ отъ внутренняго огня или солнечнаго жара, т. е. змѣи-туча сгораетъ въ грозовомъ пламени и иссыхаетъ подъ вліяніемъ лѣтнаго зноя (сравни выше стр. 529). Сражаясь съ Кирилошъ-кожемякою, змѣи, когда ему становилось невыносимо-жарко, спѣшили на Днѣпръ и вскакивали въ воду, «щобъ прохладиться трохи». Въ сербской приповѣдкѣ читаемъ: схватился змѣи съ царевичемъ; «а какъ воде (поддень) пригреје, онда рече аждаја: та пусти ме, царев

¹⁾ Громаниъ, 78.— ²⁾ D. Myth., 554, 651.— ³⁾ German. Mythen, 96—99.— ⁴⁾ Громаниъ, 80.

сне, да замочим своју пусту главу у језеро, па да тебацим у небеске висине!»¹⁾ Русская былина о Михайлѣ-Потокѣ Ивановичѣ рассказываетъ, что живая вода этому витязю была принесена лютой змѣей изъ-подъ земли (см. ниже); подобно тому Одинъ выпилъ вдохновляющій медъ, сокрытый въ горѣ-тучѣ, пробравшись туда въ просверленное отверстие въ образѣ змѣя (I, 395). Замѣчательно преданіе, занесенное въ стихъ о голубиной книгѣ:

У насъ Индра-звѣрь всемъ звѣрамъ отецъ:
 Была на сѣмъ свѣти засушейца,
 Ня было добрымъ людемъ воспитанійца,
 Воспитанійца, обмыванійца;
 Ионъ копалъ рогомъ сыру мать-землю,
 Выкопалъ ключи все глыбокѣи,
 Доставалъ воды все кипучи;
 Ионъ пускалъ по быстрымъ рьякамъ
 И по малинькимъ ручьявѣночкамъ,
 По глубокимъ, по большимъ озьярамъ;
 Ионъ давалъ людемъ воспитанійца,
 Воспитанійца, обмыванійца.

Приведемъ варианты:

- а) Куда хочеть (звѣрь)—идеть по пѣдземелью,
 Аки солнце по поднебесью,
 Онъ происходитъ все горы бѣлокаменная,
 Прочищаетъ ручьи и проточины,
 Пропущаетъ рѣки, кладязи студѣны:
 Куда звѣрь пройдетъ—туда ключи кипить.
 Когда этотъ звѣрь возыграется,
 Словно облады по поднебесью,
 Вся вселенная (мать-земля подъ нимъ) всколыбается.
- б) Когда этотъ звѣрь (рогомъ) поворотится,
 Воскипятъ ключи все подземные²⁾.

Священные пѣсни Ведъ утверждаютъ, что богъ Индра низводитъ изъ облачныхъ горъ стремительные потоки дождя, и собирая ихъ въ особая вмѣстѣлища, творить земные источ-

¹⁾ Срп. припов., 8; Кулишъ, II, 30.—²⁾ Калѣки Пер., II, 371—2.

ники, ручьи и рѣки, умножаетъ ихъ воды, роетъ для нихъ широкія русла и направляетъ ихъ бѣгъ ¹⁾. Сходство русскаго преданія съ ведическимъ—въ высшей степени поразительное! Спрашивается: должно ли индѣйскаго Индру считать за первообразъ нашего мифическаго звѣря, или въ совпаденіи ихъ именъ слѣдуетъ видѣть не болѣе, какъ случайное созвучіе? Въ первомъ случаѣ звѣриный типъ, приданный Индрѣ, можно бы объяснить такимъ-же низведеніемъ этого бога въ разрядъ демоническихъ существъ, какое постигло его въ религіозныхъ представленіяхъ зендской отрасли. Мы болѣе склоняемся въ пользу втораго мнѣнія; слово Индра (другія формы, встречаемыя въ разныхъ спискахъ стиха о голубиной книгѣ: Индрикъ, Вындрикъ, Единорогъ) изслѣдователи наши сближаютъ съ греч. Ἰδρα. Отъ санскр. корня *ud, und* (= *vad, vand*)—дѣлать мокрою образовались слова: снк. *uda*, греч. Ἰδω ρ, литов. *wandū*—сл. вода; снк. *udra*, литов. *udrà*, англос. *otog*, сканд. *otg*, др.-нѣм. *ottar*—слав. *выдра* (ил. *vidra*)—собственно: водяное животное; греч. Ἰδρα — водность, Ἰδρα (*hudra*)—баснословная водяная змѣя²⁾. Греческій мифъ рассказываетъ о славной борьбѣ Геракла съ лернейскою гидрою; это была страшная змѣя о девяти головахъ, обитавшая въ лернейскомъ болотѣ, близъ источника Амимоны; оттуда нападала она на стада (первоначально разумѣлись стада небесныя) и опустошала страну. Гераклъ выгналъ ее жгучими стрѣлами (т. е. молніями) изъ логовища и убилъ; совершивъ этотъ подвигъ, онъ смочилъ свои стрѣлы ядомъ гидры, и съ тѣхъ поръ сталъ наносить неизлѣчимыя раны ³⁾. Въ числѣ другихъ животненныхъ олицетвореній облачнаго де-

¹⁾ Germán. Mythen, 144—6.— ²⁾ Пикте, I, 443; Radices linguae slov., 11; звукъ *n* въ словѣ „Индра-звѣрь“ вставной; смичи этотъ—энтотъ (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Буслаев., 22).— ³⁾ Griech. Myth., II, 192—3.

мона, онъ представлялся и выдрю; у змѣя Фафнира былъ братъ Отиг, который въ образѣ выдры ловилъ въ водопадѣ рыбу и былъ убитъ камнемъ (= молніей), пущеннымъ рукою Локи, и за это убійство боги должны были поплатиться тѣмъ сокровищемъ, на которомъ впоследствии возлежалъ Фафниръ ¹⁾. Змѣи и драконы часто изображаются, какъ чудовища, обитающія въ водахъ или вблизи какого-нибудь источника. Такъ Тугаринъ-змѣй плыветъ по Окѣ-рѣкѣ, длина ему триста сажень, спиною валитъ круты берега, угрожаетъ залить всю страну ²⁾. Герои старинныхъ былинъ встрѣчаютъ Змѣя Горыныча на Израй-рѣкѣ и Сафатъ-рѣкѣ ³⁾; змѣй, съ которымъ сражался Кирило-кожемяка, жилъ на Дитѣрѣ; сербскія аждажа— въ озерѣ ⁴⁾. Еще теперь, когда неистовый потокъ, низвергаясь съ горъ, рушитъ деревья и скалы, въ Германіи говорятъ: «es ist ein Drach ausgefahren!» ⁵⁾ Огненному змѣю, приносящему людямъ обиліе и богатство (хлѣбъ и золото), чехи даютъ названіе plivník, plevník, plevel, а лужичаве plon— отъ корня plu, плю: снв. plu—fluere, наше плыть употребляется и въ значеніи течь, лить («свѣча плыветъ»); къ этому-же корню можно отнести слова: плѣ-мѣ, чеш. plennu, plipnu, слов. plènnu, plèmnenný—плодовитый, дающій много сѣмянъ, пол. plènić, plònić—удобрить, сдѣлать плодороднымъ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ стиха преданіе о звѣрѣ Индрѣ связывается съ священными горами: «живетъ тотъ звѣръ въ Сионскихъ горахъ, въ Фаворѣ или Авонъ-горѣ, онъ пьетъ и ѣстъ во святой горѣ (вар. изъ синя моря), и дѣтей выводитъ во святой-же горѣ; когда звѣръ поворотится —

¹⁾ Сиврокъ, 156.— ²⁾ Сказ. Сихарова, 98, 106.— ³⁾ Кириша Дан., 184, 346.— ⁴⁾ Срп. припов., стр. 57.— ⁵⁾ Der Ursprung der Myth., 59. Въ норвежской сказкѣ (I, 24) пятиглавый тролль появляется изъ лона морскихъ водъ; на лубочной картинкѣ (сч. сказку объ Еруслаивѣ) змѣй изображенъ пзывущимъ по морю.— ⁶⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 275.

всѣ святыя горы всколыхаются¹⁾. Это свидѣтельство роднитъ звѣря-Индру съ Змѣемъ Горынычемъ. Разрывая своимъ рогомъ, т. е. молніей, облачныя горы и подземелья и заставляя дрожать мать-сыру землю (= потрясая ее громовыми раскатами), чудовищный звѣрь (= змѣй) даетъ истокъ дождевымъ ключамъ и рѣкамъ. Молніеносный рогъ, которымъ надѣляютъ народныя преданія ииенческаго царя-змѣя, далъ поводъ пѣвцамъ о голубиной книгѣ подставлять непонятное для нихъ названіе Инд-рикъ созвучнымъ словомъ един-рогъ. Въ XVII вѣкѣ рогъ единорога считался обладающимъ силою исцѣлять тяжкіе недуги и поддерживать цвѣтущее здоровье въ продолженіи всей жизни. Царь Алексѣй Михайловичъ согласался за три такихъ рога заплатить десять тысячъ рублей; говорили, что они свѣтятся и бывають длиною до шести пядей. Небогатые люди старались доставать какія-то кости, признаваемыя за змѣиные рожки; толкли ихъ въ порошокъ, примѣшивали къ пѣтью и давали это снадобье больнымъ²⁾. Какъ олицетвореніе молніи, змѣй буравитъ своимъ рогомъ облака, проливаетъ дожди и производитъ наводненія; но какъ воплощеніе черной тучи, какъ существо демоническое, онъ самъ задерживаетъ дожди, запрятывая ихъ животворную влагу въ облачныхъ пещерахъ, и причиняетъ засуху и безплодіе. Съ такимъ враждебнымъ характеромъ и является онъ въ большинствѣ народныхъ сказаній. По нѣмецкимъ сагамъ драконы отравляютъ колодцы и чрезъ то насылаютъ моръ на людей и животныхъ, особенно на коровъ, т. е. своимъ пламеннымъ дыханіемъ они на небѣ иссушаютъ дождевыя родники и изводятъ облачныхъ коровъ, а на землѣ производятъ томительный зной, заставляютъ пересыхать источники, вызываютъ вредныя испаренія и творять неурожай; естественнымъ же и необходи-

¹⁾ Калѣки Пер., II, 372. — ²⁾ Очеркъ домашн. жизни и нрав. великор. нар., 194—5; Ак. Ист., II, стр. 46; IV, 242.

нымъ послѣдствіемъ всего этого бываетъ сильная смертность между людьми и падежъ скота. При солнечныхъ затмѣніяхъ, которыя издревле приписывались нападенію страшнаго дракона, было въ обычаѣ закрывать колодцы, чтобы охранить ихъ отъ порчи и отравы ¹⁾. Залегая источники и рѣки, змѣи и драконы лишаютъ всю окрестную страну воды, томятъ и людей и стада смертельною жаждою. Въ апокрифической статьѣ про Федора Тирона (по рукописи XVI в.) читаемъ: «въ градѣ томъ... быше единъ кладязь кипяій водою благо: тѣй-же кладязь одержимъ быше звѣрьми-змѣями и множествомъ иного гаду, и даеше имъ царь жрътву по вся лѣта коровъ 12 и оунецъ 80 и агнецъ 25, и пушаху воду, и насыщаше весь народъ». Когда обычная жертва была отиѣнена, «разгнѣваеи змей и удръжа воду, и быша прискорѣбни людіе и скоти ихъ издыхаше» ²⁾. Подобный же эпизодъ встрѣчаемъ въ малоросійской сказкѣ: въ чистомъ полѣ-на раздолѣи стояла криница, а вокругъ нея лежало двѣнадцать змѣевъ, и только этотъ одинъ источникъ и былъ во всеи царствѣ; всякой разъ, когда приходилось брать изъ криницы воду, народъ долженъ былъ давать змѣямъ по двѣнадцати человекъ на пожраніе; такъ продолжалось долго, пока не явился богатырь, который перебилъ чудовищъ и освободилъ народъ отъ тяжелой дани ³⁾. Въ Новгородѣ сохраняется преданіе о чародѣѣ Волховѣ, который въ образѣ крокодила (вѣрнѣе: дракона) залегалъ водяной путь въ сезонментой ему рѣкѣ, и тѣхъ, кто не хотѣлъ чтить его, топилъ и пожиралъ (стр. 225). Новогреческая сказка ⁴⁾ упоминаетъ о змѣѣ, который поселился въ источникѣ; только однажды въ годъ допускалъ онъ сосѣднихъ жителей къ водѣ, и то не прежде, какъ послѣ привода къ нему дѣвцы, кото-

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 52, 74; D. Myth., 671.— ²⁾ Пам. стреч. лит., II, 93—95.— ³⁾ Кулишъ, II, 53—54.— ⁴⁾ Ганъ, I, стр. 306.

рую тутъ-же и съѣдалъ. По древнему греческому преданію, въблизи еивскаго источника скрывался въ пещерѣ страшный драконъ, изъ глазъ котораго сыпались огненные искры; онъ оберегалъ источникъ, не позволялъ спутникамъ Кадма черпать оттуда воду и безпощадно умерщвлялъ ихъ; Кадмъ выступилъ противъ дракона и убилъ его ¹⁾. Такой захватъ и обереганіе источниковъ змѣями и драконами и свободный доступъ къ водѣ послѣ ихъ убіенія соответствуютъ усиліямъ Вритры задерживать небесные потоки, которые, послѣ побѣды надъ нимъ могучаго Индры, съ шумомъ низвергаются изъ облачныхъ горъ. Герои, убивающіе змѣевъ и открывающіе для всѣхъ безопасное пользованіе водными ключами суть представители бога-громовника, разителя тучъ и подателя дождей. Туже мысль выражаютъ и мифы о драконахъ, приставленныхъ сторожить золотыя яблоки гесперидъ и золотое руно Колхиды; ибо золотыя яблоки тождественны, по своему значенію, съ живою водою (стр. 309), а золотое руно — метафора весенняго дождевнаго облака (I, 683). По бѣлорусскому повѣрью: кто желаетъ вызвать дождь, тотъ долженъ убить змѣю и повѣсить ее на березѣ ²⁾; чехи во время засухи ловятъ змѣю и вѣшаютъ головою внизъ на древесномъ сукѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что черезъ нѣсколько дней непременно пойдетъ дождь ³⁾. Эсты думаютъ ⁴⁾, что, вѣшая топоръ или змѣю, можно приманить вѣтры, пригонающіе дождевыя облака (см. выше, стр. 305—6).

Народныя преданія утверждаютъ, что змѣи любятъ плоть и сосать молоко. У чеховъ и нѣмцевъ извѣстны многіе рассказы о томъ, какъ ужи и змѣи являются на поляхъ, пастбищахъ и въ домахъ къ дѣтямъ поселянъ и пьютъ вишѣсть съ

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 53—59.— ²⁾ Нар. сл. раз., 149.—
³⁾ Громовъ, 52, 80.— ⁴⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von Genthe, 15.

нии налитое въ чашки молоко, при чемъ змѣнный король (или королева) слагаетъ съ своей головы золотую корону. Одна мать, отправляясь въ поле, отводила своего ребенка въ садъ и оставляла ему кринку съ молокомъ; странно казалось ей, что какъ-бы много не давала она молока — кринка всегда опорожнялась дочиста; рѣшилась подсмотрѣть, что бы это значило? и вотъ что увидѣла: выползла изъ стѣны змѣя и виѣтъ съ дятятею принялась за молоко, а когда горшокъ опустѣлъ — легла къ ребенку на колѣни и стала играть съ нимъ. Здѣсь змѣѣ приданъ характеръ охранительнаго домашнего духа; въ нѣмецкихъ сагахъ змѣи нерѣдко являются у дѣтскихъ колыбелей и оберегаютъ младенцевъ. Въ *Gesta Romanorum* занесено слѣдующее любопытное сказаніе: ежедневно утромъ и вечеромъ, когда молодая коровница отправлялась доить коровъ, приползала въ хлѣвъ большая змѣя съ золотою короною на головѣ, и коровница всякой разъ давала ей пить парне молоко. Случилось, что служанка эта должна была оставить своего хозяина; при уходѣ ея изъ дому, благодарная змѣя подарила ей золотую корону ¹⁾). Подобныя преданія можно услышать и въ русскомъ царствѣ. Въ Новгородѣ разсказываютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ Перюньскій (Перынскій) скитъ, жилъ нѣкогда звѣрь-змѣяка Перюнь (=Перунъ), который каждую ночь ходилъ спать въ Ильмень къ волховской коровницѣ ²⁾). Во многихъ деревняхъ убѣждены, что огненный змѣй летаетъ по ночамъ къ молодымъ бабамъ и сосетъ у нихъ изъ грудей молоко; такая женщина день ото дня все болѣе и болѣе слабѣетъ, чахнетъ и наконецъ лишается жизни ³⁾; оборотни и вѣдьмы превращаются въ

¹⁾ D. Myth., 650—1; *Beiträge zur D. Myth.*, II, 443. — ²⁾ Путевыя письма изъ новгор. и псковск. губ. П. Якушина, 118—9. — ³⁾ Сравни Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23.

огненныхъ змѣевъ, и въ этомъ видѣ высасываютъ у коровъ молоко. Съ огненнымъ змѣемъ, говорятъ простелюдны, надо обходиться осторожно, не сердить его, и когда онъ прилетаетъ на дворъ — ставить ему молоко; въ противномъ случаѣ онъ сожжетъ домъ. Повѣрье это стоитъ въ ближайшей связи съ другимъ, по которому пожаръ, происшедшій отъ удара молніи, можно затушить только молокомъ. У насъ есть примѣта: «если молоко поставлено непокрытое, то его пьетъ нечистая сила», и ходить рассказы, будто въ сонныхъ людей, привыкшихъ спать съ разинутымъ ртомъ, вползали змѣи, и поселившись внутри чловѣка, ничѣмъ другимъ не могли быть вызваны назадъ, какъ только запахомъ парнаго молока ¹⁾. Болгары уѣряютъ, что змѣй-смокъ сосетъ коровъ и женщинъ; такой бѣды главнымъ образомъ опасаются 9-го августа: въ этотъ день не гоняютъ коровъ на паству, а женщины, особенно тѣ, которыя кормятъ ребенка грудью, не выходятъ изъ дому; бывало, что женщины, отправляясь въ поле жать, брали съ собою грудныхъ дѣтей, и вотъ когда утомленная мать засыпала на нивѣ — тотчасъ приползалъ смокъ, высасывалъ у ней молоко съ кровью, и такъ искусно, что она не чувствовала ни малѣйшей боли, а думала, что ее сосетъ ребенокъ ²⁾. Тоже рассказываютъ и въ Германіи. Отъ этого молока змѣи въ короткое время становятся сильными и толстыми; а женщины, которыхъ сосутъ они, сохнутъ и хирѣютъ ³⁾. Смокъ, бѣлор. цмокъ, пол. smok, stok, чешск. zмок, zmek, литов. z makas — собственно: сосунъ (отъ smoktas — сосать, см. стр. 435); въ пол. smok означаетъ и дракона, и водяной насосъ; чехи говорятъ: «smoký gako zmok» ⁴⁾.

¹⁾ Записки Авдѣев., 140, 149; Терещ., VI, 14; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6; Послов. Даля, 1037.— ²⁾ Каравел., 250.— ³⁾ Beitrüge zur D. Myth., 442.— ⁴⁾ D. Myth., 654.

Когда мы напомнимъ, что дождевыя тучи представлялись нашимъ предкамъ то полногрудыми женами, то дойными коро-
вами, которыхъ сосалъ и донглъ своими молніями богъ-громо-
вержецъ, низводя на землю ихъ благодатное молоко въ видѣ
дождя; то для насъ будутъ понятны всѣ приведенныя сказа-
нія о змѣяхъ (т. е. молніяхъ), являющихся пить молоко и со-
сать женщинъ и коровъ. Молоко здѣсь — метафора дождя, а
выраженія пить и сосать равносильны выраженію: проли-
вать, низводить влагу (I, 671). По общему закону развитія
мифовъ, эти поэтическія представленія были впоследствии пе-
ренесены на землю и преобразились въ суевѣрные разсказы
и примѣты, имѣющіе въ виду обыкновенныхъ змѣй, коровъ и
бабъ. Когда молнія сосетъ и донглъ тучи, онѣ постепенно
рѣдѣютъ, умаляются и исчезаютъ съ неба; отсюда — убѣж-
деніе, что змѣй-сосунъ сугитъ коровъ и женъ, отнима-
етъ у нихъ вѣстѣ съ молокомъ силы, здоровье и самую
жизнь. Ему приписываются болѣзни и падежъ скота; если у
коровы опухнетъ вымя, это знакъ, что ее сосутъ змѣи и ля-
гушки ¹⁾; чума рогатаго скота называется змѣинымъ по-
стрѣломъ ²⁾). Лужичане различаютъ три рода огнедышащихъ,
летучихъ змѣевъ: *reifežnu*, *žitnu* и *mlokowu zmiј*; пер-
вый приноситъ своимъ любимцамъ золото, второй—хлѣбъ—
урожай, а послѣдній надѣляетъ коровъ изобильнымъ и вкус-
нымъ молокомъ ³⁾). Такое раздробленіе мифическаго змѣя на три
отдѣльные вида возникло подъ вліяніемъ различныхъ, усво-
енныхъ ему эпитетовъ: какъ укрыватель золотыхъ лучей
солнца, онъ названъ былъ денежнымъ; какъ обладатель и низ-
водитель небеснаго молока, получилъ эпитетъ молочнаго; а
какъ молоко-дождь воспитываетъ жатвы, даетъ урожай, то
ему присвоено названіе житнаго. Тѣже повѣрья находимъ и

¹⁾ Громаниъ, 130.— ²⁾ Толков. Слов., I, 616.— ³⁾ Volkslieder der Wenden, II, 266.

у других славянских племенъ. Согласно съ нѣздами, чехи думаютъ, что красно-огненный драконъ приноситъ деньги, а синий — зерновой хлѣбъ; для своего хозяина домовый дракъ похищаетъ молоко и масло чужихъ коровъ; кто убьетъ гада-господарика, тотъ лишается счастія въ скотоводствѣ, и на поляхъ его будутъ родиться одни плывелы ¹⁾. Тому, кто съумѣлъ заслужить расположеніе цюка, онъ, по нѣвнѣмъ блоруссовъ, доставляетъ деньги, хлѣбъ и молоко, дѣлаетъ его нивы плодородными, а коровъ богатыми молокомъ. Когда цюкъ несетъ золото, то бываетъ ясный, огненный; а когда — рожь и пшеницу, то летитъ черною тучею или принимаетъ темносиневатый цвѣтъ ²⁾. Все это подтверждаетъ указанное нами выше сродство змѣевъ съ кобальдами; о послѣднихъ рассказываютъ, что они любятъ пить молоко, собирая разлитыя капли, и приносятъ своимъ хозяевамъ и хлѣбъ, и деньги ³⁾. Летты прямо называютъ змѣй молочными матерями (реена mahtes), т. е. производителями дождя ⁴⁾. Литовское названіе громовой стрѣлки *Láumes páras* указываетъ на молнію, какъ на сосокъ облачной жены, посредствомъ котораго точится молоко-дождь изъ ея материнской груди. По мнѣнію нашихъ знахарей, змѣиное молоко (теперь этимъ именемъ называютъ блестящую ртуть) можетъ легко разрушить всякую мельничную плотину; стодить только влить этого молока въ прудъ — и плотина будетъ разорена ⁵⁾, т. е. вслѣдствіе дождевыхъ ливней прибываютъ воды и своимъ напоромъ ломаютъ поставленныя имъ преграды.

Съ живою водою нераздѣльны понятія здоровья, крѣпости

¹⁾ Громаничъ. 23, 230, 233; *Der Ursprung der Myth.*, 73. По болгарскому повѣрью, змѣй собираетъ по ночамъ росу съ чужихъ нивъ и пастбищъ и переноситъ на поля своего любимца. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 22—25; Могилев. Г. В. 1851, 19. — ³⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 337. — ⁴⁾ *D. Myth.*, 651. — ⁵⁾ Сахаровъ, I, 39.

силъ, красоты, молодости, заживленія ранъ и возстанія изъ мертвыхъ. Боги-громовники (Индра и Донаръ), какъ щедрые податели дождей, почитались пѣлителями всякихъ болѣзней ¹⁾; тоже значеніе присвоилось и змѣю, какъ хранителю и проводнику животворной влаги небесныхъ источниковъ. Пробужденіе природы отъ зимняго омертвѣнія, дарованіе людямъ красоты и здоровья (поставленное народными повѣрьями въ самое близкое соотношеніе съ весеннимъ громомъ и дождями), богатырская и пѣлбная сила змѣя — все это представленія, тѣсно между собою связанныя. Заклятіе противъ болѣзни «родимца» скрѣпляется обращеніемъ къ змѣѣ и ѣдной мѣдяницѣ, закладенной въ мѣдный столбъ ²⁾; въ заговорѣ на защиту ратнаго человѣка отъ ранъ читаемъ: «въ моихъ уздахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта — отъ змѣя двундесятьглаваго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ со окіанъ-шоря, со острова Буяна, со мѣднаго дома, того змѣя, что убить двундесять богатырми подъ двундесять муромскими дубами. Въ моихъ уздахъ защиты змѣиныя головы». Последнія слова указываютъ на дѣйствительный обычай носить въ амулетахъ (наузахъ) засушенныя змѣиныя головки. Крестьяне, въ предостереженіе отъ лихорадокъ, носятъ на шеѣ змѣиную или ужовую шкурку, или ожерелье изъ змѣиныхъ головокъ ³⁾; для защиты отъ чаръ и недуговъ привязываютъ къ шейному кресту голову убитой змѣи, а въ привѣскахъ (ладонкахъ) между прочимъ зашиваютъ и лоскутокъ змѣиной кожи ⁴⁾: кто носитъ такую привѣску, того всѣ будутъ любить и желать ему всякаго добра. Чехи ловятъ

¹⁾ Germann. Myth., 133—5. — ²⁾ Припомнимъ, что воззрѣніе на мѣднаго змѣя исцѣляло евреевъ отъ ядовитаго укушенія обыкновенныхъ змѣй. — ³⁾ Сахаров., I, 27, 31; Терещ., VI, 16; Чернигов. Г. В. 1842, 40. — ⁴⁾ Владим. Г. В. 1844, 50; Вѣст. Р. Г. О. 1860, XI, 136; Пузин., 161. Финны употребляютъ при лѣченіи болѣзней змѣиные зубы, горло и кишку—Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 309.

на Юрьевъ день зѣю, и содранную съ нея шкуру носить девять дней на шеѣ отъ лихорадки. Съ змѣиной шкуркою они соединяютъ различныя спасительныя свойства: если превратить ее въ пепелъ и присыпать раны — онѣ скоро затянутся; если смѣшать этотъ пепелъ съ водою и смочить глаза — никто тебя не очаруетъ; если посыпать этимъ пепломъ голову — враги будутъ бояться. Кто носить при себѣ языкъ, отрѣзанный у живой змѣи на Юрьевъ день, тотъ будетъ смелъ, страшенъ своимъ недругамъ и непобѣдимъ въ рѣчахъ: повѣрье, возникшее изъ представленія молніи — огненнымъ или змѣинымъ языкомъ, а грома — побѣдоноснымъ словомъ. Отъ падучей немочи чехи даютъ больному лепешку, приготовленную на змѣиномъ яйцѣ ¹⁾). Въ прежнее время на Руси вышивали на ладонкахъ змѣиныя головы въ связкѣ — числомъ десять или двѣнадцать; иногда онѣ примыкали къ круглому лицу, которое изображалось въ срединѣ и напоминало собою голову Медузы. Любопытно сравнить съ этими ладонками тѣ старинныя металлическіе амулеты, которые дошли до насъ въ немногихъ экземплярахъ и были несправедливо называемы медалями. Такихъ круглыхъ или овальныхъ амулетовъ извѣстно намъ шесть: черниговскій (золотой), тульскій (изъ композицій), куликовскій (мѣдный). два рязанскіе (одинъ — мѣдный) и принадлежащій казанскому университету. На одной сторонѣ этихъ амулетовъ изображена голова съ выходящими изъ нея семью, десятью, двѣнадцатью или 14-ю змѣями; только на куликовскомъ амулетѣ змѣи представлены въ связкѣ. На одномъ изъ рязанскихъ амулетовъ центральная голова изображена въ діадимѣ. На другой сторонѣ представлены священныя изображенія архангела Михаила или Богоматери, а на одномъ изъ рязанскихъ — изображеніе святаго, который бичемъ или

¹⁾ Громанъ, 81, 166, 176.

ножнѣй поражаетъ убѣгающаго дьявола. Всѣ амулеты сдѣланы съ ушками, въ которыя, конечно, вдѣвался шнурокъ или лента съ тѣмъ, чтобы носить ихъ на шеѣ. Амулеты вослѣлись для отвращенія колдовства и сохраненія здоровья, что подтверждается и находящимися на нихъ надписями. Надписи — нѣкоторыя славянскія, а большая часть греческихъ. На черниговскомъ амулетѣ читаемъ: «Господи, помози рабу своему Василію, аминь»; на тульскомъ: «Сыне Божій, спаси и сохрани носящаго (амулетъ), аминь». Кромѣ приведенной надписи, на черниговскомъ амулетѣ, а также на амулетѣ казанскаго университета находимъ слѣдующее заклинаніе: «очерненная червотою (т. е. нечистая сила) — какъ змѣя будешь ты извиваться въ прахъ, какъ левъ ревѣть и какъ агнецъ трепетать въ ужасѣ». Всѣ изслѣдователи признаютъ древность означенныхъ амулетовъ, что подтверждается формой буквъ и сокращеніями въ ихъ надписяхъ, напоминающими письмо Остромирова евангелія ¹⁾. Амулеты эти, судя по ихъ греческимъ надписямъ, должны быть византійскаго происхожденія; но такое заимствованіе нисколько не шло въ разрѣзъ съ національными вѣрованіями. Обычай носить охранительныя привѣски, наузы, былъ общій у славянъ со многими другими индоевропейскими народами, и мы видѣли, что для такихъ привѣсокъ донныя употребляютъ змѣиныя шкурки и головы. Въ 1843 году, во время скотскаго падежа, въ селѣ Давшинѣ убили змѣю, выпустили изъ нея кровь въ кувшинъ, вскипятили эту кровь съ дегтемъ и смолою, и приготовленною смѣсью мазали ворота, чтобы отогнать моровую язву ²⁾. Змѣиная кровь — метафора дождя; деготь и смола служатъ для подобнаго-же обозначенія (I, 788—9); смыслъ обряда

¹⁾ Вѣст. Евр. 1832, № V—VI, XV; 1838, XVII; 1839, XII—XIII, ст. Каченовскаго; Труды О. И. и Д., III, 131—7; VIII, 176 и дал.; Ж. М. Н. П. 1836, II, 336—363.— ²⁾ Этн. Сб., II, 28

тотъ: дождь, пролившійся изъ убитой змѣи-тучи, прогоняетъ нечистую силу врака—Смерть (Морану). По германскому преданію, помазаніе кровью дракона укрѣпляетъ тѣло и дѣлаетъ его неуязвимымъ для стрѣлъ и другаго оружія ¹⁾. Зигурдъ, убивши Фафира искупался въ его крови и сдѣлался недоступенъ ранамъ; но во время купанья прилипъ у него за плечани древесный листокъ, и только въ это мѣсто, какъ неомытое змѣиною кровью, можно было поразить героя. У грековъ змѣя принималась символомъ возрожденія, обновляющейся жизни. Асклепій (Ἀσκληπιός) изображался съ жезломъ, обвитымъ змѣею; сынъ Аполлона, богъ врачевства и цѣлитель болѣзней (Σωτήρ), онъ обладалъ силою молодить старыхъ и воскрешать мертвыхъ. Такому искусству его научили змѣи. Однажды обвилась змѣя вокругъ его посоха, Асклепій убилъ ее, но выползла другая змѣя, держа во рту невѣдомую травку, прикосновеніемъ которой и воскресила убитую ²⁾. Чудесная травка и посохъ Асклепія тождественны трехлиственному, обвитому змѣями жезлу Гермеса, которымъ онъ призываетъ къ жизни усопшихъ; это—извѣстная намъ Перунова трава или пруть-молиня, отыскающая весной облачныя горы, низводящая оттуда живую воду и тѣмъ самымъ пробуждающая природу отъ зимняго сна. Преданіе о змѣиной травѣ извѣстно у многихъ народовъ и даже занесено въ старинные лѣчебники. Такъ въ одномъ изъ рукописныхъ лѣчебниковъ XVII вѣка читаемъ о травѣ повутникѣ: «сказывалъ де виницеянинъ торговой человекѣ: лучи-

¹⁾ D. Myth., 654. — ²⁾ Der Ursprung der Myth., 114, 124; D. Myth., 651. Римляне во времена республики, чтобы отвратить моровую язву, отправили въ Эпидавръ пословъ за изображеніемъ Эскулапа. Послы возвратились и привезли ужа, который самъ вползъ на ихъ корабль и въ которомъ римляне признали воплощеннаго бога. Тамъ, гдѣ привезенный ужъ вышелъ на берегъ, былъ построенъ храмъ Эскулапу.

лось имъ дорогою ѣзати съ товары на возѣхъ тяжелыхъ, и змѣя де лежитъ на дорогѣ, и черезъ ее перешелъ возъ, и тутъ ее затѣрло — и она де умерла. И другая змѣя пришла и принесла во рту прищутникъ да на нее возложила, и змѣя де ожила и поползла¹⁾. Въ народной русской сказкѣ встрѣчаемъ слѣдующій эпизодъ: идетъ лѣсомъ несчастная мать, несетъ на рукахъ своего зарѣзаннаго ребенка и видитъ — лежитъ подъ кустомъ змѣйка, нѣдвое разрубленная; приползла къ ней большая змѣя съ зеленымъ листкомъ во рту, приложила листокъ къ мертвой змѣйкѣ — и та вмигъ срослась и ожила. Женщина подняла тотъ листокъ, приложила къ кровавой ранѣ своего малютки — и ребенокъ въ ту же минуту встрепенулся, и вмѣстѣ съ жизнію получилъ непомѣрную силу — богатырскую²⁾. Нѣмецкая сказка: «Die drei schlangenblätter» рассказываетъ о королевнѣ, которая не хотѣла иначе выходить замужъ, какъ подъ условіемъ, чтобы женихъ далъ обѣщаніе: если она умретъ прежде, то и его схоронить вмѣстѣ съ нею. Выискался сильный юноша и женился на королевнѣ. Черезъ сколько-то времени умерла королева и заклали ее въ могильный склепъ, вмѣстѣ съ мужемъ. Смотритъ онъ, а къ нему змѣя ползетъ; выхватилъ мечъ и разсѣкъ ее на три части. Тогда выползла другая змѣя съ тремя зелеными листьями во рту, приложила ихъ къ убитой змѣѣ — и та мгновенно исцѣлилась. Молодецъ поднялъ зеленые листья, приложилъ одинъ къ устамъ, а два къ очамъ своей мертвой подруги — и она ожила: кровь побѣжала въ ея жилахъ и лицо покрылось румянцемъ. Тоже самое сказаніе сообщаетъ и русская былина о богатырѣ Потокѣ³⁾, но съ весьма любопытны-

¹⁾ Истор. Христом. Вулаева, 1351.— ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 53, а. Подобные рассказы находимъ въ сборникахъ: Slov. pohad, 121; Škultety a Dobsinek., I, 5; Шоттъ, 142; Шлейхеръ, 57; Ганъ, II, стр. 274; Сказ. Грим., 16.— ³⁾ Кирша Дан., 223—4.

ни отъѣздомъ. О живительныхъ листьяхъ здѣсь нѣтъ ни слова; вмѣсто того богатырь, закладенный въ могилу съ своею жертвою женою, мажетъ ее змѣиною кровью:

Какъ пришла пора полуночная,
Собиралися къ нему все гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй —
Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;
А Потокъ-Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссыкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати;
Въспоры она еретица
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

По другому варианту, сообщенному въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Рыбниковымъ ¹⁾, богатырь хватаетъ змѣю въ клещи и бьетъ желѣзными прутьями:

Ай-же ты, змѣя подземельная!
Принеси мнѣ живой воды —
Оживить мнѣ молода жена.

И змѣя подземельная (=горынская) приноситъ ему живой воды, свѣду которой онъ пробуетъ сначала на убитомъ змѣиномъ тѣлѣ, а потомъ уже оживляетъ свою молодую жену. Жена Потока принадлежитъ къ разряду вѣщихъ лебединыхъ нимфъ; въ образѣ бѣлой лебеди и является она своему суженому въ первую ихъ встрѣчу: черезъ перо лебедь золотая, а головка увита краснымъ золотомъ, усажена скатнымъ жемчугомъ. Эти признаки указываютъ въ ней существо, тождественное съ скандинавскою Svanhvít Gullfjodhr, т. е. богиней Утренней Зорей (солнцемъ—I, 516). По вѣмецкимъ сагамъ цѣлебныя воды охраняются змѣями и

¹⁾ I, 219; II, 63

бѣлыми женами; и тѣ, и другія приходятъ въ полдень купаться въ источникахъ ¹⁾. Самъ богатырь Потокъ, есть дождевой громовникъ; могила, въ которой онъ заключается съ своей вѣщей женою, — поэтическое представленіе подзелья-тучи. Захваченная темными демонами, лебединая жена подпадаетъ злему очарованію, переходитъ въ мрачное царство Смерти, и не прежде освобождается оттуда, не прежде воскресаетъ (=просвѣтляется), какъ послѣ побѣды громовника надъ змѣей-тучею. Онъ поражаетъ змѣя нечемъ-молией, добываетъ живую воду и выводитъ на небо ясное солнце. Чехи убѣждены въ существованіи чудесной травы, исцѣляющей всякія болѣзни и раны; змѣя, разсѣченная надвое, ищетъ этой травы, и прикасаясь къ ней, снова сростается ²⁾. Финны рассказываютъ о травѣ, которую змѣя, плывя по водѣ, держитъ въ своей пасти, чтобы предохранить себя отъ утопленія; съ помощію этой травы, она можетъ кусать самое твердое желѣзо, т. е. обрѣзаетъ ту же силу, какая принадлежитъ разрывъ-травѣ ³⁾. Народныя повѣрья приписываютъ змѣямъ знаніе цѣлебныхъ зелій ⁴⁾, и нѣкоторымъ травамъ присвоются на Руси названія: змѣиный корень (или чортова борода), змѣвыя головки, змѣиный укусь, или Егорьево копье — *vegonica latifolia* ⁵⁾. Воспоминаніе о немецкой змѣиной травѣ по преимуществу соединяется съ чеснокомъ и лукомъ, такъ какъ растенія эти, ради ихъ остраго, жгучаго сока, получили свои названія отъ корней, означающихъ жаръ, горѣніе: отъ *ush* — *ugege* санскр.

¹⁾ D. Myth., 1102, 1129; Beiträge zur D. Myth., II, 441.— ²⁾ Громовникъ, 89.— ³⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 309.— ⁴⁾ Andeutung. eines Systems der Myth., 178.— ⁵⁾ У этой травы, по мнѣнію простонародныхъ змѣя откусала верхушку (сравни выше стр. 418—о травѣ чортовъ укусь); она предохраняетъ отъ змѣиного уязвленія — Этн. Сб., VI, 126.

ишца, перс. sūch, лат. unio (вмѣсто uscio) — луковница; рус. чеснокъ, нлл. česap, литов. czėszpakas роднится съ перс. čashp — жаръ ¹⁾). По мѣтнiю чеховъ, днкой чеснокъ на кровлѣ дома предохраняетъ зданiе отъ удара молнiи ²⁾). Въ Сербiи существуетъ повѣрье: если передъ Благовѣщеньемъ убитъ змѣю, посадить и вырастить въ ея головѣ луковницу чеснока, потомъ привязать этотъ чеснокъ къ шапкѣ, а шапку надѣть на голову, то всѣ вѣдлыи сбѣгутся и стануть отымать его ³⁾ — конечно потому, что въ немъ заключается великая сила; точно также нечистые духи свлятся отнять у человѣка таинственный цвѣтъ пашротника. Соответственное повѣрье, сохранившееся у чеховъ ⁴⁾ замѣняетъ чеснокъ горохомъ — растенiемъ, посвященнымъ богу-громовнику: если у бѣлой змѣи отсѣчь голову и вложить въ ея правый глазъ горошину, то вырастетъ чудесный стручокъ; кто станетъ носить его при себѣ, тотъ будетъ невидимкою (сравни выше стр. 383), а кто съѣстъ его, тотъ будетъ понимать языкъ птицъ (см. стр. 573) Тому, кто желалъ одержать верхъ на судебномъ поединкѣ, колдуны и знахари совѣтовали: «убей змѣю черную саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ, да вверти въ тафту и положи въ сапогъ лѣвой, а обуи на томъ же мѣстѣ... А когда надобно, и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковыя... и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле битвы» ⁵⁾). По указанiю памятниковъ, въ старину вили въ честь языческихъ боговъ, вкладывая въ чаши чеснокъ; въ словѣ христолюбца (рукопись XIV в.) сказано: «іогневѣ (Сварожичу) молятся, ічесновитокъ — богомъ, же его творятъ—егда оу кого будетъ перъ, тогда же бла-

¹⁾ Пикте, I, 298—9.— ²⁾ Громаниъ, 39.— ³⁾ Сри. рјечник, 30.—
⁴⁾ Громаниъ, 202, 206—7.— ⁵⁾ Очеркъ домашн. жизни и нрав. великор. народ., 190.

луть въ ведра і въ чаши, и пьютъ о ідогѣхъ своихъ, веселящися не хужши еуть еретиковъ». Въ словѣ, приписанномъ Григорію Богослову (рукоп. XIV в.): «словѣне же на свадьбахъ, въкладывающе срамоту і чесновитокъ въ вѣдра, пьютъ» ¹⁾. Чесноку приписывается сила прогонять вѣдьмъ, нечистыхъ духовъ и болѣзни. У всѣхъ славянъ онъ составляетъ необходимую принадлежность ужина наканунѣ Рождества; въ Галиціи и Малороссіи въ этотъ вечеръ кладутъ передъ каждымъ приборомъ по головкѣ чеснока, или вѣсто того полагають три головки чеснока и двѣнадцать луковницъ въ сѣно, которымъ бываетъ устланъ столъ; дѣлается это въ охрану отъ болѣзней и злыхъ духовъ ²⁾. Чтобы оборонить себя отъ вѣдьмъ, сербы натирають себѣ подошвы, грудь и подъ мышками сокомъ чеснока ³⁾; чехи съ тою-же цѣлю и для прогнанія болѣзней вѣшаютъ его надъ дверями ⁴⁾; частымъ повтореніемъ слова чеснокъ можно отдѣлаться отъ нападокъ лѣшаго ⁵⁾; въ Германіи думаютъ, что цверги ее терпятъ луку и улетаютъ, заслыша его запахъ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ южной Россіи, когда невѣста отправляется въ церковь, ей завязываютъ въ косу головку чеснока, для отвращенія порчи ⁷⁾. По сербской поговоркѣ, чеснокъ защищаетъ отъ всякаго зла ⁸⁾; а на Руси говорятъ: «лукъ отъ семи недугъ» ⁹⁾, и во время мороваго повѣтрія крестьяне считаютъ за необходимое носить при себѣ лукъ и чеснокъ, и какъ можно чаще — употреблять ихъ въ пищу.

Живая вода надѣляла тѣхъ, кто испивалъ ее, великою мудростью и предвѣденіемъ: эти вѣщіе дары принадлежать и змѣю.

¹⁾ Лѣт. рус. лѣт., IV, отд. 3, 89, 92, 99.— ²⁾ Маякъ, XI, 55; Терещ., VII, 28, 63; Piesni ludu polskiego w Galicyi Жероты Паули, 1.— ³⁾ Срп. рјечник, 66; D. Myth., 1031.— ⁴⁾ Громанъ, 89—90.— ⁵⁾ Рус. прост. праздн., IV, 12.— ⁶⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 320 — ⁷⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 305.— ⁸⁾ Срп. послов., 316.— ⁹⁾ Толков. Слов., I, 873.

Наравнѣ съ дѣвами судьбы, обитавшими у небесныхъ источниковъ, онъ вѣдаетъ все тайное; поэтому въ сказкѣ о Маркѣ Богатомъ ¹⁾ Василій Безсчастный идетъ къ царю-змѣю, обращается къ нему съ тремя вопросами или загадками, и царь-змѣй разрѣшаетъ ихъ. Загадки всѣ мнѣологическаго содержанія: про вѣковой дубъ, подъ которымъ спрятаны золотыя сокровища (— туча, закрывающая солнце), про китъ-рыбу, что лежитъ мостомъ черезъ все море широкое (см. стр. 160), и наконецъ о перевозчикѣ, который обязанъ перевозить смертныхъ на тотъ свѣтъ. Въ норвежской редакціи ²⁾ сказочный герой задаетъ дракону вопросы о весеннихъ дарахъ природы, похищенныхъ демонами зимы: отчего нѣтъ въ королевскомъ колодецѣ воды? куда унесена прекрасная королева и гдѣ затерянъ ея золотой ключъ? т. е. гдѣ сокрытыя дождевыя источники, куда исчезла богиня лѣта и гдѣ спрятанъ золотой ключь-молнія, отпирающій свѣтлое небо и дождевыя облака? Сказка эта известна у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; но особенно важною для насъ признаемъ мы сербскую редакцію ³⁾, гдѣ вмѣсто царя-змѣя вопросы обращены къ Судьбѣ. Аполлонъ, побѣдитель Пифона, имѣлъ въ Дельфахъ оракулъ; треножникъ, на которомъ возсѣдала вѣщая пифія, стоялъ надъ разсѣдиною горы, откуда исходили испаренія, наводившія на выходящую ихъ жрицу родъ изступленія. Все, что она изрекала, признавалось за слово самого божества, которое (по первоначальному представленію) вѣщаетъ къ людямъ громовыми глаголами изъ тумановъ облачныхъ горъ. Кассандра и братъ ея Геленъ, оставленные въ святилищѣ Аполлона, получили даръ предвѣщаній отъ змѣй, которыя очистили ихъ слухъ (уши), сдѣлали его столь чуткимъ къ воспріятію всякаго знанія, что

¹⁾ Н. Р. Ск., I, 13.— ²⁾ I, 5; сравни Сказ. Грим., 29.— ³⁾ Срп. припов., стр. 93—97.

они стали понимать языкъ птицъ ¹⁾); сходно съ этимъ, Аелна очистила слухъ предвѣщателю Тирезію, и взявъ отъ него у него зрѣнія, дала способность разумѣть птицъ, т. е. взять дневнаго свѣта, сокрытаго темными тучами, дается возможность слышать напѣвы грозовыхъ птицъ. Тѣмъ-же знаніемъ надѣляетъ и вкушеніе драконовоѣ крови. Эда рассказываетъ, что Зигурдъ, послѣ убіенія Фафнира, сталъ жарить его сердце на горячихъ угляхъ; когда оно запынилось кровью, Зигурдъ, желая узнать — готово ли драконово сердце, дотронулся до него пальцемъ. обжогся и сунулъ палецъ въ ротъ: едва кровь Фафнира попала ему на языкъ, какъ въ ту же минуту онъ сталъ понимать птичьи рѣчи, и вслѣдъ за этимъ съѣлъ сердце цѣликомъ. По русскимъ преданіямъ, кто съѣдетъ змѣиныя сердца, тотъ становится сильномогучимъ богатыремъ ²⁾). Въ одной изъ нашихъ сказокъ ³⁾) охотникъ увидалъ горящій пень, а въ огнѣ змѣю, помогъ ей вылѣзть, и змѣя одарила его въ благодарность разумнѣи́емъ языка животныхъ. Съ этою сказкою сходны сербская: «Немушти језикъ» ⁴⁾) и нѣмецкая: «Die weisse schlange» ⁵⁾). Змѣиный царь плюетъ въ открытый ротъ пастуху и даетъ ему «немушти језикъ» т. е. способность понимать рѣчи животныхъ ⁶⁾); напомнимъ, что сляна — метафора дождя и что изъ нея созданъ былъ вѣщій Квасиръ (см. I, 397-9). Нѣмецкая сказка о бѣлой змѣѣ начинается такъ: жилъ нѣкогда царь, славный своей мудростью; во всемъ свѣтѣ не было ничего, что бы оставалось для него тайною. У этого царя соблюдался обычай: каждый день, по окончаніи обѣда, вѣрный слуга приносилъ ему какое-то закры-

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 46, 55—56; Andeut. eines Systems der Myth., 178—9.— ²⁾ Н. Р. Сл., VI, 53, h.— ³⁾ Ibid., 47.— ⁴⁾ Срп. припов., 3; сравни болгарскую сказку въ сборникѣ Эрбена, 222.— ⁵⁾ Сказ. Грим., 17.— ⁶⁾ Въ новогреческой сказкѣ (Ганъ, I, стр. 236) драконъ, чтобы сообщить герою это чудесное знаніе, глотаетъ его и потомъ выплевываетъ назадъ.

тое блюдо, и царь не иначе его отвѣдывалъ, какъ оставшиесъ наединѣ. Разъ, вынося таинственное кушанье, слуга любопытствовалъ взглянуть на него, поднялъ крышку и увидѣлъ бѣлую змѣю; онъ отрѣзалъ себѣ небольшой кусокъ и взялъ въ ротъ. Въ ту же минуту послышался ему за окномъ страшный говоръ многихъ тоненькихъ голосовъ: то были веробьи, весело болтавшіе на дворѣ, и слуга догадался, что онъ получилъ даръ понимать животныхъ ¹⁾). Въ Малороссіи ходитъ такой разсказъ ²⁾): ѣхалъ чумакъ съ наймитомъ, остановились на попѣсь и развели огонь. Чумакъ отошелъ въ сторону, свистнулъ — и сползлась къ нему цѣлая стая змѣй; набравши гадюкъ, онъ вкинулъ ихъ въ котелокъ и началъ варить; когда вода закипѣла, чумакъ слилъ ее наземь; слилъ и другую воду, и уже въ третью выпалъ пшена. Приготовилъ кашу, поѣлъ ее и велѣлъ наймиту вымыть котелокъ и ложку: «да смотри, говоритъ, не отвѣдывай моей каши!» Наймитъ не утерпѣлъ, наскрѣбъ полную ложку гадючей каши и съѣлъ; чудно ему стало! видитъ и слышитъ онъ что всякая травка на степи колыхается, одна къ другой наклоняется и шепчутъ: «я отъ такой-то болѣзни помогаю!» «у меня такая-то сила!» Вадумалъ подойти къ возу, а волаы говорятъ: «вотъ идетъ закладать насъ въ ярмо!» И во всѣхъ звукахъ, какіе только доходили до его слуха, стали ему слышаться разумныя рѣчи ³⁾). Народныя бы-

¹⁾ Сказка эта известна и между чехами—Громанъ, 230 —²⁾ Рус. Бес. 1856, III, 83—84. — ³⁾ Любопытно окончаніе разсказа: когда чумакъ примѣтилъ, что наймитъ не послушался запрета и попробовалъ гадючей каши, онъ всталъ съ воза, вырвалъ стебель чернойбыли, облущалъ его и говоритъ: «на, съешь!» Наймитъ съѣлъ и пересталъ слышать — что говорятъ травы и понимать животныхъ. Отъ того-то чернойбыль зовутъ на Украинѣ забудьками. Подобный же разсказъ переданъ въ сборникъ Худяк., 38, и въ Lud Ukrain., I, 353—8: попался въ пѣвнѣ къ татарамъ или песоголовцамъ (т. е. великанамъ) парубокъ; разъ хозяинъ его варилъ змѣя и до семи разъ сливалъ наземь воду, отчего кругомъ вся трава

лны вспоминаютъ о богатыряхъ, которымъ было доступно это высшее вѣденіе; о князѣ Романѣ, напримѣръ, сказано, что онъ былъ хитѣрь-мудѣрь, «зналъ языки вороньины, зналъ языки всѣ птичіе» ¹⁾. Бѣлая змѣя—олицетвореніе лѣтнаго, бѣлоснѣжнаго, т. е. озареннаго солнечными лучами облака, и потому въ преданіяхъ стоитъ въ близкой связи съ другимъ олицетвореніемъ дождеваго облака—бѣлою женою (*weisse frau*); и та, и другая стерегутъ живую воду, и бѣлыя жены нерѣдко принимаютъ на себя змѣяный образъ. Вкусить мяса бѣлой змѣи — тоже самое, что испить воды мудрости—пролить дождь и услышать (= уразумѣть) вѣщія глаголы грозovýchъ птицъ и животныхъ.

Оплодотворяющая сила весеннихъ грозъ выразилась въ мнѣй сказаніемъ о любовной связи, въ которую богъ-громовникъ вступаетъ съ облачными женами и дѣвками. Также предста-

почернула. Пльнникъ попробовалъ этого кушанья, и услышалъ, какъ деревья и зелья, колыхалась отъ вѣтру, разговаривали между собою о своихъ цѣлебныхъ свойствахъ; пришелъ въ конюшню и спросилъ: какой конь вынесетъ его на свободу? — Я вынесу! отозвался одинъ конь; парубокъ сѣлъ верхомъ и поскакалъ къ морю, а хозиницъ-невѣра за нимъ въ погоню. Гвался-гвался, да видитъ, что поздно, что пльнникъ уже посередъ моря плыветъ, и закричалъ ему: „Иване, Иване! какъ прїѣдешь домой, навари себѣ кореньевъ чернобыли и напейся; еще больше узнаешь, чѣмъ теперь!“ Парубокъ съ дуру послушался, напился чернобылю и позабылъ все, что зналъ. Чернобыль—*artemisia vulgaris*. Наканунѣ Иванова дня вьютъ изъ этой травы вѣнки, смотрятъ сьвозъ ихъ на возожный огонь и надѣваютъ ихъ на головы; кто это соблюдаетъ, у того въ теченіи цѣлаго года не будутъ болѣть ни глаза, ни голова. Наваромъ изъ чернобыли, собранной на Ивановъ день, обмываютъ коровъ, чтобы онѣ давали больше молока. Итци называютъ чернобыль *Johannisgürtel*, а чехи—*sv. Jana pás* или *bylina*; крестьяне обвязываются этою травой съ цѣлю предохранять себя отъ нечистыхъ духовъ, вѣдьмъ и богачей — Громанъ, 90—91. Сравни выше, стр. 420 съ преданіемъ о шапкѣ забвенія.— ¹⁾ Рибник., I, 438.

влеченіе соединяется и съ змѣемъ, какъ воплощеніемъ молніи и громоносной тучи. Онъ—возбудитель любви, и въ заговорахъ къ нему обращаются съ просьбою наслатъ въ сердце дѣвицы это пламенное чувство ¹⁾: «светану я, пойду въ чистое поле, въ широкое раздолье къ синему морю-окиану. У того у синяго моря-окиана лежитъ огненный змѣй; сряжается-сваряжается онъ зажигать горы и доли и быстрыя рѣки... Подойду я поближе, поклонюсь я пониже. Гой еси ты, огненный змѣй! не зажигай ты горы и доли, ни быстрыя рѣки; зажги ты красну дѣвицу (имярекъ) въ семьдесятъ семь составовъ, въ семьдесятъ семь жилъ и въ единую жилу станovou, во всю ея хотъ, чтобъ ей миллось и хотѣлось, брало бы ее днемъ при солнцѣ, ночью при мѣсяцѣ, чтобы она тосковала и горевала по рабу такому-то» (сравни I, 450—4). Отсюда возникла чара: тотъ, кто желаетъ сохранить любовь дѣвицы, долженъ найти змѣю, придавить ее къ землѣ рогулькою и продѣть сквозь ея глаза пглу съ ниткою, причитывая: «змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ бы раба божья (имярекъ) любилла меня и жалѣла»; потомъ взять эту змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу. Замѣтивъ охлажденіе въ любви, должно зажечь змѣиную свѣчу; вмѣстѣ съ свѣчею снова возгорится и любовь въ сердцѣ дѣвичьемъ ²⁾. Змѣй Ври-тра изображается въ Ведахъ похитителемъ небесныхъ жевъ (dēvatānīs ³⁾). До насъ донеслась цѣлая группа славянскихъ преданій, повѣствующихъ о любовныхъ связяхъ огненного змѣя и похищеніи имъ дѣвъ. Вмѣстѣ съ усвоеніемъ змѣю богатырскаго типа, ему придаются и человѣческія страсти, и самое олицетвореніе это низводится на землю и ставится въ условія обыкновенной людской жизни. Изъ представителя гро-

¹⁾ Бябл. для Чт. 1848, IX, 48.— ²⁾ Сахаров., I, 40.—³⁾ Germān. Mythen, 75 и дал.

зы, вступающаго въ брачный союзъ съ вѣщици женами облачнаго неба, изъ молніеноснаго демона, низводящаго плодотворное сѣмя дождя, огненный змѣй становится обольстителемъ земныхъ красавицъ, ихъ таинственнымъ любовникомъ и опаснымъ врагомъ семейнаго счастія. Змѣй, говорятъ простолюдины, летитъ по поднебесью, дыша пламенемъ; надъ знакомою ему избою рассыпается онъ искрами и черезъ трубу является передъ избранною подругою и оборачивается молодцемъ не сказанной красоты. Съ воздушныхъ высотъ онъ всматриваетъ красныхъ дѣвушекъ, и если очаруетъ какою любовнымъ обаяніемъ—то зазноба ея неизгладима во вѣки: зазнобу эту не заговорить, не отпить нельзя. «Не любя полюбишь, не хвала похвалишь такого молодца (змѣя); умѣетъ оморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтлив; усладитъ онъ, губитель, рѣчью лебединою молодую молодцу; занграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичьимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненаглядную въ горючихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста алыя. Отъ сего поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарею; отъ сего привѣтовъ цвѣтетъ она краснымъ солнышкомъ. Безъ змѣя красна дѣвица сидитъ во тоскѣ-во кручинѣ; безъ него она не глядитъ на божій свѣтъ, безъ него она сушишь-сушитъ себя!»¹⁾ О падающихъ звѣздахъ говорятъ, что это огненные змѣи или нечистые души, поспѣшающіе на любовное свиданіе къ одинокимъ бабамъ и дѣвицамъ; по нѣкоторымъ мѣстамъ увѣряютъ, что звѣзда всегда упадаетъ на тотъ дворъ, гдѣ дѣвица потеряла невинность²⁾. Но и до сихъ поръ преданіе не забыло о вѣщемъ характерѣ тѣхъ женъ и дѣвъ, съ

¹⁾ Сахаров., II, 6. Въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ (I, 47-48) напечатана пѣсня, которую поютъ Солнцевы дѣвы на бракъ огненнаго змѣя; но пѣсня эта, очевидно, поддѣльная.— ²⁾ Абев., 202; Сахаров., II, 63; Рус. въ св. посл., IV, 44.

которыми вступает змѣй въ брачное торжество; по народному повѣрью, любовницами его по преимуществу бывають въѣдшы, чародѣйки, и та женщина, къ которой летаетъ огненный змѣй, уже ради этой связи приобретаетъ волшебную силу. Въ пѣснѣ про Добрыню полюбовница Змѣя Горыныча, молодая Марина, насылаетъ на этого витязя чародѣйнымъ заклятиемъ любовную тоску, потомъ превращаетъ его въ тура-золотые рога, а сама оборачивается птичкой-касаточкой и летитъ въ чистое поле ¹⁾. Плодомъ нецѣломудренныхъ связей женъ съ змѣями бывають не обыкновенныя дѣти, а богатыри-кудесники и кикиморы, т. е. грозовые духи (см. стр. 100—3). Припомнимъ Тугарина Змѣевича и Волка Всеславьевича.
Разъ

По саду, саду зеленому ходила-гуляла
Молода княжна Марья Всеславьевна;
Она съ камня скочила на лютаго змѣя—
Обвивается лютой змѣй около чебота-зелень сабянъ,
Около чулочка шелковаго, хоботомъ бьетъ
по бѣлу стегну;
А в тапоры княжна понось понесла,
А понось понесла—и дитя родила. ²⁾

¹⁾ Кирша Дан, 61-71.— ²⁾ Сличъ съ пѣсней, напечатанною въ Приб. къ Изв. А. Н. 1854 г., 278—280: „ступала княгиня на люта змѣя на Горыныча; вокругъ ея ножки змѣй обвился, хоботомъ бьетъ ее въ бѣлыя груди“. Въ сборникѣ пѣсень Киршевскаго, III, 113—4:

Изъ того ли подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася—
Во чревѣ дѣтя встрепенулося.

Пишетъ она ярлыкы скорописные, посылаетъ за княземъ: „воротися домой, молодая княгиня беременна!“

Родился могучій богатырь Волхъ; во время его рожденія содрася земля, всколебалось море, какъ при рожденіи громовника (молніи) изъ нѣдръ тучи—трасутся облачныя горы и шумятъ дождевыя потоки ¹⁾); подобно тому нѣмецкая сага рассказываетъ, что въ то время, когда нарождался герой Helgi, кричали орлы (разносители перуновъ) и лились изъ горъ священныя воды ²⁾). Древнѣйшему сказанію о происхожденіи богатыря-громовника отъ змѣи придана была впоследствии историческая окраска, и въ самомъ богатырѣ этомъ стали видѣть вѣщаго Олега. Тоже примѣненіе ивонческаго преданія къ историческимъ героямъ встрѣчаемъ и у народовъ античныхъ; такъ, по свидѣтельству Тита Ливія, объ Александрѣ Македонскомъ рассказывали, будто онъ родился отъ огромной змѣи, которую часто находили въ спальнѣ его матери, и которая тотчасъ-же уползала и скрывалась, какъ скоро показывались люди. Светоній говоритъ, что народъ почиталъ Августа за сына Аполлонова; однажды мать его заснула въ храмѣ, посвященномъ Аполлону; пользуясь ея сномъ, явился драконъ и совершилъ съ нею соитіе, плодомъ котораго и былъ «божественный» Августъ. Любовь огненнаго змѣи точно также сушитъ и изводитъ избранную красавицу, какъ и высасываніе имъ молока изъ женскихъ грудей: оба представленія—равносильны, и въ преданіяхъ нерѣдко замѣняются одно другимъ; ибо таже извивающаяся змѣей молнія, которая сосетъ молоко-дождь, уподоблялась и фаллюсу. Сербская царица Милица отъ змѣиной любви стала «у образу бл'яда и потнула»; на Руси думаютъ, что и шутовка (водяная—грозовая жена), если привяжется къ парню, то непремѣнно изсушитъ его своею любовью ³⁾). Въ сказкахъ змѣи представляется по-

¹⁾ Кирша Дан., 45; Сахаров., II, 16; Иллюстр. 1845 г., 203.—

²⁾ D. Myth., 363.— ³⁾ Срп. н. цјесме, II, 256; Библи. для Чт. 1861, IV, стат. Желъзнава.

хитителемъ красавиць; эту роль раздѣляютъ съ нимъ и олицетворенія грозовыхъ силъ природы, выводимыя въ народномъ эпосѣ подъ своими нарицательными названіями: Вѣтеръ, Громъ, Дождь и Градъ (I, 507 — 8); о похищеніяхъ царевенъ Вихремъ сказки упоминаютъ весьма часто ¹⁾. Въ шведской сказкѣ облако, спустившись въ садъ, унесло оттуда трехъ королевенъ, которыя впоследствии найдены въ горной пещерѣ у троллей; тамъ были онѣ заключены на семь долгихъ лѣтъ, т. е. на семь зимнихъ мѣсяцевъ, пока не явился пастухъ и не освободилъ ихъ при помощи трехъ собакъ, разорвавшихъ троллей; эти собаки — олицетвореніе вѣтровъ, разсевающихъ зимніе туманы, а пастухъ — самъ Торъ, владыка небесныхъ стадъ ²⁾. Выводятъ ли сказки змѣевъ или прямо стихійныя силы, все равно — мифическая основа остается одна и таже; потому что летучій змѣй не что иное, какъ воплощеніе громовой тучи. Прилетая за прекрасной царевною и возвращаясь въ свой дворецъ, онъ является съ громомъ и бурей: «поднимается (говоритъ сказка) сильная буря, громъ гремитъ, земля дрожитъ, дремучій лѣсъ долу приклоняется — летитъ трехглавый змѣй» ³⁾. Царевны, уносимыя вихрями, обрѣтаются потомъ въ змѣиныхъ царствахъ. Сербскія пѣсни поютъ про любу змѣя огненнаго:

Змај пролеће с мора на Дунаво
И под крилом пронесе дјевојку,
Под једним лијепу дјевојку,
А под другим рухо дјевојачко ⁴⁾.

Это была дочь славнаго царя, вѣрная люба огненнаго змѣя, и пронеслись они черезъ поле, «како звѣзда преко ведра не-

¹⁾ Н. Р. Ск., I, стр. 128; VIII, стр. 368, 663—4 и др.; Срп. припов., 5.— ²⁾ German. Mythen, 172; Nordisches Märchenbuch, von Müldener, 55.— ³⁾ Н. Р. Ск., VII, стр. 103.— ⁴⁾ Нарядъ, платье дѣвичье.

ба». Въ другой пѣснѣ разсказывается про сива сокола (= одно изъ любимыхъ превращеній бога-громовника), который залетѣлъ за море и женился тамъ:

Уаго је л(ь)убу огн(ь)евиту —
Када ходи, како ветар веје,
Кад говори, како сабл(ь)ом сече 1).

Говоръ — метафора грома, сабля — молніи.

Красныя дѣвицы, которыхъ сватають и уносятъ Вихри, Громъ и змѣи (nebeldrachen), суть или облачныя (=дождевосныя) дѣвы или небесныя свѣтила; ибо отсутствіе лѣтнихъ дождевыхъ облаковъ и закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца темными тучами и туманами на древнемъ метафорическомъ языкѣ называлось похищеніемъ неважныхъ красавицъ драконами, змѣями, великанами, и вступленіемъ съ ними въ насильственный или добровольный супружескій союзъ. Въ одной изъ русскихъ сказокъ 2) похищаемыя дѣвицы прямо названы Луной и Звѣздою; на крыльяхъ вихря уносятъ ихъ оборотень-медвѣдь (или лѣсное чудо) и чудо морское, т. е. мрачныя тучи, такъ какъ дождящаго Перуна почитали морскимъ царемъ, владыкою облачнаго моря, и давали ему животный образъ медвѣдя. Название чудо равно приносится и морскому царю, и змѣямъ, и великанамъ. Какъ представитель черныхъ тучъ, постоянно сближаемыхъ съ ночнымъ мракомъ, змѣй получаетъ въ народныхъ преданіяхъ значеніе злаго демона; ему приписывается не только скрадываніе свѣта, но и задерживаніе самыхъ дождей въ вертепахъ облачныхъ горъ — до тѣхъ поръ, пока стрѣлы громовника не проложатъ свободнаго пути дождевымъ ливнямъ и не откроютъ взорамъ смертныхъ сіяющаго солнца. Такъ какъ тьма, производимая тучами и ночью, отождествлялась фанта-

1) Срп. н. пјесме, I, 162—4, 189.— 2) Н. Р. Ск., VIII, стр. 663—673; Иллюстр. 1845, 87—102.

зией древняго челоуѣка съ зимою, отнимающею яркіе лучи солнца и благодатные дожди; то съ змѣемъ необходимо сочеталось и представленіе демона зимняго времени. Съ такимъ значеніемъ выступаетъ онъ и въ гимнахъ Ведъ, призывающихъ Индру разрушить семь крѣпкихъ городовъ Вритры— царство демона семимѣсячной зимы. Такъ змѣю приписывались и лѣтнія засухи, и зимнее бездождіе; вмѣстѣ съ этимъ онъ губитъ земное плодородіе, производитъ неурожай, голодъ, и называется великимъ вредителемъ ¹⁾. Болгары вѣрятъ, что ламіи (змѣи) поѣдаютъ жито, и если бы не побиваятъ ихъ Илья-пророкъ, то земля не родила бы хлѣба ²⁾. По преимуществу, какъ воплощеніе зимнихъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ, змѣи и признавался личникомъ небснаго свѣта и дождей, скупымъ сокрывателемъ золота и живой воды; этотъ злобный, хищническій типъ удерживаетъ онъ въ большинствѣ сказаній, доннынѣ живущихъ въ устахъ индоевропейскихъ народовъ. Отсюда понятно, почему народныя повѣрья смѣшиваютъ его съ дьяволомъ, представляютъ его гнущимъ, ужаснымъ чудовищемъ, и почему въ заговорахъ, наравнѣ съ другою нечистою силою, заклинается и летучій змѣи огненный ³⁾. Въ областныхъ нарѣчіяхъ чортъ называется хитникъ (отъ хитить — похищать), а слово хитка употребляется въ смыслѣ бѣды, насланной сглазомъ или недобрымъ пожеланіемъ ⁴⁾; о чортѣ рассказываютъ, что онъ воруетъ все, что кладутъ безъ благословенія ⁵⁾. Хитникъ одного корня съ словомъ хитрыи (= лукавый), какое служитъ однимъ изъ обычныхъ эпитетовъ дьявола. Гдѣ упадетъ огненный змѣи или метеоръ, то мѣсто почитается жилищемъ нечистыхъ духовъ; падающія звѣзды и метеоры во многихъ деревняхъ признаются за низвергаемыхъ съ неба демоновъ, и пото-

¹⁾ Кувъ, 58.— ²⁾ Миледи., 525.— ³⁾ Сахаров., I, 19.— ⁴⁾ Обл. Сл., 247.— ⁵⁾ Зам. о Сибири, 56.

му при видѣ ихъ осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, а дѣтямъ и вовсе запрещаютъ смотрѣть на эти явленія ¹⁾; о блуждающихъ огняхъ говорятъ, что это вертится дьявольское соннище ²⁾. На Ильинъ день нечистые духи поселяются въ змѣй и гадовъ, и только громовыя стрѣлы въ состояніи разогнать ихъ ³⁾. Въ сагахъ и сказкахъ змѣй (драконъ) и чортъ принимаются за названія синонимическія, могущія свободно замѣниться одно другимъ ⁴⁾; народное воображеніе надѣляетъ чорта огромнымъ зѣвомъ и драконовыми крыльями, и нерѣдко заставляеть его показываться совершенно въ образѣ дракона. Согласно съ демоническимъ характеромъ змѣя, его облачное царство, представляемое мрачными горными вертепами, внутри которыхъ пылаеть негасимый огонь молній, уже въ глубочайшей древности принималось за подземную адскую область Смерти и злыхъ духовъ; самый змѣй получилъ названіе пекельнаго (отъ пекло—адъ). Давность этихъ воззрѣній свидѣтельствуется Эддою; по ея указанію, исполинскій мировой змѣй (midhgards ormr) былъ сыномъ Локи, котораго преданія смѣшиваютъ съ сатаною, и братомъ Геллы (олицетвореніе смерти и ада); онъ также широко разверзалъ свою огнедышащую пасть, какъ и страшная Гелла. Въ средніе вѣка языческія воспоминанія о демоническомъ змѣѣ слились съ библейскимъ преданіемъ о змѣѣ-соблазнительѣ первыхъ людей. Исконный врагъ человѣческаго рода, дьяволъ въ памятникахъ церковной литературы обыкновенно называется antiquus anguis; испытывая тяжкія бѣдствія, въ Германіи выражаются: «auf all mein glück legt der teufel seinen schwanz» ⁵⁾. На старинныхъ изображеніяхъ страшнаго суда, какія уцѣляли

¹⁾ Владим. Г. В. 1844, 52; Маякъ, VII, 79; Статистич. описаніе саратов. губ., I, 61.— ²⁾ Терещ., VI, 11.— ³⁾ Сяхаров., II, 45.— ⁴⁾ Н. Р. Ск., стр. 130; Срп. припов., 20; Сказ. Грим., 125.— ⁵⁾ D. Myth., 755, 950.

во многихъ храмахъ и на дубочной картинѣ, адъ представленъ въ видѣ драконовой головы съ раскрытою пастью, изъ которой извергается всепожигающее пламя; въ этойъ части сидитъ сатана и держитъ на колѣняхъ Іуду. Тутъ-же черезъ всю картину тянется змѣй, хвостъ и туловище котораго написаны названіями всевозможныхъ грѣховъ ¹⁾). Эпическія сказанія о любовныхъ связяхъ демона-змѣя съ мненческими дѣвами заставили признать въ немъ возбудителя нецѣломудренной страсти, зачинщика нечистыхъ помысловъ и блуда. Въ этомъ смыслѣ было понято суевѣрнымъ народомъ и библейское сказаніе о первородномъ грѣхѣ. Такъ въ апокрифическомъ сочиненіи «Исповданіе Еввы» (по рукоп. XV в.) сказано: «и съядѣ Ева (запретный плодъ) и дасть ѿ Адаму, и приять Адамъ — съядѣ, и отверзоста очи наши и видехомъ наготу свою и сердце наше восхоте на похоть, и быс(т)ь тако» ²⁾). Скопческое вѣроученіе основано на томъ, что первую заповѣдь, данную Богомъ первозданнымъ людямъ въ раю, была совершенная духовная и тѣлесная чистота; подъ вкушеніемъ отъ древа познанія добра и зла оно разумѣетъ плотское совокупленіе праотцевъ, въ чемъ будто бы и состояло ихъ грѣхопаденіе. Змѣй соблазнилъ первую чету, и продолжаетъ соблазнять ея потомковъ. Потому, совершивъ оскотленіе, сектаторы бросаютъ срамный удъ, и обращаясь къ новому сочлену, восклицаютъ: «вотъ смотри на сокрушеннаго змія!» ³⁾ Въ житіи Іоанна Многостраднаго разсказывается, какъ къ этому затворнику, съ трудомъ боровшемуся противъ блудной страсти, являлся огненный змѣй и силлся прогнать его изъ пещеры; «видѣхъ страшна и люта

¹⁾ Историч. и статист. сборн. Валуева, 202.— ²⁾ Пам. отреч. лит., I, 299; Пам. стар. рус. литер., III, 4.— ³⁾ Исслѣд. о скопч. ереси Надеждина, 211—2, 292; Записки Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 509 (отсѣчь голову змію означаетъ: отрѣзаніе удесныхъ близнотъ).

зѣло змѣя, пламенемъ дышуща и искрами пожигающа мя и пожрети хотяща, еже во многи дни творяше.» Въ связи съ этими данными понятно, почему въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано, что блудницы пойдутъ въ змѣи лютые, тогда какъ другіе грѣшники кто въ срадѣ, кто въ кипучую смолу; а въ стихѣ о любодѣйницѣ она ѣдетъ

Среди рѣки огненной
 На змѣѣ на трехглавомъ,
 И руки у нея и ноги ужамъ и закованы,
 А на шеѣ ея сидитъ змѣя двуглавая,
 Двуглавая, злая, огненная.

На лубочной картинѣ любодѣйница изображена возсѣдающею на драконѣ, открытый зѣвъ котораго дымится и извергаетъ пламя; на глазахъ у ней висятъ жабы, въ ухахъ продѣты стрѣлы, а груди сосутъ малыя змѣи ¹⁾). Источникомъ этихъ представленій послужили апокрифическія видѣнія адскихъ мукъ: «показася имъ (инокамъ) она жена сѣдѣщи на страшномъ и лютомъ змѣи, и два ужа-велика сокрушаху выю ея, и два перси ссуще; два же нетопыря деруще очи ея, и отъ устъ ея исходитъ огнь жупельный, рупцѣ же ея грызяху два пса великіе, во ухахъ же ея двѣ стрѣлы великія огненніа» ²⁾).

Похищая красавицъ, змѣи уносятъ ихъ въ подземный ширъ, заключаетъ въ утесистыя скалы или въ свои крѣпкіе города (металлическія царства), гдѣ хранятся у него и безчисленныя сокровища и живая вода, и держитъ ихъ тамъ въ злой неволѣ — до той поры, пока не явится могучій избавитель. Эти подземелья, скалы и городá — поэтическія метафоры темныхъ тучъ. Любопытно свидѣтельство сербской сказки: «у један мах долети из неба змај, шчепа ђевојку и одне-

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 196, 212; Москв. 1841, V, 146.—

²⁾ Пам. стар. рус. литер., I, 101, 105; Beiträge zur D. Myth., II, 442.

се је у облаке»; братья отправляются искать ее и находятъ въ теремѣ, устроенномъ ни на землѣ, ни на небѣ («чардак, који нити је на небу, ни на земљи»), что живо напоминаетъ намъ городъ, воздвигнутый вилою на воздухѣ ¹⁾. Сходно съ этимъ, болгарская пѣсня рассказываетъ любилъ змѣй дѣвицу двѣнадцать лѣтъ и никто про то не зналъ-не вѣдалъ; наконецъ она призналась матери, и когда эта вышла на дворъ посмотрѣть чудо великое — какъ любила дочь ея съ змѣемъ, то увидѣла только «шарень гайтанъ мегю две тежни облака» ²⁾. Странствованіе въ подземное царство или въ змѣиные горы и города сопряжено съ величайшими затрудненіями; не смотря на то, сказочный герой ѣдетъ освобождать красавицу, спускается въ глубокія пропасти или взбирается на крутыя, неприступныя скалы и сражается тамъ съ страшными, многоглавыми змѣями, сила которыхъ зависитъ отъ количества поглощенной ими живой воды (дожда). Добрый молодець самъ упивается этой водою, побиваетъ змѣевъ несокрушимою палицею (молніей), и такимъ образомъ совершаетъ подвигъ освобожденія. Этотъ богатырь, избавитель похищенной дѣвы, — никто иной, какъ богъ громовникъ; въ нѣкоторыхъ сказкахъ онъ носитъ имя Ивана Затрубника, Запечнаго и Подпялова, что указываетъ на близкое отношеніе его къ божеству очага (Агни). Въ битвахъ его съ змѣями народный эпосъ живописуетъ удары молній, разбивающихъ тучи и выводящихъ изъ-за ихъ мрачныхъ затворовъ красное солнце и благодатные дожди ³⁾.

Сокрытіе небесныхъ свѣтилъ туманами и тучами и задер-

¹⁾ Срп. припов., 2.— ²⁾ Миладия., 11.— ³⁾ Н. Р. Сл., I, 5, 6 и стр. 128—133; II, 22; VII, 9; VIII, 7; Худяк., 2, 43, 81, 82, 117; Эрленвейнъ, 4, 41; Срп. припов., 5; Срп. н. пјесме, I, 189; Шоттъ, 1, 11; Шлейхеръ, стр. 4-6; Вольфъ, 369—376; Связъ Грим., 91, 129; Норв. ск., I, 9, 27; II, 7; Pentamerone, II, 33; 35; Времени., XXII, болгар. пѣсни, 1—2; Матер. для изучен. нар. слов., 101—118.

жаніе дождевыхъ потоковъ демоническими силами зимы древній человекъ обозначалъ еще другою метафорою; на его поэтическомъ языкѣ явленія эти назывались не только похищеніемъ, но и пожираніемъ небесныхъ дѣвъ лютымъ змѣемъ. Надвигая на горизонтъ массы тучъ, окутывая ими солнце, луну и звѣзды, чудовищный змѣй какъ-бы проглатываетъ свѣтила, этихъ ненаглядныхъ красавицъ неба; въ живой водѣ дождя, наполняющей громадное чрево змѣя, видѣли поглощенный имъ нектаръ, а въ молніяхъ, потухающихъ во мракѣ тучъ, поѣдаемый имъ огонь. Олицетворяя дождевыя облака то дойными коровами, то водяными нимфами, а сверкающую молнію—сильномогучимъ громовникомъ, народная фантазія приписала змѣю пожираніе коровъ ¹⁾, дѣвъ и богатырей. Такъ возникло вѣрованіе, что драконы, а наравнѣ съ ними и другія демоническія олицетворенія тучъ: великаны, колдуны и вѣдьмы любятъ поѣдать человеческое мясо и тотчасъ чуютъ его запахъ. Поселяясь въ водахъ или горныхъ пещерахъ какого-либо царства, поѣдучій змѣй требуетъ себѣ въ дань красной дѣвицы. Обреченіе ему несчастной дѣвы и смѣлый подвигъ ея избавленія, требующій отъ героя (представителя весенней грозы) необыкновенной твердости духа и громадной физической силы, составляютъ любимый мотивъ, на которомъ основано множество сказочныхъ и пѣсенныхъ повѣствованій, исполненныхъ трогательной поэзіи ²⁾. Давность преданія свидѣтельствуется повсемѣстнымъ его распространеніемъ. Въ числѣ мифовъ о Геркулесѣ встрѣчаемъ сказаніе о битвѣ его съ чудовищемъ, которое ежедневно выходило изъ моря и пожирало людей и животныхъ; Геркулесъ поразилъ чудовище и освободилъ прикованную къ береговой скалѣ и обреченную на

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 25.— ²⁾ Ibid., II, 21; VII, 39; Нар. сказки Сахарова, 98—123; Lud Ukrain., I, 305—327; Сказ. Грив., 60; Pentamerone, I, 7; Москов. Наблюдат. 1837, XI, 536—7.

смерть царевну Гезіону. Тотъ-же подвигъ присвоится и Персею, который побѣдилъ морское чудовище, насланное богомъ Посейдономъ, и избавилъ отъ его страшной пасти царевну Андромеду.¹⁾ Въ русской сказкѣ²⁾ повѣствуется о странѣ, гдѣ каждый мѣсяцъ выдавали семиглавomu змѣю по одной дѣвицѣ на сѣденіе; дошла наконецъ очередь до прекрасной царевны, вывели ее на взморье и оставили тамъ безпомощною... Но судьба посылаетъ ей защитника — молодаго царевича; въ ожиданіи страшнаго врага онъ прилѣгъ къ дѣвицѣ на колѣна и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Уже летитъ змѣя за своею жертвою, а царевна никакъ не можетъ добудиться своего защитника; съ горя заплакала она, и слеза ея канула на лицо царевичу. Онъ тотчасъ-же пробудился и промолвилъ: «о какъ слазко ты обожгла меня слезою!» Змѣя спускается; царевичъ сразился съ прожорливымъ звѣремъ и убилъ его. Тотъ-же эпизодъ встрѣчаемъ въ валахской сказкѣ «Petru Firitschell»³⁾. После различныхъ приключеній, Пѣтру пришелъ въ большой городъ, вблизи котораго поселился уродливой двѣнадцатиглавою драконъ. Каждая семья должна была отдавать чудовищу на сѣденіе по одной дѣвѣ; теперь выпалъ жребій на царевну, и несчастную повели за городскія ворота. Петру купилъ двѣнадцать стрѣлъ и пошелъ смотрѣть на проводы царевны; чѣмъ ближе приближались къ дракону, тѣмъ меньше становилась сопровождавшая ее толпа; наконецъ разбѣжались всѣ и покинули ее одну. Царевна рыдала: Петру подошелъ къ ней, сталъ утѣшать, и его слова были такъ убѣдительно, что она перестала думать о близкой опасности. Смѣлый юноша прилѣгъ къ ней на колѣна, попросилъ расчесать его волосы, задремалъ и заснулъ. Вскорѣ увидѣла царевна, что драконъ близится; она оцѣпенѣла отъ ужаса, слова замерли на ея устахъ.

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 80.—²⁾ Н. Р. Сл., II, 27.—³⁾ Шоттъ, 10.

но горячая слеза скатилась съ ея щеки на лицо юноши, и онъ проснулся; пущенныя имъ стрѣлы сбили съ дракона его страшныя головы. Въ этой сказочной царевнѣ узнаемъ мы богиню Ладу; теплое вѣяніе весны, согрѣвая облака, заставляетъ ее плакать, т. е. проливать росу и дожди; отъ ея горячихъ слезъ пробуждается Перунъ и низлагаетъ злаго демона зимы. Преданіе о пожирающемъ змѣѣ приурочивается на Руси къ различнымъ мѣстностямъ. Въ давнее время (разсказываютъ въ Малороссіи) проявился около Кіева змѣй; бралъ онъ съ народа поборы немалые—съ каждаго двора по красной дѣвкѣ: возьметъ да и съѣстъ! Пришелъ черёдъ—послалъ и князь свою дочь, а она была такъ хороша, что и описать нельзя. Змѣй потащилъ ее въ берлогу, а ѣсть не сталъ—больно она ему полюбилась. Приласкалась княжна къ змѣю и спрашиваетъ: «чи есть на свити такіи чоловікъ, щобъ тебе подужавъ?»—«Есть такіи у Кіевѣ надъ Днипромъ: якъ затопить хату, то дымъ ажъ пидъ небесами стелецца; а якъ вийде на Днипръ мочить кожи (бо винъ кожей якъ), то не одну несе, а двадцять разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Днипри, то я вийму да-й учеплюсь за ихъ, чи витягне-то винъ ихъ? А ёму й байдуже: якъ поцупить, то-й мене з' ними трохи на берегъ не витягне! Отъ того чоловіка тилько минн й страшно.» Княжна вздумала дать про то вѣсточку домой, а при ней былъ голубокъ; написала къ отцу грамотку, привязала голубю подъ крыло и выпустила его въ окно. Голубъ взвился и полетѣлъ на княжье подворье. Тогда умолили Кирила-кожемяку идти противъ змѣя; онъ обм оталеся коноплями, обмазалеся сивою, взялъ булаву пудовъ въ десять и пошелъ на битву. «А що, Кирило, спросилъ змѣй, пришовъ битця, чи миритьця?»—«Дѣ вже миритьця! битця з' тобою, з' Иродомъ проклятымъ!» Вотъ и начали биться, ажъ земля гудѣтъ; что разбѣжится змѣй да хватить зубами Кирила, такъ кусокъ

конопель да смолы и вырветъ; а тотъ его булавою какъ ударить, такъ и вгонить въ землю. Жарко змѣю, надо хотъ немного въ водѣ прохладиться да жажду утолить, и вотъ пока сбѣгаетъ онъ на Дятль, кожемяка успѣетъ вновь и коноцлей обмотаться и смолой вымазаться. Убилъ Кирило змѣя, освободилъ княжну и привелъ къ отцу. Съ того времени урочище, гдѣ жилъ богатырь, стало слыть Кожемяками ¹⁾. Въ этомъ преданіи явственны родственныя черты съ Несторовымъ сказаніемъ о богатырѣ-усмошвецѣ, побѣдившемъ печенѣжскаго великана. «Однажды я его бранилъ (такъ рассказывалъ про него старый отецъ), а онъ мялъ кожи, и разсердившись на меня, тутъ же разорвалъ ихъ руками!» Князь Владиміръ рѣшилъ испытать его силу, и вотъ «налѣзоша быкъ великъ и «силенъ, и повелѣ раздражити быка; возложиша на-нь желѣза горяча, и быка лустыша, и побѣже быкъ мимо ѿ (его), и «похвати быка рукою за бокъ и выня кожу съ мясы, елико «ему рука зая» ²⁾. Печенѣжскій великанъ заступаеъ въ лѣтописномъ разсказѣ мѣсто змѣя: яркое свидѣтельство, что уже въ эту раннюю эпоху мифическія преданія стали низводиться къ явленіямъ дѣйствительнаго быта и получать историческую окраску. Облака издревле уподоблялись быкамъ, коровамъ и снятымъ съ нихъ кожамъ; а потому богъ-громовникъ, ударяющій по облакамъ своею палицею, перешелъ въ народныхъ сказаніяхъ въ богатыря-кожемяку. Богатырь этотъ обматывается осмоленными коноплями, т. е. облакается грозовою тучею, потому что конопля (пряжа) принималась за метафору облачнаго покрыва, а смола—за метафору дождевой влаги (I, 788). Въ другихъ народныхъ сказкахъ герой, рѣшившійся одолѣть змѣя и освободить царевну, наряжается въ

¹⁾ Н. Р. Сл., V, 20; О. З. 1857, VIII, 427; Кулишъ, II, 27—30; Москв. 1846, XI—XII, критика, 146—9; Lud Ukrain., I, 278—284.
—²⁾ П. С. Р. Л., 53.

воловою шкуру и вступаетъ съ своимъ противникомъ въ состязаніе: змѣй срываетъ съ него воловою шкуру, а герой снимаетъ съ змѣя его собственную кожу ¹⁾. «Отъ-же, замѣчаетъ сказка о богатырѣ-кожемякѣ, Кирило зробивъ трохи й нерозумно: взявъ змѣя-спаливъ, да й пустивъ по витру попелъ; то з' того попелу завелась вся тая погань — мошки, кошари, мухи. А якъ би винъ узавъ да закопавъ той попелъ у землк, то ничѣго-бъ сѣго не було на свити.» На Украинѣ убѣждены, что насѣкомыя эти родились отъ змѣя ²⁾. Смыслъ повѣрья тотъ, что комары, мошки и мухи, исчезающіе на зиму, снова нарождаются съ весною, когда пробудившійся отъ зимняго сна громовникъ убьетъ демона-змѣя. Въ Бериславлѣ сохраняется такое преданіе: въ пещерѣ крутой горы, лежащей въ тамошнихъ окрестностяхъ, жилъ крылатый змѣй; онъ похитилъ красавицу и заключилъ ее въ пещерѣ; всѣхъ, кто осмѣливался приближаться къ горѣ, онъ пожиралъ живьемъ — до тѣхъ поръ, пока не убилъ его богатырь на бѣломъ конѣ ³⁾. Преданіе это согласно съ содержаніемъ стиха о Егоріи Храбомъ и Елизаветѣ Прекрасной ⁴⁾. При царѣ Агеѣ, когда люди оставили вѣру христіанскую, а приняли басурманскую, разгнѣвался Господь и напустилъ на нихъ змѣя лютаго, поѣдучаго, пещерскаго (—тоже, что Горынычъ, т. е. проживающій въ горной пещерѣ). Выѣдаетъ лютый змѣй все царство, и доходитъ чередъ до царевны Елизаветы Прекрасной; беретъ ее царь за руку, ведетъ въ чистое поле, становится близъ синя моря на крутомъ берегу и покидаетъ одну. Тутъ пріѣзжаетъ къ ней Егорій Храбрый на бѣломъ ослѣ (въ другихъ спискахъ: на конѣ):

¹⁾ Н. Р. Ск., VIII, 417.— ²⁾ Номис., 6 — ³⁾ Пассекъ, V, 219—220. Въ Сибири ходитъ рассказъ о Змѣѣ Горынычѣ, который обиталъ въ Уральскихъ горахъ, похитилъ красную дѣвицу и заперъ ее въ Дѣвьей горѣ—Финск. Вѣсти. 1845, VI, 28—30.— ⁴⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 154—8; Калѣки Пер., II, 505—524.

„Ой ты гой еси молодая, прекрасная Лисавета!
 Садись ты, смотри въ моей буйной главѣ порохи,
 А очи взрай на синее море;
 Когда синее море восколебнется,
 Тогда лютый звѣрь подымется,
 Ты скажи мнѣ: Егорій Храбрый!“

Садилась царевна, искала въ головѣ Егорія, а очами дозирала
 синее море. Смотритъ—плыветъ лютый звѣрь; испугалась дѣ-
 вица,

Не посмѣла разбудить Егорія Храбраго;
 Она плакала, звало рыдала,
 Обронила свою слезу святому на бѣлое лице.
 Отъ того святой просыпается ¹⁾,
 Сохваталъ онъ свое скипетро вострое,
 Садился на осла на бѣлаго,
 Овъ и бьетъ звѣзя буйнаго
 Въ голову, во проклятыя его челюсти.

Народныя преданія о борьбѣ богатыря съ звѣмь, возникшія
 изъ древнѣйшихъ воззрѣній индоевропейскихъ племенъ на при-
 роду, въ эпоху христіанскую, при общемъ стремленіи соеди-
 нять во едино старое съ новымъ, послужили богатымъ источ-
 никомъ, изъ котораго создались легенды о Егоріи Храбомъ,
 Михаилѣ-воинѣ ²⁾ и Фодорѣ Тиронѣ ³⁾. У синяго моря слы-
 тель огненный звѣрь о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хо-
 ботахъ, родимую матушку Фодора, уиѣсъ ее въ пещеры бѣло-
 каменные и отдалъ своимъ дѣтямъ на съѣденіе; Фодоръ Ти-
 ронъ беретъ збрую ратную, беретъ копьё булатное, прило-
 дитъ въ пещеры звѣиныя: сидитъ тамъ его родная мать, со-
 суютъ ея груди бѣлыя двѣнадцать звѣёнышей, а
 большой звѣрь на витязя летитъ, «яко гора валитъ». Святой

¹⁾ Въ одномъ спискѣ Егорій Храбрый, проснувшись, говоритъ:
 „что же ты красна дѣвица, будишь — не будишь, а огнемъ палишь!“ —
²⁾ Изв. Ак. Н., VIII, 153—4. — ³⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX,
 145—8; Калѣки Пер., III, 525—558.

втявъ убилъ всѣхъ змѣенышей, самому змѣю отсѣкъ голову: трупъ его поглотило синѣ море, а кровь горячую пожрала мать-сыра земля. Въ апокрифическомъ житіи Ѳеодора Тирона ¹⁾ змѣй, похититель его матери («баше бо красна власы и лиденъ»), запираетъ воду, т. е. дожди, и мучить людей и скотину жаждою; являясь въ «жилище змѣево», Ѳеодоръ обрѣтаетъ «мать свою, яко дѣву украшену, златсмъ и серебромъ покрыту, и двѣнадцать змѣй великихъ остегнули ю; старый змѣй сѣдѣше предъ нею на столѣ златѣ, и етери гадѣ великіе и малые лежаху предъ нею—стрежаху ея». Ѳеодоръ Тиронъ побиваетъ змѣевъ, а Михаилъ-архангелъ «пускаетъ воду теши первымъ путемъ». Также и въ болгарской пѣснѣ ламія (змѣй) запираетъ воду и требуетъ дани юныи дѣвами, а св. Георгій избавляетъ народъ отъ этого бѣдствія ²⁾. Въ словенской сказкѣ ³⁾ дракъ захватываетъ источникъ и облагаетъ окрестныхъ жителей обычною данью; когда дошла очередь до царевны и отвели ее къ дракону, то все царство одѣлось чернымъ траурнымъ сукномъ, т. е. свѣтлое небо облачилось темными тучами (о черномъ сукнѣ, какъ метафорѣ тучи см. I, 544—5). О змѣнѣ Перуна св. Георгіемъ было сказано выше (см. гл. XIII); что же касается змѣны громовника Михаиломъ-архангеломъ, то она очевидно возникла подъ вліяніемъ XII-й главы апокалипсиса, въ которой читаемъ: «и бысть брань на небеси: Михаилъ и ангели его брань сотвориша со змѣемъ... И поверженъ бысть змѣй великій, змѣй древній, нарицаемый діаволъ», испускающій «изъ устъ своихъ воду, яко рѣку». Въ старинныхъ заклятїяхъ придаются змѣю слѣдующіе эпитеты, указывающіе въ немъ демона грозовыхъ тучъ: «заклинаю змѣю облаковидную, огневидную,

¹⁾ Пам. отреч. лнт., II, 93—99.— ²⁾ Миладн., 28—32.— ³⁾ Slovenske povesti, изд. Škultety a Dobsinsky, I, 3—4.

власяновидную, дубовеходную (см. I, 307), врановидную (=темную что воронъ), змию слѣпую (т. е. помрачающую свѣтъ), черную, стрѣльную, триглавую, улающую жены, ехидну морскую¹⁾.

Какъ существо демоническое, змѣй въ народныхъ русскихъ преданіяхъ выступаетъ нерѣдко подъ именемъ Кошея безсмертнаго. Значеніе того и другаго въ нашихъ сказкахъ совершенно-тождественно: Кошей играетъ ту же роль скупцаго хранителя сокровищъ и опаснаго похитителя красавицъ, что и змѣй; оба они равно враждебны сказочнымъ героямъ и свободно замѣняютъ другъ друга, такъ что въ одной той-же сказкѣ въ одномъ вариантѣ дѣйствующимъ лицомъ выводится змѣй, а въ другомъ — Кошей. Въ польской сказкѣ²⁾ *król podziemny, Kościej nieśmiertelny* заступаетъ мѣсто Морскаго Царя. Морской Царь, въ первоначальномъ его значеніи, есть богъ дождевыхъ тучъ, помрачающій свѣтлое солнце, или выражаясь поэтически: похищающій эту златоудрую дѣву; отсюда понятна подставка этого мифическаго лица подземнымъ царемъ, т. е. владыкою облачныхъ горъ и вертеповъ, какииъ изображаетъ народный эпосъ Зима Горыныча и Кошея. Въ старославянскихъ памятникахъ слово кошь, кошъ попадаетъ исключительно въ значеніи: сухой, тощій, худой тѣломъ, и очевидно стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ словомъ кость, какъ прилагательное къ существительному³⁾; глаголъ же окостенѣть употребляется въ смыслѣ: застыть, оцѣпенѣть, сдѣлаться твердымъ, какъ кость или камень, отъ сильнаго холода. На основаніи этого лингвистическаго указанія должно думать, что названіе Кошея принималось сначала какъ эпитетъ, а потомъ — и какъ

¹⁾ Пам. отреч. лит., II, 353—5. — ²⁾ Эрбенъ, 104 — ³⁾ Ч. О. И. и Д. 1866, II, 32—33. Переходъ звуковъ ст и щ — самый обыкновенный: пустой — пуца, густой — гуца, рости — роца и проч.

собственное имя демона-взсушителя дождевой влаги (Cushna), представителя темных тучъ, окованныхъ стужей; въ зимнее время года тучи какъ-бы застываютъ, превращаются въ камни и не даютъ болѣе плодоносныхъ дождей, а вслѣдствіе того и сама земля лишается своей производительной силы. До сихъ поръ именемъ Кошея называютъ старыхъ скрягъ, насохшихъ отъ скупости и дрожащихъ надъ затаеннымъ сокровищемъ (=золотомъ солнечныхъ лучей и живительною влагою дождя); народная сказка ¹⁾ приписываетъ ему и обладаніе гуслин-самогудами, которые такъ искусно играютъ, что всякой невольно заслушивается ихъ до смерти—метафора пѣсни, какую заводятъ суровые осенніе вихри, погружающіе въ долгой сонъ и оцѣпенѣніе всю природу. Въ сближеніи съ этими данными надо искать объясненія и той эпической прибавкѣ, которую характеризуется вѣщая сказочная старуха, заправляющая вихрями и вьюгами и по самому своему имени родственная съ зимемъ Ahi: баба-яга-козьяная нога. Въ нижнелужицкомъ kostlar—колдунъ, чародѣй (сравни готск. skohsl—бѣсъ, злой духъ ²⁾); старинное русское «кощуны творить» —совершать дѣйствія, приличныя колдунамъ и дьяволу (кощунствовать), а въ областныхъ говорахъ кощить —ругать, бранить. Демонъ зимы въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко представляется старымъ колдуномъ, волею котораго сказочные герои и героини, виѣсть съ ихъ царствами, подвергаются злomu очарованію или заклятію. Подобно поѣдучимъ зимьямъ, Кошей чуетъ «запахъ русскаго духа», и въ заговорахъ донинѣ произносится заклинаніе противъ Кошея-ядуна ³⁾. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обращаемся къ разбору народныхъ сказокъ о Кошей безсмертномъ. Польская сказка ⁴⁾ рассказываетъ, что онъ усыпилъ своимъ

¹⁾ Н. Р. Ск., 1—II, стр. 359—360.— ²⁾ О вліян. христ. на сл. яз., 103.— ³⁾ Сахаров., 1, 19.— ⁴⁾ Глинск., 1, 102—3; III, 30—37.

дыханіе и въ цѣлое царство, буйнымъ вихремъ схватилъ прекрасную королеву, унёсъ въ свой замокъ и напустилъ на нее непробудный, смертный сонъ. Въ королевскомъ дворцѣ настала гробовая тишина, «gdyż wszyscy jak stali albo siedzieli, nieprzespanym snem usnęli i spią: krol z podniesionym do wiatu kielichem, wojewoda z niedokończonym w gardle garogtem, goście z przedkniętym do połowy kęsem, lub z nieskończoną na poł rozmową. A nie tylko pałac i stolica, ale nawet kraj cały spi w nieprzespanym śnie pograżony: oracz z zamachniętym na woły biczem, żnieje z założonemi do cięcia sierpami, pasterze z usnionemi w poł drogi trzodami, myśliwy z zapalonym na panewce prochem; słowem ptaki usnęli wśród lotu, zwierzęta w biegu, woda w płynieniu, wiatr w powiewie, ludzie w pracy i zabawie. Nigdzie brzęku ni szmeru, nigdzie głosu ni ruchu, wszędzie cisza, martwość, sen». Непробудный сонъ продолжался до тѣхъ поръ, пока не явился освободитель, который побѣдилъ Кощея и добылъ чудесные гусли-самограи. Едва послышались звуки этихъ гуслей, т. е. едва раздалась пѣсня весенней грозы — какъ тотчасъ все ожило, задвигалось, засуетилось: король окончилъ начатой тостъ, воевода сталъ продолжать свой докладъ, гости принялись кушать и разговаривать, и т. дал. Не менѣе интересно содержаніе русской сказки ¹⁾: юный царевич (=богъ-громовникъ) женится на Марьѣ Моревнѣ, прекрасной королеви. Ея воинственный, богатырскій характеръ ²⁾, неописанная красота

¹⁾ Н. Р. Ск., II, 24; VII, 6; VIII, 8; сравни I, 14, и Малорус. Сборн., 372—6.— ²⁾ „Собрался царевичъ въ дорогу, шелъ-шелъ и видитъ—лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ: коли есть тутъ живъ человекъ — озовися! кто побилъ это войско великое? Отозвался ему живъ человекъ: все это войско великое побилъ Марья Моревна, прекрасная королева“. Царевичъ находитъ воинственную дѣву и женится на ней; бракъ слѣдовательно совершается въ пору весеннихъ грозъ, обыкновенно-изображенныхъ въ народномъ эпосѣ кровавыми битвами.

и прозваніе Моревна (дочь моря) указываютъ, что въ ней надо видѣть богиню весны, славянскую Венеру—Ладу (=Фрею). Въ этомъ образѣ, какъ уже было замѣчено выше (стр. 125), сочеталось представленіе весенняго солнца съ облачкою, дождевною дѣвою. Ради яркаго блеска, разливаемаго этой богиней, и подъ вліяніемъ метафоры, уподобившей солнечные лучи золотышъ волосамъ, сказочная королева въ другихъ вариантахъ называется Ненаглядною Красотою или царвеною-золотой косою ¹⁾). Но бракъ царевича съ красавицею непродолжителенъ; Марью Моревну похищаетъ Кощей безсмертнѣй или змѣй, а иногда просто — чортъ. Народная фантазія изображаетъ этого злаго демона заключеннымъ и скованнымъ, подобно лукавому Локи и Ариману: въ запертой комнатѣ дворца виситъ онъ на желѣзныхъ цѣпяхъ и крюкахъ ²⁾), что означаетъ тучу, скованную зимнимъ холодомъ (I. 583—7), и только тогда срывается съ нихъ, когда вдоволь напьется воды, т. е. весною; вода, надѣляющая Кощею столь великою силою, что ему ни по-чѣмъ разорвать желѣзныя узы, есть вода живая—сгустившійся и готовый излиться дождь. «Вздумалось королевнѣ, говоритъ сказка, на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: вездѣ лоды, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не мочи заглядывать! Онъ не вытерпѣлъ; какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ — а тамъ виситъ Кощей безсмертнѣй, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кощей у Ивана-царевича: жалься надо мной, дай мнѣ напиться! десять лѣтъ я здѣсь мучуюсь, не

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 9.— ²⁾ Въ Slov. pohad., 360—6, вмѣсто Кощея выведенъ železnu mišič, обитающій въ замкѣ на курьихъ ножкахъ; названіе mišič (ради черной монашеской одежды) служить здѣсь указаніемъ на представителя мрака, а зпитеть желѣзныи на сдерживающіе его оковы.

ѣль-не пилъ—совсѣмъ въ горлѣ пересохло! Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды, дай еще! Царевичъ подалъ другое ведро; Кошей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро—взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпами и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. И такъ змѣй-туча, окостѣвшій отъ холода, получаетъ имя Кошей и представляется заключеннымъ въ желѣзные оковы плѣнникомъ. Согласно съ этимъ, слово кошей употребляется въ древнихъ памятникахъ въ значеніи плѣнника (на старинномъ языкѣ вязынь—узникъ) и раба¹⁾. Сорвавшись съ цѣпей, Кошей овладѣваетъ красавицей и увезитъ ее далеко-далеко въ свои горы или подземныя пещеры, т. е. закрываетъ ея свѣтозарный ликъ мрачнымъ, облачнымъ покровомъ. Царевичъ отправляется искать свою милую подругу; въ этомъ исканіи ему помогаютъ силы весенней природы: Вѣтеръ, Громъ и Дождь (Градъ) или ихъ олицетворенія—птицы орелъ, соколъ и воронъ. Царевичу удастся увезти ее изъ заключенія, но Кошей (или змѣй) быстро нагоняетъ ихъ на своемъ славномъ конѣ, отымаетъ бѣглянку и снова запираетъ ее въ неволю. Тогда царевичъ рѣшается добыть

¹⁾ Въ эти немногія мѣста памятниковъ: въ Слово о полку Игоревѣ (Рус. Дост., III, 112, 148, 160)—„аже бы ты былъ (в. кн. Всеволодъ), то была бы чага (плѣнница) по ногатъ, а кошей по резантъ“; смыслъ тотъ: если бы ударилъ на половцевъ в. князь, то были бы дешевы плѣнники и плѣнницы, которыхъ въ древности продавали въ рабство. О князѣ Игорѣ, попавшемъ въ половецкій плѣнъ, Слово о полку говоритъ: „ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево“ т. е. пересѣлъ изъ сѣдла княжескаго въ невольничье, изъ князя сѣдлался рабомъ. Въ лѣтописяхъ (Баранц. И. Г. Р., II, прилѣч. 420) кошей означаетъ княжескаго слугу. Пѣвецъ Слова о полку обзываетъ половецкаго хана Кочака поганымъ коще емъ—или въ бранномъ смыслѣ раба, или какъ человѣка сухопараго, костляваго, какимъ и до сихъ поръ представляется русскому народу татаринъ.

себѣ такого коня, который былъ бы сильнѣй и быстрѣ Кошеева, и за трудную службу у бабы-яги достигаетъ своей цѣли. Онъ опять увозитъ Марью Моревну; Кошей пускается въ погоню, но богатырской конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Такъ рисуется народный эпосъ весеннюю грозу, когда красавица-Солнце то выходитъ изъ-за тучъ, то снова заволакивается ими, пока наконецъ не осилитъ добрый молодецъ громовникъ. Конь царевича соответствуетъ Зевсову Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ живые источники, такъ этотъ поражаетъ копытомъ Кошею, т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться на землю обильнымъ дождемъ. Вмѣсто указаннаго эпизода о добываніи богатырскаго коня, другіе варианты сказки заставляютъ царевича отыскивать Кошееву смерть. Чтобы совершить такой подвигъ, нужны необычныя усилія и труды, потому что смерть Кошея сокрыта далеко: на морѣ-на оціанѣ, на островѣ на Буянѣ есть зеленый дубъ, подъ тѣмъ дубомъ зарытъ желѣзной сундукъ, въ томъ сундукѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо; стѣитъ только добыть это яйцо и сжать его въ рукѣ, какъ тотчасъ-же Кошей начинаетъ чувствовать страшную боль; стѣитъ только раздавить яйцо — и Кошей мгновенно умираетъ ¹⁾). Тоже рассказываютъ и про змѣя ²⁾): существуетъ островъ, на островѣ камень, въ камнѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ желтокъ, въ желткѣ каменёкъ—это и есть змѣиная смерть; надо только добыть каменёкъ и бросить имъ въ змѣю! Красавица-царевна вывѣдываетъ у Кошея его заветную тайну, сообщаетъ ее царевичу, и тотъ отправляется на чудесный островъ. Долго идетъ онъ путемъ-дорогою, долго не ѣлъ, не пилъ ничего, голодъ его донимаетъ. Вотъ летитъ ястребъ (или

¹⁾ Н. Р. Ск., I-II, стр. 460.— ²⁾ Ibid., I, 14.

орель, соколъ, воронъ), Иванъ-царевичъ прицѣлился: «ну, ястребъ! я тебя застрѣлю да сырѣмъ скушаю». — Не стрѣлай меня, царевичъ! отвѣчаетъ птица; въ нѣкое время я тебѣ пригожуся. Бѣжить медвѣдь: «ахъ, косолапой! я тебя убью да сырѣмъ съѣмъ». — Не бей меня, царевичъ! въ нѣкое время я тебѣ самъ пригожуся. Подобная же встрѣча была и съ волкомъ. Наконецъ видитъ царевичъ — на берегу щука трепещетъ: «а, попалась зубастая! я тебя возьму—сырѣмъ скушаю». — Не ѣшь меня, царевичъ! въ нѣкое время сама тебѣ пригожуся. Перемогъ царевичъ свой голодъ, и бросилъ щуку въ море. Добрался онъ до острова, свалилъ зеленый дубъ съ корнемъ, вырылъ изъ-подъ него желѣзный сундукъ — и не знаетъ, какъ его отпереть. На ту пору явился медвѣдь, ударилъ и раздробилъ сундукъ на мелкія части; изъ сундука прыснулъ заяцъ, и не успѣлъ еще изъ виду скрыться, какъ за нимъ уже волкъ гонится; догнавъ зайца и принеся царевичу; тотъ распоролъ его острымъ ножомъ, изъ зайца вылетѣла утка и понеслась въ поднебесье; за утку ястребъ летитъ; схватилъ ее и къ царевичу. Царевичъ разрѣзалъ утку, сталъ вынимать яйцо и уронилъ его въ море; но тутъ помогъ ему щука, вынесла яйцо со дна морскаго. Норвежская сказка ¹⁾ говоритъ о великанѣ, въ тѣлѣ котораго не обрѣталось сердца и который потому былъ недоступенъ смерти; «мое сердце (выдаетъ себя великанъ) тамъ, куда нелегко дойти! *Weit, weit von hier in einem Wasser liegt eine Insel; auf der Insel steht eine Kirche, in der Kirche ist ein Brunnen, in dem Brunnen schwimmt eine Ente, in der Ente ist ein Ei, und in dem Ei—da ist mein Herz.* Когда сказочный герой досталъ и разбилъ это яйцо — великанъ тотчасъ-же умеръ. *«Mein Leben (проговаривается въ нѣмецкой сказкѣ въ дѣла)*

¹⁾ II, 6.

wohnt nicht in mir, sondern weit, weit weg in einem verschlossenen Berg ist ein Teich; auf dem Teich schwimmt eine Ente, in der Ente ist ein Ei, in dem Ei brennt ein Licht — dies ist mein Leben!» ¹⁾ Для того, чтобы избавить прекрасную королеву, обладательницу замка золотого солнца, от злого очарования и вернуть ей прежний светлый образ, другая немецкая сказка ²⁾ требует: «wenn du (избавитель) den Berg, auf dem das Schloss steht, hinabgehst, so wird unten an einer Quelle ein wilder Auerochs stehen, mit dem musst du kämpfen. Und wenn es dir glückt ihn zu tödten, so wird sich aus ihm ein feuriger Vogel erheben, der trägt in seinem Leib ein glühendes Ei, und in dem Ei steckt als Dotter die Krystallkugel» ³⁾. Въ сербской приповѣдкѣ драконъ (аждаја) на вопросъ: «гдѣ его сила?» отвѣчаетъ: «моја је снага далеко... Чак у другоме царству код царева града има једно језеро, у оном језеру има једна аждаја, а у аждаји ве пар, а у вепру зец, а у зecu голуб, а у голубу врабац (или яйцо), а у ономе је врапцу моја снага» ⁴⁾. Въ новогреческихъ сказкахъ, слодныхъ по содержанию съ русскими сказками о Кошеѣ, сила враждебнаго существа скрывается въ десятиглавомъ змѣѣ или въ голубяхъ, заключенныхъ въ брюхѣ дикаго кабана ⁵⁾. Очевидно, что въ этихъ эпическихъ выраженіяхъ таятся немецкое преданіе, отголосокъ доисторической эпохи; иначе какъ-бы могли возникнуть у разныхъ народовъ столь тождественныя сказанія? Кошеѣй (змѣѣй, великанъ, старый чародѣй), слѣдуя обычному приему народна-

¹⁾ Гальтрихъ, стр. 188—9.— ²⁾ Сказ. Грим., 197.— ³⁾ Сила дельзанаго миша заключена въ золотомъ яйцѣ, которое лежитъ въ золотой уткѣ, прилетающей на море черезъ каждыя семь лѣтъ—Slov. pohad., 345.—⁴⁾ Срп. в. припов., 8; сб. Валавца, 155; Slov. pohad., 383—396; Westsl. Märch., 190.— ⁵⁾ Ганъ, II, стр. 23—24, 275, 294.

го эпоса, сообщает тайну своей смерти въ формѣ загадки; чтобы разрѣшить ее, нужно подставить метафорическія выраженія общепонятными. На морѣ-на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, т. е. среди небеснаго океана, въ блаженной странѣ рай, высится зеленый дубъ, а подъ нимъ зарытъ желѣзный сундукъ; этотъ дубъ — знакомое намъ Перуново древо, изъ-подъ корней котораго струится живая вода дождя; зарытый въ землѣ желѣзный сундукъ въ другихъ варіаціяхъ загадки замѣняется замкнутою горою или камнемъ (скалою). Гора, камень, подземелье суть метафоры тучи, сокрывающей въ своихъ нѣдрахъ солнечный свѣтъ и дождевые ключи (колодець, прудъ или озеро). Охваченная зимнею стужей, дожденосная туча уподоблялась не только окаменѣвшей, твердой скалѣ, но и гробу или сундуку, окованному желѣзными обручами, въ которомъ до поры-до времени покоются могучія силы грозы. У дождеваго источника встрѣчается драконъ, изъ расщеченнаго туловища котораго является вебрь, изъ убитаго венра — заяцъ, а изъ зайца — птица; по другимъ указаніямъ заяцъ выскакиваетъ изъ разбитаго желѣзнаго сундука, или возлѣ источника стоитъ быкъ, а изъ убитаго быка вылетаетъ огненная птица. Всѣ эти животныя: драконъ, вебрь, быкъ, заяцъ и огненная птица служили мненческими обозначеніями громовыхъ тучъ. Описывая весеннюю грозу, сказка заставляетъ своего героя сокрушать желѣзные запоры и вступать въ борьбу съ облачными демонами; будучи разиты ударами грома и разносимы порывами вѣтровъ, тучи непрерывно иѣняютъ свои формы и принимаютъ различныя фантастическіе образы, возникающіе одинъ изъ другаго. Самъ герой выступаетъ на подвигъ въ сопровожденіи такихъ-же баснословныхъ животныхъ, олицетворяющихъ собою тѣ стихійныя силы, съ помощію которыхъ Перунъ одолеваетъ своихъ враговъ. Какъ скоро убита огненная птица (голубь-привоситель

небеснаго пламени или утка, несущая золотыя яйца) — изъ нея выпадаетъ яйцо, въ которомъ горитъ яркой свѣтъ или лежитъ самоцвѣтный камень. По свидѣтельству одной сказки ¹⁾, этотъ камень добываютъ герои Громъ, Вѣтръ и Градъ. Золотое яйцо и самоцвѣтный камень издревле принимались за метафоры солнца; ниже (см. гл. XXVI) мы увидимъ, что солнце, окутанное тучами, представлялось драконовымъ сердцемъ. Но золотое яйцо служило также и метафорой молніи (I, 529—538) и въ настоящемъ случаѣ народная фантазія, кажется, смѣшала эти различныя представленія вѣстѣ. Овладевъ чудеснымъ яйцомъ, царевичъ бросаетъ его въ лобъ Кошея — и онъ тотчасъ-же умираетъ, подобно тому, какъ о дьяволѣ существуетъ повѣрье, что его можно убить только серебряною пулею (= молніей) или яйцомъ, слесеннымъ курицею наканунѣ Рождества, когда по старинному мнѣю рождается солнце ²⁾. Точно также великаны мрака (= зимнихъ тучъ) гибнутъ отъ лучей восходящаго (= весенняго) солнца. Преданіямъ о смерти, постигающей Кошея, повидимому противорѣчить постоянно-придаваемый ему эпитетъ безсмертнаго; но именно это и свидѣтельствуеетъ за его стихійный характеръ. Растопленные весенними лучами солнца, разбитыя стрѣлами Перуна, тучи вновь собираются изъ восходящихъ на небо паровъ, и пораженный на смерть демонъ мрака какъ-бы опять возрождается и вызываетъ на битву своего побѣдителя; также и демонъ зимнихъ тумановъ, стужи и вьюгъ, погибающій при началѣ весны, снова оживаетъ съ окончаніемъ лѣтней половины года и овладѣваетъ міромъ. Вотъ почему Кошей причислялся къ существамъ безсмертнымъ, хотя вѣстѣ съ этимъ и заболѣвалъ отъ наносимыхъ ему ранъ и подлежалъ временной кон-

¹⁾ Н. Р. Ск., I, 14. — ²⁾ Zarysy domowe, III, 188.

чинѣ. Послѣ побѣды надъ нимъ Перунъ выводилъ изъ-за темныхъ облачныхъ затворовъ богиню лѣтнаго плодородія и вступалъ съ нею въ торжественный брачный союзъ. Отъ того смерть Кошея, по сказочнымъ преданіямъ, скрывается тамъ же, гдѣ и любовь заколдованной красавицы, временно-охлажденной къ своему супругу; когда погибаетъ царство Кошея, или по другимъ сказкамъ — царство дракона и великановъ, тогда же возвращается и любовь ненаглядной царевны къ покинутому ею царевичу ¹⁾).

Мнѣ о похищеніи солнца демономъ-тучею выразился у сербовъ въ своеобразной формѣ: когда нечистые духи отложились отъ Бога и бѣжали на землю — они похитили съ собой солнце. Сатана воткнулъ его на копьѣ и носилъ на своихъ плечахъ. Господь Богъ послалъ святаго архангела отнять у сатаны солнце. Архангелъ пришелъ къ демонскому царю и сталъ всюду ходить вмѣстѣ съ нимъ. Наконецъ захотѣли они купаться въ морѣ, и сатана оставилъ копьѣ съ солнцемъ на берегу. «Станемъ нырять, сказалъ архангелъ; кто опустится глубже?» — Опустись сперва ты! отвѣчалъ сатана. Архангелъ нырнулъ на самое дно и привнесъ въ зубахъ морскаго песку. Пришла очередь нырять сатанѣ; опасаясь, чтобы архангелъ не унесъ тѣмъ временемъ солнца, онъ плюнулъ на землю, создалъ изъ своей слюны сороку и приказалъ

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 42; VII, 17. Въ одной русской сказкѣ (*ibid.*, VII, 25; сравни въ сб. Валявца, 127-8, 154-7, у Вольфа, 82-90, и въ *Zeitschr. für D. M.*, II, 384-5) двѣнадцатиглавый змѣй, похитивши царевну, заключаетъ ее въ хрустальной горѣ, т. е. въ небесномъ, заоблачномъ царствѣ. Чтобы избавить ее, богатырь убиваетъ змѣя, достаетъ изъ его туловища сундукъ, въ сундукѣ былъ заяцъ, въ зайцѣ — утка, въ уткѣ — айцо, въ айцѣ — сѣмячко (сѣмя Перунова цвѣта, о которомъ см. выше на стр. 384) Взявъ онъ это сѣмячко, зажегъ и поднесъ къ хрустальной горѣ — гора растаяла (т. е. зимнія облака пропались дождями), и царевна выступила на вольный бѣлый свѣтъ.

ей стерець солнце. Какъ только чортъ погрузился на дно, архангелъ сотворилъ надъ моремъ крестное знаменіе — и море замерзло на девять аршинъ толщины; потомъ схватилъ солнце и поспѣшилъ на небо. Сатана услышалъ крикъ сороки, кинулся назадъ, но видя, что ему не пробиться сквозь ледъ, снова опустился на морское дно, досталъ большой камень, раздробилъ ледъ и побѣжалъ догонять архангела. Онъ настигъ его въ то время, когда тотъ уже ступилъ одною ногою на небо, и выхватилъ у него своими когтями кусокъ мяса изъ подошвы другой ноги. Архангелъ явился передъ Богомъ и заплакалъ; въ утѣшеніе ему Господь сказалъ: «не печалься! я сдѣлаю такъ у всѣхъ людей.» Отъ того-то у всякаго человѣка на ступнѣ ноги есть выемъ ¹⁾. Сатана въ этомъ сказаніи — демонъ тучъ, помрачающихъ ясное солнце; какъ въ вышеприведенныхъ сказкахъ змѣй-туча сдерживается желѣзными оковами, такъ здѣсь сатана сдерживается льдомъ. Слюна, изъ которой демонскій царь творить сороку, — метафора шумно-падающаго дождя; а крикъ этой птицы — метафора грома. По справедливому замѣчанію Я. Гримма, сорока (rīsa) стоитъ въ народныхъ преданіяхъ въ весьма близкой связи съ дятломъ (rīsus), низводителемъ небснаго огня молній, что подтверждается и тождествомъ ихъ латинскихъ названій ²⁾. Слюна принималась за эмблему слова, рѣчи (I, 399); согласно съ этимъ, созданная изъ демонской слюны сорока слыветъ въ областныхъ говорахъ въ щ и цею, а болтливыхъ женщинъ обыкновенно называютъ сороками. Это — птица вѣщая: щебетъ ли она на дворѣ или на домовой кровлѣ или скачетъ у порога избы — скоро будутъ гости; въ которую сторону нах-

¹⁾ Срп. н. припов., 18; сліячъ съ сербскою пѣснею о царѣ Діо-клитіанѣ и Иванѣ-крестителѣ—Срп. н. пјесме, II, 84—84.— ²⁾ D. Myth., 639. Въ санскритѣ rīka, rīki—кукушка (Пикте, I, 477).

нетъ она хвостомъ — оттуда и гостей дождидай ¹⁾; на своемъ хвосту она приноситъ всякія вѣсти (I, 509). Вѣдьмы по преимуществу любятъ обращаться въ сорокъ; по нѣмецкому повѣрью, вѣдьмы ѣздятъ 1-го мая на Блоксбергъ на хвостѣ сороки, подобно тому, какъ колдуны летаютъ на хвостѣ вѣтра; потому запрещаютъ стрѣлять въ сорокъ, чтобы не нажить бѣды, ²⁾. Чехи вѣрятъ, что птица эта есть самъ нечистый и потому-то не слѣдуетъ вкушать ея мяса ³⁾. На Руси, для охраненія лошадей отъ нечистой силы, вѣшаютъ въ конюшнѣ убитую сороку; въ смоленской губ. во время скотскаго падежа сушатъ мясо и кости сороки, толкутъ ихъ въ порошокъ, и посыпая сѣно — даютъ скотинѣ. Порошокъ этотъ помогаетъ и противъ свозящей лихорадки. Щебетанье сороки принимается въ нѣкоторыхъ деревняхъ за предвѣстіе скораго выздоровленія больного ⁴⁾. Въ христіанскую эпоху народъ связалъ съ нею легендарныя сказанія: сорока, говорятъ, — птица проклятая; въ Москвѣ ихъ нѣтъ — потому что когда бояринъ Кучка спрятался отъ убійцы подъ кустомъ, то сорока выдала его своимъ щебетаніемъ, а тотъ предалъ ее проклятію (сравни съ легендой о воробѣѣ-предателѣ Христа, стр. 378); по другимъ рассказамъ, она унесла частицу св. причастія и была проклята митрополитомъ Филиппомъ, или унесла у сятаго пустынника послѣдній кусокъ сыра и подверглась за то осужденію ⁵⁾. Въ приведенной нами сербской приговѣдкѣ архангелъ заступаетъ мѣсто громовника; плачь его и купанье въ морѣ указываютъ на дождевыя ливни, а ударъ, нанесенный ему сатанюю въ ногу, объясняется изъ древнѣйшаго пред-

¹⁾ Ворон. Г. В. 1851, 11; Оренб. Г. В. 1851, 9; *Volkslieder der Wenden*, II, 260; Черты литов. нар., 97; Совр. 1854, XI, смѣсь, 3. — ²⁾ *Beiträge zur D. M.*, II, 429. — ³⁾ Рус. Вѣст. 1857, IV, ст. Эрбена, 103; Громаничъ, 67. — ⁴⁾ Этв. Сб., II, 56. — ⁵⁾ Иллюстр. 1846, 345.

ставленія, что въ шумѣ грозы молніеносный богъ поражается въ ногу и дѣлается хромымъ (см. гл. XXII).

Захватывая свѣтлую красавицу, богиню лѣтняго плодородія, въ свои шрачныя объятія, демонъ-змѣй, по свидѣтельству народнаго эпоса, вступаетъ съ нею насильно въ любовную связь, и связь эта продолжается до того времени, пока не побѣдитъ змѣя могучій громовникъ. Когда Вритра овладѣваетъ облачною дѣвою и запираетъ ее въ своихъ пещерахъ, она изъ супруги свѣтлаго бога (dēvaratnī) становится супругою его врага (dāsaratnī). Согласно съ этимъ, греческій мифъ о Персефонѣ, которую похитилъ Плутонъ, утверждаетъ, что въ теченіи зимы она пребываетъ въ темныхъ областяхъ Аида, въ союзѣ съ подземнымъ владыкою, а въ лѣтнюю пору является на свѣтломъ Олимпѣ. Rān—супруга Эгира (о сродствѣ котораго съ змѣемъ замѣчено выше на стр. 537) есть собственно облачная жена, похищенная демономъ и вступившая съ нимъ въ брачное сожительство ¹⁾. Былъ-жилъ король, повѣствуетъ русская сказка ²⁾; у него была дочь—славная красавица, и повадился къ ней летать двѣнадцатиглавый змѣй; изсушилъ ее проклятый, чуть совѣмъ не извелась! Но явился Илья Муромецъ, постоянно замѣняющій въ народныхъ предніяхъ Перуна; сразился съ змѣемъ: что ни ударитъ жезломъ — то и голова долой, побѣдилъ врага и избавилъ королевну отъ страшнаго любовника. Въ другой сказкѣ ³⁾ Сила-царевичъ сватается на гордой и неприступной королевнѣ, которая зналась съ нечистымъ духомъ: каждую ночь прилеталъ онъ къ ней по воздуху въ образѣ шестиглаваго змѣя и перекидывался человѣкомъ. Въ этомъ сватовствѣ помогаетъ царевичу богатырь Ивашка-бѣлая рубашка, въ благодарность за то, что Сила-царевичъ

¹⁾ Die Götterwelt, 55; German. Mythen, 83. Подобно Гольдъ, Рана собираетъ души усопшихъ въ свое подводное царство.— ²⁾ Н. Р. Ск., III, 11.— ³⁾ Ibid., стр. 127-131.

освободилъ его изъ гроба, обитаго желѣзными обруча-ми, въ которомъ плавалъ онъ по синему морю: названный богатырь есть пробужденный отъ зимняго усыпленія богъ-громовникъ, а бѣлая рубашка — облакающее его лѣтнее облако; такимъ образомъ Перунъ, побѣдитель змѣи и женныхъ освобождаемой имъ красавицы, распадается въ этой сказкѣ на два отдѣльныхъ лица. Когда женился Сила-царевичъ, Ивашка-бѣлая рубашка три ночи сражался съ змѣемъ, срубилъ ему острымъ мечемъ всѣ головы, туловище на огнѣ сжегъ а пепель пустилъ по чистому полю; послѣ того разсѣкаетъ онъ пополамъ самую королеву, и какъ скоро разсѣкъ — изъ ея чрева поползли разные гады, плодъ незаконной любви съ змѣемъ; богатырь пожегъ гадовъ, а тѣло королевы сложилъ и спрыснулъ живою водою: въ ту-же минуту она ожила и сдѣлалась столь-же кроткою, сколько прежде была злою. Въ этой королевнѣ мы узнаемъ облачную жену, очарованную змѣемъ; въ весеннюю пору Перунъ разсѣкаетъ ее своєю громовою палицею, и изъ раскрытыхъ нѣдръ ея выползаютъ гады-молніи. Сожиганіе убитаго змѣи и гадовъ — поэтическая картина грозоваго пламени; въ Иллиріи существуетъ преданіе, что змѣи слетаются и сгораютъ въ разведенномъ кострѣ подъ звуки чудесной музыки, т. е. подъ бурные напѣвы грозы ¹⁾. Окропленіе живою водою — метафора падающаго дождя. На той-же мифической основѣ создалась сербская пѣсня: «Царица Милица и змај од Јастрепча» ²⁾. Не весела царица Милица, закручинилась, лицомъ пасмурна. Спрашиваетъ ее царь Лазарь: «что такъ не весела, моя царица? чего закручинилась? или чего не достаетъ тебѣ на нашемъ дворѣ?» — Всего вдоволь, отвѣчаетъ она; только полюбилъ меня змѣи отъ Јастрепча и повадился летать ко мнѣ въ теремъ:

¹⁾ Эрбенъ, 304-5. — ²⁾ Срп. в. цјесме, II, № 43.

Навадно знаје од Јастренца,
 Те долази на бијелу кулу,
 Те ме л(ь)уби на бијелој кули.

Царь Лазарь совѣтуетъ ей вывѣдать отъ змѣя лестью, кого изъ юнаковъ онъ больше всѣхъ на свѣтѣ страшится? Вотъ прилетѣлъ змѣй въ теремъ, палъ на мягкую постель, сбросилъ съ себя огненную одежду («збади рухо огњевито») и лѣгъ съ царицею на подушкахъ. Лаская, выпытала у него Ммилица тайну, что въ цѣломъ свѣтѣ боится онъ одного юнака — Змѣя-Деспота-Вука. Такое прозваніе прямо указываетъ, что юнакъ этотъ — лицо мифическое, также владѣющее громомъ и молніями, какъ и его противникъ; рассказывая про его рожденіе, пѣсня выражается:

Нивје чехо чехда каквано су:
 Вучја шапа ¹⁾ и орлово крило,
 И змајево коло под пазуом,
 Из уста му модар пламен бије ²⁾.

На другой день дано знать Деспоту-Вуку; онъ не замедлилъ пріѣхать и поразилъ змѣя отъ Ястребца. Замѣчательно сходство сѣрбской пѣсни съ отрывкомъ муромской легенды о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи. Легенда эта довольно часто попадаетъ въ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVIII столѣтій; начинается она такъ: «Бысть убо въ русстѣй земли градъ, «варипаемый Муромъ, въ немъ-же бѣ самодержествуя благо«вѣрный князь Павелъ. Искони ненавѣдя, врагъ діаволъ все«ли непріязненнаго летящаго змія къ женѣ князя того на «блудъ, и являея ей—яковъ бѣше естествомъ; приходящимъ «людемъ являея своими мечты, яко самъ князь. Тѣмъ-же «мечты немало время прейде. Жена того не тая, повѣда кня«зю, нужу своему, вся случившаяся. Князь Павелъ мысля, «что сотворити змію, но не зная, и рече женѣ своей: «мыслю

¹⁾ Лапа, нога. — ²⁾ Сри. рјечени, 212.

«азъ, жено, но не вѣмъ— како на него навести смерть; блюди
 «сие опасно: аще какія словеса глаголати начнешь тебѣ той
 «лукавый змій, и ты вступи его о семъ лъстивыми словесы—
 «вѣсть ли той лукавый, отчего ему смерть хочетъ быти? аще
 «увѣдаши ты, то скоро повѣдай ми, яко ты свободишися въ ны-
 «нѣшнемъ вѣцѣ злаго его дыханія и сипѣнія и всего скаредія,
 «иже сирадно и глаголати, и въ будущемъ вѣцѣ судію неспде-
 «снѣрнаго Христа милостива сотвориши.» Жена, слыша глаголѣ
 «мужа своего, пріимши твердо въ сердца(е) свое. Въ единъ
 «день непріязнвому тому змию, прилетѣвшу къ ней, она же,
 «помни заповѣданное слово мужа своего, нача къ тому трекля-
 «тому змию многія рѣчи съ лестію простирати, и по многихъ
 «словесѣхъ вступи его, яко хваля: вижу та, яко много вѣси,
 «и вѣси ли свою кончину, отчего ти смерть будетъ? Онъ же
 «лъстивый прелестникъ прельщенъ бысть отъ добрыя жены,
 «мняся, яко истину рекла ему, и изрече ей тайну свою:
 «смерть моя отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча! Жена
 «слыша глаголы отъ него и по отшествіи его повѣда князю,
 «мужи своему. Князь Павелъ слыша и недоумѣяся, что есть
 «ему смерть отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча? Имѣя у
 «себе брата юнѣйша себѣ, именемъ Петра зовома; во единъ
 «день повѣда брату своему князю Петру подробну(о) вси зми-
 «евы рѣчи, яже сказа женѣ его. Князь Петръ слыша отъ бра-
 «та своего, яко змій нарече тезоименита ему, и нача мысли-
 «ти мужественно, не сумняся, како-бы змій убити; но не
 «вѣдый Агрикова меча. Имѣя (же) обычай ходити единъ по
 «церквамъ. Бысть церковь въ женствѣи монастыри Воздви-
 «женія честнаго креста Господня, и пріиде къ ней единъ по-
 «щію помолитися, и явися ему отроча и рече: княже Петре!
 «хощеши ли, да покажу ти Агриковъ мечъ? Князь Петръ ре-
 «че: покажи ми. И рече отроча: иди вслѣдъ мене. И показа
 «ему во олтарной стѣнѣ, между столповъ, скважню, въ ней-

«же мечъ лежаще. Князь Петръ видѣ мечъ, нарицаемый Агри-
 ковъ, и взя его, и прииде въ домъ свой и повѣда брату сво-
 ему князю Павлу, и отъ того дни нача искати подобна время
 купно погубити змія. Въ нѣкое время прилучися блаженному
 князю Петру пріяти въ полату на поклоненіе брату своему,
 зане менши его лѣты; и бывый у брата своего, и иде въ по-
 лату ко сносъ своей, и видѣ у нея сѣдяща мужа во образѣ
 брата своего. И изыде скоро изъ полаты и срѣте челоувѣка,
 иже предстоитъ всегда брату его князю Павлу; онъ же повѣ-
 да ему, яко (кн. Павелъ) во своей полатѣ сѣдитъ. Князь Петръ
 разумъ: пронырство лукаваго змія и хотя испытно увѣрити,
 и иде въ полату къ брату своему и рече ему, когда сѣмо
 прииде? Князь Павелъ рече ему: азъ по твоємъ изшествіи
 отъ мене никамо не исходилъ изъ полаты своея. Князь Петръ
 повѣда ему пронырство лукаваго змія и како видѣ у жены его
 во образѣ его (Павловъ), и рече ему: «отсѣлъ, брате, не
 исходи изъ полаты своея, дондеже азъ иду братися со зміемъ;
 ты, брате, въ то время пребуди на молитвѣ ко Господу Богу,
 когда услышитъ Господь Богъ молитву твою и подастъ ми
 помощь убити лукаваго змія.» И тако увѣща брата, и вземъ
 мечъ, нарицаемый Агриковъ, и иде въ полату ко сносъ своей
 и видѣ змія зракомъ аки брата сѣдяща, и твердо увѣрися, яко
 нѣсть братъ его, но прелестный змій, и удари его мечемъ
 крѣпко зѣло, яко змій вострепета и бысть мертвъ, и явися—
 яковъ бѣше естествомъ Благовѣрный князь Петръ нача его
 мечемъ сѣщи, дондеже до конца его низложи: отъ непріязнен-
 ныхъ крови его окровавися лице блаженнаго князя Петра отъ
 крѣпкаго его ударенія.» Въ народѣ нашемъ ходять рассказы
 о томъ, какъ къ одной бабѣ являлся змій въ образѣ ея отсут-
 ствующаго мужа, и какъ къ неутѣшной вдовѣ приходилъ
 по ночамъ нечистый духъ, принимая на себя видъ дорогаго ей

покойника, и дѣлилъ съ нею любовь ¹⁾). Подробное сравненіе муромской легенды съ пѣснею Древней Эдды о Зигурдѣ приводитъ къ заключенію о несомнѣнномъ родствѣ преданій, составляющихъ ихъ содержаніе ²⁾); только въ русской легендѣ старинному миѣнческому сказанію придана историческая обстановка, и событія и лица возведены въ область христіанскихъ понятій. Какъ муромскій князь Петръ добываетъ себѣ славный Агриковъ мечъ изъ стѣны храма, такъ въ сагѣ о Вѣльзунгахъ Зигмундъ вытаскиваетъ чудесный мечъ изъ священнаго дерева, въ которое глубоко врубилъ его самъ Одинъ, а въ пѣснѣ о Зигфридѣ герой этотъ находитъ мечъ на змѣнномъ камнѣ, т. е. молніеносное оружіе, которымъ можно поразить змѣя, обрѣтается въ тучѣ-деревѣ или тучѣ-каменѣ; церковь первоначально означала: небесный сводъ, этотъ міровой храмъ и жилище безсмертныхъ.

Существуетъ еще цѣлая группа сказаній, въ которыхъ связь змѣя съ красавицей изображается не какъ насмѣе съ его стороны, а напротивъ какъ измѣна сказочной царевны своему долгу. Прекрасная богиня земнаго плодородія на все время зимы покидаетъ своего молніеноснаго супруга и отдается демону-змѣю; и въ лѣтнюю пору, облакаясь въ мрачныя тучи, она представлялась фантазіи древнихъ поэтовъ какъ-бы оболъщенной тѣмъ-же змѣемъ и въ его объятіяхъ предающея незаконной любви. Иногда эти отношенія измѣнницы-жены къ мужу народный эпосъ замѣняетъ отношеніями злой матери къ сыну или злой сестры къ брату, и такимъ образомъ любовь къ змѣю сопровождается нарушеніемъ самыхъ священныя семейныхъ обязанностей. Таково содержаніе многихъ изъ русскихъ сказокъ ³⁾). Сильномогучій богатырь, царевичъ-громов-

¹⁾ Н. Р. Сж., V, 45. — ²⁾ Атены 1858, XXX, 212-3, 221-3, ст. Булаева. — ³⁾ Н. Р. Сж., V, 27, 28; VI, 51, 52, 53; Худяк., 10, 84; Труды курск. статист. комитета, I, 420-3; Эрленвейнъ, 11; Кулишъ.

никъ, побѣдитель чудовищныхъ змѣевъ, овладѣваетъ ихъ богатымъ, полнымъ золота, серебра и самоцвѣтныхъ каменьеиъ дворцомъ и поселяется въ немъ съ своею любимою сестрою (или матерью); но одинъ изъ главнѣйшихъ змѣевъ успѣваетъ скрыться отъ пораженія. Вскорѣ сестра героя влюбляется въ прелестника Змѣя Горыныча или Огненнаго Царя; слюбившись, они начинаютъ придумывать, какъ-бы извести царевича. А тотъ царевичъ былъ славный охотникъ и были у него такія сильныя и свирѣпыя собаки, что нагоняли страхъ и на Змѣя Горыныча. Слѣдуя обычному эпическому приему, царевна притворяется больною, рассказываетъ своему брату вымышленныя свидѣнiя о тѣхъ снадобьяхъ, которыя должны помочь ей, и посылаетъ его за этими цѣлебными лѣкарствами на опасныя подвиги въ надеждѣ, что онъ безвременно погибнетъ. Царевичъ долженъ надонть и принестъ ей молока отъ волчицы, медвѣдицы, кабаньихъ и львицы, и совершаетъ это съ успѣхомъ; звѣри эти — зооморфическiя воплощенiя тучъ, молоко ихъ — метафора дождя; они не только даютъ царевичу молока, но еще дарятъ ему своихъ дѣтенышей, которыя и слѣдуютъ за богатыремъ, какъ его «вѣрная охота», т. е. какъ послушныя охотничьи собаки. Тогда царевна объявляетъ, что добытое молоко ей не въ пользу и отправляетъ брата въ толкучiя горы за живою водою, а потомъ на чортову мельницу достать мучной пыли. Ворочаясь домой, царевичъ не успѣлъ вызвать изъ чортовой мельницы свою «охоту»; такъ быстро захлопнулись ея желѣзныя двери. Беззащитный — онъ попадаетъ въ руки лютаго змѣя и уже готовится къ смерти; но звѣри прогрызли желѣзныя двери и во время явились на выручку. По другому варіанту царевичъ сламываетъ три зеленыхъ прута, ударяетъ ими — и шнигъ распадается всея запоры и освобожд-

II, 48-57, и Сказка объ Иванѣ-богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ (Москва, 1847).

даются его вѣрные псы. Эти зеленые прутья тождественны съ волшебной разрывъ-травой (springruthe) и означаютъ разящія молніи; а толкучія горы и быстро-замыкающаяся мельница— метафоры громовыхъ тучъ. Какъ скоро разбиты молніей крѣпкіе затворы тучъ, изъ-за нихъ вырываются небесные псы-вихри и льется живая вода дождя: богъ-громовникъ, сопутствуемый собаками и звѣрами, является во всей своей грозной силѣ — подобно Одину, когда тотъ несется во главѣ дикой охоты. Измѣна открывается, змѣй гибнетъ и коварная сестра получаетъ достойное наказаніе. Этотъ рядъ сценъ, слѣдующихъ одна за другою, есть ничто иное, какъ поэтическія картины весенней грозы. Разобранная нами сказка извѣстна у многихъ народовъ ¹⁾; у другихъ славянъ содержаніе ея развивается съ нѣкоторыми любопытными особенностями. Были сынъ да мать, рассказываетъ словацкая сказка ²⁾; трижды семь лѣтъ сосалъ сынъ материнскую грудь и сдѣлался великой силой, такъ что могъ обхватить и вырвать съ корнемъ хоть какое толстое дерево. Этотъ богатырь— богъ-громовникъ; какъ олицетвореніе молніи, онъ рождается отъ облачной жены и сосетъ изъ ея груди животворное молоко-дождь. Съ громаднымъ деревомъ, вмѣсто дубинки, отправляется онъ искать новое, лучшее жилище для своей матери. Нашелъ богатый замокъ, очистилъ его отъ змѣевъ и поселился въ немъ вмѣстѣ съ матерью. Въ одной изъ комнатъ замка сидѣлъ змѣй, прикованный къ стѣнѣ тремя желѣзными обручами; такъ поступили съ нимъ его собственные братья. Отпусти меня на волю! просить змѣй богатыря. — «Э, если тебя приковали твои-же братья, то немного отъ тебя добра будетъ! Сиди-ка лучше здѣсь». Не удалось змѣю обмануть сына; за то удалось обольстить мать. Онъ объ-

¹⁾ Zeitschr. für D. M., II, 206—212; Шлейхеръ, 54—62; Гальтрихъ, 24; Вольфъ, 154-5, 251—7; Ганъ, 4, 24, 32; Матер. для изучен. нар. слов. 82-89.— ²⁾ Slov. pohad., 478-496; Westsl. Märch., 144-155.

шалъ взять ее замужъ, и она принесла ему изъ погреба три стакана вина; за каждымъ выпитымъ стаканомъ ложается и падаетъ съ змѣй по одному обручу: эпизодъ уже намъ знакомый! также срывается съ цѣпей и Кощей безсмертный. И вотъ змѣй на свободѣ, и замышляетъ, какъ-бы извести богатыря. По его наущенію, мать притворяется больною и посылаетъ сына за разными снадобьями, добываніе которыхъ сопряжено съ опасностью потерять жизнь. Онъ долженъ принести ей поросѣнка отъ дикаго кабана, живой и мертвой воды, золотое яблоко изъ драконова сада и птицу, которая своими крыльями подымаетъ столь сильный вѣтръ, что исторгаетъ изъ земли деревья. Въ этихъ подвигахъ ему помогаетъ святая Недѣлька (I, 241), замѣняемая въ другихъ редакціяхъ вѣщею, водяною дѣвою или вилою; она даетъ витязю и необходимые совѣты и волшебнаго коня Татешника. Добытую живую воду и птицу-вихрь Недѣлька удерживаетъ у себя, подмѣняя ихъ простой водою и обыкновенной птицею. Наконецъ коварной матери удается связать своего сына шелковымъ шнуромъ; на ея призывъ является змѣй и убиваетъ молодца. Мать вынимаетъ изъ него сердце и оставляетъ у себя, а прочія части разсѣченнаго трупя привязываетъ къ Татешнику, приговаривъ: «ты носилъ его живаго, носи же и мертваго — куда знаешь!» Конь приноситъ хозяина къ святой Недѣлкѣ, а та воскрешаетъ его живой водою. «Странно, говоритъ оживленный молодецъ, мое сердце не бьется!»—Какъ ему биться, когда его нѣту! «Гдѣ же оно?» Недѣлька рассказала ему все, что случилось. Молодецъ не почувствовалъ ни малѣйшаго гнѣва, потому что у него не было сердца. Св. Недѣлька нарядила его въ нищенское платье, дала въ руки волынку и послала въ замокъ: «ступай и въ награду за музыку выпроси свое сердце!» Богатырь пришелъ въ замокъ, заигралъ на волынкѣ; мать его пустилась плясать съ своимъ возлюбленнымъ змѣемъ и

плясала день и ночь, пока изъ силъ не выбилась, т. е. подъ звуки грозовой музыки начинается неистовая пляска облачныхъ духовъ. Получивши свое сердце, богатырь воротился къ мудрой Недѣлкѣ; Недѣлка смочила сердце живою водою и приказала чудесной птицѣ взять его въ клювъ и вложить доброму молодцу на прежнее мѣсто. Затѣмъ богатырь является въ замокъ, гдѣ въ то время мать его дѣлила любовь съ змѣею; схватилъ острый мечъ и отсѣкъ змѣю голову. Преступная мать также должна быть наказана; но врожденное чувство сына ужасается при мысли быть палачемъ своей матери, и онъ предоставляетъ ее суду божьему: «пусть судитъ тебя самъ Богъ!» Выводитъ ее на дворъ замка и бросаетъ вверхъ свой острый мечъ: «кто изъ насъ неправъ, того Богъ накажетъ!» Быстро пронёсся мечъ мимо головы сына и вонзился въ сердце матери. Эта глубоко-нравственная черта повторяется и въ русской сказкѣ: Иванъ-царевич беретъ тугой лукъ и каленую стрѣлу и идетъ съ матерью въ чистое поле; натянулъ лукъ, положилъ поодаль и говоритъ: «становись, матушка, рядомъ со мною; кто изъ насъ виноватъ, того каленая стрѣла сама найдетъ!» Мать прижалась къ нему близко-близко; по стрѣла нашла виноватаго, сорвалась съ лука и угодила ей прямо въ сердце ¹⁾. Такъ разить Перунъ молніеноснымъ мечемъ и стрѣлами мать свою — облачную нимфу, находя ее въ объятіяхъ демона-змѣя. Тоже преданіе о сынѣ-богатырѣ и злодѣйкѣ-матери, вступившей въ связь съ демоническимъ существомъ, содержитъ и черногорская пѣсня: «Јован и дивски старјешина» ²⁾, гдѣ виѣго змѣевъ встрѣчается съ диванъ, а роль св. Недѣлки исполняетъ вила. Семьдесятъ дивовъ, говоритъ пѣсня, жили на дивской горѣ, въ студеной пещерѣ; богатырь Јованъ всѣхъ ихъ перебилъ своею саблею.

¹⁾ Сравни у Валавца, 111-6.— ²⁾ Срп. н. пјесме, II, № 8.

но дивскій старѣйшина успѣлъ скрыться, и оставшись въ живыхъ, вошелъ въ любовь къ его матери. Хитрая мать связываетъ сына по рукамъ крѣпкой тетивкою и передаетъ его своему любовнику:

Хитро дива из пеѣине ¹⁾ вика;
 Врзо дивски доѣ старѣшина,
 Од Јована музу направилше:
 Обадва му ока извадише.

Слѣпой онъ былъ испѣленъ горною вилою, которая умыла его водою и сотворила ему ясныя очи; Јованъ торжествуетъ надъ злобою матери и убиваетъ дивскаго старѣйшину. У сербовъ дивъ — великанъ, гигантъ ²⁾; въ болгарской загадкѣ слово это служитъ для обозначенія бурнаго вихря: «дивъ дива гони, дивъ дива съ зжи гризе, дивъ диву гозба готви, дивъ съ дива гозба ѣде» ³⁾. Собственно дивъ означаетъ: свѣтлый, блестящій, и принималось арійскими племенами за названіе небеснаго свода; но такъ какъ съ одной стороны небо есть царство грозовыхъ тучъ, а съ этими послѣдними соединилось представленіе демоновъ ирака, чудовищныхъ змѣевъ и великановъ, и такъ какъ съ другой стороны въ самыхъ сверкающихъ молніяхъ предки наши усматривали падшихъ, низверженныхъ съ неба духовъ, то слово «дивъ» стало употребляться для обозначенія нечистой силы и великановъ (см. I, 127-8 и гл. XXII). Отъ этого слова, по указанію Я. Гримма, образовались *diabolos*, слав. дьяволъ, нѣм. *teufel* ⁴⁾. Отсюда понятно тождество дивовъ сербской пѣсни, обитающихъ въ горной пещерѣ, съ нашими Змѣями Горынычами. Старинные русскіе памятники говорятъ о поклоненіи богу Диву, и если въ этомъ свидѣтельствѣ вѣроятнѣе видѣть указаніе на свѣтлое небесное божество, то все-таки не можетъ быть сомнѣнія, что уже въ

¹⁾ Изъ пещеры.— ²⁾ Срп. рјечник, 118.— ³⁾ Изъ рукоп. сборн. г. Каравелова.— ⁴⁾ D. Myth., 938-9.

отдаленной древности съ словомъ «дивы» связывалось понятие о драконахъ и великанахъ тучъ. Слово о полку Игоревѣ упоминаетъ о дивѣ, возсѣдающемъ на деревѣ, подобно Соловью-разбойнику и мифическимъ змѣямъ. Рисуя картину ночной грозы, пѣвецъ говоритъ: «дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати землѣ незнаемѣ»; крикъ дива означаетъ громовый грохотъ и завываніе бури. Въ другомъ мѣстѣ поэмы, при описаніи военнаго погрома отъ половцевъ, сказано: «уже врѣжеса дивъ на землю» ¹⁾ — выраженіе, тождественное по смыслу съ нынѣ-употребительнымъ: «якъ хмара (туча) на насъ испала!» т. е. пришла бѣда. На Украинѣ до сихъ поръ слышится клятва: «щобъ на тебе дивъ пришов!» ²⁾ Съ словомъ диво ³⁾ однозначительно чудо (=щждъ, чудовище), встрѣчаемое въ старинныхъ рукописяхъ въ значеніи исполина, гиганта ⁴⁾; Морское чудо = Морской Царь, владыка дождевыхъ тучъ, точно также какъ Лѣсное чудо = лѣшій, обитатель облачныхъ лѣсовъ. Какъ у сербовъ див — великанъ, такъ, по русскимъ преданіямъ, великаны суть дивіи народы (см. выше стр. 454) или дикіе люди ⁵⁾; лѣшаго и лѣсунокъ также называютъ дикимъ мужикомъ и дивоженами (см. стр. 331, 343). Дикій — сокращенная форма изъ дивокій (= дивій). Первоначально эпитетъ этотъ означалъ: небесный или находящійся подъ открытымъ небомъ («sub dive» = «sub jove»); но впоследствии съ нимъ соединилось нравственное понятие. Когда славяне осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, сдѣлались осѣлыми земледѣльцами, тогда свой домашній бытъ подъ родною

¹⁾ Рус. Дост., III, 36-38. 130-2. — ²⁾ Нольс., 42, 73. — ³⁾ Дивный отъ див, подобно тому, какъ прекрасный по первоначальному смыслу: свѣтлый, блестящій. — ⁴⁾ Описан. славян. рукоп. моск. синодальн. библиотеки Невоструева и Горскаго, отд. 1-е, 69; отд. 2, II, 85, 261; Словарь церковнослав. Востокова, I, 46: «тогда бо быша чюдове на землѣ, речеше волотове.» — ⁵⁾ Н. Р. Сл., VII, 5, b. У немцевъ der wilde mann — великанъ.

кровлею стали они противопоставлять кочевью по дѣсамъ и степямъ ¹⁾; вмѣстѣ съ этимъ и прилагательное дивій = дикій (живущій подъ открытымъ небомъ) стало употребляться для обозначенія той особенной грубости нравовъ и привычекъ, которая нераздѣльна съ бытомъ кочевымъ, пастушескимъ. Такою ничѣмъ необузданною грубостью, дикостью номадовъ, отличалась и порода великановъ, какъ воплощеніе вѣчно-враждующихъ и разрушительныхъ стихій природы — буйныхъ вихрей и громовыхъ тучъ, постоянно-блуждающихъ (кочующихъ) по широкимъ воздушнымъ пространствамъ.

Къ одному разряду съ приведенными нами сказками принадлежит и валахская «Florian» т. е. Цвѣтъ-королевичъ ²⁾. Рожденіе юнаго героя, его смерть и снова возрожденіе къ жизни — вотъ основная мысль этой сказки. У нѣкоего короля была дочь — чудная красавица. Разъ принесла она пучокъ прекрасныхъ, пахучихъ цвѣтовъ, поставила ихъ въ воду, и потомъ, когда вода покрылась цвѣточною плодотворною пылью, выпила ее и сдѣлалась беременна (объясненіе см. выше, стр. 492). Раздраженный король заключилъ дочь въ бочку и пустилъ въ море; тамъ родила она сына-богатыря. Мальчикъ выросъ быстро, потянулся и разломалъ бочку: такъ рождается молніеносный богъ въ бочкѣ-облакѣ, плавающимъ по небесному океану, и рожденный тотчасъ-же разбиваетъ свою колыбель (I, 588). Мать съ сыномъ вышли на сушу и поселились въ замкѣ, который принадлежалъ чудовишнымъ змѣямъ. Флоріанъ побѣдилъ и заковалъ ихъ въ цѣпи; только одинъ змѣй успѣлъ спрятаться и остался на свободѣ. Во время отлучекъ богатыря изъ дому, змѣй этотъ превращается въ красиваго юношу, обольщаетъ королеву и сообщаетъ ей разныя сред-

¹⁾ У чеховъ дивокій употребляется въ смыслъ вѣшняго, въ противоположность внутреннему: *diwoká strana*—Ист. очер. рус. слов., I, 303.— ²⁾ Шоттъ, 27.

ства, какъ погубить Флоріана, чтобы не было никакой помѣхи ихъ взаимной любви. Королева притворяется'больною и проситъ сына достать ей цѣлебнаго лѣкарства. Одинъ разъ Флоріанъ приносить матери живаго буйвола, мозгъ котораго она признала необходимымъ для ея выздоровленія; въ другой разъ онъ убиваетъ медвѣдя, мясо котораго должно служить для той-же цѣли; въ третій разъ мать посылаетъ его на черную гору за живою водою. Флоріанъ отправился въ путь; близъ черной горы (= тучи) разстиралось бѣлое озеро, и въ томъ озерѣ купались водяныя дѣвы (нимфы, дарующія дождь): онѣ были такъ прекрасны, что юноша долго не въ силахъ былъ отвести отъ нихъ глазъ. Дѣвамъ также понравилась его мужественная красота; онѣ спросили: куда и зачѣмъ онъ идетъ? и опасаясь за его жизнь (ибо живую воду оберегала злой духъ), приглашали Флоріана остаться навсегда съ ними. Но онъ, ради сыновней любви, отказался и пошелъ на гору. Тамъ на верху черной горы окружилъ его густой, непроницаемый туманъ, и только онъ наклонился, чтобы почерпнуть воды изъ источника жизни, какъ въ ту же минуту закрутился страшный вихрь, подхватилъ юношу на воздухъ, разорвалъ на тысячи кусковъ и разметалъ ихъ по берегу озера. Въ полночь, когда полный мѣсяцъ взошелъ надъ озеромъ, проснулись водяныя дѣвы отъ своей дремоты на глубокомъ днѣ, выплыли на поверхность водъ и стали играть и плескаться. Вдругъ одна изъ нихъ подымаетъ жалостный плачь, является и подаетъ своей царицѣ сердце Флоріана, которое нашла въ волнахъ озера. Царица опечалилась, созвала подругъ и приказала собрать все растерзанные члены несчастнаго юноши, а одну изъ дѣвъ послала за живою водою. Когда приказъ былъ исполненъ, царица взяла собранные члены Флоріана, сложила ихъ вмѣстѣ, спрыснула живою водою, и возрожденный герой тотчасъ всталъ, будто пробудившись отъ крѣпкаго сна. Тутъ свѣдалъ

онъ про злой умыслъ на его жизнь, задушилъ змѣя, покинулъ преступную мать и отправился странствовать по бѣлому свѣту и совершать великіе подвиги. — Въ такой благоухающей свѣжести, по замѣчанію профес. Буслаева, сохраняетъ народная поэзія глубокомысленные мнѣя о растерзанномъ и возрожденномъ Озирисѣ, Вакхѣ, и другіе подобныя. Въ борьбѣ съ демоническимъ змѣемъ погибаетъ и самъ дожденосный Перунъ (= Вакхъ); дробимый на множество шумно-люющихся потоковъ и разносимый буйными вихрями по лицу земли, онъ умираетъ вмѣстѣ съ окончаніемъ ливня; но потомъ снова возрождается, какъ скоро разбѣянные части его тѣла будутъ собраны и окроплены живою водою, т. е. какъ скоро восходящія къ небу пары снова соберутся и образуютъ изъ себя дождевыя тучи. Въ позднѣйшихъ, подновленныхъ вариантахъ разсматриваемой нами сказки вмѣсто змѣевъ, съ которыми сражается богатырь, выводятся разбойники, а вмѣсто Змѣя Горыныча — любовникомъ царевны выставляется разбойничій атаманъ: замѣна эта — нисколько не удивительна, ибо со сказочными змѣями нераздѣльно представленіе о ихъ воровскомъ, разбойничьемъ характерѣ. Такимъ образомъ древнія мифическія преданія, съ теченіемъ времени, сводятся народомъ къ простымъ объясненіямъ, заимствуемымъ изъ его дѣйствительной жизни.

Тѣже самыя облака и тучи, въ которыя фантазія древняго человѣка видѣла змѣевъ — похитителей живой воды и золота солнечныхъ лучей, разсматривались и какъ внѣшній покровъ, одежда или шкура, въ которую облакаются свѣтлые боги и богини. Окутываясь темнымъ облачнымъ покрываломъ, боги какъ-бы оборачиваются въ змѣиную шкуру, и принимаютъ на себя чудовищный змѣиный образъ. Представленіе это стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ вѣрованіемъ въ оборотничество. Самъ богъ-громовникъ, засыпающій на зиму въ

одъшвенныхъ стужей тучахъ и до весны незримый въ блескѣ настоящей его красоты (т. е. перестающій блистать золотистыми молніями), на метафорическомъ языкѣ эпическихъ сказаній превращается въ змѣя и скрываетъ свой свѣтлый ликъ подъ его безобразными формами. Въ народныхъ сказкахъ ¹⁾ царевичъ-женихъ изображается иногда въ видѣ страшнаго змѣя; но такой демонической образъ есть слѣдствіе очарованія враждебныхъ силъ (Зимы), и только временно затемняетъ несказанную красоту добраго молодца. Съ подѣлуемъ любящей невѣсты колдовство разрушается: чудовищный змѣй преобразуется въ прекраснаго, статнаго юношу, и затѣмъ слѣдуетъ веселое торжество брачнаго союза, т. е. горячее дыханіе изъ устъ богини весны (о мифическомъ значеніи подѣлуя см. стр. 435) вызываетъ къ жизни Перуна; являясь въ грозѣ, онъ шлетъ на землю свое плодотворное сѣмя—дождь и чрезъ то заключаетъ благодатный супружескій союзъ съ природою. Мнѣ этотъ далъ содержаніе и сербской пѣснѣ: «Змија-младожена» ²⁾. Понесла плодъ королева и разрѣшилась лютымъ змѣемъ:

Дође време, време да се има,
Немаде се једно мушко чедо,
Но с' имаде једна змија л(ь)ута;
Како паде змија на земл(ь)ицу,
Једнак змија у дувар одмиле ³⁾.

Прошло семь лѣтъ, т. е. семь зимнихъ мѣсяцевъ, и провѣстился змѣй изъ стѣны: «о король, отецъ мой! что ты медлишь, для чего меня не женишь?» Уступилъ король желанію сына и поѣхалъ сватать за него царевну. И сказалъ ему царь, отецъ невѣсты: «если съумѣетъ змѣй довести сватовъ отъ вашего Будима-города до нашего Призрена — такъ, чтобы ихъ

¹⁾ Р. Н. Ск., VII, 15; Датскіе годы Багрова внука. 485-517: сказка „Аленькой цвѣточикъ“. — ²⁾ Сrp. в. пјесме, II, 51—61. — ³⁾ Тотчасъ по своемъ рожденіи змѣй заползъ въ стѣну.

ни солнце не освѣтило, ни роса не омочила (т. е. ни днемъ, ни ночью), то отдамъ за него дѣвоику!» Когда передалъ король отвѣтъ этотъ змѣю, онъ собралъ сватовъ и

Завеле се један модар облак
Од Будима до Призрена града,
Баш их вигде сунце не огреја,
Нит' их каква роса заросила.

Сыграли свадьбу, уложили молодыхъ спать; въ самую полночь королева подкралась къ ихъ спальнѣ:

Шта да види? чуда големога!
На јастуку од змије кошул(ь)а,
У душеку добар јунак спава,
Заглати Призренку девојку!
Свака мајка рада је породу,
Те украде од змије кошул(ь)у,
Па ју тури на ту ватру живу ¹⁾

Въ другомъ спискѣ этой замѣчательной пѣсни ²⁾ говорится, что огненный змѣй сбрасывалъ съ себя на ночь «крыла и окриѣе и кошуљу», что у него было три знака: «звуча шапа и орлуја панча ³⁾, из зубовъ му живи огањ скаче.» По сожженіи змѣиной сорочки или шкурки юнакъ умираетъ, т. е. когда живое пламя грозы испепелитъ змѣю-тучу, вмѣстѣ съ нею погибаетъ и самъ громовникъ. По свидѣтельству сербской сказки ⁴⁾, прекрасный юнакъ, когда спалили его змѣиную кошулю, исчезъ отъ своей молодой супруги, и она должна искать его, но до тѣхъ поръ не можетъ найти своего милаго, «док не подере гвоздене опанке и не сатре гвозден штап тражећи» (пока, странствуя, не износитъ желѣзной обуви и не сотрегъ желѣзнаго посоха ⁵⁾, т. е. (если не ошибаемся) пока

¹⁾ Переводъ: что же видить? о чудо великос! На подушкѣ лежить змѣиная шкурка, а на постели спитъ добрый юнакъ, обнявши дѣвицу! Мать радуется на свое дѣтище, похищаетъ змѣиную шкурку и бросаетъ ее на живой огонь.—²⁾ Срп. и. пјесме, II, 61-63.—³⁾ Орлиные кости.—⁴⁾ Срп. припов., 9, 10.—⁵⁾ Тоже условіе и въ русской сказкѣ—Н. Р. Сл., VII, 1.

совершенно не сброситъ съ рукъ и ногъ своихъ желѣзныхъ оковъ зимы ¹⁾).

Подобно жениху-Перуну, и невѣста его — богиня весенняго солнца и грозъ представляется въ нѣкоторыхъ народныхъ сказаніяхъ въ чудовищномъ образѣ змѣи; смыслъ этихъ сказаній все тотъ-же, только женихъ и невѣста мѣняются своими ролями ²⁾). Прекрасная царевна, околдованная Кощею безсмертнымъ, превращается въ зимній періодъ времени въ змѣю; герой, принимающій на себя подвигъ ея избавленія, долженъ семь лѣтъ оставаться въ оловянномъ замкѣ, на крутой горѣ, и только по истеченіи этого срока, т. е. послѣ семи зимнихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ темномъ облачномъ замкѣ на горѣ-небѣ, царевнѣ возвращается ея неописанная красота, а избавитель, въ награду за подвигъ, получаетъ славныя диковинки, въ которыхъ поэтически изображаются силы весенней природы. Таково содержаніе русской сказки. Въ нѣмецкихъ сагахъ, изданныхъ братьями Гриммами, встрѣчаемъ преданіе о зачарованной дѣвѣ, съ золотой короной на головѣ и съ длинными косами, ниспадающими до земли; ниже пупа она имѣла видъ змѣи, и могла быть избавлена отъ этого превращенія только подъ условіемъ, чтобы цѣломудренный юноша ³⁾ трижды поцѣловалъ ее ⁴⁾). Съ преданіями о змѣиной дѣвѣ (schlangenjungfrau) родственны сказки, сохраняющіяся у различныхъ народовъ въ весьма-близкихъ и сходныхъ редакціяхъ, о вѣщей царевнѣ, превращенной въ гадюку, преимущественно въ лягушку или жабу ⁵⁾). Эта царевна — див-

¹⁾ Сравни: Кулишъ, II, 14-16; Орленвейнъ, 2; Черты литов. нар., 71-72 — преданіе о дѣвицѣ, выданной за ужа. — ²⁾ Н. Р. Ск., VII, 43; Сказ. Грим., 92; Вольфъ, 206—216, 304; Ганъ, 31, 100; Pentamerone, I, 15. — ³⁾ Зима—время безбрачія, цѣломудрія бога-громоулика. — ⁴⁾ Deutsche Sagen, I, 13; сравни Н. Р. Ск., VII, стр. 158 — о проклятой дѣвицѣ, у которой туловище человѣчье, а голова змѣиная. — ⁵⁾ Н. Р. Ск., II, 23 и стр. 347-354; VII, 17; Труды курск.

ная, неслезанная красавица, и только на время, вследствие колдовства злой вѣдьмы (= Зины), облачается въ лягушечью кожурину. Стихійная природа ея очевидна: когда свекоръ заставляетъ ее показать образцы своего рукодѣля, она обращается къ буйнымъ вѣтрамъ, и тѣ приносятъ къ ней чудно-сотканные ковѣръ и сорочку—метафоры облачныхъ покрововъ; собираясь на царской пирь, она наказываетъ своему мужу-царевичу: «станетъ икрапывать дождь, ты скажи: это моя жена умывается! заблистаетъ молнія—объяви вѣзмъ: это моя жена одѣвается! а загремитъ громъ—говори: это моя жена ѣдетъ!» Когда царевичъ сжѣгъ лягушечью кожурину—вѣщяя жена покидаетъ его, и онъ вынужденъ искать ее въ подсолнечномъ царствѣ—у Коцея безсмертнаго, гдѣ и находить свою суженую не прежде, какъ истоптавши желѣзные сапоги и изглодавъ три желѣзныхъ просвиры. Чтобы возвратитъ ея любовь, царевичъ долженъ добыть то чудесное яйцо, въ которомъ скрывается Коцеева смерть, т. е. сила заклятiя тогда только прекращается, когда окончательно будетъ побѣжденъ демонъ зининихъ тучъ. По нѣмецкимъ сагамъ красавица-оборотень является сначала змѣею, потомъ жабою и наконецъ уже дѣвою, и во всѣхъ этихъ превращенiяхъ должна получить отъ своего избавителя по цѣлу; тогда она освобождается отъ злаго очарованiя и даритъ счастливаго юношу несчетными сокровищами ¹⁾).

Заклятая или очарованная царевна выступаетъ героинею весьма многихъ сказокъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ,

статистич. комитета, I, 523-5; Сказ. Грим., I, 63; Матер. для изучен. нар. слов., 22-24; Нов. и пред., 97—102. Персы признаютъ жабу созданиемъ Аримана—*Aedeutung. eines Systems der Myth.*, 169; съ помощiю этой гадины вѣдьмы совершаютъ свои чары, и сами онѣ нередко превращаются жабами.—¹⁾ *Beiträge zur D. Myth.*, II, 247.

и сказки эти, не смотря на обиліе сходныхъ сторонъ, представляютъ довольно-разнообразныя варіаціи одной и той-же основной темы. Очарованіе не всегда состоитъ въ измѣненіи человѣческаго образа на зѣбный или иной животный, что тѣсно связывается съ древнѣйшимъ олицетвореніемъ силъ природы различными птицами и звѣрами; но выражается еще въ болѣе простой формѣ—въ измѣненіи бѣлаго цвѣта на черныи, т. е. въ утратѣ блеска, сіянія, а слѣдовательно и красоты. Царевна-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ вѣчно-шумная, беспокойная нечистая сила, теряетъ свой бѣлоснѣжный цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ воронныхъ. Въ такомъ помраченномъ видѣ сидитъ она въ заколдованномъ дворцѣ или замкѣ (= въ зимней тучѣ). Чтобы освободить ее изъ-подъ заклятія, отъ сказочнаго героя требуется семь лѣтъ молчанія; это потому, что на всѣ зимніе мѣсяцы Перунъ дѣйствительно замолкаетъ. Злые духи напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы утратить и прогнать избавителя, и въ продолженіи трехъ ночей испытуютъ его смѣлость различными демонскими наводненіями: то грозятъ ему мучительною смертію, то скачутъ на него бѣшеными конями, то со всѣхъ сторонъ окружаютъ его клочущимъ пламенемъ, и т. дал. По мѣрѣ того, какъ близится срокъ избавленія, чернота все болѣе и болѣе умалается: и царевна, и кони ея становятся бѣлыми сначала до пояса, потомъ до колѣнъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы¹⁾. Это—то самое представленіе, на которомъ зиждется большая часть народныхъ эпическихъ сказаній: богиня весны (дѣва-Солнце), обезсиленная вѣдьмою-Зимою или помраченная демономъ-зѣбемъ, утра-

¹⁾ Н. Р. Сл., VII, 16; VIII, 12; Эрленвейнъ, 40; Slov. pohad., 76-99; сб. Валавца, 154-7; Штиръ, 5, 6; Сказ. Грм., 121, 197; Вольфъ, стр. 16-29, 40-53, 91-97, 127-133, 301-6

чизаетъ на извѣстное время свою блистательную красоту и снова обрѣтаетъ ее по окончаніи срока испытанія. Той-же измѣнчивой судьбѣ подвластны и прекрасныя нимфы водъ (т. е. дождевыхъ источниковъ): являясь въ лѣтнюю пору въ легкіхъ, бѣлоснѣжныхъ облачныхъ тканяхъ, озаренныхъ яркими лучами солнца, въ зимніе мѣсяцы онѣ одѣваются въ черныя, траурныя покровы и подвергаются злему очарованію. Это такъ называемыя бѣлыя жены и дѣвы (*weisse frauen, weissgekleidete jungfrauen*), о которыхъ рассказываютъ нѣмецкія саги, постоянно связывая съ ними идею заклятія. Онѣ осуждены пребывать въ заколдованныхъ (захваченныхъ нечистою силою) или подземныхъ замкахъ, въ нѣдрахъ горъ и въ глубокихъ источникахъ, оберегаютъ сокрытые тамъ клады—несчетныя богатства въ золотѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и нетерпѣливо ждутъ своего избавителя. Въ извѣстные дни года, жены и дѣвы эти показываются невдалекѣ отъ своихъ жилищъ очамъ смертныхъ, преимущественно невиннымъ дѣтямъ и бѣднымъ пастухамъ; показываются онѣ обыкновенно весною, когда цвѣтутъ майскіе цвѣты, на праздникъ Свѣтлаго Воскресенія и на Рождественскую ночь, слѣдовательно въ такое время, съ которымъ соединяется мысль о грядущемъ или уже наступившемъ пробужденіи природы отъ зимняго сна. Народныя саги повѣствуютъ о пастухахъ и путникахъ, которые видѣли, какъ при свѣтѣ полуденнаго солнца появлялась прекрасная дѣва, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ связкою ключей въ одной рукѣ (иногда—на поясѣ) и съ пучкомъ весеннихъ цвѣтовъ въ другой, раскладывала для просушки зѣрна пшеницы или мотки пражы, и смотрѣла на все дружелюбно, но грустно. Взятая у ней и принесенныя домой зѣрна и прядево обращались всегда въ чистое золото. Показываясь у источниковъ, она черпаетъ воду въ золотое ведро, умываетъ лице и руки, расчесываетъ золотымъ гребнемъ свои роскошныя, золотистыя косы, и потомъ удаляетъ-

ся въ горы или замокъ. Одному крестьянину подарила бѣлая дѣва прядь (очёсокъ) своихъ волосъ; воротившись домой, онъ нашёлъ эту прядь золотою. У чеховъ также известна *vila rapí* ¹⁾, которая весной и лѣтомъ появляется возлѣ студенцовъ, разговариваетъ съ дѣтми, пасущими стада, и потомъ скрывается въ колодцѣ (сравни стр. 126—7, 410). Въ Витебскѣ существуетъ преданіе о зачатой царевнѣ-красавицѣ, обитающей въ Воксальной горѣ; тамъ посреди великолѣпнаго чертога, освѣщеннаго безчисленнымъ множествомъ огней, возсѣдаетъ она на золотомъ тронѣ, одѣтая вся въ бѣлое, а подлѣ нея лежатъ груды золота и брилліантовъ. Наканунѣ Купалы царевна выходитъ изъ горы и разсыпаетъ вокругъ себя брилліанты, которые впрочемъ немедленно превращаются въ прахъ, какъ скоро прикоснется къ нимъ рука человѣка. Въ двѣнадцатомъ году, передъ народною войною, она звонила по ночамъ въ соборный колоколъ; но едва приближались къ ней, какъ тотчасъ-же исчезала ²⁾. Заколдованные замки, дворцы и горы суть тучи, оцѣпененныя дыханіемъ зимы; затаенные въ нихъ клады: золото и самоцвѣтныя каменья—солнечное сіяніе; водные источники—небесныя криницы живой воды, т. е. дождя; связка ключей—метафора молній, отмыкающихъ облачныя подземелья, скалы и криницы. Чтобы освободить бѣлую дѣву отъ заклятія, необходимо соблюденіе тѣхъ-же условій, на которыя указано выше: это или тяжелое испытаніе, полагаемое на избавителя (онъ долженъ держать ее за руку и хранить строгое молчаніе, не утрушаясь дьявольскихъ видѣній), или поцѣлуй, уничтожающій вліяніе колдовства. Такой подвигъ подъ силу только громовнику; старинныя преданія представляютъ его то прекраснымъ ребенкомъ, рождающимся въ шумѣ весенней грозы, то пастыремъ небесныхъ стадъ; согласно съ

¹⁾ Ганушъ, 120; Громанъ, 213; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.—²⁾ Путевыя замѣтки Давида Мацкевича (Кіевъ, 1856., 228.

этимъ, бѣлыя жены и дѣвы ищутъ своего избавителя между дѣтми и пастухами. Одинъ рыбакъ только что забросилъ свои сѣти, какъ увидѣлъ передъ собою бѣлую дѣву со связкою ключей; «твоя жена (сказала она) разрѣшилась мальчикомъ; ступай домой, возьми ребенка и принеси ко мнѣ, чтобы я могла поцѣловать его и быть свободною». Рыбакъ поспѣшилъ домой и нашелъ, что жена его дѣйствительно родила мальчика; но прежде, чѣмъ исполнить просьбу бѣлой дѣвы, онъ, по совѣту священника, окрестилъ дитя, и затѣмъ уже понесъ его на гору. Бѣлая дѣва сидѣла въ слезахъ и горько жаловалась, потому что только поцѣлуй некрещеннаго ребенка могъ освободить ее отъ заклятiя. Въ другомъ мѣстѣ показалась двумъ пастухамъ полубѣлая, получерная женщина и просила ихъ взойти на гору и освободить ее, въ награду за что имъ достанется все хранящееся тамъ золото; но пастухи не могли побѣдить своего страха, и когда минулъ часъ освобожденiя—она погрузилась въ гору, откуда долго слышались раздирающiя душу, печальныя ея жалобы; теперь не прежде, какъ черезъ сто лѣтъ родится тотъ, которому можно будетъ избавить ее! Несомнѣнна близость этихъ сказанiй, во первыхъ, съ преданiями о герояхъ, спящихъ очарованнымъ сномъ въ подземныхъ пещерахъ, и во вторыхъ—съ преданiями о богинѣ Гольдѣ; увлеченная въ полетъ неистоваго воинства, Frau Holda скрывается въ нѣдрахъ горъ и остается тамъ со всею своею свитою до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время ея освобожденiя и торжественнаго странствованiя по землѣ; подобно бѣлымъ женамъ и дѣвамъ, она купается при полднемномъ солнцѣ, расчесываетъ свои волосы, и при встрѣчахъ съ людьми награждаетъ ихъ золотомъ. Сокрытiю въ горахъ и подземельяхъ соответствуетъ погруженiе въ глубину водъ; идея того и другаго представленiя одна и таже, хотя и выражается въ различныхъ поэтическихъ образахъ: вмѣсто облачныхъ горъ

и подземелій фантазія живописуетъ тучи, какъ дождевыя моря, озера и источники. Гольда живетъ не только въ горныхъ пещерахъ, но и въ прудахъ и колодцахъ; духи героевъ и зачатые клады также почіуютъ въ водахъ. Такъ императоръ Карлъ сидитъ въ Нюренбергскомъ источникѣ, за столомъ, вокругъ котораго обвивается его длинная борода; кладъ Нибелунговъ, добытый нѣкогда изъ потока карлика Андвари, снова попалъ въ воду и лежитъ погруженный на днѣ Рейна. Чехи и донныѣ любятъ рассказывать о кладахъ, сокрытыхъ въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Народныя преданія упоминаютъ о дѣвницахъ, которыя, будучи уведены водяными духами, семь лѣтъ остаются вмѣстѣ съ ними и живутъ подъ водою; отождествляя бѣлыхъ женъ съ никсами, саги представляютъ ихъ нерѣдко съ рыбьими хвостами. Существуетъ наконецъ множество рассказовъ о цѣлыхъ городахъ, монастыряхъ и замкахъ, провалившихся подъ землю, на мѣстѣ которыхъ образовались глубокія озера; изъ нихъ омуты раздаются по временамъ колокольный звонъ и бываютъ видны верхушки башенъ; тамъ обитаютъ зачатые люди (эльфы ¹⁾). Тѣже преданія о дѣвницахъ, увлеченныхъ нечистою силою въ подводныя селенія, о скрытыхъ на днѣ озеръ церквахъ и раздающемся оттуда звонѣ извѣстны и на Руси. Въ тульской губ. сохранилась слѣдующая легенда объ одной церкви: былъ большой праздникъ; буйныя толпы, собравшись къ обѣднѣ, подрались въ самомъ храмѣ, и вотъ церковь со всѣми прихожанами быстро погрузилась въ землю, а на мѣстѣ, гдѣ она стояла, выступила темная и мутная вода. Такъ образовалось озеро, откуда и до сего времени слышится колокольный звонъ наканунѣ большихъ праздниковъ. О Поганомъ озерѣ, подъ Суздальемъ, рассказываютъ, что тамъ, гдѣ оно разстлаетъ свои воды, сто-

¹⁾ D. Myth., 564, 914-921, 931-4; Beiträge zur D. Myth., II, 239, 243, 247, 294-6

ялъ прежде монастырь; но когда однажды напали на него разбойники, то земля потряслась и скрыла обитель, вѣстѣ съ нечестивыми грабителями, въ своихъ глубокихъ провалахъ. Въ Коломнѣ указываютъ небольшой прудъ, откуда въ праздничные дни раздается колокольный звонъ: здѣсь въ давніе годы скрылась подъ землею церковь ¹⁾. Подобное-же преданіе сочеталось съ именемъ Венеты: этотъ славный городъ погрузился нѣкогда въ море; отъ времени до времени онъ подымается надъ поверхностію водъ и снова въ нихъ исчезаетъ; жители его обладали такими богатствами, что городскіе ворота и колокола были сдѣланы изъ благородныхъ металловъ и дѣти играли по улицамъ кусками серебра ²⁾. Эти подводные города и церковныя башни, дающія о себѣ вѣстѣ колокольнымъ звономъ, однозначительны съ тѣми очарованными горами, откуда слышится по временамъ стукъ оружія и звуки воинскихъ трубъ (см. выше стр. 442). Звонъ—метафора громовыхъ раскатовъ, зѣмки, города и башни—тѣ чуд еснызданія, которыя рисовались воображенію древняго человѣка въ грядяхъ лѣтнихъ облаковъ; съ наступленіемъ осени они подвергаются хищному нападению нечистыхъ духовъ и тонуть въ дождевыхъ потокахъ.

Итакъ временная утрата красоты сказочною царевною выразалась въ мнѣѣ: во 1-хъ, принятіемъ ею змѣйнаго образа, и во 2-хъ, помраченіемъ ея свѣтлаго лица и замѣною бѣлой одежды черною. Но, сверхъ сего, встрѣчается еще третье мнѣческое представленіе: подъ вліяніемъ зимней стужи легкая облачная одежда красавицы превращается въ жесткую кору, охватывающую все ея тѣло, чтд и продолжается до тѣхъ поръ, пока не разрубитъ молніеноснымъ мечемъ и не сниметъ эту кору пробудившійся въ весеннюю пору могучій Перунъ. Поѣхалъ Святогоръ (= исполнитъ-громовникъ, обитаю-

¹⁾ Рус. Пред., I, 16-18, 27-28; Труды яросл. стат. комитета, в. I—о подводныхъ монастыряхъ, чтимыхъ раскольниками.— ²⁾ Der Urspr. der Myth., 263.

щій въ святыхъ горахъ, т. е. тучахъ—см. гл. XXI) раз-
узнать свою судьбину: гдѣ и на комъ ему жениться? И было
ему предсказано мнѣческими кузнецами, кующими брачные
узы: «твоя невѣста въ поморскомъ царствѣ, въ престоль-
номъ городѣ тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ». Призадумал-
ся богатырь, направилъ путь въ поморское царство и нашолъ
дѣвицу—лежитъ во гноищѣ, спитъ крѣпкимъ сномъ,
а тѣло у ней словно кора еловая; поднялъ свой ост-
рый мечъ, ударилъ ее въ грудь и ухлалъ изъ царства.
Очнулась дѣвица отъ крѣпкаго сна—а еловая кора
съ нея спала, и сдѣлалась она красавицей и невиданной, и
неслышанной. Далеко пронеслась молва про ея красу, посвата-
лся за дѣвицу Святгоръ-богатырь, и женившись на ней, спо-
зналъ, что отъ судьбы не уйдешь ¹⁾. Кто не узнаетъ въ этомъ ве-
ликорусскомъ сказаніи того-же самаго преданія, какое въ пѣс-
няхъ Старой Эдды связано съ именемъ Зигурда? Послѣ того, какъ
герой этотъ побѣдилъ змѣя и овладѣлъ драгоцѣннымъ кладомъ,
онъ совершаетъ еще одинъ подвигъ: освобождаетъ вѣщую дѣ-
ву отъ ея зимняго усыпленія. Завидя вдаль на горѣ снѣ-
жный свѣтъ, подобный зареву пожара, онъ поскакалъ въ
ту сторону и обрѣлъ замокъ, внутри котораго лежалъ витязь
въ полномъ вооруженіи и спалъ глубокимъ сномъ. Зигурдъ сни-
маетъ съ его головы шлемъ, и чтоже?—передъ нимъ покоит-
ся красавица, а на ней твердая броня—будто прирос-
ла къ тѣлу. Тогда Зигурдъ чудеснымъ мечемъ Грамомъ
надрывиваетъ эту броню отъ головы внизъ и на обѣихъ ру-
кахъ и совлекаетъ ее съ сонной дѣвы. То была воинственная
валькирія Брунигильда: какъ только броня была снята—она
тотчасъ-же пробудилась отъ сна и встала ²⁾. Пламя, окружаю-
щее гору и замокъ, есть то грозное пламя, въ которомъ со-

¹⁾ Рыбник., I, 40—41.— ²⁾ Смирнокъ, 168.

крушаются тяжелые оковы, налагаемые на облака и тучи демонами зими. Согласно съ этимъ преданіемъ Эдды, сопоставляющимъ побѣду надъ дракономъ съ освобожденіемъ очарованной красавицы, в русской стихъ о Егоріи Храбромъ соединяетъ оба означенные подвига вѣстѣ: Егорій Храбрый, т. е. первоначально — побѣдоносный Перунъ, убиваетъ огнедышащаго змѣя, и освободивъ изъ-подъ его власти трехъ дѣвъ, приводитъ ихъ къ Іордань-рѣкѣ:

«Ой вы мои три родныхъ сестры!

Вы умойтея, окреститея.

Набралися вы духу нечистаго:

На васъ кожа (вар. тѣло), какъ еловая кора,

На васъ власы, какъ камышъ (вар. ковыль)-трава.¹⁾

Стихъ называетъ мать Егорія — Софіей Премудрою, слѣдовательно три сестры его — Вѣра, Надежда и Любовь. Смѣшивая древне-языческія преданія съ христіанскими, народная фантазія замѣнила трехъ вѣщихъ дѣвъ (норнъ, виль) тремя святыми сестрами, а мученичество, испытанное послѣдними отъ басурманскаго царя Діоклитіанища, сопоставила съ тѣми страданіями, какимъ подвергаются первыя въ темницахъ лютаго змѣя; омовеніе въ Іордань-рѣкѣ указываетъ на ту живую воду, которою смываются жесткіе покровы зими, т. е. на пролитіе весеннаго дождя.

Въ ту эпоху, когда позабытъ былъ дѣйствительный смыслъ древнихъ метафорическихъ выраженій, мифы о летучихъ, огненныхъ змѣяхъ повели къ обожанію змѣй обыкновенныхъ, ползучихъ²⁾). По словамъ Кромера, въ Литвѣ и Польшѣ дозволяли ужамъ и змѣямъ селиться въ домахъ, подъ печкою, чтли ихъ какъ пенатовъ и приносили имъ въ даръ мо-

¹⁾ Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 154; Калѣки Пер., II, 406. — ²⁾ «Закрой, Господи отъ змѣя ползучаго и летучаго» — Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 221.

локо, сыръ, яйца и куръ (сравни выше, стр. 539, съ преданіями о домовыхъ цмокахъ); если они вкушали предложенную имъ яству—это принималось за добрый знакъ, и наоборотъ нетропуная пища указывала на грядущія бѣдствія; нанести какой бы то ни было вредъ этимъ гадамъ и убивать ихъ — было строго воспрещено. Крестьяне наши до сихъ поръ считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ избѣ поселится ужъ, и охотно ставятъ для него молоко; убить такого ужа — величайшій грѣхъ! За змѣиными и ужовыми головками и шкурками признается цѣлебная сила ¹⁾. У другихъ народовъ находимъ болѣе ясныя свидѣтельства о религіозномъ чествованіи змѣй. И греки, и римляне чтили ихъ, какъ домовыхъ охранительныхъ духовъ; въ Афинахъ, подлѣ новорожденнаго ребенка, клали сдѣланную изъ золота змѣю. Но такъ какъ понятіе о семейныхъ и родовыхъ пенатахъ было распространяемо на цѣлые города и области, то полагали, что для каждой страны есть свой «genius, qui per anguem plerumque ostentitur». Въ Афинахъ на акрополѣ содержалась змѣя, посвященная богинѣ-покровительницѣ этого города ²⁾; во время персидской войны, когда медовый пирогъ, который ежемѣсячно приносили этой змѣѣ, остался несъѣденнымъ, афинскіе граждане отчаялись въ защитѣ своего города. Въ Эпирѣ, въ рошѣ Аполлона, водились змѣи, которымъ дѣлалась подобныя-же приношенія; если онѣ съѣдали приготовленную для нихъ пищу — это служило предвѣстіемъ изобилія и счастья въ теченіи цѣлаго года. Въ храмѣ элевзинской богини плодородія — Деме-

¹⁾ Абев., 201, Эти Сб., VI, 125; Ворон. Г. В. 1851, 10; Иллюстр. 1846, № 28; Рус. Сл. 1860, V, стат. Костомар., 6, 20; Нар. сл. раз., 121-3; Архивъ ист.юр. свѣд., II, (Михалонъ-литвинъ, стр. 2 предислов.); Слав. Миеол. Кайсарова, 87; Вѣсти. моск. арх. общ. 1867, III, 137; Lituania Шлейхера, 16.— ²⁾ Припомнимъ, что у ногъ Афины изображался драконъ, что на щитѣ своемъ она имѣла голову горгоны и что сама она называлась γοργώνις.

тры также содержалась змѣя ¹⁾. Древніе пруссы обожали огромную змѣю, за которою обязаны были смотрѣть жрецы; она покоилась на колосьяхъ и питалась молокомъ. Сверхъ того, сохранились еще извѣстія о почитаніи змѣй (эхиднѣ) лонгобардами ²⁾.

¹⁾ Der Ursprung der Myth., 39, 42-43, 75; Проппелех, II, изд. 3, 55.—²⁾ D. Myth., 648-9, 650-1: Andeutung eines Systems der Myth., 155. Обоготвореніе змѣй въ Египтѣ засвидѣтельствовано Геролотомъ.

XXI.

ВЕЛИКАНЫ И КАРЛИКИ.

Преданія о великанахъ общи всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Эти исполинскіе образы (созданіе которыхъ еще не такъ давно поверхностная критика приписывала только грубой, ни на чемъ неоснованной прихоти народнаго воображенія) нимало не покажутся намъ странными, противорѣчащими чувству художественной естественности, если мы убѣдимся, что они олицетворяли собой темныя массы тучъ, заволакивающихъ все безпредѣльное небо, и тѣ необоримыя силы природы, какими сопровождается ихъ воздушный полетъ: вихри, мятели, вьюги, градъ, дождевые ливни и громовые удары. Въ сокрушенныхъ обломкахъ скалъ, въ исторгнутыхъ съ корней вѣковыхъ деревьяхъ и въ другихъ слѣдахъ, оставляемыхъ разрушительными бурями и грозами, дѣтская фантазія первобытныхъ племенъ видѣла результаты свободной дѣятельности облачныхъ духовъ; отъ чрезмѣрности тѣхъ средствъ, какія требовались для совершенія подобныхъ подвиговъ, она необходимо заключала о громадности самыхъ дѣятелей. Такое стихійное значеніе великановъ наглядно раскрывается изъ присвоенныхъ имъ сверхъестественныхъ свойствъ, а равно изъ той обстановки, среди которой являются они въ народныхъ сказаніяхъ. Особенно интересны мнѣя о нихъ происхожденіи и гибели.

Въ началѣ вѣковъ, когда еще не было ни земли, ни неба,

по сказанію Эдды, огромная разверстая бездна; въ безднѣ лежало два царства: на югѣ Muspell — царство свѣта и тепла (muspell — огонь) и на сѣверѣ Niflheim — царство мрака и холода (nifl — neim). Посреди Niflheim'a былъ источникъ Hvergerd — бурливый, шумно-журчавый, изъ котораго исходили двѣнадцать окованныхъ потоковъ. Отъ дѣйствія южной теплоты льды начали таять, а изъ растопленныхъ капель произошелъ первозданный великанъ Ymir — имя, означающее: der tosende, gauschende. Во время сна Имиръ вспотѣлъ, и въ плодоносномъ потѣ подъ его лѣвой рукою родился мужъ и жена, а ноги его произвели шестиглаваго сына¹⁾: такъ создалось племя великановъ и нея — hrimthurser (reifriesen). Ледъ продолжалъ таять, и явилось новое существо — корова Audhumbla; изъ четырехъ сосцовъ ея лились млечные потоки, которые питали Имира; сама же она лизала ледяныя скалы (eissleine), и къ вечеру перваго дня образовались отъ того волосы, на другой день — голова, а на третій предсталъ огромный и

¹⁾ Также противоположность между двумя мірами указана въ финской повѣсти Калевалъ: Вейнела — страна свѣта и Похъюла — страна тумановъ и мрака (Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 154-6).
²⁾ Сравни съ индѣйскимъ сказаніемъ, что первый брагманъ (жрецъ) сотворенъ Брамю изъ устъ первозданнаго человѣка Ману, первый воинъ — изъ его руки, купецъ — изъ бедра, а слуга — изъ ноги (D. Myth., 536). Уста — эмблема вѣщаго слова и тѣхъ громовыхъ глаголовъ, которыми вызывается верховный жрецъ Агни; рука — эмблема молниеноснаго оружія, а слѣдовательно и самого громовника, этого небеснаго воителя и поборателя враждебныхъ полчищъ. Въ стихѣ о голубиной книгѣ сказано, что цари созданы отъ главы Адама, князья и бояре — отъ его честныхъ мощей, крестьяне и женщины — отъ его колѣна (Калъки Пер., II, 294); по свидѣтельству греческаго мифа, Діонисъ, установитель земледѣлія, родился изъ ладвен Зевса.

сильный мужъ по имени Вигі, напоминающій собою нашего сказочнаго героя: Бурю-богатыря, коровьяна сына. Отъ этого Вигі народился Вѳгг, который взялъ за себя дочь одного изъ великановъ, и плодомъ ихъ супружеской связи были три сына, принадлежащіе уже къ числу боговъ: Odhinn, Vili и Ve. Эти три брата, представители бурныхъ грозъ, убили Имира; изъ ранъ его излилось такъ много крови, что въ ней потонули всѣ великаны; только одинъ успѣлъ спастись на ладѣ съ своею женою, и отъ нихъ-то произошла новая, ютѣйшая порода великановъ. Сыновья Вѳгг'а бросили трупъ Имира въ разинутую бездну и создали изъ его крови море и воды, изъ мяса — землю, изъ зубовъ и костей — скалы, утесы и горы, изъ волосъ — лѣса, изъ мозга — облака, изъ черепа — небо, на которомъ утвердили огненные искры, вылетавшія изъ Muspellsheim'а, дабы онѣ освѣщали землю, какъ небесныя свѣтила. Земля была кругла и со всѣхъ сторонъ опоясывалась глубокимъ моремъ (= воздушнымъ океаномъ), за которымъ обитали великаны. Я. Гриммъ сближаетъ это сказаніе Эдды съ Гезіодовой теогоніей: разверстой безднѣ соответствуетъ хаосъ (*χάος* ¹⁾), изъ котораго родились первобытныя великанскія существа: *Ἐρεβος* (= Niflheim), Ночь и Земля; отъ послѣдней произошла Уранъ = облачное, грозовое небо, подобно тому, какъ по германскому преданію Земля была матерью громовержца Тора. Стародавніе мѣты, повѣдающіе о созданіи вселенной, изображаютъ собственно переходъ природы отъ ея зимняго омертвенія (= небытія) къ весенней жизни. Вліяніемъ южнаго, или чтò то же — весенняго тепла неподвижные, камню-подобные льды, произведенные сѣверными вьюгами ²⁾, оживають въ текучихъ и журчащихъ потокахъ и

¹⁾ Griech. Myth., I, 33: *Χάος* von *χαίνεσθαι* vgl. die Kluft der Klüfte, gar ginnunga, der nordischeu Mythologie. — ²⁾ Саверь, зима и смерть — понятія, постоянно отождествляемыя въ немецкихъ преданіяхъ.

въ легкихъ, поднимающихся къ небу парахъ; изъ капель растаявшаго инея (hgrin), т. е. изъ росы, напоющей воздухъ (thau — роса, thauen — таять), и сгущенныхъ тумановъ (nifl) нарождаются великаны дождевыхъ тучъ и корова-облако, возносящая изъ своихъ сосцовъ молоко-дождь ¹⁾. Вологодское откоровѣтъ — оттаять ²⁾ и серб. кравити — топять, влавить, кравитисе — изтаять ³⁾, отъ свкр. sgru — fluere, тапаге (причин. sgrāvajāmi ⁴⁾, указываютъ на древнѣйшую связь понятія о дождевой коровѣ съ дождевымъ облакомъ. Имиръ вскормленъ былъ молокомъ Авдублы; какъ воплощеніе тучи, готовый излиться шумными потоками дождя, этотъ первоначальный великанъ (ugrie) получилъ имя, знаменующее неистово-бурливый разгулъ весеннихъ водъ, что подтверждается и названіемъ Ута, присвоеннымъ морской женѣ. Изъ его пота (метафора скопляющихся паровъ) образуются всѣ другіе исполины — гримурсы.

Отголосокъ преданія о происхожденіи облачныхъ духовъ изъ тающихъ весной льдовъ и снѣга доселѣ слышится въ нашемъ народномъ сказаніи о Снѣгуркѣ. Снѣгурка (Снѣжевиночка, у нѣмцевъ Schneekind ⁵⁾) названа такъ потому, что родилась изъ снѣгу. Не было, говоритъ сказка ⁶⁾, у старика, у старухи дѣтей; вышелъ старикъ на улицу, сжалъ ко мочекъ снѣгу, положилъ его на печку—и явилась прекрасная дѣвочка. Переносъ мнѣ о рожденіи облачной нимфы подъ домовую кровлю, фантазія присвоила благодатное дѣйствіе весенняго тепла—очагу, какъ божеству, которое благословляетъ потомствомъ и охраняетъ семейное счастье. Есть еще другая вариация сказки о Снѣгуркѣ ⁷⁾: жиль-

¹⁾ D. Myth., 498-9, 525—6, 530, 540; Die riesen des germanisch. mythus, von K. Weinhold, 7—8.—²⁾ Обл. Сл., 147.—³⁾ Срп. рјечник, 296-7.—⁴⁾ Изв. Аж. Н., IV, 415.—⁵⁾ D. Myth., 528.—⁶⁾ Н. Р. Сж., VI, 25, б—⁷⁾ Киевлянинъ 1840, I, 71-78; Три сказки и одна повесть, Максимовича (Кіевъ, 1845)

былъ крестьянинъ Иванъ, жену его звали Марья; жили они въ любви и согласіи, состарились, а дѣтей у нихъ все не было; сильно они о томъ сокрушались! Вотъ наступила зима, молодого снѣгу выпало много—чуть не по колѣна; ребятишки высыпали на улицу играть, бѣгали, рѣзвились и наконецъ стали лѣпить снѣговую бабу. Иванъ да Марья глядѣли въ окно. «Пойди бы и намъ, жена, да слѣпить себѣ бабу!»—Чтожь, пойдѣмъ! только на что тебѣ бабу? будетъ съ тебя — и меня одной; слѣпимъ лучше дитя изъ снѣгу, коли Богъ живаго не далъ! «И то правда!» Вышли они изъ хаты и принялись лѣпить куклу, сдѣлали туловище и съ ручками, и съ ножками, приставили головку. «Богъ въ помочъ!» сказалъ имъ прохожій.—Спасибо; божья помочъ на все хороша! Вылѣпили они носикъ, сдѣлали вмѣсто глазъ двѣ ямки во лбу, и только что Иванъ начертилъ ротикъ, какъ тотчасъ дохнуло отъ куклы теплымъ духомъ. Смотритъ Иванъ—а вотъ ужъ изъ ямокъ голубые глазки выглядываютъ, и алая губки улыбаются. Зашевелила Снѣгурка, точно живая, и ручками, и ножками, и головкою. «Ахъ, Иванъ! вскрикнула Марья отъ радости, да вѣдь это Господь намъ дитя даетъ!» Бросилась обнимать Снѣгурку, и на рукахъ у нея очутилась въ самомъ дѣлѣ живая дѣвочка. Ростеть Снѣгурка не по днямъ, а по часамъ, что день—то все пригожѣе, красивѣе, и стала за зиму словно лѣтъ тринадцати, да такая смышленная—все разумѣетъ, про все рассказываетъ и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаться можно; завсегда добрая, послушная, привѣтливая, а собой бѣлая-бѣлая, какъ снѣгъ, румянца совсѣмъ не видать—словно ни кровинки нѣтъ въ тѣлѣ. Прошла зима, стало пригрѣвать весеннее солнце—Снѣгурка сдѣлалась грустна, и чѣмъ ближе къ лѣтнимъ жарамъ, тѣмъ она печальнѣе; все прячется отъ яснаго солнышка подъ тѣнь. Только и любо ей, какъ набѣгутъ на небо пасмурныя тучи, или какъ

пойдетъ она плескаться у студёнаго ключа. «Ужь не больна ли она!» думала старуха. Разъ надвинулась градовая туча, и Снѣгурка такъ обрадовалась граду, какъ другая не обрадуется и жемчугу; а когда градъ растаялъ отъ солнечныхъ лучей — она горько по немъ плакала. На Ивановъ день собрались дѣвки гулять, пошли въ рощу и взяли съ собой Снѣгурку; тамъ онѣ рвали цвѣты, вили вѣнки, пѣли пѣсни, а вечеромъ разложили костеръ и вздумали прыгать черезъ огонь. «Смотри же, говорятъ дѣвки Снѣгуркѣ, не отставай отъ насъ!» Затянули купальскую пѣсню и поскакали черезъ костеръ. Побѣжала и Снѣгурка, но только поднялась надъ пламенемъ, какъ въ ту же минуту раздался жалобный крикъ и потянулась Снѣгурка вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко и унеслась въ поднебесье. Въ такомъ граціозномъ поэтическомъ образѣ представляетъ народная фантазія одно изъ обыкновенныхъ явленій природы, когда отъ жгучихъ лучей лѣтняго солнца (купальскій костеръ — эмблема солнца) такутъ снѣжныя насыпи, и испаряясь, собираются въ дождевыя тучи. Въ зимнюю пору, когда облака изъ дождевыхъ превращаются въ снѣговыя, прекрасная облачная дѣва нисходитъ на землю — въ этотъ міръ, заселенный людьми, и поражаетъ всѣхъ своею нѣжною бѣлизною (т. е. падаетъ на поля въ видѣ снѣга); съ приходомъ же лѣта она принимаетъ новый, воздушный образъ, и удаляясь съ земли на небо, носится тамъ вмѣстѣ съ другими легкокрылыми нимфами. Съ русскою сказкою о Снѣгуркѣ можно сблизить сербское преданіе про короля Трояна, хотя это послѣднее и выражаетъ иную мысль. Въ Трояновомъ градѣ (теперь развалины на горѣ Церѣ) жилъ нѣкогда царь Троянъ; каждую ночь ѣздилъ онъ въ Сръмъ на свиданіе съ своею милою. Ѣздилъ Троянъ по ночамъ, потому что днемъ никуда не смѣлъ показываться, опасаясь, чтобы не растопило его ясное

солнце. Являясь въ Срѣмъ, онъ задавалъ конямъ овса, и какъ только кони съѣдятъ кормъ, а пѣтухи запоютъ предразсвѣтную пѣсню — тотчасъ-же пускался домой, чтобы поспѣть въ свой городъ до восхода солнца. Свѣдалъ про то мужъ или братъ его любовницы, повывергалъ у всѣхъ пѣтуховъ языки, а конямъ вмѣсто овса насыпалъ песку. Эта хитрость замедлила отъѣздъ Трояна; передъ самымъ разсвѣтомъ онъ вскочилъ на коня и поскакалъ въ свой городъ, но солнце достигло его на пути. Троянъ спрыгнулъ съ коня и спрятался въ стогъ сѣна; проходившія мимо коровы растрепали стогъ, и солнечные лучи растопили несчастнаго царя ¹⁾. Это-же преданіе занесено и въ сербскую сказку, напечатанную въ сборникѣ Анастасія Николыча ²⁾, гдѣ мѣсто Трояна заступаетъ змѣй. Въ одной изъ скандинавскихъ сказокъ говорится о великанѣ, который не былъ впущенъ въ свой замокъ до самаго разсвѣта, и вотъ — когда выѣхала на небесный сводъ прекрасная дѣва-Зоря — великанъ оглянулся на востокъ, увидѣлъ солнце и тотчасъ упалъ на землю и лопнулъ ³⁾. Эти замѣны прямо указываютъ на тождественность Трояна съ великанами и драконами. Наши старинные памятники причисляютъ Трояна къ языческимъ божествамъ и упоминаютъ о немъ наряду съ Перуномъ, Хорсомъ и Волосомъ. Такъ въ апокрифѣ „Хожденіе Богородицы по мѣстамъ“, славянскія рукописи котораго восходятъ къ XII вѣку, Пречистая дѣва спрашиваетъ: кто эти преданные адокиимъ встязаніямъ? и получаетъ отвѣтъ: «сіи суть, иже не вѣроваша во Отца и Сына и Св. Духа, но забыша Бога и... юже ны тварь Богъ на работу сотвориго — то они все боги провваша: сълнце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады... отъ каменн ту устроя Трояна, Хърса, Ве-

¹⁾ Срп. рјечникъ, 750; Пов. и пред., 1-6, 160 1.— ²⁾ Матер. для изучен. нар. слов., 25—26.— ³⁾ Кунъ, 92-93.

леса, Перуна» ¹⁾. Въ словѣ, помѣщенномъ въ полууставной рукописи Толстовскаго собранія — XVI вѣка ²⁾, читаемъ: «и да быша разумѣли многіи человекѣци, и въ прѣлѣсть велику не видятъ, инаше боги многы: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна» ³⁾. Имя Трояново встрѣчается и въ Словѣ о полку Игоревѣ въ слѣдующихъ загадочныхъ выраженіяхъ: «рища (Боянъ) въ тропу Трояню чрезъ поля на горы», «были вѣчи Трояни», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу», «вступил(а) дѣвою въ землю Трояню (Обида)». Имя Троянъ образовалось изъ слова три, трое, и весьма вѣроятно, что въ приведенныхъ свидѣтельствахъ старинныхъ рукописей донеслось до насъ воспоминаніе о томъ языческомъ божествѣ, какое извѣстно было у поморянъ подъ именемъ Триглава (см. стр. 524). По указанію одного изъ вариантовъ сербскаго преданія, царь Троянъ имѣлъ три головы и восковыя крылья; согласно съ греческимъ мифомъ о гибели Икара, крылья эти растаяли отъ дневнаго жара, что и было причиною его безвременной кончины ⁴⁾. Сродство Трояна съ Триглавомъ подтверждается еще тѣмъ, что у послѣдняго были козлиныя головы, а первому сербская сказка ⁵⁾ даетъ козьи уши. Напомнимъ, что летучій змѣй въ народныхъ сказаніяхъ бѣльшею частію представляется трехъглавымъ. Такъ какъ черныя, омрачающія небесный сводъ тучи и въ языкѣ, и въ повѣрьяхъ отождествлялись съ представленіемъ ночи и разстилаемыхъ ею тумановъ, то отсюда понятно, почему великаны признавались за демоновъ, наводящихъ ночной мракъ, почему самая Ночь была

¹⁾ Пам. стар. рус. литер., III, 119.— ²⁾ Рукопись эта сохраняетъ слѣды болгарскаго происхожденія.— ³⁾ Лѣт. рус. лит., кн. V, отд. 2, 5.—⁴⁾ Mittheilungen der K. K. Central-Commission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale 1865, январь и февр., 2.—⁵⁾ Срп. прѣпов., 39.

олицетворяема, какъ существо исполинское. По скандинавскому преданію, она — дочь великана Nörvi. Ничего такъ не боятся великаны, какъ дневнаго свѣта, потому что съ появленіемъ яснаго солнца нераздѣльна мысль о побѣжденной Ночи и разстѣянныхъ грозю тучахъ; выражаясь метафорически, великаны гибнутъ отъ блеска солнечныхъ лучей. Когда застигнетъ ихъ восходящее солнце, они немедленно разрываются (лопаются) на части, или каменеются (т. е. туманы разстѣваются, а ночная тьма удаляется въ глубокія ущелія скалъ ¹⁾). Какъ воплощеніе ночнаго мрака и тумановъ, Троянъ является съ захожденіемъ солнца и обнимаетъ Землю, прекрасную супругу свѣтлаго Неба; но при разсвѣтѣ дня, когда богиня Зоря выгоняетъ небесныхъ коровъ, онъ исчезаетъ вмѣстѣ съ ночными испареніями, оставляющими на поляхъ свои влажные слѣды въ капляхъ утренней росы. Крылья—метафора темныхъ покрововъ, которыми Ночь застилаетъ весь видимый міръ (см. I, 544). Сходно съ этимъ, ночеподобная туча умираетъ въ дождевыхъ потокахъ, какъ-бы растопленная жгучими лучами солнца; вотъ почему, какъ скоро растаяли крылья Икара, онъ потонулъ въ волнахъ глубокаго моря.

Между потомствомъ баснословной коровы Абдумблы и гриффурсами начинается, по сказанію Эдды, ожесточенная борьба; Имиръ убитъ, и въ крови его, т. е. дождѣ, погибаетъ — тонетъ древняя порода великановъ, кромѣ одной четы, которая спасается на ладѣ и производитъ новое поколѣніе. Такъ съ гибелью великановъ-тучъ соединяется мысль о потопѣ, т. е. о дождевыхъ ливняхъ и весеннемъ наводненіи. Преданіе это составляетъ общее достояніе индоевропейскихъ племенъ и запечатлѣно глубочайшею древностью. У славянъ доселѣ живы

¹⁾ Germ. Mythen, 187—9.

сказанія, что порода великановъ отличалась необычайной суровостью, что они постоянно враждовали другъ съ другомъ и вели нескончаемыя жестокия войны (—поэтическое предствленіе небесныхъ грозъ), что за эту вражду они были наказаны потопомъ, въ которомъ и погибли всё до единого¹⁾, т. е. въ переводѣ на прозаическій языкъ: тучи тотчасъ-же исчезаютъ съ неба, какъ скоро изольются на землю обильными потоками дождя. По нѣмецкимъ сагамъ, озѣра и болота создались изъ крови пораненныхъ великановъ; по указанію нашихъ былинъ, рѣки и источники образовались изъ крови убитыхъ богатырей, а кровь змѣя, поражаемаго громовникомъ, затоляетъ мать-сырую землю, пока эта послѣдняя не пожретъ ее въ свои широкія нѣдра (стр. 223, 519). Литовскій мнѣ приписываетъ всемірный потопъ высочайшему изъ небесныхъ боговъ Прамжу (Pramžimas), въ которомъ чтли верховнаго устроителя вселенной: онъ владѣетъ небесными громами, и когда бываетъ раздраженъ на землю, то сѣчетъ ее такъ сильно, что она дрожитъ подъ его могучими ударами. Такъ объясняютъ литовцы землетрясеніе, придавая земному шару чувство жизни. Если мы припомнимъ, что молнія метафорически называлась плетью, что тучи уподоблялись горамъ и подземельямъ, что отъ ударовъ грома, по эпическому выраженію, донинѣ-живущему въ различныхъ языкахъ, дрожитъ земля; то для насъ будетъ ясно, что въ приведенномъ повѣртіи собственно живописуется лѣтняя гроза. Однажды Прамжу, смотря изъ окна своего небеснаго дворца на землю, узрѣлъ на ней общую неправду: люди забыли о первоначальной простотѣ, любви и согласіи; жестокия войны, грабежи и ссоры почти не прекращались. Разгнѣванный богъ рѣшился наказать людской родъ потопомъ; онъ послалъ двухъ

¹⁾ Основа 1861, III, ст. Костомар., 115; Этн. Сб., V, стат. о кашубахъ, 126.

злыхъ великановъ: Воду (Wandŭ, т. е. дождь) и Вѣтеръ (Wejas), которые устремились на грѣшную землю, схватили ея плоскій кругъ въ свои могучія руки и стали потрясать имъ съ такою силою, что почти все живое потонуло въ волнахъ. Такъ опустошали они землю двадцать дней и ночей. Замѣтимъ, что и другіе народы давали божествамъ воду и вѣтровъ зпитевъ колебателей земли: Веды даютъ это прозваніе Марутамъ, Иліада — Посейдону ¹⁾. Еще разъ взглянулъ Прамжу на землю; въ то время онъ грызъ орѣхи изъ небесныхъ садовъ, и завидя нѣсколько паръ людей и животныхъ, искавшихъ спасенія на вершинѣ высокой горы, бросилъ имъ орѣховую скорлупу. Люди и звѣри взошли въ эту скорлупу, которая и поплыла по широкимъ, все-покрывающимъ водамъ, точно искусно-сдѣланная лодка. Когда наконецъ буря стихла и воды покрыли сушу, спасенные люди разбрелись въ разныя стороны. Одна чета поселилась тамъ, откуда впоследствии вышло литовское племя; отягченная старостью, она не имѣла надежды на потомство, но явилась Радуга и научила опечаленныхъ супруговъ создать новое поколѣніе изъ камней²⁾. По греческому преданію, Зевсъ истребилъ потопомъ буйную породу иѣдныхъ людей, соответствующую скандинавскимъ великанамъ-гримтурсамъ; онъ послалъ сильной, проливной дождь, такъ что вся Эллада покрылась водою и всѣ обитатели ея потонули. Спаслись только Девкаліонъ и Пирра; по совѣту Прометея, Девкаліонъ построилъ ящикъ и вошелъ туда вмѣстѣ съ своей женою. Девять дней и ночей носились они по волнамъ; а когда гроза стихла, пристали къ горѣ Парнасу, принесли жертву Зевсу-тучегонителю, и прыгая черезъ камни, создали себѣ юное потомство (см. стр. 474). Магабарата изображаетъ потопъ съ слѣдующими подробностями: въ то время,

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1845, XII, 137.— ²⁾ Черты литов. нар., 69-70; D. Myth., 545-7.

какъ умножились на землѣ грѣхи, король Ману (нѣм. m a n u — бошо, первый человекъ, см. стр. 486) пришелъ на берегъ потока принести покаяніе; тутъ послышался ему голосъ маленькой рыбки, умолявшей о спасеніи. Король положилъ ее въ сосудъ, но рыба начала быстро рости и пожелала, чтобъ ее пустили въ озеро; здѣсь она такъ увеличилась, что въ короткое время не могла уже двигаться, и была перенесена въ Гангъ, а потомъ — въ море. Отъ нея узналъ Ману о приближеніи страшнаго потопа; онъ долженъ былъ построить корабль, войти въ него съ семьей мудрыми (rishis) и взять съ собою сѣмена всѣхъ твореній. Когда корабль былъ готовъ и Ману вошелъ въ него съ своими спутниками, явилась гигантская рыба, прикрѣпила къ себѣ корабль и цѣлый годъ носила его по бурнымъ волнамъ, потомъ остановилась у вершины Nīlavān'a и рекла: «я — Брами, владыка всего сущаго; выше меня нѣтъ ничего! въ образѣ рыбы я былъ вашимъ спасителемъ, и теперь, Ману, ты долженъ создать міры, боговъ, асуровъ, людей и всѣ творенія¹⁾». Въ этихъ древнихъ преданіяхъ о потопѣ мы видимъ не болѣе, какъ различныя варіаціи одного и тогоже мифическаго представленія. Въ періодъ таинныя снѣговъ плодятся и множатся великаны-тучи и захватываютъ въ свою власть «весь бѣлый свѣтъ», т. е. все свѣтлое небо; въ шумѣ наступающаго затѣмъ грозъ они предаются злобой враждѣ и битвамъ, творятъ насилія и неправду, и наконецъ погибаютъ въ потопѣ, очищающемъ міръ отъ этихъ первобытныхъ суровыхъ обитателей; спасается только одинъ праведникъ, будущій родоначальникъ новаго человѣческаго рода. Вслѣдъ за окончаніемъ потопа и гибелью великановъ водворяется благодатная весна — слѣдуетъ возрожденіе или созданіе вселенной. По свидѣтельству Эдды, она создается изъ расстѣ-

¹⁾ D. Myth., 543—4. Превращеніе Брами въ рыбу стоитъ въ несомнѣнной связи съ тѣми народными вѣрованіями, какія разобраны нами въ гл. XVI, стр. 162—6.

ченнаго трупна Имира, т. е. изъ-за мрачныхъ тучъ, разбитыхъ молніями, показывается ясное небо съ своими блестящими свѣтлами, а изъ-подъ снѣговъ и ледяной коры, растопленныхъ солнечными лучами, выступаетъ земля съ ея текучими водами, цвѣтами и зеленью. Этому скандинавскому мнѣю соотвѣтствуетъ наше преданіе, занесенное въ стихъ о голубиной книгѣ, хотя оно и значительно-подновлено въ христіанскомъ духѣ; какъ тамъ вселенная образуется изъ различныхъ частей великана Имира, такъ у насъ всему міру начало — Христось, которому народная фантазія даетъ исполнскій образъ, объемяющій и небо и воздухъ: солнце создано изъ его пречистаго лика, мѣсяць — изъ его груди, звѣзды — изъ его очей, вѣтры — изъ его устъ (дыханія), дожди и роса — изъ его слезъ, и такъ дал. Устроителями міра, по сказанію Эдды, были боги: Одинъ, шествующій въ грозovýchъ буряхъ и нерѣдко представляемый великаномъ, и его мудрые братья; по индѣйскому преданію, это творческое дѣло совершаетъ Ману, т. е. собственно: богъ-оплодотворитель земли, весенній громовникъ, плавающій по небесному океану въ кораблѣ-тучѣ и рассыпающій изъ него плодоносное сѣмя дождей, силою которыхъ и восстанавливается жизнь омертвѣлой природы ¹⁾. Онъ призываетъ къ бытію не только земной міръ, со всѣми его твореніями, но и самыхъ свѣтлыхъ боговъ и враждебныхъ имъ асу-

¹⁾ Въ плавающей тучѣ повѣтская фантазія усматривала иногда колыбель, въ которой покоится малютка-новорожденная молнія. Такъ вельская сага рисуетъ потопъ въ слѣдующей картинѣ: въ Brecknockshirъ — тамъ, гдѣ разстлана теперь великое озеро, въ древнія времена стоялъ славный городъ; жители его погрязли въ грѣхахъ, не знали состраданія къ бѣднымъ странникамъ, и были за то наказаны всеобщимъ потопомъ. Посреди водъ, затопившихъ равнину, плыла только колыбель съ плачущимъ ребенкомъ; изъ всѣхъ обитателей грѣшнаго города онъ одинъ избѣжалъ смерти (D. Myth., 546; смачи Срп. и. пѣсме, I, № 207).

ровъ, т. е. творить и ясное небо съ солнцемъ, луною и звѣздами, и темныя дождевыя облака. Въ литовскомъ сказаніи корабль-туча замѣняется скорлупою орѣха, сорваннаго въ небесныхъ садахъ, что вполне согласуется съ посвященіемъ орѣховаго дерева Перуну и съ скандинавскимъ мифомъ о превращенной въ орѣхъ Идунѣ (см. стр. 319). Такъ какъ богъ-громовникъ, низойдя на землю въ блестящей молніи, устроилъ первый домашній очагъ и основалъ первый семейный союзъ (см. стр. 470), то арійское племя признавало въ немъ своего родоначальника—того первоизданнаго человѣка (ur Mensch), отъ котораго произошли всѣ многочисленныя народы. Согласно съ этимъ, первый человѣкъ былъ представляемъ великаномъ (стр. 472—7): «čovjek bijaše velik ludjak, говоритъ краинское преданіе, ni i silan junak, dug kapo polje, komu se do kraja ne vidi, a krupan kapo goga šumovita». Когда онъ спалъ, то въ густыхъ волосахъ его гнѣздились ястребы, а въ ушахъ пряталась лисица. Ему ничего не стоило перескочить черезъ море, не замочивъ ноги; пущенная имъ стрѣла достигла до небеснаго «stola, gdje kokot sjedi i božje jestvine čuva», ¹⁾ и поразила этого чудеснаго пѣтуха. Однажды человѣкъ-исполинъ и хитрый Курентъ поспорили между собою, кому изъ нихъ обладать бѣлымъ свѣтомъ; долго боролись они, изрыли ногами всю землю и сдѣлали ее такою, какова она теперь: гдѣ прежде были широкія равнины, тамъ появились высокія горы и глубокія пропасти. Ни тотъ, ни другой не осилилъ противника. Тогда Курентъ взялъ виноградную лозу и стиснулъ такъ крѣпко, что «gujno vino iz nje udagilo»; этимъ виномъ онъ упоялъ человѣка въ то самое время, когда тотъ сидѣлъ на высокой горѣ за божьимъ столомъ. «Naskorom se Bog povratio i ugledav čovjeka, gdje mu

¹⁾ Переводъ: гдѣ сидитъ пѣтухъ и сторожить божія яства.

za stolom driemlje, razjadi se te ga baci silnom rukom niz goru, gdje sav pobijen i čstetjen, polu mrtav mnogo godina le-žaše. Kad opet ozdravi, snaga mu propala, ne može ni preko mora, ni na dno zemlje, ni uz goru do nebeskog stola. Tako zavlada Kur-ent svietom i čovjekom, a ljudi su od onda slabi i maleni. ¹⁾ Высокая гора означаетъ здѣсь небо, вино — живительный напитокъ дождя; Курентъ, какъ создатель этого напитка и какъ представитель грозовой музыки (I, 334), напоминаетъ собою Одина ²⁾; а паденіе челоуѣка съ небесныхъ высотъ род-нится съ мифами о низверженномъ на землю Геестѣ и побѣж-денныхъ титанахъ. По другому крайнскому преданію, челоуѣкъ которому суждено было спастись отъ всемірнаго потопа, взо-шелъ на вершину высочайшей горы, и когда стали прибывать воды — ухватился за виноградную лозу; лоза эта служила палицей Куренту, который поднялъ ее высоко надъ обла-ками, и такимъ образомъ спасъ челоуѣчскій родъ отъ конеч-ной гибели. Во все время, пока продолжался потопъ, чело-уѣкъ висѣлъ на воздухѣ, держась за виноградную лозу и пи-таясь ея гроздіями и виномъ ³⁾.

Въ бѣлорусскомъ краѣ и въ тульской губ. великаны на-званы подъ именемъ волотовъ ⁴⁾; мадоруссы называютъ

¹⁾ Переводъ: Вскорѣ воротился Богъ и увидѣлъ челоуѣка, дре-млющаго за столомъ; разгнѣвался и сбросилъ его сильной рукою съ горы внизъ, отчего много дѣтъ лежалъ онъ разбитый и полумерт-вый. Когда челоуѣкъ оздравѣлъ, сила его пропала: не могъ онъ ни сваять черезъ море, ни спускаться въ глубь земли, ни воско-дить вверхъ къ небесному столу. Такъ завладѣлъ Курентъ свѣтомъ и челоуѣкомъ, и люди съ той поры сдѣлались слабы и малы. — ²⁾ Одинъ, превратившись въ змею, похитилъ вдохновительный медъ; сатана въ видѣ змеи или черви соблазнилъ Адама, напоивъ его винограднымъ сокомъ, послѣдствіемъ чего и было изгнаніе перваго челоуѣка изъ рая (см. I, 401). — ³⁾ Эрбенъ, 259-264. — ⁴⁾ Обл. Сл., 27; Рус. Вѣст. 1862, III, 55-57; Географич. Словарь Ше-хатова, I, подъ словомъ волоты.

ихъ велетнями ¹⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слово волотка употребляется для обозначенія древнихъ кургановъ, которые считаются въ народѣ за могилы исполиновъ и богатырей ²⁾. По мнѣнiю Шафарика, волоть и велеть—формы, родственныя съ хорватск. великашъ (velikaš) и словен. велиакъ (veljāk), и буквально означаютъ велий мужъ, великанъ ³⁾. Древне-русская редакція хроники Амартола даетъ великанамъ названiе полоникъ: «бысть нѣкыи гигантши, рекомыи полоникъ, имя ему Невъродъ»; «родишася гигантове, еже сказуется полоници» ⁴⁾. Въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ слово «полоникъ», «полоници»—пояснительная прибавка славянскаго переводчика. Слово это одного происхожденiя съ лужицк. рlоn (см. выше стр. 555) и указываетъ на сродство великановъ съ баснословными змѣями, что, какъ мы видѣли, подтверждается и словомъ дивъ, равно означющимъ и змѣя, и великана (см. стр. 616—9). Великорусскiя сказки, выводя на сцену исполиновъ, называютъ ихъ дикими людьми и обрисовываютъ такими красками: ростомъ великанъ выше лѣсу, вмѣсто палки держитъ въ рукѣ вырванный съ корнемъ дубъ или сосну; на обыкновеннаго смертнаго онъ смотритъ презрительно, какъ на слабаго червя, котораго ничего не стоитъ ему раздавить ногою; самыя глубокiя моря онъ можетъ свободно переходить въ бродъ; громадная голова великана, сражающаго на ратномъ полѣ, представляется страннику высокимъ холмомъ. Одинъ изъ такихъ исполиновъ тридцать три года лежалъ убитымъ въ полѣ, но будучи окроплёнъ живою во-

¹⁾ Малорос. Слов. Чужбинскаго, 24: вѣлетень.— ²⁾ Историч. разговоры о древностяхъ велик. Новгорода, 7—8; Черты литов. нар., 75.— ³⁾ Славян. древности, II, кн. 3, 94, 104. Г. Милуцкiй признаетъ: велий, великiй, болий, волоть, велеть, латин. valeo, validus, и санскр. bala (сила, могущество; сильный, огромный)—словами одного происхожденiя (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 571).— ⁴⁾ Записки И. Ак. Н., VI, кн. 2, 274.

дою—вскочилъ и тотчасъ-же предложилъ своему избавителю помѣриться въ рукопашномъ бою. Эта неутомимая жажда битвъ весьма знаменательна; она указываетъ на тѣ дикія и грубыя страсти, какими народная фантазія надѣлила великановъ, воплощая въ ихъ образахъ страшныя и неразумныя силы физической природы¹⁾. Въ могилевской губ. о богатыряхъ-великанахъ рассказываютъ, что они принадлежатъ къ породѣ бессмертныхъ, растутъ не по днямъ, а по часамъ и минутамъ, головою достаютъ до облаковъ и шествуютъ по слѣдамъ вѣтровъ съ одного конца земли на другой: такъ живо представлялись нѣкогда народному уму быстрое возрастаніе тучъ, надвигающихся на небесный сводъ, и ихъ стремительный полетъ по воздушнымъ пространствамъ. Какъ въ Литвѣ признаются великанами Вода и Вѣтеръ (стр. 646), такъ въ могилевской губ. сохраняется преданіе о двухъ мальчюкахъ исполинскаго племени: одинъ изъ нихъ дунулъ и въ прахъ разметалъ по воздуху всѣ крестьянскія хаты²⁾, а другой плюнулъ—и образовалось бездонное озеро. Когда, во время сильной бури, вихрь вырываетъ столѣтніе дубы и кругомъ блистаютъ яркія и частыя молніи—явленіе это крестьяне называютъ игрою богатырей³⁾. Въ сказкахъ извѣстенъ богатырь Дубыня, исторгающій съ корнями вѣковые дубы и другія старыя деревья. Литвины приписываютъ борьбѣ великановъ съ северное сіяніе⁴⁾, очевидно смѣшивая эту великолѣпную картину съ лѣтнею грозой. Въ Малороссіи до сихъ

¹⁾ Н. Р. Сж., II, стр. 402; VI, 53, а; VII, 5, b, 23, 42; Этн. Сб., V, 99—100 (стат. о кашубахъ). У финновъ *Turrisas*, богъ войны, принадлежитъ къ породѣ великановъ (*turgas, tursas, turgisas*—великанъ); передъ началомъ войны онъ является въ облакахъ и бьетъ въ свой барабанъ—D. Myth., 892.—²⁾ Сравни кашубскій рассказъ (Этн. Сб., V, 128): великанка дунула съ такою силою, что человекъ, которому поручено было затопить печь, вылетѣлъ въ трубу.—³⁾ Могилев. Г. В. 1851, 18.—⁴⁾ Черты литов. нар., 69.

поръ не забыто поэтическое преданіе о великанѣ, который былъ такъ громаденъ, что ему не было ни крова, ни пристанища. И вотъ задумалъ онъ взойти на безпредѣльное небо: идетъ—моря ему по колѣно, горы переступаетъ, и взобрался наконецъ на высочайшую изъ земныхъ скалъ; радуга—этотъ мостъ, соединяющій небо съ землею, принимаетъ его и возноситъ къ небеснымъ обителямъ. Но Господь не пускаетъ туда великана ¹⁾, а на землю уже нѣтъ дороги, и остался онъ навсегда между небомъ и землею; тучи ему—постель и одежда, крылатые вѣтры и птицы (олицетвореніе тѣхъ-же вѣтровъ) носятъ ему пищу, а радуга, наливаясь водою, утоляетъ его жажду. Но тяжка жизнь безлюдная; горько возрыдалъ великанъ, и слезы его дождемъ полились на поля и нивы; отъ стоновъ его раздались громы и потрясли низменную землю²⁾). Народная легенда представляетъ св. Христофора велвканомъ; когда умерла его мать — онъ сѣлъ надъ страшною пропастью и заплакалъ; слезы наполнили бездну и образовали широкое море: отъ того-то морская вода солона и горька, какъ слезы! ³⁾ Тотъ-же сверхъестественный, стихійный характеръ сохраняютъ великаны въ эпическихъ сказаніяхъ грековъ, скандинавовъ, нѣмцевъ, литовцевъ, финновъ и другихъ народовъ. По свидѣтельству греческихъ памятниковъ, братья Вѣтры олицетворялись въ титаническихъ образахъ; германскія саги говорятъ о великанахъ и великанкахъ, которые насылаютъ градъ, вихри и непогоду ⁴⁾; Эдда называетъ великана Hraesvelgr: въ образѣ орла сидитъ онъ на краю неба и взмахомъ крыльевъ направляетъ на людей бурные

¹⁾ По свидѣтельству Эдды, богъ Геймдалль приставленъ былъ оберегать мостъ-радугу, чтобы не овладѣли имъ великаны и не вторглись въ свѣтлое царство асовъ—см. т. I, 361.—²⁾ О. З. 1840, II, смѣсь, 46-47.— ³⁾ Семеновск., 27.— ⁴⁾ Такъ великанка Gridh изъ поздрей своихъ выдыхала градъ и бурю.

вѣтры; въ другомъ мѣстѣ Эдда упоминаетъ о великанкѣ Нуг-гокип (*igne fumata*), которая прѣзжаетъ на волкѣ, взнузданномъ змѣями, т. е. на тучѣ, сверкающей молніями: едва толкнула она погребальный корабль Бальдура, какъ тотчасъ блеснулъ огонь, земля задрожала и тяжелое судно двинулось въ море; на связь великановъ съ мифическими волками указываютъ нѣкоторыя изъ собственныхъ именъ (извѣстны великаны *Ulfgr=Wolf*, *Ylfingr=Wolfskind*) и родство волка Фенрира съ исполнскимъ племенемъ. Въ старинныхъ заклинаніяхъ были призываемы *Mergmeit* и *Fasolt*, какъ злые духи — виновники бурн; послѣдняя героическая сага изображаетъ великаномъ, братомъ Еске—властителя потоковъ и волнъ. Оба брата въ качествѣ полубоговъ, заправляющихъ бурями и взволнованнымъ моремъ, стоятъ въ томъ-же отношеніи къ Донару, какъ Золъ и подвластные ему вѣтры къ тучегонителю Зевсу¹⁾. Нѣмецкія сказки уподобляютъ ноги великана башнямъ, а звукъ его голоса — раскатамъ грома и вою бурн; когда онъ спитъ — отъ его храпа и дыханія сильно колышется окрестныя дубравы. Поссорившись, великаны вырываютъ дубы и другія громадныя деревья и бросаютъ ими другъ въ друга, что вполне согласуется съ русскимъ преданіемъ о «богатырской игрѣ». Они могутъ переходить въ бродъ самыя глубокія воды и съ необычайной скоростью измѣрять своими шагами огромныя пространства²⁾; этимъ послѣднимъ свойствомъ они роднятся съ богами, быстрота которыхъ указываетъ на связанныя съ нихъ именами стихійныя явленія³⁾. Выше мы видѣли, что демоны облаковъ и тучъ — змѣи, драконы, тролли представлялись многоглавыми чудови-

¹⁾ D. Myth., 220, 509, 597-9, 602-3; Roggenwolf und Roggenhund, 47-48. — ²⁾ Сказ. Грим., I, стр. 126-131; II, стр. 52, 448; Гальтрихъ, 36. — ³⁾ Вашну тремя шагами измѣрялъ небо, землю и воздухъ; Посейдонъ, ступивши три раза, достигалъ предѣловъ міра.

щами; подобно тому, и великаны являются въ нѣмецкихъ сагахъ съ тремя и шестью головами, одной же великанкѣ дается девятьсотъ головъ; греческая мифологія знаетъ великановъ многоглавыхъ и многорукихъ: Бриарей имѣлъ сто рукъ (ἑκατόγχερος) и пятьдесятъ головъ, Геріонъ—три головы, шесть рукъ и столько-же ногъ; Kottus и Gyges обиліемъ рукъ и головъ сходны были съ Бриареемъ ¹⁾. Сродство великановъ съ змѣями выразилось и въ тождествѣ ихъ характера, и въ постоянной замѣнѣ однихъ другими. Въ старинныхъ рукописяхъ дивин (дикие) люди изображаются съ однимъ глазомъ во лбу (какъ античные циклопы), съ одной или тремя ногами, съ большимъ числомъ рукъ, и соотвѣтственно олицетворенію вихрей — собаками, нерѣдко съ песьими головами: «человѣцы-песьи главы велицы и страшни зракомъ» ²⁾.

Древнѣйшая метафора, уподобившая облака и тучи горамъ, скаламъ, камнямъ, городамъ и башнямъ, связала эти представленія съ племенемъ великановъ неразрывными узами. Какъ Змѣи Горынычи, такъ и великаны обитаютъ въ большихъ горныхъ пещерахъ и въ ущеліяхъ скалъ, почему скандинавы называли ихъ: *bergbúi* (*bergbewohner*), *bergdani* (*bergvolk*), *berggrisar* (*bergriesen*), *biargagaetir* (*felsenhüter*), *hellis börvar* (*söhne der höhlen*) ³⁾. Какъ съ змѣями, такъ и съ великанами равно сражается богъ-громовникъ, рушитель облачныхъ горъ и зѣмновъ. Молотъ Тора на поэтическомъ языкѣ — *ðittí iðtna*, т. е. ужасъ великановъ, и страхъ передъ этимъ карающимъ божествомъ такъ великъ, что они, заслышавъ громъ, спѣшатъ сокрыться въ чащи лѣсовъ, уще-

¹⁾ D. Myth., 494. — ²⁾ Н. Р. Ск., III, 14; VI, 64; Времен., XVI, смсь, 9; любочн. картины, изображающія дивныя народы и „Космограію.“ Въ народѣ до сихъ поръ ходятъ рассказы о песьиголовахъ — Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбинскаго; Худяк., 38. — ³⁾ Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, 7; German Mythen, 181.

лія скалъ и подземные вертепы. Народный эпосъ обыкновенно сравниваетъ великановъ съ горами, и вся природа ихъ до того отождествляется съ царствомъ скалъ, что они, по мѣткому замѣчанію Як. Гримма, кажутся или оживленными камнями, или окаменѣлыми исполинскими существами. Собственныя имена, данныя великанамъ, указываютъ на камень и столько-же твердое желѣзо: *Iarnsaða* (die eisensteinige), *Iarnhaus eisen Schädel*). Наоборотъ многія горы и скалы носятъ имена, намекающія на великановъ; таковы, наприм., Исполиновы горы—*Riesengebirg*. *Hrúngnir* (der rauschende, schallende) имѣлъ каменное, клинообразное сердце; голова его и щитъ также были изъ камня. Дикій, суровый характеръ великановъ по преимуществу проявляется въ низверженіи ими горъ и замковъ и въ бросаніи громадныхъ камней; отторгнутыя скалы и камни составляютъ обыкновенное ихъ оружіе; въ битвахъ они употребляютъ не мечи, а каменные булавы (*keuln*), и отъ ударовъ враговъ своихъ закрываются каменными щитами. Въ разныхъ мѣстностяхъ, по народнымъ рассказамъ, донынѣ видны на скалахъ знаки исполинскихъ рукъ и конскихъ копытъ или подковъ: хватался ли великанъ за утесъ, или скакалъ на своемъ богатырскомъ конѣ съ одной горы на другую, онъ вездѣ оставлялъ свои неизгладимые слѣды. Любопытныя повѣрья: одно—будто великанъ можетъ съ такою силою сжимать въ своихъ рукахъ камни, что изъ нихъ выступаетъ вода, и другое—будто могучіе удары его вызываютъ изъ скалъ всепожигающее пламя, возникли изъ стародавняго поэтическаго воззрѣнія на бурныя грозы, какъ на работу исполиновъ: подъ ихъ титаническими усиліями, съ трескомъ рушатся облачныя башни и скалы, загораются безчисленными молніями и разливаются дождями. Это возженіе грозоваго пламени роднитъ великановъ съ богомъ-громоушникомъ, и въ каменной булавѣ, съ которой они явля-

ются на битвы, нетрудно угадать «громовый камень» (donnerstein—см. I, 253). Называя холмы и горы исполинскими: riesenberg, riesenhügel, hunelbette (постели великановъ), народъ соединяетъ съ ними разнообразныя саги: то видитъ въ этихъ громадахъ окаменѣлыхъ исполиновъ, то — могилы, насыпанныя надъ ихъ трупами, то рассказываетъ, какъ такая-то гора была принесена великаномъ и оставлена тамъ, гдѣ она теперь возвышается. Такъ одна сага повѣствуетъ о двухъ сестрахъ-великанкахъ Grimild и Hvenild, которыя жили въ Зеландіи. Гвенильдѣ захотѣлось перенести нѣсколько кусковъ Зеландіи въ Шонію; одну глыбу она счастливо донесла въ своемъ передникѣ, но когда вслѣдъ за тѣмъ потащила самой большой кусокъ, то посреди моря лопнула завязка передника, и она уронила свою ношу: на томъ мѣстѣ, гдѣ это случилось, образовался островъ Hven. Почти тоже рассказываетъ ютская сага о происхожденіи небольшого острова Worsöekalv. Въ Помераніи извѣстна слѣдующая сага: жилъ великанъ на островѣ Рюгенѣ; тѣснимый врагами, онъ при всякомъ нападении долженъ былъ удаляться въ Померанію и переходить глубокое море. Вздумалось ему наконецъ устроить плотину между островомъ и противоположнымъ берегомъ; привязалъ себя передникъ, наполнилъ его землею и двинулся въ путь. Но едва дошелъ съ своимъ грузомъ до Роденкирхена, какъ въ передникѣ показалась дыра, земля посыпалась — и выросли новыя горы. Великанъ заткнулъ дыру и пошелъ скорѣе; достигнувъ моря, онъ высыпалъ въ него остальную землю: явился полуостровъ Drigge; но узкое пространство между Рюгеномъ и Помераніей все-таки оставалось незасыпаннымъ. Эта неудача такъ раздражила великана, что онъ тутъ-же упалъ мертвый, и плотина не была окончена. Мысль построить мостъ изъ Помераніи въ Рюгенъ занимала и дѣвочку исполинскаго племени: «тогда, думала она, я буду пе-

реходить через эту лужицу, не замоча моихъ башмачковъ». Она набрала полный передникъ песку и поспѣшила къ берегу, но передникъ прорвался, часть ноши просыпалась и образовала небольшую гору Dubberworth. «Ахъ, сказала дѣвочка, теперь мать станетъ браниться!»—и закрывая дыру рукою, она побѣжала впередъ; но тутъ увидала ее мать и прикрикнула: «что ты тащишь, непослушный ребенокъ! пооди ка сюда... вотъ я тебя розгою!» Испуганная дѣвочка выпустила изъ рукъ передникъ, и на томъ самомъ мѣстѣ стали песчанныя горы. Есть еще сага о двухъ сестрахъ-великанкахъ, которыя жили въ сосѣдствѣ, но занятыя ими земли раздѣлялись проливомъ; для удобства сообщеній онѣ рѣшились построить черезъ преливъ мостъ. Одна изъ сестеръ набрала огромныхъ камней, положила въ передникъ и понесла къ водѣ; утомленная ношею, она прѣѣла отдохнуть въ полѣ, и тамъ, гдѣ она отдыхала, донынѣ видѣнъ оставленный ею слѣдъ. Отдохнувши, она продолжала путь—какъ вдругъ началъ гремѣть Торъ и такъ напугалъ великанку, что она отъ страху пала мертвою; камни рассыпались и до нашихъ дней лежатъ огромными утесами; одинъ изъ нихъ носить имя великанки (Zechiels-stein, у Литцова). Ничто не можетъ сравниться съ чудовищнымъ ростомъ и силою великановъ; цѣлая гора, попадая въ башмакъ великана, причиняетъ ему не болѣе безпокойства, какъ человѣку небольшой комъ грязи; въ мѣшокъ его и даже въ перчатку входитъ столько песку, что, опорожняя ихъ, можно самыя глубокія мѣста моря превратить въ песчанныя мели. Подобныя-же сказанія были распространены между греками и кельтами, и донынѣ существуютъ между литовцами и финнами ¹⁾). Въ Литвѣ сохраняется преданіе о великанѣ Альдисѣ, который одинъ, безъ всякой помощи, разрушалъ

¹⁾ D. Myth., 189, 497—504, 507, 513, 1172; Моск. Наблюд. 1837, XI, 523—7.

укрѣпленные города, вырываетъ съ корнями старыя и высокія деревья, и бросая огромные камни, раздробляетъ ими корабли и поражаетъ несметныя полчища враговъ. Калевала упоминаетъ о дочеряхъ великана, которыя въ подолахъ своихъ юбокъ носили отторгнутыя горы ¹⁾).

Не менѣе интересны преданія о великанскихъ постройкахъ. Громадныя стѣны, сложенныя изъ массивныхъ, другъ на друга нагроможденныхъ камней — памятникъ упорныхъ, почти невѣроятныхъ трудовъ какого-то невѣдомаго народа — греки называли циклопическими и приписывали ихъ возведеніе великанамъ. Сверхъ того, они рассказывали, что высокія каменные стѣны Трои были возведены общимъ усиленіемъ боговъ Аполлона и Посейдона, и что Амфіонъ звуками своей чудесной лиры заставлялъ огромные камни слагаться въ крѣпкія стѣны при постройкѣ семивратныхъ Оливъ. Всѣ эти суевѣрныя сказанія суть только низведенныя на землю и приуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ древнѣйшіе мифы о постройкѣ облачныхъ городовъ и зѣмковъ, создаваемыхъ небесными владыками подѣ громкую пѣсню бурн ²⁾). Тоже участіе въ созиданіи старинныхъ каменныхъ стѣнъ, мостовъ и башней нѣмецкія саги приписываютъ великанамъ или чорту. Согласно съ стариннымъ воззрѣніемъ на мрачныя, сильно-сгущенныя тучи, какъ на существа демоническія, — великаны и черти постоянно смѣшиваются въ народныхъ преданіяхъ; что въ одной мѣстности рассказывается о великанѣ, то въ другой рассказываютъ о дьяволѣ. Нигдѣ не является чортъ съ такими яркими языческими чертами стихійнаго духа, какъ тамъ, гдѣ онъ заступаетъ мѣсто великана. И того, и другаго преслѣдуетъ богъ-громовникъ своимъ убійственнымъ молотомъ; и тотъ, и другой считаются за обитателей горныхъ вертеповъ.

¹⁾ Черты литов. нар., 76—77; Библ. для Чт. 1842, XI, снѣзь, 37.
—²⁾ Der Ursprung der Myth., 16.

Подобно великану, и чортъ подымаетъ страшныя тяжести, носить на головѣ обломки скалъ — словно шляпу, бросаетъ огромные камни, оставляетъ на нихъ отпечатки своихъ пальцевъ, и вообще отличается злобною, неуклюжею и грубою природою исполина. По русскимъ народнымъ поговоркамъ: «горы да овраги—чортово житье», «чортъ и горами ворочаетъ (малор. перевертае)», «бѣсъ качаетъ горами, не только чтò нами» ¹⁾. Славянскія преданія утверждаютъ, что горы созданы были сатаною (см. стр. 458); что нечистые духи морозовъ и вьюгъ прилетаютъ на землю изъ желѣзныхъ горъ ²⁾, т. е. изъ тучъ, оцѣпенѣнныхъ дыханіемъ зимы; что Илья-пророкъ поражаетъ чертей своими огненными стрѣлами. Очевидно, черти замѣняютъ здѣсь змѣевъ и великановъ, воздвигающихъ на небѣ облачныя горы, на разрушеніе которыхъ выступаетъ грозный Перунъ. Демоническій характеръ присвоился великанамъ на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ; чтò и драконамъ. Какъ змѣй Вритра создаетъ зиму ледяной, облачной городъ, куда скрываетъ теплыя лучи солнца и воданую жену (= дождь); такъ и великаны, въ качествѣ властелиновъ зимнихъ тумановъ и снѣговыхъ тучъ, строятъ свои облачныя города, чтобы спрятать за нихъ стѣнами золото солнечныхъ лучей и благодатную влагу дождей. Гримтурсы—великаны и нея были демоны зимы, естественныя враги земледѣлія и урожаявъ; въ числѣ именъ, какія даютъ великанамъ древнія сказанія, встрѣчаешь: Hrimkaldr (geifkalt), Hrimnir, Hrimgrimg, Hrimgerdhr. Между сыновьями и внуками великана Форніота (Fornjotr) числились не только Вѣтеръ (Kari), Вода (Hlér = дождевое море) и живой Огонь (Logi = wildfeuer), но и царь-Снѣгъ (könig Schnee), Ледъ (Jökull = eisberg) и Холодъ (Frosti).

¹⁾ Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 90; Москв. 1852, XXIII, 129; Помис., 4.— ²⁾ Сахаровъ, II, 65.

Такъ какъ зима налагаетъ на дожденосныя облака желѣзные оковы, то нѣмецкія преданія сообщаютъ великанамъ названія, заимствованныя отъ желѣза. Выше было указано, что змѣй-туча въ холодное время зимнихъ мѣсяцевъ представляется окованнымъ желѣзными цѣпями; такъ точно и великаны, состоя на службѣ у сказочныхъ героевъ, сидятъ заключенные въ цѣпяхъ и освобождаются не прежде, какъ наступитъ военная невзгода и понадобится ихъ помощь противъ вражескихъ полчищъ, т. е. при началѣ грозовыхъ битвъ ¹⁾). Замѣчательнъ рассказъ Эдды: къ асамъ приходитъ ютунъ (великанъ), и выдавая себя за кузнеца, предлагаетъ соорудить имъ крѣпость (burg) — въ защиту отъ непріязненныхъ великановъ; но въ уплату за такой трудъ требуетъ, чтобы ему были уступлены солнце, луна и прекрасная Фрея. Боги держали совѣтъ, и по настоянію коварнаго Локи, рѣшились принять вызовъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы работа была окончена въ теченіи одной зимы, чтобы кузнецъ-зодчій строилъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, исключая коня, который будетъ возить камни; если же къ первому лѣтнему дню крѣпость не будетъ готова, то ютунъ лишается права на обѣщанное вознагражденіе. Договоръ былъ скрѣпленъ самою священою клятвою. Но когда асы увидѣли, что конь, принадлежащій великану — Suadhilfari (ѣздокъ по льду) таскаетъ на постройку цѣлыя скалы и что работа уже близка къ скорому концу; то, не желая разставаться съ солнцемъ, луною и Фреею, обратились къ Локи съ упреками въ обманѣ и грозили ему смертію. Хитрый, взворотливый Локи оборотился кобылою и сталъ заманивать жеребца Свадильфари. Сбросивъ съ себя нѣшу, Свадильфари пустился за кобылою, а великанъ за своими конемъ, и такъ гонались другъ за другомъ до исте-

¹⁾ Н. Р. Сж., VIII, стр. 673.

ченія назначеннаго срока. Ютунъ пришелъ въ страшную ярость, но былъ убитъ молніеноснымъ молотомъ Тора. Въ этомъ любопытномъ сказаніи переданы въ поэтическнхъ образахъ тѣ естественныя явленія изъ жизни природы, какія замѣчаются въ обычной снѣгѣ зимы и лѣта. Великанъ здѣсь представитель зимняго холода и мрака; согласно съ олицетвореніемъ Зимы — кузнецомъ, налагающимъ желѣзные—ледяныя оковы на землю, воды и тучи, онъ является искуснымъ кузнецомъ, и въ періодъ зимнихъ стужъ обноситъ свѣтлое царство асовъ (Asgardh—небо) крѣпкою стѣною, т. е. сплошными массами снѣжныхъ облаковъ; конь его (= буйный виаръ) возитъ для этой постройки огромныя облачныя скалы. Плодомъ исполненной работы должна быть утрата солнца, луны и богини Фрей: окутанныя мрачными зимними покрывами, они какъ-бы достаются во власть демоновъ и уносятся въ страну гринтурсовъ. Но приходитъ весна — труды великана оказываются тщетными и самъ онъ гибнетъ подъ ударами молній; Торъ очищаетъ небо отъ великанскихъ сооруженій, выводитъ изъ-за нихъ солнце, мѣсяцъ и богиню «дикой охоты» (= бурной грозы, сопровождаемой дождевыми ливнями), и водворяетъ на землѣ ясные дни и плодородіе. Тотъ-же мифъ, но уже въ позднѣйшей, подновленной формѣ, передаетъ сага о св. Олафѣ, королѣ норвежскомъ. Пришелъ нѣкогда незнакомецъ и вызвался построить церковь, если въ уплату за трудъ ему отдадутъ солнце и мѣсяцъ, или самого св. Олафа. Этотъ незнакомецъ былъ великанъ по имени «Wind und Wetter». Чтобы онъ потерялъ право на обѣщанную награду, надо было узнать его имя, королю удалось это. Случайно подслушалъ онъ, какъ жена великана унимала свое плачущее дитя: «цц! завтра прійдетъ отецъ Wind und Wetter и принесетъ намъ солнце и мѣсяцъ или святаго Олафа.» Красная борода, какую даютъ народныя преданія Олафу, напоминаетъ Тора, непримиримаго врага великановъ. Въ

Норвегія обращается много сагъ о великанскихъ мостахъ. Рассказываютъ, что какой-то великанъ рѣшился построить мостъ черезъ глубокія воды, на противоположномъ берегу которыхъ обитала его любовница; постройка производилась ночью, но взошло солнце и появленіемъ своимъ разрушило все предпріятіе. Смысль — тотъ, что лучи весенняго солнца (утренній разсвѣтъ отождествляется въ мифическихъ сказаніяхъ съ весеннимъ просвѣтленіемъ неба) уничтожаютъ ледяные мосты, налагаемые на воды демонами зимы. Въ одной изъ русскихъ сказокъ, въ любопытномъ эпизодѣ о борьбѣ богатыря съ змѣями, эти послѣдніе дуновеніемъ своимъ творятъ ледяные мосты, т. е. цѣпящее дыханіе холоднаго вѣтра леденить воду (см. I, 584). Мѣсто великана нерѣдко заступаетъ чортъ; какъ опытный зодчій, онъ берется возвести твердыя стѣны, церковь или мостъ, и въ награду требуетъ душу того, кто первый вступитъ въ новое зданіе; но расчеты его обыкновенно не удаются. Такъ однажды въ двери возведеннаго имъ храма пустили прежде всѣхъ волка; раздраженный чортъ бросился вонъ сквозь церковный сводъ и пробилъ въ немъ отверстіе, которое потомъ сколько ни задѣлывали — никакъ не могли починить. Точно также по устроенному чортомъ мосту пускаютъ напередъ пѣтуха или козу. Одному поселанину понадобилось выстроить житницу, а подняться было нѣ на что. Обдумывая, какъ-бы уладить это дѣло, уныло бродилъ онъ по полю. Вдругъ подошелъ къ нему старичокъ и сказалъ: «хочешь, я тебѣ къ завтрашнему утру — къ первому крику пѣтуховъ выстрою житницу? Обѣщай только мнѣ изъ своего добра то, чего самъ не знаешь!» Крестьянинъ согласился и весело рассказалъ про эту сдѣлку своей женѣ! «Несчастный! возразила она, что ты сдѣлалъ? вѣдь я беременна. Съ тобой навѣрно повстрѣчался чортъ, и ты обѣщалъ ему нашего ребенка!» Между тѣмъ чортъ уже работаетъ; тысячи

работниковъ пилать и обтесываютъ камни; въ нѣсколько часовъ заложено основаніе и выведены стѣны, двери навѣшены на крючья, ставни прибиты и крыша почти сдѣлана: оставалось положить двѣ или три черепицы. Жена крестьянина пошла въ курятникъ и такъ искусно закричала кукуреку, что пѣтухи тотчасъ проснулись и начали пѣть одинъ за другимъ. Испуганные черти разбѣжались, не окончивъ работы. Съ тѣхъ поръ недодѣланная ими крыша такъ и осталась: днемъ кровельщикъ положить недостающія черепицы, а ночью невидимая рука сорветъ ихъ! Съ первыми возгласами пѣтуха, предвѣстника солнечнаго восхода, прекращается работа демоновъ ночнаго мрака; какъ метафора весенняго грома, крикъ пѣтуха приостанавливаетъ работу демоновъ зимы, облагающихъ небесный сводъ (= храмъ, въ которомъ обитаютъ свѣтлые боги) темными, ночеподобными тучами. Яркіе лучи восходящаго солнца и огненные стрѣлы Перуна пробиваютъ облачную кровлю, дѣлаютъ въ ней отверстія и гонятъ въ нихъ нечистыхъ духовъ. Волкъ и коза — животныя, посвященныя Одину и Тору, и потому появленіе ихъ возбуждаетъ въ дьяволѣ чувство невольнаго страха. Если, съ одной стороны, позднѣйшая обработка мифическаго матеріала перенесла преданіе о постройкѣ великанами облачныхъ крѣпостей на земныя сооруженія, болѣе или менѣе замѣчательныя по своей громадности, и между прочимъ на христіанскіе храмы; то съ другой стороны мы знаемъ, что метафорическій языкъ издревле уподоблялъ раскаты грома — колокольному звону, котораго потому и боялись великаны и вѣдьмы. Эта-же боязнь звона усвоена и чертямъ, что, въ связи съ обычною враждою нечистаго духа къ христіанству, породило цѣлый рядъ сказаній, въ которыхъ великаны и черти употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы помѣшать возведенію новыхъ церквей; они ищутъ — во что бы ни стало — разгромить сложеныя стѣны, но каждый разъ

нашѣренія ихъ уничтожается вышею, божественною волею или хитростью человѣка. Когда создались первые христіанскіе храмы, великанское племя, по свидѣтельству норвежскихъ сагъ, бросало въ нихъ огромными камнями. Въ разныхъ мѣстностяхъ указываютъ «чортовы камни» (teufelssteine), изъ которыхъ одни были брошены дьяволомъ въ ту или другую церковь, а другіе упали съ воздушныхъ высотъ въ то самое время, какъ нечистые духи занимались своими строительными работами. Одна великанка побилась объ закладъ съ св. Олафомъ, что прежде, чѣмъ онъ возведетъ церковь, она устроитъ каменный мостъ черезъ морской проливъ; но мостъ еще не былъ готовъ и вполнину, какъ раздались звуки церковнаго колокола. Въ страшной досадѣ великанка начинаетъ кидать въ церковную башню большіе камни, но никакъ не можетъ попасть; тогда оторвала она свою ногу (=donnerkeule, см. гл. XXII) и ударила ею въ зданіе. Остатки римскихъ окоповъ и укрѣпленій въ Баваріи, Швабіи и Франконіи называются teufelsmauern, teufelswälle, teufelsgraben, подобно тому, какъ на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ старинные окопы слывутъ змѣиными валами. Съ этими «чортовыми стѣнами» народъ соединяетъ такое преданіе: послѣ долгихъ споровъ, богъ и чортъ подѣлили между собою вселенную, и велѣдъ за тѣмъ сатана провелъ границы своего владѣнія; такимъ образомъ онъ представляется, какъ владыка особеннаго царства, тождественнаго съ царствомъ великановъ — iötnheimr. ¹⁾

На равнинныхъ пространствахъ Руси не нашлось приличной обстановки для великановъ — ни высокихъ горъ, ни циклопическихъ построекъ, къ которымъ можно-бы было прикрѣпить древнія преданія объ исполинахъ; а потому преданія эти

¹⁾ D. Myth., 497, 501 504, 514-520, 972-8; Die Götterwelt, 220, 225; Germ. Myth., 184; Москов. Наблюд. 1837, XI, 540-1.

и не получали у насъ такой широкой обработки, какую встрѣчаемъ на западѣ. Тѣмъ не менѣе воспоминанія о великанскихъ горахъ и камняхъ нечужды и русскому народу, такъ какъ основы подобныхъ представленій коренились въ мифахъ, вынесенныхъ индоевропейскими народами изъ общей ихъ прародины. Въ могилевской губ. увѣряютъ, что великанъ, взявшись одною рукою за верхушку любой горы, можетъ легко поднять ее и перебросить на другое мѣсто ¹⁾. Въ бѣльскомъ уѣздѣ смоленской губ. существуетъ такой рассказъ: въ старое незапамятное время поднялъ великанъ огромный камень и подбросилъ его такъ высоко, что пока онъ летѣлъ на землю — успѣлъ выростъ еще больше, и когда упалъ — то разбился пополамъ; одна часть его продавала землю и образовала озеро. По другому варианту, великанъ игралъ камнемъ, словно мячикомъ, и наконецъ вскинулъ его вверхъ съ такою силою, что камень треснулъ въ воздухѣ, и свалившись, выбилъ озеро ²⁾. Такъ изъ облачныхъ скалъ, разносимыхъ бурной грозой, льются дождевые потоки, и собираясь въ земные водоемы, производятъ ключи, рѣки и озера (сравни выше стр. 352—4). Сказочный эпосъ знаетъ богатыря Горыню, который ворочаетъ самыя высокія горы, бросаетъ ихъ — куда вздумается и катаетъ ногою какъ малые шарикъ ³⁾; ударомъ

¹⁾ Могилев. Г. В. 1851, 18. — ²⁾ Смолен. Г. В. 1853, 6. Около Пропойска есть многоводный источникъ, о которомъ рассказываютъ слѣдующее: жила-была красавица, и посватались за нее два брата: старшій — глупый и неуклюжій силачъ, а меньшой — пригожій молодецъ Невѣста хотѣла бы отказать старшему, но побоялась раздражить его, и предложила обомъ братьямъ бросить по камню: чей камень упадетъ дальше, за того и замужъ выйдетъ. Старшій братъ швырнулъ камень такъ удачно, что онъ упалъ за семь верстъ и глубоко пробилъ землю; а красавица (=облачная, дожденосная дѣва) бросилась съ отчаянья въ пропасть, и слезы ея дали начало источнику — Путев. Записки Шшишкиной, I, 131-2. — ³⁾ Н. Р. Ск., III, 10.

кулака онъ дробить скалы и заставляетъ дрожать землю — точно также, какъ дрожитъ она отъ ударовъ Перуна. Объ Ильѣ Муромцѣ сохранилось любопытное преданіе на его родинѣ; когда Илья сталъ просить родительскаго благословенія на славные богатырскіе подвиги и отецъ усомнился въ его силѣ, тогда богатырь вышелъ на Оку, уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ рѣку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильей Муромцемъ ¹⁾. Въ связи съ этимъ бросаніемъ горъ и скалъ великанами стоитъ извѣстный и часто-употребительный въ народныхъ сказкахъ мотивъ, что герой, будучи преслѣдуемъ вражеской погоней и желая задержать ее, кидаетъ назадъ камень или камень — и въ ту же минуту вырастаетъ на дорогѣ высокая гора; вслѣдъ за тѣмъ кинутое имъ кресало (= эмблема грозоваго пламени) порождаетъ огненную рѣку, а капли брызнутой воды превращаются въ море ²⁾. т. е. въ рукахъ бога-громовника и великановъ громадная облачная гора кажется не болѣе, какъ камышекъ, и широкое дождевое море — не болѣе, какъ глотокъ воды. Легенда выставляетъ св. Христофора великаномъ: когда умерла его мать, онъ пожелалъ насыпать надъ нею могильный курганъ, набралъ въ свой сапогъ земли и вытрянулъ ее на трупъ усопшей — и вотъ вознеслась гора, да такая высокая, что верхушкою подошла подъ самую облака, а тамъ, откуда онъ бралъ землю, образовалась страшная пропасть; слезы (= дождь), пролитыя великаномъ надъ этой пропастью, превратили ее въ море ³⁾.

¹⁾ Пѣсни Кирѣвск., I, стр. XXXIII. — ²⁾ Н. Р. Ск., VIII, 4, 6; Св. Норв., I, стр. 14; II, № 16. — ³⁾ Семеньск., 27-30; Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 717: въ старыя годы, рассказываютъ чуваша, жили богатыри-великаны; одинъ изъ нихъ послѣ пахатной работы разулся и вытряхнулъ землю изъ лаптя — и вотъ образовалась цѣлая гора (бугоръ, находящійся въ курмышскомъ уездѣ, верстахъ въ десяти отъ села Тувни).

Старинные насыпи и курганы считаются въ литовскихъ и славянскихъ земляхъ могилами исполиновъ и сильномогучихъ богатырей; у насъ (какъ уже замѣчено выше) видятъ въ курганахъ могилы волотовъ, а находимыя въ землѣ мамонтовья кости принимаются простонародьемъ за кости старосвѣтскихъ богатырей ¹⁾). Въ Верхотурьи показываютъ камни, на которыхъ видны углубленія отъ пятъ ступавшаго по нимъ богатыря или отъ пальцевъ его тяжелой руки ²⁾); подъ Лебедяню есть камень съ исполинскими слѣдами, оттиснутыми ногою богатыря и копытомъ его добраго коня. Подобныя же слѣды, по рассказамъ болгаръ, оставлены на скалахъ Маркомъ-королевичемъ ³⁾. По свидѣтельству сагъ, извѣстныхъ въ Бельгiи и въ другихъ странахъ западной Европы, кони знаменитыхъ героев (Баярда, Брунгильды и др.) и черти, прыгая съ одной скалы на другую, оставляли на нихъ отпечатки своихъ ногъ ⁴⁾. Эти преданія напоминаютъ намъ Пегаса и другихъ мифическихъ коней, которые, ударяя своими копытами въ облачныя горы и камни, выбивали изъ нихъ живые источники дождевыхъ ливней.

Если бы даже мы не имѣли никакихъ иныхъ данныхъ, кромѣ поэтическаго сказанiя о Святогорѣ, то одно это сказанiе служило бы неопровержимымъ доказательствомъ, что и славяне, наравнѣ съ другими родственными народами, знали горныхъ великановъ. Въ колоссальномъ, типическомъ образѣ Святогора ясны черты глубочайшей древности. Имя его указываетъ не только на связь съ горами, но и на священный характеръ этихъ послѣднихъ: Святогоръ-богатырь живетъ на святыхъ (т. е. небесныхъ, облачныхъ) горахъ. Сила его — необычайна:

¹⁾ Черты литов. нар., 75; Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — ²⁾ Вѣст. Р. Г. О. 1854, I, ст. игумена Макарія, 48. — ³⁾ Младши., 528. — ⁴⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 24—25.

Не съ кѣмъ Святотору силой помѣряться,
 А сила-то по жилочкамъ
 Такъ живчикомъ и переливается;
 Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.

Самому громовнику не всегда совладать съ этимъ богатыремъ титанической породы. Ильѣ Муромцу, заступающему въ народномъ эпосѣ мѣсто Перуна, калики переходящія даютъ такой совѣтъ:

Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
 И со всею поленицею удаюю,
 А только не выходи драться
 Съ Святоторомъ-богатыремъ:
 Его и земля на себѣ черезъ силу носить¹⁾.

Въ числѣ подвиговъ Ильи Муромца преданіе упоминаетъ о попыткѣ его состязаться съ великаномъ, котораго земля не подымаетъ; великанъ этотъ не названъ по имени, но очевидно — онъ принадлежитъ къ одному разряду съ Святоторомъ. Однажды слышалъ Илья-Муромецъ, что есть на свѣтѣ богатырь силы непомѣрной, который на всей землѣ нашелъ только единую гору—настолько крѣпкую, чтобы могла сдержать его тяжесть. Захотѣлось Ильѣ съ нимъ помѣряться, приходитъ къ горѣ, а на ней лежитъ исполинской богатырь — самъ какъ другая гора. Илья вонзаетъ ему мечъ въ ногу; «никакъ я зацѣпилъ за прутки!» отозвался великанъ. Илья напрягаетъ все свои силы и повторяетъ ударъ; «вѣрно я за камышекъ задѣлъ!» сказалъ великанъ, оглянувшись назадъ, и завидя храбраго витязя, молвилъ ему: «а, это ты, Илья Муромецъ! ступай къ людямъ и будь между ними силенъ, а со мной тебѣ нечего мѣряться. Я и самъ своей силѣ не радъ, меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней»²⁾. Приведенный нами эпизодъ

¹⁾ Рыбник., I, 32, 35; III, 222. — ²⁾ Пѣсни Бирзевса., I, стр. XXX-I; Рус. Вес. 1856, IV, 59.

совпадаетъ съ сказаніемъ Эдды о могучемъ Торѣ, когда онъ ударялъ своимъ смертоноснымъ молотомъ великана, а тому казалось, что на него падаютъ древесные листья и жолуди. Итакъ въ русскомъ преданіи Илья Муромецъ заступаетъ мѣсто бога-громовника Тора: великанъ, надъ которымъ онъ пробуетъ силу своихъ ударовъ, какъ будто сросся съ горою (=тучею): ему нѣтъ мѣста на землѣ — такъ онъ громаденъ и тяжелъ! Что и другимъ славянамъ извѣстно было преданіе о великанѣ, котораго поддерживаетъ (носитъ) гора, это видно изъ древняго названія Исполниновыхъ горъ — Кръконоши, т. е. горный хребетъ, носящій именческаго героя Крока, отъ котораго чехи вели свой княжескій родъ. Встрѣчу Ильи Муромца съ Святогоромъ народная былина изображаетъ съ слѣдующими подробностями. Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ на бѣлополотняный шатеръ:

Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырмь дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская немалая:
Долиной кровать десяти сажень,
Ширинной кровать шести сажень.

Легъ Илья Муромецъ на кровать богатырскую и заснулъ крепкимъ сномъ; вдругъ послышался великой шумъ —

Мать-сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.

Такими знаменіями сопровождается появленіе великана бурныхъ тучъ:

Вдѣтъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую.

Илья Муромецъ подымался на рѣзвыя ноги и взлѣзалъ на вѣтвистый дубъ. Пріѣхалъ великанъ Святогоръ къ своему шатру, привѣзъ съ собой и жену — невиданную и неслыханную красавицу, пообѣдалъ и предался сну; а тѣмъ временемъ

жена его пошла погулять по чистому полю, усмотрѣла Илью и говоритъ ему таковыя рѣчи: «гой дородный добрый молодець! сойди со сыра дуба, сотвори со мною любовь; буде не послушаешь, разбужу Святогора богатыря и скажу, что насильно меня въ грѣхъ ввелъ.» Нечего дѣлать витязю: съ бабой не стоворить, а съ Святогоромъ не сладить, слѣзъ съ сыраго дуба и сотворилъ дѣло повелѣнное. Взяла его красавица и спрятала въ глубокой карманъ Святогора. Послѣ того проснулся великанъ, сѣлъ на коня вмѣстѣ съ женою и поѣхалъ къ святымъ горамъ. Сталъ его добрый конь спотыкаться: «прежде (говорить) и возилъ богатыря да жену богатырскую, а вынче троихъ везу — не диво и спотыкнуться!» Тутъ Святогоръ догадался, вытащилъ Илью изъ кармана, распросилъ — что и какъ было? и убилъ свою жену невѣрную, а съ Ильей Муромцемъ побратался. Пустились они въ путь-дорогу, наѣхали на великій гробъ;

На томъ гробу подпись подписана:
 Кому суждено въ гробу лежать,
 Тотъ въ него и ляжетъ.
 Легъ Илья Муромецъ —
 Для него домовище и велико, и ширбоко;
 Ложится Святогоръ-богатырь,
 Гробъ пришелся по немъ.

Взялъ онъ крышку и закрылъ гробъ; хочетъ поднять ее, и никакъ не сможетъ. Задыхается Святогоръ, проситъ Илью Муромца: «возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперѣгъ крышки». Ударилъ Илья, и отъ его удара могучаго посыпались искры, а гдѣ попалъ мечемъ-кладенцемъ — на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная; ударилъ вдоль крышки — и выросла новая полоса желѣзная. Такъ скончался Святогоръ-богатырь; Илья Муромецъ привязалъ его добраго коня къ гробу, а мечъ-кладенецъ себѣ взялъ ¹⁾. Былина передаетъ

¹⁾ Рыбник., I. 36-42.

намъ два старинные мифа: одинъ — о женѣ великана, и другой — о его смерти. По своему стихійному характеру, великанки сближались съ тѣми прекрасными облачными нимфами, съ которыми богъ-громовникъ заводитъ во время грозы любовныя связи. Наравнѣ съ послѣдними, дочери великановъ могли обладать несказанною красотою; такова была Gerdhr: когда она отпирала своими блестящими руками (рука = молнія, см. I, 199) двери дома (= тучи), то кругомъ ярко озарились и воздухъ и воды. Боги весеннихъ грозъ и бурь вступали въ бракъ съ исполинскими дѣвами: Фрейръ съ прекрасною Gerdhr, дочерью Gútnig' a, Торъ съ великанкою Iagnasaha; Gunnlöd была любовницею Одина ¹⁾. Въ русской былинѣ Святогорова жена отдается Ильѣ Муромцу, какъ представителю Перуна, и погибаетъ отъ меча-кладенца, т. е. умираетъ пораженная молніей ²⁾. Эта связь великанки съ громовникомъ разсматривается, какъ извѣтна красавицы ея законному мужу; но есть другіе варианты, гдѣ Илья Муромецъ замѣненъ богатыремъ Добрынею, извѣстнымъ побѣдителемъ Змѣя Горыныча, а великанка поставлена независимо отъ Святогора. Нагналъ Добрыня поленицу ³⁾ — женщину великую,

Ударилъ своей палицей булатной
 Тую поленицу въ буйну голову:
 Полевица назадъ не оглянется,
 Добрыня на коиѣ приужахнется.
 Приѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
 Толщиной былъ дубъ шести сажень;
 Онъ ударилъ своею палицей во сырой дубъ,
 Да разшвибъ весь сырой дубъ по ластивьямъ, ⁴⁾
 Самъ говорить таково слово:
 „Сила у Добрыни все по старому,
 А свѣлость у Добрыни не по старому!“

¹⁾ D. Myth., 495-7. — ²⁾ Святогоръ возитъ жену въ хрустальномъ ларцѣ (метафора облака) и замыкаетъ золотымъ ключемъ (=молніей). — ³⁾ Воинственную назвадицу. — ⁴⁾ Ластивье — дравъ.

Снова пустился за великанкою, ударилъ ее въ буйну голову — поленица ѣдетъ - не оглянется; повернулъ Добрыня къ дубу въ двѣнадцать сажонъ, попробовавъ силу своего удара, и опять раздробилъ вѣковое дерево на тонкія дранн. Въ третій разъ догоняетъ онъ поленицу, бьетъ ее въ голову палицей булатною—

Поленица назадъ приоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
„Я думала комарики покусывають,
Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкивають!»
Какъхватила Добрыню за желты кудри ¹⁾,
Посадила его во глубокъ карманъ.

Тяжело доброму коню везти двухъ всадниковъ, сталъ онъ жаловаться; тотчасъ поленица вытащила Добрыню, глянула на него, и полюбилась ей добрый молодець — пошла за него замужъ ²⁾. Русскій богатырь попадаетъ въ карманъ великана или великанки; эта любопытная черта соответствуетъ преданію Эдды, какъ однажды Торъ ночевалъ въ перчаткѣ великана (см. ниже). Ясно, что эпическія сказанія о Сятогорѣ стоятъ въ несомнѣнномъ родствѣ съ пѣснями Эдды; это, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ за глубочайшую древность ихъ содержанія, а съ другой — за миенческой характеръ выводимыхъ ими лицъ. Удары громовника, обыкновенно столь страшные и гибельные для великановъ, здѣсь оказываются безсильными и причиняютъ не болѣе безпокойства, какъ кусающіе комары, нечаянно-задѣтый камышекъ или прутыкъ. Оба эти противоположныя представленія возникли подъ вліяніемъ впечатлѣній, возбуждаемыхъ въ душѣ сверкающими молніями, которыя то какъ-будто дробятъ исполинскія тучи, нанося имъ кровавыя раны (т. е. низводя дождевые ливни), то какъ-будто без-

¹⁾ Желтыя кудри—тоже, что красныя волоса Тора.—²⁾ Рыбник., I, 128-9; III, 67-68.

слѣдно исчезаютъ въ ихъ сгущенныхъ массахъ.—Преданіе о смерти Святогора объяснено нами въ XI-й главѣ (I, 579—583): гробъ, окованный желѣзными обручами,—метафора дождевого облака, на которое зимняя стужа наложила свои крѣпко-сжимающія цѣпи. При началѣ зимы впадаетъ въ оцѣпенѣніе (= умираетъ) не только великанъ-туча, но и самъ надолго-замолкающій громовникъ; потому тоже преданіе о безвременной кончинѣ прилагается и къ Ильѣ-Муромцу. Ъхалъ онъ съ Добрыней и Алѣшей Поповичемъ, наѣхали на каменный гробъ безъ крышки. Полѣзъ въ гробъ Алеша — ему великъ, попыталъ Добрыня — ему узокъ; только лёгъ Илья-Муромецъ, какъ въ ту же минуту — откуда не возьмись — захлопнула его каменная крышка. Силится Илья своротить ее, и не можетъ. «Берите, кричитъ товарищамъ, мой мечъ-кладенецъ, да рубите имъ!» Принялись они рубить, но чѣмъ больше рубятъ — тѣмъ больше обручей охватываютъ гробницу ¹⁾. Эти губительные удары меча-кладенца тождественны ударамъ прута-молніи, погружающимъ сказочныхъ героевъ въ зимній сонъ или окаменѣніе (см. выше, стр. 423).

Въ памяти нашего народа сохраняется любопытное преданіе: «отчего перевелись богатыри на святой Руси?» Согласно съ древними мненіями о борьбѣ великановъ (іотуновъ, турсовъ и титановъ) съ свѣтлыми богами весеннихъ грозъ (см. ниже, стр. 686), русскіе богатыри, гордые своею исполинскою силою, вызываютъ на бой небесныхъ воителей, т. е. ангеловъ, которыми обыкновенно замѣняются молніеносные духи дохристіанской эпохи (= свѣтлые эльфы):

„Не намахалися наши могучія плечи,
 Не уходились наши добрые кони,
 Не притупились мечи наши булатные!
 И говоритъ Алеша Поповичъ-младъ:

¹⁾ Пѣсни Кирѣев., I, стр. XXXIV.

„Подавай намъ силу нездѣшную (вар. небесную);
 Мы и съ тою силою, витязи, справимся!“
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явились двое вонтелей,
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 „А давайте съ нами, витязи, бой держать;
 Не глядите, что насъ двое, а насъ семеро!“

Наскакалъ на нихъ Алеша Поповичъ и со всего плеча разрубилъ пополамъ; но небесные вонтели не пали мертвыми, а только увеличились вдвое: стало ихъ четверо и всѣ живы! Налетѣлъ Добрыня, разрубилъ пополамъ четырехъ— и стало ихъ восемь; налетѣлъ Илья Муромецъ, съ-разу разсѣкъ восьмерыхъ— и снова они удвоились. Бросились всѣ витязи,

Стали они силу колоть-рубить...

А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идеть!

Бились витязи три дня, три часа, три минутки;

Намахалися ихъ плеча могутныя,

Уходилися кони ихъ добрые,

Пригнулися мечи ихъ булатные...

А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идеть!

Испугалися могучіе витязи,

Побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры:

Какъ побѣжить витязь въ горѣ—такъ и окаменѣеть,

Какъ побѣжить другой—такъ и окаменѣеть,

Какъ побѣжить третій—такъ и окаменѣеть. ¹⁾

Преданіе это роднится съ литовскимъ вѣрованіемъ, что великаны, побѣжденные богами, были превращены въ камни, и съ средневѣковою баснею о «дивныхъ народахъ», заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ (см. выше, стр. 454). Послѣ шумныхъ грозовыхъ битвъ великаны-тучи замирають на зиму, каменѣя отъ сѣверныхъ вьюговъ и морозовъ. Самона-

¹⁾ Смыслъ Отеч. 1856, № 17; Исторія русск. словесн. Шевырева, I, 199-203.

дѣяныи, необузданныи и дерзкіе—великаны наполняли нѣкогда весь міръ убійствами и враждою, но подобно демонамъ, низвергнутымъ въ адскіе вертепы, исчезли съ лица земли, и отъ нихъ ничего не осталось, кромѣ грубой массы каменныхъ горъ и утесовъ, въ которыхъ они улеглись на вѣчныя времена. Въ ефремовскомъ уѣздѣ, на берегу Красивой Мечи, близъ села Козьяго есть огромный гранитный камень. Крестьяне называютъ его Конь-камень и рассказываютъ о немъ слѣдующее преданіе: въ незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великанъ, въ блестящей одеждѣ, на бѣломъ конѣ—признаки, указывающіе на бога бурныхъ грозъ (I, 699 и 701); въ тоскливомъ раздумьи глядѣлъ онъ на рѣку и потомъ бросился въ воду, а одинокій конь его тутъ же окаменѣлъ. По ночамъ камень оживаетъ, принимаетъ образъ коня, скачетъ по окрестнымъ полямъ и грохко ржетъ. Въ одоевскомъ уѣздѣ, близъ села Скобычева, лежатъ два камня Башъ и Башиха: это были мужъ и жена; жили они такъ долго, что и счетъ годамъ потеряли, а какъ состарились—оба вдругъ окаменѣли ¹⁾. Въ синодальный Цвѣтникъ 1665 года занесена повѣсть, како возлѣ Смоленска жены и дѣвы творили игры въ ночь на Ивана Купалу и за свое «безстудное бѣснованіе» были превращены св. великомученикомъ Георгіемъ въ камни—«и донынѣ на полѣ томъ видныи, стоятъ какъ люди, въ поученіе намъ грѣшнымъ» ²⁾. На берегу рѣки Мечи (около Тулы) указываютъ нѣсколько камней, расположенныхъ крѣгомъ; увѣряютъ, что это былъ дѣвичій хороводъ, превращенный въ камни небеснымъ громомъ за неистовыя пляски на Троицынъ день ³⁾. Въ этихъ женахъ и дѣвахъ, наказанныхъ за безстудныя игрища, узнаемъ мы облач-

¹⁾ Записки отдѣленія русск. и славян. археологій Имп. археол. общ., I, ст. Сахаров., 46; Толков. Слов., прибав. 8.— ²⁾ Источер. рус. слов., II, 14.— ³⁾ Терещ., VI, 197.

ныхъ пнифъ, которыя подъ пѣсни завывающей бури предаются неистовымъ пляскамъ и которыхъ преслѣдуетъ и разитъ своими молніями Перунъ, подставленный въ христіанскую эпоху святымъ вонтелемъ—Георгіемъ Побѣдоносцемъ ¹⁾. Въ Германіи рассказываются саги о превращеніи въ камни великановъ, ихъ женъ и дочерей—въ то время, какъ они въ дикомъ упоеніи заводили шумныя пляски ²⁾; въ одномъ мѣстѣ Пруссіи до сихъ поръ показываютъ сорокъ камней, которые считаются окаменѣлыми великанами ³⁾.

Такъ какъ горы, скалы и утесы составляютъ только возвышенности земли, части ея колоссальнаго тѣла, то естественно, что въ народныхъ сказаніяхъ нѣдра облачныхъ горъ стали представляться подземельями, а самая мать-сыра Земля включена въ разрядъ титаническихъ существъ и сроднена съ великанами-тучами. По скандинавскому мѣу громовержецъ Торъ рожденъ Землей (Iörðh) или Горою (Fiörgyn), т. е. тучею, изъ чрева которой исходитъ молнія (см. выше, стр. 355). Греческіе титаны и гиганты, славные по своей чудовищной величинѣ и необычайной силѣ, были сыновья Неба и Земли, что согласно и съ законами природы, ибо дождевыя облака образуются изъ паровъ, поднимающихся отъ земли дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Рождаясь изъ тумановъ земли, вели-

¹⁾ См. также сборн. Кудьды, II, 18; Семеновск., 82: двѣца не сла ведри съ водою и окаменѣла—намокъ на тѣ кружки, изъ которыхъ облачныя дѣвы льютъ на землю дожди. Подобныя представленія связываются на югѣ Россіи съ каменными бабами; во время бездождія поселяне идутъ къ каменной бабѣ, кладутъ ей на плечо лопотъ хлѣба или разсыпаютъ передъ нею хлѣбныя зерна, затѣмъ кланяются ей въ ноги и просятъ: „помилуй насъ, бабо-бабу-сенько! будемъ кланяться еще ниже, только помози намъ и сохрани отъ бѣды“ (Ч. О. И. и Д. 1866, IV, стат. Терещен., 7).— ²⁾ D. Myth., 517; Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, 11.— ³⁾ Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 12.

каны отъ нея почерпали и свою мощь и крѣпость. Сила демоническихъ змѣевъ, по свидѣтельству сказокъ, зависитъ отъ количества выпиваемой ими живой воды (дождя), и пока они могутъ втягивать, собирать въ себя эту воду, до тѣхъ поръ остаются непобѣдимы. О титанахъ разсказывается, что они, при всякомъ паденіи въ пылу битвы, какъ скоро прикасались къ землѣ—тотчасъ-же возставали еще съ большими силами ¹⁾; мать-Земля, соболѣзнуя о своихъ дѣтищахъ, укрѣпляла ихъ къ новой борьбѣ. Геркулесъ, чтобы побѣдить Антэя, вынужденъ былъ поднять его на воздухъ, и не давая ему касаться ногами земли, задушилъ ослабѣвшаго врага своими могучими руками. Русскіе богатыри набираются силы-крѣпости, упадая на мать-сыру землю. Въ пѣснѣ о борьбѣ Ильи Муромца съ Нахвальщиной находимъ слѣдующій эпизодъ: посколькулся богатырь, палъ на сыру землю, и сѣлъ ему на грудь Нахвальщина, вынимаетъ кинжалище булатное и хочетъ отсѣчь ему буйную голову.

Лежучі у Ильи втрое силы прибыло,
Махнетъ Нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго,
Палъ Нахвальщина на сыру землю —
Въ сыру землю ушелъ до поясъ ²⁾.

Въ народной сказкѣ ³⁾ богатырскій конь дважды ударяетъ палтою добраго молодца — такъ, что тотъ падаетъ на землю, и вслѣдъ затѣмъ спрашиваетъ его: «много-ль силы прибыло?» — Прибыла сила великая! отвѣчаетъ молодецъ. Чтобы стать оборотнемъ (=облачиться въ туманный покровъ), колдуны и вѣдьмы ударяются о землю. Въ Германіи существовало повѣрье, что во время суда надъ вѣдьмою не должно ставить ее на голую землю; иначе она тотчасъ-же превра-

¹⁾ D. Myth., 608. — ²⁾ Пѣсни Кирѣев., I, 54. — ³⁾ Нар. сказки Бровицына, 70—71.

тится въ звѣря, птицу или гадину и ускользнетъ изъ рукъ правосудія ¹⁾).

Народный эпосъ заставляетъ богатырей и великановъ подымать не только горы и скалы, но и самую землю. Когда Илья Муромецъ испилъ богатырской воды или пива вѣрѣпкаго (наполнилъ свою утробу—тучу дождевою влагою), то спросили его калики перехожіе: «какъ велика твоя сила?» Отвѣчалъ имъ Илья: «кабы былъ столбъ отъ земли до неба (вариантъ: еслибъ прикрѣпить къ землѣ кольцо), я бы перевернулъ всю землю!» ²⁾ Точно также Святогоръ-богатырь похваляется: «кабы я тяги нашелъ, такъ подыалъ бы землю!» Ъдучи путемъ-дорогою, увидалъ онъ прохожаго. Припустилъ Святогоръ своего коня, скачетъ во всю прыть, а не можетъ нагнать пѣшехода, и закричалъ ему громкимъ голосомъ: «ой же ты, прохожій человекъ! приостановись немножечко, не могу тебя нагнать на добромъ конѣ.» Приостановился прохожій, снималъ съ плечъ сумочку и клалъ наземь. Спрашиваетъ его Святогоръ: «что у тебя въ сумочкѣ?» — А вотъ подыми, такъ увидишь. Соселъ Святогоръ съ коня, захватилъ сумочку рукою—не могъ и съ мѣста сдвинуть; сталъ подымать обѣими руками, чуть-чуть приподнял—только что духъ подъ сумочку подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрызъ. «Что это, говоритъ, у тебя въ сумочку наложено? Силы мнѣ не занимать стать, а вотъ и поднять не могу.» — Въ сумочкѣ у меня тяга земная. «Да кто-жь ты такой? Какъ тебя по имени зовутъ, какъ величаютъ по отечеству?» — Я есмь Миклушкя Селянниновичъ. По другой редакціи этого замѣчательнаго сказанія, Святогоръ нашелъ въ степи малую сумочку перемѣтную, ухватилъ ее обѣими руками,

¹⁾ D. Myth., 1028; сравни въ I-мъ томѣ стр. 144.—²⁾ Н. Р. Сл., I, стр. 158; Пѣсни Бирѣев., I, стр. 1 и XXIX.

Поднялъ сумочку повыше колѣнъ,
 И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
 А по былъ лицу не слезы, а кровь течеть.
 Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
 Тутъ ему было и конченіе ¹⁾).

Погрузившись по колѣна, Святогоръ-богатырь такъ на вѣки и остался и торчитъ изъ земли будто исполинская скала. Болгары рассказываютъ, что однажды Марко-королевичъ похвалился поднять землю. Желая испытать его силу, Господь послалъ съ небесъ своего ангела, вручивши ему торбу, наполненную землею и столь-же тяжелую, какъ весь земной шаръ. Ангелъ сталъ на пути, которымъ надо было проходить Марку-королевичу, и когда тотъ приблизился—просилъ его приподнять торбу и положить ему на плечи. Страшныхъ усилій стоило это Марку-королевичу; онъ едва могъ исполнить просьбу и такъ утомился, что съ той самой поры пропала его сила богатырская ²⁾. Въ сумочкѣ съ земною тягою мы узнаемъ тотъ мѣшокъ, въ которомъ нѣмецкіе великаны носили цѣлыя горы набранной ими земли или песку. Но какъ слово тяга означаетъ не только самую тяжесть (чрезмѣрную, обременительную ношу), но и то орудіе, съ помощію котораго можно ее потянуть—поднять ³⁾; то выраженіе «тяга земная», т. е. собственно тяжелая масса земли—гора, стало приниматься въ значеніи столба или кольца, ухватившись за которые можно поднять всю землю. Святогоръ изнемогаетъ подъ этою тяжестью, хотя и приподымаетъ ее «повыше колѣнъ»; но есть великаны и богатыри болѣе могучіе: таковы, по литовскому преданію, исполины Вѣтръ и Вода, которые поднимаютъ землю, и потрясая ею, производятъ потоцъ; таковъ богъ-громовникъ, заставляющій землю дрожать и колебаться; таковъ и Микула

¹⁾ Рыбник., I, 33, 39—40.— ²⁾ Младян., 528.— ³⁾ Тягать — тащить, при-тягивать, тягаться.

Селянновичъ — богатырь, соответствующій славному сыну Ърдн'ы — Тору. Калки переходяще даютъ совѣтъ Ильѣ Муромцу:

Не бейся и съ родомъ Микуловымъ —
Его любитъ матушка-сыра земля ¹⁾.

На близкія отношенія Микулы къ матери-сырой землѣ указываетъ и отечественное прозвище его — Селянновичъ. Какъ щедрый податель дождей, богъ-громовникъ почитался творцемъ урожаявъ, установителемъ земледѣлія, покровителемъ поселянъ-пахарей, и даже самъ, по народнымъ преданіямъ, выходилъ въ видѣ простаго крестьянина воздѣлывать нивы своимъ золотымъ плугомъ (I, 556-563). Такимъ пахаремъ изображаетъ былина и Микулу Селянновича. Какъ Святгоръ, несясь на добромъ конѣ, не могъ догнать пѣшаго Микулу, такъ и другому богатырю Вольгѣ (Олегу) Святославичу долго пришлось за нимъ гнаться:

Ореть въ поля ратай, повукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ увидеть — другаго не видать;
Коренья, каменя вывертываетъ...
Ъхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинишкой хороброй,
А не могъ онъ до ратая доѣхать.

Ъхалъ другой день, ѣхалъ и третій съ утра до пѣдья ²⁾, и настигъ наконецъ ратая. «Поѣдемъ со мной въ товарищахъ!» зоветъ его Вольга. Микула соглашается; надо только соху убрать. Посылаетъ Вольга пять могучихъ мѣлодцевъ, посылаетъ десять, посылаетъ всю дружину храбрую: сколько они ни трудятся,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернуги,
Изъ омѣшниковъ земельки повытряхнуги,
Бросить сошки за раки товъ кустъ.

¹⁾ Рыбник., I, 35.— ²⁾ До послѣ-объеденнаго времени.

Подходитъ Микула, пихнулъ соху — и полетѣла она подѣ облака, а какъ пала назадъ — ушла до рогаца въ землю ¹⁾. Съ русскимъ преданіемъ о земной тягѣ, подѣ которою изнемогъ Святогоръ, можно сопоставить древле-скандинавскую сагу: однажды Торъ, странствуя съ своимъ слугою Thiálfí, повстрѣчалъ великана и спросилъ его: «куда твой путь?»—Иду на небо, хочу сразиться съ Торомъ! отвѣчалъ великанъ, не догадываясь — кто стоитъ передъ нимъ; его молнія зажгла мой хлѣвъ! «Куда тебѣ! ты не сможешь поднять и этого небольшого камня.» Великанъ тотчасъ-же схватился за камень и напрягъ свои мышцы, чтобы поднять его; но долженъ былъ сознаться, что трудъ ему не по силамъ: такую страшную тяжесть даровалъ Торъ камню. Вслѣдъ за тѣмъ берется за камень Thiálfí и поднимаетъ его также легко, какъ рукавицу. Тутъ великанъ узналъ бога и съ яростью бросился на него, но Торъ двинулъ своимъ молотомъ и убилъ противника ²⁾. Подобно итѣцамъ, и славяне и литовцы выводятъ нерѣдко вмѣсто великана — чорта и приписываютъ ему поднятіе горъ и бросаніе снагъ и камней. Въ могилевской губ. есть Чортова гора, у подошвы которой разстилается озеро. Съ этой горою связываютъ слѣдующій разсказъ: когда-то потонулъ въ озерѣ единственный сынъ бѣдной вдовы; въ отчаяннѣ мать стала проклинать озеро и призывала на помощь нечистаго. Чортъ немедленно явился и пообѣщавъ завалить озеро горою; онъ слеталъ въ Кіевъ и принесъ оттуда на мизинцѣ часть Лысой горы, и только что хотѣлъ кинуть ее въ воду, какъ запѣли пѣтухи; испуганный чортъ исчезъ, уронивши свою ношу у самаго берега ³⁾. Недалеко отъ древняго Коростена, у рѣки Уши стоитъ утесъ, называемый Чортовымъ плечемъ; въ давнее время вздумали черти запрудить камнями и рѣ-

¹⁾ Рыбник., 1, 18—23.— ²⁾ D. Myth., 512.— ³⁾ Могилев. Г. В. 1851, 6.

ку и затопить окрестных жителей; ночью принялись они за работу, начали таскать камни, но запѣлъ пѣтухъ — и въ тоже мгновение нечистые духи разлились смолою. Памятникомъ ихъ неудавшагося предпріятія остался утесъ съ двѣнадцатю знаками, въ которыхъ крестьяне узнають форму плечъ ¹⁾. Камни, приносимые чертями на своихъ раменахъ, — метафора тучъ, ночь = мракъ отъ наплыва сгущенныхъ облаковъ, крикъ пѣтуха = громъ, смола = дождь. Въ черниговской губ., вблизи Любеча, есть курганъ, извѣстный подъ именемъ Чортовой ножки. Народная легенда рассказываетъ, что однажды, когда преподобный Антоній молился въ своей пещерѣ, къ нему явился дьяволъ; святой мужъ прогналъ его крестомъ и молитвою; дьяволъ побѣждалъ прямо къ кургану, сталъ на немъ одною ногою и сгинулъ. Оставилъ ли онъ на курганѣ слѣдъ своей ступни? — лицо, сообщившее легенду, не говорить ни слова ²⁾. Въ Подкаменнѣ, возлѣ доминиканской церкви, на покатости горы лежитъ огромный камень. Мѣстное преданіе утверждаетъ, что дьяволъ, раздраженный постройкою этого храма, отломилъ отъ Карпатовъ большой кусокъ скалы и ночью понёсъ его по воздуху, съ намѣреніемъ бросить въ церковный куполь. Къ счастью запѣлъ пѣтухъ — и чортъ уронилъ камень на то мѣсто, гдѣ можно видѣть его и въ наше время. Въ литовскомъ разсказѣ Румшисъ, вступивши въ договоръ съ бѣсомъ, приказалъ ему принести до разсвѣта огромный камень изъ-подъ Клайпеды; чортъ спѣшилъ, сколько могъ, но не успѣлъ прибыть въ срокъ: пѣтухъ запѣлъ, когда до дома Румшиса не оставалось и тысячи шаговъ. Страшно завылъ чортъ и бросилъ камень въ Неманъ, гдѣ онъ и понынѣ лежитъ, образуя порогъ ³⁾.

¹⁾ Путевыя замѣтки Давида Мацкевича, 292. — ²⁾ Чернигов. Г. В. 1857, 38. — ³⁾ Семенск., 34, 81—82; Иллюстр. 1848, № 27.

Обитая въ горахъ, великаны, подобно драконамъ и змѣямъ, стерегутъ тамъ несчетныя сокровища серебра и золота. Было, говорить нѣмецкая сказка ¹⁾, два брата: богатой и бѣдной. Случилось бѣдному идти лѣсомъ мимо большой горы; смотритъ — а къ ней подошли двѣнадцать великановъ и промолвили: «гора Семси, отворись!» И она тотчасъ раздѣлилась вдвое; великаны вступили въ отверстіе, и немого погодя вышли изъ горы, каждый неся на своей спинѣ по тяжелому мѣшку. «Гора Семси, затворись!» закричали они — и гора затворилась. Бѣдной братъ дождался ихъ ухода, проговорилъ тѣже слова и вошелъ въ просторную пещеру, которая вся была наполнена серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями; набралъ себѣ всякаго добра и разбогатѣлъ. Богатой братъ ему позавидовалъ, разузналъ — какъ было дѣло, и отправился въ ту же пещеру. Набравши большой запасъ сокровищъ, онъ хотѣлъ было уйти, да позабылъ названіе горы и сталъ приказывать: «гора Симели, отворись!» а гора не слушается. Къ вечеру пришли великаны и отрубили ему голову. Эта гора, наполненная сокровищами и охраняемая великанами, есть поэтическое изображеніе тучи, закрывающей собою золотое солнце, серебряный мѣсяцъ и яркія звѣзды, что блистаютъ на небесномъ сводѣ дорогими самоцвѣтными камнями. Тѣже сказка извѣстна и между славянами, но въ формѣ нѣсколько-подновленной: вмѣсто великановъ являются разбойники или привидѣнія — духи усопшихъ ²⁾. Приведемъ галицкую редакцію: въ Черной горѣ (въ коломыйскомъ округѣ) хранятся несмѣтныеклады, а въ сумерки оттуда слышится говоръ и звукъ цѣпей. Разъ бѣдный крестьянинъ, собираясь срубить дерево на отлогѣ этой горы, увидѣлъ привидѣніе, ко-

¹⁾ Сказ. Грим., 142, 191 — ²⁾ Н. Р. Сл., VIII. 27; Худяк., 100; Чудинск., 4; Семевск., стр. 104—7; „Pieczary w Czarnéj gorze“; Пов. и пред., 53—60; сб. Валивца, 204—6.

торое медленнымъ шагомъ приближалось къ таинственнымъ пещерамъ. «Откройте, дверцы!» молвило привидѣніе; дверь открылась и духъ вступилъ внутрь горы. «Затворитесь, дверцы!» раздался голосъ изъ подземелья — и дверь быстро захлопнулась. Крестьянинъ улучилъ время, явился къ горѣ, приказалъ двери отвориться и вошелъ въ темный погребъ, гдѣ стояли бочки съ старинными червонцами, талерами и драгоценными камнями и были навалены большія кучи золотыхъ крестовъ и окладовъ съ иконъ. Много захватилъ онъ золота, и воротившись домой, разказалъ сосѣду, какъ и откуда достался ему кладъ. А сосѣдъ былъ страшной скряга, вздумалъ и самъ поживиться, пошелъ къ Черной горѣ, забрался въ подземелье и только сталъ было набивать нарочно-припасѣнные мѣшки, какъ откуда не возьмись — выскочилъ огромный черный пёсъ съ горящими глазами и растерзалъ похитителя. Въ астраханской губ. сохраняется преданіе о Чортовомъ городищѣ: однажды поѣхалъ мужикъ въ лодкѣ, пристигла его темная ночь, онъ и заплутался... Плылъ-плылъ и присталъ къ берегу; надо, думаетъ, поглядѣться, что за мѣсто такое? Смотрить — передъ нимъ бугоръ, а въ бугрѣ — подвалъ; вошелъ въ отворенныя двери и крѣпко испугался: впереди сидитъ женщина — словно татарка, а по всему подвалу насыпаны груды денегъ и стоятъ кадки съ виномъ (кадка = облако, вино = дождь). Спрашиваетъ она: «почто пришелъ сюда?» — Заблудился! «Ну что-жь, не бойся! Возьми корецъ, испей винца, да бери себѣ денегъ, сколько хочешь; а въ другой разъ сюда не ходи.» Вотъ мужикъ сталъ забирать деньги да въ карманы класть; много наклалъ, сколько могутъ поднять хватило, и потащилъ въ лодку. Высыпалъ деньги и думаетъ: «дай еще пойду! этого въ другой разъ не сыщешь.» Пришелъ къ бугру, туда-сюда — нѣтъ больше подвала, точно и не было его! Воротился назадъ къ лодкѣ, а вмѣсто денегъ въ ней ле-

жать уголья. Есть много разказовъ, въ которыхъ храненіе золота приписывается чертямъ. Посреди стараго Кракова было подземелье, гдѣ (какъ увѣряла народная молва) стояли бочки съ чистымъ золотомъ; разъ зашла туда одна дѣвушка, чортъ отсыпалъ ей въ передникъ груды червонцевъ, и прощаясь — не велѣлъ оборачиваться назадъ. На послѣдней ступенькѣ лѣстницы она не выдержала и оглянулась; въ то же мгновеніе дверь съ трескомъ (= съ громомъ) захлопнулась и отшибла ей пятку. Подъ развалинами Ленгичкаго замка (въ Польшѣ) обитаетъ чортъ Боруа и стережетъ кладъ; нашлся отчаянный шляхтичъ, который отправился въ подвалы этого замка и сталъ забирать золото; набилъ полные карманы — и назадъ, но едва ступилъ онъ на порогъ, какъ хлопнула дверь и отшибла ему пятку ¹⁾. Прибавимъ, что, по свидѣтельству старинныхъ миеовъ, богъ-громовникъ, вторгаясь въ облачныя пещеры добывать живую воду дождя и золото солнечныхъ лучей, получаетъ ударъ въ ногу и дѣлается хромымъ (см. гл. XXII).

Какъ воплощенія мрачныхъ тучъ и тумановъ, застилающихъ ясное небо и на все время зимы скрывающихъ въ своихъ нѣдрахъ живительный дождь и блестящую молнію, великаны (наравнѣ съ драконами) обладаютъ воровскимъ, хищническимъ характеромъ, и вызываютъ на постоянную борьбу съ собою бога-громовержца, этого низводителя дождей, прояснителя солнца и творца всякаго плодородія. Громовникъ иначе не представляется въ древнихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, какъ въ постоянныхъ битвахъ съ великанами. Индра сражается съ асурами и ракшасами, демонами-похитителями свѣта и дождевой влаги, во главѣ которыхъ стоитъ Вритра; Зевесъ борется съ титанами и гигантами, Торъ — съ іотунами и турсами. Асуры

¹⁾ Пов. и пред., 61—65, 71—72, 174; *Zarysy domowe*, III, 190.

сбиваютъ облака въ кучу, чтобы, образовавъ изъ нихъ лѣстницу, скорѣе взобраться на небо и завладѣть царствомъ свѣтлыхъ боговъ. Индѣйскимъ асурамъ, которыхъ разить и гонить въ глубокія подземелья могучій Индра, вполне соотвѣствуютъ греческіе титаны, существа подземныя, враждебныя Зевсу и олимпійскимъ богамъ. Желая достать до высокаго неба и тамъ торжествовать свою побѣду надъ олимпійцами, они воздвигали горы на горы (=тучи на тучи); но Зевсъ бросалъ все-сокрушающія молніи, и великаны паля подъ обломками скалъ. Страшно, говоритъ Гезіодова Теогонія, гудѣли кормилица-земля и бесплодное море, потрясѣнное небо стонало и Олимпъ колебался въ своихъ основаніяхъ отъ воинскихъ кликовъ и грознаго метанія стрѣлъ; все было объято пожаромъ, и наконецъ титаны были низвергнуты въ бездну мрачнаго тартара, и веселая, свѣтлая жизнь водворилась на землѣ, т. е. вслѣдъ за побѣдою, одержанною надъ демоническими силами зимнихъ тумановъ и облаковъ, наступаетъ весна. Подъ ударами молній исполины-тучи низвергаются на землю и проникаютъ въ ея материнскую утробу дождевыми ливнями. Прогнанные съ Олимпа и заключенные въ вертепы подземнаго царства, титаны напоминаютъ собою тѣхъ гордыхъ ангеловъ, которые, по библейскому сказанію, возстали противъ Творца вселенной и низринутые имъ съ неба превратились въ злыхъ демоновъ, обитателей ада: въ этомъ сближеніи народная фантазія обрѣла новую опору для своихъ стародавнихъ мѣровъ. Древне-германскія преданія полагаютъ жилища великановъ на сѣверѣ ¹⁾; съ понятіемъ же сѣверной стороны предки индоевропейскихъ народовъ соединяли идеи мрака, зимы и ада (см. I, 183 и гл. XXII). Вражда асовъ съ іотунами и турсами изображена въ Эддѣ яркими красками. Выше

¹⁾ D. Myth., 521.

мы привели поэтическое сказаніе о попыткѣ великана овладѣть солнцемъ, луною и Фреею, который однако погибъ подъ ударами Тора. Исконный врагъ демоновъ и другъ людей, Торъ очищаетъ вселенную отъ буйныхъ великановъ и устанавливаетъ на землѣ мирный трудъ хлѣбопашества; его молотъ дробитъ исполинамъ головы, а не будь этого — они давно бы овладѣли всѣмъ пространствомъ свѣтомъ ¹⁾. Младшая Эдда заставляетъ громовника состязаться съ великаномъ Грунгвиромъ. Торъ является на мѣсто битвы въ сопровожденіи Тіальфи; Грунгвиръ храбро встрѣчаетъ противника, закрываясь каменнымъ щитомъ. «Плохо ты защищаешься, ютунъ! лукаво замѣчаетъ ему Тіальфи; ты держишь щитъ передъ собою, но Торъ находитъ на тебя снизу!» Довѣрчивый великанъ бросаетъ щитъ на землю, становится на него — и схватываетъ обѣими руками скалу, какъ свое воинское оружіе. Вдругъ блеснула молнія и загремѣлъ громъ — то гнѣвный Торъ ринулъ свой Мjölnir; на встрѣчу молоту великанъ кидаетъ скалу, но она разлетается надвое: одна половина падаетъ на землю, а другая рушится на голову Тора; богъ получаетъ рану, но остается побѣдителемъ: своимъ молотомъ онъ разможилъ великану черепъ ²⁾. Пѣсни Эдды рассказываютъ о похищеніи великанами Торова мѣдота и пивнаго котла. Однажды, проснувшись по утру, Торъ не нашелъ при себѣ убійственнаго Мjölnir'а. Напрасно онъ ищетъ его и пылаетъ яростью! Ни то, ни другое не помогаетъ дѣлу. Тогда онъ сообщаетъ о своей пропажѣ хитрому Локи, безъ котораго не обходится ни одно предпріятіе, требующее изворотливости и лукавства. Торъ и Локи идутъ въ палаты прекрасной Фреи и просятъ у нея пернатой сорочки (I, 540—6); Фрея исполняетъ ихъ просьбу, и Локи облачается въ перяз-

¹⁾ Ibid., 497.— ²⁾ Die Götterwelt, 213—5.

тую одежду. Изъ обители асовъ онъ летитъ въ Иотунгеймъ — страну великановъ, и видитъ: на вершинѣ горы сидитъ владыка турсовъ, по имени Тримъ, вьетъ золотыя привязи своимъ собакамъ, чиститъ и колитъ своихъ коней. «Что новаго у асовъ?» спрашиваетъ великанъ. «Бѣда случилась у асовъ, отвѣчаетъ Локи; не ты ли спряталъ молотъ Тора?» — Да, я спряталъ молотъ Тора на восемь миль глубины подъ землю; не достать вамъ его, развѣ дадите мнѣ въ жены прекрасную Фрею! Локи приноситъ отвѣтъ Тору, и оба они идутъ къ Фреѣ; предложеніе Трима приводитъ ее въ страшный гнѣвъ. Собрались всѣ боги и богини и стали обсуждать, какъ помочь горю. Рѣшено было, что самъ Торъ одѣнется невѣстою въ платье и ожерелье Фреи и отправится въ Иотунгеймъ. Опасаясь, что безъ его молота — великаны могутъ завладѣть Асгардомъ, Торъ наряжается въ одежды Фрей и покрываетъ свое лицо фатою; нарядился и Локи прислужницею невѣсты. Оба сѣли въ повозку, запряженную парю козловъ, и пустились въ дорогу; отъ нихъ поѣзда трещать горы и загорается земля. Тримъ убираетъ свое жилище и ждетъ красавицу. Къ вечеру пріѣзжаетъ желанная гостя. Начинается свадебный пиръ; невѣста одна съѣдаетъ цѣлаго быка, восемь большихъ рыбъ и всѣ закуски, и выпиваетъ три бочки меду. Захотѣлъ Тримъ поцѣловать невѣсту, заглянулъ подъ покрывало, и такъ испугался ея блестящихъ, искрометныхъ взоровъ, что отпрыгнулъ на другой конецъ палаты. Локи успокаиваетъ великана: Фрея, по его словамъ, ничего не ѣла дорогою и не спала восемь ночей; такъ желалось ей поскорѣ прибыть въ Иотунгеймъ. Наступила пора совершить брачный обрядъ; союзъ долженъ быть освященъ молотомъ Тора. Тримъ велитъ принести Мјблнig и положить его на колѣни невѣсты. Злобно обрадовался Торъ, завидя свой молотъ, схватилъ его и пошелъ гулять по голо-

вамъ великановъ: что ни ударъ, то и разбитый черепъ ¹⁾). Раскромъ дѣйствительное значеніе мнѣ: великанъ *Thurgung* (=громкобурлявый), пользуясь зимнимъ сномъ бога-громовника, похищаетъ молнію и скрываетъ ее въ глубинѣ облачныхъ подземелій на восемь мѣсяцевъ зимы, которая на сѣверѣ Европы бываетъ очень продолжительна; онъ думаетъ завладѣть и богиней Фрею, но приходитъ весна — Торъ снова обрѣтаетъ свой молотъ, и въ возженномъ имъ грозовомъ пламени гибнутъ Тримъ и подвластные ему великаны. Мнѣ этотъ стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ германо-славянскимъ вѣрованіемъ, будто «громовые камни или стрѣлки» (*donnersteine, donnerhämmer*), ниспадая изъ тучъ, входятъ въ глубь земли, и оставаясь тамъ въ продолженіи семи лѣтъ — по истеченіи означеннаго срока выступаютъ на ея поверхность (I, 247). Семь лѣтъ указываютъ на семь зимнихъ мѣсяцевъ, а темныя подземелья — на мракъ сгущенныхъ облаковъ. Такимъ образомъ ежегодно-похищаемая молнія поконится въ зимнее время въ облачныхъ пещерахъ; а весной, когда Перунъ отпираетъ золотымъ ключемъ горы-тучи, когда изъ нѣдръ земныхъ выходятъ ярко-горящіе, золотые влады, она снова начинаетъ разить великановъ и демоновъ. Въ народныхъ пѣсняхъ Даніи воспѣваются и покража золотого Торова мѣлота, и сокрытіе въ облачной горѣ богатырскаго меча (= другая метафора молніи). Молодой рыцарь Ормъ стучится въ дверь гробницы своего отца. «Кто ты, дерзкой, пришедшій возмутить мой покой?» — Это я — твой сынъ! «Чего ты хочешь? я уже отдалъ тебѣ груды золота и серебра.» — Правда, но я хочу твоего меча; если ты откажешь мнѣ, я разобью скалу, которая служитъ твоею могилою, на пять тысячъ кусковъ! Отецъ отдаетъ свой богатырской мечъ, и вооруженный имъ Ормъ

¹⁾ Смирновъ, 61—65. *Die Götterwelt*, 212—3. Иадра принималъ на себя образъ воденой дѣвы, чтобы поразить демона — *Gerh. Mythen*, 165—6.

убиваетъ великана Берва ¹⁾. Сходно съ этимъ, наши сказочные богатыри прежде всего добываютъ изъ горъ или подземелій несокрушимый мечь-кладенецъ (= самосѣкъ), збрую ратную и добраго коня (I, 619), и потомъ уже отправляются совершать славныя подвиги — побивать змѣевъ и великановъ; зтотъ мечь, збрую и коня нерѣдко получаютъ они отъ усопшаго витязя — изъ-подъ его могильнаго кургана ²⁾. Могильная насыпь есть гора-туча, въ которой спитъ убаюканный зимнимъ сномъ, или что то же — застигнутый зимнею смертью, старый богъ-громовникъ, прошлогодній Перунъ. Греческое преданіе говоритъ о сокрытіи Аполлоновыхъ стрѣлъ въ холодной гиперборейской странѣ, откуда добываются онѣ не прежде, какъ съ возвратомъ благодатной весны ³⁾; по свидѣтельству Гезіода, циклопы, освобожденные Зевсомъ, вручили ему молніи, сокрытыя до того времени въ земной утробѣ. На этихъ мифическихъ представленіяхъ основаны заговоры, произносимые ратными людьми при выступленіи въ походъ; силою заповѣднаго слова призывается Перунъ отпереть облачныя затворы, добыть изъ-за нихъ мечь-кладенецъ и вручить его ратнику. Такъ въ одномъ заговорѣ просятъ вѣрона, всемъ вѣронамъ старшаго, разбить змѣвину крѣпость, заклевать самаго змѣя и достать ключъ, которымъ заперта богатырская збура; въ другомъ заговорѣ читаемъ: «выхожу я во чисто поле, на зеленый лугъ; во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима-невидимая. Срываю три былинки бѣлую, черную, красную; красную былинку метать буду за океанъ-море, на островъ на Буявъ, подъ мечь-кладенецъ; черную былинку покачу подъ чернаго вѣрона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во

¹⁾ Финск. Вѣств. 1846, X, 40, 45—46 („Первыя драмы и народн. пѣсни Давіа“).— ²⁾ Н. Р. Св., II, стр. 386; VIII, 39 и многія другія сказки.— ³⁾ Der Ursprung der Myth., 106.

гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ завить-зашить колчанъ съ каленой стрѣлой. Красная былинка притащитъ мнѣ мечь-кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью снау чужеземную, съ той уздечкою обратю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ разобью врага-супостата» ¹⁾. Могучее зелье, упоминаемое заговоромъ, означаетъ «разрывъ-траву» или вѣтку-молнію, которою Перунъ разбиваетъ зинія тучи; три разноцвѣтныя былинки этого зелья соотвѣтствуютъ трехлиственному кадуцею Меркурія (см. выше, стр. 393) и трехгранному (бѣлому, желтому и красному) камню Тора (см. I, 255). — Не менѣе знаменательно содержаніе пѣсни о пивномъ котлѣ (braukessel): нѣкогда асы собрались пировать у морскаго владыки Эгира. Чтобы сварить для нихъ пиво, понадобился котёлъ колоссальныхъ размѣровъ; но гдѣ и какъ добыть его? Тѹг (= Tiv, Zio, Zeus) припомнилъ, что такимъ котломъ владѣетъ великанъ Нуниг, и тотчасъ-же отправился на поиски, виѣстѣ съ Торомъ. Боги явились къ Гиниру въ то время, когда онъ былъ на охотѣ, а дома оставалась мать его — старая великанка о девяти стахъ головъ. Въ ожиданіи хозяина, гости спрятались въ залѣ — за столбами, на которыхъ висѣло восемь котловъ. Поздно ворочается великанъ съ охоты; подъ его стопами звучатъ ледяныя горы (eisberge), отъ его взоровъ распадаются крѣпкіе столбы. Завидя гостей, онъ приказываетъ приготовить на ужинъ трехъ быковъ, изъ которыхъ двухъ нежираетъ Торъ. Къ обѣду слѣдующаго дня великанъ вздумалъ наловить рыбы; съ нимъ виѣстѣ пускается въ море и могучій Торъ: онъ отрываетъ у чернаго

¹⁾ Сахаров., I, 25—26.

быка голову и беретъ ее съ собою, какъ прикормку для рыбы. Гимирь вытащилъ на удѣ двухъ китовъ; а бычью голову, на которую удилъ Торъ, ухватила ненавидная богамъ исполинская змѣя — Midgardschlange: богъ-громовержецъ притащилъ ее къ борту корабля и ринулъ молотомъ въ ея чудовищную пасть. Затрещали горы, застонала земля и змѣя погрузилась въ глубокое море. Покончивъ ловлю, Гимирь обратился къ товарищу съ просьбою отнести пойманныхъ рыбъ. Торъ поднялъ на свои плеча корабль со всеми снастями, взявъ двухъ китовъ, и все это понёсъ на дворъ великана. Гимиру мало было этихъ опытовъ силы; онъ предложилъ гостямъ попробовать: смогутъ ли они поднять его огромный котелъ? Тутъ дважды принимался за дѣло; но его усилія были напрасны — котелъ стоялъ неподвижно. Тогда выступилъ Торъ; онъ ухватился за край котла и потащилъ его по каменному полу залы, потомъ поднялъ его на голову и поспѣшилъ къ асамъ. На пути оглянувшись назадъ, онъ увидѣлъ, что за нимъ гонятся Гимирь и многоглавые обитатели подземныхъ пещеръ. Торъ двинулъ свой страшный молотъ и побилъ великановъ. По мнѣнiю Маннгардта, braukessel означаетъ небесный сводъ, донинѣ-сравниваемый поэтами съ опрокинутой надъ землею исполинскою чашею; въ этой чашѣ боги весеннихъ грозъ завариваютъ вдохновительный напитокъ дождя(= нектаръ, пиво). Но мы знаемъ, что и самыя тучи представлялись сосудами (бочками, котлами), въ которыхъ готовится и хранится небесное пиво, вино или медъ. Поэтому едвали не справедливѣе — въ котлахъ, обрѣтенныхъ въ жилищѣ Гимира, видѣть поэтическое изображенiе дожденосныхъ тучъ; колоссальные размѣры этихъ послѣднихъ, постоянно-сближаемыхъ съ горами, наводили фантазію на мысль о чрезвычайной громадности тѣхъ сосудовъ, изъ которыхъ пьютъ великаны и боги. На зиму iотуны, похищающіе молотъ

Тора, скрываютъ дождевую влагу въ своихъ темныхъ и крѣпкихъ затворахъ; но въ весеннюю пору Торъ поражаетъ великановъ, отыскаетъ у нихъ пивной котелъ и счастливо приноситъ его въ собраніе асовъ, т. е. снова возвращаетъ благодатные дожди. Борьба громовника съ гигантскою змѣею и пожирание имъ быковъ суть мнѣшческія представленія грозы, въ пламени которой гибнутъ змѣи-Вритра и облачныя стада¹⁾. Въ Норвегін, когда настаетъ непогода и поднимаются шумные вихри, народъ выражается объ этомъ явленіи: «великанъ ворочаетъ котлы» (*der giese rührt die kessel*²⁾). Мнѣ о похищеніи великаномъ Thiassi богини Идуны, которой было вѣрено охраненіе котла съ дорогимъ медовымъ напиткомъ (*Odhgöigr*), въ сущности заключаетъ въ себѣ тотъ-же самый смыслъ, что и преданіе о пивномъ котлѣ, сокрытомъ у Гимира. Отголосокъ подобныхъ-же представленій слышится въ вѣнскомъ блѣморскомъ преданіи: въ древнія времена на островахъ Калгуевѣ, Жогжинѣ и на Кончаковскомъ наволоктѣ жили три брата-богатыря, по имени — Калга, Жогжа и Кончакъ. Они славились своими волшебными чарами и собирали съ промышленниковъ большую дань. Первые два брата имѣли одинъ общій топоръ, и въ случаѣ надобности перебрасывали его черезъ море, раздѣлявшее ихъ жилища на полныя восемьдесятъ верстъ; тоже дѣлали они и съ котломъ, въ которомъ варили себѣ уху или кашницу. За свою жадность и грабительство Калга и Жогжа были наказаны сѣдымъ старцемъ, который явился — невѣдомо откуда, поразилъ ихъ ударомъ батога (= молніи) и затѣмъ исчезъ. Последний братъ Кончакъ былъ великанъ и не боялся никакого оружія. Разъ онъ похитилъ красавицу и увлекъ ее въ свой домъ; эта обшла великана лестью и стала выпытывать: можно ли одо-

¹⁾ Симпсонъ, 46—51; Die Götterwelt, 217—8; German. Mythen, 103.—

²⁾ D. Myth., 602.

лѣтъ его? «Когда я сухъ, отвѣчалъ Кончакъ, то меня не одолѣетъ никакая сила; но когда выйду изъ бани, въ то время уходитъ меня и малый ребенокъ!» Черезъ нѣсколько дней послѣ этого признанія, когда онъ вышелъ изъ бани— его окружила вооруженная толпа и предала жестокой смерти ¹⁾, т. е. великанъ-туча ослабѣваетъ (= истощается, рѣдѣетъ) и гибнетъ въ грозовой банѣ, омываясь въ кипучихъ потокахъ дождя. О богатыряхъ существуетъ повѣрье, что они утрачиваютъ много силъ и крѣпости, какъ скоро побываютъ въ банѣ ²⁾.

Средство великановъ съ змѣями (драконами) доказываетъ и тѣмъ, что они съ такою-же свирѣпою жадностью готовы пить кровь и пожирать коровъ, овецъ и человеческое мясо, которое еще издали слышать своимъ тонкимъ чутьемъ. Ракшасы (Rākshasas=тѣ, которыхъ надо остерегаться)—исполины съ щетинистыми волосами, открытыми пастями и острыми, выдающимися впередъ зубами, признавались за страшныхъ людоедовъ, и потому имъ давалось названіе *atrin* — поѣдучій: схватывая несчастную жертву, они увлекаютъ ее въ воздушныя пространства, разрѣзываютъ ей брюхо и упиваются кровью, а послѣ этого пиршества предаются пляскамъ, т. е. насытившись дождевою влагою (парамъ), носятся на крыльяхъ бурныхъ вѣтровъ ³⁾. Слово *iðtunn* (англос. *eoten*, др.-англ. *etin*, др.-сакс. *etan*, *eten*) означаетъ ѣдуна, пожирателя; а *thurs* (сканд. *þurs*, верх.-нѣм. *turs*, *türse*, *durs*, *dürse*, *dürsch*=*der durstige, trunkene*) — опивалу ⁴⁾. Это демоны, поѣдающіе облачныя стада и утоляющіе свою жажду живительнымъ напиткомъ дождя; страна, обитаемая ими (*iðtunheimr*), омывается небесными источниками и лежитъ по ту сторону

¹⁾ Этн. Сб., VI, смѣсь, 20—23.—²⁾ Н. Р. Сл., VI, стр. 269.—³⁾ Die Götterwelt, 56—57.—⁴⁾ «Giffr (великанна) mag frech, trotzig, gierig bedeuten»—D. Myth., 493.

великихъ водъ (= за воздушнымъ океаномъ). Народныя саги приписываютъ имъ похищеніе коровъ и водяныхъ (дождевыхъ) жень; заблудившимся путникамъ неразъ приходилось слышать ревъ коровъ, заключенныхъ великанами въ горахъ. Въ сказаніи о Беовульфѣ выведено демоническое существо въ родѣ змѣя или великана—Grendel: ночью появляется онъ въ залу спящихъ героевъ, схватываетъ кого-нибудь, и подобно упырю и волкодлаку (см. гл. XXVI) пьетъ изъ его жилъ горячую кровь; мать Гренделя называется морскою волчицею — merevif, brimvulf ¹⁾. Съ тѣмъ-же характеромъ изображаютъ греческія сказанія циклоповъ. Циклопы — одноглазые великаны, обитающіе въ темныхъ пещерахъ, среди высокихъ скалъ, нравомъ свирѣпые, нелюдямые, видомъ подобные горамъ, а голосомъ — грому. Выше (I, 279) было указано, что гроза уподоблялась древними поэтами кузнечной работѣ и что самъ громовникъ и духи-обитатели облачныхъ горъ представлялись кузнецами; этой работою занимаются и великаны. Сидя въ подземельяхъ, подъ властію Гефеста, циклопы ковали стрѣлы-молніи. Представленіе это, хотя у германо-славянскаго племени и не получило такого широкаго развитія, какъ у народовъ классическихъ, но все-же не чуждо ему совершенно. Обработку металловъ и ковку оружія нѣмецкія и славянскія преданія по преимуществу связываютъ съ карликами; но есть саги, въ которыхъ великаны и черти или сами являются кузнецами, или учатся у другихъ кузнечному ремеслу ²⁾. У Гомера находимъ превосходный разговоръ о томъ, какъ Одиссей съ двѣнадцатью товарищами пошелъ къ циклопамъ. Странники зашли въ пещеру Полифема; завидя ихъ, великанъ прынулъ, какъ бѣшеный

¹⁾ German. Mythen, 169—174; D. Myth., 464, 466—9.— ²⁾ D. Myth., 454, 514; Deutsche Sagen, I, 232; см. также въ I т. настоящаго сочиненія, стр. 295 (великанъ Železomej).

звѣрь, разомъ подхватилъ двоихъ—словно щенятъ, ударилъ ихъ головами ѓ землю, сострепалъ себѣ ужинъ и съѣлъ все дѣчиста: ни костей, ни утробъ не оставилъ. Послѣ погбло еще четверо изъ странниковъ такую-же ужасною смертію. Тогда Одиссей оболъстилъ циклопа своими хитрыми рѣчами и опонилъ его виномъ, а на вопросъ о своемъ имени назвалъся Никто. Какъ только опьяненный великанъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, Одиссей взялъ заостренный колъ, разжегъ остріе на огнѣ, и съ помощію товарищей своихъ воткнулъ его въ глазъ Полифема: глазное яблоко зашипѣло и лопнуло. Страшно заревѣлъ Полифемъ, и на этотъ крикъ сбѣжались другіе циклопы. «Кто, спрашиваютъ они, навѣсь тебѣ обиду?»—Никто, отвѣчаетъ Полифемъ. «Если никто, такъ зачѣмъ-же кричать!» говорятъ ему циклопы и удаляются прочь. Полифемъ отодвинулъ скалу, которою заграждался входъ въ пещеру, и съѣлъ у отверстія, надѣясь переловить своихъ маленькихъ враговъ въ то время, какъ стануть они выходить изъ подземелья. У него было большое стадо козъ и овецъ, подобно тому, какъ у Трина паслись золоторогія коровы; Полифемъ питался ихъ молокомъ и мясомъ, и на ночь загонялъ стадо въ пещеру. Догадливый Одиссей опуталъ лыками по три длинноруныхъ барана вѣстѣ, и каждаго изъ своихъ спутниковъ подвязалъ подъ среднимъ бараномъ; а себѣ выбралъ самаго роскошнаго шерстью санца, ухватился руками за его спину и повисъ подъ волнистымъ брюхомъ. Бараны вынесли ихъ на свободу. Взойдя на корабль, Одиссей ве вытерпѣлъ и началъ громко ругаться надъ великаномъ. Взбѣшенный Полифемъ отломилъ отъ вершины горы огромный утесъ и со всего размаху кинулъ его въ воду; утесъ упалъ недалеко отъ судна, всколыталъ море и едва не потопилъ корабля ¹⁾). Слѣды преданія о По-

¹⁾ Одисс., IX..

лифемъ Вильгельмъ Гриммъ указываетъ въ сказкахъ и поэмахъ не только нѣмецкихъ, романскихъ, славянскихъ, но и финскихъ, татарскихъ (тюркскихъ) и арабскихъ, заимствованныхъ изъ древне-персидскихъ источниковъ ¹⁾. На Руси есть сказка про Лихо одноглазое ²⁾: жилъ-былъ кузнецъ. «Что, говорить, я горя никакого не видалъ. Сказываютъ: лихо на свѣтѣ есть; пойду, поищу себѣ лихо.» Пошелъ, повстрѣчался съ нимъ портной и присталъ въ товарищи. После долгаго пути, забрели они ночью въ густой и темной лѣсъ, увидали большую избу и зашли въ неё отдохнуть. Въ избѣ пусто, никого нѣту; но вотъ идетъ вы сокая, одноокая баба. «А, говорить, у меня гости! будетъ мнѣ что поужинать.» Принесла беремя дровъ, затопила печку, зарѣзала портнаго, изжарила и скушала. Кузнецъ видитъ—дѣло плохо, ничѣмъ не возьмешь, развѣ хитростью. «Бабушка! говорить, я кузнецъ.»—А что ковать умѣешь? «Да все умѣю.»—Скуй мнѣ глазъ. «Хорошо, да есть ли веревки? Надо тебя покрѣче связать, я бы другой глазъ вковалъ.» Великанка принесла веревки; кузнецъ скрутилъ ее крѣпко-накрѣпко, потомъ взялъ шило, разжегъ на огнѣ, наставилъ бабѣ на глазъ, да какъ хватить обухомъ по шилу... баба рванулась и веревка тотчасъ лопнула. «А, злодѣй, не уйдешь отъ меня!» закричала слѣзая и усѣлась на порогѣ избы. На ночь загнала она овецъ въ избу, а по утру стала выпускать ихъ въ поле. Кузнецъ выворотилъ свой тулупъ шерстью вверхъ, надѣлъ и поползъ на четверенькахъ, словно баранъ. Великанка выпускала овецъ по одной: схватить за спину да и выкинетъ. Выкинула за двери

¹⁾ *Abhandlungen* берлин. акад. наукъ 1857 г.; Тысяча и одна ночь—разсказъ о мореходцѣ Синдбадѣ; Сказ. Грим., 191; Гальтрахъ, 36; Штиръ, стр. 148—150; *Zeitschr. für D. Myth.*, II, 210. Кастреть упоминаетъ о подобной-же сказкѣ, слышанной имъ въ русской Корелии—Вѣст. Р. Г. О. 1856, V, 29.—²⁾ Н. Р. Сл., III, 14.

и своего неузнаннаго врага. Всталъ онъ и пошелъ лѣсомъ; глядѣ—на деревѣ топорикъ съ золотой ручкою, захотѣлъ себѣ взять, но только дотронулся—рука такъ и приста-ла къ топору, а тутъ великанка тащится и кричить: «не ушелъ, злодѣй!» Кузнецъ вынулъ ножъ, отрѣзалъ прилишнюю руку и только этимъ спасся отъ вѣрной смерти. Извѣстны и другіе варианты этой замѣчательной сказки: Лихо представляется великаномъ — «стоитъ великолюдь да сосновою колодою загоняетъ овецъ въ хлѣвъ; ростомъ выше самаго высокаго дуба, во лбу одинъ глазъ.» Интересенъ по своимъ особенностямъ малорусскій вариантъ ¹⁾: жилъ да былъ чело-вѣкъ и не зналъ, что за лихо есть на свѣтѣ; слышитъ—люди часто его поминаютъ, и рѣшился, во что бы ни стало, свидѣться съ нимъ; сумку на плечи и отправился странство-вать. Шелъ шелъ, долго ли, коротко ли—подъ лѣсомъ сто-итъ желѣзный замкъ, кругомъ частоколъ изъ че-ловѣчьихъ костей, а сверху воткнуты черепа. Подходитъ къ замку. «Чего надо?» — Лиха; его ницу. «Лихо здѣсь!» Вошелъ въ горницу, а тамъ лежитъ громадный, туч-ный великанъ—голова на покути, ноги на печкѣ; ложе подъ нимъ людскія кости. Это — Лихо, а вокругъ него сидятъ Злыдни и Журба. Подало Лихо челоуѣчью голову и подчуетъ гостя; а само Лихо слѣпое. Онъ взялъ голову, да подъ лав-ку. «Что, скушалъ?» спрашиваетъ великанъ. — Скушалъ. «А гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подъ лавкою, отозвалась голо-ва. Жаромъ и холодомъ обдало гостя. «Скушай, голубчикъ! ты самъ вкуснѣй для меня будешь.» Гость поднялъ голову и спряталъ за пазуху. «Гдѣ ты, головка-мотовка?» — Подлѣ же-лудка. — Значить, съѣлъ! подумалъ великанъ: «ну, теперъ

¹⁾ О. З. 1840, II (Преданія, записанныя Боровиковскимъ), 49; Lud Ukrain., II, 29-31.

твоя очередь!» Гость бѣжать... заскрипѣли желѣзные затворы, Лихо узнало побѣгъ и крикнуло: «двери! держите, уйдеть.» Но странникъ былъ уже за порогомъ; только правую руку не уберегъ — дверью отшибло. «Оце лыхо!» воскликнулъ онъ отъ страшной боли, и вернулся домой калѣкою. Какъ въ великорусской сказкѣ рука прилипаетъ къ топору, такъ въ сербской ¹⁾ — пристааетъ она къ великановой палкѣ: когда герою посчастливилось выбраться на свободу, онъ началъ громко хвастаться своею удачею. Дивьян (одноглазый великанъ — дивъ) протянулъ ему палку и сказалъ: «если ты съумѣлъ уйти, такъ возьми этотъ посохъ и гони къ себѣ мое стадо; безъ того ни одно животное не пойдетъ за тобою.» Только что молодецъ хотѣлъ взяться за палку, какъ одинъ изъ его пальцевъ крѣпко прилипъ къ ней; видя бѣду неминуемую, онъ тотчасъ-же отрѣзалъ свой прилипшій палецъ и побѣжалъ, ругаясь надъ врагомъ и гоня передъ собою все его стадо. Слепой великанъ бросился за нимъ въ погоню; а тотъ завелъ его къ великой водѣ, и зайдя за спину столкнулъ въ глубину: великанъ упалъ и потонулъ. Точно также погибаетъ онъ въ водѣ — и по свидѣтельству иѣмедкой редакціи. Сказки эти нельзя считать передѣлкою Гомерова разсказа; басня, на которой онѣ основаны, такъ широко распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, что едва ли можно признать ее за созданіе исключительно-эллинической фантазіи. Въ иѣмедкой и славянскихъ редакціяхъ мы встрѣчаемъ любопытныя черты, о которыхъ нѣтъ и помину у Гомера, но которыя тѣмъ не менѣе принадлежатъ глубочайшей древности; ибо черты эти вполне согласуются съ обще-арійскими преданіями и помогаютъ намъ разгадать ижезъ Полинеи. Молнія рисовалась воображенію древняго чело-

¹⁾ Срн. припов., 38.

вѣка въ двухъ различныхъ поэтическихъ картинахъ: она то разбиваетъ тучи огненною стрѣлою, то сама пожирается ими (=потушается въ ихъ темныхъ нѣдрахъ). Сказочный герой, попадающій къ прожорливому великану, есть существо, родственное эльфамъ, и потому въ русской сказкѣ онъ называется кузнецомъ. Соответственно олицетворенію тучи—великаномъ, а молніи — малюткою, карликомъ (см. ниже), онъ представляется не сильномогучимъ богатыремъ, призваннымъ избивать исполинское племя, а слабымъ странникомъ, который побораетъ своего страшнаго противника единственно лукавствомъ и хитрою изворотливостью; замѣтимъ, что изворотливость и лукавство составляютъ характеристическія свойства бога-громовника и грозовыхъ карликовъ. Такъ какъ въ сравненіи съ великанами обыкновенные люди были не болѣе, какъ пигмеи; то во многихъ народныхъ сказаніяхъ они и заступаютъ мѣсто послѣднихъ. Герой топить великана въ глубинѣ водъ, т. е. заставляетъ его погибнуть въ разливѣ дождевыхъ источниковъ; но при этомъ и самъ лишается руки или пальца — подробность, указывающая на летучую молнію; ибо въ числѣ другихъ уподобленій она приравнивалась и рукѣ, и пальцу. Паденіе молніи обозначалось на поэтическомъ языкѣ потерю этихъ членовъ, какъ-бы отшибленных у Перуна ударомъ враждебнаго демона; въ тѣхъ описаніяхъ грозы, гдѣ богъ-громовникъ является въ образѣ птицы, онъ теряетъ перо или коготь (см. выше, стр. 386). По одному варианту разбираемой нами сказки руку отшибаетъ желѣзная дверь, быстро и съ шумомъ захлопываясь въ жилищѣ великана, подобно тому, какъ при всякой попыткѣ унести золото изъ великанскихъ пещеръ двери отшибаютъ похитителю пятку и дѣлаютъ его хромоногимъ (см. стр. 686).

Шествуя въ тучахъ, облекаясь въ ихъ туманные покровы, богъ-громовникъ самъ принимаетъ исполинскіе размѣры и на-

дѣляется такою-же дикою прожорливостью и чрезмѣрною жадностью къ напиткамъ, какъ и всѣ великаны. Мы уже видѣли, что Торъ съѣлъ у Трима быка и восемь большихъ рыбъ и выпилъ три бочки меду, а въ гостяхъ у Гиммира сожралъ двухъ быковъ; по свидѣтельству одной изъ старинныхъ сагъ, нѣкогда онъ выпилъ полъ-океана. Сидя въ валгаллѣ, Торъ опорожняетъ такія великія чаши, какихъ никто не въ состояніи выпить. Во время грозы, Индра раскалываетъ скалу-облако, и укрѣпляясь къ битвамъ, поглощаетъ божественный напитокъ въ такомъ изобиліи, что брюхо его вздымается подобно горѣ и сравнивается съ моремъ ¹⁾; онъ заразъ осушаетъ тридцать рѣкъ. Туча, бочка (сосудъ) и брюхо обозначаются въ санскритѣ одинаковыми названіями ²⁾. Отсюда, съ одной стороны, объясняется тотъ демоническій типъ громовника, съ какимъ выступаетъ онъ въ нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ, какъ существо, скорѣе родственное, чѣмъ враждебное великанамъ и чорту (см. гл. XXII); отсюда-же, съ другой стороны, объясняется и самое различіе въ характерѣ великановъ. Какъ представители грозovýchъ тучъ, они являются то злобными супостатами Перуна, то напротивъ его спутниками и помощниками въ творческомъ дѣлѣ установленія весны, съ ея дождевыми ливнями и плодородіемъ ³⁾. Остановимся на сказкѣ о «летучемъ кораблѣ» ⁴⁾. Герой отправляется добывать несказанную красавицу; странствованіе въ ея далекое царство онъ совершаетъ на летучемъ кораблѣ (=тучѣ), а чтобы получить невѣсту — долженъ, слѣдуя эпическому приему, отва-

¹⁾ Orient und Occid., I, 41.— ²⁾ Ч. О. И. и Д. 1865. IV, 252: kavhanda, kôsa, kosha. Нѣмецкія преданія изображаютъ дракона огромнымъ котломъ, садясь въ который можно летать по воздуху — Beiträge zur D. Myth., II, 340.— ³⁾ Въ тронцкой обрядовой пѣснѣ поется: Туча съ громомъ сговаривались: Пойдемъ, громъ, погуляемъ съ тобою! — Терещ., VI, 164.— ⁴⁾ Н. Р. Св., VI, 37.

житься на нѣсколько трудныхъ подвиговъ, въ исполненіи которыхъ ему помогаютъ могучіе товарищи. Товарищи эти, встречаемые и въ другихъ сказкахъ ¹⁾, принадлежать къ одной породѣ съ великанами, и извѣстны подъ слѣдующими именами: а) Обѣдало, который разомъ пожираетъ двѣнадцать быковъ, хлѣбъ кидаетъ въ ротъ полными возами, и все кричитъ: мало! б) Опивало, которому цѣлое озеро на одинъ глотокъ станетъ; опорожнить сорокъ огромныхъ бочекъ вина — для него сушая бездѣлица! в) Скороходъ — на одной ногѣ идетъ, а другая къ уху подвязана; если же захочетъ воспользоваться обѣими ногами, то за одинъ шагъ весь свѣтъ перешагнетъ. г) Стрѣлокъ, который на тысячу верстъ такъ шѣтко попадаетъ въ цѣль, что ему ни по чемъ попасть въ глазъ мухи ²⁾. е) Чуткой — слухъ его такъ тонокъ, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ; прилегая ухомъ къ землѣ, онъ узнаетъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается. ж) Морозъ-Трескунъ или Студенецъ — онъ входитъ въ чугунную, добрасна накалённую баню, въ одномъ углу дунулъ, въ другомъ плюнулъ, глядя — ужь вездѣ иней да сосульки висятъ! з) Наконецъ старикъ съ вязанкою дровъ, которая стоитъ только разбросать, какъ вмигъ явится несмѣтное воинство. Царь, отецъ красавицы, требуетъ отъ добраго молодца, чтобы онъ заявилъ свое богатырство. И вотъ, по приказу царя, выставлены для него горы печѣныхъ хлѣбовъ, двѣнадцать жареныхъ быковъ и сорокъ бочекъ вина; надо все съѣсть и выпить. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ ему Обѣдало да Опивало. Потомъ приказываетъ царь молодцу, чтобы онъ въ короткое время, пока будетъ обѣдъ продолжаться, добылъ и принесъ живой воды. Вмѣсто него, бѣжитъ за водою скороходъ; но на

¹⁾ Ibid., V, 23, а; VII, 3; VIII, 9; Lud Ukrain., I, 270-7; Westsl. Märch., 61-63; Вольфъ, 307-311; Ганъ, 63; Сказ. Грим., I, стр. 405-7. — ²⁾ Худак., I, стр. 119; Сказ. Грим., I, 433.

обратномъ пути засыпаетъ крѣпкамъ сномъ. Чуткой услышалъ его храпъ и сказалъ стрѣлку; стрѣлокъ разбудилъ соню своимъ выстрѣломъ, и живая вода была доставлена въ время. Морозъ - Трескунъ спасаетъ молодца отъ раскалённой чугунной бани, а старикъ съ вязанкою дровъ выставляетъ столько войска, что царь покоряется и уступаетъ жениху свою прекрасную дочь. Вариантъ, записанный г. Худяковымъ ¹⁾, отличается нѣкоторыми любопытными особенностями; здѣсь выведены еще два богатыря: Дубыня, исторгающій крѣпкіе вѣсковые дубы съ корнями, и другой, съ такою силою дующій изъ своихъ ноздрей, что за тысячу верстъ вертеть крылья мельницъ, гонять по морю корабли, опрокидываетъ и уноситъ на воздухъ царскія войска. Является въ нѣкое царство добрый молодецъ Ивашка и слышитъ — по всему народу объявлено, что царевна выйдетъ за того замужъ, кто ее перегонитъ и прежде ея принесетъ изъ колодца воды; а кто возьмется за это дѣло, да не перегонитъ — съ того голова долой. Сама же царевна куда шибко бѣгала! Ивашка выставилъ за себя скорохода: понесся скороходъ быстрѣ стрѣлы, добѣжалъ до колодца, почерпнулъ въ кружку — и назадъ; на половинѣ дороги поставилъ кружку на землю и утомлённый лёгъ спать. А царевна еще далеко до колодца не добѣжала; увидала спящаго соперника, взяла его полную кружку, а свою пустую оставила на мѣстѣ, и повернула домой. Пробужденный стрѣлою, скороходъ успѣлъ сбѣгать къ колодцу и воротился съ водою раньше царевны. Не захотѣлось царю выдавать дочери за Ивашку, вздумалъ откупаться деньгами. Ивашка потребовалъ столько золота, сколько одинъ человекъ поднять можетъ, и велѣлъ собирать со всего царства холсты и шить огромный мѣшокъ. Сшили мѣшокъ, наполнили золо-

¹⁾ Худяк., 33.

томъ; думаютъ — никто не подыметъ, а Дубыня взялъ и спокойно понёсъ. Жалко стало царю золота, послалъ за богатырями въ погоню большое войнство. Ивашко съ товарищами уже плыли въ ладьяхъ по морю; вида то, и царское войско посажалось на корабли и пустилось за ними. Тогда тотъ изъ богатырей, что былъ мастеръ дуть, поднялъ сильные вѣтры: изъ одной ноздри направилъ онъ вихрь противъ царскихъ кораблей, а изъ другой подулъ на свои собственные паруса; корабли назадъ отбросило, а ладьи живо къ другому берегу прибило. Точно такая-же сказка существуетъ у сербовъ: «Дјевојка бржа од коња» ¹⁾. Красота этой дѣвицы описана такъ: «била је некака ђевојка, која није рођена од оца и мајке, него је начинила виле од снѣјега извађена из јање бездѣне према сунцу Илијинскоме, вјетар је оживио, роса је подојила, а гора лишћем обукла и ливада цвијећем накинута и наресила. Она је била бјела од снѣјега, руменија од ружице, сјајнија од сунца» ²⁾. Чудная дѣва объявила по всему свѣту: кто, сидя на конѣ, перегонитъ ее, за того она пойдетъ замужъ; но такой подвигъ былъ весьма труденъ, потому что на бѣгу она выпускала «некака мала крила исподпазуха», и съ помощію своихъ крыльевъ неслась быстрѣе всякаго коня ³⁾. Въ итальянской редакціи ⁴⁾ означенное преданіе выразилось въ такой формѣ: Масціоне отправляется закупать товары, на пути встрѣчаетъ разныхъ богатырей и беретъ ихъ съ собою. — Я, говоритъ о себѣ одинъ изъ богатырей, называюсь Молнія изъ Стрѣлограда и могу бѣгать также быстро, какъ вѣтеръ. — Меня, говоритъ другой,

¹⁾ Срп. припов., 24. — ²⁾ Переводъ: Была одна дѣвица, рожденная не отъ отца и матери; вилы создали ее изъ снѣга, взятого изъ глубокой ямы на Ильинъ день, вѣтеръ ее оживилъ, роса воздохла, дѣсь одѣла листьями, а луга убрали и украсили цвѣтами. Она была бѣлая снѣга, румяна розы, свѣтлая солнца. — ³⁾ См. также сб. Валлаца, 214—6; Эрбенъ, 35—36; Грим., 71. — ⁴⁾ Pentamerone, I, 28.

называютъ Заячье Ухо изъ города любопытныхъ: если я прилягу ухомъ къ землѣ, то узнаю все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. — Мое имя, замѣчаетъ третій, Хороше-стрѣляй изъ мѣстечка Прямо-въ цѣль. — А меня, прибавляетъ четвертый, зовутъ Дуи-богатырь (Blasius) изъ Вѣтрограда; своимъ ртомъ я могу производить всякіе вѣтры: захочу — и повѣтъ тихій зефиръ, вздумаю — и зашумитъ свирѣпый борея! — и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ началъ дуть такъ сильно, что поднялась буря и низвергла цѣлые ряды вѣковыхъ дубовъ. — Мое имя, говоритъ наконецъ пятый, Крѣпкая Спина, родомъ изъ Твердой Скалы; я могу поднять на плеча громадную гору, и она покажется мнѣ не тяжело пера: очевидно, что онъ соотвѣтствуетъ нашему Горынь. Спутники прибыли въ нѣкое гесударство, гдѣ царствовалъ король, а у него была дочь, которая бѣгала съ быстротой и легкостью вѣтра: когда она неслась по полямъ—подъ ея стопами даже негнулись колосья! Король обѣщалъ выдать свою дочь за того, кто превзойдетъ ее въ бѣгѣ. Богатырь Молнія опередилъ ее; но король назначилъ перебѣжку, а королевна подарила своему сопернику перстень съ волшебнымъ камнемъ: тотъ, кто надѣвалъ этотъ перстень на палецъ, ни за что не могъ тронуться съ мѣста (кольцо—звѣно цѣпи, символъ оковъ, опутывающихъ быстроногаго соперника). Заячье Ухо прислушался и узналъ про коварный умыселъ; стрѣлокъ пустилъ съ тугаго лука стрѣлу и сбилъ съ кольца волшебный камень; королевна была побѣждена, король предложилъ за дочь выкупъ, и Крѣпкая Спина забралъ у него все серебро и золото. — Всѣ эти сказочные богатыри суть олицетворенія могучихъ силъ природы: Опивало — особое прозваніе великана, какъ жаднаго высасывателя дождевыхъ тучъ; поглотивъ въ себя цѣлое море, онъ низвергаетъ потѣмъ воду изъ своей пасти и шумными потоками затопляетъ всѣ окрест-

ныя поля и дуга. Это тотъ-же сказочный змѣй (змок—сосунъ), который до какой рѣки ни принадлежитъ — ту и выпьетъ словно лужицу, который начинаетъ напоследокъ тинуть самое море и до того опивается, что тутъ-же лопается ¹⁾: живое поэтическое изображеніе переполнившейся дождемъ тучи (на метафорическомъ языкѣ моря), которую сосетъ змѣй-молнія и которая изливается на землю при оглушительныхъ раскатахъ грома и затѣмъ пропадаетъ. По свидѣтельству Эдды, богъ Одинъ выпилъ медъ Квасира (нектаръ), сокрытый въ горѣ, пробравшись туда въ просверленную дыру въ образѣ змѣя. Отгелосокъ этого любопытнаго преданія слышится въ норвежской сказкѣ ²⁾ о великанѣ, пресѣдующемъ добраго мѣлодца: видитъ великанъ, что путь ему прегражденъ высокою горою и широкимъ моремъ, и призываетъ двухъ помощниковъ. Это были Bergbohter (сверлитель горъ) и Meersauger (высасыватель моря); первый просверлилъ насквозь гору, а послѣдній вытянулъ въ это отверстіе пространное и глубокое море въ три добрыхъ глотка, т. е. переводя на прозаическій языкъ: молнія буравитъ тучу и низводитъ изъ нея обильныя воды дождя ³⁾. Согласно съ этими данными, русское преданіе даетъ сильномогучему богатырю, рожденному изъ обрубка дерева, (т. е. молніи, см. выше, стр. 480) знаменательное имя Соски-богатыря ⁴⁾. Сказки приписываютъ Опивалѣ неуиѣренное поглощеніе вина, и это имѣетъ ивоническое значеніе; ибо, въ числѣ другихъ метафорическихъ уподобленій дождя, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ у арійскихъ племенъ было уподобленіе его опьяняющимъ напиткамъ. Лицо Обвѣдалы создано народной фантазіей въ соот-

¹⁾ Lud Ukrain., I, 268—9. — ²⁾ II, 16. — ³⁾ Сравни въ D. Myth., 509: Gargantua стоятъ ногами на двухъ высокихъ горахъ, и согнувшись, пьеть изъ рѣки, что бѣжитъ промежъ этихъ горъ. — ⁴⁾ Н. Р. Сж., VIII, 6, в.

вѣтствіе Опивалѣ: какъ тотъ много цѣть, такъ этотъ много пожираетъ. Идея, выраженная имъ, также самая: онъ пожираетъ быковъ, въ образѣ которыхъ доисторическая старина олицетворяла громоносныя тучи. Очевидно, что нашъ Опивало тождественъ скандинавскому турсу, а товарищъ его Обвѣдало — скандинавскому іотуну. Последний подвигъ Ильи Муромца состоялъ въ убіеніи нечестиваго Идолища, который ѣлъ заразъ по цѣлому быку жареному, со всѣми косточками, и пилъ по котлу меда или пива, а котель такъ былъ великъ, что его съ трудомъ подымали двадцать чело-вѣкъ, или — какъ онъ самъ о себѣ выразился въ одномъ вариантѣ, насилъхалъ надъ Ильєю Муромцемъ:

Еще что-же онъ за богатырь такой!

Я къ выти по три печи хлѣба ѣмъ,

По сороковкѣ къ выти пива пью.

Въ этомъ представленіи мы узнаемъ существо демоническое, родственное великанамъ, какимъ и изображаютъ его народныя сказки и былины: Идолище нечестивый — ростомъ двухъ сажень, или: голова у него съ пивной котель, а въ плечахъ сажень, промежъ бровями пядь, промежъ ушей калена стрѣла; ѣздилъ онъ подъ облаками на крылатомъ конѣ, шибалъ свою палецу стопудовую и самъ ее подхватывалъ (конь = вихрь, палеца = молнія ¹⁾). Морозъ-Трескунъ уже самымъ названіемъ указываетъ на свое значеніе; его дуно веніе производить стужу, а иней и сосульки представляются его слюнями. Въ одномъ изъ великорусскихъ вариантовъ ²⁾ богатырь этотъ является съ подвязанными волосами, и только распуская свои волосы — онъ производитъ сильный холодъ; волоса — древнѣйшая метафора темныхъ тучъ (см. ниже). Богатырь, дующій ртомъ и ноздрями и напоминающій своимъ

¹⁾ Сказочные богатыри съѣдаютъ по цѣлому быку и выпиваютъ вина, браги или меду по полной бочкѣ—Чудинск., стр. 40.— ²⁾ Худяк., I, 119.

бурнымъ дуновеніемъ свистъ Соловья-разбойника, есть олицетвореніе вихря; о Дубыиѣ будетъ сказано дальше. Все остальные богатыри олицетворяютъ сверкающую молнію; объясненіе различныхъ названій, приданныхъ имъ, надо искать въ старинныхъ метафорическихъ сближеніяхъ молніи съ другими предметами. Скороходъ выражаетъ ея неуловимую быстроту; въ итальянской редакціи онъ прямо названъ Молніей. Стрѣлокъ и старикъ съ вязанкою дровъ указываютъ на связь молніи съ стрѣлами и вообще оружіемъ; сокрушительная сила грозы послужила основаніемъ, опираясь на которое — фантазія надѣлила божество грома лукомъ, шѣтками стрѣлами и несокрушимую палицею; пуская стрѣлы и бросая палицу, Перунъ истребляетъ своихъ враговъ. Это метаніе палицы (палки, дубинки) выражено въ сказкѣ разбрасываньемъ вязанки дровъ, вслѣдъ за которымъ появляются несчетныя войска, поражающія непріятелей (сравни т. I, 275—6 о ратникахъ, порождаемыхъ ударомъ молніеноснаго молота) Несказанная красавица, созданная (по свидѣтельству сербской приповѣдки) изъ тающихъ на солнцѣ снѣговъ, оживленная вѣтромъ и вскормленная росой, (= Снѣгурка) есть прекрасная облачная или водяная дѣва — воплощеніе дождевой влаги, несущейся въ легкомъ, ярко-озаренномъ солнечными лучами облакѣ на быстрыхъ крыльяхъ вѣтра. Въ бурной грозѣ древніе поэты созерцали бога-громовника, который преслѣдуетъ убѣгающую нимфу, и догнавши вступаетъ съ нею въ плодоносный бракъ. Эта мысль и выражена въ приведенныхъ сказкахъ: добрый молодецъ, съ помощію своихъ могучихъ товарищей, или пріятель самъ Перунъ пожираетъ небесныхъ быковъ и выпиваетъ божественный напитокъ, купается въ огненной банѣ грозы, обгоняетъ легкокрылую красавицу-невѣсту, разбиваетъ демоническія рати и добываетъ живую воду и множество золота, т. е. разбивая тучи, проливаетъ дождь и выводитъ изъ-за

нихъ ясное солнце. Иногда, вмѣсто облачной нимфы, сказки представляютъ невѣстою дѣву-Солнце, такъ какъ и съ этимъ свѣтломъ, купающимся въ весеннихъ дождевыхъ потокахъ, младенческая пѣззія соединяла ту же идею царственной супруги бога-громовника. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны редакціи нѣмецкая и чешская. Содержаніе нѣмецкой сказки ¹⁾ таково: царевичъ отправляется сватать прекрасную королеву, мать которой была волшебница. На дорогѣ ему попадаютъ великаны: а) Толстякъ (*der Dicke*): не смотря на то, что его брюхо равнялось горѣ, онъ могъ расширяться по произволу и дѣлаться еще толще — хотъ въ три тысячи разъ; б) Длинной (*der Lange*), который могъ вытягиваться вверхъ по своему желанію, и когда хотѣлъ — превосходилъ ростомъ самыя высокія горы; с) Чуткой на ухо (*der Horcher*), и d) двое съ необычайно-острымъ зрѣніемъ (*die Scharfäugigen*): одинъ изъ нихъ обладалъ такою длинною шею, что могъ гладѣть черезъ горы, и такими зоркими очами, что могъ видѣть до конечныхъ предѣловъ свѣта; а другой вынужденъ былъ носить на глазахъ повязку, ибо взгляды его были такъ остры, что отъ нихъ распадалось все въ дребезги. Первая задача, которую возложила на жениха королева-волшебница, была: достать брошенное въ море кольцо. Толстякъ припалъ къ морю устами и потянулъ въ себя воду; волны покатались въ его брюхо, словно въ пропасть, и въ короткое время онъ вытянулъ все море; на открытомъ днѣ товарищъ его съ зоркими очами усмотрѣлъ кольцо, а Длинной досталъ и привѣсъ это кольцо царевичу. Вторая задача состояла въ повелѣніи съѣсть триста жирныхъ, откормленныхъ быковъ съ костями, кожей и рогами — такъ, чтобы не оставался несъѣденнымъ ни единый волосокъ, и осушить до капли триста бочекъ вина. Царевичъ испросилъ позволеніе раздѣлить эту трапезу съ од-

¹⁾ Сказ. Грим., 134.

нини изъ своихъ товарищей и пригласилъ Толстяка, который все пожралъ и все выпилъ. Задавая царевичу третью задачу, волшебница сказала: «сегодня вечеромъ я приведу въ твою комнату мою дочь; ты долженъ держать ее въ своихъ объятіяхъ; но берегись, чтобы не заснуть! Ровно въ двѣнадцать часовъ явлюсь я, и если ея не будетъ въ твоихъ рукахъ—ты погибъ!» Вечеромъ царевичъ принялъ королевну въ свои объятія; вокругъ ихъ обвился Длинной, а Толстякъ заставилъ собою дверь такъ плотно, что ни одна живая душа не могла пролѣзть въ комнату. Время шло, а красавица не промолвила ни слова. Въ одиннадцать часовъ королева наслала на царевича и его помощниковъ крѣпкой сонъ, и въ это мгновеніе невѣста была похищена. Когда было уже безъ четверти двѣнадцать, очарованіе потеряло силу, царевичъ проснулся и воскликнулъ: «увы, теперь я погибъ!» — Тише! возразилъ Чуткой, дай-ка я прислушаюсь. Онъ прислушался и сказалъ: «королевна сидитъ въ скалѣ, на триста часовъ разстоянія отсюда, и клянеть свою судьбу. Но Длинной можетъ поправить дѣло; пара шаговъ — и онъ будетъ тамъ.» — Да, отвѣчалъ Длинной, только пусть со мною идетъ товарищъ съ связанными глазами, чтобы разрушить скалу. Быстро очутились они передъ заколдованною скалою, и когда Острозоркой снялъ повязку съ своихъ очей и взглянулъ, то скала въ тотъ-же мигъ разлетѣлась на тысячи кусковъ. Длинной взялъ королевну на руки и принёсъ къ жениху. Задачи были исполнены, царевичъ поѣхалъ вѣнчаться съ своею красавицей: но королева послала за ними войско и велѣла силой отнять свою дочь. Тогда Толстякъ выплюнулъ часть морской воды, выпитой имъ прежде, и тотчасъ стало большое озеро и потопило погоню. Королева отправила новое войско, но и это погибло отъ сокрушительныхъ очей другаго товарища. Подобная-же сказка есть у чеховъ: «Дюв-

hý, Širokú a Bystrozrakú: ¹⁾). Царевичъ ѣдетъ добывать красавицу-невѣсту, заключенную злымъ чародѣемъ въ желѣзномъ замкѣ. Ему помогаютъ: а) Длинной, который можетъ вытянуться такъ высоко, что головой своей достанетъ облака; при такомъ ростѣ ему ничего не значить пространства: стóитъ сдѣлать шагъ или два — и онъ очутится далеко-далеко! б) Широкой (Толстякъ), брюхо котораго можетъ расширится до такой степени, что сравняется съ любою горою; онъ свободно поглощаетъ въ себя непріятельскія войска и потомъ ихъ выхаркиваетъ. в) Быстрозоркой (у словаковъ Žagoоky). отъ взглядовъ котораго воспламеняется огонь все, что только можетъ горѣть, вода въ источникахъ начинаетъ кипѣть, а крѣпчайшія скалы трескаются и рассыпаются въ песокъ — подобно тому, какъ отъ сверкающихъ взоровъ іотуна сокрушились столбы въ его палатахъ. Царевичъ и его сопутники являютя къ чародѣю; это былъ старикъ съ сѣдой бородой по колено, въ длинной черной одеждѣ; вмѣсто пояса, его обхватывали три желѣзныхъ обруча. «Если ты, сказалъ онъ царевичу, съумѣешь уберечь красавицу въ продолженіи трехъ ночей — она будетъ твоя; въ противномъ же случаѣ ты самъ и твои товарищи будете превращены въ камень — точно также, какъ превращены всѣ тѣ, которые являлись прежде тебя.» Наступила ночь, и царевичъ съѣлъ возлѣ блѣдной и печальной красавицы; она не смѣялась и не говорила ни слова, точно была изъ мрамора. Царевичъ рѣшившяся не спать цѣлую ночь; для большей безопасности Длинной вытянулся, подобно ремню, и обвился вокругъ всей комнаты по стѣнамъ; Широкой заложилъ собою двери, а Быстрозоркой сталъ за столбомъ на стражу. Но это нисколько не помогло: всѣ они заснули крѣ-

¹⁾ Эрбенъ, 7-14; Westsl. Märch., 130-140: смлчи Slov. pohad., 605—618.

кинь сношь, а пробудясь не нашли красавицы. «За сто миль отсюда есть лѣсъ. среди лѣса старой дубъ, на дубѣ жолудъ, и этотъ жолудъ — она!» сказалъ богатырь съ зоркими очами. Благодаря своимъ товарищамъ, царевичъ возвращаетъ ее назадъ. На вторую ночь дѣвица очутилась за двѣсти миль: тамъ была гора. на горѣ скала, въ скалѣ драгоцѣнный камень, и этотъ камень — сама невѣста; а на третью ночь — за триста миль: на днѣ чернаго моря лежала раковина, въ раковинѣ кольцо, и это кольцо — красная дѣвица! Царевичъ находитъ ее и въ скалѣ, и на днѣ моря, и каждое утро, какъ только увидитъ чародѣй красавицу въ комнатѣ жениха, съ его тѣла спадаетъ по одному желѣзному обручу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживаютъ по-немногу и окаменѣнные имъ герои съ ихъ конями и слугами. Когда лопнулъ послѣдній обручъ — чародѣй превратился въ вѣрона и улетѣлъ въ разбитое окно; красавица зарумянилась, какъ роза, и стала благодарить царевича за свое избавленіе; въ замкѣ и въ окрестностяхъ все пришло въ движеніе: окаменѣнные ожили, деревья зазеленѣли, поля зацвѣтали цвѣтами, воздухъ огласился пѣснями жаворонковъ и въ рѣкѣ появились стаи маленкихъ рыбокъ. Всюду жизнь, всюду радость! — Смыслъ преданія, заключеннаго въ этихъ двухъ превосходныхъ сказкахъ, весьма знаменателенъ. Богатыри, дѣйствующіе въ нихъ — тѣже самые, съ какими мы познакомились выше. Толстякъ или Широкой соответствуетъ нашему Оливалѣ; онъ и Длинной въ живыхъ повѣстическихъ образахъ выражаютъ то естественное явленіе, что надвигающаяся на небо туча быстро расширяется во все стороны и обнимаетъ собою весь горизонтъ. Брюхо Толстяка, вмѣщающее въ себя цѣлое море, напоминаетъ намъ свидѣтельство гимновъ Ригъ-Веды, гдѣ Индра представляется жадно-поглощающимъ божественный нектаръ (сому = дождь) въ свою незамѣримую утробу. Бы-

строзоркой—это богатырь-громовникъ, мечущій изъ глазъ своихъ молніи, которыя разбиваютъ скалы-тучи (см. I, 170—2). Какъ Опывало и Толстякъ имѣютъ своихъ двойниковъ въ Обьѣдалѣ и Длинномъ, такъ на ряду съ богатыремъ всевидящимъ народная фантазія создала еще другаго — всеслышащаго (Чуткаго); а нѣмецкая сказка представленіе о богатырѣ съ зоркимъ зрѣніемъ раздѣлила на два отдѣльныхъ лица: одному приписала способность все видѣть, а другому — пожигать очами. Что въ числѣ другихъ качествъ владыкамъ грозъ, какъ стражамъ, охраняющимъ божественное жилище отъ нападеній демоновъ, приписывался и тонкій слухъ, который не проронитъ ни единого звука, это свидѣтельствуется тѣмъ, что подобной чуткостью уха обладали скандинавскій Heimdallr, оберегавшій царство свѣтлыхъ асовъ, и герой Калевалы Лемминкейненъ, братъ властителя бурь Вейнемейнена и мѣсническаго кузнеца Ильмаринена ¹⁾). Красавица-Солнце попадаетъ во власть стараго чародѣя (Зимы) и повергается въ тоже очарованное состояніе, какъ и прекрасная царевна спящаго или окаменѣннаго царства: помраченная туманами, она блѣдна и молчалива, на устахъ ея не видать улыбки, на щекахъ румянца; изъ этого представленія возникли, какъ мы знаемъ, сказки о Несмѣянѣ-царевнѣ (I, 601—2). Виѣсть съ тѣмъ и вся природа — деревья, поля и воды лишены жизни и движенія. Красавица сидитъ въ желѣзномъ замкѣ, т. е. закрыта холодными зимними облаками; чародѣй, который ее держитъ въ этомъ заключеніи, играетъ ту же роль, какую въ другихъ сказкахъ исполняютъ лютый змѣй и Кошій безсмертной (= демоны зимы и мрачныхъ тучъ), а три желѣзныхъ обруча на его тѣлѣ есть эмблема зимняго холода, замыкающаго дождевыя хлябы въ облакахъ и тучахъ (I, 583-7). Осво-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 183.

божденіе красавицы дѣлается возможнымъ только тогда, когда наступаетъ весна и является добрый молодецъ Перунъ съ своими могучими спутниками, принимаетъ ее въ свои объятія, т. е. объемлетъ грозовыми облаками, и когда подъ влияніемъ весенней теплоты лопаются желѣзные обручи, наложенные на дождевыя хранилища; онъ находитъ заклѣтую красавицу въ морѣ—золотымъ кольцомъ, въ дубовомъ лѣсу—жолудемъ и въ скалахъ—драгоценнымъ камнемъ: море, дубъ и скала—метафоры тучъ, затемняющихъ небо; а золотое кольцо, драгоценный камень и жолудь—метафоры солнца. Жолудь, лат. *glans* (родит. *glandis*)—слова одного корня, первоначальное значеніе которыхъ указываетъ на желтый (=сіяющій, огненный) цвѣтъ; сравни нѣм. *gelb*. Звукъ *г* смягчается въ славянскомъ языкѣ въ *ж*. На этомъ лингвистическомъ основаніи блескъ солнечныхъ лучей названъ былъ метафорически желчью (I, 217), а въ настоящемъ случаѣ—жолудемъ. Чародѣй, когда спали съ него желѣзные обручи, оборачивается ворономъ и улетаетъ въ разбитое окно, т. е. въ переводѣ этихъ поэтическихъ выраженій на простой языкъ: снѣжныя тучи превращаются весной въ дождевыя потоки (воронъ—птица, приносящая живую воду—дождь); потоки эти стремительно изливаются подъ ударами молній, какъ-бы пробивающихъ въ небесномъ сводѣ отверстіе, и вслѣдъ за тѣмъ земля одѣвается зеленью и цвѣтами, въ лѣсахъ и поляхъ начинаютъ пѣть птицы, въ водахъ плещутся рыбы, мнѣшеская красавица улыбается, на лицѣ ея показывается румянецъ, а въ очахъ веселье,—говоря словами сказки: всюду жизнь, всюду радость! Выводы наши подтверждаются словацкою сказкою «o trech zakletých knížatech»¹⁾: Радовидъ идетъ освобождать прекрасную царевну, унесенную

¹⁾ Slov. pohad., 545—9.

чародѣемъ въ свои пещеры; съ величайшими усиліями добываютъ онъ золотой ключъ (тоже, что *springwuzel*—молюня), подходитъ къ скалѣ и только дотронулся до нея ключемъ — какъ она тотчасъ-же растворилась. «*Radovid vešel do izby ze samého ladu vykresané (вытесанной изъ льду); zima ťi-bala se stĕn, aŹ páčila, a pohy div že mu nepřimrzly*». Онъ шелъ дальше, и въ тринадцатой комнатѣ обрѣлъ красавицу: «*šago-d'ajnik strašné podoby ležel tuhým snem zkován na loži, podle něgo na zemi v železné rakvi (ракѣ, гробницѣ; сравни съ хрустальнымъ гробомъ, въ которомъ спитъ на высокой горѣ, или въ богатырскомъ замкѣ ненаглядная красавица въ сказкѣ о волшебномъ зеркальцѣ ¹⁾ krásná, ale bleďa, vyschla ženská postava; nad jeho ložem na stĕně visela zlatá trubka*». Радовидъ взялъ золотую трубу, громко затрубилъ трижды, и словно сто громовъ загрѣмѣло: такой звукъ раздался изъ трубы! Чародѣй *se rozlil na kolozaz* (разлился дѣгтемъ — дождемъ, см. I, 788), ледяныя палаты обратились въ *krasne svetlice*, царевна встала изъ гроба и зарумянилась, какъ пышная роза.

Рядомъ съ великанами фантазія создала чудесныхъ малютокъ, карликовъ, которые изумляютъ своимъ чревіѣрно-крохотнымъ ростомъ. Не смотря на очевидную противоположность, тѣ и другіе поставлены въ тѣсную связь и имѣютъ

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 2; VIII, стр. 565-6; Сказ. Грим., 53. Въ нѣмецкой редакціи красавица эта называется *Sneevittchen* (Бѣлоснѣжка); она была румяна чѣмъ кровь и бѣла чѣмъ снѣгъ. Красота ея такъ обаятельна, что когда случилось царевичу захватить съ охоты въ опустѣлый, заброшенный дворецъ—онъ, увидя спящую въ хрустальномъ гробу красавицу, такъ и приросъ къ мѣсту: стоять тутъ съ утра до вечера, не спуская очей съ красной дѣвочки, словно невидимая сила его удерживаетъ. Является за царевичемъ его свита и испытываетъ тоже обаяніе: всѣ царскіе слуги и охотники обступили молча гробъ и до тѣхъ поръ любовались дѣвичьей красотой, пока не помѣшалъ имъ ночной мразъ.

много общаго и родственнаго въ той обстановкѣ, какою окружаетъ ихъ народный эпосъ и старинныя вѣрованія. Такая связь основывается на естественной близости и одновременности тѣхъ могучихъ явленій природы, для которыхъ означенные образы служили олицетвореніями; мы разумѣемъ тучи и молніи. Быстро-мелькающая узкой огненной полоской и едва-уловимая глазомъ молнія, относительно огромныхъ облачныхъ массъ, обнимающихъ все безпредѣльное небо, казалась малюткою въ нѣдрахъ великанскихъ горъ. Индѣйское преданіе называетъ ее дитятею облака, и во многихъ пѣсняхъ Ведъ Агни представляется, какъ новорожденный ребенокъ ¹⁾, а громовнику Индрѣ дается прозваніе *ârtuа*, т. е. рожденный изъ воды — сынъ дождеваго облака; оба бога Индра и Агни считались близнецами и вмѣстѣ выходили на битвы съ демоническимъ змѣемъ ²⁾. Геркулесъ еще младенцемъ задушилъ въ колыбели страшныхъ змѣй. Передъ началомъ грозы небо какъ-бы собирается рождать; сгущенныя облака, чреватая дождевою влагою, представлялись беременными юнымъ громовникомъ. У римлянъ предикать *gravidā* (беременная) употреблялся при словѣ *pubes* — туча, въ которой таится *sem en ignis* и которая появленіемъ своимъ предвѣщаетъ грозу — *«atram fulminibus gravidam tempestatem»*. Въ нѣмецкомъ языкѣ встрѣчаемъ выраженіе: *die dicke gewitterwolke*; прилагательное *dicke* въ народныхъ говорахъ употребительно въ смыслѣ: беременный, какъ у насъ тоже значеніе придается слову *тяжелый* ³⁾. Нѣмецкое повѣрье утверждаетъ, что во время грозы слышится крикъ плачущаго ребенка: этотъ ребенокъ есть новорожденное дитя-молнія, которое несется по подне-

¹⁾ Кунъ, 246; *Orient u. Occid.*, I, 594. — ²⁾ *German. Mythen*, 213 — 6. Сказды того-же представленія Маннгардтъ указываетъ въ народныхъ сказкахъ о герояхъ-близнецахъ — см. Н. Р. Сж., VII, 39; VIII, стр. 647-652. — ³⁾ *Der Ursprung der Myth.*, 115.

бесью въ своей облачной колыбели ¹⁾, а его далеко-раздающийся плачь — шумъ бури и раскаты грома ²⁾. Въ Калевалѣ, когда царика Похьюлы похитила солнце и мѣсяцъ и спрятала ихъ въ гору (= тучу), то Вейнемейненъ и Ильмариненъ взошли на небо, выстѣкли тамъ огонь и дали воздушной дѣвѣ держать его на длинномъ облакѣ; она принялась качать и баюкать огонь, словно ребенка, и далеко было слышно, какъ звучала его золотая колыбель и скрипѣли серебряные ремни (см. выше стр. 153 ³⁾).

По знаменательному свидѣтельству скандинавскаго мифа, порода карликовъ произошла изъ червей, зародившихся въ трупѣ перевозаннаго великана Имира, который самъ образовался изъ паровъ и есть собственно весенняя туча. Если мы припомнимъ, что старинная метафора уподобляла молнію извивающейся змѣѣ, а змѣя отождествлялась въ языкѣ съ ползучимъ червемъ ⁴⁾; то необходимо придетъ къ заключенію, что мифическіе черви, зародившіеся въ нѣдрахъ умерщвленнаго богами великана-тучи, суть сверкающія молніи. Они также зарождаются въ трупѣ Имира и питаются его мясомъ, какъ обыкновенные черви плодятся въ разлагающемъ

¹⁾ Сравни съ представленіемъ облака — бочкою, въ которой нарождается богатырь-громовникъ — въ I т. этого сочиненія, стр. 588-6. — ²⁾ Кунь, 247. — ³⁾ Лѣшіе и русалки (первоначально — грозовые духи) любятъ качаться на древесныхъ вѣтвяхъ (см. выше стр. 337—9), т. е. на вѣтвяхъ облачныхъ деревьевъ. Можетъ быть, въ связи съ этими данными надо разсматривать и древнерусской обычай ставить на Свѣтлое Воскресенье качели, — обычай, на который памятники XVII вѣка смотрятъ, какъ на что то грѣховное, какъ на остатокъ языческихъ игрищъ—Ак. Ист., IV, 35; Рус. прост. праздн., IV, 64.— ⁴⁾ Въ старо-нѣмецкомъ языкѣ wirm—червь и змѣя, и именно въ образѣ wirm'a проиявъ Одия въ гору-тучу для похищенія оттуда вдохновеннаго напитка; см. ч. I, стр. 401—апокрифическое сказаніе о нечистомъ духѣ, проникшемъ въ рай въ видѣ червя, въ змѣю библейскаго змѣя.

ся тѣлѣ покойника. При созданіи этого мѣна, древній человекъ руководствовался собственнымъ наблюденіемъ надъ трупами. Импробытъ червямъ боги даровали человѣческія формы и разумъ, и такимъ образомъ явилось племя карликовъ ¹⁾. Любопытна нѣмецкая сага о дѣвчкѣ-великанкѣ, которая, увидя въ полѣ пахаря, взяла его вмѣстѣ съ быками и плугомъ и въ своемъ передникѣ принесла показать матери — какія водятся на свѣтѣ чудныя маленькія твари. Мать тотчасъ-же велѣла отнести пахаря назадъ; «эти твари, строго сказала она, принадлежатъ къ тому племени, которое причинятъ великанамъ великія бѣды!» Другая сага рассказываетъ о двухъ великанахъ, которые набрали нѣкогда на человека. «Это что за земленой червь (erdwurm)!» воскликнулъ одинъ, а другой отвѣчалъ: «эти черви еще пожрутъ насъ!» («diese erdwürmer werden uns noch auffressen!» ²⁾). Подобные рассказы известны и между славянами: въ Малороссіи помнятъ о великанѣ, который принесъ къ матери плугъ съ волами и пахарями: «посмотри, говорятъ, какіе шудрѣдые есть муравы на свѣтѣ!» ³⁾. Кашубскій столымъ (великанъ) находитъ въ полѣ крестьянина, засовываетъ его съ плугомъ и четырьмя волами въ рукавицу и показываетъ матери, а та говоритъ ему: «оставь червяка въ покоѣ; онъ насъ выживетъ со свѣта!» ⁴⁾. Существуетъ преданіе, что великаны дѣйствительно исчезли съ лица земли въ то время, какъ появился на ней родъ человѣческій. Въ этихъ сагахъ слышится отголосокъ древнѣйшаго мѣна о червяхъ-карлинахъ, пожирающихъ великановъ, т. е. о молніяхъ, разбивающихъ и сосущихъ дождевыя тучи. Малютки-молніи, которыя постоянно роятся въ подземельяхъ облачныхъ горъ, сближены здѣсь съ пахарями,

¹⁾ D. Myth., 527. — ²⁾ Ibid., 506; Deutsche Sagen, I, 24-25. — ³⁾ О. З. 1840, II, смѣсь, 46. — ⁴⁾ Этн. Сб., V, 66, 114; сличи валахскія сказки Шотта, 283.

подымающими плугомъ землю, и на этихъ послѣднихъ перенесено нѣмецкое сказаніе, такъ какъ въ глазахъ исполнителей обыкновенные люди были не болѣе, какъ ничтожные черви.

У народовъ германскаго племени карликамъ дается названіе эльфовъ; величина ихъ опредѣляется различно: то они равняются годовому, иногда даже четырехлѣтнему ребенку, то бывають не болѣе дюйма или такъ крохотны, что могутъ свободно пролѣзть сквозь замочную скважину и носиться по воздуху, какъ рой комаровъ. Нѣмецкое *alp* (множ. *elpi*, *elbe*), англос. *älf*, сканд. *älfr*, готск. *albs* соответствуютъ ведическому *ṛibhu*—*aribhu*, а съ измѣненіемъ звука *r* на *l*: *albhū* — форма, откуда образовались гр. *ἀλφός*, лат. *albus* (сабин. *alpus*); слѣдовательно эльфъ означаетъ духа свѣтлаго, блестящаго, блага. Не смотря на это, Эдда различаетъ три рода эльфовъ—свѣтлыхъ (*liosälfaḡ*—*lichtelbe*), сумрачныхъ (*döskälfaḡ*—*dunkeleibe*) и черныхъ (*svartälfaḡ*—*schwarzelbe*); первые сияють, какъ солнце; послѣдніе черны, какъ смола. Такое различіе коренится въ старинныхъ воззрѣніяхъ на грозу: яркой блескъ молній заставилъ сблизить ее съ солнечными лучами, причислить къ духамъ свѣта и дать ей названіе эльфа; но съ другой стороны, какъ обитатель облачныхъ подземелій, какъ духъ, являющійся подѣ темнымъ покровомъ тучи, эльфъ получалъ эпитеты сумрачнаго, чернаго и подземнаго. Въ ту эпоху, когда было затеряно коренное значеніе слова эльфъ, а указанные эпитеты стали пониматься въ ихъ буквальномъ смыслѣ, народъ раздѣлилъ этихъ духовъ на двѣ породы — столь-же различныя, какъ различны свѣтъ и тьма, и невольно связалъ съ ними свои дуалистическія представленія о силахъ природы. Свѣтлые и мрачные эльфы явились эльфами добрыми и злыми, подобными ангеламъ и адскимъ, демоническимъ существамъ; одни принимаются за обитателей блестящаго неба (*Gimli*) и се

стоятъ при богѣ Фрейрѣ, другіе же населяютъ мрачное подземное царство—*Svartalfheimr*; съ одними по преимуществу соединялась благодатная, творческая сила молніи, съ другими — ея враждебныя, карательныя свойства. Свѣтлые эльфы надѣлены чудною красотою, стройностью и юностью; тѣло ихъ совершенно-воздушное, прозрачное и столь нѣжное, что капли росы, когда они прыгаютъ по травѣ, едва дрожатъ на листьяхъ, не сливаясь одна съ другою; ихъ длинныя, золотистыя волосы вьются по плечамъ роскошными кудрями; они носятъ легкія бѣлыя и серебристыя одежды, и подобно славянскимъ полулицахъ любятъ показываться въ полдень, при солнечномъ сіяніи. Напротивъ черныя эльфы (мары) носятъ одежды сумрачныхъ и темныхъ цвѣтовъ и показываются только ночью; сами они, не смотря на свой дѣтской ростъ, стары и безобразны: сморщенное лицо, большой носъ, блестящіе глаза, несообразныя части тѣла, на спинѣ горбъ—вотъ ихъ характеристическіе признаки ¹⁾). Другое названіе, придаваемое чернымъ эльфамъ: сканд. *dvergr*, англос. *dvæorg*, др.-верх.-нѣм. *tuerg*, ср.-в.-н. *tvege*, ново-в.-н. *zweg*—съ тѣмъ-же значеніемъ, какъ лат. *nanus*, греч. *ναῦνος*—карликъ. Цверги обитаютъ въ дикихъ, неприступныхъ пещерахъ, въ глубокихъ ущеліяхъ горъ и въ великанскихъ холмахъ (*riesenhügeln*), и называются *unterirdische*, *erdmännlein*, *erdmanneken*, *bergmännlein*; наоборотъ горы нерѣдко обозначаются именемъ — *zwegberge*. Какъ горныя духи, жители подземелій, неосвѣщаемыхъ солнцемъ, цверги имѣютъ истощенныя, мертвенныя лица, подобныя тѣмъ, какія бываютъ у покойниковъ. Это, раздающееся въ ущеліяхъ скалъ, по древне-скандинавскому выраженію есть откликъ цверговъ — *dvergmål* —

¹⁾ Впрочемъ средство эльфовъ свѣтлыхъ и черныхъ не могло совершенно изгладиться изъ народнаго сознанія, и преданія иногда смѣшиваютъ ихъ и представляютъ цверговъ юными и прекрасными.

segmo papogum, — тогда какъ на Русѣ, гдѣ при отсутствіи горъ всего чаще приходится слышать эхо въ лѣсахъ, оно признается отзывомъ лѣшаго. Въ народныхъ сказаніяхъ цверги представляются то кузнецами, то рудокопами, добывающими благородные металлы, т. е. выражаясь общепонятнымъ языкомъ: они роются въ облакахъ, стучать громовыми молотами и открываютъ пути для солнечныхъ лучей (=куютъ солнце). Горные рабочіе не только ихъ не боятся, но считаютъ ихъ появленіе за добрый знакъ, за указаніе на близость богатыхъ рудныхъ жилъ. Въ своихъ подземныхъ пещерахъ они хранятъ несчетныя сокровища серебра, золота и самоцвѣтныхъ камней и приготавливаютъ чудесное оружіе и разныя драгоценности ¹⁾. Эда изображаетъ ихъ искусными кузнецами, и съ этимъ занятіемъ вполне согласуется ихъ черная, какъ-бы выпачканная въ сажѣ наружность; они выковали поясъ, надѣляющій силою двадцати мужей, и кольцо, дарующее счастье (радугу и солнце?), выковали Одну копье Gúngnir, Фреѣ — золотое ожерелье, Зифѣ — золотые волосы; большая часть славныхъ, несокрушимыхъ оружій, и между прочимъ богатирской мечъ Зигурда были плодомъ ихъ искусства; когда боги рѣшились связать волка Фенрира, черные эльфы изготовили для нихъ изумительно-крѣпкую цѣпь (Gleipnir). «Громовая стрѣлка» (donnerkeil) называется albschoss, въ Шотландіи: elfarrow, elfflint, elfbolt; это — потому, что эльфы-кузнецы ковали для Тора огненные стрѣлы. О свѣтлыхъ эльфахъ известно, что они бросаютъ съ воздушныхъ высотъ свои опасныя стрѣлы. Цверги бросаютъ камнями (donnersteine);

¹⁾ D. Myth., 411-8, 421-4; German. Mythen, 46, 473; Irische elfenmärchen, стр. IX, LXII-III, LXIX, LXXII-VI; Beiträge zur D. Myth., I, 309, 311-5; Сказ. Грим., 161, 182. Имъ приписываютъ и обладаніе неразмѣнною монетою (glücks-schilling) — Ir. elfenmärch., XV-XVI; подаренные имъ уголья превращаются въ золото.

преданіе даетъ имъ бичъ, удары котораго сопровождаются молніями; когда они совершаютъ свой поѣздъ, то все небо горитъ грозовымъ пламенемъ ¹⁾. Какъ обитатели облачныхъ горъ, затемняющихъ небесный свѣтъ, подземные эльфы боятся солнца и прячутся отъ его лучей въ мрачныя пещеры; лучи эти точно также наносятъ имъ смерть, какъ и великанамъ. Народная фантазія, которая любитъ сливать во едино все сходныя явленія, сочетала съ свѣтлыми эльфами представленіе о солнечномъ сіяніи, а съ цвергами не только понятіе о мракѣ, распространяемомъ грозовыми тучами, но и понятіе о ночной тьмѣ. По свидѣтельству Древней Эдды, карликъ Alvis, подобно сербскому Трояну, погибъ отъ лучей восходящаго солнца и притомъ также — вълѣдствіе любви къ женщинѣ. Сватался онъ за дочь Тора, а этотъ, желая избавиться отъ докучливаго жениха, нарочно заговорился съ нимъ до дневнаго разсвѣта; солнце взошло и своими лучами превратило карлика въ камень ²⁾. Ежедневное наблюденіе убѣждало древняго человѣка, что свѣтозарное солнце, при закатѣ своемъ, какъ-бы скрывается подъ землю, а раннимъ утромъ появляется изъ-за ея далекихъ окраинъ; отсюда возникло представленіе, что тѣ-же цверги, которые прячутъ золото солнечныхъ лучей въ облачныхъ пещерахъ, скрываютъ его и во время ночи въ своемъ подземномъ царствѣ. Другія наиболѣе употребительныя метафоры для тучи были: небесный корабль, плащъ и шапка-невидимка. Подъ вліяніемъ первой изъ этихъ метафоръ создалось сказаніе, что подземные карлики сковали чудесный корабль Skidhbladhnr, которому — какъ-бы онъ ни

¹⁾ D. Myth., 416; Ir. elfenmärch., LXXXVII-VIII; Beiträge zur D. Myth., II, 325; Сказ. Грим., 28: карликъ даетъ копьѣ, которымъ можно поразить чудовищаго вепря. — ²⁾ Der heut. Volksglaube, 413-4; Beiträge zur D. Myth., II, 321: «der tag verzaubert dich, zwerg; die sonne scheint in den saal» (Эдда въ переводѣ Смирнова).

повернулся—вѣтеръ всегда дулъ въ паруса. Ладья, на которой плаваютъ они по (воздушному) морю, есть собственно облако; а плата, какую бросаютъ они за свой перевозъ и которая обыкновенно превращается въ чистое золото, — эмблема сверкающей молніи ¹⁾. Облекаясь въ туманныя, сумрачныя одежды (glaueu gösken), набрасывая на себя облачный плащъ или покрывая голову облачной шапкою, карлики становятся невидимками и мгновенно исчезаютъ. Въ сагахъ упоминаются *vebellkarren*, съ помощію которыхъ они могутъ дѣлаться незримиыми для постороннихъ глазъ и свободно совершать свои проказы, что напоминаетъ намъ *wünschelhut* Вѣтра и крылатую шляпу (*petasus*) Меркурія. Такая шапка-невидимка (*taupkarre*) была у карлика Эльбериха и потомъ досталась Зигфриду; по свидѣтельству древне-французскаго сказанія, карликъ *Zerphug* имѣлъ черную шляпу: надѣвая ее, онъ получалъ способность не только дѣлаться незримиымъ, но и принимать на себя различные образы; по русскому повѣрью, шапку-невидимку носить домовою, о сродствѣ котораго съ альфами было сказано выше (гл. XV). Цвергу даютъ названіе *nebelstapen*. Если, ударяя по воздуху прутомъ, удастся попасть и сбить съ него шляпу, то онъ тотчасъ-же предстаетъ предъ взоры присутствующихъ, подчиняется ловкому владѣтелю прута и исполняетъ всѣ его требованія: этотъ пруть—Перунова розга (*donnerruthe*), разбивающая темныя тучи и покоряющая волѣ громовника подземнаго духа. На ряду съ этими данными, преданія говорятъ о красныхъ плащахъ и красныхъ шапочкахъ карликовъ, выражая этимъ, что облачная одежда ихъ озаряется молніями. Красныя шапочки нерѣдко бывають убраны серебряными колокольчиками, звонъ которыхъ долженъ обозначать звучныя напѣвы грозы. Въ Ирлан-

¹⁾ Der heut. Volksglaube, 114

ди вѣрять, что шляпами для эльфовъ служатъ красныя цвѣтки, сходныя по своей формѣ съ колокольчикомъ или напереткомъ (*purpurea digitalis, fingerhut*); народъ называетъ эти цвѣты *elfenkärschen*. Одѣваясь въ облака, эльфы и цверги, согласно съ различными уподобленіями этихъ туманныхъ покрововъ, могутъ дѣлаться оборотнями, т. е. могутъ принимать на себя тѣ или другія устрашающія и животненныя формы ¹⁾ и измѣнять свой крохотный образъ на исполинскій; вмѣстѣ съ этимъ они отождествляются съ демонами тучъ и мрака, усваиваютъ себѣ воровскія наклонности, любятъ похищать золото, увлекаютъ въ свои пещеры цвѣтущихъ красотою дѣвъ, чуютъ человѣческое мясо, и также, какъ демоны, боятся грома, свиста, колокольнаго звона, церковнаго пѣнія, хлопанья бичей, стука молота, барабановъ и мельничной толчен (\equiv метафоры громовыхъ раскатовъ и завывающей бури); имъ нравится безмолвная тишина ночи ²⁾. Народныя повѣрья смѣшиваютъ эльфовъ съ падшими ангелами. Часть свѣтлыхъ эльфовъ изъ числа тѣхъ, которые были низвергнуты съ неба, не пала въ адъ и осуждена пребывать на землѣ, населяя горы, лѣса, воды и жилища людей и раздѣляясь на разные классы: *holden, gütehen, nixen, kobolde, hausgeister* и др. Тоже самое рассказы

¹⁾ Они превращаются въ драконовъ, змѣй, жабъ, собакъ, кошекъ, козловъ, въ красныхъ и черныхъ птицъ (преимущественно въ пѣтуха); козлиныя ноги цверги удерживаютъ и тогда, когда являются въ своемъ собственномъ образѣ.— ²⁾ Въ одномъ мѣстечкѣ, когда повѣсили на церковной башнѣ колоколъ и раздался его звонъ, цверги собрались толпою и стали бросать въ церковь каменьями. Другая сага рассказываетъ, что вѣкогда крестьяне отправились къ цверговой горѣ и подняли страшный шумъ хлопаньемъ бичей, свистомъ и трещотками, и вотъ ночью разразилась гроза, и тотъ, кто руководилъ крестьянами, найденъ поутру мертвымъ — *Beitrag zur D. Myth., II, 325-7.*

вается на Руси о происхождении домовыхъ, водяныхъ и лѣсныхъ духовъ. Изъ указанной способности карликовъ скрываться отъ взоровъ и мѣнять свои образы возникли представления о ихъ склонности къ обману, оболъщенію или обморочиванію смертныхъ ¹⁾; сверхъ того, какъ олицетвореніямъ молніи, которая падаетъ ломанною, искривленною стрѣлою, древнѣйшій языкъ присвоилъ имъ эпитетъ лукавыхъ, первоначально означавшій только эту внѣшнюю, видимую глазомъ кривизну (см. гл. XXII). Позднѣе, вмѣстѣ съ одухотвореніемъ матеріальныхъ выраженій древняго языка, съ возведеніемъ ихъ на степень нравственныхъ понятій, — карлики, удерживая за собой прежніе эпитеты лукавыхъ, скрытыхъ, измѣнчивыхъ, получили въ народномъ сознаніи характеръ духовъ необыкновенно-хитрыхъ, изворотливыхъ, всегда готовыхъ на обманъ и измѣну. Слово *zwerg* = *dverg* Кунъ сближаетъ съ санскр. *dhvagas* — кривой, несправедливой. Злой характеръ карликовъ особенно проявляется весною, въ мѣсьяцѣ, когда начинаются грозы. Въ противоположность имъ, великаны-тучи, съ которыми малютки-молніи живутъ въ постоянной враждѣ, представляются простоватыми, недогадливыми и даже глупыми; съ тѣми-же типическими чертами изображается въ народныхъ преданіяхъ и самый чортъ — тамъ, гдѣ онъ заступаетъ мѣсто великана. Эта тупость ума, признанная за великанами, также объясняется вліяніемъ языка, который придалъ имъ постоянный эпитетъ дикихъ (см. выше, стр. 618), т. е. въ позднѣйшемъ значеніи этого слова: грубыхъ, невѣжественныхъ, незнакомыхъ ни съ какими удобствами, живущихъ внѣ общественнаго порядка и законовъ; именно такими и представляетъ ихъ Гомеръ въ своей Одиссеѣ. Наоборотъ, эльфы живутъ большими общества-

¹⁾ Обл. Сл., 141: обомароть — обманщикъ, обомарочивать (отъ *мракъ*) — обманывать.

ни и нерѣдко подѣ властію особаго владыки. При громадномъ ростѣ великаны обладаютъ и громадною силою; въ сравненіи съ ними карлики казались ничтожными червями, но эти черви постоянно одолеваютъ своихъ исполинскихъ противниковъ, и такая побѣда приписана была ихъ хитрому уму насчетъ слабости послѣднихъ. Такимъ образомъ арійское племя силѣ ума давало перевѣсъ надѣ силою физическою.

Выступая въ грозѣ, сопровождаемой вихрями и дождевыми потоками, карлики представляются въ народныхъ сказаніяхъ и какъ духи воздушные (по старинному выраженію— «вѣтренные») и водяные. Соответственно лат. *spiritus* отъ *spirare* (дуть, вѣять), слав. духъ образовалось отъ глагола дуть, а нѣм. *geist* отъ стариннаго слова *gisan—flari, cum impetu ferri*; сканд. *gustr* — *flatus*, дуновеніе, и одинъ изъ цверговъ названъ именно этимъ именемъ (*Gustr*). Другія имена цверговъ *Austri, Vestri, Nordhri, Sudhri* указываютъ на четыре главные вѣтра восточный, западный, сѣверный и южный, а имена *Blaserle* и *Vindälfr* — на дующихъ, производящихъ вѣтры эльфовъ; *Alvina*, плачь и стоны которой слышатся въ завываніяхъ бури (I, 329), принадлежитъ къ существамъ эльфическимъ, что очевидно изъ самаго ея названія (*alvinne, elbin*). Въ древне-французской сагѣ введенъ карликъ *Zephyr*; король эльфовъ *Oberon* (= *Alberon, Elberich*) посылаетъ бурю, градъ и дождь. Въ Баваріи одицетворяютъ вѣтръ въ видѣ маленькаго старичка съ бѣлою бородою, который питаетъ непреоборимую ненависть противъ всего, что громадно, какъ наприм. горы и башни (= старинныя метафоры тучъ). Въ Ирландіи, завидя поднятый вихремъ столбъ пыли, думаютъ, что это кружатся эльфы, что они мѣняютъ мѣсто своего пребыванія и спѣшатъ въ иную сторону. Въ шелестѣ листьевъ, въ плескѣ волнъ и вообще въ звукахъ, производимыхъ дуновеніемъ вѣтра, поселяне узна-

ютъ голоса эльфовъ. Такъ какъ вѣтры и влага (дождь) способны проникать во всё едва-замѣтныя скважины и щели, то естественно, что духи, воплощающіе эти стихійныя явленія, должны были рисоваться народному воображенію существами столь-же малыми, какъ комары и мошки. Теперь припомнимъ, что полетъ облаковъ и вихрей на метафорическомъ языкѣ назывался пляскою, а вой бури и громовые раскаты — небесными пѣснями, и намъ будетъ понятво пристрастіе эльфовъ къ танцамъ, пѣнію и музыкѣ. Въ лѣтнія ночи, при лунномъ свѣтѣ, они собираются на свои любимыя мѣста — на холмахъ, лугахъ и въ лѣсныхъ полянахъ, и водятъ хороводы. Неутомимо цѣлую ночь они посвящаютъ этому удовольствію, и только лучи восходящаго солнца заставляютъ ихъ прятаться. По утру замѣтны бываютъ на росистой травѣ круги, оставляемые легкими ножками эльфовъ, а при видѣ подобныхъ слѣдовъ поселяне въ Шотландіи, Скандинавіи и сѣверной Германіи) восклицаютъ: «здѣсь танцовали эльфы!» Если бы вздумалось кому полюбоваться на нихъ пляски, то это не обошлось бы ему даромъ: эльфы увлекутъ его въ свой хороводъ и въ необычайно-быстрыхъ движеніяхъ завертятъ до того, что онъ потеряетъ память; сами же они охотно принимаютъ участіе въ людскихъ танцахъ и съ этою цѣлю выходятъ изъ своихъ подземелій. Точно также любятъ танцовать и родственныя эльфамъ феи. Пляски эти совершаются по ночамъ, т. е. при затемненіи неба тучами; но какъ скоро тучи разсѣются и снова засіяетъ солнце — эльфы исчезаютъ. Пѣсни ихъ имѣютъ чарующую силу; вся природа внимааетъ ихъ звукамъ и даже лѣса и другіе неодушевленные предметы приходятъ въ движеніе и начинаютъ бѣшеную пляску: представленіе, живо-схваченное съ дѣйствительности, ибо порывы бури гнутъ деревья и сильныя вихри кружатъ все, что имъ ни встрѣтится. Эльфы (по сказанію, удѣльшему въ южной

Шведіи) знаютъ такую пѣсню, которую никто не въ состояніи слышать, не предаваясь пляскѣ. Празднества ихъ всегда сопровождаются чудною музыкой, пѣснями и танцами. Опираясь на эти преданія, суевѣрный народъ смѣшиваетъ эльфовъ съ хорами ангеловъ, воспѣвающихъ хвалу Всевышнему ¹⁾. Какъ духамъ стремительныхъ молній и буйныхъ вѣтровъ, эльфамъ дается изумительная быстрота, для которой не существуетъ пространства; въ одинъ скачокъ они могутъ перенестись съ одной горы на другую, хотя бы между вершинами этихъ горъ было нѣсколько часовъ разстоянія; сегодня они являются здѣсь; а завтра въ иной части свѣта. Стихійною природою эльфовъ объясняется, почему они признаны были во первыхъ — за олицетвореніе душъ, а во вторыхъ — за существа, могущія насылать болѣзни. Душа издревле представлялась небеснымъ пламенемъ; но тоже божество, которое влагаетъ въ челоуѣка искру жизни, можетъ и поражать его своими молніеносными стрѣлами: какъ метателю этихъ убійственныхъ стрѣлъ богу-громовнику приписывались воспалительныя и повальныя болѣзни, влекущія за собою скорую, нерѣдко-мгновенную смерть. Сверхъ того, какъ слово духъ (вѣтръ) тождественно съ словомъ душа, такъ вѣтръ стоитъ въ ближайшей связи съ повѣтріемъ (заразою — см. I, 527-8). Смерть выводитъ душу изъ тѣлесной оболочки, возвращаетъ ее въ первобытное состояніе свободнаго стихійнаго существа, и тѣмъ самымъ равняетъ ее съ эльфами. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ души усопшихъ олицетворяются малютками и смѣшиваются съ бурными и грозowymi (подземными) духами; въ свитѣ Гольды и Берты, вмѣстѣ съ карликами, шестуетъ и толпа безвременно-скончавшихся дѣтей. Мертвые при-

¹⁾ Народная русская легенда (№ 20) приписываетъ нечистымъ духамъ, какъ падшимъ, низверженнымъ съ неба ангеламъ, знаніе ангельскихъ гласовъ.

надлежать эльфамъ, и смерть каждаго человѣка празднуется ими, какъ торжественная встрѣча новаго гостя и вступленіе его въ воздушное общество, или въ подземный міръ тѣней, тождественный съ облачными подземельями дверговъ. Отсюда возникло повѣрье, будто эльфы похищаютъ дѣтей, т. е. собственно увлекаютъ души. Ихъ дыханіе, прикосновеніе и удары бросаемихъ ими стрѣлъ причиняютъ людямъ тяжкія болѣзни и смерть. Какъ существа, родственныя громовнику, основателю домашняго очага, какъ души предковъ, эльфы вступаютъ въ разрядъ домовыхъ геніевъ (кобольдовъ), поселяются въ избахъ своихъ родичей и раздѣляютъ съ ними все хозяйственныя заботы (см. стр. 76—82). Въ этомъ смыслѣ ихъ называютъ добрыми сосѣдами, тихимъ, кроткимъ народомъ—*stille volk, the good people, die guten nachbarn, die friedlichen leute* (сравни наше покойники). Такимъ образомъ въ характерѣ эльфовъ замѣчается смѣсь добра и зла, справедливости и коварства: они то защищаютъ угнетенныхъ и щедро платятъ за всякую оказанную имъ услугу, то бываютъ раздражительны, скупы, склонны къ воровству, свое нравны и мстительны. Поселяясь въ домахъ людей и не будучи тревожны въ своихъ укромныхъ пристанищахъ, они приносятъ семьѣ миръ и счастье, охотно помогаютъ хозяевамъ и домочадцамъ въ ихъ обычныхъ работахъ, удѣляютъ имъ часть отъ своихъ маленькихъ хлѣбовъ и пироговъ; скрываясь днемъ, они дѣятельны и бодры ночью. Съ своей стороны карлики нуждаются иногда въ помощи людей: такъ они просятъ раздѣлить имъ сокровище и тѣмъ прекратить ихъ споры; просятъ залу, чтобы отпраздновать въ ней свадьбу; приглашаютъ повивальныхъ бабокъ къ своимъ родовальницамъ, и всегда награждаютъ за эти услуги драгоценными подарками.

Связь эльфовъ съ водами засвидѣтельствована языкомъ: сканд. *elf*, дат. *elv* есть нарицательное имя для всякой рѣки;

отсюда получила свое названіе прозрачная Эльба (Elbe), у славянъ—Лаба, Лабе. Въ полдень, между одиннадцатью и двѣнадцатью часами, двѣ эльфы являются къ колодцамъ, моются и чешутъ свои длинныя косы золотымъ гребнемъ; нерѣдко эльбина приходитъ съ золотымъ ведромъ, черпаетъ воду и удаляется съ нею въ горы. Къ разряду эльфовъ должны быть отнесены и водяные духи — ниссы, о которыхъ въ Швеціи рассказываютъ, какъ о прекрасныхъ малюткахъ съ золотистыми локонами. Ниссы обитаютъ подъ водою, имѣютъ тамъ роскошныя жилища, убранныя золотомъ и наполненныя несмѣтными богатствами, и любятъ танцовать по зеркальной поверхности рѣкъ, озеръ и источниковъ; при звукахъ музыки, блистая великолѣпными, радужными одеждами, они носятся въ быстрой пляскѣ съ такою легкостью, что вода остается неподвижною подъ ихъ ногами, и потомъ погружаются на дно или исчезаютъ въ туманѣ. Соответственно эльфамъ, празднующимъ смерть человѣка, ниссы (по народному повѣрью) начинаютъ танцы въ то время, когда долженъ утонуть какой-нибудь ребенокъ; очаровательной музыкой и подарками они заманиваютъ дѣтей и увлекаютъ ихъ въ свои подводныя жилища. Такъ какъ дождь на иенческомъ языкѣ есть живая вода, дарующая молодость, красоту и плодородіе; то отсюда родилось сказаніе о счастливой странѣ юности (land der jugend), лежащей подъ водою: эта страна—блаженное царство свѣтлыхъ эльфовъ, тотъ заоблачный свѣтъ (Unterwelt), гдѣ красуется непрестанная весна, гдѣ вѣчно зелѣютъ поля, вѣчно цвѣтутъ и приносятъ плоды деревья; воды, за которыми она лежитъ, суть дождевыя источники (см. гл. XXIV). Всеразрушающая, беспощадная старость теряетъ тамъ свою силу: счастливые обитатели подводнаго царства остаются вѣчно юными; люди, которые попадаютъ къ эльфамъ, не замѣчаютъ полета времени: оно какъ-бы останавливается,

и проведенные въ сообществѣ эльфовъ годы кажутся не болѣе одного мгновенія. По свидѣтельству народныхъ сагъ, цверги знаютъ дорогу, ведущую къ источникамъ живой воды. Показываясь между людьми, они стараются закрывать свои ноги длинными плащами; но если посыпать по землѣ пепломъ—на немъ отпечатаются явственные слѣды ихъ гусиныхъ лапъ: гусь, какъ птица, живущая на водахъ, посвящалась водянымъ духамъ и считалась за одно изъ любимыхъ ихъ воплощеній. Эльфы питаются каплями росы, крошками бѣлаго хлѣба и сыра, и съ удовольствіемъ пьютъ сладкое молоко, а по мѣтнію пруссаковъ—и пиво. Молоко и пиво—метафоры дождя. Зетландская сага упоминаетъ объ одной эльбинѣ, которая являлась невидимкою и доила коровъ—подобно тому, какъ богъ-громовникъ доилъ или сосалъ своими молніями небесныя стада; въ Тиролѣ и Швейцаріи цверги принимаютъ на себя обязанности пастуховъ, загоняютъ коровъ въ хлѣва, доятъ молоко и готовятъ вкусный сыръ. Въ связи съ этими данными стоитъ повѣрье—будто бы эльфы, похищая новорожденныхъ младенцевъ, подмѣняютъ ихъ собственными дѣтьми, которыя и сосутъ груди родильницы съ ненасытною жадностью. Наравнѣ съ богами и демонами, вкушающими живую воду, эльфамъ и цвергамъ принадлежитъ даръ сверхъестественной мудрости и предвѣденія; таинствѣмъ вѣщимаго даромъ обладалъ карликъ Андвари, обитатель глубокаго потока; цвергъ Alvis (Всезнайка), имя котораго уже свидѣтельствуемъ о его мудрости, разрѣшилъ всѣ трудныя вопросы, заданныя ему Торомъ; карликъ Tristan объяснялъ вліяніе звѣздъ на судьбу новорожденныхъ; въ Нибелунгахъ водныя эльфы предсказали бургундамъ предстоящія имъ бѣды; въ сагахъ и сказкахъ цверги—разумные совѣтники и помощники. Эльфы вѣдаютъ будущее и все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; они обладаютъ знаніемъ языковъ и разумѣютъ

руны; имъ извѣстны цѣлебныя свойства растеній и камней ¹⁾). Есть еще одинъ разрядъ эльфовъ—это лѣсные карлики, населяющіе небесныя сады и рощи; но объ нихъ уже было сказано въ главѣ XVII-й.

Эльфамъ соответствуютъ сербскія вилы и русскія русалки, подробныя свѣденія о которыхъ представлены нами ниже (см. гл. XXIII—XXIV). Замѣтимъ вообще, что преданія о карлахъ, сохранившіяся у славянъ, близко сходны съ преданіями нѣмецкими. У лужицанъ карлики называются *ludki* (уменьшительная форма отъ слова *людъ* — народъ, т. е. маленькіе люди = тоже, что нѣм. *das stille v'lk*): это подземные духи, обитающіе въ горахъ, холмахъ и темныхъ пещерахъ; многія возвышенности въ нижнихъ Лужицахъ носятъ названіе: *ludkova góga*. Людки—искусные музыканты, любятъ танцы и являются на сельскія празднества; за оказанныя имъ услуги даютъ подарки, а когда бываютъ раздражены — оплачиваютъ злыми шутками; подобно эльфамъ, они не могутъ переносить колокольнаго звона, и существуетъ даже повѣрье, что съ тѣхъ поръ, какъ завелся колокола, людки исчезли ²⁾). У словаковъ извѣстенъ *pikuljk* (*pikul*, *pikolo* отъ слова *печь* — *пеку*; отъ того-же корня: *rik* — гнѣвный пылъ, ярость и *пекло*—подземное царство, преисподняя, адъ)—мужичокъ ростомъ съ палецъ, но весьма сильный; онъ поселяется на людскихъ дворахъ — въ какой-нибудь норѣ, ходитъ въ красной одеждѣ ³⁾, приноситъ своему хозяину золото, деньги, хлѣбъ, и даруетъ его лошадиамъ здоровье и сытость ⁴⁾). Сло-

¹⁾ D. Myth., 253-4, 413, 425-439, 919, 973; trische elfenmärch., X-XIX, LXXI-LXXXIX, XCI-XCIV; CIV-CVII, CXXV, 200; Beiträge zur D. Myth., II; 246, 250-5, 260-7, 310-1, 324—330; 341-4; German. Mythen, 168-213; Nord. Märchenbuch, 46, 108; Die Götterwelt, 98; Моск. Набл. 1837, XI, 523-8.—²⁾ Volkslieder der Wenden, II, 268.—³⁾ „Pikuljk značj mužjčka červeným kabátkem, oděného, třírohý klobouček magjejho, z báni a z djr na zem vycházegjejho.“—⁴⁾ „Asnad ti

винцы и кабатки называютъ карловъ *drėtni* или *drėvni*, т. е. дробные (маленькіе), а кашубы — *krasniata*, *krasniaki*, отъ санскр. *kras* — худѣть, *kras* а — худой, шедущей; чешск. *krasati*—худѣть, умалаться, *krasak* — карликъ; отсюда-же наши: крошить, кроха и крошка — ребенокъ. Кроснята и *drėvni* живутъ въ подпольяхъ избы, хлѣва или сараа; между ними есть старички съ длинными бородами, молодые люди, женщины и дѣти; они носятъ на головахъ красныя шапочки, празднуютъ свои свадьбы съ музыкой и плясками; бываютъ довольны, если ставятъ для нихъ въ орѣховой скорлупѣ молоко; любятъ перебирать свое золото, и въ случаѣ оказанной имъ услуги дарятъ человѣку мѣшокъ съ деньгами; такой-же даръ можно получить отъ нихъ, если удастся сорвать съ одного изъ карликовъ его красную шапочку: они непременно придутъ выкупать ее, т. е. вслѣдъ за тѣмъ, какъ бываетъ сбита шапка-невидимка, на весь дольний міръ разсыпается золото солнечныхъ лучей. По литовскому повѣрью, клады блуждаютъ по міру въ видѣ мальчиковъ красныхъ, бѣлыхъ и смуглыхъ: красный цвѣтъ означаетъ золото, бѣлый — серебро, смуглый — итѣ; при встрѣчѣ съ путникомъ они просятъ дать имъ пощечину, и отъ этого удара (—метафора грома) разсыплются блестящими деньгами. Кроснята подмѣниваютъ по ночамъ некрещеныхъ младенцевъ, и потому если есть въ семьѣ карл, то обыкновенно думаютъ, что кроснята похитили у родителей ихъ настоящаго ребенка, а въ замѣнъ положили въ люльку своего ¹⁾). На представленіе бурнаго вихря въ образѣ карлика указываетъ слѣдующій эпизодъ изъ сказки объ Ерусалѣ: встрѣчается этому богатырю малъ-старъ челоуѣкъ, на-

1) *té konė pikuljk chowá, ked' sa ti také tučnė*, „musj mat' pikuljka, mu té konė tak skáçi“—*Nar. zplėwanky*, I, 415 — ¹⁾ Этн. Сб., V, 68, 136, 140; Иллюстр. 1848, № 28.

поминающій намъ карлика нѣмецкихъ сказокъ — ein kleines graues männlein; стоитъ онъ на дорогѣ и не даетъ проѣзду. Богатырь хочетъ раздавить его конемъ, а малъ-старъ челоувѣкъ насмѣхается: «за что ты меня стараго-малаго убить хочешь? съ меня нечего снять!» Еще пуще разгнѣвался Еруслянь, поднялъ мечъ-кладенецъ и кинулся на карлика; но тотъ приклонился и дунулъ на богатыря да таково сильно, что онъ на конѣ не усидѣлъ — налъ на сырую землю что овсяной снопы. Тогда малъ-старъ челоувѣкъ сжалился надъ витяземъ и пропустилъ его домой ¹⁾. Бѣлорусское преданіе утверждаетъ, что Перуну подвластны духи гарцукки (отъ гарцовать — играть, бѣгать въ запуски), которые живутъ въ горахъ (= тучахъ) и съ виду похожи на маленькихъ дѣтей; когда они, играя, устремляются въ запуски, то отъ быстрого ихъ бѣга подымается вихрь и начинаетъ крутить песокъ, а когда несутся по воздуху, то полетъ ихъ производитъ бурю и непогоду ²⁾. Сербы объясняютъ вихри полетомъ вѣдогоней, въ которыхъ олицетворяютъ они души. Что касается водной стихіи, то русской народъ населяетъ ее русалками; а чехи представляютъ воднаго маленькимъ челоувѣчкомъ въ красномъ камзолѣ и красной шапкѣ ³⁾.

Яркіе лучи восходящаго солнца древніе поэты уподобляли золотымъ рукамъ и розовымъ пальцамъ, простираемымъ богиней Зорею изъ темныхъ нѣдръ ночи; таже метафора служила и для обозначенія молніи, исходящей изъ мрака nocheподобныхъ тучъ (I, 199). Представляя громовую тучу великиномъ или дракономъ, созерцая въ грозѣ торжественное явленіе Перуна, фантазія рисовала молнію пальцемъ на рукѣ громовника или враждебнаго ему демона. Отъ того «громовыя стрѣлки» (donnerhämmer) называются въ Германіи teufels-

¹⁾ Н. Р. Ск., I-II, стр. 409-410. — ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1841, 87-88. — ³⁾ Громаниъ, 12.

finger ¹⁾), а на Руси — чортовы пальцы. Выше (стр. 682) мы привели могилевское сказаніе о чортѣ, который поднималъ цѣлую гору (= тучу) на мизинцѣ. И по нѣмецкимъ, и по русскимъ преданіямъ — на скалахъ и камняхъ, бросаемихъ великанами и чертами, отпечатываются слѣды ихъ пальцевъ ²⁾). Въ одной изъ нашихъ сказокъ ³⁾ змѣй надѣленъ огненнымъ пальцемъ, сила котораго дѣлаетъ его непобѣдимымъ: срубленные богатыремъ головы чудовища вновь прирастаютъ къ его туловищу, змѣй подхватываетъ ихъ на лету и только черкнетъ огненнымъ пальцемъ — какъ онѣ появляются на прежнихъ мѣстахъ; такимъ образомъ змѣиный палецъ дѣйствуетъ также цѣлбно, какъ Перунова леза, удары которой даруютъ здравіе и самую жизнь. Наконецъ богатырь догадывается и отсѣкаетъ змѣю огненный палецъ, и затѣмъ уже поражаетъ его на смерть. Это напоминаетъ греческое сказаніе о битвѣ Геркулеса съ лернейскою гидрою. Гидра была огромная змѣя о девяти головахъ, и когда герой сбивалъ съ нея одну голову — на мѣсто утраченной сейчасъ вырастали двѣ новыя. Въ такой опасности помогъ ему Іоалай: по мѣрѣ того, какъ Геркулесъ сбивалъ головы гидры, онъ прижигалъ ей шею горячимъ полѣномъ, и головъ болѣе уже не выросло. Огненный палецъ русской сказки соответствуетъ горячему полѣну греческаго преданія; но въ послѣднемъ орудіе это отдано во власть богатыря-громовника, и согласно съ этимъ не приживляетъ головы гидры, а напротивъ помогаетъ сбивать ихъ окончательно. Наши знахари придаютъ безъвизянному пальцу особенную чародѣйную и цѣлбную силу: обводя имъ болячку, они приговариваютъ, чтобы нарывъ или вередъ изсохъ на тѣлѣ, какъ сохнетъ сломаемый древесный сукъ; иногда, вмѣсто пальца,

¹⁾ D. Myth., 164.— ²⁾ Ibid., 512-3, 974.— ³⁾ Н. Р. Сж., VII, 3.

обводятъ большое мѣсто сухимъ отросткомъ дерева (I, 259). Зная, что съ молніей равно соединялись и живительная, и мертвящая силы, что Гермесовъ жезлъ (=Перунова лоза) не только пробуждалъ мертвыхъ, но и погружалъ въ непробудный сонъ (т. е. предавалъ ихъ смерти), мы должны допустить тоже двоякое значеніе и относительно пальца, какъ метафоры молніи. Въ числѣ обвиненій, какія возводились на вѣдьмъ въ Германіи, памятники упоминаютъ, будто бы онѣ, вырывая трупы маленькихъ дѣтей и выкидывая ихъ, отрѣзывали у нихъ пальцы, и потомъ въ случаѣ надобности жгли эти пальцы и тѣмъ самымъ усыпляли всѣхъ живущихъ въ домѣ. Тоже чарующее дѣйствіе приписывается и большому пальцу (daumen), отрѣзанному отъ руки повѣшеннаго вора ¹⁾. По чешскому повѣрью, воры стараются добыть палецъ мертворожденнаго ребенка, высушиваютъ его, и приступая къ кражѣ, зажигаютъ словно свѣчку; пламя, даваемое этимъ пальцемъ, наводитъ на жильцовъ дома крѣпкой сонъ, а самихъ воровъ дѣлаетъ невидимками ²⁾. На Руси воры обводятъ сонныхъ хозяевъ «мертвой рукою» (т. е. рукою, отрѣзанною у мертвеца), или зажигаютъ свѣчу, сдѣланную изъ жира покойника: та и другая чара избавляютъ ихъ отъ опасности быть захваченными, потому что пока продолжается обаяніе «мертвой руки» или пока горитъ свѣча — въ домѣ никто не проснется ³⁾. Въ этихъ повѣрьяхъ воры заступаютъ мѣсто облачныхъ демоновъ, жадныхъ похитителей небеснаго золота; а жертвцы, пальцамъ которыхъ придана такая чудесная сила, означаютъ собственно эльфовъ, обитателей подземнаго, загробнаго міра.

¹⁾ D. Myth., 1027; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV. 340.—

²⁾ Громаниъ, 106, 205. — ³⁾ Иллюстр. 1846, 345; тоже рассказываютъ и въ Литвѣ—Рус. Сл. 1860, V, 27.

Оба указанных уподобленія молніи карлику и пальцу были соединены фантазіей въ одинъ мифическій образъ: малый ростъ карлика стали сравнивать съ пальцемъ на рукѣ, и вотъ явился мальчикъ-съ пальчикъ ¹⁾ или Мизничикъ. По свидѣтельству русской сказки, онъ нарождается на свѣтъ отъ случайно-отрубленнаго пальца его матери, т. е. подъ ударомъ Перунова меча облачная жена теряетъ свой палецъ, или прише — ту падушю молнію, которою она была чревата и которая, какъ мы видѣли, признавалась за ея дѣтище. Въ преданіяхъ лужицкомъ и хорутанскомъ Palčik (Palček) — вѣжное, прекрасное существо; если онъ и подвергается разнымъ опасностямъ ради своей ничтожной величины, то вслѣдствіе той-же особенности, а также вслѣдствіе своей догадливости и лукавства, всегда ловко выпутывается изъ бѣды ²⁾. Это сказочное лицо встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и слѣдовательно принадлежитъ къ кругу тѣхъ мифическихъ представленій, за которыми слѣдуетъ признать глубочайшую древность происхожденія. У пруссовъ и литовцевъ карликъ этотъ называется *parstuk* (*perstuk* — отъ лит. *pirsztas*, сл. перстъ), у нѣмцевъ — *daumesdick*, *daumerling*, т. е. человечекъ величиною съ тотъ «большой» палецъ, которому на Руси присвоится имя корочуна (сравни: коротышь — малорослый, карло ³⁾); греческій пигмей (πυγμαῖος отъ πύμνῃ — кулакъ) — буквально тоже, что въ русскихъ сказкахъ: мужичокъ-съ кулачокъ; въ санскритѣ *bāla-khilja* ⁴⁾ — гений, одаренный высочайшею мудростью, ро-

¹⁾ Мальчикъ — уменьшит. форма отъ малъ, малыѣ. — ²⁾ Сб. Валявца, 116-9; *Volkslieder der Wenden*, II, 268. — ³⁾ Доп. обл. сл., 89. Въ дѣтской игрѣ: «сорока-ворона кашку варила» о большомъ пальцѣ причитываютъ: «тому не дала; онъ — корочунъ, дрожа не рубилъ, вола не носилъ» и т. дал. — ⁴⁾ D. Myth., 419-420: *ḅāla* bedeutet puer, parvulus, *khilja* verstehe ich nicht.

томъ съ большой палецъ; индусы вѣрили, что малютки эти, въ числѣ шестидесяти тысячъ, произошли изъ волосъ Брамъ (волоса—метафора тучи ¹⁾). Въ народныхъ сказкахъ ²⁾ мальчикъ-съ пальчикъ изображается такимъ крошкю, что легко можетъ скрыться въ хвостѣ или гривѣ коня, въ его ноздрѣ, ухѣ или подъ копытомъ; это — баснословный конь-туча, изъ ушей и ноздрей котораго исходитъ грозвое пламя и который ударомъ своего копыта выбиваетъ живые источники дождя. Мальчикъ-съ пальчикъ удобно помѣщается подъ грибомъ, словно подъ крышею; мышинная норка и раковина улитки—для него цѣлый домъ; по своему чрезвычайно-малому росту онъ сравнивается съ прыгающимъ по травѣ кузнечикомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи эльфическія существа (души усопшихъ), сопровождающія Бертю, называются heime he n—сверчки ³⁾. Отсюда объясняются русскія примѣты: если стрекочетъ сверчокъ—онъ выживаетъ кого-нибудь изъ дому = зоветь его на тотъ свѣтъ; если по ночамъ куетъ въ стѣнѣ кузнечикъ (червячокъ, который заводится въ деревянныхъ постройкахъ и производитъ шумъ, похожій на стукъ часовъ)—это предвѣщаетъ скорую смерть одного изъ членовъ семьи ⁴⁾. Самое названіе кузнечикъ, очевидно присвоенное насѣкомымъ ради производимаго ими стрекотанья и стука, стоитъ въ связи съ представленіемъ карликовъ—

¹⁾ Я. Гриммъ, говоря о daumerling'ъ, приводитъ сказанія, въ которыхъ, согласно съ мнѣніемъ о малюткѣ-молніи, плавающей въ дождевомъ морѣ, мальчикъ-съ пальчикъ представляется носящимся по морскимъ волнамъ. Когда наступилъ потопъ и воды покрыли вселенную—Вишну, въ образѣ крохотнаго дитяти, плавалъ на листѣ фиговаго дерева (о которомъ см. стр. 277) по молочному морю.—²⁾ Н. Р. Ск., V, 21; Шлейхеръ, 7-8; Сказ Грим., 37, 45; Ск. Норв., II, 14; Zeitsch. für D. M., I, 48-49, 381; Гяль, 55. 99.—³⁾ D. Myth., 414.—⁴⁾ Оранб. Г. В. 1851, 9; Записка Авдѣев., 140-2; Абев., 227; Иллюстр. 1846, 333.

кузнецами. Кромѣ червей, сверчковъ и кузнечиковъ, карлики были уподобляемы и другимъ мелкимъ насѣкомымъ: что въ древнѣйшихъ сказаніяхъ приписывалось эльфамъ и цвергамъ, то теперешнія сказки относятъ къ трудолюбивымъ пчеламъ и муравьямъ, которые представляются маленькими, разумными народами, живущими подъ властію своихъ царей и царицъ ¹⁾). Пчела принималась за воплощеніе молніи, сосущей изъ облаковъ небесный медъ; какъ эльфы зародились первоначально въ трупѣ великана, такъ подобное-же происхожденіе изъ сгнившаго мяса соединяютъ преданія и съ пчелами (I, 381—5). Ниже (въ гл. XXIV) мы увидимъ, что карлики-души олицетворялись бабочками, которыя изъ ползучихъ червей (личинокъ) преобразуются въ легкокрылыя созданія, и другими насѣкомыми, осужденными подлежать той-же метаморфозѣ.

По любопытному свидѣтельству Младшей Эды, Торъ провелъ однажды цѣлую ночь въ жизницѣ великановой перчатки. Виѣстъ съ Локи и слугою Тіальфи, отправился онъ въ жилище іотовъ; на пути остановились они ночевать въ лѣсу—въ одномъ странномъ зданіи, дверь котораго была шириною во весь домъ. По утру, напуганные страшнымъ шумомъ, громомъ и землетрясеніемъ, они бросились изъ своего убѣжища и увидѣли огромнаго великана Скримира (Skrýmir); шумъ и громъ происходили отъ его храпѣнья, а ночевалъ Торъ съ своими товарищами въ его рукавицѣ. Ночь — метафора мрака отъ сгущенныхъ облаковъ; богъ-громовникъ или сама молнія покоится въ великанѣ-тучѣ, и только при ударахъ грома пробуждается отъ сна и выходитъ изъ своей тяжелой спальни. Увидавъ исполина, Торъ ударилъ его въ голову своимъ молотомъ; но Скримиръ даже не тронулся; «кажись,

¹⁾ Irische elfenmärch., LXXXIX.

древесный листъ упалъ мнѣ на волосы!» сказалъ онъ. Два другіе удара, нанесенные Тороуъ, оказались также безсильными; великанъ думалъ, что на него свалился мохъ или жолудь ¹⁾. Преданіе это, во всей своей свѣжести, сохраняется и въ былинахъ русскаго народа: Илья Муромецъ (=Перунъ) очутился въ глубокомъ карманѣ Святогора, который былъ такъ громаденъ, что головой въ облака упирался ²⁾. Напрасно онъ и другой богатырь Добрыня пробуютъ надъ великанами силу своихъ ударовъ, отъ которыхъ разлетаются въ щепы вѣковые дубы; великаны или вовсе не замѣчаютъ этихъ ударовъ, или принимаютъ ихъ за ничтожное ужаленіе комаровъ. О великанѣ Оферушѣ (=св. Христофорѣ) католическая легенда говоритъ, что онъ въ большомъ пальцѣ своей рукавицы отпраздновалъ сестриную свадьбу (=брачный союзъ громовника съ облачною дѣвою). Очевидно, что въ приведенныхъ сказаніяхъ богъ-метатель молній выступаетъ съ характеромъ карлика, приравнивается мальчику-съ пальчикъ, и согласно съ этимъ самые удары его представляются нечувствительными для исполиновъ-тучъ. Но если не открытою силою, то своимъ лукавствомъ и изворотливостью карлики страшно-опасны великанамъ (см. выше стр. 719—о пахарѣ, котораго привѣсь великанъ въ своей перчаткѣ). Въ финской поэмѣ Вейнемейненъ, проглоченный великаномъ Випуненомъ, развелъ въ его брюхѣ огонь (=молніи) и принялся ковать; стукъ, пламя и дымъ причинили Випунену столько боли и безпокойства, что онъ вынужденъ былъ умолять своего противника о пощадѣ и сообщить ему свои чародѣйныя заклинанія (=громовые глаголы—см. выше стр. 152-3). Точно такъ, по свидѣтельству сказокъ, мальчикъ-съ пальчикъ попадаетъ въ брюхо черной

¹⁾ Die Götterwelt, 221-2.—²⁾ Болгарская сказка (Филолог. Записки 1866, IV-V, 90) заставляетъ своего героя прятаться въ пустой зубъ великана.

корова, которая проглотила его вмѣстѣ съ клокомъ сѣна; очутившись въ совершенныхъ потѣмкахъ, мальчикъ-съ пальчикъ подымаетъ такой шумъ, что испуганный хозяинъ убиваетъ корову, а брошенную требуху, вмѣстѣ съ заключеннымъ въ ней карликомъ, проглатываетъ бѣжавшій мимо волкъ. Но и въ желудкѣ волка онъ не теряетъ бодрости: какъ только залушаетъ звѣрь поживиться чужимъ добромъ, лукавый мальчикъ подымаетъ крикъ, призывая людей бить вора; пришлось бѣдному волку хоть съ голода помирать, и наконецъ онъ таки заплатился своею шкурою. Когда хищный звѣрь былъ убитъ, мальчикъ-съ пальчикъ освободился изъ своей темницы. И корова, и волкъ — зооморфическія олицетворенія тучи, поглощающей въ свою утробу малютку-молнію и гибнущей подъ ударами грозы; крики карлика—метафора грома. Весьма вѣроятно, что въ большей части дѣтскихъ сказокъ, посвященныхъ животнымъ (*thiermägchen*), таятся ивническія основы; если, при настоящемъ состояніи науки, основы эти и не вездѣ выяснены, то относительно нѣкоторыхъ сказокъ замѣчаніе наше уже не можетъ возбуждать сомнѣній. Такова сказка о волкѣ и козѣ¹⁾. Вмѣсто хитраго карлика, волкъ (=туча) проглатываетъ маленькихъ козлятъ, т. е. грозовыхъ духовъ въ ихъ животненномъ воплощеніи, и потомъ сгораетъ въ грозевомъ пламени или тонетъ въ дождевыхъ потокахъ: мстительная коза, по однимъ вариантамъ, заманиваетъ волка въ огненную яму, гдѣ онъ лопается отъ жару, а изъ брюха его выскакиваютъ живые козлятки; по другимъ же вариантамъ, она разрѣзываетъ сонному волку брюхо, освобождаетъ оттуда козлятъ и въ замѣну ихъ кладетъ тяжелыя каменья; томимый жаждою, волкъ идетъ къ источнику, но камни увлекаютъ его въ глубину—и онъ тонетъ. Что здѣсь дѣйствуютъ

¹⁾ Н. Р. Сл., II, 4; IV, 17; Сказ. Грим., 5; Zeitsch. für D. M., I, 469.

не простые звѣря, а волкъ-туча и Торovy козлята, это очевидно изъ самой обстановки сказки: прежде, нежели удалось волку пожрать козлятокъ, онъ обращается къ кузнецу съ просьбою выковать ему тонкой голосъ, т. е. надѣлать его тѣми-же грозowymi звуками, какія слышатся во время кузнечной работы карликовъ (см. выше стр. 482); попадая въ волчье брюхо, козлята не умираютъ и, подобно мальчику-съ пальчикъ, выходятъ изъ своей временной темницы веселыми и рѣвыми; наконецъ замѣна ихъ камнями ставтъ въ связи съ представленіемъ молній каменными орудіями. Нѣкогда цверги, рассказываетъ нѣмецкая сага, вложили спящему великану въ ноздрю большой камень (=donnerstein); великанъ вскочилъ, долуулъ носомъ—и камень полетѣлъ съ такою силою, что раздробилъ гору (=тучу); все кругомъ задрожало, и цверги навѣрно были бы уничтожены, если бы не ударилъ громъ и не поразилъ великана¹⁾.

Приведенный нами эпизодъ о встрѣчѣ бога-громовника съ Скримиромъ Эдда продолжаетъ такъ: Скримиръ предлагаетъ себя въ спутники Тору и его товарищамъ, доводитъ ихъ до самыхъ горъ Утгарда (=Ausgard—внѣшній міръ, царство великановъ и демоновъ) и тамъ разстается съ ними. Странники входятъ въ высокой городъ царя великановъ Utgardhaloki: такъ названъ Локи, какъ демоническій владыка Утгарда; такимъ образомъ, подъ вліяніемъ различныхъ возрѣвій, Локи раздвоится на два отдѣльныхъ лица: съ одной стороны онъ—товарищъ Тора, а съ другой—враждебный ему демонъ. Царь вызываетъ гостей на состязаніе, и вслѣдъ за тѣми начинается рассказъ о ихъ чудесныхъ подвигахъ, близко-сходныхъ съ тѣми, какіе совершаютъ нашъ сказочный герой и его помощники: Объядало, Опивало и Скороходъ (стр. 703-8). Прежде всѣхъ

¹⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 324.

заявляетъ себя Локи; онъ похвастался своимъ обжорствомъ и долженъ былъ состязаться съ ненасытнымъ Logi. Царь приказалъ поставить передъ ними огромное корыто съ рыбою; оба соперника бросились на яству съ одинаковою жадностью—одинъ съ одного конца корыта, другой съ другаго, и встрѣтились на его срединѣ. Но Локи ѣлъ только мясо, а Логи вмѣстѣ съ мясомъ пожиралъ и самыя кости и корыто, и потому побѣда осталась за нимъ. Потомъ Тіальфи спорить въ быстротѣ бѣга съ легконогимъ Hugi, который трижды его обгоняетъ. Самъ Торъ выступаетъ, какъ Оливало, Царь указываетъ ему рогъ, изъ котораго пьютъ великаны; принялся Торъ опорожнить этотъ сосудъ, но сколько ни свлялся—не выпилъ и половины. Издѣваясь надъ славнѣйшимъ изъ боговъ, царь предлагаетъ ему два другихъ опыта: поднять громадную сѣрую кошку и поборотся съ старухою Elli; Торъ и тутъ вынужденъ былъ сознаться побѣжденнымъ: онъ могъ приподнять только одну кошачью лапу, а Элли повалила его наземъ. На другой день, провожая гостей, царь открываетъ Тору и его спутникамъ, что великанъ Скримиръ, встрѣченный ими въ лѣсу, былъ онъ самъ, что три удара нанесены Торovýmъ молотомъ не въ его черепъ, а въ скалы; Локи не могъ одолѣть своего соперника, потому что состязался съ дикимъ огнемъ (logi — огонь, жаръ), который пожигалъ и кости и дерево; Тіальфи не могъ обогнать Гуги, потому что спорилъ съ быстротою мысли (hugi) царственного великана; рогъ, изъ котораго пилъ Торъ, былъ погруженъ въ море, и хотя отъ усилій бога произошелъ морской приливъ, но онъ не въ состояніи былъ вытянуть всю воду; кошка, лапу которой приподнял могучій громовникъ, была не что иное, какъ великій змѣй Мидгарда, обвивающій собою всю землю; а боролся Торъ съ старостью (буквальный переводъ имени Elli). Разгнѣванный Торъ замахивается на царя великановъ своимъ молотомъ; Utgardha-

loki и его городъ мгновенно исчезаютъ, и на мѣстѣ послѣдняго возникаютъ зеленѣющіе луга¹⁾. Послѣдняя половина сказанія, состоящая въ поясненіи мива, вызвана тою неясностью древнихъ представленій, которая уже чувствовалась въ XIII столѣтіи — при составленіи Младшей Эдды, когда надо было возстановить утраченный въ народномъ сознаніи смыслъ старинныхъ словъ и напомнить, что великаны тучъ угодоблялись скаламъ, что чудовищная кошка есть только особенный образъ исполнскаго змѣя, а напитокъ, утоляющій жажду Тора и великановъ, поглощается ими изъ воздушнаго — дождеваго моря. Пользуясь этими указаніями, снимемъ съ мива его поэтическій покровъ и обнажимъ заключенную въ немъ мысль: въ зимнюю пору богъ-громовникъ исчезаетъ изъ свѣтлаго міра асовъ и скрывается, съ своими обычными помощниками, въ мрачной области великановъ. Сила его ослабѣваетъ: удары, наносимые имъ великану, уже не поражаютъ его смертельно. ибо, подъ вліяніемъ стужи, дождевыя тучи цѣпенѣютъ и превращаются въ твердыя скалы; пожирающее пламя его молній уступаетъ силѣ демоновъ, владѣющихъ подземнымъ огнемъ, а скорость его полета — быстротѣ надвигающихся на небо облаковъ, въ которыхъ древнѣйшая поэзія усматривала мозгъ — сѣдалище ума, или самыя мысли великана (см. I, 118): Торъ уже не въ состояніи осушать дождевые источники, не въ состояніи потрясать небеснымъ окіаномъ, въ видѣ змѣя окружающимъ землю, и падаетъ въ борьбѣ съ Зимой, которая на метафорическомъ языкѣ обыкновенно называется старостью природы. Но какъ скоро покидаетъ онъ страну демоновъ, а это совершается при возвратѣ весны, — сила его начинаетъ дѣйствовать быстро и могущественно: отъ взмаха его молота исчезаютъ великаны мрака и холода и земля покрывается свѣжею зеленью.

¹⁾ Die Gotterwelt, 222-4.

Одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ мотивовъ, встречаемыхъ въ народномъ эпосѣ индоевропейскихъ племенъ, — это споръ и состязаніе громовника съ великаномъ или демономъ: кто изъ нихъ сильнѣе? Опыты своей силы они заявляютъ бросаніемъ скалъ, богатырскимъ свистомъ, могучими ударами, пожираніемъ яствъ и поглощеніемъ напитковъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно-любопытна русская сказка «о батракѣ и чортѣ», нечуждая впрочемъ и другимъ народамъ ¹⁾. Въ разныхъ мѣстностяхъ она передается съ разнообразными отиѣнами; при развитіи ея основной мысли, фантазія допустила два главныхъ видоизмѣненія: въ одномъ разрядѣ вариантовъ герой сказки не отличается особенною крѣпостью мышцъ, и если беретъ верхъ надъ чортомъ, то единственно хитростью; въ другихъ же вариантахъ — фантазія надѣляетъ его, вмѣстѣ съ хитростью, и необычайной сверхъестественной силою, влѣдствіе чего онъ сближается съ богатырями стихійной породы: удары его также стремительны и страшны, какъ удары грома. Русское преданіе даетъ этому герою знаменательное имя Балда, что прямо свидѣтельствуетъ за его близкое родство съ Перуномъ и Торомъ. Слово балда (отъ санскр. bhag = bhak — разить, ударять, рубить; отъ того-же корня происходятъ: болтъ и булава) означаетъ: большой молотъ, колотушка, дубинка, палица ²⁾. Какъ собственное имя героя, оно должно указывать на его наиболѣе существенный и характеристичный признакъ; а чѣмъ-же такъ рѣзко отличаются Перунъ и Торъ отъ прочихъ боговъ и демоновъ, какъ не своею молниеносной палицей и молотомъ? Понятна

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 9; VI, 10, 11; Сочин. Пушкина, изд. Анненкова, I, 441; Худяк., 27, 71, 95; Эрленвейн., 29; Семеньск., 138-141; Иллюстр. 1848. № 27; Сынъ Отеч. 1839, III, смѣсь, 22-25; Westsl Märch., 164-7; Шоттъ, 233-5; Сказ. Грим., 90. — ²⁾ Толков. Слов., I. 38; Зип. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 582.

поэтому та великая богатырская мощь, какую надѣляется Балда въ сказкахъ: онъ можетъ давать такіе щелчки, что отъ нихъ падаютъ мертвыми быкъ и медвѣдь, и такіе шипки, что съ самаго сильнаго быка, котораго не могутъ сдержатъ нѣсколько мужиковъ, сразу слѣзаетъ вся шкура; эта страшная сила пальцевъ объясняется изъ мифическаго представленія молніи божественнымъ перстомъ, которымъ громовникъ побиваетъ небесныхъ быковъ и срываетъ съ нихъ облачныя шкуры (сравни выше, стр. 590). Туже эпическую черту встрѣчаемъ и въ преданіяхъ другихъ народовъ; такъ въ нѣмецкой сказкѣ герой убиваетъ горнаго великана тремя пальцами ¹⁾, а въ сборникѣ Гана ²⁾ королевичъ признается, что вся его сила заключается только въ двухъ пальцахъ. Посланный отобрать у нечистыхъ золото, Балда отправляется на чортову мельницу (см. I, 295), слѣзъ на плотвицѣ и принялся вить веревку. Вдругъ выпрыгнулъ изъ воды чортъ: «Батракъ! что ты дѣлаешь?» — Чай самъ видишь: веревку вью. «На что тебѣ веревка?» — Хочу васъ чертей изъ воды таскать да на солнышкѣ сушить; а то вы окайнные совѣзмъ перемокли! «Какъ-же будешь ты чертей таскать? вѣдь наши омуты бездонные. — Велика важность! у меня есть на то веревка такая: сколько хочешь итрай, все конца не доберешься. — А ну, покажи!» Батракъ связалъ оба конца веревки и подалъ чорту; ужъ тотъ итрай, итрай — все конца нѣту. Бѣсъ приунылъ, готовъ на выкупъ идти. «Ну что-жь? говоритъ батракъ; я не прочь, коли насыпите этотъ шлыкъ золотомъ.» — Постой, надо старшова спросить! сказалъ чортъ и нырулъ въ воду. Батракъ сейчасъ за лопату, вырылъ глубокую яму, прикрылъ ее сверху хворостомъ, по-середкѣ свой шлыкъ поставилъ, а въ шлыкѣ зѣгодя дыру вырѣзалъ. Воротился чортъ:

¹⁾ Вольфъ. 269 — ²⁾ Ганъ, II, стр. 235.

«дѣдушка говорить, чтобы наперѣдъ попытать твоей силы; давай-ка бороться!» — Гдѣ тебѣ со мной бороться! да ты не сладишь съ моимъ середнимъ братомъ Мишкой. «А гдѣ твой Мишка?» — Вонъ, подъ кустикомъ отдыхаетъ (говоритъ батракъ, показывая на медвѣдя); ступай, ударь его по боку, онъ сейчасъ подымется. Пошелъ чортъ, хватилъ медвѣдя дубинкою; поднялся Мишка на дыбки, скрутилъ нечистаго такъ, что у него всѣ кости затрещали: насилу вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ. «Давай, говоритъ батраку, попробуемъ теперь въ запуски: кто кого обгонитъ?» — Куда тебѣ со мной въ запуски бѣгать! мой меньшей братишка Зайнъка — и тотъ тебя далеко опередитъ. «Да гдѣ онъ?» — Вонъ въ травѣ лежитъ, отдыхаетъ. Побѣжалъ чортъ, тронулъ зайца за ушко; тотъ какъ прыснулъ — только и видѣлъ его нечистой. «Ну, батракъ! говоритъ чортъ, попытаемъ: кто крѣпче свистнетъ?» — Пожалуй! Чортъ свистнулъ такъ громко, что съ деревьевъ листья посыпались. «Хорошо свистишь, отозвался батракъ, а все не по моему! Какъ я свистну — тебѣ на ногахъ не устоять и уши твои не вынесутъ... Ложись ничкомъ наземъ да заткни уши пальцами.» Чортъ послушался, а батракъ взялъ дубину да со всего размаху какъ хватить его по головѣ: у чорта ажно искры изъ глазъ посыпались, еле съ земли поднялся! бросился въ омутъ и притащилъ оттуда желѣзную дубинку: «давай, батракъ, пробовать — кто изъ насъ выше вскинетъ эту дубинку на воздухъ?» — Кидай ты прежде. Чортъ кинулъ — и дубинка съ гуломъ полетѣла высоко-высоко, а какъ назадъ упала — такъ земля и пошла ходенемъ. Взялъ батракъ дубинку — тяжела! оперся на нее и началъ пристально глядѣть на небо. «Чтожъ ты не бросаешь? чего ждешь?» спрашиваетъ чортъ. — Жду, когда вонъ эта тучка подойдетъ; тамъ сидитъ мой братъ кузнецъ, къ нему и вскину: желѣзо-то ему пригодится! «Что ты! не забрасывай, а то дѣдушка разсердится.» Выхва-

тмъ чортъ дубинку, нырнулъ на дно и явился съ докладомъ къ дѣду-сатанѣ. Испуганный сатана велѣлъ поскорѣе таскать золото. Принялись черти за работу, и долго-долго таскали золото, пока наконецъ наполнили и дырявой шлыкъ, и скрытую подъ нимъ яму. Не смотря на шуточный тонъ разсказа — плодъ позднѣйшей обработки преданія, древнія черты могучаго громовника, побѣдителя демоновъ, еще донынѣ довольно живо выступаютъ въ нашемъ сказочномъ героѣ. Онъ называетъ своихъ братьями: а) медвѣдя, который въ ивонческихъ сказаніяхъ старины обозначаетъ то дождевую тучу, то самого Перуна, какъ поглотителя небеснаго меда (= дождя); б) зайца, въ образъ котораго олицетворялся быстрый, неуловимый бѣгъ молніи, и в) кузнеца, обитающаго въ тучѣ, по извѣстной связи кузнечнаго ремесла съ грозой. Уступая медвѣдю въ силѣ и зайцу въ быстротѣ, чортъ собственно уступаетъ Балдѣ. Животныя эти замѣняютъ собою тѣхъ славныхъ спутниковъ, въ сообществѣ съ которыми выходитъ громовникъ на свои подвиги: заяцъ играетъ роль Скорохода а медвѣдь соответствуетъ богатырю Ивану-Медвѣдку (см. ниже). Вмѣсто эпизода о бросаніи желѣзной дубинки (= громовой палицы),—въ сказкѣ, напечатанной въ сборникѣ Венжигга ¹⁾, богатырь Юра держитъ закладъ съ чортомъ: кто выше подброситъ мельничныи жорновъ (о ивонческой связи грозы съ жорновомъ см. I, 290—1); чортъ подбросилъ жорновъ такъ высоко, что камень оставался въ воздухѣ пять минутъ, а когда дошла очередь до Юры—камень упалъ на землю черезъ два часа. Очевидно, что и Балда не затруднился бы закинуть желѣзную дубинку въ летучее облако. Конечнымъ результатомъ состязанія Балды съ чортомъ было обрѣтеніе великихъ сокровищъ. Побѣжденный чортъ выносить изъ сво

¹⁾ Westsl. Märch., 124-7.

нхъ темныхъ омутовъ несмѣтныя груды золота и отдаетъ счастливому сопернику, т. е. благодаря побѣдѣ, одержанной Перуномъ надъ злыми демонами, золотое солнце выходитъ изъ мрака дождевыхъ тучъ и снова начинаетъ сіять на высокому небѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что приведенное нами сказаніе нѣкогда передавалось болѣе-серьезнымъ эпическимъ тономъ, и герой выступалъ дѣйствительно сильно-могучимъ богатыремъ. Но впоследствии, когда съ одной стороны основа преданія болѣе или менѣе затемнилась въ народномъ сознаниіи, а съ другой выступилъ впередъ народный юморъ и овладѣлъ многими изъ эпическихъ сказаній, налагая на нихъ свои тѣни и краски,—прежній герой (согласно съ указаннымъ нами представленіемъ громовника лукавымъ карликомъ) преобразился, низшелъ до ничтожныхъ размѣровъ человѣческой природы и сталъ одо- лѣвать великановъ-демоновъ уже ни силою удара, ни крѣпостью мышцъ, ни громовыми звуками голоса, а изворотливостью хитраго ума. Отсюда возникъ цѣлый рядъ насмѣшливыхъ разсказовъ, въ которыхъ чортъ играетъ весьма жалкую роль недогадливаго простяка—подобно тому, какъ таже роль выпала и на долю великановъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ большей части народныхъ сказокъ, гдѣ выводится на сцену нечистый духъ, преобладаетъ шуточно-сатирическій складъ. Чортъ въ сказкахъ не столько страшный губитель христіанскихъ душъ, сколько жертва людскихъ обмановъ: то больно достается ему отъ злой жены, то бьетъ его солдатъ прикладомъ и желѣзными прутьями, то попадаетъ онъ подъ кузнечные молоты, то обшѣриваетъ его мужикъ при уплатѣ занятыхъ денегъ. Это, очевидно, — не тотъ типъ, какой выработанъ въ христіанской догматикѣ; напротивъ, всѣ сказочныя подробности убѣждаютъ насъ, что подъ именемъ чорта здѣсь скрывается демонъ древнѣйшей, языческой эпохи. Точно такимъ-же простакомъ въ одной изъ русскихъ сказокъ

представленъ змѣй, обманутый слабосильнымъ, но хитрымъ цыганомъ ¹⁾. Змѣй похваляется проглотить цыгана. «Врешь, подавишься!» отвѣчаетъ тотъ. — Чтожь, развѣ ты сильнѣе меня? «Еще бы! чай самъ знаешь, что у меня сила больше твоей.»—А ну давай-попробуемъ: кто кого сильнѣе? «Давай!» Змѣй досталъ жерновъ: «смотри — я этотъ камень одной рукой раздавлю.» Взялъ камень въ горсть и стиснулъ такъ крѣпко, что онъ въ мелкой песокъ рассыпался: искры такъ и запырпали! «Экое диво! говорить цыганъ, а ты сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла. Гляди, какъ я сожму!» Схватилъ узелокъ творогу, сдавилъ — и потекла сыворотка. «Правда, рука твоя сильнѣе моею, говоритъ змѣй, а вотъ попробуемъ: кто изъ насъ крѣпче свистнетъ?» Свистнулъ змѣй — со всѣхъ деревьевъ листья осыпались. «Хорошо свистишь, да не лучше моего, сказалъ цыганъ. Завяжи-ка напередъ свои глаза, а то какъ свистну — они у тебя изъ лба повыскочутъ!» Змѣй завязалъ глаза платкомъ; цыганъ подналъ дубину да какъ свистнетъ его по башкѣ — змѣй во все горло закричалъ: «полно, полно! не свисти больше, и съ одного разу чуть глаза не вылезли.» Эта хитрость, основанная на игрѣ двойнымъ значеніемъ слова свистнуть (произвести звукъ и ударить), встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ состязаніи Бадды съ чортомъ. Послѣ того змѣй побратался съ цыганомъ и посылаетъ его: «принеси быка на обѣдъ»; цыганъ пошелъ въ степь, видитъ — пасется большое стадо воловъ, давай ихъ ловить да другъ къ другу за хвосты связывать. Змѣй ждалъ-ждалъ, не выдержалъ и побѣжалъ самъ: «что такъ долго?» — А вотъ постой: навяжу штукъ пятьдесятъ да за одинъ разъ и поволоку всѣхъ домой. «Экой ты! будешь и одного», сказалъ змѣй, ухватилъ самого жирнаго быка

¹⁾ Н. Р. Ск., V, 25.

за хвостъ, слернулъ съ него шкуру, мясо взвалилъ на плечи и потащилъ варить, а цыгану наказалъ принести полную шкуру воды. Цыганъ пришелъ къ колодезю и сталъ его кругомъ окапывать. Змѣй опять не выдержалъ, прибѣжалъ и спрашиваетъ: «что ты дѣлаешь?» — Хочу колодезь кругомъ окопать да весь и притащить въ избу, чтобъ не нужно было ходить по воду. «Много, братъ, затѣваешь!» Опустилъ змѣй въ колодезь шкуру, набралъ воды и понёсъ домой. «А ты, говоришь цыгану, ступай пока въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волокни: пора огонь разводять!» Цыганъ пошелъ въ лѣсъ, свилъ длинную веревку и принялся дубы опутывать. Змѣй снова бѣжить: «что мѣшкаешь?» — Да вотъ хочу дубовъ двадцать зацѣпить веревкою и тащить всё за одинъ разъ, чтобъ нѣдолго хватило. «Экой ты! все по своему дѣлаешь», сказалъ змѣй, вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ домой. Цыганъ притворился, что крѣпко сердитъ, надулъ губы и сидитъ молча. Змѣй зоветъ его обѣдать, а онъ съ сердцемъ отвѣчаетъ: «не хочу!» Вотъ змѣй сожралъ цѣлаго быка, выпилъ воловью шкуру воды, и сталъ цыгана допрашивать: «скажи, братъ, за что серднишься?» — А за то: чтó я ни едѣлаю — все не такъ, все не по твоему! «Ну, не сердись, поширися!» Поширился, и собрался змѣй ѣхать къ цыгану въ гости. Какъ стали они подѣзжать къ табору, увидали цыганята своего отца, бѣгутъ къ нему на встрѣчу голые да во все горло кричатъ: «батько прѣехалъ! змѣя привёзъ!» Змѣй испугался, спрашиваетъ цыгана: «это кто?» — А то мои дѣти! чай голодны теперь; смотри, какъ за тебя прѣймутся! Змѣй изъ повозки да поскорѣе бѣжать — такъ и скрылся! Сказка эта извѣстна у разныхъ народовъ ¹⁾: у померанскихъ кашубовъ и венгровъ

¹⁾ Эрбенъ, 140-2; Эгн. Сб., V, № 9; Ганъ, 18, 23; Штиръ, стр. 109; Сказ. Грим., 20. Въ норвежской сказкѣ (I, 6) чортъ спорить съ хитрымъ Aschenbrödel (см. о немъ выше, стр. 483): кто изъ нихъ

вѣсто змѣя заступаетъ великанъ столь громаднхъ развѣрвъ, что сказочный герой свободно помѣщается въ палецъ его рукавицы. Изъ сравненія приведенныхъ нами преданій ясно, что чортъ, съ которымъ состязается Балда, есть не болѣе, какъ замѣна мнѣчскаго змѣя или великана; а цыганъ, обманывающій змѣя, — такой-же громовникъ, какъ Балда или Торъ, ночующій въ перчаткѣ Скримира, на что указываетъ и вся обстановка сказки: ловля (облачныхъ) быковъ, рытье (дождеваго) источника, возженіе Перунова дерева (грозовымъ) пламенемъ. Старинный мнѣ приписывалъ громовнику выжиманіе молока-дожда изъ камня-тучи; сказка, вѣсто этого, заставляетъ своего героя выжимать творожную сыворотку. Отсюда понятенъ и тотъ страхъ, какой обнаруживаетъ чудовищный змѣй при видѣ малыхъ цыганятъ, т. е. собственно при появленіи карликовъ — черныхъ эльфовъ. Любопытныя подробности содержитъ въ себѣ нѣмецкій вариантъ сказки, напечатанный въ сборникѣ Гальтриха ¹⁾: «Der listige Schulmeister und der Teufel». Встрѣтившись однажды съ школьнымъ учителемъ, чортъ хотѣлъ было его сцапать. Учитель держалъ въ рукахъ кусокъ сыра; не думая долго, онъ сдвинулъ сыръ и воскликнулъ: «смотри, я такъ тебя стисну, что сокъ потечетъ — вотъ какъ изъ этого камня!» Затѣмъ они начинаютъ состязаться въ силѣ. Послѣ разныхъ испытаній, чортъ предлагаетъ школьному учителю биться на палкахъ. Тотъ согласился, далъ чорту длинную желѣзную палку, себѣ взялъ короткую, подошелъ къ нему близко — почти къ самому рылу, и ну угощать его безчисленными ударами; а чортъ съ своею длинною палкою ничего не могъ сдѣлать на такомъ близкомъ разстояніи. «Го-го! закричалъ онъ,

больше съѣсть? Aschenbrödel привязалъ къ себѣ мѣшокъ и началъ складывать ясты; а чортъ, не желая отстать отъ соперника, до того нажрался, что лопнулъ. — ¹⁾ № 27.

пошѣняемся палками.» — Охотно, отвѣчалъ учитель; но мнѣ кажется—ты порядкомъ утомился, и потому я сдѣлаю тебѣ еще большую уступку: полѣзай-ка въ свиной хлѣвъ! это сколько-нибудь защититъ тебя отъ монхъ ударовъ. Чортъ взялъ короткую палку и залѣзъ въ свиной хлѣвъ. Учитель сунулъ свой длинный шестъ въ дыру и проткнулъ нечистаго какъ разъ промежь рѣбрь; а чортъ вовсе не могъ достать своего противника. «Довольно! закричалъ онъ, види, что лѣтъ него кровь такъ и прыщетъ; давай теперь царствовать.» — Изволь! только погоди, я принесу свои когти, сказалъ учитель и принесъ два гребня, которыми расчесываютъ пенку; съ помощію этихъ гребней онъ такъ взборонилъ нечистаго, что тотъ запросилъ пощады. Наконецъ чортъ предложилъ последнее испытаніе: «*Lasse uns denn zur guten Letzt noch in die Wette farzen!*» Da Hess der Teufel einen so fürchterlichen los, dass der Schulmeister bis an die Zimmerecke hinaufflog. «*Was machst du da oben?*» sprach der Teufel.—Ich verstopfe die Ritzen und Löcher, damit du, wenn ich jetzt einen Pumps lasse, nicht hinaus kannst und an der Decke zerschmetterst!» Чортъ до того испугался, что волоса у него стали дыбомъ, и не дожидаясь опыта—убѣжалъ. Въ раскатахъ грома и свистѣ бури древній человѣкъ узнавалъ тѣ нестройные звуки, какіе демонъ-ту-ча или самъ громовникъ испускаетъ заднимъ проходомъ изъ своего пресыщеннаго брюха. Эта метафора, по теперешнимъ понятіямъ—и неграціозная, и не совѣтъ опрятная, нисколько не оскорбляла чувства нравственнаго приличія нашихъ отдаленныхъ предковъ; ко всѣмъ явленіямъ природы они относились съ наивною откровенностью ребенка и не церемонились въ своихъ сближеніяхъ, на какія наводили ихъ родной языкъ и неудержимое стремленіе повсюду отыскивать аналогическія черты. Санскр. *bhastrā*—раздувательный мѣхъ (отъ звуко-подражательнаго корня *bhas*, *bhus*, *bhis* — дуть, софѣтъ,

пыхтѣть) стоитъ въ связи съ рус. бздѣти, литов. бездетн и бездас (безас) — holunder, bauchwind ¹⁾; у насъ доселѣ употребительно общепонятное выраженіе: испускать вѣтры. Сказочный богатырь Морозъ-Трескунъ является иногда подъ именемъ Мороза-Пердуна: «въ одинъ уголь пердулъ, въ другой бзднулъ — ужь вездѣ нией и сосульки висятъ.» О мнѣческихъ (облачныхъ) коняхъ русскій народный эпосъ говоритъ, что они выкидываютъ задомъ горячія головешки, т. е. молніи (I, 636); а въ Германіи сохранилось повѣрье, что для защиты себя отъ вѣдьмъ, драконовъ и вообще нечистыхъ духовъ, которыхъ только и можетъ напугать одинъ громъ небесный, достаточно показать обнаженную задницу ²⁾. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки, героемъ которой выставленъ мальчикъ-съ пальчикъ, такъ рассказывается о его рожденіи: жили-были старикъ со старухою, дожили до преклонныхъ лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было, и вотъ задумали они добыть себѣ сына: взяли кувшинъ и давай въ него «пускать вѣтры»; только это сдѣлали, какъ выскочилъ изъ кувшина крохотный мальчикъ, и назвали его старикъ со старухою — сынъ окъ-бздунъ ³⁾. — Чортъ, такъ неудачно состязавшійся съ школьнымъ учителемъ, долженъ былъ принести ему цѣлый мѣшокъ золота. Когда нечистой стало приближаться къ школѣ, дѣти, наученные своимъ хитрымъ наставникомъ, высунулись изъ оконъ и закричали: «а я хочу чортова мяса! и я хочу чортова мяса!» Испуганный чортъ бросилъ мѣшокъ съ золотомъ и убѣжалъ въ пекло — эпизодъ, тождественный съ вышеописанною встрѣчкою змѣя цыганятами: змѣй или демонъ-туча, гонимый малютками-молніями, исчеза-

¹⁾ Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 580. — ²⁾ Der heutige Volksglaube, 120; Beiträge zur D. Myth., II, 329. — ³⁾ Эти данныя могутъ служить объясненіемъ для сказки, напечатанной нами въ VII выпускѣ, стр. 305.

еть, и просвѣтленное солнце рассыпаетъ свои золотые лучи на весь мѣръ.

Мальчикъ-съ пальчикъ повсегда одолеваетъ только хитростью да лукавствомъ; будучи воплощеніемъ, равнозначущимъ той громовой палицѣ, которою Перунъ разитъ демоновъ, онъ представляется иногда могучимъ силачомъ, побѣдителемъ чорта или змѣевъ. Таково содержаніе херутанской приповѣдки¹⁾: красавица-сестра несетъ въ поле обѣдъ братьямъ, которые нарочно провели сохой борозду, чтобы она знала— какой дорогой идти; а нечестый (уга г—врагъ — чортъ, старовѣм. waг — волкъ, демоническій предоставитель тучи, гибнущій, по свидѣтельству нашей сказки, отъ козней мальчика-съ пальчикъ) прооралъ другую борозду (сравни I, 560). Дѣвица не попала на настоящій путь и очутилась во власти чорта. Братья отправляются освобождать ее и приходятъ къ похитителю; чортъ ѣстъ олово, подкуетъ и ихъ тѣмъ-же кушаньемъ, но они отказываются; затѣмъ рубить имъ головы и забрасываетъ ихъ въ олово. Не осталось у бѣдной матери дѣтей, стала она молить Бога, и родила малютку по имени Раіѣек: съ перваго дня Пальчикъ уже ходилъ, на другой день началъ говорить, а на третій узналъ про судьбу своихъ братьевъ и сестры и поспѣшилъ къ чорту. Нечестый приказалъ подать полную чашку олова; Пальчикъ съѣлъ все дочиста. Пошли пробовать снау; чортъ подбросилъ мечъ такъ высоко, что его полдня назадъ не бывало, а Пальчикъ подбросилъ — мечъ полгода не ворочался. Начали другъ друга кидать; Пальчикъ ухватилъ чорта, забросилъ въ олово и сталъ распрашивать про братьевъ. Чортъ указалъ ихъ головы и туловища, велѣлъ помазать шею мазью и ударить палицею; какъ скоро это было сдѣлано—братья ожили. Тогда Пальчикъ отсѣкъ нечистому голову и освободилъ свою сестру. Сказка эта извест-

¹⁾ Сб. Ваянца, 116-9.

на и на Руси; но мѣсто чорта въ русской редакціи занимаетъ лютый, многоглавый змѣй, а роль Пальчика играетъ богатырь Покатигорошекъ¹⁾. Названъ онъ такъ потому, что рождается отъ горошины, какъ плодъ отъ сѣмени (см. выше стр. 491—2). Идетъ мать его царица пѣ воду, только зачерпнула ведромъ — какъ катится по дорогѣ горошинка и прямо въ ведро; взяла царица горошинку и проглотила, и вотъ разбухло у ней во чревѣ зерно, сдѣлалась она беременна и родила сына. Еще дитятею узнаетъ онъ, что сестру его схватилъ змѣй и унесъ на крыльяхъ вихря въ горы (=тучи), а старшихъ братьевъ на смерть побилъ. Покатигорошекъ велитъ кузнецамъ сковать себѣ семипудовую булаву (въ другомъ спискѣ — булаву въ пятьсотъ пудовъ), и пробуя ея крѣпость, бросаетъ за облака: словно громъ загремѣлъ — понеслась булава высоко-высоко въ поднебесье и скрылась изъ глазъ; черезъ два часа на третій назадъ вернулась. Когда она падала, Покатигорошекъ подставилъ ей на встрѣчу свое колѣно (или руку) — и булава погнулася. Съ этою булавою и выступаетъ онъ противъ змѣя. Въ народѣ сохранилось смутное преданіе о царѣ Горохѣ; желая обозначить незапамятную старину, малоруссы выражаются: это было еще «за царя Гороша, якъ було людей гроша»; въ западнорусскихъ губерніяхъ существуетъ выраженіе: «помнить царя Гороха»²⁾. Слово горохъ, пол. *groch*, серб. *грах* (грашак) одного происхожденія съ словами: грохъ, грохотъ — стукъ, громъ, грохать (грохнуть, грохотать) — сильно стучать, бить, колотить (сравни огорошить), грохотко — громко³⁾, пол. *gruchotać* — гремѣть, раздроблять на мелкіе куски, *gruchotać się* — рассыпаться, крошиться, *gruchotka* — трещотка, гремушка, серб. *грохати* (грухнуть) — производить стукъ, ударять съ трес-

¹⁾ Н. Р. Ск., III, 2; V, 24; VIII, стр. 367-376. — ²⁾ Номис., 133; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнографіе, I, 460. — ³⁾ Доп. обл. сл., 37.

комъ, обивать зерна кукурузы, ячменя. Подобно тому отъ корня *piç* (*piçh*)—дробить, уязвлять, поражать (лат. *piço* или *piço*—толочь въ ступѣ, молоть, слав. пѣхати, пихати—ударять, толкать, толочь, пахати—рѣзати, орати землю, пестъ—толкачь, чеш. *opiçati*—обдирать пестомъ въ ступѣ зерно, очищать отъ шелухи) образовались: сикр. *piçi*—горохъ, лат. *piçum*, греч. *πιçov*, *πιçoc*, ирл. *piç*, *piçean*, *piçair*, кимр. *piç*; *piçen*, армор. *piç*; отъ того-же корня ирл. *piça*—кусокъ, крупица, кимр. *piçg*—стручья, бобы, *piçwup*—зерна; рус. песокъ (=пѣськъ, т. е. мелкое, смолотое, какъ литов. *smiltis* съ тѣмъ-же значеніемъ отъ *mal*, *malti*—м'олоть), п(ь)шено и п(ь)шеница (великорус. форма: пашено, пашеница; сравни лат. *triticium* отъ *tegege*—тереть). Славян. зерно (зрьно, чешск. *zrno*, илл. *zarno*, пол. *ziarno*, нѣм. *korn*, лат. *granum*, роман. *grain*), получившее въ литовско-латышскихъ нарѣчіяхъ значеніе гороха—*žignis*, *signs*, какъ сибирское зернетъ значеніе овса, происходитъ отъ корня *g̃g*, *g̃ag*—тереть, толочь мельчить (олонец. зерць—порохъ) и родственно съ словами жорновъ, лит. *gigna*¹⁾. Связь означенныхъ понятій возникла въ глубочайшей древности и указываетъ на тогдашнее приготовленіе пищи изъ хлѣбныхъ зеренъ, которыя толклись въ каменной ступѣ (I, 289). Выше мы видѣли, что старинный метафорическій языкъ сблизилъ небесный громъ съ стукомъ жернововъ, а орошеніе полей дождями съ поствомъ, и что богъ-громовникъ, какъ творецъ земнаго плодородія, былъ почитаемъ подателемъ и приготовителемъ насущнаго хлѣба. Виѣсть съ этимъ, подъ неотразимымъ вліаніемъ языка, го-

¹⁾ Пикте, I, 260, 287-290; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф. I, 570; Чт. О. И. и Д. 1865, II, 44; Обл. Сл., 70; Доп. обл. сл., 67. Греч. *χιçoc*, лат. *ciçer*—горохъ Пикте производитъ отъ сикр. корня *k̃* или *g̃*.—толочь, дробить, снимать шелуху.

рохъ является символомъ Перуна или грома и молніи, рождающихся изъ нѣдръ тучи—точно также, какъ, по свидѣтельству мазовецкаго преданія, отъ зеренъ, бросаемыхъ чортомъ, подымается грозовая буря (I, 572). Горошина, отъ которой понесла плодъ сказочная царица, катится по дорогѣ и погружается въ ведро воды, т. е. зерно-молнія упадаетъ въ дожденосный сосудъ (см. выше, стр. 169—о дождяхъ, проливаемыхъ нимфами изъ опрокинутыхъ ведеръ), и тѣмъ самымъ оплодотворяетъ облачную жену. По рассказамъ словенцевъ, папоротникъ, разцвѣтая на Иванову ночь, опадаетъ съ шечкомъ, которое нѣветъ туже силу, что и «Перуновъ цвѣтъ»¹⁾. Уцѣлѣвшія въ простонародьи суевѣрія придаютъ гороху чудесныя свойства: если убить весной змѣю, и разрѣзавъ ей брюхо, положить туда три горошины и потомъ зарыть въ землю, то вырастетъ дорогой цвѣтъ: сорви его, положи въ ротъ—и будешь знать все, что на умѣ у человѣка (сравни съ подобнымъ же преданіемъ о цвѣтѣ папоротника—стр. 383); если гороховой стручокъ о десяти зернахъ положить въ повозку, въ которой женихъ и невѣста собираются ѣхать къ вѣнцу, то лошади не двинутся съ мѣста²⁾; чехи убѣждены, что телега, шпадая колесомъ на стручокъ о девяти или одиннадцати горошинахъ, непремѣнно должна перевернуться. Въ народныхъ образахъ, совершаемыхъ въ честь громовника, носятъ молотъ,

¹⁾ Иличъ, 167-8.—²⁾Лѣт. рус. лѣт., т. IV, отдѣл. 3, 74; Нар. сл. раз., 158. Въ одной рукописной тетради, обращавшейся въ народѣ, мы нашли указаніе на слѣдующую чару: чтобы остановить свадебный поѣздъ, должно взять стручокъ о девяти зернахъ, и ударить имъ по крестцу коренной лошади. приговаривать: «вотъ тебя, сивой! (или пѣгой, вороной и проч.—смотря по шерсти лошади) левить четвертей гороху, свать да сваха, женихъ да невѣста, да чорту большое мѣсто; а ты стой да постой, съ мѣста не тронь—отымѣ и до вѣку, аминь.» После приговора стручокъ тайно кладется подъ сидѣнье молодыхъ.

обвитый гороховою соломой (I, 387); по мѣстнѣ чеховъ, горохъ слѣдуетъ сѣять въ Зеленыи четвергъ — въ день, посвященный Церуну; сажая хлѣбы въ печь, они бросаютъ туда три горошины или стручокъ и вѣрятъ, что это предохраняетъ хлѣбы отъ всякой порчи; въ пятницу на Страстной недѣлѣ они отправляются въ садъ съ мѣшкомъ гороха и ударяютъ имъ плодовыя деревья — съ пожеланіемъ, чтобы на нихъ было столько же плодовъ, сколько въ мѣшкѣ зеренъ; наканунѣ Рождества горохъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ принадлежностей семейной трапезы¹⁾. У нѣмцевъ это обычная яства въ дни, посвященные Донару; въ Швабін варили горохъ на Изновскомъ огнѣ и считали его за цѣлебное средство отъ ранъ и ушибовъ²⁾. Цверги любятъ прятаться въ гороховыхъ поляхъ и признаются самыми опасными для нихъ ворами. Есть сага — какъ одинъ крестьянинъ молотилъ горохъ и не могъ понять, куда дѣвается зерно; но вотъ махнулъ онъ цѣпомъ и сблизъ случайно съ карлика его шапку-невидимку: тутъ только увидѣлъ онъ маленькаго вора, который стоялъ съ мѣшкомъ и собиралъ въ него обмолоченный горохъ. Цверги за услуги, имъ оказанныя, дарятъ иногда связку гороховой соломѣ, которая потомъ превращается въ золото³⁾. Метафорическій языкъ, отождествляя мракъ ночи съ темными тучами, сблизилъ блестящія звѣзды съ пламенными молніями и связалъ съ тѣми и другими одивковыми представленія. Ночное небо, устѣянное частыми звѣздами, народныя загадки уподобляютъ темному покрову, по которому разбросанъ горохъ: «постелю рогожку (=небо), посыплю горошку (=звѣзды), положу крайчикъ хлѣба (=мѣсяцъ)»; «жихавъ волохъ (=ночной покровъ; волоха — рубашка, во-

¹⁾ Громаниъ, 45, 96, 103.— ²⁾ Der Ursprung der Myth., 248; D. Myth., 583.— ³⁾ Beiträge zur D. Myth., II, 324. Русская сказка упоминаетъ о гороховомъ стеблѣ, который выросъ да самаго неба — Н. Р. Сл., IV, стр. 34.

лохи — кожа¹⁾, резонная горохъ; стало святать, ничего збирать; «старій брѣхъ(?) резонная горохъ, не винивъ по-збирати та ставъ дня чекати; якъ дня дочекавъ, горохъ по-збиравъ»; «разсѣянъ горохъ — никому не собрать: ни попамъ, ни дьякамъ, ни серебренникамъ; одинъ Богъ собереть — въ коробечку складеть»; «торохъ, торохъ! носышався горохъ»²⁾. Болгары сравниваютъ звѣзды съ просомъ и зерною пшеницею, а словенцы — съ орѣхами: «сняи риза и бройница, пжля съ просе и ченица»³⁾; «полно рѣшето орѣшковъ, а посреди большой орѣхъ (шѣсяць)»⁴⁾. По русской примѣтѣ, много ярко-блистающихъ звѣздъ, видимыхъ въ Рождественскую ночь, предвѣщаютъ большой урожай гороху⁵⁾. Возвращаемся къ нашему герою: Покатигорошекъ является въ змѣнное царство и, подобно Тору, пожирающему быковъ и поглощающему медъ, съѣдаетъ двѣнадцать воловъ, двѣнадцать барановъ и двѣнадцать кабановъ и за одинъ глотокъ опорожняетъ по цѣлому ведру меда. Лю-

1) Обл. Сл., 27; Доп. обл. сл., 25. — 2) Семенов., 6-7; Номис., 291; Этн. Сб., VI, 59; Послов. Даля, 1060-1. — 3) Рукоп. сборникъ г. Каравелова. — 4) Иличъ, 230: „runo rešeto lišnjakah, a u sridi samo jedan ora“. Гриммъ (D. Myth., 691) приводитъ словен. названіе Плеядъ *gostosevzi* (= густо или часто сѣяныя); у литов. цесь созвѣдіе это называется *zbitas*, у финновъ *veula* — что-то указываетъ на древнѣйшее представленіе звѣздъ небеснымъ посѣвомъ. — 5) Судя по нѣкоторымъ намекамъ, съ звѣздами связывалось и преданіе о мифическомъ Пальчикѣ. Одинъ изъ діоскуровъ (дѣтей Зевса), превращенныхъ въ созвѣдіе Ближнецовъ, назывался *Pollix* = *pollex* — большой палецъ; малая звѣздочка «Медвѣдица», называемая возникимъ (I, 610), въ нижней Германіи известна подъ именемъ *dümke* (*dümke*, *duminc*) = *däumchen*, *däumlein* (D. Myth., 145, 688). Когда Торъ несъ съ далекаго сѣвера, изъ странъ великановъ, Орвандилла Смѣлаго (I, 723), послѣдній отморозилъ себя палецъ на ногъ; Торъ оторвалъ этотъ палецъ и закинулъ въ небо, отчего и явилась звѣзда, названная *Örvandilstá* — Орвандилловъ палецъ (Скироль, 287). Сравни литовское преданіе, приведенное въ I т., 359.

бопытны черты, указывающія на средство его съ Пальчикомъ: завляя свою силу, онъ низницомъ разбиваетъ въ мелкія щепы огромную колоду—въ четыре сажени толщины и въ двѣнадцать длины, а дуновеніемъ усть превращаетъ ее въ пепелъ; вмѣстѣ съ змѣемъ онъ ѣсть желѣзный хлѣбъ и желѣзные бобы—подобно тому, какъ Пальчикъ поѣдаетъ олово¹⁾. Въ переводѣ метафорическихъ выраженій мною на простыя, общедоступныя, это означаетъ, что пламя грозы расплавляетъ и пожигаетъ (горѣть—жрать, см. стр. 39) металлическія царства змѣя, который, какъ демонъ ирачныхъ тучъ и зимы, скрываетъ въ своихъ желѣзныхъ затворахъ небесный свѣтъ и дожди. Словаки рассказываютъ, что ludvike—варляки, обитающіе въ горныхъ пропастяхъ, питаются яствами, приготовленными изъ чистой мѣди, серебра и золота²⁾. Въ тѣсной связи съ преданіями, приписывающими драконамъ обладаніе металлами, обрисовывается сказкою и самая борьба богатыря съ змѣемъ: змѣйдохнулъ—и тотчасъ явился чугуновый или мѣданный токъ; дунулъ Покатигорешекъ—и явился серебряный токъ³⁾. Противники, сражаясь, вколачиваютъ другъ друга въ эти металлическіе токи по колѣна и по поясъ; но побѣда остается за Покатигорешкомъ, который вбиваетъ наконецъ змѣя по самую шею и снеситъ ему голову. Поразивъ змѣя, онъ освобождаетъ сестру, добываетъ живую воду (змѣиную), и окропляетъ ею трупы своихъ братьевъ, возвращаетъ ихъ къ жизни. Основа сказки—

¹⁾ См. также Эрбена, 49-54.—²⁾ Slov. pohad., 321-8 (сказка „о Kovladu“ — владыкѣ металловъ); Westsl. Märch., 10-14. Ludvike ходитъ въ красныхъ штанахъ и зеленыхъ шапочкахъ и носитъ въ рукахъ зажженные факелы.—³⁾ Сравни Н. Р. Ск., V, 54; VII, 9—сказка о трехъ царствахъ, гдѣ змѣи и ихъ соперники дѣлаютъ токи желѣзной, стальной, серебряной и золотой; Дѣл. рус. лит., кн. V, 8-15: сказка объ Иванѣ Бѣломъ.

самая обыкновенная: демонъ зимнихъ тумановъ и облаковъ похищаетъ красавицу — ясное солнце (потемняетъ ея свѣтлый ликъ); въ одномъ вариантѣ красавица эта названа дочерью царя Свѣтозара — Василисой-золотой косою, непокрытой красой: золотыя косы — метафора солнечныхъ лучей. Освободителемъ златокудрой дѣвы выступаетъ мальчикъ-съ пальчикъ, т. е. молнія, разбивающая тучи; при ударахъ грома и блескѣ молній тучи разливаются живою водою и пропадаютъ съ неба, солнце выходитъ въ прежней своей красѣ, и подь вліаніемъ его лучей и только что наполнившій землю дождя все въ природѣ возрождается къ новой жизни. Какъ русскій богатырь родится отъ горошины, такъ въ новогреческой сказкѣ Цоцось, т. е. маленькой (карликъ), приходя воровать у лами (тоже, что баба-яга—змѣя-вѣдьма) чудеснаго коня, пьющаго дождевыя тучи, превращается въ горошину и причется въ навозъ; а въ албанской сказкѣ карликъ, тождественный съ нашимъ мальчикомъ-съ пальчикъ, называется Орѣхомъ, съ которымъ равенъ онъ и по величинѣ¹⁾. Напомнимъ, что орѣховое дерево было посвящено громовнику (см. выше стр. 318). Преданіе о битвѣ карлика съ змѣемъ встрѣчаемъ и въ норвежской сказкѣ²⁾, гдѣ малютка по имени Lillekrog (Коротышка) какъ только родился — сейчасъ-же отправился странствовать, и спасая прекрасную королеву, поразилъ трехъ многоглавыхъ троллей.

Карлики представляются въ народномъ эпосѣ искусными ворами, и не только въ томъ смыслѣ, что они, подобно великанамъ, скрываютъ въ своихъ облачныхъ пещерахъ золотые лучи солнца и живую воду дождя, но и потому, что въ качествѣ грозовыхъ духовъ они похищаютъ у демоновъ затаенныя ими сокровища. Народная фантазія свободно обраща-

¹⁾ Гамъ, № 99 и II-мъ томъ стр. 181.— ²⁾ I, 24.

лась съ старинными метафорами, и соответственно тому или другому примѣненію ихъ — возникали различныя поэтическія картины. Демоны и великаны тучъ, какъ мы видѣли, стоятъ во враждѣ съ богомъ-громовникомъ и карлики-мелніями; первый, очищая небо отъ сгущенныхъ облаковъ, отымасть у своихъ враговъ золото и бессмертный напитокъ и является въ языческихъ вѣрованіяхъ хитрымъ татемъ и покровителемъ воровства (таковъ богъ Гермесъ); послѣдніе, при помощи своего лукавства, изворотливости и способности прескользять во всякую щель, смѣло проникаютъ въ демонскіе вертены нуно-сять оттуда красавицъ, несчетныя богатства и разныя диковинки, въ которыхъ древній мнѣ живописалъ силы весенней природы. Отсюда возникло множество сказокъ, гдѣ воровство разсматривается, какъ своего рода доблесть, какъ подвигъ, достойный эпическаго прославленія. Укажемъ на сказку о семи Семіонахъ ¹⁾. Содержаніе ея тоже, что и выше-приведенной сказки о летучемъ кораблѣ (стр. 702); но тамъ богатырь-громовникъ добываетъ красавицу—при содѣйствіи товарищей исполнинской породы, а здѣсь мѣсто ихъ заступаютъ малыя дѣти, т. е. карлики; какъ тѣ отправляются на подвигъ на летучемъ кораблѣ (= метафора облака), такъ эти—на кораблѣ, который можетъ плавать и поверхъ воды, и подъ водою. Родилось, говоритъ сказка, семеро близнецовъ, и названы всѣ они Семіонами: тѣмъ именемъ окрестилъ ихъ народъ, увлекаясь игрою словъ: семь и Семѣнъ. Еще они не выросли—еле отъ земли видны; а ужъ на дѣло готовы. Одинъ изъ нихъ славный кузнецъ: онъ куетъ желѣзный столбъ отъ земли до неба и приготовляетъ братьямъ топоръ и оружіе; другой отличается необыкновенной зоркостью: влѣзанъ

¹⁾ Н. Р. Ск., II, 26 и стр. 370; III, 12; VI, 31; Рус. сказ. Сахарова, стр. 174; Эрбенъ, 39-42; сб. Валяца, 44-47; Westsl. Märch., 140-3; Сказ. Грим., 129; Pentamerone, II, 47.

на желѣзный столбъ, видѣть все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, и этимъ качествомъ напоминаетъ богатыря Остро-зоркаго; третій ударяетъ топоромъ — тѣшь да лѣпъ, и готовъ чудесный корабль; четвертый управляетъ ходомъ этого корабля; пятый—стрѣлокъ, отъ мѣткихъ выстрѣловъ котораго ничто не уйдетъ, а шестой—такъ бы стрѣ, что на лету ловить все, что ни подстрѣлить его братъ; наконецъ седьмой — хитрый воръ. Такимъ образомъ братья раздѣляютъ между собой характеристическія свойства грозovýchъ духовъ, каковы: острое зрѣніе, быстрый бѣгъ,ковка металловъ, бросаніе стрѣлъ, плаваніе въ кораблѣ-тучѣ и воровство. Когда второй Семіонъ усматрѣлъ съ желѣзнаго столба за горами, за морями царевну Елену Прекрасную, дѣти пускаются за нею въ путь, а царевна та—красоты неописанной: алый цвѣтъ у нея по лицу рассыпается, бѣлый пухъ по груди разстиляется, и тѣло такое нѣжное, прозрачное, что видно — какъ въ косточки въ косточку мозжечокъ переливается. Воръ-Семіонъ успѣлъ заманить царевну на свой корабль, и когда она любовалась разными драгоценностями—судно поплыло назадъ. Запримѣтивъ обманъ, она обертывается бѣлой лебедью (чѣмъ заявляетъ свое тождество съ лебедиными дѣвами, нимфами весеннихъ дождевыхъ водъ); но стрѣлокъ подшибаетъ ей крыло, а другой братъ подхватываетъ ее и приноситъ на корабль. Отъ погони, посланной за похитителями, корабль скрывается подъ водою и въ короткое время счастливо достигаетъ пристани. Въ нѣмецкой редакціи красавица сидитъ на морскихъ скалахъ, увлеченная туда дракономъ, а въ итальянской—ею овладѣлъ великанъ, что и вызываетъ братьевъ, героевъ сказки, на трудный подвигъ освобожденія; когда они похитили царевну, въ погоню за кораблемъ несется по воздуху великанъ въ видѣ чернаго облака, но стрѣлокъ натягиваетъ лукъ и мѣткими стрѣлами выбиваетъ ему гла-

за.— Сказки о хитрыхъ, искусныхъ ворахъ распространены почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и всюду передаются съ поразительнымъ сходствомъ относительно содержания— вѣрный знакъ ихъ весьма давняго происхожденія ¹⁾; но древнѣйшая основа въ нихъ до того сглажена, что не будь нѣкоторыхъ вариантовъ—онѣ непременно показались бы надглаголемъ досужей фантазіи позднѣйшей эпохи. Съ действительнымъ смысломъ преданія знакомитъ насъ любопытный текстъ новогреческой редакціи ²⁾, указывающій на тѣ мифическія лица, которыя въ сказкахъ другихъ племенъ, при затѣнчивѣи старинныхъ представленіи и при значительномъ участіи народнаго юмора, выцвѣли до обыкновенныхъ смертныхъ и простаго ворихки. Воромъ здѣсь выведенъ добрый молодецъ, подобно Гермесу прославившій себя похищеніемъ стада (небесныхъ коровъ и барашковъ = дожденосныхъ облаковъ); ему предстоитъ трудная задача украсть у дракона его крылатаго коня (= вихрь), одѣяло съ колокольчиками (= облачный покровъ; звонъ колокольчиковъ — метафора грома) и кольцо (= солнце), а затѣмъ овладѣть и самимъ дракономъ, заключивъ его въ крѣпкой ящикъ; все это добрый молодецъ исполняетъ съ свойственной ему ловкостью. Въ другомъ вариантѣ ³⁾ король поручаетъ карлика Цоцосъ добыть коня, который пьетъ тучи, и покрывало, которое претворяетъ свѣтлый день въ темную ночь ⁴⁾. Тѣже подвиги совершаетъ въ русской сказкѣ малолѣтній воръ: онъ уводитъ быковъ, угоняетъ стадо барановъ, похищаетъ ко-

¹⁾ Н. Р. Сл., V, 6, VI, 6; VII, 37; Рус. сказки, содержащія древнѣйш. повѣствов. о славн. богатыряхъ, IV—сказка о вора Фомкѣ; Slov. pohad., 263-274; Сказ. Грим., 192; Вольфъ, 397-403; Цингерле, 18 29; Шлейхеръ, стр. 13-20; Ск. норв., II, 4.—²⁾ Ганъ, 3.—³⁾ Ibid., II, стр. 181-2.—⁴⁾ Сравни: Pentamerone, № 27—о покражѣ у великана коня и покровъ.

ня, ларчикъ съ золотомъ, одѣяло или сорочку съ жены воеводы, кольцо съ ея руки и даже увозить ее самоѣ. Искусство его такъ велико, что онъ можетъ утащить изъ-подъ птицы а лицо, и та не замѣтитъ промахи: въ сущности эта подробность однозначительна съ похищеніемъ кольца, ибо солнце, окутанное тучами, уподоблялось древними повтами золотому яйцу въ гнѣздѣ мифической Жарь-птицы ¹⁾). Мальчикъ-съ пальчикъ прежде, нежели попадаетъ въ брюхо черной коровы, ходитъ съ ворани на промыслъ, уводитъ быковъ и обрадываетъ царскую казну. Весьма интересна сказка, записанная въ Тироли ²⁾). Было умное и смѣлое дитя; разъ, когда оно бѣгло по лѣсу, раздался такой ошрашнѣи шумъ, что потряслись всѣ деревня, и велѣдъ затѣмъ показался великанъ — *der wilde mann*, съ огненными волосами и красною бородою, схватилъ ребѣнка и унесъ къ себѣ. Онъ приказалъ ему чистить и убирать свой домъ, но строго запретилъ входить въ одну комнату. Дитя не выдержало соблазна и вошло въ запретную палату: тамъ стояла золотая колесница, запряженная золотымъ козломъ, и въ нее былъ воткнутъ золотой бичъ. Какъ только дитя сѣло въ колесницу—она понеслась съ быстротою вѣтра. Вскорѣ послышался голосъ великана: онъ гнался за бѣглецомъ и отъ его неистовыхъ, грому подобныхъ кликовъ дрожала земля; малютка спрыгнувъ съ золотой колесницы и спрятался въ нору возлѣ глубокаго источника. Прибѣгаетъ великанъ и спрашиваетъ: куда скрылся бѣглець? — Онъ, говорятъ ему, спрятался въ воду. Глупый великанъ тотчасъ-же прицѣпилъ себѣ на шею огромный камень, бросился въ источникъ и потонулъ. Значеніе сказки ясно: дитя-молнія или самъ Торъ,

¹⁾ German. Mythen, 209-210 и т. 1-й настоящаго сочиненія, стр. 530.— ²⁾ Zeitsch. für D. M., II, 184-6

разъѣжающій по небу на козлахъ и владычій золотымъ бичемъ (*donnerpeitsche*), является въ страну великановъ добывать свои громадныя, сокрытыя демономъ эоны атрибуты (сравни выше, стр. 688, съ мифомъ о похищеніи Торова молота), и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается весенняя гроза, въ дождевыхъ потокахъ которой погмбаетъ исполнѣнъ-туча.

До сихъ поръ мы видѣли грозныхъ карликовъ въ борьбѣ съ демоническими силами темныхъ тучъ; но поэтическая фантазія нерѣдко олицетворяла ихъ въ одномъ цѣльномъ образѣ, представляя тучу огромною бородою ивнчскаго малютки. Облака и тучи на древнемъ метафорическомъ языкѣ уподоблялись вьсклоченнымъ волосамъ, нахмуреннымъ бровямъ и бородѣ, а небесный сводъ—черену головы (I, 115, 166—171). Индусы въ клубящихся облакахъ видѣли роскошныя, прихотливо-вьющіяся кудри отца вѣтровъ, бога бурныхъ грозъ Рудры, которому потому и давали эпитетъ и ноговла са ге¹⁾. Зевсъ, Одинъ и Донаръ были изображаемы съ длинными бородами; Зевсу стоило только кивнуть черными бровями, чтобы потрясся весь Олимпъ (= небо); въ прическѣ его греки находили подобіе львиной гривы²⁾. Въ скандинавскихъ сказаніяхъ Торъ представляется краснородымъ; когда онъ бываетъ раздраженъ, то дуетъ въ свою бороду или трисеть ею, и тѣмъ самымъ производитъ въ облакахъ громаы. Еще донынѣ употребительны — клятва: *«dies walte der rotharige*

¹⁾ Die Götterwelt, 66; Ж. М. Н. П. 1845, XII, 137.—²⁾ Отъ сикр. кѣса — волоса, грива, рус. коса, космы, произошли: кѣсага (*kēsaḡa*) — животное, являющее гриву, левъ, и Кеṣава — прозвание Кришны, т. е. косматый (О вл. христ на сл. яз., 31; Пикте, I, 425). Отсюда объясняются мифы, въ которыхъ царь левъ принимается за воплощеніе грозовой тучи,—мифы, получившіе особенное развитіе на востокѣ и въ Греціи и почти забытыя у славянъ и нѣмцевъ, такъ какъ животное это не встрѣчается въ заселенныхъ ими странахъ.

Donner!) и пословица: «*goter bart—teufelsbart*». У славянъ и швицевъ рыжебородые считаются людьми опасными и лукавыми, что намекаетъ на старую боязнь разгнѣваннаго громовника и на присвоеніе ему демоническаго типа. Красная или рыжая борода составляетъ существенный признакъ тѣхъ эпическихъ героевъ, на которыхъ перенесены были преданія о древнемъ богѣ весенней грозы (таковы короли Оттонъ, Фридрихъ, Олафъ), и цвѣтомъ своимъ указываетъ на блескъ молній, озаряющихъ тучи ¹⁾). Подобно солнечнымъ лучамъ, названнымъ золотыми кудрями богини Солнца (I, 220), сверкающія молніи также сравнивались съ золотыми прядями волосъ, а грозвое зарево, освѣщающее тучу, дало поводъ видѣть въ ней золотую бороду Индры; въ порывахъ гнѣва своего противъ демоновъ, онъ потрясаетъ этой бородою и заставляетъ дрожать небо, землю и крѣпкія горы ²⁾). По мнѣнію бѣлоруссовъ, у Перуна была голова съ черными волосами и длинною золотой бородою ³⁾); по свидѣтельству же Нестора, деревянный идолъ Перуна, поставленный в. кн. Владиміромъ въ Кіевѣ, имѣлъ на серебряной головѣ золотые усы ⁴⁾). Въ связи съ этими данными становятся понятными и то глубокое уваженіе къ бородѣ, и тѣ клятвы ею, о которыхъ говорятъ старинные памятники ⁵⁾). Присвоивъ громовнику длинную бороду, народное воображеніе стало рисовать его

¹⁾ D. Myth., 161-2, 296. 517: Die Götterwelt, 190. — ²⁾ German. Mythen, 124-5; Die Götterwelt, 65 — ³⁾ Приб. въ Ж. М. Н. П. 1846, 17. — ⁴⁾ П. С. Р. Д., I, 34. — ⁵⁾ Русская Правда назначаетъ 12 гривенъ пени за вырванную влохъ бороды — оцѣнка весьма высокая, сравнительно съ другими узычьими Стоглавъ и старообрядцы возстаютъ противъ бритья бороды, какъ противъ искаженія образа божія. Одинъ изъ ростовскихъ князей, когда уличали его въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, отрицалъ обвиненіе и влялся въ томъ бородою: „чтобъ мнѣ этой бороды у себя не видѣть!“ — Вѣст. Евр. 1810, VII, стат. Калайдовича, 225.

старцемъ — Дѣдомъ, и такое представленіе встрѣчается въ преданіяхъ рядомъ съ другимъ, которое изображаетъ его прекраснымъ юношею — добрымъ молодцемъ, надѣляющимъ весь міръ силою плодородія, свѣжестью и полнотою жизни ¹⁾). По бѣлорусскому повѣрью, Дѣдка, почитаемый хранителемъ золотыхъ кладовъ, имѣетъ красную, огненную бороду ²⁾). Тѣмъ же характеристическимъ признакомъ отличаются и великаны, и демоны, какъ олицетворенія грозовыхъ тучъ: у исполинскихъ ракшасовъ красныя космы и бороды ³⁾; въ сейчасъ-приведенной тирольской сказкѣ замѣчено объ огненныхъ волосахъ и красной бородѣ великана. Такому-же бороду средневѣковыхъ саги приписываютъ предателю Іудѣ ⁴⁾; а у св. Христофора, которому суевѣрный народъ даетъ исполинскій образъ и власть надъ громомъ, непогодю и градомъ, были красныя волосы (I, 724). Нѣмецкая сказка упоминаетъ о чортѣ-драконѣ съ тремя золотыми волосами, за которыми смѣлый герой отправляется въ его мрачное, адское жилище; вырванный изъ головы соннаго демона и принесенный домой, волосъ этотъ оказывается весь изъ чистаго золота и столь великъ, какъ шесть ⁵⁾). Таже сказка, въ норвежской редакціи ⁶⁾, говоритъ о трехъ перьяхъ, вырванныхъ изъ хвоста убитаго дракона, что съ одной стороны указываетъ на представленіе молніи летучимъ перомъ (см. выше, стр. 386), а съ другой — на пернатую одежду, въ которую облакался коварный Локи. Я. Гриммъ сближаетъ означенную сказку съ старинной сагою о Торквиллѣ. Thôrkill (= Торъ) предпринималъ далекое странствованіе въ пустынную пещеру Ugarthilocus'a, по ту сторону великихъ водъ и вырвалъ одинъ изъ его огромныхъ, конью-подобныхъ волосъ: это не

¹⁾ German. Mythen, 232.— ²⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 10—11.— ³⁾ Die Götterwelt, 56.— ⁴⁾ Beiträge zur D. Myth., I, 64.— ⁵⁾ Сказ. Гримм., 29; Гальтрихъ, 9.— ⁶⁾ I, 5.

болѣе, какъ новая подробность къ описанію того визита, какой былъ сдѣланъ Торомъ царю великановъ—Utgardhaloki ¹⁾. Любуясь на золотистый извивъ молніи, падающей изъ черной тучи на землю тонкою нитью, древній человекъ выразилъ это явленіе въ поэтическомъ сказаніи о драконѣ, у котораго богъ-громовикъ вырываетъ золотой волосъ; съ каждымъ утраченнымъ волосомъ чудовище болѣе и болѣе теряетъ свою силу. Греческія сказки утверждаютъ, что сила дракона вѣрно заключена въ трехъ золотыхъ его волосахъ ²⁾; а русская былина, связывая стародавній мифъ съ библейскимъ преданіемъ о Самсонѣ, устами каликъ переходящихъ говоритъ Илья-Муромцу:

Не ходи драться съ Самсономъ-богатыремъ,

У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ ³⁾.

Въ старину думали, что волосы дѣлаютъ колдуна нечувствительнымъ къ боли, и потому прежде, чѣмъ подвергнуть обвиняемаго въ чародѣйствѣ пыткѣ, брили ему голову ⁴⁾. Соответственно уподобленію тучъ всклокоченнымъ, косматымъ волосамъ, возникло поэтическое представленіе, будто небесная гроза ихъ расчесываетъ или подрѣзываетъ (подстригаетъ), а вихри то разносятъ ихъ, то путаютъ и завиваютъ въ кудри. Въ народныхъ пѣсняхъ бездомный скиталецъ говоритъ о себѣ:

Мене змыють дробни дожди,

А разкудрють (вар. разчешуть) буйни витры.

Болгары сѣверный вѣтеръ называютъ стрижко. Слово расчесать (основная форма кас—рыть, рвать, лит. *kasti*—копать, *kassuti*—чесать въ головѣ, чистить скребницей коня, бѣлор. *чесаць* и чеш. *česati* — быстро убѣгать ⁵⁾), кроме

¹⁾ D. Myth., 223-4; *Veitgæge zur D. Myth.*, I, 137-8.— ²⁾ Ганъ, I, стр. 187, 217; II, 262.— ³⁾ Рыбник., I, 35; III, 3-4.— ⁴⁾ Истор. москв. славянс-греко-латинск. академіи, Смирнова, 150.— ⁵⁾ Ч. О. И. и Д. 1865, II, 43.

общепринятаго значенія, употребляется еще въ смыслѣ: разбить, разнести, разсѣять вражія толпы. Отсюда объясняется, почему сказочные герои въ состязаніи съ чортомъ или змѣею царапаютъ его желѣзными когтями или желѣзнымъ гребнемъ, которымъ расчесывается пенька (см. выше стр. 754). По нѣмецкому повѣрью, когда великанъ чешетъ свое тѣло, то шумъ отъ его нечесыванья разносится на далекія пространства ¹⁾. Литовцы рассказываютъ о великанѣ Альцисѣ, который былъ такъ высокъ, что въ самыхъ глубокихъ рѣкахъ вода доставала ему только по колѣна; жена его славилась необычайною силою: схватить быка за рога и перебросить его черезъ себя — для нея было легкое дѣло. Она расчесывала своему мужу бороду и волосы на головѣ огромнымъ гребнемъ, зубцы котораго походили на крылья вѣтренной мельницы ²⁾. Въ одну изъ русскихъ сказокъ занесенъ любопытный эпизодъ о старикѣ, который сидитъ подъ дубомъ, а длинные волосы его, борода и брови заросли въ землю. Юная героиня подрѣзала ему волосы ножницами; а онъ научилъ ее, какъ добыть живую воду и воскресить къ жизни окаменѣлыхъ богатырей ³⁾. Тоже преданіе находимъ и въ ново-греческой сказкѣ ⁴⁾, гдѣ герой подрѣзываетъ заросшіе въ землю брови, рѣсницы и усы дракона. Смыслъ тотъ: чтобы добыть живую воду — дождь, надо подрѣзать (=разбить молніями) косматые тучи. Elbkönig и цверги (какъ духи, являющіеся подъ облачными покровами) обыкновенно представляются маленькими старичками, съ сѣдыми бородами до самыхъ колѣнъ; эльфы, нападая на человѣка или коня, спутываютъ и сбиваютъ въ колтунъ волосы и гривы (см. выше, стр. 100—3); эльбины славятся своими роскошными русыми косами, которыя онѣ

¹⁾ D. Myth., 511. — ²⁾ Черты литов. нар., 77. — ³⁾ Н. Р. Сх., VI, 69, b. — ⁴⁾ Ганъ, I, 269.

любить расчесывать и заплетать, сидя на горѣ или на берегу рѣки и озера ¹⁾). Наши водяные и русалки любятъ тоже занятіе, и когда расчесываютъ свои волосы, то съ нихъ быстрыми потоками струится вода. Этотъ прекрасный поэтический образъ не забытъ и нѣмцами, которые представляютъ нѣкса — старикомъ, возсѣдающимъ на скалѣ и выжимающимъ свою мокрую бороду ²⁾). Описывая потоки, Овидій рисуетъ такую картину: влажнокрылый Нотъ полетѣлъ надъ землею, голова его одѣта непроницаемымъ иракомъ, капли воды падаютъ съ сѣдыхъ волосъ, крыльевъ и длинной бороды; толпою окружаютъ его облака, и какъ только онъ подавитъ ихъ рукою — обильный дождь льется на землю. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Руси, во время засухи, обмакиваютъ въ воду чесальную щетку и вѣрятъ, что это вызоветъ дождь ³⁾). Въ этихъ представленихъ кроется основа того эпического приѣма, который заставляетъ сказочныхъ героевъ, спасаясь бѣгствомъ отъ своихъ враговъ, бросать гребенку — и позади нихъ тотчасъ-же появляется полноводная рѣка ⁴⁾ или вырастаютъ горы, какъ метафора дождевыхъ тучъ ⁵⁾). Заклятый мѡлодецъ, отдавшійся чорту, — чтобы избавиться отъ демонской власти, долженъ семь лѣтъ не мыться, не сморкаться, не стричься и не чесаться, т. е. богъ — владыка свѣтлаго неба (Фрейръ?) на семь зимнихъ мѣсяцевъ подчиняется дѣмону-Зимѣ и во все это время не купается въ дождевой водѣ и обростаетъ густыми и косматыми волосами — туманами и тучами, которыхъ не стригутъ и не чешутъ острозубыя молнии ⁶⁾). Любопытно, что простолюдины называютъ дьявола

¹⁾ D. Myth. 417. 446; Beiträge zur D. Myth., II, 310 — ²⁾ Irische elfenmärch., LXXI. — ³⁾ Пузан., 166. — ⁴⁾ Пов. и пред., 103-6. — ⁵⁾ Н. Р. Ск., VI, стр. 281; Сказ. Грим., I, стр. 462. — ⁶⁾ D. Myth., 970; Сказ. Грим., 100, 101 и въ т. III, стр. 181-2; Н. Р. Ск., V, 26

неумытымъ (тоже, что нечистой — демонъ черныхъ тучъ и ночнаго прака ¹⁾).

Въ русскихъ сказкахъ длиннородый карликъ называется мужичокъ-съ ноготокъ, борода-съ локотокъ, или самъ съ пёреть, борода на семь вёрсть ²⁾: имя, свидѣтельствующее за его тождественность мальчику-съ пальчикъ ³⁾. У другихъ славянъ онъ называется: *pedenjelovek-laketbrada* (хорутан.), *pedячовѣкъ - лакѣтъбрада* (болг.), *pjdimužjk* (чешск.), т. е. человѣчекъ величиною съ пядь. Пространство между вытянутыми пальцами: большимъ и указательнымъ въ Нидерландахъ обозначается названіемъ *Woedens-spanne*—Одинова пядь ⁴⁾. Литовскіе парестуки—карлики не болѣе ступня, но съ бородою въ сажень ⁵⁾. Сѣшившая этого молніеноснаго духа съ блуждающими болотными огоньками, бѣлоруссы утверждаютъ, что въ болотахъ, въ маленькихъ домикахъ, живутъ одноглазые старички (за-

¹⁾ Обл. Сл., 128.— ²⁾ Н. Р. Ск., I, 5; V, 27, 37, 54; VIII, 3; Ма тер. для изуч. нар. слов., 23-24.— ³⁾ Эдда рассказываетъ о славномъ кораблѣ *Naglfari* (= *Nagelschiff*; *nagel*—ноготь и гвоздь), который будетъ построенъ изъ ногтей покойниковъ, т. е. карликовъ (такъ какъ души усопшихъ и грозовые карлики—представленія однозначительныя), и въ которомъ, при кончѣнн міра, поплывутъ злые, разрушительные демоны. Это—корабль-туча, созданный руками грозовыхъ карликовъ, ссръпленный пальцами-молніями, какъ-бы крѣпкими и блестящими гвоздями. На подобномъ-же кораблѣ возносятся души усопшихъ въ небесныя селенія. По нѣмецкому повѣрью, не должно обрѣзывать у мертвецовъ ногти, дабы не ускорить постройки корабля *Naglfari*, и тѣмъ самымъ заеддять кончину міра—D. Myth., 774-5; *Die Symbolik von Sonne und Tag*, von Hugo Wislicenus, 82; сравни въ I т. Повѣщ. Возар., стр. 120, 574.— ⁴⁾ Каравел., 166; D. Myth., 145, 419.— ⁵⁾ Въ Тысячъ и одной ночи (XII, 135—143) встрѣчается человекъ въ полтора фута вышины, съ бородою въ тридцать футовъ, съ большими усами и съ желѣзной палкою въ рукѣ, ударъ которой неотразимъ и смертеленъ.

завики) — ростомъ не болѣе ноготка, съ аршинною бородою и кнутомъ (пугою) въ семь саженихъ (=плеть-молнія); когда такой карло разхаживаетъ по трясинѣ, глазъ его сверкаетъ какъ огонёкъ ¹⁾. Мужичокъ съ ноготокъ отличается изумительной быстротою, и надѣвая на ноги башмаки-скороходы или садясь на коверъ-самолетъ (метафоры быстролетной тучи), можетъ въ одно мгновение переноситься въ далекія страны — хоть на край свѣта ²⁾. Финны даютъ ему золотой ножъ и топоръ, соответствующіе мечу-кладенцу и Торову молоту. Во время свадьбы Ильмаринена вышелъ изъ моря (=дождеваго источника) крошечный человечекъ, ростомъ съ большой палецъ, съ бородой по колѣна, съ волосами до пятокъ, въ каменной шапкѣ на головѣ, и зарѣзалъ золотымъ ножомъ исполнскаго быка (=тучу; см. I, 657). Тотъ-же малютка срубилъ своимъ маленькимъ топоромъ громадный дубъ, поирачавшій ясное солнце (см. выше 297 ³⁾). Какъ воплощеніе темной грозовой тучи, длиннородый карликъ причисляется къ существамъ демоническимъ; злоба, хищность и жадность—его отличительныя черты. Въ областныхъ говорахъ слово *нокоть* (ноготь) дониндѣ употребляется въ значеніи чорта: «нокоть те дерн!» ⁴⁾ Бѣлорусы (какъ сейчасъ сказано) поселяютъ его въ болотахъ — тамъ же, гдѣ обитаютъ нечистые; а народная сказка заставляетъ сражаться съ нимъ могучихъ богатырей, сокрушителей облачныхъ горъ и змѣиныхъ царствъ ⁵⁾. Содержаніе сказки весь-

¹⁾ Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 101-2. — ²⁾ Пов. и пред., 113-4 —³⁾ Совр 1840, III, ст. Грота, 72, 81; Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Я. Гримма, 166, 173. — ⁴⁾ Обл. Сл., 129. — ⁵⁾ Н. Р. Сл., VII, 8; VIII, 6; Худяк., 42; Эрленвейнъ, 125-6; Перм. Сб., II, 168—171; Собраніе старин. рус. сказокъ (1830 г.)—объ Ивашкѣ Медвѣжьимъ ушка; сб. Валяца, 180—6; Volkslieder der Wenden, II, 169-172; Slov. pohad., 36-60; Шоттъ, 10; Шлейхеръ, 128-140; Сказ. Грим., 91, 166 и въ III т., стр. 162-5; Гальтрихъ, 17.

на любопытно; герои, дѣйствующіе въ ней, суть личности мифическія, надѣленные тою-же сверхъестественною силою, какъ и знакомые намъ исполнискіе спутники и помощники Перуна. Это—богатыри Дубыня, Горыня, Усиля и Медвѣдо. Дубыня вырываетъ съ корнемъ столѣтніе дубы и другія деревья, и потому называется иногда Еленя (отъ слова ель) и Лѣсїя (отъ слова лѣсъ); онъ ровняетъ лѣса: которыя деревья малы—тѣ вверхъ вытягиваетъ, которыя велики—тѣ въ землю всаживаетъ; ему вполне соответствуетъ богатырь Дугыня, сгибающій вѣковыя деревья въ дугу. У вѣнцевъ богатырь этотъ извѣстенъ подъ именами Baumdreher и Holzkrummscher. Подобно тому, какъ Дубыня испытываетъ свои силы надъ деревьями, такъ Горыня пробуетъ свою мощь надъ горами, вращая ими и бросая на воздухъ цѣлыя скалы; у вѣнцевъ онъ называется Steinzerreiber и Felsenkrirrer. Мы уже указали, что тучи, застилающія небесный сводъ, уподоблялись многовѣтвистому дереву, горамъ и скаламъ. Сказочные богатыри, вырывающіе деревья и сокрушающіе горы, собственно разбиваютъ тучи; въ нихъ олицетворено явленіе грозы, съ ея потрясающимъ громомъ и молниеносными стрѣлами,—почему въ литовской редакціи Дубыня замѣненъ кузнецомъ, который, наравнѣ съ Торомъ, владеетъ громаднымъ молотомъ: стѣбитъ ему ударить этимъ молотомъ, какъ тотчасъ-же падаетъ самое крѣпкое дерево. Смыслъ этого древняго мифа въ послѣдствіи, при уtratѣ кореннаго значенія словъ, легко могъ быть подновляемъ сопоставленіемъ его съ разрушительной картиною грозовой бури, исторгающей цѣлыя ряды деревьевъ и низвергающей груды утесовъ. Дубыня и Горыня нерѣдко называются Вернидубъ (у словаковъ—Valibik), Вернигора или Вертодубъ и Вертогоръ¹⁾. Въ сборникѣ Боричевского²⁾ есть рассказъ о женѣ охотни-

¹⁾ Н. Р. Ск., VI, 57.— ²⁾ Пов. и пред., 112—6

ка, которая родила въ лѣсу двухъ близнецовъ и тутъ-же по-
мерла; одного мальчика вскормила лъвица (или медвѣди-
ца ¹⁾), а другаго волчиха, и вышли изъ нихъ сильномогуче
богатыри Вырвидубъ и Валигора, побѣдители страшнаго
змѣя. Валигора бросилъ на змѣя большую гору и прищемилъ
ему хвостъ, а Вырвидубъ размогилъ ему голову коренастымъ
дубомъ. Съ тѣмъ-же значеніемъ сокрушителя тучъ является и бо-
гатырь Медвѣдко; все это различныя прозванія громовника, опре-
дѣляющія тѣ или другіе его признаки. Медвѣдко переставляетъ
съ мѣста на мѣсто высокія горы, владѣетъ двѣнадцати- (или
девяносто-) пудовой палицей, и сверхъ того съ-разу выпива-
етъ цѣлое озеро, почему въ одномъ вариантѣ его замѣняетъ бога-
тырь Соска, т. е. сосущій облака, пьющій дождевую воду. Какъ
близнецы Вырвидубъ и Валигора вскормлены лѣсными звѣ-
рями, такъ Медвѣдко имѣетъ отцомъ медвѣда и отчасти удер-
живаетъ за собою звѣриный типъ: по поясъ онъ— человекъ, а
ниже пояса— медвѣдъ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ выше объ-
ясненной нами сказки о Балдѣ роль этого богатыря-молота
играетъ Иванко Медвѣдко; въ нѣмецкой же редакціи ²⁾ герой,
тождественный съ этимъ послѣднимъ, носитъ имя Eisen-
hans (железный Иванъ); отецъ его былъ кузнецъ и выко-
валъ себѣ сына изъ семи центнеровъ желѣза, а изъ
трехъ центнеровъ приготовилъ для него бичъ, удары кото-
раго наводятъ ужасъ на весь адъ. Такъ какъ рождающійся изъ
нѣдръ тучи богатырь-молнія есть представленіе Перуновой
палицы, которую ковали духи лѣтнихъ грозъ; то отсюда и са-
мое происхожденіе сказочнаго героя (=бога-громовника) объ-
ясняется искусною выдѣлкою его изъ желѣза. Наконецъ тоже
внешнее значеніе, какое придано волосамъ и бородѣ, какъ
метафорамъ тучъ, было распространено и на усы; видѣтъ съ

¹⁾ Клетис, 228. — ²⁾ Гальтрихъ, 16.

тѣмъ народная фантазія создала особеннаго богатыря Усыню и надѣлила его такими исполинскими усами, что онъ легко можетъ запрудить ими рѣку; по его длинному усу перешагиваются витязи на другой берегъ, какъ по мосту. Тою-же характеристическою особенностью надѣляютъ нѣкоторыя сказки и длиннобородаго барлика: самъ съ пѣрсть, усы на семь вѣрсть, или: Усыня-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, усы по землѣ тащатся, крылья на версту лежатъ; крылья сопровождаютъ почти всѣ олицетворенія облаковъ и тучъ, для обозначенія быстроты или полета. Какъ представитель грозовой тучи, Усыня является то помощникомъ добраго молодца — громовника, выступающаго въ облачныхъ покровахъ на борьбу съ демонами, то самъ получаетъ демоническій типъ великана, готоваго поглотить блестящую молнію. Въ русской сказкѣ онъ выведенъ наряду съ Медвѣдкомъ, Дубыней и Горынею, и состязается съ длиннобородымъ карликомъ; а въ сербской приповѣдкѣ ¹⁾ онъ заставляетъ Медвѣдка спастись отъ себя бѣгствомъ. Сербскій Усыня — Брко (брк — усъ) имѣлъ такіе огромные усы, что въ одномъ изъ нихъ птицы свили 365 гнѣздъ; удары, наносимые ему тяжеловѣсною палицею Медвѣдка, также для него нечувствительны, какъ удары Торова молога для Скримира. Брко покоился на колѣняхъ дѣвицы, которая искала ему въ головѣ. «Меѣдовий (Медвѣдко) расшали својиѣмъ буздованомъ Брка у главу; а Брко претомъ на оно мѣсто гѣворѣли ѣвојци: ето овѣ ме нешто уједе! А «Меѣдовий опетъ буздованомъ на друго мѣсто, а Брко опетъ претомъ на оно мѣсто: ево овѣ ме опетъ нешто уједе! Кадъ га «удари трећи путъ, Брко се опетъ пише онѣ и срдито повиче: «та зар си слијеша! ево овѣ ме нешто коље. Онда му ѣвојка «каже: не коље тебе ту ншта, него те ево чоекъ бије. Кадъ

¹⁾ Сrp. припов., 1.

«Брко то чује, он се тргне и скочи на ноге; а Меѣдовић већ «бацно свој буздован па бјежи преко поља, а Брко се натура «за њимъ.» Медвѣдко прячется отъ него въ торбу одного великана — подобно тому, какъ Торъ ночевалъ въ великановой рукавицѣ.

Медвѣдко и его товарищи замѣняются иногда тремя братьями: Вечоркой, Полуночкой и Зорькою, названными такъ по времени ихъ рожденія; изъ нихъ самый сильный — послѣдній, рожденный на зорѣ и въ спискѣ, напечатанномъ въ сборникѣ Эрленбейна ¹⁾, названный Свѣтозоромъ: имя тѣмъ болѣе знаменательное, что восходящее по утру солнце уподоблялось раскрытому глазу; а сверкающая молніями туча олицетворялась въ образѣ богатыря съ необыкновенно-зоркими и всѣпожигающими очами. Такъ какъ темные облачные покровы отождествлялись съ ночнымъ мракомъ, а грозовое пламя — съ румянымъ отблескомъ зори, то понятно, почему молніеноснымъ богатыремъ, рождающимся изъ нѣдръ ночеподобныхъ тучъ, присвоены названія: Вечорка, Полуночка и Зорька. Медвѣдко съ Дубыней, Горыней и Усынею или Зорька съ своими братьями отправляются на подвиги; они пристають въ жилищѣ длиннобородаго карлика и каждый по очереди остается готовить обѣдъ, между тѣмъ какъ другіе богатыри уходятъ на охоту. Въ первый день остается дома Вечорка; онъ ловитъ въ хлѣву барана или быка, жаритъ его, и сидя поджидаетъ товарищей. Вдругъ застучало-загремѣло — входитъ старичокъ-самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, глянулъ сердито и закричалъ на Вечорку: «какъ смѣлъ въ моемъ домѣ хозяйничать?» Отвѣчаетъ богатырь: «прежде вырасти, а то тебя отъ земли не видать!» Старичокъ пуше озлобился: «я малъ да удалъ!» сказалъ онъ, схватилъ незваннаго

¹⁾ Стр. 14.

гостя, избилъ до полусмерти и бросилъ подъ лавку; потомъ съѣлъ цѣлаго барана (или быка) и исчезъ. Также достается и другимъ богатырямъ; но вотъ доходитъ очередь до Зорьки или Медвѣдка. Этотъ не дался въ обиду карлику, схватилъ его, угостилъ желѣзнымъ прутомъ, притащилъ къ дубу и желѣзнымъ клиномъ забилъ въ это дерево его длинную бороду. Старичокъ рвался-рвался и хотъ оставилъ половину бороды въ деревѣ, а вырвался и убѣжалъ въ глубокій провалъ подъ землю; гдѣ онъ бѣжалъ, тамъ кровь лилась. По тому слѣду добрались богатыри до провала; Зорька или Медвѣдко спускается на тотъ свѣтъ въ подземное царство, упивается тамъ «сильной водою» и освобождаетъ изъ змѣиныхъ дворцовъ красавицъ, унесенныхъ туда вихремъ. Сказка рисуетъ картину весенней грозы: богъ-громовникъ съ своими товарищами сражается съ демоническимъ карликомъ и рветъ (разноситъ) его облачную бороду; преслѣдуемый ими, мужичокъ-съ ноготокъ, борода съ локотекъ уходитъ въ мрачныя подземелья, т. е. скрывается въ тучи, и путь своего бѣгства орошаетъ кровью, т. е. дождемъ. Чтобы добраться до него, надо спуститься въ подземный миръ тучъ и выпить ихъ живую воду; только тогда подвигъ завершается и мненческія красавицы выступаютъ изъ заключенія. Иногда мѣсто бородатаго карлика заступаетъ баба-ляга (= змѣя-вѣдма); приподымая огромный камень (= метафора тучи), она пріѣзжаетъ изъ-подъ земли на желѣзной ступѣ и поражаетъ богатырей желѣзнымъ толкачомъ, но въ свою очередь побѣжденная Медвѣдкошъ скрывается подъ камень. Въ словацкой редакціи оба эти лица сливаются въ одно, и Ježibaba носитъ прозваніе: Loktibrada ¹⁾).

¹⁾ Въ сборникъ Škult a Dobš., 329, карликъ Grošokral или сіегну mgaves, величиной съ муравья, является съ тѣмъ-же характеромъ, съ какимъ въ русскихъ сказкахъ выступаетъ Кощей.

Представленные нами выводы о значеніи мифическихъ лицъ, враждующихъ съ бабою ягою или бородатымъ карликомъ, подтверждаются одною изъ наиболѣе интересныхъ литовскихъ сказокъ, которая отчасти развиваетъ тоже содержаніе, но вмѣсто Медвѣдка, Дубыни, Горыни и бабы-яги выводитъ Перуна, дьявола и лауму. Когда-то вздумалъ странствовать молодой плотникъ; на дорогѣ присоединились къ нему Перунъ и дьяволъ, и пошли все вмѣстѣ. Перунъ и дьяволъ добывали припасы, а мужикъ варилъ и жарилъ; жили они, словно кочующіе дикари, пока ни вздумалось плотнику построить избу. При помощи своихъ товарищей, которые притащили все нужные материалы, онъ построилъ красивую избушку; потомъ сдѣлалъ соху, запрягъ въ нее Перуна и дьявола и вспахалъ поле (см. выше стр. 681), смастерилъ борону и на тѣхъ-же товарищахъ взборонилъ пашню и посеялъ рѣпу. Дѣйствіе слѣдовательно происходитъ во время той сѣдой древности, когда боги нисходили съ неба и учили человѣка обрабатывать землю. И повадился ходить по ночамъ воръ и таскать рѣпу. Надо было караулъ держать. На первую ночь досталось стеречь дьяволу. Вотъ прѣзжаетъ на тележкѣ воръ и начинаетъ собирать рѣпу; дьяволъ бросился было ловить, но воръ такъ избилъ его, что еле живаго оставилъ, а самъ ускоркалъ. Воротившись домой, дьяволъ скрылъ отъ товарищей свою неудачу. На другую ночь пошелъ караулить Перунъ, и съ нимъ тоже случилось; умолчалъ и онъ о своемъ посрамленіи. На третью ночь отправился караулъ держать плотникъ и захватилъ съ собою скрипку; сѣлъ подъ дерево и сталъ наигрывать. Слышится ему—ѣдетъ кто-то по полю, кнутомъ похло-

Онъ обладаетъ страшною силою: отъ замаха его палки все падаетъ мертвымъ. Мать Грошокрали соответствуетъ матери змѣя Вритры; она раздѣляетъ пашть свою отъ земли до неба (сравни выше, стр. 334), и паштукъ загоняетъ туда стадо.

пываетъ, а самъ приговариваетъ: «сичъ-пачъ! живѣй желѣзная тележка, преволочный кнутъ!» Мужикъ продолжалъ пилить на скрипкѣ, думая тѣмъ напугать вора; но вору понравилась музыка, онъ остановился и началъ прислушиваться: то была дикая, злая лауна, которая жила въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ поселились Перунъ, дьяволъ и плотникъ. Она была такъ сильна, что никто не могъ съ нею сладить. Плянясь музыкою, лауна подошла къ мужику и просила, чтобы онъ далъ ей поиграть на скрипкѣ. Мужикъ подалъ скрипку, но сколько она ни прилагала усилій—музыка ей не давалась. Тогда стала она просить плотника, чтобы научилъ ее играть. Мужикъ замѣтилъ, что для этого нужны пальцы такіе-же тонкіе, какъ у него, и потому надо ей пальцы немного сжать. Лауна согласилась. Плотникъ сдѣлалъ трещину въ толстомъ пнѣ, забилъ туда клинъ и велѣлъ лаунѣ всунуть въ эту трещину свои пальцы; какъ скоро она это сдѣлала, онъ вытащилъ клинъ и защемилъ ей пальцы. Потомъ взялъ проволочный кнутъ и больно отстегалъ ее. Когда наконецъ удалось ей вырваться изъ западни, лауна бросилась бѣжать, покинувъ и свою тележку, и свой кнутъ. Наутро плотникъ вдоволь насмѣялся надъ своими товарищами, что они не съумѣли устеречь рѣш и позволили прибить себя старой бабѣ. Тогда-то не шутя стали побаиваться его и Перунъ и дьяволъ. Вскорѣ задумали они разойтись и порѣшили оставить избушку за тѣмъ, кто ничего не испугается. Двое должны были оставаться въ избѣ, а третій пугаль. Первая очередь наводить страхъ досталась чорту. Онъ поднялъ такой вихрь и шумъ, что Перунъ не выдержалъ и выскочилъ въ окно; плотникъ же спокойно сидѣлъ и читалъ молитвы. Вторая очередь была за Перуномъ; могучій богъ разразился громомъ и молніей, и дьяволъ въ ужасѣ бросился изъ окна. Онъ уже давно не довѣрялъ Перуну и боялся, чтобы тотъ не поразилъ его громовой стрѣлою; дьяволу хорошо было извѣстно, что Перунъ побиваетъ всѣхъ чертей, сколько

ни рыщет ихъ по бѣлу свѣту. Это мѣсто литовской сказки прямо указываетъ, что подъ дьяволомъ скрывается здѣсь древній великанъ. Когда очередь пугать дошла до плотника, онъ сѣлъ на тележку, покинутую лаумой, взявъ въ руки ея кнутъ, доѣхалъ къ избушкѣ и запѣлъ: «пичъ-пачъ! живѣй желѣзная тележка, проволочный кнутъ!» Перунъ и дьяволъ до того струсли, что совсѣмъ убѣжали, оставивъ плотника полнымъ хозяиномъ избушки ¹⁾. Сказка эта свидѣтельствуетъ за сродство злой лаумы съ нашей ягою; она такая-же старая и хищная баба и также проживаетъ въ лѣсу; ея страшный кнутъ и сама-собою движущаяся желѣзная тележка вполнѣ соотвѣтствуютъ толкачу и ступѣ бабы-яги (см. I, 291). Лицо плотника значительно поиняло отъ времени; но если мы припомнимъ, что музыка была метафорой воя бури и свиста вѣтровъ, что приносимыя вихрями облака уподоблялись стѣнамъ и замкамъ, а великаны назывались ихъ строителями, то едва ли позволительно будетъ усомниться, что за этимъ плотникомъ скрывается древнее божество грозовой бури.

Облекаясь въ туманные, облачные покровы, зѣфы и карлы дѣлаются незримыми. Это породило басню о мальчикѣ (или мужичкѣ)-невидимкѣ, который служитъ сказочнымъ героемъ и помогаетъ имъ во всѣхъ многотрудныхъ похожденияхъ. Въ числѣ разныхъ подвиговъ, возлагаемыхъ на добраго молодца, задается ему еще слѣдующій — въ формѣ загадки: «пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.» По этому приказу онъ идетъ на край свѣта въ темныя пещеры и достаетъ тамъ слугу-невидимку, готоваго исполнять всевозможныя желанія своего господина: онъ носитъ его по воздуху съ быстротою вихря, строитъ ему богатый дворецъ, кормитъ его вкусными яствами, пьетъ славными винами и медомъ, поражаетъ несчетныя непріятельскія рати, и напоми-

¹⁾ Шлейхеръ, 141—5.

наетъ собою слугъ волшебной палицы и волшебнаго кольца¹⁾; словомъ въ немъ сочетаются все тѣ чудесныя свойства, какія соединяетъ народный эносъ съ ковромъ-самолѣтомъ, скатертью-самобранкою, топоромъ-саморубомъ и мечемъ-самосѣкою.

Съ утратой живаго эпическаго пониманія, великаны и карлики низшли въ народныхъ сказаніяхъ до обыкновенныхъ смертныхъ породъ, которыя будто-бы населяли нѣкогда землю или будутъ населять ее впоследствии, при концѣ міра. Про столѣтныя вѣрять, что дѣйствительно было время, когда жили на землѣ исполины, обладавшіе страшными силами. «Теперь, говорятъ они, земля заклата; не то, что было прежде! Теперь и дерево не такъ растетъ, а камень и вовсе лишень жизни; а прежде и рожь росла такою-же вѣтвистою, какъ лоза. Въ старыя годы люди были больно велики, настоящій дѣсь, и сильны-то ужь сильны, и такія тягости подымали, что ужась возьметъ сказать объ этомъ. А потомъ годъ отъ году людъ становился все менѣе и слабѣе силами, а доживемъ до того, что все люди сдѣлаются крохотными и будутъ семеро одну соломенку подымать» (тамбов. губ.). Прежде люди назывались волотами, а придетъ пора, когда станутъ называться пыжиками, которые на столько-же будутъ меньше насъ, насколько мы меньше волотовъ²⁾. Въ Малороссіи рассказываютъ объ этомъ такъ: «колись буліи люде зовсннѣ не такі, якъ тепереньки; буліи, кажуть, и великіи и гонкіи, такъ що одна нога намъ по плече досягала, а въ нашихъ хатахъ теперенько би имъ и жить не по миру». Но съ теченіемъ времени люди все мельчаютъ и когда-нибудь сравняются съ мурашками: тогда-то и будетъ конецъ свѣту!³⁾

¹⁾ Н. Р. Ск., VII, 4; VIII, 3; Худяк., 85; Лѣнство отъ задумчивости и безсонницы (сказка о Суворѣ-невидимкѣ-мужикѣ).—²⁾ Пришван. на Исторію Деклера, соч. Волгина, I, 113.—³⁾ Булишъ, I, 172-3; Чернигов. Г. В. 1855, 16; Nag. zpiewanky, I, 415: „ludzie przed tim byli silni, wielcy, nie taci iako teraz pikulikowie.“

ОГЛАВЛЕНИЕ.

- XV. Огонь:** Перунъ, какъ богъ земнаго огня—стр. 4, Радигость—2, происхожденіе огня—5, слѣды древняго поклоненія огню—4, огонь-податель плодородія—12, цѣлебная и очистительная сила огня—13, живой огонь—18, пламя очага, какъ родовое божество (пенать)—23, слѣды поклоненія очагу—29, очагъ—устроитель брачныхъ союзовъ и охранитель семейнаго счастья—33, очагъ въ значеніи жертвенника—39, родоначальники, какъ служители боговъ—51, вѣщія мужа и жены—58, огонь—богъ-гостепріимецъ—62, домовые духи—67, связь поклоненія очагу съ поклоненіемъ душамъ усопшихъ предковъ—74, суевѣрный обрядъ при постройкѣ новаго дома—83, домовый—хозяйинъ дома—87, и оберегатель границъ—Чуръ—89, ротовая вражда домовыхъ—94, связь домовыхъ духовъ съ эльфами—97, мары и кикиморы—100, мѣна домовымъ шкуры—104, жертвы домовому—105, средства усмирить домового—107, обряды при закладкѣ дома—108, углы и порогъ—111, обряды при переходѣ на новоселье—115.
- XVI. Вода:** тучи—небесныя колодцы, облачно небо—океанъ—120, купающееся солнце—123, островъ Буянъ—райская страна—131, вырей—137, алатырь-камень—142, представленіе тучъ рыбами—151, земля основана на китахъ—162, громовникъ, какъ владыка водъ—166, происхожденіе земныхъ водъ—167, додола—172, плодородиющая, цѣлебная, очистительная и вѣщія сила воды—179, гаданія водою—192, судъ божій огнемъ и водою—194, боги, духи и нимфы водъ—201, свидѣтельства о поклоненіи водамъ у славянъ—206, Морской Царь и его дочери—211, лебединыя дѣвы—217, повѣстическія сказанія о рѣкахъ—220, дѣдушга-водяной—234, жертвы водяному—245, смѣшеніе образовъ человѣка и рыбы—246.
- Приложеніе къ главамъ XV и XVI: жертвоприношенія у славянъ—249, кумиры, жертвенники и храмы—264, судебныя поединки—270.

- XVII. Древо жизни и лѣсные духи: дождевая туча—древо жизни—277, ясець—279, золотые, серебряные и мѣдные лѣса и источники—283, славянскія преданія о мировомъ деревѣ—292, Перуновъ дубъ—294, осина—305, золотыя, молажавыя яблоки—308, орѣхъ—318, поклоненіе лѣсамъ и деревьямъ—320, лѣшіе—352, связь лѣсныхъ духовъ съ великанами и карликами—330, громъ—хохотъ—338, слѣдъ лѣснаго—340, лисунки и дивожены—343.
- XVIII. Облачныя скалы и Перуновъ дѣвѣ: тучи—горы, скалы, камни, пещеры—350, толкушія горы—351, облачное небо—подземное царство—355, поклоненіе горамъ, скаламъ и камнямъ—356, клады—золото солнечныхъ лучей и молній, сокрытое въ пещерахъ тучъ—361, папоротникъ и золотой или огненный цвѣтокъ—молнія—375, воробьиная ночь—377, перелетъ—трава—385, молнія—пруть, вѣтка—388, и перо—394, раарывъ—трава—397, молнія—ключъ—399, ключъ—валлюсъ—408, и ключъ—цвѣтокъ—409, плакунъ—трава—413, чертополохъ, одолень и прострѣль—травы—415, сонъ—трава—419, сонное царство—422, омела—431, поцѣлуй—ударъ молніи—435, тучи—города и крѣпости—436, зачатые герои, спящіе въ горахъ, и срокъ ихъ освобожденія—440.
- XIX. Преданія о сотвореніи міра и человека—458 и 469; родословное древо—478, параллель между человекомъ и деревомъ—489, превращенія въ деревья и дѣвѣ—493.
- XX. Змѣй—оляцетвореніе молніи—509, и тучи—511; пламя и ядъ, изрыгаемые ямъемъ—блескъ молній; змѣиная кровь—дождь—518; змѣй, какъ богатырь и великанъ—522; конь его и крылья—вихри, свистъ—вой бури—525, стрѣлы и палица—молнія—526; Змѣй Горынычъ—528, змѣиная царства—530, змѣй, какъ похититель небесныхъ свѣтилъ—532, и хранитель драгоцѣнныхъ кладовъ—536, связь огненнаго змѣя съ домовыми пенатами—539, змѣиный камень или вѣнецъ—541, змѣиный сонъ и весеннее пробужденіе царя-змѣя—545, змѣиная назъ (сало)—дождь—549, змѣй—оберегатель живой воды и творецъ дождевыхъ потоковъ—551, Индра—звѣрь—553; змѣй—виновникъ бездождія и засухи—556, онъ сосетъ молоко—дождь—558; цѣлебная сила змѣя—563, змѣиная трава—молнія—566, мудрость и предвѣдніе змѣя—571; змѣй—похититель и любовникъ красавицъ—575, его демоническій характеръ—581, освобожденіе похищенныхъ змѣемъ дѣвъ—585, змѣй—пожиратель коровъ и дѣвъ—587, Кощей—594, сорока—605, насильная любовная связь

звѣя съ сказочной царевной—607, извѣна обольщенной звѣмь царевны—612, дивы—616, превращеніе бога-громовника въ звѣя—621, зачатая царевна—624, бѣлыя жены и дѣвы 627, кора, охватывающая сказочную царевну въ зимніе мѣсяцы—631, обожаніе звѣй—633.

XXI. Великаны и карлики: мѣны о происхожденіи и гибели великановъ—636, Свѣгурки—639, Троянъ—641, всеірный потопъ—644, великаны, какъ воплощеніе стихійныхъ силы природы: грозовыхъ тучъ, вихрей, вьюгъ и дождевыхъ ливней—651, великаны-обитатели горныхъ пещеръ и рушители скалъ 655, великанскія постройки и связь великановъ съ демонами злыи—659, Святогоръ-богатырь—668, превращеніе великановъ въ камни—674, мать-Земля даетъ великанамъ силу—677, тяга земная—679, великаны—обладатели несмѣтныхъ сокровищъ—684, похитители дождеваго напитка и молніеноснаго молота, и вражда ихъ съ богомъ-громовникомъ—686, прозорливость великановъ—695, сродство бога-громовника съ великанами—701, великаны, какъ спутники и товарищи Перуна—702; молнія—дѣтя облака, карликъ—717, происхожденіе карликовъ, молніи—черви—718, эльфы и цверги—720; карлики, какъ духи воздушные и водяные; ихъ связь съ домовыми геліями—727, люди—733, молнія—палецъ—735, мальчикъ—съ пальчикъ—738, связь эльфовъ съ наѣдомыми—739, состязаніе громовника (малютки-молніи) съ великанами-тучами—740, Балда—746, Покатгорошекъ, молніи и звѣзды—разсыпанный горохъ—757, карлики—воры—763, тучи—борода, молніи—золотые волоса—768, мужичокъ—съ ноготокъ, борода—съ локотокъ—774, Дубыня, Горыня и Усыня—776, мальчикъ—левидика—783.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
4	14	сверху	отъ
41	10	—	выходъ
43	15	—	общеніе
45	2	—	жертвоприношеній
56	11	снизу	хозяйства
61	16	сверху	условливается
69	6	снизу	нужно:
71	2	сверху	нвоему
—	3	—	сыми
97	3	—	по-
140	2	—	островъ,
149	12	—	electrum
—	9.	снизу.	Заговоръ:
—	8	—	на морѣ
160	4	—	проснулась
177	10	сверху	сироту
203	3	снизу	wassermänn,
213	17	—	Водяника
—	9	—	Окиянь
278	16	—	называютъ
288	15	сверху	молокомъ,
320	12	—	силъ
—	14	—	селенью
400	4	—	на земл
408	3	—	Гаврииль-архангелъ
444	6	—	Оттона
484	5	снизу	окоя
520	14	сверху	чуткое
561	13	—	постепенно-
570	5	снизу	богомъ,
574	18	сверху	слышитъ овъ
608	9	—	сжегъ а
625	4	снизу	Нов и пред.
646	15	сверху	покрыли
655	8	снизу	страхъ
662	6	—	имя,
665	1	сверху	наиъренія
670	1	—	когда
703	8	снизу	жаречныхъ
716	10	—	Sneewiltchen
720	14	—	молвій
729	11	сверху	здѣсь;
733	2	снизу	kabatken,
737	9	—	обояніе
761	14	—	сито-

